

Семь искусств 1/2015

Журнал

Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

1/2015

Журнал

**«Семь искусств»
№ 1 (59) 2015**

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник
Дорота Белас

Семь искусств
Ганновер 2015

Журнал «Семь искусств» № 1 (59) /2015 — Ганновер:
Семь искусств. 2015. — 587 с., 42,0 а.л.

«Семь свободных искусств – основа воспитания, которое надлежит
давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно
свободнорожденного человека и само по себе прекрасно».
Аристотель. "Политика".

Семь искусств
Ганновер 2015

Оглавление

<i>Василий Демидович</i> Интервью с М.И. Вишиком	5
<i>Владимир Кирсанов</i> О последних работах	27
<i>Дмитрий Баяк</i> В.С. Кирсанов и революции	33
<i>Катя Розина</i> Мои детские воспоминания	42
<i>Кристина Фили</i> Влюблённый в жизнь	44
<i>Лев Кристаллик</i> «Талантливый человек талантлив во всем»	46
<i>Надежда Винокур</i> Новое о Буниных	49
<i>Николай Овсянников</i> Медленный яд евразийства	83
<i>Мина Полянская</i> Федор Тютчев: «Какие последние политические известия?»	91
<i>Генрих Иоффе</i> «Шлиссельбургская нелепа» (император Иван VI)	116
<i>Борис Кадишев</i> Притча о прекрасном. К 100-летию гибели выдающегося немецкого художника Августа Макке	130
<i>Андрей Алексеев</i> Деревенская история. Дело: «Государство против инвалида Великой Отечественной войны»	152
<i>Борис Кушнер</i> Семь часов в Одессе	280
<i>Ася Лapidус</i> Ложка меда — да в бочку дегтя. Все хорошо, что хорошо кончается, или Школьный вальс с учителем истории КПСС	291
<i>Артур Штильман</i> Дима Козак. Александр Бориневский. Концерт Жака Бреля в Москве. 1965 год. Главы, не вошедшие в книгу "Москва, годы страха, годы надежд. 1935-1979"	295
<i>Дмитрий Бобышев</i> Человекотекст. Трилогия. Книга первая. "Я здесь"	316
<i>Михаил Хазин</i> Берег чести. Поэт Григорий Поженян, каким он запомнился	353

<i>Семён Резник</i> Против течения. Академик Ухтомский и его биограф Документальная сага с мемуарным уклоном	376
<i>Александр Бабушкин</i> А мальчик проговаривал слова. Стихи	415
<i>Генрих Тумаринсон</i> Спасибо, аист	431
<i>Владимир Кузьмук</i> Между Эросом и Танатосом	440
<i>Александр Лозовский</i> В невесомости. Повесть Предисловие <i>Михаила Жванецкого</i>	464
<i>Виктория Жукова</i> Вещие сны. Повесть, написанная от четвертого лица	552
<i>Динно Буццати</i> Заколдованный пиджак. Перевод с итальянского <i>Моисея Бороды</i>	558
<i>Игорь Ефимов</i> Закат Америки. Саркома благих намерений	562
<i>Илья Корман</i> Молния и нож	575
<i>Михаил Давидзон</i> Бесценный дар. Борис Гасс. «Люблю товарищей моих»	582

Василий Демидович

ИНТЕРВЬЮ С М.И. ВИШИКОМ

Интервью со старейшим профессором кафедры общих проблем управления Мехмата МГУ Марко Иосифовичем Вишиком (19.10.1921-23.06.2012) проводилось дважды: сначала он беседовал с Владимиром Михайловичем Тихомировым, потом со мной. Марко Иосифович охотно нам рассказывал "на диктофон" о своей жизни. А неизменно присутствовавшая при беседах его жена, Ася Моисеевна, иногда давала дополнительные пояснения.

По своей скромности и природной деликатности Марк Иосифович не хотел предавать публикации свои воспоминания. Тем не менее, всё же удалось убедить его это сделать.

Поскольку вопросы наши были, во многом, идентичными, то я позволил себе "объединить" тексты расшифровок наших бесед. Ниже приводится этот объединённый текст.

Василий Демидович

Интервью с М.И. Вишиком

Д.: Дорогой Марко Иосифович! Я рад, что вы согласились на это интервью. Итак, мой первый вопрос. Я знаю, что вы поступили в Львовский университет в 1939 году. Не вспомните ли вы, в каком месяце это было? Видимо, не ранее октября? Ведь вступление Красной Армии в восточные районы Польши произошло 17 сентября 1939 года.

В.: Насколько я помню, зачисление наше в Львовский университет произошло в декабре. В начале января мы уже стали слушать лекции. Я ходил каждый день в университет, причём, в первой половине дня, как правило, слушал лекции, а во второй половине дня бежал домой, где мама кормила меня обедом. А потом я шёл в библиотеку и просиживал там почти всё время. Даже в выходные я ходил туда, если библиотека была открыта.

Д.: Нужно ли вам было сдавать вступительные экзамены или проходить собеседование для поступления в университет? Как это для вас происходило?

В.: В то время не было никаких вступительных экзаменов. Мы просто писали заявление, и по нашим данным об окончании лицея - после гимназии я учился ещё два года в лицее...

Д.: А в какой гимназии и в каком лицее вы учились?

В.: Я учился в 9 -ой гимназии, а затем в 5 -ом лицее. Лицеи были по специальностям. Я был в физико-математическом лицее, но были ещё биологические лицеи, гуманитарные лицеи и так далее.

Д.: Кстати, в лицее наверное выдавался аттестат?

В.: В лицее, конечно, выдавался документ о том, что мы его окончили... Так вот на основе данных, что мы окончили лицей и претендуем на дальнейшее обучение в Львовском университете, нас туда приняли. И дальше я учился на математическом факультете университета до начала войны, до первых дней войны.

Д.: А кто-нибудь из ваших предков был связан с математикой?

В.: Нет, никто. Вернее я этого не знаю.

Когда я был ещё совсем мальчиком, у меня было что-то "не ладно" с головою: что-то у меня "летало в мозгу". Мама пошла со мной к врачу. А он сказал, что это с возрастом пройдёт - просто мой мозг развивается быстрее, чем череп. Ну и действительно, всё прошло. И в школе я уже учился хорошо, и даже отличался как-то...

Д.: ...А что это была за школа?

В.: Это была обычная польская районная школа.

Я могу такую мелочь ещё рассказать. Но это было уже в лицее, в последнем классе. Мы проходили интерполяцию логарифмов, когда нет какого-то значения логарифма в логарифмической таблице и надо найти значение этого логарифма в промежутке. И учитель сказал, что надо разбить промежуток на десять равных частей и так далее. А я поднял руку и спросил: "Откуда известно, что логарифм — линейная функция?". Это произвело большое впечатление на лицейский педсовет. А директор тогда произнёс замечательную хвалебную фразу про меня. Но не буду долго про это рассказывать... У меня были и другие такие успехи, хотя дома никто со мной математикой не занимался.

Д.: Возвратимся, однако, к Львовскому университету.

В студенческие годы вы, наверное, общались со многими выдающимися представителями польской математической школы. Некоторые из них, например, Юлиуш Шаудер, Станислав Сакс, Владимеж Стожек, погибли в годы гитлеровской оккупации. Стефан Банах выжил, но умер в 1945 году. Однако были и такие, которые ещё долго прожили после победы над фашистской Германией. К таким, в частности, относятся Гуго Штейнхаус, Бронислав Кнастер, Станислав Мазур, Владислав Орлич, Эдвард Шпильрайн (впоследствии принявший фамилию "Марчевский"), Мирон Онуфриевич Зарицкий. Довелось ли вам с ними встречаться лично?

В.: Что ж, начну с первых трёх, которые вами упомянуты. Я их всех помню по семинару Банаха, который собирался каждую неделю.

Юлиуш Шаудер читал нам на втором курсе механику по книге Банаха. У него была замечательная методика преподавания: в начале каждой лекции он просил, чтобы кто-нибудь из аудитории повторил основные теоремы предыдущей лекции. Это занимало минут десять. Обычно отвечали наиболее способные молодые люди.

Д.: А вы выступали в этой роли?

В.: Да, да, выступал!

Ещё мы с Шаудером встречались в библиотеке. Он часто приходил туда, занимался своими делами, читал журналы. Это была прекрасная старинная библиотека

Львовского университета. Кроме того, видя, что в библиотеке есть такие вот молодые люди, которые рьяно занимаются, читают разные книги, даже на немецком языке, он однажды подошёл ко мне и пригласил как-нибудь побеседовать с ним. С тех пор он стал моим первым консультантом, скажем так, математическим консультантом. Он был очень хорошим человеком, рассказывал мне о том, что есть математика аналитическая, геометрическая и так далее. Это был великий учёный, его сравнивали с самим Банахом. Хотя до освобождения Польши он был всего лишь профессором 2-ой Львовской гимназии (учителей гимназии тогда называли профессорами). Конечно, он выступал на семинарах Банаха. Известны его работы и собственные, и совместные с французским математиком Жаном Лере. Так что, Юлиуш Шаудер сыграл важную роль в моей жизни. Он, можно сказать, направил меня, был моим консультантом. Мы часто с ним встречались, беседовали уж раз в неделю точно.

Теперь о том, как Шаудер погиб (это по рассказам). В первый год оккупации Львова, когда ещё там не было гетто, Шаудер обратился с письмом к известному немецкому математику Людвигу Бибербаху с просьбой, чтобы он как-то за него заступился. А Бибербах был нацистом, и это письмо он просто передал в гестапо. Это и привело к гибели Шаудера: его арестовали. И что с ним стало дальше я не знаю, но больше он нигде не появлялся.

Немного о Станиславе Саксе. Он был профессором Варшавского университета. Но потом он просто сбежал из Варшавы во Львов: видимо, он был хорошо знаком с Банахом, что и привело его в Львовский университет. Сакс участвовал в семинаре Банаха. Я тоже ходил туда. И хотя был ещё очень молод и многое из того, что там обсуждалось, не понимал, не пропускал практически ни одного семинара, потому что всё было интересно. Я с восторгом воспринимал всё, что там происходило. Больше всего они, конечно, там занимались теоретико-множественной математикой. Важную роль там также играло понятие категории множеств, которое и сейчас изучается. Так вот, Станислав Сакс принимал участие в этом семинаре. Банах был очень весёлым человеком и любил подшутить над Саксом, зная его небольшую рассеянность. Он мог, например, спрятать перед семинаром его портфель. Сакс начинал волноваться: "Где мой портфель? Где мой портфель?". И когда находил его где-нибудь рядом с собой, то очень радовался этому. А Банах весело смеялся.

Что же касается Владимежа Стожека, то он не был профессором Львовского университета. Он был профессором Львовского политехнического института. Я помню, что были книжки для средней школы, автором которых был Владимеж Стожек.

Вообще Стефан Банах был гениальным математиком. И совершенно непонятно, как в таком городе, как Львов, возникла столь крупная школа функционального анализа. "Школа Банаха" даже организовала во Львове выпуск своего журнала "Studia Mathematica". Вышло выпусков десять этого журнала.

Кроме того, Стефан Банах был деканом факультета. И у меня есть подпisanная им зачетка, я до сих пор храню её, как реликвию. Я посещал все его семинары. Но лекции он нам не читал.

А заместителем декана был Мирон Онуфриевич Зарицкий. Он читал нам курс математического анализа. И это был единственный курс, который читался по-украински, все остальные предметы нам читали по-польски.

Помню, Банах и Шаудер поехали в Киев за новыми наставлениями. Это было в 1940-м году, по-моему, или же в 1941-м. Там им сказали, что у вас есть один большой недостаток — нет студенческих научных конференций. И когда они вернулись во Львов, то сразу же предложили студентам сделать свой вклад в науку и выступить со своими докладами на конференции. Выше вы упомянули Эдварда

Шпильрайна — именно он и занялся подготовкой наших выступлений на срочно организуемой студенческой научной конференции. Это был изумительный человек, в Львов он тоже приехал из Варшавы. Так вот, Шпильрайн собрал нас (тех, что всё время сидят в библиотеке и занимаются), рассказал нам про теоретико-множественную математику, про книжку Хаусдорфа, про его пространства и поставил нам некоторые задачи, которые можно было быстро решить. Связаны они были, в основном, с различными хаусдорфовыми пространствами. И вот всю субботу и воскресенье мы сидели с утра до вечера в библиотеке, и продумывали эти наши "открытия" по теоретико-множественной топологии. И затем выступали на вскоре организованной студенческой научной конференции. Банах присутствовал на ней, с удовольствием слушал наши доклады, иногда, я бы сказал с каким-то юмором, делал свои замечания, очень благожелательные, и потому было приятно, что такой великий учёный, как Банах, сказал что-то по поводу твоей работы. Мне тоже довелось делать доклад на этой конференции.

Вскоре во Львов к Банаху приехал Николай Иванович Мусхелишвили, чтобы заключить социалистическое соревнование между Тбилиским и Львовским университетами в области математики. Я, как член профсоюза, тоже участвовал при заключении этого соревнования, и был очень горд этим. Потом я вступил в комсомол и тоже этим очень гордился.

В дальнейшем мы с Банахом встретились в Москве в 1945 году. Это была последняя наша с ним встреча. Его позвал в Москву Андрей Николаевич Колмогоров: он хотел его пригласить на работу в Москву и сделать его академиком АН СССР.

В Москве Банах жил в гостинице Академии наук на улице Горького (ныне Тверская улица). Я позвонил ему и сказал, что хочу с ним посоветоваться насчет того, чем дальше заниматься. Приехал к нему в гостиницу. Но когда Банах ко мне спустился, я ахнул: раньше он был полным человеком, а ко мне спустился, так сказать, "одномерный человек", очень, очень похудевший. Но, по-прежнему, благожелательный.

Прежде всего Банах попросил меня рассказать, как я выбрался из Львова. Я рассказал о том, как в первые же дни войны пешком ушёл из Львова, потому что на подступах к Львову были немцы, и тем, кто хотел воевать с фашизмом, сказали, что надо уходить из города. Я рассказал ему всю свою "одиссею".

Потом Банах спросил, о чём мне хотелось с ним поговорить. Я ответил, что не знаю, чем мне заняться дальше. Он спросил меня, что я читал. Я сказал, что, конечно, читал его книгу по функциональному анализу. И, очутившись в Тбилиси, очень многое прочёл по дифференциальным уравнениям, потому что Тбилисская математическая школа, возглавляемая Мусхелишвили, Векуа и Купрадзе, занималась именно дифференциальными уравнениями.

Я рассказал, что в Тбилиси участвовал в работе научного семинара. В частности, там я делал доклад по статье Келдыша в "Успехах математических наук" о регулярных точках границы области. Изучил я также работу Винера - по ней я тоже делал доклад. Я там сделал и несколько обзорных докладов... Ещё я читал книгу Александрова и Хопфа на немецком языке, очень хорошая книга, толстая, я штурмовал её целыми днями.

Д.: Вы имеете ввиду их книгу по топологии?

В.: Да-да, по топологии. Читал я в Тбилиси и другие книги, например, книгу Привалова по комплексным переменным.

Вслушав меня, Банах сказал, что очень хорошо, что я изучил все эти области, и что я, в конце концов, попал в Москву. В Москве есть замечательные специ-

алисты и по функциональному анализу - он назвал Гельфанда, и по дифференциальным уравнениям — Иван Георгиевич Петровский, Сергей Львович Соболев, Сергей Натанович Бернштейн. Он сказал, что у меня хорошие способности, и поэтому, посоветовал он, мне следует, "наподобие Шаудера", заняться проблемами, связанными с обеими этими областями.

На этом мы расстались. Потом я узнал, что у Банаха уже был рак легких: он ведь очень много курил. После нашей последней встречи он прожил совсем недолго, умер во Львове в том же 1945 году.

Д.: Я читал, что он курил по пять пачек в день...

В.: Да. Ужасно.

Теперь о Штейнхаусе. Ещё будучи гимназистом я ходил иногда во Львовский университет на его лекции, где он рассказывал интересные математические задачи, затем вошедшие в его книжку "Сто задач". Потом я встречался с ним несколько раз на конференциях.

Мне также известно, что именно он открыл Банаха. Банах учился в Львовском политехническом институте, был там замечательным и очень способным студентом. Это разглядел Штейнхаус и перетащил его из Политехнического института в Львовский университет. Там и стал Банах размышлять над "своим" функциональным анализом.

Д.: Теорией линейных операций! Тогда так говорили.

В.: Да-да, теорией линейных операций. Была книга по этой теме, она, кажется, вышла в 1923 году.

Д.: Нет, она вышла позже, но не важно.

В.: Ну, по крайней мере, она в то время активно писалась.

Итак, Банах собрал вокруг себя и Шаудера, и Мазура, и Орлича, и других замечательных математиков.

Кстати, Мазур нам читал в Львовском университете курс дифференциальной геометрии, прекрасно читал. Экзамен он тоже принимал по-особому. Он задавал вам какую-то задачку, а сам сидел рядом и что-то своё чертил, рисовал, решал. В общем, вы занимаетесь своим делом, а он своим. Потом он смотрел, что было вами сделано, и, если его это удовлетворяло, то просто говорил: "Вы решаете правильно" и ставил вам пятёрку. Мне очень нравилось трудолюбие Мазура. Потом он стал польским академиком.

А Орлич нам читал лекции по алгебре.

Д.: После войны вы с кем-нибудь из них встречались? Скажем, с Кнастером или с Орlichem?

В.: Кнастер читал нам во Львове аналитическую геометрию. Это был товарищ Павла Сергеевича Александрова. После войны он переписывался с Павлом Сергеевичем по-русски. А когда я сдавал в Москве кандидатский экзамен Павлу Сергеевичу, то он мне сообщил, что Кнастер меня запомнил и тепло обо мне отзывался.

А дело было так. Как-то Кнастер устроил лекционную контрольную работу. Там были, помимо обычных задачек, задачи с одной и двумя звёздочками. Какую-то трудную задачу я решил, причём, попутно передоказал теорему одного известного испанского математика. И всю свою работу писал сначала по-украински, а потом, чтобы уложиться в срок, стал писать по-польски. И Кнастер это запомнил. Но мы с ним после войны не встречались.

Я встречался после войны с Орlichem когда меня приглашали в Варшаву. Это было несколько раз в Центре Банаха.

Д.: В Международном Математическом центре Банаха?

В.: Да-да, в шестидесятых годах я читал там цикл лекций. Кроме того, тогда же я ходил в Институт математики Польской Академии наук...

Д.: Который также находится в Варшаве на улице Банаха!

В.: Да! И там я, как-то, встретил Орлича. А однажды он даже приехал из Познани в Варшаву специально, чтобы со мной встретиться. Помню, директор этого института, ученик Ильи Нестеровича Векуа (*примеч. В.Д.: здесь имеется в виду Богдан Боярский*), устроил замечательный приём с чаем и пирожными. Мы сидели, вспоминали прошлое.

Кстати, Орлич, несколько стесняясь, задал вопрос, есть ли у меня аспиранты. Я ответил, что у меня шесть аспирантов. У него тоже оказалось шесть. Орлич сказал, что в Польше сложилась такая ситуация: руководитель отвечает за то, чтобы аспирант защитил диссертацию вовремя. В общем стало точно так же, как у нас. Он спросил, как я справляюсь с этим. "Я помогаю!" — говорю. "Вы знаете, Марко Иосифович, я тоже помогаю!" Видите, и ему приходилось помогать. Так что с Орlichem я встречался лишь в Варшаве. Очень был хороший человек.

После войны однажды я встречался и с Зарицким. Я попытался с ним затем встретиться и в другой раз, приехав с Асей, моей супругой, во Львов, но ничего не вышло: когда мы с моим другом, математиком Владиком Лянце (*примеч. В.Д.: речь идёт о заведующем кафедрой дифференциальных уравнений Львовского университета Владиславе Элиевиче Лянце*), пришли к Зарицкому домой, чтобы навестить его, то он был уже не в состоянии нас принять.

Д.: Болел?

В.: Да. Это было в районе 1961 года, когда он уже был очень болен (*примеч. В.Д.: в том же году Мирон Онуфриевич Зарицкий скончался*).

Д.: В июне 1941 года Львов был оккупирован немцами в первые же дни Великой Отечественной войны. И вы, будучи комсомольцем, отправились пешком из Львова на восток. Расскажите, пожалуйста, как всё это происходило?

В.: Пожалуйста. С первых же дней войны мы, как комсомольцы, должны были дежурить в университете: на случай, если была бомбежка, снимать зажигательные бомбы. Но, кроме того, нам строго-настроено было приказано носить с собой и паспорт, и военный билет, в общем, все документы. И вот 28 июня, когда я как раз был в университете, кто-то быстро разыскал нас и сказал, что те, кто хочет воевать с фашистами, должны срочно выйти из города и идти на восток, потому что немцы приближаются. И я, с одним моим другом математиком (фамилия его Тепер, а его имя я запамятовал), решили идти воевать. Пошли, даже не зайдя домой, вместе с другими, которые знали дорогу: нам надо было выйти на шоссе, ведущее на восток.

Первый день мы шли пешком вместе с отступающими с техникой нашими войсками. Правда иногда нам разрешали садиться на лафеты пушек, но это, вообще говоря, было запрещено, и потому, в основном, нам пришлось идти пешком. Мы прошли много километров, то ли 50, то ли 60. Вечером, а это был июнь, когда дни самые длинные в году, мы, как шли, так и свалились спать. Прямо в какой-то канаве. И сразу уснули.

Когда мы пришли в Тернополь, то мой друг вдруг сказал, что где-то здесь живет его тетя. И он пойдёт и спрячется у неё. А потом вернётся во Львов: ведь всё это, полагал он, должно быстро закончиться. Я же возражал, что эта война быстро не закончится. А потому нужно с другими двигаться дальше и идти воевать. Мы расстались, и я пошёл с другими дальше уже без него. О дальнейшей судьбе Топера я ничего не знаю.

Нам посчастливилось, по дороге попала грузовая машина с хлебом. Видимо его некуда было девать. И нам просто предложили взять по буханке хлеба. Взял и я. Потом я примкнул уже к группе тернопольских студентов, которые тоже шли на восток. Мы дошли до Жмеринки, там сели на товарный поезд и две недели добирались до Киева. Есть было нечего, я два раза терял сознание от голода, меня чем-то подкармливали. Но, наконец, мы попали в Киевский горком комсомола.

Д.: То есть, Киев ещё не был взят?

В.: Нет, Киев не был взят в то время. Вот мы туда и пришли. Там я познакомился со студентами литературных факультетов Львовского университета. Нам сказали, что в армию нас зачислять не будут, но нужны люди для сбора хлеба на Кубани. Нам дали командировку и какие-то средства. И мы поплыли по Днепру до Днепродзержинска, а затем до Тимашёвской станицы. Там, около Тимашевской станицы, я два месяца убирал хлеб. Когда уборка хлеба окончилась, я сказал этим литераторам, что сидеть с ними я больше не могу, и что мне нужно идти дальше чтобы, наконец-таки, попасть в армию. Распрощавшись с ними, я поехал на вокзал один и отправился в Краснодар.

В Краснодаре начались очередные мои мучения. Учиться в пединститут меня не взяли. И я, чтобы выжить, брался за любую подработку, но продолжал, по возможности, заниматься математикой: читал книжку Александрова по теории функций, повторял теоремы, которые выучил раньше. Однажды я даже попытался стать грузчиком, но грузчик из меня не получился: когда на меня взвалили большой мешок лука, я вместе с этим мешком просто упал прямо вперёд. В тот день я заработал, помнится, всего рубль шестьдесят.

Д.: И карьера грузчика на этом закончилась?

В.: Да. И так получилось, что как раз начался набор молодых людей в лётное училище. Я тогда решил примкнуть к ним.

В училище, находящемся вне Кубани, в течение трёх недель мы ходили ночью. А днём нас принимали Кубанские совхозы. Прекрасно принимали, вкусно кормили, мы даже немножко отдохнули. До сих пор вспоминаю это Кубанское гостеприимство.

В конце концов, пришло распоряжение нам всем следует вернуться в Краснодар. А когда я вернулся в Краснодар, то меня там, наконец-таки, взяли в пединститут. Но фашисты приближались к Краснодару. И я понял, что оставаться в Краснодаре нельзя, и что надо идти дальше.

Нашёлся такой Кратко (это был общественник из Львовского университета), который, узнав, что я ещё здесь, сказал, что мне надо немедленно уезжать, потому что дальше оставаться в Краснодаре нельзя. Он даже предложил мне билет до Еревана, и я у него этот билет купил. Не знаю, как он достал этот билет, но, видимо, он его покупал.

Я сел на поезд, который шел по железной дороге вдоль Каспийского моря. Это была запретная зона, потому что по той дороге шли нефть и бензин для нашей

армии. Там очень строго всех проверяли, смотрели документы. Мне чудом удалось обойти эту проверку. Один адвокат-попутчик сказал мне, что такое дальше вряд ли удастся, и тогда у меня будут крупные неприятности. И когда мы проезжали Махачкалу, он посоветовал мне сойти с поезда.

Я вышел и остался в Махачкале. Там меня приняли в Махачкалинский пединститут, который я закончил за один год. А летом нас послали на сельскохозяйственные работы.

Это был фруктовый совхоз, к сожалению, очень малярийный. Заболеваемость была стопроцентная. Я тоже очень сильно заболел малярией. И когда я вернулся в Махачкалу, то был очень болен и сильно отошавший. Меня поместили в больницу, где я какое-то время лежал. Меня навещали доценты пединститута Прокофьевы — Елена Васильевна с мужем (*примеч. В.Д.: ни как звали мужа Елены Васильевны, ни информации о годах их жизни мне установить не удалось*). Я был как живой скелет — так похудел от малярии и недоедания. А когда я выписался из больницы, то как раз пошёл слух, что немцы уже находятся где-то в районе Моздока. Это было совсем недалеко, и надо было из Махачкалы срочно уходить. Я взял в попутчики своего друга, который тоже решил оттуда срочно уезжать.

Мы понимали, что поездом ехать нельзя. Но мы увидели какой-то воинский эшелон с бойцами, ехавшими на юг отдыхать. Там была и боевая техника, а на специальной платформе стоял маленький самолет. Туда, под самолет, мы и решили спрятаться. Сам я подняться не мог, но мой друг поднял и донёс меня. С этим эшелоном мы доехали до станции Баладжары в окрестностях Баку. Дальше был поворот на Тбилиси и мы вышли из поезда.

В Баладжарах нам попался другой эшелон, тоже воинский, тоже ехавший на отдых. Я разговорился с одним лейтенантом из этого эшелона, или старшим лейтенантом, сейчас уж не помню, по счастью оказавшимся тоже математиком. Рассказал ему, что в Махачкале, изучив книгу Хаусдорфа, я выполнил даже некоторую работу по упорядоченным множествам и послал Илье Нестеровичу Векуа в Тбилиси письмо об этом. А Векуа ответил мне, что Сообщения Грузинской Академии Наук выходят регулярно, и что мне стоит написать по своей работе статью и прислать её в редакцию этого журнала. И если статья будет того стоить, то её напечатают. Потому я и стремлюсь в Тбилиси, тем более, что ещё до войны было заключено социалистическое соревнование между Львовским и Тбилиским университетами. Лейтенант сжалился над нами, подвёл нас к вагону с воинскими припасами, амуницией и прочее, посадил нас туда, закрыл вагон и сказал, что за 100 километров до Тбилиси выпустит нас из него. И пояснил, что дальше до города мы сами сможем добраться на электричке. Так я попал в Тбилиси.

В Тбилиси я пришёл в Университет прямо к ректору. Предъявил ему свою зачетку с подписью Банаха.

Д.: Получается, вы приехали в Тбилиси ещё в 1941 году?

В.: Нет, это было уже осенью 1942 года: ведь я до того успел и закончить Махачкалинский пединститут и малярией проболеть.

В Махачкале я, кстати, побывал даже командиром женского взвода, помогая военкомату. Я там всё время писал заявление, что хочу в армию. Но меня туда не брали, а лишь давали какую-нибудь работу, в частности, поручали мне разнести повестки в армию местному населению. Иногда я часами искал какие-то хибарки за городом, но поручения выполнял. Мне не говорили, но я стал догадываться, что не берут меня в армию из-за того, что я 18 лет прожил в Польше.

Д.: Итак, вы пришли к ректору Тбилисского университета.

В.: Да, я пришёл зачислиться на 4-й курс. Пришёл к ректору и сказал, что Николай Иванович Мухелишвили, президент Грузинской Академии Наук, и декан нашего факультета Стефан Банах ещё до войны заключили во Львове социалистическое соревнование между Тбилиским и Львовским университетами в области математики. При этом присутствовали многие, я в том числе, и все мы этим были очень горды. Я сказал также, что пришёл как представитель Львовского университета и что готов продолжать это социалистическое соревнование у них в Тбилиском университете. Можете себе представить, как это восприняли грузины!

Деканом факультета в то время был Илья Нестерович Векуа, и нужно было его решение о зачислении меня в университет. Но он был болен. Меня отвели к нему домой, когда я сказал, что был с Векуа в переписке и что он даже предложил мне напечатать мою статью в Сообщениях Грузинской Академии Наук.

Векуа лежал больной. Его жена как раз приговорила ему сэндвич, очень вкусное блюдо из курицы с ореховым соусом. Она угостила меня им, я тогда немножко поел как следует. И вот больной Векуа, побеседовав со мной, написал обо мне какие-то невероятно хорошие строки по-грузински, чтобы меня приняли в Тбилисский университет.

Но беда была ещё и в том, что в университете уже не было общежития: все помещения общежития были взяты под госпитали. А кровати из общежитий были снесены в бараки во дворе университета. Тогда был найден такой выход: убрали из одного маленького барака кровати, оставив только одну, и поселили меня там, во дворе университета. Климат тёплый, поэтому жить так было можно. Правда, когда был дождик, приходилось двигать кровать, потому что капало с потолка: бараки же не были предназначены для жилья.

Так я стал учиться на 4-ом курсе Тбилисского университета. Векуа, как я уже говорил, был деканом факультета. Лекции мне читали Купрадзе и другие хорошие преподаватели. Там я познакомился и очень сблизился с теперь уже покойным Кареном Тер-Мартirosяном, который стал моим ближайшим другом на всю жизнь (*примеч. В.Д.: имеется ввиду впоследствии ученик Ландау, физик-теоретик Карен Аветикович Тер-Мартirosян*). Он был на том же курсе. Так я и стал жить-поживать в этом бараке.

Мне приходилось чинить свою одежду самому. Когда у меня совсем прохудились брюки, то, выпросив себе нитку с иголкой, я сделал с ними очень сложную комбинацию, чтобы не было видно дыр. Но закрепление ниток оказалось моей слабой стороной. И однажды, когда я разговаривал с Николаем Ивановичем Мухелишвили, они разошлись. Тогда Николай Иванович очень тактично предложил мне помочь найти нормальное обмундирование. И он организовал об этом письмо в республиканское министерство лёгкой промышленности от имени президента Академии Наук Грузии, а Векуа пошёл туда с ним сам. И меня немного приделали.

Была у меня проблема и с едой. Но одна студентка с моего курса была женой доцента Тбилисского университета. А у того был пропуск на обед в столовую, которая находилась внизу, на улице Плеханова. Так вот, эта студентка пожаловалась надо мной, что я такой неустроенный, и отдала мне этот пропуск. С тех пор я стал есть хотя бы один раз в день что-то вроде похлебки, какое-то второе блюдо... Хлеба было очень мало. Я получал 400 грамм хлеба утром в 7 часов, а в 7.15 его уже у меня не было. Потому что аппетит у меня был хороший, а есть больше было нечего.

В общем, я окончил Тбилисский университет, причём во время учёбы я получал повышенную государственную стипендию (тогда она называлась "сталин-

ской"). После его окончания меня взяли в аспирантуру Математического института Грузинской Академии Наук и я стал аспирантом Векуа. А, кроме того, я стал работать ассистентом Тбилисского университета.

Д.: То есть, вы начали преподавать?

В.: Да, я начал преподавать, и моим учеником был даже сын Мухелишвили. Я вёл у него в группе занятия по дифференциальным уравнениям.

Как только я закончил университет, Николай Иванович Мухелишвили постарался, чтобы у меня было хоть какое-то жилье, договорившись об этом с вице-президентом, который курировал абхазских аспирантов. А наверху, у Тбилисского фуникулера, было их общежитие из нескольких комнат. В одну из этих комнат меня и поселили вместе с еще одним человеком. Так я и жил в общежитии абхазских студентов. Света там не было.

Среди моих абхазских знакомых был Баграт Шинкуба, ставший впоследствии председателем Верховного Совета Абхазии (*примеч. В.Д.: речь идет об абхазском писателе, лингвисте, историке и политике Баграте Васильевиче Шинкуба (1917-2004)*). Он потом написал диссертацию на тему грамматики абхазского языка. Ещё там же был Инал-Ипа, который написал книгу про историю абхазов (*примеч. В.Д.: имеется ввиду абхазский историк, этнограф и литературовед Шалва Денисович Инал-Ипа (1916-1995), представитель княжеского рода Инал-Ипа*). Они стали моими лучшими друзьями. Я вечерами сидел у них в комнате, слушал их интересные рассказы. А утром я уходил на целый день в Академию Наук. Занимался там математикой, читал книги.

Д.: Там была хорошая библиотека?

В.: Наверное, хорошая, потому что там я нашёл книгу по топологии Александрова и Хопфа на немецком языке и всю её прочитал. Больше в своей жизни я топологией не занимался. Этой книги мне хватило, память у меня была хорошая. Кроме того, я прочитал книгу по функциональному анализу Стефана Банаха и несколько книг по комплексному переменному Привалова. Это были такие специальные книги. Ещё я участвовал в семинарах, которые там устраивались и в Академии наук, и в Университете, их вёл Илья Нестерович Векуа. Сам я на них довольно часто выступал... Так проходила моя жизнь в Тбилиси. Честно говоря, там мне было неплохо, и я приобрёл там много друзей.

Д.: В Тбилиси вы познакомились с выходцем из Польши, теоретиком-числовиком Арнольдом Вальфишем. Вы с ним, кажется, сдружились. Общались вы по-польски? Расскажите немного о нём.

В.: Да. У меня было своё место в комнате на четыре стола. Эта комната находилась напротив комнаты Вальфиша.

Д.: Вы имеете ввиду рабочую комнату?

В.: Да, конечно. А у Вальфиша был свой кабинет: он был заведующим отделом теории чисел. Он обучил нескольких грузин теории чисел, там до него не было такой специальности.

А попал он туда следующим образом. Он учился в Варшаве еще до революции и благодаря этому...

Д.: Он родился в 1882 году.

В.: ...Да-да... Так вот, благодаря этому он имел право на репатриацию в Советский Союз.

Некоторое время Вальфиш жил в Германии, где был учеником Эдмунда Ландау. Там он стал специалистом по теории чисел. Там же он женился на немке и с ней приехал обратно в Варшаву. В Варшаве Вальфиш где-то работал. Но ему было тяжело работать: он серьёзно заболел астмой. Врачи посоветовали ему уехать куда-нибудь в тёплые края. И тут Вальфиш вспомнил, что имеет право на репатриацию в Советский Союз. А в СССР есть южные города, например, Тбилиси, за кавказским хребтом, где тёплый климат, мягкий, подходящий. Он как-то договорился с Николаем Ивановичем Мухелишвили о своём переезде в Тбилиси, предложив создать в Математическом институте Грузинской Академии наук отдел теории чисел и работать в нём. Так Вальфиш и попал в Тбилиси.

Д.: Он не пострадал? Ведь он приехал в Тбилиси в 1936 году, я посмотрел по справочнику.

В.: Нет, он не пострадал. Вальфиш был очень спокойный, очень выдержанный, чрезвычайно добросовестный человек. И он запретил с ним говорить на какие бы то ни было политические темы. Все это знали. И все понимали, что он, скажем, "не знал многого".

Я бывал у него дома. Там они говорили по-немецки. Я понимал по-немецки: немецкий язык я учил ещё во Львове. И выучил его. В частности ещё и потому, что "увёл" у своего одноклассника некоторые книги на немецком языке: у нас в лице были французские и немецкие классы. Все эти книги я проштудировал за 2-3 месяца, выучил наизусть много стихов. Когда я, в последствии, приезжал в Германию, оказывалось, что я знал наизусть, скажем, "Лорелей" (*примеч. В.Д.: то есть балладу Генриха Гейне "Die Lorelei"*), а они не знали, сколько я ни спрашивал разных профессоров. Я выучил наизусть много из Гёте. И оду радости Шиллера "Ан ди Фрэйде" (*примеч. В.Д.: имеется ввиду гимн Фридриха Шиллера "An die Freude"*) — ту, что Бетховен использовал в своей Девятой симфонии. Так что немецкий язык мне очень пригодился. Я, как уже говорил, выучил написанную по-немецки книгу Александрова и Хопфа.

Д.: Значит, вы с женой Вальфиша разговаривали по-немецки?

В.: Нет.

Д.: А она говорила по-польски?

В.: Знаете, она и по-русски говорила!

У неё были две дочери. У старшей судьба сложилась не очень хорошо, она неудачно вышла замуж.

Д.: Это уже в Советском Союзе?

В.: Ну конечно, это же был тридцать какой-то год, когда она была совсем взрослой.

А младшая дочь родилась уже в Тбилиси. Там же училась и там же стала сотрудницей Математического института Грузинской Академии Наук, когда я уехал оттуда, в 1945 году. Я её встретил потом на Всемирном Математическом конгрессе в Берлине, это было в году... дай Бог памяти...

Д.: В 1998 году, я был на этом конгрессе.

В.: Вот-вот. Я встретил её. Оказалось, что она репатрировалась в ГДР, нашла там свою судьбу.

Я несколько раз виделся с ней в Германии. Дело в том, что я часто приезжал в Хемниц, потому что у меня, уже во время работы в Московском университете, была одна аспирантка из Хемница — он тогда назывался Карл-Маркс-Штадтом — и эта аспирантка приглашал меня к себе (*примеч. В.Д.: речь идёт об упоминавшейся Михаилом Ильичём Зеликиным в его эссе Зибилле Хендрок*). Потом я ездил в Берлин, где меня приглашали в Математический институт Академии Наук.

Вообще Вальфиш сыграл огромную роль в моей судьбе, в частности, в том, что я оказался в Москве. Был конец сорок четвёртого года, и наступал год сорок пятый. В Тбилиси стали приезжать из Москвы известные математики — Андрей Николаевич Тихонов и другие. И у меня стал зарождаться вопрос, что мне делать дальше? Оставаться в Тбилиси я, всё-таки, не собирался. И я начал думать, что мне пора вернуться во Львов, в замечательную банаховскую школу, в которую я был просто влюблён — к Банаху, Мазуру, Орличу и другим. А Вальфиш постепенно, очень аккуратно, стал убеждать меня, что никакой школы уже, возможно, там и нет. Что только в Москве есть все интересующие меня математические специальности, есть крупнейшие математики. Да и вообще, масштаб Москвы нельзя сравнить с масштабом Львова, несмотря на то, что там был Банах. Потом из Москвы приехал Феликс Рувимович Гантмахер, и он тоже начал уговаривать меня не возвращаться во Львов, а ехать в Москву, в которой находится ведущий во всём мире университет. Гантмахер говорил, что там мне будет гораздо лучше, тем более что Грузинские и Московские математики имеют тесную связь через Николая Ивановича Мухелишвили. И в конце концов я переменил своё желание возвращаться во Львов, а настроился ехать в Москву.

Д.: И вы в 1945 году оказались в Москве. А как произошёл этот переезд?

В.: Как раз в 1945 году мой лучший друг Карен Тер-Мартirosян встретил меня на улице и сказал, что начали давать командировки в Москву...

Д.: Война ещё не кончилась?

В.:... Нет, ещё нет — это было в начале года, в январе... Я сразу пошёл домой к моему руководителю — Илье Нестеровичу Векуа, и попросил устроить мне командировку в Москву для завершения там своей аспирантуры. Векуа воспринял это без особого восторга: мы во время разговора играли в нарды, и я думал, что он разобьёт эту доску, бросая кости. А Мухелишвили меня понял: он видел, как я работаю, и осознал, что мне не место в Тбилиси. И он убедил Векуа отпустить меня в Москву.

Вскоре Мухелишвили поехал в Москву и нашёл, в Стекловском математическом институте, мне замечательного руководителя — Лазаря Ароновича Люстерника. Николай Иванович знал, что Лазарь Аронович чрезвычайно талантливый человек. Кроме того, Лазарь Аронович никому не отказывал и брал под своё руководство людей из разных республик. Очень добрым был человеком в этом отношении. Узнав, что я из Львова, знаком с Банахом, учился в Тбилиси, он сразу согласился взять меня в аспирантуру.

Д.: Кстати, он знал Банаха, как вы думаете?

В.: Да, знал. Лазарь Аронович Люстерник и Анисим Фёдорович Бермант, замредактора журнала "Математический сборник", приезжали в 1939 году в Львовский университет вдвоём, чтобы уговорить Львовских математиков подавать свои

статьи в этот журнал. У нас даже тогда произошла одна неприятность с доской: Лазарь Аронович, что-то рассказывая, очень энергично писал на доске, она упала, подбила ему ногу, но не очень сильно. Я помню, что тогда доску поставили на 2 стула, и Лазарь Аронович дальше продолжал свой доклад, который я, к сожалению, тогда не мог понять.

Д.: По-польски рассказывал? Или по-русски?

В.: Он, конечно, по-русски рассказывал. Там сидели все — и Банах, и Шаудер, и мы, студенты. Берманг, заведомо, говорил по-русски, но большинство его как-то понимало. А Люстерник мог говорить и по-польски. Но на каком языке он общался, я не помню. Помню лишь, что доклад его я понять не мог — он рассказывал про свои работы с Шнирельманом.

А вот когда к нам приезжал Павел Сергеевич Александров, то я немножко понимал его, потому что он читал лекцию на немецком языке. Он отлично знал немецкий язык. И мы все знали немецкий язык. Потому что Австрия недалеко, и все были с ней, как-то, связаны.

Д.: Павел Сергеевич и у меня читал лекции. Я помню, как однажды на его лекцию к нам пришёл иностранец, немец. И Александров так блестяще заговорил с ним на немецком, что мне захотелось хоть немного выучить этот язык. Но лишь после поступления в аспирантуру я этим занялся — поступил в группу изучения немецкого языка.

В.: Да. А когда я потом приезжал в Германию, то немецкие профессора говорили, что Павел Сергеевич их учит, как правильно говорить по-немецки.

Итак, я получил командировку в Москву. А я был знаком с министром просвещения Грузии Купрадзе: ведь я слушал его лекции (*примеч. В.Д.: Виктор Дмитриевич Купрадзе в 1944-1953 годы был министром просвещения Грузинской ССР*).

Д.: В Тбилиском университете слушали его лекции?

В.: Да-да, он был профессором Тбилиского университета. Так вот я к нему обратился, чтобы ускорить эту поездку — время было военное и командировки надо было визировать в правительстве. Он помог мне. И я купил билет в Москву. Одна моя знакомая студентка ещё по Львовскому университету, её звали Бэла, дала мне адрес своих московских родственников на Ново-Басманной улице. Поэтому, приехав в Москву на Курский вокзал, я пешком направился прямо к ним. И прожил у них некоторое время. Потом снимал угол у какой-то женщины: там спал прямо на полу, на матрасе. Так я и жил, пока не встретил мою дорогую Асю.

Жена: Встретились мы в Московском университете как раз в день Победы, нас познакомил Юлик Шрейдер.

В.: Короче, Ася Моисеевна согласилась стать моей женой. Мы стали жить в её комнате на Арбате, на Сивцевом-Вражке. И у меня появился там свой маленький столик, где я мог, наконец-таки, спокойно работать.

Д.: В 1947 году вы защитили кандидатскую диссертацию, а уже в 1951 — докторскую. Кто были ваши оппоненты по докторской диссертации? Её защита происходила без проблем? Ведь время для вас было довольно трудное.

В.: В 1947 году я защитил кандидатскую диссертацию в Стекловом математическом институте. Моими оппонентами были Иван Георгиевич Петровский и Сергей Львович Соболев — два академика, которые меня уже знали, потому что я

очень активно занимался. К тому моменту, как уже говорилось, я был женат на Асе Моисеевне Гутерман.

Я написал диссертацию по теме, которая пришла мне в голову, когда я посещал семинары Абрама Иезекииловича Плеснера. Он попросил меня сделать доклад по работе Германа Вейля по методу ортогональных проекций для решения задачи Дирихле. Статья Вейля была опубликована в английском журнале "Duke Mathematical Journal", в 7-м номере за 1940 год. Я не знал тогда английского языка, и смог понять в статье только формулы. Но по формулам я немного разобрал, что сделал Вейль. А заодно догадался, что это можно сделать для общих эллиптических, самосопряжённых, положительно определённых уравнений. В общем, я рассказал о работе Германа Вейля на семинаре, а сам дома начал разрабатывать метод ортогональных проекций для общих самосопряжённых уравнений эллиптического типа. Это и стало моей кандидатской диссертацией.

В то время меня уже хорошо знали и Сергей Львович Соболев и Иван Георгиевич Петровский: я ходил к ним на семинары и без конца делал там свои доклады на темы, которыми занимался.

С Сергеем Львовичем я познакомился ещё в 1946 году, слушая его спецкурс по теоремам вложения. И для моей диссертации всё это пригодилось. Он подарил мне свою знаменитую книгу "Некоторые применения функционального анализа в математической физике", я её проштудировал и использовал его методы в своей кандидатской диссертации.

Д.: А что про докторскую диссертацию?

В.: Докторская диссертация у меня состояла из 2-х половин.

Первая её половина была связана с решением задачи Дирихле для сильно-эллиптических систем дифференциальных уравнений, которыми до сих пор занимаются: по ним, например, пишет работы Михаил Семёнович Агранович. Эти системы уравнений имеют дивергентную форму порядка $2n$, симметрическую положительно определённую часть и кососимметрическую часть. Такие системы уравнений я и назвал сильно-эллиптическими. Слово придумал Лазарь Аронович, и это был его важный вклад в мою докторскую диссертацию. Я советовался с ним, как назвать такие системы, а он мне и посоветовал их так назвать.

Вторая половина моей диссертации была задумана на семинаре Израиля Моисеевича Гельфанда, который он вел для трёх человек в 1946 году. Участниками семинара были Ольга Арсеньевна Олейник, Ольга Александровна Ладыженская и я.

Д.: А Ладыженская тогда жила в Москве?

В.: Ладыженская оканчивала тогда механико-математический факультет МГУ и была ученицей Ивана Георгиевича Петровского. Потом она переехала в Ленинград, где вышла замуж. Мы с ней сразу сдружились. Она была очень хорошо воспитанная, приветливая. И была очень хорошим математиком. Часто приезжала к нам домой, в нашу комнату, гостила у нас летом, спрашивала, что я нового напридумывал. Мы это обсуждали, иногда она пользовалась моими идеями (это было мне приятно), иногда делилась своими. Мы стали хорошими друзьями на всю жизнь.

С Ольгой Арсеньевной у нас сначала тоже были хорошие отношения. Но потом она стала, скажем так, немножко ревновать, что французская школа пошла за мной, а не за ней. Лионс и его школа широко использовали введенные мною монотонные дифференциальные уравнения, а также наши с Люстерником работы в

"Успехах математических наук" по малому параметру — по этой тематике Лионс написал книгу примерно на 700 страниц.

Так вот, на докторской диссертации оппонентами у меня были Сергей Львович Соболев, Израиль Моисеевич Гельфанд и Андрей Николаевич Тихонов.

Д.: А Тихонов просил вас перед ним выступить?

В.: Нет, нет, это было вот как. В 1950 году я на даче написал от руки свою диссертацию. Потом её оформлял, и к концу года она была готова. В начале января следующего года я, с сумкой с четырьмя экземплярами докторской диссертации, поехал, естественно, в Стекловский математический институт, куда ещё я мог поехать в 1951 году? Я пришёл к Учёному секретарю...

Д.: Как его фамилия, не помните?

В.: Ой, я боюсь перепутать, поэтому лучше не буду называть... Он сказал, что Учёный Совет очень загружен, и что я могу оставить один экземпляр диссертации у него. А когда освободится время у Совета, он мне позвонит. Я оставил ему свой телефон и вернулся домой ни с чем. Никому ничего не сказав, я продолжал активно заниматься в семинаре Ивана Георгиевича и в других семинарах.

Но как-то раз, в июне 1951 года, Иван Георгиевич меня спросил, как, собственно, идут дела с моей докторской диссертацией. Я ответил, что она уже шесть месяцев, с января, лежит в Стекловском математическом институте. Он мне ничего не сказал, сел в машину и поехал к Ивану Матвеевичу Виноградову. В результате в тот же день мне позвонил тот самый Учёный секретарь и сказал, чтобы я срочно готовил все бумаги для защиты — характеристику, автобиографию и прочее.

С характеристикой у меня были проблемы ещё с того времени, когда я получал доцентуру в МЭИ, где после защиты кандидатской диссертации стал преподавать. И я сам пошёл к секретарю партийной организации МЭИ Кириллину за помощью. И он мне помог (*примеч. В.Д.: речь идёт об энергетике Владимире Алексеевиче Кириллине (1913-1999), в 1943-1954 годы являвшимся, как тогда называлось, "партийным организатором МЭИ"*)...

Д.: Будущий академик...

В.: Да, он ко мне очень хорошо отнёсся: ведь он видел, какую я развил бурную деятельность в институте. То, что делал Гельфанд в университете, я пытался делать в МЭИ: семинары, диссертации и прочее. Я с энтузиазмом читал лекции. А однажды на одной лекции, читая формулу Ньютона-Лейбница, я, в порыве энтузиазма, обратился к аудитории: " Попрошу всех встать!". И вся аудитория встала. Потом студенты нередко напоминали мне про этот случай...

Андрей Николаевич Тихонов очень переживал из-за моей диссертации, так как она была сильно начинена функциональным анализом и дифференциальными уравнениями высшего порядка. Он даже приезжал ко мне домой, чтобы я немножко помог ему разобраться в ней. Но выступил он очень положительно. Потом мне рассказали, как его назначили в оппоненты по моей диссертации: Иван Матвеевич сказал "для придирки". Но Андрей Николаевич совсем не придирился. Наоборот, он очень благожелательно ко мне отнёсся. Ведь он меня неплохо знал, потому что я сделал целый ряд докладов на семинарах Соболева - Петровского - Тихонова.

Д.: А на защите всё было единогласно?

В.: Да, конечно. Там были сплошные академики и члены-корреспонденты, и все были "за". Так в 1951 году я и защитил свою докторскую диссертацию. А в

1952 году, когда мы с Асей поехали отдыхать, пришло письмо из ВАК о том, что меня утвердили. Я даже не знал, что моя работа туда попадёт.

Вскоре моей диссертацией заинтересовался Мстислав Всеволодович Келдыш. Дело в том, что Келдыш создал теорию спектрального разложения обыкновенных несамосопряженных дифференциальных операторов. А у меня вторая часть диссертации была об общем виде граничных задач для эллиптических дифференциальных операторов. И ему хотелось построить спектральное разложение общих граничных задач для эллиптических дифференциальных операторов. В связи с этим я даже бывал у него несколько раз дома, где подробно рассказывал ему про свою диссертацию и вообще про общие краевые задачи.

Мстислав Всеволодович ещё до защиты моей докторской диссертации приглашал меня в институт к нему. Он сказал, что у них как-то обсуждался вопрос, сколько времени нужно давать на докторантуру, чтобы люди успевали сделать докторскую диссертацию. "Марко Иосифович, скажите, сколько времени вам дали на докторскую диссертацию?" спросил он меня. А я ответил: "Сколько времени мне дали? Практически нисколько! Я продолжал преподавать. И лишь в день защиты попросил заменить меня на одной паре, чтобы успеть на Ученый Совет в Стекловский математический институт. Только на 2 часа меня и освободили!"

Д.: Вот и вся ваша докторантура, да?

В.: Точно! Мстислав Всеволодович ко мне всегда хорошо относился. Потом, как известно, он стал "Главным теоретиком космонавтики" при подготовке полёта Гагарина

Д.: Вас пригласил преподавать в Московский Энергетический Институт, где вы проработали 17 лет, знаменитый выпускник Берлинского Технического Университета, докторант Кембриджского университета, ученик Годфри Харди, заведующий кафедрой Виктор Иосифович Левин? Кстати, мне с трудом удалось установить годы его жизни — (1909-1986). Как вам там жилось?

В.: Нет-нет, всё было не так. В Энергетическом институте работал Наум Ильич Ахиезер, известный математик, в нашей стране его считали вторым аналитиком после Сергея Натановича Бернштейна. Результаты Ахиезера использовал Сергей Петрович Новиков для своей теории солитонов. Наум Ильич был великим математиком.

Итак, Ахиезер работал в МЭИ, как раз у Виктора Иосифовича Левина, и каким-то образом меня знал. Он то и предложил мне поступить к ним на кафедру. Только сказал, что нужно, чтобы какой-то видный человек написал на меня рекомендацию.

Я обратился к Сергею Львовичу Соболеву, который представлял мои статьи в "Доклады АН СССР". Он написал великолепный отзыв обо мне.

Д.: А Сергей Львович знал Левина?

В.: Думаю, нет. Да и дело было не в Левине: Левину обо мне рассказал Наум Ильич Ахиезер.

Д.: А куда надо было написать рекомендацию?

В.: В ректорат, чтобы меня взяли в институт. Ведь это был 1947 год — год разворачивающейся "борьбы с космополитизмом".

Д.: Да, уж наступали не простые времена.

В.: И я пришёл с этой рекомендацией к Чиликину (*примеч. В.Д.: электротехник Михаил Григорьевич Чиликин (1909-1977) был тогда проректором энергетического института, а с 1952 по 1976 работал уже ректором МЭИ*). До этого Виктор Иосифович Левин, узнав мою историю во Львове и Тбилиси, также написал своё письмо в ректорат.

Чиликину я понравился. А главное, ему понравился отзыв Соболева: там были очень сильные слова обо мне. Ведь в своих работах я во многом применял идеи и результаты Сергея Львовича.

И меня взяли в МЭИ. Во Львове считалось, что преподавание в техническом ВУЗе — это верх почёта. И я считал, что надо поддерживать этот уровень.

Мне сразу дали лекции. Сначала мне поручили читать аналитическую геометрию. Но я не знал ещё методику преподавания. Однако в институте был такой человек — Юлий Исаевич Гросберг, доцент, участник войны. Так он по телефону каждый раз мне рассказывал, как надо читать очередную лекцию. Книги у меня были, я всё понимал, но не знал, как это преподнести студентам, чтобы было понятно. Однако, постепенно, я стал хорошим лектором.

Потом я читал уже анализ и, параллельно, организовал семинар по дифференциальным уравнениям для молодых преподавателей. Об этом семинаре очень быстро стало многим известно, в том числе, Ивану Георгиевичу Петровскому. И он стал присылать в МЭИ на отзыв диссертации окончивших аспирантуру по его кафедре дифференциальных уравнений в МГУ. Я, например, писал отзыв на Станислава Николаевича Кружкова: у него были очень сильные и кандидатская, и докторская диссертации. Он был сильным математиком. Кроме того я ходил на все семинары Гельфанда и Петровского. От Сивцева-Вражка я ходил в университет пешком.

Д.: В старое здание МГУ?

В.: Да-да. Так что через некоторое время в МЭИ все увидели, как активно я работаю.

Д.: А Левина тогда уже уволили?

В.: Да.

Д.: И пришел Николай Андреевич Леднёв, да?

В.: Нет...

Д.: Я имею в виду, возглавил кафедру.

В.: Леднёв возглавил кафедру гораздо раньше, в 1948-1949 годах.

Д.: В 1949, по справочнику.

В.: А Левина уволили раньше. Он был замечательным человеком и прекрасно руководил кафедрой. Но с его данными он уже не мог быть заведующим кафедрой: Левин ведь учился в Англии.

Д.: Да, в Кембридже, он был докторангом Харди.

В.: Так вот, в 1952 году Леднёв дал мне свою статью, чтобы я прочитал её и написал отзыв: он хотел послать её напечатать в Одессу. Я прочёл и понял, что это бред сивой кобылы. Я не стал писать отзыв, и он очень на меня рассердился.

Д.: А с чем была связана эта статья? С дифурами? Или непонятно с чем?

В.: Ой, непонятно с чем. Он уже был немного не в себе: на защитах докторских диссертаций выступал против Соболева и Петровского, говорил, что они мешают науке.

Так вот, когда Леднёв понял, что я не буду писать отзыв, то он стал говорить, что в нашем институте непорядок, потому что на разных факультетах, а их в МЭИ было девять, разные преподаватели читают спецкурсы. А надо чтобы один человек читал все. И он велел мне читать все спецкурсы!

В результате у меня было 17 часов лекций в неделю. Иногда я читал в день 6 часов лекций подряд, с девяти до трёх. В какой-то момент я даже потерял голос. Я посчитал, что в день проходил около сорока километров, потому что я очень энергично читал лекции, ходил туда-сюда.

Так что Леднёв стал относиться ко мне негативно. В то же время он пытался принести неприятности и Чиликину, говорил, что у того завышенные требования. В итоге Леднёв пошёл к секретарю райкома партии и пожаловался на Чиликина. А тот хорошо знал Чиликина. Вот они и решили сместить Леднёва. И вскоре им это удалось, на его место пришёл Леонтьев. Очень хороший математик и прекрасный человек. Уже при нём меня сделали профессором.

Д.: Да, Алексей Фёдорович Леонтьев был очень достойным человеком.

В.: Мы с Асей ходили к нему на дни рождения, и он к нам приходил со своей женой. В общем, дружили семьями.

Д.: С 1965 года вы работаете профессором Мехмата МГУ, сначала на кафедре дифференциальных уравнений, а с 1993 года на нашей кафедре ОПУ. Свыше сорока ваших учеников защитили кандидатские диссертации...

Жена: Сорок восемь.

Д.: Сорок восемь. Около полутора десятков из них стали докторами наук. Довольны ли вы, как сложилась ваша творческая судьба?

В.: Да, я очень доволен тем, как сложилась моя судьба. Прежде всего, доволен тем, что попал в Москву, где оказались такие гиганты науки, как Андрей Николаевич Колмогоров, Иван Георгиевич Петровский, Лазарь Аронович Люстерник, Павел Сергеевич Александров, Израиль Моисеевич Гельфанд и другие. Я впечатывал то, что было вокруг меня в университете, просто дышал этим. А активность на нашем факультете была необыкновенной: по вечерам нельзя было найти свободную аудиторию, чтобы вести семинар, так как все были заняты.

В 1961 году Израиль Моисеевич Гельфанд сказал мне: "Марко Иосифович, пора бы вам самому вести занятия по дифференциальным уравнениям в университете." И я, ещё будучи профессором МЭИ, стал с 1961 года вести на механико-математическом факультете МГУ свой спецсеминар. А ещё раньше, в 1956 году, я прочёл там свой спецкурс, слушателями которого были, в частности, и Алексеев, и Лаврентьев, и Бахвалов.

Д.: Николай Сергеевич?

В.: Да.

Д.: А Кружков не ходил?

В.: Наверное ходил. Очень многие ходили, аудитория 16-24 была полной. Я же читал с энтузиазмом свой спецкурс. Потом все эти трое сдавали мне экзамен.

Д.: А какой Лаврентьев: бывший замдекана Игорь Михайлович?

В.: Нет, нет, Михаил Михайлович, сын академика Михаила Алексеевича Лаврентьева!

А на мой спецсеминар, который, как уже говорилось, я начал вести на нашем факультете с 1961 года, стали ходить аспиранты Шилова. И Георгий Евгеньевич стал вообще стараться, чтобы я просто перешёл работать в МГУ.

Вообще этот мой спецсеминар вскоре стал очень большим. На него ходили многие математики. Даже Ольга Арсеньевна иногда его посещала. А жена Гельфанда приходила на все заседания спецсеминара...

Д.: Зоря Яковлевна?

В.: Да, Зоря Яковлевна. Приходили на его заседания и Татьяна Дмитриевна Вентцель, и Юрий Владимирович Егоров.

А потом Иван Георгиевич Петровский решил, что пришло время укреплять штатный состав своей кафедры дифференциальных уравнений. Это было в 1965 году. Он стал советоваться с рядом лиц, как это сделать, кого пригласить. В частности, он спросил об этом Израйля Моисеевича Гельфанда. Тот указал на меня. Иван Георгиевич сказал, что это невозможно, ведь я друг Леднёва. "С чего вы это взяли?" спросил Израиль Моисеевич и услышал в ответ: "Мне так говорила Ольга Арсеньевна". На что Израиль Моисеевич сказал: "Иван Георгиевич, во-первых, о Марко Иосифовиче нельзя спрашивать Ольгу Арсеньевну. А, во-вторых, более надежного человека, чем Вишик, я не знаю". В тот же вечер мне позвонил Иван Георгиевич Петровский и пригласил меня придти к нему в ректорат по поводу моего перехода в МГУ.

А незадолго до этого, весной 1965 года, состоялась конференция всех ректоров техвузов. На ней, в частности, говорилось, что при таком количестве в стране технических вузов идёт слабая от них научная отдача. Ректоры объясняли это недостатком научных сил. Тогда Иван Георгиевич сказал: "Как же слабая отдача? Вот, например, в МЭИ есть Марко Иосифович Вишик, который один делает больше, чем целый отдел в Стекловском математическом институте". После этого я стал просто именинником в МЭИ. И вот этого именинника Иван Георгиевич пригласил перейти в университет.

Перейдя в МГУ, я некоторое время ещё продолжал читать спецкурсы в МЭИ. Но основную свою научно-педагогическую нагрузку я уже полностью вёл в МГУ.

Первым моим курсовиком в МГУ был Миша Шубин, он перешёл ко мне от Виктора Павловича Паламодова ещё на 3 курсе. Потом уже ко мне пошли Андрей Фурсиков и Саша Демидов. Позже моими учениками стали Саша Комеч, Саша Шнирельман и другие.

Д.: А Чепыжов?

В.: Что вы, он был гораздо позже, в то время он ещё только в школу ходил. А может, даже ещё и в детский сад. Нет, наверное ходил в школу.

Д.: Во всяком случае, на семинар ваш ходить он не мог. А кто был вашим первым аспирантом, вы помните?

В.: Конечно, помню. Первый аспирант у меня появился, когда я еще работал в МЭИ. На моих курсах тогда бывала разница в возрасте в 10 лет между слушателями. Мне поручили читать единый спецкурс по программе физфака МГУ — все предметы в одном спецкурсе. У меня было огромное количество лекционных часов. Я читал и теорию вероятностей, и вариационное исчисление — всё, что читается на физфаке.

Так вот, с первых лет работы в МЭИ я сразу стал брать аспирантов. А первыми моими аспирантами были Михаил Леонтьевич Краснов...

Жена: И Григорий Иванович Макаренко.

В.: Да, и Григорий Иванович Макаренко.

Д.: На кафедре ОПУ вы работаете на условиях совместительства, а основное место вашей работы — Институт проблем передачи информации РАН, где вы являетесь Главным научным сотрудником. Откуда такая работоспособность? Как вообще проходит ваш рабочий день?

В.: Я все дни недели, кроме воскресенья, привык работать с утра до вечера.

В ИППИ РАН я участвую в работе семинаров, занимаюсь научной работой (в последние годы в основном совместно с Володией Чепыжовым), даю консультации по математическим вопросам. Там я являюсь и членом Учёного Совета.

В МГУ я веду свой научный спецсеминар, даю консультации по математике студентам и аспирантам, выполняю требуемую учебно-методическую работу на кафедре ОПУ.

Вообще, как я уже говорил, мой научный спецсеминар в МГУ работает с 1961 года. В 2002 году Американское математическое общество издало книгу, посвящённую 40-летию работы этого спецсеминара. Книга вышла под редакцией Михаила Семёновича Аграновича и Михаила Александровича Шубина. В ней приводится список всех докладов, которые были прочитаны на спецсеминаре с 1961 года по 2001 год. Там же даются некоторые комментарии к этим докладам.

Следует отметить, что на моём спецсеминаре делали доклады не только его постоянные участники, сотрудники МГУ, работники других Московских вузов, но и математики, приезжавшие из различных городов нашей страны, а также из-за рубежа. В частности, на нём делали доклады Жак Лионс и Лоран Шварц из Франции, Лионс Ниренберг и Питер Лаке из США, Ларс Хермандер и Ларс Гординг из Швеции, ряд других зарубежных математиков.

В основном я всё время думаю о своей текущей научной деятельности. Пишу научные статьи, размышляю о том, что следует мне делать в дальнейшем в математике.

В некоторых областях математики мне удавалось быть первым, занимающимся какой-нибудь проблемой. Впоследствии эти проблемы находили дальнейшее развитие в исследованиях других отечественных математиков, а также выдающихся математиков Франции, Италии, Швеции, Германии, США. Может быть, благодаря этому, совершенно неожиданно для меня, я был избран членом двух западных Академий Наук.

Под влиянием моих работ, а также моих совместных работ с другими математиками, были написаны многие статьи и книги. Так, например, наша совместная работа с Сергеем Львовичем Соболевым по неоднородным граничным задачам привела к тому, что Жак Лионс с итальянским математиком Энрико Мадженесом написали очень интересную книгу в трёх томах по этой тематике, конечно, создав развитую теорию таких задач. Моя работа по монотонным эллиптическим краевым задачам была развита и обобщена в книге французского математика Хайма Брезиса. Аналогичный пример можно привести с нашей совместной работой с Лазарем Ароновичем Люстерником по теории задач с пограничным слоем, а также с другими моими работами.

Должен сказать, что огромную роль в моей жизни сыграл Иван Георгиевич Петровский. Я всегда восхищался им как учёным и человеком.

Д.: Иван Георгиевич мог многое: он встречался с Леонидом Ильичом Брежневым.

В.: Да-да, и его приглашали всюду. Он показывал мне свои приглашения. "Прошу пожаловать на ужин в Кремлёвский дворец с супругой". Супруга уговаривала его тогда сменить костюм...

Д.: "Ты же в Кремль идешь!"

В.: Вот именно! А Иван Георгиевич отвечал: "Ну чем плох мой костюм? Вполне хороший костюм!". Но потом он, конечно, стал одеваться более подобающе.

У него был вот какой принцип: "Если я буду хорошим ректором, то будут написаны тысячи хороших работ. Если же я не буду ректором, то я, может быть, напишу ещё несколько хороших работ, и всё".

Д.: Таков выбор.

В.: Знаете, как он стал ректором МГУ? В 1951 году пришли к Сталину и сказали, что Московскому университету нужен новый хороший ректор (примеч. В.Д.: в 1951 году встал вопрос о новом университетском ректоре на смену химику, академику АН СССР, Александру Николаевичу Несмеянову (1899-1980) в связи с его избранием Президентом АН СССР — Александр Николаевич пробыл ректором МГУ в 1948-1951 годы, президентом АН СССР — в 1951-1961 годы). Тогда Сталин спросил, есть ли достойная кандидатура на этот пост. Ему ответили, что есть, но этот человек не хочет занять эту должность. Сталин спросил, что это за человек. Ему ответили, что это математик, академик Иван Георгиевич Петровский, который в годы войны был деканом факультета, показал себя с прекрасной стороны. "Честный?" — задал вопрос Сталин. В ответ услышал: "Чрезвычайно честный человек". Сталин попросил листок бумаги и написал: "Назначить ректором Московского университета Ивана Георгиевича Петровского. И. Сталин". И в тот же вечер Ивану Георгиевичу стали все звонить и поздравлять с этим назначением.

Иван Георгиевич говорил, что никогда не жалел об этом. Несмотря на то, что вынужден был бросить математику — потому что быть хорошим ректором и заниматься математикой невозможно. А ректором он был таким, что у него не было часов приёма — к нему можно было прийти в любое время.

Д.: Я один раз приходил к нему вместе с Сергеем Васильевичем Фоминым. Он нас сразу принял.

В.: Вот видите! Так же он поступал и со мной. Когда я старался оставить Мишу Шубина в университете, то я пошёл к Ивану Георгиевичу с этим предложением. Петровский спросил меня: "Марко Иосифович, он будет доктором?" Я говорю: "Да". Он уточнил: "Вы ручаетесь?". Я ответил: "Ручаюсь!". Он в ответ: "Тогда я беру его!". А я тут же: "Но у него ещё семья"... В общем, Петровский пообещал решить вопрос о прописке Шубина в Москве и взять его на свою кафедру в МГУ, хотя это было и трудно...

Д.: А откуда Шубин?

В.: ...Он из Куйбышева... Так вот, Иван Георгиевич написал письмо главному начальству, занимающемуся такого рода делами, чтобы прописать Шубина. Таким образом Миша Шубин был прописан в Москве и стал работать на кафедре дифференциальных уравнений механико-математического факультета МГУ.

Д.: Насколько я помню, у Миши Шубина были потом трудные отношения с Ольгой Арсеньевной Олейник.

В.: Да, потому что он был прямой и говорил часто много лишнего. Но ведь и у Владимира Игоревича Арнольда были сложные с ней отношения.

Жена: Еще какие!

В.: Тем не менее, я считаю, что Ольга Арсеньевна Олейник сделала очень многое для Московского университета. Она вела конференции Петровского, возглавляла журнал "Труды семинара И.Г. Петровского". Кроме того, когда нужно было что-либо организовать, она умела нас всех "прижать", чтобы заставить делать то, что надо. Умела это, хотя была женщиной...

Характер у неё был, конечно, трудный. Но в математике она сделала глубокие работы. И умалять её заслуги в университете также ни в коем случае нельзя. Она была сложным человеком, но всё это "эпсилон", по сравнению с тем, что она сделала для Московского университета.

Д.: Ну вот, пожалуй, и всё Марко Иосифович. Я очень рад, что у нас с вами произошла такая беседа. Я благодарен вам и Асе Моисеевне за это интервью. Большое вам спасибо и крепкого вам здоровья.

В.: Спасибо и вам, Василий Борисович.

Июнь 2007 года

Владимир Кирсанов

О ПОСЛЕДНИХ РАБОТАХ*

Дорогие друзья! Мне казалось, что я должен рассказать вам не о чем-то очень специальном из истории физико-математических наук, а о том, что может представлять интерес для широкого круга ученых. Поэтому среди многих работ, выполненных мною за последнее десятилетие, я выбрал лишь те, которые, по моему мнению, заслуживают особого рассказа, поскольку все они связаны с открытием новых историко-научных документов. Историк не часто удается сделать это, поэтому мне кажется, что рассказ об этом будет представлять некоторый интерес.

Первой из находок, о которых я хочу рассказать, было обнаружение неизвестного аннотированного экземпляра «Математических начал натуральной философии» Исаака Ньютона. Первое издание этой книги вышло в 1687 г., и почти сразу Ньютон начал готовить второе издание. Для ясности замечу, что русский перевод «Начал», которым мы располагаем в настоящее время, выполнен Алексеем Николаевичем Крыловым по последнему третьему изданию, которое появилось лишь полвека спустя в 1726 г. А в 1690-е гг. Ньютон внес большинство поправок в текст первого издания, а затем еще добавил к ним дополнения на отдельных листах.

Этот поправленный экземпляр Ньютон давал читать своим ближайшим друзьям и коллегам, а те, как правило, снимали копии с этих исправлений, перенося их затем в свои экземпляры «Начал». Один из таких экземпляров принадлежал Дэвиду Грегори, профессору геометрии в Оксфорде, племяннику знаменитого математика Джеймса Грегори и одному из самых близких Ньютоу людей. Совершенно точно известно, что аннотированный экземпляр Грегори существовал в начале XVIII в., но вскоре он непонятным образом исчез. Все старания ученых его обнаружить оказывались безуспешными до самого последнего времени.

Бернард Коэн, знаменитый ньютоновец, писал по этому поводу, что он сам искал и потратил массу времени на то, чтобы найти экземпляр Грегори везде, где только возможно, но потерпел неудачу. И, как выяснилось, совсем неудивительно! Потому что именно этот самый аннотированный экземпляр «Начал» из библиотеки Грегори я и обнаружил в библиотеке Московского университета. Конечно, обнаружив аннотированный экземпляр «Начал» в университетской библиотеке, я еще не знал, чей он. Но мне было известно, что, согласно общепринятому мнению, в России не было ни одного экземпляра первого издания до 1943 г. Тогда по случаю юбилея Ньютона экземпляр первого издания как величайшая ценность был подарен Лондонским Королевским обществом Академии наук СССР. Но тот экземпляр хранился в Академии наук, был хорошо всем известен и никаких пометок на полях не имел. Откуда взялся этот и как он попал в МГУ, было непонятно. Для прояснения этого вопроса пришлось провести целое исследование в архивах Москвы и Ленинграда, а также Оксфорда, Эдинбурга, Лондона и Кембриджа.

Одновременно выяснились многие неизвестные факты, касающиеся создания первой академической библиотеки в Петербурге, русско-английских связей во

* Выступление на заседании ученого совета ИИЕТ РАН, посвященном 70-летию В.С. Кирсанова. 27 января 2007 г.

времена Петра I и взаимоотношений внутри английского научного сообщества, а также обнаружены неизвестные рукописи Ньютона и многое другое. Изложу их кратко.

В XVII в. одной из наиболее замечательных библиотек Шотландии считалась библиотека Арчибалда Петкарна, известного медика, физиолога и химика. Дэвидом Грегори был среди друзей Петкарна, и помимо личной приязни их еще объединяла страсть к науке — в такой степени, что и библиотека у них была общая. Стоит добавить, что они оба были страстные ньютономанцы. Когда «Начала» были опубликованы, Грегори купил книгу и начал ее изучать, а так как он понимал в ней далеко не все, то стал писать Ньютону письма с просьбой разъяснить тот или иной вопрос. Ньютон охотно отвечал. Вскоре переписка превратилась в дружбу. Ньютон помог Грегори стать профессором в Оксфорде, и они время от времени стали встречаться.

Все поправки, которые Ньютон сделал в первом издании, в процессе подготовки второго издания, Грегори перенес в свой экземпляр. А поскольку Грегори умер на пять лет раньше Петкарна, эта книга попала в их общую библиотеку. После смерти Пекарна библиотека была выставлена на продажу и куплена в 1718 г. для Петра I его ближайшим сподвижником Робертом Орескином, которому было поручено среди множества других обязанностей составление императорской библиотеки.

После создания Академии наук собрание Петкарна вместе с ньютоновскими «Началами» вошло в состав академической библиотеки. А в 1814 г. «Начала» вместе с другими книгами были переданы в дар Московскому университету, чтобы хоть в какой-то мере восполнить утрату библиотечного фонда во время пожара 1812 г.

Орескин был врачом и членом Королевского Общества. С Петкарном и Грегори его связывали дружеские отношения, и он хорошо понимал ценность их библиотеки. В Россию он попал в 1705 г., когда многие иностранные специалисты с готовностью поступили на службу к российскому царю. Его история поначалу была вполне шпионской, но со временем он стал близким сподвижником Петра. На его похоронах в 1718 г. Петр шел за гробом в одной рубахе и нес свечу.

Среди множества порученных ему обязанностей было заведование ботаническими садами, госпиталями, библиотеками, и, в частности, коллекцией императорской библиотеки. Когда библиотеку Петкарна выставили на продажу, Орескин не только настоял на санкционировании ее покупки, но и заплатил собственные деньги, надеясь на последующее возмещение, которого не получил, поскольку неожиданно умер. Чтобы разобраться с причинами такой настойчивости, мне пришлось выяснить биографию Орескина, которая до того была известной лишь начиная с 1705 г. Она оказалась ничуть не хуже «Трех мушкетеров»!

Атрибутировать экземпляр книги удалось, лишь изучив бумаги Грегори. В них я обнаружил, среди прочего, текст неизвестной поправки Ньютона к третьей книге «Начал», совпадающей и в рукописях Грегори, и на полях экземпляра в университетской библиотеке. Выяснилось еще много подробностей. Например, оказалось, что в 1713 г. королева Анна учредила в Лондонском Королевском обществе специальный комитет по России, членами которого среди прочих были Ньютон и Галлей, а главным источником сведений о России был тот же самый Орескин. Эта находка вызвала в Англии бурный интерес, и мне написать об этом статья для “Notes and Records of the Royal Society of London”.

Ну вот, такова первая история.

* * *

Вторая история довольно близко напоминает первую. Она связана с другой знаменитой книгой, а именно с «Космотеоросом» Христиана Гюйгенса. «Космотеорос» был издан в 1717 году и оказался первой переведенной на русский язык книгой, излагающей основы новой науки. Здесь история такова. В начале XVIII века Петр Великий, прежде чем отправиться в длительный заграничный вояж, приказал сделать перевод и напечатать 1200 экземпляров перевода «Космотеороса» Христиана Гюйгенса. Царь пробыл за границей около двух лет, а когда он вернулся, оказалось, что опубликовано всего несколько экземпляров.

Царь возмутился, и через несколько лет, в 1724 году книга была вновь напечатана, но уже не в Петербурге, а в Москве, и в должном количестве экземпляров. Как и в случае с «Началами», эта книга странным образом пропала. Известный советский историк, профессор Райков, повторяя слова Бернарда Коэна по поводу «Начал», писал в 1947 году о «Космотеоросе»: «Первое издание этой книги 1717 года ненаходимо. Мы знаем о его существовании только вследствие упоминания о нем во втором издании 1724 года. Я тщетно искал первое Петербургское издание в наших главных книгохранилищах».

Эти поиски были возобновлены мною в 1996 году, и они увенчались успехом: книга была обнаружена не в какой-либо библиотеке, а в Центральном архиве древних актов, причем оказалось, что мне в руки попал единственный сохранившийся экземпляр. Как и в случае с «Началами», эта находка послужила импульсом к исследованиям, которые пролили свет на очень непростой вопрос восприятия новой науки в России. Книга Гюйгенса, одного из творцов научной революции XVII века, впервые предлагала русскому читателю подробный и популярный рассказ о новых взглядах на мироздание, включая изложение теории Коперника и основных результатов Кеплера, Декарта и Ньютона. В России же для основной образованной части общества эти взгляды шли вразрез с общепринятой традицией, освященной к тому же авторитетом православной церкви.

Противники Петра делали все возможное, чтобы воспрепятствовать тем нововведениям, которые царь стремился внедрить на русской почве. История публикации книги Гюйгенса — яркий пример этой борьбы.

В России в начале XVIII века, еще до учреждения Петром Академии наук в образованной части общества полностью господствовали средневековые представления о мироздании, причем, что важно, освященные авторитетом православной церкви. Поэтому не вызывает удивления текст письма на высочайшее имя Михаила Петровича Аврамова, директора Петербургской типографии, которому Петр и поручил издать книгу Гюйгенса.

На самом деле это письмо написано уже не Петру, а Екатерине, потому, что Петр уже к тому времени умер (в свое время он дал Аврамову взбучку и тот был сослан), и Аврамов решил при новом правителе каким-нибудь образом оправдаться. Я тут позволю себе процитировать часть текста этого письма, не переводя его на современный язык, потому что, с моей точки зрения, текст совершенно почителен:

«Егда в прошлом 1716 году поднес его императорскому величеству генерал Яков Брюс при самом томом отбытии его величества в Голландию новопереведенную атеистическую книжищу с обыклом своим перед государем в безбожном и безумном атеистическом сердце гнездящимся и крыющемся, хитрым тщением весьма восхваляя оную и подобно ему тое

книжищу автора Христофора Гюйгенса, якобы книжища та весьма умна и к обучению всенародному весьма благоугодна и таковою своею обыквою лестью мысленно окрал Государя. Которую книжищу, приняв, Государь, призвав меня, накрепко изволил приказать напечатать оных целый выход, 1200 книг. И по прибытии Его Величества, рассмотрел я оную книжищу, во всем богопротивную. Вострепетав сердцем и ужаснувшись духом и горьким слез рыданием, пал перед образом богоматери, боясь печатать и не печатать».

В результате Аврамов не выполнил приказа Петра и напечатал только 30 экземпляров, из которых до нас дошел только один. Гонения на новую науку продолжались и после смерти Петра. В 1728 году власти запретили публикацию на русском языке лекции Делиля, которая была посвящена запрету теории Коперника. Два десятилетия спустя Святейший Синод наложил запрет на все книги, содержание которых могло восприниматься как противоречащее православной доктрине. Это было сделано «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и обо всем прочем, Святой Вере противном и честными нравами не согласном, не отважился». Лишь только в царствование Екатерины II новая наука получила, наконец, окончательное признание. В 1765 году вице-адмирал Петр Саймонов опубликовал книгу «Краткое изъяснение об астрономии», содержание которой целиком основывалось на «Космотеорусе» Гюйгенса и включало в себя обширные цитаты из нее. В 1786 году теория Коперника, наконец, была включена в программу общеобразовательных школ. Такова вторая история.

* * *

Третья история тоже касается книг и в некотором смысле уникальна, хотя и характерна для определенного периода в истории нашей страны. Именно в нашей стране в течение десятилетий, не столь давних, поскольку они еще и на моей памяти, выражение «рассыпали тираж» не вызывало никакого удивления. Всем было понятно, о чем идет речь и чего следует остерегаться. Так вот в различных частных архивах мне удалось обнаружить бесценные для историка науки гранки книг, которые так и не были опубликованы. Речь идет о последнем переводе «Математических начал натуральной философии» Ньютона, «Динамики» Лейбница и хрестоматии по истории науки, сделанной Борисом Михайловичем Гессеном. Все эти книги были подготовлены к печати в конце тридцатых годов, но в последний момент все они пошли под нож.

Даже сегодня нехватка этих книг представляется историку наук невосполнимой потерей. Можно себе представить, как они были ожидаемы научным сообществом в тридцатые годы, когда советская история науки была на подъеме. Действительно, необходимость в новом переводе «Начал» ощущалась всеми советскими ньютоноведами, потому что перевод академика Крылова при всех своих достоинствах и прекрасном математическом комментарии чересчур вольный, что затрудняет работу историков. О Лейбнице надо сказать, что отечественный читатель до сих пор не имеет переводов его основных математических работ, а «Динамика» — та книга, которая существует только в гранках — его главная и наиболее фундаментальная работа по физике.

Не может не вызвать горького сожаления и уничтожение Гессеновской хрестоматии по истории физики. Большинство представленных там фрагментов сочи-

нений классиков науки пришлось впоследствии переводить заново, а его интересные предисловия к отдельным главам были потеряны безвозвратно. Передо мной как историком эти удивительные находки поставили целый ряд вопросов. В первую очередь — кто были эти замечательные люди, открывавшие русскому читателю сокровища мирового естествознания? К сожалению, я не смог ответить на этот вопрос полностью, но кое-что мне все же удалось сделать.

Мне удалось показать, что одним из главных действующих лиц в этом процессе был Владимир Соломонович Гохман (1880-1956). Он получил блестящее образование — окончил с золотой медалью классическую гимназию, пошел в Петербургский университет, в котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В смутное время до и после революции жизненные обстоятельства не позволили ему посвятить себя науке и сделать академическую карьеру. Он был вначале страховым агентом, затем, вскоре после революции, занялся переводами научной литературы. На этом поприще он добился поистине выдающихся результатов. Стоит перечислить, что он сделал.

Он перевел для сборника, посвященного второму началу термодинамики, статью лорда Кельвина с английского, Марианна Смолуховского с немецкого, отредактировал и частично исправил перевод с немецкого трехтомной истории физики Фердинанда Розенберга (лучшей книги в этой области вплоть до наших дней). Затем взялся за перевод с латыни трудов Эйлера и Лейбница (перевод «Динамики» принадлежит ему), после этого он перевел с латыни избранные сочинения по механике Иоганна Бернулли, и с разных языков сборник работ различных авторов: Даниила Бернулли, Ломоносова (он же по-латыни писал, и мы до сих пор точно не знаем, что же говорил Ломоносов, поскольку сейчас мало кто владеет латынью), Джоуля, Клаузиуса, Максвелла. Этот сборник вышел под заголовком «Основатели кинетической теории материи». В 1938 году он переводит с французского «Аналитическую механику» Лагранжа. Наконец, уже после войны, незадолго до смерти им подготовлена «Гидродинамика» Даниила Бернулли и третий том экспериментальных исследований по электричеству Фарадея. Поразительный человек!

Становится ясно, что среди переводчиков серии «Классики естествознания», нам всем хорошо знакомой, Гохман был выдающейся фигурой как по количеству выполненной им работы, так и по тематическому диапазону. Вместе с тем, даже из краткого анализа видно, как мало было до войны людей, способных выполнять нелегкую работу переводчика латинских научных текстов. Такими людьми были Гохман, Кондратьев, Беспрозрачный. К этому списку можно добавить Крылова, Болтовского и Свешникова, переводчика «Стереометрии винных бочек» Кешпера. Однако осталось неизвестным, кто же сделал новый замечательный перевод «Начал».

Причиной уничтожения этих книг скорее всего послужил тот факт, что их составители или редакторы были незадолго до того арестованы и впоследствии погибли. Так дело обстоит с Гессеном. Что же касается «Динамики» Лейбница и «Начал» Ньютона, я полагаю, что причиной их уничтожения послужил арест Соломона Ефимовича Аршона, главного редактора издательства технико-теоретической литературы, который курировал эти книги. Тоже замечательная фигура и в истории математики и в истории науки.

Вообще директорам издательств очень не везло на этих постах. До него директором издательства по технико-теоретическим вопросам был историк науки и известный математик Марк Яковлевич Выгодский (1898-1965). С ним произошла такая история: когда он написал книгу о Галилее (а книга была отмечена золотой

медалью Папской академии наук), в нашей стране это многим не понравилось, и Выгодский, будучи умным и проницательным человеком, поспешил уехать в Тулу, бросив Москву и все свои должности, и занялся там составлением справочников по высшей математике. Я думаю, многие их знают. Вот на его место и заступил Аршон, который был замечательным математиком, специалистом по комбинаторному анализу, что его и сгубило.

Его отец оказался после революции за границей, и в Советский Союз возвращаться не хотел. Они обменивались письмами, где все слова были зашифрованы, поскольку составление криптограмм было их хобби. Лучшего повода для ареста невозможно было придумать, и в 1938 году Аршон был арестован и погиб, по-видимому, в 1941 году. Тиражи редактируемых им книг были уничтожены, ну а гранки этих книг люди сохранили. И вот сейчас они доступны, их можно издать, если удастся получить на это деньги. такова третья история.

* * *

И последний рассказ. Тут я скажу совсем мало, поскольку книга о физике Лейбница еще не написана, но, безусловно, будет написана. Дело в том, что историки науки только приступили к серьезному изучению физико-математического наследия Лейбница, материала здесь много, но работа пока в самом начале. В это предприятие я тоже попытался внести некоторый вклад.

В статье, которая выйдет в ближайшем номере ВИЕТА, рассказывается о неопубликованных рукописях Лейбница, которые написаны им в период его пребывания в Париже в середине 1670-х. В отличие от математических рукописей, относящихся к этому же периоду, об исследованиях Лейбница по физике в историко-научной литературе нет практически никакой информации. В его рукописях, интересных, прежде всего, для правильного понимания эволюции его научных взглядов, содержатся, помимо прочего, попытки сконструировать вечный двигатель.

А нам известно, что впоследствии Лейбниц категорически отметал эту возможность.

Другая рукопись, примыкающая к этим работам, содержит едва ли не первую в истории нового времени попытку аккумуляции энергии и, кроме того, она интересна представленным в ней замечательным кинематическим механизмом, преобразующим вращение в разные стороны во вращение в одном направлении. Наконец, последняя из рассматриваемых рукописей является исследованием движения тела в сопротивляющейся среде и предвосхищает результаты, опубликованные Лейбницем лишь 12 лет спустя. Эти результаты вызвали в свое время нападки Ньютона и его обвинения в адрес Лейбница в плагиате, так как в этой публикации содержались результаты, эквивалентные теоремам из «Математических начал» Ньютона.

Теперь, благодаря этим новым находкам, стало возможным оправдать Лейбница и снять несправедливые в его адрес обвинения. Вот это все, о чем я хотел рассказать.

Дмитрий Баюк

В.С.КИРСАНОВ И РЕВОЛЮЦИИ

Моя работа в ИИЕТе началась во многом благодаря нежеланию продолжать дело, выбранное в качестве профессии. Окончив физфак МГУ и оказавшись по воле распределительной комиссии в ИПМ АН СССР, я понял, что физикой заниматься больше не хочу, и стал думать, что же мне теперь делать. Я размышлял об этом почти пять лет и в конце концов оказался сначала у порога ИИЕТ, а потом и дома у Владимира Семёновича Кирсанова.

Летом 1987 года я хотел поступать в аспирантуру, и влекла меня туда не мечта сделать важное историко-научное открытие, а также, как многих нынешних аспирантов, ищущих спасения от службы в рядах, желание спастись от реальности. Но прежде чем начать учёбу в аспирантуре, мне надлежало выбрать тему и написать по ней реферат. Решения этой непростой задачи я искал в наших долгих беседах о том о сём — преимущественно утренние и преимущественно под кофе. Нередко эти беседы не имели какого-то специального предмета, перескакивая с одной темы на другую, но они во многом определили мою жизнь и в профессиональном плане, и во всех прочих. Поэтому мне бы хотелось воспользоваться случаем и, не вдаваясь в подробности наших разговоров, рассказать, о чём они заставили меня подумать, и пофантазировать немного о том, к чему они могли бы привести, если бы не были так не вовремя прерваны.

Согласно моей исходной идее, в некоторых случаях можно наблюдать удивительную одновременность значимых событий в науке и искусстве. Самый близкий по времени пример — открытие неклассических физических теорий в начале XX века, и практически одновременный и быстрый уход от классических принципов сложения музыки — разрушение гомофонно-гармонического мышления, появление полигонализма и атонализма, тяга к несимметричным ритмам и полихроматике. История подобными примерами кишит, но их довольно трудно вычленять, так как искусство и наука рассматриваются каждое в своём временном измерении — своё для науки и своё для искусства, — и что подразумевается под словом «одновременность», не совсем понятно. Но если какая-то параллельность всё-таки обнаружится, то сразу встанет вопрос: случайна она или тому есть определенная причина.

Я могу сейчас признаться, что такая постановка проблемы мне импонировала, прежде всего потому, что позволяла разбавить изучение истории науки историей искусства, но Владимиру Семёновичу такой трюк не нравился. Он заметил, что у философов на этот случай заготовлен уже ответ. Существует теория культурных инвариантов, которая позволяет объяснить такую параллельность явлением, выходящим за пределы и науки, и искусства, но вызывающим определённые перемены и там, и там. Так что основания регулярно проводить конференции на тему «Общие знаменатели науки и искусства» у них есть, но вообще философия — это не лучшая стезя. Изучение конкретных исторических обстоятельств гораздо содержательнее.

Поначалу для изучения таких «конкретных исторических обстоятельств» мы выбрали творчество Иоганна Кеплера. Вот человек, который искал в мире эстетическое; если прекрасное может в каком-то смысле действовать как закон природы, то любое открытие по части прекрасного с неизбежностью коснётся и науки, и искусства. Я до сих пор сожалею, что не пошёл по тому пути — мне он и теперь

кажется очень многообещающим содержательным. Опять же Кеплер — плохо изученный и сложный автор, такая работа принесла бы немалое удовлетворение. Но путь, в конце концов предложенный мне Кирсановым, вёл к простым и осязаемым целям более коротким путём. Механико-математическое творчество Галилея бурно расцветало на фоне, среди прочего, и литературных и поэтических талантов и как-то очень естественно вырастало из теоретико-музыкальных штудий его отца. В нём можно было обрести ещё более подходящее практическое поле для поиска конкретных воплощений культурных инвариантов назревающей революции.

В то лето я был ещё в очень большой степени неофитом, и термин «Научная революция XVII века» возник в моей жизни одновременно с названием книги Владимира Семёновича, которая именно тогда и вышла в свет. Но важность обозначенного этим термином понятия еще долго оставалась для меня скрытой. Поскольку само слово «революция» затёрлось и утратило всякий смысл, а может быть даже никогда его и не приобретало — ведь именно одна из революций дала рождение тому государству, где я родился и вырос, она кого-то от чего-то освободила, и мне поэтому было совершенно непонятно, как «революция» в культуре может прожить независимую жизнь от революции в политическом укладе общества, как она может оказаться одним из «культурных инвариантов».

Средние века. Проблема предшественников

В теории следовало бы различать революцию социальную, революцию научную, революцию как некий привлекательный идеал, к которому следует стремиться в том или ином проявлении жизни, возможно даже не определяемый таким словом, и «революцию», именно как термин, возможно даже содержащий совершенно иные коннотации. Можно предположить (хотя такое предположение придётся потом доказывать), что появившееся ранее предопределило в какой-то степени то, что появилось потом. И я бы только удивлялся, что слово «революция» стоит в заголовке самого что ни на есть революционного сочинения Николая Коперника, со всей очевидностью ни о какой революции — ни научной, ни социальной — не помышлявшего. «О вращении небесных сфер». На латыни его название часто сокращается просто до «De revolutionibus» — то есть в дословном переводе «О революциях». Было бы верхом наивной конспирологии увидеть в этом названии дьявольское изощрение ума, скрытый намёк на начало новой эпохи, получившей название Научной революции XVII века. Но факт остается фактом: именно это сочинение, как правило, обозначает её нижнюю временную грань.

Согласно сложившейся привычке видеть во всякой революции, прежде всего, ломку старого и коренную замену старого новым, мне казалось тогда естественным думать, что в XVI веке для естествознания возникли новые лекала, по которым стали строиться теории и проводиться эксперименты. Те, которыми пользовались в Средние века, показали свою полную ненужность и бесплодность. И вот тогда-то я и прочитал: «Возник новый взгляд на характер научного развития, отрицавший существование научной революции. Его появление обнаружилось недостаточность фактологической эрудиции у историков предыдущих поколений...» [1]. В моём случае это подразумевало особое внимание к шести томному сочинению Каверни «История экспериментального метода в Италии» [2], изданной в 1891-1900 годах и переизданной в 1972-м. В ней автор показывал, сколь много позаимствовал Галилей в своей методологии у средневековых учёных.

Так, от Кирсанова я впервые услышал о «предшественниках» Галилея и о серьёзных проблемах, связанных с самим понятием, с методологической или философской точки зрения, и с тем, кого таким «предшественником» можно считать. Совершенно естественно, им посвящена значительная часть книги Кирсанова, но от неё мне пришлось перейти к авторам, уделившим средневековым текстам и их авторам более пристальное внимание — прежде всего В.П. Зубову, потом и к П. Дюэму, А. Майер, А. Кромби. Все они обнаруживали в изучаемых источниках множество ключевых идей научной революции, даже когда отрицали само это понятие и настаивали на эволюционном и последовательном развитии культурных феноменов, включая науку. Причём идеи эти в подавляющем большинстве высказывались задолго до того, как революция началась и была идентифицирована именно как «революция». Стало быть, не эти идеи сами по себе послужили причиной такой перестройки.

Получалась довольно причудливая картина: для начала всё средневековое знание было полностью отринуте как пустое умствование, затем в эпоху Возрождения передовые умы то ли пероткрывали заново старые идеи, то ли тайком протаскивали их под видом новых, и только после этого эти старые произвели совершенно немыслимый и неожиданный эффект. Конечно, можно возразить: старые идеи появились в новом контексте. Но тогда получается, что в этом контексте и заключался смысл всей революции: для того чтобы она «свершилась», надо было сперва забыть обо всём том, о чём учили в школе, в наступившей тишине произвести смену контекста, и только после этого потихоньку вспоминать, что же было раньше. Рассуждая таким образом, мы легко придём к заключению, что научная революция произошла далеко за пределами самой науки. А наука как таковая ей (революции) не только не способствовала, но и, напротив, только мешала.

В одном лексиконе с «общими знаменателями» оказалось подходящее слово и для этого самого «контекста» — впрочем, оно тоже мало проясняло суть дела. Это слово заимствовано из работ Гегеля — *Zeitgeist*, дух времени. Сменяется дух времени, и то, что еще вчера казалось безумной идеей, сегодня представляется почти трюизмом. Существует много довольно близких нам по времени и по смыслу примеров подобных перемен, но я умышленно выберу относительно удалённый — просто потому, что он ближе к научной революции.

Одна из лучших книг о Галилее была написана в начале XX века Эмилем Вольвилем. Она называлась «Галилей и его борьба за коперниканскую картину мира»^[3]. Вольвиль совершенно верно подметил самую важную на тот момент черту в научной деятельности Галилея: когда по всей Европе то и дело пробегает дрожь революций — и научных, и социальных, — в высшей степени уместно поговорить о революционности даже весьма отдалённых исторических персонажей. Конечно, если потратить совсем немного времени и просмотреть, какие сочинения писал Галилей на протяжении своей длинной жизни и какие проблемы волновали его, станет ясно, что теория Коперника выходила на первый план лишь несколько раз, и хотя она была важна для мировоззрения великого итальянца в целом, вовсе не образовывала доминанты его творчества. В той «энциклопедии всех наук», которая открывалась перед его мысленным взором и закончить которую он не успел бы, даже если бы прожил вдвое дольше, место космологии довольно скромное. Но понять, почему эта космология у него изначально коперниканская, на мой взгляд, довольно трудно.

Даже рассуждая о космологических и астрономических загадках, он практически никогда не касается деталей, находящихся, вообще говоря, в центре внимания и у Коперника, и у Кеплера. Он никогда не снисходит до деферентов и эпициклов, не пускается в споры по поводу эллиптических орбит, не пытается давать

объяснения о возвратном движении небесных тел, ни о неравномерности вращений. Читая его книги, можно подумать, что все орбиты идеально круговые, и планеты по ним движутся с абсолютной неизменной скоростью. И всё-таки он несколько раз прямо заговаривает о Копернике. Впервые он делает это в своём письме Кеплеру 1597 года. В последний раз — в «Беседах и математических доказательствах» в 1638-м, когда сожалеет, что был запрещён его «Диалог». Но в промежутке, между 1616-м, когда книга Коперника была внесена в Индекс запрещённых книг, и 1623-м, когда он надеется, что новый папа закроет глаза на запрет, наложенный предшественником, он вполне обходится и без гелиоцентризма.

«Коперниканская ересь», как называет её Кеплер, носится в воздухе и привлекает вольнодумцев разных сортов — и радикальных социальных реформаторов вроде Кампанеллы, и ревнигелей католических «оснований» вроде Диего Стуньики или кардинала Пьера де Берюль, и пророков новых религий вроде Джордано Бруно. Галилей создает новую науку для новых людей, для которых более естественно думать, что мир устроен не так, как думали до них — в частности, что мир не покоится вместе с Землёй, как может показаться неkritичному наблюдателю, а приводится в непрерывное движение Солнцем. Это тот самый новый дух наступающего нового времени, который заставил современников Галилея быстро раскупить его новую книгу «Звёздный вестник» несмотря на все содержащиеся в ней скучные описания того, как Галилей наблюдал за движением спутников Юпитера и метаморфозы Луны. Далекие от астрономии интеллектуалы того времени покупали книгу, которую не стали бы читать в иное время, ради содержания, отыскиваемого ими между строк её текста, ради смутных намёков на то, что возможно на поверхности земного спутника среди морей и кратеров есть следы и неземной жизни.

Законы сохранения на границе революционного разлома

Наверное, всякое образование хорошо уже тем, что предлагает человеку определённый и даже довольно разнообразный инструментарий для решения разных проблем. Я не хочу сказать, что образование физика в этом смысле особенно хорошо — хотя долгое время именно так и думал. По крайней мере, размышляя о научной революции — и обсуждая её в указанном месте и указанной компании, — я опирался на те зрительные образы, которые мне предлагала первая специальность. И находил эти образы близкими к идеальным.

Прежде всего, если говорить о революциях социальных, то всегда подразумеваются большие массы людей, которые насильственно изменяют структуру власти и распределение собственности. Значит — это всегда некий коллективный эффект. Коллективные эффекты в физике имеют ясную аналогию — это фазовые превращения. Причём, как в случае революции, так и в случае фазового перехода сам субстрат изменения остаётся неизменным. В первом случае, это «человеческий материал»: люди, хотя и страдают друг от друга и в определённых пропорциях друг друга уничтожают, всё-таки и при старом, и при новом порядке они одни и те же — по крайней мере, поначалу, пока не вырастет новое поколение.

Во втором случае, это одни и те же физические сущности — атомы, молекулы или, например, спины, — они также и в упорядоченной, и в неупорядоченной фазе одни и те же. Одна из картинок, часто используемых для иллюстрации того, что происходит при фазовом переходе, выглядит примерно так: по улице ходят люди, они движутся в

разных направлениях, равномерно заполняя всё доступное пространство. И вдруг они начинают собираться в каком-то одном месте — например, у входа в универмаг в часы его открытия. Возникает конденсация, типичный пример фазового перехода первого рода. Нечто похожее происходит и при социальной революции. Люди, которые ДО занимались чем-то одним, ПОСЛЕ начинают делать что-то совсем другое.

Но во время научной революции происходит нечто совсем другое. Люди продолжают делать примерно то же самое, что и делали — они теперь «просто» по-другому думают. Я по этому поводу вспоминаю анекдот о строительстве Шартрского собора, рассказываемый некогда М.А. Розовым: два рабочих выполняют одну и ту же работу, но один катает тачку, а другой строит Шартрский собор. Люди, беспорядочно ходившие по площади, продолжают беспорядочно по ней ходить, но смотрят теперь все в одну и ту же сторону. Такая картинка, между прочим, тоже есть. Она иллюстрирует фазовый переход второго рода. Именно это и произошло в конце XVI века — дело вовсе не в том, что людям внезапно стало ясно: в центре мироздания не Земля, а Солнце, и вообще Вселенная бесконечна. Дело в другом — космос образованного обывателя совпал с космосом учёного.

В XIV веке можно было сколько угодно рассуждать о конфигурации качеств, о широте форм. Эти разговоры интересовали пяток человек в двух странах Европы. Иногда возникали небольшие кружки, как домены намагниченности в ферромагнетике, но никогда не возникало дальнего порядка. И вот теперь он возник. Тысяча экземпляров первого тиража «Звёздного вестника» разошлась по всей Европе, потому что интеллектуалам разного рода при дворах монархов, в университетах и просто академиях следовало быть «в курсе событий».

О научном решении социальных проблем

Возникновение нового дальнего порядка объяснить довольно трудно. Хотя некоторые предпосылки для него наметить всё-таки можно. В том числе в работах учеников Кирсанова. Вот, например, рассуждение Ю.Б. Менщина.

Для того чтобы лучше понять причины повышенного интереса общественности к деятельности учёных, важно вспомнить, что XVII век — это эпоха непрекращающихся религиозных и гражданских войн, охвативших почти всю Европу. Причиной кровавых конфликтов мог стать любой вопрос, что заставило мыслителей той эпохи прийти к неутешительному выводу: люди не умеют правильно думать и до тех пор, пока они не научатся это делать, всемирный хаос не прекратится. Но где и как люди могут научиться правильно думать, если повсеместно каждый только себя считает носителем истины? В этих условиях всё большее внимание общественности привлекала деятельность учёных, чьи экспериментальные и математические доказательства выглядели несоизмеримо убедительнее доказательств политических и религиозных деятелей. Именно в деятельности учёных Европа увидела доказательство того, что совершенствование мышления возможно. Но, если человек может научиться постигать законы природы, то есть надежда, что люди научатся вырабатывать такие законы государственного и церковного устройства, которые будут столь же убедительными, как математические теоремы, и которые позволят, наконец, спасти мир от тотального хаоса [4].

Речь здесь о Лондонском Королевском обществе, которое было основано в 1660 году, то есть через двадцать лет после Английской буржуазной революции и спустя несколько месяцев после Реставрации и коронации короля Карла II. Мысль о социальных преобразованиях всё ещё владела умами в той же мере, в какой ими уже овладела мысль о национальном примирении. Поиск «общих знаменателей» для людей с различными религиозными или этическими убеждениями вполне мог представляться тогда актуальной задачей большинству англичан, хотя и не совсем понятно, как они могли рассчитывать на экспериментальную проверку и наглядные демонстрации в политических делах.

Сложности такого объяснения только возрастут при переходе от Англии к континентальной Европе и от Лондонского Королевского общества к итальянским академиям. Они появились значительно раньше и в условиях, когда почти любые формы религиозного вольнодумия подавлялись весьма жестко, а рассуждения о социальных реформах были не то чтобы не актуальны, но ограничивались довольно узким кругом людей. К тому же, проблема переноса апробированных в науке методов верификации теоретических выводов на социальную жизнь никак тогда не обсуждалась, а исследовательская программа некоторых академий вообще исключала теоретическую компоненту. Такая идеология, если пытаться внедрять её за пределами исследования природы, может означать только одно: нет смысла пытаться предсказать результаты реформы до того, как она проведена. Правда, та же самая идеология подразумевает и отсутствие инструментов оценки этих результатов — эксперимент показывает только, что определенные причины имели некоторые (и описанные) следствия. Вряд ли она порадовала бы общественность, жаждущую разрешения религиозного конфликта.

Между тем, наблюдение Менцина очень тонкое и полезное. Людей далеких от университетской жизни очаровывали и явления природы сами по себе, и способность человеческого разума к их познанию, и способность истины становиться очевидной (как им тогда казалось), едва кому-либо («пусть даже посредственному уму», по словам Галилея) удавалось её обнаружить. И кажется вполне естественным допустить, что люди той эпохи начали с большим пиететом смотреть на учёных, деятельность которых оказывалась полезной сразу во многих отношениях. Во-первых, она в прямом смысле слова позволяла овладеть силами природы. Во-вторых, она раскрывала истину, делая её очевидной любому (даже посредственному) уму. В-третьих, научные споры давали успешную модель разрешения конфликтов внутри сообщества — со временем эта модель даже совершенствовалась, предлагая вниманию общественности также вполне успешную форму общественной самоорганизации, основанной на исключительно добровольном подчинении членов сообщества совместно выработанному и постоянно совершенствуемому общественному договору. Увы, с течением времени общество испытало разочарование по всем перечисленным пунктам.

О вращениях князей и пап

При всём том, что допущения о каких-либо намёках в названии главного сочинения Коперника представляются совершенно фантастическими, обратная гипотеза — что слово «революция» обрело новую жизнь вместе с новыми астрономическими идеями, кажется не менее фантастическим. Хотя в ней немало соблазнительного: так и видится эволюция понятия от сугубо астрономического к общенаучному, а оттуда — и к общечеловеческому. Сначала сам Коперник обозначил,

следуя многовековой традиции, словом «revolutiones» не что иное, как тройкое движение нашей планеты. Потом это слово стало обозначать всю новую астрономию вообще — астрономию, в которой не осталось места ни для небесной тверди, ни для перводвигателя, ни для дихотомии подлунного и надлунного миров, ни для аристотелевской физики вообще. Наконец, оно стало обозначать подвижность земного порядка не только в прямом, но и в переносном смысле.

Таким образом, слово из обычного технического термина превратилось в метафору, хотя точное направление, так сказать, «метафоризации» остаётся до конца не выясненным. Но примечательно, что рудимент прямого смысла даже в самых радикальных случаях употребления слова остаётся, и его прекрасно осознавал, например, Бертольд Брехт, вложивший в уста Галилея такие слова:

Две тысячи лет кряду люди верили, что и Солнце, и все небесные тела вращаются вокруг нашей Земли. Папа, кардиналы, князья, учёные, капитаны, купцы, торговки рыбой и школьники верили, что неподвижно сидят в этом кристаллическом шаре. Но теперь мы выбираемся из него, [...] старые времена миновали, и наступило новое время. Вот уже сто лет, как человечество всё как будто ждёт чего-то. В городах тесно, и в головах тесно. Есть суеверия, есть и чума. Но теперь говорят: есть, но не будет, не останется. [...] Каждый день приносит что-нибудь новое. Даже столетние старцы требуют, чтобы юноши кричали им в уши о новых открытиях. Многие уже открыто, но куда больше осталось такого, что ещё можно открыть. [...] С самыми почетными истинами теперь обращаются запросто; сомневаются в том, в чём прежде никогда не сомневались. И от этого возник такой сквозняк, что задирает даже расшитые золотом полы княжеских и прелатских одежд. И становятся видны их ноги, жирные или тощие, но такие же, как у нас. А небеса, оказывается, пусты. Поэтому раздаётся весёлый хохот. [...] И Земля весело катится вокруг Солнца, и торговки рыбой, купцы, князья и кардиналы, и даже сам папа катятся вместе с ней. Вселенная внезапно утратила свой центр и сразу же обрела бесчисленное множество центров. Так что теперь любая точка может считаться центром, любая и никакая^[5].

Возвращение прямого смысла слову «revolutio» придает особую убедительность революционной идее Брехта, поскольку уж если сама Земля «весело катится», так тем более «ко всем чертям катись» любой папа или князь. Конечно, Брехт смотрит в историю глазами старого коммуниста и видит в ней подготовительный этап Мировой революции. В этом смысле он совершает определённую подмену понятий и модернизацию образа: не может быть сомнений в том, что ни сам Галилей, ни кто иной из его современников не мог бы поставить вопрос таким образом, хотя определённую связь между открывшейся инаковостью космического порядка и необходимостью привести в соответствие с ним порядок земной видели уже первые революционеры Нового времени Бруно и Кампанелла. Но факт остаётся: вся метафора строится на единстве ключевого слова, и на него немедленно натывается любая попытка подчеркнуть метафорический характер научной революции и революции социальной. И даже если верна гипотеза, что термин «Научная революция XVII века» сложился под влиянием сформировавшейся практики использования слова в ином контексте и в исторических реалиях, относящихся к существенно более позднему, чем XVII век, времени, в исторической ретроспекции остаётся Коперник с «утратившей своей центр» Вселенной и «катящейся вокруг Солнца» Землёй.

Научная контрреволюция XXI века

Предложенная аналогия позволяет если и не понять, то сформулировать метафору, открывающую путь к пониманию той странной ситуации, которая складывается в отношении науки сейчас. Доверие к ней пропадает, профессиональные занятия ею считаются не престижными, и даже из школы её вытесняют описательные, нетеоретические дисциплины. В то же время существуют и развиваются солидные научные школы, появляются новые важные результаты, осуществляются грандиозные научные проекты. Только общество их почти не замечает, ему нет дела. На протяжении второй половины XX века наука почти полностью покинула культурную сцену общественной жизни.

Можно сказать, что дальний порядок в системе, возникший четыре с лишним столетия назад, стал пропадать. Наука по-прежнему служит мировоззренческим базисом внутри определённых кластеров, но эти кластеры охватывают относительно небольшую часть общества. Весьма показательно, что всё чаще в кругах интеллектуалов как нечто само собой разумеющееся высказывается мнение о не обязательности математики в культурном багаже образованного человека. И это отнюдь не исключительно российский феномен, хотя в России он значительно заметнее, чем в развитых странах западного мира. Но и там тоже происходит возврат к герметическим учениям XVI века, ценность которых для научной революции XVII века так последовательно отрицал Александр Койре. Есть основания с его суждением не соглашаться, но кто же их ни оспаривал, он должен был бы признать, что к XVII веку от этих учений уже ничего не осталось — они тогда проиграли конкурентную борьбу, и даже могущественный и авторитетнейший Ньютон скрывал свои алхимические увлечения настолько тщательно, что сведения о них выплыли на поверхность только в XX веке. Но теперь эти учения вышли из фактически полного забвения и постепенно заполняют освобождаемое наукой мировоззренческое пространство.

Наука больше не владеет массами. Расставание культуры с наукой началось с развода естествознания с философией. О нём можно судить хотя бы по словам Нобелевского лауреата, одного из самых авторитетных физиков современности — Стивена Вайнберга. В его книге «Мечты об окончательной теории» одна из глав так и называется «Против философии». «Мне неизвестен *ни один учёный*, сделавший заметный вклад в развитие физики в послевоенный период, работе которого существенно помогали бы труды философов», — пишет он там. И напомнив о замечании Юджина Вигнера по поводу «непостижимой эффективности математики», добавляет: «Я хочу указать на другое в равной степени удивительное явление — *непостижимую неэффективность философии*»^[6]. И это ещё мягко сказано — некоторые его коллеги прямо обвиняли Куна во вредительстве, так как им не нравился тезис о том, что наука не должна претендовать на стремление к истине, а теории нельзя ни доказывать, ни опровергать.

Эпоха, именуемая обычно Новым временем, не просто была пережита, но и окончилась некоторым общим разочарованием в её предпосылках. В частности, это разочарование коснулось и науки. Неправильно было бы думать, что это случилось только в России, хотя именно тут оно приняло наиболее гротескные формы — вероятно, из-за того, что в советской идеологии на науку приходилась слишком большая и, по большей части, исключительно лицемерная нагрузка. Однако Россия представляет для историка науки особый интерес, поскольку Новое время тут началось значительно позже, чем в Европе, а вызванные им перемены в культурной

жизни проходили значительно быстрее. Именно этим обстоятельством я объясняю плавность, с которой Владимир Семёнович в своих исследованиях переходил от сюжетов истории Научной революции XVII века к темам российской интеллектуальной истории.

Владимир Семёнович довольно мрачно смотрел на будущее российских научных институтов, в частности, академии наук и всего того, что с нею связано. Однако ему была чужда какая бы то ни было склонность к футурологии — и её наивно-оптимистический вариант, и апокалипсический — в равной мере. Он был и оставался историком, и один из последних проектов, обсуждавшихся нами, был связан не с крушением «большой советской науки», а, наоборот, с её становлением. Вопреки устоявшемуся мнению, основа будущих успехов отечественной науки и техники закладывалась не благодаря целенаправленным и последовательным стараниям вождей нового строя, а независимо от них и несколько раньше их прихода к власти — в самые тяжёлые и смутные годы, в период революций и гражданской войны.

Хорошо известно, как и в каких условиях работал над переводом «Начал» Ньютона А.Н. Крылов. Этот случай, по мнению Кирсанова, был не единичным, и ему хотелось, просмотрев архивные материалы именно за эти годы, понять, как и на что жили учёные, ставшие в 20-30-е годы XX века лидерами не только российской, но и мировой науки. А ведь именно они — те, чьи столетние юбилеи мы отмечаем в прошедшие несколько лет, — определяли лицо советской науки, и именно им на смену так никто и не пришёл, несмотря на колоссальные финансовые инъекции пятидесятилетней давности. Что делать, революционный запал прошёл и в философской жизни, и в общественной. Стремление к познанию истины перестало играть роль значимого общественного фактора, уступив место значительно более прозаическим. Новые технологии сейчас привлекают к себе куда как больше внимания, причём с сугубо прагматической точки зрения.

Этот последний его проект так и остался на стадии постановки задачи. Увы, в жизни всякой творческой личности появляется больше планов, чем возможно осуществить к её окончанию. Но, по моему убеждению, этот последний план Кирсанова был настолько интересным, связанным с такими важными актуальными общественными явлениями (пусть даже в некоторых случаях эта связь не более чем плод моей фантазии), что обязательно найдётся человек, который возьмётся за его осуществление.

Примечания

[1] *Кирсанов В. С.* Научная революция XVII века... С.?

[2] *Caverni R.* Storia del metodo sperimentale in Italia: In 6 vols. Firenze, 1891—1900.

[3] *Wohllwill E.* Galilei und sein Kampf für die Copernicanische Lehre: In 2 Bde. Hamburg; Leipzig, 1909, 1926.

[4] *Менцин Ю. Л.* Лаборатория достижения согласия // www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/500/

[5] *Брехт Б.* Жизнь Галилея. Цит по: lib.ru/INPROZ/BREHT/breht2_5.txt

[6] *Вайнберг С.* В поисках окончательной теории. М., 2003. С. 133.

Катя Розина

МОИ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Я была очень маленькая, когда у меня появился второй папа — Вова. Вскоре после этого мы переехали жить к нему. Мне было около четырех лет, и я пошла в детский сад первый раз. Вову я никак не называла. Однажды вечером он спросил меня: «А знаешь, кто я?». Я молчала. «Я — Кузя, — сказал он. — И мама — Кузя, а ты — Кузёнок, поняла?». С тех пор я стала называть его Кузей. И так было всю нашу жизнь. Когда Вова умер, я перебрала архив его отца и нашла его письма к Вовиной матери. В них он тоже шутливо называл ее Кузей.

В детстве, когда мы жили в Вовиной комнате, в Лаврушенском, я часто болела под Новый год. Первый Новый год мне запомнился. Я болею, моя кровать стоит за дверью, а за ней мой детский столик и полка с книгами. Я лежу в кровати и волнуюсь, что скоро Новый год, а у нас нет елки. И вдруг — Вова приносит огромную елку. Она пушистая и пахнет лесом. Он подпиливает низ и ставит ее вместо моего столика. Елка упирается верхушкой в потолок. Вова достает свои детские елочные игрушки — это небольшая изогнутая труба, удлинённый трехцветный шарик, фигурки старичка и внучки и еще два шарика. И это всё. Повесив их на елку, я их не нашла. Они утонули в огромных елочных лапах. «Не волнуйся, — ласково сказал Вова, — скоро придет мама». Поздно вечером пришла мама и принесла большие шары со светящимися рыбами. Прикрепили свечи, и елка засияла. Ночью мне не спалось. Ветки елки упирались в мою голову и пахли. Было сказочно красиво: в темноте рыбы на елочных шарах светились. Это были самые красивые новогодние игрушки, которые я видела в жизни.

По ночам я часто просыпалась и плакала. Вова спал на раскладушке посреди комнаты и слышал мой плач. Он не хотел будить маму, подходил ко мне и спрашивал, почему я плачу. Я отвечала сквозь слезы, что хочу пить, и он приносил мне воды. Тогда я говорила, что хочу апельсинового сока. Вова, чертыхаясь и ворча, выжимал мне апельсин. Перед смертью, когда Вова болел, я выжимала ему апельсиновый сок и вспоминала свое детство.

Я ходила в детский сад и каждую неделю больше всего ждала пятницу. Из детского сада меня забирал Вова, и по пятницам он забирал меня пораньше. Мы шли в киоск и покупали сладкий, теплый, хлопающий попкорн в хрустящем пакете. Это было замечательное лакомство, было грустно, когда пакет пустел.

Из раннего детства мне запомнились наши воскресные прогулки с Вовой. Мы ходили гулять в сквер рядом с домом. Сквер был виден из окон комнаты, в которой мы жили. Вова рассказывал, как мальчиком он участвовал в посадке деревьев — кленов, и получился этот чудесный сквер. После это мы шли в Третьяковскую галерею, так как жили напротив нее. Кузя учил меня смотреть картины, он сам хорошо рисовал и понимал в живописи. Я запомнила, как мы ходили в зал советской живописи, и Вова показывал мне свою любимую картину. На ней было изображено синее море, вдали парусник и снежные горы, а по небу плывут облака и большие белые лебеди. Вова говорил: «Смотри, какие белые лебеди и какое си-

нее-синее небо. И парусник плывет в загадочные дальние страны. А куда летят лебеди?» В Третьяковке я впервые увидела Шишкина с его медведями, как на моих любимых шоколадных конфетах. Первый раз я увидела и полюбила картины Куинджи, одна из них — Березовая роща — мне запала в душу. На картине березы стоят рядом с заросшим прудом и видно, как светит солнце. Картина — такая светлая, что хочется в эту березовую рощу.

Мы часто ходили в Третьяковскую галерею, я запомнила, где висят полюбившиеся мне картины, и полюбила Третьяковку. Когда в зрелые годы я пришла в нее после ремонта, то с радостью увидела, что картины висят на прежних местах, хотя многие художники получили отдельные залы, и появились новые картины из запасников.

Когда я пошла в школу, мы переехали жить к бабушке. Когда я была в пятом классе, Вова повел меня в Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Передо мной встало величественное здание с колоннами, которые поразили меня своей высотой, и такая же величественная лестница, ведущая на второй этаж. Кузя повел меня в египетский зал, где был приглушенный свет, и сказал: «Представь, что ты в Древнем Египте». Увидев все эти древности и особенно мумии, я обомлела и притихла. Вова был хорошим рассказчиком, он рассказывал мне о Египте, и мне казалось, что это я там живу. С тех пор я полюбила этот музей и этот зал, я и сейчас иногда в него хожу.

В нашем доме было много научных книг, а художественных немного. Вова приучил меня ходить в библиотеку, и я хожу туда до сих пор. Когда я первый раз попала в библиотеку, меня поразило огромное количество книг, и все их можно было прочесть. Мою первую книгу, которую я прочла самостоятельно, мне подарил Вова. Это была «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» Пушкина с рисунками В.М. Конашевича. Она казалась мне очень красивой, и я читала ее три вечера. Я храню ее до сих пор.

Вова очень любил Гофмана и его сказки. Он сам читал мне «Золотой горошок». Гофман представлялся мне сказочником новых времен. Действие происходило в загадочном немецком городе Дрездене со всеми его живыми приметами и персонажами, которые были не мифологическими героями, а обыкновенными людьми, не одаренными особыми милостями ни природой, ни судьбой. Кузя так читал, что главный герой — студент Ансельм — вставал как живой, и я переживала за его судьбу. Меня поразило, что бутерброд, выпавший из рук Ансельма, всегда падал жирной стороной вниз. Мне было жалко Ансельма: он неспособен сопротивляться жизненным невзгодам, а потому события кружат его и бросают из стороны в сторону, как щепку в водовороте. Вова умел так читать эту сказку, что она ожидала, и ты как бы жил с этими героями. Это не каждому удается. Когда сейчас во взрослом возрасте я перечитываю эту сказку, Вовин голос звучит у меня в ушах, и снова все становится сказочно-загадочным. Вова умел создавать этот сказочный мир — не зря он был сыном поэта.

Кристина Фили

ВЛЮБЛЁННЫЙ В ЖИЗНЬ

*Умершие — это сердца,
которые когда-то тебя любили. В. Гюго*

Когда в декабре 2004 года в Афинах мы обнялись на прощание, мы сказали друг другу: «До свидания, до свидания может быть в Москве, может быть в Афинах, а возможно и в каком-то другом месте...»

После этого мы часто говорили по телефону — обменивались добрыми пожеланиями («С Новым Годом!» или «Христос Воскресе!»), или еще что-нибудь), обсуждали планы. Он живо откликался на каждую мою просьбу, был всегда готов дать дружеский совет и ободрить меня.

Но встретиться с ним мне было уже не суждено — с человеком удивительного обаяния, изысканного вкуса, внешне весёлым и, казалось, где-то в глубине души чем-то озабоченным, даже встревоженным, тонко чувствовавшим искусство, литературу и одновременно владевшим даром всё делать своими руками.

Он пытался прочувствовать каждый момент жизни, зная, что момент этот — редкая жемчужина ускользающего и эфемерного бытия. Как подлинный амфирион, он обожал своих гостей, раскрывая перед ними подлинные сокровища своей души.

Ему были свойственны удивительный шарм, поразительная гибкость ума, необычайное богатство идей. Размышляя об истории или развитии литературы, он отдыхал мыслью. Строгость мысли сочеталась у него с душевной нежностью, особым изяществом и удивительным богатством её оттенков.

Он любил Москву, свою Москву, о которой всегда говорил с особым чувством, и, конечно, свою жену Олю, неразрывная и глубокая эмоциональная связь с которой лишь углублялась и разрасталась с годами, прожитыми вместе. Свойственный ему высокий стоицизм никогда не позволял ему жаловаться, но никто другой не смог бы с большей страстью пропеть гимн жизни. Обладая удивительной чувствительностью и душевной подвижностью, Володя с несдерживаемым наслаждением собирал вокруг себя всю доступную ему жизненную красоту. Свою поразительную интуицию он прятал под маской приверженного логике рационального человека.

Смысл традиции состоял для Володи не в обращении к прошлому, а наоборот, в раскрытии сути развития к будущему, времени прерванного несовершенством настоящего.

Несравненный рассказчик, Володя удивительно красочно воскрешал в памяти эпизоды своей богатой переживаниями жизни, прежде всего — детства. Предаваясь воспоминаниям о нем, он завораживал слушателей многоцветьем палитры своей удивительной личности.

Точный и строгий ум его сочетался с неподдельным любопытством ко всякого рода «методам». Он тонко чувствовал цвет времени и пафос человеческих судеб, особенно судеб личностей чем-то близких ему по духу.

«Смерть, — напишет вслед за Кальдероном греческий поэт Тассос Ливадитис, — всегда есть непрерывное продолжение большого сна». Будем верить, что Володя видит этот сон по-своему, в поэтическом слове, которое ведёт его к постижению горнего.

Лев Кришталик

«ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК ТАЛАНТЛИВ ВО ВСЕМ»

Эта расхожая сентенция, как правило, не оправдывается. Но Вова Кирсанов был ярким исключением из этого правила — он действительно обладал многими и разнообразными талантами.

Он не сразу нашел свой путь в науке, но выбранная им в конце концов область — история физики — дала возможность раскрыться обоим его талантам, естественно-научному и гуманитарному. Я не специалист и не могу оценить детали его анализа научных трудов XVII — XVIII веков, но его статьи о Ньюtone и Лейбнице, его книгу о научной революции XVII в. я читал с неослабным интересом.

Вова владел английским и немецким, насколько я понимаю, он мог читать и французские и итальянские тексты. Он специально изучил латынь, необходимую ему для чтения старинных трактатов. Как-то он показал мне на компьютере копии рукописей Лейбница; надо было очень хорошо знать язык, чтобы разбирать этот не очень-то четкий почерк.

Сын замечательного поэта, Вова сам писал очень хорошие стихи. Он не подражал отцу, как не подражал и другим поэтам. У него был свой стиль, даже в его шуточных опусах часто проскальзывала легкая ностальгическая нота. Хотя у него был свой стиль, но он мог, шутки ради, стилизовать под разных поэтов, от Пушкина до Вергинского. Поэзию он знал очень хорошо, круг его пристрастий был весьма широким — и старая добрая классика, русская и немецкая, и серебряный век, и более поздняя поэзия, вплоть до современной.

При этом он не следовал слепо общепринятым оценкам, полагаясь только на свой вкус. Наиболее яркий тому пример — он не считал Анну Ахматову таким уж великим поэтом. Он охотно читал стихи, когда его просили. Если не помнил наизусть, не стеснялся брать книгу. Иногда он дурачился, утрированно передразнивая манеру чтения Пастернака или другого поэта.

Рисовал он в совершенно особой манере — рисунок, далекий от академического, но очень выразительный, подчеркивающий какие-то характерные черты. Недаром одним из его любимых художников был Анри Руссо, особенно любил он его Заклинательницу змей. Хотя собственные его рисунки были совсем другими, но их сближала свобода от канонов и стремление к выразительности.

У Вовы были, что называется, золотые руки. Он умел сделать все — починить водопроводный кран, отреставрировать найденное им на свалке старинное кресло, приготовить вкусную жареную говядину и многое другое. И все это он делал с удовольствием, явно испытывая гордость от хорошо выполненной работы. Когда у них в квартире был евроремонт, мастера не смогли установить какую-то хитрую электролампу и решили, что она неисправна и подлежит замене. Вова разобрался в конструкции и все наладил. Потрясенные рабочие вполне всерьез предложили ему вступить в их бригаду.

Вова был замечательным собеседником. Его рассказ не изобилует особыми красотами, яркой передачей чьей-то речи и т.п. Но его разговор отличало

обилие интересных фактов и оригинальных мыслей. Это было что-то вроде импровизированной лекции. Разговаривать с ним было всегда удовольствием, даже если ты был с ним не согласен. Из своих заграничных поездок он выносил очень интересные и нестандартные наблюдения и впечатления.

Он мог и пофантазировать, рассказывая о чем-нибудь, но потом признавался в своем художественном вымысле. Стиль его непринужденной и насыщенной речи могли оценить многие телезрители. Его беседы о Ньютоне, Галилее, Лейбнице, Семене Кирсанове передавались по телевидению; к счастью, они сохранились в записи.

Он любил делать подарки, иногда забавные. Моей жене на один из дней рождения он подарил в качестве вазы с цветами плетеную корзину кувшинообразной формы с овощами вместо цветов. Она у нас до сих пор хранится. Мог подарить что-нибудь не к дате, а просто так, чтобы доставить удовольствие. Последний такой его подарок была замечательная книга М.Л. Гаспарова «Записи и выписки»; он хотел, чтобы я тоже получил удовольствие от ее чтения.

Вова был великий жизнелюб, он, можно сказать, жил со вкусом. Он умел получать удовольствие от всего, даже от мелочей. У нас дома, я пошел заваривать чай. «Леша, обязательно надо сначала сполоснуть чайник кипятком, иначе чай не будет таким ароматным». Любил красивые вещи. Как-то привез из Англии чайные чашки и с удовольствием их демонстрировал, обсуждая достоинства английской фарфора. Он подарил мне книгу о музее Д'Орсэ, в которой было много репродукций замечательных картин; но он специально обратил мое внимание на показанную там исключительно изящную мебель.

Однажды в конце сентября мы были за городом. Был относительно теплый, но все же осенний день. Но Вове захотелось, и он растянулся на траве. Это было вообще в его стиле — делать то, что ему захотелось. Мы все очень любили Вову, и спокойно принимали его небольшие причуды. Например, у нас в доме на праздновании дней рождения он всегда вставал в середине застолья и отправлялся в соседнюю комнату немного соснуть на диванчике.

Очень трогательно он относился к своим собакам, переживал их смерть. В последний раз он не стал заводить новую собаку. Мне он сказал: «слишком уж призываешься к этой живности».

Вова был замечательным другом, всегда готовым прийти на помощь. Когда я сломал руку, и меня надо было срочно доставить в довольно далеко расположенную поликлинику, моя жена позвонила Вове. Был поздний час, он только что пришел домой и сел за стол. Но он немедленно бросил ужин и тут же приехал за нами. Всю дорогу он очень осторожно вел машину, так как малейшие толчки причиняли мне сильную боль. По приезде на место отыскал нужного врача, обо всем договорился, и потом отвез меня записанного домой. Это — самый яркий, но не единственный случай, когда он оказывал «транспортные услуги» — привозил из больницы моего отца, перевозил меня из Звенигородского пансионата в Москву — всего не перечислишь.

Мы познакомились в середине 60-х, но по-настоящему сблизились в 68-м г., когда большой компанией отдыхали в Коктебеле. Солнце, море, красивейшие скалы, легкое местное вино, продававшееся из квасных бочек квасными же кружками, и бесконечный треп обо всем что угодно. И в центре этих разговоров был Вова. Однако, 68-й г. был особенным. Мы с волнением следили за чехословацкими событиями, благо в Крыму глушилки не мешали. Вначале мы были преисполнены оптимизма, но потом наступило горькое разочарование. Все же, несмотря на все

волнения, это лето осталось в памяти как очень радостное. После 68 г. мы уже встречались постоянно. К сожалению, в последние годы из-за моих проблем наши встречи были не очень частыми, всего два-три раза в году. Последний раз я видел Вову на праздновании его семидесятилетия. Он был веселым, оживленным и, как всегда, невероятно обаятельным. Таким он и остался в моей памяти.

В один из своих последних дней Вова сказал: «Я пожил достаточно, я прожил хорошую жизнь». Эти простые и мужественные слова — лучший итог его жизни.

Надежда Винокур

НОВОЕ О БУНИНЫХ

Летом 1987 года рукописный архив Иллинойского университета в Urbana-Champaign (США) пополнился собранием писем и документов, связанных с литературной и издательской деятельностью первой волны русской эмиграции. Собрание, полученное в дар от Юлии Гаухман, принадлежало семье Прегель. Александра Николаевна Прегель (урожденная Авксентьева, 1907-1984) — талантливая художница, ученица Натальи Гончаровой, многократно выставлялась в художественных салонах Франции и Америки. Видную роль в культурной жизни Парижа начала 1920-х годов играла и Софья Юльевна Прегель (1894-1972) ^[1] — одаренный поэт (автор шести стихотворных сборников), прозаик, переводчик. С начала 1940-х годов С.Ю. Прегель выступала также и как издатель: с 1942 года она начала издавать литературный журнал “Новоселье”, выходивший сначала в Нью-Йорке, а затем — в 1948-50 гг. — в Париже. Собрание Прегель, представляющее собой частную и деловую переписку, связано и еще с одним именем — Вадима Викторовича Руднева (1879-1940), активного деятеля партии социалистов-революционеров, издателя и редактора крупнейшего журнала времен первой эмиграции — “Современные Записки”.

Разбирая и систематизируя бумаги архива, я обнаружила среди документов отдельную, довольно объемистую папку: письма Веры Николаевны Буниной, адресованные М.С. Цетлиной.

Среди многочисленных друзей и знакомых Буниных в период жизни в эмиграции супруги Михаил Осипович и Мария Самойловна Цетлины играли особую роль. М.О. Цетлин (1882-1945), писатель, журналист и критик, в молодости принадлежал к эсеровским кругам. Мария Самойловна, урожденная Тумаркина (1882-1976), познакомилась с Цетлиным и его революционным кружком в 1906 году в Швейцарии, где получала диплом доктора философии. Отчасти под влиянием нового окружения, отчасти по причине собственного энергичного характера и общественного темперамента, Мария Самойловна настолько активно включилась в революционную работу своих друзей, что по возвращении в Россию была арестована и заключена в Петропавловскую крепость. Первым ее мужем стал Н.Д. Авксентьев (1878-1943), один из лидеров партии с.-р., позднее министр внутренних дел в правительстве А.Ф. Керенского, а тогда — тоже заключенный Петропавловской крепости. Там и состоялся бракосочетание. По законам Российской империи браки между евреями и православными были запрещены. Мария Самойловна не захотела менять вероисповедание в память о своей матери, бывшей крайне религиозной. Поэтому Авксентьеву пришлось принять лютеранство. Очевидно, брак этот был совершен не столько по любви, сколько по общности интересов и влечений. Просуществовал он недолго. После побега Авксентьева из тюрьмы молодая пара уехала за границу, где у них родилась дочь Александра (в письмах фигурирующая как Шурочка), а в 1909 г. супруги расстались, сохранив дружеские отношения. Годом позже Мария Самойловна вышла замуж за М.О. Цетлина.

После смерти М.С. Цетлиной все ее бумаги и переписка перешли к дочери — А.Н. Прегель ^[2]. Оказалось, что в архиве, помимо писем В.Н. Буниной, находи-

лось более двадцати писем самого Бунина к Цетлиным. Все эти документы и оставшиеся после смерти С.Ю. Прегель материалы из ее литературного наследия А.Н. Прегель, в свою очередь, завещала своей племяннице Ю. Гаухман, которая подарила большую их часть Иллинойскому университету, оставив в своем личном собрании письма И.А. Бунина. Ю. Гаухман принадлежит идея объединить бунинские письма и сделать их предметом данной публикации.

История знакомства Буниных с семьей Цетлиных восходит к 1917-18 годам — последнему периоду жизни Буниных в Москве. Цетлины покинули Россию в 1910 г., уехав во Францию, и возвратились в Москву с пятилетним сыном Валентином после Февральской революции. Они поселились между Арбатом и Поварской, и в доме у них постоянно собирались друзья и знакомые, устраивались чтения стихов и литературные вечера, затягивающиеся до зари. Этим литературным бедням не мешало присутствие грудного ребенка — в 1917 г. у Цетлиных родилась дочь Ангелина. Постоянными участниками собраний были Цветаева, Ходасевич, совсем еще юный Есенин, Софья Парнок, Алексей Толстой, Эренбург.

Впервые фамилия Цетлиных появилась на страницах дневников Буниных, написанных в Одессе, куда обе семьи попали осенью 1918 года. В начале ноября В.Н. Бунина записывает: “Вчера были у Цетлиных...”,^[3] и далее это имя начинает встречаться постоянно. Одесса той поры жила лихорадочной и тревожной жизнью: бесконечная смена властей — немцы, французы, большевики, попеременно занимавшие город; грабежи, бандитизм, убийства, частые перестрелки на улицах — все это было обычным явлением. В.Н. Бунина записывает: “Вчера весь день шел бой. Наша улица попала в зону сражения. До 6 часов пулеметы, ружья, иногда оружейные выстрелы. /.../ Сидим дома, так как на улицах стреляют, раздевают. Кажется, вводится осадное положение /.../”^[4]. Так жили все, кто находился в то время в городе. В окружении Буниных, кроме семейства Цетлиных, оказываются М.А. Алданов, Н.А. Тэффи, А.П. Шполянский (Дон Аминадо), А.Н. Толстой, А.Ф. Керенский, В.В. Руднев, И.И. Бунаков-Фондаминский и др.

Если судить по дневниковым записям Буниных этого периода, общение с Цетлиными было очень близким и почти ежедневным. Поначалу возникшая взаимная симпатия (“Вчера вечером был у нас Цетлин. Многое мне в нем нравится, он хорошо разбирается в людях”, — пишет В.Н. Бунина 9 декабря 1918 г.^[5]) вскоре переходит в более тесную дружескую связь. К весне 1919 г. Цетлины решают уехать. Прощаясь, уговаривают Буниных последовать их примеру, обещают помочь деньгами и похлопотать о заграничном паспорте. Однако в тот момент Бунин еще не готов к отъезду, и друзья расстаются, чтобы вновь встретиться через год, уже в Париже. Бунины покинули Россию в начале февраля 1920 г., на пароходе “Спарта”, отплывавшем в Константинополь. Цетлины оказались верны слову: в Белграде Бунина ждали деньги и въездные визы во Францию, а по приезде в Париж Бунины сразу поселились в огромной цетлинской квартире на rue Faisanderie, где прожили два месяца, пока не подыскали собственной. В это время Михаил Осипович уже активно участвовал в общественно-политической жизни эмиграции, выступал как поэт и литературный критик (публиковался под псевдонимом Амари), редактировал отдел поэзии “Современных Записок”; дом Цетлиных, как и в Москве, снова стал литературно-политическим салоном, о котором Б.К. Зайцев вспоминал: “Тут можно было встретить Милюкова и Керенского, Бунина, Алданова, Авксентьева, Бунакова, Руднева... позже и Сирина. Тут устраивались наши литературные чтения. Встречались мы теперь часто, и чем дальше шло время, тем прочнее, спокойнее, благожелательнее становились отношения наши. Нельзя было

не ценить тонкого ума, несколько грустного, Михаила Осиповича, его вкуса художественного, преданности литературе, всегдашней его скромности, какой-то нервной застенчивости” [6].

Семья Цетлиных славилась своим гостеприимством, здесь находили пристанище, тепло и радушный прием все те, кому негде было жить и не на что есть. Редкий вечер обходился без встреч и литературных чтений, один за другим происходили в салоне Цетлиных вечера Бунина, Бальмонта, Тэффи (со сбором средств в пользу писателей), чествование балерины Карсавиной. Эта пора — начало 20-х годов — была и временем наибольшей близости между Буниными и Цетлиными. 4 июля 1922 г. М.С. Цетлина присутствует в мэрии на бракосочетании И.А. и В.Н. Буниных [7].

Пройдет еще 20 лет, будут меняться адреса, дома, обстоятельства, но дружеское и деловое общение обеих семей сохранится. Приближаются 40-е годы, бесконечные разговоры и толки о войне. По мере того, как опасность ее близится, для многих эмигрантов вновь встает проблема отъезда. 9 августа 1940 г. Бунин записывает в дневник: “Цетлины тоже собираются...” [8] (“тоже” — потому что первым поднялся ближайший друг Бунина Марк Алданов). И снова, как когда-то в Одессе, Цетлины зовут Буниных с собой в Америку. Но страх неизвестности не позволяет Бунину тронуться с места. Через несколько лет у него вырвется горькое признание: “Тем, что я не уехал с Цетлиным и Алдановым в Америку, я подписал себе смертный приговор. Кончить дни в Грассе, в нищете, в холоде, в собачьем голоде!” [9].

В Соединенных Штатах филантропическая деятельность Цетлиных развернулась необыкновенно широко. Особым событием стало издание “Нового журнала”, основанного Цетлиным и Алдановым. Сравнительно небольшая нью-йоркская квартира Цетлиных днем превращалась в подобие редакционной конторы и книжного склада, где Мария Самойловна собственноручно паковала и рассылала свежие номера журналов, отсюда же отправлялись многочисленные продуктовые посылки, лекарства, деньги нуждающимся европейским литераторам, в том числе и Бунину. Вечерами дом Цетлиных вновь становился литературным салоном, где по-прежнему происходили чтения в пользу писателей, находившихся в стесненных материальных обстоятельствах. И после смерти мужа (в 1945 году) М.С. Цетлина продолжала оказывать помощь тем, кто в беде. Из публикуемых писем видно, насколько действенной была ее поддержка Буниных. В самые трудные и голодные годы в Грассе, где жили Бунины, систематически шли посылки с провизией, одеждой, лекарствами, витаминами. “Я бы совершенно пропал, если бы не помощь ваша”, — признается Бунин в одном из писем [10].

Однако осенью 1947 года в отношениях друзей наступает охлаждение. Причиной ссоры послужила известная встреча группы эмигрантов с советским послом Александровым Богомоловым (Бунин был в числе посетивших тогда посольство) и выход Бунина из парижского Союза писателей — поступок, которому сам он не придавал особого значения. М.С. Цетлина отреагировала на это крайне бурно, послала Бунину, а заодно и общим друзьям разгневанное и возбужденное письмо (“бессмысленное и несурзное”, по словам В.Н. Буниной [11]), в котором обвиняла писателя в забвении прежних идеалов, отступничестве, солидарности с теми, кто брал советские паспорта и собирался возвращаться в Советский Союз. Возмущенный Бунин ответил ей взволнованно и резко, Вера Николаевна сделала это более сдержанно: “... очень трудно передать Вам то впечатление, какое произвело на нас Ваше письмо, и чувство оскорбления, что оно было послано через Зайцевых, а копия его разослана Вами циркулярно в Америке... Какой поступок после тридцатилетних дружеских отношений! Мне кажется, настоящие друзья так не должны де-

лать... Я на Вашем месте сначала запросила бы нас о причинах ухода, а потом уже вынесла бы свой приговор, если таковой уж так необходим. Если бы я еще так недавно не видела от Вас такой заботы и доброты к себе, то я просто не стала бы отвечать Вам...»^[12]. Через месяц от Марии Самойловны пришло новое письмо с извинением за “способ посылки” предыдущего. Однако после этого инцидента отношения прервались окончательно.

Письма, входящие в нашу публикацию, охватывают период 1940–47 годов с небольшими перерывами. Первое из них датировано 5 сентября 1940 г. В это время семья Буниных живет в Грассе на юге Франции, где она поселилась с 1923 г. Вилла “Жаннет”, которую Бунин снял в сентябре 1939 (“чудесная английская вилла на такой высокой горе, что вид кругом необозримый...”^[13]), была последним местом в его грасский период. Здесь он прожил до мая 1945 г., после чего возвратился в Париж.

Примерно с середины 20-х годов Бунины никогда не жили вдвоем. В их дом приходили и оставались там, многие надолго — Галина Кузнецова, Леонид Зуров, певица Марга Степун, Е.Н. Жирова с маленькой дочкой Олей, любимицей Бунина. Несколько лет прожил с ними А.В. Бахрах. Разные люди, разные характеры, разные судьбы, сложные и запутанные внутрисемейные отношения. При трудном, вспыхивающем нраве Бунина обстановка в доме бывала взрывчатой. “Настроение Князя (семейное прозвище И.А. Бунина — *Н.В.*) было барометром дома”, — замечала художница Т.Д. Муравьева-Логонова^[14]. Вся жизнь виллы “Жаннет” держалась на Вере Николаевне, — неизменно остававшейся ровной, внешне спокойной, словно внутренний стержень, скреплявшей этот странный коллектив. Она гасит неизбежное взаимное раздражение, мирит и успокаивает, помогает обойти острые углы, наконец, тянет на себе все хозяйство, оберегая не только мужа, но и остальных обитателей виллы от домашних забот.

Материальное положение семьи к началу 40-х годов — самое плачевное. Давно розданы и потрачены последние деньги, оставшиеся от Нобелевской премии — их не стало уже в 1935 г. Гонорары за редкие издания бунинских книг нерегулярны и малы. Война приносит дополнительные лишения — скудное и плохое питание, нехватку топлива и самого необходимого. В письмах этого времени постоянно говорится о еде. Мало что изменил и переезд в Париж в 1945 году, затеянный именно с тем, чтобы поправить финансовую ситуацию семьи. Оставалась надежда на дружескую помощь, которая постоянно шла из Америки, больше всего от Цетлиных, посылавших кофе и постельное белье, консервированное молоко и обувь, лекарства и деньги, позволявшие Вере Николаевне покупать на рынке продукты для постоянно хворавшего мужа. С годами положение лишь усугублялось. А. Седых вспоминает: “Болезни не оставляли Бунина, и вместе с болезнями и полной невозможностью работать, материальные его дела пришли в окончательный упадок. Началась большая нужда”^[15]. Эта безысходность отчетливо проступает в бунинских письмах, в сетованиях и жалобах писателя по поводу бедности и убогости существования. В таком же положении были почти все, с кем водили тогда знакомство Бунины (см., например, подробное письмо Веры Николаевны от 15 декабря 1940 г.). У Бунина же, нетерпеливого, неуравновешенного, жизненные невзгоды вызвали не только горечь, но и крайнее раздражение, страх перед ответственностью за домочадцев и близких, постоянный разлад с самим собой, усиливая состояние общей депрессии, от которой он начал страдать много лет назад. Еще в 1931 году Бунин говорил Вере Николаевне о своей душевной болезни и постоянных думах о смерти. В сороковые годы мысли о несостоявшейся жизни и скором конце

прочно поселились в его душе. Его мучит одиночество, страх перед будущим, каждый прожитый день кажется ему последним. 7 сентября 1940 г. он записывает в дневнике: “За мной 70 лет. Нет, за мной ничего нет”^[16].

В заметке “К моему литературному завещанию” (1951, Париж) Бунин писал: “После меня явится, может быть, у кого-нибудь мысль печатать мои письма, дневники, записные книжки. О письмах я уже написал в другом месте (“К моему завещанию, 1942 — Н.В.): я чрезвычайно прошу *не* печатать их, — я писал их всегда как попало, слишком небрежно и *порой* не совсем кое-где искренно (в силу тех или иных обстоятельств), да и просто неинтересно; из них можно взять только кое-какие отрывки, выдержки — чаще всего как *биографический материал*. Дневники мои тоже, по-моему, мало интересны (в общем). Их я тоже писал как попало и с большими промежутками. Да и уничтожил я очень большое количество этих записей. Против печатания их, впрочем, не имею такой решительности, как против писем. Записные книжки *можно* печатать”^[17].

Вопреки воле Бунина дневники его были опубликованы в 1977-82 гг. Письма начали появляться в периодической печати сразу после его смерти. Иногда публикации эти были отрывочными и фрагментарными, иногда, как в “Новом журнале”, — появлялись целые подборки бунинских писем. Данная публикация продолжает ту же традицию. Помещаемые ниже письма И.А. и В.Н. Буниных касаются не столько литературной, сколько бытовой, повседневной жизни писателя, проливая дополнительный свет на положение Бунина в последние годы его жизни. Мы надеемся, что эти свидетельства будут интересны современному читателю.

Письма печатаются в соответствии с правилами современной орфографии. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом.

1.

5 сентября 1940.

Дорогая Мария Самойловна,

Спасибо за весточку. В отеле, где Вы живете, мы не раз останавливались.

^[18] Неужели Вы не вернетесь? Это будет очень грустно. Бабье лето очень свежее. Бывают и очень пасмурные дни. Но сегодня солнце, и немного веселее на душе.

Вчера пришло письмо от Даманской^[19] — денег она не получила до сих пор. А ведь следовало бы и вторую часть послать хоть тем, кому можно, то есть ей и Лоло.^[20] Я думаю написать Наталии Игнатьевне^[21], пусть она или Феничка^[22] узнают на месте, в чем дело. Да, Даманская, которая тоже хочет ехать к Шурочке^[23], спрашивает адрес Софьи Юльевны.^[24]

Получила письмо от Лени.^[25] Он решил при наступлении первых холодов приехать к нам “на два месяца”. Я, конечно, очень обрадовалась. А в то же время стало и жутко.^[26] Как тяжело всякие даже самые дозволенные незаконные привязанности. Как Вы счастливы, что у Вас свои дети, свой внук! А ведь и к чужому можно быть привязанной. И как нужно всегда себя сдерживать в проявлении не только чувств, но и дел. Помню, когда в 1932 г. у него впервые оказалась задета верхушка легких, я, когда мы вернулись все из Парижа, стала ему по утрам готовить кофе и квакер.^[27] Боже, что поднялось и у нас и у Фондаминских^[28]. Как все начали возмущаться! Дошло это и до Лени, и пришлось прекратить, так как мораль в этой болезни самое главное. А если бы он был моим сыном или даже племянником, то на это никто не обратил бы внимания. И неизвестно, зачем люди огорчили меня и расстроили больного, в болезнь которого тоже никто не хотел верить.

Спасла его тогда Наталия Ивановна Кульман ^[29], она собрала ему 800 франков на лекарства и усиленное питание, а затем профессор Лапинский ^[30]. Он меня вызвал после осмотра Лени и сказал, что дело может быть серьезным, и дал хорошие советы. Но это прошлое. Вспомнила потому, что вот-вот наступит будущее. Дай Бог, делать так, чтобы никто не огорчался. Я после Вашего отъезда ни разу не была в Каннах, только в среду 28. Вера Рафаиловна ^[31] не приехала.

Получила сумасшедше-радостное письмо от Бахраха ^[32]. Надеется скоро повидаться.

Если Ваша виза не готова еще, зачем же Вам сидеть в Марселе? Неужели Вы будете ждать в этом шумном городе!

Я следую Вашему совету и держу диету, припадков давно не было ^[33].

Читаю Герцена по-английски, Паскаля по-французски, Бунина по-немецки, а по-русски “Северный Вестник” 1897 года — много интересных статей. Написала свои воспоминания о Ходасевиче ^[34].

Целую Вас и милого Михаила Осиповича мы с Иваном Алексеевичем. А Галина Николаевна и Маргарита Августовна ^[35] в Каннах со вчерашнего дня.

Ваша В. Бунина

Ждем вестей.

2.

9.1X.40

Милые друзья, если не вернетесь в наши края ^[36] нам будет, конечно, это грустно, но что же делать? Храни Вас Бог.

Марк Александрович ^[37] мне пишет, что он подает просьбу о пропуске в Марсель. Может быть, я его еще увижу — собираюсь завтра в Ниццу.

Я получил письмо от писателя Гребенщикова ^[38] (он уже чуть не 20 лет живет в Америке). Пишет, что американцы народ грубый, материальный до крайности, что даже большому писателю там легко умереть с голоду. Как-то (насколько я понимаю, совсем недавно) русское общество помощи писателям в Нью-Йорке устроило вечер в пользу Тэффи ^[39]: собрано было 60 центов. После этого что же я должен думать?

Горячо Вас прошу — попомните обо мне, приехав к Шурочке ^[40]. Найдите добрых и богатых людей, которые могли бы прислать мне что-нибудь: месяца через 2, через 3 средства мои совершенно иссякнут — и что тогда? Ужели нобелевскому лауреату погибать?

Обнимаю Вас с неизменной любовью, передаю привет Вам всего моего дома (самого удивительного на свете, кажется).

Ваш Ив. Бунин

В.Н. хочет написать отдельно.

3.

25 сентября 1940 г.

Милая Марья Самойловна, получила сегодня Вашу открытку. Спасибо за нее и за обещание в случае возможности пойти навстречу моей “комбинации” ^[41].

У нас гостит Бахрах. Очень приятно. Он изменился к лучшему и внешне, и внутренне. Загорелый, подтянутый. Много и интересно рассказывает, кратко, ясно

и с юмором. Он вносит в нашу атмосферу спокойствие и душевный уют. Сейчас они с Яном пошли в город что-то покупать по карточкам.

Леня решил ехать к нам ^[42]. Обещает быть здесь между 16-19 октября. Задерживает его лечение зубов. Для этого придется ему ходить туда и обратно десять километров. Значит, поправился.

Что же ничего не напишет нам милый Михаил Осипович, очень нам недостает вас обоих. Мы и в Канны почти перестали ездить, которые очень опустели. Я только в церковь, но нечасто.

Ян, слава Богу, пишет, иногда по целым дням. В ровном и приятном настроении, Мы теперь можем в 9 ч.30 м. вечера слушать Москву и бой на Спасских часах. Устроили ангенну, которой целый год не было. Леня пишет, что возвращающихся в Париж из санатории кормят бесплатно: обед из четырех блюд и ужин из трех. Дали вагоны первого и второго класса. Он еще пишет, что Аверня народ дикий, но древний. Похоже на избарских мужиков (это в Псковской губернии). Отсюда (т.е. из Аверни) начались крестовые походы. Она первая и пошла. Парижане их презирают за скупость и дикость. Народ, он пишет, правда, дикий, но крепкий.

Все шлют Вам и Михаилу Осиповичу свои дружеские и сердечные приветы. Я целую вас обоих.

Ваша В. Бунина.

Я послушалась Вас — разрежала Вашу простыню на две, и теперь в них спит Бахрах.

4.

15 декабря 1940.

Милая, дорогая Марья Самойловна, сегодня день рождения Шурочки, и я мысленно Вас поздравляю и всей душой с Вами. Я нахожу, что день рождения человека для матери еще более значителен, чем даже для него самого. Думаю, что и Шурочка грустит, что Вы сегодня врозь. От души желаю Вам скорее свидеться с ней.

Писать письма для меня — большая роскошь. Увеличились хлопоты по хозяйству, прибавилась работа и участились походы за провизией в город, что при моих малых силах отражается и на “переписке с друзьями”. Много лежу, а лежать писать мне трудно — быстро устает рука. И очень подробное письмо написать до сих пор не удосужилась.

Совершенно верно: из “*raus non occupés*” можно посылать в “*raus occupés*” ^[43] почтовые переводы до 2.000 франков.

Помощь Тэффи необходима, но включать ее в (неразб.), который уже собственно не существует, едва ли следует. Чек, посланный др. Долгополовым ^[44], видимо, не попал в руки Фаины Осиповны ^[45] — месячному назад она просила меня выслать ей эти деньги... Александра Львовна ^[46] известила, что посылка денег запрещена. Мережковские получают из мэрии по 8 франков в день на человека. Лоло гонят с квартиры.

Даманская в полном отчаянии — так и не дошли до нее 300 франков из По ^[47].

Зайцевы известили “*besoin de provisions et d’argent*” ^[48]. Наташа ^[49] два раза в неделю работает в ресторане.

Ремизовы и Шмелев тоже без всяких средств.

От Алексея Петровича Струве ^[50] знаю, что Рошин ^[51], Михаил Струве ^[52] и Лоллий Иванович Львов ^[53] без работы.

Относительно писателей из “Объединения” [54] у нас имеется мало сведений: Ладинский [55] уехал из нашей зоны, адреса не оставил.

Адамович [56] в Ницце, слышала, что он нуждается. Червинская [57] в La Favière, Яновский [58] в Тулузе. Кнут [59] в Тулузе. Варшавский [60] в плену.

Об остальных ничего не знаем, никто почти не пишет. Очень тяжела была весть о смерти М.Ив. Ростовцева [61]. Подробностей о ней мы не знаем. За один месяц три смерти! [62] Очень жалею о Вадиме Викторовиче [63]. Сокрушаемся о бедной Вере Ивановне [64]. Мы ей писали.

Зуров, конечно, питается не так, как следовало бы ему. Деньги все же тают. Жизнь он ведет почти санаторную. В город спускается раз в неделю, но работает все свободное время от лежания, спанья, еды и небольших прогулок. Погода, слава Богу, ясная и холодная. Воздух à volonté [65].

Бахрах опять у нас, тоже что-то пишет — по целым дням стучит на машинке.

Иван Алексеевич, слава Богу, здоров. Страдает от холода. Много написал рассказов. Надеюсь, что будет продолжать.

Маргарита Августовна стала получать молоко [66]. Она с Галей сегодня в Каннах. Получила письмо от Ляли [67] — уже голодают и холодают. Одно время она с мужем питались только каштанами. Олечку все же кормят. Я сегодня плакала над ее письмами.

Обнимаю, целую Вас и Михаила Осиповича. Дружеский привет чете Ландау [68] от всех нас.

Сообщаю Вам на всякий случай адрес профессора Базельского университета Эльзы Эдуардовны Малер. Она работала в экспедиции с Л.Ф. Зуровым [69], она ученица Ростовцева, за свои ученые работы получила два раза премию от нашего общества университетских женщин. Леонид Федорович с ней в дружеских отношениях. Мы с ней тоже знакомы. Она может, если Вам что-нибудь понадобится, исполнить поручение.

Адрес ее: Prof. E. Maler, Tullinger St., Basel, Suisse.

Раз видела Ангелиночку [70]. Она передала от Вас книгу. Я прочла ее. Жил в одно время с Горьким и ни слова о нем! Люди знамениты большею частью в своем кругу. Книга во многом интересна, но многое и от лукавого! Ангелиночка энергична, бодра, в ней чувствуется сила. Ванечка [71] мил и ручной, сразу пошел ко мне на руки. В четверг буду в Каннах, постараюсь заглянуть к ним.

Дни стоят ясные, но холодные, а угля почти нет. Получили по карточкам 100 кило.

Стали часто питаться рыбой. Едим угрей, но это уже надоедает — слишком жирны. Припадков давно не было. Я стараюсь выдерживать диету, в награду похудела еще — линия налицо — что, впрочем, вызывает не восхищение у моих мужчин, а страх, и меня стараются пичкать.

У нас месяца за два были гости раза два — мало кто решается взять нашу гору, а я за это время была всего раз на именинах. Но скуки не испытываю и духом бодра. Если все здоровы, то жить еще можно.

Если есть деньги, то питаться еще можно хорошо, несмотря на то, что на рынке нет яиц, почти никогда масла, рису, многое дается по карточкам и в небольшом количестве, но все же еще можно есть вкусно. Появилось новое блюдо — кускус — африканская каша, среднее нечто между манной и пшенной крупами.

Встаю я с солнцем, слава Богу, оно теперь встает не рано, и часто на расвете ухожу на базар, и как этот час бывает несказанно прекрасен. Во всем есть и хорошая сторона, умей только отыскать ее.

Еще раз шлю Вам поцелуи, приветы, поклоны, всем на выбор. Да хранит Вас Бог.

В.Б.

Далее следует приписка рукой Бунина:

Дорогие мои, обнимаю Вас от всей души. Передайте мои поцелуи Алдановым. Храни Вас Бог.

5.

24.1.41

Дорогие Марья Самойловна и Михаил Осипович, надеюсь, что вы уже у Александры Николаевны ^[72]. Спешу сообщить Вам, что до сих пор я из Америки не получил еще ничего и что мы находимся в положении *совершенно катастрофическом* — доживаем последние гроши, в полном голоде и адском холоде. Помогите через кого-нибудь ради Бога. Целуем Вас и кланяюсь А.Н. и ее мужу ^[73].

Ваш Ив. Бунин.

У Веры Николаевны все припадки и слабость от пищи св. Антония крайняя. Едим один голый кус-кус.

6.

29.1.41

Дорогая Марья Самойловна, материальное положение наше с тех пор, как мы растались, ухудшилось до крайности — я никогда в жизни не был в таком отчаянии, как теперь. И ниоткуда помощи. Расходы, при всем нашем страшном холоде и голоде, страшные (не говоря уже о налогах по Парижу и по Грассу, по *taxe de séjour* ^[74], по электричеству и т.д.) и при том нас 6 человек — ибо *куда, куда* я дену М. ^[75], Г. ^[76], Зурова, Бахраха!! Они все без гроша и все больны. Не могу писать — руки трескаются от холода. От Я.Б. Полонского ^[77] узнал, что деньги для меня от А.Л. Толстой *давно* пришли в По, но я их не получил и не получу, верно. Почему послали через По, а не прямо ^[78]? Гроши, но вот я и их теряю. Целую Вас и Михаила Осиповича, поклон Александре Николаевне.

Ваш Ив. Бунин.

7.

19 апреля 41.

Дорогой друг, нынче Вера Николаевна получила Ваш *avion* ^[79] от 19 марта. Вы пишете, что В.Н. будет получать продовольственные посылки или, если пожелает, сумму их стоимости через Долгополова. Я не понимаю, о каких 25 долларах Вы говорите. Толстовский комитет, вследствие моих писем к Александре Львовне, начал присылать мне зимой и обещал продолжать присылать ежемесячно 25 дол. Теперь Вы сообщаете Вере Ник., что Толст. Ком. предоставил Вам 25 дол. в месяц на продовол. посылки для Веры Ник., но что В.Н. может, если пожелает, получать не посылки, а деньги, через Долгополова. И вот я не понимаю: эти 25 дол. ассигнованы Вере Ник. *в добавление* к тем 25, кои ассигнованы Толст.Комитетом мне, или нет? Если нет, т.е. если В.Н. будет получать помощь *вместо меня* (продовольств. посылками или, буде того пожелает, деньгами), то что же *я-то* буду делать? Тогда

выходит, что помощь идет не лично мне, а В.Н., что эта помощь отнята у меня и дана Вере Ник., т.е. верите этому наглому хаму Зурову, который опять влез в мой дом и, живя за 10 франков в сутки совершенно на всем готовом, распоряжается *полностью* не только Верой Ник., но всем моим домом и орет на меня. *Если так*, то почему это так сделано? И чем и как я буду оплачивать уголь для кухни, электричество, хлеб, овощи, стирку белья, taxes de séjour (за 6 человек), налоги (их с меня потребовали около 6 тысяч — тысячи 2 лично с меня за житье в “Jannette” и около 4 с хозяйки виллы “Jannette”, говоря: “раз она за границей, извольте платить *Вы!*”) и прочее и прочее. Требуют, кроме того, с меня еще 3 тысячи хозяева моей парижской квартирки ^[80] — если не заплачу, продадут с торгов мое добришко там! Целую Вас и Михаила Осиповича сердечно.

Ваш И.Б.

8.

27 апреля 1941

Дорогая моя, милая Марья Самойловна, не знаю, как Вас благодарить за Ваше дружеское и заботливое ко мне отношение. За последнее время я стала из Лиссабона ^[81] получать разные съедобные вещи и сразу почувствовала прилив сил! А то даже письмо написать мне было трудно. Мы питались почти исключительно овощами, но без картофеля, почти стали травоядными животными. Мясо имеем два раза, а иной раз и один в неделю, а иногда раз в две недели выдается что-нибудь из колбасной, в последний раз по 50 г. на лицо. Но мы были и этому довольны: на Пасху была ветчина! Правда, по лепестку, но и это было приятно. Было и несколько крашенных яиц. Вот и все из пасхального стола! Вспоминала, как из другой жизни, пасхальный стол у Александра Федоровича ^[82] в прошлом году. Привет ему и Терезе ^[83]. Украсило какао, сваренное на подсахаренном молоке, полученное как раз к празднику из милого Лиссабона. До 1 апреля Марга и Леня получали молоко, а теперь их лишили его, выдают только детям и беременным женщинам и кормящим грудью.

Леня тоже стал худеть, что ему не полагается. По мере сил он старается вести предписанный санаторский образ жизни, то-есть, лежит положенное время, не утомляется, редко выезжает. Но питание его тоже далеко не то, что нужно. Он работает над своим романом ^[84] и кажется, доволен с этой стороны своей жизнью.

Марга продолжает ездить к маркизе ^[85], которая недавно дала концерт, нужно сознаться, что Марга, действительно, хороший профессор пения. Она сделала из маркизы то, что едва ли многие могли бы сделать, ибо голос у нее “никакой”, как говорит Зинаида Николаевна ^[86]. Кстати, о них ничего нам неизвестно. Здоровье Марги не очень хорошее. Конечно, очень похудела и порой вид отвратительный.

Галя много работает по дому. Стоит в очередях, иной раз имеет очень хороший вид, что меня пугает. Ведь у нее тоже не все благополучно с легкими. Очереди и меня очень утомляют. В прошлую субботу я неожиданно отстояла три часа и пришлось зайти в аптеку, так как голова закружилась. Мне что-то дали, и я ожила.

Иван Алексеевич, конечно, освобожден от очередей, но и ему приходится иной раз спускаться в город и ходить по лавкам. Бахрах тоже ежедневно ходит, и то то, то другое, чаще овощи пригаскивает. Происходит это оттого, что то одного, то другого продукта нет. Вообще установился быт, в который мы уже вжились. И если бы у меня было больше сил, то я с большим удовольствием проводила бы иногда время в очередях. Много новых черт узнала я во французском народе, больше почувствовала страну. Надо вообще сказать, что я очень бодря духом, и

даже нахожу, что в такой трудной жизни есть и своя хорошая сторона. Все стали менее требовательны. Капризам уже места нет, но это, конечно, хорошо с духовной стороны, а с физической — трудновато.

Нас в первый раз за 17 лет обложили налогом. Потребовали, чтобы мы платили такс де сежур. Хорошее время препровождения на курорте — очереди, беготня по базарам и в результате полуголодный паек. И за это плати еще такс де сежур в размере 50 фр. с лица. А на автобусах ездить стало еще труднее, чем при Вас. Тоже очереди и у нас, и в Каннах. И бывает, что до кассы дойдешь, а билетов уже нет, и жди еще час-полтора следующего. Поэтому я почти не езжу в Канны. Даже на Страстной была только раз в Великую Пятницу. В день Вашего рождения я причащалась и зашла к Ангелиночке, чтобы ее поздравить, к сожалению, она была в отъезде. Но внука Вашего видела. Это настоящий “Иванушка-Царевич” из русской сказки. В золотых завиточках, голубоглазый, с румяными щечками, с немного вздернутым носиком и такой ласковый, ручной, так прямо ко мне и пошел на руки. Через три недели ему год! Поеду поздравлять и его, и мать, если, конечно, у меня не будет припадка. Последнее время он у меня участились. Вероятно, от волнений всяких.

Очень волнуюсь за Петра Бернгардовича ^[87]. После 22 марта от них не было известий. У жены его что-то плохо с ногами. Средств у них никаких. Может быть, можно было узнать о них.

На праздниках все, кроме меня, побывали в гостях и кто-то покушал курочки, кто уточки. А у меня на первый день был длительный припадок, и я не поехала, куда была приглашена. Но курицу тоже попробовала, мне прислал хозяин ^[88] с Иваном Алексеевичем. И, нужно сознаться, вкусной она мне показалась такой, что и сейчас вспоминаю с волнением. Это новый наш знакомый, живет по дороге в Канн (2 километра в сторону). Уже девять лет, как осел на землю. Очень приятный человек. Жена и дочь его у Шуручки. Он знал отца Александра Федоровича.

Ваше письмо по авиону от 19 марта я получила перед праздником.

Шью себе платье, портниха в восторге — такая стала фигура. Только смотреть некому. Но ходить очень легко. Слава Богу, сердце мое поправилось. Конечно, от лежания — я ведь все досуги провожу в горизонтальном положении. И для сердца это оказалось спасительным. Меня, наконец, осмотрел доктор, приятель Лени. Он его ко мне пригласил. Он тоже хочет погостить у Шуручки. Он предписал мне лечение. Обнимаю Вас, моя милая, со всей нежностью, целую Михаила Осиповича.

Ваша В.Б.

Приписка:

С первого мая все материи по карточкам. Но когда получим, неизвестно. Мне удалось купить еще зимой материи из старого запаса по 20 фр., а то бы я была в трудном положении — у меня все платья порвались. Я четыре года ничего для лета не шила, — осталось от прежних запасов только белье, но мыла нет, вообще с мылом драма. Нас шестеро! Всегда благодарю Вас за простыни. Без... [страница оборвана].

9.

25 июля 1945

Милая и дорогая Марья Самойловна,

Бесконечно благодарна Вам за Вашу память и подарок. Очень тронули меня Вы кофтой. У меня как раз старая пришла в большую ветхость. Но только, знаете, Вы и представления не имеете, как я похудела. Но, вероятно, к зиме попопну, что

мне не очень нравится. Легче и приятнее быть худой. Но ничего не поделаешь: нужно питаться, так как кроме приятной худобы, я получила еще неприятность с зубами — за зиму, так как осенью грасский дангист ничего не нашел, чтобы пломбировать, а у меня пришлось запломбировать в этом месяце одиннадцать зубов! И весь мой заработок за июль ^[89] ушел на временные пломбы — 1100 франков. Было и жаль, но было и приятно, что я не должна была обращаться к Ивану Алексеевичу. Тата Каминская уезжает на отдых, а вернувшись, будет продолжать возиться с моими зубами. Надеюсь, что мой ученик не откажется от моих уроков, и я опять справлюсь своими средствами.

Время тяжелое. Душа с трудом принимает все, что приходится слышать и о прошлом, и о настоящем. Порадовались только вчера: Наташа ^[90] родила сына. Пока было решено, что его назовут Михаилом. Подробностей никаких не знаем. Сообщено было по телефону к Нилус ^[91] — у нас телефона нет — что родился мальчик. Завтра Зайцевы и отец Киприан ^[92] у нас завтракают, тогда узнаем все подробности. Надеюсь, что все обходится благополучно.

Очень нас огорчает нездоровье Михаила Осиповича. Передайте ему, что его “Кучка” ^[93] мне очень нравится, но я читала только отрывки. Очень мы соскучились и по Вас, и по нем. Как-то странно в Париже без Вас... Ангелину не видала. Впрочем, мы мало с кем общаемся. Уж очень трудна жизнь.

Живем без всякой фам де менаж, приходится даже стирать, иной раз и простыни, так как можно отдавать только те прачке, которые крепкие, а их у нас мало. С помощью Ляли я справляюсь, но, конечно, мало остается времени для “личной жизни”.

Сейчас приходил Михайлов ^[94] за Яном. Поехали завтракать к какому-то американцу, не то англичанину, у которого повар русский — будут блины и жареный кролик. Немного глупо блины летом, но охота пище неволи.

Третьего дня были у Бененсон. ^[95] Они очень много перенесли. Он был в лагере. Затем они скрывались. Одно время жили у какой-то портнихи, и только в 6 часов утра можно было ходить в ватер клозет, который был на лестнице. Затем в их дом пришла полиция, которая жила в нем 19 дней, но к ним наверх не поднялась. Но все же Бененсоны говорят, что они жаловаться не могут. Такие ужасы стекаются со всех сторон. Кажется, все стерилизованы, кто даже вернулся обратно [из концлагерей — *H.B.*]. У женщин вырывали без всякого наркоза матки и яичники... Времена ужасные. Как будто Христос и не приходил в Мир! Но до угонченных садистических пыток еще нигде никогда не доходили в таких размерах.

Я не политик, а потому мало что понимаю. Чувствую одно, что без Добра и Веры мир не спасется. Страшно очень за детей, молодежь. Вы знаете, что самыми жестокими немцами были подростки!

Всего не напишешь. Мы с Вами в разлуке почти пять лет. За эти годы я узнала французский народ так, как не узнала его за двадцать лет. И многое поняла до конца. Трудно обо всем писать — нужно время. А мне всегда надо куда-то спешить. И всегда много неперделанных дел. Вот и сейчас нужно бежать что-нибудь купить на завтра. А я уже сегодня раз выходила и принесла молоко, мясо для Леонида Федоровича — ему, как больному, выдается больше, чем нам, и он четыре раза в неделю ест по 90 гр., а мы только раз. Здесь его здоровье стало лучше. Он много работает. Пишет доклад о своих открытиях и реставрации в Эстонии. Один уже отослан в Москву. Милоков “приказал” ему в своем последнем письме тотчас же оповестить советское правительство о том, что он сделал — это очень важно для России.

31 июля. Только сегодня могу закончить письмо. Получила Вашу открытку. Спасибо за сообщение адреса Валечки ^[96]. Радостно, что он здоров и работает. Пока

я достаю здесь те лекарства, что мне нужны. *Больше всего нужны чулки*, летом мы ходим на босу ногу. Цены здесь на них очень высокие, и достать их трудно. Трудно и с мылом, особенно для стирки.

На что живет Тэффи — не знаю. Большой посылке и башмакам она чрезвычайно обрадовалась. Вид у нее “молодой”. Но, кажется, аорта в дурном состоянии.

У Наташи Зайцевой, т.е. Сологуб все идет хорошо, ребенок здоровый. В пятницу она надеется переехать домой. Из нашего дома у нее была лишь Ляля. Я избегаю метро.

Обнимаем Вас, моя дорогая, и Михаила Осиповича. Еще раз спасибо за подарки. Чаем я подкупаю [неразб.]. Кофе сами пьем. Здешний очень паршивый.

Кланяйтесь Зензинову. Целуйте Веру Ивановну и Шурочку. Приветы всем вам от всех.

10.

4.8.1945

Милые, дорогие друзья, по-прежнему сердечно люблю вас, с грустью вспоминаю наше первое время в Париже — уже такое далекое и такое счастливое... Как Ваше здоровье, дорогой Михаил Осипович? Храни Вас Бог! Напишите, дорогая Марья Самойловна, когда-нибудь поподробнее, как Вы живете, что делаете? Пришлите мне, пожалуйста, книгу о “Могучей кучке”.

Целую Вас обоих от всей души.

Ваш всегда Ив. Бунин

11.

13 октября — 1 ноября 1945

Милая и дорогая Марья Самойловна,

Больше месяца тому назад начала Вам письмо, написала три больших страницы и... не кончила. Написать мне письмо теперь самое трудное дело. Очень много всяких забот, работ. Кроме дома, хвостов, у меня есть занятие для души. С моей кухней, Наташей Барановой, мы разбираем письма Шестова, ее отца. Очень много интересных и значительных мест находим в них. Готовим материалы для его биографии. А для денег стучу на машинке — раз в одну неделю заработала больше тысячи франков, иногда приносят материал и оставляют, иногда диктуют. Эти дни приходит ко мне один автор, и я стучу статью о славянофилах, третьем Риме... Иногда приходится писать и по новой орфографии так, как теперь даже сама Екатерина Дмитриевна Кускова написала Яну письмо без ять, твердого знака и с другими новшествами. Теперь меня мало что удивляет. Все немножко сошли с ума.

Очень Вы нас тронули Вашей телеграммой, она пришла накануне, но я ее передала в день рождения, которое, впрочем, мы не праздновали, так как новорожденный хотел забыть о нем и даже, как ни в чем не бывало, пошел обедать к Полонским. Уверяет, что они об этом не знали, как почти все наши друзья и знакомые, исключение Н.И. Кульман и Зайцевы. Но они ограничились открытками, зная отношение Яна к этому дню. Правда, через два дня были его именины, и Ляля спекла три пирога: два с вареньем из слив и один с говьяжьей начинкой. Они были вкусные, и мы ими угощали гостей: В.А. Зайцеву, Феничку, которая пришла случайно, и Наташу Баранову. А вечером отправились все на Монпарнас, где “оставшиеся после кораблекрушения”

сидят в кафе “Дом”^[97] и мирно беседуют над бочками пива. Все стало милее, приятнее, обдерганнее, измученнее. Многим пришлось перенести немало.

Зуров живет в пыли, среди чужих вещей, пишет на машинке, скрючившись на постели, и платит за это 600 франков в месяц! Из окна несет. Тут же стирает свое белье. И при всей своей энергии ничего не мог до сих пор найги, соглашался платить до тысячи франков в месяц за более или менее сносную комнату. Его материалы по его экспедиционным исследованиям отсылаются в Русскую Академию Наук. Павел Николаевич Милюков в последнем письме к нему советовал сразу же ознакомить русское правительство с тем, что он сделал. Он теперь зарабатывает себе на жизнь.

Феничка рассказывала мне, что была у Ангелины, которая на ее взгляд очень возмужала. Ваш внучек очарователен — самый занятный возраст.

Слышали, что Валя отправился к вам, как Вы его нашли? Изменился ли он?

А вчера был “вечер Адамовича”, он читал о четырех поэтах: Маяковском, Есенине, Ахматовой и Ос. Мандельштаме. К сожалению, о последнем он сказал мало: в одиннадцать часов раскрылась за ним дверь, и рослый дядя заявил, что пора кончать. Адамович выскочил за ним и выпросил еще льготную четверть часа, но нужно было по крайней мере полчаса... Это первый вечер как бы из прошлой забытой жизни. Публика прежняя, наша, только два-три лица из нового мира, но как все изменилось! Постарели, посерели, настоящих молодых лиц не было. Один, приехавший из России, спрашивал: “А где же ваша молодежь? Так она интересуется литературой?!”. Но мы, вернее, многие те, что провели лихие годы на юге, испытали новые чувства: трудно передаваемую радость свидания: спаслись! Уцелели! И грусть непередаваемую, что многих из тех, кто всегда бывал на подобных встречах, уже нет с нами...

Зал был полон, но сбор небольшой, в несколько тысяч (4.500 фр.) всего франков — билеты стоили сто и пятьдесят франков. Но большинство было истинно приглашенными.

Теперь на очереди у меня вечер Зайцева, вернее “матинэ”^[98] — 25 ноября он будет читать о Лескове и прочтет что-то из этого писателя. На Адамовича я тоже немного продала. На Зайцева нужно больше: во-первых, времени много, а во-вторых, он только что поправился после неприятной болезни фурункулеза — гнойная сыпь на лице. Теперь он поправился, вчера тоже был на этом вечере, но вид не радуется — еще больше обтянулось его иконописное лицо. Б.С. Нилус уже вчера продала четыре билета по сту франков на него, кажется, у своих родственников. Ее брат только что вернулся из Ваших мест. Я пока продала три на 200 франков.

Очень благодарю Вас за обещанную посылку. Цены здесь на теплые вещи такие астрономические, что я отношусь к витринам теперь не как раньше к магазинам, где что-то можно купить, а как к выставкам, музеям и подобным местам, где вещей не покупают.

Теперь главная забота о том, чем и как топить. Мы получили с юга две печки, пока в подвале лежат палки на “растопку”, по карточкам выдадут несколько сот (кг) угля и на Яна 400 кило дров! А затем разные обещания, мечты, покупка решо^[99], которое при первом же разе испортилось. Парижане рассказывают ужасы о прошлом годе, у Нилус топились только 17 дней. Я как-то ни о чем не беспокоюсь, хотя в моей комнате нет никакой печки и даже нет настоящего одеяла, свое я отдала Яну, надеюсь на свою меховую шубу, буду, как медведь, лежать и сосать лапу. Но Ян очень волнуется и что-то предпринимает.

Октябрь же в этом году удивительно хороший: много солнечных, с синим небом дней. Сегодня, пожалуй, в первый раз в комнатах холодно, но у нас теплее, чем у других, так как мало наружных стен, но, конечно, зимой будем жить не очень приятно.

Ваша кофта пока очень меня согревает, и хорошо, что она широкая, могу напяливать на теплый костюм, хотя я стала полнеть — нужно перешивать пояса у юбок...

Любовь Германовна ^[100] все еще на юге. Жизнь и там не очень легкая. Трудно им с прислугой. А мы и не пытаемся искать даже фам де менаж, даже и за 20 франков в час. Все равно не найдешь!

Целуем и обнимаем Вас и дорогого Михаила Осиповича. Привет друзьям и знакомым.

Храни Вас Бог.

И еще продержала это письмо на столе. За эти дни был обед у Ельяшевичей. Было вкусно и весело. Ян смешил всех до слез в буквальном смысле этого слова. Вспоминали и Вас, и Алдановых. За широким просторным столом просидели 5 часов! Передайте Мих. Ос. наши поцелуи. Приветы друзьям и знакомым.

Ваша В. Бунина

12.

6 декабря 1945 г.

Милая и дорогая Марья Самойловна!

С самого вечера, когда звонок по телефону сообщил мне о кончине дорогого Михаила Осиповича, я ни о чем другом не могу думать, как о нем и о Вас. Конечно, когда есть время на думанье. Вы знаете, что я очень люблю его и очень ценила его беседы сомной, и я очень горюю, что еще одна мечта о встрече здесь рухнула. Знаю Ваш сильный Дух, а потому уверена, что Вы стойко переносите свое горе. Очень утешает, что Валя с Вами. Понимаю, как тяжело всем Вам было, что Ангелиночки не было с Вами. Вероятно, и ей не легче.

Пережила за эти недели наши встречи и в Москве, и в Одессе, и нашу дружбу в Париже. Много хорошего и приятного было за эти годы в наших отношениях.

Всегда с благодарностью вспоминаю и Вас обоих. Передайте Вале и Шурочке наше сочувствие. Иван Алексеевич болен, сильнейший кашель и сердце, и очень занят. Продал “Темные аллеи” Зелоку ^[101]. Он Вас обнимает, как поправит ся, так напишет. Целую Вас со всей нежностью.

Ваша В.Б.

Посылку с туфлями и чулками (2 пары) получила. Очень благодарю. Скоро напишу еще.

13.

8 февраля 1946 года

Милая и дорогая Марья Самойловна,

Не знаю, которое по счету я начинаю Вам письмо. Надеюсь, что это dokonчу и пошлю по воздушной почте. Спешу Вас известить, что от воспаления легких Ян поправился и уже расплатился с доктором. Кроме гонорара подарил ему пару ботинок, черную, которую Вы прислали. Она подошла ему как нельзя лучше, а Яну велика. Так что и в этом Вы приняли участие.

Не знаю вообще, как Вас, дорогая, благодарить за все, что Вы делаете. Я лично без Вас бы пропала. Ведь у меня никогда не было ничего теплого из нижнего белья. Теперь хожу во всем мужском, кроме чулок. И если бы не это, то, вероятно, ишиас, который все мне угрожает, разыгрался бы. У нас ведь топится только ком-

ната, где живет Ян, то есть столовая. А в остальных бывало очень прохладно, хотя я к холоду отношусь очень стойко, да и зима была “сиротская”. В Грассе я больше мерзла, чем здесь...

Болезнь была серьезная и тяжелая. Я больше двадцати дней не раздевалась, спала около Яна на той же постели. Приходилось иногда раз пять в ночь подыматься. Теперь уже сплю у себя, и ночью он меня не тревожит. Но полного выздоровления еще нет. Он все время чувствует “какое-то подташнивание”. Я уговариваю пригласить специалиста. Но он упорствует. Это “подташнивание” было еще в Грассе. Была еще беда с зубами, пришлось на дом пригласить дантиста. Сильными мерами воспаление ликвидировали. Казас нашел, что это от расстройства всего организма. Ян очень исхудал, ноги — палочки. Стараюсь доставать все, что можно. Но что это стоит! Не успеваю менять “пятитысячники”. Помогают очень посылки из Ваших мест. Спасибо всем за них сердечное. Хорошо бы, если бы присылали сладкого молока. Он пьет его с удовольствием. Вообще же аппетит у него очень средний. Любит апельсиновое варенье.

Если бы из его денег Вы купили мне две пары шерстяных чулок, а ему две сетки, размер большой, — он не любит, чтобы его что-либо стесняло. Это ему больше, чем необходимо. Его совершенно разорвались, а шерстяное белье на голое тело он надевать не может. Здесь же сеток найти нельзя.

Ваши посылки получаем. Иногда Вы прямо спасали. Например, когда пришли простыни, я увидала “небо в алмазах”. Положительно не знала, что делать. Прачка держит белье две недели, а во время болезни простыни очень пачкаются и за неделю. И вдруг Ваш подарок! Можно сказать, выручили. Он и сейчас спит в них. Теперь он уже встает, надевает тешую пижаму. Но из комнаты его мы еще не выпускаем, — разная температура. Серов^[102] говорит, что в солнечный день он уже может выйти на десять минут на воздух, но, к сожалению, хотя и тепло, но сумрачно — Париж последнее время в серых тонах.

Вчера у нас были Зайцевы. Они, слава Богу, здоровы. А то ведь и у них была тревога. Настроение у них легкое. В понедельник надеюсь выбраться к ним — Борису стукнет шестьдесят пять лет!

Вообще же Ян очень не хочет кого бы то ни было видеть. Настроение у него чаще всего тяжелое и мрачное. Но иногда бывает и оживлен и даже смешит. Легко допускает к себе тех, кто жили у нас в Грассе: Зурова, Бахраха, Любченко, мою приятельницу, которая часто у нас гостила на вилле Жаннет. Она очень мне помогла во время болезни. Ведь одно время была больна и Олечка, и Ляле приходилось ухаживать за ней в пансионе, где она заболела. Фамы^[103] у нас никакой нет. Представляете, как весело! Вот почему я никак и не могла собраться написать Вам и другим. Меня очень тронула Злата Давыдовна^[104]. На-днях напишу ей. Дело в том, что мне теперь всегда хочется спать. Иной раз в день прикорну раза четыре.

Вчера узнала о смерти Веры Николаевны Ильнарской, жены Лоло. Кончилась ее страдальческая жизнь^[105]. Из-за болезни Яна я ничего не написала ей к Новому году.

Работаю я и в “Быстрой помощи”, которая очень много помогает. Несмотря на полную невозможность отдалиться этому делу, я все же как-то умудрилась собрать им в два месяца три с половиной тысячи франков и продать уже несколько билетов в синема в пользу этого общества. Нищета здесь ужасная. Я стараюсь как можно больше завербовать членов.

Жизнь наша здесь совершенно иная, чем была при Вас. Никаких почти сборищ. Даже у соседей не бываем. С Феничкой почти не видимся, а живем друг от друга в двух шагах. Видаешься лишь с теми, кто заходит.

Нужно признаться, что на гостей собственно сил нет. Очень уж все измотаны.

Только на-днях повидалась с Т.С. Конюс [106]. Она много рассказывала мне об Америке. Общее впечатление у нее, что тамошние не представляют ни нашей жизни, ни того, что мы все пережили за это лихолетие. Восхищает ее удобство американской жизни, квартиры. Удивляет количество визоновых (цигейковых?) шуб.

Вчера ночью докончила XI книжку журнала. Очень она хорошая. Интересна статья Николаевская [107], я собственно ничего об Японии не знала. Еще раз пережила смерть Михаила Осиповича. Увидела его больного за работой. Марк Александрович очень талантливо о нем сказал и очень правильно. Вижу его чаще каким он был в Грассе: худым, красивым, в белом берете. Звонок. Пришла посылка от Марка Александровича. Ян еще спит. Будет радость, когда проснется. Обнимаю и целую. Ваша В.Б. Когда же увидимся!!

18/11. Десять дней не могла докончить и отослать Вам мое послание. Была работа по переписке. Зарабатываю на *femme de ménage*. Удалось найти одну приходиться раза два или три в неделю вечером — от 10 ч. до полуночи. Плата 30 франков в час. Это меня освобождает от постирушки, мытья пола в кухне и подметания полов. Последнее чаще приходится на долю Ляли. Пришлось уделять время и на “Быструю помощь”. Кой-кого навестить, кой у кого позавтракать. Раз ела утку и продала тринадцать билетов по сто франков. Фильму дали старую “24 часа на русском фронте”. Было 2 сеанса в 5 ч. и 9 вечера. Надеемся на 15.000 фр.

За эти 10 дней Ян окреп немного, но все еще не выходит, даже из своей комнаты. Стараемся его кормить, что не так легко.

Мне кажется, что одна из Ваших посылок пропала. Вы написали, что посылаете мне 3 пары шелковых чулок — я не получила. Три пары — шерстяных дошли, и я Вас ежедневно благословляю. Привет всем друзьям. Поцелуйте Веру Ивановну и Шурочку.

14.

[Февраль 1946]

Дорогая, милая Марья Самойловна, Вы даже и представить себе не можете, до чего нам больно, просто страшно и думать и чувствовать эту все-таки неожиданную, ужасную потерю! Мы даже как-то не могли сразу написать Вам! Обнимаем Вас с самой горячей любовью и просим Бога дать Вам сил вынести Ваше тяжелое горе.

Ваши Бунины.

Будем счастливы, когда сможете написать нам. Я едва поправляюсь после долгого и тяжелого гриппа.

15.

9 января 1947

Дорогой, милый друг, пишу только два слова — ибо пишу в постели, опять лежу в гриппе, погибаю от кашля, одышки и слабости [108]. Все, о чем Вы писали, на днях получено — очень благодарю! Надеюсь уехать на юг в конце января [109]. Тэффи тоже больна, ей тоже необходимо ехать, — горячо прошу о скорейшей помощи ей, она в большой нужде. Горячо целуем Вас.

Ваш Ив. Бунин

16.

10.2.1947

Милый, дорогой друг, я только начал добредать до письменного стола — без конца лежал в постели и все еще кашляю, задыхаюсь, все еще у меня увеличена и болезненна печень, чего прежде никогда не было. И обнищал я ужасно от болезни. А тут еще ужасная зима — морозы и порой снег не только в Париже, но и на Ривьере. Надеюсь выехать туда (вместе с Надеждой Александровной (Тэффи — *Н.В.*) числа 20-го, т.е. дней через десять. Но адрес мой пока — Париж: ведь еще даст ли Бог выехать? Часто охватывает страх — как я буду там один, без Веры, по ночам, когда больше всего кашляю и задыхаюсь? А ехать вдвоем не по средствам.

Сердечно целую Вас и прошу — пришлите, пожалуйста, (опять-таки сюда, в Париж, на имя Веры) большой и *очень хороший* термос: мне бывает *экстренно* нужно по ночам горячее для облегчения кашля и одышки.

Ваш Ив. Бунин

17.

19 февраля 1947 г.

Милая и дорогая Марья Самойловна,

Приходится Вас огорчить: у Яна оказалось после анализа крови всего 300 000 красных шариков, а нужно их у мужчин четыре с половиной миллиона или даже пять! Вы представляете, в каком мы волнении. Дело в том, что у него больше чем два месяца назад было кровотечение ^[110], и он обескровил, как это было 26 лет тому назад. Теперь у нас у всех одна задача — уговорить его сделать укол. Врачи уверяют, что они безболезненны и безопасны. И все склоняются к тому, что его довольно тяжелое состояние (сердца, общей слабости) зависит именно от очень сильного малокровия, с которым придется бороться очень энергично, чтобы не случилось непоправимого. Он до сих пор в постели и так слаб, что пройти по комнате — целое дело. Большое упущение было сделано, что анализ произведен был так поздно. Всех врачей и нас пугал его кашель, который и до сих пор продолжается и имеет характер коклюшечного, есть мнение, что и кашель отчасти зависит от ослабления всего организма. Одно время думали, что дело в сердце, так как пульс порой бывает очень слабый и частый, после анализа врачи говорят, что это тоже от сильнейшей анемии. А сердце, к счастью (это единственное утешение), в хорошем состоянии. И если он согласится на уколы, то силы будут восстановлены довольно быстро. Но необходимо усиленное питание. И раньше во время его болезни его питание стоило дорого — Вы, вероятно, от Ангелиночки знаете, какие теперь цены, а последнюю неделю (анализ был получен в прошлую пятницу) его питание и отопление мне иной раз в день обходится 2000 франков, а самое малое 500 франков. Его необходимо кормить, например, телячьей печенкой, кило которой стоит 600 франков. Ему всегда холодно, порой он дрожит и приходится топить, и на одну лишь растопку идут бешеные деньги. Словом, то, что я получила от Шуры ^[111], уменьшилось вдвое. Чтобы его не расстраивать, я скрываю от него наше финансовое положение. Конечно, в вышеупомянутые суммы входят и лекарства и оплаты врачей. Ко всему аппетита у него никакого, приходится умолять его, чтобы он что-нибудь съел. Впрочем, Вы, вероятно, знаете, что это такое.

Роговский ^[112] все еще здесь. Он ждал выздоровления Ивана Алексеевича, чтобы его сопроводить. Врачи думают, что после уколов ему будет можно скоро ехать в Жуан ле Пэн, где, конечно, Беляев ^[113] его поставит на ноги. Конечно, уколы

тоже влетят в копеечку. Но ничего не поделаешь. Пришел черный день — нужно все сделать, чтобы предотвратить непоправимое.

О себе могу сказать, что я устала очень. Ведь с 1 января этого года я проводила до последних дней ночи с ним. Он кашлял так, что приходилось раза по три в ночь вставать и давать ему что-нибудь теплое. Последние три ночи я сплю в своей ледяной комнате, не раздеваясь, так как если позовет, то нужно как можно скорее к нему добежать и дать пить или посмотреть, не погасла ли печка.

Последнее время нездорова Ляля, у нее что-то в почках и все время повышенная температура. Наша фама перестала ходить, что очень трудно, приходится самой стирать, так как наша милая старенькая мадемуазель Имбер^[114] уже на тяжелую работу не годна, но все же она помогает и приходит почти ежедневно. Помогает и мать Ляли, и Любченко, и Феничка. Сегодня я с двумя последними перетасила все оставшиеся дрова и весь уголь в нашу квартиру.

Тэффи тоже заболела, у нее что-то с сердцем, какие-то шумы. Ее уложили на три дня в постель, запретили двигаться, и она, бедная, лежит одна в холоде.

Трудно достать билеты на юг. Ведь нужны спальные места. Иначе ни она, ни И.А. не доедут. Больше месяца уже хлопчут и все никак не получают. Теперь надеются на середину марта.

Получила на-днях два пакета книги 12-й. Почему послали именно этот номер, не совсем понимаю.

Сегодня пришла посылка от милой Татьяны Сергеевны Конюс, и как она кстати. Кое-что отдала И.А. как мед, чернослив, изюм. Жаль, не было кофе, здесь выдали только за декабрь...

Леня благодарит очень за перчатки. Почему ему не прислал Литературный фонд никаких денег, тогда как другим писателям прислали? Я думаю, что ему придется бросать службу^[115]. Вид у него хороший, но он почти перестал спать. Очень нервен, и писать невозможно.

Ян целует Вас и благодарит очень.

Ваша В.Б.

Приветы всем.

Сегодня 20.П, получила Ваше длинное письмо, дорогая моя, спасибо за все. Отвечу на него при первой возможности. А пока целую крепко.

Ваша Вера.

18.

9 марта 1947

Милая, дорогая моя, только что пережили ужасные моменты: Яну было дурно. Я вошла в его комнату, когда он сел обедать, и увидела, что он, опустив левую руку, сидит в наклонном положении. Я спросила, что с ним, он ответил: “Ничего”. Но позы не переменил, тогда я поняла, что ему плохо, позвала Лялю, а затем ее мужа, который был, к счастью, у нее. Ляля стала приводить Яна в чувство, а я бросилась к Нилус, чтобы позвонить Аигову^[116], который, к счастью, оказался дома. Это был обеденный час. И попросила Берту Соломоновну пойти и посмотреть, так как у нее большой медицинский опыт. Ей показалось, что дело совсем плохо, и она еще раз позвонила Владимиру Давыдовичу, напугав его так, что когда он приехал к нам, у него тряслись руки. Жиров (муж Ляли — Н.В.) помог Яну перейти на постель, и когда доктор явился, то он уже был в полном сознании. Аигов

думает, что это желудочное: его мутило. Он впрыснул камфору и дал на ночь принять морфию. Сегодня у нас были гости: Тэффи, Пантелеймонов ^[117], Струве ^[118] и Наталья Ивановна ^[119], и все, конечно, его утомили, а он еще очень слаб. Теперь никому не позволю больше четверти часа быть около него. Может быть, и съел что-нибудь, что не переварилось.

Неделю тому назад был сделан первый укол, на который его возил Владимир Давыдович. Кроме его обычной болезни, у него еще кое-что есть, что будут удалять прижиганием завтра ^[120], когда он придет опять с Аитовым на укол. Уколов надо сделать три. Последний назначен на 17 марта.

От Шуры получили 50 книг. Очень целую Вас за Ваши хлопоты. А вчера был доставлен термос, который Яна очень обрадовал. Он был в дурном настроении, и это дало ему радость, главным образом потому, что он непохож на здешние по форме, вернее, виду, в нем чувствуется мощь.

10 марта. Вчера не удалось закончить письма. Сегодня милый Владимир Давыдович возил Яна на прижигание и укол. Хотя очень много за то, что опухоль доброкачественная, но все же ее взяли на исследование. Через неделю будет ответ. Аитов не вполне уверен, что нужно сделать только три укола. Может быть, и четыре или пять. После третьего укола нужно, по его мнению, неделю ждать, и если за последнюю неделю кровь ни разу не покажется, то после 24 марта можно ехать в Жуан ле Пэн.

Очень жаль, что вместо 14-й книжки мне прислали 12-ю. Их у меня теперь 23, а четырнадцатых только четыре. Нужно последних дослать. Сейчас ими занимается моя приятельница Наталья Федоровна Любченко, очень живой и деятельный человек. У Ляли все повышенная температура, и врачи до сих пор не доискали причины, а потому ей трудно быть энергичной, и я предложила Наталье Федоровне заняться Вашим делом. Сегодня она пристроила в одном месте весь комплект. Мы послезавтра отправляемся на рю Николо ^[121], чтобы взять недостающие книги, а часть двенадцатых отнести туда, чтобы было равновесие. В настоящее время у нас 24 человека, из которых, наверное, 16 захотят пятнадцатой книжки. Некоторые недовольны разностью формата. Думаю, что следует Вам прислать, если нет на рю Николо, еще мне несколько экземпляров четырнадцатой книжки. Вчера Наталья Ивановна купила три книжки для кого-то.

Вы спрашиваете, что нам самое нужное. Из съедобных: кофе, кофе, и кофе, а также мыло. Сегодня получили посылку, хоть плачь. Все, что не употребляем, какое-то кокомальт, масло из орехов, от запаха тошнит, уатс ^[122], что можно и здесь получать, это какая-то Диана, которую мы не знаем. Очень тронуты, но и досадно. Ивану Алексеевичу нужно в настоящее время есть вкусное — у него никакого аппетита нет, поэтому уговорить его есть очень трудно, а доктора говорят, что ему нужно есть как можно больше. Я стараюсь из всех сил добывать ему вкусное. Покупаю дорогие груши, когда возможно, апельсины, лимоны, сухие фрукты для компотов, конечно, телячью печенку, а она стоит очень дорого, ветчину, сыр.

11 марта. Опять прервала письмо. Бог даст, dokonчу сегодня и пошлю его Вам. Сегодня Маковский звонил, что достал билет на 22 марта. Но есть место на верхней полке в спальном двухместном купе. Он уверяет, что кто-нибудь из более молодых людей, едущих в этом вагоне или другом (их три вагона спальных) уступит Яну свое место, а сам полезет наверх.

Сегодня Ян, слава Богу, спал. Ел вовремя, теперь три часа, и он опять спит. Я думаю, что за две недели он окрепнет. Буду стараться его кормить только легкой, но очень питательной пищей, чтобы не повторилось то, что было в воскресенье.

Сегодня купила превосходной ветчины и жамбоно ^[123], ему очень хотелось, это дня на два, когда не будет мяса. Печенку тоже удалось сегодня достать, а то он два дня был без печенки. Мы с Лялей питаемся не очень хорошо. Она спасается яйцами, которые теперь дешевы, а мне яйца не очень полезны. Кроме того, у нас обедает ежедневно наша милая старушка мадемуазель Имбер, которая немного мне помогает и приводит в порядок белье Яна для отъезда. Иногда удается достать дешевую рыбу, благо теперь пост. Но вообще все очень дорого. А грозят забастовкой мясников! Ляня получает посылки, и этим спасается. Вид у него хороший но нервы никуда не годятся — бессонница сказывается.

Вы спрашиваете, что нам нужнее всего из вещей. Я как-то так далеко сейчас от этого, что затрудняюсь сказать. Конечно, всегда нужны чулки. Хорошо было бы, если бы Вы могли достать у кого-нибудь летнее пальто для меня — у меня нет никакого, а что-либо себе покупать я считаю невозможно. И так деньги у нас теперь “с крылышками”.

Читаю теперь книгу о Чехове трагически погибшей Немировской ^[124], хорошо написана, и не понимает она в Чехове сравнительно мало.

Попросите и милую Софью Юльевну послать Гале ^[125] “Новоселье”. Галя пишет, что прямо рвут книги. На-днях ей кто-то прислал пять экземпляров пантелеймоновского сборника ^[126], мгновенно их расхватили. Я хотела сама написать Софье Юльевне, но боюсь, что времени не будет, да и очень я утомлена. Не судите строго мой стиль. Когда хожу по улицам, то мне кажется, что я вот-вот засну.

Поздравьте и от меня Софью Юльевну за ее энергичную деятельность. Надеюсь, что тоже в этом году прилетит в Париж. Я не совсем понимаю, в чем будет состоять юбилей, это юбилей только “Новоселья” или ее? Если ее, я приветствую ее тоже как поэтессу, а не только как редактора журнала.

Вы спрашиваете, кто мне помогает? Конечно, Ляля, мадемуазель Имбер, очень Наташа Любченко, Феничка, Тамара Бродская ^[127]. Б.С. Нилус присылает иногда котлетку, которую Ян ест с большим удовольствием. Она ведь повариха. Ляня часто приносит провизию: рыбу и другое. Бахрах иногда ходит со мной за растопками, так что все-таки есть хорошие люди.

Очки для занятий мне все же пришлось заказать, так как для продолжительных занятий те, что я заказала при Вас, не годятся, глаза в них сильно утомляются, но для дали и для быстрого чтения на улице они идеальны.

Да, вспомнила, что необходимо для Яна, — гречневая крупа, мы Вашу всю уже давно съели, а здесь можно достать ее только по 400 кило. На это и я никак не могу решиться. Уж очень обидно.

Ляля шлет Вам привет. Олечке 14 марта будет 14 лет. Она решила дома не праздновать своего дня рождения, а вместо этого взяли билеты в Оперу на “Риголетто”. Целую Вас.

Ваша В.Б.

19.

29 марта 1947

Милая и дорогая Марья Самойловна, неделю тому назад мы проводили Яна на юг в “Дом отдыха”. Поехал он один, так как удалось достать только один билет в спальном вагоне, и то через Клягина ^[128]. Тэффи с Роговским уехали раньше с другим поездом, взявши места с кушетками. У Тэффи перед отъездом был силь-

нейший припадок, но потом все обошлось, и она хорошо доехала. Довольна и пока, слава Богу, плохих вестей о ней нет.

Яну был добыт билет на верхней полке, и мы все очень волновались, ибо понимали, что при его слабости ему лезть наверх нельзя. Решили просить кого-нибудь, кто помоложе, перемениться с ним местом, в поезде было 40 спальных мест. Но все же волновались, особенно он. По платформе ему было уже трудно идти — он был так слаб, что когда пришлось идти к зубному врачу, который принимает в бывшем вокзале, знаете, около нас, на рю Буланвилье, то мы брали складной стульчик — у Берты Соломоновны нашелся — и он сел на стульчик раз 5. И пока мы шли по платформе — вагон был первый, дальний — он все прибавлял, сколько дать проводнику, если он найдет “милого господина”. Провожали: вся семья Жировых, Михайлов, Любченко, Бахрах, Адамович, — Леня был на службе. И вот вся наша орава вошла в вагон, а потом ввалилась в купе, где уже сидел пожилой человек, с которым Ян весело поздоровался, и они оба стали шутить. И вдруг я слышу: Абрам Осипович! Да это Гукасов ^[129], как же я его не узнала! Правда, я была так взволнована, что почти ничего не видела. Измучена последнюю неделю я была очень. И много грехов Бог простит Гукасову за ту доброту, какую он проявил в тот вечер к Яну. Потом на платформе я подошла к нему еще раз, поблагодарила, сказала, что это чудо, что Бог помог, рассказала вкратце о болезни Яна и просила, чтобы он с ним не очень разговаривал. Когда поезд трогался, Ян стоял у открытого окна и был очень возбужден и в то же время спокоен. Конечно, ему было приятно, что едет со знакомым человеком. И знаете, он спал до самого Марселя так, как давно не спал. Ведь последнюю неделю он лишился сна, и даже снотворное не действовало. Дело в том, что от него не скрыли, что, может быть, у него рак, что послано на исследование, и двенадцать дней он мучился, хотя только раз ночью мне сказал: “В понедельник меня может ожидать еще удар...”. Я не поняла: “Какой?” “А, может быть, окажется рак...”. Слава Богу, этого не оказалось. Но не понимаю, зачем нужно было раньше времени ему об этом говорить?..

Беляев, как и Аитов, нашли его сердце и легкие в порядке. Кашель скорее носоглоточного происхождения, может быть, астматического. Но каждую ночь, проснувшись, он мучительно кашляет довольно долго, потом засыпает.

В Антибах его встретили на такси Беляев и Ставров ^[130]. Дом ему понравился. Кухня тоже. Ему за особую плату готовят отдельно. Я написала Беляеву, чтобы он тратил на него все, что нужно, — ведь сейчас самый критический момент, нужно, чтобы шарики увеличивались в числе. Ян пишет, что плохо одно, нет фруктов, я послала ему kilo апельсинов, заплатив за них 235 фр.

Не знаю, как все же он там себя чувствует. Тэффи обещала подымать его дух. Ставрова, которая с мужем уже живет там второй месяц, надеюсь, исполняет для него маленькие поручения, они дружат. Беляев ежедневно его осматривает, а его подруга живни ^[131], по слухам замечательная женщина, очень хорошая хозяйка; заведующий хозяйством и всеми этикетками, бывший моряк Протасьев ^[132], по матери Бунин, очень нравится Яну, так что окружение приятное. Был один недостаток — твердые постели, но ему кровать переменили, и он не жалуется.

Но, конечно, я живу в тревоге. Успокоюсь, когда узнаю, что шарики прибавляются. Врачи уверяют, что у него очень хороший организм, но все же очень страшно. Это, конечно, мешает и мне отдыхать. Да и дел еще много. Нужно чистить квартиру. Ведь за болезнь она очень запустилась. Наша ночная фам де менаж перестала ходить к нам уже несколько месяцев, и нам с Лялей было очень нелегко. А у ней ко всему все повышенная температура, и врачи не могут понять ее причины, и

страшная усталость, ненормальная. Теперь она ищет энергично себе занятий, так как у меня стало гораздо меньше возможностей с отъездом Яна. Да и я могу быть в скором времени туда вызвана.

Хотелось бы здесь провести Страстную неделю, встретить в церкви Пасху. Сегодня была на рю Дарю панихида по Павлу Николаевичу. Устраивал ее Коновалов^[133]. Я видела там много знакомых, и как все осели! Завтра будет другая панихида у Серафима. Сегодняшнюю служил Владыка Владимир.

Третьего дня получила от Зеелера^[134] две простыни и два полотенца, что очень кстати. Нужно их отослать Яну, так как там белья нет. И как раз есть оказия.

Леня все служит. Вы правы: он перестал днем спать, так что его сон ограничивается иногда тремя, четырьмя часами. Его друзья во главе с Тamarой Бродской решили устроить вечер^[135], чтобы дать ему возможность на лето уехать, отоспаться и продолжать писать — нужно дать последний удар кисти “Зимнему дворцу”. Боюсь, что не очень много, то есть недостаточно для нужного отдыха ему соберут, жаль, что литературный фонд ему ничего не уделил. Живет он очень экономно, даже кое-что старается отложить, чтобы быть в состоянии писать. Вообще у него есть подвиженские черты в характере. Последнее время он стал напряженно нервен, видимо, от недосыпания нервы его очень натянулись^[136].

Бахрах в нежной дружбе со Ступницким^[137]. Бывает на его обедах с Богомоловым^[138] вместе с Каллаш^[139], Адамовичем и другими участниками Новостей^[140]. Спшит себе канаденок и щеголяет в ней. Излагает в газете недурно содержание книг.

До сих пор не поблагодарила Вашу подругу за посылку. Скажите ей, в каком я состоянии. На каком языке я должна ее поблагодарить?

Была у Зайцевых. Они все такие же. Живут по средствам, не жалуются. Пока здоровы.

Ляля шлет Вам сердечный привет. Я Вас целую. Храни Вас Бог.

Ваша В.Б.

20.

8 апреля 1947

Villa Le Fournel, Chemin de Fournel,

Juan-les-Pins, a.m.

Милый друг, дорогая Мария Самойловна, не сообщал Вам ничего о себе потому, что знаю, что все обо мне писала Вам Вера, и еще по той простой причине, что написать даже несколько строк для меня еще очень трудно — нет не только воли, но и сил. Я здесь уже две недели. И все говорят, что вид у меня лучше, но так ли это? Одно, дай Бог не сглазить, лучше — меньше и реже мучит кашель по ночам. А насчет малокровия думаю, что оно еще велико. Плачу я здесь за комнату с маленькой другой, туалетной, прилегающей к ней, и за пропитание 8 000 в месяц, но пропитание это столь бедно, что приходится многое и очень дорого прикупать: масло коровье, масло оливковое, яйца, апельсины, лимоны, квакеры, сгущенное молоко, сахар, кофе — на все это уходит каждый день порядочная сумма... Я бы совершенно пропал, если бы не *помощь* Ваша! Болезни нынешней зимы сразили меня смертельно, умирать же вообще не легко, а что мне было бы, если бы к этому прибавился голод, отсутствие врачей, лекарств, топки! А тут еще Вера, едва живая от бессонных ночей со мной, которые она проводила в Париже, замученная горем за меня и даже недоеданием — ведь она так лишала себя всего, лишь бы мне купить какую-нибудь печенку, которая стоила нам в Париже 600 франков кило! На-днях

Марк Александрович ^[141], который у меня был уже несколько раз, сказал мне, что будет еще некоторая сумма помощи — горячо благодарю вас всех! Это меня очень успокоило!

Целую Вас, дорогая моя, от всей души.

Ваш Ив. Бунин

21.

18 июня 1947

Дорогая, милая Мария Самойловна, я возвратился уже две недели тому назад в Париж, немного поправился на юге, но тут из-за холодной и дождливой погоды мне опять стало немного хуже. Плох Париж для меня, для моего кашля и дыхания.

На-днях вышло Вам “Темные аллеи”.

Целую Вас от всей души!

Ваш Ив. Бунин

22.

4.8.47

Дорогая, милая Марья Самойловна, давно нет от Вас ни словечка! Напишите, пожалуйста, что и как Вы. А как мы — Вы увидите из письма моего к Александре Львовне Толстой, которое я очень прошу Вас переслать ей — затерял ее адрес.

Жара у нас действительно адская — можете себе представить, каково Надежде Александровне Тэффи и мне с моим расширением старых легких и моим старым сердцем!

Целуем Вас оба от всей души.

Ваш Ив. Бунин

23.

18.8.47

Милый, дорогой друг, получил Ваше письмо от 8 августа. Спасибо и Вам, и тем, кто пошлет посылки — и от меня, и от Надежды Александровны. У нас опять началась жара после передышки в несколько дней, но мы с Верой, которая Вас целует, сидим, конечно, в Париже — в надежде уехать осенью в Русский Дом в Juan les Pins — надолго. Это будет стоить нам дорого — и переезд, и житье там, — тем более дорого, что ведь надо оставить за собой парижскую квартиру. Жизнь в Париже все дорожает, а как у Вас? Прочел в “Le Monde”, будто тут у вас настойчивые слухи о девальвации доллара — неужели это правда? Париж сейчас особенно пуст, все знакомые разъехались, но, вероятно, в начале сентября начнут возвращаться. Не знаю, где сейчас Шура, но думаю, что и он вернется. А Вы — не имеете вестей о нем?

Теперь — о поддержании моих сил. Что Вы думаете о посылке мне витаминов? Вам это виднее. Подождать посылать или уже следует? И в каком количестве? 100, 200 штук или благодарнее даже более? Решите сами — повторяю: Вам виднее. Во всяком случае некоторое количество мне уже и теперь нужно. А в остальном полагаюсь на Вас.

Крепко, крепко целую Вас.

Ваш Ив. Бунин

24.

9 октября 1947.

Милая и дорогая Марья Самойловна!

Очень перед Вами виновата, что сразу не известила Вас о получении посылки с гречневой крупой, рисом и банкой сухого молока. Пришла она 1 октября, и я каждый день с утра хотела засесть за письмо, но все не удавалось: то усталость после именин мешала, то всякие хозяйственные дела, то хлопоты по устройству вечера Ивана Алексеевича^[142].

Шесть книг 15 номера журнала тоже получила. Немного разочаровалась, думала, что это шестнадцатая книжка, которую ждут. Как всегда, новая книжка хоть немного тащит прежние. Надеюсь, что скоро получу новоиспеченные.

Теперь просьба о витаминах. Нельзя останавливаться на полпути. Хорошо было бы мне еще принять шгук двадцать пять. Родители Шуры ничего не имеют против помочь мне при пересылке.

30 сентября, как это уже завелось, у нас было много гостей^[143]. Недоставало Вас, но все же Софья Юльевна была представлена от Америки. Народу было немного меньше: 27 человек, а в прошлом году 39. Угощение тоже слабее: во-первых, цены стали совершенно сумасшедшие, а во-вторых, Ляля начала служить в ресторане и была лишена возможности блеснуть своими кулебяками и пирогами, пекла ее мать, но одна она могла спечь 60 пирожков, пирог с капустой, пирог с мясом и пирог с грибами и рисом. Сделали мы с одной приятельницей два больших рулета из мяса и еще к ним несколько салатников с винегретом. Сладкие торты и пироги приносились, как и виноград. Сидели все в комнате Яна. Мы раздвинули стол на три доски и поставили еще два стола, а один маленький поставили к стене, так что все уместились, правда, один край стола вышел в коридор, а чайники стояли на наших чемоданах. Мне пришлось в этот день четыре раза выйти из дому и возвращаться сильно нагруженной. Днем пили чай в моей комнате. Было человек восемь, а потому могла быть общая беседа и спокойное наслаждение от вкусных тортов и пирогов. Я такая была уставшая, что мало что понимала, накануне возилась в кухне до 4 ч. ночи.

Олечки не было, она с отцом после океана уехала на ферму, а затем в шато к знакомым. Ждем их со дня на день.

Теперь все заботы о вечере. Нужно сознаться, что мне помогают все близкие друзья по продаже билетов, а цены высокие. Первые два ряда считаются "почетными", и решено их было продавать от тысячи франков. И представьте, дорогие билеты идут пропорционально лучше дешевых. Если вечер пройдет удачно во всех отношениях, то мы будем в состоянии уехать на юг. Пока относительно дома вопрос остается открытым. Оттуда уходит Беляев, а без Беляева мне страшно везти туда Яна. Присутствие врача вообще на него хорошо всегда действует, а такого, как Борис Никандрович, особенно. Он переезжает в Менгону. Это нас очень огорчает, и мы еще не знаем, на чем остановимся.

Ян здоров, но после летних жаров у него ослабело сердце, стали лечить его всякими лекарствами, которые опять вызвали кровь. Уже два раза он с Аиговым ездили на уколы, а это 1500 франков за раз! Не всякий день, но часто по вечерам он начинает задыхаться. Против этого есть средство, какой-то пульверизатор в рот — и становится легче. Вид же не плохой, но больше раза в день никогда не выходит. По-прежнему бывает блестящ и остроумен, но иногда впадает и в пессимизм.

Мой костюм вышел очень хорошо. И погода как раз для него, так что щеголяю. О шляпе не беспокойтесь. Мне дал свою Ян, синюю, бархатную, и она подошла, а из

двух старых черных я себе делаю для зимы. Мне Татьяна Сергеевна ^[144] подарила свое совсем новое пальто, и к нему необходима новая шляпа, вот я и изворачиваюсь. Теперь на очереди теплый халат, материя уже куплена. Вообще я теперь одета более или менее. Нужен еще только теплый свитер, если будут деньги, то куплю.

Не очень хорошо у меня с глазами. Но об этом в следующий раз.

Сейчас у меня гости — Вера Рафаиловна, все такая же милая, и Наташа Любченко. Пьют чай, а я спешу закончить письмо.

Очень Вас за все благодарю и очень скучаю, что Вы не приехали в этом году ^[145].

Ваша Вера Бунина

25.

25.X.47

Дорогая моя, милая, получил XVI кн. “Нового Журнала” и совершенно потрясен рассказом художника М. Шаблэ ^[146]. Неужели этот страшный документ не будет переведен и издан отдельной брошюрой? Если нет, это будет преступлением перед человечеством.

Прочел и “Костел Панны Марии” ^[147]. Очень, очень прошу передать автору мое неизменное восхищение при чтении его всех писаний — и мое большое огорчение, что при свиданиях с ним я держался так сдержанно, сухо, подозревая в нем, невзирая на всю мою симпатию к нему, “осведомителя”. Выпишите вот эти мои строки и пошлите ему.

Здоровье мое все плохо, а завтра мой вечер, налагающий на меня особенно обязанность “не ударить лицом в грязь” ввиду заметки Адамовича, которую я при сем прилагаю ^[148].

Начал у Вас писать Глеб Струве ^[149] — не только дурак и графоман, но и негодяй. Вот посмотрите, какую подлую, хитрую, двусмысленную роль сыграл он, якобы “защищая” меня от какого-то мерзавца (или кретина) Окулича. Еще летом я получил следующую вырезку из русской американской газеты “Русская жизнь”:

Письмо в редакцию

М.Г. Редактор!

В No Вашей газеты от 19 с.м. июля напечатана статья уважаемого И.К. Окулича, в которой он, как о факте, говорит о поездке И.А. Бунина, после войны, в СССР и возвращении его оттуда, сопоставляя почему-то при этом этот факт с судьбой выданного Москве американцами и расстрелянного большевиками ген. П.Н. Краснова.

Не вдаваясь в оценку по существу этого сопоставления, я считаю своим долгом внести поправку в статью И.К. Окулича. И.А. Бунин в Сов. Россию не ездил и, *насколько мне известно*, ездить не собирается, хотя попытки “соблазнить” его поехать туда делались.

Можно так или иначе оценивать *морально-политические некоторые действия* И.А. Бунина после освобождения Франции, но нельзя взваливать на человека обвинение в поступке, которого он не совершал.

Глеб Струве

Дорогая моя, как видите, “уважаемый” Окулич приписал мне “поступок”, связанный с расстрелом Краснова! Каково! И как уклончиво, двусмысленно “защищает” меня этот рыжий сукин сын Струве! “Не вдаваясь в оценку по существу этого сопоставления...”, “Некоторые морально-политические действия И.А. Бунина...”. Я написал Струве открытку по адресу, данному мне его братом, что он, Глеб

Струве, “низкий клеветник”, и сказал: “Почему Вы не сказали прямо, какие именно совершил я “морально-политические действия”, позорящие меня? Что я сделал, кроме напечатания нескольких рассказов в “Русских новостях”^[150] и поездки в по-солство Богомолова, по его, Богомолова, приглашению — в связи с предполагае-мым изданием моих сочинений в Москве?^[151] *Ровно ничего больше!*” А в Москву я не поехал, несмотря на то, что мне предлагали там буквально золотые горы^[152], — обрек свою старость на нищету, истинно ужасную в мои годы! Ведь скорее всего Вере Николаевне придется собирать по грошам на мои похороны!^[153] И неужели всего этого не понимает Глебка Струве, бездарность, помешанная на Блоке?

От всей души обнимаю Вас.

Ваш Ив. Бунин

26.

8.XII.1947

Милая, дорогая Мария Самойловна, Вы, конечно, знаете, что у нас проис-ходит^[154], — и один Бог знает, что еще будет. Все же мы с Верой Николаевной должны ехать на юг, в Juan les Pins, потому что я в Париже уже опять не сплю от кашля по ночам, опять задыхаюсь от бронхита, — взяла билеты на 25 декабря. На юге надеюсь работать, и мне опять нужны Ваши материалы для этого, так что будьте добры поскорее выслать их мне через Глашу^[155] или Шуру страниц 200.

Вера Вас целует и спрашивает, получили ли Вы ее письмо. Я тоже крепко, крепко Вас целую — и жду известий от Вас.

Ваш Ив. Бунин

Р.С. С большим, большим удовольствием перечитываю “Пятеро и другие” нашего незабвенного покойного. И так больно, что мы потеряли его!

“Минувшее”. Исторический альманах. Paris, Atheneum, 1989, No. 8, стр. 282-328.

Примечания

[1] В разных источниках называются различные даты рождения С.Ю. Прегель: 1894, 1897 и даже 1904. Судя по семейным документам, правильный год ее рождения — 1894.

[2] А.Н. Авксентьева (Шурочка) в 1937г. вышла замуж за ученого-физика и общественного деятеля Бориса Юльевича Прегеля (1893-1976), брата С.Ю. Прегель.

[3] Устами Буниных. Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы. Под ред. Милицы Грин. Том 1-3. Frankfurt/Main, Possev, 1977-1982. Запись от 1 ноября 1918 г. (т.1, с.193). Далее цитируется по этому изданию.

[4] Запись от 30 ноября 1918г. — Устами Буниных, т.1, с.199-203.

[5] Там же, т.1, с.197

[6] Б.К. Зайцев. М.О. Цетлин — “Новый журнал”, No 14, 1946, с.199-203

[7] Познакомившись в 1906 г. и начав совместную жизнь в 1907, Иван Алексеевич и Вера Ни-колаевна не могли тогда узаконить свои отношения, так как не был расторгнут брак Бунина с его первой женой А.Н. Цакни. Официально они поженились лишь в 1922: 4 июля совершен гражданский брак 11 ноября — церковное венчание.

[8] Устами Буниных, т.3, с.57

- [9] Там же, т.3, с.145. Запись от 27.12.1942.
- [10] См. письмо от 8 апреля 1947г. настоящей публикации.
- [11] Устами Буниных, т.3, с.186.
- [12] См. письмо В.Н. Буниной к М.С. Цетлиной от 1 января 1948г. — И.А. Бунин. “Литературное наследство”, т.84. М., “Наука”, 1973, кн.2, с.404.
- [13] Письмо Бунина М.В. Карамзиной. — “Литературное наследство”, т.84, кн.1, с.683.
- [14] Там же, кн.2, с.312.
- [15] А. Седых. Далекие, близкие. New York, изд. Автора, 1962, с.221
- [16] Устами Буниных, т.3, с.68.
- [17] И.А. Бунин. Собрание сочинений в 9 тт. М., 1967, т.9, с.364.
- [18] В ожидании визы в Америку Цетлины жили в Марселе, где находилось американское консульство. В дневниках встречается четыре упоминания о пребывании Буниных в Марселе: в двадцатых числах марта 1910 г.; 4 мая 1923г.; 31 января 1929 г. и 16 мая 1930 г. Марсель Бунин не любил: “... подъезжаю к Марселю. Горы голые, лилового цвета, ужасные предместья. Мост, под ним улица, трамвай... Рабочие улицы, ужас существования в них... Всякие депо, шлак...” (Устами Буниных, т.2, с.286).
- [19] Августа Филипповна Даманская (1885-1959), писательница и переводчица, сотрудничала в журнале “Современные записки”.
- [20] Псевдоним Леонида Григорьевича Мунштейна (1867-1947), поэта-сатирика и журналиста.
- [21] Наталья Игнатьевна Михельсон, приятельница В.Н. Буниной, помогавшая ей в организации благотворительных вечеров и сборе средств для нуждающихся писателей.
- [22] Феничка, приятельница В.Н. Буниной, жившая в семье Михельсонов.
- [23] Александра Николаевна Прегель — жила в то время в Нью-Йорке. См. о ней в предисловии.
- [24] О Софье Юльевне Прегель см. в предисловии.
- [25] Леонид Федорович Зуров (1902-1971), писатель-реалист, ученик Бунина. Наиболее известны его романы “Древний путь” (1934) и “Поле” (1938). Жил в доме Буниных с ноября 1929 г. с небольшими перерывами до смерти Веры Николаевны (1961). После ее кончины все бумаги и дневники Буниных попали к Зурову. Он унаследовал также часть парижской квартиры. Впоследствии он продал дневники проф. Эдинбургского ун-та Милице Грин, опубликовавшей на их основе книгу Устами Буниных. В сентябре 1940 г. Зуров лечился от туберкулеза в санатории в Оверни.
- [26] Ф. Зуров пользовался особым расположением В.Н. Буниной, очень к нему привязавшейся. Отношения его с Буниным были сложными, неровными, временами открыто недоброжелательными, доходило до громких ссор. “Терплю ради Веры...” — писал Бунин (см об этом статью В. Лаврова “Кличут и меня мои воспоминанья”. — “Прометей”, No 14, М., “Молодая гвардия”, 1987, с.185).
- [27] Овсяная каша.
- [28] Илья Исидорович (1880-1942) и Амалия Осиповна (урожд. Гавронская, ум. В 1935 г.) Фондаминские-Бунаковы. Бунаков до революции был видным с.-ром, в 1890-х гг. входил вместе с женой в кружок Цетлина. В эмиграции редактировал “Современные записки”. С Буниным познакомился в Одессе в 1918 г. Погиб в немецком концлагере.
- [29] Наталья Ивановна Кульман, жена профессора-слависта Софийского университета и критика Николая Карловича Кульмана (1871-1940). Познакомились с Буниными в 1919 г., часто гостили у них в Грассе, на вилле Бельведер. По отзыву В.Н. Буниной, “очень милые и хорошие люди с большими знаниями, духовностью и высокой моралью” (Устами Буниных, т.2, с.151).

[30] Профессор Лапинский — парижский врач, бывавший в доме Буниных. Г. Кузнецова в кн. “Грасский дневник” описывает обед у Буниных в Грассе 25 августа 1932 г., на котором присутствовал Лапинский.

[31] Вера Рафаиловна, общая приятельница Буниных и Н.А. Тэффи. Жила в Каннах.

[32] А.В. Бахрах (1902-1985), литературовед, критик, журналист. Познакомился с Буниным в Париже в 1923 г. на балу, устроенном Союзом писателей и журналистов. Их познакомил Б.К. Зайцев. Бунин относился к Бахраху тепло, в шутку называя его Захаром, а себя Обломовым. Воспоминания Бахраха об их отношениях собраны в книге “Бунин в халате” (США, Т-во зарубежных писателей, 1979).

[33] В.Н. Бунина страдала опущением и язвами желудка.

[34] Не изданы. Вероятно, должны были войти в книгу “Беседы с памятью”.

[35] Галина Николаевна Кузнецова (1900-1976), писательница, поэтесса, ученица Бунина. В эмиграции с 1920 г. В семье Буниных жила с 1927 по 1942 гг. с перерывами. В 1949 г. переехала в США. Автор книги “Грасский дневник” (Вашингтон, В. Камкин, 1967), где описывается жизнь Буниных на вилле Бельведер в 1927-34 гг.

Мargarита Августовна Степун — сестра философа и писателя Федора Августовича Степуна (1884-1965), певица. Приятельница Г.Н. Кузнецовой. Жила у Буниных на вилле “Бельведер” с июня 1934 по 1942 с перерывами.

Г.Н. Кузнецову и М.А. Степун называли “барышнями”, а после переезда на виллу “Жаннет” — гордами (в их комнату приходилось подниматься по крутой лестнице). В июне 1942 г., когда они переехали в Канны, В.Н. Бунина писала “горцы” нас покинули, живут в Каннах... видаемся с ними очень редко” (Письма Буниных к Т. Логиновой-Муравьевой. (1936-1961). Paris, YMCA-Press, 1982, с.50).

[36] Письмо отправлено Цетлиным в Марсель, где они находились в ожидании американской визы.

[37] Марк Алданов (Марк Александрович Ландау, 1886-1957) — известный критик и писатель, автор исторических романов. Эмигрировал в 1919 г., сотрудничал в газете “Дни” (Берлин) и “Последние новости” (Париж), в журнале “Современные записки”. В 1924 г. жил у Буниных в Грассе. Затем проживал в Париже и Ницце. В декабре 1940 эмигрировал в США, где совместно с М.О. Цетлиным основал “Новый журнал”. В течение 1945-48 гг. несколько раз приезжал во Францию, с 1950 окончательно поселился в США. М. Алданов был одним из старейших и преданнейших друзей Бунина. “Этому человеку я верю больше всех на земле”, — говорил Бунин (см.: А.В. Бахрах “Бунин в халате”, с.108). По подсчету самого Алданова, за три десятилетия отношений он написал Бунину около тысячи писем.

[38] Георгий Дмитриевич Гребенщиков (сибиряк, 1883-1964), писатель, автор 12-томного романа-эпопеи “Чураевы”. Эмигрировал в Америку в начале 1920-х годов, основал там издательство “Алатас”. В январе 1940 г. приезжал в Париж, познакомился с Буниным. 1 марта 1940 г. Бунин послал Гребенщикову открытку с просьбой написать “в американских газетах о писательской нужде в эмиграции” (см. Устами Буниных, т.3.с.38). 4 сентября 1940 г. Бунин получил от него упоминаемое письмо (см. Устами Буниных, т.3, с.66).

[39] Надежда Александровна Тэффи (Бучинская, урожд. Лохвицкая, 1872-1952), писательница, близкий друг семьи Буниных.

[40] А.Н. Прегель.

[41] В предыдущем письме Вера Николаевна просила свою корреспондентку поговорить с С.В. Рахманиновым о денежной помощи Л.Ф. Зурову.

[42] Зуров находился в санатории в Auvergne (в центральной Франции).

[43] Неоккупированные страны, оккупированные страны (фр.). До ноября 1942 Грасс входил в свободную зону.

- [44] Николай Саввич Долгополов, один из создателей и руководителей Земско-Городского Союза, крупной общественной организации, занимавшейся благотворительной помощью русским культурным ассоциациям и нуждающимся деятелям культуры. Генеральным секретарем ее и членом комитета был В.В. Руднев.
- [45] Фаина Осиповна Ельяшевич (ум. В 1942), жена юриста В.Б. Ельяшевича (1875-195?), преподававшего гражданское право в Парижском ун-те. Близкие друзья Буниных.
- [46] Александра Львовна Толстая (1884-1979), дочь Л.Н. Толстого, основательница Толстовского фонда, осуществлявшего помощь русским эмигрантам.
- [47] В По находилось отделение Парижского Земско-Городского комитета.
- [48] Нужда в провизии и деньгах (фр.).
- [49] Наталья Борисовна Зайцева-Сологуб, дочь Бориса Константиновича (1881-1972) и Веры Алексеевны (1878-1965) Зайцевых.
- [50] Алексей Петрович Струве (1899-1976), библиограф и антиквар, сын П.Б. Струве (1870-1944).
- [51] Николай Рошин (псевд. Н.Я. Федорова, 1896-1956), писатель, постоянный сотрудник газеты “Возрождение” с конца 1920-х гг. Был близок с Буниным, подолгу жил у него в доме. Участник французского Сопротивления. В 1946 вернулся в СССР.
- [52] Михаил Александрович Струве (1890-1948), поэт, литературный критик.
- [53] Л.И. Львов (1888-196?), поэт.
- [54] Имеется в виду парижский “Союз молодых писателей и поэтов”, созданный в 1925 г.
- [55] Антонин Петрович Ладинский (1896-1961), поэт, член “Союза молодых писателей и поэтов”, сотрудник “Последних новостей”, а позднее — газеты “Русский патриот” (впоследствии “Русские новости”). После войны репатриировался в СССР.
- [56] Георгий Викторович Адамович (1894-1972), поэт, ведущий литературный критик эмиграции. В Париже с 1923 г.
- [57] Лилия Давыдовна Червинская (р.1907), поэтесса. La Favière — русский пансион на Лазурном берегу.
- [58] Василий Семенович Яновский (1906-1985), писатель, постоянный сотрудник “Нового журнала”.
- [59] Довид Кнут (псевдоним Давида Мироновича Фиксмана, 1900-1965), участник “Союза молодых поэтов”, организатор общества “Chamber of Poets” в Париже. Участник французского Сопротивления. После войны жил в Израиле.
- [60] Владимир Сергеевич Варшавский (1906-1977), прозаик, публицист. Друг Л.Ф. Зурова.
- [61] Михаил Иванович Ростовцев (1870-1952), известный историк и филолог. Его жена Софья Михайловна (урожд. Кульчицкая) была подругой В.Н. Буниной и В.А. Зайцевой. Известие о смерти Ростовцева было ложным.
- [62] В 1940 г. умерли В.В. Руднев, Н.К. Кульман и, как считала Вера Николаевна, М.И. Ростовцев.
- [63] В.В. Руднев.
- [64] Жена В.В. Руднева.
- [65] Вволю (фр.).
- [66] Врачи подозревали у М.А. Степун заболевание щитовидной железы. В это время городское управление Грасса выдавало молоко детям, беременным женщинам и больным.

- [67] Елена Николаевна Жирова (ум. В 1960), знакомая Буниных, долго жившая в их доме в Грассе и в Париже. В 1948 г. вышла замуж за поэта А.Е. Величковского. Письмо, о котором упоминает Вера Николаевна, было написано из Монтобана, где у Жировых имелась ферма.
- [68] Марк Александрович и Татьяна Марковна Алдановы.
- [69] Л.Ф. Зуров участвовал в этнографическо-археологических экспедициях в Прибалтике в 1935, 1937-38 гг., по поручению французского министерства просвещения и Музея Человека в Париже.
- [70] Ангелина Михайловна Цетлина (р.1917), младшая дочь М.О. и М.С. Цетлиных.
- [71] Сын А.М. Цетлиной.
- [72] Т.е. уже в Нью-Йорке у дочери.
- [73] А.Н. и Б.Ю. Прегель.
- [74] Налог на проживание (фр.).
- [75] М.А. Степун
- [76] Г.Н. Кузнецова
- [77] Яков Борисович Полонский (1892-1951). Литератор, известный библиофил и коллекционер. Был женат на сестре Марка Алданова, Любви Александровне. В 1940-е гг. жил в Ницце.
- [78] Деньги были высланы в По, так как пришли сведения, что Бунины в июне 1940 г., после вступления Италии в войну, бежали из Грасса в местечко Ляфрансез (неподалеку от По).
- [79] Аэрограмма (фр.).
- [80] Весной 1920 г. Бунины наняли квартиру в Париже на улице Жака Оффенбаха. Она оставалась за ними в продолжение всего их пребывания в Грассе.
- [81] Американские посылки шли часто через Испанию и Португалию.
- [82] Александр Федорович Керенский (1881-1970) был близок с Буниными, особенно в последний парижский период их жизни, и постоянно посещал их “четверги”.
- [83] Подруга Керенского.
- [84] Роман-эпопея “Зимний дворец”. Остался незаконченным, отрывки печатались в журн. “Новоселье”.
- [85] Ученица М.А. Степун, часто упоминаемая в письмах и дневниках Буниных.
- [86] З.Н. Гишпиус.
- [87] Петр Бернгардович Струве в 1941 был арестован немцами в Болгарии. В 1942 освобожден и переехал во Францию.
- [88] По-видимому, Тюков — сосед Буниных, приятель Л.Ф. Зурова, владелец птицефермы.
- [89] Вера Николаевна подрабатывала перепечаткой на машинке и частными уроками русского языка.
- [90] Н.Б. Зайцева-Сологуб.
- [91] Берта Соломоновна Нилус, жена художника и писателя Петра Александровича Нилуса (1869-1943). Нилусы были близкими друзьями Буниных: П.А. познакомился с Буниным еще в 1898 в Одессе. В Париже они жили в одном доме на ул. Жака Оффенбаха. Б.С. участвовала вместе с Верой Николаевной в “Быстрой помощи” — организации, обеспечивавшей распродажу билетов на литературные вечера в пользу писателей.
- [92] Архимандрит Киприан (Керн), профессор Парижского богословского института.
- [93] Книга М.О. Цетлина “Пятеро и другие” о композиторах “Могучей кучки” (Нью-Йорк, 1944). Была посвящена А.Н. Прегель и ею иллюстрирована.

- [94] Павел Александрович Михайлов, профессор-юрист, близкий знакомый Бунина, часто упоминаемый в дневниках.
- [95] Абрам Самойлович Бененсон.
- [96] Валентин Михайлович Цетлин (1912-?), сын Цетлиных, врач. Годы войны провел в Англии.
- [97] Ср. описание у Ладинского, часто встречавшегося здесь с Буниным: “Это было угловое кафе “Дом”, где не в пример другим монпарнасским кафе с их модернизированными залами, огромными зеркальными окнами и обилием электрического света, сохранилась в те годы старая парижская обстановка: молескиновые диванчики вдоль стен, не очень опрятные передники гарсонов, старомодные мраморные столики, цинковая стойка... Как обычно по вечерам, в кафе уже стояли облака табачного дыма. За столиками сидели завсегдатаи: художники в клетчатых куртках, незадачливые литераторы с косматыми прическами, непризнанные гении...” (“Литературное наследство”, т.84, кн.1, с.689).
- [98] Утренник (фр.).
- [99] Нагреватель (фр.).
- [100] Любовь Германовна Добрая — дама-благотворительница, помогавшая нуждающимся литераторам. Приятельница В.Н. Буниной.
- [101] Г.О. Зелюк — парижский издатель. “Темные аллеи” вышли в 1946 (Paris, La Presse Française et Etrangère).
- [102] С.М. Серов — парижский врач, лечивший Буниных и Зайцевых.
- [103] Прислуга (фр.Femme de ménage).
- [104] З.Д. Браславская — приятельница В.Н. Буниной.
- [105] В.Н. Ильнарская болела водянкой, мучительность болезни усугублялась полной беспомощностью ее мужа, Л.Г. Мунштейна (Лолу), почти целиком потерявшего зрение.
- [106] Татьяна Сергеевна Конюс — дочь С.В. Рахманинова.
- [107] В.Н. имеет в виду статью Бориса Ивановича Николаевского (1887-1966) “Как Япония пришла к войне”.
- [108] 30 декабря 1946 г., после завтрака в честь выхода “Темных аллей” в Париже Бунин сильно простудился и проболел полтора месяца.
- [109] Речь идет о поездке в Русский дом отдыха в Juan les Pins, находившийся на Лазурном берегу, так и не осуществившейся в ту зиму.
- [110] Бунин в продолжение многих лет страдал геморроем.
- [111] Вероятно, брат М.С. Цетлиной, А.С. Тумаркин.
- [112] Евгений Францевич Роговский, адвокат, директор Русского Дома отдыха в Juan les Pins.
- [113] Борис Никандрович Беляев, врач в Русском Доме отдыха.
- [114] Французенка, жившая в одном доме с Буниными.
- [115] Зуров нанялся сторожем в американский гараж, где служил также В. Варшавский.
- [116] Владимир Давыдович Аитов (1879-1963), врач, член “Объединения русских врачей за границей”, один из организаторов “Русского госпиталя”, где работали крупные русские медики во главе с проф. В.Н. Сиротининым.
- [117] Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888-1950), химик и писатель. В литературу пришел в зрелые годы, пользовался покровительством Бунина, был постоянным гостем буниных “четвергов”.
- [118] Михаил Александрович Струве.

- [119] Наталья Ивановна Кульман.
- [120] Помимо геморроя, вызывавшего сильные кровотечения, у Бунина обнаружили полипы, которые нужно было лечить прижиганиями.
- [121] На рю Николо находилась старая парижская квартира Цетлиных, которая после их отъезда превратилась в склад — туда М.С. Цетлина отправляла экземпляры “Нового журнала”. В.Н. Бунина и ее знакомые распространяли “Новый журнал” и книгу М.О. Цетлина “Пятеро и другие” в парижской колонии.
- [122] Овсяные хлопья (oats — англ.).
- [123] Jambonneau (фр.) — свиной окорок.
- [124] Ирина Немировская (1903-1942?), писательница. Родилась в Киеве. Эмигрировала в начале 1920-х гг. В июле была арестована немцами, отправлена в концентрационный лагерь, где, по-видимому, и погибла. Упомянутая книга — “La vie de Tchekov”, Paris, Albin Michel, 1946.
- [125] Г.Н. Кузнецова с 1942 г. жила в Германии, в Геттингене, в семье Ф.А. Степуна.
- [126] Речь идет о сб. Б.Г. Пантелеймонова “Золотое число”.
- [127] Тамара Антоновна Бродская (урожд. Миллер), поэтесса, жена поэта А.Е. Величковского.
- [128] Александр Клягин — инженер, промышленник. В эмиграции занимался литературной деятельностью. Автор книги “Страна возможностей необычайных” (Париж, 1947), к которой Бунин написал предисловие. Познакомился с Буниными в Грассе (жил по соседству), часто навещал их и помогал.
- [129] Абрам Осипович Гукасов (1872-1969) познакомился с Буниным в декабре 1925, когда Бунин сотрудничал в газете “Возрождение”, субсидировавшейся Гукасовым.
- [130] Перикл Ставровиц Ставров (1895-1955) — поэт, участник литературного кружка в Одессе, где в 1918 познакомился с Буниным.
- [131] Софья Никитична Шиловская.
- [132] Видимо, описка, имеется в виду Николай Иванович Протасов.
- [133] Речь идет о панихиде по Павлу Николаевичу Милокову, отслуженной в кафедральном парижском соборе. Александр Иванович Коновалов (1875-1948) был председателем правления газеты “Последние новости”, которую Милоков бесценно редактировал.
- [134] Владимир Феофилович Зеелер (1874-1954), журналист.
- [135] Вечер Зурова состоялся 26 апреля 1947г.
- [136] Симптомы психического расстройства, которым страдал Зуров и которое позднее (в июле 1953) привело его в клинику для душевнобольных.
- [137] Арсений Федорович Ступницкий (1893-1951), юрист, журналист, редактор и издатель газеты “Русские новости”.
- [138] А.Е. Богомолов — посол СССР во Франции в 1945-47 гг.
- [139] Мария Александровна Каллаш (псевд. М. Курдомов, 1869-?), писательница, автор книги о Чехове “Сердце смятенное” (Париж, 1934).
- [140] Газета “Русские новости”.
- [141] Марк Алданов сыграл в судьбе Бунина не менее благотворную роль, чем Цетлины. Начиная с 1922 г. он состоял в переписке с Р. Ролланом, а позднее и с Т. Манном — по поводу представления Бунина на Нобелевскую премию, что и увенчалось успехом в 1933 г. Живя в Америке и будучи сам почти без средств, Алданов постоянно отправлял Буниным денежные переводы и продуктовые посылки, способствовал выходу бунинских книг в издательстве им. Чехова. А с 1948 г., благодаря хлопотам его и Андрея Седых (Я.М. Цвибак), Бунин стал по-

лучать ежемесячное пособие в 10 000 франков от чулочного фабриканта С.С. Атрана. Помощь эта прекратилась со смертью последнего в 1951 г.

[142] Вечер Бунина состоялся 26 октября 1947 г. Подробнее о нем см. в прим.3 к следующему письму.

[143] 30 сентября — именины В.Н. Буниной.

[144] Т.С. Конюс.

[145] В конце 1946 М.С. Цетлина приезжала в Париж и виделась с Буниными. "...она часто бывала у нас, много подарила мне платяев и других вещей. Беспокоилась о Яне, хотела собрать ему на поездку на юг..." ("Устами Буниных", т.3, с.184).

[146] Морис Шабль "В доме предварительного заключения НКВД".

[147] Имеется в виду глава из незаданной книги Михаила Михайловича Корякова "Почему я не возвращаюсь в СССР". Автор воевал в Красной армии с 1941 по 1945 г. После войны работал в Советском посольстве в Париже (видимо, с этим связана репутация "осведомителя"). В 1946 стал невозвращенцем, с этого же времени — постоянный автор "Нового журнала".

[148] Вечер Бунина состоялся 26.10.1947. В газете "Русские новости" от 23.10.1947 была напечатана заметка Адамовича "К вечеру И.А. Бунина". Вечер прошел успешно. Вера Николаевна писала: "На вечеру Ян был в форме: помолодел, похорошел и читал превосходно, читал и стихи. Сбор был хороший" (из письма к М.С. Цетлиной от 3 ноября 1947 г. — Архив семьи Прегель).

[149] Глеб Петрович Струве (1898-1985) — литературовед, поэт, переводчик.

[150] Газета "Русские новости" (прежнее название "Русский патриот") имела прочную репутацию просоветского органа. К работе в ней усиленно приглашал Бунина А. Ладинский, однако Бунин в 1945 г. отказался от постоянного сотрудничества там, мотивируя отказ тем, что газета "ярко политическая", - "а я уже давно потерял всякую охоту к какой бы то ни было политике" (письмо к А. Ладинскому от 8 февраля 1945 г. — "Литературное наследство", т.84, кн.1, с.688).

[151] Речь идет об участии Бунина в завтраке у советского посла осенью 1945 г., о котором Бунин сообщил Андрею Седых: "Пробыл 20 минут в "светской" (а не советской) беседе" (А. Седых "Далекие, близкие". New York, издание автора, 1962, с.218). Значительная часть русского Парижа и литературной эмиграции Америки были, по словам Адамовича, чрезмерно возмущены этим визитом, несправедливо истолковав его как свидетельство "просоветских" настроений Бунина и его планов возвратиться в Советский Союз. В.Н. Бунина писала в дневнике: "...о возвращении нашем в Россию не могло быть никаких переговоров, так как мы ни в коем случае туда и не думали ехать. Были предложения, уговоры, на которые даже серьезно не отвечали. Так они были нелепы при отношении к большевикам, какое было и есть у Яна" ("Устами Буниных", т.3, с.202).

[152] Официальных переговоров о возвращении с Буниным не велось, однако тема эта присутствовала в его переписке с Н.Д. Телешовым. О том же говорил с Буниным и К.М. Симонов, побывавший в Париже летом 1946 г. Телешов писал Бунину, что он мог быть "и сыт, и богат, и в большом почете", приводя в пример А. Толстого, Куприна и Скитальца (см. "Литературное наследство", т.84, кн.1, с. 636).

[153] Ср. письмо В.Н. Буниной к А. Седых от 13 ноября 1953 г.: "когда скончался Иван Николаевич, у нас осталось всего восемь тысяч франков. Приходили друзья, все приносили деньги, конечно, у кого они имелись, и к вечеру у меня было пятьдесят тысяч" (см. А.К. Бабореко, "И.А. Бунин". М., "Художественная литература", 1967, с.248).

[154] Подразумевается история с расколом в "Союзе русских писателей и журналистов" и выход из него Бунина (см. вступительную статью).

[155] Глафира Исаковна Добрая, знакомая Буниных.

Николай Овсянников

МЕДЛЕННЫЙ ЯД ЕВРАЗИЙСТВА

Год 1932-й ознаменовался двумя, казалось бы, внешне не связанными событиями. Обнаружить между ними связь *внутреннюю* в тогдашнем СССР могли лишь немногие. В последующие же годы и поговорить-то на эту тему в узком кругу было небезопасно. А уж после 37-го, когда один из «участников» бесследно исчез в лагерях, вопрос, как говорится, был окончательно закрыт.

Нет, конечно, «окончательно закрыт» — не более чем словесный оборот. Разве можно что-то закрыть окончательно?

Упомянутые события касались судеб двух некогда широко известных (правда, по разные стороны границы) людей — литературоведа Дмитрия Мирского и поэта Максимилиана Волошина. Первый, после многолетнего отсутствия, вызванного послеоктябрьской эмиграцией, в 1932 г. возвратился на родину. Второй в том же году в возрасте 55 лет скончался в Крыму от тяжелой болезни. Скорее всего, Мирский хотел увидеться с Волошиным: им было о чем поговорить. Но не успел.

Советское литературоведение — явление особое. Через много лет, ни словом не упомянув связывавшие их долгие годы идеи, оно мягко уравнило обоих привычным идеологическим штампом — «советский». Отныне Волошин считался «русским советским поэтом», а посмертно реабилитированный Мирский — «русским советским критиком и литературоведом». Любопытно, что Федор Сологуб, некогда родину не покидавший и написавший в 1921 году большой роман (тогда же изданный), до последних дней продолжавший создавать прекрасные стихи, скончавшийся в Ленинграде в 1927 году, звание «советский» не удостоился. Правда, и никаких заслуг перед советской властью, в отличие от Волошина и Мирского, за ним не числилось. В частности, никакого отношения к идейному течению так называемых евразийцев, оказавшихся весьма полезными советской власти в двадцатые годы¹, Сологуб не имел. Чего не скажешь о тех же Волошине и Мирском.

Основатель евразийства Никита Трубецкой одним из первых заметил «новившиеся в воздухе» литературные проявления будущего идейного течения. «Я чувствую его в стихах М. Волошина, А. Блока, Есенина...»

Д.П. Мирский (в годы эмиграции называвшийся Святополк-Мирским) был одним из активных деятелей евразийского движения. «В статье «Символисты» (1920), — пишет о Мирском современный исследователь О.А. Казнина, — он отмечает стихи (*М. Волошина, — Н. О.*) о Греции и Крыме, а стихотворение «Демоны глухонемые» и «Кигеж» характеризует как «лучшие из всего, что было написано с патриотических позиций на эту жгучую тему наших дней». Менее года спустя <...> Святополк-Мирский снова возвращается к Волошину, и на этот раз дает его поэзии самую высокую оценку. Он пишет: «Самое замечательное, что было создано вне группы «Скифы» за эти годы, это поэзия Максимилиана Волошина». <...> Критик восхищается тем, что в поэзии Волошина вожди русской истории предстают как «вечные» и бессмертные символы стихийных сил, которые управляют Россией». Он отмечает, что Лже-Дмитрий, Разин и Петр приобрели здесь черты мифологических героев. <...> Отдельную главу критик посвятил Волошину в статье «О современном состоянии русской поэзии», написанной в 1922 г. и предназначенной для

журнала «Русская мысль». <...> Дореволюционный Волошин, в представлении критика, был наименее русским поэтом, его вдохновляли Испания, Греция, Франция, Туркестан, киммерийский Коктебель — только не Россия. Однако, потрясенный войной (*заметим, что самый трудный для России период Первой Мировой войны Волошин провел за границей; вернувшись в 1916-м на родину, в армию не пошел и мирно жил в собственном доме в Коктебеле, — Н. О.*) и революцией, поэт создал истинно глубокие и законченные произведения. Среди них критик называет «Святую Русь», «Китеж» и «Молитву о городе». <...> «Славянофильскому восприятию Революции в ней дано выражение окончательное». По всей видимости, эти произведения утвердили репутацию Волошина как одного из вдохновителей евразийства». Позднее критик писал, что Волошин «построил теорию сверх-славянофильского квиетизма».

«В ключе евразийства, — пишет в другом месте О.А. Казнина, — могла быть воспринята поэма «Протопоп Аввакум» (1918), посвященная любимому герою литературы, публицистики, историософии скифства и евразийства. Стихи, в которых Волошин осмысливает положение России между Западом и Востоком, в контексте общечеловеческой мировой цивилизации, входят в цикл «Пути России». В стихотворении «Европа» (1918) история России представлена как плод слияния христианской Византии и Ислама». Заметим, что ислам, который вместе с буддизмом евразийцы подводили под понятие «наивного язычества», легко и быстро, по их мнению, поддающихся призывам православия, — одна из ключевых идей о будущем обустройстве России по евразийскому образцу.

«Интерес к евразийским идеям, — пишет исследователь в другом месте, — поэт не утратил и в более поздние годы. В стихотворении «Четверть века (1900-1925)», написанном в 1927 г. в дни землетрясения, поэт подводит итоги своей жизни и благословляет судьбу за то, что в свое время она закинула его в сердце Азии, где «каждый впервые себя сознает завоевателем древних империй»».

Разделял Волошин и идею-мечту о том, что Константинополь должен стать русским. «Это перемещение центра тяжести к югу (востоку), — фиксировал он на бумагу свои евразийские мечтания, — самое радостное и желанное». Столицу России он хотел сначала видеть в Москве (что, как известно, осуществилось), а затем, возможно, и в Киеве. Весьма актуальное, надо заметить, желание.

Подобно евразийцам, Запад он откровенно не любил (вернее, навсегда разлюбил после возвращения в 1916 г. в Россию) и постоянно обращался к символу варвара, способного «противостоять напору западной буржуазной цивилизации» (О. Казнина).

Но, может быть, все вышесказанное — лишь наговоры на замечательного русского поэта-гуманиста, обладателя широкой русской души, настезь открытой миру?

Обратимся к фактам. В своей автобиографии, написанной в 1925 г., Волошин вспоминает: «Февраль 1917 г<ода> ...большого энтузиазма во мне не порождает, т.к. я все время чувствую интеллигентскую ложь, прикрывающую подлинную реальность революции».

Итак, буржуазная революция, провозгласившая и пытавшаяся защищать западные ценности, ему не по душе. Волошин даже на какое-то время, по собственному признанию, теряет дар речи, который возвращается к нему «только после Октября». Это не мудрено. В том, что началось после Октября, Волошин увидел со-

кровенный христианский смысл. В стихотворении «Россия» (1918) он выражает уверенность, что его родине дан искус:

*...Благословить свои оковы
В темнице простираясь ниц,
И части воспринять Христовой
От грешников и от блудниц.*

Израильский историк Михаил Агурский в посвященной поэту главе своей книги «Идеология национал-большевизма» заметил в этой связи, что поэт «видит в большевистской власти не что иное, как “часть Христову”».

Вдохновлявшиеся его поэзией евразийцы, хотя и не были настроены столь мистично, во главу угла своей «диалектики» все же ставили Православие и считали, что европейская цивилизация — смертельный враг Евразии. «Азиатская ориентация, — писал Трубецкой, — становится единственно возможной для настоящего русского националиста». При этом большевизм, по их мнению, — русское народное движение, а «гибель большевистской партии — опасность для России».

В 1924-м Волошин пишет стихотворение «Россия», где высказывает довольно распространенную и в наши дни точку зрения, что его родина, приняв на какое-то время западные идеи, «устроила на своей территории ...полигон для их испытания, а все жители России оказались лишь подопытными кроликами, не нашедшими противоядия против западно-европейских микробов» (В. Кантор):

*В течение пятидесяти лет
Мы созерцали бедствия рабочих
На Западе с такою остротой,
Что приняли стигматы их распятий.
Все наши достижения в том, что мы
В бреду и корчах создали вакцину
От социальных революций: Запад
Переживет их вновь, и не одну,
Но выживет, не расточив культуры.*

Как видим, в наших бедах виноват все тот же ненавидимый евразийцами (духовными братьями Волошина) Запад. Однако с историософской точки зрения, как замечает В. Кантор, вопрос о чьей-либо «вине» бессмысленен, «ибо можно говорить лишь о взаимосвязи и взаимозависимости явлений и их последствий». По Волошину же получается, что Россия, выработав антиреволюционную вакцину и претерпев всяческие беды, спасла Запад.

Спасла? На самом деле последствием «спасительного» Октября, вернувшего Волошину дар речи, «была страшная европейская революция справа — национал-социализм». Волошин, правда, до нее не дожил. Но один из глубочайших русских мыслителей того времени Федор Степун не понаслышке знал, что такое национал-социализм и другие разновидности фашизма. Притом что евразийство он определял не иначе, как *русский фашизм*².

Другой выдающийся русский мыслитель того же времени Георгий Федотов считал, что созданная Лениным и названная им советской система, по сути, тоже была фашистской. «Не одна Россия, а весь мир может благодарить Ильича за создание фашистской системы государства, — писал он в книге «Октябрьская легенда». — Сравнительно с тем страшным разрушением, которое производит фашизм в системе культуры и духовного строя личности, второстепенное значение

имеет вопрос об экономической системе фашизма: в интересах каких классов (*любопытно, что и Волошин не придавал большого значения классам, считая, что в буржуазных государствах правят бывшие уголовники, во время революций сменяющие т.н. «правлящий класс», — Н. О.*), пролетариата, буржуазии или средних слоев, используется чудовищный аппарат тоталитарного государства. Здесь перед нами один из тех случаев, когда форма важнее содержания. Как при оценке инквизитора мало значения имеет его credo, Торквемада это или Дзержинский, так и при оценке фашизма идеология и политическая родословная диктатора отходит на задний план».

В «Бунтующем человеке» Альбер Камю, отмечая иррациональную природу фашистских режимов, писал: «...Гитлер и Муссолини стремились к созданию империй, а идеологи национал-социализма недвусмысленно высказывались о планах мирового господства. Их отличие от теоретиков классического революционного движения состояло в том, что они избрали и обоготворили *иррациональную* (курсив мой, — Н. О.) часть нигилистического наследия, отказавшись обожествить разум. И тем самым отреклись от универсальных призываний. Это не помешало Муссолини и Гитлеру ссылаться на Гегеля, а Гитлеру — считать своим предшественником Ницше, но не подлежит сомнению, что они воплотили в истории лишь некоторые из пророчеств немецкой идеологии. И в этом отношении они принадлежат истории бунта и нигилизма (*как и теоретики евразийства вместе с Лениным и его учениками, — Н. О.*). Они первые построили государство исходя из идеи, что ничто на свете не имеет смысла и что история — всего лишь случайное противоборство сил».

Заметим, что другая тоталитарная идеология — большевизм — точно так же делает ставку на бунт, а бунт, как уже замечает комментирующий Альбера Камю Владимир Кантор, «это всегда отсутствие разума, в какие бы одежды он ни рядился. Более того, любой тоталитаризм, в том числе и большевистский, всегда строится не на разуме, а на лжи».

А вот как по поводу роли разума в человеческой истории рассуждает Волошин:

*Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком —
Опаснейшим и злейшим из зверей —*

*Безумным логикой
И одержимым верой.
Разум*

*Есть творчество навыворот, и он
Вспять исследил все звенья мирозданья,
<...>*

*Преобразил весь мир, но не себя, Он
заблудился в собственных пещерах И
стал рабом своих же гнусных слуг. («Мятеж», 1923)*

Разум, как видим, потерпел полное банкротство. Что ж удивительного, если затем настало время бунтов и мятежей. Ниже — не поэтическая ли иллюстрация к вышеприведенным рассуждениям А. Камю:

*Настало время новых мятежей И
катастроф: падений и безумий. (Там же)*

Выводы Волошина — в духе того же воинствующего иррационализма:

*Воля вещества
Должна уравновеситься любовью,
И магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.
Но люди неразумны. Потому
Законы эти вписаны в клинках,
В орудьях истребления и машинах. («Магия», 1923)*

Как магия подчиняла себе «косную природу», а потом «вразумляла» людей орудиями истребления, мы хорошо знаем. Но боюсь, далеко не все знают, что со стороны русского поэта эти строки были отнюдь не горьким пророчеством, а *credo*, которого он придерживался до конца дней. Людей, которых он называет *узниками своих же лабиринтов*, Волошин призывает... нет, не к справедливому социальному устройству, защите частной собственности, свободы слова и пр. «буржуазных ценностей», а

*...к восстанью против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества —
К последнему безумью —
К пересозданию самого себя. («Бунтовщик», 1923)*

Что и говорить, своевременный был призыв. То, как обезумевшие большевики-ленинцы и немецкие нацисты пересоздавали в 20 — 30-е гг. самих себя, а затем пытались «пересоздать» всех остальных людей, тоже хорошо известно.

Продолжая пророчествовать в том же духе, Волошин даже не пытается скрывать, к человеческому материалу какого рода адресует свои призывы. Это — мятежники и преступники, перед которыми «виновно государство». Только не подумайте, что речь идет о родном тоталитарном отечестве, живя в котором, он писал эти строки. Разумеется, он говорит о ненавистном буржуазном государстве, где «вне закона находятся два класса: уголовный и правящий, во время революций² они меняются местами, — в чем по существу нет разницы»:

*Не пресекайте, не готовьте русла
Избытку сил.
Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти.
Не противьтесь злему
Проникнуть в вас... <...>
Врач гасит жизнь,
Священник гасит совесть.
Довольно вам заповедей на «не»:
Всех «не убий», «не делай», «не укради», —
Единственная заповедь: «ГОРИ!» («Бунтовщик», 1923)*

Что тут скажешь? Легко, а главное, совершенно безопасно обращаться подобные призывы к преступникам и мятежникам из буржуазных стран (цитируемые стихотворения как раз и печатались в веймарской Германии), когда в твоём государстве, руководимом славной ленинско-сталинской гвардией, —

*Утихла буря. Догорел пожар.
А сам ты —
...принял жизнь и этот дом, как дар
Нечаянный, — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею. («Дом поэта», 1926)*

Наверно, поэтому, пребывая в состоянии тихой радости, свои призывы приезжающим к нему погостить творческим людям, советским гражданам, лояльным партии и правительству, Волошин формулирует совершенно иначе:

*Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля — извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем. (Там же)*

Они и благословляли. Примерно до 1935-го.

Впрочем, если вы думаете, что со смертью Волошина и уничтожением в СССР ставших ненужными «советских» евразийцев Сергея Ефрона (старого друга Волошина и заграничного агента ГПУ) и Дмитрия Мирского с этим идейным течением в нашей стране было навсегда покончено, то сильно ошибаетесь.

Дело евразийцев в послесталинском СССР тихо продолжил и уже почти «под гром фанфар» довел до перестроечных времен сын выдающегося русского поэта Николая Гумилева Лев Гумилев. «Меня называют евразийцем, и я от этого не отказываюсь, — признавался он («Наш современник», 1991, № 1, стр. 132). — С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен». Как и Волошин, он не любил Запад, призывал держаться от него подальше и видел для России особый путь. В каком-то роде ему даже удалось осуществить мечту (правда, не знаю, искреннюю или намеренно провозглашаемую в годы гражданской войны) Волошина о «примирении» белых и красных («Я ж делал все, чтоб братьям помешать/ Себя — губить, друг друга — истреблять»).

«Что достаточно будет усвоить рядовому “красно-белому”? — размышляет о «примиренческих» устремлениях Л. Гумилева историк А.Л. Янов («После Ельцина», М., 1995). — Что история работает против «загнивающего» Запада и на самый молодой в мире этнос, сохранивший безнадежно утраченную Западом пассионарность. Что, попросту говоря, «никаких контактов нам с латинами иметь не надо, так как они народ лукавый, лицемерный, вероломный и притом не друзья России, а ее враги». Или на ученом языке (для интеллигентов): «как бы ни называть эти связи: культурными, экономическими, военными, они нарушают течение этно-генеза...порождают химеры и зачинают антисистемы. Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных неофитов действуют подобно вирусам, инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму...губят целые этносы, не подготовленные к сопротивлению чужим завлекательным идеям». Или того хуже: контакты с чуждыми этносами ведут к «демографической аннигиляции...только этнические руины остаются в регионах контакта».

Все верно: общий враг хоть кого способен сплотить, стоит только его, врага, четко и убедительно (желательно еще и по-научному) обозначить.

Похоже, представление о главном враге у М. Волошина и Л. Гумилева было общим.

Впрочем, не только о враге, но и о друге. Карл Маркс, говорил Гумилев, предвидел в своих ранних работах возникновение принципиально новой науки о

мире, синтезирующей все старые учения о природе и человеке. В 1980-е Гумилев был уверен, что человечество — в его лице — «на пороге создания этой новой марксистской науки». (Изложено по А. Янову).

Вот и Волошин в письме Л.Б. Каменеву (лето 1924 г.) признавался (надо полагать, искренне), что еще в 1919 г., т.е. в самый разгар гражданской войны, признал советскую власть «как единственный и неизбежный путь России», а также в том, что принимает анализ марксизма, да и «от конечных идеалов коммунизма мысли мои не так уж далеки».

Советская власть в целом платила поэту взаимностью. С первых же дней большевицкой диктатуры Волошин не только не подвергался каким-либо цензурным ограничениям, но его тексты буквально шли нарасхват. В декабре 1917 г. в газете «Слову — свобода» Клуба московских писателей появляется его публикация на тему свободы слова. В январе 1918 г. в питерском альманахе «Творчество» опубликован стихотворный цикл «Облики». В феврале того же года в альманахе «Стремнины» (Петроград) — стихи из цикла «Киммерийские сумерки». В начале мая в московском издательстве «Зерна», выпустившем «Весенний салон поэтов» также напечатаны его стихи.

В июне в московском издательстве «Творчество» выходит 136-страничный сборник избранных стихотворений Волошина «Иверни». В октябре 1919-го в харьковском издательстве «Камена» опубликована его большая статья «Поэзия и революция: Александр Блок и Илья Эренбург». Там же выходит его знаменитый поэтический сборник «Демоны глухонемые» (1919). В декабре того же года в издательстве «Творчество» огромным по тому времени тиражом 18 тыс. экз. выходит его сборник «Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы». В апреле 1921 г. нарком Луначарский обещает Волошину помочь приехать в Москву и выдать «академический паек». В первом номере московского журнала «Зритель» (1922) снова появляются его стихи. В 1922–24 гг. Волошина печатают «Литературное приложение» к берлинской газете «Накануне», негласно финансируемой советским правительством. В апреле 1922 г. в московском альманахе «Время» снова печатаются его стихи. В мае — в художественном альманахе «Наши дни» (Москва, Госиздат) опубликованы его стихотворения «Бегство» и «Дикое поле».

В июне в журнале «Красная новь» — стихи из цикла «Путиами Каина». В том же месяце в сборнике «Свиток» (изд-во «Никигинские субботники») снова публикуются его стихи. Во 2-м (за 1924 г.) выпуске популярнейшего московского альманаха «Недра» печатаются еще 4 стихотворения из «Путиами Каина», а в 5-м выпуске за тот же год — большое стихотворение «Космос» из того же цикла.

Начиная с 1917 г. Волошин перепечатывал свои стихи на машинке и охотно раздавал переписывать всем желающим. В «Автобиографии» (1925) он писал, что его стихи «распространяются в России в тысячах списков». Самиздат? Не иначе, вот только без каких-либо возражений и репрессий со стороны властей. Читайте на здоровье, дорогие советские граждане!

Выходит, и впрямь недалек был от «конечных идеалов коммунизма».

Да уж куда ближе! Вот и первые евразийцы, вдохновляемые его поэзией, считали, что большевизм, несмотря на его недостатки, — *русское народное движение*.

И что, разве не правы? Разве не туда движемся? Туда, туда... Как говорится, попутного ветра народному движению! С евразийцами, марксистским анализом, коммунистическими идеалами, Львом Гумилевым и Максимилианом Волошиным.

Примечания

1. Пронизанное чекистской агентурой, евразийское движение так же, как «сменовеховство», с начала 20-х гг. способствовало идейно-политическому расколу эмиграции, затем само распалось на левую и правую группы. Левая открыто заняла просоветскую позицию, причем некоторые из ее представителей, включая Мирского и Ефрона, возвратились в СССР. В Европе это движение тихо скончалось к нач. 30-х гг.

2. Для этого у Ф. Степуна имелись основания. На первое место в иерархии сфер культуры евразийцы ставили сферу государственную, преимущественным выразителем и носителем которой является, по их мнению, правящий слой. Только в государственной организации, считали они, впервые и вполне осуществляется и выражается единство культурной жизни. Не должно быть никаких внесоветских организаций и объединений. Государству должны подчиняться не только хозяйственная, техническая и материально-культурная, но даже сфера духовного творчества. Для построения такого государства нужна, разумеется, новая система идей. Семья новой «идеи-правительницы» - сама жизнь, нужно только прислушаться к ее кипению в недрах общей духовной обстановки момента и эпохи. Новая идея (какая, правда, не ясно) должна заменить государство, средоточие и вождя до тех пор, пока новое государство, средоточие и вождь не будут реально созданы и сделаны. Кем бы, вы думали? Самой идеей! Но это возможно только через создание новой партии — особого типа и строя. Партия - разумеется, правительствующая, при этом единая и единственная.

3. Революция в понимании Волошина — явление труднообъяснимое. С одной стороны, она как будто устанавливает буржуазный строй, с другой — утверждает всевластие нового правительства, состоящего из бывших уголовников. Похоже, Волошин так возненавидел буржуазную демократию, которую наблюдал в 1914-16 гг. в Швейцарии и Франции, что, изображая в «Пути Каина» некое Государство, возникающее в результате революции, использовал атрибутику тоталитарного режима, становление которого наблюдал уже в 1917-22 гг. в России. Оно «имеет монополию на производство фальшивых денег», на выборах там побеждает «наинаглейший и наиадвокатнейший из всех», а «газета есть самый сильнодействующий яд». Там «каждый дорвавшийся до власти сознает себя державной осью государства и злоупотребляет правом грабежа, насилий, пропаганды и расстрела»; а правительство «должно активом террора покрыть пассив усобиц». В этом Государстве царят «шпионаж, цензура, проскрипции, доносы и террор».

Мина Полянская

ФЕДОР ТЮТЧЕВ:

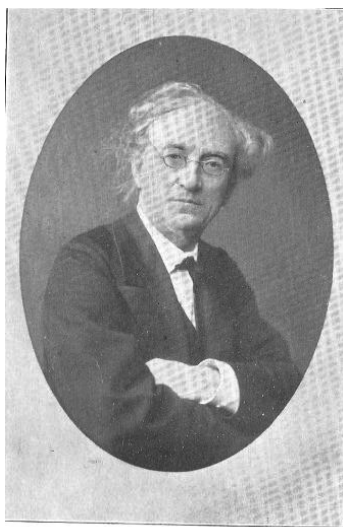
«Какие последние политические известия?»

1

В семидесятые годы XX века ещё не принято было Федора Ивановича Тютчева уважать официально. Впрочем, разнообразные ярлыки лепились к его челу задолго до установления большевистской власти: славянофил, монархист, поэт шинельных од с подношением «на случай», поэт некоего «чистого искусства» (это уже при Советах). Собственно, он и был «монархистом». И славянофилом тоже, но по своему — не принадлежа славянофильскому обществу и не обсуждая с ним своё собственное отношение к проблемам Востока и Запада, но «представителем» некоего мифического чистого искусства этот поэт-бунтарь не был никогда (впрочем, ревнители этого антилитературного понятия Добролюбов и Чернышевский к такой «школе» причислили и Пушкина).

Итак, когда Федора Ивановича еще не признавали официально, наша организация с названием ГЭБ (ленинградское городское экскурсионное бюро, ныне не существующее), а именно литературная ее секция, во главе с Ларисой Ильиничной Бройтман (умерла в 2014 году) создала творческую группу «Тютчев в Петербурге», которая исследовала всё, начиная от оригинальных фотографий Тютчева и его близких в «публичке» (тогда библиотеке имени Салтыкова-Щедрина) и кончая личными встречами с правнуком Тютчева Кириллом Васильевичем Пигарёвым в Мураново. Собрание музея-усадьбы Мураново, директором которого был Пигарев, опора и оплот литературного наследия прадеда, насчитывало свыше 28 тысяч единиц хранения. Это — письма и документы родового архива, книги мемориальной библиотеки, произведения живописи, оригинальной графики и эстампа, коллекции дагерротипов и фотографий. В годы перестройки музей был закрыт, а затем в 2006 году усадебный дом сгорел от удара молнии, и, насколько мне известно, в отличие от набоковского дома в Рождествено, не восстановлен.

Кирилл Васильевич Пигарёв (1911-1984), правнук Тютчева по линии дочери поэта от первого брака Екатерины, фрейлины при императрице Марии Александровне — автор уникальных работ и книг о Тютчеве. Несмотря на нынешнее обилие новых публикаций о поэте, исследования Пигарёва, и в особенности вы-

К. Пигарёв

шедшая в издательстве Академии наук СССР монография «Жизнь и творчество Тютчева»^[1] остаются непревзойдёнными для всех, кто что-либо пишет о Тютчеве, в том числе и для меня, автора этого очерка.

Итак, наша творческая группа создала литературную экскурсию, которая шла на «ура», с посещением могилы Тютчева на Новодевичьем кладбище в Петербурге, а к ней не подойти было — такое было болото. Любовь, экзотика и подвижничество сопровождали нас в постижении восхитительного Тютчева. Мы ВСЕ были в него влюблены. И, разумеется, любовная тема была для меня главной, и у дома Денисьевой на Кирочной, 14 экскурсанты рыдали (впоследствии была написана Геннадием Чагиным книга «Тютчев и женщины»^[2]). Стихи, посвящённые «последней любви» — Елене Александровне Денисьевой, «денисьевский цикл», психологический роман в стихах — и в самом деле высочайшее достижение русской лирики.

Е.А. Денисьева. Акварель Иванова. Петербург, 1851.

Я не забываю о двухэтажном обветшалом особняке, с давно уже проржавевшими канализационными трубами, где некогда жила Денисьева и где бывал тайный советник Тютчев в течение 14 лет, до самой смерти Денисьевой (она умерла в 1864 году от скоротечной чахотки) — там сейчас жилищная контора. Летом 2011 года я приехала в Петербург и отправилась в эту контору, чтобы сообщить служащим, рискуя быть осмеянной, что здесь в 50-х годах XIX в. жила молодая женщина Елена Денисьева, которой русский поэт Тютчев посвящал стихи. Наши милые русские женщины в этой конторе выслушали меня с большим вниманием и даже нежностью, провожали меня и обещали хлопотать о мемориальной доске.

Кстати, о мемориальной доске. Я расскажу, пожалуй, эту фантастическую историю — впервые. 31 декабря 1982 года, когда до боя кремлёвских часов оставалось часа четыре (примерно так), я завершила автобусную экскурсию «Тютчев в Петербурге» для Общества охраны памятников. Фантастическая судьба поэта-дипломата, окруженного красавицами-аристократками, Мюнхен (оказывается, там, в Баварии — зима недаром злится, и там — гроза в начале мая), Гейне, Шеллинг, посещение заброшенного кладбища в наступающих сумерках, атмосфера наступающего Нового года, и вот — *в железной колыбели, в громах родится Новый год...* — именно тогда очарованные экскурсанты обещали мне мемориальную доску Тютчеву на Невском проспекте.

Прошло, наверное, полгода, когда жарким днём на Невском, помню, что асфальт разогрелся, размягчился даже, подошла ко мне незнакомая женщина и сказала: «Ну, теперь Ваша душенька довольна? Доска на месте!» — «Какая доска?» — удивилась я. — «Тютчеву. Мы Вам обещали. И слово сдержали!». Доска, кстати, очень красивая, но без единой даты, и в самом деле оказалась на месте.

Последний адрес Тютчева в Петербурге — Невский проспект, 42. Поэт жил в левом крыле здания Армянской церкви на третьем этаже напротив Гостиного

двора. Доска сообщает: «В этом доме жил и работал выдающийся русский поэт Фёдор Иванович Тютчев». Пользуюсь случаем, чтобы сообщить читателям: Тютчев прожил в квартире на Невском проспекте 18 лет — с 1855 по 1873 гг., то есть почти до самой смерти.

Тютчев прожил в Мюнхене более 20 лет, находясь 16 лет на дипломатической службе и четыре года в качестве частного лица. В Германии (кроме нечаянно сожжённой тетради со стихами) Тютчевым создано 128 стихотворений, поэтических шедевров. Теперь уже трудно представить, что именно те стихотворения, которые признаны вершинами русской пейзажной лирики, некогда любимцы школьных хрестоматий, такие как «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...»), «Весенние воды» («Ещё в полях белеет снег...»), «Зима недаром злится...») были написаны под впечатлением южно-немецких ландшафтов. Известный долгое время как «певец русской природы», поэт в Германии написал «Осенний вечер» («Есть в светлости осенних вечеров...»), «О чём ты воешь, ветер ночной?..» и «Утро в горах» («Лазурь небесная смеётся...»). В Мюнхене были написаны знаменитые философские стихотворения «Silentium» и «Тени сизые смешались...», над которыми плакал Лев Толстой.

Я подсознательно не хотела замечать, что дипломатическая служба в Мюнхене нашего поэта была не то чтобы неудачной, а стала настоящим крахом его карьеры. Вероятно, этот негативный факт его биографии мешал тому блистательному образу странствующего по свету романтика, который я некогда себе создала.

В Германии я вновь перечитала тютчевские страницы жизни и обнаружила смещение акцентов не только в моем сознании, но и в восприятии многих авторов, написавших что-либо о Тютчеве (о научных статьях я здесь не говорю). Я, наконец, увидела очевидное: именно уволенный, освобожденный со службы Тютчев начал активно действовать на политическом поприще, а потом, находясь на службе в Петербурге в качестве чиновника по особым поручениям, стал бывать в Берлине, и в письмах из Берлина он просил жену (Эрнестину Фёдоровну) отправлять корреспонденцию в Берлин на адрес посольства. Тютчев активно действовал как политик не на мюнхенской дипломатической службе, а после нее.

Свет давних дней оживляет поэтический образ Тютчева, однако это всего лишь видимость, поскольку лучи этого света преломляются сквозь фантастические орнаменты, превращаясь в романтические тени. Отсвет прошедших с временем расстоянием более чем в полтора столетия, падает на личность поэта — и политического деятеля одновременно — о котором, кажется, так много написано и сказано, но, тем не менее, делает его воистину человеком «двойного бытия», в чём он, собственно, сам и признался:

*О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги!
О, как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!*^[3]

Эрн. Ф. Тютчева, 1833.
Художник Й. Шиллер.

Эл. Ф. Тютчева, 1820-е. Работа
неизвестного художника.

А.М. Крюденер, 1830-е. Художник Й. Шиллер.

* * *

В 1822 году Фёдор Тютчев, 19-летний пигомец Московского университета, полный надежд и веры в блестящее будущее, отправился в Мюнхен, столицу Баварского королевства, где поступил на службу сверхштатным чиновником при русской дипломатической миссии. Однако в унижительной «сверхштатности» он состоял долгих 15 лет. Когда освобождались вакансии, их замещали новые дипломаты.

Лишь в августе 1837 году Тютчев получил штатную должность старшего секретаря русской миссии с окладом 8 000 рублей в год (до этого — была 1 000 в год, то есть 80 рублей в месяц), однако уже не в Мюнхене, а в провинциальной столице Сардинского королевства Турине, где поэт рассчитывал на свободную вакансию дипломата. Фёдор Иванович узнал о том, что его обошли с назначением, когда попросил у министра иностранных дел графа Карла Васильевича Нессельроде отпуск для заключения брака с Эрнестиной Дёрнберг, объяснив в письме, что причиной неотложности брака являются его дети (Анна, Дарья и Катерина), оставшиеся после смерти первой жены Элеоноры Тютчевой, урождённой Петерсон, без матери. Граф согласие на брак дал, но со службы не отпустил, сообщив, что тот может отлучиться из Турина только тогда, когда приедет новый русский дипломат Кокошкин — и Тютчев решился, разорвал замкнутый круг — уехал. Воистину, небывалый поступок для чиновника (камергера).

Тютчев обвенчался с Эрнестиной в Берне 17 июля 1839 года, и, согласно официальным документам, длительное «неприбытие из отпуска» послужило причиной того, что 30 июня 1841 году Тютчев был исключён из списка чиновников Министерства иностранных дел и лишён звания камергера. Тютчев настойчиво искал путей возвращения на службу или официальной легализации своего пребывания за границей. С этой целью летом 1843 году он отправился на 4 месяца в Петербург.

* * *

Фёдор Иванович внушал свои политические идеи некоторым блистательным светским женщинам. Второй жене Эрнестине Фёдоровне излагал в письмах целые политические трактаты. Сокровенные мысли о катастрофически падающем авторитете России в Европе Тютчев изложил давней знакомой (своей первой юношеской любви) Амалии Крюденер (урожд. Лерхенфельд, во 2-м браке Адлерберг).

Тютчев когда-то в Мюнхене был влюблён в Амалию, посвятил стихотворение, положенное в основу романа «Я помню время золотое» (музыка М. Вайнберга^[4]), а в конце жизни, в 1870 году «Я встретил вас...» (некоторые исследователи предлагают другого адресата, однако крайне неубедительно), ставшее также романсом, благодаря композитору Леониду Дмитриевичу Малашкину. Эта замечательная женщина привезла в 1836 году в Петербург около 100 стихотворений поэта, которые сослуживец Тютчева Иван Сергеевич Гагарин^[5] переписал в тетрадь (к сожалению, не все), а затем отнёс в пушкинский журнал «Современник» в надежде опубликовать хотя бы несколько из них. Пушкин распорядился самым неожиданным образом: напечатал не 5 или 6, а 24 стихотворения совершенно безвестного тогда 33-летнего поэта под названием «Стихотворения, присланные из Германии» и за подписью «Ф.Т.».

Может быть, стихи поэта так и остались бы навсегда скрытыми в семейных архивах, если бы не публикация в пушкинском журнале, на которую много лет спустя, работая над статьёй «Второстепенные русские поэты»,^[6] нечаянно не вышел Николай Алексеевич Некрасов, тогда владелец «Современника», основанного Пушкиным, обладавший еще и редким даром редактора-первооткрывателя. Именно Некрасов и открыл поэта Тютчева заново (Некрасов и Тютчев похоронены почти рядом на Новодевичьем кладбище в Петербурге). Интересно, что, когда Некрасов писал статью, он не знал полного имени автора «Стихотворений, присланных из Германии», и называл его «Ф.Т.» (как в пушкинском «Современнике») и восхищался поэтом — в прошедшем времени.

Дело в том, что первый сборник стихов Тютчева, поэта, начинавшего в пушкинское время, был опубликован Аксаковым [7], когда поэту было уже 54 года, в 1851 году, однако Аксаков так и не сумел уговорить Тютчева даже из любопытства заглянуть в корректуру. Однажды в Мюнхене, сжигая ненужные бумаги, поэт нечаянно бросил в огонь тетрадь со своими стихами, которая и сгорела дотла. Тютчев как будто вначале опечалился, но вскоре утешил себя, сказав: «Сгорела же и Александрийская библиотека». Тютчев по облику своему — поэт-импровизатор. Письменный стол предназначен был в его кабинете не для поэтической деятельности. Он писал стихи как бы «между делом» и «между прочим» на клочках бумаги и салфетках. Лоскутки стихов подбирались в основном его второй женой Эрнестиной Фёдоровной, немкой, выучившей русский язык. Она переписывала его стихи и письма, способствовала публикации его статей на Западе через своего брата, баварского журналиста Карла Пфеффеля сохранила для потомства автографы поэта. Эрнестине Фёдоровне Тютчевой посвящены многие стихотворения Тютчева, вначале на французском языке, а затем — на русском. Среди них: «Не знаю я, коснётся ль благодать...», «Всё, что сберечь мне удалось...», «Всё отнял у меня казнящий Бог...».

Урождённой баронессе Пфеффель, в первом браке Дёрнберг, было 29 лет, когда она вышла замуж за Тютчева. Эрнестина Фёдоровна была обвенчана с Тютчевым и в католической, и в православной церкви. Она умерла спустя четверть века после Тютчева, в 1894 году, под Москвой в имении её зятя Ивана Аксакова и похоронена на Новодевичьем кладбище в Петербурге (у Московского проспекта) рядом с Тютчевым. Первая жена Эмилия-Элеонора Петерсон, урождённая графиня Ботмер (с ней Тютчев также дважды был обвенчан — в лютеранской и православной церкви) умерла в Мюнхене в 1838 году.

Итак, Тютчев полагал, что благодаря связям Амалии Крюденер при петербургском дворе он был принят шефом жандармов Бенкендорфом.

2

В русском культурном сознании граф Александр Христофорович Бенкендорф, герой наполеоновских войн, чей портрет работы Джорджа Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца, остался как шеф жандармов, орудие борьбы самодержавия против декабристов и Пушкина. Как и большинство офицеров 1812 года, Бенкендорф вначале принадлежал к ранней декабристской организации «Соединённых друзей». В 1821 году Бенкендорф побывал во Франции, где его восхитила организация жандармерии. Он решил создать нечто подобное в России, и с этой «романтической» идеей явился к декабристам, которые отвергли неблагородную идею согладатайства. После 14 декабря Бенкендорф представил новый проект, и Николай I немедленно его утвердил. Уже 27 июля 1826 году вновь созданное III отделение под руководством Бенкендорфа приступило к работе и продержалось вплоть до крушения империи.

Однако вспомним, что Пушкин неоднократно обращался к Бенкендорфу с просьбами о защите от министра просвещения Уварова и нападков на него Булгарина в «Северной пчеле». И Бенкендорф принимал меры: заступался. Булгарин и в самом деле прекратил нападки на Пушкина, и, кроме того, поэту было разрешено, к неудовольствию Уварова, учредить журнал «Современник». Вероятнее всего, не так однозначен был Бенкендорф, и Пушкин отдавал себе отчёт в том, что, обращаясь именно к Бенкендорфу, добьётся положительных результатов.

Граф Бенкендорф пригласил уволенного со службы бывшего посланника и камергера Фёдора Ивановича Тютчева в своё имение потому, что стало ему известно: Тютчев хорошо осведомлён о происходящем в Европе, но рассматривает факты не так, как уволивший его шеф Карл Васильевич Нессельроде, и что бывший дипломат обладал способностью создавать непривычно смелые политические концепции.

9 сентября Тютчев в Петербурге сообщал Эрнестине Фёдоровне: «Милая моя кисанька, пишу тебе лишь несколько строк, дабы сообщить, что через несколько часов выезжаю из Петербурга. Я заеду к Крюденерам в Петергоф, а оттуда граф Бенкендорф повезёт нас к себе в замок Фалль, под Ревелем. Он с такою любезной настойчивостью приглашал меня сопутствовать им, что отклонить его предложение было бы невежливо. К тому же эта поездка не слишком отклоняет меня от моего пути, и задержка выразится лишь в нескольких днях, которые я проведу у него» [8].

Тютчеву надлежало непременно сообщить шефу жандармов своё мнение о резко изменившемся политическом авторитете и положении России на Западе.

Он давно пришёл к печальному и бесспорному заключению: авторитет России в Европе настолько пошатнулся, что не осталось и следа от её славы побед над Наполеоном; и всё более утверждался он во мнении, что Священный союз объединяет только правительства, а со стороны печати, задающей тон общественному мнению, господствует враждебное настроение к России. Он неоднократно предупреждал об этом Нессельроде, однако министру иностранных дел не нравились эти предупреждения.

При личной встрече в замке Фалль Тютчев наконец изложил свои тревожные мысли о судьбе России Бенкендорфу. Бенкендорф говорил с Тютчевым о книге де Кюстина «Россия в 1839 году», опубликованной в 1843 г. [9], бурно обсуждаемой в Европе. Тютчева книга де Кюстина возмутила, он считал её безнравственной, свидетельством духовного растрепания, характерным признаком нынешнего времени, особенно во Франции.

Маркиз де Кюстин — потомок старого аристократического рода, жертва французской революции: родители были казнены якобинцами на эшафоте, а сам он чудом уцелел. Маркиз отправился в Россию с целью прославить стабильную николаевскую монархию, но вместо этого написал книгу «Россия в 1839 году», в которой со всей очевидностью присутствует страх (некий европейский комплекс) перед восточными дикарями. Бестселлер развязал языки европейской прессе: она непрерывно осыпала бранью Россию.

Проект Тютчева состоял в том, чтобы пером европейских публицистов защищать русские интересы. Однако такой проект Бенкендорфом одобрен не был, поскольку аналогичный проект (уваровский) этим летом уже был отклонён, о чём Тютчев даже и подозревать не мог. В статье В.А. Мильчиной, А.Л. Осповата «Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина. Нереализованный проект С.С. Уварова» [10] рассказывается том, как в высших правительственных кругах в начале лета 1843 году образовался некий секретный комитет (как будто бы неофициальный) против Кюстина, отличавшийся высоким представительским уровнем.

Авторы статьи сообщают любопытные факты из истории работы этого комитета. Например, Уваров предлагал нанять за деньги для объективности именно французского автора для создания книги против Кюстина. В числе претендентов оказался даже Оноре де Бальзак, наезжавший в Россию благодаря связи с русскими поданной Эвелиной Ганской, а, стало быть, знавший Россию. Как известно, Бальзак такой книги не написал.

Тютчев предложил Бенкендорфу концепцию воздействия на иностранную прессу через иностранных авторов, не подозревая, что комитет принял новую концепцию: действовать только с помощью русских авторов. Однако во время изощрённой в дипломатии беседы поэт вовремя сориентировался и заявил, что готов и сам выступить посредником между русским правительством и немецкой прессой. Бенкендорфу понравилась готовность Тютчева самостоятельно и компетентно защищать честь России. Бенкендорф своего согласия вслух не высказал, но выразил каким-то образом своё одобрение. Итак, бывшему посланнику, ныне частному лицу Фёдору Ивановичу Тютчеву следовало для своих самостоятельных действий располагать одобрением (или разрешением) шефа жандармов. Можно сформулировать ситуацию иначе: беседа с шефом жандармов спровоцировала последующие затем в марте 1844 году важные события, о которых ниже будет рассказано. Тютчев рассказал Эрнестине Фёдоровне о своих впечатлениях от встречи с Бенкендорфом в письме от 27 сентября 1843 году письмо:

«Моё пребывание у графа Бенкендорфа продлилось пять дней и было очень приятным.

<...> Бенкендорф, как ты, вероятно, знаешь, один из самых влиятельных людей в Империи, по роду своей деятельности обладающий почти такой же абсолютной властью, как и сам государь. Это и я знал о нём, и, конечно, не это могло расположить меня в его пользу. Тем более отраднo было убедиться, что он в то же самое время безусловно честен и добр. Этот славный человек осыпал меня любезностями, главным образом благодаря Крюденерше и отчасти из симпатии ко мне. Но ещё более чем за приём я благодарен ему за то, что он довёл мои мысли до сведения государя, который уделил им более внимания, чем я смел надеяться. Что касается до общественного мнения, я также уверился по откликам, которые нашли в нём мои мысли, что я на верном пути, и теперь, благодаря данному мне молчаливому разрешению, будет возможно попытаться предпринять кое-что серьёзное^[11]».

Встреча Тютчева с Бенкендорфом не была эпизодической. Отношения и переписка не прерывались. Он получил письмо от Бенкендорфа, в котором тот извещал его о своей предстоящей поездке в Германию на воды и о надежде вновь встретиться для неких переговоров. Однако эта поездка Бенкендорфа в Германию оказалась последней. Бенкендорф умер на обратном пути из Германии в Россию, находясь на борту парохода «Геркулес».

3

В 40-х годах удобно было ездить через Берлин, поскольку уже регулярно действовала железная дорога. Обычно Тютчев отправлялся из Петербурга на пароходе до Штеттина или Любека, а затем по железной дороге приезжал в Берлин. Его восхищала железная дорога как величайшее достижение современной ему науки и тот факт, что некогда требовалось два дня, чтобы приехать из Берлина в Лейпциг,

а нынче всего 7 часов, доставлял ему радость причастности к прогрессу. Тютчев «германского», а затем «петербургского» периода, бывал в Берлине и в качестве чиновника по особым поручениям, и по всей вероятности, селился в пределах русского посольства, находившегося на Унгер-ден-Линден. В письмах он просит жену Эрнестину Фёдоровну отправлять корреспонденцию в Берлин на адрес посольства. В одном письме он сообщает: «Я в Берлине под липами». «Unter den Linden» в переводе с немецкого и означает «под липами». Стало быть, поэт жил на одной из центральных улиц Берлина в пределах посольства, а возможно, и в самом здании, которое располагалось на том самом месте, где сейчас находится Российское посольство, в пяти минутах ходьбы от Бранденбургских ворот.

Российское посольство. Фото 1913 г. Источник: "Unter den Linden Historische Photographien".

Белый зал Российского посольства. Фото 1925 г.
Источник: "Unter den Linden Historische Photographien".
Herausgeber von der Stiftung Stadtmuseum Berlin.

В середине XVII в. Берлин становится современным городом-резиденцией и формируется вдоль заложённой в 1647 году улицы Унтер-ден-Линден. В 1732 году офицер генерального штаба Кристиан Людвиг Мюллер купил участок земли по адресу Унтер-ден-Линден 7 и построил на нём двухэтажный особняк с фасадом на улицу Унтер-ден-Линден. Позади дома был посажен сад. Усадьба неоднократно меняла владельцев, в связи с чем менялся её облик: появились пристройки, образовался закрытый со всех сторон двор. В 1764 году принцесса Амалия, игуменья Кведлинбургского монастыря, сестра Фридриха II приобрела особняк, сделав его зимней резиденцией.

Наконец, в 1837 году усадьба была куплена русским царём Николаем I^[2] для русских дипломатов. В соответствии с городским постановлением, принятым в ноябре 1808 года, царь, как владелец участка городской земли, получил право стать гражданином города.

Городская управа присудила русскому императору звание почётного гражданина с вручением роскошно оформленного свидетельства 18 октября 1837 году в присутствии 30 тысяч берлинцев. В начале 40-х годов архитектор Эдуард Кноблаух перестроил дворец в соответствии с требованиями русского двора, тяготевшего к роскоши. Появились чугунные ворота, от которых справа вела мраморная лестница на второй этаж в отделанные золотом и мрамором приёмные залы посольства, вмещающие до 700 человек. Участок земли внутреннего двора, перед новой церковью, выложили чернозёмом, привезённым из России на 149 повозках. В здании расположились квартира посла, канцелярия посольства, квартира для царя и его семьи на время пребывания в городе. Общее число комнат, расположенных на 4 этажах, составляло 101. Служебные помещения находились на первом этаже.

Обращение редакции (И. Полянский, М. Полянская, Б. Антипов) к обер-бургомистру Мюнхена об установлении мемориальной доски на фасаде здания бывшей Российской миссии. Журнал „Зеркало Загадок“ №3 1996 г. С.49.^[13]

Мемориальная доска Фёдору Ивановичу Тютчеву в Мюнхене.

После Октябрьской революции во дворце разместилось представительство советской России. Первый советский представитель Адольф Абрамович Иоффе приехал в Берлин в 1918 году.

Во время Второй мировой войны посольство было разрушено бомбовыми ударами союзников. Здание восстановили (вновь построили) в 1951 году, не сохранив облика посольства 40-х годов XIX века.

* * *

Тютчев останавливался в одной из квартир, отведённых дипломатическим работникам. Одно время он хлопотал о приобретении под Берлином курьерской дачи, из чего можно только догадываться, что он бывал в Берлине с официальными поручениями не так уж редко, но такой привилегии — курьерской дачи — не получил.

Как правило, Тютчев мало уделял «письменного» или же поэтического внимания городам, поскольку для выражения сложного мира души поэту прежде всего служили, как известно, образы природы. И даже там, где в стихах неожиданно возникал некий абстрактный город, символ цивилизации, над ним непременно властвовали космос и хаос — романтическая тема, восходящая к философии Шеллинга, тема дуализма бытия, противопоставления структуры и хаоса. «И бездна нам обнажена со своими страхами и мглами...»^[14]

*Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом,
В горнем выпрленном пределе
Звёзды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...»^[15]*

Похоже, что это некий город, символ цивилизации, с беспокойной его бытовой суетностью, толпами людей. Город, не знающий ни сна, ни отдыха, смертный образ. Над городом там, наверху, в небесах, «в горнем выпрленном пределе», царит бессмертие, горят в небе непорочные звёзды. Именно таков образ города у поэта, его Genius Loci (гений места), согласно римской религии. Genius Loci — часто Тютчевым употребляемое выражение. Фёдор Иванович ещё говорил, что человек, впервые посетивший место и восхитившийся им, на миг становится гениальным.

* * *

Как уже говорилось, Тютчев находился в 1843 году в России 4 месяца. На обратном пути в сентябре он навестил в Берлине немецкого дипломата, литератора Карла Августа Фарнхагена фон Энзе, жившего на Францёзишештрассе, 20, угол Фридрихштрассе.

Фарнхаген — личность совершенно особенная как для русской истории, так и для русской литературы. Он сражался в русско-немецком легионе в чине капитана русской службы и участвовал в походе против Наполеона. После победы был адъютантом командира легиона генерала фон Теттенборна^[16], сопровождал его в Париж, где в это время находились русские войска. Фарнхаген был лишён предубеждений к России, свойственных некоторым просвещённым европейцам, а кроме того, являлся подлинным знатоком русской литературы. Через год после смерти Пушкина он первый из западных литераторов определил высокое место поэта в мировой литературе. В 55-летнем возрасте он выучил русский язык, чтобы во избежание недоразумений, оценить русскую литературу в подлиннике, предрекал ей великое будущее и распространял её в среде немецкой интеллигенции. В этом

благородном деле большую помощь оказывал ему салон жены Рахели Фарнхаген, урождённой Левин. Рахели давно уже не было в живых — она умерла 10 лет назад.

5 июля 1842 году состоялась первая встреча Тютчева и Фарнхагена. В статье К. Азадовского и А. Осповат «Тютчев и Фарнхаген фон Энзе»^[17] сообщается, что Фарнхагену в особенности импонировало в Тютчеве его отношение к Шеллингу, недавно — в 1840 году — приглашенному в Берлинский университет, нравилось, что он лично знаком с Шеллингом, о чём он 6 июля записал в своём дневнике.

7 июля после встречи с Тютчевым немецкий дипломат записал в свой дневник: «Превосходный человек самого свободного духа, умеющий охватить всё во круг». ^[18] Тютчев посвятил Фарнхагену стихотворение «Знамя и Слово», в котором воспел участие Фарнхагена в русской армии:

*В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья — русское Знамя
К бессмертной победе тебя привело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?*^[19]

В сентябре 1843 года, то есть на пути из России в Мюнхен, Тютчев в Берлине навестил Фарнхагена. Беседа между двумя «дипломатами-литераторами», немцем и русским, произвела на Фарнхагена большое впечатление, о чём он записал в своём дневнике 29 сентября 1843 года:

«Камергер фон Т. посетил меня, передав приветы из Москвы и Петербурга. Он уверяет, что русские ценят меня и благодарны мне. О Кюстине отзывается он довольно спокойно, многое поправляет, но и признаёт его достоинства. По его словам, книга произвела в России замечательное впечатление: все образованные и умные люди более или менее согласны с суждениями автора; почти никто не бранится, и хвалят тон изложения. Даже генерал Бенкендорф откровенно сказал императору: «Господин Кюстин только сформулировал те понятия, которые все давно у нас имеют и которые мы сами о себе имеем». Однако император возмущён тем, что автор стремится отделить государя от его народа.

С необычайным проникновением Т. говорит о своеобразии русских людей и вообще славян, о языках, нравах, формах правления; обнаруживает широкий исторический взгляд на древний спор и национальную борьбу греческой и латинской церкви. В России всё более и более открываются теперь сокровища средневековой литературы, особенно же духовные сочинения. А также летописи, песни и былины. Всё находит в этом новым, как было одно время у нас с Нибелунгами, миннезингерами и т. п.»^[20]

Тютчев, согласно дневниковой записи, не сообщил Фарнхагену, что уволен со службы и лишён камергерского звания и беседовал с Фарнхагеном, находясь как бы на службе. С другой стороны, беседа была абсолютно неофициальной и носила светский характер. Не забудем, что всего несколько дней назад Фёдор Иванович был гостем Бенкендорфа и находился под впечатлением от бесед и от неофициально возложенной на него миссии наладить контакт с западноевропейской прессой и самостоятельно выступить в ней.

Он, безусловно, хотел произвести хорошее впечатление на Фарнхагена как представитель России. И в самом деле изумил Фарнхагена «необычайным знанием

дела», с которым он говорил о политических судьбах и писателях. Интересно, что Тютчев в частной беседе с немцем, воевавшим на стороне России, говорил о Кюстине без раздражения, которое на самом деле к нему испытывал, а приберёт свои истинные негативные соображения о явлении «Кюстина», о нынешнем враждебном к России Западе и прочее в этом роде для публичного наступления на немецкое общественное мнение.

Разумеется, беседа (задушевная) не была до конца откровенной. Например, Фарнхаген не сказал Тютчеву, что находится с де Кюстином в постоянной переписке (собственно, переписка — его частное дело) и что недавно получил от него письмо, в котором тот сообщил, будто бы Бальзак по заказу России собирается писать «против него». Тютчев как будто бы рассказал о встрече с Бенкендорфом, но, разумеется, умолчал о готовящихся действиях против Кюстина. Поведение двух дипломатов безукоризненно, и умолчание — тоже золото, даже по отношению к такому большому другу России как Фарнхаген.

4

Для Тютчева, наконец, появился повод для выступления. Во влиятельной немецкой *Augsburger Allgemeine Zeitung* (Аугсбургская всеобщая газета), издаваемой большим по тем временам тиражом (около 10 000 экземпляров), печатался в это время цикл статей под заглавием «Briefe eines deutschen Reisenden vom Schwarzen Meer» («Письма немецкого путешественника с Чёрного моря»). В одной из статей рассказывалось, что военная служба в России является наказанием за преступления, за которые во Франции лишили бы права носить мундир. Получалось, что преступника посылают не на галеры, а надевают «почётную одежду солдата». Газету хвалили Белинский и Герцен, в ней публиковался Карл Маркс. Однако и она позволяла себе выпады против России. И Тютчев не стал больше откладывать — совершил свой раунд «Большой Игры» как сказал бы Редьярд Киплинг.

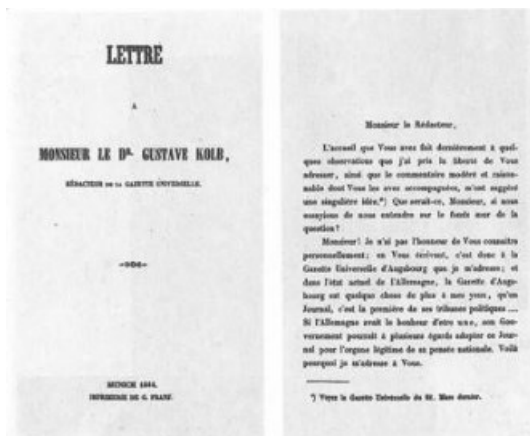
Он написал письмо («Lettre a m-r le docteur Gustave Kolb») на французском языке в Аугсбургскую газету её редактору доктору Густаву Кольбу. Письмо Тютчева (статья) в переводе на немецкий язык было опубликовано 21 марта 1844 году как полученное «от одного русского» («von russischer Hand»). Однако же без имени. Авторство Тютчева, известное только в узких кругах, стало известно императору Николаю I, которому доставили статью.

Тютчев в начале письма в Аугсбургскую газету предупредил редактора, что его послание ни в коем случае не является апологией России, поскольку истинный защитник России — это сама история.

Тютчев обвинил Европу в «короткой» памяти. Европа забыла уроки войны с Наполеоном и то, что русские солдаты, о которых так пренебрежительно отзывалась нынешняя пресса, освободили Европу от нашествия.

Тютчев написал ещё одну статью в форме письма редактору «Allgemeine Zeitung» Густаву Кольбе. На этот раз письмо было отклонено редактором, вероятно, из-за возникшей дискуссии, нежелательной для газеты. Оно вышло брошюрой на французском языке летом 1844 году в Мюнхене — также анонимно и с названием «Lettre a'm-r le Gustave Kolb, redacteur de la Gazette Universelle». Статья была посвящена проблеме русско-германского союза. Статья («Россия и Германия») подвергла критике книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», выдержавшую в Париже два издания в 1843 году и переведённую на английский и немецкий языки. Тютчев сравнивал методологию изложения автора с водевилем. Он от-

метил незнание автором русского языка, а, стало быть, отсутствие разговоров с представителями разных сословий России, поспешность, неточность в изложении фактов истории, литературы и культуры.

Брошюра «Письмо г-ну Густаву Кольбу...»

Искушённых читателей изумили не только блестящая образованность и масштабы исторического мышления её автора, но также его изысканный, мастерский, образный французский язык.

Английский исследователь Рональд Лэйн в статье «Публицистика Тютчева в оценках западноевропейской печати 1840-х — начала 1850-х годов»^[21] сосчитал чуть ли не 50 откликов в западной печати на статью Тютчева. Некоторые европейские авторы полагали анонимного автора выразителем мнения и воли Российской империи, а иные и вовсе считали, что на Европу неким русским автором совершено было нападение. Отклики на письмо Тютчева (так же как и на последующие его статьи) будут появляться в печати и спустя двадцать лет после его смерти.

5

2 октября 1844 году семья Тютчевых прибыла в Петербург на пароходе «Николай I». Вначале поселились в Английском пансионе на Английской набережной 6, а затем снимали квартиру на Марсовом поле в доме 3. За месяц до возвращения Тютчева неожиданно умер Бенкендорф. Фёдору Ивановичу снова не повезло, поскольку он всё же рассчитывал на его помощь. По всей видимости, оборвалось осуществление некоего тютчевского проекта, связанного с деятельностью на Западе.

Произошло ещё одно, прямо скажем, неприятное событие: бывший его шеф, министр иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде, уволивший Тютчева со службы, получил повышение: назначен государственным канцлером. Новый канцлер был хорошо осведомлён о том, что Тютчев обошёл его именно тогда, когда, казалось, был абсолютно безопасен (безвреден) и находился не у дел. Уволенный со службы Тютчев вступил в контакт с шефом жандармов, написал статью в «Аугсбургскую газету», которая понравилась императору, и теперь следовало «по

высочайшему повелению» Тютчева на службу вернуть, а Нессельроде, в принципе не в состоянии был понимать Тютчева, так же как некогда в Одессе Воронцов [22] Пушкина, и депеши его о европейской угрозе считал поэтическими вольностями.

Можно предположить, что и Александр Пушкин должен был казаться Нессельроде не подходящим для службы человеком. С Нессельроде связано исключение Пушкина со службы и высылка в Михайловское. Справедливости ради, следует уточнить, что Нессельроде удалил Пушкина со службы в Одессе не по своей инициативе, а под сильным и энергичным давлением графа Воронцова.

Принимая Тютчева во второй раз на службу, Нессельроде назначил его чиновником для особых поручений при своей особе, давая ему по-прежнему, как считают некоторые исследователи, несерьёзные поручения. Однако такое мнение — о несерьёзности поручений — не подтверждено серьёзными документами. Фактически Тютчев стал курьером при канцлере.

В 1848 году, благодаря дружбе с князем Александром Горчаковым, личным другом Пушкина, впоследствии министром иностранных дел, а затем канцлером, Тютчев был назначен старшим цензором Комитета цензуры иностранной. И, наконец, в 1858 году при новом канцлере Александре Горчакове он получил должность председателя этого Комитета.

Впоследствии Тютчев был произведён в тайные советники. Таких чинов и наград (орден Владимира 3-й степени, Станислава 3-й степени, святой Анны 1-й степени) не удостоивался ни один русский литератор — кроме поэта, министра просвещения Гаврилы Романовича Державина. Следует подчеркнуть, что поэт Тютчев не написал ни одной «шинельной оды», ни одного поздравления на случай.

Тютчев слыл в Петербурге остроумцем, именно поэтому его любила императрица. Он же по поводу любви к нему императрицы, или великой княгини, или же другой высокопоставленной особы заметил, что они любят его потому, что ведь и они женщины. Перед Тютчевым открылись двери петербургских дворцов и аристократических салонов. Все желали заполучить блистательного пришельца из Европы. Особое положение, которое Тютчев приобрёл в русском высшем обществе, осталось за ним на всю жизнь. Женщины любили Тютчева из-за редкого мужского обаяния, тогда как красотой он совсем не отличался.

Явление Тютчева в Комитете составляло резкий контраст с бывшим «хозяином» Александром Ивановичем Красовским.

Тютчев не раз выступал в роли заступника изданий, которым грозили репрессии. Царскую цензуру он в письме к Аксакову рассматривал как «лицемерно-насильственный произвол». В должности председателя комитета Тютчев пробыл 15 лет, до самой смерти, вступая в открытые пререкания с руководителями цензурного ведомства. Он выразил своё мнение в стихах:

*Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит её — но вот беда,
Что дело не дойдёт до рвоты* [23].

Тютчев позаботился о своём «коллективе», окружил себя на службе приятным литературным обществом. Среди его подчинённых были поэты А. Майков и Я. Полонский. При Тютчеве произведён был пересмотр запрещённых книг. Разрешены были книги декабристов, в том числе мемуары декабриста Розена. По инициативе Тютчева и благодаря его хлопотам, Генриха Гейне впервые начали переводить на русский язык. Причём первые переводы принадлежали Тютчеву.

В 1870 году Тютчев подвёл итоги своей деятельности:

*Веленью высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцером в руках.*

*Мы им владели неохотно,
Грозили редко. И скорей
Не арестантский, а почётный
Держали караул при ней*^[24].

* * *

Вернёмся, однако, к предвоенным событиям будущей европейской войны и крымской трагедии, повлиявшим на Тютчева самым непосредственным образом (и, наоборот, к событиям, на которые впрямую и косвенно пытался влиять Тютчев).

Летом 1853 года Тютчев побывал в Берлине. Он отправился морем на пароходе «Св. Владимир» на Штеттин с тем, чтобы следовать далее по назначению — в Париж через Берлин. Английский учёный, исследователь русской литературы, Рональд Лэйн заинтересовался посещением Тютчевым Берлина накануне европейской войны. Лэйн исследовал дипломатическую переписку этого периода, а некоторые письма и донесения, прямо или косвенно касающиеся Тютчева, опубликовал в статье «Заграничная поездка Тютчева в 1853 году»^[25].

Статья могла бы послужить основой для политического триллера, причём высокого класса. Там приведена изумительная переписка дипломатов с разговорами о Тютчеве. Так, например, французский посол в Петербурге маркиз де Кастельбажак в депеше министру иностранных дел Франции Эдуару Ангуану Тувенелю сообщил, что русское правительство отправило в Берлин и Париж «незадачливому дипломата», «литератора и педанта» Тютчева с поручением поработать с западными журналистами. Кастельбажак рекомендовал взять Тютчева под наблюдение, несмотря на то, что он всего лишь пустой мечтатель и опасности не представляет. Тувенель последовал совету коллеги и организовал полицейскую слежку за нашим поэтом. То есть за Тютчевым шпионили! Правда, Кастельбажак вдруг решил смягчить своё донесение и в следующем — написал, что, конечно, правильно, что за Тютчевым установлена слежка, но что этот человек отличается от других русских — не враждебен Франции и западным идеям и что «*в этом отношении он совсем не похож на русского*».^[26]

Согласно донесениям, Россия купила берлинскую газету *Kreuzzeitung* («*Neue Preussische Zeitung*»), основанную в 1848 году. В начале июля 1853 году газета обрушилась с резкими нападками на позицию нейтралитета, занятую прусским правительством в восточном конфликте и выступила с требованием поддержать политику России. По странному совпадению в газете и в самом деле объявились прорусские статьи именно тогда, когда Тютчев находился в Берлине. Вот вам и «двойное бытие» нашего поэта. Осведомлённые дипломаты заметили, что тютчевская идея, по их мнению, навязчивая, о спасении Россией Германии во время наполеоновских войн звучала в берлинской газете. Из чего как будто бы следует, что если Тютчев и не сам писал статьи в берлинскую *Kreuzzeitung*, то «диктовал», внушал свою точку зрения. Очевидно было, что на данном этапе, в преддверии новой войны такая правда (о бы-

ших заслугах России в войне с Наполеоном) была никому не нужна, поскольку затевались другие Игры. И так, со всей видимой осторожностью можно сказать о некоем совпадении: прусские статьи, появившиеся в газете «*Kreuzzeitung*» летом 1853 года, возникли именно тогда, когда Тютчев приезжал в Берлин.

Любопытно наблюдать, как «хитроумные» дипломаты селятся рассуждать о некоем Тютчеве, суетятся, учуяв (звериным чутьём) его неординарность. Однако же, учуяв эту неординарность, переходят на пренебрежительный тон, дабы прикрыть своё непонимание агента, столь не похожего на агента. И агента ли, в самом деле? Поведение узколобых высокопоставленных чиновников мало чем отличается от поведения русских чиновников типа Воронцова, открыто презиравшего литераторов, в частности Байрона и его «подражателей», к которым относил Пушкина, и Нессельроде, вознамерившегося воспитать Пушкина, привести на стезю добра и успокоить избыток его воображения. Уж не чиновникам ли мы обязаны тем, что Тютчев так тщательно скрывал свой поэтический дар?

Приведу пример, подтверждающий и такую догадку. В 1850 году надворный советник, обер-секретарь одного из департаментов Сената Иван Сергеевич Аксаков был уволен со службы за публикацию некоей поэмы. Министр внутренних дел Л.А. Перовский ничего предосудительного в поэме не находил, но заявил, что литературные занятия «неприличны» служащему человеку. Как говорили (у Салтыкова-Щедрина) в салоне Обалдуй-Таракановой: «А ну её, эту паскуду-литературу!»

* * *

Ещё Александр I хотел водрузить (вернуть!) крест вместо полумесяца на Святой Софии. На протяжении 900 лет кафедральный собор, построенный в VI веке императором Юстинианом, был главной церковью Византийской империи и всего православного мира. Турки, завоевавшие Константинополь, превратили церковь в мечеть — в таком виде она пребывала 400 лет. Казалось, тысячелетний спор «Восток — Запад» приобрёл в начавшейся Крымской войне конкретный образ и смысл. Очевидно, что необходимо убрать наконец полумесяц и водрузить крест. Тютчев выстроил концепцию «всеславянской» монархии на Востоке, приурочивая её к 400-летней годовщине крушения Византийской империи. Весной 1854 года поэт написал четверостишие, назвав его «Спиритистическое предсказание»:

*Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трёх столиц*^[27].

Тютчев переходит все границы в буквальном смысле. Широку, щедрость, размах и, в то же время, завоевательный пафос наблюдаем мы в его стихотворении «Русская география» (1849):

*От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная*^[28]

Тремя столицами такой державы названы: «Москва и град Петров, и Константинов град». Град Петров — это Рим, религиозный центр православия, «законной империи Востока».

В основе тютчевских историко-политических построений лежит идея *translatio imperii* — одна из главных идей средневековой историософии, возводимая к видениям пророка Даниила и вызванная к жизни первой христианской трактовкой истории, данной в труде Августина «О граде Божьем»^[29] «Империя не умирает <...> Она только переходила из рук в руки»,^[30] — писал Тютчев в позднем трактате «Россия и Запад»). Тютчев был в этом вопросе прямолинеен и заявил, что Западная Европа ещё не была создана, когда мы (то есть Россия) уже существовали, однако назвались Восточной Империей, Восточной Церковью. Утопия этого «политического романтика» во многом черпала вдохновение из области мистических грёз. В его сознании господствовала формула «в Россию можно только верить».

Мне, в связи с имперскими иллюзиями Тютчева, вспоминается королевский астролог Елизаветы английской Джон Ди, загадочный современник Нострадамуса. Джон Ди (помимо многих научных достижений) ввёл в употребление термин «Британская империя» и разработал концепцию особых прав Англии на завоевание мира и доминирования в нём. Согласно Ди, империя — это Англия и её колонии. Он полагал, что у Англии особые права со времён сотворения мира (то есть, когда Англии не было), и сопоставлял Англию с идеалом «мистического универсального града». (Сравним с высказыванием Тютчева: «Вселенская Монархия — это Империя. А империя существовала вечно. Она только переходила из рук в руки»). Выходит, именно Джон Ди воспитал в англичанах чувство особого превосходства над остальным человечеством, имперское чувство «гражданина мира».

Я осмелюсь перефразировать Тютчева: *Умом британцев не понять, и футом общим не измерить, у них особенная стать: в британцев можно только верить.*

Джон Ди выполнял иногда тайные поручения Елизаветы, и свои послания королеве подписывал шифром «007», подобно будущему Джеймсу Бонду. Некоторые биографы полагают, что он был английским шпионом, хотя на самом деле учёный в Европе знакомился с новинками науки и техники и привозил свои познания в Англию.

* * *

В одном из писем Тютчев сообщает Эрнестине Фёдоровне: «Ну вот, мы в схватке со всей Европой, соединившейся против нас общим союзом. Союз — впрочем, неверное выражение, настоящее слово: заговор»^[31].

Николай Иванович Греч, встречавшийся с Тютчевым в Париже летом 1953 году (в то самое лето, когда Тютчев побывал и в Берлине), был поражен уникальной информацией, которой обладал поэт в беседах о большой политике. «В этой связи, — пишет исследователь творчества Тютчева А.Л. Осповат, — можно сделать два предположения. Либо Тютчев обладал конфиденциальной информацией (источник которой остаётся для нас загадочным), либо Греч был поражён его аналитической и прогностической способностью — той хорошо известной в петербургских салонах «провидческой» речью Тютчева, о которой лишь до некоторой степени дают представление его письма в канун и во время Крымской войны. <...> Судя по письму Греча от 1/13 сентября^[32], в июле 1853 году Тютчев сохранял веру в успешное для России разрешение восточного конфликта. И, несмотря на трезвую оценку действий тех, кто руководил страной, ввергнутой в Крымскую войну, он ещё некоторое время сохранял иллюзию».^[33]

Тютчева постигли разочарования, поскольку военные действия с Турцией разворачивались бездарно и неумело. Он ещё написал Эрнестине Фёдоровне, что не может отделиться от ощущения человека, запертого в карете, которая «катится» по наклонной плоскости» и вдруг замечающего, что «на козлах нет кучера». Его беспокоит равнодушие большого света к судьбоносной войне, он восклицает: «Ах, странная среда, где мне приходится жить! Бьюсь об заклад, что в день Страшного Суда, найдутся люди в Петербурге, которые станут прикидываться, что ничего о нём не знают»^[34].

Он ещё в 1854 году полагал, что не время сейчас писать стихи:

*Теперь тебе не до стихов,
О слово Русское, родное!*^[35]

27-28 марта 1854 году Англия и Франция объявили России войну, а 22 апреля англо-французская эскадра подвергла Одессу обстрелу. Французские войска высадились в Крыму и 27 августа 1855 году захватили южную часть Севастополя. Осада Севастополя длилась 349 дней.

За 8 месяцев до осады Тютчев написал стихотворение «На Новый 1855 год», в котором выразил одолевавшие его тягостные сомнения в возможности победы. Новый год ниспослан «для битв и расправы»:

*С собой несёт он два меча:
Один — сражений меч кровавый,
Другой — секиру палача.
Но для кого? Одна ли выя,
Народ ли целый обречён?
Слова неясны роковые,
И смутен замозильный сон*^[36].

За две недели до полного падения Севастополя поэт написал настоящий шедевр:

*Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.*

*И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещи садятся
Вдоль по нити вестовой.*

*Вот с поляны ворон чёрный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.*

*И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?*^[37]

Война закончилась подписанием 18 марта 1856 году Парижского мирного договора, по которому Чёрное море объявлялось нейтральным, русский флот сво-

дился до минимума, крепости уничтожались. Кроме того, Россия лишалась устья Дуная, южной части Бессарабии, захваченной в этой войне крепости Карс и права покровительства Сербии, Молдавии и Валахии. Крымская война была по существу поражением дипломатической системы Николая I и Нессельроде.

Лев Николаевич Толстой.

После севастопольских событий Тютчев был в восторге от «Севастопольских рассказов» и приехал к молодому Толстому, чтобы лично ему об этом сказать.

Когда произошло падение Севастополя, родные, опасаясь за здоровье Тютчева, не решались ему об этом сообщить. Наконец, всё же пришлось сказать Тютчеву правду, о которой он знал. «Из его глаз тихо катились крупные слёзы»^[38], — вспоминала Анна Фёдоровна.

Оскорблённый до глубины души поведением Николая I, на которого возлагал когда-то надежды, поэт обрушил на императора возмущённые стихи, в которых вынес ему приговор и подвёл черту «тридцатилетнему режиму глупости, развращённости и злоупотреблений»:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей*^[39].

Эта эпиграмма-эпитафия была записана рукой дочери в семейном альбом. Больше всего Тютчева возмутила поддержка Запада, и в частности Англии и Франции, — Турции, а также поддержка западной печати, «которая так лживо и бешено протуречила»^[40] и героическую защиту Севастополя трактовала изречением по поводу какого-то свирепого животного: «оно так свирепо, что, когда на него нападают, оно защищается».

С падением Севастополя завершилась целая историческая эпоха. В самый разгар осады Севастополя, 19 февраля 1855 года, умер император Николай Павлович. В тяжелейших условиях неизбежного поражения воцарился его сын — Александр II.

* * *

В 1870 году, через 14 лет после «войны прохвостов и кретинов», как определил Тютчев Крымскую войну, канцлер Александр Горчаков ценою огромных усилий добился возвращения Чёрного моря, и некоторые исследователи, в том числе и Кирилл Васильевич Пигарёв, полагают, что Горчаков во многом действовал под влиянием и даже под нажимом Тютчева (Тютчев и Горчаков, к слову сказать, встречались еженедельно для деловых разговоров).

Александр Горчакову — лицеистому товарищу Пушкина — 9 июня 1817 году на торжественном акте первого выпуска воспитанников Царскосельского лицея был вручён похвальный лист и золотая медаль. А через четыре дня девятнадцатилетний Горчаков в чине титулярного советника был зачислен в Коллегию иностранных дел, что на Английской набережной в Петербурге (там, как мы помним, числился на службе Пушкин до 1822 года, до отъезда в Кишинёв, а с 1822 году — Тютчев, до отъезда в Мюнхен).

Горчаков посетил Пушкина в 1825 году в Михайловском изгнании, хотя посещение опального поэта могло повредить ему в дипломатической нелёгкой и тернистой карьере.

С 1867 году Горчаков — государственный канцлер, причём последний русский канцлер.

Итак, в 1870 году канцлер Александр Горчаков обнародовал декларацию о расторжении 14-й статьи Парижского мирного договора 1856 года, ограничившего права России на Чёрном море. Тютчев посвятил Горчакову восторженные стихи. И не только посвятил, но записал их собственной рукой в письме к Горчакову:

*Да, вы сдержали Ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.*

*И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной*^[41].

Это было первое (и, пожалуй, последнее) преднамеренно написанное посвящение с целью вручения высокопоставленному лицу! Однако не забудем, что канцлер был приятелем Тютчева, так что в таком контексте подношение «на случай» превращается в посвящение, о котором многие из нас мечтают.

Стихотворение отмечено датой: «19 октября» — пушкинским днём Лицея, днём, который свято чтит последний лицеист Горчаков, переживший всех до еди-

ного своих товарищей. («Кому ж из нас последний день Лицея/ Торжествовать придётся одному?») — загадывал Пушкин, тем самым нечаянно посвятив стихи Горчакову. Горчаков умер 27 февраля 1883 году в Баден-Бадене в возрасте 85 лет). Возможно, дата, поставленная Тютчевым, — случайное совпадение, а может, Тютчев отметил «священную» дату лицейской дружбы пушкинского и последующих выпусков Императорского лицея? Быть может, Тютчев отметил для себя тот необыкновенный литературный факт, что Пушкин много раз посвящал лицейской дате стихи?

Быть может, помнил, что последнее своё произведение, «Капитанскую дочку», Пушкин издал в собственном журнале «Современник» без имени автора, без подписи, но с датой, означающей его, пушкинский знак, с датой, по которой должен быть узан: 19 октября. Быть может, всё это знал, и пожелал — вместо Пушкина — сделать Горчакову ещё и лицейский подарок, подписав: «19 октября»? Впрочем, это всё мои предположения.

В стихотворении Тютчева «Цицерон» речь идёт о человеке, который лишь на первый взгляд — как судно под парусом, целиком зависящее от ветра. Но если наступит штиль, то, искусно используя определенные комбинации воздушных течений, можно плыть дальше. Собственно говоря, в начале стихотворения Цицерон ещё не до конца осознаёт, что он истинный избранник судьбы, на том лишь основании, что ему довелось посетить сей мир. Ему кажется, что он опоздал, что ключевые моменты истории уже позади, и он прощается с «закатом звезды» римской славы: «Я поздно встал — и на дороге/ Застигнут ночью Рима был!» Тютчев перифразировал Цицерона, сказавшего, что он с опозданием посетил мир, пропустил светлые дни республики, и с наступлением тёмных дней уходит из жизни. Однако уже во второй строфе стихотворения он произносит настоящий гимн «неприкрашенному факту существования» человека в этом мире:

*Счастлив ^[42] кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали все благие
Как собеседника на пир.*

*Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!^[43]*

70-летний Тютчев как будто бы и перед смертью не вспомнил о своей поэтической деятельности, словно не писал стихов. Ему казалось, что вся его жизнь ушла на остроты, которыми он прославился в светских салонах. Что впустую прожил жизнь, не влияя на события, на историю, не состоялся как поэт, одним словом, истратил жизнь на остроты. О стихах не сказал ни слова. Эту тайну нам не разгадать. Известно только, что Тютчевым владела снедающая тоска.

*И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном, диком берегу.^[44]*

В официальном литературоведении бытует мнение: поэт Тютчев — уникальный случай полного отсутствия авторского самолюбия. Впрочем, спорить с этим невозможно, поскольку доказательств обратного нет.

Мой преподаватель профессор Н.Я. Берковский автор известной работы о Тютчеве^[45] уверен был: Тютчев — единственный поэт, лишённый авторского самолюбия. Бывало, профессор, сидя на стуле со своей неизменной тростью, грозно оглядывая аудиторию и как бы споря с невидимым оппонентом, заявлял с вызовом: «В России было два великих поэта — Пушкин и Тютчев!» Что же касается знаменитых неотразимых острот Тютчева, на которые якобы «ушла вся жизнь», то и они составили литературное наследство: из уникальных изречений Тютчева была составлена книга: «Тютчевиана»^[46]. Кроме того, сохранилось более 400 «громокипящих» стихотворений, неоднократно издаваемых, большое количество переводов, несколько статей и более тысячи поразительных писем, свидетельств уникальной прозы.

Фёдор Иванович Тютчев умер в Царском Селе 15 июля 1873 году и похоронен на Новодевичьем кладбище в Петербурге на Московском проспекте позади здания бывшего Новодевичьего монастыря.

Причиной смерти был удар (инсульт). Ещё в декабре 1872 году он утратил свободу движения левой рукой и ощутил резкое ухудшение зрения, его одолевали мучительные головные боли. После второго удара 11 мая он долго не приходил в сознание и, казалось, умер. Однако он всё же пришёл в себя и еле слышным голосом спросил: «Какие последние политические известия?»^[47]

Примечания

[1] Пигарёв К. Жизнь и творчество Тютчева. М.: АН СССР, 1962.

[2] Чагин, Г. Федор Тютчев. Женщины в его жизни и творчестве. Урал ЛТД, 1999.

[3] Тютчев Ф.И. О, вещая душа моя! // Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т. М.: Худ. лит. 1984. Т. 1 С.173.

[4] Композитор Моисей Самуилович Вайнберг, (1919-1996), автор цикла «Шесть романсов» на стихи Тютчева, в том числе и на стихи «Я помню время золотое». Вайнберг — автор симфоний, опер, балета, песен, в том числе известной в широких кругах музыки к фильмам «Винни –Пух» и «Летят журавли». Был арестован по делу врачей в 1953 году, по ходатайству Шостаковича освобожден и впоследствии реабилитирован. Другие романсы Вайнберга на стихи Тютчева: «В небе тают облака», «Люблю глаза твои, мой друг», «Весеннее успокоение», «Листья», «Она сидела на полу».

[5] Князь Иван Сергеевич Гагарин (1814-1882) — друг молодости Тютчева, по сути дела первый оценивший его поэтический дар, впоследствии католический священник, член ордена иезуитов, писатель. В личном архиве Гагарина оказалось некоторое количество никому не известных стихотворений Тютчева, о чем Гагарин и не подозревал. Автографы стихотворений Гагарин вернул родственникам поэта в 1875 году, когда Тютчева уже не было в живых.

[6] Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Современник. 1850. №1. Отд. У1, С. 42-74.

[7] Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886) — публицист, поэт, общественный деятель, сын писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, младший брат писателя Константина Сергеевича Аксакова, зять Ф.И. Тютчева (женат на его дочери Анне Федоровне), первый биограф Ф.И. Тютчева.

[8] Аксаков И. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. М.: АО «Книга и бизнес» 1997. Репринтное воспроизведение издания 1886 года. С. 29.

[9] Маркиз Астольф де Кюстин, автор забытых романов о светской жизни («Алоис», 1829; «Свет как он есть», 1835; «Этель», 1839; «Ромуальд», 1848) и путевых заметок («Записки и путешествия», 1830 — о Швейцарии, Италии и Англии; «Испания при Фердинанде VII»,

1838). Однако только одна его книга получила в Европе резонанс — «Россия в 1839 году», изданная в 1943 году в Париже. (Custine, Marquis de. *La Russie en 1839* / Marquis de Custine. — Paris : Librairie d'Amoyot, 1843).

[10] Мильчина В.А., Осоват А.Л. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина. Нереализованный проект С.С. Уварова // НЛО. 1995. № 13. С. 272-285.

[11] Аксаков И.С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. М.: АО «Книга и бизнес» 1997. Репринтное воспроизведение издания 1886 года. С. 29.

[12] Николай Павлович Романов, (1796-1855) третий сын императора Павла I и Марии Фёдоровны, родной брат императора Александра I, отец императора Александра II. Император Всероссийский с 1825 года по 1855. Смерть его (по официальной версии от пневмонии) была неожиданной в период начавшихся поражений России в Крымской войне, породившая у современников слухи о принятии им яда, что маловероятно для верующего христианина, каковым был Николай I.

[13] В Мюнхене мемориальная доска Фёдору Тютчеву установлена.

[14] Тютчев Ф.И. День и ночь // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 1. С. 113.

[15] Тютчев Ф.И. Кончен пир умолкли хоры... // Там же. С. 135.

[16] Friedrich Karl von Tettenbom (1778-1844) — барон, русский и немецкий генерал, участник войн против Наполеона.

[17] Азадовский К.М., Осоват А.Л. Тютчев и Варгаген фон Энзе. Из истории отношений // Фёдор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука. 1989, С. 458-463.

[18] Там же, С. 459.

[19] Тютчев Ф.И. Знамя и слово // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 1. С. 304.

[20] Азадовский К.М., Осоват А.Л. Тютчев и Варгаген фон Энзе. Из истории отношений // Фёдор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука. 1989, С. 460.

[21] Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х — начала 1850-х годов // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1988. С. 231-252.

[22] Михаил Семенович Воронцов (1782-1856) — светлейший князь, генерал губернатор Новороссийского и Бессарабского края. Несмотря на некоторые заслуги перед отечеством, вошел в историю (и в историю литературы) как гонитель Пушкина, что соответствует истине, а публикуемые и ныне исследования (и даже художественные произведения) о том, что у Пушкина была любовная интрига с графиней Воронцовой, и, якобы это послужило причиной доносов на Пушкина со стороны Воронцова, не обоснованы. Доносов Воронцова на Пушкина (и в частности лично императору Александру I) оказалось несколько. В начале 10-х годов 20-го века некоторые из них обнаружил известный пушкинист, комментатор произведений Пушкина, автор книг о Пушкине, Николай Осипович Лернер (1877-1934), получивший за книгу «Труды и дни Пушкина» (1903) полную премию Лицейского Пушкинского общества.

[23] Тютчев Ф.И. Печати русской доброты... // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т.1. С. 368.

[24] Тютчев Ф.И. Веленью высшему покорны... // Там же. С. 385.

[25] Лэйн Р. Заграничная поездка Тютчева в 1853 году // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Кн.2. М.: Наука, 1989. С. 464-470.

[26] Там же. С. 465.

[27] Тютчев Ф.И. Спиритистическое предсказание // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 1. С. 320.

[28] Тютчев Ф.И. Русская география // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т.1. С. 305.

- [29] Августин Аврелий. Творения. Т. 4 О граде Божьем. Книги XIV-XXII. СПб.: Алетейя. Киев: УЦИММ-Пресс, 1998.
- [30] Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1 С. 222, 224.
- [31] Аксаков А.С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. М.: Книга и бизнес, 1997. Репринтное воспроизведение издания 1886. С. 248.
- [32] Н.И. Греч сообщил в этом письме, что война неизбежна и что «получил точное понятие о делах» от Тютчева. Согласно сообщению А.Л. Осповата, это письмо не опубликовано и находится в архиве ИРЛИ.
- [33] А.Л. Осповат. Ещё о заграничной поездке Тютчева в 1853 году. // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Кн.2. М.: Наука, 1989. С.473.
- [34] Аксаков А.С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. М.: Книга и бизнес, 1997. Репринтное воспроизведение издания 1886. С. 239.
- [35] Тютчев Ф.И. Теперь тебе не до стихов... // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 1. С. 321.
- [36] Тютчев Ф.И. На новый 1855 год // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 1. С. 168.
- [37] Тютчев Ф.И. Вот от моря и до моря... // Там же. С. 172.
- [38] Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. М.: Захаров. 2008.
- [39] Тютчев Ф.И. Не Богу ты служил и не России... // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 1. С. 174.
- [40] Аксаков И.А. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение изд. 1886 г. М.: АО «Книга и бизнес», 1997. С. 239.
- [41] Тютчев Ф.И. Да, вы сдержали ваше слово... // Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 1. С. 387.
- [42] В некоторых редакциях «блажен».
- [43] Тютчев Ф.И. Цицерон // Тютчев Ф.И. Указ. соч. С. 59.
- [44] Тютчев Ф.И. Есть и в моём страдальческом застое... // Тютчев Ф.И. Указ. соч. С. 201.
- [45] Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев. Вступительная статья. // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.О. Советский писатель», 1987. Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев. // Берковский Н. О русской литературе. Л.: Худ. лит. 1985. С. 155-200.
- [46] Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. М.: Костры, 1922.
- [47] Цит. по изд. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: Книга и бизнес, 1997. Репринтное воспроизведение издания 1886 году С. 315.

Генрих Иоффе

«ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ НЕЛЕПА» (император Иван VI)

Чтобы понять трагическую судьбу российского императора-младенца Ивана Антоновича (род. в августе 1740 г. ум. в июле 1764 г., царствовал с октября 1740 г. по ноябрь 1741 г.), необходимо отойти вглубь истории. Так и поступим.

Второй царь династии Романовых Алексей Михайлович Тишайший был женат дважды: на Марии Милославской, потом на Наталье Нарышкиной. От Милославской сыновья Алексея Михайловича в большинстве были хворыми. Не составлял исключения и наследовавший ему старший сын Федор Алексеевич. Царствовал он недолго: вступил на престол в 1676 г., а через шесть лет, в возрасте немногим более 20 лет бездетным скончался (1682 г.).

После него остались два наследника престола: от Марии Милославской — 15-летний Иван (род. в сент. 1666 г.) и от Натальи Нарышкиной — 10-летний Петр (род. в июне 1672 г.). Кому же царствовать? Как будто бы Ивану: он старший, но здоровьем не отличался, государственными делами мало интересовался, к тому же сразу началась тяжба между Милославскими и Нарышкиными. И те, и другие делали все, чтобы продвинуть «своего» кандидата: Милославские — Ивана (и стоявшей за ним Софью), Нарышкины — Петра. Обе стороны рассчитывали заручиться поддержкой Стрелецкого войска — силой влиятельной в военном и политическом отношении.

В конце концов нашли некий компромисс: пусть царствуют оба — и Иван (под именем V) и Петр Первый, причем «старшим» царем (по возрасту) объявлялся Иван. Правительницей же стала их сестра Софья (из рода Милославских) — женщина волевая и честолюбивая, сама вынашивавшая широкие политические планы.

За будущими грандиозными реформами Петра, его историческими победами батальями на суше и на море подзабылся сводный брат Петра — Иван V.

«Ивановны»

Больше всего красивого и благодушного Ивана V занимали дела семейные. Сам он ничем особым не отличился (умер в январе 1696 г. 30 лет от роду), но вот потомство его сыграло в истории России заметную роль. Иван V был женат на Прасковье. Салтыковой, которая родила пятерых детей и все были дочери: Екатерина, Анна, Прасковья, Мария, Феодосия. Но Мария и Феодосия умерли в младенчестве.

Между тем, правительница Софья 1689 г. сошла с политической сцены. Один из стрелецких бунтов, спровоцированных ею же против выросшего Петра, окончился для нее заточением в Новодевичий монастырь.

В отличие от Софьи с ее политическими планами, дочери Ивана V — Анна, Екатерина и Прасковья — политической роли играть не собирались. В высших кругах на них и не обращали особого внимания, не без пренебрежения «скопом» назы-

вали «ивановнами» Петр (после смерти Ивана) старался выдать племянниц замуж за немецких герцогов и курфюрстов, обеспечивая невест всем необходимым, ибо знал: женихи не из богатых. В этом, конечно, как бы теперь сказали, имелась политическая «составляющая»: Петру нужны были союзники в войне со Швецией для реализации своей главной цели — «ногою твёрдой стать при море».

Старшую дочь Ивана V Екатерину выдали за Мекленбург-Шверинского герцога — Карла-Леопольда, но супруги скоро рассорились, и Екатерина в 1722 г. из Ростка вернулась в Россию. Среднюю дочь Ивана V — Анну — отдали за Курляндского герцога — Фридриха-Вильгельма, который уже через несколько месяцев скончался от перепоя. Анна Ивановна осталась жить в Митаве, утешаясь со своим фаворитом Эрнестом Бироном. Лишь младшая Прасковья вышла за «своего» — русского генерал-аншефа И. Дмитриева-Мамонова. И, вероятно, незаметно прошли бы жизни Анны и Екатерины Ивановных, если бы не поворот событий в России.

Кондиции для Анны Ивановны

После смерти Петра I (январь 1725 г.) два года царствовала его вторая жена, бывшая прибалтийская крестьянка Марта Скаврнская, в православии Екатерина I. Наследником ее стал внук Петра I — Петр II (сын Алексея, приговоренного к казни и погибшего при неизвестных обстоятельствах в крепостном каземате). Нов январе 1730 г. 15 лет от роду он умер от оспы.

В Петербурге собрался Верховный Тайный Совет. Он образовался еще в 1726 г., после смерти Петра, и состоял из 8 человек. Теперь к ним добавили еще двоих: князей Д. Голицына и В. Долгорукова. Это были люди из числа вельмож времен царствования Петра и императрицы Екатерины I. Многие из них устали от «крутого» петровского властвования и желали теперь «спокойно почивать на лаврах». Они считали, что следует обратиться к наследникам полузабытого царя Ивана V, брата Петра, лучше всего к курляндской герцогине, вдовствующей Анне Ивановне (о Екатерине говорили, что она «склонна к вину и любви»). Анна Ивановна была малопривлекательна, излишне полна, но умела поддерживать хорошие отношения со многими вельможами. В характере ее сочеталась, с одной стороны, тяга к иностранной роскоши и, с другой — приверженность к русской старине и его шутовству едва ли не языческого характера. При этом Анна Ивановна легко превращала в шутов и шутих даже весьма высоких вельможных лиц. Но главное состояло в том, что, по расчетам некоторых «верховников», давняя отдаленность Анны Ивановны от России могла значительно содействовать фактическому их правлению в России. «Воля ваша, — говорил Голицын «верховникам», членам Сената, Синода, генералам, представителям высшего дворянства, — только надобно и нам себе полегчать». На этот случай («чтобы и себе полегчать») «верховники» составили 10 так называемых кондиций, подписанием которых власть Анны Ивановны значительно ограничивалась. Она не могла вступать в супружество, определять наследника престола, объявлять войну и заключать мир, устанавливать налоги, назначать на высокие посты и др. По более поздним мнениям, например, П. Струве, если бы кондиции вошли в силу, это могло означать, что Россия вступила бы на путь развития конституционной монархии. 19 января 1730 г. князья Голицын, Долгорукий и генерал Леонтьев повезли кондиции в Митаву, где находилась Анна Ивановна. Зачитывал кондиции князь Василий Долгорукий. 3 февраля

1730 г. посланцы вернулись с письмом Анна Ивановны, в котором она заявляла, что «намерилась принять державу и правительствовать». В конце письма перечислялись все кондиции, подписанные Анной Ивановной и приписка ее рукой: «По сему обещаю все без всякого изъятия содержать». «Верховники» возликовали. Но скоро выяснилось, что слишком рано. Одни (в Сенате, Синоде, в генеральской среде и др.) требовали расширения членства Верховного Тайного Совета, другие же решительно выступали против «кондиционного» управления страной. Так, например, бывший казанский губернатор, затем кабинет-министр А. Вольнский (впоследствии жестоко казненный) писал: «Слышно здесь, что делается у вас или уже сделано, чтоб быть у нас республике... Боже сохрани, чтобы вместо одного самодержавного государя не сделалось 10 самовластных и сильных фамилий. Так мы — шляхетство — совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идопоклонничества и милости у всех искать». Началось нечто смуты в «верхах».

Наконец, 15 февраля 1730 г. Анна Ивановна торжественно въехала в Москву. Две группы — Верховный Тайный Совет с его кондициями — и противники Совета стремились всеми силами перетянуть Анну Ивановну, уже императрицу, на свою сторону. Встретившись с Анной Ивановной подали ей прошение, в котором говорилось, что «в означенных пунктах заключаются обстоятельства, заставляющие опасаться впредь для народа событий неприятных, которыми враги отечества могут воспользоваться», и просили это прошение подписать. Анна Ивановна, кажется, колебалась, но находившаяся рядом наготове с чернилами и пером сестра Екатерина (герцогиня Мекленбургская) сказала: «Нечего тут думать, государыня! Извольте подписать».

Анна Ивановна подписала, и это был первый шаг к уничтожению кондиций Верховного Тайного Совета, которые она приняла в Митаве. Между тем, численность противников кондиций неуклонно возрастала. Их представители явились к Анне Ивановне и ей было передано прошение (со 150-ю подписями) «принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного Совета и подписанные Вашей Величества рукою пункты уничтожить». Анна Ивановна тут же разыграла сцену невероятного удивления. «Как! — воскликнула она. — Разве то, что мне прочитал в Митаве князь Василий Лукич и то, что я там подписала — это не выражало мнение народа?!»

Ей ответили, что это было совершенно не так. Тогда она приказала принести ей эти «митавские кондиции» и при всех собравшихся «изволила, приняв, разорвать». «Тут же велено было сочинить вновь присягу о самодержавии ее Величества».

Император-младенец и регентша Анна Леопольдовна

Когда Анна Ивановна стала русской императрицей, ей было 37 лет. Желаящих бракосочетаться с ней имелось немало. Но она решила не выходить замуж с тем, чтобы после нее российский престол сохранился только за наследством ее отца — Ивана V. Наиболее подходящей кандидатурой была ее племянница (дочь сестры Екатерины, выданной замуж за герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского). Но брак этот, как мы уже писали, оказался неудачным. Карл-Леопольд проявил себя сатрапом и самодуром, и в 1722 г. Екатерина вернулась в Россию, поселившись в Измайлове. Вернулась не одна, а со своей 3-х летней дочерью Елизаветой.

той-Екатериной-Христиной (род. в 1718 г.), которую при обращении в православие назвали Анной Леопольдовной. Императрица Анна Ивановна любила племянницу, окружала ее по тем временам образованными людьми, среди которых был человек таких высоких познаний, как Феофан Прокопович. Благодаря им, Анна Леопольдовна, говоря словами Пушкина, стала «русскою душой». Когда же она вошла в «невестинский возраст», на ее руку и сердце объявились два претендента: герцог Антон-Ульбрихт Брауншвейг-Люнебургский и 16-летний сын фаворита императрицы Анны Ивановны Бирона - Петр. Собственно, претендовал не столько сам сын, сколько за него старался отец — сам Бирон.

Понимая, что Анна Леопольдовна как родная племянница императрицы Анны Ивановны может стать ее наследницей, женитьбой на ней своего сына Бирон рассчитывал приблизиться к российскому престолу. Но Анна Леопольдовна решительно отклоняла притязания Бирона. Склоняясь к желанию Анны Ивановны, она согласилась на брак с герцогом Антоном-Ульбрихтом Брауншвейг-Люнебургским, хотя тоже не была к нему слишком расположена. Он был неприязнителен внешне, но хорошо по тем временам образован, проявлял себя смелым боевым офицером. Так в 1737 г. он отличился при штурме Очакова. 12 августа 1740 г. Анна Леопольдовна родила сына, названного Иваном Антоновичем.

Время шло. Императрица Анна Ивановна стала тяжело болеть. В ее окружении шли лихорадочные споры, кому же в России после нее быть царем. Наконец, воля умиравшей императрицы была выражена. 5 октября 1740 г. наследником — императором объявлялся двухмесячный сын Анны Леопольдовны и Антона-Ульбрихта Брауншвейг-Люнебургского Иван Антонович. До достижения 17-летнего возраста регентом при нем назначался Бирон. В уставе о регентстве говорилось, что Бирону дается «полная мочь и власть... управлять все государственные дела, как внутренние, так и внешние». Это, конечно, было обидным и оскорбительным для родителей.

Назначение Бирона регентом вообще вызвало широкое недовольство. Выходило так, что фактическая власть в стране попадала в руки иностранца - немца, давно, «кривым» путем пробравшемся на самую высоту империи. Особенно роптала гвардия. Там ждали похорон Анны Ивановны, чтобы начать действовать против назначенного ею биронова регентства. Говорили, что подпись Анны Ивановны под назначением Бирона вообще подделана и что лучше всего, если регентшей станет мать младенца-императора Анна Леопольдовна или, в крайнем случае, регентом его отец — Антон-Ульбрихт Брауншвейгский.

Конечно, Бирон не мог не знать, что вражда против него возрастает. Первое, что он стал пытаться — это выжить Анну Леопольдовну и все брауншвейгское семейство из России. Вместо маленького Ивана Антоновича он намеревался пригласить в Россию сына умершей в 1728-м г. дочери Петра I Анны Петровны — Карла-Петера-Ульриха Гольштейн-Готторпского (будущего императора Петра III), надеясь через него укрепить свое положение. Но Анну Леопольдовну поддержали гвардейские офицеры, возглавляемые фельдмаршалом Х. Минихом. Раньше он поддерживал Бирона, но теперь, поняв, что его фавор кончается, принял сторону Анны Леопольдовны...

8 ноября 1740 г. ночью группа офицеров и солдат, руководимая Минихом, ударами прикладов разбудила Бирона. Он попытался было отбиваться, тогда его скрутили, засунули в рот носовой платок, завернули в одеяло, и потащили через комнату с гробом императрицы Анны Ивановны. Прямо из дворца бывшего лю-

бимца императрицы отправили на гауптвахту. Ранним утром Миних доложил Анне Леопольдовне, что все обошлось вполне благополучно.

Бирон был приговорен к четвертованию, однако, как говорилось в манифесте Анны Леопольдовны, «по природному нашему великодушию» именем своего сына — императора она помиловала Бирона, его «надлежало в вечном заключении содержать». Позднее он был переведен в Ярославль, откуда его освободил уже Петр III. Затем пришедшая к власти Екатерина II вернула Бирона по месту исхода его жительства и возвышения — в Курляндию.

«Вы знаете, чья я дочь?»

9-го ноября 1740 года Анна Леопольдовна особым манифестом объявила себя правительницей. Ей тогда шел всего лишь 23 год. Это была статная и миловидная блондинка. Некоторые историки считают, что по своему интеллекту, образованию и, так сказать, либерализму, она превосходила как Анну Ивановну, так и Елизавету, вполне соответствовала положению правительницы государства. По мнению других, для той роли, которая ей выдала судьба, она вряд ли годилась, делами себя не перегружала, много времени проводила в своих покоях, беседуя с любимой фрейлиной Ю. фон Менгден (недоброжелательницы даже называли их лесбиянками). Действительно, многими делами фактически правили фельдмаршал Х. Миних, граф А. Остерман, канцлер М. Головкин, обер-гофмаршал Левенвольде и др. Они и некоторые другие сыграли важную роль в ликвидации бироновского регентства и были щедро вознаграждены. Супруг новой правительницы Альберт-Ульрих получил звание... генералиссимуса! Претендовавший на это звание Миних, по своим расчетам, согласился стать первым министром, Остерман, по-прежнему ведая иностранными делами, стал еще и генерал-адмиралом. Головкин сделался вице-канцлером и управлял всеми внутренними делами. Большие чины, звания, ценные подарки и крупные суммы денег получили и другие «антибироновцы». Но уже скоро среди тех, кто, казалось бы, согласованно «валили» Бирона, начались разногласия и даже вражда. Особые ненависть и опасение вызывал «перевертыш» — фельдмаршал Миних. По болезни его отправили в отставку, а позднее (уже при императрице Елизавете) по многим ложным обвинениям в государственной измене, былой поддержке Бирона, казнокрадстве и др., приговорили к смертной казни. Впрочем, казнь была заменена ссылкой в Сибирь (в Пелым), откуда через 20 лет Миниха вернул Петр Третий.

Но в борьбе вельмож, деливших места в наследстве Бирона, Анна Леопольдовна, по-видимому, просмотрела главного противника. Ни Миних, ни Остерман, ни Головкин или граф А. Черкасский не могли претендовать и не претендовали на императорскую корону, которая фактически находилась в руках правительницы Анны Леопольдовны. А до времени в некоторой тени оставалась младшая дочь Петра I-го Елизавета (старшая — Анна, выданная за голштинского герцога, как уже отмечалось, умерла в 1728 г.). Императрица Анна Ивановна терпеть не могла Елизавету, опасаясь ее как потенциальную конкурентку на трон для ее прямых родственников-«ивановичей», так и за необычайную красоту. Когда Анна Леопольдовна стала правительницей, Елизавете исполнился 31 год. Несмотря на некоторую разницу в возрасте они поддерживали хорошие отношения. Правда, Анне Леопольдовне говорили и нашептывали, что Елизавета может вынашивать замыслы против

нее и ее сына — императора-младенца. Она не верила. Во время встреч подруги со слезами на глазах клялись в верности друг другу. И все же тайные наговоры и подговоры постепенно делали свое дело. Подозрительность по отношению к Елизавете росла. Между тем, Елизавета приобретала все большее почитание и даже преклонение в Преображенском и Семеновском гвардейских полках, оваянных именем и славой ее отца — императора Петра Великого...

Решаться на переворот Елизавету уговаривали многие, но особенно активно действовали ее лейб-медик Лесток и учитель музыки Шварц. Они убеждали Елизавету, что вне всякого сомнения ее поддержит гвардия. Елизавета колебалась. Но такие разговоры не могли не дойти до Анны Леопольдовны. В 20-х числах ноября 1741-го г. между ней и Елизаветой состоялась не очень любезная беседа. Анна Леопольдовна дала понять, что если подобные разговоры будут продолжаться, то, как ей ни будет жаль, по крайней мере Лесток может попасть под арест. Кроме того, она заметила, что цесаревне Елизавете следовало бы прекратить встречи с французским послом, маркизом Шетарди, который, по имеющимся сведениям, связан со Швецией, находящейся в военных отношениях с Россией. Елизавета отвечала на несколько повышенных тонах. Не исключено, что этот «выговор» Анны Леопольдовны прекратил колебания Елизаветы. Ее сторонники настаивали, чтобы она, наконец, решалась на переворот.

«Подлинно, — говорили ей, — это дело требует немалой отважности, которой не сыскать ни в ком, кроме крови Петра Великого».

Эти слова, вероятно, подтолкнули Елизавету. В ночь на 25-е ноября в сопровождении Лестока и Шварца она прибыла в Гренадерскую роту Преображенского полка. Там ее уже ожидали. Надо отдать должное Елизавете. Она нашла нужные слова.

— Вы знаете, чья я дочь? — прокричала она гренадерам. — Если знаете, ступайте за мною!

— Матушка! — отвечали ей. — Как не знать? Мы все за тобой готовы!

В Преображенском мундире, стройная, с красивым бюстом, распущенными по плечам белокурыми волосами, всегда жизнерадостная, веселая Елизавета и раньше производила неотразимое впечатление на гвардейцев.

«Мы всех врагов твоих перебьем!» — кричали в один голос гвардейцы.

Но Елизавета предупредила, что никакого насилия она не допустит, и если оно произойдет, их пути с гвардейцами разойдутся. Все поклялись на кресте, и из казарм Елизавета, окруженная гренадерами, направилась в Зимний дворец. Здесь, в караульной, солдаты не сразу поняли, что происходит. Елизавета объяснила им, что они должны послужить ей, как служили ее отцу и что народ натерпелся от немецкого господства, потому настало время «освободится от мучителей».

«Матушка! — отвечали солдаты, — что велишь, то сделаем!».

Сразу начались аресты тех вельмож, которые поддерживали Анну Леопольдовну и оказывали содействие брауншвейгской семье. Арестованы были Миних, Остерман, Головкин, Левенвольде и другие. А вскоре посыпались награды тем, кто поддержал государственный переворот и содействовал восхождению Елизаветы на престол. Пожалуй, больше всех была отмечена гвардия, а в ее составе Гренадерская рота Преображенского полка, которая первой поддержала Елизавету. Сама Елизавета стала ее капитаном, почти все в роте получили значительных повышения в чинах, дворянские звания, именья, крестьян, дорогие подарки, крупные суммы денег. Гренадерская рота стала называться лейб-компанией и была наиболее прибли-

жена к особе императрицы. Но все это произойдет несколько позже, а пока же предстояло решить вопрос со свергнутой брауншвейгской семьей...

В комнату к Анне Леопольдовне Елизавета вошла, когда та безмятежно спала. Тут же ночевала и ее любимая фрейлина Юлия фон-Менгден.

«Сестрица, — сказала Анне Леопольдовне Елизавета, — пора вставать!».

Проснувшись, та увидела в комнате гренадеров и сразу все поняла. Она стала просить Елизавету не сделать ничего плохого младенцу Ивану Антоновичу, другим ее детям и не разлучать с Ю. Мегден. Елизавета обещала. Рассказывали, что зайдя в соседнюю комнату, где спал маленький император Иван Антонович, Елизавета взяла его на руки, поцеловала и сказала: «Несчастное дитя! Ты ни в чем не виновно. Во всем виноваты твои родители!».

Тем временем во дворце Елизаветы был срочно составлен манифест, в котором говорилось, что из-за младенчества императора государством правили «разные персоны», отчего происходили как внутренние, так и внешние беспорядки» «и немалое же разорение всему государству» И потому «все наши как духовного, так и светского чинов верные подданные, а особливо лейб-гвардии наши полки, всеподданнейше единогласно нас просили, дабы мы для пресечения всех тех происшедших и впредь опасаемых беспokoйств и непорядков, яко по крови ближняя, отеческий наш престол принять соизволили». В последующем манифесте Елизавета доказывала, что порядок престолонаследия вообще был нарушен. После смерти Петра II единственной наследницей была она — Елизавета, как ближняя «по крови» Петру I. Но происками Остермана, который тогда управлял всеми делами, на престол была возведена Анна Ивановна. Она же, стремясь продолжать наследие своего отца — Ивана V — завещала престол Брауншвейгскому семейству, конкретно грудному младенцу своей племянницы Анны Леопольдовны и ее мужу — герцогу Антону-Ульбрихту Брауншвейгскому. Таким образом, утверждал этот манифест, никто из названного брауншвейгского семейства «ни малейшей претензии и права к наследию всероссийского престола ни к чему не имеют».

Заговор Турчанинова

Маленькому (уже бывшему) императору Ивану Антоновичу, его матери — свергнутой правительнице Анне Леопольдовне, его отцу Антону-Ульбрихту (и другим их детям) новая императрица разрешила свободный выезд за границу. Но в декабре 1741-го приказала примерно на год задержать их в Риге так, чтобы они находились под строгим караулом. Она решила ждать, пока в Петербург не прибьет 14-летний герцог Готторп-Голштинский, ее племянник, сын покойной сестры Анны Петровны. Елизавета рассматривала его — единственного внука Петра I — как наследника российского престола (впоследствии он и стал императором Петром III). Но, может быть, главное — Елизавета не без основания опасалась, что за границей найдутся силы, которые не пожелают видеть голштинского принца будущим русским императором и станут препятствовать его выезду в Петербург. Она также подозревала, что и в России не исключена возможность заговоров, участники которых не признают совершенного ею переворота и будут пытаться восстановить правление Анны Леопольдовны и младенца-императора Ивана Антоновича.

Действительно, уже летом 1742 г. был открыт заговор камер-лакея А. Турчанинова, прапорщика Преображенского полка П. Ивашкина и сержанта Измай-

ловского полка И. Сновидова. Эти трое распространяли слухи о том, что как императрица Елизавета, так и ее уже покойная сестра Анна были рождены Петром I и Екатериной I еще до брака, а поэтому являются незаконными и никаких прав на престол Елизавета не имеет. Турчанинов и другие стоваривались убить Елизавету и вернуть во власть свергнутое ею правительство. Расследование длилось до конца года. Участники были высечены кнутами, Турчанинову вырезали язык и вырвали ноздри, двум другим — только ноздри и навечно сослали в Сибирь. И все же трудно отделаться от предположения, что за Турчаниновым и другими кто-то стоял. Кто? Даже Тайная канцелярия, по-видимому, не сумела «выбить» ответ на этот вопрос.

Холмогоры. «Дело Лопухиных»

«Турчаниновское дело», возможно, привело к тому, что высланных «брауншвейцев» в декабре 1742 г. из Риги перевели в крепость Диамюнде. Затем, в начале 1744 г. по советам ближних вельмож, решено было перевезти бывшего императора-младенца Ивана Антоновича и всех остальных куда-либо подальше, вглубь России. Сначала поступило распоряжение вывезти всех в Ранненбург, откуда затем тайно отправить на жительство в Соловецкий монастырь.

А в Петербурге тем временем открыли новый «заговор», значительно более обширный, чем «турчаниновский». Летом 1743 г. арестовали бывшего камер-юнкера, подполковника Лопухина, который в разговорах дома и с сослуживцами весьма непочтительно отзывался об императрице, говорил, что при Анне Леопольдовне и маленьком императоре Иване Антоновиче было намного лучше. Тогда-де вокруг правительницы находились знающие и опытные люди, а теперь в основном одни «канальи».

К дознанию привлекли некоторых офицеров, родителей Лопухина — Наталью и Степана Лопухиных, подругу матери Лопухина — графиню А. Бестужеву и др. Некоторые из них дали показания на австрийского посланника маркиза Ботту. Он якобы не раз говорил, что будет стараться возвести на престол Анне Леопольдовну или в крайнем случае помочь ей и остальным уехать за границу. Прусский король, якобы уверял Ботта, что тоже заинтересован в этом. Арестованных пытали, били кнутом, поднимали на дыбу, но новых признаний от них не добились. В августе был вынесен жестокий приговор. Все были приговорены к смертной казни четвертованием, колесованием, отсечением головы и т.д. Но Елизавета смягчила наказание. У главных обвиняемых «урезали» языки и после битья кнутом их отправили в Сибирь. Своего посла Вена взяла под защиту. Было заявлено, что его оговорили...

В 1745 г. все брауншвейгское семейство поселили в Холмогорах, в архиерейском доме, обнесенном высоким забором. Никто, кроме охраны и нескольких служителей, не должен был знать, кто в этом доме живет, и никто не мог беспрепятственно войти в него. Холмогоры стали последним прибежищем для бывшей российской правительницы Анны Леопольдовны. В марте 1745 г. она родила сына Петра, а в следующем году при рождении другого сына (Алексея) скончалась. Тело ее было доставлено в Петербург и похоронено в Александро-Невской лавре.

После «дела Турчанинова» и «дела Лопухиных» императрица Елизавета не спускала глаз с Холмогор, с жизни «брауншвейцев». Приказано было «за Антоном-Ульбрихтом и за детьми его смотреть накрепчайшим образом, чтобы не учинили утечки». Особо доверенные охранники регулярно и подробно доносили в Пе-

тербург, что происходило там, в Холмогорах. Иван Антонович содержался отдельно от остальной семьи, его называли вымышленным именем «Григорий», к нему строжайше никто не допускался...

Шли годы. Казалось бы, Иван Антонович позабыт. Но нет...

«Зубаревщина»

В Европе, Северной Америке и других регионах мира началась Семилетняя война (1756-1763 гг.), которую, между прочим, У. Черчилль называл первой мировой войной. Россия тоже вступила в эту войну (в союзе с Австрией и Францией), но позже ее главным противником стала Пруссия, и прусский король Фридрих II старался предпринимать меры по подрыву русских военных усилий. Ставка, в частности, делалась на «раскольничество», т. е. староверов, не принимавших религиозную реформу патриарха Никона (17-й в.) В Пруссии не без некоторого основания считали, что раскол способен в немалой степени ослабить Россию. Эти расчеты были напрямую связаны и с находившимся в заключении Иваном Антоновичем, которому шел уже 16-й год.

Зимой 1756 г. в петербургскую Тайную канцелярию попал некий Иван Зубарев. Там под страхом пыток он поведал историю, в которой ложь трудно отделить от правды. Зубарев показал, что жил на севере, в слободе у раскольников, потом с их купцами поехал в Пруссию, в Кенигсберг. Там его завербовали в солдаты и вскоре от бывшего адъютанта фельдмаршала Миниха, генерала Манштейна он получил важное задание. Ему надлежало -де вернуться в Россию, снова связаться с раскольниками и с их помощью попытаться освободить бывшего императора Ивана Антоновича со всей семьей. В Архангельске же тем временем под видом купеческих будут находиться прусские корабли, которые и заберут освобожденных, после чего Ивана Антоновича провозгласят российским императором. На эту «операцию», по словам Зубарева, одобренную самим Фридрихом II, ему выдали тысячу червонцев и две золотых медали. Правдой в «зубаревщине», как уже отмечалось, могло быть то, что прусский король действительно видел в расколе уязвимое место своего противника — России и готов был связать с ним свергнутого Ивана Антоновича и брауншвейгскую семью, противопоставив их Елизавете. Однако и Елизавета учитывала такую возможность и прямо заявляла: «Если прусский король издаст манифест о возведении Ивана Антоновича на престол, то велю сразу же отрубить ему голову».

Такое высказывание мало вязалось с тем, когда, как мы помним, после переворота 1741 г. Елизавета держала младенца Ивана Антоновича на руках, целовала его и говорила, что он ни в чем не виноват. Времена менялись...

«Узник номер № 1»

Как бы там ни было, но зубаревские показания не могли не отозваться в далеких Холмогорах. В начале 1756 г. сержант лейб-компания Савин тайно (ночью) вывез Ивана Антоновича из Холмогор в Шлиссельбургскую крепость. Там он числился под кодовым названием «известный узник № 1». Ни одному человеку, в том числе, и ему самому, не должно было быть известно, где он находится. Охрана его была поручена особо доверенным гвардейским офицерам Шубину (позднее смененному Овциным), Власьеву и Чекину. Кроме этих людей, в помещении к «уз-

нику № 1» никто ни по какой причине не имел права входить. Во время уборок помещения «узник» должен был находиться за специальными ширмами.

Охранники-офицеры аккуратно докладывали о состоянии и поведении «узника № 1». По их сообщениям, в разное время физически он был здоров, но «свиреп» и «в уме то ли на самом деле помешался, то ли притворничествует». Иногда ходил, что-то шептал про себя, неожиданно смеялся. Часто ругался с охранниками, а случалось и дрался. Вместе с тем мог цитировать Библию, и другие религиозные книги. По распоряжению начальника Тайной канцелярии А. Шувалова «узнику» был задан вопрос: знает ли он кем является? Сначала он отвечал путанно, но в конце концов назвал себя принцем и государем. Шувалов велел передать «узнику», что ежели он «пустоты своей врать не отстанет», то будет строго наказан.

Сообщали Елизавете и о жизни Антона-Ульбрихта и его четырех осиротевших детей в Холмогорах. Жили они стесненно и почти все болели.

С конца 50-х гг. в нездоровье находилась и императрица Елизавета. Скончалась она 25 декабря 1761 (по нов. ст. 5-го января 1762 г.). Если Анна Ивановна старалась обеспечить императорское наследие в России «по линии» своего отца — царя Ивана V («ивановичей»), то Елизавета стремилась продлить российское императорское наследство своего отца — Великого Петра I. И еще по восхождению на престол (после переворота в ноябре 1741-го г.) она определила своего преемника. Им стал ее племянник, сын покойной сестры Анны (внук Петра I) и ее мужа, герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, который тоже вскоре умер. Осиротевшего юношу звали Карл-Петер-Ульбрихт. По линии матери он был наследником русского престола, а по линии отца мог унаследовать и шведский престол. Позднее он сожалел, что выбор пал на Россию.

«Заташили меня в эту проклятую Россию, — говорил он, — где я должен считать себя арестантом, тогда как если бы оставили меня на воле, то теперь бы я сидел бы на престоле цивилизованного народа».

В 1744 г. Карл-Петер-Ульбрихт приехал в Россию в ранге великого князя, наследника престола и сочетался здесь браком с дочерью немецкого владетельного князя, прусского фельдмаршала Софьей-Августой-Фредерикой Ангальт-Цербтской. В России по принятии православия Карл-Петер-Ульбрихт стал Петром Федоровичем (будущим Петром III), а Софья-Августа-Фредерика — Екатериной Алексеевной (будущей Екатериной Второй).

Находясь в России, еще будучи наследником престола, Петр Федорович не скрывал своего восхищения прусским королем Фридрихом II. В конце декабря 1761-го он был объявлен российским императором Петром III, и Фридрих в своих письмах торопит его поскорее короноваться. В связи с этим «зубаревские расчеты» снова появились в этих письмах, но, так сказать, с обратным знаком. Раньше прусский король намеревался спровоцировать раскольников на то, чтобы освободить Ивана Антоновича, возвести его на престол вместо Елизаветы и вывести Россию из Семилетней войны. Теперь другое. Теперь Иван Антонович — уже не возможный союзник, а вероятный противник. И потому Петр III должен поспешить с коронаванием, т.к. Фридрих «не доверяет русским». «Предположите, — писал он Петру, — что какой-нибудь негодяй с беспокойной головой начнет в ваше отсутствие интриговать для возведения на престол этого Ивана, составит заговор с помощью иностранных денег, чтобы вывести Ивана из темницы, подготовить войско и других негодяев, которые присоединятся к нему...».

Отвечая Фридриху, Петр III пояснял, что из-за идущей войны он не может «сделать великолепной коронации», которая необходима здесь «по обычаям». Что

же касается опасений по поводу Ивана Антоновича, то он «содержится под крепкою стражей». Тем не менее беспокойные советы его кумира не могли пройти мимо Петра III. Он заменил охранника Овцына гвардейским капитаном Чурмангеевым, дав ему строгий наказ. Если «узник» станет чинить какие-либо беспорядки, «сажать его на цепь», «бить палкой или плетью». Другой наказ был еще более строгим и жестоким. «Буде сверх нашего чаяния кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать».

«Узник» мог быть выдан только двум генералам, имеющим именное распоряжение, подписанное собственной рукой императора — князю Голицыну и барону фон-Унгерну. В конце марта и начале апреля эти «особые лица» доставили «известного узника» во дворец к Петру III, который, видимо, лично решил убедиться, что он ныне собой представляет и какова мера его опасности. По-видимому, Петр не стал скрывать свои впечатления или произошла случайная утечка, но английский посол сообщал в Лондон, что император нашел «узника» физически развитым, но косноязычным, с расстроенным умом». Он якобы утверждал, что не является императором Иваном Антоновичем, однако, сохраняет его права. Петр III пришел к заключению, что сколько-нибудь серьезная попытка государственного переворота в пользу Ивана Антоновича может быть произведена лишь «людьми темными», и он не представляет угрозы его власти.

Екатерининский переворот

Реальную угрозу своей власти Петр просмотрел. А она существовала совсем рядом и исходила не от кого-либо, а от собственной супруги Екатерины Алексеевны. Во многом инфантильное поведение, откровенное «пропруссачество», нелюбовь и даже презрительное отношение ко всему русскому не могли снискать Петру III признания в России. И наоборот, супруга императора Екатерина II, буквально с первого дня приезда в Петербург решила стать русской. Умная, способная, обворожительная — она с самого начала приобретала расположение высшего дворянства и особенно гвардейского офицерства. В этих кругах крепла мысль о свержении Петра III и возведении на престол Екатерины II. Главными заговорщиками были гвардейские офицеры — братья Григорий, Алексей и Федор Орловы, Григорий Потемкин, Петр Пасек и др. Всего 40 офицеров. 28 июня 1762-го г. заговорщики произвели государственный переворот. Императорство Петра III продолжалось всего 186 дней. В манифесте Екатерины, наспех составленном в Зимнем дворце, говорилось: «Видев к тому желание всех наших верноподданных, явное и нелицемерное, вступили мы на престол наш всероссийский и самодержавный, в чем и все наши верноподданные присягу нам торжественную učinили».

Фридрих II считал, что Петр «позволил свергнуть себя с престола как ребенок, которого отсылают спать». Но все же трудно сказать так ли это. Со многими своими приближенными Петр III находился в Ораниенбауме, но получив известие о перевороте и о том, что Екатерина неожиданно покинула Петергоф, бросился туда, чтобы там с помощью голштинских войск обороняться против екатерининских гвардейцев. Затем, однако, по совету фельдмаршала Миниха решено было плыть в Кронштадт, переправиться в Пруссию и вести борьбу. Но Кронштадт уже присягнул Екатерине. Оттуда сообщили, что если Петри его сторонники попытаются там высадиться, по ним откроют пушечный огонь. Пришлось плыть назад, и в Ораниенбауме Петр III согласился отречься от престола. «На весь век мой отрицаюся, — пи-

сал он, — не желая ни самодержавным, ниже иным каким-либо образом правитель-ство всю жизнь мою в Российском государстве владеть» Это было первое отречение от власти в российской истории. Бывшего императора офицеры отвезли в Ропшу — дворец в 27 км. от Петербурга. 7-го июля оттуда пришло известие, что Петр III мертв. Официально было сообщено о его смерти в результате «прежестоккой геморроидической колики», но многие историки обоснованно полагают: там, в Ропше, Петра III обдуманно убили, причем вполне вероятно, что и Екатерина II знала о предстоящем убийстве мужа. Фельдмаршала Миниха Екатерина II милостиво простила. Поначалу, кажется, существовал план поместить отречшегося Петра III в Шлиссельбургскую крепость. Но Екатерине, конечно, была известна судьба свергнутого чуть ли не в грудном возрасте императора Ивана Антоновича и связанные с этим «императорские страхи» Елизаветы. Получить еще одного, второго Ивана Антоновича, но уже вполне взрослого, было бы для нее слишком большой опасностью. Могла ли она, поверив отречению Петра III, оставить его в живых, не думая о том, что раньше или позже найдутся силы (в России и за границей), которые не попытались бы вернуть свергнутого ею императора Петра III на российский престол?

Между тем, чуть ли не на другой день после переворота среди простонародья, солдат и матросов пошли разговоры о том, что некоторые гвардейские офицеры и их «подстрекатели» «на пиво продали своего императора» и возвели на престол женщину, никаких царских прав не имевшую. Толковали о «законном царе Иванушке», которого еще в младенчестве заперли в каземат и о возможности Екатерины выйти теперь замуж за Ивана Антоновича, чтобы укрепить свои права на престол. Уже 29 июня Екатерина распорядилась о встрече с Иваном Антоновичем. Встреча эта, по-видимому, состоялась в Кексгольме, куда Иван Антонович был тайно доставлен. По возвращении в Шлиссельбург Екатерина дала указание охранявшим «узника № 1» офицерам Власьеву и Чекину всячески «возбуждать в нем склонность к духовному чину, т.е. к монашеству», и если он выразит согласие, называть его не Григорием (как теперь), а Гервасием. Монастырь, поучала императрица, должен быть отдаленным, где-нибудь среди муромских или новгородских лесов, чтобы «узник всегда в охранении от зла оставался».

На «монашеский чин» «Григорий» вроде бы соглашался, но почему-то решительно отказывался именоваться Гервасием, предпочитая имя Феодосий. Конечно, отправка Ивана Антоновича в монастырь облегчила бы его участь, и это намерение Екатерины II, казалось, свидетельствовало о некотором ее либерализме. Но не прекращались слухи о том, что существуют «партии», намеревающиеся возвести на престол «шлиссельбургского узника». И хотя Екатерина понимала, что к управлению страной Иван Антонович уже непригоден, она сохранила в силе указ Петра III. «Известный узник» по-прежнему никому не мог быть выдан. При попытке же взять его силой, надлежало «арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать». Топор продолжал висеть над уже полубезумной головой Ивана Антоновича.

«Шлиссельбургская нелепа»

Прошло два года со времени воцарения Екатерины II, а в начале июля 1764 г. случилась, по ее выражению, «шлиссельбургская нелепа», положившая конец почти четвертьвековому мучительству несостоявшегося императора Ивана Антоновича. Служивший в гарнизоне Шлиссельбургской крепости поручик Василий Мирович пошел на колоссальный риск: решился освободить «узника № 1» и возвести его на трон.

Во время войны России со Швецией дед Василия, малороссийский дворянин, полковник Федор Минович изменил Петру I и вместе с гетманом И. Мазепой перекинулся на сторону шведского короля Карла XII. После поражения шведов этот Федор, у которого конфисковали все его имения, бежал в Польшу. Жenu и сыновей — Якова и Петра — он бросил в Малороссии, в Чернигове. Позднее братья служили при императрице Елизавете, но за нелегальные поездки в Малороссию и Польшу попали в Тайную канцелярию и были сосланы в Сибирь. Сын Якова — Василий Минович — в начале 60-х гг. служил подпоручиком в Смоленском пехотном полку, болезненно переживал свое положение, которое считал незаслуженно униженным, старался добиться «знатности» путем возвращения хотя бы части когда-то отобранных имений, но все его усилия оказывались безрезультатными. В начале 1764-го г. Василий Минович был назначен в караульную службу Шлиссельбургской крепости, где и узнал кто утаивается под названием «узник № 1». Тогда, возможно, и запала ему в голову мысль: «Другим офицерам удалось их «28-е июня» (возвести на трон Екатерину II), почему же свое «28-е июня» не может удалиться и ему — Василию Миновичу?» Только это «28-е июня» приведет к освобождению и восхождению на престол Ивана Антоновича. С этим Минович связывал все надежды на возвращение былой славы и богатства своего рода. Однако замысел Миновича вряд ли имел почву. Он не знал о наисекретнейшем приказе умертвить «узника № 1» при попытке его освобождения.

В свое намерение Минович посвятил поручика Великолуцкого пехотного полка А. Ушакова. Тот обещал помогать, но при случайных обстоятельствах погиб. Тем не менее 5 июля Минович решился действовать, заранее подговорив некоторых солдат... В ночь одного из своих дежурств, он вбежал в солдатскую караульную, построил солдат «во фронт» и приказал им заряжать ружья. На шум прибежал комендант крепости Бердяков. Минович распорядился арестовать его, «как злодея», содержавшего императора Ивана Антоновича в крепости. Он призвал солдат освободить императора, «умереть за него». Когда Минович и его солдаты подошли к казарме, где находился Иван Антонович, оттуда раздался окрик: «Стоит! Кто идет?». Минович тоже крикнул: «Иду к государю!» В ответ охрана казармы открыла огонь. Началась перестрелка, но Минович приказал своим солдатам прекратить стрельбу, опасаясь случайной гибели Ивана Антоновича. Солдатам Минович зачитал манифест, в котором Иван Антонович якобы поздравил их «как государем». Чтобы принудить казарменную охрану прекратить стрельбу, Минович приказал подвести пушку. Ее стали заряжать, и это подействовало. Охрана казармы положила оружие, и Минович со своими солдатами вошли в камеру Ивана Антоновича. Было темно. Минович велел принести свечи. На полу они увидели распростертое тело человека. Он был уже мертв. Охранники — капитан Власьев и поручик Чикин — согласно строжайшей царской инструкции, умертвили «узника»: либо закололи его шпагами, либо задушили. Минович приказал положить Ивана Антоновича на кровать и поцеловал ему руку...

Екатерину II до крайности встревожила «шлиссельбургская нелепа». Генерал-поручику графу П. Панину, который «курировал» дело «узника № 1», она приказала тщательно расследовать случившееся, ибо полагала, что «искра кроется не в Шлиссельбурге, но в Петербурге». Императрица ошибалась. Минович действовал на свой страх и риск, на допросах ничего не скрывал. Екатерина нервничала и тревожилась из-за другого. Еще не забылись слухи и «подметные письма», утверждавшие, что смерть мужа, императора Петра III, обошлась не без ее участия. Вероятность появления новых слухов о том, что и «дело Миновича» тоже «подстроено» ею, чтобы навсегда избавиться от возможного претендента на престол, было для нее непереносимым.

симо. А такие слухи появлялись и росли. Когда произошло убийство Ивана Антоновича, Екатерина находилась в Риге. Она торопилась вернуться в Петербург, потому что, как писала Панину, «надеюсь, мое возвращение немало будет содействовать уничтожению всех клевет на мой счет» и «дурацкие разглашения пресечь». Однако «дурацкие разглашения» продолжали жить. Многие задавались вопросами: как и почему подпоручик Мирович из Смоленского пехотного полка оказался в караульной службе Шлиссельбургской крепости? Как мог он узнать, что «узник № 1» — не кто иной, как император Иван Антонович? Вполне возможно, что не сама императрица, а кто-то решил помочь ей освободиться от тяготившего ее «узника № 1».

Мирович был судим чрезвычайным судом Сената и Синода. И приговорен к смертной казни. Казнь происходила 15-го сентября 1764-го г. в Петербурге, на Обжорном рынке. Мирович мужественно, не дрогнув ни одним мускулом в лице, поднялся на эшафот. Уже при Елизавете в Петербурге не было публичных казней, и народ отвык от этого ужасного зрелища. Люди ожидали, что в последний момент императрица проявит милосердие. Этого не случилось. Когда палач поднял голову Мировича, многие присутствовавшие, стоявшие на мосту, в страхе побежали и мост обрушился.

Екатерина II постаралась стереть всякую память об Иване Антоновиче. Особым указом изъяли из обращения все книги, манифесты, бумаги, упоминавшие имя Ивана Антоновича. Ликвидировались старые монеты с изображением императора-младенца. За невыполнение этого указа полагалось тяжелейшее наказание. Но можно ли было превратить в небывшее то, что было?

Эпилог

Не оставила Екатерина II без пристального внимания и брауншвейгскую семью, уже много лет жившую в Холмогорах. Вдовствовавшему Антону-Ульбрихту был предложен выбор. Он «мог выехать в свое отечество с благоприятностью». Но один, без детей. Им Екатерина II по «государственным резонам», которые, как она писала, Антон-Ульбрихт и «сам понимать может», свободы не представлялось. Они должны были оставаться в России. Екатерина II опасалась, что кто-либо из них может стать фигурой в антироссийских политических интригах. И вот Антон-Ульбрихт должен был решить: самому покинуть Россию или остаться со своими четырьмя детьми. Он остался. Прожил в Холмогорах до 1774 г. и умер там совершенно ослепшим.

Судьбой детей Екатерина II занялась лишь в 1780 г. Тогда она обратилась к датской королеве (сестре Антона-Ульбрихта) принять их и поселить в каком-либо укромном от глаз месте. И летом 1780 г. на датском корабле брауншвейгские дети, все тяжело больные, отплыли из России. Жили они в небольшом ютландском городке Горсенсе, жили замкнуто, почти ни с кем не общаясь. Говорили по-русски, даже с неким холмогорским акцентом. В 1782 г. умерла принцесса Елизавета, в 1787 г. — принц Алексей, в 1789 г. — принц Петр. Дольше всех прожила принцесса Екатерина. В 1803 г. она обратилась с письмом к императору Александру I с просьбой позволить ей вернуться в Россию и поселиться в каком-нибудь монастыре. Ответа не последовало.

Борис Кадишев
ПРИТЧА О ПРЕКРАСНОМ
К 100-летию гибели выдающегося
немецкого художника
Августа Макке*

*С его смертью стала культура этого
народа без руки и без глаза. Франц Марк*

Одним из замечательных явлений в искусстве XX века, оказавшим огромное влияние на все его последующее развитие, был экспрессионизм. Экспрессионизм зародился как течение в искусстве в 80-х годах XIX в. и окончательно оформился в начале XX в. Это произошло одновременно и независимо друг от друга во Франции и в Германии в 1905 г. Во Франции он назывался фовизмом (от франц. *fauves*-дикие), и родоначальником этого направления стал великий французский художник Анри Матисс (Henri Matisse, 1869-1954). В Германии это направление возникло с созданием художественного объединения «Мост» в Дрездене, основателями которого стали художники Кирхнер, Шмидт-Ротлуф и Хеккель. Своим предшественником они называли выдающегося норвежского художника Эдварда Мунка (Edvard Munch, 1863-1944).

Однако живописными приемами, характерными для экспрессионизма, художники пользовались с давних пор. Достаточно вспомнить русскую икону, живопись Эль Греко, Боттичелли.

Экспрессионизм (от французского *expression* — выражение) служил для выражения внутреннего мира художника, его чувств и взглядов. Приемы, которыми пользовались художники-экспрессионисты, применение интенсивного цвета, столкновение ярких красок, напряженные формы с сознательным их искажением, плоскостная трактовка предметов, нервные ритмы линий, примитивизм и т.п. служили для того, чтобы добиться большей выразительности.

Наиболее значительные достижения этого направления искусства связаны с именами немецких художников-экспрессионистов начала XX века, и среди этих имен одно из первых мест, безусловно, принадлежит Августу Макке (August Macke).

На становление стиля А. Макке как художника-экспрессиониста оказали влияние французские и итальянские художники-футуристы и, прежде всего, Матисс, о чём более подробно будет сказано ниже.

Фотопортрет Августа Макке.
1911 г.

* Без указания автора даны произведения Августа Макке.

За свою короткую жизнь он успел создать большое количество первоклассных художественных произведений, отличающихся своеобразием стиля, стал кроме того известным художественным деятелем. Он был знаком со многими выдающимися художниками своего времени и пользовался большим уважением в художественном мире.

Август Макке родился 03.01.1887 г. в небольшом городке Мешед на западе Германии, в семье инженера-строителя и предпринимателя, но детские годы провел в Кёльне, куда семья переехала сразу после его рождения. В 1900 г. семья Макке переезжает в Бонн, где Август продолжает учебу в гимназии. Он с детства проявлял интерес к искусству, возможно, под влиянием отца, который сам неплохо рисовал. В этом же году Макке совершает путешествие в Базель, где в художественном музее открывает для себя живопись А. Бёклина.

А. Бёклин, «Остров мёртвых» (Вер. 1886). Дерево.
Масло, 80 X 150. Музей изобразительных искусств. Лейпциг

Арнольд Бёклин (Arnold Böcklin, 1827-1901), швейцарский художник, создавал в своих картинах вымышленный мир, иногда нарочито таинственный с романтическими пейзажами, мифологическими фигурами и фантастическими сценами. Бёклин поразил воображение молодого Макке. В Базеле Макке мог видеть его знаменитую картину «Остров мёртвых». Это была культовая картина. С 1880 по 1886 гг. Бёклин создал 5 вариантов её. Как вспоминал В. Набоков, репродукции этой картины можно было найти в любом берлинском доме, и не только в Германии. Вот строки из стихотворения выдающегося сатирика России Саши Чёрного 1910 г.:

*Свистал. Рассматривал тупо
Комод, «Остров мёртвых», кровать.*

Это про Петербург, но то же самое было и в Москве, о чём свидетельствует Маяковский:

*Со стенки на город разросшийся Бёклин
Москвой расставил «Остров мёртвых».*

С. Рахманинов написал симфоническую поэму с одноимённым названием. Эта картина оказала огромное влияние на немецких и российских символистов и представителей Югендстиля, который в России назывался стилем «Модерн».

Занятия в гимназии мало интересовали юного Макке: самым сильным увлечением его было искусство. Как вспоминала Элизабет Герхард, с которой он впервые познакомился в эти годы, и которая впоследствии стала его женой, Август «имел только свою живопись в голове, а всё остальное, что его не устраивало, он просто оставлял». В конце концов Макке покидает гимназию и в 1904 г. поступает в Дюссельдорфскую академию искусств. Он быстро продвигался в учёбе, но очень скоро консервативные методы преподавания в академии перестали его устраивать.

Поэтому жадный к учёбе студент записался ещё на вечерние курсы профессора Эмке в школу художественных промыслов.

«Автопортрет» (1906). Масло. Холст. 54,2×35,4. Художественный музей. Мюнстер

Макке заводит знакомство в театральном мире и занимается декорациями, а также делает эскизы костюмов. Хотя работа в театре его очень увлекала, он всё же хотел стать свободным художником. Ещё со школьных лет Макке очень много рисовал и постоянно совершенствовался в этом, занося в свой блокнот уличные сцены, пытаясь схватить характерные особенности людей и животных, их движения. «Я сейчас ужасно жаден к работе... для меня работа это радость проникновения в природу: жар солнца и деревья, кусты, люди и животные, цветы... Подснежники дружелюбно кивают мне, я вслушиваюсь в ритмы пташек, которые раскачиваются на ветках в лучах солнца», — пишет он в это время в одном из писем. Он стал прекрасным рисовальщиком. Его первые картины вполне реалистичны. Молодой художник неплохо владеет кистью, он хороший колорист.

С автопортрета 1906 г. на зрителя смотрит красивый молодой человек с умными глазами. Высокий белый воротничок и напряжённый красный фон картины — дань увлечению романтической живописью. Макке жадно впитывал все новые тенденции в живописи. Его быстрому художественному созреванию способствуют многочисленные поездки с друзьями в Италию, Бельгию, Голландию, Англию, Швейцарию, где он видит картины выдающихся европейских художников. «Я наслаждаюсь Боттичелли, Микельанджело, Рембрангом», — пишет он после посещения Британского музея. Он видит произведения Уистлера, Тёрнера, Либермана.

В июне 1907 г., в Париже, он познакомился с произведениями импрессионистов, которые произвели на него огромное впечатление. Макке писал, что у него было такое чувство, как будто он из какого-то кратера вырвался наружу к солнечному свету. К этому времени он окончательно перестаёт восхищаться Бёклином. В этом же году Макке в Берлине продолжает учебу у Л. Коринга, импрессиониста и экспрессиониста.

Ловис Коринг (Lovis Corinth, 1858-1925), выдающийся немецкий художник, учился в Академии искусств в Кёнигсберге. Писал жанровые сцены, натюрморты, портреты. С 1880 г. учился в Мюнхенской академии. После переезда в Берлин, удачно сочетая салонную живопись с мюнхенским ре-

Ловис Коринг, «Художник и его семья». (1909). Масло. Холст. 175×166. Земельный музей. Ганновер

лизмом, создал свою живописную манеру. Его картины «Диоген» (1891), «Рождение Венеры» (1896), «Снятие с креста» (1895) предвосхищают экспрессионизм. «С Корингом я хорошо продвинулся. Он каждый раз удивляется, как я его хорошо понимаю», — писал Макке своей будущей жене Элизабет Герхард.

«Элизабет Герхард» (1909).
Пастель. 53×41,5.
Галерея Утерманн. Дортмунд

«Автопортрет в шляпе» (1909),
41×42,5. Дерево. Масло
Городской музей искусств. Бонн

«Жена художника» (1909). Масло. Холст. 66×59,5.
Городская галерея. Ленбаххауз.

В его работах этого времени влияние импрессионистов очень заметно, особенно Дега в портретах. В качестве примера можно привести портрет Элизабет Герхард (1909), на которой он в этом году женился. Этот портрет был написан пастелью уже в Тегернзее, где они поселились после свадебного путешествия в Париж.

Под влиянием импрессионизма и учёбы у Коринга живопись Макке претерпевает значительные изменения, особенно после знакомства с живописью Сезанна. Портрет Э. Герхард 1907 г., написанный по памяти, ещё вполне реалистичный и с тем же романтическим фоном, а автопортрет того же года уже совсем другой. Это экспрессионистская живопись с резкими, широкими мазками, которыми подчёркивается психологическая напряжённость образа. В картинах, написанных в Тегернзее, наметился отход Макке от импрессионизма в сторону новейших живописных открытий XX в.

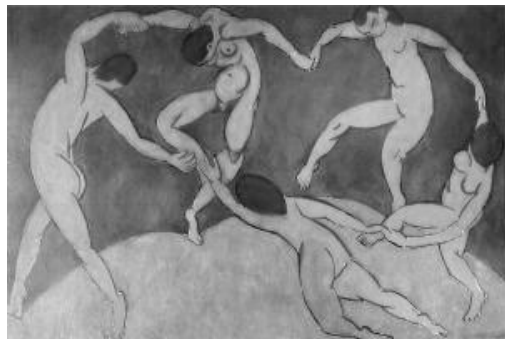
«Автопортрет» (1906). Масло.
«Портрет Ф. Марка», (1910).
Масло. Картон. 50×39.

Национальная галерея. Берлин.

В январе 1910 г. в Мюнхене А. Макке познакомился с немецким художником Ф. Марком. Знакомство переросло в дружбу. В том же году Макке пишет портрет Ф. Марка, выполненный в экспрессионистской манере.

Франц Марк (Franz Mark, 1880-1916) выдающийся немецкий художник-экспрессионист писал вначале картины в традициях натурализма. Постепенно отказался от реалистической трактовки перспективы. В его картинах, лишённых пространственной глубины, формы тел животных соответствовали силуэту местности, чем он хотел подчеркнуть единство живой и неживой природы. Затем он пережил период кризиса, конец которому положило знакомство с деятельным и жизнелюбивым Макке.

В этом же году в Мюнхене Макке увидел большую выставку Матисса (1869-1954). Он был восхищён живописью Матисса, в особенности её колоритом и увидел большие возможности в упрощении формы. Основные принципы живописи Матисса, которым он следовал всю свою жизнь, было «искусство гармоничное, чистое и спокойное, без всякой проблематики, без всякого волнующего сюжета, искусство, которое приносит... духовное успокоение, умиротворение души».

А. Матисс. «Танец». (1910). Масло. Холст.
260×391. Эрмитаж. С.- Петербург.

Натюрморт с яблоками и японским веером (1911). Масло, холст. 56×55. Частное собрание.

В ноябре 1910 г., после почти годового пребывания в Тегернзее, Макке с семьёй (к этому времени у него родился сын Вальтер) возвращается в Бонн. Здесь, в новом ателье, в его картинах окончательно утвердился стиль, сформировавшийся ещё в Тегернзее под влиянием фовизма Матисса. В отдельных картинах этого периода можно увидеть элементы, характерные для Ван-Гога, особенно в изображении деревьев, кустов, полей, например в картинах: «Вид в саду», «Овощные поля» 1911 г. и в др.

Вообще французское искусство было очень близко Макке. Вот почему, когда в художественных кругах Германии в 1911 г. возникла острая полемика в связи с т.н. «Протестом немецких художников», Макке живо откликнулся на неё. Так называлось письмо художника Карла Виннена, в котором он выступал против закупки одним из музеев картины Ван Гога «Поле маков», против закупок картин французских художников и авангардизма вообще. Известный художник, но ретроград, Виннен некоторое время был председателем художественного объединения в Бремене и пользовался определённым влиянием в художественной среде. В защиту нового искусства выступили многие художники, кригики, директора музеев. Это было выступление «против всего официального, мелочного поучительства», писал Макке. Он принял участие в подготовке специальной выставки, которая состоялась в 1912 г. Выставка «Протест» стала ответом передовых немецких художников на вызов, содержащийся в письме Виннена, и тех, кто его поддержал. Эту интереснейшую выставку

Жизнеутверждающая живопись Матисса очень соответствовала натуре самого Макке. И ещё он почувствовал, что находится на верном пути. Влияние Матисса чувствуется в натюрмортах Макке этого времени. Оно остается и в дальнейшем.

Макке постоянно писал жанровые картины, моделями для которых служили его жена с маленьким сыном, дети и животные. Кроме чисто живописных задач, которые художник решал в этих картинах, в них ощущается трепетное отношение его к Природе, детям и животным. Он, как и многие европейские художники на рубеже веков, в том числе и Матисс, а еще раньше Ван Гог и др., проявляет интерес к японскому искусству и примитивизму.

«Овощные поля». (1911). Масло. Холст. 47,5×64. Городской музей искусств. Бонн.

снова можно было увидеть в одном из залов бременского Кунстхалле в 2003 г. Она была приурочена к грандиозной выставке произведений Ван Гога в этом музее.

Групповой фотопортрет художников
Синего всадника. (1911)

ном в искусстве» (Она впервые вышла на немецком языке и лишь потом была переведена на русский). Кандинский жил в Мурнау в Баварии, куда вскоре по его приглашению приехали А. Макке и Ф. Марк. Они обсуждали с Кандинским идею создания объединения «Синий всадник» и выпуска одноименного журнала.

«Буря» (1911). Масло. Холст. 84×112. Саарланд-музей. Саарбрюкен.

Первая выставка нового объединения была открыта в Мюнхене в 1911 г. На этой выставке были представлены три картины Макке. В одной из картин, которую он выставил в Синем всаднике «Буря» (1911), чувствуется влияние Ф. Марка. Это фантастический пейзаж с кубистическими элементами, одна из наиболее абстрактных картин Макке. Выставка была показана также в Берлине, Кёльне и других го-

родах. Поначалу впечатлительный Макке восхищался Кандинским: «Он романтик, мечтатель, фантаст и сказочник... он полон безграничной жизни», — писал Макке, однако в дальнейшем их отношения по разным причинам складывались далеко не безоблачно. Влияние живописи Кандинского на Макке, также, было непродолжительным. Его искусство показалось Макке «невероятно сложным», а его абстракции лишь «поверхностными композициями цветовых пятен».

Участие в Синем всаднике было эпизодом в жизни и творчестве Макке. «Кандинский для меня тихо скончался», писал он в одном из писем. Как бы то ни было, но период сотрудничества с Синим всадником был полезным и плодотворным для Макке, в том числе и короткое увлечение абстрактным искусством, которое, как он, однако, считал, имеет ограниченное применение. Одна из абстрактных композиций, например, посвящена его впечатлениям от музыки Баха (1912). Кстати, такого рода абстрактными композициями художники занимались и в конце XX века. Он был ещё совсем молодым человеком, когда открыл для себя то, к чему другие художники пришли значительно позже и в зрелом возрасте: что музыка и живопись имеют много общего. Сближение живописи и музыки началось ещё в XIX в. в процессе размежевания живописи и графики.

Живопись всё больше изображала не линейные соотношения и форму предметов, а соотношение красок мира и через цвет выражала существо предмета или явления. Цвет имеет значение и смысл только в ансамбле других цветов, говорил Пикассо. Вот что записал об этом молодой Макке ещё в 1907 г.: «Моё полное блаженство ищущу я теперь только в чистых красках... То, что музыку так загадочно прекрасной делает, и в живописи действует также очаровательно. Чудесным образом краски в определённую систему приводятся, как ноты. В красках также имеется контрапункт, скрипичный ключ, басовый ключ, моль, мажор, как в музыке. Бесконечно тонкое чувство может их организовать даже без всякого знания». Для Макке абстрактное искусство, как футуризм и фовизм, было той школой, в которой он оттачивал свои колористические способности.

Одно из самых сильных влияний на становление стиля Макке оказал футуризм. Макке ещё в 1909 г., вероятно, в Париже познакомился с «Футуристическим манифестом» Томмазо Маринетти (1876-1944). Затем ему довелось увидеть большую выставку футуристов в Рейнском салоне искусств (Кёльн). Новое искусство нашло отклик в его душе, т.к. новые формы служили новому содержанию, тому, что пытался показать в своих картинах Макке. Свидетельством этому стали многочисленные картины Макке этого времени и, прежде всего, «Большая светлая витрина» (1912, Шпренгельмузей, Ганновер), а также целый ряд картин, написанных позднее в Хильтерфингене — серия картин с витринами. Этой серии предшество-

«Памяти Й.С. Баха». (1912). Масло.
Картон. 101×82. Вильгельмхакмузей.
Людвигсхафен.

У. Боччиони, «Улица проникает в дом» (1911). Масло. Холст. 100×100. Шпренгельмузей.

ние для выражения каких-то мыслей и чувств через форму и цвет». По его мнению, в искусстве следует использовать науку, как это считали импрессионисты, но, в отличие от них, отражать следует не мимолётное впечатление, а психическое и тотальное. «Наш футуристический импрессионизм является чистым духовным искусством», — писал он.

вало знакомство Макке с картиной выдающегося итальянского художника и теоретика искусства Умберто Боччиони (Umberto Boccioni, 1882-1912), которую он, также, увидел в Кёльне «Улица проникает в дом» (1911, Шпренгельмузей, Ганновер). Идея картины, обозначенная в её названии, реализована художником блестяще, что, вероятно, очень понравилось Макке.

У. Боччиони писал: «Мы не будем больше природу и человеческие формы на холсте запечатлевать, но будем отражать вибрацию и скорость форм: итак не предметы, а ритмы предметов, находящиеся в движении. Цвет и форма должны сами собой что-то выражать, не прибегая к объективным представлениям о них, и должны у художника вызывать определенное состоя-

«Большая светлая витрина» (1912). Масло. Холст. 106,8×82,8. Шпренгельмузей, Ганновер.

«Вечер» (1912). Масло. Холст. 88×70. Частное собрание

В картинах 1912-1913 гг. постепенно кубистические элементы, свойственные его картинам, написанным в прошлые годы, после возвращения из Тегернзее и после Синего всадника, уступают футуристическим, которые служат предметному изображению сцен уличной жизни или людей в парке, на берегу реки или озера, т.е. различных жанровых сцен, что стало основным мотивом живописи

Макке. В картине «Вечер» (1912) художник пытается передать впечатление от освещённости парка вечером, но это не «подражание натуре», в чём Кандинский упрекал импрессионистов. Макке скорее разлагает природу, показывая лишь свои ощущения. Это типичный футуристический пейзаж.

Под большим впечатлением был Макке от искусства и личности выдающегося французского художника Роберта Делане, чьи картины он впервые увидел на первой выставке Синего всадника в 1912 г. Осенью этого же года, во время своей четвёртой поездки в Париж, Макке познакомился с ним и его женой Соней Делане, также известной художницей.

Фотопортрет Сони Делане

Фотопортрет Роберта Делане

Роберт Делане (Robert Delaunay, 1885-1941) испытал влияние различных течений живописи XX века, в т.ч. фовизма и кубизма. В 1909 г. возникает его первая значительная картина «Эйфелева башня». Он участвовал в Синем всаднике и был одним из первооткрывателей абстрактного искусства. В 1912 г. вместе со своей женой С. Делане-Терк (Sonia Delaunay-Terk, 1885-1979) разработал живописную систему Орфизм (название придумал Гийом Аполлинер), в которой контраст определённых красок создавал ощущение ритма и движения. Соня Делане-Терк (настоящее имя Сарра Штерн) родилась на Украине, была удочерена своим дядей, юристом и коллекционером из Петербурга по фамилии Терк. Она рано увлеклась живописью, училась в Германии, тогда же побывала во Франции и Англии. В 1910 г. вышла замуж за Р. Делане. Некоторые её картины, как и картины её мужа, находятся в Центре Помпиду (Париж).

Р. Делане. «Бегуны». (1926). Масло. Холст.
Частное собрание.

Гийом Аполлинер (Guillaume Apollinaire, 1880-1918), о котором говорится выше, был человеком незаурядной судьбы. По материнской линии он был потомком польских аристократов Костровицких и, по некоторым данным, праправнуком Наполеона по отцовской. Приехав впервые в Париж в двадцатилетнем возрасте, он стал выдающимся французским поэтом и вдохновителем авангардного искусства.

В 1913 г. Р. Делане вместе со своим другом Г. Аполлинером, по случаю предстоящей выставки Делане в Кёльне, прибыли в этот город. Они посетили также Макке в Бонне. Им очень понравились последние работы Макке. Между художниками завязалась дружба, которой, увы, суждено было продолжаться недолго... Картины Делане впечатлили Макке, в особенности серия «Окна» (1911-1912), где мотив окна служит как бы основой эффектной абстрактной композиции. Он увидел в ней возможность как-то по-другому взглянуть на живопись. Орфизм Делане был развитием кубизма и футуризма в части колорита. Это были современные методы футуристической живописи, которыми и Макке занимался. Теперь он увидел это в оригинальном исполнении Делане.

Однако Делане эволюционировал в направлении абстрактного искусства, что было неприемлемо для Макке. У каждого из художников был свой путь в искусстве. Но картины Делане, так, как и картины других футуристов и Боччиони, о которых говорилось выше, подтолкнули Макке к созданию своей серии картин с витринами. В этих картинах все полученные впечатления, знания и опыт переплелись в тот стиль, который стал характерным только для Макке.

«Русский балет» (1912).
Масло. Картон. 103×81.
Кунстхалле. Бремен.

Весной 1912 г. Макке много писал и много выставлялся в Кёльне, Мюнхене и даже в Москве, в «Бубновом валете», авангардистском художественном объединении. Его картины пользовались успехом, в том числе и коммерческим. Под впечатлением от посещения русского балета Дягилева с участием Нижинского осенью этого же года в Кёльне пишет он картину «Русский балет» где использует технику футуризма при передаче движения.

В это время складывается стиль Макке. Он не писал исторических картин и картин на литературные сюжеты. Его излюбленными темами были пейзажи и натюрморты, жанровые сцены и портреты. Макке, конечно, был знаком с жизнью больших городов, таких как Париж, Берлин, Мюнхен. Но шум и суета большого города мало волновали Макке. Из своих повседневных наблюдений он отбирал и описывал только мирные моменты жизни: люди в парке, на берегу

Фотопортрет Гийома Аполлинера

реки или озера, в зоологическом саду. Женщины с детьми, молодые девушки в пёстрых одеждах. Всё это отражало его позитивное видение мира и своеобразную «тоску по утерянному раю». Кстати, именно так называлась выставка, посвящённая 100-летию гибели А. Макке, которая состоялась в одном из музеев Ганновера (Sehnsucht nach dem verlorenen Paradies).

Люди в его картинах не находятся в каких-либо отношениях между собой. Они как бы безучастны и дистанцированы один от другого. Никаких драматических событий. Никакого пафоса. Жанровые сцены многих художников динамичны и повествовательны. Последнее обстоятельство давало повод со стороны некоторых критиков обвинять их в том, что они занимаются не своим делом: это, мол, лучше сделают писатели. Другое дело жанровые картины Макке. Все персонажи на его картинах пассивны, даже статичны. И это при том, что, будучи прекрасным рисовальщиком, Макке хорошо умел передавать движение! Нет, его картины нельзя упрекнуть в повествовательности.

В жанровых картинах Макке изображение фигур людей и животных упрощается, но продолжает играть важную роль. Большое внимание уделяется колориту картин, лица людей изображаются достаточно примитивно и то только на переднем плане. Вместо лиц остальных персонажей мы видим только пятна.

Выше было сказано о принципах живописи Матисса и его влиянии на творчество Макке. Нет свидетельства влияния на живопись Макке другого выдающегося европейского художника норвежца Эдварда Мунка, значение которого для всего немецкого искусства трудно переоценить. Макке хорошо знал его творчество и восхищался им как художником, но Мунк придерживался совсем других взглядов на искусство, нежели бесконфликтный Матисс. Ещё в начале своего творческого пути (1889) он заявил («Манифест Сен-Клу»): «Не следует писать больше интерьеров, людей, которые читают, женщин, которые вяжут. Необходимо писать живых людей, которые дышат и чувствуют, страдают и любят».

Однажды Макке даже обратился к Мунку с письмом (29.03.1913), полным глубочайшего уважения и преклонения перед его искусством. Однако трагическое мироощущение Мунка не было свойственно Макке, поэтому уже сама тематика произведений Макке была другая. Некоторые искусствоведы находят у этих двух художников нечто общее, например, в изображении людей в групповых сценах: оба художника примитивно изображали людей и их лица, особенно на заднем плане. Кроме того, тема одиночества, не столь уж редкая в творчестве Макке, также приближает его к Мунку. Говорить о глубоком влиянии на стиль Макке со стороны Мунка трудно, хотя духовное влияние Мунка на Макке, как и на многих других немецких художников, несомненно. Требование Мунка выражать подлинные человеческие чувства художники выполняли каждый в соответствии со своим мировоззрением и своими предпочтениями.

В картинах Макке нет конфликта, но всегда присутствует определённое настроение: гармония людей и природы, ощущение счастья и умиротворённости, хрупкости мира детей и животных. Однажды Матисса спросили, почему женщина на его портрете не похожа на себя. Он ответил: «Я пишу не портрет, а картину». Примерно так мог бы ответить и Макке, если бы его спросили, почему в его жанровых картинах нет ни бытовых сцен, ни какого-либо действия. Другие высказывания Матисса помогают понять его ответ:

«В зарисовке всякого лица большую важность имеет не столько правильность передачи его различных пропорций, сколько отражение духовного света, его наполняющего»

«...Основное выражение произведения зависит почти исключительно от проекции чувства художника; в соответствии с моделью, но не в точном воспроизведении её».

Конечно, эти высказывания Матисса относятся больше к портрету, но их можно отнести к любому произведению искусства: художник всегда выражает себя, свои чувства, своё видение предмета искусства.

«Прогулка. Девушка в белом в полфигуры» (1914). Масло.
Холст. 48×60. Государственная галерея. Штутгарт.

Не все картины Макке, однако, бесконфликтны и безмятежны. К гармонии мира в некоторых его картинах примешивается, например, чувство одиночества, о чём уже говорилось выше. В его многофигурных композициях иногда можно увидеть одинокую фигуру женщины, как в картине «Прогулка» (1913). Она изображена в правом нижнем углу и как-бы перечёркнута стволом дерева. В другой картине с таким же названием 1914 г. девушка в белом тоже выглядит одинокой.

Однако большинству его картин этого периода свойственно позитивное видение мира. Подтверждением этого служит большая серия картин под общим названием «Зоологический сад», написанная в 1912-1913 гг. В этих картинах люди, животные и птицы образуют как бы живописный ряд, в котором они сменяют друг друга, показывая разнообразие форм жизни. Людей удивляет это разнообразие природы, а животные доверчиво льнут к людям.

1913 год стал годом зрелости Макке. Окончательно сформировался его собственный стиль. Он много работает. Пишет картины маслом и акварелью, занимается резьбой по дереву. Он неутомим, по-прежнему много ездит, знакомится с различными выставками, занимается подготовкой первого немецкого осеннего салона в Берлине. В этом салоне приняло участие 75 художников из 12 стран: итальянские футуристы, французские и чешские кубисты, русские кубофутуристы, экспрессионисты. Среди экспонентов А. Макке и его друзья швейцарские художники Луи Муалье и Пауль Клее. Макке принимает участие в деятельности Кёльнского сецессиона, художественного объединения, основанного в 1911 г. и Геренонклуба (от названия улицы, где он находился, Герионштрассе), в который он вступил в 1911 г. Это объединение художников, музыкантов, лигеров устроивало концерты, лекции и выставки современного искусства. Макке имел большое влияние на выставочную деятельность клуба. Он выступает с докладом на тему «Слово. Тон. Цвет», который имел большой успех у рейнской публики.

Макке группирует вокруг себя молодых рейнских художников, что приводит к созданию нового творческого союза «Рейнские экспрессионисты», в подготовке которого он принимает большое участие. Первая выставка этого союза открылась 10 июля 1913 г. в Бонне. Это был четвертый, после Дрездена, Мюнхена и Берлина, центр экспрессионистской живописи в Германии. В этой выставке принимали участие, кроме Макке, многие известные художники: Макс Эрнст, Генрих Кампендонк, Пауль Адольф Зеехаус, Гельмут Макке (двоюродный брат Августа) и др. Художников объединяло стремление к обновлению приёмов художественного выражения на основе кубизма, футуризма и других художественных новаций XX в., а также сохранения в искусстве предметной картины мира. Макке показал на этой выставке картину «Четыре девушки» (1913), композиция которой напоминает композиции картин художников Возрождения.

«Четыре девушки» (1913). Масло.
Холст. 105×81. Музей искусств.
Дюссельдорф.

Но, как уже писалось выше, это не обычная жанровая композиция, в которой персонажи как-то взаимодействуют. Единственное, что связывает этих девушек это то, что их взгляды направлены к единому, но невидимому зрителям центру. Как и во многих других картинах, художник добивался в этой картине гармонии.

Осенью 1913 года Макке с семьей (в этом году в семье Макке родился второй сын Вольфганг) поселяется в Хильтерфингене, (Швейцария) на берегу озера Тунерзее. Здесь жили его друзья, швейцарские художники: Луи Муалье с которым он впервые встретился ещё в 1909 г. и теперь жил совсем рядом, в Гунтене, на том же берегу озера и Пауль Клее, с которым он познакомился в 1911г через Муалье. Клее жил в своём родном городе Берне всего в 40 км от Хильтерфингена.

Луи Муалье (Luis Moilliet, 1880-1962) учился в Германии, Как и Макке, находился под влиянием футуризма и фовизма, участвовал в выставках Синего всадника, писал, в основном, акварели, занимался витражной живописью в соборах Швейцарии.

Выдающийся швейцарский художник экспрессионист и символист Пауль Клее (Paul Klee, 1879-1940) в молодости учился играть на скрипке и даже выступал в Бернском симфоническом оркестре. Гротеск и фантастика были свойственны уже первым его произведениям, но вначале он занимался графикой и живописью на стекле. В 1914 г. появляются первые беспредметные работы Клее, а к 1918 г. художник полностью выработал свои индивидуальные выразительные средства: взаимопроникновение предметов, сочетание статических и динамических элементов. «Искусство не подражает реальности, оно раскрывает реальность», — писал он в своей «Творческой исповеди».

Период жизни в Хильтерфингене был самым счастливым для Макке, а в творческом отношении наиболее плодотворным. Гармония в личной жизни и окружающей природе, близость друзей сказались на его картинах этого времени. Это видно, например, по картине «Солнечная дорога», в которой фигуры людей и природы образуют гармоническое единство. Удивительна игра света и тени, холодных и теплых

тонов. Такое же впечатление оставляет картина «Люди на голубом озере». В обеих картинах фигурки детей усиливают ощущение счастья и умиротворенности.

Aug. Macke

«Солнечная дорога» (1913). Масло. Картон. 50×30. Земельный музей Вестфалии. Мюнстер.

«Магазин шляп» (1914). Масло. Холст. 60,5×50,5. Музей Фолькванг. Эссен.

Он написал также несколько картин под названием «Променад» (Прогулка). Все эти картины яркие, красочные, исполнены определённого настроения. Его свободная живопись от строгих геометрических форм пришла к цветовым поверхностям, плавно переходящих одна в другую. Таким образом он пытался передать игру солнечного света в тенистых аллеях. Он любил также изображать витрины магазинов, яркие краски которых давали ему возможность решать интересные живописные задачи. Таких магазинов было немало в соседнем, довольно большом городе Туне. На эту тему он написал несколько картин. Одна из них «Магазин мод» (1913). Картина «Магазин шляп» написана уже в Бонне (1914), но примыкает к серии картин с витринами, начатой в Хильтерфингене.

Творчество художника Макке понимал как служение Прекрасному. Он искал его в Природе, жизни и отражал в своих полотнах. В письме к меценату К. Кёллеру, который поддерживал его материально, Макке писал, что «картина — это пригча, это мысль, собственная мысль человека, песня красоты вещей, картина — это благородное многогранное выражение человека. Она может сказать больше, чем простые слова: «Это, однако, прекрасно!»... Картина, — это наше знание, наше удивление от сути вещей. Ритмическое в картине подобно ритмическому в самой природе».

Каким был Август Макке в жизни? Из воспоминаний его друзей и близких, из многочисленных фотографий возникает портрет этого художника. Он был человек крупного телосложения, сильный, немного медлительный. Держался естественно и не старался произвести впечатление на других людей. Обладал хорошим чувством юмора. Обычно сдержанный, в споре темпераментно и по-боевому защищал свои позиции, но это всегда была живая дискуссия без желания со стороны

Макке быть всегда правым. Он мог удивляться и восхищаться произведениями своих коллег, но влияния других художников никогда не становились определяющими. Все эти влияния он пропускал через собственный опыт и своё понимание искусства в соответствии с задачами, которые он перед собой ставил. Это и позволило ему создать свой собственный неповторимый стиль. Несмотря на свою контактность и дружелюбие, которое отмечали все, знавшие его («его дружелюбие просто обрушивалось на других людей», Вильгельм Шмидбонн), в своих творческих исканиях, художественных интересах и оценках он был очень самостоятельным и поэтому одиноким. Не это ли творческое одиночество было причиной некоторых его картин с грустным оттенком? Его организаторский талант и хорошие отношения с тогдашним миром искусства сделали Макке необходимым и незаменимым для его друзей-художников.

Фотопортрет А. Макке. 1913

Август Макке и Элизабет. (1908). Фото.

А. Макке был счастлив в семейной жизни. Его жена Элизабет (1888-1978) была незаурядной женщиной. Она много читала, любила искусство и музыку, играла на пианино, гитаре и других инструментах. Элизабет была очень наблюдательной, обладала хорошим вкусом и ярко выраженной чувственной восприимчивостью, чем всегда удивляла Августа. Для А. Макке она была не только любимой женщиной, но и моделью, которую он изобразил во многих своих картинах. Элизабет написала книгу воспоминаний о Макке, которая вышла в 1962 г.

Макке, как и многие другие европейские художники, интересовался искусством Востока. Это искусство стало популярным в Европе ещё в XIX в. Рисунки и акварели с восточными мотивами стали появляться у Макке с 1910 г., особенно после посещения выставки «Шедевры магометанского искусства» в Мюнхене. У Клее и Муалье появилась идея посетить Тунис. Муалье к этому времени уже несколько раз побывал в Тунисе, но идея поездки в эту страну исходила от Клее, который считал, что солнце и краски Юга внесут много нового в их искусство и приведут к новым художественным открытиям. В октябре 1913 г. Клее и Муалье посетили Макке в Хильтерфингене и поделились своими планами о путешествии в Тунис. Макке идею одобрил и присоединился к этой затее, но необходимо было изыскать средства для такого путешествия. Меценат К. Кёлер обещал помочь. В начале января 1914 г. Клее с женой посещают семью Макке в Хильтерфингене, и планы поездки конкретизируются.

5 апреля 1914 г. друзья встречаются в Марселе и на пароходе «Карфаген» отправляются в Тунис, куда прибывают через два дня. В Тунисе они побывали в Кайруане, известном своими многочисленными мечетями, осмотрели руины древнего Карфагена, побывали в небольшом торговом городке Хаммамет на берегу одноименного залива.

С почти детской любознательностью осваивал Макке незнакомую страну и чужую культуру. Восточные базары, мавританская архитектура, многочисленные кофейни, улицы и культовые сооружения, южная растительность и экзотические животные — всё удивляло Макке, всё стремился он поскорее воплотить в рисунки и акварели, наброски для будущих картин, а главное, зафиксировать необычные краски Юга. С собой у него всегда были эскизный блокнот, акварельные краски и фотоаппарат. Масляными красками он не пользовался из практических соображений. В одном из немногих писем Элизабет из Туниса он писал: «Африканский ландшафт намного прекрасней Прованса... В двухстах шагах от нас бедуинское поселение с чёрными палатками, со стадами осликов, верблюдов и т.п.... Бегают вокруг нас... Вчера мы были в различных арабских жилых кварталах. Это было великолепное зрелище. Так пёстро и так ясно, как витражи в кирхе». Он невероятно много работал, спешил запечатлеть всё увиденное. В другом письме Элизабет он писал, что видит вокруг себя тысячи сюжетов и, что сегодня он сделал уже 50 эскизов, а вчера 25 и что работа доставляет ему радость, как никогда раньше. «Август создавал восхитительные картины», — вспоминал потом П. Клее.

Путешествие в Тунис продолжалось всего две недели, но в творческом отношении было очень успешным для всех его участников. Полностью оправдалось ожидание Пауля Клее о красках Юга. Художественные результаты этой поездки для Макке были значительны: он написал 38 акварелей, более 100 рисунков, сделал много фотографий. Особенно поражает качество акварелей, при написании которых невозможно вносить коррективы, особенно в условиях жаркого климата, когда водяные краски быстро сохнут. В акварелях, написанных в Тунисе, Макке достиг большого мастерства. По своей значимости они не уступают картинам в масле. Создается впечатление, что возможностей акварели художнику было достаточно, чтобы получить необходимый эффект. И, действительно, глядя на акварели, мы не замечаем их кажущейся незаконченности. В своих акварелях, как и во всём своём зрелом творчестве, Макке, в основном, не отступал от предметности изображения, но при этом его живописные интересы, прежде всего, заключались в цветовых соотношениях, в динамике ритмов и организации картины в целом. Иногда, правда, некоторые предметные детали его картин трансформировались в беспредметные.

В акварели «Пейзаж у Хаммамета» (1914) мы видим пёструю композицию из лодок, ящиков, бочек, верблюдов, мулов, осликов, людей на переднем плане и цепочку гор, окаймляющих залив, на заднем плане. Упрощёнными мазками показана раститель-

«Пейзаж у Хаммамета» (1914). Акварель.
21×26,5. Земельный музей Вестфалии.
Мюнстер.

ность, обозначена перспектива. Разный наклон мачт придаёт динамику картине. Все эти детали создают очень живую картину торговой пристани. В Кайруане Макке сделал три акварели. В небольшой акварели «Кайруан-1» Макке изобразил вид арабского города с культовыми сооружениями за крепостной стеной. По площади перед стеной бредут ослики, верблюды, показанные скупыми, но точными мазками. В просвете между двумя башнями виднеется купол с черными проёмами, напоминающий загадочную маску, склонённую над всем этим экзотическим миром. 22 апреля Макке вместе с Муалье отправляются в обратный путь и через Палермо и Рим возвращаются в Хильтерфинген. В короткое время он написал 17 новых картин.

«Пейзаж с коровами и верблюдами. (1914).
Масло. Холст. 47×54. Кунстхауз Цюрих»

По мотивам путешествия в Тунис Макке успел написать несколько картин маслом. Одна из них, «Ландшафт с коровами и верблюдами» (1914) напоминает сказочный ковёр из небольших цветowych пятен, где мирно отдыхающие животные и растительность причудливо переплетаются. Примерно так же из цветowych пятен скомпонована и другая картина «Турецкий торговец украшениями» (1914). Картина сама похожа на драгоценный камень. Ощущением сказки веет от картин «Базар в Тунисе» и «Ослик в пальмовой роще» (1914). Оцепенение знойного летнего дня, неподвижность и покой ощущаются в картине «Турецкое кафе» (1914).

Короткое путешествие в Тунис стало фактом истории искусства. В 2014 г. к 100-летию этого события в Германии вышла книга с подробным описанием этого путешествия и репродукциями картин его участников. Увы, для Макке это было последнее путешествие в его жизни...

В начале июня состоялись последние встречи Макке и Муалье в Хильтерфингене. Макке с семьёй возвращается в Бонн. Ему не терпелось поскорее сесть за мольберт и взяться за кисти. Как будто сознавая, как мало ему отпущено времени, «он работал в каком-то опьянении, лихорадочно, чтобы как можно больше сделать, оформить, завершить...», вспоминает его жена Элизабет. Всего за несколько недель после возвращения он создал 36 картин совершенно разных по содержанию.

Одна из лучших картин позднего Макке «Девушки под деревьями» (1914) была начата в Хильтерфингене и закончена в Бонне. Она отличается тем, что в ней Макке отступил от своей практики изображать людей, никак не связанных друг с другом. Две девушки на переднем плане и три на заднем оживлённо общаются.

Девушка, показанная со спины, находится в движении, но не передача движения цель художника. В сияющих, светящихся красках, в голубом небе, пробивающимся сквозь листву деревьев, ощущается беззаботное настроение воскресного дня, не предвещающего какой-либо беды. Последствия кубистического и футуристического влияния проявились и в очень уравновешенной картине «Сад на озере Тунерзее» (1914). Картина эта является каким-то приближением к абстракции и, всё-таки, не абстракция, от которой Макке ушёл в своём творчестве. Очень похожую на эту картину акварель «Низен» написал уже в 1915 г. его друг П. Клее. Низен — гора в Швейцарии недалеко от Берна.

«Две девушки в лесу» (1914).
Масло. Дерево. 21×16.
Частное собрание. Мюнхен.

но её положение неустойчиво: она не сидит, а, возможно, только садится. По всему видно, что это главный персонаж картины. Скупыми средствами художник подчёркивает её женственность, красоту и, вместе с тем, хрупкость. Её красная шляпа и другие красные мазки в левой части картины уравновешиваются большим прямоугольным пятном в правой части. Это пятно не является каким-то реальным предметом, но ведь художник пишет вовсе не реалистический пейзаж или сцену!

Картины, которые написал Макке в последнее время перед началом войны, полны гармонии и безмятежности и это при том, что ощущение надвигающейся катастрофы чувствовали многие люди. Так, выдающийся немецкий поэт Р.М. Рильке писал перед войной:

*Я предчувствую штормы, что будут
И живу их грядущим напором.*

У Макке этого предчувствия нет. Был ли это сознательный уход Макке от действительности в мир гармонии своего искусства? Может быть, этому способствовали жизнелюбивая натура Макке и оптимизм совсем ещё молодого человека? Однако в некоторых его картинах ощущается, всё же, непрочность мира, в котором он жил, чувство одиночества, о чём уже писалось выше.

«Прощание» (1914). Масло. Холст. 101×130,5. Людвигмусей. Бонн.

И только в одной единственной картине последних дней его мирной жизни мы видим смертельную опасность, которая нависла над людьми. Эта картина имела несколько названий. Первоначально она называлась «Улица с людьми в сумерках». После убийства эрцгерцога Фердинанда и ультиматума Белграду от 23 июля 1914 г., когда все поняли, что война неизбежна и была объявлена мобилизация, ещё неоконченная картина стала называться «Мобилизация». Общий тон картины тёмный и мрачный. Тёмные фигуры на переднем плане, чёрные силуэты на заднем. Мужчины обсуждают последние события. Женщины говорят между собой о скорой разлуке с мужьями. Дети, которые на других картинах Макке были символом мирной и счастливой жизни, здесь только усиливают трагизм случившегося. Согбенные спины на переднем плане справа подчёркивают тяжесть предстоящего этим людям. От картины веет гибелью. Ощущение траура, как на похоронах. Макке словно заглянул в лицо собственной судьбе. Напрашивается сравнение с Реквиемом, который написал когда-то Моцарт. Картина по тону и настроению напоминает картины Э. Мунка, связанные с темой смерти. Картина осталась незаконченной и, в дальнейшем, за ней закрепилось название «Прощание».

Началась Первая мировая война. Вскоре после её начала А. Макке выехал в Рейнский стрелковый полк, к которому был приписан, как вольноопределяющийся. Из писем с фронта жене Элизабет видно, как тяжело переживал Макке разлуку с семьей, как тосковал по работе, как относился он к этой войне.

«Я был бы счастлив, если бы смог вернуться домой, если бы снова мог писать (это у меня, как мечта сейчас)...» (17.08.1914).

«Это все так ужасно, что мне не хотелось бы тебе об этом писать. Наши все мысли о мире. Война есть невыразимая печаль ...» (9.09.1914).

...26 сентября 1914 г. в тяжелом сражении в Шампани (Франция) Август Макке был убит. Ему было только 27 лет...

В некрологе своему другу художник Ф. Марк писал: «Этот ужас является случаем той отдельной смерти, который... дальнейшую судьбу народа неумолимо определяет и отодвигает... С его смертью внезапно надломился прекраснейший и смелый поворот нашего немецкого художественного развития; никто не в состоянии его продолжить. Каждый идет своей дорогой; и, где бы мы ни встретились, нам будет всегда его не хватать. Мы, художники, знаем хорошо, что с его уходом гармония красок в немецком искусстве во многих его мелодиях должна потускнеть, звук стал приглушенным и высушенным. Он среди всех нас давал краске светлейшее и чистейшее звучание, такое ясное и светлое, каким было всё его существо, его натура».

Франц Марк ненадолго пережил своего друга. Он погиб на той же войне в 1916 г., под Верденом...

Другой близкий друг А. Макке Лотар Эрдманн (Lothar Erdmann, 1888-1939) также воевал на Западном фронте. Гибель Макке перенёс особенно тяжело. Это привело к сильному нервному срыву и он был с фронта отозван. В 1918 г. он женился на вдове Макке Элизабет, с которой у них родилось ещё трое детей. Он участвовал в международном профсоюзном движении, стал членом СДПГ. Эрдманн много внимания уделял художественному наследию А. Макке, в результате чего была издана первая большая работа о Макке (1928). С приходом к власти нацистов он потерял работу, а в 1939 г. был арестован и в том же году скончался в концлагере от жестокого обращения. В ГДР вышла почтовая марка, посвящённая Л. Эрдманну.

Лотар Эрдманн,
почтовая марка ГДР

Элизабет Эрдманн-Макке умерла в 1978 г. Внуки Макке дожили до наших дней.

Друзья А. Макке швейцарские художники П. Клее и Л. Муалье, как жители нейтральной страны, в войне не участвовали. П. Клее умер в 1940 г., а Л. Муалье в 1962 г. Французский художник Р. Делоне в 1914-1920 гг. жил в Испании и Португалии и также в войне не участвовал. Он умер в 1941 г. Его жена Соня Делоне-Терк умерла в 1979 г. Выдающийся французский поэт Гийом Аполлинер, с которым Макке познакомился незадолго до войны, воевал артиллеристом, был тяжело ранен в голову и, так и не оправившись от ранения, умер от гриппа в 1918 г.

С. Делане на фоне своих картин, фото.

За свою короткую жизнь Август Макке создал около 600 картин, столько же акварелей и огромное количество рисунков. Он был ярчайшей звездой, вспыхнувшей на небосводе немецкого искусства в начале XX века.

Со времени гибели художника прошло уже 100 лет и теперь ясно, что та оценка Макке, которую дал Ф. Марк в те трагические дни, не была преувеличением. Можно только представить, сколько прекрасных произведений создал бы этот замечательный художник, но и то, что он успел создать, еще долго будет привлекать к себе благодарных любителей искусства.

Андрей Алексеев

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Дело: «Государство против инвалида Великой Отечественной войны»

СОДЕРЖАНИЕ

= Несколько вступительных слов

- (1) «Спасите инвалида Великой Отечественной войны!»
- (2) Ограничения прав граждан при оказании им услуг социального обслуживания
- (3) Письма О. Новиковской главе Опеченского сельского поселения А. Никитину
- (4) Переправа, переправа, берег левый, берег правый... (из дневника О. Новиковский)
- (5) 68 лет спустя после Победы
- (6) «...Злоключения ветерана Желябужского Олега Георгиевича»
- (7) Апелляционная жалоба адвоката В. Белякова и «Возражения» на нее комитета социальной защиты населения
- (8) Ольга Новиковская: возражения на возражения
- (9) «Перечень безобразий» по делу инвалида войны Желябужского
- (10) Отзывы людей на «дело Желябужского»
- (11) Меж- и внутриведомственная переписка. А также проект речи О. Новиковской в суде
- (12) Гражданин выиграл дело у государственных институтов (предварительная информация)
- (13) О чем следует просить суд апелляционной инстанции («мастер-класс» для граждан)
- (14) «Оставить дедушку в спокойствии...» (Дима Иванов). Как проходил суд в Новгороде
- (15) Государство против ветерана и инвалида Великой Отечественной (С чего начиналось это дело)
- (16) «Решение Боровичского районного суда утратило смысл, но не силу...» (ретроспектива судебного дела)
- (17) Протоколизм, выдержка, гласность. А также — полный текст апелляционного определения Новгородского суда
- (18) Семейная хроника О.Г. Желябужского

Несколько вступительных слов

Настоящее повествование являет собой своего рода сериал, цепочку материалов, публиковавшихся на питерском портале «Когита!ру. Общественные новости Северо-Запада» в период с апреля по октябрь 2013 года. Это, говоря социологическим языком, КЕЙС — случай из жизни, который, будучи детально прослежен

в развитии и осмыслен профессионально, позволяет судить о некоторых массовых социальных процессах и способствует пониманию современного устройства российского общества.

Случай, в известном смысле, «образцово-показательный», можно также говорить о *модельной ситуации*. «Большое в малом», или «маленькая картинка для выяснения больших вопросов», как однажды выразился известный общественный деятель 100 лет назад.

Заранее оговорим, что это не литературное произведение (хоть есть в нем и сюжет, и интрига), а именно *изыскание*, не просто документальная повесть, а повесть, составленная из документов. Впрочем, в настоящей публикации, для облегчения читательского восприятия, некоторые документы даются лишь в извлечениях, а не полностью, как в первопубликации.

Но даже и при таком «сжатии», остаются порой повторы: одно и то же событие может быть освещено разными людьми, в разных документах - когда личном, когда официальном (то и другое — имеет множество разновидностей), да даже один и тот же текст обретает разный смысл в зависимости от контекста.

Такая «дотошность» нужна еще и в дидактических целях. Это, в некотором смысле, опыт правозащитного *практикума* (мастер-класса?): как «простым людям», гражданам вести себя во взаимодействии с социальными институтами, существующими вроде бы для их (граждан) блага, однако всякое благо гражданам приходится добывать вопреки их (институций) противодействию.

(Говоря о «правозащитном практикуме», вспоминается замечание Д. Гранина из «Этой странной жизни»: «...Представьте, что в середине «Трех мушкетеров» вставлено описание приемов фехтования. Читатель наверняка пропустит эти страницы. А мне надо было заставить читателя прочесть мои сведения, поскольку это и есть самое главное»).

Следует еще учитывать внутреннюю организацию повествования как *серии*, где всякая очередная часть начинается с краткой «вводной» или же — по ходу дела либо изложения — приходится возвращаться к некоторым эпизодам более ранних частей. Кроме того, первопубликация этих материалов на сетевом ресурсе осуществлялась в режиме «реального времени», или текущего мониторинга, когда при представлении всякой очередной «серии» не только читателю, но и самому автору неизвестны (еще не случились) события, которые предстоит отобразить в следующих.

Сейчас, когда нам заранее известны все перипетии сквозного сюжета и его развязка, мы сочли целесообразным сохранить «первозданную» структуру нашего повествования, как естественно сложившийся «литературный прием».

Итак, перед вами, под видом «судебного очерка», своего рода сплав (симбиоз? конгломерат? химера?) *социологической публицистики, едва ли не детективного сюжета и правозащитного практикума*. В конце концов, каждый волен извлечь отсюда то, что ему нужнее. Можно и пропускать «не интересные» страницы».

Здесь ограничимся этими замечаниями по поводу жанра, структуры и стилистики данного произведения *non fiction*. Пояснять собственно предметы нашего рассмотрения в этом предисловии не будем. Отчасти они явствуют из оглавления (содержания). (Названия частей придуманы уже специально для сегодняшней публикации).

В остальном - будем полагаться на интерес, доверие, а в каком-то смысле — и терпение нашего читателя.

(1) «Спасите инвалида Великой Отечественной войны!»

Место действия: дер. Торбасино — дер. Горбино — с. Опеченский посад — г. Боровичи — Новгородская обл. — г. Санкт-Петербург.

Эта история заслуживает того, чтобы рассказывать ее подробно и в красках. Но пока ограничимся скучным языком документов. Впрочем, они тоже — «многоговорящие».

...В глубинке Боровичского района, Новгородской области живет 86-летний инвалид Великой отечественной войны, ныне — не видящий и обездвиженный, Олег Георгиевич Желябужский. Человек он замечательный (потом расскажем обстоятельно), сделавший в свое время односельчанам много добра, так что даже прослыл «чудаком». Ну и односельчане ему (не все, но многие) платят тем же - кто как умеет. Ниже увидите.

А еще у старика Желябужского есть человек, пользующийся его абсолютным доверием, но живущий не рядом, а в Санкт-Петербурге. Это — Ольга Андреевна Новиковская, учитель-логопед одного из пугерских детсадов. Та имеет дом в соседней деревне, куда каждый год приезжает на пару месяцев летом, бывает — и в праздничные дни, вроде майских. Часами при этом сидит у постели больного, разговаривает с ним, помогает, чем может.

Повседневный же уход за инвалидом осуществляет местный житель Андрей Кавицын. Который за это, как «социальный работник», получает официально 1200 руб. Ну, и сам старик охотно доплачивает от своей не маленькой пенсии.

Так продолжалось много лет, и все заинтересованные лица были довольны, пока судьбой Желябужского не озаботились наши официальные, государственные структуры.

Дальше — приведем полный текст одного из документов, а именно: письма О. Новиковской президенту РФ, отправленного не далее, как вчера, 23 апреля 2013, по «Прямой линии» с Владимиром Путиным.

Обращения — наивно, как и все обращения граждан к высшему должностному лицу государства, однако весьма информативное и вызывающее к чувствам и совести людей, которые будут держать его в руках.

Письмо Путину имеет и название: **«Спасите инвалида Великой отечественной войны!»**

(Вопрос — от кого?!)

«Уважаемый Владимир Владимирович!

Прошу Вас помочь разобраться со сложной и странной ситуацией, сложившейся вокруг 86-ти летнего инвалида Великой отечественной войны О.Г. Желябужского, зарегистрированного в Новгородской обл., Боровичском р-не, деревне Торбасино, дом 9.

В последнее время в отношении слепого лежачего больного О.Г. Желябужского местной администрацией совершены действия, как мне кажется, нарушающие закон.

О.Г. Желябужский ежемесячно получает свою пенсию через почтальона, в размере 24 тыс. рублей. Это, как ему в свое время было объяснено, тот размер пенсии, которая полагается инвалиду Великой отечественной войны, с первой группой инвалидности.

Однако недавно, Желябужскому от сотрудника местной администрации стало известно, что он числится у них как инвалид второй группы. Что само по себе вызывает недоумение.

В феврале 2013 г. по предложению секретаря администрации сельского поселения Опеченский посад Л.А. Сиговой, якобы для оформления сберкнижки и начисления на нее то ли прибавки, то ли (позднейшая версия администрации) недоплаченной прежде части пенсии — более чем по 10 тысяч ежемесячно за период более года, Желябужский передал ей свой паспорт и страховое свидетельство государственного пенсионного страхования

Документы были возвращены владельцу лишь в середине апреля — после его официального заявления на имя главы администрации Опеченского сельского поселения А.В. Никитина и нашего с Желябужским обращения в прокуратуру. В день возвращения документов Желябужскому была вручена и заведенная на его имя сберегательная книжка, в которой, однако, никакая прибавка к пенсии не отражена.

Есть основания полагать, что личные документы Желябужского понадобились местной администрации для другой цели. В марте 2013 года их копии были представлены в Боровичский районный суд, в связи с состоявшимся заявлением Комитета по социальной защите населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания (дом престарелых) **без его согласия**. Это заявление было удовлетворено решением Боровичского районного суда от 5.04.2013.

(Для не искушенных в нашем законодательстве читателей поясним, что, при всей странности такой формулировки, Федеральным законом от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов" (ст. 15: «Ограничения прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг») предусмотрено именно такое «насильственное милосердие»... — А. А.)

(В дальнейшем еще не раз будем возвращаться к этому Закону и цитировать его. — А. А. Октябрь 2014)

Итак, накануне 68-го Дня Победы, когда истекает месячный срок для подачи апелляционной жалобы на решение суда от 5.04.2013 (я нашла для Желябужского в Петербурге профессионального адвоката и апелляционная жалоба, разумеется, будет подана) Желябужский, будучи вполне дееспособным, может быть принудительно помещен в «казенный» дом престарелых.

Сам О.Г. Желябужский был информирован Опеченской администрацией о наличии упомянутого заявления Комитета по социальной защите населения в суд лишь за два дня до суда. При этом копия заявления ему вручена не была, не было сообщено о дате суда, и тем более — не разъяснена законная возможность инвалида послать на суд своего представителя.

После суда глава администрации Опеченского сельского поселения А.В. Никитин, в присутствии двоих местных жителей, зачитал инвалиду Великой отечественной войны решение суда лишь частично и отказался передать копию этого документа Желябужскому.

Узнав о решении суда, слепой, лежащий больной попытался выразить свой протест единственным доступным ему способом — объявил голодовку.

Я, Новиковская О.А., знающая О.Г. Желябужского более 40 лет, срочно приехала из Санкт-Петербурга в Боровичский район, для оказания пожилому человеку моральной поддержки и посильной помощи в сложившейся для него стрессовой жизненной ситуации. Я находилась там в период с 11 по 15 апреля 2013 г.

За это время удалось уговорить отчаявшегося престарелого инвалида начать питаться, решить сложную проблему перемещения больного и (формально

говоря) одинокого человека в благоприятные жизненные условия — в дом давно и добросовестно ухаживающего за ним социального работника А.А. Кавицына, проживающего в соседней деревне — Горбино.

Этому переезду местная администрация всячески препятствовала — распорядившись не высылать скорую помощь для перевозки лежачего больного, не давать носилки и т.п. Далее, несмотря на настойчивые просьбы Желябужского, обращенные к главе местной администрации А.В. Никитину, заверить его (Желябужского О.Г.) доверенность мне (О.А. Новиковской) на право представлять его интересы во всех судебных, правоохранительных органах, мне так и не удалось получить этот документ. Глава администрации (в чьи служебные обязанности входит оформление на дому доверенностей от имени лежачих больных), каждый день находил способы уклониться от выполнения просьбы моего доверителя.

Все это наводит на мысль о том, что работники администрации Опеченского сельского поселения руководствуются вовсе не заботой о здоровье и благополучии инвалида Великой отечественной войны, а, скорее всего, пытаются скрыть какие-то махинации с его пенсией.

Со своей стороны, я делаю все возможное для того, чтобы облегчить положение старого и больного, но разумного и сильного духом человека. Моя просьба к Вам — помочь инвалиду Великой Отечественной войны остаться в привычной ему обстановке среди заботливых людей, а не получить к Дню Победы «подарок» в виде насильственного помещения в казенное учреждение.

Пожалуйста, возьмите эту ситуацию под Ваш личный контроль, ведь до 5 мая — дня вступления в силу решения Боровичского районного суда осталось совсем немного времени!

Ответ прошу направить по адресу: 198259 Санкт-Петербург <...> Новиковской Ольге Андреевне.

С уважением, Новиковская О.А.
23 апреля 2013 г.»

Это было «наивное» письмо человека и гражданина, адресованное В.В. Пугину. А вот другое письмо, того же автора, адресованное, несколькими днями раньше, главе администрации сельского поселения Опеченский посад А.В. Никитину.

«Алексей Владимирович!

Не могу не пожалеть о том, что Вы, как заявили в телефонном разговоре от 15.04.2013 (звонили мне на сотовый, кстати, именно Вы) не читаете адресованную Вам электронную почту. Я пока удерживаюсь от того, чтобы сделать Ваше поведение в отношении О.Г. Желябужского достоянием широкой гласности. Если бы Вы читали почту, Вы, возможно, не совершили бы столько незаконных действий.

Как Вам известно, я вынуждена была вчера уехать из Боровичского р-на, так и не получив заверенной Вами, как должностным лицом, доверенности на ведение судебных дел Желябужского. Надеюсь, что соответствующие доверенности Желябужского А.А. Кавицыну (генеральная) и Д.М. Иванову (только на ведение судебных дел) будут Вами заверены. Любая задержка в этом деле будет свидетельствовать, что Вы намеренно препятствуете Желябужскому отстаивать свои права и интересы.

Доверенность мне (как и Д. Иванову — только для представительства в суде и иных учреждениях) Вам придется заверять позже, в мой следующий приезд.

Тексты доверенностей были посланы Вам по электронной почте еще 13 апреля с. г., вместе с предыдущим письмом, так что Ваш секретарь вполне может подготовить необходимые документы.

Если Вы настаиваете на том, чтобы за Желябужского на доверенностях расписался рукоприкладчик, то единственным человеком, который может выступить в этой роли, является Светлана Леонова, ибо других, кроме Кавицына и Иванова, Желябужский не знает или не доверяет им.

Ваш отказ оформлять более, чем одну доверенность (разным лицам с не противоречащими друг другу полномочиями), является, как выяснилось, нетерпимым самоуправством. Именно так это было расценено одним из руководителей Новгородской областной нотариальной палаты, к которому нам пришлось обратиться за консультацией.

Имейте это обстоятельство в виду и, пожалуйста, не препятствуйте впредь тому, чтобы были заверены все три доверенности: А. Кавицыну, Д. Иванову и О. Новиковской.

Постарайтесь также избегать нервозности в телефонных разговорах на эти темы, отдавая себе отчет в том, что большинство наших разговоров записываются.

Вы, вероятно, уже получили письмо самого Желябужского от 12.04.2013 с просьбой вернуть ему незаконно удерживаемые, вот уже примерно два месяца, в администрации Опеченского посада паспорт и другие персональные документы. Присоединяюсь к этой просьбе, со всей настойчивостью.

О.А. Новиковская

16 апреля 2013

Прилагаю тексты необходимых доверенностей, а также тексты моих предыдущих писем на Ваше имя, с которыми я все же рекомендую Вам ознакомиться. О. Н.»

Пополним эту композицию документов самым свежим — тем, который только что поступил в Боровичскую межрайонную прокуратуру и отправлен в Новгородскую областную прокуратуру:

«В Новгородскую областную прокуратуру
В Боровичскую межрайонную прокуратуру
От адвоката Белякова Владимира Геннадьевича,
196630, Санкт-Петербург, <...>,
действующего в интересах Желябужского Олега Георгиевича,
1926 года рождения,
участника Великой отечественной войны,
призывавшегося из г. Боровичи, раненного в 1944 г., инвалида ВОВ,
зарегистрированного в Новгородской области,
Боровичском районе, в деревне Торбасино, дом № 9,

ЗАЯВЛЕНИЕ

В феврале 2013 г. по предложению секретаря администрации сельского поселения Опеченский посад Л.А. Сиговой, якобы для оформления прибавки к пенсии, Желябужский О.Г. передал ей свой паспорт и удостоверение инвалида. Эти документы ему долго не возвращали, и он получил паспорт обратно 17.04.2013 — лишь после своего специального обращения в прокуратуру от 12.04.2013.

В марте 2013 г. в Боровичский районный суд поступило заявление Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении Желябужского в стационарное учреждение социальной защиты без его согласия. 5 апреля 2013 года Боровичский районный суд это заявление удовлетворил (гражданское дело № 2- 579 / 2013, судья В.Л. Кондратьева).

Поскольку копии вышеуказанных персональных документов (паспорт, удостоверение инвалида) без волеизъявления Желябужского появились в упомянутом деле, можно утверждать, что это сделано с нарушением его прав и скорее для того, чтобы возбудить данное гражданское дело, а не оформлять прибавку к пенсии.

В письме Боровичской межрайонной прокуратуры от 13.03.2013, имеющемся в указанном деле (л.д. 11), по поводу функций органа социальной защиты населения указано: «... определяет попечительство в форме патронажа, осуществляет помощь в подборе лиц способных к выполнению обязанностей попечителя.

Требую принять меры в соответствии с указанными полномочиями, о результатах доложить в срок до 15.03.2013».

Данное требование прокуратуры не было исполнено. На суде 5.04.2013 по данному делу ничего не говорилось о таком важном моменте защиты прав Желябужского. При этом суду известно, что в ПФР социальным работником по уходу за Желябужским, как инвалидом, оформлен Кавицын А.А. (л.д. 3), на которого Желябужский никогда не жаловался (л.д. 25) и с которым у него (Желябужского) доверительные отношения (л.д. 28).

(Уже после суда, а именно — 22.04.2013, до нас дошла пока не проверенная информация о том, что Кавицыну А.А. теперь оформляется попечительство в форме патронажа над Желябужским).

Как выяснилось недавно, Желябужский на протяжении по меньшей мере одного года и 4-х месяцев получает пенсию более чем на 10 000 рублей в месяц меньше того, что ему полагается как инвалиду Великой отечественной войны, с инвалидностью первой группы (об этом нам стало известно от А.А. Кавицына, который, в свою очередь, ссылается на работника местной администрации).

Складывается впечатление, что вся эта затея с помещением Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия, с изъятием паспорта и т. д., была рассчитана, в частности, на то, чтобы Желябужский никогда о факте недоплаты ему пенсии не узнал.

Однако на суде об этих фактах никто не говорил, никто не интересовался причинами того, почему так долго Желябужский не получает положенной пенсии.

Понимая сложности, связанные с поездками А. Кавицына к Желябужскому, для его обслуживания, дважды в день, из дер. Горбино в дер. Торбасино, а также в интересах улучшения собственного положения, Желябужский принял предложение А.А. Кавицына о переезде к нему в дом, в специально подготовленное для него, благоустроенное жилое помещение, и 11 апреля такой переезд в дер. Горбино был организован добровольными помощниками Желябужского (местными жителями и специально приехавшей из Санкт-Петербурга, по его просьбе, О.А. Новиковской).

Тем самым устранено главное, выдвигаемое в заявлении Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района основание для помещения Желябужского в стационарное учреждение социальной защиты, без его согласия, а именно: неблагополучие условий его местопребывания в деревне Торбасино.

Как уже отмечалось, 5 апреля 2013 г. судьей В.Л. Кондратьевой в Боровичском районном суде Новгородской области принято решение об удовлетворении заявления Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района о помещении инвалида Великой отечественной войны Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия.

Данное решение суда принято и доведено до сведения Желябужского с грубыми нарушениями его прав, считаю его незаконным, необоснованным, не мотивированным и не справедливым, в связи со следующим.

Суд определил, еще 28.03.2013 (л.д. 2), — направить заинтересованному лицу копию заявления и предложить представить суду письменные возражения, если они имеются.

Однако никакой копии заявления Желябужский не получал, поэтому и не было направлено в суд никаких письменных возражений, хотя, как указано в материалах дела, Желябужский категорически отказывался от госпитализации (л.д. 12), просил его не трогать (л.д. 25).

Суду известно, что Желябужский обездвижен, не видит (л.д. 3). Однако суд не оказал никакого содействия в реализации его права, в соответствии со ст. 48 ГПК РФ, на ведение дела в суде через представителей.

Желябужский считал, что его представителем в суде должен быть профессиональный адвокат, но суд, в нарушение закона, никак этому не содействовал.

Из вышеизложенного о Кавицыне А.А. ясно, что тот мог бы дать ценные показания по сути дела, но суд не создал условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств, не вызвал Кавицына А.А. как минимум в качестве свидетеля.

Также суд не создал условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств, и по существу препятствовал этому, отказав в ходатайстве сотрудника Комитета социальной защиты населения С.А. Котовой (л.д. 24): «рассмотреть дело с участием Желябужского с выездом на место. Он в уме, все понимает, хочется послушать его мнение. Не можем лишить его дееспособности».

Таковыми действиями суд фактически отказал Желябужскому в дееспособности.

9 апреля 2013 г. глава администрации сельского поселения Опеченский посад А.В. Никитин, в присутствии местных жителей Кавицына А.А. и Иванова Д.М., зачитал только резолютивную часть решения Боровичского районного суда от 5.04.2013, без указания даты его принятия, фамилии судьи, номера дела, и отказался передать копию этого документа О.Г. Желябужскому. Тем самым были созданы искусственные препятствия для подготовки апелляционной жалобы, которую пришлось утверждать предварительной апелляционной жалобой от 11.04.2013.

Далее, необходимо отметить, что администрация сельского поселения Опеченский посад (глава администрации А.В. Никитин) в период 5-дневного пребывания в Боровичском районе (с 11 по 15 апреля 2013 года) специально приехавшей из Санкт-Петербурга для поддержки Желябужского в стрессовой жизненной ситуации Новиковской О.А., чинил всевозможные препятствия тому, чтобы Новиковской была заверена доверенность на представительство интересов Желябужского в судебных, правоохранительных органах, в административных и иных учреждениях. Новиковская вынуждена была уехать, так и не получив указанной доверенности.

С другой стороны на жителя дер. Горбино Д.М. Иванова, которому соответствующая доверенность была, после всех настояний со стороны той же Новиковской, все же заверена и выдана, фактически оказывалось (со стороны местной администрации) давление, чтобы он ехал в Боровичи и писал апелляционную жалобу, что, понятно, является прерогативой не его, а профессионального адвоката.

(Дмитрий Иванов — молодой человек, сам инвалид, который в последнее время принимает очень активное и эффективное участие в судьбе ветерана-инвалида. — А. А.)

В связи с изложенным,

Прошу:

С учетом приближающегося праздника Дня Победы 9 мая, безотлагательно провести проверку по указанным фактам, в ходе которой установить:

1. Причины столь длительной невыплаты пенсии Желябужскому О.Г. в полном объеме.

2. Не получал ли кто из заинтересованных лиц, участвовавших в суде 05.04.2013, часть недополученной пенсии Желябужского О.Г.

3. Почему прокурор Винник Ю.К. на суде 05.04.2013 не приняла мер по защите указанных и иных прав Желябужского О.Г., почему не поддержала ходатайство о рассмотрении дела по его месту жительства.

Беляков В.Г.

24 апреля 2013 г.»

Вышеприведенные три документа, исполненные, как читатель мог заметить, в разных стилях, — с разных сторон, под разными углами зрения освещают ситуацию, которую назовем: «Дело инвалида Великой Отечественной войны Желябужского».

Пока воздержимся от оценок и выводов.

Еще один документ — самый ранний из этой серии — авторство которого принадлежит летописцу этой истории:

«В Комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района Новгородской области.

Сотруднику Комитета С.А. Котовой

Уважаемая Светлана Анатольевна!

Дело ветерана и инвалида Великой отечественной войны О.Г. Желябужского из дер. Торбасино остается в поле внимания нашего интернет-портала. Вопреки расхожему мнению о том, что журналисты ищут сенсаций, нам хотелось бы избежать публичной огласки мотивов и обстоятельств планируемого, в сущности, насильственного помещения в стационарное учреждение социального обслуживания 86-летнего инвалида, который этой перспективе сопротивляется, вплоть до голодовки. Хотя бы такая возможность и допускалась ст. 15 Федерального закона от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов".

Мы еще не расследовали всех обстоятельств дела, слушавшегося в Боровичском районном суде 5 апреля 2013 года, но пока складывается впечатление, что органы социальной защиты несколько поторопились со своим иском, недостаточно глубоко разобравшись в «случае» Желябужского и не обеспечив возможности суду учесть мнение и другой стороны.

Чем иначе объяснить, что несомненно заинтересованные в судьбе Желябужского и так или иначе заботившиеся о нем лица узнали о суде лишь случайно и не было предусмотрено их участие в судебном процессе? Особенно неблагоприятной здесь представляется роль сотрудников администрации сельского поселения Опеченский посад, которые к дер. Торбасино поближе, чем районный центр, и круг их подопечных Уже, чем у районной администрации. Но сейчас я не намерен обсуждать меру включенности и ответственности разных должностных лиц за сложившуюся ситуацию. Я также учитываю, что Вы лично в суде лишь представляли (по доверенности) свою организацию, точка зрения которой была сформулирована в исковом заявлении.

Сейчас мы стоим перед фактом, что О. Желябужский готов обжаловать решение суда, что он может делать только через своих доверенных лиц. Но этим лицам еще

только предстоит оформить такой статус соответствующими нотариальными документами, естественно, предстоит также подготовить и своевременно подать апелляционную жалобу, для чего нужно также участие профессиональных юристов, и т.д.

И вот, в этих условиях жесточайшего цейтнота, глава администрации Опеченского посада А.В. Никитин заведомо тормозит доведение до сведения будущих доверенных лиц, достаточно ему известных, текста решения суда, нарушая не однажды данные им же самим обещания. То же относится и к паспортным данным Желябужского, необходимым для оформления доверенности (при том, что сам паспорт, вряд ли законно, ныне находится в возглавляемой им администрации, а вовсе не на руках у его владельца).

Как нам стало известно, Ольга Новиковская - та, с которой Вы сегодня общались по телефону, срочно выезжает в Боровичский район для решения разнообразных проблемных вопросов, касающихся дальнейшей судьбы инвалида Желябужского. Я надеюсь, что в Вашем лице, как и в лице руководства вашего Комитета, она встретит максимальное понимание и поддержку, хотя бы ей и пришлось (в качестве доверенного лица) оспаривать решение суда, принятое по иску Комитета социальной защиты.

<...> Прошу Вас подтвердить получение этого письма.

С уважением,

Алексеев Андрей Николаевич, сотрудник интернет-портала «Когита.ру».
8.04.2013».

Итак, дело инвалида Великой отечественной войны О.Г. Желябужского, проживающего в Боровичском районе, ныне — в дер. Горбино, на берегу р. Мсты, отныне будет развиваться на свету, под прицелом «прожекторов гласности».

24.04.2013.

(Стихийно получилось так, что в этой первой главке не только зачин нашего повествования, так сказать, «экспозиция», но и текстовая авто презентация команды «правдоборцев», или волонтеров — социальных защитников Олега Георгиевича Желябужского, а именно — учителя-логопеда Ольги Новиковской, адвоката Владимира Белякова и социолога А. Алексеева. — А. А. Октябрь 20014)

(2) Ограничения прав граждан при оказании им услуг социального обслуживания

Продолжение «деревенской истории» — социальной драмы, разворачивающейся вокруг судьбы слабого телом, но сильного духом 86-летнего ветерана в Боровичском районе, Новгородской области.

Наша публикация на Когита.ру 24.04.2013 получила оперативный отклик в Новгородской области. Не прошло и суток, как в Новгородской интернет-газете «Ваши вести» появился материал под названием «Владимира Путина просят за слепого новгородского ветерана, которого должны против воли поместить в дом престарелых» (авт. — Кирилл Привалов).

Дело в том, что как раз 25 апреля 2013 года проходила «Прямая линия» с Владимиром Путиным, в нашей же публикации полностью воспроизводилось письмо О.А. Новиковской, отправленное на эту «Прямую линию». И тема — дело инвалида Великой отечественной войны — животрепещущая, особенно — в преддверии 58-го Дня Победы».

Автор публикации в Новгородской интернет-газете аккуратно пересказал (процитировал) изложенное на Когита.ру (за что ему спасибо), а затем взял интервью у некоторых «фигурантов» нашей публикации. В частности, у главы администрации сельского поселения Опеченский посад А. Никитина и у сотрудника Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района С. Котовой, а также — у заместителя председателя боровичского Комитета социальной защиты населения Г. Ефремовой.

Вот эти интервью:

«...«Ваши новости» попытались разобраться в ситуации. Глава Опеченского сельского поселения **Алексей Никитин** разъяснил нам:

— Олег Георгиевич проживал один в отдалённой деревне Торбасино, где постоянных жителей почти нет, больше дачники. Уговорить его переехать никак не получалось. Поэтому комитет социальной защиты обратился в суд с иском о помещении его в дом ветеранов. А после этого он всё-таки согласился переехать и сейчас живёт в деревне Горбино у Кавицына, который за ним ухаживает. Мы этого и хотели. Но раз решение суда есть, то Новиковской, как представителю Олега Георгиевича, надо оспаривать.

Светлана Котова, ведущий специалист комитета социальной защиты населения Боровичского района:

— В прокуратуру района обратилась гражданка, которая сообщила, что ветеран проживает в очень тяжёлых условиях, что человек, ухаживающий за ним, присваивает его пенсию. Ещё в 2010 году дом ветерана был признан ветхим, ему выдали сертификат на новое жильё. Он отдал сертификат мужчине, который за ним ухаживает, и тот приобрёл квартиру, в которую ветеран сам не переехал. Также он купил какие-то трактора. Прокуратура здесь преступления не нашла, так как старик сказал, что всё это было с его согласия. Мы выезжали в эту деревню. Картина была удручающая — в нетопленном доме под одеялом лежит раздетый человек. Врачу он не позволил себя полностью осмотреть, но мы увидели, что конечности у него не сгибаются. На предложения переехать к Кавицыну в его дом, или лечь подлечиться в больницу он ответил отказом. Мы позвонили Ольге Новиковской, которая принимает участие в его судьбе. Она ответила, что приехать не может, придет в мае. Тогда мы приняли решение обратиться в суд. В суде я предложила провести заседание на месте, в деревне, но судья отказался. В итоге суд принял решение поместить ветерана в дом престарелых. Затем приехала Новиковская и стала всех обвинять. Но, надо сказать ей спасибо, она всё-таки уговорила Олега Георгиевича переехать к Кавицыну. Он должен оформить над ним патронаж. Нас это всё устраивает, однако теперь есть решение суда, за неисполнение которого положена ответственность. Новиковская написала жалобу на это решение, но её не приняли из-за каких-то ошибок. Мы надеемся, что поместить ветерана в дом престарелых, куда он не хочет, всё-таки не придётся.

В комитете социальной защиты населения Новгородской области нам обещали разобраться в ситуации.

— В конце концов, если даже судебное решение останется в силе, но пожилой человек, находясь в здравом уме, не желает переезжать в дом престарелых, силой его туда, я думаю, не повезут, — сказала «Ваши новости» заместитель председателя комитета социальной защиты населения Новгородской области **Галина Ефремова**.

Итак, местные чиновники «разъясняют», чтобы новгородским журналистам лучше разобраться в ситуации. Что же, добавим некоторые разъяснения и мы.

Глава Опеченской сельской администрации **А.В. Никитин**, чья роль в этой истории особенно неприглядна, выкручивается, как умеет. Мол, «уговорить» ветерана переехать из отдаленной деревни (куда? Прямо не сказано, но из контекста можно понять, что в соседнюю деревню, где проживает ухаживающий за Желябужским социальный работник А. Кавицын) не удавалось. Тогда решили принудительно (на то и иск, на то и суд) перевести его в некий «дом ветеранов» (официально это называется: «стационарное учреждение социального обслуживания»), а попросту — «дом престарелых», на что Желябужский тем более не соглашался.

Как можно — против воли? Оказывается можно. Как уже отмечалось, статья 15 Федерального закона от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов" гласит:

«Ограничения прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг допускаются в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, и могут выражаться в помещении этих граждан *без их согласия (здесь и далее выделено мною. — А. А.)* в учреждения социального обслуживания в случаях, если они лишены ухода и поддержки со стороны родственников или иных законных представителей и при этом не способны самостоятельно удовлетворять свои жизненные *потребности* (утрата способности к самообслуживанию и (или) активному передвижению) или признаны в установленном законом порядке недееспособными.

Вопрос о помещении граждан пожилого возраста и инвалидов в стационарные учреждения социального обслуживания без их согласия или без согласия их законных представителей по основаниям, предусмотренным в части первой настоящей статьи, решается судом по представлению органов социальной защиты населения...».

Интересное название у этой статьи закона: «**Ст. 15. Ограничения прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг**». По крайней мере, признается, что права пожилых граждан и инвалидов в этом случае Ограничиваются. Но, как говорится, «для их же блага».

Ну, для блага упрямого старика, который хоть и физически немощен, и незряч, но в здравом уме и твердой памяти (недееспособным его никакая экспертиза не признает), которого **все устраивает** — и его жилище (и впрямь ветхое), и повседневная забота о нем социального работника (из соседней деревни), которому ветеран доверяет настолько, что три года назад выдал ему генеральную доверенность на распоряжение его имуществом и т.д., Желябужскому — по существу втайне от него, без предупреждения (тем же законом предусмотрены соответствующие разъяснения инвалиду, которых не было) — устраивают «судилище», на котором он сам, понятно, не может присутствовать, но и, не будучи корректно и своевременно осведомлен, не может послать туда и своих доверенных лиц и/или поручить представлять его интересы профессиональному адвокату.

И Боровичский районный суд (судья В.Л. Кондратьева) 5 апреля с. г. приговаривает: в соответствии с заявлением Комитета социальной защиты населения Боровичского муниципального района, «поместить Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия» (я цитирую).

На суде присутствовали представитель заявителя — Комитета социальной защиты — С. Котова и «заинтересованное лицо» — глава Опеченской сельской администрации А. Никитин.

Насчет истоков и меры заинтересованности административных лиц именно в таком итоге судебного разбирательства, пока умолчим. Здесь требуется дальнейшее расследование, которое уже ведется. Нынешняя же позиция главы сельской администрации, который, как мы показали уже в первой нашей публикации, всячески препятствует защите интересов и прав ветерана и инвалида Великой отечественной войны, судя по его интервью новгородской интернет-газете, тоже интересная: «Моя хата с краю». Вот суд решил (пусть его решение теряет смысл, ввиду изменившихся обстоятельств — переезда Желябужского в благоустроенное жилое помещение), и пусть теперь его (Желябужского) доверенные лица, (которым он, Никитин, кстати сказать, до сих пор самоуправно не заверяет доверенность, хоть и обязан) это решение суда оспаривают (см. выше).

Обратимся к интервью **С.А. Котовой**, ведущего специалиста Комитета социальной защиты населения Боровичского района. Та вроде тоже лишь исполняла свой «профессиональный долг». Вопрос — как? Вот, по ее словам, некая «гражданка» обратилась в прокуратуру района: мол, «ветеран проживает в тяжелых условиях, а человек, ухаживающий за ним, присваивает его пенсию» (о персональной заинтересованности этой анонимной гражданки, впрочем, известной всей округе, поживиться с пенсии ветерана — здесь умолчим; отдельная тема).

Так вот: «с одной стороны», Котова доводит до сведения всех читателей новгородской интернет-газеты поклев на человека, который по два раза в день ездил, а последнее время и ходил (т. к. старенький мотоцикл сломался) из одной деревни в другую, чтобы ухаживать за лежащим слепым инвалидом, а «с другой стороны», прокуратура криминала не нашла, хоть тот и купил «какие-то трактора» на деньги Желябужского, по его просьбе,

А для чего Желябужскому понадобилось приобретение двух тракторов (бульдозера и погрузчика) его социальным работником? Да для того, чтобы подерживать в порядке (если не проложить) дорогу между двумя деревнями!

За эту дорогу очень благодарны старику местные жители и дачники. А без этой дороги пришлось бы, кстати, и главе сельской администрации, и комиссии из того же комитета социальной защиты — от Горбино до Торбасино и обратно пешком топтать, ибо проселочные дороги — сами знаете что такое...

Дальше боровичские чиновники, призванные осуществлять социальную защиту, вызывают телефонным звонком в конце марта к петербурженке Ольге Новиковской, которая дружна с Желябужским чуть не 40 лет: мол, помогите обустроить несговорчивого старика. Та обещает приехать в мае, не подозревая, что те готовы инвалида войны уже и насильно «благотельствовать».

26 марта Комитет социальной защиты обращается в суд, который оперативно удовлетворяет его заявление (5 апреля), а дальше дело уже только за судебными исполнителями.

Узнавшая об этом и срочно приехавшая О. Новиковская, организует 11 апреля (несмотря на все чинимые ей местной администрацией препятствия) переезд Желябужского в благоустроенное помещение в доме А. Кавицына., обеспечивает Желябужскому квалифицированную юридическую помощь (питерский адвокат В. Беляков за эти две недели уже дважды приезжал в Боровичский район), настаивает на том, чтобы были заверены необходимые доверенности Желябужского — ей и двоим местным жителям (глава местной администрации Никитин и этому препятствует), отсылает по почте подписанную Желябужским предварительную апелляционную жалобу в суд.

В общем, Новиковская энергично защищает интересы и права ветерана, в отличие от С. Котовой, которая лишь «надеется, что поместить ветерана в дом престарелых, куда он не хочет, всё-таки не придётся». Думаю, она отлично понимает, что об отмене решения суда, тем более — с учетом изменившихся обстоятельств, хлопотать должен был бы именно тот орган, представителем которого она выступала в суде.

Такими же благими пожеланиями отделяется и заместитель председателя комитета социальной защиты населения Новгородской области **Г. Ефремова**: мол, «в конце концов, если даже судебное решение останется в силе, но пожилой человек, находясь в здравом уме, не желает переезжать в дом престарелых, силой его туда, я думаю, не повезут» (отвечая новгородской интернет-газете).

Подобными заявлениями боровичские чиновники снимают с себя всякую ответственность за судьбу подопечного им ветерана и инвалида войны, притом, что их действиями эта судьба оказалась едва не порушена.

Еще одно замечание. С. Котова в своем интервью обмолвилась, что А. Кавицын (в доме которого теперь проживает Желябужский), мог бы (она даже говорит: «должен») «...оформить над ним *патронат (точнее сказать — попечительство в форме патронажа. — А. А.)*. Нас (комитет. — А. А.) это всё устраивает, однако теперь есть решение суда, за неисполнение которого положена ответственность...». Спрашивается, что же мешало комитету по социальной защите обратиться к этому варианту ДО своего заявления о **принудительном** помещении Желябужского в дом престарелых?

...Мы пока не касаемся вероятных причин столь активной попытки отправить Желябужского насильно в дом престарелых, незаконного удержания его личных документов и выяснившейся недавно недоплаты ему существенной части положенной пенсии, которую (недоплату) теперь вроде обещают возместить. Причем и тут темнят. Так что Желябужский уже сам счел необходимым обратиться в соответствующую инстанцию. (Это письмо, по его просьбе было отправлено О. Новиковской из Петербурга 25.04.2013):

«174401, Новгородская область, г. Боровичи, ул. С. Перовской, д.78
Управление Пенсионного фонда РФ в Боровичском районе Новгородской области
От Желябужского Олега Георгиевича,
зарегистрированного в Новгородской области, Боровичском р-не,
дер. Торбасино, дом № 9.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я — инвалид Великой отечественной войны, с первой группой инвалидности. Вот уже несколько лет, как я полностью ослеп и обездвижен. Повседневный уход за мною осуществляет зарегистрированный в Управлении Пенсионного фонда социальный работник Кавицын А.А.

Пенсия ко мне поступает по почте, в ее получении расписывается социальный работник, у которого для этого есть соответствующая доверенность.

В свое время мне объяснили, что мне полагается пенсия в размере 25 тыс. руб. За вычетом 1200 руб., которые перечисляются социальному работнику.

В феврале с. г., по просьбе секретаря администрации сельского поселения Опеченский посад Сиговой, я отдал ей свой паспорт, для оформления сберкнижки, на которую будет поступать прибавка к пенсии, как она поначалу сказала. Когда пару месяцев спустя, после моих настойчивых требований, я получил паспорт об-

ратно, мне была передана и сберегательная книжка на мое имя, на которую, однако, никакая прибавка не поступала.

Теперь мне говорят, что произошла какая-то ошибка и вроде мне раньше недоплачивали пенсию, а теперь этот долг будут возвращать. Но какова сумма то ли прибавки, то ли долга, я так и не знаю, и ясности на этот счет никакой не имею.

С учетом сказанного, прошу сообщить мне:

А) С какого времени (год, месяц) у меня оформлена первая группа инвалидности?

Б) какая сумма пенсии мне начислялась до этого и какая начисляется в настоящее время?

В) Какой размер пенсии мне положен по закону, как инвалиду Великой отечественной войны, с первой группой инвалидности?

Г) Если мне действительно недоплачивали, то сколько именно в месяц, с какого времени и когда будет возмещена полностью эта недоплата?

Прошу Вас ответить не по моему почтовому адресу, а по адресу: 198259, г. Санкт-Петербург <...>, Новиковской Ольге Андреевне (для Желябужского)

С уважением, Желябужский О.Г.

25 апреля 2013 года».

Мы далеко не исчерпали всех обстоятельств, заслуживающих отображения в рассказе об инвалиде Великой отечественной войны Олеге Георгиевиче Желябужском и о том, как местная власть «заботится» о ветеранах, да еще в канун Дня Победы. Но, пожалуй, самое интересное впереди.

26.04.2013

(3) Письма О. Новиковской главе Опеченского сельского поселения А. Никитину

Продолжение рассказа о «деле» 86-летнего ветерана, слепого и обездвиженного, проживающего в Боровичском районе, Новгородской области, которого местные чиновники так стараются «упрятать» в дом престарелых, вопреки его желанию.

та часть нашего повествования выставляет на широкое обозрение переписку петербурженки Ольги Новиковской с главой администрации сельского поселения Опеченский посад (Боровичского р-на, Новгородской обл.) А.В. Никитиным.

Переписка весьма информативная. Во-первых, она существенно дополняет сказанное ранее (в первой и второй частях «Деревенской истории») о том, какая социальная драма разворачивается вокруг судьбы инвалида Великой отечественной войны Олега Георгиевича Желябужского. Во-вторых, эта переписка, будучи односторонней, являет собой интересное «ноу-хау»: как вести себя гражданину с чиновником, когда тот дезинформирует, не выполняет своих обещаний, как будто нечаянно, а если приглядеться — намеренно препятствует гражданину (или его доверенным лицам) в защите его (гражданина) интересов и прав.

Тут еще дело усугубляется тем, что измывательство это совершается над 86-летним стариком и инвалидом, защищавшим Отечество еще за 20 лет до того, как этот чиновник родился.

Так вот, чиновник не любит оставлять «следов» (а от устных заявлений всегда можно потом отказаться!). Поэтому после словесного, в том числе телефонного общения с чиновником, полезно «по горячим следам» фиксировать этот разговор на бумаге и... посылать ему же «для памяти». Он, конечно, может и от записанного отречься, но по крайней мере будет знать, что рано или поздно придется держать ответ за свои поступки.

Именно так поступает О.А. Новиковская, чем заставляет своего адресата почувствовать себя припертым к стенке, и во всяком случае воздержаться от слишком явного пренебрежения своими функциональными обязанностями и этическими нормами.

Ниже приводятся — в хронологическом порядке — четыре письма, отправленных параллельно — заказными, с уведомлением о вручении, а также по электронной почте.

Последнее (пятое) письмо приводилось в части 1 нашей «Деревенской истории». Его здесь воспроизводить уже не будем.

Первое письмо датировано еще 3 апреля 2013 года — до того, как состоялся инициированный Комитетом социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района суд по «делу» Желябужского и до того, как Ольга Новиковская в спешном порядке приехала в Боровичский район, чтобы организовать переезд Желябужского в соседнюю деревню, в дом социального работника А. Кавицына, в благоприятные жилищные условия, что и состоялось 11 апреля с. г..

О том, сколь неблагоприятна во всей этой истории роль местных чиновников (в частности, главы Опеченский администрации А. Никитина и его заместителя Л. Сиговой) пусть судит читатель.

Интересно, что уже и в администрации Опеченского сельского поселения, и в Комитете социальной защиты населения администрации Боровичского района, Новгородской области, теперь признаются, что с января 2012 года (!) инвалиду Великой отечественной войны ежемесячно недоплачивали свыше 10 тыс. из полагающейся ему пенсии. Теперь будут «постепенно» возмещать. Спрашивается, где были раньше — до того, как жареный петух клюнул?!

Но обратимся к письмам О. Новиковской главе администрации Опеченского сельского поселения:

1-е письмо Никитину

1744 42. Новгородская обл., Боровичский р-н,
с. Опеченский посад, 1 линия, дом 18.

Администрация Опеченского сельского поселения
Главе поселения А.В. Никитину
от О.А. Новиковской, проживающей по адресу:
198259, г. Санкт-Петербург <...>

Уважаемый, Алексей Владимирович!

3 апреля 2013 года в 12 час. 38 мин. я звонила Вам по мобильному телефону, чтобы обсудить ситуацию, сложившуюся вокруг близкого мне человека — инвалида Великой Отечественной войны Желябужского Олега Георгиевича, проживающего на подведомственной Вам территории (Новгородская обл., Боровичский р-н, деревня Торбасино, дом 9).

Каждое лето в июле — августе я, находясь в отпуске, сама проживаю в деревне Стрелка, дом 5 и еженедельно навещаю этого пожилого человека. Олега Георгиевича я знаю с детства и всегда буду благодарна за ту бытовую помощь, которую он по доброте душевной оказывал мне и моей семье (бабушке, маме, мне и моим детям) в те годы, когда он был силен и здоров. Теперь пришло время помочь ему самому. Ведь 86-летний человек потерял зрение и способность передвигаться.

Сегодня от местных жителей, с которыми я периодически созваниваюсь, мне стало известно, что 05.04.2013 в городе Боровичи должно состояться судебное заседание, цель которого, решить вопрос о назначении опекуна пожилому чело-

веку. Как мы с Вами оба знаем, (это также подтверждает и секретарь сельского поселения Лидия Алексеевна Сигова) Олег Георгиевич пребывает в здравом уме и твердой памяти и насколько правомерно назначение опекуна такому человеку мне пока не ясно. (В ближайшее время изучу юридическую сторону этого вопроса). Если и в самом деле законно назначать опекуна слепому лежачему пожилому человеку, без медицинского освидетельствования, то я уверена, что опекуном мог бы стать только тот, кто уже на протяжении ряда лет делом доказал свою искреннюю симпатию и привязанность к больному. Это местный житель Андрей Алексеевич Кавицын, проживающий в деревне Горбино, дом 39 (в 2-х км от дер. Торбасино). От самого Олега Георгиевича и соседей по Горбину мне известно, что А.А. Кавицын ежедневно навещает О.Г. Желябужского у него на дому — помогает по хозяйству, привозит готовую пищу, обеспечивает пожилого человека водой, дровами и прочим. В теплое время года такие визиты бывают, как правило, по утрам (чему я сама была неоднократным свидетелем летом 2011 и 2012 г.), в холодное же время года Андрей Алексеевич навещает своего подшефного дважды в день — утром и вечером.

Насколько мне стало известно, сейчас решается вопрос о переселении О.Г. Желябужского, в связи с неблагоприятным состоянием его жилища. Дело благое, и я всячески буду содействовать этому переезду в начале мая 2013 г., когда на 10 дней приеду в деревню Стрелка. Перевозить инвалида планируется, в подготовленную для него комнату в доме А.А. Кавицына по адресу дер. Горбино, дом 39.

Это разумно, ведь в этом случае Андрею Алексеевичу будет проще ухаживать за пожилым лежачим больным — не нужно будет постоянно чинить и расчищать от снега грунтовую дорогу между деревнями Горбино и Торбасино и ежедневно совершать поездки за несколько километров <...>

Причиной моего сегодняшнего звонка Вам в Опеченский посад по тел. 8-951-729-48-60 явилась крайняя обеспокоенность тем, что 03.04.2013 в 9 час. 48 мин. от А.А. Кавицына, ухаживающего за О.Г. Желябужским, я узнала, о том, что пожилой человек вынужден был в качестве протеста против решения вопроса о назначении ему опекуна в его отсутствие, объявить голодовку. Согласитесь — это последний и единственный способ протеста лежачего слепого 86-летнего человека. Так не будем же устраивать Освенцим инвалиду войны к очередному Дню Победы. Не гуманнее ли спросить человека самого о том кого он хотел бы видеть своим опекуном, а не назначать опекуна «сверху» против воли инвалида!

Я сообщила Вам в телефонном разговоре о том, что готова по вызову Боровичского районного суда (судебной повестке) явиться на судебное заседание. (Я работаю и должна заранее представить своему руководству документ о выезде в суд, расположенный в 350 км от места моего проживания).

Так как Вы находились в момент нашего телефонного разговора на улице и не имели возможность записать мои координаты, то сообщаю их письмом. Мой почтовый адрес: индекс 198259, г. Санкт-Петербург <...>, номер моего сотового телефона <...>.

Во время нашего телефонного разговора Вы посетовали на плохое качество связи, поэтому хочу еще раз напомнить Вам о самом главном, сказанным мною по телефону.

1. Я прошу Вас взять под свой личный контроль благополучие и обеспечение добровольности согласия инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского по вопросу его переселения и назначения ему опекуна (если назначение опекуна законно и необходимо).

2. Прошу Вас содействовать вызову меня в качестве свидетеля на следующее судебное заседание по данному вопросу в Боровичский районный суд. <...>

Ольга Андреевна Новиковская
03.04.2013.

2-е письмо Никитину

Уважаемый, Алексей Владимирович!

В дополнение к своему письму от 3 апреля 2013 года (которое Вы наверное уже получили, но на всякий случай прилагаю и его копию) считаю необходимым сообщить Вам следующее.

Из нашего с Вами телефонного разговора 5 апреля 2013 (я звонила по мобильному телефону 8-951-729-48-60), мне стало известно, что суд по делу, как оказалось, не о назначении опекуна инвалиду Великой отечественной войны О.Г. Желябужскому, а о мерах социальной защиты по отношению к нему, уже состоялся и вынесено решение, копию которого Вы обещали мне прислать по факсу в понедельник, 8 апреля с. г.

Не стану сейчас обсуждать это решение, поскольку сужу о нем только из телефонного разговора и самого документа пока не видела. Но если я все правильно расслышала, то имеет место следующее:

1) Вы лично присутствовали в суде при рассмотрении дела О. Желябужского 5 апреля 2013 года.

2) Иск по этому делу был подан представителем Боровичской соцзащиты **Котовой Светланой Анатольевной**. (Я просила Вас дать мне ее координаты, однако вынуждена была удовлетвориться Вашим обещанием, что она мне сама позвонит по сообщенному Вами ей моему сотовому телефону; пока она не позвонила).

3) У инвалида О.Г. Желябужского на суде 05.04.2013 не было государственного адвоката. Не были приглашены также ни социальный работник А.А. Кавицын (в течение нескольких лет осуществляющий уход за О.Г. Желябужским и готовый взять больного из его непригодного жилища в дер. Торбасино в свой дом в дер. Горбино), ни я — О.А. Новиковская, человек, которому больной доверяет и хочет видеть рядом в самые сложные моменты своей жизни).

4) Решение о перемещении О.Г. Желябужского (даже вопреки его желанию) в дом престарелых (или иное государственное учреждение), вроде бы принятое судом, судя по Вашему сообщению, состоялось без проведения какой-либо судмедэкспертизы в отношении инвалида войны.

5) Оригинал судебного решения по делу О.Г. Желябужского будет Вами получен 8 апреля 2013 года. Вы любезно обещали мне его выслать в Санкт-Петербург: либо по факсу места моей работы <...> в этот же день с 11.30 до 12.30 (если же в иное время, то с предварительным звонком мне по сотовому телефону <...>, либо в виде скана (фото) документа по электронной почте <...> (получение документов на личный электронный адрес для меня, конечно же, предпочтительнее).

6) Самому Олегу Георгиевичу текст судебного решения Вы планируете зачитать 9 апреля, посетив для этого пожилого человека на дому. Я также поняла, что О.Г. Желябужскому (или А.А. Кавицыну) будет также вручена копия данного судебного решения.

К сожалению, я поздно узнала о предстоящем (5 апреля) суде, к тому же была нездорова после амбулаторной операции (2 апреля). Вы в телефонном разговоре, еще 3 апреля, заверили меня, что это заседание будет первым, но не последним, и я воздержалась от немедленной поездки за 350 км (из Петербурга в Боро-

вичский район). Если бы знала, что суд окажется столь «оперативным», приехала бы и с температурой. Теперь же оказывается, что Желябужскому (разумеется, при посредстве доверенных лиц) придется официально оспаривать поспешное и, как видно, ошибочное решение суда.

Тем более, уже почти достигнуто общее согласие о переезде инвалида в дом к социальному работнику А. Кавицыну, в сугубо благоприятные жилищные условия, при гарантии качественного персонального ухода.

Теперь я вынуждена в ближайшее время заниматься курированием не только этого, относительно безболезненного перемещения больного за несколько км из одной деревни в другую, но и трудоемких шагов по отмене уже состоявшегося судебного решения.

Для этого я теперь планирую свой срочный приезд в Боровичи — Опеченский посад — Горбино — Торбасино, о дате которого я извещу Вас отдельно. При этом очень рассчитываю на Ваше содействие в организации перевозки О.Г. Желябужского с помощью санитарного транспорта (иное, увы, для лежачего больного немислимо) из Торбасино в Горбино.

И еще одна убедительная просьба. Пожалуйста, в ближайшее время помогите А.А. Кавицыну оформить доверенность от имени О.Г. Желябужского, обеспечивающую право подачи кассационного заявления в суд и прочие действия в суде. Я, к сожалению, не могу подготовить заранее текст такой доверенности, т.к. у меня нет достаточного количества данных. (А. Кавицын надиктовал мне по телефону лишь данные собственного паспорта. Данных паспорта О.Г. Желябужского он мне сообщить не смог, поскольку, как он мне сказал, паспорт Олега Георгиевича находится последнее время не у владельца, а почему-то в администрации Опеченского сельского поселения).

С уважением,
Ольга Андреевна Новиковская

6.04.2013.

3-е письмо Никитину

Алексей Владимирович!

В дополнение к своим письмам от 3 и 6 апреля 2013 года (которые Вы должны получить раньше этого письма, но на всякий случай прилагаю их копии) сообщаю Вам следующее.

Сначала напомню, что в нашем разговоре по телефону <...> в пятницу 05.04.2013, после того как Вы сообщили мне о результатах прошедшего в этот день судебного заседания по делу О.Г. Желябужского, Вы сказали, что в понедельник 08.04.2013, когда получите решение суда, вышлете его копию мне в Санкт-Петербург. (Обращаю внимание на то, что Вы сами это сказали, предвосхитив мою просьбу о получении данного документа). Тогда же Вы записали номер факса места моей работы <...> и адрес моей персональной электронной почты <...> /

В течение назначенного для получения факса времени (с 11.30 до 12.30 час.), ни позже этого времени, факса из администрации Опеченского сельского поселения мне не поступило. Так же не был задействован и электронный канал связи.

Обеспокоенная, я стала звонить Вам по номеру <...>. На мой звонок в 14.19 час. Вы, к моему удивлению, ответили, что **не собираетесь посылать обещанный документ, так как на нем (по непонятным мне причинам) нет печати.**

Я заверила Вас, что на данном этапе мне важно получить лишь текст судебного решения, чтобы иметь возможность составить с юристом кассационную (*правильно: апелляционную* — А. А.) жалобу.

Затем Вы перевели наш телефонный разговор в далекое от темы моего к Вам вопроса о судебном решении, русло. Вы стали интересоваться, не давала ли я телефон инспектора социальной защиты С.А. Котовой, кому-либо. Я ответила, что, разумеется, не давала. Ведь Вы сами в нашем предыдущем телефонном разговоре 05.04.2013, лишь назвали этого человека, а номер телефона его не дали, несмотря на высказанную мною просьбу. (См. текст письма от 06.04.2013).

На ваш вопрос, как же Котовой мог позвонить журналист, я ответила, что тайной номер телефона Боровичского Комитета социальной защиты не является. Данная информация имеется в свободном доступе в Интернете.

Вы поинтересовались у меня, разговаривала ли я, в соответствии с Вашим советом, с О.Г. Желябужским по сотовому телефону его социального работника А.А. Кавицына. Я сообщила, что предпринимала такую попытку в субботу 6 апреля, но, к сожалению, Олег Георгиевич отвечал в трубку, что не слышит меня. По этой причине наш с Олегом Георгиевичем разговор вынужден был происходить при помощи Кавицына, который непосредственно повторял пожилому человеку, сказанные мною слова. Вы же заподозрили 86-ти летнего инвалида в «хитрости».

(Позднее мне все же удалось переговорить с Олегом Георгиевичем по телефону напрямую. Он чувствовал себя лучше и заверил меня, что всерьез подумает о переезде в Горбино, в дом социального работника Кавицына).

Далее Вы стали упрекать меня в том, «как я с Вами разговариваю». Я объяснила, что говорю взволнованно, так как меня очень беспокоит судьба инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского, которого против его воли по решению суда от 05.04.2013, на котором Вы, кстати, присутствовали; будут в ближайшее время помещать в дом престарелых. Точно помню (да это слышно и на аудиозаписи разговора), что я сказала: «я звоню с Вами не ругаться, я звоню решать деловой вопрос: когда я смогу получить решение суда?» (кстати, тон моего разговора с Вами был безупречно вежливым). Тогда Вы вдруг неожиданно упрекнули меня: «Вы говорите уже 2 минуты, а факс мне так и не дали!» Я тут же продиктовала Вам на этот раз номер еще одного факса <...>, расположенного на рабочем месте моего сына И.А. Новиковского. Этот факс, в отличие от первого, работает даже круглосуточно и в автоматическом режиме. Я слышала, как Вы давали распоряжение Вашему секретарю Лидии Алексеевне Сиговой, и в очередной раз заверили меня, что судебное решение «сейчас будет передано по факсу».

Я также попросила переслать мне факсом и паспортные данные О.Г. Желябужского, необходимые для составления текста доверенности на ведение его дел в суде. Ведь, как выяснилось (и я, кстати, писала Вам об этом в письме от 06.04.2013). в течение последних полутора месяцев паспорт у владельца был зачем-то забран и находился в администрации Опеченского посада. Я слышала подтверждение Л.А. Сиговой (в ответ на Ваш вопрос), что паспорт действительно находится в администрации сельского поселения.

Я просила Вас вернуть паспорт его законному владельцу при Вашем запланированном (см. письмо от 06.04.2013) визите в Торбасино 09.04.2013. Цель Вашего посещения Желябужского — ознакомление Олега Георгиевича с решением суда.

В конце разговора я сообщила Вам, что в среду 10.04.2013 выезжаю из Санкт-Петербурга к О.Г. Желябужскому в Новгородскую область, вновь напомнила о необходимости во вторник 9.04.2013 ознакомить Желябужского с решением суда и вернуть ему его паспорт. Затем я просила Вас 11.04.2013 оказать мне содействие в вызове машины скорой помощи, для того чтобы в присутствии врачей транспортировать лежачего и слепого больного в специально приготовленную для

него комнату в доме его социального работника А.А. Кавицына, расположенном в другой деревне (Горбино, дом 39). Вы пообещали помочь.

После завершения нашего разговора по телефону я вновь стала ждать поступления от Вас факса с решением суда. На этот раз я ждала 1,5 часа, и опять безуспешно. И во второй раз, обещанный Вами документ, так и не пришел.

Около 16 часов я стала звонить в администрацию сельского поселения Опеченский посад по найденному в Интернете телефону 8-816-64-932-50 Л. А. Сиговой, чтобы узнать, почему она не выполнила Ваше распоряжение. Я звонила трижды. Сначала телефон был занят, а затем в 16.08 час. мне ответили, что Лидия Алексеевна «уже ушла».

Анализируя произошедшие за последнее время события, я пришла к выводу, что Вы заведомо тормозите ознакомление меня с текстом решения Боровичского районного суда от 5.04.2013, тем самым препятствуя моим действиям в интересах О.Г. Желябужского. Должна заметить, что пока еще, на момент отправки этого письма, с указанным решением не ознакомлен Вами и сам О.Г. Желябужский.

О.А. Новиковская

09.04.2013

Высылаю это письмо заказной почтой, как и оба предыдущие (от 3 и 6 апреля 2013 года).

Параллельно, для ускорения Вашего ознакомления с его содержанием, отправляю это письмо ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТОЙ на электронный адрес Администрации Опеченского сельского поселения: «o.posad@mail.ru». Прошу подтвердить получение данного электронного письма.

4-е письмо Никитину

Алексей Владимирович!

1. В нашем очередном телефонном разговоре 12 апреля 2013 года я информировала Вас о том, что инвалид Великой отечественной войны О.Г. Желябужский, ныне сменивший место проживания с дома № 9 в дер. Горбасино на дом № 39 в дер. Горбино (дом ухаживающего за ним социального работника А.А. Кавицына) выразил желание расширить круг своих официальных доверенных лиц.

В частности, кроме генеральной доверенности (включая представительство в суде и иных учреждениях) А. Кавицыну, он хотел бы дать доверенность — только для представительства в суде и иных учреждениях — мне, Новиковской О.А, а, как выяснилось уже после нашего с Вами телефонного разговора, также и односельчанину-соседу Д.М. Иванову.

(Последнее обстоятельство связано, среди прочего, с тем, что я проживаю в Санкт-Петербурге и не всегда могу, как сейчас, бросив все, в пожарном порядке, прибыть в Новгородскую область).

Как известно, ныне прерогатива оформления таких доверенностей, в случае невозможности доверителя лично прибыть в нотариальную контору (случай О.Г. Желябужского), ложится на администрацию сельского поселения. Понимая, что выполнение этой нотариально-административной функции требует заблаговременного согласования с работником администрации, я в нашем с Вами вчерашнем разговоре, не настаивала на немедленном ее (функции) исполнении и специально отложила свой отъезд в Санкт-Петербург на вечер понедельника, 15 апреля.

Однако мои попытки донести до Вас в этом разговоре свои паспортные данные (необходимые для подготовки документа) не увенчались успехом. Поэтому я сообщаю их — тоже заблаговременно — сегодня, в субботу, электронной почтой, что может быть, и надежнее, поскольку исключена ошибка в восприятии на слух.

Итак, мои паспортные данные: Новиковская Ольга Андреевна <...>

Заодно, указываю и паспортные данные остальных, хоть они, как местные жители, вероятно, и отражены в вашей базе данных:

Кавицын Андрей А. <...>

Иванов Дмитрий М. <...>

ПРОШУ ВАС ОБЕСПЕЧИТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ НАЗВАННЫМИ ЛИЦАМИ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ДОВЕРЕННОСТЕЙ <...> В ТЕЧЕНИЕ ПОНЕДЕЛЬНИКА, 15 АПРЕЛЯ.

2. Еще, выскажу свои соображения по поводу предложенной Вами в телефонном разговоре процедуры «подписи за Желябужского» в лице кого-либо из работников администрации при оформлении доверенностей. Понятно, что О.Г. Желябужский не может доверить этого человеку, который ему не знаком, а если и знаком, то уже успел себя перед ним скомпрометировать. Кроме того, само это разрешение расписываться за себя должно быть документально зафиксировано, то есть скорее всего требует собственной подписи доверителя. Получается замкнутый круг.

Между тем, О.Г. Желябужский, будучи вполне дееспособным и, несмотря на свою слепоту, умеющим расписываться (разумеется, при содействии лица, которому он вполне доверяет), вовсе не нуждается в рукоприкладчике (в том числе, в лице работника администрации).

Лишь то обстоятельство, что сегодня — выходной день, не позволяет мне получить на этот счет профессиональную юридическую консультацию, но и без такой консультации ясно, что это Ваше предложение укладывается в русло Ваших, уже отмечавшихся мною в предыдущем письме, попыток воспрепятствовать свободному и достойному волеизъявлению О.Г. Желябужского (сокрытие от него затрагивающей его интересы информации, незаконное удержание паспорта и т. п.).

Позволю себе дать Вам совет: прекратить действия, противоречащие Закону и этическим нормам поведения, в отношении О.Г. Желябужского.

3. И последнее. Прилагаю тексты доверенностей О.Г. Желябужского на имя Кавицына А.А. (генеральная, включая представительство в суде и иных учреждениях) и на имя а) Новиковской О.А. и б) Иванова Д.М. (в обоих случаях только на представительство в суде и иных учреждениях), апробированные профессиональным юристом в Санкт-Петербурге.

Прошу не отступать от этих форм при подготовке соответствующих документов в администрации Опеченского посада.

О.А. Новиковская

13.04.2013.

Напомним, что в последнем, 5-м письме А. Никитину (см. часть I настоящей хроники) О. Новиковская объясняет нерадивому (если не корыстному) чиновнику, что он самоуправствует, отказываясь заверять более чем одну доверенность на представительство интересов Желябужского в судебных и прочих инстанциях, О том же, кстати, и ее СМС-ка Пугину, в рамках «Прямой линии» с Президентом РФ, проходившей 25 апреля с. г.:

«Глава сельской администрации Опеченский посад Никитин отказывается заверять генеральную доверенность по просьбе лежащего инвалида ВОВ Желябужского. Нотариусы из райцентра г. Боровичи не выезжают в деревню даже при условии их доставки. Что делать?»

Примечательно, что такая доверенность у социального работника Кавицына была и действовала до марта 2013 года (ее заверял прежний глава местной админи-

страции). И вот, как только срок ее действия истек, стремительно развернулось дело по насильственному помещению дееспособного ветерана в дом престарелых. Случайное совпадение? Или?..

29.04.2013

(4) Переправа, переправа, берег левый, берег правый... (из дневника О. Новиковский)

Драматическая история инвалида 1-й группы Олега Георгиевича Желябужского, проживающего в сельской глубинке Новгородской области, которого Боровичский районный суд «приговорил», с подачи местных чиновников, к помещению в дом престарелых, вопреки его желанию, горькой насмешкой рифмуется с 68-м Днем Победы.

На этот раз предоставим слово одному из доверенных лиц Олега Георгиевича — Ольге Андреевне Новиковской, петербурженке, которая в настоящий момент находится в Боровичском районе и вместе с несколькими односельчанами О.Г. Желябужского и пигерским адвокатом В.Г. Беляковым отстаивает права и интересы слабого физически, но сильного духом 86-летнего инвалида.

Из дневника Ольги Новиковской:

«2-3.05.2013, четверг-пятница

Письмо к Сиговой

3 мая с почты в деревне Перелучи я отправила письмо в администрацию сельского поселения Опеченский посад. На сей раз письмо адресовалось не главе администрации А.В. Никитину, а его заместителю и/или секретарю администрации Л.А. Сиговой.

...Проходя мимо памятника погибшим воинам-перелучанам, я обратила внимание, что в канун 9-го мая памятник побелили. При мне рабочий обводил золотой краской такие знакомые всем слова: «Никто не забыт и ничто не забыто!». Похоже, что А.В. Никитин только краски не жалеет на эти слова, но их смысла давно не понимает. Иначе как же могла случиться такая история с инвалидом Великой отечественной войны О.Г. Желябужским?

Ниже привожу текст, отправленного мною письма на имя секретаря местной администрации Л.А. Сиговой.

«Секретарю администрации сельского поселения
Опеченский посад Л.А. Сиговой
(174442. Новгородская обл., Боровичский р-н, с. Опе-
ченский посад, 1 линия, дом 18.
Администрация Опеченского сельского поселения)
от О.А. Новиковской, проживающей по адресу:
198259, Санкт-Петербург <...>

Лидия Алексеевна!

Утром 28 апреля 2013 года в телефонном разговоре Вы сообщили Д.М. Иванову — доверенному лицу О.Г. Желябужского и помощнику адвоката В.Г. Белякова, что в Опеченский посад звонили из Боровичей и передали, что апелляционная жалоба адвоката Белякова по делу № 2-579/2013 не принята.

Сообщаю Вам, что данная информация не подтвердилась. В.Г. Беляков 29.04.2013 звонил в Боровичский районный суд и получил ответ, что жалоба при-

нята. Кроме того, Д.М. Иванов специально ездил в суд 30.04.2013 и еще раз убедился в этом. <...>

Утром, уже 30 апреля 2013 года, Вам вновь звонил Д.М. Иванов. Он сообщил о ситуации с залигвым водой подвесным мостом в деревне Девкино, и заодно поинтересовался, до какого часа работает в предпраздничный день администрация сельского поселения Опеченский посад. Вы ответили, что до 13 часов. И эта информация оказалась не соответствующей действительности. Прибыв из Санкт-Петербурга в Опеченский посад 30 апреля около 14 часов я, к своему удивлению, застала всех сотрудников местной администрации на месте.

Таким образом, Вы или часто ошибаетесь или намеренно пытаетесь дезинформировать сторону защиты О.Г. Желябужского. Впредь убедительно прошу Вас пользоваться лишь проверенной информацией.

30 апреля 2013года, посетив вместе с Д.М. Ивановым администрацию Опеченского сельского поселения, я получила от Вас и от главы А.В. Никитина, подготовленную для меня 18.04.2013, доверенность на право ведения судебных дел инвалида Великой отечественной войны О.Г. Желябужского.

После выдачи доверенности Вы поинтересовались — сколько еще придет от меня писем на адрес Опеченской сельской администрации (*до сих пор было пять писем; см. части 1 и 3 «Деревенской истории...».* — А. А.). Я ответила, что их будет столько, сколько потребуется, ведь борьба за отмену решения Боровичского районного суда о помещении моего доверителя О.Г. Желябужского, без его согласия, в стационарное учреждение социального обслуживания еще не завершена.

Вы сообщили мне, что я, якобы неправильно, называю в своих письмах «ежемесячную денежную компенсацию, которая должна начисляться через социальную защиту инвалиду Великой отечественной войны Олегу Георгиевичу Желябужскому прибавкой к пенсии». Вы обратили внимание на то, что данные деньги должны были поступать Желябужскому не через пенсионный фонд, а именно по линии социальной защиты. При этом Вы сослались на 142-е постановление Правительства РФ от 22.02.2012 на основании, которого должны были происходить эти денежные отчисления на имя О.Г. Желябужского. Я приняла это к сведению.

По поводу поступления данных денег на сберегательную книжку Олега Георгиевича Вы сообщили мне, что в конце мая на сберкнижку Желябужского придет большая сумма — задолженность за прошедший период, продолжительностью в 1 год и 4 месяца. Последующие же выплаты будут осуществляться ежемесячно — по 14 тысяч.

Я поинтересовалась у Вас, почему инвалид Великой отечественной войны Олег Георгиевич до сих пор не получал причитающиеся ему деньги. **«Он вовремя не написал на это заявление»**, — сказали Вы. (*Заявление местной чиновницы вообще-то беспардонное, особенно на фоне постоянного сокращения от незрячего и обездвиженного человека информации, непосредственно его затрагивающей.* — А. А.) «Но Желябужский не сможет получать деньги со сберкнижки, — сказала я, — ведь он лежачий больной и сам в Сберкасса ходить не может. Для получения денег необходимо оформить генеральную доверенность на имя А.А. Кавицына, который осуществляет уход за больным и в чьем доме ныне проживает Олег Георгиевич».

Глава администрации А.В. Никитин сказал на это, что не может давать генеральные доверенности — их выдает только нотариус. «Но нотариусы из города в район не ездят — эти права и обязанности в отношении лежачих больных ныне переданы главам местных администраций», — возразила я. Алексей Владимирович

сообщил, что может дать А.А. Кавицыну только доверенность на получение денег со сберегательной книжки О.Г. Желябужского.

Вы же информировали, что денег на сберкнижке Желябужского пока нет, они там появятся в конце мая 2013 года. «Значит, к концу мая 2013 года Кавицын должен получить доверенность на получение этих денег», — сделала я вывод. Вы согласились.

Далее Вы перевели разговор на другую тему. Вы стали упрекать меня в том, что в марте 2013 г., когда Вы мне позвонили в Санкт-Петербург, я не приехала к Олегу Георгиевичу. Я отвечала, что в марте была больна, и приехать незамедлительно не могла. А как только поправилась, сразу же приехала. И было это уже в апреле.

«А где Вы были зимой, когда старик мерз в своем доме?», — заявили Вы. Я ответила, что в Санкт-Петербурге — я там живу и работаю. А вот Андрей Кавицын был здесь и ухаживал за больным, навещая его по два раза в день.

Далее, Вы сделали вывод: «Хорошо, что был суд, ведь иначе бы Желябужский не переехал в Горбино». На это я ответила, что переезду Олега Георгиевича (в благоустроенное жилище. — А. А.) местная администрация, заранее предупредившая мною о необходимости предоставить санитарный транспорт, не только не способствовала, а наоборот — мешала. В день переезда инвалида Великой отечественной войны он не был обеспечен машиной скорой помощи. Из близлежащих медицинских учреждений не выдали даже носилки. Нам, добровольным помощникам О.Г. Желябужского, пришлось переносить лежачего больного на санках, везти на непригодной для этого машине, самим доставлять к инвалиду медицинского работника.

В данном разговоре, присутствующий в помещении глава А.В. Никитин участия практически не принимал. Единственное, о чем он спросил меня — «зачем я подняла шумиху вокруг случая с Желябужским? Ведь судья же объяснила, что за месяц можно было бы все спокойно решить — оформить попечителем Андрея Кавицына, избежать помещения инвалида в дом престарелых». Я ответила: «Если бы чиновники планировали оставить в покое старого человека, то работнику Комитета социальной защиты населения С.А. Котовой достаточно было бы просто отозвать свое исковое заявление. Но так как этого до сих пор не сделано, я, Новиковская, и адвокат В.Г. Беляков будем продолжать борьбу за права Желябужского, оспаривая решение Боровичского районного суда в более высоких инстанциях».

По поводу назначения О.Г. Желябужскому попечителя в форме патронажа глава администрации Никитин сообщил, что это потребует времени для оформления А.А. Кавицына. На новое место жительства О.Г. Желябужского — в деревню Горбино, дом № 39 — будет выезжать комиссия. Я согласилась, что данная процедура необходима.

В конце нашей с Вами встречи в администрации Опеченского посада 30 апреля 2013 года мы с Д.М. Ивановым поздравили присутствующих с наступающими майскими праздниками, попрощались и ушли.

О.А. Новиковская

02.05.2013

(Мне уже приходилось отмечать, что О. Новиковской спонтанно удалось найти оптимальный способ заставить чиновников с большей ответственностью подходить к своим словам и поступкам, а именно — письменно фиксировать и доводить до их же сведения, в частности, их собственные устные заявления, а иногда и измышления, от которых в таком

случае уже не так просто отказаться. Не случайно один из собеседников О. Н. предпочитает уже помалкивать... А. А.)

Письмо от Путина

2 мая Олегу Георгиевичу в Горбино (в дом его социального работника) почтальон принес письмо от В.В. Путина. На конверте было написано «Москва. Кремль. О.Г. Желябужскому, д. 9, деревня Торбасино Боровичского р-на, Новгородской обл.»

Текст гласил:

«От души поздравляю Вас с 68-й годовщиной Великой Победы. Ваше поколение, пройдя через суровые испытания, выстояло и победило, защитило свободу и независимость Отчизны, спасло мир от нацизма.

Мы гордимся Вашим подвигом. Ваша вера в правое дело, любовь к Родине всегда будут для нас образцом нравственности и патриотизма, духовной крепости. А День Победы — святым и объединяющим праздником. Желаю Вам здоровья, успехов и всего наилучшего».

Ниже стояла подпись:

Президент Российской Федерации В. Путин

Спасибо, конечно, Владимир Владимирович, за пожелания здоровья и успехов, но не такого письма от Вас ждал инвалид Великой отечественной войны в эти горячие для него дни.

Впрочем, крепости духа у старика Желябужского хватает... Хватило бы еще физических сил вынести испытания, выпавшие в последнее время на его долю в той самой, Отчизне, которую он когда-то защищал, не жалея жизни и здоровья».

Несколько нарушая хронологическую последовательность, приведем еще один фрагмент из дневника О. Новиковской:

«30.04.2013 вторник

Переправа, переправа, берег левый, берег правый

В этом году из-за таяния снега река Мста сильно разлилась. (Такое уже было в 2010 году). Ее уровень настолько поднялся, что все подвесные пешеходные мосты в округе оказались в воде.

Накануне по телефону я договорилась с жительницей дер. Стрелка <...>, что ее муж меня перевезет на лодке через реку Мсту. Вопреки моим ожиданиям, лодка для переправы не понадобилась. Вода на мосту в Горбине стояла не столь высоко — чуть выше колена. Дима Иванов не только перенес «вброд» по мосту все мои вещи, но снабдил и меня сапогами-заколенниками. Обув их, я благополучно перешла по воде, бегущей энергичным потоком через среднюю (самую низкую) часть моста. Чтобы устоять на скользких досках моста, я держалась за перила и не спеша шла по воде.

На Горбинском берегу нас ждали Андрей Кавицын и Владимир Петрович с тачкой. Дима доставил мои вещи на тачке до самой Стрелки.

По дороге к Стрелке я зашла в дом Андрея Кавицына. Там поздоровалась с Олегом Георгиевичем и Светланой. Отдала им распечатанные мною еще в Питере тексты интернетных публикаций «Когита.ру» по делу О.Г. Желябужского — части 1-3, и текст на ту же тему, опубликованный в Новгородской областной интернет-газете».

На этом пока закончим наш импровизированный репортаж. В следующий раз расскажем, как откликнулись на эту историю некоторые читатели «Когита.ру»,

Что они думают о нынешней ситуации ветерана Великой отечественной войны Желябужского, о людях, вставших на его защиту, а также — о местных чиновниках, и не только о них.

6.05.2013.

(5) 68 лет спустя после Победы

Продолжение рассказа о том, какой «подарок» приуготовили к 68-й годовщине великой Победы чиновники из Боровичского района, Новгородской обл., 86-летнему инвалиду войны, и каких усилий стоит теперь его доверенным лицам от этой непрошенной «заботы» его избавить.

Наша «Деревенская история», впервые опубликованная на Когита.ру, не осталась без общественного резонанса. Первыми откликнулись журналисты. (Может быть, еще сыграло роль совпадение во времени: а) с «Прямой линией» В.В. Путина 25 апреля 2013 года, куда Ольга Новиковская адресовала свое обращение на эту тему; б) с очередным празднованием Дня Победы 9 мая).

Об одном из откликов СМИ (Новгородская областная газета «Ваши вести») мы уже писали и цитировали его. (См. часть 2 «Деревенской истории»).

Настоящей историей заинтересовался и местный (боровичский) интернет-портал. В материале, который, как нам стало известно, готовится к опубликованию на этом ресурсе, дается краткий обзор событий до и после решения Боровичского районного суда от 5.04.2013 о помещении О.Г. Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания (дом престарелых) без его согласия, в соответствии с заявлением Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района. Там было совершено немало противозаконных (уж не говоря о бестактных) действий в отношении ветерана и инвалида Великой отечественной войны, параллельно с лицемерными поздравлениями и благодарностями «за героическую защиту нашей Родины» 70 лет назад.

<...> Вот, корреспондент еще и федерального новостного портала запросила: информацию «...о состоянии дел Олега Георгиевича Желябужского на данный момент. Где сейчас находится ветеран, как к этому относится администрация сельского поселения? Закончено ли судебное разбирательство?»

Ответ доверенного лица О.Г. Желябужского — Ольги Новиковской — на этот запрос мы опубликуем чуть ниже. А пока — фрагменты из дневника О.А. Новиковской, почти две недели (с 30 апреля по 13 мая) проведеншей в Боровичском районе и практически ежедневно общавшейся с 86-летним незрячим и обездвиженным ветераном.

Из дневника О.А. Новиковской

«06.05.2013, понедельник

Визит в Боровичский суд представителей Желябужского

Сегодня, в первый рабочий день после праздников, мы с Димой Ивановым <...> поехали в Боровичи. Дима — по своим делам, а я в суд. Адвокат Беляков поручил мне получить документ или сфотографировать запись в судебском журнале о том, что дело № 2-579/ 2013 отправлено в Новгород. (Так было отвечено ему в суде, когда он 29 апреля звонил туда из Петербурга, а также сообщено Диме, когда тот 30 апреля посещал Боровичский суд).

(Ожидаемая отправка дела Желябужского в Новгородский областной суд обусловлена подачей адвокатом Беляковым апелляционной жалобы от 23.04.2013 на решение Боровичского районного суда от 5.04.2013. — А. А.)

<...> Я зашла в кабинет № 151 и попросила секретаря по гражданским делам Н.И. Соколову выдать мне справку о том, что «дело Желябужского ушло в Новгород». Секретарь Надежда Ивановна удивилась и сказала, что дело здесь, в суде, — оно никуда не уходило. В свою очередь, удивилась я и выразила желани ознакомиться с делом, предъявив при этом свою доверенность от имени Олега Георгиевича.

«Что это вокруг этого дела столько представителей?», — сказала секретарь. Я ответила, что в Новгородской нотариальной палате нам пояснили, что сколько доверитель желает иметь представителей — столько он и дает доверенности.

«Но адвокат уже ознакомился с делом», — продолжала то ли препятствовать моим попыткам ознакомиться с делом, то ли удивляться секретарь. «Я тоже по закону имею право ознакомиться. Могу я осуществить свое право?», — спросила я. «Пишите заявление и несите его в 107-й кабинет», — отвечала секретарь.

Это я и сделала. В своем заявлении я написала: «Прошу разрешить мне ознакомиться с делом № 2-579/ 2013 путем фотографирования». В кабинете 107 (судя по всему, приемной суда) сняли копию с моей доверенности, взяли мое заявление и через некоторое время, которое мне сказали подождать в коридоре, отдали мне заявление уже с визой судьи Кондратьевой. После этого велели вновь идти в 151-й кабинет (видимо, кабинет № 151 — канцелярия суда).

(В процессе хождений между кабинетами, я спросила у Димы Иванова, ожидавшего меня, кто из секретарей кабинета № 151 30 апреля говорил ему: мол, «дело Желябужского ушло в Новгород, а информация из Новгорода будет 13 мая». Дима ответил, что этого человека теперь в кабинете нет. Ему отвечала девушка, сидевшая в предпрядничный день в том же помещении, что и остальные секретарь).

Когда секретарь (Соколова Н.И.) выдавала мне дело, она еще раз выразила удивление по поводу «такого интереса к делу Желябужского». Я ответила, что дело это действительно становится популярным. «Читайте об этом в интернете», — добавила я. «Мне некогда читать», — сказала в ответ Надежда Ивановна. Я же добавила: «Кстати, и Ваша местная пресса уже откликнулась: Новгородская областная интернет-газета пишет об этом деле».

«А зачем все это надо?», — сказала секретарь, — «пусть старик живет у своего опекуна». «Этот человек не опекун, ему еще предстоит оформить попечительство в форме патронажа», — сказала я. — На оформление уйдет время, а решение суда может до тех пор вступить в силу. В результате старого человека повезут в дом престарелых против его воли, хотя за ним есть, кому ухаживать», — продолжила я. «А этот человек — родственник старику?» — поинтересовалась секретарь. «Нет», — ответила я. «А Вы не родственник?» «Нет», — сказала я, — но Желябужский вызвал меня на помощь. Я его знаю с детства и не могу не помочь инвалиду Великой отечественной войны. Ведь он замечательный человек — всю жизнь сам всем помогал, теперь пришло время помочь ему».

Далее я стала фотографировать листы дела, и секретарь перестала отвлекать меня своими вопросами.

Знакомство с делом

Всего в деле после 5 апреля 2013 года появилось 10 документов. А именно: <...>

Эти документы лежали в деле не прошитые, с не пронумерованными листами и не были учтены в описи, что вызвало у меня если не тревогу, то недоумение. Но я решила не заострять на этом внимание, не сомневаясь, что получу ответ: мол, не успели их подшить.

Все эти документы я сфотографировала (равно как, заодно, и предыдущие — подшитые, которые, впрочем, у нас были сфотографированы раньше — еще Димой Ивановым и адвокатом В.Г. Беляковым)

Далее привожу текст вновь появившегося в деле документа, который мне показался особенно важным:

«Бланк суда г. Боровичи (герб, адрес)

26.04.2013

г. Боровичи, ул. Гоголя, 99, Боровичская межрайонная прокуратура, Ю.К. Винник

г. Боровичи, ул. 9 января, 27, Комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального р-на

Боровичский р-н, с. Опеченский посад, 1 линия, 18, Администрация Опеченского сельского поселения.

Направляем в Ваш адрес копию апелляционной жалобы, поданной на решение районного суда от 05.04.2013.

Просим в срок до 17 мая 2013 г. предоставить в суд возражения.

Судья Кондратьева В.Л.

(Исп.) Соколова Надежда Ивановна (81664)56-027»

Из пояснения секретаря по гражданским делам Соколовой следовало, что в Боровичском суде ждут возражений на апелляционную жалобу из трех вышеперечисленных инстанций и лишь после этого (то есть после 17 мая 2013 года) дело может быть отправлено в Новгородский областной суд.

На мой вопрос — сообщат ли об отправке дела в Новгород адвокату, секретарь ответила утвердительно. <...>

Электронная почта

После визита в суд я отправила электронной почтой в Санкт-Петербург информацию по итогам моего ознакомления с делом Желябужского, свои «Записи для памяти» и фотокопию поздравительного письма Путина, которое инвалид войны получил 2 мая из Кремля.

От А.Н. Алексеева (*автор настоящего повествования — А. А.*) по электронной почте я в этот день получила собрание откликов его друзей о «Деревенской истории». Кроме того Андрей Николаевич сообщил мне о том, что он готовит к Празднику 9 мая — свою 4-ю публикацию по делу О.Г. Желябужского на Когита.ру. В публикацию войдут текст моего письма к Сиговой от 02.05.2013 и фрагмент дневника, где рассказывается о поздравительном письме Путина ветерану Желябужскому. И в качестве иллюстрации к тексту будет дано фото кремлевского письма в новгородскую глубинку. <...>

07.05.2013, вторник

Дополнение к письму к Сиговой, или За свои слова в ответе

Так как мне 6 мая стало известно, что дело Желябужского в Новгородский областной суд еще не ушло (жаль только — не удалось установить фамилии человека, давшего эту ложную информацию Д. Иванову 30 апреля), то я решила исправить свою ошибку в письме к Сиговой от 02.05.2014 (см. часть 4 «Деревенской истории». — А. А.). Ведь в отличие от чиновников, я всегда несу ответственность за свои слова и дела!

Вот какое дополнение к письму к Сиговой я послала 7 мая:

«Лидия Алексеевна!

В своем письме от 02.05.2013 я информировала Вас о том, что апелляционная жалоба по делу № 2 — 579/2013, поданная адвокатом В.Г. Беляковым 23.04.2013 уже отправлена из Боровичского районного суда в Новгородской областной суд.

Как мне стало известно сегодня, при посещении Боровичского районного суда, упомянутая жалоба судом принята, но в Новгородский областной суд пока не отправлена, а ее копии направлены заинтересованным лицам, включая администрацию сельского поселения Опеченский посад, — для выражения каждым из них своей точки зрения по существу жалобы.

Доверенное лицо О.Г. Желябужского — Новиковская О. А.
06.05.2013»

08.05.2013, среда

Отпраздновали заранее

<...> Утром я попросила Диму узнать у знакомых в Опеченском посаде, в какое время там 9-го мая состоится торжественное мероприятие по празднованию Дня Победы. Мне подумалось, что неплохо бы сфотографировать, как глава сельской администрации А.В. Никитин и его помощник Л.А. Сигова возлагают цветы к могиле неизвестного солдата.

Через несколько часов Дима позвонил мне с информацией, что торжественный митинг, оказывается, уже прошел — и в Опеченском посаде, и в Перелучах. Был он сегодня утром — то есть 8 мая.

«Трогательная» забота о ветеране

Сегодня же днем после того самого митинга, А.В. Никитин приезжал в Горбино к Олегу Георгиевичу — поздравить ветерана с Днем Победы. Лукавый глава администрации привез старику букет красных гвоздик, открытку с пожеланием «крепкого здоровья» и коробку конфет. <...>

09.05.2013, четверг

День Победы, или Такое разное отношение к празднику

Каждый год я прихожу к Олегу Георгиевичу в День Победы. Я не помню случая, чтобы пропустила этот день, не приехав в деревню, и не поздравив СВОЕГО ветерана.

О.Г. Желябужский знает, что я обязательно приду к нему в этот майский день и ждет.

Я с подлинным уважением отношусь к Дню Победы, а вот сам Олег Георгиевич этот день скорее не любит. Я как-то расспрашивала его о причинах такого отношения к 9 мая, Олег Георгиевич сказал, что ему тяжело вспоминать ужасы войны: разорванные снарядами тела, погибающих в муках товарищей... <...>

Вот и сегодня я приходила к Олегу Георгиевичу. Разница была лишь в том, что ходила я не в Торбасино (за 5 км от своего дома), а в Горбино (за 1,5 км). *(Напомним, что 11 апреля состоялся переезд О.Г. Желябужского из дер. Торбасино в дер. Горбино, из собственного дома — в дом социального работника А.А. Кавицына. — А. А.)*

Ветеран был рад моему приходу. Я принесла ему букетик первоцветов. Вручила угощение и села возле постели больного.

Я рассказала Олегу Георгиевичу о недавней поездке в Боровичский суд, говорила о своей работе... Олег Георгиевич интересовался у меня — какие изменения внесены в правила дорожного движения; расспрашивал об устройстве моей машины; рассказывал о своей матери, об эпизодах из детства.

Отклики на публикации в Когита.ру как подарок

Я читала Олегу Георгиевичу отклики на «Деревенскую историю», которую я и Андрей Николаевич разослали своим друзьям. Эта тема нашего общения Олегу Георгиевичу особенно понравилась. Я читала эти отклики минут 40. Когда же они закончились, О.Г. спросил, есть ли еще отклики. Я сказала, что это только то, что мне успели переслать. Наверняка есть и еще, но после 6 мая у меня не было возможности получить новую электронную почту. <...>

В конце моего 5-часового пребывания в доме, где теперь живет Олег Георгиевич, Андрей попросил меня купить для своего подшефного противоположенный матрас. (Я спрашивала об этом Андрея еще в свой апрельский приезд в деревню). Я пообещала купить матрас и в июле привезти необходимый теперь для старика предмет в Горбино. (Олег Георгиевич, живя в семье, стал лучше и больше питаться, есть те продукты, от которых прежде отказывался (конфеты, сливочный маргарин (от сливочного масла отказывается), салаты ...). В связи с этим появилась опасность пролежней, при условии, что «крутить» себя старый человек в постели не позволяет). <...>

Пообещав сделать серьезную покупку, я оговорила, что придется оплатить ее из пенсии Олега Георгиевича, так как подарить матрас я сейчас ему, к сожалению, не смогу: потратилась, в связи с нынешними чрезвычайными обстоятельствами».

13 мая Ольга Новиковская возвращалась в Петербург. Она считает себя неопытным шофером, но уже научилась преодолевать дорогу 400 км из новгородской глубинки до Петербурга за 6 часов, почти как ее сын Иван.

На работу в детском саду, где Ольга трудится учителем-логопедом, ей надо было выходить в 15 час. 13 мая (понедельник). Выехала утром и успела. Да еще, по дороге, сумела посетить Боровичский районный суд, где ее ожидали некоторые «сюрпризы».

Обо всем этом она написала в своем ответе на запрос корреспондента федерального портала, который (запрос) упоминался в начале этого материала. Здесь уместно привести это ее письмо (в сокращении):

«Здравствуйте, О. Ч.!

Я вернулась от Олега Георгиевича Желябужского из Новгородской области в Санкт-Петербург 13 мая вечером и теперь со мной можно связаться по телефону <...>

Отвечаю на Ваши вопросы.

Ответа из Москвы на мое обращение к В.В. Путину от 23.04.2013 пока еще не приходило.

Инвалид Великой Отечественной войны Олег Георгиевич Желябужский сейчас живет в доме Андрея Алексеевича Кавицына в деревне Горбино в Боровичском районе. Олег Георгиевич доволен тем, как к нему относятся и как за ним ухаживают Андрей и его гражданская жена Светлана. О.Г. Желябужский и впредь хочет оставаться в этом доме, в этой семье.

Решение Боровичского суда от 05.04.2013 о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания (дом престарелых) без его согласия — Олега Георгиевича категорически не устраивает. 10.04.2013 с моей помощью Олег Георгиевич Желябужский писал об этом предварительную апелляционную жалобу в Боровичский районный суд. (На тот момент, вопреки закону, Олегу Георгиевичу главой Опеченской сельской администрации А.В. Никитиным не было вручено решение суда от 05.04.2013. По этой причине апелляционная жалоба могла быть только предварительная).

Через некоторое время я нашла в Санкт-Петербурге адвоката, который взялся за это дело. 14.04.2013 года Олег Георгиевич заключил договор с адвокатом — Владимиром Геннадьевичем Беляковым. Уже 18 апреля 2013 г. адвокат Беляков ездил в Боровичский суд и ознакомился с делом № 2-579/ 2013 «по исковому заявлению Комитета соц. защиты населения Администрации муниципального района о помещении в стационарное учреждение соц. обслуживания Желябужского Олега Георгиевича без его согласия». Лишь тогда сторона защиты впервые увидела то самое решение суда от 05.04.2013, без которого было невозможно составление мотивированной апелляционной жалобы на данное судебное решение. 24 апреля 2013г. адвокат Беляков вновь ездил в Боровичский суд и официально подал свою апелляционную жалобу. Она была принята.

В результате 29.04.2013 из Боровичского суда во все заинтересованные организации (Комитет социальной защиты населения администрации Боровичского р-на, Боровичская межрайонная прокуратура и Администрация Опеченского сельского поселения) факсом были отосланы копии апелляционной жалобы адвоката, а также сопроводительные письма от 26.04.2013 со следующими текстами:

«Направляем в Ваш адрес копию апелляционной жалобы, поданной на решение районного суда от 05.04.2013. Просим в срок до 17 мая 2013 г. предоставить в суд возражения.

Судья районного суда Кондратьева В.Л.»

Приехав 30 мая 2013 в Боровичский район, я наконец-то сумела получить в администрации сельского поселения Опеченский посад доверенность на право ведения судебных дел, которую мне дал Олег Георгиевич. (Я неоднократно просила главу Опеченской администрации А.В. Никитина оформить мне данную доверенности еще в свой предыдущий приезд, в период с 10 по 15 апреля, когда вместе со своими добровольными помощниками вопреки препятствиям, чинимым нам все тем же Никитиным, осуществляла переселение инвалида из дер. Торбасино в дер. Горбино (в благоприятные жилищные условия), но тогда глава Никитин уклонился от оформлении данного документа).

Получив доверенность на право ведения судебных дел О.Г. Желябужского, я 6 мая сама побывала в Боровичском суде и лично ознакомилась с делом. В деле № 2-579/2013 были и предварительная апелляционная жалоба О.Г. Желябужского от 10.04.2013, и мотивированная апелляционная жалоба адвоката В.Г. Белякова от 23.04.2013, и последующие документы (текст одного из них я привела выше).

Однако меня насторожил тот факт, что апелляционные жалобы и документы, появившиеся в деле после решения суда от 05.04.2013, не были в это дело подшиты, пронумерованы и внесены в его опись.

В день отъезда в Санкт-Петербург — 13 мая — с утра я еще раз посетила Боровичский суд и еще раз ознакомилась с делом Желябужского. Мои опасения подтвердились! В деле № 2-579/2013 уже не было ни апелляционных жалоб, ни других документов, датированных после 5 апреля с. г. (дата решения суда). Тех, которые я фотографировала раньше.

Я подала в приемную суда ходатайство, сообщающее о замеченных мною нарушениях — исчезновении из дела столь важных документов, и с просьбой подшить, пронумеровать листы и внести в опись все эти документы. (В своем ходатайстве от 13.05.2013 я привела перечень документов). У меня имеется копия, поданного ходатайства со всеми соответствующими отметками о приеме в Боровичском суде данного ходатайства (штемпель суда, дата приема и входящий номер).

В тот же день (13 мая), пару часов спустя после того, как я появилась в суде, к О.Г. Желябужскому по новому месту жительства (у Андрея Кавицына) в деревню Горбино, дом 39, приехала комиссия из Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского р-на в составе С.А. Котовой (та, которая представляла Комитет в суде 05.04.2013 и выступала за помещение инвалида ВОВ Желябужского в дом престарелых, против его желания) и еще какой-то дамы. (Об этом мне сообщили по телефону местные жители).

Члены комиссии обследовали новые условия жизни инвалида в сельском доме Кавицына. Как поняли А.А. Кавицын, С.Г. Леонова и Д.М. Иванов, присутствовавшие в момент этого обследования, г-жа Котова посчитала сельский дом Кавицына неблагоустроенным на том основании, что... в нем печное отопление и отсутствует водопровод. (Согласитесь — нелепость. Ведь все сельские дома таковы! А сельский человек — Олег Георгиевич — и хочет жить именно в таком деревенском доме!).

(Интересный факт, позволяющий судить о намерениях чиновников. Такая тенденциозность в характеристике заурядного деревенского дома подталкивает к мысли о том, что хотят-таки инвалида, фактически принятого в семью, «упечь» в дом престарелых, через силу. Мы пока не станем высказывать предположений, зачем им это понадобилось. — А. А.)

Но что на мой взгляд совсем бессовестно — это тот факт, что С.А. Котова в присутствии О.Г. Желябужского сказала, что «Новиковская все возвращается, а никакой апелляции до сих пор так и не подано». Мало того, что это явная дезинформация, как самого инвалида, так и А. Кавицына, ухаживающего за Олегом Георгиевичем, это еще и форма психологического давления на пожилого и больного человека. Или, может быть, в суде «потеряли» пресловутые апелляционные жалобы?! Но ведь был же факс и письмо из суда, в частности, в Комитет социальной защиты, текст которого я здесь уже приводила! Как это все понимать?!!

(Дезинформирующее заявление было сделано боровичской чиновницей при свидетелях. Между тем, не зная о том, что в подразделение Администрации Боровичского района, сотрудником которого (подразделения) она является, поступила копия апелляционной жалобы и запрос из суда на представление возражений на эту жалобу, г-жа Котова, лично занимающаяся этим делом, не могла. Остается единственное предположение — что с ее стороны это была намеренная ложь. — А. А.)

И еще Вам, наверное, будет интересна информация по поводу недоплаченных в течение 1 года 4 месяцев денег (по 14 тысяч в месяц) инвалиду Великой Отечественной войны О.Г. Желябужскому. Подробные разъяснения на эту тему я получила от секретаря сельской администрации Опеченского посада Л.А. Сиговой 30.04.2013 при личной встрече. Чтобы не пересказывать этот разговор, приведу здесь фрагмент своего же письма к Л.А. Сиговой от 02.05.2013. (Кстати, он уже опубликован на Когита.ру). <...> (См часть 4 «Деревенской истории». — А. А.)

О. Ч., я и в дальнейшем буду держать Вас в курсе нашей борьбы за права и благополучие Олега Георгиевича Желябужского.

С уважением, Новиковская О.А.

14.05.2013»

На этом, пожалуй, завершим сегодня наш отчет о развитии «деревенской истории». Тексты откликов, которые поступили на предыдущие «ленты» этого се-

риала (те, что Ольга Новиковская читала старику Желябужскому), сюда уже не помещаются. Отложим ознакомление читателя с ними — до следующего раза.

15.05.2013.

(Тексту упомянутых откликов на «Деревенскую историю см. ниже: раздел ... настоящей хроники. — А. А. Октябрь 2014).

(6) «...Злоключения ветерана Желябужского Олега Георгиевича»

Драматическая история ветерана и инвалида войны, 86-летнего жителя новгородской глубинки, которого местные чиновники пытаются, против его воли, «упрятать» в дом престарелых, впервые рассказанная на Когита.ру, стала, предметом освещения на двух региональных и одном федеральном портале.

21 мая 2013 года федеральный портал «Новые хроники» опубликовал корреспонденцию Оксаны Чистовой под названием «Знать не можем доли своей, или Злоключения ветерана Желябужского Олега Георгиевича».

С согласия автора, воспроизводим здесь этот материал, с некоторыми сокращениями и в новой авторской редакции:

Оксана Чистова

ЗНАТЬ НЕ МОЖЕМ ДОЛИ СВОЕЙ... или ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ВЕТЕРАНА ЖЕЛЯБУЖСКОГО ОЛЕГА ГЕОРГИЕВИЧА *)

**) Авторская редакция 22.05.2013.*

Кто кого «обидел». В последнее время все более актуальной становится тема обижаемых государством ветеранов. Конечно, мы все привыкли жить по принципу «Государство знает лучше, что тебе, гражданин, нужно!», но в последнее время очень часто становятся достоянием гласности случаи откровенного произвола со стороны местных властей. Чиновники порой «перегибают палку» со своим «навязчивым патернализмом» и социальная помощь далеко не всегда достойна, а чаще всего приобретает характер «медвежьей услуги». Очень ярким примером этому служит история случившаяся с 86-летним ветераном Великой Отечественной войны, инвалидом первой группы Желябужским Олегом Георгиевичем из деревни Торбасино, Опеченского сельского поселения, Боровичского района, Новгородской области. А дело собственно вот в чем: во время «Прямой линии» с Владимиром Владимировичем Путиным, которая проходила в апреле 2013 года, к президенту с просьбой о помощи обратилась Новиковская Ольга Андреевна. Обращение осуществлялось посредством смс — сообщения и в письменном виде. В своем письме Ольга Андреевна просила помочь слепому новгородскому ветерану, в глубинке, которого хотят *против его воли* поместить в «дом престарелых».

Друзья — товарищи — защитники. Ольга Новиковская — человек, который знаком с ветераном уже порядка 40 лет и пользуется у него абсолютным доверием, но живёт она не рядом, а в Санкт-Петербурге. Ольга Андреевна — учитель-логопед одного из питерских детсадов, имеет дом в соседней деревне, куда каждый год приезжает на пару месяцев летом, бывает и в праздничные дни, вроде майских. Часами при этом сидит у постели больного, разговаривает с ним, помогает, чем может, а главное — оказывает инвалиду моральную поддержку. Ну и, конечно же, каждый день приходит или приезжает на мотоцикле социальный работник — Кавицын Андрей Алексеевич, живущий в соседней деревне. За свою работу Кавицын

официально получает 1200 руб. в месяцы сам ветеран охотно «добавляет» из своей не маленькой пенсии. Так продолжалось много лет, пока судьбой Желябужского не «озаботились» наши государственные структуры.

Письмо президенту. Ольга Андреевна озаглавила свое письмо президенту — «Спасите инвалида Великой Отечественной войны!». Новиковская просит о том, чтобы чиновники наконец-то стали прислушиваться голосу и запросам ветерана, а не решали за него. Олег Георгиевич не хочет переезжать к «благам цивилизации» — его устраивает ветхий частный дом в глубинке. А главное ветерану нужно хорошее, доброе, просто человеческое отношение к нему. Разве в подобном месте могут дать все это одинокому пожилому человеку?

В ожидании вестей. «Ответа» из Москвы на обращение Ольги Андреевны к Владимиру Владимировичу пришлось ждать не долго. 2 мая ветерану принесли письмо из «белокаменной», со следующим текстом: <...>

(См. выше: часть 5 «Деревенской истории». — А. А. Октябрь 2014).

«Я протестую!». А тем временем решение Боровичского суда, принятое 5 апреля сего года, о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания (дом престарелых) вопрекиего желанию — Олега Георгиевича категорическине устраивает. Узнав о таком решении, Олег Георгиевич, с помощью Ольги Новиковской сразу же обжаловал его предварительной апелляционной жалобой. (На тот момент, вопреки закону, Олегу Георгиевичу главой Опеченской сельской администрации Алексеем Владимировичем Никитиным не было вручено решение суда. По этой причине апелляционная жалоба могла быть только предварительная). Через некоторое время Ольга Новиковская нашла в Санкт-Петербурге адвоката, который взялся за это дело. Адвокат, Владимир Геннадьевич Беляков, уже ездил в Боровичский суд и ознакомился с делом «по заявлению Комитета социальной защиты населения Боровичского муниципального района о помещении в стационарное учреждение соц. обслуживания Желябужского Олега Георгиевича без его согласия». Лишь тогда сторона защиты впервые увидела то самое решение суда, без которого было невозможно составление мотивированной апелляционной жалобы на данное судебное решение. Несколько дней спустя адвокат Беляков вновь ездил в Боровичский суд и официально подал свою апелляционную жалобу. После чего из Боровичского суда в Комитет социальной защиты населения администрации Боровичского района, в Боровичскую межрайонную прокуратуру и в Администрацию Опеченского сельского поселения факсом были отосланы копии апелляционной жалобы адвоката, а также сопроводительные следующего содержания: «Направляем в Ваш адрес копию апелляционной жалобы, поданной на решение районного суда от 05.04.2013. Просим в срок до 17 мая 2013 г. предоставить в суд возражения. Судья районного суда Кондратьева В.Л.»

Поход в суд. Приехав на майские праздники в Боровичский район, Ольга Новиковская наконец-то сумела получить в администрации сельского поселения Опеченский посад заверенную доверенность на право ведения судебных дел, которую ей дал Олег Георгиевич. Еще в свой предыдущий приезд, в начале апреля она, вместе с добровольными помощниками, вопреки препятствиям, чинимым Никитиным, осуществила переселение инвалида из деревни Торбасино в деревню Горбино, в дом социального работника А. Кавицына. В более благоприятные жилищные условия. На тот момент глава администрации Никитин уклонился от оформления данного документа. Теперь Ольга Новиковская сама побывала в Боровичском суде и ознакомилась с делом. В этом

деле были и предварительная апелляционная жалоба Олега Георгиевича, и мотивированная апелляционная жалоба адвоката Белякова В.Г., и последующие документы (текст одного из них приведён выше). Однако, к удивлению Ольги Андреевны, ни апелляционные жалобы, ни документы, появившиеся в деле после решения суда, не подшиты, не пронумерованы и не внесены в опись дела. В связи с этим нетерпимым фактом Новиковская подала в приемную суда ходатайство, сообщающее о замеченных ею нарушениях, и привела в нем перечень документов, так как ранее предусмотрительно их все сфотографировала

И только стало все налаживаться... Инвалид Великой Отечественной войны Олег Георгиевич Желябужский на данный момент уже больше месяца как перевезен в дом социального работника Андрея Алексеевича Кавицына в деревне Горбино (в том же Боровичском районе), где Андрей Кавицын проживает со своей гражданской женой Светланой Леоновой. Олег Георгиевич доволен тем, как к нему относятся и как за ним ухаживают в этом доме. Ветеран изъявляет желание и впредь оставаться в доме этой семьи. Как раз в день, когда Ольга Андреевна уехала в Санкт-Петербург, к ветерану по новому месту жительства (у социального работника Андрея Кавицына) в деревню Горбино, дом 39, приехала комиссия из Комитета социальной защиты населения Боровичского района в составе Светланы Анатольевны Котовой и еще одной дамы. В апреле этого года именно Светлана Анатольевна выступала в суде за помещение инвалида Великой Отечественной войны Желябужского в дом престарелых без его согласия. Об их визите Ольге Новиковской сообщили по телефону местные жители.

Снова «доброжелатели». Члены этой комиссии обследовали новые условия жизни инвалида в сельском доме Кавицына. Как поняли Андрей Кавицын, Светлана Леонова и Дмитрий Иванов, присутствовавшие в момент этого обследования, Котова посчитала сельский дом Андрея Алексеевича не подходящим для проживания в нем ветерана на том основании, что в нем печное отопление и отсутствует водопровод, т.е. дом является не благоустроенным. А ведь все сельские дома таковы! И сельский человек — Олег Георгиевич — уже привык к этому и не желает менять этот образ жизни!

Саботаж. Но более всего Ольгу Андреевну возмутил тот факт, что Светлана Анатольевна Котова в присутствии ветерана сказала, что «Новиковская все возмущается, а никакой апелляции до сих пор так и не подано». Мало того, что это явная дезинформация как самого инвалида, так и социального работника, ухаживающего за Олегом Георгиевичем, так это еще и способ психологического давления на глубоко пожилого и больного человека. Или, может быть, в суде «потеряли» пресловутые апелляционные жалобы?! Но ведь был же факс и письмо из суда в Комитет социальной защиты населения, текст которого приводился выше! Как это все понимать?! В свете последних событий начинает складываться впечатление, что кому-то очень нужно отправить ветерана в дом престарелых... А если очень нужно — значит есть этому и причина. Очень хочется верить, что не корыстная!! Но в наше время очень наивно искать во всем происходящем другие мотивы.

Не досчитались. Также в течение 1 года 4 месяцев инвалиду Великой Отечественной войны Желябужскому не доплачивались деньги в размере 14 тысяч рублей в месяц. Подробные разъяснения на эту тему были получены Ольгой Новиковской от секретаря администрации Опеченского посада Лидии Алексеевны Сиговой при личной встрече. По словам Лидии Алексеевны, Олег Георгиевич должен получать эти деньги со сберегательной книжки, но вот незадача — он лежачий

больной и не может самостоятельно этого сделать! Глава администрации Никитин в ответ на просьбу оформить генеральную доверенность Кавищину, у которого в данный момент и проживает Желябужский, чтобы тот мог получать денежные выплаты со сберкнижки пенсионера, сказал, мол, не может заверять генеральные доверенности — их заверяет только нотариус. «Но нотариусы из города в район не ездят — эти права и обязанность в отношении лежачих больных ныне переданы главам местных администраций», — возразила Ольга Новиковская. Алексей Владимирович тогда сообщил, что готов заверить Кавищину доверенность только на получение денег со сберегательной книжки Олега Георгиевича.

Мы выстоим, мы сможем!

На данный момент дело ветерана Желябужского еще далеко от завершения. Остается только надеяться, что Олег Георгиевич, при поддержке своих защитников выстоит против самоуправства местных чиновников и будет получать пенсию, положенную ему государством, в полном размере, и его постоянным местом жительства будет не пресловутый дом престарелых, а дом, в котором ветерану комфортно и в котором о нем заботятся. На самом-то деле случай с Олегом Георгиевичем далеко не единственный. Не ценит нынешнее поколение подвига наших предков и вспоминает о них только в канун годовщины Дня Победы. Эти ветераны жизнью своей рисковали ради нашей свободы, а мы им даже спасибо *не можем*...нет! *не хотим* сказать. Слишком стали алчными и циничными.

Также 21 мая, на местном портале «Боровичи.Онлайн» был опубликован материал «**Деревенская драма**». <...>

(Здесь этот текст опускаем. — А. А. Октябрь 2014).

Как мы уже сообщали, еще месяц назад (25 апреля с.г.) появился материал на эту тему в Новгородской интернет-газете.: «Владимира Путина просят за слепого новгородского ветерана, которого должны против воли поместить в дом престарелых» <...>

(Извлечения из этого материала мы приводили выше: часть 2 «Деревенской истории». — А. А. Октябрь 2014)

(7) Апелляционная жалоба адвоката В. Белякова и «Возражения» на нее комитета социальной защиты населения

Продолжение истории о том, как инвалида войны, 86-летнего жителя новгородской глубинки пытаются «по суду» поместить в стационарное учреждение социального обслуживания (дом престарелых), без его согласия, о тех, кто этому всячески способствует, и о тех, кто этому противодействует.

Пришла пора ознакомить читателя с документом под названием «Апелляционная жалоба». Жанр, стиль и даже лексика этого документа специфичны и порой трудны для восприятия «простых людей». Но именно на таком русском бюрократическом языке положено писать такие документы, и тут уж ничего не поделаешь.

«В Судебную коллегия по гражданским делам Новгородского областного суда От адвоката Белякова Владимира Геннадьевича, действующего в интересах Желябужского Олега Георгиевича, 1926 года рождения, зарегистрированного в Новгородской области, Боровичском районе, в деревне Торбасино, дом № 9, На решение Боровичского районного суда от 05.04.2013 г. по делу № 2 — 579 / 2013 (судья В.Л. Кондратьева)

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА

5 апреля 2013 г. судьей В.Л. Кондратьевой в Боровичском районном суде Новгородской области принято решение об удовлетворении заявления Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района о помещении инвалида Великой отечественной войны Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия.

Данное решение суда принято и доведено до сведения Желябужского с грубыми нарушениями его прав, считаю его незаконным, необоснованным, не мотивированным и не справедливым, в связи со следующим.

1. В соответствии со ст. 12 ГПК РФ суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Эти требования закона в процессе подготовки и рассмотрения дела в суде соблюдены не были, а именно:

1.1. Суд определил 28.03.2013 (л.д. ...) — направить заинтересованному лицу копию заявления и предложить представить суду письменные возражения, если они имеются. Однако никакой копии заявления Желябужский не получал, поэтому и не было направлено в суд никаких письменных возражений, хотя, как указано в материалах дела Желябужский категорически отказывался от госпитализации (л.д. ...), просил его не трогать (л.д. ...).

1.2. Суду известно, что Желябужский обездвижен, не видит (л.д. ...). Однако суд не оказал никакого содействия в реализации его права, в соответствии со ст. 48 ГПК РФ, на ведение дела в суде через представителей. Желябужский считал, что его представителем в суде должен быть профессиональный адвокат, но суд, в нарушение закона, никак этому не содействовал.

1.3. Из вышеизложенного (*в деле. — А. А.*) о Кавицыне А.А. ясно, что тот мог бы дать ценные показания по сути дела, но суд не создал условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств, не вызвал Кавицына А.А. как минимум в качестве свидетеля.

1.4. Также суд не создал условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств, и по существу препятствовал этому, отказав в ходатайстве сотрудника Комитета социальной защиты населения С.А. Котовой (л.д. ...): «...рассмотреть дело с участием Желябужского с выездом на место. Он в уме, все понимает, хочется послушать его мнение. Не можем лишить его дееспособности».

Таковыми действиями суд фактически отказал Желябужскому в дееспособности.

2. Суд не только не содействовал Желябужскому в установлении фактических обстоятельств дела, но и сам не смог установить важные для дела обстоятельства.

2.1. В феврале 2013 г. по предложению секретаря администрации сельского поселения Опеченский посад Л.А. Сиговой, якобы для оформления прибавки к пенсии, Желябужский передал ей свой паспорт и удостоверение инвалида. Эти документы ему долго не возвращали, и он получил паспорт обратно 17.04.2013 лишь после своего специального обращения в прокуратуру от 11.04.2013. Поскольку копии этих персональных документов без волеизъявления Желябужского появились в деле, можно утверждать, что это сделано с нарушением его прав и скорее для того, чтобы возбудить данное гражданское дело, а не оформлять прибавку к пенсии.

2.2. В письме Боровичской межрайонной прокуратуры от 13.03.2013 по поводу функций органа социальной защиты населения указано (л.д. ...): «... определяет попечительство в форме патронажа, осуществляет помощь в подборе лиц способных к выполнению обязанностей попечителя. Требую принять меры в соответствии с указанными полномочиями, о результатах доложить в срок до 15.03.2013».

Данное требование прокуратуры не было исполнено. На суде ничего не говорилось о таком важном моменте защиты прав Желябужского. При этом суду известно, что в ПФР социальным работником по уходу за Желябужским, как инвалидом, оформлен Кавицын А.А. (л.д. ...), на которого Желябужский никогда не жаловался (л.д. ...) и с которым у него (Желябужского) доверительные отношения (л.д. ...).

(Уже после суда, а именно — 22.04.2013, до нас дошла пока не проверенная информация о том, что Кавицыну А.А. теперь оформляется попечительство в форме патронажа над Желябужским).

2.3. Как выяснилось недавно, Желябужский на протяжении по меньшей мере одного года и 4-х месяцев получает пенсию более чем на 10 000 рублей в месяц меньше того, что ему полагается как инвалиду Великой отечественной войны, с инвалидностью первой группы (об этом нам стало известно от А.А. Кавицына, который, в свою очередь, ссылается на работника местной администрации). Складывается впечатление, что вся эта затея с помещением Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия, с изъятием паспорта и т.д., была рассчитана, в частности, на то, чтобы Желябужский никогда об этом факте не узнал. Однако на суде об этих фактах никто не говорил, никто не интересовался причинами того, почему так долго Желябужский не получает положенной пенсии.

3. Понимая сложности, связанные с поездками А. Кавицына к Желябужскому, для его обслуживания, дважды в день, из дер. Горбино в дер Торбасино, а также в интересах улучшения собственного положения, Желябужский принял предложение А.А. Кавицына о переезде к нему в дом, в специально подготовленное для него, благоустроенное жилое помещение, и 11 апреля такой переезд в дер. Горбино был организован добровольными помощниками Желябужского (местными жителями и специально приехавшей из Санкт-Петербурга, по его просьбе, О.А. Новиковской).

Тем самым устранено главное, выдвигаемое в заявлении Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района основание для помещения Желябужского в социальное учреждение социальной защиты, без его согласия, а именно: неблагоприятие условий его местопребывания в деревне Торбасино. (Выделено мною. — А. А.)

4. 9 апреля 2013 г. глава администрации сельского поселения Опеченский посад А.В. Никитин, в присутствии местных жителей Кавицына А.А. и Иванова Д.М., зачитал только резолютивную часть решения Боровичского районного суда от 5.04.2013, без указания даты его принятия, фамилии судьи, номера дела, и отказался передать копию этого решения О.Г. Желябужскому. Тем самым были созданы искусственные препятствия для подготовки настоящей апелляционной жалобы, которую пришлось упреждать предварительной апелляционной жалобой от 11.04.2013.

В связи с изложенным, на основании ст.322, п.п.1, 3 п.1 ст. 330 ГПК РФ,
Прошу:

Отменить решение судьи В.Л. Кондратьевой от 5.04.2013 по делу № 2 — 579/2013.

Беляков В.Г.

23 апреля 2013 г.»

Даже если читатель не слишком вчитывался в строки официального документа, он мог понять, что:

— ныне действующее российское законодательство предусматривает возможность такого «частичного ограничения прав», при котором в некоторых, оговоренных законом, случаях **ДЕЕСПОСОБНОГО** пожилого человека помещают **ВОПРОКИ ЕГО ВОЛЕ**, в так называемое стационарное учреждение социального обслуживания (попросту говоря — в дом престарелых), и это как раз — случай О.Г. Желябужского;

(См. об этом подробнее в части 1 нашего повествования).

— предпринимается такое «насильственное благодеяние» обычно по (исковому) заявлению органа социальной защиты населения муниципальной власти, как правило, при активном участии администрации по месту жительства пожилого человека, особенно если дело происходит в сельской местности, в глубинке.

Ну, о «подвигах» сотрудников администрации сельского поселения Опеченский посад — ее председателя А.В. Никитина и секретаря Л.А. Сиговой — мы подробно рассказывали в предыдущих частях нашего «сериала». Пришло время приглядеться внимательно к линии поведения **Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района**.

И ранее в Боровичском районном суде, и в предстоящем заседании Новгородского областного суда, где должна рассматриваться вышеприведенная апелляционная жалоба, противостояние сторон может быть определено как «Орган социальной защиты населения Боровичского района, Новгородской области, против инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского».

На суде в Боровичах от Комитета социальной защиты населения представительствовавала его сотрудник С.А. Котова. Она же посещала ветерана в порядке обследования его жилищных условий (новых жилищных условий — после переезда в дом социального работника А. Кавицына, в деревню Горбино).

Также — именно Комитет социальной защиты населения администрации Боровичского района был занят оформлением «прибавки к пенсии» инвалиду Великой отечественной войны, с чем подзадержался на полтора года (так что официально признанный и, как говорят, только что погашенный долг государства ветерану составил около 250 тыс. руб.)

Наконец, именно названный орган социальной защиты населения ныне занялся оформлением попечительства в форме патронажа над слепым и лежачим инвалидом в лице все того же А.А. Кавицына, который такое попечительство осуществляет фактически на протяжении уже нескольких лет.

Вопрос: какова польза от всей этой «защиты и заботы» тому, чьи интересы данный орган вроде призван защищать, а пока с ним *судится*. Ну и насколько совпадают интересы и действия этого муниципального органа с интересами и действиями других властных институций (будь то администрация Опеченского сельского поселения, Боровичская межрайонная прокуратура, о которой речь еще впереди, да и сам Боровичский районного суда).

Ну, забегая вперед, скажем: вместо пользы тут явный вред, а вот совпадение с линией поведения других местных чиновников — полное. Но вернемся к последовательному изложению событий.

В конце апреля с. г. судья В.Л. Кондратьева направила копии апелляционной жалобы адвоката Белякова, представляющего интересы О.Г. Желябужского, в три адреса: Боровичскую межрайонную прокуратуру, в администрацию сельского поселения Опеченский посад и в Комитет социальной защиты населения админи-

страции Боровичского муниципального района, с предложением, в срок до 17 мая, «предоставить» свои возражения на эту жалобу.

К 17 мая ответов из названных инстанций не поступило, и срок как будто был продлен. Но и после этого «возражения», как стало известно из телефонного разговора с сотрудником Боровичского суда Т.В. Мягковой, поступили только от боровичского Комитета социальной защиты населения. Возникла непростая проблема ознакомиться с этими возражениями.

«174411, Боровичи, 9 Января ул., д. 27

тел/факс (81664) 4-15-22

e-mail: km_borov@novgorod.net

Комитет социальной защиты населения администрации

Боровичского муниципального района

Председателю Комитета Бурдаковой Галине Борисовне

От адвоката Белякова В.Г. и Новиковской О.А., представляющих

интересы инвалида Великой отечественной войны Желябужского О.Г.

Уважаемая Галина Борисовна!

Обращаемся к Вам с письмом, которое будет отправлено параллельно электронной и обычной почтой. Будем признательны, если Вы ответите оперативно, электронным письмом.

Как известно, 05.04.2013, по заявлению Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района, Боровичским районным судом было вынесено решение о помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия. Желябужский, при участии адвоката, обжаловал это решение, и апелляционная жалоба по делу № 2-579/2013 должна теперь рассматриваться в Новгородском областном суде.

Как нам известно, из материалов дела, судья Кондратьева В.Л. 26 апреля 2013 года адресовала копию поданной адвокатом Желябужского (Беляковым В.Г.) апелляционной жалобы — в Комитет социальной защиты населения Боровичского района, предлагая Комитету представить свои возражения. Ответ из Комитета социальной защиты населения на этот запрос судьи, как нам сообщено в суде, был получен и приобщен к делу.

К сожалению, дело № 2-579/2013 было отправлено из Боровичского суда в Новгородский суд 30 мая 2013 года — раньше, чем мы смогли ознакомиться с ответом, выражающим позицию Комитета социальной защиты населения Боровичского района в связи с апелляционной жалобой по данному делу. На сегодняшний день мы не располагаем копией упомянутого документа, от которого существенно зависят наши дальнейшие действия,

С учетом сказанного, убедительно просим Вас выслать нам, доверенным лицам Желябужского О.Г., копию возражений (или, может быть, отказа от возражений) Комитета социальной защиты населения Боровичского муниципального района на апелляционную жалобу по делу № 2-579/2013.

В любом случае, просим информировать нас о позиции по данному делу, занимаемой Комитетом социальной защиты населения Боровичского района **В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.**

Просим ответить по адресу: <...> Новиковской Ольге Андреевне и / или по электронному адресу: <...>

Адвокат Беляков В.Г.

Новиковская О.А.

2.06.2013».

Ответ по электронной почте не заставил себя ждать:

«Исх. № 1138 от 3 июня 2013 г.
Адвокату Белякову В.Г. и Новиковской О.А.
198259, г. Санкт-Петербург, <...>

Уважаемая Ольга Андреевна!

Комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района Новгородской области в ответ на Ваше обращение от 02.06.2013 в отношении Желябужского О.Г. сообщает, что затребованные Вами документы направлены в Ваш адрес 31.05.2013 г. Боровичским районным судом.

Председатель комитета Г.Б. Бурдакова»

Ну, Ольга Новиковская сочла уместным поблагодарить за ответ, хотя бы тот и был уклончив:

«Уважаемая Галина Борисовна!

Благодарю за оперативный ответ на наше письмо от 2.06.2013.

К сожалению, из этого ответа невозможно судить о том, какова нынешняя позиция Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района по делу О.Г. Желябужского. Мы ведь не просто запрашивали некий документ, а просили «в любом случае информировать нас о позиции по данному делу, занимаемой Комитетом в настоящее время».

То есть нас интересовало, сохраняется ли позиция, выраженная еще в мартовском заявлении Комитета в Боровичский народный суд или же, с учетом новых обстоятельств, она претерпела какие-либо изменения.

Тем более, что сотрудник возглавляемого Вами департамента Светлана Котова еще больше месяца назад (25.04.2013) заявила в интервью Новгородской интернет-газете «Ваши новости»: *«Мы надеемся, что поместить ветерана в дом престарелых, куда он не хочет, всё-таки не придётся»*. (См. часть 2 настоящей хроники).

Примерно такую же позицию занимает и председатель комитета социальной защиты населения Новгородской области Галина Ефремова: *«В конце концов, если даже судебное решение останется в силе, но пожилой человек, находясь в здравом уме, не желает переезжать в дом престарелых, силой его туда, я думаю, не повезут»*. (См. там же. — А. А.).

С учетом заявленного, естествен наш интерес к тому, как эта позиция реализовалась в последних шагах Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского района в этой связи.

Что касается позиции нашего доверителя (О.Г. Желябужского), то она Вам известна и выражена в апелляции на решение Боровичского суда от 5.04.2013, за подписью адвоката В. Белякова (см. выше. — А. А.), которая была переслана в ваш департамент с сопроводительным письмом судьи В.Л. Кондратьевой от 26.04.2013.

Было бы полезно с Вашей стороны оперативно информировать и нас о позиции Комитета.

Но хоть это и не состоялось, для нас ценной является документированная информация о том, что подготовленный стороной заявителя (Комитета) документ по делу № 2-579/2013, который нас особенно интересует, направлен в наш адрес Боровичским районным судом (в чем до сих пор у нас уверенности не было). Надеюсь, эта информация достоверна.

О.А. Новиковская. СПб. 4.06.2013».

Зная, что скорость доставки почтовых отправлений в наше время порой меньше, чем двести лет назад, доверенные лица Желябужского приготовились к

долгому ожиданию. И вдруг... 6 июня О. Новиковская обнаружила в своем почтовом (не электронном!) ящике письмо, отправленное из Боровичского суда, судя по штемпелю на конверте, правда, не 31 мая, а 3 июня (понедельник). Но скорость доставки прямо-таки курьерская.

В письме содержалась копия «возражений» из Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского района и сопроводительное письмо судьи В.Л. Кондратьевой с перечислением всех адресов рассылки этого документа, а именно: в Новгородский областной суд; в Комитет социальной защиты населения; Новиковской О.А.; Белякову В.Г.; в администрацию Опеченского сельского поселения; представителю ОАУСО «Боровичский центр социального обслуживания»; Боровичскому межрайонному прокурору К.А. Пешко.

«В судебную коллегию по гражданским делам Новгородского областного суда: 173021, г. Великий Новгород, ул. Нехинская, д. 55, ст. 1

через Боровичский районный суд 174400, Новгородская область, г. Боровичи, ул. С. Перовской, д. 72а

Заявитель: комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального р-на. 174400, Новгородская область, г. Боровичи, ул. 9 января, д.27, (816)415-22

Лицо, в отношении которого подано заявление: **Желябужский Олег Георгиевич**

Адрес регистрации и проживания: Новгородская область Боровичский район, д. Торбасино, д. 9

ВОЗРАЖЕНИЯ НА АПЕЛЛЯЦИОННУЮ ЖАЛОБУ

На решение Боровичского районного суда от 05.04.2013 года по гражданскому делу № 2-579/2013.

Решением Боровичского районного суда Новгородской области от 05.04.2013 года заявление Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального р-на о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания гражданина Желябужского О.Г. без его согласия удовлетворено.

Данное решение принято на основании объективных сведений (актов, заключений и свидетельских показаний), подтверждающих неспособность Желябужского О.Г., инвалида I группы, удовлетворять свои жизненные потребности, отсутствие надлежащего ухода за ним и наличие угрозы состоянию его здоровья и жизни при дальнейшем нахождении в таковых условиях проживания. На момент рассмотрения гражданского дела он проживал один в доме, находящемся в аварийном состоянии и не пригодном для проживания, в антисанитарном состоянии.

В апелляционной жалобе на решение суда, поданной в интересах Желябужского О.Г., предъявляются необоснованные претензии в адрес Комитета социальной защиты населения о невыполнении требований прокуратуры о назначении попечительства в форме патронажа. Прежде чем обратиться в суд, комитет социальной защиты населения предложил Администрации Опеченского сельского поселения подобрать кандидата в попечители, а так же было предложено и Кавицину А.А. оформить заявление о попечительстве. Однако в связи с тем, что Желябужский О.Г. отказался переезжать к Кавицину А.А. *(здесь и далее — неправильное написание фамилии. На самом деле: «Кавицын»!* — А. А.), последний не согласился стать попечителем, Других кандидатов в попечители не было. Обращение в суд стало крайней мерой.

После ознакомления с решением суда 11.04.2013 года Желябужский О.Г. переехал в дом Кавицина А.А. по адресу: Боровичский район, д. Горбино, д. 39.

Желябужский О.Г. и Кавицын А.А. 13.05.2013 г. обратились в комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального р-на с заявлением о назначении попечительства в форме патронажа. Условия проживания Желябужского А.А. (*так в документе! — А. А.*) обследованы уполномоченным специалистом комитета совместно с представителем территориального отдела Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Новгородской области в Боровичском районе. В результате данного обследования условия жизни Желябужского О.Г. в настоящее время признаны удовлетворительными и соответствующими государственным санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам.

По поводу одновременных денежных выплат как инвалиду ВОВ, комитет поясняет, что еще до обращения в суд приняты меры для получения выплат Желябужским О.Г. — из Пенсионного фонда были запрошены все недостающие документы, предложено произвести замену удостоверения Инвалида ВОВ, так как оно не соответствовало назначенной группе инвалидности.

Только после решения суда Кавицыным А.А. были надлежащим образом оформлены доверенности на предоставление одновременных денежных выплат Желябужскому О.Г. как инвалиду ВОВ. Все предусмотренные законодательством выплаты Желябужскому О.Г. назначены и выплачиваются.

Обращаем внимание суда на то, что независимо от места нахождения Желябужского О.Г., дома или в учреждении социального обслуживания, все назначенные выплаты он будет получать. Разница может быть только в одном: качество жизни и ухода инвалида ВОВ. При этом при содержании в учреждении социального обслуживания государством тратятся дополнительные денежные средства на обслуживание граждан и сохраняются личные сбережения, а при нахождении дома тратятся все личные средства инвалида ВОВ.

Председатель комитета \подпись\ Г.Б. Бурдакова).

(Круглая печать Комитета социальной защиты населения
Администрации Боровичского муниципального р-на)

Документ интересный и, в известном смысле, даже показательный.

Во-первых, несмотря на название («Возражения на апелляционную жалобу»), возражений по существу тут, собственно, нет. Это скорее самооправдания и попытка представить себя (кому? Новгородскому областному суду?) в выгодном свете.

Иначе говоря, возражает г-жа Бурдакова составителю апелляционной жалобы только там и тогда, где и когда дело касается роли Комитета социальной защиты населения в этой истории, а составитель жалобы предъявляет к Комитету, как она считает, «необоснованные претензии».

Мол, решение Боровичского суда принято «на основании объективных сведений», (которые ему, т. е. суду, поставлял, в частности, боровичский Комитет социальной защиты населения; заметим, ни одного свидетеля, кроме должностных лиц, на суд не приглашали; сам Желябужский о суде был осведомлен практически накануне; понятно, что лично он присутствовать на суде не в состоянии, но и доверить кому-либо представлять в суде свои интересы, включая адвоката, успеть не мог).

Про социального работника А.А. Кавицына ложно утверждалось в одном из актов, представленных Комитетом социальной защиты населения в суд, будто тот навещает слепого и бездвижного ветерана в соседней деревне *дважды в неделю* (на самом деле — в холодное время года дважды в день!). Один из актов, где уход Кавицына за инвалидом определен как неудовлетворительный (важный аргумент для суда!), доверчиво подписан самим Кавицыным. Однако не следует забывать,

что он, как и большинство деревенских жителей, человек от начальства зависимый и поперек не скажет. Правда, если уход за ветераном осуществлял Кавицын, и, по мнению Комитета социальной защиты населения плохо, то почему же тогда предлагали ему стать попечителем в форме патронажа? Нестыковочка в документе!

Г-жа Бурдакова пишет: «Обращение в суд стало крайней мерой». Вот так сумели позаботиться чиновники из Комитета социальной (якобы) защиты населения, о «подведомственном» им 86-летнем инвалиде Великой Отечественной войны.

Как известно, 11 апреля, через неделю после решения Боровичского суда о *принудительном* (будем называть вещи своими именами) помещении Желябужского в дом престарелых («для его же блага», как демагогически заявляют местные чиновники), ветеран уступил просьбам своих действительных доброжелателей и защитников и согласился на переезд в соседнюю деревню, в дом своего социального работника (ныне как будто официально обретшего полномочия попечителя в форме патронажа) А.А. Кавицына. И такой переезд состоялся.

Кто это все устроил? Приехавшая из Петербурга, ныне — доверенное лицо Желябужского — Ольга Новиковская. Кто этому фактически препятствовал? Местная, Опеченская администрация (о чем шла речь в предыдущих частях нашего повествования). А Комитет социальной защиты населения администрации Боровичского района? Был в стороне. Если не считать присылки комиссии, в лице своего сотрудника С. Коговой и сотрудницы Боровичского «Центра социального обслуживания».

И то, комиссия «поиграла на нервах» старика и ухаживающих за ним Андрея Кавицына и живущего по соседству Дмитрия Иванова (последний делает это совершенно бескорыстно), заявив, в их присутствии, что и новые жилищные условия Желябужского являются неудовлетворительными (будто бы ввиду отсутствия водопровода и центрального отопления; это в деревенском-то доме!). Ну, правда, теперь, подумавши, социальные защитники из Боровичской администрации сочли эти новые условия *удовлетворительными*, о чем и информировали Новгородский областной суд.

В документе Комитета социальной защиты населения умалчивается, что определенная часть пенсии ветерана (правда, небольшая, по сравнению с размерами полагающихся ему выплат) в условиях стационарного учреждения социального обслуживания подлежит удержанию: мол, все личные сбережения сохраняются на его счете. А вот «при нахождении дома» — «все личные средства инвалида ВОВ тратятся».

Оно бы и неплохо сберегать личные денежные средства «на сберкнижке». Вопрос — для кого? Каких-либо крупных приобретений ветеран, в свои 86, делать не собирается. Наследников у него, насколько известно, нет. (Правда, живущая где-то на Дальнем Востоке дочь инвалида навещала его несколько десятилетий назад). Так для кого копить? Чтобы осталось государству? Это еще в лучшем случае. А в худшем — подделать завещание слепого человека недолго.

Так что ветеран по большому счету прав, отказываясь от накопительства, чтобы обеспечить себе по-настоящему добросовестный и ДОМАШНИЙ уход.

На этом завершим наш комментарий к документу, произведенному в боровичском Комитете социальной защиты населения, — документу в сущности самоизобличительному и постыдному. Ибо в нем нет главного: честной, не увертливой позиции и готовности отказаться от своего во всяком случае устаревшего (искового) заявления, которое было два месяца назад удовлетворено решением Боровичского районного суда.

Это ж надо умудриться — написать «возражения» против апелляционной жалобы, в которых обойти стороной согласие / несогласие с тем, чтобы эта жалоба была удовлетворена Новгородским областным судом! Мол, пусть суд решает, а мы,

профессиональные (административные) «социальные защитники» — тут не причем. Лишь бы к нам не было претензий.

8.06.2013.

(8) Ольга Новиковская: возражения на возражения

Наш мониторинг «дела О.Г. Желябужского» разворачивается не только во времени, но и в пространстве. Сейчас дело № 2-579/2013, рассматривавшееся в Боровичском районном суде, находится уже в суде апелляционной инстанции — Новгородском областном. Его рассмотрение там назначено на 10 июля 2013 года.

В предыдущем выпуске нашего «сериала» (см. Когита.ру 9.06.2013) приводился — дословно — документ под названием «**Возражения на апелляционную жалобу** на решение Боровичского районного суда от 05.04.2013 года по гражданскому делу № 2-579/2013», за подписью председателя Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района Г.Б. Бурдаковой.

Этот документ был откомментирован автором этих строк. Однако мне довелось быть не единственным его комментатором. Другим его «рецензентом» стала Ольга Андреевна Новиковская, доверенное лицо 86-летнего ветерана и инвалида Великой отечественной войны Олега Георгиевича Желябужского. Текст, отправленный ею в Новгородский областной суд, заслуживает того, чтобы быть приведенным здесь.

«173021, г. Великий Новгород, ул. Нехинская, 55.

Новгородский областной суд

тел.: (8162) 67-28-30; (8162) 67-54-09

E-mail: oblsud.nvg@sudrf.ru

В коллегии по гражданским делам

Новгородского областного суда

От Новиковской О.А. — доверенного лица

инвалида Великой отечественной войны

Желябужского О.Г., зарегистрированного в доме 9

дер. Торбасино, Боровичского р-на, Новгородской обл.

По гражданскому делу № 2-579/2013,

рассматривавшемся в Боровичском районном суде 5.04.2013.

В связи с «Возражениями на апелляционную жалобу»,

поступившими по этому делу в Новгородский областной суд

через Боровичский районный суд

от Комитета социальной защиты населения администрации

Боровичского муниципального района.

(адрес заявителя: 198259, г. Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, дом 154, кв. 57.

Новиковская Ольга Андреевна)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Ко мне, Новиковской О.А., поступила из Боровичского районного суда копия документа под названием «Возражения на апелляционную жалобу», за подписью председателя Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района Г.Б. Бурдаковой, без исходящего номера и даты (!) (приложение 1). Ознакомившись с этим документом, считаю необходимым довести до сведения коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда следующее.

Будучи доверенным лицом инвалида Великой отечественной войны Желябужского Олега Георгиевича, я хорошо осведомлена об обстоятельствах дела № 2-

579/2013, по которому принято 5.04.2013 ныне обжалуемое моим доверителем решение судьи Боровичского районного суда В.Л. Кондратьевой о помещении его (Желябужского О.Г.) в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия.

Должна, однако, оговорить, что право представлять интересы О.Г. Желябужского в суде я получила только в конце апреля с. г. и в заседании суда первой инстанции я не участвовала. (Интересы «лица, в отношении которого было подано заявление в суд» в заседании суда первой инстанции вообще никто не представлял). Ввиду этого и еще ряда обстоятельств, доводы и факты, которые я сообщу ниже, могут рассматриваться как *дополнительные доказательства*, заслуживающие внимания суда апелляционной инстанции.

Как я считаю, представленный в Новгородский областной суд Комитетом социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района документ дает искаженную картину событий, предшествовавших и последовавших за судебным рассмотрением этого дела в Боровичском районном суде.

Составитель этого документа пытается представить в выгодном свете действия Комитета социальной защиты населения по обеспечению благоприятных жизненных условий и эффективного социального обслуживания 86-летнего ветерана и инвалида Великой отечественной войны, ныне слепого и обездвиженного. При этом не подкрепляет своих утверждений никакими доказательствами, предлагая верить ему на слово.

Те «объективные сведения», поставившиеся в суд тем же самым Комитетом социальной защиты населения, были достоверны в том, что касается неблагоприятных условий проживания Желябужского в собственном, обветшавшем доме (где он проживал до 11.04.2013), но, вместе с тем, имела место и заведомая дезинформация, например: что социальный работник А.А. Кавицын (проживающий в соседней деревне) будто бы навещал больного ветерана всего «два раза в неделю» (л.д. 13). Чем создавалось впечатление об «отсутствии надлежащего ухода» за инвалидом (на самом деле Кавицын посещал Желябужского в холодное время года ДВАЖДЫ В ДЕНЬ).

При этом председатель Комитета социальной защиты населения г-жа Бурдакова не замечает противоречия в своей собственной версии событий: если Кавицын был прежде так недобросовестен в обслуживании Желябужского, так зачем же предлагать ему стать «попечителем в форме патронажа» (еще до суда 5.04.2013) и зачем назначать его таковым попечителем (уже после суда, о чем пойдет речь ниже).

В документе Комитета социальной защиты населения пишется: «Обращение в суд стало крайней мерой». Между тем, направлявшиеся Комитетом на дом к Желябужскому комиссии лишь констатировали, что Желябужский категорически отказывается от помещения его в стационарное учреждение социального обслуживания. Но, как видно, лишь формально и маловразумительно «разъясняли» физически немощному, но безусловно дееспособному и здравомыслящему человеку (что сами же признают! см. л.д. 24) ныне действующий закон, в соответствии с которым пожилой человек и инвалид в определенных случаях может быть помещен в указанное учреждение — без его согласия.

Нет, неправильно сказать, что обращение в суд стало для Комитета социальной защиты населения «крайней мерой». В действительности, чиновники из Комитета ДОВЕЛИ ЭТУ СИТУАЦИЮ ДО СУДА, хотя могли бы его избежать.

Сам Желябужский о предстоящем суде был осведомлен практически накануне (2 апреля с. г.; см. л.д. 21); понятно, что лично он присутствовать на суде не

мог, но и доверить кому-либо представлять в суде свои интересы, включая адвоката, уже не успевал. Свидетелей на суд не приглашали. Как видно, об этом также «позаботились» чиновники из Комитета социальной защиты населения.

Вообще, роль работников Комитета социальной защиты населения, обратившегося в суд фактически с «исковым» заявлением в отношении 86-летнего инвалида, равно как и руководителей местной, Опеченской сельской администрации, в этой истории весьма неблагоприятна. Достаточно сказать, что с опозданием почти в полтора года (!) Желябужскому была оформлена полагающаяся ему как инвалиду Великой отечественной войны, с 1-й группой инвалидности, доплата к пенсии (14 тыс. рублей ежемесячно).

В документе Комитета социальной защиты населения сообщается, что «после ознакомления с решением суда 11.04.2013 года Желябужский О.Г. переехал в дом Кавицина А.А. по адресу: Боровичский район, д. Горбино, д. 39». Тут то ли случайная, то ли намеренная невнятность — что же именно произошло 11 апреля 2013 г.? На самом деле, 9 апреля состоялось по существу фиктивное ознакомление Желябужского главой администрации Опеченского сельского поселения А.В. Никитина с решением суда от 5.04.2013 (нарушения при этом процессуальном действии подробно отражены в апелляционной жалобе адвоката В.Г. Белякова); а вот 11 апреля 2013 года, действительно, состоялся переезд О.Г. Желябужского из собственного дома в деревне Торбасино в дом социального работника А.А. Кавицына в деревне Горбино, где для него было подготовлено отдельное, благоустроенное помещение.

Переезд был организован мною (для чего я специально приехала из Санкт-Петербурга в Боровичский район), и несколькими односельчанами Желябужского, искренне заинтересованными в его благополучии. Причем это происходило ПРИ ОТКРОВЕННОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ и при полном самоустранении работников боровичского Комитета социальной защиты населения. Разумеется, эти неприглядные обстоятельства остались не отраженными в документе, который мною здесь обсуждается.

Приехавшая в Горбино месяц спустя (13.05.2013) комиссия, в состав которой входила представлявшая Комитет социальной защиты населения на суде С.А. Котова, признала новые жилищные условия О.Г. Желябужского «удовлетворительными и соответствующими государственным санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам».

Мало того, Комитетом был запущен процесс оформления попечительства, который, насколько мне известно, завершился назначением А.А. Кавицына попечителем в форме патронажа по отношению к О.Г. Желябужскому. Этот отградный результат, предполагает де факто, что Желябужский может продолжать жить в условиях ДОМАШНЕГО УХОДА со стороны А.А. Кавицына, что вполне устраивает и самого Желябужского, и его попечителя, и всех тех, кто хочет инвалиду добра, и даже сотрудников опеченской и боровичской администраций.

Разумеется, такой благополучный исход острой ситуации с инвалидом Великой Отечественной войны, о котором местные чиновники решили «позаботиться» принудительным помещением его в дом престарелых вопреки его желанию — «не мытьем, так катаньем», и даже при помощи суда, — ситуации, получившей широкий общественный резонанс ввиду вмешательства местных и иногородних и федеральных СМИ (см. приложение 2), возможен лишь при условии отмены гражданской коллегией Новгородского областного суда решения Боровичского районного суда от 5.04.2013. Для чего теперь есть все основания, уже хотя бы в силу существенно изменившихся обстоятельств и условий жизни О.Г. Желябужского.

В заключение, отмечу, что Комитет социальной защиты населения Боровичского муниципального района, назвав свой документ «возражениями на апелляционную жалобу», практически выдвигает вовсе не юридически значимые доводы в пользу отказа коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда в удовлетворении апелляционной жалобы адвоката В.Г. Белякова, действующего в интересах О.Г. Желябужского.

Вместо этого орган, выступавший в суде заявителем (по существу, истцом) ПРОТИВ Желябужского, занимается самооправданиями и «разъяснениями» для вышестоящей судебной инстанции, например, в чем состоит разница сбережения / трат денежных средств инвалида при содержании в стационарном учреждении социального обслуживания или же «при нахождении дома».

Обращает на себя внимание в «Возражениях на апелляционную жалобу» обилие мелких фактических неточностей и небрежностей, как я считаю, недопустимых в официальном документе. В частности, неверное написание фамилии — Кавидин (правильно: Кавицын); ошибка в написании инициалов: Желябужский А.А. (правильно: Желябужский О.Г.). Наконец, в документе указано:

«Лицо, в отношении которого подано заявление: **Желябужский Олег Георгиевич**

Адрес регистрации и проживания: Новгородская область Боровичский район, д. Торбасино, д. 9»

Между тем, это адрес только регистрации О.Г. Желябужского. А местом ПРОЖИВАНИЯ его, с 11 апреля 2013 г., является: Новгородская область, Боровичский район, дер. Горбино, д. 39. И об этом сам же составитель «Возражений...» пишет ниже, в тексте документа.

Я сочла уместным изложить для коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда свое отношение к так называемым «возражениям на апелляционную жалобу», поступившим от боровичского Комитета социальной защиты населения, за подписью председателя Комитета Г.Б. Бурдаковой, ограничив себя этой и только этой темой. Свою позицию по существу судебного спора я рассчитываю изложить в Новгородском областном суде, где данное дело будет рассматриваться, как мне стало известно (пока из косвенных источников), 10 июля 2013 года (в 10:00).

Прошу приобщить данное мое заявление к материалам дела № 2-579/2013 (по нумерации боровичского районного суда).

Настоящее письмо отправлено по адресу электронной почты Новгородского областного суда (obsud.nvg@sudrf.ru) и, параллельно, заказным письмом обычной почтой.

О.А. Новиковская.

12 июня 2013 г.»

Из «Записей для памяти» Ольги Новиковской:

«10.06.2013. Возражения на возражения, или: готовь сани летом.

...Как показывает опыт, полученный нами в судебных тяжбах по другому делу, на судах второй инстанции (по апелляционным/кассационным жалобам), судьи участникам процесса говорить практически не дают, обрывают не только представителей, таких как я, но даже профессиональных адвокатов — «ваша позиция ясна». А наши «Возражения на возражения» (это наше условное название — официально документ называется Заявление) написаны на бумаге, следовательно, полученное по почте заказным письмом с уведомлением о вручении заявление должно-таки быть приобщено к делу. А если не приобщат — пеняйте на себя — обязательно обжалуем. То есть полу-

чается, что с этого момента — мы начинаем собирать «досье» уже и на Новгородский суд — на случай, если они подмахнут-таки дело Желябужского и посчитают решение районного Боровичского суда правильным.

Впрочем, есть и еще одна функция этого заявления — дать понять новгородскому судье, к которому попадет данное дело, что эти защитники (то есть мы) не лыком шиты и, если надо, пойдут дальше и выше. Для пушей убедительности мы прикладываем к своему документу приложения, в одном из которых имеется перечень ссылок на публикации в Интернете по «делу О.Г. Желябужского». Пусть в Новгороде почитают, подумают... Если не о самом Желябужском, но хотя бы о той «головной боли», которая у них может быть в случае согласия с решением судьи В.Л. Кондратьевой из Боровичского районного суда.

От себя замечу: не дай Бог в России судиться. Но уж если пришлось — по «жизненным показаниям» — то надо не оступаться по дороге и идти до конца.

13.06.2013.

(9) «Перечень безобразий» по делу инвалида войны Желябужского

Новые аспекты и штрихи «дела О.Г. Желябужского», вырисовывающиеся из «Перечня безобразий» по этому делу, составленному доверенным лицом 86-летнего инвалида войны — О.А. Новиковской.

Ольга Новиковская, доверенное лицо и защитник инвалида Великой Отечественной войны Олега Георгиевича Желябужского, которого чиновники из Боровичского района, Новгородской области стараются «по суду» поместить в стационарное учреждение социального обслуживания, против его воли (согласно российскому законодательству, такое в принципе возможно) принялась готовиться к суду апелляционной инстанции, который должен состояться в Великом Новгороде 10 июля с. г. (10:00),

Вскоре поняла, что всего, что хотела бы высказать по этому поводу, ей произнести все равно не дадут (в областных судах на рассмотрение апелляционных дел отводят не часы, а минуты). Однако дописала конспект своей речи до конца, изменив его жанр на «Перечень безобразий по делу инвалида войны Желябужского». С этим документом нам довелось ознакомиться.

Воспроизводить его здесь целиком нет необходимости, поскольку большая часть этих «безобразий» уже освещена в предыдущих частях нашей «Деревенской истории». Напомним, субъектами нарушений закона и / или моральных норм показали себя работники Администрации сельского поселения Опеченский посад, Комитет социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района, отчасти также и Боровичский районный суд. <...>

(Здесь ограничимся лишь одним извлечением из этого текста. — А. А. Октябрь 2014):

«...Когда я, в срочном порядке, 10 апреля приехала в Боровичский район, морально поддержать старого человека, а также бороться за его права, то первой своей задачей я считала перевезти О.Г. Желябужского в благоустроенный дом его социального работника Кавицына А.А., проживающего в соседней деревне Горбино. (К этому времени, кстати, в доме Кавицына уже была подготовлена изолированная комната для пожилого инвалида).

Я заранее письмом (электронным и обычным), а также в телефонном разговоре предупредила все того же главу Опеченской сельской администрации А.В. Никитина, что 11 апреля 2013 года буду перевозить О.Г. Желябужского из де-

ревни Торбасино в деревню Горбино, и просила обеспечить инвалида санитарным транспортом.

Увы, никакой помощи со стороны чиновников не было. Напротив, мне и другим добровольным помощникам инвалида ВОВ чинились всевозможные препятствия. Нам было отказано не только в специализированной машине для транспортировки лежачего больного, но даже и в носилках. Для оформления этого обслуживания секретарь Опеченской администрации Л.А. Сигова предложила нам поехать за 20 км в администрацию и подать заявление на выдачу носилок для инвалида. А потом надо было ждать решения по этому заявлению (не издевательство ли?). А ведь та же Сигова прекрасно понимала, что счет идет на часы. Ведь на весеннем солнце подтаивала сельская дорога, покрытая снегом, а значит — на следующий день перевозка О.Г. Желябужского наверняка станет невозможна.

Поняв, что поддержки от местной администрации не будет, я сама доставляла фельдшера из медпункта в деревню Торбасино к инвалиду Желябужскому; Дмитрий Иванов предложил использовать длинные сани вместо носилок, житель деревни Стрелка М.С. Герасимов, по просьбе Андрея Кавицына, приехал на полноприводной машине «Нива». Машину мы вынуждены были приспособлять для транспортировки лежачего больного — с нее были сняты сидения, продумано как привязать сани внутри салона. Однако ноги больного все равно торчали наружу. Везти престарелого больного было очень сложно. Ехали со скоростью 5 км в час, часто делали остановки. Но, как видно, Бог помог. Доехали и довезли.

Вечером 11 апреля, узнав, по телефону, что мы, добровольные помощники Желябужского, вопреки всему, все же сумели перевезти инвалида войны в деревню Горбино в благоустроенный дом Кавицына, секретарь Л.А. Сигова даже бросила трубку. (Звонила Сигова Светлане Леоновой — гражданской жене А. Кавицына). Вряд ли это свидетельствует о горячем желании помочь инвалиду!»

<...> Читатель скажет: подумаешь! В чем особенно провинились чиновные люди?! Ну, соврали тройку-другую раз слепому лежачему старику и его добровольным помощникам... Ну, не дали санитарной машины и даже носилок, чтобы перевезти его в лучшие домашние условия... Ну, приберегают для кого-то (не для государства же!) накопления на его сберкнижке...

Все это — такая «мелочь», на фоне «замечательных» (с их точки зрения) перспектив, которые сулит пожилому инвалиду принудительное водворение в «казенный дом» (что, оказывается, у нас и «по закону» допустимо).

Но в том-то и беда, что даже сочувствующему читателю эти безобразия могут показаться мелкими. За которыми, однако, прячется, как минимум, приоритет собственного благополучия должностных лиц (мол, «позаботились!») перед не только благополучием и достоинством, но и жизнью старого человека, который всего лишь хочет, чтобы его «оставили в покое».

16.06.2013

10) Отзывы людей на «дело Желябужского»

Что думают о «деле» инвалида Великой отечественной войны Желябужского, из Новгородской глубинки, некоторые читатели «Когиты».

Эту композицию я задумывал давно. Уже после первых публикаций материалов «дела» ветерана и инвалида войны Олега Георгиевича Желябужского стали скапливаться отклики, пришедшие как мне самому, так и Ольге Новиковской — ныне доверенному лицу Желябужского.

В одном из материалов этого «сериала» я обещал их опубликовать, да все «мешали» очередные события, требовавшие немедленного освещения в нашем мониторинге. Вот, наконец, образовалось «окно», или плес в бурном потоке этих событий.

Эти, как говорит О. Новиковская, *отзывы людей*, или отклики на нашу «деревенскую драму» — иногда сверхлаконичные, иногда довольно пространные, иногда минорные, иногда яростные, иногда философические — составляли картину мнений и были формой моральной поддержки пожилого инвалида из новгородской глубинки и его защитников.

Среди авторов писем были и самые, как говорится, «простые люди», и люди широко известные и даже знаменитые, тут — и логопеды, и компьютерные дизайнеры, литераторы и профессора, театроведы и социологи, молодые и ветераны.

Приводя эти тексты, я сделал их ВСЕ анонимными, иначе пришлось бы цензурировать и / или авторизовать (согласовывать с авторами), а так — уверен — никто меня за самоуправство, равно как и за нарушение авторских прав не упрекнет.

Далее, размышлял — в каком порядке эти «отзывы» представить, пока не остановился на простейшем — хронологическом, т. е. в порядке поступления (все письма относятся к концу апреля — началу мая 2013 года).

На письма, поступившие ко мне, я, как правило, отвечал. И эти мои ответы тоже показались уместными в данной подборке.

Итак, слово нашим соперечающим и рефлексующим читателям.

Андрей Алексеев. 19.06.2013

...Мне кажется, что питерское телевидение вполне могло бы осветить подробно эту историю и таким образом предать ее гласности. История вопиющая... (Комментарий на Когита.ру)

...Прочитала историю об инвалиде Великой отечественной войны, проживающем в далекой глухой деревне... Власти! Лучше бы дорогами занялись, чтобы люди на свои деньги их не прокладывали! Вам самим, власть имущим, предложение попочевать в ДОМЕ ПРЕСТАРЕЛЫХ покажется приемлемым, если оно будет против вашего желания?!...

...Сплошное чиновничество и бездушие. И это по отношению к кому? Беспомощному старику — инвалиду войны!..

...В русском языке есть поговорка: "Дома и стены помогают". Я против того, чтобы пожилого человека, которому осталось уже не так много прожить на этом свете, увезли в совершенно не знакомое для него место. Ведь пожилому человеку трудно адаптироваться на новом месте и для него это будет искусственно созданный стресс, который может отрицательно повлиять на здоровье...

...Мне безумно жаль этого замечательного человека, он не заслужил такого отношения к себе. НЕЛЬЗЯ здравомыслящего человека без его воли перемещать в государственное учреждение, ведь для него в его возрасте это равносильно смерти. Я не сильна в юридической подоплеке этого вопроса, но с чисто человеческой точки зрения

я считаю, что человек должен сам выбирать место своего проживания. В конце концов, в нашей стране все люди СВОБОДНЫ. Я желаю здоровья ему и благоприятного исхода этого дела. А Вам (*обращено к О. Новиковской. — А. А.*) терпенья!..

...Возмутительная история о том, как наши власти "заботятся" о человеке, не интересуясь ни его мнением, ни его благополучием, а заботясь только о том, чтобы с ними ничего не случилось (не дай бог, получить выговор по службе и т.д.). Руководствуясь только соображениями о сохранении своей шкуры, представители власти и закона в районе творят поистине противозаконные действия: кто и какое право может иметь на то, чтобы переселить человека из его собственного дома без его согласия, изъять у него паспорт... Каким же беззащитным должен чувствовать себя в отношениях с ними немощный старый человек. Но история еще не закончена, будем надеяться на благополучный конец...

Письмо из Москвы:

...История возмутительная. Странно, что Путин, немедля устроив детскую площадку обратившейся во время прямого эфира многодетной семьи с приемами, до сего дня не отреагировал на обращение инвалида. Я думаю, что в ближайшее время справедливость возобладает...

Мой ответ:

...Из 3 млн обращений к Путину по "Прямой линии", думаю, и таких была не одна тысяча. Так что лично Путинские вмешательства и демонстративные благодеяния — случайность. Справедливость, конечно, возобладает, но в отдаленной исторической перспективе. А пока — не оставляем стараний...

...Я позвонил своей коллеге <...> по Новгородской области; договорились, что я перешлю ей материал и она подключится...

Мой ответ:

...Тронут Вашим оперативным откликом. Расчета на такой Ваш ход в моей рассылке не было. Но, конечно же, он на пользу делу. Спасибо!

...Я уже не первый раз удивляюсь (поражаюсь) твоему терпению в столь безобразных делах. Кажется, вот-вот должен грянуть гром и поразить всех нечестивцев. Но такой сюжет — для сказок. А в жизни всё оказывается гораздо сложнее. Вот почему некоторые не выдерживают и уходят из такой жизни, не дождавшись праведного суда. Или совершают самосуд, нарушая строгий закон. Всё-таки должна как-то заговорить совесть, глас Высшего суда, о коем писал когда-то Лермонтов. Но сколько её ждать?! И все ли ей подвластны? Твой наивный друг...

Мой ответ:

...Благодарю за столь "наивный" отклик. Зло всегда универсально. Добро — локально. Поэтому последнее кажется эпизодическим. А праведный суд — нечаянным...

Письмо из Калифорнии:

...Твоя история — ужасна, но, с другой стороны, — обыденность... сил Оле и тебе... и старику Желябужскому...

Мой ответ:

... Спасибо! Все же думаю, этим заурядным мерзавцам (это не оскорбление, а термин. Читай у Салтыкова-Щедрина) — с нами не повезло...

Письмо из Москвы:

... Примите мои восторги Вами с Ольгой... К сожалению, приходится расписаться в своей неспособности помочь Вам советом. Мне понятны Ваши и Олины помыслы, действия и письма, я не вижу в них ни крамолы, ни ошибок, ни задних мыслей. Но я совершенно теряюсь перед людьми с задними мыслями, т.е. с мыслями о своей корысти в создавшейся или намеренно создаваемой ситуации, какими мне видятся те местные чиновнички.

Я попыталась представить, что у них корысти нет, просто ошиблись с подачей в суд, а теперь самолюбие не позволяет признавать ошибку под напором городских «умников». Но паспорт тут причём? Почему не прибежать и не отдать его, чтоб чего-нибудь плохого не подумали. А как не отдать постановление суда (пусть копию) «ответчику»? И не находится у меня оправданий для этих людей. А у них самих находятся оправдания и, небось, одно из первых крутится вокруг справедливости, как они её понимают, которая отдаёт завистью («ишь сколько получает, а мы работаем и...»).

Олину же справедливость я оцениваю как добро, и пусть она победит! А Олегу Георгиевичу желаю в тепле, спокойствии и заботах о нём прожить столько лет и дней, сколько ему отпущено.

Мой ответ:

Спасибо за отклик. Помогать советом тут не надо. Мы справимся. А моральная поддержка всегда ценна. Конечно, факторы «самолюбия», бескультурья и корысти у этих чиновников переплетены. На последний я пока только намекаю, возможно, и удастся доказать. Но в любом случае — мерзавцы, конечно. Однако с Ольгой и ее соратниками им не повезло...

...Если мой "отклик" на историю с Желябужским войдет в какую-то публикацию, прошу мое имя при этом не упоминать. Объясню, почему.

Первая часть простая. Боюсь перевернуть, но суть передам, надеюсь, верно. Когда И. Бродского при спходе с самолета в эмиграцию спросили, как он относится к, допустим, Освенциму, он ответил, что никак. И пояснил: сострадать можно человеку, а миллионам — нет. История старика, которого вот-вот сунут умирать в голодное общежитие за решетку, — это и есть тот самый миллион. Видимо, обыкновенная история. Простое убийство. Подкрепленное самым простым и уважительным мотивом — украсть. Причем дистанции между "убить" и "украсть три копейки" нет, совсем. Мне кажется, тут давно не старинный "бюрократизм". Это что-то, извините за выражение, с душой, она совсем бытовая.

Вторая часть — причина, по которой я аноним. Она (часть) не имеет отношения к факту, который не требует особой оценки. Ну, в скотском государстве оскотиниванию — режим наибольшего благоприятствования. Делов-то.

А вот подробности какие-то странные. Что за покупки на деньги несчастного пенсионера квартир и "тракторов", чтоб прокладывать дорогу к дому опекаемого? Что за неожиданная покладистость героя по части переселения в квартиру А.А. Кавицина (на деле, надо думать, в его, Желябужского, квартиру)? Понимаю, что это не мое собачье дело, это какие-то внутридеревенские счета. Но, как сказал

бы Твардовский, все же, все же, все же... Беру грех на душу, но не обманули ли там по дорожке и О.А. Новиковскую? Стыдно не обмануть хорошего человека, как стыдно не украсть, если можно украсть...

Мой ответ:

...Благодарю Тебя за отклик. От своей «анонимности» (я и не предполагал использовать имена своих корреспондентов, разве что с их согласия и /или по их желанию) он не теряет в содержательности.

История, разумеется, обиденная. И душу рвать из-за «миллиона» не стоит. Хотя для кого-то данный конкретный старик — вовсе не «миллион». И государство скотское, и дальнейшему оскотиниванию дорога открыта. Полезно эти картинки иногда высвечивать.

Что касается «подробностей», то Ольга не без оснований утверждает, что знает эту деревенскую публику достаточно хорошо и не обманывается насчет истинных мотивов любого из действующих лиц этой драмы. У каждого в этом деле свой интерес, у некоторых он, может, и не бескорыстный. Но даже когда так, есть разница между людьми, лишенными чести и совести, и теми, кто, по крайней мере, совести не лишен, хотя бы и не был «праведником».

Вот так я бы ответил на твои сомнения в порядочности ближайшего окружения старика Желябужского. <...>...

...Я понял, спасибо. Почему-то как-то полегчало, и захотелось надеяться, что, по Шварцу, все, может быть, еще закончится ничего себе...

Письмо из Москвы:

...Ну как это можно назвать? Издевательство и произвол в своей крайней сконцентрированной форме, которые, как мне кажется, являются выражением системного кризиса — в сфере правовой, в сфере морали, как индивидуальной, так и коллективной, и конечно же, в сфере профессионально-чиновничьей. При всем том, что такая тотальная социальная деградация представляется катастрофичной, поражает и то, что есть еще не очерствевшие душой люди, которые находят в себе силу сопротивляться этой слепой силе. Хотя думаю, что описанных ситуаций в окружающей нас реальности множество, а людей, желающих и способных им противостоять очень немного. Силы неравные. Тяжко это...

Мой ответ:

...Ну, все точно Ты обозначаешь. Эдаких мерзопакостных ситуаций, конечно, побольше, чем людей готовых им противостоять. Для такового противостояния нужны: нравственность, культура и воля к жизни, что имеют потенцию не только прорасти, но и прирасти, по мере человеческого самостояния и общественной самоорганизации. На то — и расчет, и надежда. Так что не станем унывать...

Письмо из Харькова:

...Не знаю, вправе ли я вмешиваться во внутренние дела другого государства. На случай, если сочтёте, что да, предлагаю весьма краткий отклик:

О «ДЕЛЕ ЖЕЛЯБУЖСКОГО»

Есть в исторической Руси пределах
места, где инвалиду-Победителю
всё, вплоть до койки в доме престарелых,

подарят.

Если нужно — принудительно.

Мой ответ:

...Стихотворных откликов на эту тему у меня еще не было. Рецензия на нашу российскую действительность — исчерпывающая...

...С большим интересом прочёл Вашу "Деревенскую историю". Думаю, необыкновенная активность, проявленная Ольгой (да и Вами тоже) в защите бедняги Желябужского от посягательств Н-а и его поделщиков (или сообщников) на небольшую пенсию этого человека, явилась полной неожиданностью для них. Думается, это очень редкий случай для нашей глубинки, когда находится некто, не жалеющий ни сил, ни времени для дела, не сулящего никакой выгоды. В то же время этот случай должен оказаться очень полезным для нашего угнетённого общества, если он закончится отменой несправедливого решения суда и наказанием лиц, посягнувших на благополучие достойнейшего человека, и в том числе судьи, не почитавшейся с его волей или не выслушавшей в суть проблемы.

Очень важно, чтобы об этом случае узнало как можно больше людей из глубинки. Это поможет им обрести надежду победить в борьбе за справедливое решение хоть, может быть, и мелких, но важных для личной жизни проблем. Именно таким путём мы когда-нибудь придём к возникновению в нашей стране гражданского общества!

Восхищаюсь Ольгой Новиковской. И вы с Беляковым тоже молодцы. Так держать!

Мой ответ:

...Спасибо Вам за этот отклик! Действительно, три чувства возникают: сострадания к человеку, который всего лишь «хочет умереть в кругу своих»; ненависти к служивым мерзавцам (это не оскорбление, это термин, введенный Салтыковым —Щедринным); веры и надежды на гражданское общество, которое прорастает «сквозь асфальт». Ваши приветия Ольге и ее подзащитному — передам...

...Цинизм этого дела перешел всякие границы - — но рыба дохнет с головы: если летом можно было вопреки общему возмущению поступить с тремя молодыми женщинами НЕ ПО ЗАКОНУ, то почему бы властям пониже не поступить таким же образом с беспомощным стариком? Самое ужасное, что, поскольку на законные методы борьбы с беззаконием надежды мало, то остается надеяться на верховную власть — ту самую, которая...

И все-таки хочется надеяться, что усилия трех неравнодушных и благородных людей, включившихся в борьбу, в сущности, за жизнь человека, будут вознаграждены: неправомерное судебное постановление отменят, и это случится не слишком поздно для 86-летнего человека, который в конце своей жизни получил такой стресс. Искренне желаем ему здоровья и благополучия. К сожалению, мы еще очень нескоро станем демократическим государством, в котором власти будут думать о своих гражданах, а не о собственной выгоде и желании выйти сухими из воды...

Мой ответ:

...Итак: уповать на Закон приходится. Кстати сказать, «гуманный» российский Закон предусматривает в некоторых случаях принудительное помещение в дом престарелых дееспособного гражданина, якобы в его интересах. Кто от этого

наживается — другой вопрос. Уповать на Верховную власть — нелепо, хоть иногда и можно воспользоваться моментом и урвать от нее какую-нибудь подачку.

Остается уповать на Людей, которые — не Закон и не Власть, а просто Люди, иногда самоорганизующиеся в Гражданское общество, которое — не обязательно на Болотной, а может быть и «демонстрацией семерых» (как 45 лет назад), или даже вообще в одиночку: «если не я, то кто же?»

Вот так и спасается честь — Личности и Страны. Сначала Личности, потом Страны...

Письмо из Лигвы:

Дорогой А.! Лучше тебя и Оли поучаствовать в судьбе Олега Георгиевича нельзя. Можно лишь попечаловаться. Негодяи сельско-уездного масштаба, как могут, соответствуют образцам, сияющим (зияющим) с вершины вертикали.

Хотя, конечно, на одну вертикаль эту порчу не повесишь. Эвон когда написал Щедрин сказку «Пропала совесть», а жизнь протёкшая всё течёт и течёт.

«Пропала совесть. <...> Легче сделался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее льстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. <...> мудрые мира поняли, что они наконец освободились от последнего ига, которое затрудняло их движения <...> А бедная совесть лежала между тем на дороге, истерзанная, оплёванная, затоптанная ногами пешеходов. Всякий швырял её, как негодную ветошь, подальше от себя; всякий удивлялся, каким образом в благоустроенном городе, и на самом бойком месте, может вальтаться такое вопиющее безобразие».

А те невезучие, кому злокозненно подбрасывали эту ветошь, узнавали, что *«...есть на свете горесть, лютейшая всех горестей, — это горесть внезапно обретённой совести».*

Пожелать ли этой горести стервятникам, что клюют беззащитного старика? Или им больше пристало оказаться в когтях других стервятников, приставленных охранять право?

Мой ответ:

...«Пожелать ли этой горести (внезапного обретения совести. АА) стервятникам, что клюют беззащитного старика? Или им больше пристало оказаться в когтях других стервятников, приставленных охранять право?».

Ну, не будем идеалистами. Нехай стервятники разных мастей терзают друг друга. Опять же, сами стервятники могут быть заботливыми семьянинами, чадолюбивыми и радеющими о родителях. Пусть с гнильцой. Но пожелать им можно только «вымереть». Так ведь они уже и потомков успели отравить. Откуда у тех совести-то взяться?»

Стало быть, не хранить ее надо и / или подбрасывать, а ВЫРАЩИВАТЬ заново. Бросать семена. Глядишь — где и прорастут.

А вот «Негодяи сельско-уездного масштаба» — хорошо сказано. Беру на вооружение...

Письмо из Абхазии:

...Сюжет с сельским инвалидом прочла со вниманием. Думаю очень полезный опыт. Но, мне кажется, что надо потом оставить выжимки. Много повторов. М.б., я и не права... Рада буду поместить на своём сайте (правозащита)...

Мой ответ:

... Да, история поучительная. Повторы намеренные. Во-первых, одни и те же факты, в разных ракурсах (пересечение лучей прожекторов гласности). Во-вторых, Ольга дает своего рода "мастер-класс" персонализированной правозащиты. В-третьих, лишний гвоздь в крышку гроба мерзавцев не помещает. Разместить на твоём сайте, конечно, можно. Если есть время и место...

Письмо из Киева:

...Тут в голову приходит лишь одно слово: "ГНУСНОСТЬ"...

Это и ГНУСНАЯ подлость, ГНУСНОЕ мошенничество, ГНУСНЫЕ людишки... Что со всей этой чудовищно отвратительной мерзостью делать?! Делать — *здесь и сей момент*, поскольку речь — об измывательстве над глубоким стариком. То есть не о благородной перспективе исторических оценок и исторических деяний по нравственно-правовому "обустройству России" речь, начиная от знаково-символических Радищева, Чаадаева, Герцена (известный ряд)...

Почему-то до сих пор на все эти гнусные мелкие людишки — и больших для каждого такого сельца начальничка — ничего не действует, кроме, похоже, *их страха* перед чуть-чуть большим начальничком (просто большого начальника, не говоря уже о "кремлёвских небожителях", можно и надуть, — а обманываться в подобных случаях в своих "верных подопечных" те почти всегда готовы, ведь сами преимущественно таковы же!)...

Первое, что приходит в голову, — это *скандал*, который может докатиться и до работодателя таких подонков, "ославить" в *людской молве* всех и каждого... Публичный скандал как *первый шаг* в противоборстве с вездесущим российским (евразийским) злом — чиновничьим произволом и людским ему потаканием — подходит, думаю...

А как перепахать корни зла — большой разговор. Начинать же — именно так, как Ты с Ольгой и близкими по этому делу: *бить в колокол*... Сил и терпения — вам и всем, кто рядом!...

Мой ответ:

Интересно, что даже и наигнуснейшие — в общем не так уж и циничны. Конечно, они боятся огласки (которая им теперь обеспечена и как бы «портит карьеру», так сказать, «позорит»). Но механизмы самооправдания работают — даже в самоочевидных случаях. И они ВЕРЯТ, что все зло не от них, а в худшем случае — другой виноват, а в лучшем — «жизнь такая».

Даже вор испытывает неловкость скорее от того, что не сумел украсть, чем от того, что украл. Такие у него понятия. «Бить в колокол» — да. А еще — «свистеть в свисток». Письма Ольги в Опеченскую администрацию, с дотошным описанием их речей и подвогов, — наихудшая им казнь. Просыпается страх начальника недовольства. И только на самом вершине скандалов не боятся, и то до поры, пока «сам» не нахмурит бровь.

Между прочим, тут, как в игре в «21», не должно быть перебора. В этом смысле скандалы не проходят зря.

Вот, например, мент, который подбрасывал Егору наркотик, недавно, по слухам, сел... За «КРЫШЕВАНИЕ НАРКОМАНОВ». Перебор вышел...

...Вчера уже было поздно ватно развивать и дополнять сказанное. Один момент в той истории представляется мне весьма важным, чтобы быть отмеченным специально. Речь о жанре "письма президенту" (= "царю-батюшке" и т.п.). Мне кажется, что

твоя корректирующая (и как бы "снижающая" в смысловом плане) характеристика этого жанра как «наивного» — недостаточна, и хотя я понимаю, что это не всё, что Ты мог бы сказать по этому поводу, плюс я не знаю действительного отношения Ольги к этой своей акции (кроме написанного, что-то в таких случаях может «оставаться в уме»), не лишними для вас могут быть и последующие мои соображения.

Такие челобитные, как «письмо президенту», какими бы резонами они ни обосновывались, добавляют ЛЕГИТИМНОСТИ «президентской вертикали» («имперской», вообще — бюрократической госвласти). Получается как бы «*общепародное*» **признание** этой *сверх*-власти, воистину «трансцендентной» — выше всяких реальных возможностей любого должностного лица и института, если иметь в виду систему реальных компетенций, правило, а не показательно-показушный пример. Именно по случаю очередного «явления народу» очередного «Демидурга» (как в оное время в случае как бы ответного «*письма Сталина тов. Иванову*»)… Ведь почему громогласно устраивается «День Путина»?! Мол, пишите письма, спрашивайте, короче, *просите*, и получайте — от *милостей* Всевласти! (Не все, конечно, а кому повезёт: сами понимаете, ВВП — «живой человек», имеет не более 24-х часов в сутках).

И весь этот преднамеренно создаваемый спектакль — ВМЕСТО системы ответственной коммуникации ВСЕХ управленцев по каналам двусторонней (многосторонней) взаимно-обратимой связи. На ВСЕХ уровнях власти! Спектакль, долженствующий продемонстрировать всем и каждому, что потому и нужен «царь-батюшка», по современному, — «президент», или «автор и режиссёр-дирижёр», что «бояре» никогда не внушали полного доверия, а прочая «дворцовая челядь» — и вовсе заведомые мошеники… Спасаем же наш народ (российский, в данном случае) исключительно через земного представителя трансцендентных сил, всенародно одобряемого и избираемого, даже многими любимого…

В логике гражданского общества и гражданского действия, напротив, наиболее уместными представляются обращения *к общественности* (вместе с понятными институализированными акциями по *вертикали судебной власти* — как призванной «уравновесить» вертикаль власти исполнительной и реализовать правоприменительный потенциал Закона). В более-менее действенной когда-то форме (сейчас — не знаю) «пишем в редакцию» (здесь и сейчас, где жертва — инвалид Второй мировой, *открытое письмо*, скажем, в «Красную звезду» или «Человек и Закон», если таковые ещё выходят в России).

Иначе говоря, если обращение к ВВП поможет подопечному Ольги и всех, к этому делу близких (чего ни бывает!), то это, конечно, хорошо. *В краткосрочной перспективе.*

И плохо — *в масштабе большого социального времени России...*

Мой ответ:

...Тут опасна абсолютизация, — твоей идеи (в принципе — резонной), как и любой другой. Конечно, не стоит легитимизировать своей «челобитной» заведомо нелегитимную власть, но — продолжая эту мысль — любой социальный институт в нашем обществе нелегитимен, поскольку контролируется и подчиняется этой власти.

И еще — попробуй объяснить свою истину человеку, которому важен житейский результат, а не абстрактная чистота социального поведения.

Ты и сам делаешь эту оговорку.

Лично я не стал бы апеллировать к «отцу нации», каковым тому хочется себя видеть. И в силу твоих соображений, и просто в силу самоуважения. (Я Пу-

тина иначе, чем «1-е должностное лицо государства» не называю). Но и не стану отговаривать других от такой инициативы.

Кстати сказать, обращение к «царю-бабушке» есть просто форма взаимодействия с институтом высшей власти, где имя и отчество адресата не имеет никакого значения. А еще — форма нормального «лукавства» низов перед верхами, которыми первым иногда тоже удается хоть немного манипулировать.

Так что в этой борьбе — все средства хороши, кроме аморальных...

...Мой низкий поклон Ольге. Ольга, согласен с Тобой, нашла абсолютно адекватный способ ведения дела и борьбы с чиновниками — до полной победы. В которую очень хочется верить, хотя жизнь и подсказывает, что таковая возможна лишь как исключительный случай — совпадение во времени и пространстве не только предельных усилий защитников ветерана и его собственной жизнестойкости, но и трудно прогнозируемого "чиха" из "Кремля" ("ответ президента товарищу Ветерану" — вообще для старого "Крокодила!") и ещё сложнее прогнозируемой рефлекторной суеты с минимальным к.п.д. его челяди по всей "вертикали".

Прошу передать праздничный привет Олегу Георгиевичу... И да пребудет с ним не умалимая сила Георгия-Победоносца!

Что до методы Ольги (как здесь, так и ранее, в случае с Егором, как в специфических моментах ведения дела, так и в жизненной позиции в целом), то с удовольствием замечая, что угадывается её верность парадигме *драматической социологии* и *социологической ауторефлексии* — во множестве потенциальных эвристических вариантов таковой, никак не замыкаемых на цеховой академической дисциплине...

...Материал об ужасающей судьбе деревенского жителя, участника войны, позволяет судить о глубочайшем регрессе человека у власти, но мне представляется, что именно советский человек оказался таким примитивным, что не выдерживает никакого испытания властью. В Платоновской философии — это человек с душой раба, движим только биологическими потребностями. Такими представляются мне все видимые представители власти и поскольку они примитивны — то формируют именно такие отношения со своим народом. Ложь — самая отчетливая их характеристика...

Мой ответ:

...Согласен с Вами. Наш «человек во власти», как правило, решает СВОИ проблемы, в худшем случае — за счет других, в лучшем случае — при известном балансе личных и общественных интересов. Не обязательно только биологические потребности им движут, но почти исключительно эгоистические, еще хорошо если преобладают потребности самосохранения (у власти же). Ничего кроме избирательных притеснений низестоящих вышестоящими (в случае недостатка лояльности или же — «не по чину брал», и «вот, погорел») этой общей тенденции современные высшие чиновники противопоставить не могут. Потому что сами — такие...

...Наконец, прочитала «Деревенскую историю» — лучше поздно, чем никогда.

Конечно, в самом начале «зацепилась» за статью Федерального закона об «Ограничении прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг». Потрясающая формулировка! Сразу возникло множество ассоци-

аций — не буду их описывать — просто жуть берёт! Подумалось — я хоть и «Житель блокадного Ленинграда», но не инвалид (и потому «вторую» пенсию не получаю), может, в этом — спасение от «социальных услуг»? Но какой возраст юридически считается «пожилым»? Вот вопрос!..

Мой ответ:

...Статья 15 Федерального закона "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов", принятого в 1995 году, действительно, жутковатая. Ну, у нас еще и не такие законы принимала Государственная дума, особенно в последнее время («взбесившийся принтер»).

А в вышеупомянутом Законе есть еще и такая декларация:

«Статья 20. Стационарное социальное обслуживание

Стационарное социальное обслуживание направлено на оказание разносторонней социально-бытовой помощи гражданам пожилого возраста и инвалидам, частично или полностью утратившим способность к самообслуживанию и нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном уходе и наблюдении.

Стационарное социальное обслуживание включает меры по созданию для граждан пожилого возраста и инвалидов наиболее адекватных их возрасту и состоянию здоровья условий жизнедеятельности, реабилитационные мероприятия медицинского, социального и лечебно-трудового характера, обеспечение ухода и медицинской помощи, организацию их отдыха и досуга.

Стационарное социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов осуществляется в стационарных учреждениях (отделениях) социального обслуживания, профилированных в соответствии с их возрастом, состоянием здоровья и социальным положением».

Вроде все правильно, но на фоне нашей реальности звучит издевательски.

Я не думаю, что во времена нашей молодости дома престарелых были более гуманными и благоустроенными...

Из статьи «Насильственное милосердие в Боровичах: дело инвалида Желябужского», опубликованной на Новгородском информационном и аналитическом портале «Лики»:

«...Журналист Андрей Алексеев и продолжение этой истории написал, столь же многословное и доказательно — за что ему большое человеческое спасибо: я уже начал разуверяться в том, что есть такие люди, что выливают на страницы газет не только накипь фактов с примесью собственного мнения».

Из письма А. Алексева коллегам, от 29.04.2013:

..Как видите, после «Нашего заурядного / незаурядного случая» — (дела 2010-2012 гг., которое мы во всяком случае не проиграли) жанр публичной социологии в форме судебного очерка не оставляет Вашего корреспондента. И опять та же троица (логопед Ольга Новиковская, социолог Алексеев и адвокат Беляков) воюют за справедливость, только не вообще, а за спасение конкретного старика. ...С одной стороны — профессионально говоря — «модельная ситуация»: вот такова она наша нынешняя российская жизнь, и без всякой «политики». С другой — живой, страдающий, обманутый человек, на которого этой власти (в данном случае — в лице ее «низовых» представителей) глубоко «нас...ть», да еще, похоже, и поживиться можно.

Из «Записей для памяти» О. Новиковской (март 2013):

«...Судьба этого 86-ти летнего слепого лежачего старика мне не безразлична. Я знаю Олега Георгиевича с детства (40 с лишним лет). И всегда этот человек был добр ко мне и членам моей семьи. Сначала он помогал моей бабушке Ольге Тимофеевне, потом маме, потом мне и моим детям (то дров наколет, то вскопать огород поможет, то воды принесет, то насос починит, то часы, то велосипед...). И это при условии, что живем мы на расстоянии в 5 км друг от друга. Надо сказать, что помогал Олег Георгиевич не только нам, но и вообще всем, кто в этом нуждался. Помогал просто так, по доброте душевной, естественно, без всяких денег, за что и был прозван Чудаком и Собачником. (Тогда он содержал больше десятка маленьких собачек. Животные плодились, а добрый человек не мог уничтожать щенков или отдавать их в плохие руки). А некоторые называли его «Святым человеком»...».

20.06.2014

(11) Меж- и внутриведомственная переписка. А также проект речи О Новиковской в суде

Завтра — 10 июля 2013 года — коллегия по гражданским делам Новгородского городского суда рассматривает апелляционную жалобу, поданную в интересах Олега Георгиевича Желябужского, на решение Боровичского районного суда от 5.04.2013.

В конце июня на домашний адрес Ольги Новиковской пришел конверт из Департамента социальной защиты Новгородской области.

Документ на официальном бланке обращал на себя внимание отсутствием даты, исходящего номера... Но, как видно, и такое бывает в бюрократической практике.

В документе, за подписью руководителя Департамента А.З. Дряницына, указывалось: «Департамент социальной защиты населения Новгородской области на Ваше обращение в интересах Желябужского О.Г. сообщает следующее...».

Между тем, в названный Департамент О.А. Новиковская вроде не обращалась...

Скорее всего, это результат многочисленных пересылок из одной инстанции в другую. (Например, Новиковская еще в апреле обращалась к Президенту РФ по так называемой «Прямой линии», или — позже — в приемную Полномочного представителя Президента РФ по Северо-Западу; могли оттуда переслать).

Вообще, это обычная формула: «в ответ на Ваше обращение...» — без указания адреса и даты обращения, чтобы гражданин гадал — на какое же из его обращений отвечают и не мог проконтролировать, на те ли вопросы и просьбы отвечают, которые он тогда высказывал.

Дальше — тоже как обычно — излагается то, что гражданину и так известно, чтобы ему в этом бюрократическом многословии вылавливать крупички новой фактической информации или же трактовки уже известного. Так, уж всяко доверенному лицу Желябужского, т.е. Ольге Новиковской, известно и про то, что пожилой инвалид живет теперь в благоустроенном доме А.А. Кавицына, а этот последний назначен его попечителем в форме патронажа. А также известно, что «решение суда о принудительном помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания не вступило в законную силу в связи с его обжалованием адвокатом Олега Георгиевича».

Интересно, что в этом документе не указывается дата заседания коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда, а именно — 10 июля (заметим, это завтра!), где будет рассматриваться апелляционная жалоба, и на которое, понятно, поедет О. Новиковская.

Ну, и в заключение. «успокаивающая» фраза:

«Сложившаяся ситуация находится на контроле у комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района и Администрации Боровичского муниципального района, которые действуют в интересах Желябужского О.Г., не ущемляя его права» (!! — А. А.).

Пожалуй, адресат этого письма так и оставалась бы в некотором недоумении насчет его реквизитов и содержания, если бы не возникшая у автора этих строк возможность прикоснуться к ВНУТРИВЕДОМСТВЕННОЙ переписке вокруг шумевшего дела инвалида Великой отечественной войны, о котором (инвалиде и его благополучии) так по-разному пекутся местные чиновники и некоторые его друзья и защитники его интересов.

А надо напомнить, что среди «отзывов людей» (см часть 10 нашей хроники) был отклик и от одного достаточно высокопоставленного должностного лица, с которым автору приходилось вместе стоять на баррикадах у Мариинского дворца в августе 1991 года. Тот, уже после первой публикации на Когита.ру, инициативно переслал наш материал своей новгородской коллеге (должностному лицу аналогичного статуса и профиля) с просьбой «обратить внимание».

Та — запросила Новгородский областной орган социальной защиты населения, оттуда, как видно, ушел запрос в соответствующую структуру Боровичской администрации, и далее по цепочке, вплоть до администрации сельского поселения Опеченский посад, к которому относятся деревни Горбасино и Горбино (бывшее и нынешнее места проживания ветерана Желябужского). Откуда информация пошла обратно — вверх и вбок — так что достигла моего старинного знакомого в его начальственном кабинете.

И тот счел за благо переслать мне поступившие к нему материалы меж — и внутриведомственной переписки, справедливо рассудив, что служебных тайн эти материалы в себе никак не содержат.

Я тоже так думаю, и потому воспроизвожу их дословно, опустив только исходящие номера.

«Кому: Уполномоченному <...>

От кого: Уполномоченный <...>

17/06/2013 № <...>

ОТВЕТ НА ОБРАЩЕНИЕ В ИНТЕРЕСАХ ЖЕЛЯБУЖСКОГО О.Г.

Уважаемый <...>!

В ответ на обращение в интересах Желябужского Олега Георгиевича, проживающего в Боровичском районе Новгородской области, сообщая следующее.

В настоящее время комитетом социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района над Желябужским О.Г. установлено попечительство в форме патронажа в соответствии с областным законом от 25 декабря 2007 года № 235-ОЗ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городского округа Новгородской области отдельными государственными полномочиями по решению вопросов организации и осуществления деятельности по опеке и попечительству над совершеннолетними гражданами».

Желябужский Олег Георгиевич проживает в доме своего попечителя Кавицина А.А. Условия проживания соответствуют государственным санитарно-эпидемиологическим правилам и нормам.

Сложившаяся с Желябужским О.Г. ситуация находится на контроле Администрации Боровичского муниципального района и комитета социальной защиты Администрации Боровичского муниципального района. Подробная информация о Желябужском О.Г., подготовленная Администрацией Боровичского муниципального района, прилагается к настоящему письму.

Приложение на 3 листах в 1 экз.

Уполномоченный <...>

«Кому:

Департамент социальной защиты населения Новгородской области

От кого: Новгородская обл. Администрация Боровичского муниципального района.

Ул. Коммунарная, д. 48. г. Боровичи 174400

Тел. (81664) 9-12-08 факс 9-12-99 email: admin@boradmin.ru

29/05/2013 № <...>

На № <...> 20/05/2013

О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ

В связи с обращениями в отношении Желябужского Олега Георгиевича Администрация муниципального района сообщает, что 13.03.2013 из прокуратуры поступила информация о неудовлетворительных и непригодных для жизни условиях проживания Желябужского О.Г.

По данной информации и во исполнение указаний прокуратуры представителями комитета дважды был осуществлен выезд по месту жительства Желябужского О.Г. в д. Торбасино, д. 9. Во время посещений было установлено, что Желябужский Олег Георгиевич, 1926 года рождения, проживает один по указанному адресу, является инвалидом первой группы Великой отечественной войны.

Проживает в жилом помещении, которое находится в аварийном состоянии и непригодно для проживания. В коридоре отсутствует половое покрытие, нет двери, печь находится в неисправном состоянии, поэтому в доме холодно. Место, где лежит Желябужский О.Г.Б обогревается электрическим обогревателем. Электропроводка также в неисправном состоянии. Сам Желябужский О.Г. бездвижен, не видит, самостоятельно не может удовлетворять свои жизненные потребности, утратил способность к самообслуживанию. Питание однообразное и крайне неудовлетворительное.

Во время посещений по месту жительства сотрудниками Администрации муниципального района и прокуратуры было установлено, что из продуктов питания, кроме черствого хлеба, ничего не было. В ПФ РФ по уходу за инвалидом оформлен гражданин Кавицин Андрей Алексеевич, проживающий в соседней деревне Горбино Боровичского района, который не обеспечивал уход за ним. 20.03.2013 комиссией в составе: заместителя Главы администрации Опеченского сельского поселения Сиговой Л.А., ведущего служащего Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района Котовой С.А., врача общей практики ГОБУЗ «Центр общей врачебной (семейной) практики Опеченской амбулатории» Евстигнеевой Л.К. заведующей отделением срочного социального обслуживания ОАУСО «Боровичский ЦСО» Косуровой ЛГ был осуществлен выезд по месту жительства Желябужского О.Г. с целью предложить ему госпитализацию в учреждение здравоохранения или услуги Центра социального обслуживания.

Однако Желябужский О.Г. категорически отказался от осмотра его врачом и от госпитализации в больницу. Также было предложено помещение его в учреждение социального обслуживания или переезд в дом Кавицина А.А.

От данных предложений Желябужский О.Г. категорически отказался. По результатам обследования условий жизни инвалида был составлен акт, в котором отражен факт отказа его от медицинских услуг. Желябужскому О.Г. были разъяснены возможные последствия принятого им решения, в том числе положения статьи 15 Федерального закона от 2 августа 1995 года № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов».

Прежде чем обратиться в суд комитет социальной защиты населения предложил Администрации Опеченского сельского поселения подобрать кандидата в попечители, а также было предложено и Кавичину А.А. оформить заявление о попечительстве. Однако в связи с тем, что Желябужский О.Г. отказался переезжать к Кавичину А.А., последний не согласился стать его попечителем. Других кандидатов в попечители не было. Учитывая, что Желябужский О.Г. не способен самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности (утрата способности к самообслуживанию и активному передвижению) и дальнейшее нахождение в вышеуказанных условиях может повлечь ухудшение состояния его здоровья или угрозу для его жизни, обращение в суд стало крайней мерой.

21.03.2013 комиссией по рассмотрению вопросов опеки и попечительства совершеннолетних граждан принято решение о подаче в суд искового заявления о принудительном помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания.

Во избежание ухудшения здоровья Желябужского О.Г. или возникновения угрозы его жизни, а также в целях защиты его прав и законных интересов, 25.03.2013 в Боровичский районный суд было направлено исковое заявление о помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия.

Решением Боровичского районного суда Новгородской области от 05.04.2013 заявление комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания гражданина Желябужского О.Г. без его согласия удовлетворено.

После ознакомления с решением суда 11.04.2013 Желябужский О.Г. переехал в дом Кавицина А.А. по адресу: Боровичский р-н, д. Горбино, д. 39.

В настоящее время в связи с подачей апелляционной жалобы адвокатом Желябужского О.Г. данное решение суда еще не вступило в законную силу.

13.05.2013 Желябужский О.Г. и Кавичин А.А. обратились в комитет социальной защиты населения Боровичского муниципального района о назначении попечительства в форме патронажа. Условия проживания Желябужского О.Г. в доме Кавицина А.А. обследованы.

Уполномоченным специалистом комитета совместно с представителем территориального отдела Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Новгородской области в Боровичском районе. В результате данного обследования условия жизни Желябужского О.Г. в настоящее время признаны удовлетворительными и соответствующими государственным санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам.

Вопрос о назначении попечителя рассматривался 23.05.2013 на заседании комиссии по рассмотрению вопросов опеки и попечительства. Распоряжением комитета социальной защиты населения Боровичского муниципального района от

24.05.2013 № 355 установлено попечительство в форме патронажа над Желябужским О.Г. Попечителем назначен Кавищин А.А.

По поводу единовременных денежных выплат, как инвалиду ВОВ, комитет социальной защиты населения пояснил, что еще до обращения в суд приняты меры для получения выплат Желябужским О.Г. Из Пенсионного фонда были запрошены все недостающие документы, а также Администрации Опеченского сельского поселения было предложено произвести замену удостоверения инвалида ВОВ, так как существующее не соответствовало назначенной группе инвалидности.

В настоящее время все предусмотренные законодательством выплаты Желябужскому О.Г. назначены и выплачиваются.

Заместитель Главы администрации района И.А. Шуневич»

Что сказать об этих документах?

Приведу здесь полный текст своего вчерашнего письма тому самому должностному лицу, которое инициировало эту меж- и внутриведомственную переписку. (Бось, что среди питерских чиновников мой корреспондент — «белая ворона»).

«Здравствуйте, <...>!

Сердечное спасибо, за внимание к случаю ветерана Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского в новгородской глубинке и за присланные материалы. Теперь более-менее понятно, как протекали чиновные игры вокруг этих событий, лишь косвенные отголоски которых (игр) поступали к нам до сих пор.

Впрочем, и по этим отголоскам нам удавалось отчасти восстановить действительную картину ведомственных взаимодействий, притом, что все описанные обстоятельства внутри ситуации Желябужского нами наблюдались непосредственно. Отчасти СМИ способствовали решению данной проблемы, ибо с легкой руки Когиты к этому делу подключилась и боровичская, и новгородская, и даже федеральная электронная пресса.

В частности, на Когита.ру а течение апреля-июня продолжался 10-частный сериал-мониторинг этого дела. <...>.

Ваше личное подключение к этому делу, как видно, тоже сыграло свою немаловажную роль.

На днях на питерский адрес Ольги Новиковской поступила бумага из Департамента социальной защиты населения Новгородской области, в которой использованы те же формулировки, что и в присланных Вами документах. Обращает на себя внимание, что все эти документы, в отличие от поступавших к нам ранее (из прокуратуры, из административных органов и проч.), составлены довольно тщательно и достаточно грамотно. (Небось, местную интеллигенцию мобилизовали!).

Тональность документа из боровичской администрации — благостная: мол, все делалось правильно, в интересах «неудобного» инвалида, и вот теперь якобы кончилось — ко всеобщему удовлетворению: и жизненные условия изменились к лучшему, и попечитель в форме патронажа назначен, и деньги (ранее утаивавшиеся от инвалида войны) ему перечислены. Все так. За исключением одного обстоятельства, которое лукаво замалчивается, точнее — подается тоже как благополучное:

«В настоящее время в связи с подачей апелляционной жалобы адвокатом О.Г. Желябужского данное решение суда (*еще от 5.04.20113: о помещении пожилого инвалида в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия.* — А. А.) ЕЩЕ (выделено мною. — А. А.) не вступило в законную силу».

ЕЩЕ! А если / когда вступит — УЖЕ?! Решение суда надо исполнять, если оно не отменено, как о том (об отмене) просит адвокат Желябужского В.Г. Беляков.

Дело в том, что не далее, как послезавтра, 10 ИЮЛЯ (среда), в 10 час., в Новгородском областном суде состоится заседание коллегии по гражданским делам, где будет рассматриваться дело Желябужского (о принудительном помещении в казенный дом, говоря попросту). И решение суда апелляционной инстанции вовсе не predetermined.

Мало того, Комитет по социальной защите населения администрации Боровичского муниципального района — тот самый, «на контроле» у которого, как Вам сообщает Ваша коллега из Новгорода <...>, находится сейчас сложившаяся с О.Г. Желябужским ситуация, так вот — этот самый административный орган направил в Новгородский областной суд документ, который называется ВОЗРАЖЕНИЯ (на апелляционную жалобу в интересах Желябужского), правда, практически уклоняется от изъяснения своей позиции по существу указанной жалобы (как-никак, нынешние жизненные условия инвалида они признали удовлетворительными и сами же назначили ему попечителя в форме патронажа).

Ну, а Боровичская межрайонная прокуратура, так та, то ли по халатности «не в теме», то ли намеренно дезинформирует областной суд о том, что обстоятельства жизни Желябужского никак не изменились и НАСТАИВАЕТ НА ОТКЛЮЧЕНИИ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ, т.е. о водворении Желябужского в дом престарелых, вопреки его желанию, а теперь еще и вопреки здравому смыслу и изменившимся обстоятельствам.

Насколько внимателен будет к нетривиальным обстоятельствам этого дела Новгородский областной суд, каким будет его решение — трудно предугадать, памятуя о независимости нашего суда и всяких прочих моментах.

Итак: администрация сельского поселения Опеченский посад, в зоне ответственности которого находится сельский житель, ветеран и инвалид Великой Отечественной войны О.Г. Желябужский, и органы администрации Боровичского муниципального района, о чьих «подвигах» вроде бы исчерпывающе поведано на портале Когита.ру и в других СМИ, пытаются обрисовать свою деятельность перед вышестоящими инстанциями в наиболее благоприятном свете (отчасти в надежде, что противоречия в их позиции останутся незамеченными).

Вопрос: не окажутся ли вышестоящие инстанции слишком доверчивыми?!

Так или иначе, дело Желябужского можно будет считать исчерпанным лишь после того, как Новгородский областной суд отменит решение Боровичского районного суда и примет новое решение, оставляющее без удовлетворения заявление Комитета по социальной защите населения администрации Боровичского муниципального района о помещении пожилого инвалида в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия.

Еще раз спасибо — за внимание к этой истории. Ваш — Андрей Алексеев. 8.07.2013».

Мне остается привести здесь текст, подготовленный О.А. Новиковской, для выступления в Новгородском областном суде 10 июля 2013 года, где во второй инстанции рассматривается дело № 2-579/2013 (из Боровичского районного суда):

«Уважаемый суд!

Я являюсь представителем, доверенным лицом Олега Георгиевича Желябужского, дело которого сегодня рассматривается в апелляционной инстанции в Новгородском областном суде. От его имени я оспариваю решение Боровичского районного суда от 5.04.2013 о помещении его (Желябужского) в стационарное учреждение социального

обслуживания, без его согласия. О.Г. Желябужский выбрал меня в качестве своего представителя, думаю, потому, что знает меня с детства и безусловно доверяет мне.

В дополнение к доводам, изложенным в апелляционной жалобе, я имею сообщить суду следующее.

Олег Георгиевич Желябужский — инвалид Великой отечественной войны, большую часть жизни проживший в Боровичском районе, в собственном доме, в деревне Горбасино. Ему — 86 лет, последние несколько лет он полностью ослеп и обездвижен, имеет 1-ю группу инвалидности. Повседневный уход за ним вот уже несколько лет осуществляет социальный работник, а ныне — попечитель в форме патронажа А.А. Кавицын. До недавнего времени (а именно — до 11 апреля с.г.) Кавицын, проживающий в соседней деревне — Горбино, навещал пожилого инвалида каждый день, а в холодное время года — дважды в день. Качеством осуществлявшегося Кавицыным ухода за ним Желябужский вполне удовлетворен. Сведения о том, что Кавицын пренебрегал заботой об инвалиде, фигурирующие в некоторых актах обследования условий жизни Желябужского, представленных в деле (л.д. ...), не соответствуют действительности.

С чем можно согласиться в упомянутых актах — это с тем, что дом, в котором до недавнего времени жил О.Г. Желябужский, обветшал и находится в аварийном состоянии. Собственно, это было главным аргументом для обращения в суд со стороны Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района, с целью помещения Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия (а Олег Георгиевич на такую перемену в своей жизни категорически не соглашался).

Я могла бы оспаривать решение Боровичского районного суда от 5.04.2013, удовлетворившего заявление боровичского Комитета социальной защиты населения, указанием на такое существенное нарушение Гражданско-процессуального кодекса РФ, как «рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания» (ст. 330 ГПК РФ). Суд проходил в отсутствие представителей Желябужского, притом что извещен о предстоящем суде сам инвалид был лишь за два дня до предстоящего суда (л.д. ...) и не имел возможности ни пригласить адвоката, ни направить на суд своих доверенных лиц. (Моя собственная доверенность на ведение судебных дел Желябужского была получена уже после суда).

Однако мне представляется решающим основанием для отмены решения Боровичского районного суда новое обстоятельство, возникшее после суда 5.04.2013, а именно — организованный 11 апреля 2013 года инициативными помощниками О.Г. Желябужского его добровольный переезд в дом своего социального работника (ныне — попечителя в форме патронажа) А.А. Кавицына, в деревне Горбино, в специально оборудованное для него отдельное помещение, в котором он вот уже два месяца как проживает в благополучных ДОМАШНИХ условиях, при постоянном заботливом уходе своего попечителя.

Эта радикальная смена жизненных условий пожилого инвалида становится в деле № 2-579/2013 НОВЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ, которое обесмысливает решение Боровичского районного суда от 5.04.2013 о помещении О.Г. Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия. Решение, с которым мой доверитель по-прежнему категорически не согласен.

Надеюсь, это новое обстоятельство будет принято Новгородским областным судом во внимание. Должна заметить, что и сам инициатор этого решения районного суда — Комитет социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района — в документе, названном «Возражения против апелляционной жалобы», в сущности против отмены решения Боровичского районного суда от 5.04.2013 не возражает, а лишь подтверждает новые обстоятельства /доказательства в настоящем деле:

«...11.04.2013 года Желябужский О.Г. переехал в дом Кавицына А.А. по адресу: Боровичский район, д. Горбино, д. 39... Условия проживания Желябужского обследованы уполномоченным специальным комитетом совместно с представителем территори-

ального отдела Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Новгородской области в Боровичском районе. В результате данного обследования условия жизни Желябужского в настоящее время признаны удовлетворительными и соответствующими государственным санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам».

(Замечу, что свой подробный комментарий от 12.06.2013 к документу «Возражения на апелляционную жалобу», подписанному председателем Комитета социальной защиты населения Г.Б. Бурдаковой (см. часть 2 настоящей хроники. — А. А., я выслала в адрес Новгородского областного суда, параллельно — электронной почтой и заказным письмом, еще месяц назад, с просьбой приобщить его к делу № 2-579/2013).

Как известно, в мае с.г. состоялось официальное оформление А.А. Кавицына попечителем пожилого инвалида в форме патронажа (что, думаю, может подтвердить присутствующий здесь представитель Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района).

Таким образом, проблема, которую решением Боровичского районного суда от 5.04.2013 предписывалось решать насильственными действиями, решена «мирным путем», ко всеобщему удовлетворению — не только самого Желябужского, но даже и выступившего по отношению к нему фактически в качестве «истца» (заявителя) Комитета социальной защиты населения. (Так, представитель Комитета С.А. Котова еще в апреле заявила корреспонденту Новгородской интернет-газеты «Ваши новости»: «Мы надеемся, что поместить ветерана в дом престарелых, куда он не хочет, всё-таки не придётся»).

Еще раз подчеркну: речь идет о пожилom инвалиде, защитнике нашей родины, которому мы все должны в ноги поклониться, а не навязывать ему ведомственную «заботу», в которой он вовсе не нуждается и от которой отказывается. Задача обеспечения проживания и ухода за инвалидом Великой Отечественной войны О.Г. Желябужским не в «казенных», а в домашних условиях, ныне, слава Богу, решена. И Новгородскому областному суду остается лишь утвердить это положение дел своим решением.

Прошу приобщить текст моей речи к делу № 2-579/2013.

О.А. Новиковская. Июнь 2013»

Итак: завтра, 10 июля 2013 года, в 10:00, в Новгородском областном суде слушается в апелляционной инстанции дело, которое так и хочется назвать: «**Государство против инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского**». продолжение (окончание?) следует.

8.07.2013. 18:00.

(12) Гражданин выиграл дело у государственных институтов (предварительная информация)

Новгородский областной суд не только отменил решение Боровичского районного суда, но и принял свое решение, отказывающее в удовлетворении заявления комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района, тем самым окончательно закрыв это дело.

А теперь — воспроизведем два письма, отправленных уже после этого суда. Одно — своего рода рассылка от адвоката В.Г. Белякова; другое — мое письмо одному из коллег, принимавшему участие в этом деле.

(1) Уважаемый читатель!

В мае 1944 года на фронтах Великой отечественной был тяжело ранен рядовой Олег Георгиевич Желябужский.

5 апреля 2013 года местная власть (Боровичский район, Новгородской обл.) решением суда пыталась «депортировать» 86-летнего инвалида ВОВ Желябужского О.Г.

в дом престарелых, против его воли. По времени это совпало с выявившимся впоследствии фактом, что от него полтора года утаивали положенную ему по закону прибавку к пенсии (задолженность государства за это время достигла 240 тыс. руб.).

10 июля мы победили — решение Боровичского районного суда о помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социальной защиты, *без его согласия*, от 5.04.2013 отменено Новгородским областным судом, и принято новое решение — оставить без удовлетворения соответствующее исковое заявление Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района.

Мы — это социолог-журналист Андрей Алексеев, учитель-логопед Ольга Новиковская, адвокат Владимир Беляков (все трое — из Петербурга), односельчанин Желябужского Дмитрий Иванов, ну, и, разумеется, сам О.Г. Желябужский.

Но не всем выжившим в войне, закончившейся 68 лет назад, удастся спастись от нынешней власти. В том же Боровичском районе Новгородской области недавно в доме престарелых закончили свой жизненный путь месяца через два после попадания туда (кажется, тоже против своей воли; такая возможность предусмотрена нашим «гуманным» законом) два ветерана (старушка и старичок, из разных семей).

О развитии обстоятельств «дела Желябужского» подробно рассказывалось на портале «Когита.ру» в течение апреля–июля 2013 года. <...>

Адвокат В. Беляков. 11.07.2013

(2) ...Сегодня состоялся суд в Новгороде. Защитники Желябужского выиграли его по всем статьям. Их оппоненты если не от стыда, то с перепугу на суд не пошли. Апелляционный суд не только отменил решение Боровичского районного суда, но и принял свое решение, отказывающее в удовлетворении заявления боровичского комитета социальной защиты населения, тем самым окончательно закрыв это дело.

Случай не частый, когда апелляционный (областной) суд по одному делу заседает чуть не 50 мин. и дает апеллирующим произнести свои речи до конца...

А. Алексеев. 10.07.2013.

Этой скупой информацией пока ограничимся. Подробный «разбор полетов» — впереди.

12.07.2013.

(13) О чем следует просить суд апелляционной инстанции («мастер-класс» для граждан)

Как мы уже сообщали, Новгородский областной суд 10 июля 2013 года принял решение, отвечающее интересам ветерана из новгородской глубинки, и принудительное помещение в дом престарелых ему больше не грозит. Здесь — обещанный «разбор полетов» ряда действующих сил и лиц этой драматической истории.

К суду второй инстанции по «делу О.Г. Желябужского» команда его защитников готовилась основательно. Мне уже случалось приводить полный текст апелляционной жалобы на решение Боровичского районного суда от 5.04.2013, присудившего Олегу Георгиевичу помещение его в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия (точнее — против его воли) — возможность, предусмотренная статьей 15 Федерального закона от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» (такое частичное ограничение прав дееспособного гражданина, разумеется, в его гражданина, интересах, которые он «недостаточно осознает»).

Практика такого принудительного социального обслуживания в отечественной социальной политике довольно распространена. Ну, вроде отъема детей у нерадивых родителей и помещения их в детский дом или в другую семью, при том что согласия у несовершеннолетних не спрашивают... Только тут это касается «пожилых и / или инвалидов», дееспособных, которые, однако, не могут в быту обходиться без посторонней помощи. (Последнюю в домашних условиях обычно осуществляют родственники и / или попечители в форме патронажа).

Я не берусь сейчас освещать все нюансы — обстоятельства и мотивы — этой государственной заботы (в случае водворения в дом престарелых и т. п.), вот только зачастую чиновные лица в этом деле проявляют какую-то повышенную заинтересованность, хорошо если бескорыстную. О том, как это было в данном случае, читатель может судить из всего нашего предшествующего рассказа.

Представлю состав команды волонтеров, вставших на защиту интересов 87-летнего (исполнилось в июле 2013 года) инвалида 1-й группы, как он сам (а не чиновники) их (эти интересы) понимает:

— петербургский учитель-логопед (работающая в специализированном детском саду) **Ольга Андреевна Новиковская**; на лето каждый год приезжает в деревню Стрелка, Боровичского района, Новгородской области, что в 5 км от деревни, где до недавнего времени жил Желябужский, а теперь (после вселения последнего в дом своего социального работника, а ныне — попечителя в форме патронажа А.А. Кавицына в дер. Горбино), еще более близкая ему соседка; доверенное лицо О.Г. Желябужского по ведению судебных дел;

— односельчанин О.Г. Желябужского, молодой человек **Дмитрий Иванов**, проживающий в дер. Горбино, в соседнем с Кавицыным доме (избе); тоже доверенное лицо О.Г. Желябужского по ведению судебных дел;

— петербургский адвокат и правозащитник **Владимир Геннадиевич Беляков**, заключивший с О.Г. Желябужским договор о представительстве его интересов в суде, на общественных началах.

Таков основной состав команды. Впрочем, есть и «тренер», и «запасные», чье участие является по преимуществу заочным.

После упомянутого решения Боровичского районного суда от 5.04.2013, распорядившегося судьбой ветерана Великой Отечественной известным образом, произошло несколько *ключевых событий*, радикально изменивших жизненную ситуацию Желябужского и внесших существенно новые обстоятельства в его дело.

Это, во-первых, переселение пожилого инвалида из его собственного, пришедшего в негодность дома в дер. Торбасино (где он прожил большую часть жизни) в достаточно благоустроенный дом А. Кавицына в дер. Горбино, которое состоялось 11 апреля 2013 года. На такое не простое для старика решение его подвигли, нет, не местные чиновники, посылающие или даже лично вручающие ему (вроде главы администрации сельского поселения Опеченский посад А.В. Никитина) открытки с поздравлением по случаю дня Победы), а его младшие друзья (родных-то практически не осталось), в частности, срочно приехавшая из Питера О. Новиковская.

Местная администрация от помощи в этом деле устранилась и скорее мешала, если не вредила (о чем нам приходилось писать ранее. Во-вторых, апелляционная жалоба от 24.04.2013 на вышеупомянутое решение Боровичского районного суда, лично доставленная адвокатом В. Беляковым из Питера в Боровичский суд.

В-третьих, действия комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района, который (комитет), с одной стороны был инициатором судебного разбирательства, заявителем (истцом) по «делу Желя-

бужского», на предмет водворения его в дом престарелых, без его согласия, однако после переселения «неудобного старика» к Кавицыну, стал «гасить скандал» и своим распоряжением от 24.05.2013 назначил бывшего социального работника А.А. Кавицына попечителем в форме патронажа над Желябужским, чем само по себе помещение в стационарное учреждение социального обслуживания как будто исключается.

Пожалуй, немаловажным фактором развития событий в «деле Желябужского» стал и общественный резонанс, вызванный выступлениями СМИ, включая наши собственные публикации — настоящий мониторинг этой истории на Когита.ру.

К суду второй инстанции по «делу О.Г. Желябужского» команда его защитников готовилась не только основательно, но и загодя. Отслеживали все «возражения» на апелляционную жалобу, поступившие еще в июне в Боровичский суд от участников первого судебного процесса (комитет социальной защиты населения; местная прокуратура). Писали «возражения на возражения» и заблаговременно представляли их в Новгородский областной суд, куда дело должно было поступить. Сочиняли тексты речей для суда апелляционной инстанции. (Текст предстоящей речи О. Новиковской см. ранее: часть 11 настоящей хроники).

Стоит заметить, что главный «оппонент» Желябужского и его защитников в суде, а именно — комитет социальной защиты населения боровичской администрации, занял «выжидательно-оправдательную» позицию: мол, у них «не было иного выхода», как заявить на Желябужского в суд, поскольку сам он «категорически отказывался» менять место жительства (переезжать хоть к Кавицыну, хоть — тем более — в дом престарелых).

Уже пару месяцев спустя после переселения Желябужского, комитет социальной защиты населения не поленился отправить в дер. Торбасино комиссию со специальной целью зафиксировать состояние ПРЕЖНЕГО (!!) жилища инвалида. Дом Желябужского был заколочен. Заставили Кавицына открыть (разумеется, без ведома хозяина) и сделали несколько фотографий: окна без занавесок, поломанный стул посреди комнаты, мусор на полу, картина упавшая (или снятая?) со стены...

И... в порядке самооправдания, что ли, поместили эту фотографию в местной газете под заголовком: «В таких условиях жил инвалид». (Нет, чтобы написать: «Таким выглядит сегодня оставленное хозяином жилище»).

Мы еще вернемся к этому сюжету чиновной бестактности и изымательства над слепым и обездвиженным стариком.

Здесь еще отметим, что за истекшие со времени первого суда три месяца боровичский комитет социальной защиты населения и администрация Опеченского сельского поселения достаточно оперативно организовали начисление Желябужскому дополнительных денежных выплат, положенных ему, как инвалиду военной травмы, «в соответствии с *Постановлением Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. № 142 «О финансовом обеспечении и осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10 и 13 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат (далее ЕДК по № 306-ФЗ)»*» (см. документ из Департамента социальной защиты населения Новгородской области, без даты, поступивший на имя О.А. Новиковской в конце июня 2013 г.).

Ранее возможность получения этих выплат от ветерана утаивалась, так что государство за полтора года задолжало ему 240 тыс. руб. Теперь и эта задолженность погашена. Местная администрация заверила доверенность, выданную Желя-

бужским на имя своего попечителя в форме патронажа Кавицына А.А., что дает возможность получения указанных денег со счета в сбербанке.

Ранее, до того как щекотливая история с как будто пропавшими ветеранскими деньгами стала достоянием гласности, эта проблема как-то зависала в бюрократической паутине.

Но вернемся к последним шагам команды защитников Желябужского. Предлагаем вниманию читателя текст «Объяснений» (по существу — речи на суде), заранее приготовленных адвокатом В.Г. Беляковым и отражающих как сюжеты апелляционной жалобы от 24.04.2013, так и ряд новых, возникших уже после подачи этой жалобы обстоятельств.

(Здесь приводится только заключительная часть этого текста. — А.А. Октябрь 2014.)

Из Объяснений адвоката В.Г. Белякова

...Подводя итоги: на суде 05.04.2013 были неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела. Кроме того, новые, возникшие уже после суда обстоятельства (переселение Желябужского О.Г. в благоустроенное помещение, назначение ему попечителя в форме патронажа, одобрение им вновь установившегося порядка социального обслуживания на дому) делают решение Боровичского районного суда на данный момент не соответствующим фактическим обстоятельствам и неадекватным.

В связи с изложенным, на основании ст.ст. 226, 322, п.п.1, 3 п.1, п.п.2 п.4 ст. 330, ст. 327, п.2 ст.328 ГПК РФ,

Прошу:

1. Отменить решение судьи В.Л.Кондратьевой от 5.04.2013 по делу № 2-579/2013 и принять новое решение — оставить без удовлетворения исковое заявление Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района.

2. В связи с выявленными нарушениями законности вынести в адрес Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района частное определение с требованием выдать Кавицыну А.А. удостоверение о попечительстве в форме патронажа над Желябужским О.Г. в соответствии с законом и «Распоряжением об установлении попечительства над Желябужским О.Г. в форме патронажа» от 24.05.2013.

Прошу приобщить текст моих объяснений к делу № 2-579/2013.

Адвокат В.Г. Беляков. Июль 2013

<...> Как видно, вся «чиновная рать», на протяжении этих трех месяцев, выступала против собственных интересов Желябужского довольно дружно. Раньше мы подробно останавливались на действиях (бездействии) местной администрации и комитета социальной защиты населения. Теперь к ним добавились (в том же качестве) местная прокуратура и районный суд.

Иногда это просто бюрократическая неряшливость (как, например, в оформлении удостоверения попечителя А.А. Кавицыну), иногда — чиновное бездушие (вроде бюрократических препон переселению пожилого инвалида в благоустроенное жилище), иногда — намеренное утаивание от Желябужского и /или его защитников существенной для ветерана информации), или даже дезинформация о якобы не изменившемся месте жительства Желябужского (см. «возражения» Боровичской межрайонной прокуратуры), и т.п.

Чем руководствовались чиновники? Иногда корпоративными интересами своего ведомства, иногда раздражением от того, что все их действия строго документируются гражданами активистами и получают освещение в СМИ; не исключены и корыстные интересы, но мы сейчас в эту тему вдаваться не будем.

Ибо главным в борьбе за отмену решения Боровичского суда оставался факт, отраженный уже в апелляционной жалобе и четко акцентированный в «Объяснениях» адвоката и в речи доверенного лица Желябужского — Ольги Новиковской:

(Приносим извинение за повтор — цитирование текста, уже приводившегося выше. Однако это место является ключевым в нашем повествовании. — А. А. Октябрь 2014)

«...Мне представляется решающим основанием для отмены решения Боровичского районного суда новое обстоятельство, возникшее после суда 5.04.2013, а именно — организованный 11 апреля 2013 года инициативными помощниками О.Г. Желябужского его добровольный переезд в дом своего социального работника (ныне — попечителя в форме патронажа) А.А. Кавицына, в деревне Горбино, в специально оборудованное для него отдельное помещение, в котором он вот уже два месяца как проживает в благополучных ДОМАШНИХ условиях, при постоянном заботливом уходе своего попечителя.

Эта радикальная смена жизненных условий пожилого инвалида становится в деле № 2-579/2013 НОВЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ, которое обесмысливает решение Боровичского районного суда от 5.04.2013 о помещении О.Г. Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия. Решение, с которым мой доверитель по-прежнему категорически не согласен.

Надеюсь, это новое обстоятельство будет принято Новгородским областным судом во внимание...»

Аргументация, как видите, сильная. Да и все поведение «истца» (Боровичского комитета социальной защиты населения) и его, так сказать, «подельников» давало основания думать, что «чиновная рать» теперь не станет слишком настаивать на помещении Желябужского в «казенный дом», коль скоро сама признает нынешние условия его жизни удовлетворительными и т.п.

Однако против отмены состоявшегося в районном суде решения они продолжали официально (документально) возражать, от «иска» к Желябужскому не отказывались, настаивали на правильности своих действий.

Ну, если бы, не дай Бог, Новгородский областной суд встал на их сторону, тогда решение районного суда вступило бы в законную силу, а судебным исполнителям все равно, какими могут быть последствия насильственного перемещения крепкого духом, но не телом ветерана — хоть из дер. Торбасино, хоть из дер. Горбино за 40 км в гор. Боровичи.

Но ведь и судебное решение в интересах Желябужского может быть разным.

В апелляционной жалобе от 24.04.2013 содержалась единственная просьба к суду:

«Отменить решение судьи В.Л. Кондратьевой от 5.04.2013 по делу № 2-579/2013».

Однако что значит отменить? Фактически это значит, что надо принять новое решение, которое примет — КТО? А все тот же районный суд (если не в том же, то в другом составе), с учетом будь то новых обстоятельств, будь то хотя бы того факта, что суд второй инстанции прежнее решение отменил (каковы бы ни

были причины такой отмены; а они могут быть и чисто формальные, благо процессуальных нарушений при рассмотрении этого дела было более чем достаточно).

То есть возникает опасность возврата дела в нижестоящую судебную инстанцию. А там... все сначала!

И вот тут — ВНИМАНИЕ! — мера пусть не абсолютной защиты от продолжения (круговорота?) судебной волокиты (почему «не абсолютной»? но ведь участники процесса только ПРОСЯТ, а выполнить ли просьбу — РЕШАЕТ суд). Эту меру не всегда предусматривают даже профессиональные адвокаты.

Каковы prerogatives суда апелляционной инстанции?

Статья 328 Гражданско-процессуального кодекса РФ («Полномочия суда апелляционной инстанции») гласит:

«По результатам рассмотрения апелляционных жалобы, представления суд апелляционной инстанции вправе:

1) оставить решение суда первой инстанции без изменения, апелляционные жалобу, представление без удовлетворения;

2) отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение;

3) отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения полностью или в части;

4) оставить апелляционные жалобу, представление без рассмотрения по существу, если жалоба, представление поданы по истечении срока апелляционного обжалования и не решен вопрос о восстановлении этого срока».

Нельзя сказать, чтобы простому смертному тут все было понятно, в силу хотя бы стилистической и логической «непрозрачности» текста. Но профессионалы-то знают, что, в соответствии с этой статьей:

А. Апелляционная жалоба может быть оставлена без удовлетворения (а решение суда, первой инстанции оставлено без изменения);

Б. Апелляционная жалоба может быть удовлетворена — полностью или частично.

При удовлетворении апелляционной жалобы (Б) возможны варианты:

а) в случае просьбы ОТМЕНИТЬ — и только! — решение суда первой инстанции, может состояться такая отмена с отправкой дела обратно, на новое рассмотрение (обычно в тот же суд, но, возможно, в новом составе);

б) в случае просьбы ИЗМЕНИТЬ решение суда первой инстанции (изменить полностью или в части) и ПРИНЯТЬ НОВОЕ РЕШЕНИЕ, может быть принято такое — новое! — решение.

Это решение должно относиться к исходному иску (в данном случае — заявлению комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района), который был в свое время районным судом удовлетворен, а вот апелляционная инстанция может оставить его БЕЗ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ.

В таком случае, никуда больше дело посылать не надо. Производство по нему закрыто. Вердикт окончательный.

Однако для того, чтобы не просто было отменено решение суда первой инстанции, а еще и принято новое — противоположное! — решение, надо высокий суд об этом ПОПРОСИТЬ! (Конечно, суд апелляционной инстанции может принять решение и без просьбы, но скорее нет, чем да, по опыту).

Вот в этой казуистике и «зарыта собака»! И непредусмотрительность проигравших может обойтись им дорого: деньгами, временем, а в исключительных случаях — и жизнью.

То обстоятельство, что «в последнюю минуту» команда защитников Желябужского догадалась уточнить и дополнить свое апелляционное обращение (в формулировке «Объяснений» адвоката В. Белякова: **«Прошу... отменить решение судьи В.Л. Кондратьевой от 5.04.2013... и принять новое решение — оставить без удовлетворения исковое заявление Комитета социальной защиты населения...»**) было, думается, их большой удачей.

Что ж, пусть эта удача станет «ноу-хау» для тех кому придется отстаивать свою позицию в судах апелляционной инстанции (что может оказаться эффективным по крайней мере в случае достаточно высоких шансов на отмену решения суда первой инстанции).

Наш «разбор полетов» пока касается только событий, непосредственно предшествовавших заседанию коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда. Среди этих событий, как читатель мог убедиться, есть такие, которые хотя бы отчасти предопределили решение указанной коллегии.

Мы остановились на некоторых шагах команды защитников О.Г. Желябужского, рассмотрели двойственную и довольно противоречивую позицию его «гонителей» (хоть в кавычках, но будем называть вещи своими именами).

Впереди — рассказ о самом суде, где тоже было немало интересного, впрочем, его финал нам известен. Но это уже в следующей серии нашего сериала-мониторинга.

Сейчас же вернемся лишь к очередной публикации на местном информационном ресурсе «БоровичиОнлайн». Она состоялась уже после суда, а именно 18 июля 2013 года.

Напомним, что два месяца назад на этот самом ресурсе появилась заметка журналиста Сергея Евдокимова под названием «Деревенская драма». В заметке излагались факты — от решения Боровичского районного суда о помещении Желябужского в дом престарелых, без его согласия, до организованного его младшими друзьями добровольного переселения

пожилого инвалида в дом его будущего попечителя Кавицына и обращения Ольги Новиковской по «Прямой линии» к В.В. Путину в защиту ветерана и инвалида Великой отечественной войны.

Названный информационный ресурс обещал «следить за развитием этой запутанной истории». И вот появляется заметка того же С. Евдокимова под названием «Новый виток в деле ветерана».

Здесь сообщается, что «...Новгородский областной суд... на прошлой неделе рассмотрел это дело и отменил прежнее решение Боровичского районного суда. Таким образом, Олег Желябужский не будет помещен в стационар учреждения социального обслуживания без своего собственного согласия».

Интересно, однако, другое. Журналисту (которого защитники Желябужского приглашали, кстати сказать, и на суд в Новгород, причем с гарантированной доставкой туда и обратно) присутствовать на суде не довелось, зато случилось лично встретиться с «представителями администрации Боровичского муниципального района». Те объяснили ему, что «прошение о помещении ветерана в учреждение социального обслуживания» было «вынужденной мерой», так как ветеран «наотрез отказывался от переезда из своего дома, который находится в ветхом состоянии», к социальному работнику А. Кавицыну, проживающему в соседней деревне.

«Добавим, — пишет С. Евдокимов, — что при личной встрече с представителями администрации Боровичского муниципального района (которая состоялась сразу после публикации материала в газете Дисконт) нам удалось узнать, что они вполне удовлетворены переездом ветерана к его опекуну (*не безобидная оговорка: опекун назначается только над недееспособным гражданином; в данном же случае имеется в виду не опекун, а попечитель в форме патронажа.* — А. А.) (Андрею Кавицыну) и на дальнейшем принуждении к его переезду в интернат настаивать не будут. Потому что главной целью, которую они преследуют, было улучшение жилищных условий Олега Георгиевича Желябужского».

Что ж, эта цель была достигнута, только вовсе не «представителями администрации», а волонтерами-помощниками Желябужского, действительно, а не на словах озабоченными судьбой пожилого инвалида.

(Здесь стоит заметить, что местная администрация усиленно насаждает мнение о своей судебной тяжбе с Желябужским как форме ЗАБОТЫ О НЕМ, побудившей его к смене места жительства (от чего раньше отказывался). Бессовестность такого самооправдания очевидна).

Как бы в подкрепление того тезиса, что наши чиновники исполнены забот о благе граждан, информационный ресурс «БоровичиОнлайн» сопровождает эту заметку фотографиями покинутого жилища (внутреннего помещения дома Желябужского), сделанными, кстати, при незаконном проникновении в дом: беспорядок, запустение, разруха... И подпись: «В таких условиях жил инвалид».

...О том, что происходило в Новгородском областном суде 10 июля 2013 года, см. в нашем следующем материале.

22.07.2013.

(14) «Оставить дедушку в спокойствии...» (Дима Иванов)/ Как проходил суд в Новгороде

Рассказ о том, как «восторжествовала справедливость» (можно и без кавычек!) в Новгородском областном суде 10 июля 2013 года. Рассказывает наблюдающий и рефлексирующий участник судебного процесса Ольга Новиковская.

Для рассказа о заседании коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда 10 июля 2013 года, по апелляционной жалобе на решение Боровичского районного суда ль 5.04.2013 о помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания, без его согласия, воспользуюсь, с разрешения автора, дневником («Записями для памяти») доверенного лица Желябужского — Ольги Новиковской. А. Алексеев

Из «Записей для памяти» О. Новиковской:

«10.07.2013 среда.

Дорога из деревни в Новгород

Утром мы с Димой (*Дмитрий Иванов — односельчанин Желябужского и тоже его доверенное лицо.* — А. А.) выехали из Стрелки (*деревня, соседняя с той деревней Горбино, где ныне проживает Желябужский, в доме А.А. Кавицына.* — А. А.) в 5.40 часов утра. До Новгорода расстояние 200 км; да еще подъезд к городу от трассы, плюс проезд по незнакомым мне улицам самого Великого Новгорода до ул. Нехинской, дом 55, где расположен областной Новгородский суд, составляет около 20-30 километров.

С утра был сильный туман, да и наша проселочная дорога, идущая от Стрелки до Опочно не позволяла ехать быстро. Так что путь в 40 км до Боровичей занял у нас целый час. Дальше ехать стало лучше.

Возникла и еще одна сложность — уже в Великом Новгороде. Мост, по которому мы должны были переехать реку Волхов (так вел нас навигатор), оказался закрыт. Пришлось уже вопреки советам умного прибора, искать маршрут по Новгороду самостоятельно. (Спасибо, новгородцам — подсказали.)

В итоге, дорога до областного суда заняла у меня, как я и предполагала 4 часа.

В Новгородском суде нас с Димой уже ждал Владимир Геннадьевич (*В.Г. Беляков — адвокат Желябужского. — А. А.*), приехавший сюда из Тосно (его путь составил 150 км).

Я вручила адвокату на подпись заготовленные для этого судебного заседания ходатайства <...>

Судебное заседание второй инстанции в Новгородском областном суде

Закончив с техническими делами, мы поднялись к залу суда на 2-й этаж. Перед залом суда 2а, где должно было проходить наше судебное заседание, уже сидел мужчина. У него было дело с Госстрахом (так он сказал) и, что удивительно, назначенное так же, как у нас, на 10 часов. Когда подошло время, пристав пригласил мужчину зайти в зал вместе с нами и он был невольным свидетелем дальнейших событий.

Начали с дела Желябужского. Опросили присутствующих, кто тут по данном делу, взяли наши документы и доверенности. Отдельно спросили с адвоката его ордер. Затем сообщили нам фамилии судей: И.Ю. Васильева — судья-докладчик, Колокольников, Иванов, а также прокурор Степанова. (Фамилию секретаря я записать не успела)

В начале слушания адвокат Беляков, как мы раньше и договорились, информировал суд о том, что по просьбе О.Г. Желябужского он ведет аудиозапись судебного заседания.

Сначала адвокат зачитал ходатайство, которое судом было выслушано, удовлетворено и приобщено к делу. Вот его текст:

«В Новгородский областной суд
по апелляционной жалобе по делу № 2-579/2013
Боровичского районного суда
От адвоката Белякова В.Г. и
представителя О.Г. Желябужского —
Новиковской О.А., проживающей по адресу: <...>

ХОДАТАЙСТВО

В этом году уже после суда 5.04.2013 А.А. Кавицын был назначен попечителем в форме патронажа над О.Г. Желябужским. Это отражено в распоряжении от 24.05.2013 председателя Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района Г.Б. Бурдаковой (приложение 1), а также в удостоверении попечителя, выданного Комитетом социальной защиты населения А.А. Кавицыну, в доме которого с 11.04.2013 проживает О.Г. Желябужский (приложение 2).

В силу времени возникновения, вышеуказанные доказательства, лишаящие смысла решение Боровичского районного суда 5.04.2013 по данному делу, ранее не могли быть представлены.

В соответствии со ст. 327.1 ГПК РФ,

Просим

1. Вынести определение о принятии новых доказательств.
2. Приобщить к материалам дела копии вышеуказанных документов (приложения 1 и 2)
3. Приобщить настоящее ходатайство к материалам дела.

Адвокат Беляков В. Г.

Новиковская О.А.

10.07.2013»

Далее, судья-докладчик Васильева зачитала (кажется, в сокращении) исковое заявление Боровичского комитета СЗН и **апелляционную жалобу адвоката Белякова.**

Далее зачитывались **возражения на апелляционную жалобу из Боровичского комитета СЗН** и мои **возражения на возражения** (очень кратко в 3 фразы). Было сообщено о представленных по запросу суда документах из Боровичского комитета социальной защиты населения:

— акт обследования условий жизни гражданина, выразившего желание стать попечителем от 13.05.2013

— заявление на попечительство от Кавицына,

— заявление Желябужского на назначение ему попечителя — Кавицына

— распоряжение от 24.05.2013 Бурдаковой о назначении Кавицына попечителем в форме патронажа над Желябужским

— заключение территориального отдела федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей от 16.05.2013,

— акт санитарно-эпидемиологической экспертизы от 13.05.2013;

— акт обследования условий жизни гражданина, в отношении которого назначается попечитель от 10.06.2013.

После этого судья Васильева сообщила, что Комитет СЗН просит рассмотреть дело в их отсутствие, решение оставляет на усмотрение суда, условия проживания Желябужского в настоящее время признаны удовлетворительными и соответствующими санитарным нормам. .

Председательствующий судья (мужчина) спросил нас (адвоката Белякова, Новиковскую и Иванову), поддерживаем ли мы апелляционную жалобу. «Да», — ответили мы.

Далее, дали слово адвокату Белякову для его объяснений. Он начал читать «**Объяснения**», но через 2-3 фразы судья Васильева прервала его: «Не повторяйтесь — это было в апелляционной жалобе».

(Комментарий В. Белякова: Следует отметить, что судья Васильева в своем выступлении, в нарушение ст. 327 ГПК РФ, не привела никаких доводов и доказательств апелляционной жалобы. Также, прервав адвоката Белякова, она не дала ему высказать суду эти доводы. В. Б.)

Помню, адвокат ссылался на ст. 12 ГПК РФ, успел сказать только о том, что Желябужскому не вручили копии искового заявления в суд, не сообщили время и место судебного заседания.

Беляков сказал: «Тогда изложу новые моменты по сравнению с апелляционной жалобой» и продолжил читать свои объяснения, но уже выборочно.

Адвокат обратил внимание суда на то, что Кавицыну выданы документы с ошибками: неверно прописана фамилия Кавицын, вместо Кавицын; а в удостоверении № 126 на имя Кавицына сказано, что оно о попечительстве, но не указано, что в форме патронажа, а это принципиально разные вещи. Во-вторых, в удостове-

нии указано о попечительстве над недееспособным гражданином, каковым Желябужский вовсе не является.

(Ошибка чиновников из Комитета социальной защиты населения, как видно, не безобидная! — А. А.)

Прокурор и судья-докладчик почти в один голос его опять прервали вопросом: «Вы не согласны с тем, что он назначен попечителем?» В.Г. Беляков ответил, что с распоряжением он согласен, но документ этот неправильно оформлен.

Тогда прокурор спросила: «А это что, вопрос суда?»

На что адвокат ответил: «В соответствии со **ст. 226 ГПК РФ** суд, обнаружив нарушение законности, выносит соответствующее частное определение, и об этом я буду говорить дальше». Судья Иванов уточнил: «**Вправе** выносить».

Далее адвокат Беляков указал на то, что комитет СЗН подтвердил в своих возражениях довод апелляционной жалобы о том, что Желябужский на протяжении по меньшей мере одного года и 4-х месяцев получает пенсию более чем на 10 000 рублей в месяц меньше того, что ему полагается как инвалиду Великой Отечественной войны, с инвалидностью первой группы.

Следующий момент — факт переезда Желябужского О.Г. к Кавицыну и факт признания в настоящее время условий жизни Желябужского О.Г. удовлетворительными и соответствующими государственным санитарно-эпидемиологическим нормам и правилам **подтвердила** в своих возражениях председатель комитета СЗН администрации Боровичского муниципального Г.Б. Бурдакова — это лист дела 46-47.

Судья Васильева опять прервала адвоката: «Зачем Вы об этом говорите — всё это есть в представленных документах».

Адвокат ответил: «Но в апелляционной жалобе этого не было, я как раз приношу то, о чем мы в апелляционной жалобе не говорили».

Судья Васильева опять перебила адвоката тем, что это уже известно, и тогда Беляков стал завершать своё выступление следующим:

«...В связи с изложенным, на основании ст.ст. 226, 322, п.п.1, 3 п.1, п.п.2 п.4 ст. 330, ст. 327, п.2 ст.328 ГПК РФ, прошу:

Отменить решение судьи В.Л. Кондратьевой от 5.04.2013 по делу № 2-579/2013 и принять новое решение — оставить без удовлетворения исковое заявление Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального район... (Выделено мною — А. А.)».

Во время суда я старалась записывать то, что успевала. Когда же я подняла глаза, то увидела, что судьи-мужчины сидят степенно, а вот Васильева — судья-докладчик как-то напряжена. Она пристально посмотрела на меня, я столь же пристально посмотрела на нее. Дружелюбия в наших взглядах не было.

Васильева после прочтения адвокатом своих объяснений сказала: «Вот Вы пишете — нарушения процессуальные. Зачем Вы все это говорите?» спросила судья Васильева. Вы, что, хотите, чтобы Желябужского поместили в стационарное учреждение? Он, что согласен с помещением в стационарное учреждение?» — «Нет, ни в коем случае!», отвечал адвокат. (Я тоже с места не выдержав, воскликнула: «Категорически нет!»)

Далее пишу по аудиозаписи дословно:

«Васильева: «Но это из Вашей апелляционной жалобы не ясно, ни в выступлении не просматривается»

Беляков: «Он всегда возражал против помещения...»

Васильева: «Почему Вы, как представитель (*обращается к адвокату — явная оговорка — О.Н.*) в соответствии с законом не написали письменный отказ на помещение в стационарное учреждение.

Беляков: Когда я почтал возражения, я понял, что они (*комитет социальной защиты населения. — А. А.*) согласны по существу.

Васильева: Вы спор затеяли, а не попытались по существу.

Беляков: Я надеялся, что они, видя все обстоятельства, просто сами откажутся от иска.

Васильева: Что надеяться, если в законе, что в случае несогласия, отказа, пишется письменное заявление именно в комитет.

Беляков: Ясно. Они могли нам предложить это, то же самое, сделать сами. Так что это вина скорее их. Очень жаль, что их здесь нет, у меня очень много к ним вопросов. И поэтому...

Васильева: К Вам тоже есть вопросы. Например, почему Вы тогда не написали заявление об отказе от его имени, если он не был согласен? *Беляков:* На этот вопрос очень простой ответ. Да, Вам известно, что он не согласен. И нам он постоянно об этом говорит. Просто, это очевидно.

Семенова-прокурор: Но оформить надо было юридически этот отказ. У Вас столько представителей.

Беляков: Я все понимаю. Но мы думали, что достаточно благоразумен будет комитет соцзащиты. Видя все это, он бы сам отказ написал. <>

Новиковская (пытается сказать с места): С одной стороны...

Судья Иванов стучит: В суде говорит только один.

Васильева: Нет вопросов.

Судья Иванов: У прокурора есть вопросы?

<...> *Судья-мужчина (то ли Иванов, то ли Колокольников):* Представитель Новиковская.

Новиковская: Да.

Судья-мужчина: Не повторяясь, есть что дополнить?

Новиковская: Да».

Я начала произносить заранее подготовленную речь, волнуясь, и боясь, что меня сейчас прервут, поэтому первый абзаца своей речи несколько скомкала. Однако, начиная со слов речи: «*Олег Георгиевич Желябужский — инвалид Великой отечественной войны, большую часть жизни проживший...*» я взяла себя в руки и стала читать речь с выражением и расстановкой. Правда, голос мой иногда дрожал, иногда становился каким-то странным — местами как-то угасал, становился слабым, но потом сила голоса ко мне возвращалась. Со стороны было понятно, что человек очень волнуется. (Это я комментирую уже, прослушав аудиозапись).

Меня даже не прервали, как адвоката.

(Напомню окончание речи О.А. Новиковской, текст которой публиковался ранее:

«...Как известно, в мае с.г. состоялось официальное оформление А.А. Каицына попечителем пожилого инвалида в форме патронажа. <...>

Таким образом, проблема, которую решением Боровичского районного суда от 5.04.2013 предписывалось решать насильственными действиями, решена «мирным путем», ко всеобщему удовлетворению — не только самого Желябужского, но даже и выступившего по отношению к нему фактически в качестве «истца» (заявителя) Комитета социальной защиты населения. <...>

Еще раз подчеркну: речь идет о пожилom инвалиде, защитнике нашей родины, которому мы все должны в ноги поклониться, а не навязывать ему ведомственную «заботу», в которой он вовсе не нуждается и от которой отказывается. Задача обеспечения проживания и ухода за инвалидом Великой Отечественной войны О.Г. Желябужским не в «казенных», а в домашних условиях, ныне, слава Богу, решена. И Новгородскому областному суду остается лишь утвердить это положение дел своим решением». — А. А.)

Когда я благополучно закончила свой монолог, прокурор спросила.

Прокурор Семенова: Вы ему не родственница?

Новиковская: Нет.

Прокурор Семенова: Вы живете в одной деревне?

Новиковская: Нет, <...> в соседних деревнях. Я знаю его с 10-ти лет, но не родственница. Наверное, поэтому он за помощью ко мне обратился. Он знает, что я его в трудную минуту не оставлю.

Прокурор Семенова: Когда он к Вам обратился?

Новиковская: За помощью?

Прокурор Семенова: Да.

Новиковская: Когда узнал о суде — 2-го апреля.

Прокурор Семенова: Вы знали, в каких условиях он живет?

Новиковская: Да, знала.

Прокурор Семенова: Спасибо, больше нет вопросов.

Новиковская: Но он возражал против изменения этих условий. Я же насильственными способами не действую.

(Надо сказать, этот намек-обвинение прокурора, уже и прежде слышанное мною <...>, меня, тем не менее, ранило)».

Затем очень хорошо выступил Дима Иванов. Я была приятно удивлена. Ведь я не ожидала, что он не просто скажет, что поддерживает адвоката, а начнет небольшое, но убедительное выступление перед судом в защиту старика и его попечителя. Привожу Димин монолог и диалог с судьями полностью.

Надо сказать, что к Диминым словам судьи отнеслись с интересом, а к самому Диме даже с уважением, которого (уважения) я не почувствовала в суде ни к адвокату, ни к себе. <...>

«Судья-мужчина: Свидетель (так сказано! — О. Н.) Иванов, есть что дополнить?

Дима: Уважаемый суд, я что хочу сказать, чтобы Вы обратили внимание вот на что, что инвалид Великой отечественной войны, участник, то бишь, пенсионер... Оставить его в спокойствии, чтобы он жил последние годы, доживая в домашних условиях патронажа, куда он уже перевезен и живет теперь в благоустроенных условиях... Я также его навещаю, что-то помочь или помыть... Всё. Он теперь... Соседи мы — рядом живем в деревне Горбино. Кавицын живет — 39 дом, а я дом — 41. Я прошу, чтобы оставили его в спокойствии.

Васильева: Поскольку Вы с ним общаетесь...

Дима: Да, да.

Васильева: Живете в одной деревне?

Дима: Да, да.

Васильева: То есть Желябужский сейчас знает...

Дима: Да, да.

Васильева: ... что сейчас судебное заседание...

Дима: Да, да.

Васильева: Он не хочет, отказывается ехать...

Дима: Нет, нет, ни в коем случае. Полностью его теперь все устраивает.

Васильева: ... в стационарное учреждение. Его все устраивает?

Дима: Да, да, полностью.

Васильева: В каком он сейчас состоянии, положении?

Дима: Он лежащий человек.

Васильева: Его условия жизни там лучше?

Дима: Да, да. Лучше. Он поправился за эти 2 месяца, что перевезен. И цвет кожи поменялся. Питание совсем другое, не такое как было раньше.

Васильева: То есть он имеет намерение проживать там дальше у Кавицына?

Дима: Да, да. Пока он жив, и, слава Богу.

Васильева: Кавицын тоже хорошо к нему относится?

Дима: Да, без всяких замечаний. Я сосед, вот, хожу каждый день. Никаких замечаний, нареканий к Кавицыну нет.

Прокурор Семенова: Он в отдельном помещении?

Дима: Отдельно. Сделана комната ему, всё.

Прокурор Семенова: Она теплая?

Дима: Теплая, печное отопление. Печка поставлена. На худой конец, вдруг будет ему прохладно — есть обогреватель. Но дедушка любит, чтобы было прохладно. Печку жарко мы, он не топит — Кавицын. Поставлен электрообогреватель нового типа».

<...>

Судья — мужчина: Слушаем заключение (*прокурора*).

Прокурор Семенова: О ситуации, в которой находится Желябужский последние годы было известно многим, и представителям и знакомым. Однако, в общем изменить эту ситуацию **до того** (*выделено голосом — О. Н.*), пока комитет социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района не решился решать, никто особо не стал решать. И я полагаю, что все-таки свои требования в своем заявлении комитет социальной защиты населения, принятые в отношении Желябужского, они законны и обоснованы и на момент вынесения решения были как раз те основания, которые предполагали, и, считаю, давали основания принять решение от 5 апреля 2013 года.

Ну, именно, наверное, это решение сподвигнуло всех представителей, знакомых о том чтобы как-то воздействовать. Не воздействовать, но помочь Желябужскому Олегу Георгиевичу, который очень не хотел, значит, ехать в учреждение социального обслуживания. И он дал согласие переехать к Кавицыну.

О том, что условия, в которых он находится, значит, сейчас вполне приемлемые, допустимые, хорошие, нет угрозы для его жизни, здоровья, это подтверждено документально, это сейчас подтвердил один из представителей. Учитывая все эти обстоятельства, я полагаю, что на сегодняшний момент оснований для, значит, направления его принудительно в социальное учреждение нет. Поэтому принятое решение, ... (*сказано какое-то одно слово, сказано неразборчиво — О. Н.*) отменить».

Затем все три судьи удалились в совещательную комнату.

Диктофон работал и записал произошедший в перерыве диалог между адвокатом Беляковым и прокурором Семеновой (время записи 33:53). Адвокат подошел к прокурору и сказал следующее: «Уважаемый прокурор, при аналогичном помещении стариков в дом престарелых они погибли через 2 месяца. Вы бы разобрались. Я не знаю, как это всё проходит мимо глаз прокуратуры».

Прокурор Семенова ответила: «Пишите заявление в Боровичскую прокуратуру».

Беляков: «Вы, наверное, читали возражения Боровичской прокуратуры. Вам не кажется, что они не соответствуют занимаемой должности?»

Семенова: «Я ещё раз Вам говорю, что должно быть заявление».

Беляков: «Они там вообще пишут о том...»

Семенова (прерывает Белякова): «Тогда пишите в прокуратуру области».

Беляков: «Это безобразие — такое отношение к людям».

...Минут через 10 судьи вернулись и зачитали свое решение, как я поняла, **точно соответствующее по формулировкам просьбе адвоката**. То есть без повторной пересылки дела Желябужского в Боровичский районный суд. (К сожалению, мы от радости несколько расслабились и эти слова не записали на диктофон).

Всего судебное заседание длилось около 50-40 минут. Как позже сказал Андрей Николаевич — «уникальный случай», чтобы в суде второй инстанции так долго занимались одним делом.

(Напомню просьбу из «Объяснений» адвоката В.Г. Белякова:

«1. Отменить решение судьи В.Л. Кондратьевой от 5.04.2013 по делу № 2-579/2013 и принять новое решение — оставить без удовлетворения исковое заявление Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального района».

*По свидетельству всех участников судебного процесса со стороны Желябужского, решение коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда **дословно** совпадает с этой просьбой.*

Что касается второй просьбы — о частном определении в адрес Комитета социальной защиты населения администрации Боровичского муниципального — то она удовлетворена не была. Но на фоне пункта 1 это, пожалуй, уже и не принципиально. — А. А.)

Уважение к неприятелю, или встреча с судьей Васильевой вне зала суда

После судебного заседания, я пошла в гражданскую канцелярию предупредить о том, чтобы решение Новгородского суда участникам дела выслали почтой. (Чтобы мне снова не ездить в Новгородский суд). Тут я встретила судью-докладчика Васильеву в неформальной обстановке — она шла по коридору 3-го этажа Новгородского суда. Я ее сначала не узнала, так как судья была в обычной одежде, а не в черной мантии.

Я, пробегая мимо (внизу меня ждали Владимир Геннадьевич и Дима), спросила у встречной женщины (ею и оказалась судья Васильева), в той ли стороне коридора находится гражданская канцелярия. Женщина в ответ спросила о том, что мне там нужно. Тут уже я ее узнала и ответила.

Судья-докладчик сказала, что предупреждать в канцелярии о почтовой отправке решения суда нет необходимости, это обычная практика — решение суда Желябужскому и Кавицыну вышлют почтой.

Затем судья Васильева сменила тему. В этот раз она, в отличие от судебного заседания, говорила человеческим, а не официальным тоном. Судья Васильева сказала мне, что надо бы понаблюдать за попечителем Кавицыным — насколько хорошо он будет выполнять свои обязанности по уходу за стариком. (Складывалось впечатление, что Кавицыну не доверяют в Новгородском суде).

Так как мне показалось, что судья говорит со мною не равнодушно, а даже с симпатией, то я посетовала ей, что на суде нас «клевали напрасно». Я неоднократно пыталась наводить в доме старика порядок, но он никому не разрешил этого делать». Ведь, добавила я, «слепой человек боялся, что после уборки он может не найти наощупь какие-то свои вещи». И еще я сказала судье Васильевой, что ни Комитету социальной защиты, ни местной администрации, мы защитники Желябужского не могли ни в чем доверять, ведь они во всем чинили нам препятствия: отказали в машине скорой помощи для перевозки инвалида, не дали даже носилок.

И тут я второй раз в жизни поймала себя на мысли, что сквозь профессиональную неприязнь, вызываю у некоторых судей (с остатками человеческой совести), чувство уважения к «противнику». (Примерно такое ощущение было у меня иногда и в отношении судьи Анискиной, с которой мне приходилось сталкиваться в коридорах Красносельского районного суда в промежутках между судебными заседаниями по делу **Егора Новиковского**. Анискина ведь тоже поняла со временем, что судит невиновного инвалида). Впрочем, не исключено, что я и сама в некоторых отношениях так же доверчива, как старик Желябужский.

Что привело Вас в это богоугодное (гм!) заведение?»

Мы вышли из зала суда почти счастливые. Владимир Геннадьевич «переложил» аудиозапись с судебного заседания на мой компьютер. Угостил нас с Димой клубничкой со своего огорода. Мы ели и оживленно разговаривали.

В фойе суда сидели пожилые женщины, в ожидании начала слушания своих дел. Владимир Геннадьевич спросил их с улыбкой: «Что привело Вас в это богоугодное заведение?», а я добавила «Не богоугодное!» Мы вместе поулыбались и женщины сказали, что пришли сюда не от хорошей жизни.

В ответ женщины спросили и у нас, а вы дело выиграли? Мы с радостью сообщили, что наше дело было «местные чиновники — против старика-инвалида Великой отечественной войны». Чиновники хотели упечь пожилого инвалида в дом престарелых, а утаенные от него деньги (от его недопаченной в течение 1,5 лет пенсии), спрашивается, кому? А мы старика отстояли — он останется дома. Женщины обрадовались: «И деньги ему все вернут?» «Да», — ответила я. (Но уже без прежней радости. Эта тема была отдельная, и рассказывать об этих проклятых деньгах было слишком долго). Мы пожелали удачи женщинам, и вышли на улицу.

Праздник перед Новгородским судом

Перед зданием Новгородского областного суда была беседка, и мы, достав из машины свои съестные припасы, сели праздновать свою победу прямо под объявлением о том, что курить и распивать спиртные напитки запрещено. (Объявление мы заметили позже). Впрочем, мы распивали компот из красной смородины и «закусывали» печеньем.

У запасливого Димы даже нашлись стеклянные стаканчики и мы подняли бокалы за победу в нашем казалось бы безнадежном деле.

Затем Владимир Геннадьевич рассказал нам с Димой о замечательном священнике отце Михаиле в их городе Тосно. О том, как о. Михаила обижают старшие по церковному званию, о том, что и в той церковно-чиновничьей системе царят те же порядки — люди неравнодушные и честно выполняющие свои обязанности всем остальным мешают.

Затем адвокат стал хвалить меня за стойкость и мужество и даже прочитал стихи Пушкина о женщине и «Если жизнь тебя обманет, не печалься не сердись...».

После этого Владимир Геннадьевич поцеловал мне руку в знак уважения. Я с улыбкой подумала, что сегодня видеокамеры, просматривающие пространство перед зданием Новгородского суда, засняли, прямо скажем, необычную для этого места сцену.

Адвокату же я ответила, что мужественной себя не считаю, просто, говоря словами все того же Олега Георгиевича, «раздразнить можно и воробья, а воробей в гневе страшен». Вот я и есть тот самый воробей. <...>

После нашего «праздничного застолья» во дворе Новгородского областного суда мы стали собираться в путь. Адвокат Беляков — в Санкт-Петербург, а мы с Димой — в Боровичи.

Адвокат уехал, а мы с Димой еще какое-то время посвятили Диминым медицинским делам в городе Новгороде. Кроме того у Димы разболелся зуб — пришлось заехать еще и в аптеку.

Звонок в Санкт-Петербург

Пока Дима занимался медицинскими делами, я позвонила в Санкт-Петербург. Первое, что я сказала нашему «тренеру-наставнику», было: «Мы полностью победили!» я имела в виду, что возвращения дела на повторное слушание в Боровичском дом «кривосудия» уже не будет (!!). Окончательное решение по делу № 20-579/2013 принято здесь — в Новгороде.

Центральная библиотека г. Боровичи

Приехав в Боровичи, мы с Димой отправились со списком по магазинам. Делали нужные покупки. Покупали трубу для печки, электропровод, краску, продукты. Мне как-то хотелось отблагодарить и Диму за те хлопоты, которые у него возникли в связи с его новым соседом Олегом Георгиевичем, со всеми этими судебными делами. Я сделала Диме много, но небольших подарков в местном магазинчике. <...>

Важной нашей задачей при посещении Боровичей было посещение библиотеки <...>, где мы, воспользовавшись Интернетом, отправили по электронной почте две аудиозаписи — суда 10.07.2013 и моего разговора с шамоватым Кавициным накануне этого суда. Кроме того, я получила электронную почту от отца, в том числе и Часть 11 Деревенской истории, опубликованной накануне на Когита.ру.

Когда, мы с библиотекарем, по живой ссылке из письма отца вышли на Когита.ру и стали копировать ее на мою флешку, я посоветовала сотруднице библиотеки потом почитать этот материал. Интересно, сказала я, там написано о вашем новгородском инвалиде Великой отечественной войны, которого мы сегодня отстаивали в Новгородском суде. Старого, но дееспособного человека, насильственно хотели поместить в дом престарелых.

«Молодцы!» — сказала библиотекарь. Мне показалось, что она уже знала об этой истории. Если не читала, мне думается, она все-таки почитает «Деревенскую историю» на портале Когита.ру».

На сей раз обойдусь без комментариев, хоть поведение любого из участников этого судебного процесса того и заслуживает.

Некое общее резюме «Деревенской истории» отложу до следующей и, вероятно, уже последней публикации в рамках нашего «кейса». Там же, возможно, затрону некоторые «нюансы» этой истории, до сих пор, оставшиеся в тени.

25-28.07.2013.

(15) Государство против ветерана и инвалида Великой Отечественной (С чего начиналось это дело)

На протяжении апреля-июля 2013 нами проводился мониторинг несколько необычного судебного дела, которое правомерно назвать: «Государство против инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского». Дело, вопреки обыкновению, окончилось в

Напомним читателю экспозицию и начало этой истории, описанное в части I нашего «сериала»:

«...В глубинке Боровичского района, Новгородской области живет 86-летний инвалид Великой Отечественной войны, ныне — не видящий и обездвиженный, Олег Георгиевич Желябужский. Человек он замечательный (потом расскажем обстоятельно), сделавший в свое время односельчанам много добра, так что даже прослыл «чудаком». Ну и односельчане ему (не все, но многие) платят тем же — кто как умеет. Ниже увидите.

А еще у старика Желябужского есть человек, пользующийся его абсолютным доверием, но живущий не рядом, а в Санкт-Петербурге. Это — Ольга Андреевна Новиковская, учитель-логопед одного из питерских детсадов. Та имеет дом в соседней деревне, куда каждый год приезжает на пару месяцев летом, бывает — и в праздничные дни, вроде майских. Часами при этом сидит у постели больного, разговаривает с ним, помогает чем может.

Повседневный же уход за инвалидом осуществляет местный житель Андрей Кавицын. Который за это, как «социальный работник», получает официально 1200 руб. Ну, и сам старик охотно доплачивает от своей не маленькой пенсии.

Так продолжалось много лет, и все заинтересованные лица были довольны, пока судьбой Желябужского не озаботились наши официальные, государственные структуры...».

Впрочем, государственная структура (а профилирующим органом в данном случае является комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района), надо признать, была не первой, кто «озаботился» условиями жизни и судьбой ветерана.

Дело в том, что инвалиды войны (да еще первой группы) — их ведь уже немного осталось! — получают неплохую, особенно по деревенским меркам, пенсию (несколько десятков тысяч рублей). До которой много охотников на селе, тем более, что старик не скуп и с лихвой оплачивает всякую оказанную ему соседскую помощь.

Но помощники бывают разные. Вот один — любитель выпить, который то натопит печь старику, то запыет, забудет. А мамаша пьяницы — сначала помогала по хозяйству, а потом перестала, оплату, однако, требует — за услуги сына, иначе тот пропьет, а если деньги пойдут мамаше, то у того всякий интерес пропадает.

В общем, старик Желябужский отказал этой семье (которой, кстати, сам, когда был «в силе» много безвозмездно помогал; такой у него характер). И сделал выбор в пользу Андрея Кавицына — мужика из соседней деревни (Горбино), расположенной за пару километров от его дома (в дер. Торбасино).

Тот, разумеется, тоже не бескорыстен, но на него можно положиться: как минимум раз в день (а в холодное время года и дважды в день) он придет на мотоцикле (или, если мотоцикл сломался, и пешком придет, чтобы принести старику приготовленную пищу, растопить печь и т. п., осуществить необходимый уход. Такой выбор О.Г. Желябужского, разумеется, не понравился упомянутым соседям, в дело вмешалась их родственница, проживающая в Боровичах (за 40 км). Пыталась

надавить на старика — не вышло, тогда вознамерилась устроить ему «не скучную жизнь». Выразилось это в заявлении в Боровичскую межрайонную прокуратуру.

Оттуда явились к старику с «проверкой», удостоверились, что дом Желябужского — в аварийном состоянии, в доме он держит кошек и слепую собаку, от которых антисанитария, А социальный работник А. Кавицын — со слов соседей, но не самого Желябужского, который как раз им доволен! — будто бы не обеспечивает незрячему и лежачему больному необходимого ухода и т. д.

Короче, как могла, всем навредила «хабалка» (так в деревне зовут таких ушных баб). Что касается «государственной машины», то та пришла в движение (возбудилась): комиссия составила акт, прокуратура написала отношение-предписание в комитет социальной защиты населения Боровичской администрации и т. д.

Вот эту «предысторию» мы раньше не рассказывали, хотя о первичном импульсе «проговорилась» цитированная нами ранее сотрудник комитета социальной защиты населения Боровичского муниципального района С.А. Котова в своем интервью Новгородской интернет-газете «Ваши вести»: **«В прокуратуру района обратилась гражданка, которая сообщила, что ветеран проживает в очень тяжёлых условиях, что человек, ухаживающий за ним, присваивает его пенсию...»**. (См. ранее: часть 2 «Деревенской истории»).

Впрочем, обращение из прокуратуры в комитет социальной защиты населения присутствует в судебном деле № 2-579/ 2013. <...>

(Здесь текст это документа опущен. А. А Октябрь 2014).

(Как видно, Прокуратура напоминает комитету социальной защиты населения о таких его функциях, как организация попечительства в форме патронажа; к этой теме еще вернемся. Однако названный комитет пошел иным путем).

Вскоре Желябужского в дер. Торбасино посетила новая комиссия, уже из комитета социальной защиты населения. Составила «Акт обследования условий жизни гражданина» от 20.03.2013. А уже 25 марта комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района обратился в Боровичский районный суд со следующим заявлением: <...> *(Здесь полный текст этого заявления опущен. — А. А.)*

Из Заявления Комитета социальной защиты в суд:

«...Во избежание ухудшения состояния здоровья Желябужского О.Г. или возникновения угрозы его жизни, а также в целях защиты его прав и законных интересов, необходимо ограничить права Желябужского О.Г. при оказании ему социальных услуг, а именно осуществить помещение Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия.

Учитывая указанные обстоятельства и необходимость более быстрого рассмотрения данного вопроса, просим суд принять меры к максимальному сокращению сроков составления судебных актов.

С учетом всего вышеизложенного, в соответствии со ст.ст. 10, 15 Федерального закона от 02 августа 1995 года № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», ст.ст. 3, 22 ГПК РФ,

ПРОШУ

1. Осуществить помещение Желябужского Олега Георгиевича, 05.07.1926 года рождения, уроженца г. Ленинграда, проживающего по адресу: Новгородская область, Боровичский район, деревня Торбасино, д. 9, в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия. <...>

Зам. председателя комитета Н.В. Шлячина»

Как читатель уже мог заметить из приведенного выше текста статьи 15 Федерального закона от 02 августа 1995 года «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», российское законодательство допускает такое «ограничение прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг, как помещение их без их согласия (т.е. ПРОТИВ ИХ ВОЛИ, иначе говоря — ПРИНУДИТЕЛЬНО) в стационарное учреждение социального обслуживания — в случаях, предусмотренных статьей вышеупомянутой статьей (см. выше; а кому неохота вникать в дебри закона, поясним:

— если они (эти граждане) «...лишены ухода и поддержки со стороны родственников или иных законных представителей и при этом не способны самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности (утрата способности к самообслуживанию и (или) активному передвижению)».

Ну, утрата способности к самообслуживанию и (или) активному передвижению — это, очевидно, случай Желябужского — незрячего и лежачего инвалида. Что касается ухода и поддержки — в данном случае, со стороны оформленного в ПФР относительно Желябужского в качестве социального работника жителя дер. Горбино А. Кавицына — то это комиссия так посчитала, что того и другого Желябужский лишен, сам же Желябужский, кстати, безусловно дееспособный (т.е. здравомыслящий и способный отвечать за свои слова и действия, о чем еще пойдет речь), думает иначе и **вообще не хочет, чтобы его принудительно перемещали из собственного деревенского дома (пусть ветхого и неблагоустроенного) в городской дом престарелых** (где, как известно, несмотря на медицинское обслуживание, старики долго не живут).

Что касается социального работника Кавицына, то тот, в общем-то, заинтересован — материально — продолжать ухаживать за Желябужским (который, стоит заметить, предоставляет ему распоряжаться своей не маленькой пенсией по собственному его, Кавицына, усмотрению), И постольку Кавицын специально приготовил в собственном доме отдельное помещение, в котором готов разместить инвалида (см. выше — в тексте заявления). Однако Желябужский и этого пока не хочет, привыкнув к своему многолетнему жилищу и опасаясь перенапряжений с переездом даже за несколько километров (из одной деревни в другую).

Боровичских же чиновников, «социальных защитников населения», мало волнуют желания и опасения инвалида. Им — лишь бы к ним самим не было претензий, а таковых не будет, если слепого и лежачего больного, по решению суда, насильственно повезут в стационар, чему тот сопротивляется, вплоть до объявления голодовки (см. часть 1 настоящей хроники). Кстати, неизвестно, доведут ли живым, не говоря уж о психологическом стрессе.

Якобы Желябужскому «разъяснили» «возможные последствия принятого им решения» (отказа покинуть свой дом), «в том числе положения ст. 15 Федерального закона № 122-ФЗ», согласно которой его могут ПО СУДУ, водворить в дом престарелых — БЕЗ ЕГО СОГЛАСИЯ. Но гарантировать, что 86-летний старик, без квалифицированной юридической помощи, вполне оценил такую опасность для себя (даже если его действительно информировали о существовании такого закона), думаю, нельзя.

Так или иначе, не прошло и недели, как комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района обратился в суд с тем заявлением, которое приведено выше. А еще через 10 дней — 5.04.2013 — состоялся суд.

Почему такая срочность? В заявлении комитета социальной защиты населения написано: *«...Во избежание ухудшения состояния здоровья Желябужского О.Г. или возникновения угрозы его жизни, а также в целях защиты его прав*

и законных интересов... Учитывая указанные обстоятельства и необходимость более быстрого рассмотрения данного вопроса, просим суд принять меры к максимальному сокращению сроков составления судебных актов».

Ну, если государственная машина проявляет такую оперативность и разворотливость, то ищи здесь чью-нибудь **персональную заинтересованность**.

Здесь стоит заметить совпадение во времени нескольких обстоятельств. До недавнего времени, местные чиновники, вдруг начавшие проявлять такую заботу по отношению к инвалиду Великой Отечественной войны, скрывали от него, что, оказывается, согласно *Постановлению Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. № 142 «О финансовом обеспечении и осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10 и 13 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат (далее ЕДК по № 306-ФЗ)*, Желябужскому, как ветерану Великой Отечественной войны, имеющему первую группу инвалидности, вот уже полтора года как положена доплата к пенсии — ни много ни мало — 14 тыс. руб. ежемесячно.

Желябужский об этом, понятно, не знал. А зам. главы Администрации сельского поселения Опеченский Посад (Л.А. Сигова) объясняет невыполнение Постановления Правительства РФ тем, что он, видите ли, «вовремя не написал заявление» (!) (См. выше: часть 4 «Деревенской истории»).

И еще одно «случайное» (?) совпадение. Вся эта активность вокруг инвалида Великой Отечественной войны началась в марте 2013, когда не только прокуратура адресовала комитету социальной защиты населения свое обращение-предписание (см. выше), но и... истек срок доверенности Желябужского А. Кавицыну на получение пенсии инвалида

Правда, в феврале сотрудник Администрации сельского поселения вытребовала у Желябужского паспорт, якобы для оформления пенсионных дел. Но получить этот паспорт обратно стоило изрядных трудов доверенным лицам Желябужского (понадобилось персональное обращение Желябужского в прокуратуру в апреле 2013 года), а тем временем — копия паспорта, таким образом «выманенного» у старика, легла, без его ведома, приложением к заявлению комитета социальной защиты населения в суд.

Когда доверенные лица Желябужского (О.А. Новиковская, адвокат В.Г. Беляков») предали гласности подозрительную историю с утаенной от ветерана добавкой к пенсии (за полтора года накопилось около 240 тыс. руб.!), местные чиновники подсуетились и быстренько оформили и счет в сбербанке, и задолженность государства по выплате дополнительного пособия. (Сейчас задолженность уже погашена). Так что теперь уже невозможно проверить, кому достались бы эти денежные средства при ином повороте событий.

О предстоящем 5 апреля 2013 года (пятница) суде Желябужский был извещен лично обоими руководителями Администрации сельского поселения Опеченский Посад (А.В. Никитиным — Главой администрации, и Л.А. Сиговой — заместителем Главы) за пару дней (во вторник, 2 апреля. 2013 года). Это — согласно отпечатанному на принтере акту, который заслуживает того, чтобы быть приведенным здесь.

«АКТ

02.04.2013 г.

Составлен комиссией в составе Главы Опеченского сельского поселения А.В. Никитина, зам. главы Л.А. Сиговой, жителя д. Горбино АА. Кавицына в том, что 02.04.2013 года Желябужский О.Г. был ознакомлен с заявлением комитета со-

циальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении его в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия. По данному заявлению назначено судебное заседание назначено на 05.04.2013 года.

От подписи Желябужский О.Г. отказался.

Подписи членов комиссии: А.В. Никитин
Л.А. Сигова
А.А. Кавицын»

Акт этот был составлен либо задним числом (не распечатывали же его на принтере в доме Желябужского, в деревне Торбасино!), либо заблаговременно. Примечательно, что третья подпись здесь Кавицына. (Тот и не такое подписывал, когда начальство велит; например, документ, в котором утверждается, что сам Кавицын навещает Желябужского не 2 раза в день, а будто бы 2 раза в неделю).

Главное же тут вот, что: «От подписи Желябужский О.Г. отказался». (И это тоже отпечатано на принтере!)

Теперь не проверишь, как его информировали о заявлении комитета социальной защиты населения, равно как и о предстоящем суде. Например, Кавицын, с которым О. Новиковская разговаривала по телефону из Санкт-Петербурга в тот же день, 2 апреля, объяснял, что суд посвящен назначению опекуна (!?) Желябужскому. Не опроверг эту дезинформацию и Глава Администрации сельского поселения Опеченский Посад А.В. Никитин, которому Новиковская звонила 3 апреля.

Поскольку «от подписи Желябужский отказался» (кстати, подписи в чем — в ознакомлении, в согласии?! Можно предположить, что так было срежиссировано заранее), постольку у заведомо заинтересованного лица, в отношении которого подавался этот иск (заявление) НЕ ОКАЗАЛОСЬ НА РУКАХ того самого заявления, удовлетворения которого просит у суда комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского района (см. выше). Известно только, что 5 апреля состоится какой-то суд. Точное время и место даже в акте не отражено.

Обратиться за советом, за консультацией Желябужскому не с чем и не к кому. Времени на то, чтобы найти человека, который мог бы представлять его интересы в суде, слепому и обездвиженному старику не оставлено. (А тут, кстати сказать, нужен профессиональный адвокат; и случай вовсе не тривиальный).

Петербурженка О.А. Новиковская, которую Желябужский знает 40 лет и которой безусловно доверяет, узнала о предстоящем через 2 дня суде случайно, да еще при изрядном искажении информации (см. выше). Глава Опеченского сельского поселения А. Никитин, которому она тут же стала звонить, от внятных ответов уклонялся, заверил ее, что на данном судебном заседании решение не будет (не может быть) принято, а разве что на следующем. На что Новиковской оставалось лишь просить Никитина (который собирался быть на этом суде) способствовать ее вызову в качестве свидетеля на следующее заседание.

Дело еще обострилось объявленной пожилым инвалидом голодовкой, от которой его, по счастью, удалось отговорить односельчанам, желающим ему добра.

Так или иначе, заседание суда 5.04.2013, по заявлению комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия, было первым и последним. На нем присутствовала: от организации-заявителя сотрудник комитета социальной защиты населения А.А. Котова, а в качестве одного из «заинтересованных лиц» — Глава Администрации сельского поселения

Опеченский Посад А.В. Никитин. Свидетелей (хотя бы того же социального работника А. Кавицына) не вызывали. **Интересы «ответчика» — О.Г. Желябужского — не представлял никто.** Судебная власть у нас настолько сливается с административной, что такое неравноправие сторон суд вполне устроило.

Заявление комитета социальной защиты населения и т. д. было Боровичским районным судом удовлетворено. И при условии, что в течение месяца это решение не будет обжаловано (а на это явно рассчитывали), 6 мая, т.е. накануне дня Победы, судебные исполнители уже могли принудительно перевозить инвалида Великой Отечественной войны из собственного дома в деревне Торбасино в Боровичский Центр социального обслуживания (иначе говоря — дом престарелых). Все — ПО ЗАКОНУ!

На этом моменте прервем наш рассказ, отложив представление и анализ принятого Боровичским судом решения и последующих событий до следующей части нашего «сериала»

5-8.10.2013.

(16) «Решение Боровичского районного суда утратило смысл, но не силу...» (ретроспектива судебного дела)

Продолжаем рассмотрение судебного дела, которое нами было названо: «Государство против инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского». Сразу оговорим, что в конечном итоге, в апелляционной инстанции дело, вопреки обыкновению, окончилось в пользу не государства, но гражданина.

Приведем здесь полный текст решения Боровичского районного суда от 5.04.2013:

*(Да простит нам читатель столь «дотошное» цитирование судебных документов, об которые можно сломать язык, но от которых, как правило, зависит благополучие и жизнь человека. Кроме того напомним, что этого требует наш жанр — **изыскания, кейса**, а не просто повести по fiction. — А. А. Октябрь 2014).*

«Дело № 2-579/2013

РЕШЕНИЕ

Именем Российской Федерации
г. Боровичи Новгородской области
05 апреля 2013 года

Боровичский районный суд Новгородской области в составе:
судьи Кондратьевой В.Л.

с участием помощника Боровичского межрайонного прокурора Винник Ю.К.
при секретаре Бахштейн Е.В.

рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по заявлению комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания гражданина без его согласия

установил:

Комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района обратился в Боровичский районный суд Новгородской области с заявлением о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания Желябужского Олега Георгиевича без его согласия, указав следующее:

(Далее идет почти дословный пересказ документа — Заявления комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении инвалида Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия. См. ранее: часть 15. — А. А.)

Желябужский Олег Георгиевич, 05 июля 1926 года рождения, проживает один в деревне Торбасино, д. 9 Опеченского сельского поселения Боровичского района, является инвалидом первой группы Великой Отечественной войны. Желябужский О.Г. обездвижен, не видит, самостоятельно не может удовлетворять свои жизненные потребности, утратил способность к самообслуживанию. Питание одностороннее и крайне неудовлетворительное.

В настоящее время Желябужский О.Г. проживает в жилом помещении, которое находится в аварийном состоянии и не пригодно для проживания. В коридоре отсутствует половое покрытие, нет двери, печь находится в неисправном состоянии, поэтому в доме холодно. Место, где лежит Желябужский О.Г., обогревается электрическим обогревателем. Электропроводка также в ветхом состоянии. В ПФР по уходу за инвалидом оформлен гражданин Ковицин Андрей Алексеевич, проживающий в соседней деревне Горбино Боровичского района, который не обеспечивает должного ухода за ним.

20 марта 2013 года комиссия в составе заместителя главы Опеченского сельского поселения Сиговой Л.А., ведущего служащего комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района Котовой С.А., врача общей практики ГОБУЗ «Центр общей врачебной (семейной) практики Опеченской амбулатории» Евстигнеевой Л.К., заведующей отделением срочного социального обслуживания ОАУСО «Боровичский ЦСО» Косуровой Л.Г. — был осуществлен выезд по месту жительства Желябужского О.Г. с целью предложить ему госпитализацию в учреждение здравоохранения или услуги Центра социального обслуживания. Однако Желябужский О.Г. категорически отказался от осмотра его врачом и от госпитализации в больницу. Также было предложено помещение его в учреждение социального обслуживания, переезд в дом Ковицина А.А. От данных предложений Желябужский О.Г. категорически отказался. По результатам обследования условий жизни инвалида был составлен акт, в котором отражен факт отказа его от медицинских и социальных услуг. Желябужскому О.Г. были разъяснены возможные последствия принятого им решения, в том числе положения ст. 15 Федерального закона от 02 августа 1995 года № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов». *(Извлечение из ст. 15 названного Федерального закона см. выше. — А. А.)*

21 марта 2013 года комиссией по рассмотрению вопросов опеки и попечительства совершеннолетних граждан Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района принято решение о подаче в суд искового заявления о принудительном помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания.

Желябужский О.Г. не способен самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности (утрата способности к самообслуживанию и активному передвижению) дальнейшее нахождение в вышеуказанных условиях может повлечь ухудшение состояния его здоровья или угрозу для его жизни. Решить вопрос об установлении попечительства в форме патронажа не представляется возможным в связи с тем, что отсутствуют граждане, выразившие желание быть его попечителем.

Во избежание ухудшения состояния здоровья Желябужского О.Г. или возникновения угрозы его жизни, а также в целях защиты его прав и законных инте-

ресов, необходимо ограничить права Желябужского О.Г. при оказании ему социальных услуг, а именно осуществить помещение Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социальной защиты населения без его согласия. *(Пересказ заявления комитета социальной защиты населения закончен. — А. А.)*

В судебном заседании представитель заявителя — комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района Котова С.А. поддержала заявленные требования по основаниям, изложенным в заявлении, пояснила следующее: Желябужский О.Г. более двух лет находится один в крайне тяжелом физическом состоянии: не ходит и не видит. Он лежит в неблагоустроенном жилом доме, находящемся в ветхом и непригодном для проживания состоянии. Желябужскому О.Г. была предоставлена квартира в г. Боровичи, он выдал доверенность Ковицину А.А. *(Ошибка в написании фамилии. Правильно: «Ковицын». — А. А.)*, который квартиру продал. Из ветхого и непригодного для *(по-видимому, пропущено слово «проживания».* — А. А.) жилья Желябужский О.Г. никуда не переехал. Внутри помещения антисанитария. Должного ухода Желябужский О.Г. не получает. От помещения в учреждение социальной защиты *(описка: имелось в виду не «защиты», а «обслуживания».* — А. А.) или лечебное учреждение категорически отказывается.

(Котова. — А. А.) Просила суд поместить Желябужского Олега Георгиевича, 05 июля 1926 года рождения, уроженца г. Ленинграда, проживающего по адресу: Новгородская область, Боровичский район, деревня Торбасино, д. 9 в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия.

В судебное заседание заинтересованное лицо Желябужский О.Г. не явился *(!! Понятно, что «не явился»: за 40 км от дома, слепой и лежачий больной. — А. А.)*, о времени и месте рассмотрения дела извещен надлежаще *(заметим: за два дня до заседания суда. — А. А.)*, от подписи об извещении категорически отказался, о чем составлен акт от 02 апреля 2013 года.

В судебном заседании представитель заинтересованного лица — Администрации Опеченского сельского поселения Боровичского района — Никитин А.В. пояснил следующее. Желябужского О.Г. он знает, последние годы состояние его ухудшилось, но память хорошая и человек находится в здравом уме. Проживает он один в ветхом жилье, категорически отказывается от каких-либо изменений в жилище, в том числе и от уборки помещения *(имеется в виду: не разрешает кому-либо производить уборку помещения. — А. А.)*. Доверительные отношения у Желябужского О.Г. с Ковициным А.А. из деревни Горбино. От любых предложений по изменению условий жизни Желябужский О.Г. категорически отказывается. Ухода надлежащего за ним нет, антисанитарные условия.

В судебном заседании представитель заинтересованного лица — ОАУСО «Боровичский ЦСО» — по доверенности Косурова Л.Г. не возражала против удовлетворения заявления, пояснила, что в составе комиссии присутствовала при обследовании жилищно-бытовых социальных условий Желябужского О.Г. Условия совершенно нечеловеческие.

Суд, выслушав представителя заявителя, представителей заинтересованных лиц, исследовав материалы дела, находит заявленные требования подлежащими удовлетворению.

Согласно ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. С этой целью государством обеспечивается поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожи-

лых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 02 августа 1995 года № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» помещение граждан пожилого возраста и инвалидов в стационарные учреждения социального обслуживания без их согласия или без согласия их законных представителей допускается на основаниях и в порядке, предусмотренных статьей 15 настоящего Федерального закона.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона 02 августа 1995 года № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» ограничения прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг допускаются в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, и могут выражаться в помещении этих граждан без их согласия в учреждения социального обслуживания в случаях, если они лишены ухода и поддержки со стороны родственников или иных законных представителей и при этом не способны самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности (утрата способности к самообслуживанию и (или) активному передвижению) или признаны в установленном законом порядке недееспособными.

Вопрос о помещении граждан пожилого возраста и инвалидов в стационарные учреждения социального обслуживания без их согласия или без согласия их законных представителей по основаниям, предусмотренным в части первой настоящей статьи, решается судом по представлению органов социальной защиты населения.

В судебном заседании установлено следующее.

(Далее — новый повтор информации из документа — поданного в суд Заявления комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района, но уже как фактов, установленных самим судом. — А.А.)

Желябужский Олег Георгиевич, 05 июля 1926 года рождения, является инвалидом первой группы Великой Отечественной войны, он обездвижен, не видит, самостоятельно не может удовлетворять свои жизненные потребности, утратил способность к самообслуживанию. Питание является однообразным и крайне неудовлетворительным.

В настоящее время Желябужский О.Г. проживает один в доме № 9 деревни Торбасино, Опеченского сельского поселения Боровичского района Новгородской области. Дом находится в аварийном состоянии и непригодном для проживания антисанитарном состоянии, что подтверждается материалами дела. В ГУ — Управление Пенсионного фонда Российской Федерации в Боровичском районе по уходу за инвалидом оформлен гражданин Ковидин Андрей Алексеевич, проживающий в соседней деревне Горбино Боровичского района, который не обеспечивает должного ухода за ним.

Желябужский О.Г. отказывается от осмотра его врачом и от госпитализации в больницу и в учреждение социального обслуживания.

Суд находит обоснованным заявление о том, что Желябужский О.Г не способен самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности (утрата способности к самообслуживанию и активному передвижению), дальнейшее нахождение в вышеуказанных условиях может повлечь ухудшение состояния его здоровья или угрозу для его жизни. (Здесь и далее выделено мною. — А. А.).

Таким образом, заявление Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении в стаци-

онарное учреждение социального обслуживания Желябужского Олега Георгиевича без его согласия подлежит удовлетворению в полном объеме.

Руководствуясь ст.ст. 194-199 ГПК РФ, суд

решил:

Заявление Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания гражданина без его согласия — удовлетворить.

Желябужского Олега Георгиевича, 05 июля 1926 года рождения, уроженца г. Ленинграда, проживающего по адресу: Новгородская область, Боровичский район, деревня Торбасино, д. 9, поместить в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия.

Решение может быть обжаловано в судебную коллегию по гражданским делам Новгородского областного суда через Боровичский районный суд Новгородской области в течение одного месяца со дня его принятия в окончательной форме.

Судья В.Л. Кондратьева)

Итак, Боровичский районный суд ПРИГОВОРИЛ О.Г. Желябужского к ПОЖИЗНЕННОМУ помещению в дом престарелых — БЕЗ ЕГО СОГЛАСИЯ, т.е. вопреки его категорическим возражениям, причем сделал это, руководствуясь БУКВОЙ ЗАКОНА (в данном случае — ст. 15 Федерального закона от 02 августа 1995 года № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»).

Решение это в полном объеме до сведения О.Г. Желябужского, следует заметить, так и не было доведено. Глубоко обеспокоенная поступившей к ней неофициальной информацией о судебном приговоре от 5.04.2013, Ольга Андреевна Новиковская, петербурженка, которая знакома с Желябужским чуть не 40 лет, предпринимает чрезвычайные усилия, чтобы — сначала в Петербурге, а затем срочно приехав в Боровичский район — добыть текст этого решения.

Однако Глава Администрации сельского поселения Опеченский Посад А.В. Никитин, этому всячески препятствует: сначала сам предлагает выслать это решение для Новиковской факсом, потом уклоняется от этого, наконец, отказывается это сделать (см. ранее: часть 3 настоящей хроники). Так что, в конечном итоге, приходится петербургскому адвокату В.Г. Белякову специально ехать за 350 км в г. Боровичи, чтобы там скопировать это решение в канцелярии Боровичского районного суда.

9 апреля 2013 г. глава Администрации Опеченского сельского поселения Никитин посещает Желябужского и официально сообщает ему о решении суда. По счастью, это происходит при свидетелях, один из которых улавливает смысл решения: вовсе не назначение «опекуна», а помещение гражданина в стационарное учреждение социального обслуживания БЕЗ ЕГО СОГЛАСИЯ. Однако оставить Желябужскому копию этого документа Никитин отказывается (возможно, опасаясь, что она попадет в руки вероятных защитников Желябужского).

10 апреля в Боровичский район экстренно (только что сняв швы после перенесенной операции) приезжает из Петербурга, на своей машине, О. Новиковская. Ведь с момента решения суда (5.04.2013) счет идет если не на часы, то на дни. Коли ничего не предпринять, Желябужского в начале мая могут принудительно переместить из его деревенского дома в Боровичский дом престарелых.

Новиковская заранее, по междугороднему телефону, предупредила о своем поезде администрацию сельского поселения Опеченский Посад. Просила оказать ей содействие в вызове машины скорой помощи, для того чтобы «в присутствии врачей транспортировать лежачего и слепого больного в специально приготовлен-

ную для него комнату в доме его социального работника А.А. Кавицына, расположенном в другой деревне (Горбино)». Глава администрации сельского поселения Никитин вроде обещал помочь.

...Не только не помог, а стал всячески мешать. Врачам местной амбулатории, насколько можно понять, было запрещено участвовать в переезде инвалида. Когда Новиковская 11 апреля обратилась в администрацию с просьбой хотя бы выделить носилки, ей было издевательски (хоть, может быть, и не осознавали, что издевательство...) предложено написать соответствующее заявление и ждать административного решения.

Между тем, дело шло к весенней распутице и счет шел уже не на дни, а на часы.

Перевозили Желябужского из одного деревенского дома (его собственного, ветхого и аварийного) в другой (благоустроенный, принадлежащий А. Кавицыну) «всем деревенским миром». Новиковская съездила в село, на другом берегу р. Мсты и фельдшер из тамошнего медпункта согласилась участвовать в перевозке. Малолитражка Новиковской конструктивно не годилась для транспортировки больного, но нашелся в одной из окрестных деревень владелец «Нивы» — автомашины, где сняв задние сиденья и открыв багажник можно было устроить подобие медицинского транспорта.

Отсутствие носилок кое-как восполнили старыми, самодельными саями, на которые уложили и перенесли, а затем задвинули в машину лежачего больного. Ехали по деревенским ухабам со скоростью 5 км в час, руками удерживая выступающие из машины сани с больным. В перевозке участвовали также А. Кавицын, а также его сосед по деревне Горбино — Дмитрий Иванов, молодой человек, принимающий активное бескорыстное участие в судьбе ветерана.

Переезд, даже за несколько км дался старику Желябужскому нелегко, он не зря даже и его опасался. (В частности, военная контузия ныне аукается острой головной болью при любой перемене положения тела). Но, слава Богу, обошлось. Инвалид был размещен в давно приготовленной для него отдельной, удобной комнате в доме А. Кавицына.

С этого момента (11.04.2013) решение Боровичского районного суда от 5.04.2013, имевшее своим главным основанием неблагоприятное жилищных условий О.Г. Желябужского ПОТЕРЯЛО СМЫСЛ. Это было достигнуто группой волонтеров — социальных защитников инвалида Великой Отечественной войны (не путать с органами социальной защиты населения и прочими «правоохранителями»).

Однако указанное судебное решение утратило смысл, но не силу. О. Новиковская еще до того, как выехать в Боровичский район нашла адвоката-правозащитника — Владимира Геннадиевича Белякова, который согласился представлять интересы О.Г. Желябужского в суде. Но чтобы оспаривать в вышестоящей, апелляционной, судебной инстанции решение Боровичского районного суда, надо по крайней мере располагать его текстом. А глава сельской администрации этот документ продолжает скрывать. А время идет: срок подачи апелляции с момента вынесения решения — месяц.

В тот же день, 11 апреля, О. Новиковская отправляет из местного почтового отделения (куда еще тоже надо доехать) ПРЕДВАРИТЕЛЬНУЮ апелляционную жалобу, за подписью Желябужского:

«В Судебную коллегию по гражданским делам
Новгородского областного суда
От Желябужского Олега Георгиевича,
зарегистрированного в Новгородской области, Боровичском районе
в деревне Торбасино, дом № 9

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ)

05 апреля 2013 г. Боровичским районным судом Новгородской области принято решение об удовлетворении заявления администрации Боровичского муниципального районного суда о помещении меня в стационарное учреждение социального обслуживания без моего согласия.

09 апреля 2013 глава Администрации сельского поселения Опеченский посад А.В. Никитин в присутствии А.А. Кавицына и Д.М. Иванова зачитал только резолютивную часть указанного решения без указания даты его принятия, фамилии судьи, номера дела и отказался передать его мне.

Данное решение суда принято и доведено до меня с грубыми нарушениями моих прав, считаю его незаконным, необоснованным, не мотивированным и не справедливым.

Полная апелляционная жалоба будет подана моими представителями после ознакомления с полным решением суда, протоколом судебного заседания и материалами дела.

ПРОШУ:

Отменить указанное решение суда
Желябужский О.Г.

11 апреля 2013 г.»

Дальше начинается изматывающая нервы борьба с местными чиновниками:

А) чтобы заверили доверенности О.Г. Желябужского: одну общую — на имя А. Кавицына и две специальные, на ведение судебных дел — на имя О.А. Новиковской и Д.М. Иванова (отныне — ближайшего соседа Желябужского).

Такие доверенности теперь разрешено заверять главам местных администраций, поэтому нотариусы из Боровичей в глубинку ни за какие деньги ехать не соглашаются, а Глава администрации Опеченского сельского поселения Никитин — с этим не торопится.

Да к тому же оказывается, что паспорт Желябужского как забрали в феврале в администрацию, сельского поселения, так до сих пор и не вернули, а без паспортных данных какая может быть доверенность?

Местный чиновник начинает «кочевряжиться»: слишком много доверенностей хотят, чтобы он заверил. Приходится консультироваться (по телефону) в Новгородской нотариальной палате и объяснять Никитину, что он самоуправствует.

В конечном итоге, все три доверенности были заверены, но не сразу, а Новиковская 15 апреля вынуждена была уехать в Петербург, так и не получив заверенного документа, дающего ей право знакомиться с материалами судебного дела № 2-579/ 2013 в Боровичском районном суде.

(Для первичного ознакомления с материалами дела пришлось специально выезжать из Петербурга в Боровичи адвокату, с которым у Желябужского было оформлено соглашение, — В.Г. Белякову).

Б) Отдельная эпопея — взаимоотношения с Боровичским районным судом, куда, уже получив, наконец, соответствующую доверенность, не однажды обращаются то Новиковская, то Д. Иванов — для ознакомления с материалами дела, которое — уже после решения от 5.04.2013 — пополняется новыми документами (апелляционная жалоба, возражения на нее и т. п.), которые вдруг потом из дела куда-то исчезают, и т.д., и т.п.

В) Наконец, уже в мае — комиссия из Боровичского комитета социальной защиты населения, во главе с С.А. Котовой, обследующая новые жилищные условия О.Г. Желябужского. Эта комиссия в соответствующем акте признает их удовлетворительными, а Желябужскому и его новым домочадцам (А. Кавицыну и его гражданской жене С. Леоновой) сообщает обратное, поскольку «нет водопровода и централизованного отопления» (это — в деревенском-то доме!).

Во всех случаях — главное оружие чиновника, хоть относительно высокопоставленного, хоть самого мелкого, — это ДЕЗИНФОРМАЦИЯ, а если нам не заботиться о политкорректности, то попросту ВРУТ (с умыслом, чтобы пустить человека по ложному следу, или даже нечаянно, так просто, из разгильдяйства).

Где-то уже в июне Ольга Новиковская, готовясь к предстоящей речи в Новгородском суде, составила «для внутреннего пользования» интересный документ под названием «Перечень безобразий по делу инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского». «Безобразий» набралось с десяток страниц. Извлечения из этого документа мы публиковали (см ранее: часть 9 «Деревенской истории»).

Между тем, уже в апреле четко определился круг долгосрочных и действительных (а не мнимых!) защитников интересов ветерана. Это:

- учитель-логопед, проживающая в Петербурге — О.А. Новиковская;
- сельский житель, ближайший (с апреля 2013 года, после переезда Желябужского в дом А. Кавицына) сосед Желябужского Д.М. Иванов;
- петербургский адвокат В.Г. Беляков;
- автор этих строк, социолог и журналист А.Н. Алексеев.

Скоро из контактов с местными чиновниками стало ясно, что именно они — руководители Администрации сельского поселения Опеченский Посад А.В. Никитин и Л.А. Сигова, сотрудник комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района С.А. Котова и некоторые, добавившиеся к ним позднее, — являются главными «антигероями» этой историей. Их роль в «деле Желябужского» заведомо неприглядна и направлена на то, чтобы помешать защите его прав и интересов, а вовсе не на их (этих прав и интересов) защиту.

Можно указать ряд общих принципов (правил), которые выработала для себя «команда Желябужского».

А. ПРОТОКОЛЬНОСТЬ: все свое взаимодействие с социальными институтами (их представителями) этой командой строго протоколировалось и документировалось — будь то в дневнике («записи для памяти О. Новиковской»), будь то в фотоархиве (Новиковская, Иванов, Беляков), в аудиозаписях (все трое), в текстах собственных обращений в официальные органы или в деловой переписке, где подробно фиксировались предыдущие события (Алексеев, Новиковская, Беляков).

Не случайно этот наш очерк («Деревенская история») так насыщен документами. Это, в сущности, не документальная история, а ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ.

Своего рода «ноу-хау» этой команды защитников права от «правоохранителей» и «правоприменителей» было (см. ранее: часть 3 настоящей хроники):

«...чиновник не любит оставлять «следов» (а от устных заявлений всегда можно потом отказаться!). Поэтому после словесного, в том числе телефонного общения с чиновником, полезно «по горячим следам» фиксировать этот разговор на бумаге и... посылать ему же «для памяти». Он, конечно, может и от записанного отречься, но по крайней мере будет знать, что рано или поздно придется держать ответ за свои поступки.

Именно так поступает О.А. Новиковская, чем заставляет своего адресата почувствовать себя припертым к стенке, и во всяком случае воздержаться от слишком явного пренебрежения своими функциональными обязанностями и этическими нормами».

Б. ВЫДЕРЖКА: чиновник в общении с гражданином сплошь и рядом если не профессиональный, то стихийный провокатор. Он своими словами и действиями подталкивает «рядового» человека к высказываниям и шагам, которые потом позволят его же (гражданина) и упрекнуть, так что на фоне мелкой невыдержанности «клиента» как бы бледнеют и приобретают оправдание всевозможные чинимые бюрократом несправедливости, бестактности, а иногда и беззакония.

У самого чиновника выдержка не глубинная, а напускная, и «державших себя в руках» граждан он боится, нервничает и даже порой впадает в истерику.

(Почувствительна в этом отношении подробно описанная в части 3 настоящей хроники — история общения О. Новиковской с руководителями Администрации сельского поселения Никитиным и Сиговой).

В. АПЕЛЛЯЦИЯ К ВЛАСТИ: за несколько месяцев, что продолжалась эта борьба (подчеркнем: борьба «по жизненным показаниям»; такую нельзя прекращать, даже когда затягивается на годы) команда Желябужского адресовалась в органы власти (с обращениями, жалобами, заявлениями) свыше 30 раз.

Здесь — и органы прокуратуры, и органы муниципальной власти, и военкомат, и пенсионный фонд, и аппарат полномочного представителя Президента РФ по Федеральному округу, и сам Президент РФ (высшее должностное лицо государства — тоже «орган»), и СМИ, и, понятно, судебные органы, и так называемые органы социальной защиты населения...

Нет, никаких иллюзий насчет эффективности каждого отдельного обращения защитники Желябужского не питали. Но из «параллелограммов сил» складывается определенный вектор. В какой-то мере от усилий адресантов зависит, прольет ли этот вектор в сторону здравого смысла и справедливости, или нет.

А представители власти — практически все — руководствуются вовсе не абстрактными представлениями о добре и зле, и даже не законом, а собственными их (чиновников) интересами. И нужно так «спланировать» столкновение этих интересов, чтобы на выходе выиграл, а не проиграл Человек. (Это трудно, но в принципе возможно).

Г. АПЕЛЛЯЦИЯ К ОБЩЕСТВЕННОСТИ (ГЛАСНОСТЬ): в конечном счете, вся сила властей «тайне» (это еще молодой Маркс отмечал). Высвети деятельность бюрократа на скрещении «прожекторов гласности», и он начнет падать еще до того, как его подстрелят.

Эта форма борьбы за права и жизнь ветерана и инвалида Великой Отечественной войны активно использовалась нашей командой (начиная с детализированного мониторинга на «Когите» и еще в целом ряде средств массовой информации, прежде всего — электронных (см. выше). В частности, наши «антигерои» — «изувекочечены», выставлены на всеобщее обозрение (позорище?) в Сети.

Только в сочетании — **протокольность, выдержка, апелляция к власти и апелляция к общественности (гласность)** — могут дать (и в данном случае возымели) позитивный эффект.

<...> Государственная, чиновная машина довольно мобильна и креативна, когда дело идет об интересах отдельных ее «винтиков», а так, в норме и в целом (когда персонального интереса нет), она весьма инерционна и неповоротлива. Вот и тут: изменилась ситуация с условиями жизни Желябужского, ввиду которых (пра-

вильно или нет — другой вопрос!) было вынесено некое судебное решение. Это изменение ситуации окончательно обесмыслило это решение, однако, утратив смысл, решение остается в силе. И сколько же надо усилий, чтобы заставить эту машину хотя бы пригормотзить. Не говоря уж о смене направления движения.

Когда в суд поступила апелляционная жалоба адвоката В. Белякова, принимавшая решение по этому делу в Боровичском суде судья (В.Л. Кондратьева) запросила у всех «заинтересованных лиц» (речь идет о юридических лицах) ВОЗРАЖЕНИЯ на эту апелляционную жалобу, чтобы затем, вместе с делом переслать их в Новгородский областной суд.

Откликнулись не все, а только комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района и Боровичская межрайонная прокуратура. (Кстати сказать, Администрация сельского поселения Опеченский Посад от молчалась).

Боровичская прокуратура, за подписью в свое время присутствовавшей на суде 5.04.2013 Ю.К. Винник прислала возражения совершенно беспардонные — или по незнанию (не проверили; и даже саму опровергаемую апелляционную жалобу не читали!) или же намеренно дезинформирующие апелляционную инстанцию насчет того, в каких условиях **сегодня** живет Желябужский. Повторяя фигурировавшую на суде информацию (при том что с тех пор ситуация радикально изменилась) прокуратура настаивает на отклонении апелляционной жалобы. (См. ранее: часть 11 настоящей хроники).

Что касается комитета социальной защиты, то, вместо того чтобы просто **отозвать** (такая процедура прекращения судебного разбирательства Гражданским процессуальным кодексом предусмотрена) свое первоначальное заявление о помещении гражданина в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия — это юридическое лицо стало «влиять»: мол, с одной стороны, мы «правильно» настаивали на принудительном водворении Желябужского в дом престарелых, а с другой стороны — после состоявшегося переезда Желябужского в дом А. Кавицына (где условия жизни — удовлетворительные, т.е. отвечают санитарно-эпидемиологическим нормативам и т.п.) комитет социальной защиты населения нашел-таки Желябужскому попечителя в форме патронажа, назначив в этом качестве А.А. Кавицына.

Хоть документ и называется «Возражения...», комитет социальной защиты населения как бы умывает руки, оставляет конечное решение на усмотрение суда (хотя прямо — и это не сказано). (См. ранее: часть 7 настоящей хроники).

Ну, команда Желябужского «отрецензировала» такую половинчатую и увертливую позицию, частности, в документе «Возражения на возражения...», за подписью О. Новиковской. (Документ был направлен в Новгородский суд, еще чуть ли не за месяц до рассмотрения там апелляционной жалобы; см. ранее: часть 8 «Деревенской истории»).

...А что же сам старик Желябужский? Можно сказать, что после переезда в дом своего социального работника, а впоследствии — попечителя, он, всегда крайне неприспособленный в быту, пообвык в новых, относительно комфортных условиях, вроде поздоровел физически, питание стало более разнообразным. Он подтвердил новой доверенностью на имя Кавицына полную свободу тому распоряжаться его пенсией и неожиданно возникшими накоплениями (задолженность государства по дополнительному пособию; см. выше). И в самом деле, для кого ему копить, коль скоро давно потеряна связь с родственниками?

Сам Кавицын, будучи назначен попечителем в форме патронажа, как иногда случается с людьми, оказавшимися «при исполнении», несколько возгордился, стал

вести себя с членами «команды Желябужского», в отличие от него никак от старика не кормившихся, порой вызывающе. Возможно, опасался, что запросят себе из средств Желябужского какое-нибудь вознаграждение. Ну, опасался напрасно.

По счастью, эта его заносчивость никак не отразилась на заботе об удовлетворении жизненных потребностей подопечного. Старик по-прежнему им доволен.

Надо сказать, что попечитель Кавицын, которому «здесь жить», уж очень озабочен тем, чтобы «не ссориться» с начальством, от которого, как едва ли не каждый деревенский житель он крайне зависим. Возможно, поэтому — он не принял предложения Новиковской выступить в Новгородском суде свидетелем, что было бы естественно, тем более в его новой роли попечителя.

И еще, он как-то слишком уверенно заявлял, что зря Новиковская и ее «подельники» за исход этого суда так беспокоятся. Можно было понять его так, что «у нас тут с начальством все договорено», никакой дом престарелых старику больше «не светит», коль скоро есть он, Кавицын.

Ну, от избыточной самонадеянности ли, из доверительных ли контактов с местной властью проистекала такая уверенность — не будем гадать. А благодарность такие люди обычно понимают исключительно в материальном смысле.

В отличие от Кавицына (да, кстати, и самого Желябужского, который в судебные дела не очень вникал), команда его защитников вовсе не склонна была «расслабляться». Думали над тем, как правильно построить защиту Желябужского в апелляционном суде, чтобы решение о принудительном помещении инвалида в стационарное учреждение социального обслуживания было отменено. Сошлись на том, что не надо клеймить чиновников за их «безобразия», и апеллировать следует не к абстрактной справедливости, а к здравому смыслу.

<...> 10 июля 2013 года в Новгородском суде заседала коллегия по гражданским делам, рассмотревшая дело № 2-579/ 2013, поступившее к ней в апелляционном порядке из Боровичского районного суда. Из письма автора этих строк от 10.07.2013:

(Намеренный повтор. См. также выше: часть ... А. А. Октябрь 2014).

«...Сегодня состоялся суд в Новгороде. Защитники Желябужского выиграли его по всем статьям. Их оппоненты если не от стыда, то с перепугу на суд не пошли. Апелляционный суд не только отменил решение Боровичского районного суда, но и принял **свое** решение, отказывающее в удовлетворении заявления боровичского комитета социальной защиты населения, тем самым окончательно закрыв это дело.

Случай не частый, когда апелляционный (областной) суд по одному делу заседает чуть не 50 мин. и дает апеллирующим произнести свои речи до конца...»

Как и почему так именно произошло — поясним в следующей части нашего «сериала».

7-9.10.2013.

(17) Протоколизм, выдержка, гласность. А также — полный текст апелляционного определения Новгородского суда

Попытка боровичских чиновников поместить инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания вопреки его воле (что, впрочем, допускается российским законодательством) не прошла. Анализ апелляционного определения Новгородского областного суда.

Как читателю уже известно, исполнение принятого 5.04.2013 судьей Боровичского районного суда В.Л. Кондратьевой скоропалительного и без всесторон-

него рассмотрения доводов «за» и «против», а также с нарушением процессуальных норм решения о помещении инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия, было приговорено только апелляционной жалобой, поданной представителями Желябужского.

Жалоба должна была рассматриваться коллегией по гражданским делам Новгородского областного суда.

Ввиду изменившихся жилищных условий инвалида (уже после решения суда состоялся, по инициативе петербурженки О.А. Новиковской и при участии односельчан Желябужского, его переезд из аварийного собственного дома в дер. Горбасино в благоустроенный дом ухаживающего за ним социального работника А.А. Кавицына в дер. Горбино) решение о принудительном помещении в дом престарелых, в котором почему-то были очень заинтересованы местные чиновники, потеряло всякий смысл. Тем не менее, решение это подлежало исполнению, пока не будет отменено в судебном порядке.

Сами деятели из Администрации сельского поселения Опеченский посад и из комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района, наконец, занялись оформлением А. Кавицына в качестве попечителя Желябужского в форме патронажа. Была погашена и вскрывшаяся задолженность государства по выплате Желябужскому дополнительного к пенсии пособия. Но решение Боровичского суда по-прежнему оставалось в силе, а согласно этому решению Желябужский подлежал-таки водворению в «казенный дом».

Со стороны местных чиновников наблюдались противоречивые действия. С одной стороны ими утверждалось официально, что они (чиновники) действовали в интересах здоровья и благополучия Желябужского и, мол, суд правомерно их в этом поддержал. С другой стороны, они сами фактически дезавуировали судебное решение (и собственную прежнюю позицию) назначением Кавицына попечителем в форме патронажа (в чем, в случае помещения Желябужского в дом престарелых, смысла нет).

Параллельно, ими выражалась крайняя форма неудовольствия действиями реальных защитников Желябужского, не исключая распространения о них ложной информации.

Односельчане, у которых все эти события разворачивались на глазах, сочувствовали инвалиду и его добровольным помощникам. Ну а те, кто жил не рядом, больше прислушивались к слухам и недобросовестным пересказам этой истории.

Интересна позиция СМИ. Местные журналисты поначалу очень резко взялись защищать инвалида Великой Отечественной войны (тем более — в преддверии дня Победы, да еще Новиковская обнародовала свое обращение, отправленное на «Прямую линию» к Путину). Но потом их интерес к этой теме как-то увял, а портал «БоровичиОнлайн» так даже поменял свою позицию на обратную и стал защищать местных чиновников, которые-де «спасали» инвалида из аварийного дома. (Даже специально послали фотографа, чтобы тот сфотографировал — в спешке покинутое хозяином жилище, сопроводив потом публикацию снимка многозначительной надписью: «В таких условиях жил инвалид»).

В общем, по совокупности косвенных признаков, поручиться за позитивный исход суда апелляционной инстанции было никак нельзя. Известно, что даже вопреки очевидностям государственная (в том числе — судебная) машина очень не любит давать задний ход.

Даже если предположить, что коллегия по гражданским делам Новгородского областного суда отменит решение Боровичского районного, вполне вероятно, что эта

отмена окажется мотивирована чисто процедурными, процессуальными нарушениями в суде первой инстанции (а таковых было немало). Тогда дело вернется в Боровичский районный суд, и судебное разбирательство пойдет «по второму кругу», т.е. предстоит заново доказывать, что для удовлетворения заявления комитета социальной защиты населения о помещении Желябужского в стационарное учреждение социального обслуживания нет (особенно теперь — нет!) оснований.

В предыдущих сериях нашего мониторинга мы подробно рассматривали возможные варианты исхода апелляционного суда (см. ранее: часть 13 настоящей хроники) и сам ход этого суда 10 июля 2013 года, используя материалы аудиозаписи (см. ранее: часть 14). Надо сказать, что судебное разбирательство в Новгороде происходило довольно «остро», и по тому, как судьи обрывали адвоката (В.Г. Белякова) и какие вопросы задавали другим представителям Желябужского, интрига сохранялась до самого последнего момента (обнародования резолютивной части апелляционного определения).

Тем с БОЛЬШИМ облегчением услышали защищавшие в суде интересы Желябужского адвокат В.Г. Беляков и доверенные лица инвалида О.А. Новиковская и Д.М. Иванов, что коллегией по гражданским делам Новгородского областного суда решение Боровичского районного суда Новгородской области от 5.04.2013 не только отменено, но и принято по делу **НОВОЕ РЕШЕНИЕ (!)**, которым «в удовлетворении заявления Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания Желябужского Олега Георгиевича без его согласия отказать».

Это была победа «вчистую», так сказать не «по очкам», а «нокаутом». И то сказать, боровичские чиновники сами «сдали» этот бой, (Наверное, не случайно «истец» — комитет социальной защиты населения Боровичской администрации — и «заинтересованные лица», в частности, представители от Администрации Опеченского сельского поселения, на суд не явились).

Пару недель спустя из Новгородского областного суда Желябужский (в дер. Горбино) и его защитники (в Петербурге) получили на руки копии итогового документа, из которого явствуют мотивировка и обоснование (логика) суда апелляционной инстанции. Приведем здесь полностью этот документ, с нашими пояснениями:

«Судья Кондратьева В.Л.
19 июня 2013 года
Дело № 2 -579/13-33-1066

(Судья Кондратьева — та, которая рассматривала данное дело в Боровичском районном суде. — А. А.)

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по гражданским делам Новгородского областного суда в составе:

председательствующего — Колокольцева Ю.А.,

судей — Иванова И.С. и Васильевой И.Ю.,

при секретаре Горбачевой А.В.,

с участием прокурора Степановой Е.И.,

представителей Желябужского О.Г. Белякова В.Г., Иванова Д.М., Новиковской О.А., рассмотрев в открытом судебном заседании 10 июня 2013 года по докладу судьи Васильевой И.Ю. гражданское дело по апелляционной жалобе представителя Желябужского Олега Георгиевича — адвоката Белякова Владимира Геннадиевича на

решение Боровичского районного суда Новгородской области от 05 апреля 2013 года (см. ранее: *часть 16 настоящей хроники.. — А. А.*), которым постановлено:

Заявление Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания гражданина без его согласия (см. ранее: *часть 15. — А. А.*) удовлетворить Желябужского Олега Георгиевича, 05 июля 1926 года рождения, уроженца г. Ленинграда, проживающего по адресу: Новгородская область, Боровичский район, дер Торбасино, д. 9, поместить в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия,

(По указанному адресу Желябужский проживал на момент заседания Боровичского суда, позже место его проживания изменилось. — А. А.)

установила:

(Все написанное выше — одно многосоставное предложение: «Судебная коллегия...рассмотрев...установила...». Предложение, понятно, неудобочитаемое. Такова структурная и «грамматическая» норма судебных решений и определений. Далее идет почти дословный пересказ решения Боровичского районного суда, в свою очередь почти дословно пересказывавшего заявление комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района. — А.А.)

Комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района (далее — Комитет) обратился в суд с заявлением о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания Желябужского О.Г. без его согласия. При этом указал, что Желябужский О.Г., 05 июля 1926 года рождения, проживает один по адресу: Новгородская область, Боровичский район, дер. Торбасино, д. 9, является инвалидом первой группы Великой Отечественной войны. Желябужский О.Г. обездвижен, не видит, самостоятельно не может удовлетворять свои жизненные потребности, утратил способность к самообслуживанию. Питание однообразное и крайне неудовлетворительное. В настоящее время Желябужский О.Г. проживает в жилом помещении, которое находится в аварийном состоянии и не пригодно для проживания.

(Если следовать правилам логики и грамматики, то здесь нужны либо кавычки, либо — если пересказ — повторение в каждом новом предложении, что это указано именно Комитетом социальной защиты населения. Возможна также формула: «Комитет социальной защиты населения указал следующее...». Иначе фраза воспринимается как утверждение того, кто пересказывает. Однако судебная казуистика соблюдением правил логики и грамматики себя особо не обременяет. — А. А. Октябрь 2014).

В коридоре отсутствует половое покрытие, нет двери, печь находится в неисправном состоянии, поэтому в доме холодно. Место, где лежит Желябужский О.Г., обогревается электрическим обогревателем. Электропроводка также в ветхом состоянии. В ПФР по уходу за инвалидом оформлен гражданин Кавицын А.А., проживающий в соседней дер. Горбино Боровичского района, который не обеспечивает должного ухода за ним. 20 марта 2013 года комиссия в составе заместителя главы Опеченского сельского поселения Сиговой Л.А., ведущего служащего Комитета Котовой С.А., врача общей практики ГОБУЗ «Центр общей врачебной (семейной) практики Опеченской амбулатории Евстигнеевой Л.К., заведующей отделением срочного социального обслуживания ОАУСО «Боровичский

ЦСО» Косуровой Л.Г., был осуществлен выезд по месту жительства Желябужского О.Г. с целью предложить ему госпитализацию в учреждение здравоохранения или услуги Центра социального обслуживания. Вместе с тем, Желябужский О.Г. категорически отказался от осмотра его врачом и от госпитализации в больницу. Также было предложено помещение его в учреждение социального обслуживания, переезд в дом Кавицына А.А. От данных предложений Желябужский О.Г. категорически отказался. По результатам обследования условий жизни инвалида был составлен акт, в котором отражен факт отказа его от медицинских и социальных услуг. Желябужскому О.Г. были разъяснены возможные последствия принятого им решения, в том числе положения ст. 15 Федерального закона 02 августа 1995 года № 122-ФЗ №О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов». По изложенным основаниям, учитывая, что дальнейшее нахождение в вышеуказанных условиях может повлечь ухудшение состояния здоровья Желябужского О.Г. или угрозу для его жизни, а решить вопрос об установлении попечительства в форме патронажа не предоставляется возможным, в связи с тем, что отсутствуют граждане, выразившие желание быть его попечителем, 21 марта 2013 года комиссией по рассмотрению вопросов опеки и попечительства совершеннолетних граждан Комитета принято решение о подаче в суд искового заявления о принудительном помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания. Учитывая приведенные обстоятельства, Комитет просил суд осуществить помещение Желябужского О.Г., 05 июля 1926 года рождения, уроженца г. Ленинграда, проживающего по адресу: Новгородская область, Боровичский район, дер Торбасино, д. 9, в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия.

Судом (*Боровичским районным судом. — А. А.*) постановлено вышеуказанное решение (*т.е. решение, удовлетворяющее просьбу Комитета социальной защиты населения. — А.А.*)...

В апелляционной жалобе представителя Желябужского О.Г. (*см. ранее: часть 7 «Деревенской истории». — А. А.*) — адвокат Беляков В.Г. не согласен с решением суда, считает решение незаконным, постановленным с нарушением норм материального и процессуального права, ссылаясь при этом на неправильное определение судом обстоятельств, имеющих значение для дела, недоказанность установленных судом обстоятельств, а также на несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела. В связи с чем, Беляков В.Г. полагает оспариваемое решение суда подлежащим отмене.

Доверенным лицом Желябужского О.Г. — Новиковской О.А., действующей на основании доверенности от 18 апреля 2013 года, представлено заявление (*см.: ранее: часть 8 настоящей хроники. — А. А.*), в котором последняя поддерживает доводы апелляционной жалобы, полагает, что нет оснований принудительно помещать Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания.

В представленных письменных возражениях на апелляционную жалобу (*см. ранее: часть 6 настоящей хроники. — А. А.*), Комитет социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района, помощник Боровичского межрайонного прокурора Винник Ю.К. выражают несогласие с доводами, изложенными в апелляционной жалобе, полагая решение суда законным, обоснованным и не подлежащим отмене.

В отзыве на апелляционную жалобу заинтересованное лицо ОАУСО «Боровичский центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» решение вопроса о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания Желябужского О.Г. без его согласия оставляет на усмотрение суда.

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционной жалобы и письменных возражений, заслушав представителей Желябужского О.Г. Белякова В.Г., Иванова Д.М., Новиковскую О.А., поддержавших доводы апелляционной жалобы, заключение прокурора Степановой Е.И., полагавшей решение суда подлежащим отмене (*расшифровку аудиозаписи заседания коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда от 10 июля 2013 г. см. ранее: часть 14 настоящей хроники.* — А. А.), судебная коллегия приходит к следующим выводам.

В силу ст. 5 Федерального закона от 02 августа 1995 года № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» (далее — Федеральный закон) граждане пожилого возраста (женщины старше 55 лет, мужчины старше 60 лет) и инвалиды (в том числе — дети-инвалиды), нуждающиеся в постоянной или временной посторонней помощи в связи с частичной или полной утратой возможности самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности вследствие ограничения способности к самообслуживанию и (или) передвижению, имеют право на социальное обслуживание, осуществляемое в государственном и негосударственном секторах системы социального обслуживания.

Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов осуществляется по решению органов социальной защиты населения в подведомственных им учреждениях либо по договорам, заключаемым органами социальной защиты с учреждениями социального обслуживания иных форм собственности.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона при получении социальных услуг граждане пожилого возраста и инвалиды имеют право на: уважительное и гуманное отношение со стороны работников учреждений социального обслуживания; выбор учреждения и формы социального обслуживания, в порядке, установленном органами социальной защиты населения субъектов Российской Федерации; информацию о своих правах, обязанностях и условиях оказания социальных услуг; согласие на социальное обслуживание; отказ от социального обслуживания; конфиденциальность информации личного характера, ставшей известной работнику учреждения социального обслуживания при оказании социальных услуг; защиту своих прав и законных интересов, в том числе в судебном порядке.

Граждане пожилого возраста и инвалиды имеют право получать информацию о видах и формах социального обслуживания, показаниях на получение социальных услуг и об условиях их оплаты, а также о других условиях их предоставления (ст. 8 Федерального закона).

Социальное обслуживание осуществляется при условии добровольного согласия граждан пожилого возраста и инвалидов на получение социальных услуг, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом (ст. 9 Федерального закона).

Вместе с тем, согласно приведенной правовой норме помещение граждан пожилого возраста и инвалидов в стационарные учреждения социального обслуживания без их согласия или без согласия их законных представителей допускается на основании и в порядке, предусмотренных ст. 15 настоящего Федерального закона, а также Законом Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Так, согласно ст. 15 Федерального закона ограничения прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг допускаются в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, и могут выражаться в помещении этих граждан без их согласия в учреждения социального обслуживания в случаях, если они лишены ухода и поддержки со стороны родственников или

иных законных представителей и при этом не способны самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности (утрата способности к самообслуживанию и (или) активному передвижению) или признаны в установленном законом порядке недееспособными.

Вопрос о помещении граждан пожилого возраста и инвалидов в стационарные учреждения социального обслуживания без их согласия или без согласия их законных представителей по основаниям, предусмотренным в части первой настоящей статьи, решается судом по представлению органов социальной защиты населения.

Отказ от услуг стационарных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, утративших способность удовлетворять свои основные жизненные потребности или признанных в установленном порядке недееспособными, производится по письменному заявлению их законных представителей в случае, если они обязуются обеспечить указанным лицам уход и необходимые условия проживания.

Как установлено судом и следует из материалов дела, Желябужский О.Г., 05 июля 1926 года рождения, является инвалидом первой группы Великой Отечественной войны, он обездвижен, не видит, самостоятельно не может удовлетворять свои жизненные потребности, утратил способность к самообслуживанию, его питание является однообразным и крайне неудовлетворительным.

На дату вынесения судом первой инстанции обжалуемого решения Желябужский О.Г. проживал один по адресу: Новгородская область, Боровичский район, дер. Торбасино, д. 9.

В соответствии с актом обследования условий жизни гражданина, нуждающегося в установлении попечительства от 20 марта 2013 года указанный жилой дом находится в аварийном, непригодном для проживания, антисанитарном состоянии. В ГУ — Управление Пенсионного фонда Российской Федерации в Боровичском районе по уходу за инвалидом оформлен гражданин Кавицын Андрей Алексеевич, проживающий в соседней дер. Горбино Боровичского района, который не обеспечивает должного ухода за Желябужским О.Г.

Согласно указанному акту Желябужский О.Г. отказался от осмотра его врачом и от госпитализации в больницу и в учреждение социального обслуживания.

Удовлетворяя заявление Комитета о помещении Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия, суд, исходя из установленных обстоятельств дела, расценил заявление, как обоснованное, поскольку Желябужский О.Г. не способен самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности (утрата способности к самообслуживанию и активному передвижению) и дальнейшее нахождение в вышеуказанных условиях может повлечь ухудшение состояния его здоровья или угрозу для его жизни. Вместе с тем, согласно ст. 12 ГПК РФ гражданское судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

(Из ГПК РФ:

«Статья 12. Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон

1. Правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

2. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, со-

здает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел». — А. А.).

По смыслу вышеприведенной нормы принцип состязательности может быть реализован в процессе только в случае предоставления каждому из лиц, участвующих в деле возможности присутствовать в судебном заседании.

В материалах дела имеется акт от 02 апреля 2013 года, составленный комиссией в составе Главы Опеченского сельского поселения Никитина А.В., заместителя Главы Сиговой Л.А., жителя дер. Горбино Боровичского района Кавищина А.А., в соответствии с которым 02 апреля 2023 года Желябужский О.Г. был ознакомлен с заявлением Комитета о помещении его в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия. Также Желябужский был извещен о том, что судебное заседание по рассмотрению указанного заявления назначено на 05 апреля 2013 года.

Судебное заседание, в котором требования Комитета в отношении Желябужского О.Г. были разрешены по существу, состоялось 05 апреля 2013 года.

Вместе с тем, проверив материалы дела, судебная коллегия полагает, что Желябужский О.Г. был лишен возможности реализовать процессуальные права, предусмотренные ст.ст. 35, 39 ГПК РФ, и в результате чего не было обеспечено гарантированное законом право Желябужского О.Г. на судебную защиту прав и доказательств, возражений, относительно заявлений Комитета.

(Внимание! Это первый пункт, по которому Судебная коллегия по гражданским делам Новгородского областного суда согласилась с доводами защитников О.Г. Желябужского. — А. А. Октябрь 2914).

(Из ГПК РФ:

«Статья 35. Права и обязанности лиц, участвующих в деле

1. Лица, участвующие в деле, имеют право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам и специалистам; заявлять ходатайства, в том числе об истребовании доказательств; давать объяснения суду в устной и письменной форме; приводить свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, возражать относительно ходатайств и доводов других лиц, участвующих в деле; обжаловать судебные постановления и использовать предоставленные законодательством о гражданском судопроизводстве другие процессуальные права. Лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. <...>».

«Статья 39. Изменение иска, отказ от иска, признание иска, мировое соглашение

1. Истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска, ответчик вправе признать иск, стороны могут окончить дело мировым соглашением. <...>». — А. А.)

При этом судом в целях выполнения задач, предусмотренных ст. 148 ГПК РФ, не выполнены требования ч. 2 ст. 147, 149, ч. 1 ст. 150 ГПК РФ, в том числе не обеспечена ответчику, являющемуся дееспособным, но в силу возраста и состояния здоровья лишенным возможности лично участвовать в судебном разбирательстве, быть опрошенным судом и представить суду свои согласие или возражение по существу заявленных требований, в том числе с учетом положений статей 7, 8 и 15 Федерального закона.

(Из ГПК РФ:

«Статья 148. Задачи подготовки дела к судебному разбирательству»

Задачами подготовки дела к судебному разбирательству являются:

- уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела;*
- определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон;*
- разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса;*
- представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле;*
- примирение сторон».*

«Статья 147. Определение суда о подготовке дела к судебному разбирательству

<...> 2. Подготовка к судебному разбирательству является обязательной по каждому гражданскому делу и проводится судьей с участием сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей».

«Статья 149. Действия сторон при подготовке дела к судебному разбирательству

1. При подготовке дела к судебному разбирательству истец или его представитель:

- 1) передает ответчику копии доказательств, обосновывающих фактические основания иска;*
- 2) заявляет перед судьей ходатайства об истребовании доказательств, которые он не может получить самостоятельно без помощи суда.*

2. Ответчик или его представитель:

- 1) уточняет искимые требования истца и фактические основания этих требований;*
- 2) представляет истцу или его представителю и суду возражения в письменной форме относительно искимых требований;*
- 3) передает истцу или его представителю и судье доказательства, обосновывающие возражения относительно иска;*
- 4) заявляет перед судьей ходатайства об истребовании доказательств, которые он не может получить самостоятельно без помощи суда».*

«Статья 150. Действия судьи при подготовке дела к судебному разбирательству

1. При подготовке дела к судебному разбирательству судья:

- 1) разъясняет сторонам их процессуальные права и обязанности;*
- 2) опрашивает истца или его представителя по существу заявленных требований и предлагает, если это необходимо, представить дополнительные доказательства в определенный срок;*
- 3) опрашивает ответчика по обстоятельствам дела, выясняет, какие имеются возражения относительно иска и какими доказательствами эти возражения могут быть подтверждены;*
- 4) разрешает вопрос о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора, а также разрешает вопросы о замене ненадлежащего ответчика, соединении и разъединении искимых требований;*
- 5) принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения в порядке, установленном федеральным законом, процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии судебного разбирательства, и разъясняет сторонам их право обратиться за разрешением спора в третейский суд и последствия таких действий;*
- 6) извещает о времени и месте разбирательства дела заинтересованных в его исходе граждан или организаций;*
- 7) разрешает вопрос о вызове свидетелей;*

- 8) назначает экспертизу и эксперта для ее проведения, а также разрешает вопрос о привлечении к участию в процессе специалиста, переводчика;
 - 9) по ходатайству сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей истребует от организаций или граждан доказательства, которые стороны или их представители не могут получить самостоятельно;
 - 10) в случаях, не терпящих отлагательства, проводит с извещением лиц, участвующих в деле, осмотр на месте письменных и вещественных доказательств;
 - 11) направляет судебные поручения;
 - 12) принимает меры по обеспечению иска;
 - 13) в случаях, предусмотренных статьей 152 настоящего Кодекса, разрешает вопрос о проведении предварительного судебного заседания, его времени и месте;
 - 14) совершает иные необходимые процессуальные действия.
2. Судья направляет или вручает ответчику копии заявления и приложений к нему документов, обосновывающих требование истца, и предлагает представить в установленный им срок доказательства в обоснование своих возражений. Судья разъясняет, что непредставление ответчиком доказательств и возражений в установленный судьей срок не препятствует рассмотрению дела по имеющимся в деле доказательствам. <...>. — А. А.)

Указанное не позволило суду первой инстанции правильно и в полном объеме в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 196 ГПК РФ установить имеющие значение по делу обстоятельства, что привело к принятию неправоленного решения.

(Важный момент! Именно нарушение процессуальных норм, игнорирование требования состоятельности и равноправия сторон в процессе и т.д. — привело к тому, что суд первой инстанции не установил правильно и в полном объеме имеющие значение по делу обстоятельства. — А. А.)

(Из ГПК РФ:

«Статья 196. Вопросы, разрешаемые при принятии решения суда

1. При принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению. <...>. — А. А.)

Так, ч. 3 ст. 15 Федерального закона установлен особый, исключительный случай, когда гражданин (который по вступившему в законную силу решению суда признан недееспособным, либо решено о принудительном оказании ему социальной помощи ввиду его неспособности самостоятельно обслуживать себя) даже в случае, если есть основания в принудительном порядке оказывать ему социальную помощь, может отказаться от нее.

Таким образом, указанной нормой предусмотрено, что отказ от услуг стационарных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, утративших способность удовлетворять свои основные жизненные потребности или признанных в установленном порядке недееспособными, производится по письменному заявлению их законных представителей в случае если они обязуются обеспечить указанным лицам уход и необходимые условия проживания, к числу которых («которых...»; надо полагать — не «условий», а «законных представителей»). — А. А.) относятся и попечители.

(Строго говоря, в момент рассмотрения «дела Желябужского» Боровичским районным судом официально назначенного попечителя у Желябужского не было, он появился позже. Поэтому указанная правовая норма к данному случаю отношения не имеет.

Здесь скорее следовало бы говорить о НОВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, возникших в промежутке между решением суда первой инстанции и его апелляционным рассмотрением. — А. А.)

Согласно представленному в суд апелляционной инстанции Комитетом распоряжению от 24 мая 2013 года № 355 на основании решения комиссии по рассмотрению вопросов опеки и попечительства совершеннолетних граждан, заявлений Желябужского О.Г. и Кавицына А.А., иных представленных документов в соответствии со ст. 41 ГК РФ установлено попечительство в форме патронажа над Желябужским О.Г.; попечителем Желябужского О.Г. назначен Кавицын Андрей Алексеевич, 27 мая 1963 года рождения, зарегистрированный по адресу: Новгородская область, Боровичский район, дер. Горбино, д. 39.

В настоящее время Желябужский О.Г. проживает совместно со своим попечителем в жилом доме по указанному выше адресу.

Заключением Территориального отдела Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Новгородской области в Боровичском районе от 16 мая 2013 года № 40, актами обследования условий жизни гражданина, выразившего желание стать опекуном или попечителем совершеннолетнего недееспособного или не полностью дееспособного гражданина (*вызывает недоумение упоминание здесь опекунства или попечительства над «совершеннолетним недееспособным или не полностью дееспособным гражданином»: дееспособность Желябужского никем не ставится под сомнение, а «неполная дееспособность» относится только к лицам от 14 до 18 лет. — А. А.*), (*здесь, по-видимому, пропущено слово «актом».* — А. А.) санитарно-эпидемиологической экспертизы от 13 мая 2013 года и актом обследования условий жизни гражданина, не способного самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности, в отношении которого назначено попечительство в форме патронажа, от 10 июня 2013 года установлено соответствие жилого дома № 39, расположенного по адресу: Новгородская область, Боровичский район, дер. Горбино, и условий проживания в нем Желябужского О.Г. требованиям государственных санитарно-эпидемиологических правил и нормативов, условия жизни Желябужского О.Г. являются удовлетворительными.

При таких обстоятельствах (*сложившихся, понятно, уже после решения Боровичского районного суда от 5.04.2013.* — А. А.) в настоящий момент предусмотренные законом основания для помещения Желябужского О.Г. в стационарное учреждение социального обслуживания без его согласия отсутствуют, в связи с чем обжалуемое решение суда как необоснованное, основанное на неполно выясненных значимых обстоятельствах дела, принятое с нарушением норм процессуального права (*см. об этом выше.* — А. А.) в силу ч.ч. 1, 3 ст. 330 ГПК РФ подлежит отмене с принятием по делу нового решения об отказе в удовлетворении заявления Комитета в отношении Желябужского О.Г. о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания гражданина без его согласия.

(Логика апелляционного определения, по-видимому, такова: суд первой инстанции допустил процессуальные нарушения, в частности, не обеспечил состязательности сторон. В итоге, он не сумел разобраться во всех обстоятельствах дела. Между тем, эти обстоятельства — теперь — таковы, что обжалуемое решение оказывается необоснованным. Суд второй инстанции, не без бюрократического изящества, увязал процессуальные нарушения с вновь возникшими обстоятельствами, которые, при отсутствии таковых нарушений суд мог бы предусмотреть. — А. А. Октябрь 2014).

(Из ГПК РФ:

«Статья 330. Основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке

1. Основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке являются:

- 1) неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела;
- 2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела;
- 3) несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела;
- 4) нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

<...> 3. Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения. <...>. — А. А.)

Руководствуясь ст.ст. 328-330 ГПК РФ, судебная коллегия

(Из ГПК РФ:

«Статья 328. Полномочия суда апелляционной инстанции

По результатам рассмотрения апелляционных жалобы, представления суд апелляционной инстанции вправе:

- 1) оставить решение суда первой инстанции без изменения, апелляционные жалобу, представление без удовлетворения;
- 2) отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение;
- 3) отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения полностью или в части;
- 4) оставить апелляционные жалобу, представление без рассмотрения по существу, если жалоба, представление поданы по истечении срока апелляционного обжалования и не решен вопрос о восстановлении этого срока». — А. А.)

(Намеренный повтор. См. текст этой статьи также выше: раздел 11 настоящей хроники. — А. А. Октябрь 2014)

определила:

Решение Боровичского районного суда Новгородской области от 05 апреля отменить.

Принять по делу новое решение, которым в удовлетворении заявления Комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района о помещении в стационарное учреждение социального обслуживания Желябужского Олега Георгиевича без его согласия отказать. (Выделено мною. — А. А.)

Председательствующий Ю.А. Колокольцев

Судьи И.С. Иванов, И.Ю. Васильева»

(Если сравнить апелляционное определение Новгородского областного суда с требованиями адвоката В.Г. Белякова в его «Объяснениях» (см. ранее: часть 13 настоящей хроники. — А. А.), можно заметить, что суд проигнорировал просьбу вынести частное определение в адрес комитета социальной защиты населения Администрации Боровичского муниципального района, который даже удостоверение попечителя на имя А. Кавицына не сумел оформить правильно.

Но, по нашему мнению, этот последний ляп — не самое главное из прегрешений боровичских чиновников. И новое решение Новгородского областного суда — отказ в удовлетворении их заявления в отношении Желябужского, — куда более чувствительный по ним удар).

Подведем итоги. Нетривиальный результат (определение апелляционного суда в пользу гражданина) произошел:

а) из энергичных действий защитников Желябужского, строго говоря, выходящих за рамки судебной процедуры, а именно — благодаря изменению тех обстоятельств, которыми мотивировалось (аргументировалось) первое судебное решение. Не всегда такое возможно; в этом смысле можно говорить о **специфических** (для данного случая) факторах изменения судебного решения;

б) факторами, которые **равно значимы** для всякой правозащиты (а не только для данного или подобных случаев) является отмеченная выше (см. ранее: часть 16 настоящей хроники) триада: ПРОТОКОЛИЗМ — ВЫДЕРЖКА — ГЛАСНОСТЬ. Это те «три кита», на которых зиждется победа гражданских активистов над социальными институтами и административным ресурсом.

В более широкой ретроспективе можно говорить о своего рода «формуле антиразгильдяйства»: ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ + КОМПЕТЕНТНОСТЬ + ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Столь подробный разбор данного «кейса» был направлен на изучение возможностей эффективного общественного сопротивления негативным проявлениям государственной машины. Впрочем, мы далеки от анархического отрицания указанной машины, как таковой. Речь идет о том, чтобы если не исключить, то ослабить «приватизацию» государственного аппарата его «служащими», его использование ими в собственных корыстных ли, корпоративных ли интересах. Речь — о том, чтобы способствовать его (этого аппарата) постановке хоть в какой-то мере на службу интересам граждан.

В этом — объективный смысл деятельности наших героев, равно как и подробного описания этой деятельности.

Нам осталось лишь осветить родословную и биографию нашего главного героя — ветерана и инвалида Великой Отечественной войны, 1926 г. рожд., Олега Георгиевича Желябужского. Пообещаем читателю и здесь некоторые неожиданности.

15-16.10.2013.

(18) Семейная хроника О.Г. Желябужского

Родословная и история жизни ветерана и инвалида Великой Отечественной войны, ныне — жителя Боровичского района, Новгородской области, Олега Георгиевича Желябужского — во всяком случае незаурядны. Вот они, записанные с его слов Ольгой Новиковской. А. Алексеев.

До сих пор, погружившись в мониторинг эпопеи защиты инвалида Великой Отечественной войны от сомнительной заботы со стороны государства (вплоть до заботы «по суду» и судебной же защиты его прав и интересов), мы мало говорили о самом О.Г. Желябужском: откуда он родом, кем воспитывался, как складывалась его жизнь, давно ли поселился в деревне и т.д.

Упоминались только его добросердечие и бессеребреничество, вплоть до «чуждачества», его любовь к животным и снисходительность к людским недостаткам. Кто-то даже пустил по деревне словечко «святой».

Ну, может и не «святой», но многие люди говорят о нем с теплом и благодарностью, хоть немало и таких, кто злоупотреблял его доверчивостью. Вот, рас-

сказывают, была такая почтальонша, носила ему пенсию — так она регулярно часть этой пенсии прикарманывала. А когда вскрылось, старик сам ее прикрыл: «Ладно... у нее же дети!».

Ольга Новиковская, знающая Олега Георгиевича больше 40 лет, не раз слушала его рассказы — о самом себе, о своем прошлом (только про войну не любил рассказывать). Кое-что за О.Г. даже записывала. А вот теперь, этим летом, решила порасспросить его систематически, и записать — на диктофон. В итоге возникла достаточно связанная и полная семейная история.

Полная запись хранится теперь в домашнем архиве Ольги. Я же здесь расскажу эту семейную историю вкратце, подробно останавливаясь лишь на наиболее интересных моментах.

У Олега Георгиевича — прекрасная память и нет склонности к фантазиям. Но иногда сообщаемое им казалось настолько фантастичным, что Ольга, по возвращении в Петербург, принялась проверять по литературным источникам. И вот одна из генеалогических гипотез получила если не доказательство, то подтверждение. Другая — не подтвердилась. Но ведь то было именно *предположение* рассказчика о родственной связи с человеком с не часто встречающейся фамилией.

Итак: «Семейная история О.Г. Желябужского, составленная О.А. Новиковской, со слов самого Олега Георгиевича в апреле-августе 2013 года».

Олег Георгиевич Желябужский родился 5 июля 1926 года, в г. Ленинграде. Однако с 4-х лет, вместе с родителями, стал жить в г. Пушкине.

Его родители: отец — Георгий Алексеевич Желябужский (ок. 1885 — ок. 1960); мать — Любовь Германовна Шутова (в замужестве — Желябужская) (1886 — 1970). Это был довольно поздний брак. О.Г. был единственным ребенком у отца с матерью.

Кроме него, у матери, Любови Германовны, была старшая дочь — Ирина (не от Г.А. Желябужского), возможно, внебрачная. О.Г. был маленьким ребенком, но старшую сестру помнит. Она жила в семье родителей О.Г. В возрасте где-то 15 лет она подверглась изнасилованию и повредила умом. Ее поместили в психиатрическую больницу, где она находилась постоянно. Умерла Ирина в этой больнице, в блокаду Ленинграда.

У отца О.Г., Георгия Алексеевича, тоже был старший ребенок (не от Л.Г. Шутовой) — Сергей Желябужский. Тот был на 12 лет старше О.Г. и жил на Кавказе. Много лет спустя О.Г. узнал, что С.Г. Желябужский возглавлял музей писателя В.Г. Короленко в Джанхоте. О.Г. лишь однажды в детстве видел своего старшего сводного брата. Он до сих пор обижен на мать за то, что та никак не способствовала его общению с братом.

Обратившись к генеалогии, начнем с отцовской линии.

Отец О.Г., Георгий Алексеевич Желябужский, был «из дворян». О.Г. помнит о существовании документа — дореволюционного послужного списка его отца. Там, кроме мест службы и сумм жалования, назначавшегося Г.А. Желябужскому, было указано, что он дворянин, но не имеющий земли. Дед О.Г. по отцовской линии — Алексей Алексеевич Желябужский — инженер путей сообщения, по свидетельству отца О.Г., «жил на колесах», от Петербурга до Дальнего Востока. Он умер еще до революции. Так же и бабушка О.Г. по отцовской линии, жена А.А. Желябужского, умерла до революции. Ее звали Варвара Николаевна Огарева (в девичестве).

У А.А. Желябужского и В.Н. Огаревой (в замужестве — Желябужской), кроме Георгия Алексеевича (отца О.Г.), был еще сын Борис Алексеевич (на год-полтора старше Георгия). Были еще две дочери. Старший брат отца (дядя О.Г.)

Б.А. Желябужский до революции служил офицером. Отца же О.Г. — Георгия Алексеевича — в армию «не взяли по глазам». До революции он работал на железной дороге, контролером («проверял билеты», говорит О.Г.). О его жизни после революции скажем ниже.

Дальше — *семейная легенда № 1*. Сейчас трудно установить, сам ли О.Г. это предположил, или легенда возникла до него, но до самого недавнего времени Олег Георгиевич был уверен, что Варвара Николаевна Огарева, его бабушка, являлась (точнее — числилась) дочерью Николая Платоновича Огарева (1813-1877), известного русского поэта и публициста, друга и сподвижника Александра Ивановича Герцена (1812-1870).

Почему «числилась»? Да потому, что Наталья Алексеевна Тучкова (1829-1913), будучи женой Н.П. Огарева, как известно, с 1857 года фактически стала жить вне брака с А.И. Герценым и имела от него троих детей (рано умерших). О.Г. определяющий эту ситуацию, как «у Герцена с Огаревым была одна жена на двоих», исходя из фамилии и отчества В.Н. Огаревой, своей бабушки, полагал, что она и есть одна из детей А.И. Герцена и Н.А. Огаревой, только «записанной» за Н.П. Огаревым.

Исторические изыскания, проведенные Ольгой Новиковской, которых, понятно, не проводил Олег Георгиевич, разрушили эту семейную легенду, поскольку у Натальи Алексеевны Тучковой (Огаревой, Герценой) *Варвары среди детей не было* (в чем нетрудно убедиться хотя бы из ее опубликованных подробнейших мемуаров).

Таким образом, правнуком А.И. Герцена (а формально — Н.П. Огарева) по отцовской линии О.Г. Желябужский заведомо не является.

Тем не менее, отцовская линия О.Г. Желябужского богата пересечениями с другими историческими личностями. И здесь предпринятые проверки сообщенных Олегом Георгиевичем семейных фактов эти факты не опровергают.

Из раннего детства, по существу — младенчества, О.Г. помнит «дядю» — Андрея Желябужского, подарившего ему тряпичную игрушку. (О.Г. не помнит отчества «дяди», но из Интернета Ольга Новиковская выяснила, что он был Алексеевич; удалось установить и годы его жизни: (1850-1932)). О.Г. затрудняется указать степень родства, скорее всего, это был брат деда О.Г. — Алексея Алексеевича Желябужского.

Андрей Алексеевич Желябужский был первым мужем актрисы Марии Федоровны Андреевой (1868-1953) (О.Г. говорит, что ее фамилия была не Андреева, а, «кажется, Юрковская» (по литературным источникам, это, в самом деле, ее настоящая фамилия, а Андреева — сценический псевдоним). Андрей А. Желябужский был действительным статским советником, работал инспектором (О.Г. говорит — «главным контролером») на железной дороге. Впоследствии они с М.Ф. Андреевой разошлись.

О.Г. рассказывал Ольге Новиковской о М.Ф. Андреевой, о ее роли в русской революции (партийная кличка — «Феномен»), ее связях с Саввой Морозовым, гражданском замужестве за А.М. Горьким. Что из этого он слышал от отца, что знал из литературных источников — сейчас сказать трудно. А вот один эпизод, касающийся непосредственно биографии Г.А. Желябужского, отца О.Г., — это глубоко из семейной памяти, Отец О.Г. в начале 30-х гг. был осужден за растрату казенных денег — на 10 лет. Но М.Ф. Андреева, случайно узнавшая об этом, сумела, как Олегу Георгиевичу рассказывали родители, каким-то образом сделать так, что срок родственнику ее бывшего супруга был скошен до 3-х лет.

Из литературных источников (О.Г. об этом не упоминал): сын М.Ф. Андреевой и А.А. Желябужского — Юрий Андреевич Желябужский (1888-1955) — из

вестный советский кинооператор, режиссер и сценарист. Олегу Георгиевичу он, скорее всего, приходился двоюродным дядей.

На этом пока закончим про отцовскую линию. Обратимся к материнской. Тут нас ожидают еще большие неожиданности.

Любовь Германовна Шутова (в замужестве — Желябужская), мать О.Г., как уже отмечалось, родилась в 1886 году. Правда, при обмене паспортов в начале 50-х гг., ей был ошибочно записан год рождения 1896 (!!). Допустившая такой ляп паспортница уговорила мать О.Г. примириться с этой ошибкой: мол, это может облегчить устройство на работу (так поясняет О.Г.).

Родители Л.Г. Шутовой (матери О.Г.): отец — Герман Михайлович Шутов; мать — Надежда Григорьевна.

Бабушка О.Г. по материнской линии, Надежда Григорьевна была купеческой дочерью. Рано оставшись сиротой, она воспитывалась в другой купеческой семье — Зотовых, которые владели кожевенным заводом в поселке Волгино, близ Боровичей. Выйдя замуж, бабушка О.Г. вскоре овдовела. От первого мужа у нее осталась дочь — видимо, Ольга (О.Г. называет ее «Лелей»).

Второй брак бабушки О.Г. был с Германом Михайловичем Шутовым. У Г.М. и Н.Г. Шутовых было пятеро детей: четыре дочери: Клавдия, Евгения, Вера и Любовь (Любовь — младшая из сестер — мать О.Г.); А также был сын — Иван. (О тетках О.Г. по материнской линии и их потомках будет рассказано отдельно). Семья Шутовых жила в Гатчине.

Теперь остановимся на фигуре деда О.Г. по материнской линии — Германа Михайловича Шутова. Личность этого человека нашла отражение в исторических источниках, а именно: в списке захоронений «Нового кладбища» Гатчинского некрополя, опубликованном в интернете.

«905. **Шутов Герман Михайлович** (ск. в 1901 г.). Смотритель Гатчинского императорского дворца». (<http://history-gatchina.ru/town/nekropol/nekropo21.htm>).

К сожалению, это единственное упоминание, найденное нами в Сети. Дальше — информация из рассказа Олега Георгиевича Желябужского, в свою очередь почерпнутая им из рассказов матери — Любви Германовны Шутовой. Назовем это *семейной легендой № 2*.

Согласно официальной информации, Г.М. Шутов умер в 1901 году. От О.Г. узнаем, что тот скончался, когда его младшей дочери Любви (матери О.Г.) было около 12 лет. Если та родилась в 1886 году, то получается: что дата смерти ее отца — 1898. Таким образом, О.Г. ошибся в этой дате всего на три года.

Дед О.Г. по материнской линии, Герман Михайлович Шутов был генералом (должность, вполне подходящая для смотрителя императорского дворца), причем персоной, особо приближенной к императору Александру III (1845-1894). Генеральскую должность он получил в 20-летнем возрасте (!!). И обязанности коменданта (смотрителя) императорского дворца в Гатчине исполнял фактически всю жизнь. Согласно семейной памяти Шутовых-Желябужских, только ему император (болевший почками) доверял доставку гатчинской питьевой воды в Ливадию («другой воды царь не пил»).

Происхождение генерала Германа Шутова было довольно таинственным. Ребенком 1,5 лет Герман был привезен в Россию из Франции. Рос он в царском дворце в Гатчине. Кто его родители — Герману Шутову никогда не говорили. О его скоропалительной генеральской карьере уже сказано. О.Г. заметил, рассказывая свою родословную Ольге Новиковской: «Самое загадочное, как дед Герман во

дворец и в генералы попал» и «имел там большое влияние». Когда Александр III умер в Ливадии (1894), генерал Шутов был при нем, в числе самых близких.

Генерал Шутов вместе с семьей проживал в помещениях Гатчинского дворца (позже — в собственном доме, в Гатчине).

Будучи, по-видимому, несколько старше царя Александра III, генерал Шутов... чертами лица очень походил на него. (В этом убеждают и сохранившиеся до наших дней семейные фотографии)

...Понятно, что все сказанное выше — не доказательство кровного родства. Однако семейная легенда Желябужских такова, что дед О.Г. по материнской линии был сводным братом императора Александра III и одним из внебрачных детей царя Александра II («Освободителя») (1818-1881).

Историческим фактом является чрезвычайная влюбчивость и изобилие внебрачных связей у Александра Николаевича Романова, сына царя Николая I. Только в Википедии указано семеро его достоверно установленных и / или предполагаемых не узаконенных внебрачных детей, из которых трое родились еще в 1840-х гг., в пору пребывания будущего императора цесаревичем.

На период 1838-1839 гг. приходится пребывание А.Н. Романова в Европе. Возможно, бывал он в Европе и позже. Кстати, именно там он познакомился со своей будущей женой, принцессой Гессенского дома, на которой женился в 1841 году.

Среди так или иначе зафиксированных в истории внебрачных детей Александра II Германа Шутова, понятно, нет. Но мало вероятно, чтобы исторические сведения о потомках любвеобильного цесаревича / императора были полными.

Скажем так: нет неоспоримых доказательств в пользу реальности данной семейной легенды нашего рассказчика, но нет и фактов, безусловно ее опровергающих. Сохраним за этой историей статус *гипотезы*.

...А вот одно из детских воспоминаний О.Г. Когда Олегу Георгиевичу было 4-5 лет, его мать пошла вместе с ним в Александровский дворец в г. Пушкине, который тогда был открыт для народа как музей. (Это был 1930 или 1931 год; тогда семья Желябужских жила в Пушкине). В залах дворца-музея, как водится, сидели женщины-смотрительницы, видимо, из бывших царских слуг. Вот эти смотрительницы признали в матери О.Г. одну из (убиенных) великих княжон, а именно — Татьяну. Они бросились целовать подол ее платья. В этот момент в зал вошла группа экскурсантов-комсомольцев. Любовь Германовна очень испугалась, стала прятаться за колоннами, потом вышла с сыном на улицу и, скрываясь за кустами, очень быстро пошла по аллее... Так рассказывает этот эпизод ее сын 83 года спустя.

...Еще один, относительно недавний, эпизод, имеющий отношение к родословной нашего рассказчика, впрочем, затруднительный для проверки. Лет 25 назад (примерно в 1988 г.) в деревню Торбасино приезжали, как вспоминает О.Г., «киношники». Они снимали документальный фильм под названием, кажется, «Записки провинциала». В фильме был сюжет, посвященный О.Г. Желябужскому (часовому мастеру-изобретателю).

Так вот, эти «киношники» (О.Г. называет даже их фамилии) приглашали («долго уговаривали») О.Г. Желябужского, в порядке «культурного обмена», поехать (а они с ним) во Францию. Вроде, по их словам, он мог бы там вступить в какое-то дворянское общество. Так или иначе, Олег Георгиевич от этого предложения отказался («не с кем было оставить собак»). Еще, тогда обсуждалась тема предков Желябужского. Будто бы эти «киношники» искали в Гатчине могилу генерала Шутова, однако не нашли. Других интересных подробностей этой истории наш рассказчик не напоминает.

Теперь обратимся к собственной жизненной истории Олега Георгиевича Желябужского. Но сначала еще несколько слов о его родительской семье.

Его мать Любовь Германовна — младшая дочь генерала Шутова — окончила гимназию в Гатчине. Еще до революции, а также после — работала на железнодорожной станции Гатчина, счетоводом. Там и познакомилась с отцом О.Г. — Г.А. Желябужским, который тоже на тот момент работал счетоводом.

В 1926 г. родился сын Олег. О.Г. было около 4-х лет, когда семья переехала жить в г. Пушкин.

Родители О.Г. жили не дружно, часто ссорились. О.Г. считает, что мать и отца «связывала какая-то тайна». Георгий Алексеевич при ссорах с женой часто угрожал ей — «донесу». Любовь Германовна тут же замолкала. Вообще, об отце Олег Георгиевич отзывался плохо: «гуляка, пьяница». В начале 30-х гг. он работал в торговле. Совершил растрату и был осужден на длительный срок, правда, в заключении пребывал относительно недолго, благодаря заступничеству М.Ф. Андреевой (о чем уже рассказывалось).

Мать О.Г. тогда тоже была арестована. Пятилетнего сына отправили бы в детский дом, если бы сосед, профессор Лубянский не забрал мальчика к себе. Мать О.Г. вскоре освободили, но лишили жилья и работы. Некоторое время она с сыном бедствовала («не могла найти работу, скиталась по знакомым»), пока не переехала в г. Пудож, в Карелию, где ее взяли учительницей. Любовь Германовна преподавала немецкий и французский языки, а также рисование. От школы она получила жилье. О.Г. поступил в школу в Пудоже, сразу во второй класс

Вышедший из заключения, отец О.Г. приехал к семье в Карелию. Георгий Алексеевич «устроился на работу в леспромхоз, но пьянствовал».

Год-полтора спустя семья переехала в Новгородскую область: сначала отец, устроившийся работать в г. Боровичи, потом и мать с сыном. Но в городе работы ей не нашлось, и она была направлена учительницей иностранных языков в большое село Гряды. О.Г. отучился в Грядах в школе, наверное, три учебных года. В 1941 году (О.Г. — 15 лет) началась война.

Подростком О.Г. в условиях военного времени самоучкой освоил несколько рабочих специальностей: и трактором КТЗ (с железными колесами) управлял, и паял-чинил посуду, и к часовому делу пристрастился, плотничал, столярничал, даже кузнечного дела испробовал. Помогал матери, устроившейся декоратором в эвакуированный в Боровичи Ленинградский театр оперетты. Потом отец устроил его чертежником в также эвакуированный «Ленуголь».

В ноябре 1943 года (О.Г. — 17,5 лет) пришла повестка из военкомата. (О.Г. не был добровольцем, но как бы сам «напросился»: в ответ на упрек военкома, мол, от армии прячешься, сгоряча порвал свою бронь работника «Ленугля»).

...По железной дороге призывников отправили в Ленинград. По дороге (в Тихвине) О.Г. сильно заболел — потерял сознание. Температура — 41 градус. (Диагноз О.Г. не помнит). Ввиду болезни, вместо фронта О.Г. направили в госпиталь в Ленинграде на Суворовском пр. В госпитале О.Г. пролежал до тех пор, пока не прорвали блокаду Ленинграда.

После выздоровления О.Г. отправили на фронт. Их рота пехоты шла на фронт маршем. «Месяц шли до фронта». Кстати, проходили через Гатчину. Там на одну ночь О.Г. с другими солдатами был размещен на ночлег в бывшем доме своего деда генерала Г.М. Шутова. О.Г. сразу узнал этот дедовский дом, который ему показывали в детстве.

Потом рота маршем пошла на Волосово. После — шли лесами, дорогами, сожженными деревьями. «Крутились на треугольнике между городами Новгород, Псков, и, кажется, станцией Бурга», — вспоминает О.Г.

Когда солдаты прибыли под Новгород, то оказалось, что командир, в чье распоряжение прибыло пополнение, большую часть оружия куда-то отправил. («Ему было дано такое распоряжение»). На другой день кое-какие винтовки солдатам все-таки раздали, но хватило не всем. О.Г., «как молодому, винтовку не дали». Тогда другой солдат «подсунул» новобранцу осколок доски с острым концом, издали напоминающим штык, со словами: «Возьми — пригодится!». «С этой доской я даже немца в плен взял», вспоминает О.Г. «Но, мне кажется, немец, скорее, сдался сам. А может быть подумал, что это такое «новое вооружение»» — улыбаясь, добавил рассказчик.

Бои здесь были небольшие — «скорее стычки» с противником.

Потом рота, где был О.Г., опять пошла маршем по лесам — в сторону Эстонии. Проходили г. Гдов, дошли до реки Нарова. В 20 км от г. Нарвы О.Г. участвовал в своем первом и последнем большом бою. Вспоминать этот бой О.Г. не хочет. («Видел людей без рук, без ног; человека с вывалившимися кишками — он страшно кричал, был еще жив»).

О.Г. в этом бою никого не убил — не успел. И даже рад этому. Его самого ранило и контузило. 18-летний боец получил тяжелое ранение в бедро («там, где у брюк находится карман»).

После ранения О.Г. попал в военно-полевой госпиталь — «это такая землянка». Там хирург Михаил Тарасов («ему было 26 лет — сразу после института попал на фронт») сделал на ране О.Г. крестообразный разрез 22 на 18 см и положил туда мазь. Мази ушло на рану больше чем пол-литра. Три дня О.Г. лежал в этой землянке. Температуры у него, по счастью, не было. Потом раненых переправили через реку и на санитарной машине повезли по гати. («Это такая дорога устланная бревнами — бревна лежат наискось, чтобы машины не так сильно трясло»). Раненых повезли в Сланцы в пересыльный госпиталь.

Через неделю из Сланцев О.Г. вместе с другими ранеными отправили уже в Ленинград. Там Желябужского положили в больницу им. Куйбышева. В этой больнице О.Г. пролежал 4 или 5 месяцев. «А я-то думал, что рана через неделю заживет. Даже спросил врача — когда мне на фронт? А тот говорит — «Всё, военная эпопея для тебя закончилась». Комиссовали О.Г. в город Боровичи, откуда он призывался.

10 лет после фронтового ранения О.Г. «скакал на костылях». В результате ранения возникла контрактура. (Раненая нога была все время в согнутом состоянии и не могла распрямляться).

В 1944-46 году О.Г. с матерью жили очень трудно. О.Г. пытался что-то заработать ремонтом часов. Пенсия инвалида войны 2-ой группы тогда была 33 или 36 рублей. Мать О.Г. не работала — «меня обслуживала». «Жили впроголодь».

Вскоре к О.Г. явился инспектор из Новгородского финотдела. Инспектор был «одет весь с иголки». А с ним женщина и милиционер. Фининспектор стал требовать с О.Г. уплатить налог за частное предпринимательство (ремонт часов на дому) — «он потребовал того, что я не зарабатывал». Происходило это так. Инвалид сидел склонившись над часами, когда на него фининспектор «налетел с криком и начал топтать ногами». О.Г., не успев опомниться, схватил топор (он рядом лежал) и запустил им в инспектора. К счастью, топор ударил фининспектора по спине плащом.

4 дня после этого события О.Г. «ждал, что за ним придут». Но не пришли, а вызвали часовщика-инвалида в прокуратуру. Там стали спрашивать О.Г., а

также и свидетелей события — женщину и милиционера. К счастью, в прокуратуре посчитали, что в этой ситуации О.Г. был скорее прав, чем не прав. После данного случая «больше ни одна сволочь ко мне не приходила!», говорит О.Г. Но хозяйка комнаты после этой истории «попросила съехать».

(Ольга Новиковская спросила О.Г. про День Победы. И тот ответил: «День Победы я что-то не помню. Я тогда жил вместе с матерью в съемной комнате. Занимался часами. Никуда ходить не мог»).

Отец О.Г. — Георгий Алексеевич Желябужский тоже жил в Боровичах, но отдельно от семьи. Отец «часто менял женщин». О.Г. помнит еще, что после войны его отец устроился в контору рабочего снабжения заготовителем.

О.Г. говорит, что первое время после ранения он практически не мог передвигаться, а когда научился «скакать на костылях», то стал работать в разных учреждениях. Сначала в автодорожном техникуме. Но там была очень маленькая зарплата. Поэтому О.Г. устроился токарем «в водопровод» (ЖКО — жилищно-коммунальное хозяйство). Потом перешел на асфальтный завод — тоже токарем.

«С жильем всегда было трудно», говорит О.Г. Вечная теснота, клопы. Чтобы решить вопрос с жильем в 1946 г. отец — Георгий Алексеевич — посоветовал сыну взять ссуду на покупку дома. Тогда ссуду в 5,5 тысяч рублей давали инвалидам войны на приобретение сельского дома. Разрешалось купить дом в деревне и перевезти его в Боровичи. (Потом перевозить дома из деревни в город запретили). О.Г. взял эту ссуду. Насколько поняла Ольга Новиковская, часть денег он отложил на мотоцикл, переведя их в «вечную валюту» — купил на барахолке и у знакомых золотишко. Остальную же часть денег с этой ссуды отец О.Г. предложил пустить «в дело» с целью их увеличения. Отец поехал куда-то с деньгами, купил там пряники и рассчитывал в Боровичах выгодно их продать. «Но что-то у отца не получилось». В результате пряники эти съели сами. А за то, что ссуду инвалид войны истратил не по назначению, на него наложили штраф. На беду в это время грянула послевоенная денежная реформа. Странное дело, но долг О.Г. перед государством на новые деньги не был пересчитан. В результате в один день долг инвалида многократно вырос.

О.Г. несколько лет честно платил свой долг государству, но тот не уменьшался, а, наоборот, из-за пеней только возрастал. О.Г. вспоминает, что можно было бы покрыть долг в последние дни перед денежной реформой, но надо было срочно достать деньги. Свободных денег не было. О.Г. хотел продать золотые часы. Но не сумел найти покупателя. («Люди боялись купить часы, думали, что они фальшивые»).

В результате долг+штраф+пени О.Г. с 5,5 тысяч рублей выросли до 30 с лишним тысяч. О.Г. ежемесячно успевал покрывать только набегавшие пени, а сам долг никак не уменьшался.

В это время О.Г. работал в ЖКО токарем, а на дому все свободное время чинил часы для заказчиков. В жилищно-коммунальном хозяйстве инвалид войны, передвигающийся на костылях, работал вместе с пенсионером — бывшим прокурором. (В ЖКО этот прокурор был электриком). Вот бывший прокурор и спросил как-то О.Г.: «Почему ты — не пьешь, не куришь, работаешь не разгибая спины, а так бедствуешь?» О.Г. рассказал тому о своем долге перед государством. «Прокурор сначала не поверил», но О.Г. показал ему свои квитанции о ежемесячных выплатах. Бывший «прокурор вмешался — написал письмо куда надо» и долг с О.Г. был снят. Произошло это уже в 1952-53 году.

В 1947-48 году О.Г. поехал в Ленинград, чтоб осуществить там свою мечту — купить мотоцикл. Ведь на мотоцикле он бы смог нормально передвигаться. При-

шел О.Г. в Ленинграде в официальный магазин — «в скупку на Невском». Там он хотел продать «свое золотишко». Но милиционер, дежуривший в магазине, грубо отнял у него золото — так как заподозрил, что оно краденое. «Я к прокурору. Тот говорит — поживите в гостинице, подождите пока мы разберемся». О.Г. ответил: «Мне не хватит денег жить в гостинице и ждать. В кармане у меня оставалось еще 400 рублей. Я на аэродром — сел на самолет и полетел в Москву».

В дороге О.Г. рассказал соседу-пассажиру о своей истории. Тот посоветовал обратиться к Швернику. В Москве О.Г. попал на прием к Швернику и тот действительно помог. Шверник сказал О.Г.: «Проверим. Если Вы не виноваты — все получите обратно». Из Москвы О.Г. поездом вернулся в Боровичи. «Ездил за мотоциклом, а вернулся домой с пустыми руками».

Но через 1,5 -2 недели Желябужскому пришел вызов в Ленинград. Ему даже передали бесплатный билет на поезд до Ленинграда. В Ленинграде О.Г. «все вернули и даже деньги за моральный ущерб. Все расходы — за счет ленинградской милиции».

Когда О.Г. во второй раз поехал в Ленинград с целью купить мотоцикл, то уже поехал не один, а со своим отцом. Мотоцикл отец с сыном купили, но в багаж его на Московском вокзале брать отказались. Тогда отец пошел к начальнику вокзала. Оказалось, что начальник Московского вокзала помнил «дядю» Андрея Желябужского. Он помог оформить мотоцикл в багаж и отправить его в г. Боровичи.

(Некоторые эпизоды жизни О.Г. выглядят «сказками со счастливым концом». Но чего только не бывает в жизни: сегодня не везет, а завтра повезло).

Через 10 лет после ранения О.Г., неожиданно для себя, снова смог ходить. (Хотя и вынужден был потом всю жизнь мастерить себе обувь с высокими каблучками. Или же подкладывал под пятки внутри сапог деревянные колобашки — ведь раненая нога в стопе по-прежнему оставалась скрюченной).

Чудо с О.Г. (способность ходить) случилось в соответствии с поговоркой «не было бы счастья, да несчастье помогло». Произошло это так. Олег Георгиевич холодную зимнюю ночь 1954 года вынужден был просидеть на улице. Он караулил мешок картошки. Картошку дал товарищ, к которому О.Г. приехал в пригород. Этот товарищ и принес свой, щедрый по тем временам, подарок на автобусную остановку. Последний автобус в тот вечер, на беду, не пришел. Бросить картошку Олег Георгиевич не мог — время-то было голодное, а нести ее обратно к дому товарища, будучи на костылях, был не в состоянии. Вот и просидел инвалид с мешком картошки на морозе до самого утра — до первого утреннего автобуса. О.Г. в эту ночь очень замерз, но вот это-то и сыграло свою положительную роль. (Оказывается, в самом деле, существует метод лечения холодом).

На следующее утро, скрюченная в течение 10-ти лет нога О.Г. разогнулась. Случилось это в момент, когда О.Г. после завтрака встал из-за стола. Он вдруг понял, что стоит на двух ногах. О.Г. спросил свою мать: «Ты ничего не замечаешь?». Но Любовь Германовна не заметила — ведь она сидела напротив, и стол закрывал от нее ноги сына.

С этого момента жизнь О.Г. стала налаживаться. Когда Олег Георгиевич смог ходить без костылей, и избавился от долга государству, он смог жениться. Было это в 1954 году. («До той поры я 10 лет скакал на костылях и о женитьбе не думал» — говорит О.Г.) О.Г. устроился работать в государственную часовую мастерскую. Кое-что начал зарабатывать. С каждой зарплаты старался откладывать сколько мог. Хранил О.Г. свои сбережения не в деньгах, а покупал золотые изделия — то часы, то серьги, то колечки.

Жена была старше О.Г. на год или два. Жену Олега Георгиевича звали Елена Аркадьевна. Она взяла фамилию Олега Георгиевича. Жена О.Г. работала на комбинате огнеупоров «в литейке формовщцей».

Примерно через год (июнь — июль 1955 г.) у Олега Георгиевича и Елены Аркадьевны родилась дочь Евгения.

Жена О.Г. была не доброй женщиной. Она не любила свекровь. «Я на работе, а жена мою мать не кормит. А однажды я застал ее с кавалером». После этого Олег Георгиевич расстался с женой. Тогда их дочке Жене было лет 5. (Официально супруги не развелись).

Жена Елена Аркадьевна воспитала дочь Евгению в нелюбви к отцу. Больше О.Г. своей дочери ребенком не видел.

Последние годы городской жизни (60-е гг.) О.Г. жил с матерью, работал в часовой мастерской. К этому времени он стал очень искусным часовым мастером.

(Здесь надо заметить, что страсть к часам появилась у О.Г. рано — в 4-5 лет. Тогда он вместе с родителями ходил к часовщику и впервые увидел много часов сразу. Эта картина произвела на мальчика неизгладимое впечатление. Потом О.Г. всю жизнь занимался часами: чинил, изобретал их сам, интересовался конструкциями часов знаменитых мастеров из России и других стран).

В выходные дни на мотоцикле О.Г. часто ездил по окрестностям Боровичей. Заезжал к друзьям, ездил в лес за грибами и ягодами. (Однажды сломал ногу, когда ехал на мотоцикле — задев ногой за пень). Бывая на природе, О.Г. надумал переселиться в деревню. Надо еще сказать, что жилищные условия у него были очень плохие. О.Г. продолжал жить с уже очень пожилой к тому времени (возраст — за 80) матерью в «маленькой съемной комнатке в рабочем бараке на Поселке».

(Кстати, Дима Иванов рассказывал Ольге Новиковской, что барак на 4 семьи, где тогда жил О.Г. (или аналогичный ему «барак на Поселке»), теперь сделан в Боровичах чем-то вроде музея быта послевоенных лет).

Прежде, чем обратиться к следующему, деревенскому периоду жизни О.Г. Желябужского, — еще несколько слов о родственниках О.Г. по материнской линии. Напомним, что у гатчинского генерала и смотрителя императорского дворца Г.М. Шутова, кроме младшей дочери Любови (матери О.Г.) было еще четверо детей, да еще у бабушки О.Г. — Надежды Григорьевны — была дочь от первого брака (см. выше).

Старшая дочь «Леля» (от первого брака Н.Г.) осталась старой девой. Она заведовала детским домом для девиц в г. Пушкине. В 1924 г. Лёля была убита грабителями.

Старшая совместная дочь Шутовых — Клавдия — вышла замуж за дворянина. Его фамилия, «кажется, Иванов». Семья Клавдии жила в Гатчине. У Клавдии Германовны был сын, тоже Герман — 1900 года рождения. (Хоть и намного старше О.Г., Герман приходился ему двоюродным братом). Когда произошла революция, Герман воевал на стороне белых, но заболел тифом. «Белые его бросили, а красные подобрали и выходили» (так выразился О.Г.). После этого Герман перешел на сторону красных.

Потом Герман стал членом партии большевиков. «Герман был хорошим оратором» — рассказывает О.Г. то, что он слышал от матери. С.М. Киров приблизил его к себе, сделал своим секретарем. Жил Герман, рассказывает О.Г., в одном доме с Кировым, в соседних парадных, но их квартиры сообщались. Этот дом был расположен на Петроградской стороне («недалеко от Артиллерийского музея», вспоминает О.Г.). Дом, где жил Киров, называли «серый дом» (Каменнострровский

пр. д. 26/28; там, как известно, теперь размещается музей-квартира Кирова). Ребенком 5-6 лет О.Г. несколько раз бывал, вместе с матерью, дома у ее племянника Германа. О.Г. помнит даже, как однажды он «пил кофе за одним столом с Кировым».

Когда С.М. Кирова убили в 1934 г., «был слух, что Герман бежал за границу». Мать Германа — Клавдию Германовну — выслали в Казахстан. (На тот момент она была уже вдовой). Через три года Клавдию Германовну освободили, и она вернулась в Ленинград.

Еще одна дочь Шутовых, сестра матери О.Г. — Евгения Германовна — вышла замуж за инженера-конструктора Строковского, работавшего на заводе в г. Рига. До революции у них была яхта. (У О.Г. есть фотография этой яхты). У супругов Строковских родился сын. В детстве его звали «Беби».

Сестра матери Вера Германовна вышла замуж в г. Чебоксары. Были ли у нее дети, О.Г. не знает.

Понятно, рассказ О.Г. Желябужского изобилует пропусками: что-то он не помнит, что-то (о родственниках) не знал никогда; возможны aberrации памяти, однако некоторые эпизоды помнятся ярко. Не следует забывать, что эта семейная история рассказана 87-летним человеком, который, к тому же обездвижен и не видит.

В 1969 году О.Г. Желябужский купил старенький дом в деревне Торбасино, Боровичского района, и переехал в него вместе со своей матерью. (Ей было тогда 83 года. У Любови Германовны к этому времени начал помрачаться разум).

После городской клетушки с клопами деревенский дом из двух комнат, а также с чердаком, подвалом и верандой, показался бывшему боровичанину роскошными хоромами. В первый же год О.Г. прорубил в доме еще одно окно, чтобы иметь возможность видеть не только восход, но и заход солнца прямо из своего жилища.

Тогда же вновь испеченный сельчанин сжег в печке свой паспорт. Сжег... «за ненадобностью». Чем вызвал изумление у работников местного сельского совета. (Паспорт же матери О.Г. сохранился). Чтобы понять этот поступок бывшего горожанина, О.Г., надо знать, что долгие годы советские сельские жители не имели паспортов. Таким способом их удерживали на селе. В город податься без паспорта было нельзя. Сельская молодежь убегала из деревень в города двумя способами: девушки выходили замуж за горожан, получая таким образом паспорт; а парни оставались на сверхсрочную службу в армии и тоже получали недоступный им прежде документ.

Олегу Георгиевичу, когда он переехал в деревню Торбасино, было 43 года. Он стал работать в сельской библиотеке в деревне Горбино, куда ездил на мотоцикле за несколько километров. Дома О.Г. ухаживал за больной матерью. (Мать умерла в 1970 г.).

У матери О.Г. была маленькая собачка. Собачка принесла щенят. Раздать их Олег Георгиевич не сумел. Так у О.Г. Желябужского началась многолетняя эпопея с собаками. Животные плодились, а добрый человек не мог уничтожить щенков или отдавать их в плохие руки. Максимальное количество собачек (типа болонок) проживавших в его доме в Торбасине в период с 1970 по 1985 гг. было — 22 штуки. Инвалид войны тратил на их прокорм всю свою пенсию и зарплату сельского библиотекаря. Так О.Г. получил свое прозвище Чудака или Собачника.

Потом собачки, скрепящаяся внутри своей большой семьи, стали вырождаться, часто болеть. Их число сократилось до 16–18-ти. Однажды, один «сердобольный» человек принес О.Г. какое-то средство от блох и посоветовал вымыть животных. На следующий день после мытья собаки стали гибнуть, одна за другой.

Несколько выживших собачек, счастливо дожили свою жизнь в доме любящего хозяина. Последняя собака того семейства имела кличку Щукарик в честь деда Щукаря, так как по характеру напоминала этот литературный персонаж.

После того как династия болонок всех мастей закончилась, О.Г. пришлось снять и выбросить пол в комнате, где прежде жили животные. Ведь после большого количества щенят, а также старых больных животных, пол там был безнадежно испорчен. В результате, последние 25 лет в доме О.Г. в Торбасине, в одной из комнат было вместо пола положено несколько досок посередине, да сделаны перила, чтобы случайно не упасть в подвал. (Ширина «моста» через комнату была метра 1,5).

После шумного и беспокойного семейства болонок у старика Желябужского были и другие животные: пес Тошка, кошка Пуська... Периодически появлялись приبلудные кошки, брошенные больные собаки. Несколько лет назад холодной зимой замерзшая крупная собака пришла в дом О.Г. и легла рядом с ним на кровать. Проснувшись, О.Г. сначала подумал, что это волк; тем более, что собака укусила слепого (тогда уже слепого) старика, когда он дотронулся до нее. (Потом эту собаку О.Г. отдал Кавицыну).

Сейчас из животных у старика осталась только небольшая старая глухая собачка Тотошка. Она и переселилась вместе со своим хозяином из Торбасина в Горбино в дом к Андрею Кавицыну.

Кроме кошек и собак, каждое лето в доме старого человека жили еще 4 семьи ласточек. Последние четверть века они вили гнезда в избе О.Г. и радовали его своим щебетанием. Бывало, что О.Г. даже чинил им гнезда. Птенцы-слетки так призывали к соседству с человеком, что во время своих первых вылетов из гнезда часто садились отдохнуть на грудь, лежащего на постели хозяина дома.

Как бы ни смеялись местные жители над Чудаком-собачником, О.Г. был вполне доволен своей судьбой. Жизнь в деревне ему нравилась. О.Г. оказался рачительным хозяином. Пока был в силах, он постоянно поправлял свой не новый, но еще вполне годный для жизни дом: выложил камнями (собирал их в окрестностях) часто отсыревающий после дождей и талых вод подвал, постоянно латал крышу. Кроме того, бывший горожанин выращивал у себя в огороде овощи, сажал плодовые деревья и кусты, даже выкопал перед домом маленький пруд. Сейчас все это заросло и пришло в запустение.

Однажды к Олегу Георгиевичу в Торбасино приехала его взрослая дочь — Евгения Олеговна (медсестра). Было это в конце 70-х — начале 80-х годов. Приезжала она вместе со своим мужем Александром (стоматологом) и маленькой дочкой — девочкой лет 5-ти. Тогда О.Г. Желябужский передал дочери браслет червонного золота. Евгения, вроде, сначала не хотела брать ценную вещь, но потом все-таки взяла. (Браслет был куплен О.Г. еще в Боровичах с целью вложения денег).

После этого дочь Евгения уехала вместе с семьей (матерью Еленой Аркадьевной, мужем и ребенком) на постоянное место жительства в Дальний Восток. (Оттуда дочь написала О.Г. 1 или 2 письма. После чего связь прервалась).

Пишет Ольга Новиковская (уже не со слов О.Г., а «от себя»):

«... Я познакомилась с О.Г. в 1971 году. Я тогда была 11-летней школьнице и ходила за книгами в сельскую библиотеку в деревне Горбино. Как раз там и работал библиотекарем Олег Георгиевич. О.Г. всегда был добр к детям — чинил всем велосипеды, игрушки. Взрослым же безотказно ремонтировал часы, моторы, насосы, чайники, утюги, мотоциклы, машины. Его фирменным изделием стали удобные тележки на велосипедных колесах, которые могли проехать по любой

грязи и доставить по бездорожью груз любых габаритов. Кстати, я до сих пор вижу такие тележки у некоторых местных жителей.

К моей маме Елене Ивановне Алексеевой Олег Георгиевич испытывал трепетное чувство. Мама же старалась его не обидеть, хотя с самого начала ей было понятно, что их союз не возможен. Мама часто покупала в Ленинграде книги для О.Г. по часовому делу, заказывала иностранные статьи в библиотеках, делала из них выписки, фотографировала схемы часов, посылая в деревню почтой нужные для часовщика-изобретателя материалы. Каждое лето мы с мамой навещали О.Г. в Торбасине. У него на профилактическом обслуживании не однажды бывали и наши старинные стенные часы с боем.

О.Г. всегда помогал моей бабушке Ольге Тимофеевне Ларионовой, потом и мне, когда мои дети были маленькими: то дров наколет, то вскопать огород поможет, то воды принесет, то насос починит, то часы, то велосипед.... И это при условии, что наши деревни Стрелка и Торбасино находятся на расстоянии 5 км одна от другой.

Надо сказать, что помогал Олег Георгиевич не только нашей семье, но и вообще всем, кто в этом нуждался. Помогал просто так, по доброте душевной — чаще всего местный Чудак чинил всякую технику. Торбасинский Кулибин изобретал и делал своими руками какие-то полезные мелочи, и не только. Например, он сам разработал и собрал U-образный двигатель внутреннего сгорания для мотоцикла. Тогда, несколько десятилетий назад, этот двигатель у него хотел купить какой-то музей техники, но О.Г. не отдал свое изобретение. Он рассчитывая сделать для себя новый легкий мотоцикл. (Сейчас этот двигатель находится у моего старшего сына Ивана. Два года назад О.Г. передал его Ване на хранение. Когда сын почистил и привел двигатель в порядок, я предложила передать его в музей, но Иван сказал, что ему жалко с ним расставаться).

Окружающие относились к странноватому старику по-разному. Дети любили, взрослые часто смеялись. Были и такие бессовестные люди, которые обманывали и обворовывали доверчивого человека. Дом свой в Торбасине хозяин никогда не запирает, поэтому однажды в его отсутствие в избу влезли воров. Украдены были, в том числе, и необычные часы, которые О.Г. сам изобрел, выточил и собрал. (Кроме времени часы показывали числа и дни недели). Воров этих позже нашли, но О.Г. забрал свое заявление из милиции. Он не захотел «портить жизнь молодым глупым парням». (К нему приходила мать одного из воров и просила пожалеть сына).

Несколько лет назад одна почтальонша (теперь она уволена) в течение длительного времени обманывала О.Г. Она приносила старику пенсию на несколько тысяч меньше назначенной ему государством. Вновь появившуюся прибавку к пенсии инвалида войны, предприимчивая сотрудница почты забирала себе. Но через какое-то время это вскрылось. (Тогда, по просьбе О.Г., я писала в Новгород письмо с вопросом о величине его пенсии). И опять старик не стал давать хода уголовному делу в отношении нечестного человека. «Ведь у нее дети, как они останутся без матери», рассудил старик.

Я помню истории и с разного рода попрошайками, пользующимися добротой О.Г. Одну бездомную побирешку О.Г. приютил зимой. Когда же та собралась уходить, отдал ей свои единственные целые валенки. А ближайшая соседка по Торбасину — Шура Колесиха? Та ездила на Украину и вставляла себе зубы за счет инвалида войны Желябужского. Кроме Шуры появился в окружении доверчивого старика и новый горбинский дачник Магамед. Тот периодически навещал старого человека и тоже просил у него деньги. Олег же Георгиевич с легкостью их давал:

«Надо же помочь человеку, ведь он опять остался без работы!» — сочувствовал старик сорокалетнему бездельнику.

Я считаю, многим обязан старику Желябужскому и его бывший социальный работник, а ныне — попечитель в форме патронажа Андрей Кавицын. С апреля 2013 года, как уже знают читатели «Деревенской истории», опубликованной на Когита.ру, О.Г. Желябужский живет уже не в полуразвалившемся собственном доме в Торбасине, а в благоустроенном доме своего попечителя в соседней деревне — Горбино. За инвалидом ухаживают Андрей Кавицын и его гражданская жена Светлана Леонова. Ухаживают добросовестно, но «ревниво»: чтобы, не дай Бог, старик не вздумал еще кому-нибудь из односельчан помочь деньгами из своих значительных (несколько десятков тысяч рублей) пенсии и пособия инвалида Великой Отечественной войны первой группы.

Для Кавицына же средства подопечного старика уже давно стали главным материальным источникам существования. Ну и слава Богу: Олегу Георгиевичу, в его нынешнем состоянии кроме покоя, ухода и человеческого тепла, ничего не нужно; а накапливать сбережения ему не для кого».

Из рассказа О.Г. Желябужского от 13.07.2013:

«...В Гатчине у моего деда Германа был дом — 14 комнат. Кажется, на Коннетабельской улице (*Вероятно, название изменилось.* — А. А.). Точно не помню. Он от Гатчинского дворца совсем близко. У дома высокий фундамент из больших тесаных камней. В начале 20 века дом был одноэтажный, деревянный. Потом было надстроено 2 этажа и дом стал 3-этажным».

«...А еще у меня (*шутит.* — А. А.) замок в Польше есть. Ему 600 лет», — сообщает О.Г. Об этом замке рассказывал Олегу Георгиевичу его отец Георгий Алексеевич Желябужский. О.Г. даже видел фотографию этого замка. (Один из родственников отца еще в царское время ездил в Польшу и сфотографировал этот родовый замок).

Дед Алексей Алексеевич рассказывал отцу О.Г., что в Польше было восстание против короля, «кажется, Сигизмунда» (согласно литературным источникам, действительно, Сигизмунд). Предок О.Г. — Желябужский участвовал в этом восстании. Но восстание было подавлено сторонниками короля. В результате, поляку Желябужскому пришлось спасаться бегством. Бежал он в Россию. Было это во времена Ивана Грозного.

В исторической литературе есть информация о потомке того Желябужского — Иване Афанасьевиче. Иван Афанасьевич Желябужский (1638 — после 1709) в Википедии определяется как русский государственный деятель, дипломат, мемуарист. Известны его мемуары и дневники, в которых он описывал жизнь при дворе петровских времен.

Разумеется, документальных подтверждений родственной (генеалогической) связи нашего рассказчика с теми Желябужскими из XVI-XVIII веков — нет. Но я лично не сомневаюсь в реальности этой *семейной легенды № 3*.

P. S. На этом завершается наша «Деревенская история». В ней причудливым образом переплелись наши современные будни и история России. И каждый из участников и героев этой истории (героев в кавычках и героев без кавычек) может почувствовать себя причастным к чему-то, куда большему, чем он сам (не исклю-

чая 400-летия дома Романовых). И вместе с тем, нет ничего более значительного, чем жизнь и судьба конкретного человека — Личности, ее уникального ценностного мира, ее жизненного пути, ее страданий и наслаждений, ее удовлетворенных/не удовлетворенных интересов и реализованных или погранных прав.

А. Алексеев. Апрель-октябрь 2013.

Автор благодарит О.Г. Желябужского, О.А. Новиковскую, В.Г. Белякова, Д.М. Иванова — за информационный и деятельный вклад в настоящую работу. — А. А. Октябрь 2014.

Конец

Борис Кушнер

СЕМЬ ЧАСОВ В ОДЕССЕ

Светлой памяти Феликса Александровича Кабакова,
2 января 1927 г. — 11 августа 2008 г.

Прошло уже шесть с лишним лет с тех пор, как нет Феликса, а я никак не мог собраться с духом и написать прощальное слово. Столько всего произошло за времена дружбы, столько пережитого рядом, вместе. Что выбрать, о чём рассказать? Вспомнил своё старое (1999 г.) эссе^[1] о нашей с Феликсом поездке в Одессу и понял, что этот рассказ, помещённый ниже, может составить часть моих воспоминаний о друге. Заранее приношу извинения за неизбежные пересечения в сегодняшнем и прежнем текстах. За исключением небольшой стилистической правки я оставил одесский рассказ неизменным.

Сегодня наша поездка была бы невозможна. Для начала не могло бы быть все-союзной (!) конференции по математической логике в Кишинёве. А если бы мы там оказались и сели в поезд (ходит ли он ещё?), то пришлось бы нам пересекать в каждый конец три границы: два раза Приднестровской республики и один раз Украины.

Общество похоже в какой-то степени на атом, а его распад на расщепление атома. При разрушении внутренних сдерживающих сил высвобождается скрытая до поры энергия. В случае общества это, прежде всего, огромная разрушительная энергия. Выплёскиваются самые тёмные стороны человеческой натуры. Соседи, жившие рядом поколениями, дружившие, справлявшие вместе свадьбы, юбилеи, набрасываются друг на друга. Совершаются невысказанные зверства. Конечно, нет, да нет, появится в разгуле страстей праведник, вспыхнет огонёк человечности, святости. Но не праведники делают погоду в такие времена...

* * *

Откуда это всё взялось —
Неописуемая злость,
Её напор и половодье.
Бушует дикое отродье,
Проклятья оскверняют высь. —

.....

Ещё вчера людьми звались...

13 ноября 2014 г., Johnstown

* * *

Какие разыгрались страсти!
Теперь отчаянью расти.
И демоны разверзли пасти,
И смерть собрала нас в горсти.
Кружит над полем ворон-птица,
Блестит под солнцем чернь пера. —
Ах, если б только возвратиться
В давно прошедшее вчера...

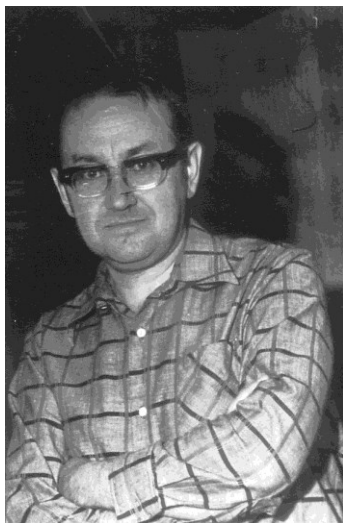
21 ноября 2014 г., Route 22, West

В 1988 году я провёл несколько часов в ожидании самолёта в аэропорту Тбилиси. Уже ощущалось дыхание перестройки. Скажем, туалет был кооперативным, и его посещение стоило рубля (тогда ещё почти полноценного). Театр начинается с вешалки, туалет начинался с предбанника, в котором сидел на бархатной скамье кассир. Помещение густо благоухало дешёвым одеколоном. Это было непривычно, и почему-то тревожно, но, ни в каком кошмаре, не мог я вообразить, что российская авиация будет бомбить этот аэродром!

Страшная беда пришла и в край, по которым мы путешествовали в 1976 году...

Моё знакомство с Феликсом началось самым естественным образом. Мы были коллегами. Феликс, ученик академика Петра Сергеевича Новикова, занимался, как и я, математической логикой. Мы также разделяли интерес к преподаванию математики. Я читал спецкурсы в МГУ, а Феликс много лет был доцентом Педагогического института имени Ленина [2].

Одно время мы вели вместе с ним семинар по математической логике. Дело было зимой, в доставшуюся нам аудиторию пединститута почему-то свезли по меньшей мере десяток совершенно одинаковых типовых бюстов Ильича. Выглядело это жутковато. Феликс, заходя в аудиторию, неизменно помещал свою зимнюю ушанку на одну из сверкавших гипсовых лысин. Поступок в те времена рискованный. По счастью, никто не донёс. В связи с этим семинаром мне припоминается характерный эпизод. Мы хотели изучить на семинаре выдающуюся работу по предикативному анализу американского математика Соломона Фефермана (*Solomon Feferman*). Я написал ему в Стэнфорд и вскоре получил оттиск. Всё было бы ничего, но через некоторое время пришёл ещё один пакет из Калифорнии. В нём был ксерокс той же самой статьи и письмо. Профессор Феферман приносил извинения: секретарша по ошибке вместо копии отправила оригинальный, из журнала оттиск. Последний оставшийся у него! Оттиск надо было вернуть, но просто поместить в конверт и отправить в США было рискованно. Коллега, так поступивший со своими собственными отписками, сдав пакет в почтовое отделение в главном здании МГУ, вскоре получил его обратно с пометкой, что такие отправления за границу нуждаются в разрешении компетентных инстанций. Пришлось мне идти в Иностраннный отдел Вычислительного центра АН СССР, где я работал. Много лет спустя я рассказывал эту историю в Стэнфорде Феферману. Он удивлялся.

Коллегиальные отношения переросли в семейную дружбу, когда в 1967 или в 1968 году Кабаковы въехали в новую квартиру на Юго-западе в пяти минутах ходьбы от нас. Почти ежедневные встречи, совместные застолья, выезды за город, долгие разговоры на балконе... Появились общие друзья, замечательные музыканты. Я рассказал об этих наших днях в двух больших эссе: «Опыт литературной автобиографии» [3] и «Ветер пел с листа (Памяти Александра Саца)» [4]. Феликс великолепно владел польским языком, включая произношение эзотерических поль-

ских шипящих. Его друзья из Польши, ставшие нашими друзьями, подтверждали это, иногда добавляя, что у него лёгкий львовский (!) акцент. Меня эти шипящие приводили в отчаяние. В результате, вместо «пшепрашам» («*przepraszam*» — «извините»), я стал шептать в трамваях-автобусах просто «пш-пш» и встречал полное понимание. Таким образом, Феликс подарил нам Польшу. В конце семидесятых годов три раза туда ездил к друзьям я и один раз жена с дочерью. Это был глоток свежего воздуха, поскольку в соседнем бараке социалистического лагеря были открыты наружу и окна, и двери. От польских друзей я получил первую свою Библию и даже Танах в оригинале. С их помощью я смог подарить карманные издания Библии многим достойным людям. Сегодняшний читатель изумится — что же тут такого? Но в период развитого социализма Святое писание было практически недоступной книгой. У советских граждан она конфисковалась при пересечении границы.

Феликс был одной из самых цельных, гармоничных натур, которые встретились мне в долгой уже жизни... За внешней сдержанностью, вежливостью (не припомню ни одного случая, чтобы он вспылал, рассердился) скрывалась глубокая задушевность... Я особенно почувствовал это глубокой осенью 1975 года, когда мы вместе жили на даче в Переделкино, работая с рукописью незаконченной книги П.С. Новикова ^[5]. Наши нескончаемые вечера и особенно трапезы охотно разделял ирландский сеттер Марк Лициний Красс ^[6]. Под пролетавшие болиды прожекторов поездов (окна террасы выходили прямо на насыпь железной дороги) и под сонные вздохи Марка Лициния особенно хорошо было обсуждать этические и эстетические проблемы или просто вместе молчать...

Приходящий в дом к Кабаковым обычно заставал Феликса либо за подготовкой к лекциям, либо за рисованием.

Работы Феликса Кабакова

В обоих случаях из огромной, высшего класса радиолы «Симфония» звучала негромкая музыка. Музыка была предметом наших долгих бесед и споров. Здесь сказывалась разница наших темпераментов. Феликс любил музыку «орфеевскую», а я — «прометеевскую». Отсюда возникала коллизия Моцарт–Бетховен. Но об этом ниже. Из радиолы чаще всего звучал Моцарт и ... поздние квартеты Бетховена. Тогда же — спасибо, Феликс! — меня очаровал кларнетный квинтет Брамса. Много позже я писал о нём:

КВИНТЕТ *IN B MINOR*

И острой графикой коней,
Как будто высеченных в камне,
Мелькнула ферма, а за ней
Кларнет запел ещё печальней.
Я был с Пространством *tête-à-tête*
И небо разливалось Обью... —
Я возлагал венком квинтет
К необозримому надгробью.
И горек жилкою любой,
Кларнет звучал прощальной речью —
Ты где-то в бездне голубой,
И больше я тебя не встречу.

21 мая 1995 г., Lake Arthur, near Pittsburgh

В ходе споров, конечно, звучали сильно преувеличенные высказывания и оценки, которые мы сами, успокоившись, вспоминали с улыбкой.

Уже много лет чёрными снежными пенсильванскими вечерами я слушаю бетховенские квартеты, и, погружаясь в их бескрайний мир, всегда вспоминаю уютную комнату в Москве, радиолу и Феликса в тёплой куртке, склонившегося либо над рисунком, либо над тетрадью...

СОНЕТ (ПОСЛЕДНИЙ КВАРТЕТ БЕТХОВЕНА)

Жестокость правит в этом мире —
В борьбе все средства хороши. —
Четыре линии — четыре. —
Четыре трепетных Души.
Четыре пульта в полумраке —
О, чувство Вечности анфас,
Когда одушевляют знаки
Четыре пары грустных глаз...
Их чтит как будто век-увечье,
Железный монстр и маньяк. —
Ещё горит четверосвечье,
Но плачет сердце — близок мрак.

Последний отзвучит квартет,
И снова — суета сует.

21 ноября 1996 г., Johnstown

Абстрактные графические композиции Феликса отличались оригинальностью геометрических форм, их сочетаний. На коричневатом фоне плотной бумаги загадочно выглядели фигуры, пятна, выполненные чёрной и красной тушью. Я подолгу вглядывался в эти работы, ощущая дышавшую в них тайну. Вскоре после смерти Феликса усилиями его жены Татьяны Павловны Каировой, семьи и группы друзей был издан великолепный художественный альбом [7]...

Атмосферу тех дней я попытался передать в стихотворении:

НА КУХНЕ

Феликсу Кабакову

Беседа. Другу-привереде
Не по душе шарманщик Верди,
А Вагнер нам — призыв к расправе,
Меж тем пустела саперави
Уже четвёртая бутылка,
И друг мой восклицал: «Не Ты ль,
Поклонник Муз не человечьих,
И той Сонаты *Pathétique*,
Что причиняет нервный тик?»
А за окном сгущался вечер
И тучи чёрных непогод,
И подступала стылъ забот —
Одно, другое, третье —
И шёл восьмидесятый год,
Двадцатое столетье.

28 мая 2001 г., Pittsburgh

Альбом Феликса Кабакова

Спасибо тебе, незабвенный друг, за всё.

А теперь — в Одессу 1976 года, такую, как я вспоминал её в 1999 году.

Некоторые люди любят путешествовать. У некоторых это просто страсть. Мой коллега по Питтсбургскому Университету, например, подвержен этой страсти, которую по накалу эмоций так хочется назвать любовной. Я и зову его Марко Поло, что, кстати, вполне гармонирует с его настоящим именем. Каждое лето он неутомимо колесит планету, возвращаясь с горами слайдов, которые потом щедро показывает всем желающим. Этим же летом он превзошёл самого себя, совершив невероятное странствие по Юго-востоку: Китай, Сингапур, Гонг-Конг, Австралия, Тасмания, Новая Зеландия и т.д., и т.п. Путь его был отмечен пунктиром электронных писем, которые он ухитрился присылать из самых медвежьих (в данном случае лучше сказать, крокодильих) углов. Возникающие на экране строки почти воспроизводили известную песню: в них были и дальние страны, и звериный загадочный след, и всё прочее. Довелось ему отведать суп из слоны какой-то птицы; слона эта в природе предназначалась для склеивания стенок гнезда. Правда, счастье было несколько омрачено последовавшим сто долларovým счётом, да ведь и блюдо, ничего не скажешь, изысканное. А после рассказа о поедании змеи, которую наш путешественник запивал её же кровью, я на некоторое время перешёл на крайне полезную для здоровья диету. Кстати, несчастное пресмыкающееся он сам же и выбрал из клетки-меню, змее откусили голову специальными щипцами, и тут же слили кровь в надлежащий сосуд. Куда там французам с их жалкими копчёными лягушачьими лапками! Экзотика! Получив, наконец, завершающее послание уже из Калифорнии, я выразил надежду, что калифорнийские змеи ничуть не менее аппетитны, чем их китайские братья-сёстры, про себя помянув добрым словом защитников окру-

жающей среды вообще и животных, в частности. Спасибо им за то, что змеи могут ползать в нашей стране спокойно.

Увы! Я могу только завидовать (или сочувствовать?) коллеге, поскольку путешествовать, в общем, не люблю, предпочитая скорее смотреть на этот мир вглубь, а не вширь. Долго привыкаю к местам, езжу на одно и то же озеро, никак не налюбуюсь на него. Хожу по одной и той же просеке в лесу и уже знаю там, кажется, не только каждое дерево, но и каждую травинку, и всё равно возвращаюсь в этот крошечный мир, который на моих глазах год за годом проходит через круговорот времён — самую печальную и волнующую вещь на свете. И, в отличие от нас, лес этот возрождается каждой весной, и юная листва закипает в нём, а старые камни на заброшенном кладбище на холме Рахили ещё больше погружаются в землю, в которой спят люди, ходившие по этой траве в середине девятнадцатого века...

Соответственно, меня всегда мало привлекали центры туристского паломничества, а толпы жадно рыщущих людей с фото и видеокамерами и т.д. вызывали ужас (одна моя старая знакомая, заядлая путешественница когда-то в одной из наших кавказских командировок на мой вопрос, почему она не фотографирует, ответила, что это ей мешает «воспринимать»; верно подмечено: «воспринимательное» выражение на лице туриста интернационально и его не спутаешь ни с каким другим). И всё-таки в этой моей фобии было исключение. Одесса! Что-то привлекало в самом звучании имени, я где-то читал, что это возможно обрусевшее *assez d'eau* (достаточно воды; горькая ирония по отношению к пресной воде, с которой у города всегда были проблемы). Все мы слышали огромное число одесских историй, подобных которым нет нигде на свете. И пахли они морем, йодом и загадочно звучащим термином международного права *porto franco*. Одесса и вправду когда-то (в 1819-1858 гг.) имела статус свободного порта. Даже и при большевиках отпечаток уже почти забытой свободы лежал на лицах одесситов и на их легендах, в которых сверкали созвездия талантов — от скрипачей до уркаганов. Казалось, город имел даже и свой собственный язык, с собственной лексикой, собственной мифологией и музыкой. В музыке этого языка смешались многие южные характеры одесского народонаселения, меня же — не буду греха таить — сначала подсознательно, а затем сознательно привлекал ярко выраженный еврейский элемент взрывчатой одесской смеси, ухитрившийся привести ивритские корни даже и в воровской жаргон. В этом смехе сквозь слёзы, в постоянной готовности ответить на очередной вызов неласковой жизни, в этой духовной бессоннице я чувствовал печальный и гордый дух вечного моего народа, не сломленный тысячами гонений, убиений и издевательств, научившийся даже и беде самой смеяться в лицо.

Итак, Одесса была почти единственным местом в пределах большевистской империи, которое я остро хотел увидеть, услышать, реально почувствовать. И это никак не получалось. Ехать наугад было не в моём характере, знакомых в Одессе не было, математические события, в которых я участвовал, тоже обходили город стороной. Вот и в октябре 1976-го года Всесоюзная конференция по математической логике происходила в Кишинёве. Как всегда в таких случаях, многие коллеги и друзья встретились после долгого перерыва, и атмосфера вечерами, когда заканчивались заседания, была радостной и необыденной. В самом деле, в мой номер в гостинице порою набивалось по 15-20 человек, и разговоры и чае-винопития порою затягивались до утра. Вполне серьёзные математики, учёные мужи охотно возвращались в детство, играя часами напролёт в коробочку. Для игры использовался обыкновенный спичечный коробок, который подбрасывался ладонью или пальцами (это зависело от индивидуальной техники) с края стола. Далее всё зависело

от выпавшей стороны коробки. Особенно ценилось, когда коробок становился на ребро, короткое ребро давало счастливцу сразу тридцать очков. Каждый игрок имел право на неограниченную серию бросков, однако, одна из сторон коробки была нулем и нулём же заканчивала саму серию. Таким образом, возникала извечная дилемма азартных игр — играть или остановиться. Увлечение, с которым серьёзные люди подбрасывали спичечный коробок, веселье этого занятия не поддаются описанию. Конечно, появились свои виртуозы. Один из коллег выработал технику, которую мы называли «накатом», всей ладонью, точно отточенным движением он ставил коробок на скромные пять очков. Однако эти пять очков он мог повторять множество раз, пока завистники не начинали роптать, что это скучно и т.д. Один известный математик трижды подряд поставил коробочку на тридцать — подвиг, вошедший в наши профессиональные легенды и воспетый мною тут же на месте правильным гексаметром. К сожалению, со временем спичечные коробки стали изготавливать не из тонкой фанеры, а из плотного картона и это нововведение оказалось смертельным для благородной игры интеллектуалов.

Во время одной из таких коробочных сессий кишинёвский коллега случайно упомянул, что Одесса реально достижима, что можно уехать из Кишинёва рано утром и вернуться поздно вечером. Услышав это, я сразу посмотрел на единственного человека, способного немедленно пуститься в приключение. Феликс понимающе кивнул головой. Нашей дружбе было уже много лет, так много, что слово «всегда» только и могло охватить всё это пространство-время. Да, повезло, сказочно повезло мне с Феликсом, могли бы ведь и разминуться наши пути, и страшно подумать чего бы я лишился, как обеднела бы моя жизнь. Какой глубокий и мягкий интеллект, какое неистощимое, мудрое чувство юмора пряталось за детски изумленным выражением, обычным для его лица. Оба мы были большими любителями музыки. Кумиром Феликса был Моцарт. К моему изумлению, он мог подолгу слушать даже какую-нибудь флейту. Одним словом, он любил орфееву музыку, всякое прямое выражение сильных эмоций его отталкивало, он говорил, что не выносит «нечётных» симфоний Бетховена (имея в виду, конечно, номера три, пять, отчасти семь, и девять), всю эту «нечеловеческую музыку». Мне же тогда, говоря словами Малера, хотелось оркестровать любой квартет. В результате возникали длинные, и, разумеется, бесплодные дискуссии. Впрочем, не вполне бесплодные, ибо с одной стороны я полюбил на старости лет квартеты (Бетховена особенно, впрочем, из музыки этого мастера Феликс именно квартеты и признавал), а с другой стороны, однажды, во время длинного сидения у меня на балконе с несколькими бутылками саперави Феликс высказал замечательное утверждение, несомненно, достойное быть записанным. На вершине спора он встал и торжественно произнёс: «Запомните, Боря, одно единственное «до» Моцарта выше всех сочинений Бетховена!». Я, конечно, навсегда запомнил. Наши общие друзья-музыканты тоже высоко оценили афоризм и это моцартовское «до» стало достоянием их многочисленных учеников в институте им. Гнесиных. Но когда я спрашивал друга в упор, признаёт ли он за Бетховеном хоть какой-то талант, Феликс неизменно отвечал: «Ну, что вы, Боря! Гений!»...

Идея поехать в Одессу явилась на свет около двух ночи, а отправляться на вокзал надо было часов в пять утра. Тогда ночью, на вершине вдохновения ещё двое коллег присоединилось к нам, но когда дело дошло до реального пробуждения-вставания, разбудить их было невозможно. Не зря говорил мудрый Гамлет: «Так погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех, от долгих отлагательств».

И пошли мы вдвоём по гулким, по-осеннему чёрным улицам Кишинёва к вокзалу. И вот дизельный поезд, совсем непохожий на подмосковные электрички, и потянулись назад в занимавшемся рассвете южные станции с весёлыми торговцами, предлагавшими всевозможные плоды щедрой молдавской земли. Непохожесть дизеля, как называли поезд аборигены, на электричку сказалась быстро и притом весомо, грубо, зримо. Подоконники оказались гораздо уже тех, к которым я привык. Между тем, я ставил локоть на подоконник, пристраивал голову на ладонь и... локоть немедленно соскальзывал, как только я начинал дремать... Подмосковные навыки были в этом поезде бесполезны...

Тем временем за окном сверкнула лента Днестра, поезд прозвенел музыкой моста, поплыли назад здания и дома довольно большого города с мягким, южным, эллинистским именем Тирасполь... Мог ли я тогда даже в самой мрачной фантазии своей вообразить, какая беда, какая трагедия затаилась на этой залигой свежим солнцем земле? Можно ли было тогда услышать скрежет колеса истории, готового переехать столько судеб? Несколько лет назад я встретился с друзьями-коллегам на Гёделевской Конференции в Брно. И в последний вечер посмотрели мы друг на друга, и один из нас сказал то, что все подумали: «Вот сидим мы здесь втроем и понимаем друг друга с полуслова, а завтра разведемся по трём разным странам; и кто бы мог такое подумать каких-то десять лет назад».

А поезд шёл и шёл, и вот пути стали ветвиться, превращаться в паутину, колеса звенели и скрежетали на бесчисленных стрелках, вагон кренило и швыряло, как катер на волне. Вокзал, Одесса! На привокзальной площади, ошеломлённые солнцем и звоном трамваев, остановились немного оглядеться.

— Извините, пожалуйста, вы не скажете, как нам пройти к морю? — обратился к прохожему Феликс.

— К какому морю? — вдруг ожил на наших глазах старый анекдот.

— Таки сегодня мы бы хотели к Чёрному — вежливо реагировал Феликс.

— Ну, если это Чёрное море, то тогда вам вон туда — рука прохожего сделала широкий жест в сторону горизонта, где и в самом деле дышало что-то огромное и первобытно волнующее.

И мы пошли по Пушкинской, удивляясь огромным деревьям, уже расцветившим октябрь, и почерневшим от времени домам, чигая вывески на русском и полупонятном украинском. У одних ворот я остановился и предложил Феликсу заглянуть в настоящий одесский двор. Мы прошли под аркой мимо благоухавших мусорных баков и оказались перед обломками мраморного фонтана, украшенного игривым купидоном, впрочем, давно уже лишившимся лука и прочих мужских достоинств. «Уборной нет!» гласило предупреждение, начертанное огромными и не особенно трезвыми красными буквами на листе фанеры, намертво прикрученной к Купидону. Увы! Судя по запаху, предупреждение это было совсем не лишним: далеко не все посетившие двор делали это с намерениями чисто познавательными. И здесь, рассматривая куски мрамора, плакат, мы вдруг почувствовали, что нас самих рассматривают. На деревянные галереи, устроенные по периметру трёхэтажного дома, внутренность квадрата которого и образовывала замкнутое пространство двора, высыпали обитатели этого небольшого, но самостоятельного мира, матросы и пассажиры этого парусника, сверкавшего белизной парусов-простыней и стягами красных, синих и жёлтых маек и прочих осколков обыденной жизни. Десятки глаз смотрели на нас. Ни слова ещё не было сказано, но мы уже заторопились к выходу в смущении за праздное любопытство своё. Ибо, в сущности, нехорошо

превращать чью-то жизнь в предмет рассматривания, живых людей и их миры в бабочек под лупой энтомолога.

Когда, наконец, мы увидели море, оно оказалось неожиданно серым, а порт столь же неожиданно маленьким. Объекты легенд как-то съёжились... Невзрачной оказалась маленькая фигурка Дюка вся в зелёных купоросных пятнах и знаменитая лестница, по которой катилась воображаемая коляска в фильме Эйзенштейна, признанном либеральными критиками лучшим фильмов «всех времён и народов». Именно так: всех времён и народов, не больше, не меньше. Похоже, западных либералов мятежный броненосец вообще сильно занимает, при виде этой лестницы я услышал внутри себя голос шансонье (кажется, Жильбера Беко), всё время жалобно подвывавшего на вершине мелодии: «Потёмкине».

— Мне бы твои заботы — всегда думал я, слушая это бурное песенное влияние. Вспомнился и покойный друг-однокурсник Саша Моховой, который однажды на моих глазах сотворил гениальный каламбур:

— Ах, Эйзенштейн — сказал по какому-то поводу Саша — Ну, конечно, Бронетёмкин Поносец...

Броненосца в порту уже не было, но несколько крупных судов стояло у причала. Выделялся своими размерами «Адмирал Нахимов», кажется, самое крупное пассажирское судно на Чёрном море. «Адмирал Нахимов» был больше «России», но та была знаменитей, видимо, из-за красоты своих линий. Оба судна были довоенной немецкой постройки, да вот судьба их оказалась разной. «Россия» отплавала свой век и отправилась на слом, «Нахимов» трагически погиб со многими своими пассажирами у Новороссийска в начале горбачёвской эры. К борту «Нахимова» была пришвартована заморская птица, эlegantный современный лайнер «Королевская Звезда Викингов». Его стремительные очертания, ослепительные белые и синие краски звали в море, в иные миры... Доносившаяся с палубы музыка, несколько фигур с жестяными банками в руках, два милиционера у трапа почему-то вызывали в памяти незабвенную «Берёзку». Вспомнились и споры о законности этого учреждения, которые мы вели на работе в Москве. Я, бывало, доставал рубль и торжественно зачитывал: «Государственные казначейские билеты обеспечиваются всем достоянием Союза ССР и обязательны к приёму на всей территории СССР во все платежи для всех учреждений, предприятий и лиц по их нарицательной стоимости». То, что магазины «Берёзка» правом экстерриториальности не пользовались, было несомненно, но вот являлся ли акт покупки в «Берёзке» актом платежа? Некоторые любители крючкотворства это отрицали. Позже я услышал, возможно, апокрифическую историю о том, что однажды Сахаров пришёл в такой магазин, зачитал цитированное выше изречение, запечатлённое на каждом рубле, и потребовал продать ему что-то на эти самые рубли. Легенда утверждает, что растерянный директор удалился посоветоваться с кем-то по телефону и затем распорядился продать Сахарову искомым предмет за нормальные советские деньги. Иногда, впрочем, я доставал пять рублей и декламировал похожую сентенцию насчёт того, что «государственные банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами Государственного Банка и обязательны к приёму...» и т.д., и т.п. В таких случаях я всегда говорил, что банковские билеты обеспечены хуже, чем казначейские, ибо «всё достояние» СССР включает золото, драгоценные металлы и прочие активы, как небольшую собственную часть. Крючкотворам идея эта нравилась, и я обычно исчезал, оставляя их обсуждать бесчисленные её разветвления.

В порту нам вдруг резко захотелось есть, — время законного завтрака давно миновало... В ответ на наш вопрос проходивший мимо человек в спецовке неопре-

деленно махнул в сторону подъёмных кранов и гор ящиков. И действительно, побродив по этой части порта, мы нашли легкий павильон, в котором, очевидно, располагалась докерская закусочная. Час был неурочный, но румяная раздатчица была на своём посту, читая газету. Нисколько не удивившись нашему потустороннему виду, она показала на доступные всем желающим яства. И вправду, за прилавком на плите стояли две кастрюли. Та, что побольше, была наполнена неопределенного цвета макаронами. В кастрюле поменьше были котлеты и кошка. Кошка довольно брезгливо откусывала от одной из котлет. Она не торопилась и тщательно, как нас всех когда-то учили, пережёвывала пищу. Раздатчица беззлобно махнула рукой в направлении кошки и та с чувством собственного достоинства отошла немного в сторону. Мы получили по тарелке макарон и по паре котлет («некусаных»), как заверила нас раздатчица). К этому была добавлена бутылка сухого вина, и пиршество началось. Пока мы разливали вино по стаканам, потревоженная нами жизнь вернулась в наезженную колею, и раздатчица и кошка возобновили прерванные занятия.

После бутылки вина «Королевская Звезда Викингов» оказалась ещё прекраснее, и нас неодолимо потянуло в открытое море. И вот мы уже качаемся на катере местной линии, следующем к каким-то бесчисленным станциям Большого Фонтана. Серое море и ослепительные чайки, на лету хватающие куски хлеба, которые швыряют им щедрые пассажиры... Длинные остановки... Становится ясно, что расписание здесь отнюдь не догма, и даже не особенное руководство к действию... А Солнце движется и движется по небу, и час нашего отъезда неумолимо приближается... Мы уже и не рады, что заперли себя в этом крошечном, качающемся мирке, да делать нечего...

И вот снова тот же порт, и уже фонари горят и в трамваях свет... Короткий визит на Дерибасовскую... Увы... Обычная улица обычного города... И даже кафе Фанкони, на которое кто-то нам указал, неотличимо от сотен других кафе мороженых... Да, видимо, не всегда легенды стоит трогать руками... Через два года, попав в Варшаву, я не поехал в Томашев, место где разыгралась печальная драма песни Тувима-Конечного-Демарчик. Не хотелось разрушать очарование фантазии её грубым столкновением с серой реальностью...

По той же улице Пушкина, но теперь при свете фонарей мы пошли к вокзалу... Собирался дождь и было невесело. Мне на прощание захотелось купить «Вечернюю Одессу»... У киоска стояла небольшая очередь, и дождь уже стучал по зонтам... Все молчали... Какая-то молодая особа возникла неизвестно откуда и резко устремилась к заветному окошку, даже и не взглянув на всех нас...

— Мадам, — сказала пожилая женщина, стоявшая за мной, — я страшно извиняюсь, но куда же это вы лезете? Уже надо кого-то уважать, или себя, или людей, но кого-то уважать надо...

Девича махнула рукой и ушла по улице, а очередь удовлетворённо загудела... Это «уже надо кого-то уважать, или себя, или людей» потом много лет на всевозможные лады повторялось в Вычислительном Центре Академии Наук, где я работал... «Вечерняя Одесса», увы, мало отличалась от такой же московской газеты... Если не считать невероятно красочного описания гола, забитого непобедимым «Черноморцем» в чьи-то ворота накануне...

На вокзальной площади мы оглянулись назад, проститься с Одессой... На балконе одного из домов сидел старик, явно мой соплеменник и философски смотрел на всю суету сует, библейски разворачивавшуюся перед его глазами... Ещё один печальный осколок когда-то такого живого мира...

Одесса оставалась загадкой. Да и много ли можно узнать о таком городе за несколько часов? В общем, я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса слишком велика...

Мы вернулись поздно вечером в Кишинёв и, как будто никуда не уезжали: та же компания в номере, и взлетает в воздух коробочка, и до слёз смеются учёные мужи... Сколько воды утекло с тех пор в реках во всех краях мира, сколько глаз закрылось навсегда...

18 августа 1999, декабрь 2014, Pittsburgh

[1] Вестник, №20 (227), 28 сентября 1999 года.

<http://www.vestnik.com/issues/1999/0928/win/kushner.htm> (все упоминаемые сайты посещались в декабре 2014 года).

[2] Ныне Московский педагогический университет.

[3] <http://7iskusstv.com/2011/Nomer1/Kushner1.php>

[4] <http://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer2/Kushner1.htm>

[5] Новиков П.С. Конструктивная математическая логика с точки зрения классической, Наука, Москва, 1977. Другим нашим крупным проектом стал русский перевод книги «The Foundation of Intuitionistic Mathematic. Especially in relation to recursive functions» by S.C. Kleene and R.E. Vesley, North-Holland Publishing Company, Amsterdam, 1965. — С. Клини, Р. Весли, «Основания интуиционистской математики. С точки зрения теории рекурсивных функций», Издательство «Наука», Москва, 1978.

[6] Возвращаясь к Феферману, вспомню забавную историю. Из всей моей обширной математической библиотеки юный Марк Лициний «прочёл» (естественно, зубами) только русский перевод фефермановской монографии про числовые системы. Книга имела пахучий коричневый переплёт, очевидно, неотразимо привлекательный для собаки. Феферман сказал, что он польщён, когда узнал от меня об этом.

[7] Кабаков Ф.А., Фантазии в трёх цветах. Абстрактная графика. Издательство «АСТ», Москва, 2008.

Ася Лapidус

ЛОЖКА МЕДА — ДА В БОЧКУ ДЕГТЯ

**Все хорошо, что хорошо кончается, или
Школьный вальс с учителем истории КПСС**

*Учитель танцев Раздватрис
Смотрел обыкновенно вниз...*

Юрий Олеша. Три толстяка (сказка)

В исторический день открытия XX съезда КПСС 14-го февраля 1956 года мы переехали из душевой 6-метровой комнаты в полуподвальной коммуналке по адресу Воротниковский переулок, д. 3/10, кв.69 в просторную 20-метровую комнату тоже в коммунальной квартире на 5-ом этаже девятиэтажного кирпичного огромного дома, растянувшегося на целый квартал — по адресу — Ленинский проспект, д.72, кв.332.

Переезд запомнился навсегда — предусмотрительная мама накупила всяких редкостных радостных деликатесов - паштетов и пирожков в арбатском гастрономическом раю - кулинарии вновь открытого ресторана Прага, и мы, не распаковывая чемоданов, уселись справлять новоселье прямо на полу — ломберный стол, в нашем скромном обиходе - обеденный, не выдержав переселения, захромал сразу на все четыре ноги - обезножил, откинув хрупкие антикварные копытца.

Новая жизнь — полный разлом — из центра на окраину — даже школу пришлось поменять. Прежде я училась в знаменитой престижной 175-ой (бывшей 25-ой) — величаво, хоть и неофициально именуемой - правительственной, где учился Вася Сталин, Светлана Молотова и много других громких имен-фамилий — иногда приглушенных из почтения или страха.

И вот теперь я перешла в новую только что отстроенную общеобразовательную — московскую школу № 1. Стандартно-серийное здание ее — унылый параллелепипед убогой атрибутики ныне забытого зубного порошка - безлично выбеленный, как тапочки послевоенного образца - не чета бывшей гимназии - штучной постройке начала XIX века с полукруглым портиком, увенчанным просторным балконом. Тоска. Зато под боком был зубчатый университетский дворец — предмет моих вожделений и надежд — с самого раннего возраста.

Школьный официоз, хоть в каком виде — я ненавидела с первого дня первого класса — но в привилегированной школе первой ученице было куда вольготней, чем на новом месте на общих основаниях. Сравнимо разве что с переводом из шарашки на общие работы. Здесь все было не по душе — более того, не по нутру. К тому же, как известно, в подростковом возрасте новизна кажется вызовом и с трудом переносится. Да и что греха таить — и преподавание и учительский контингент, равно, как и ученический — в новой школе все было несоизмеримо проще. Того, что называется учебной атмосферой и преподаванием — не было. Учителя

были все, как на подбор — странные представители странного бюрократически унылого сообщества шкрабов — школьных работников.

Пугающе ярко раскрашенная учительница литературы под несочетаемым именем-отчеством Лариса Трофимовна, яростно объясняющаяся на канцелярите — при этом щелки недобрых глаз ее слеплялись-разлеплялись под опухалом густо накрашенных ресниц, так же как и сверх меры напوماженные губы с лучиками злых морщин вокруг рта. Угодить ей было невозможно — написанное за меня папой — печатным работником-журналистом — домашнее сочинение с соблюдением всех правил газетных лозунгов — она сочно перечеркивала с лаконическим комментарием — Стиль — сопровождаемым грозным сонмом восклицательных знаков.

Унылая химоза — высокая, тощая и тщательно безобразная, казалось, с трудом выносила и свой предмет, и подростков.

Физик, по слухам, контуженный на войне — бледный, с незаметной внешностью санитара из психбольницы и очень тихим поющим голосом - любил учить и был человеком отнюдь не злым, но был скучен до оцепенения.

Зато математичка была молодая, голубоглазая - симпатичная и профессорша — к тому же сама с университетским дипломом — хотя и ее заметно тяготило пребывание в школе.

Самым же противным был учитель истории — Леонид Исидорович Мильграм. Несколько крючковатый — носом и легкой, но ощутимой сутулостью, франтоватый не без известной эlegantности, обязательно при галстукe и запонках, в затемненных заграничных очках, он казался вызовом школьному истаблишменту, квинтэссенцией которого он на самом деле являлся. Преподавал Историю КПСС с заметным энтузиазмом, лично мне даже тогда совершенно непонятным.

Фамилия его так и просилась в каламбур — где уж мне было удержаться, но боже упаси, разумеется, не вслух — упражнения в остроумии предназначались исключительно для дома — для семьи — с огнем, как известно, не шутят, хотя сильно ослабленное остаточное излучение, должно быть, все-таки ощущалось и на расстоянии.

Он мне здорово попортил жизнь. Просто учить — ему было недостаточно, он жаждал власти над умами и душами школьников — не слишком умных, зачастую совсем нелобознательных и по сути очень зависимых — в частности, от него. Он с удовольствием жонглировал детьми. Сам он не был успешным и мстил будущим Платонам и быстрым разумом Невтонам, которые на сегодняшний день многого не обещали, но завтра — кто знает...

Сын расстрелянного в 30-ых высокого ГПУшного чина — кремлевского информатора-шпиона, к тому же еврей, он не мог рассчитывать на приличную карьеру гуманитария — особенно в сфере новейшей политической истории, пришлось спуститься до уровня школьного учителя с ничтожной зарплатой и скучными учениками. Некоторую компенсацию давала женитьба на итальянке — дочери прописанного в Москве коммунистического интернационалиста — хоть что-то не как у людей. Но все равно он скучал и мелкотравчато вникал в жизнь своих подопечных, развлекаясь за их счет.

Я ему не нравилась, он мне тоже, с моей стороны не очень осознанно и главным образом за лицемерие предмета, которому он обучал с каким-то показательным слегом актерским энтузиазмом.

Как-то на его уроке я подпольно читала замечательную популярную книжку по математике Волшебный двор. Под аккомпанемент зловещего молчания, кото-

рого я не заметила, поглощённая чтением, Леонид Исидорович подкрался — хватя книгу — и давай меня честить-приговаривать:

— На уроке Истории Партии, — и пошел, поехал...

А книга чужая - может и не отдать — его власть, а словеса — чистое ханжество. Тут я и скажи — язык длинный, ум — короткий:

— Любой посредственный математик важнее сотни говорунов от партии.

На что он меня и спроси довольно грозно:

— А отец твой — член Партии?

Ужас — конечно, не член — я-то, по счастью, не знала деталей папиной биографии — скрывали от меня, боялись за дочку. Хотя нв дворе разнuzданная, правда, все-таки уже предзакатная оттепель, но в подробности собственных отсидок-реабилитансов не посвящали. И не напрасно - как в воду глядели — пошла тут писать губерния — все по известному распорядку - комсомольское собрание — с присутствием родителей — исключать из комсомола. Бедные, совершенно потерянные мама с папой — на первой парте, а я где-то позади — плачу-не просыхаю, мне ведь нет еще шестнадцати — и готовая каяться — правда, не знаю как - отвечаю, спотыкаясь, на злоешие вопросы — страшно.

Мама потом говорила:

— Все ждала — вот сейчас войдет милиционер и ее уведет.

А кругом выступают и клеймят. И тут неожиданно для всех — математичка — жалостливо и очень буднично:

— Ну что вы за нее взялись?

И все как-то вдруг сникло — увяло — еще бы — XX съезд оттремел всего-то несколько лет назад - оттепель как-никак, хотя и ловушкой для Золушки.

Впрочем, этим дело не закончилось. Я не просто была отличницей (чего откровенно стыжусь), у меня других отметок, кроме пятерок, можно сказать, и не было. Меня ждала золотая медаль, и возможно — долгожданный облегченный прием в университет. Не тут-то было — Мильграм не успокоился — не мытьем, так катаньем.

На экзамене по сочинению по его усердствованиям мне поставили небывалую тройку — предусмотрительно сдав в отдел образования черновик. Пришлось моему многострадальному папе совершить богопротивное паломничество в районный отдел народного образования - РОНО — а что делать — как известно, *Paris vaut bien une messe* — надо было хотя бы узнать, как случилось, что я так плохо написала работу. Там ему показали жалкую всю исчерканную страничку, в которой я по его описанию распознала черновик — игра зашла так далеко, что явно не стоила свеч. Медаль даже серебряная приказала долго жить.

Но и этого оказалось для Мильграма недостаточным — для поступления в университет полагалась мне характеристика — чего только он там не понаписал — благо был классным руководителем! С такой характеристикой — как с волчьим билетом — папе достаточно было просто показать эту злосчастную клязгу в РОНО, что даже тамошние чиновники схватились за голову и потребовали от мстительного учителя переписать характеристику — и переписал — чернильная клякса — получилось все до смешного наоборот — папа долго хранил обе копии.

Предстояли экзамены на математический факультет, а мы дома с отвращением судили-рядили о школьном историке — и тут папин давний товарищ — мудрый Лексикон — Элькон Георгиевич Лейкин, проведенный в местах отдаленных пару десятков лет и проникнувшийся лагерным каторжным духом — это с одной стороны, а с другой — в вакууме тюремной подневольности сохранивший старо-

модные представления о чести — вот он и присоветовал мне — дать малопорядочному учителю прилюдную пощёчину.

— Тебе ничего не будет, а он останется навсегда Учителем, Которому Ученица Влепила Пощёчину.

Сладость мести, должно быть, прекрасна, но я ее не испытала — не смогла пойти на это, хотя очень хотелось — по крайней мере, в теории.

Конечно, этот крошечный рассказец (за который я испытываю — никуда не денешься — чувство стыда, а как не рассказать правду — ведь все так и было) — фи́га в кармане — скромная эпитафия по вечно живой советской власти и недавно ушедшему в мир иной маленькому и скорее всего не такому уж вольному, хотя вполне краеугольному исполнителю ее и приказчику, кстати, дослужившемуся до вершин доступной ему карьеры - чина директора школы, звания народного учителя СССР и почетного гражданина города Москвы. Все в общем закономерно — соратнику Ленина-Сталина — слава!

Хотя сейчас — смотрю на его фотографии в Интернете — и жалко старика — противный был человек, а все равно — жалко.

Артур Штильман
ДИМА КОЗАК.
АЛЕКСАНДР БОРИНЕВСКИЙ.
КОНЦЕРТ ЖАКА БРЕЛЯ
В МОСКВЕ. 1965 ГОД
Главы, не вошедшие в книгу
"Москва, годы страха, годы надежд. 1935-1979"

Главы из книги воспоминаний о жизни в Москве публиковались здесь под названием "Москва, в которой мы жили", редакторы московского издательства "Аграф", выпустившего книгу в апреле 2014 года, решили, что название следует изменить и нашли, что вышеприведённое будет более привлекательным для читателей. Некоторые знакомые вообще отговаривали меня от публикации этой книги, говоря что она никому не интересна, или, возможно, будет представлять архивный интерес лет через 10-15. Каково же было мое удивление, когда я недавно узнал от издательства, что тираж книги практически весь разошёлся! В это действительно трудно было поверить. В Москве и России несмотря ни на что ещё читают книгу практически неизвестного автора?!

К сожалению, довольно многие интересные страницы не вошли в книгу по ряду технических причин. Всегда, конечно, жаль, ведь сделанного уже не вернёшь и вставить упущенное невозможно! Но в наше время то, что было невозможным, становится возможным - теперь можно иногда опубликовать некоторые пропущенные страницы, которые быть может и представляют для читателя интерес. Эту идею мне дал Евгений Михайлович Беркович. Здесь как раз самое время и подходящее место (в книге это сделано в авторской справке) выразить благодарность за первую публикацию моих всех трёх книг, уже изданных в Москве и С.-Петербурге ("Музыка и власть", "Москва, годы страха, годы надежд" и "В Большом театре и Метрополитен опера. Годы жизни в Москве и Нью-Йорке"). Очень часто сам редактор приходил мне на помощь с весьма ценными советами и предложениями. Спасибо ему огромное! И так ...

"Кончайте заниматься! Всё равно, как Айзик Стерн вы играть не будете! Пошли смотреть эстрадный концерт. Наша одесская Филармония. Ну, пошли, пошли!" Это к нам в репетиционную студию зашёл администратор одесской Филармонии легендарный Дима Козак.

На аэродроме, где он нас должен был встретить, мы, выгрузившись из самолёта и тут же взяв свой багаж из грузового отсека ИЛ-14, увидели стоящий неподалеку автобус. Семён Ильич Ильяшевской, наш администратор от Союзконцерта сразу повёл нас к нему. Войдя в этот автобус, он спросил мрачного коренастого человека в кепке: "Дима! Почему ты нас не встречаешь?" На что получил примечательный ответ: "За 90 рублей в месяц я не обязан стоять на ветру, чтобы сказать

"Здрасьте!". Это был настолько серьёзный довод, что Ильешевский больше вопросов не задавал. Мы вскоре прибыли в гостиницу "Красная". Как ни странно, но свои комнаты мы получили без задержки, и, оставив вещи, сразу пошли гулять.

Я не был в Одессе с 1946 года, когда летом со своими родителями отдыхал там в Доме творчества Союза композиторов СССР, размещавшийся на старых дачах в пригороде, называвшемся "16-й Фонтан". Почему 16-й и почему Фонтан мы так никогда и не узнали (*на самом деле, это место называется "16-я станция Большого Фонтана"* — ред.).

На этот раз мы поспешили подойти поближе к морю и полюбоваться им. Я помнил своё первое впечатление от увиденного в 1946 году. Теперь даже море показалось "меньше". Прежде всего потому, что вид открывался с какой-то улицы, иными словами панорама была сужена с обеих сторон. Море едва голубело в тот пасмурный и недлинный январский день. Было, однако, довольно холодно и, помню, на меня произвело странное впечатление объявление на каком-то бульваре: "Тёплое пиво". Оказалось, что тут зимой пьют подогретое пиво.

Здание Одесской Филармонии / бывшая "Биржа"/

Итак, мы прекратили свою репетицию и пошли вместе с Козаком в зал. Я понимал, что ему понравилась моя пианистка, то есть она была и солисткой, и аккомпанировала нам — это была моя партнёрша по Международному конкурсу в Будапеште Нина Кулешова.

Козак усадил нас рядом с собой примерно в 10-м ряду и громко комментировал каждый номер. Никто ему не говорил: "Пожалуйста, тише!" — или что-то в этом роде. Его все знали, и он пользовался, так сказать, правом неприкосновенности.

Некоторые эстрадные номера были для меня новыми — я не видел до того времени жонглирования разновеликими предметами: вешалкой для одежды, тростью и сигарой. Жонглёр делал свою работу виртуозно, легко и непринуждённо. Затем он же принял участие в небольшом акробатическом номере. Козак на это реагировал весьма оригинально, как будто объявлял ставки в казино: "Шесть пятьдесят! За совмещение жанра!"

Этим номерам аккомпанировала пианистка, игравшая без нот и казалось просто импровизировавшая на темы популярных мелодий и песен. Козак и тут "выступил": "Прекрасная пианистка! Всегда играет всё, что угодно и всегда без нот! Очень отзывчивая женщина! Горячо рекомендую!" Всё это, конечно были безобидные шутки, но зрители, сидевшие рядом, казалось слышали это не в первый раз.

В антракте Козак немного рассказал о себе. "Недавно я был на концерте скрипачки Р. Вы понимаете, она получает за это деньги. Хорошо. Но за что я дол-

жен страдать? Высидеть и выслушать два отделения скрипачки! Ужас!" Дима Козак сильно преувеличивал. Во-первых, все знали, что талантливая скрипачка Р. была его близкой приятельницей. Во-вторых, а может быть, во-первых, она была тоже одесситкой. Так что всё это нужно было воспринимать через некоторый "фильтр", которым нас, можно сказать, снабдил Семён Ильич Ильяшевский.

Я, конечно, поинтересовался у Козака, как проходили недавние концерты Иегуди Менухина и Айзика Стерна в Одессе. Его ответ и тут был довольно необычен.

"Вы знаете — Одесса довольно оригинальный город. Тут играли и выступали *все!* Что значит "все"? Ну, все, кто в нашем веке был знаменитостью. Вы говорите Менухин? Да! Два аншлага в Одессе! *Всё!* Айзик Стерн? Два аншлага и концерт для студентов в Консерватории. *Всё!*" То есть он давал нам понять, чтобы никто не строил себе никаких иллюзий — Одесса видела всё лучшее в мире на протяжении своей истории в XX веке. Конечно он был прав. Здесь выступали П.И. Чайковский, Рахманинов, Крейслер, позднее юный Яша Хейфец, Мирон Полякин, Натан Мильштейн, в опере пели Энрико Карузо, Баттистини, Шалапин, Медведовский и многие другие знаменитости.

Зрительный зал Одесской Филармонии

Потом Дима Козак немного рассказал о себе. "Меня лечит старый доктор. Он, между прочим, окончил Венский Университет ещё до Первой войны. Так он мне всегда говорит: "Дима! Ты должен знать свой потолок!" "То есть, чтобы я не перебирал и не слишком часто... Сердце. Я ведь уже немолодой человек". Да, Дима Козак был колоритной личностью, и его никто не мог забыть, как бы коротко с ним ни соприкасался.

В этот же вечер в гостинице мы увидели по телевизору трансляцию концерта студентов Одесской Консерватории. Выступали в основном скрипачи и, кажется, только три виолончелиста и несколько пианистов. Все выступавшие были очень талантливыми молодыми исполнителями — отлично профессионально подготовленными, и, как тогда показалось, совершенно не уступавшими в своём артистическом и профессиональном уровне *лучшим* студентам Московской Консерватории. Так что семена школы П.С. Столярского продолжали давать свои замечательные всходы и в 1965 году.

Наш один концерт в зале Филармонии — бывшей Бирже — прошёл очень удачно, но как и предсказывал Дима Козак - Одесса видела и слышала *всё!*

Второй наш концерт состоялся в каком-то Дворце культуры, правда тоже в центре города. Там Козака уже не было. Но проводить нас он всё же приехал. Он

остался в памяти ярким представителем как Одессы, так и своего "цеха" концертных администраторов - колоритным, знающим и вполне разбирающимся в вопросах исполнительского искусства, несмотря на некоторую почти средиземноморскую "бравату".

Из Одессы мы полетели в Симферополь. Это был внешне самый серый город на нашем пути. Там собралось рекордно малое количество публики - не более 40-50 человек. Помнится, что местные администраторы были как-то напряжены. Им было неловко из-за такого низкого заполнения зала. Но через 3 года я встретил на осеннем Сочинском фестивале своего консерваторского знакомого — известного тогда талантливого пианиста Александра Слободяника, который мне рассказал такую же историю о Симферополе, но уже в 1968 году. Он там играл в присутствии... 15 человек, придя туда, так и не получив номера в гостинице, с чемоданом в руках, голодным и усталым. Правда, эта маленькая группа слушателей оказала ему восторженный приём. Как видно, в Симферополе количество любителей музыки таяло буквально на глазах... Это было очень печально. И, как рассказал Слободяник, — не только в одном Симферополе.

В зимней Ялте мы пробыли лишь одну ночь в лучшей интуристовской гостинице на набережной. Грохот от моря не давал мне уснуть всё ночь после концерта, и наутро мы в автобусе снова вернулись в Симферополь, чтобы улететь во Львов на маленьком АН-24.

После сравнительно приятной погоды в Ялте и Симферополе Львов встретил ледяным холодом. Очень холодный и, казалось, влажный ветер с Карпат дул всё время и пронизывал даже в тёплых зимних пальто.

Самым приятным воспоминанием о Львове осталась встреча с Д.Ф. Ойстрахом, с которым мне довелось провести почти два дня. Я описал это в главе, посвящённой нашей поездке по Украине, и не буду здесь повторять эту историю. Скажу только, что позднее очень сожалел, что постеснялся воспользоваться приглашением Д.Ф. позвонить ему в Москве и посетить его, чтобы получить для моей лекции его замечательную запись "Концертной Сюиты" Танеева в его исполнении в сопровождении Лондонского Симфонического оркестра с дирижёром Николаем Малько, с которым Ойстрах выступал в юности на одном из своих первых концертов с оркестром.

Всё на львовском телевидении производило странное впечатление: все объявления, и как выяснилось, вообще все местные программы велись только на украинском. По-русски шли передачи центрального Московского телевидения. Атмосфера в студии с ведущими была какая-то напряжённая и неестественная. Почему — мы не могли понять. Явная неприязнь к нам чувствовалась везде и во всём, едва мы куда-то входили и заговаривали по-русски.

Вечером, после этого концерта на телевидении, мы с Владимиром Отделёновым шли пешком в нашу гостиницу. В каком-то узком и довольно мрачном месте улицы трамвайные пути шли совсем рядом с тротуаром. Дорога была обледенелой и небезопасной. Навстречу нам двигался человек высокого роста. Мне сразу показалось, что от него исходит какая-то опасность. Я сказал Отделёнову, чтобы он отошёл подальше от рельсов трамвая, который как раз настигал нас. В какой-то момент мы вдвоём остановились, чтобы не столкнуться с шедшим нам навстречу человеком. Он двигался, что называется «напролом». Не знаю, как далеко простирались

его планы в отношении нас, но мне и сегодня кажется, что мои опасения были не обосновательными. Мне тогда показалось, что население города никак не благоволил к приезжим из Москвы. А что мы из Москвы было сразу ясно — московский акцент ни с каким другим не перепутаешь.

Зато такого количества настоящих красавиц, как на улицах Львова, нам не доводилось видеть никогда и нигде. Отделёнов мне говорил: «Я был в Париже, Лондоне, Бухаресте, и других городах, но такого количества красивых женщин нигде не видел. Удивительный город при таких неприятных мужчинах!». Я рассказал тогда Володе, что у нас в Консерватории училась одна студентка из Львова, которая действительно была похожа на голливудскую звезду. Но здесь, на улицах Львова, оказывается все женщины выглядят так же, если не лучше, чем наша студентка. Наверное это было следствием некоторой смеси польского и украинского населения. Все молодые женщины, несмотря на зиму, были элегантно одеты. Это осталось лучшим впечатлением от города. Впоследствии я его нередко посещал во время пребывания на водном курорте Моршин — примерно в 70 километрах к югу от Львова. Как ни удивительно, но летом на улицах города я не видел такого количества красивых женщин, которых видел зимой 1965 года. Станный был город...

Конечно, но совсем правильно было судить по нескольким фактам обо всём климате взаимоотношений во Львове, как и вообще в Галиции. Через три года, как уже говорилось я попал в первый раз в Моршин в санаторий "Мраморный дворец", построенный в конце 30-х годов поляками, так как вся область принадлежала Польше. Но воспользоваться этой водолечебницей Польше почти не пришлось — с сентября 1939 это всё перешло по договору Молотов-Риббентроп к Советскому Союзу и так и осталось навсегда в составе западной Украины. Эта область сильно отличалась от Украины восточной. Близкое соседство с Западом здесь было ощутимо. Мне казалось даже на слух, что сам язык нёс в себе некоторый польский акцент. Наверное я не ошибался. Там в санатории я встретил двух довольно интересных людей — учителя из районного города и его сына, только что демобилизованного из армии в возрасте...18 лет! То есть его *мобилизовали* практически с большой открытой язвой желудка! В первый же месяц, когда он стоял на посту всё ночь он потерял сознание — у него началось прободение язвы. Выжил он чудом, просто молодой организм не желал умирать! Ему сделали резекцию желудка, после чего отправили в санаторий в Моршине, где мы с ним и оказались в одной комнате. В один из первых вечеров он проснулся после обеда в холодном поту и совершенно бледный. Я сразу понял в чём дело и налил ему три четверти стакана сухого вина "Цинданали", которое в ту пору всегда держал даже дома. Вино ему сразу помогло, он порозовел и стал себя нормально чувствовать. Вскоре приехал его отец, который тоже лечился от застарелой язвы желудка. Вероятно его отец принадлежал к небольшой группе западно-украинской интеллигенции, не отличавшейся крайним национализмом, но которая так же не желала быть связанной с политикой ни в какой мере и ни в каком качестве. Его история достойна того, чтобы о ней здесь рассказать.

Василий Павлович Мисюра родился в этих же краях и потому свободно говорил по-польски, по-русски, и по-немецки. До войны он окончил Варшавскую торгово-промышленную Академию. Вполне естественно, что после начала войны в июне 1941 года сразу после прихода немцев такие люди привлекали их внимание и ему предложили стать бургомистром небольшого районного города, где его застала война. Он попросил день на размышление, а ночью скрылся и провёл большую часть войны, по его рассказу — рабочим на лесопилке в лесном хозяйстве. Туда, естественно наведывались немцы, но он обладал настолько неприметной

внешностью, что точно описать её было невозможно, а его фотографий у немцев не оказалось. Так на этой лесопилке он пробыл до конца войны.

Сразу после войны он приехал во Львов, где его при обходе "квартильными" привели в районное отделение МГБ. Там ему предложили "сотрудничество", устройство на работу для начала в среднее учебное заведение и много всякого другого. Неожиданно у него случился обморок. Он потерял сознание, а когда пришёл в себя, то вполне резонно мотивировал практическую свою бесполезность для "столь ответственной работы". Выйдя из этого учреждения, он сел в трамвай и на повороте к вокзалу услышал за своей спиной, как кто-то сказал по-польски: "Это он!" Он мгновенно выскочил на ходу, а двое за ним не успели этого сделать до поворота и потеряли его. Ясно, что какие-то подпольщики его с кем-то перепутали и ошибочно идентифицировали его в качестве "своего улова". Так Василий Павлович чудом спасся — уже в третий раз. Он пришёл к своему приятелю, жившему неподалеку от вокзала, переоделся там и они вместе пришли на вокзал, где он сел в поезд, отправлявшийся на Станислав., неподалеку от которого в конце концов он и осел, став учителем в школе.

Наша встреча была в 1968 году. Лишь год назад арабы потерпели сокрушительное поражение во время "шестидневной войны". Василий Павлович тогда прокомментировал происшедшие события очень интересно и я вспоминаю его комментарий и сегодня — хорошие учителя были у него в Варшавской торгово-промышленной Академии в 30-е годы! Вот, что он тогда сказал: **"Великие державы никогда не допустят мира на Ближнем Востоке, потому что сочетание гения еврейского народа с ресурсами арабских стран создаст новый экономический район, в котором никто не заинтересован. И едва ли будет заинтересован в будущем. Так что мира там не будет на очень долгие десятилетия"**. Мне и тогда и сегодня кажется его точка зрения не только примечательной, но вполне реалистической. Мало, кто задумывается над ситуацией под таким углом зрения...

А с его сыном Игорем мы остались приятелями на долгие годы, встречались и в Моршине после этого через несколько лет, виделись и в Москве. Это моё знакомство было приятным контрастом всем моим более ранним впечатлениям от Львова и вообще Западной Украины. Приличные, умные, скромные и образованные люди, как оказалось живут и здесь! Им живётся труднее, чем среднестатистическому жителю, но и человеческая и духовная ценность их личностей совершенно иная.

О Владимире Отделёнове нужно рассказать ещё немного. Как уже говорилось выше, певцом, принявшем участие в этом туре был Владимир Кузьмич Отделёнов — бывший солист Большого театра, а тогда — зимой 1965 года — солист Всесоюзного радио, впрочем в том же году ставший солистом Московской Филармонии. Он был замечательным певцом и исключительно тонким и интеллигентным человеком. Вот, что о нём написано на Интернете:

«Владимир Кузьмич Отделёнов (1924-1993) родился в Корсаковском районе Орловской области. Весной 1944 года был зачислен баянистом в Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной Армии, с которым участвовал в сотнях концертах на разных фронтах. После войны учился в музыкальном училище и институте имени Гнесиных.

Первый большой успех на долю молодого певца выпал на IV Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте, где Отделёнов на конкурсе вокалистов завоевал первую премию, после чего в 1953 году был принят в группу стажёров Большого театра. Незаурядные вокальные данные и глубокая музыкальная культура в сочетании с упорной работой позволили ему быстро освоить классический репертуар и занять в конце 1950-х годов одно из ведущих мест в числе солистов Большого театра.

В 1963 году певец ушёл из Большого театра на Радио.

В 1970-е годы Владимир Кузьмич становится ведущим солистом Московской государственной филармонии.

В 80-90-е годы - профессор, преподаватель Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных.

Заслуженный артист России».

Во время наших многонедельных гастролей мы с ним подружились и он рассказал о себе так много интересного, что жаль, если это уйдёт в небытие.

Прежде всего — его аристократическая внешность никак не соответствовала его биографии и крестьянскому происхождению. Мой отец был знаком с его старшим братом, по словам отца человеком простым, бывшим баянистом Ансамбля песни и пляски Советской Армии под руководством Александрова.

Секрет происхождения Владимира Отделёнова так и остался секретом — возможно и для него самого. Он рассказал мне, что был мобилизован в армию в 1941 году и шёл пешком с остатками своего взвода после разгрома в районе Воронежа. Попал потом в военный лагерь для переформирования вышедших из окружения. Когда он следовал с эшелоном на передовую, все, по его словам, были неимоверно голодными. Где-то на станции солдаты нашли сливочное масло и стали его поедать без хлеба. Везли их, конечно, в «теплушках», то есть в товарных вагонах. Результаты поедания масла не замедлили сказаться. На следующей остановке очень многие не могли добежать до туалета и расположились прямо между двумя воинскими составами, почему-то шедшими навстречу друг другу. И вот в такой, как будто неподходящий момент, в окне встречного поезда Володя Отделёнов увидел родного брата, работавшего с конца 30-х в Ансамбле А.В. Александрова. Брат сумел открыть дверь своего поезда и втащить в вагон младшего брата. По законам военного времени это могло иметь тяжёлые последствия. Но Володя Отделёнов тоже учился до войны игре на баяне и начинал также петь — он обладал прекрасным баритоном. Съеденное масло, вероятно спасло Отделёнова от гибели на фронте. Александров уладил это непростое дело и Володя остался на годы в этом ещё до войны всемирно известном Ансамбле.

Владимир Кузьмич Отделёнов /1924-1993/ солист Большого театра, солист Московской Филармонии

Далее его жизнь развивалась примерно по «сценарию», изложенному на Интернете за исключением одного важного момента: в 1961-м году, он был уже вполне успешным солистом Большого театра, но кому-то из руководства театра пришла в голову мысль предложить Отделёнову переквалифицироваться в ...тенора! Он неосмотрительно принял это предложение и уехал в Болгарию заниматься с известным воспитателем теноров педагогом Брымбаровым (его учениками были известные в своё время теноры — Дмитрий Узунов и Никола Николов).

После возвращения в Москву в 1963 году его прослушал художественный совет театра и решил... послать обратно в Болгарию для «возвращения» снова в баритоны. А по приезде в Москву после нового прослушивания в театре было решено отчислить Отделёнова из театра по причине ...его профессиональной непригодности! Он был близок к самоубийству. Но мир не без добрых людей. Кто-то из старых знакомых помог ему поступить на Радио — снова в качестве баритона. Кризис был преодолен и ко времени нашего знакомства в ноябре 1964 года его голос превосходно звучал так же, как и в лучшие годы работы в Большом театре.

В личном общении Владимир Отделёнов был удивительным человеком. Выходец, как уже говорилось, из крестьянской семьи, стопроцентный русский, Владимир Кузьмич невероятно остро воспринимал антисемитизм. От него я узнал любопытную историю, происшедшую во время визита Элеоноры Рузвельт в Москву. В разговоре с министром Фурцевой Э. Рузвельт высказала ей своё удивление широко распространённым антисемитизмом среди государственных чиновников. На что якобы Фурцева ответила: «Да что вы! У нас в оркестре Большого театра работают 70% евреев!» «Вот-вот! Об этом я и говорю, — живо возразила Рузвельт — вы же их считаете!» В.К. Отделёнов был интеллигентнейшим, тактичным человеком, с которым было приятно общаться везде — дома, во время поездок, на релетициях. Его профессиональная обязательность, удивительная человеческая порядочность привлекали к нему сердца людей. Ужасно было узнать о его кончине в 1993 году.

Второй колоритной личностью в среде концертных администраторов после Ильяшевского и Козака был Александр Григорьевич Бориневский. В высшей степени интеллигентный человек, попавший, казалось, случайно в среду концертных администраторов, Александр Григорьевич был знаменит среди своих коллег тем, что провёл все концерты А.Н. Вергинского после его возвращения в СССР в 1943 году. Рассказывал всё это Бориневский с элегантным чувством юмора, искренней симпатией к артисту, в то же время откровенно описывал его характер "барона Мюнхгаузена", то есть отчаянного выдумщика о своих часто мнимых приключениях и фантастических событиях жизни, хотя и его реальная жизнь была полна невероятных событий и приключений.

По понятным причинам я здесь не буду касаться ряда чисто личных моментов жизни артиста из рассказов Бориневского, но некоторые истории всё же расскажу.

Википедия сообщает, что в начале 20-х годов Вергинский был выслан из Румынии по подозрению в шпионаже в пользу Советского Союза. Как видно этот "шлейф" тянулся за ним некоторое время и позднее в Польше, откуда он вынужден был переехать в Берлин. К этому времени он, согласно той же Википедии, дважды подавал прошения о возвращении в Союз, но они каждый раз отклонялись. Вполне возможно, что те, с кем он имел контакты, давали ему понять, что это право следует

заслужить, скажем, принеся какую-то пользу своей покинутой в прошлом стране. Это общее соображение никак и ничем не доказано, а следовательно не может относиться к Вертинскому, хотя среди российских эмигрантов были достаточно нередки случаи реально доказанного шпионажа во Франции, США и других странах.

Как бы то ни было, после своей эмиграции в Стамбул с остатками армии генерала Врангеля, Вертинский в начале 20-х перебирается в Румынию, потом в Польшу, в Берлин, а в 1925-м переезжает в Париж. Там он жил довольно долго и только в 1934-м переезжает в США, а оттуда довольно скоро — в 1935-м в Харбин, и потом в Шанхай. Вот из Шанхая он и прибыл в Москву — в разгар войны **в ноябре 1943 года**.

Как рассказывалось выше, летом 1943 года начали возвращаться в Москву некоторые учебные заведения, в частности учащиеся Центральной музыкальной школы при Консерватории, находившиеся в эвакуации в Пензе, а также студенты и профессора самой Консерватории. Новый учебный год в начале сентября 1943-го года был отмечен тёплым сентябрьским солнечным днём, и было совершенно ясное чувство вновь обрётённой реальности довоенной Москвы! Это было очень кратковременным и, конечно, обманчивым ощущением, но оно возникло тогда у очень многих - и не только у детей, но и у взрослых, хотя с наступлением холодов ежедневный быт становился всё тяжелее и тяжелее...

Так как мы вернулись в Москву ещё в ноябре 1942 года, то понятно, что зимой 1942-43 никаких детских "Елок", то есть новогодних праздников для детей быть не могло - немецкие армии стояли совсем недалеко от Москвы. Но в декабре 1943 года ситуация была совершенно иной и я был на первом новогоднем празднике "Елки" в Центральном Доме работников искусств — ЦДРИ. Отлично помню эту первую "Елку" в Москве ещё и потому, что я стал учеником первого класса ЦМШ, где я и получил свой билет на "Елку", и помню, как в коридоре на втором этаже вдруг все стали говорить: "Вертинский! Вертинский!" Я увидел очень высокого мужчину — рыжеватого блондина в тёмно-синем смокинге (!), а на каждой руке у него сидело по маленькой девочке. На правой руке сидела старшая, на левой младшая. Сколько лет было старшей? На мой взгляд, тогда примерно около трёх-четырёх лет. Следовательно она родилась где-то в 1940-м году. Младшей было, конечно, не меньше двух. Следовательно, она тоже родилась ещё в Шанхае.

Конечно, многие артистки преуменьшают свой возраст, но дочери Вертинского "убили сразу двух зайцев" — везде записавшись, что родились в СССР и года эдак на три-четыре позднее, чем это было в действительности. Впрочем в их сегодняшнем возрасте это не так уж важно.

Почему я уверен, что это было зимой 1943-44 года? Потому что на следующий год мы переезжали в новую школу и было всем нам уже не до "ёлок". Мы ещё ходили на некоторые уроки в старую школу в Среднем Кисловском, а иногда уже и в новую в один и тот же учебный день. Так что зимой 1944-45-го я был на зимних каникулах только на концерте Госоркестра в Большом зале Консерватории, куда пришёл при помощи своего дяди, работавшего в этом оркестре.

Вернёмся теперь к рассказам Александра Григорьевича Бориневского. Они провели с Вертинским и пианистом Михаилом Брехесом порядка двух тысяч концертов со дня приезда артиста в СССР. Брехес был выдающимся музыкантом — учеником проф. К.Н. Игумнова (с Михаилом Брехесом мне довелось лишь раз встретиться на одном концерте Московской Филармонии в доме-особняке ВОКСа на Арбатской площади — Всеобщего общества культурных связей с заграницей. Михаил Брехес без репетиции блистательно исполнил аккомпанементы ряда слож-

ных скрипичных пьес. После выступления я сердечно поблагодарил замечательного музыканта и рассказал, что знал о нём давно из рассказов Бориневского).

Один из первых концертов после возвращения Вертинского в Союз состоялся в Куйбышеве в городском театре. Публика там собралась совершенно разная — некоторые остатки Большого театра и других столичных театров ещё не были эвакуированы в Москву, местная интеллигенция и просто случайная публика. И вот, перед началом второго отделения концерта Вертинского, едва артист появился на сцене, чей-то грубый и пьяный голос из верхних ярусов прокричал: "Саша! Расскажи как ты предавал Родину двадцать пять лет!" Вертинский дал знак пианисту и они покинули сцену. Крикуна тут же обнаружили, забрали в комендатуру, но пришлось сделать перерыв. В артистическую пришёл комендант театра и принёс извинения за инцидент, заверив, что всё будет в порядке и можно продолжать концерт. Комендант, как и все коменданты театров тех времён, был в форме НКВД. По словам Бориневского, эту историю сам артист рассказывал, как всегда немного грассируя, так: "Ко мне пришёл с извинениями **верховный главнокомандующий!** (*Верховным главнокомандующим был в то время только сам Сталин, который, конечно не был на концерте в Куйбышеве — А.Ш.*) Мерзавца уpekли в каталажку на 25 лет! Но узнав, что у него престарелая маменька, я просил смягчить приговор!".

Там же, в Куйбышеве, на рынке в присутствии Бориневского Вертинский купил у какого-то эвакуированного еврея рубиновый перстень. Александр Николаевич был равнодушен к ювелирным украшениям, тем более, что на его красивых руках они отлично выглядели. Потом артист рассказывал, нимало не смущаясь присутствия Бориневского, глядя на этот перстень: "Принц Уэльский подарил мне этот перстень, когда я пел специально для него!" Историю своей дружбы с принцем Уэльским Вертинский осветил в своих мемуарах очень подробно и, можно воспользоваться словом Чехова — "заманчиво". С принцем Уэльским он вероятно встречался в Париже ещё в начале 30-х, но едва ли тот что-то дарил артисту и вообще кому-либо, кроме своей дамы.

Очень депрессивно действовала на артиста поездка по Северному Кавказу вскоре после войны. Можно себе представить "отели" тех лет. Это после Парижа, Нью-Йорка, Сан-Франциско, Шанхая! В одном из городов им дали на всех шикарный двухкомнатный "люкс", со старинными вазами и прочими остатками "старого мира". Но без туалета и ванной! Первый поход в туалет кончился ничем — увидя, как местные колхозники стоят по щиколотку в жидкости на цементном полу, он даже не мог войти туда и сейчас же вернулся. Далее рассказ Бориневского:

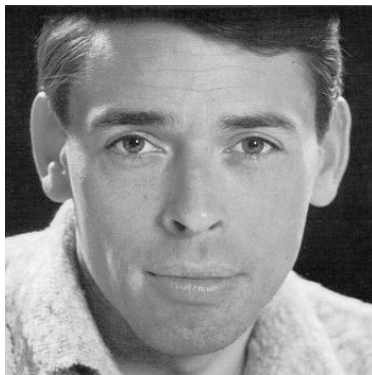
"Он сказал: "Ни за что туда больше не пойду!" — и стал постепенно заполнять все ёмкости из остатков "старого мира". Но наступил серьёзный момент... Что делать? Он поставил рядом два стула, расстелил на полу газеты, а потом всё это завернул и выбросил в окно. Но газеты повисли на проводах, содержимое посыпалось на середину улицы. Словом — скандал. Какой-то милиционер из местных вычислил окно и явился к нам. Я открыл дверь. Милиционер повёл себя очень агрессивно: "Аррестую всех! Гавнам кидат на улица? Где закон? Нильззя! Штраф! И аррестую!" Тут выступил Александр Николаевич:

"Позвольте! Да как вы смеете? Да я интеллигентный человек, известный артист! Уходите или я буду жаловаться вашему начальству! У меня на концерте будут все ваши начальники вечером!" В общем милиционер слегка испугался — а может и правда ошибся в своих расчётах, да и не на того напал? Всё кончилось благополучно. Но Александр Николаевич был очень несчастен в большинстве таких городов. Очень... Это всё постепенно накапливалось. А знаете — вот что было порази-

тельно! Студентки года рождения примерно начала 30-х были просто без ума от него! Как в старое доброе время! Он им внушал что-то такое, чего они никогда не знали, и что доходило до них, я бы сказал даже в каком-то эротическом плане. Они приходили к нам в гостиницу, писали потом письма (к неудовольствию тёщи!) вообще, он пользовался неслыханным успехом у студенток! Каким образом это происходило в провинциальных городах, ведь они родились через 10-12 лет после его отъезда из России? Он внушал им что-то гипнотическое. Поверьте, это было действительно так!"

"В последний день его жизни, это было в Ленинграде, мы были в гостях в Доме ветеранов сцены ВТО. Он не хотел туда ехать. "Не хочу ехать в богадельню!" Я убеждал его, что неудобно, что нас ждут, что там многие помнят ещё его ранние выступления... В общем, уговорил. Еда ему там тоже не нравилась — был обычный "ветеранский обед". Он почти ничего не ел. Вообще он был очень расстроен: накануне мы видели на закрытом просмотре новый фильм "Дон Кихот" Козинцева. Александр Николаевич мне говорил, что это была его мечта — поставить "Дон Кихот" в кино. Он был очень грустен ещё и потому, как он мне объяснял, что видел весь замысел совершенно по-другому, в ином ключе читал оригинал и у него действительно был свой замысел, но не было никаких надежд на его осуществление. И вот... Мы вернулись в гостиницу. Он был задумчив и расстроен, сел в кресло и вдруг сказал только: "Валидол...", — и скончался сразу... Было очень горько. Мы прожили вместе немало лет — трудных, хороших и плохих, но всё теперь ушло в историю. А такого артиста всё же больше не будет..."

Осенью 1965 года Москву посетил один из крупнейших французских поэтов-композиторов и шансонье, а также известный киноактёр **Жак Брель**. Его концерты были объявлены в Театре эстрады в Доме на набережной. Я знал это имя ещё с 1959 года, когда один из моих приятелей привёз его первую пластинку из Бельгии. Потом в мою коллекцию пришла вторая. В 1963 году подруга моего коллеги любезно привезла мне для переписи на магнитофон четыре диска Бреля, купленные ею во Франции, где она проходила полугодовую практику студентки по обменной программе. Она работала переводчицей в ТАСС и, естественно, знала французский настолько хорошо, что могла ощущать тонкости поэтических образов и оценить силу творческого воображения артиста.

Жак Брель

Жак Брель, Шарль Трэнэ, Жаклин Франсуа, Франсис Лемарк, да и другие французские эстрадные артисты — никто из них не имел такой рекламы в СССР, какую имел Ив Монган — в передачах С.В. Образцова ещё в 1954 году. Кроме того Монган представлял свою программу, собранную из *разных* песен лучших композиторов-песенников Франции плюс песни, написанные специально для него, песни

которые были впервые исполнены именно им. Композиция концерта Монгана поэтому значительно отличалась своим разнообразием в его "театре песни" — своеобразном спектакле мюзик-холла, который созрел много лет и был впервые представлен как сольный концерт парижской публике в октябре 1953, а потом и публике многих стран мира. Хотя Монган был старше Бреля только на 8 лет, но исторически принадлежал к совершенно иному поколению.

Тем не менее, московская публика, посещавшая концерты Бреля, хорошо знала о нём также и из фильмов с его участием, появившихся на экранах Союза. Немного о его творческом пути.

Жак Ромен Жорж Брель родился в северном пригороде Брюсселя 8 апреля 1929 года в семье совладельца картонажной фабрики. Его отец — франкоговорящий фламандец, провёл часть своей молодости в Бельгийском Конго. В семье уже был старший брат, появившийся на свет на 6 лет раньше. С ним у Жака не было родственного контакта ни в детстве, ни позднее. Они были практически чужими людьми. Бывает такое между братьями. С детства Жак проявил определённые способности к литературе и театру — с удовольствием участвовал в школьных любительских представлениях и даже написал пьесу незадолго до окончания школы. Он был вполне "маминным сыном", унаследовал её редкое чувство юмора, хотя и с отцом у него не было семейных проблем, часто сопутствующих "маминным сыновьям". Что было проблемой в его школьные годы - это точные науки и фламандский язык (как ни странно он впоследствии писал даже стихи для своих песен также и на фламандском, которые с франко-валонским грассированием *для моего уха* в его исполнении звучали, сильно напоминая литовский идиш!). В пятнадцать лет Брель становится членом благотворительной католической организации "Franché Cordee", которая помогала больным и престарелым, одиноким матерям, больным детям. Жак Брель с энтузиазмом принимал участие в работе этой организации. Быть может там и зародилось его сочувствие к "униженным и оскорбленным", то есть к людям, выброшенным из жизни. Но факт, что эти обездоленные и несчастные стали частыми героями его произведений. В этой организации он знакомится со своей будущей женой Терезой Мишельсен и женится на ней в июне 1950 года. Казалось бы, что его жизнь пойдёт по проторённому пути его отца - фабрика, бизнес, семья... Но Брель родился поэтом. С 15-и лет он научился играть на гитаре и аккомпанировать себе в исполнении пока ещё чужих песен. Песни, поэтические тексты зреют в нём, он делает ошибки на работе и, в конце концов, понимает, что ведёт не свою, а чужую жизнь. Он делает пробную запись на пластинку фирмы "Филипп" своей одной песни. Она не пользуется успехом, но её случайно услышал один из парижских продюсеров этой фирмы Жак Канетти.

Всё в жизни поэтов происходит случайно и всё закономерно. Жак Канетти был владельцем радиостанции, совладельцем кабаре "Три осла" и, как уже говорилось, одним из продюсеров звукозаписывающей фирмы "Филипп". Он был увлекающейся натурой — всегда охотился за новыми именами, новыми талантами. Это ему принадлежит честь открытия певца и поэта-композитора **Жоржа Брассенса**. Бар-кабаре "Три осла" находился на Левом берегу, где был основной центр молодёжной активности — Университет, Латинский квартал, бульвар Сен-Мишель, знаменитое кафе "Флора" на бульваре Сен-Жермен, а также бесчисленные молодёжные кафе-кабаре. Канетти уговорил Бреля приехать в Париж и попробовать свои силы певца-исполнителя собственных произведений. Брель дал себе год для этого жизненного эксперимента.

Чтобы выжить в Париже, нужно было искать работу в любых барах и подходящих для выступлений местах, где ему часто отказывали в грубой и унижительной форме. После пробных двух недель в баре "Три осла", мимолётной работы в баре братьев Превер (знаменитого поэта и кинорежиссёра), Брель получает приглашение Канетти принять участие в туре по франкоязычному северу Африки (тогда ещё колониальному) и некоторым городам Франции в составе группы молодых артистов, которые позднее стали французскими и даже мировыми знаменитостями - среди них были Катрин Соваж и Серж Гинзбур. По другим сведениям этот первый тур он совершил, как антуражный артист с джазом Сиднея Бешэ.

Жак Брель за работой. Начало 1960-х

Очень медленно Брель расширяет собственный репертуар, постепенно находя и свой, непохожий ни на кого стиль исполнения своих произведений. Он снимает дешёвые комнаты для одиноких даже в "прожэктах", где город сдаёт квартиры неимущим, бедным семьям и одиноким. Его семья остаётся в Брюсселе. В своей первой поездке он встречается со своим пианистом и аранжировщиком Франсуа Робэ. Позднее Робэ делал оркестровки музыки даже для фильмов, поставленных Брелем или снятых с его участием. Вскоре он встречает своего второго пианиста — уже бессменного до самого конца его пребывания на сцене — Жерара Жёнест. Талантливый композитор-пианист был часто соавтором Бреля — автором музыки песен к его текстам. Жерар Жёнест был его аккомпаниатором в поездке по Советскому Союзу в октябре 1965 года и его концертах в Москве.

Только в 1955 году его семья присоединяется к нему в Париже. На фотографии он с семьёй в своей "Симке". Жена, маленькие дочери, но сам Брель, кажется далеко от них... Он, любил своих дочерей и младшей Изабель посвятил прекрасную песню. Но он поэт и его жизнь, его постоянная работа проходит где-то рядом. Рядом, но не вместе с другими, с семьёй. В 1958-м семья возвращается в Брюссель — Брель постоянно в путешествиях и дома почти не бывает. Поэтому его семья чувствовала себя в Брюсселе, по крайней мере, дома.

Немного раньше, когда он уже начинал приобретать известность, в одном из самых ранних интервью корреспондент спросил Бреля, мог бы он не петь? "О, да! Конечно! Никаких проблем, — был его ответ. — *Но я не могу жить без того, чтобы не писать.* Мои песни никто не хочет петь, потому что они плохо звучат, справедливо вызывая беспокойство, огорчение... Вот поэтому мне приходится их петь самому. Ну, и петь, чтобы жить...".

Пластинка Жюльетт Греко с записями песен Жака Бреля

Начало известности Жака Бреля положила "Чёрная муза Парижа" — **Жюльетт Греко** — молодая тогда певица с героическим прошлым участницы Сопротивления. Это она первая выступила с рядом песен Бреля и записала их на пластинки. Она почти неизвестна в России, хотя у себя во Франции и в Европе в своё время была почти столь же известна и почитаема, как и Эдит Пиаф. У каждой из них была, как говорят "своя публика".

К середине 50-х Брель часто принимал участие в сборных концертах с самыми выдающимися артистами Франции, в том числе с патриархом французской песни Морисом Шевалье и широко известным оркестром Мишеля Леграна. Выступал в антураже знаменитостей в главном эстрадном театре Парижа "Олимпия". В октябре 1961-го года было запланировано его выступление в концерте Марлен Дитрих в том же театре "Олимпия" на Больших Бульварах. В последний момент Дитрих отменила своё выступление и Брель должен был принять вызов, действительно вызов судьбы. Он впервые спел сольный концерт на самой главной сцене Парижа с неожиданным для всех огромным успехом. Вот слова Эдит Пиаф, она очень коротко и сконцентрировано определила силу и сущность исполнительского искусства Жака Бреля: "Он отдаёт все силы до конца, потому что песня — это то, что может заставить его высказать цель его жизни, и каждая фраза доходит в чистом виде, оставляя вас немного оглушёнными".

Ко времени приезда в Москву в октябре 1965 года Жак Брель был уже международно известным артистом эстрады — композитором, поэтом и исполнителем, а также киноактёром.

Поднимаясь по ступеням Театра эстрады, мы с женой неожиданно услышали позади знакомый, чуть хриловатый голос — это сам Жак Брель поднимался следом за нами со своими аккомпаниаторами. Они сами несли свои инструменты и портативные усилители с клавиатурой "электронного органа" (теперь это называется ки-борд).

Брель, несмотря на московский октябрь, был без пальто, уже одетый в свой концертный костюм, белую рубашку с галстуком. С ним вместе поднимался его пианист Жерар Жёнест, которого я узнал по фотографиям на пластинках, молодая

женщина, как будто сошедшая с полотен старых голландских мастеров, и ещё два музыканта — контрабасист и ударник. Это было довольно удивительно — артисты сами несли свои инструменты, усилители и микрофоны, выгрузившись из небольшого "вэна". Им никто не помогал.

Концерт начался небольшой увертюрой в нео-бахианском стиле, чем-то напоминавшей пьесы Модерн-джаз Квартета. Вторая часть вступления была немного более джазовой, но всё же сохраняла некоторые черты строгости стиля того же Модерн джаз Квартета. Брель спел несколько первых песен, аккомпанируя себе на гитаре, но потом всё первое отделение исполнял со своим поразительным по музыкальности и техническому совершенству маленьким ансамблем.

Жак Брель на концерте. Середина 1960-х годов

Было также удивительно, что Эстрадный Театр был полностью заполнен, несмотря, как уже говорилось, на практически почти полное отсутствие рекламы концертов Бреля. Вообще московская публика всегда преподносила такие неожиданные сюрпризы — по моим наблюдениям и судя по реакции публики, в зале находилось не больше трети зрителей, знакомых с французским языком. Правда, перед каждой песней, голос за сценой, очень деликатно и коротко вводил нас в содержание исполняемой вещи. И всё же реакция публики была невероятной — я помню, как после исполнения песни Бреля "Фернан" у людей были слёзы на глазах! Брель умел своим исполнительским даром доносить смысл его произведений до *сердце* слушателей...

О чём пел Брель? Его произведения — это песни-баллады, песни-рассказы. Его герои были совсем необычными поэтическими образами для французской эстрады: старые люди, умирающие, застенчивые, которые всю жизнь всегда и везде входят боком и последними, а умирают в дешёвом отеле, прижав к себе единственное, что у них есть — старый чемодан... Его герой друг — самоубийца ("Фернан"), или совсем уж необычный герой — бык на корриде! Герой песни "Матильда" — юноша, ожидающий свою возлюбленную у последней остановки трамвая. Он ждёт её с букетом сирени. Её кузены говорят, что она слишком хороша для него, но он ждёт её... Она не пришла. Ни в тот раз, никогда... В песне о его родине "Равнинная страна" в одном варианте был такой поэтический образ - "В моей стране небо такое низкое, что кажется колокольня повесилась на облаке" (этот вариант был в одном из записанных на пластинку концертов Бреля, который мне привезла подруга моего приятеля и она же перевела мне эту песню). Позднее это звучало по-другому: "В моей стране самые высокие горы — это колокольни..." Брель нередко менял свои тексты в процессе выступлений и работа над ними никогда не прекращалась. Песня балладного характера "**Порт Амстердам**" — это жестокий реализм жизни моряков. Здесь, в старом порту они "живут" между своими плаваниями:

Там, где пьют моряки,
Пьют до стука в виски,
До щемящей тоски.
За здоровье пьют,
Амстердамских путан,
или гамбургских дам,
В общем, всех: там и тут...
Что за звон золотой,

Продают им любовь,
И, напившись с лихвой
Горделиво бредут,
И, сморкнув в небосвод,
Отправляют нужду
В слезы тех, кто придет
В старый порт Амстердам,
Старый порт Амстердам.
Старый порт Амстердам....

Эта песня приводила в эмоциональный шок слушателей концертов Бреля во всех городах и странах, где он выступал (этот примитивный перевод, конечно, не может передать того захватывавшего всех ощущения собственного "присутствия" в мире образов этой сильнейшей по эмоциональной мощи песни-баллады).

Его песня "Не покидай меня" наряду с рядом других стала всемирно известной и её исполнял ряд достаточно знаменитых певцов не только Франции и Бельгии, но и других, даже англоязычных стран. Самым известным исполнителем песен Бреля стала французская певица и композитор **Барбара** ("Дама Ордена Почётного Легиона", награждённая президентом Миттераном. Настоящее имя — Моник Серф, бабушка которой Варвара Бродская приехала во Францию из Тирасполя. В её честь певица взяла сценическое имя "Барбара"), выпустившая целую пластинку под названием "Barbara chante Brel".

Обложка пластинки "Барбара поёт Жака Бреля"

Стиль исполнения Бреля, насколько мне позволяли об этом судить знания истории музыки, частично был обращён к традиции древней культуры северо-европейских трубадуров. С другой стороны ясно ощущалась его "бельгийскость" —

особая обострённость восприятия и отражения в песне современности, нервной взвинченности и пульсе настоящего времени и своего поколения.

После концерта Бреля мы чувствовали огромный расход *своей* нервно-эмоциональной энергии, до такой степени было сильно воздействие искусства Жака Бреля. Трудно себе представить, какой расход **своих** эмоций и сил тратил сам артист, исполняя свои произведения, которые имели столь потрясающее действие на публику любого уровня и в любой стране (хорошо помню, как выйдя из Театра эстрады — на вечерней улице шёл снег — показалось, что мир стал другим... Мы все пережили эмоциональный шок)

Хорошо написал уже в наши дни на Интернетe критик Георгий Осипов:

"Не дожив до пятидесяти, Брель успел проявить себя как поэт, композитор, певец, лётчик, мореплаватель, киноактёр, режиссёр, отец трёх дочерей, как беспорная звезда, способная собирать полные залы в любом конце планеты **вопреки господствующей моде**". Последнее особенно важно. *Мода* никак не сказалась на прижизненной славе и на посмертной популярности Бреля.

Жак Брель во время записи с одним из самых выдающихся аккордеонистов-виртуозов Франции Марселем Аззоля, который долгие годы был также аккомпаниатором Ива Монтана

После гастролей в СССР он дебютировал в Нью-Йорке в Карнеги Холл, в других городах США и Канады. А в 1967 году Брель неожиданно объявил о своём уходе с концертной эстрады. После всех "прощальных концертов он с 1968 года только снимался в фильмах, записывал время от времени новые пластинки с новыми песнями, которые для него по-прежнему инструментовал его первый пианист Франсуа Робэ, приглашая для этой цели лучших музыкантов Брюсселя из оркестров Радио и Оперы.

В 1971 году Брель снял фильм, режиссёром которого был он сам. Фильм назывался "Франц". В некоторых его эпизодах ощущалось небольшое влияние Федерико Феллини, но основная идея фильма была совершенно брелевской — его герой был тем, кого называют очень метко идишским словом "шлимазл" (schlimm-плохо, мазаль /иврит/ — удача, счастье — luck) — то есть неудачник, несчастный, растяпа... Он не был жалким человеком, он старался быть "на уровне", но всегда попадал в глупое положение и становился объектом жестоких насмешек людей, окружавших его.

Кадр из фильма "Франц" /1971/. В главных ролях Жак Брель и Барбара

В основе истории фильма лежит рассказ о пансионате в приморском бельгийском городе для лиц, переживших очень серьезные нервные потрясения. В пансионат прибывают две молодых женщины — одна рыжеватая блондинка, сразу давшая понять окружающим мужчинам о своей готовности к любовным приключениям, другая — закрытая, очень чопорная, в чёрном плаще и сапогах, с отклонённой назад головой, как бы давая понять всем о своей загадочности и недоступности. Её играет Барбара. Та самая, которая была творческим другом Бреля на протяжении всех лет его жизни артиста. Сначала она не вызывает никакого интереса у героя фильма, который сосредоточен на своих домашних голубях, коих он держит в специальной корзине в своей комнате, раз в день выпуская их полетать на волю. Как-то он совершает прогулку на велосипеде с вновь прибывшей молодой женщиной в чёрном плаще — Леонией. Правда теперь на прогулке она уже в белом платье и белой шляпе. Она нарочно бросает свою шляпу в канал, и герой *вместе с велосипедом* спускается к каналу — спасти шляпу своей дамы, в итоге теряя в воде велосипед и бегом догоняя Леонию... Из многих подобных эпизодов состоит эта грустная история. В результате этот неудачник, потерпевший финансовое разорение в Катанге в Африке, влюбляется в Леонию, и произносит в своей комнате монолог, объясняясь в любви, но в "присутствии" своей птицы голубки.

Кадр из фильма "Франц". 1971 г. Монолог героя, рассказывающего о своём состоянии

Похоже, что птица понимает смысл его слов... Кончается история неудачника тем, что его пытается соблазнить прибывшая вместе с Леонией молодая женщина, уже судя по всему, "провернувшая" несколько романов с окружающими её мужчинами пансионата. Она запирается с героем фильма в его комнате, но в это

время в дверь стучится Леония. Дверь открывает сам хозяин комнаты. Леония видит голую девушку и резко повернувшись покидает их.

Утром молодой человек собирает свои вещи, выходит из пансионата и идёт на пляж. Там он оставляет свой чемодан, открывает корзину с голубями, которые улетают, а сам, сняв пиджак плывёт в открытое море, исчезая под водой... Музыка, написанная и оркестрованная Робэ замечательно завершает это грустное повествование.

Критики встретили это кинопроизведение большими похвалами, но коммерческого успеха такой фильм, конечно иметь не мог. Зато это был настоящий Жак Брель!

В 1974 году у Бреля был обнаружен рак лёгкого. Ему была сделана операция. Он, однако, продолжал курить. Он стал увлекаться теперь двумя стихиями морем и воздухом, получив права пилота и на управление морской яхтой. Он поселился на Маркизских островах в компании с чернокожей танцовщицей, с которой познакомился ещё в Париже. С ней, а также средней дочерью Франс он совершил длительное морское путешествие. Он знал, что он болен, и что климат островов был ему противопоказан, однако продолжал свой образ жизни — летал часто на Таити, привозил туда людей, нуждавшихся в медицинской помощи, а обратно — почту и всё, о чём его просили местные жители на Хива Оа, где снимал со своей компаньонкой бунгало.

Жак Брель у своего самолёта. Начало 1970-х. С сигаретой он, кажется, даже спал....

Незадолго до конца жизни он записал последнюю пластинку "Маркизы", за которой в Париже, во Франции и Бельгии выстраивались длинные очереди.

Жак Брель умер 9 октября 1978 года в парижском госпитале в Бобиньи в возрасте 49 лет. Всё своё состояние он оставил жене Терезе. Его похоронили на Маркизских островах недалеко от могилы Гогена. Брель-католик поссорился с богом при жизни — и в фильмах и в своих произведениях. На его могиле нет традиционного креста.

Его записи и фильмы и сегодня пользуются большим успехом и продолжают приносить немалые роялти.

А его американский поклонник и один из главных популяризаторов творчества Бреля Морт Шуман создал мюзикл "**Жак Брель жив, здоров и живёт в Париже**". Конечно, все, кто любил и знал творчество певца и актёра, старались посетить

этот мюзикл. Он шёл летом 2006 года в Нью-Йорке. В нём не было ни единого слова не принадлежавшего Жаку Брелю. В спектакле участвовало несколько артистов, исполнявших его тексты и его песни. Конечно предполагалось, что зрители были знакомы с творчеством певца и актёра, но впечатление от мюзикла было очень волнующим и оптимистическим. Все поклонники Бреля были благодарны авторам за этот великолепный подарок, так прекрасно воскресивший дух творчества выдающегося бельгийского поэта, композитора, исполнителя и актёра — Жака Бреля.

Жак Брель в море на своей яхте, начало 1970-х

И в заключение этих коротких воспоминаний о Жаке Бреле — замечательный перевод поэта Бориса Кушнера, сделанный по моей просьбе для статьи, посвящённой 80-летию со дня рождения скрипача Игоря Ойстраха — песни Жака Бреля "Сыновья":

*Сын буржуа
И апостола сын —
Ваше дитя,
Ваш наследник один.
Цезарь отец
Или нищий с сумой —
Дети — твои,
И один и другой.
Те же улыбки
И вздохи у всех,
Те же тревоги,
И слёзы, и смех.
Цезарь отец
Или нищий с сумой —
Дети — твои
Своей кровью самой
Дети любви
Иль интриг без затей —
Каждый — волшебник,
Поэт, чародей.
Сын незнакомца
И внук твой, талант,
Каждый — художник,
Поэт, музыкант.
Им — облака,
И очаг, и зола,*

*Каждому сердце дано
И крыла.
Терем, лачуга,
Под небом ложись —
Каждому царство
назначено —
Жизнь.
Цезарь отец
Или нищий с сумой —
Каждый — твой сын
Даже кровью самой.*

Jacques Brel (1929-1978)
Жак Брель, бельгийский поэт,
композитор, шансонье и актёр.
Перевод Бориса Кушнера

Дмитрий Бобышев
ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ
Трилогия
Книга первая. "Я здесь"

(продолжение. Начало в №12/2014)

Походы и поездки

С другим Толей, напарником моих летних походов и походов, я и зимой поддерживал дружбу. Жили они на Петроградской стороне, и туда ходил 1-й автобус. Я его поджидал, стоя напротив Суворовского музея, который был построен как часовня с двумя приделами. Левое крыло долго зияло попаданием бомбы, годы спустя его восстановили с наружной мозаикой. На стене стали видны белосиние зигзаги гор, у кручи — зябнувший полководец на сивой лошадке, треуголки солдат и чёрный ствол пушки, направленный в бездну. Правое крыло сохранилось, не облетела и мозаика в парчëво-розовых, белых и зелёных тонах: «Отъезд Суворова из деревни на зимнюю кампанию». Автором этого панно был Михаил Зошенко, отец писателя, и корявую ёлочку на переднем плане он дал выложить малолетнему сыну.

Расхлябанно дребезжа, автобус огибал ограду Таврического сада и гнал вдоль улицы Чайковского... То тёплым пятаком, то дыханием я протаивал глазок в оледенелом стекле. Были видны заиндевевшие липы, белые решетки балконов и дворовых ворот. Короткий пробег, и автобус выскакивал на Кутузовскую набережную. За гранитным парапетом простирался невольский лёд в полыньях, у противоположного берега стояла шарового цвета «Аврора», рядом барочно голубел фасад Нахимовского училища. Там же, вдали, — Домик-музей Петра, Дом политкаторжан, мечеть...

Но автобус подпрыгивал, и сердце сладко кувыркалось в груди: это мы проскочили Прачечный мост — гранитную загогулину совершенных пропорций над истоком Фонтанки. Слева струнно замелькала решётка Летнего сада с заиндевевшей кленовой прядью на челе. Ещё один сердечный «ах!» — мы пролетаем Нижне-Левбязий мост — на повороте вздымается бронзовый воин, замахиваясь на меня мечом (но это не эллин Македонский, а имперски преображённый Суворов), и автобус взлезает на горб широкого моста через Неву. Ритмически мелькают тяжёлые торшеры с бледно-зажжёнными среди дня фонарями.

Полыхнуло пространством аж до рыжих колонн Василеостровской стрелки, вспыхнула восклицанием игла Петропавловки — сколько ангелов может поместиться на её острие? Один уже есть! Его вызолотили на моих глазах, но раньше шпиль казался стройнее и строже, «как штык отточенный». Позолота, вскоре появившаяся и на решетке Летнего, и на фонтанных скульптурах Петродворца, засияла, как варварская тризна. Скифское золото пришлось по вкусу и горожанам, и приезжим.

За углом от проспекта, прорезающего всю Петроградскую сторону, находился маленький дворик с трёхэтажным домом, где была квартира Толиной семьи. Я приезжал к ним на весь остаток дня и до позднего вечера. Дело в том, что Толина бабушка порой подменяла свою подругу — контролёршу Марининского театра и могла пропустить нас на спектакль бесплатно.

Пускали нас в последний момент в амфитеатр, там можно было присесть на бархатную ступеньку в проходе. Да присмотреть, какие места будут свободны в партере.

Вздымался или раздвигался занавес, а мы даже и не знали, чему нам предстоит изумиться: опере? или балету? Звучала волнующая музыка увертюры. Чуть смолкнув, аплодисменты оркестру уже сменялись аплодисментами художнику или, скорей, прямо его твореньям — фантастически размалеванным лесам, скалам и замкам. Начиналось какое-либо чайковско-бородинско-римско-корсаково, а то и даргомьжско-мусоргское действо. Выходил хор, стучал о покатый пол копыями. Сопрано с распущенными косами вздымало белые руки к софитам. Сердито-надломанно бушевал драматический тенор, его увещевал отеческий баритон, но контрально будоражило и бредило душу. Вдруг вырывался из ямы полузабытый оркестр, и словно в укор широкогрудым певцам из-за кулис неслись вихрями смелые полубнаженные тела.

Составляя стройные, но безгласные узоры, они покачивались и манили, а голоса, наоборот, сладострастно переплетаясь, исторгались из приземистых и раздобревших тел. Субтильный тенор порой совершенно противоположно прилипал к монументальному сопрано, колоратуры которого тем не менее порхали вокруг них, как бабочки.

Всегда были какие-то эффекты: выстрел ли, гром с молнией, полёт на тресе, а то и живая лошадь или густой бумажный снег, кишащий в ярком куполе воздуха над сценой. И сокрушительный эффект возвращения: мы выходили из праздничного мира в подмерзающую слякоть — и Толе, и мне предстоял еще долгий скрежещущий путь домой. Мне — до кинотеатра «Искра» и затем пешком по Суворовскому проспекту (Смольный собор впереди темно отплывает вбок), а вот и острый угол Таврической! Два долгих пробега и я вхожу в нашу парадную. Недавно восстановлен лифт, при нем сидит толстая смотрительница, завтра она будет фигурно докладывать нашей Фене: «А ваш-то вчера — и идёт, и идёт...»

Не меньшим праздником, чем театр, даже целым фестивалем казалась предстоящая летняя поездка всей семьей в Крым, но не на курорт, а на закрытую военно-морскую базу — в Севастополь! Василий Константинович был хотя и сухопутным, но все ж таки моряком. К тому же его безмагнитная картушка была принята к испытанию на боевых кораблях, и он ехал в командировку, заодно взяв семью на морские купанья.

Сняли часть дома на круче Малахова кургана. Жара. Жёлтая ракушечная пыль улицы. Пыльный бурьян вдоль укрепленной стены из ракушечника, по которой юрко снуют ящерицы. Бабочка белым лепестком ковыляет по воздуху в слабом и хаотическом полете. Повернув гребень, на неё уставился одним глазом удод. Тонко ноет, отлетая, москит, оставивший несколько ожогов на коже.

С одноэтажной улицы входы в двух-, трёхэтажные хозяйства: дом с террасой, лестница вниз, в прохладный дворик с колодцем и каменными плитами. Внизу реют пунцово лопающиеся помидоры, а шелковицы возносят свои сладкие черничные ягоды. Еще ниже — перевёрнутая картина: чей-то огород, черепичная крыша, тоже завешенная зеленью шелковиц. Круча, сворачивая влево, невидимо

спускается к нижнему городу и в бухту. Ориентироваться в этом вертикальном мире и находить дом было на удивление легко, и я, насколько мог, сам осваивал город и бухту.

Два-три искусственных городских пляжа, заключённых между стенами, были выходами к морю. Их бетонные кузова, заполненные горячей галькой, обращались одной стороной в ракушечные скалы, излюбленные, обчмоканые морем до сквозных дыр. Мелкие крабы пробегали боком по их мшистым бокам. Из бухты дымчато воздымались силуэты кораблей, а Херсонес и вовсе принимался за облако.

С собой на корабль отчим взял меня одного из семьи: я — мужчина. Дитя (мой брат) — все-таки «оно», рода среднего, а женщин и девочек старинное морское суеверие не допускало на борт.

Два эсминца стояли на рейде, как близнецы, почти что бок о бок: «Сообразительный» и «Огневой». Ещё один старый обычай — называть миноносцев эпитетами. Видимо, где-то плавал и «Стремительный», и «Смелый», но мы побывали на «Огневом». Отчим со штурманом спустились куда-то во чрево, а я остался на стальной палубе. Пахло пальбой, разогретым металлом и маслом — знакомый оружейный запах, к которому примешивались запахи моря и свежей краски. Оба эсминца были красивы красотой хищника, красотой оружия — например, кортика или пистолета: ничего лишнего, всё — ради скорости, убийственной точности, мощи.

К празднованию Дня флота вся севастопольская бухта была уставлена их растворяющимися в дымке силуэтами. Два крейсера воздвигли над водой свою запредельную архитектуру. Но даже на заднем плане линкор «Севастополь» возвышался над кораблями, как плавающий замок. Английская эскадра вошла в бухту и встала на якорь для совместного праздника. Днём был устроен массовый заплыв краснофлотцев — от линкора до береговой лестницы с пышным названием (кажется, лестницы Славы), откуда всё наше семейство наблюдало за приближением тысяч белых летних чехлов от бескозырок, надетых прямо на стриженные головы. Эти колпаки буксировали к берегу огромный портрет знакомого усатого лица на понтонах. Фотооператоры радостно щёлкали камерами. Позже должен был состояться футбольный матч между командами английской эскадры и, как объявлялось, севастопольской военно-морской базы. Вечером ожидался салют и фейерверк, и семейство пока отправилось обедать домой на курган. Но я остался на матч.

Бриганские офицеры в парадных кремовых и синих мундирах с аксельбантами заняли центральную трибуну. Значит, они надеялись на победу! Вот англичане выбежали на поле размяться: крепкие ребята, они, однако, то и дело мазали по мячу... Но длинноволосый нападающий казался мастером: вот он, мелко постукивая по мячу и даже перебрасывая его через себя, пробегает по кромке, вот пушечно посылает мяч через все поле, а вот вдруг мягко принимает его на грудь, давая ему соскользнуть под ударную ногу.

Наши футболисты почему-то запаздывали, но, когда они появились на поле, по трибунам прошёл ропоток: «Это же вторая сборная Це-Де-КА, только что прилетела из Москвы». Кто-то из знатоков даже узнавал запасных первой сборной...

Раздался свисток, и началось «избиение младенцев» — лёгкое издевательство, переходящее в глумление профессионалов над любителями. Гол! Ещё один!! И ещё!!! Мои симпатии тут же перешли к слабым, и, болея за англичан, я стал надеяться на длинноволосого, а он-то старался вовсю. Но что он мог сделать? Со счетом 9:0 команды ушли на перерыв. Английские офицеры оскорблённо покинули трибуну.

Но следующий тайм оказался чуть-чуть иным, чем первый. Нет, всё равно профессионалы из самой лучшей в стране команды продолжали доминировать, но

они как-то завязли. В отсутствие адмирала англичане перестали стесняться, начали «кувать» по ногам. Длинноволосый вдруг на бегу получил пас, обошел двух, даже трех защитников и с левой «вмазал в девятку», размочил-таки счет.

11:1 — чья это была победа? Я отдавал её англичанам.

Вернувшись, я обнаружил семейство сникшим. На салют они не пошли: всех одолела москитная лихорадка. Эти мелкие насекомые дряни, которых не оставляли никакие сетки, успевали ужалить два, три, четыре раза, прежде чем кожа могла почувствовать ожог. Начинался непрекращаемый зуд, потом — подобие малярии. Пора было собираться домой, на Тавригу!

Походы и поездки (продолжение)

Проводив на Охтинское кладбище старшее поколение, клан Павловых все-таки продолжал существовать, и держался он на истинно семейных узах, связывающих трёх сестер и два города: Ленинград и Москву. Именно сёстры составляли структуру трёх семейных ветвей, и поэтому каждой досталась особенно авторитетная роль в своем доме.

Зятя это сразу приняли, даже почти задружили между собой и особенно не высовывались со своей собственной роднёй. Их дети, двоюродные братья и сестры, случалось, подолгу росли бок о бок (как я у Зубковских) и становились ближе родных.

Вадик Иванов, пока его родители устраивались в Москве, жил у нас на Таврической. Приплывший, как принц, через океан на пароходе «Куин Мэри», он был почти на год младше меня, но заморский опыт делал его серьёзней и сдержанней. Кроме того, он уже имел то, что я приобрету лишь много позднее, — какую-то общую направленность жизни. Он приблизительно знал, что если будет вести себя так-то и так-то и учиться хорошо, то и всё у него сложится как нельзя лучше!

Это вносило соперничество в нашу дружбу — причем на условиях, при которых я ему заранее проигрывал (например, он уже побывал в Америке, или его отец уже сейчас — правительственный работник). Поэтому, когда приблизились наши дни рождения, а Зубковские переезжали в Москву и дядя Лёня преподнес нам заранее подарки: мне строительный конструктор, а Вадика «Дон Кихота», то я просто взвился от «несправедливости». Нет, подарки были, скорее всего, продуманно равноценными, да и символически дядя желал мне созидательной жизни, а не сражений с ветряными мельницами. Но как я мог упустить шанс и вместо рыцарства получить инженерство? Вадим, однако, легко согласился, и дядя нам обменял подарки. Аккуратно заклеив старую надпись на книге, он долго думал над новой и, ничего не придумав, отдал мне книгу ненадписанной. Так, может быть, обменялся я судьбами.

После возвращения Вадима в Москву мы изредка переписывались, а на каникулы я наезжал, останавливаясь у них на Кутузовском проспекте. Из Ленинградского вокзала, братски похожего на наш Московский, — с толпой, на площадь. Напротив архитектурно скоморошествует Казанский вокзал. Разворот в сторону Ярославского — и сразу в метро, на станцию «Комсомольская» до «Краснопресненской». Переход на кольцевую линию — и до «Киевской». Дальше либо трамваем по задворкам, либо троллейбусом по Кутузовскому. Пока идешь от остановки, какую-нибудь диковинку да встретишь: вот идут буро-загорелые аксакалы в хала-

тах и тубетейках, прямо с плаката. Эти — за орденами. А вот молодая баба с дигем, в платке и — по снегу — в лаптях! Такую на плакатах не увидишь. Не похоже, что нищая. Должно быть, за правдой приехала.

Дом считался очень привилегированным, соседом по площадке был киноактер Николай Крючков, звезда экрана и любимец миллионов. Вот он как раз и высунулся, когда я хлопнул дверцей лифта.

— Ты к кому, мальчик? К Ивановым? А-а...

Исчез. А я нажимаю на кнопку звонка. Вместо обычного «3-3-3»:

— Динг-донг, — раздаются американские куранты.

Тетя Лида и улыбается как-то легко, по-заграничному. Внутри — чисто, нарядно, сверкающе...

— Ну что ты! Какое солнце? Окна у нас на север. Вот и кактусы у дяди Тима совсем не растут.

Целая коллекция. И какие интересные!

Появляется голубоглазая девочка. Светлые волосы стянуты гребешком. Это моя двоюродная сестра Галя. Как выросла, похорошела! Она знакомит меня с забавными растениями:

— Это опунция, это цереус.

— А это?

— Это вообще гибрид!

Но ей пора на урок фигурного катания, в клуб ЦСКА. Вадим у приятеля, скоро вернется. Дядя Тим, конечно, на работе. Хочу ли я кофе? Или чаю?

— Я хочу «Жерба-мате». — удивляю я тетку. Эту смесь аргентинских трав дядя Тим привозил с собой, когда был у нас в Зеленогорске. Ему отдельно заваривали ее в стакан, и мне, любопытствующему, он дал пригубить.

— Хорошо, я приготовлю тебе Жерба-мате. Но знай, что это лечебная трава и её у нас осталось не так много. Дяде Тиму она помогает от давления.

Я уже отнекиваюсь, соглашаюсь на простой чай, но тетка всё же заваривает целый стакан густого зеленоватого напитка, и мне приходится испить его до конца.

На непременно-обязательные экскурсии в Мавзолей, в Кремль (как в Ленинграде в Эрмитаж и Смольный) Вадим уже, конечно, ходил... Совсем другое дело — поездка на Птичий рынок. Станция метро «Новослободская», две остановки пешком куда-то вбок. Вот где царство, кишашее жизнью, и не только пернатой. Впрочем, голубям (и голубятникам) была отведена целая площадка. Голубятники, ушлые и дошлые дядьки, считающие рубли и трешки, покрикивали:

— А вот кому жарая парочка? — Отдаю двух мурых!

Крылатый товар, непременно попарно, содержался в клетках размером с сапожную коробку, где им было уже не потоптаться и не погулить — жарым и мрамористым, белым и сизарям, трубачам и турманам.

А вот и подводное царство, к которому мы направлялись. Толсто укутанные, стояли торговцы-рыбоводы в кондукторских перчатках без пальцев, поправляя реостаты электроплиток, которыми они напрямую подогревали аквариумы. В морозном воздухе, на фоне снега всё это было причудливо-ярким зрелищем, окнами в голубой и зеленый тропический мир. Нервно дёргаясь и замирая, в нём лунно переливались скалярии, попарно плывя, золотились тернеции с тёмной каймой на плавниках, огоньками вспыхивали неоновые рыбки. Подаваемый насосом, непрерывно пузырился воздух. Цветными пятнами висели в голубизне живородящие рыбки: красный меченосец, бархатно-черная пятипещиля, крошечные гуппи.

Но не только школьники, оказывается, покорены этой экзотикой. Разделяя интерес с малолетками, ходит тут и более солидная публика. Вадим кивает головой в сторону:

— Вот, обрати внимание, Сергей Образцов. Народный артист. Кукольник.

Да, это он. В роскошной дублёной шубе ходит между рядами и не покупает, а, наоборот, предлагает рыбоведам импортный воздушный насосец. Профессионалы смущенно отнекиваются: это будет не то напряжение, к нему нужен особый трансформатор, а его где ж найти?

Наконец Вадик решается купить пронзительно-полосатых рыбок, быстрой стайкой патрулирующих аквариум. Банки при нем, конечно, нет. Продавец наливает воду в полиэтиленовый пакет, ловит квадратным сачком рыбок:

— Три рубля за парочку. Нет, уступить никак не могу. Пакетик, между прочим, бесплатно.

Теперь — скорей до дому.

Главным московским событием в то время была выставка подарков Сталину. К его 70-летию народы мира и, конечно, Советского Союза надарили столько всего, что пришлось закрыть Пушкинский музей изобразительных искусств и устроить там выставку. Зал за залом были заполнены коврами и оружием. Витканый шелком, шерстью и хлопком, выложенный зернами злаков, набранный ценными породами дерева, со стен мудро ухмылялся в усы знакомый образ юбиляра. На стендах стояли серебряные, а то и золотые вазы, чеканные подносы с кувшинами и чашами, украшенные камнями, приглашая отпраздновать полноту его дней.

От врагов предлагалось немедленное и решительное средство: сверкающие на рукоятях топазами и аметистами сабли, кинжалы, стилеты, пашки и ятаганы — золотые, булатные, с чернью и вытравленными заклятиями на лезвиях.

Так вот что привезли сюда загорелые аксакалы!

Были и другие романтические экспонаты: например, золотая модель парусника, тоже вся в драгоценностях. Трудолюбивый народ Китая подарил рисовое зёрнышко, но не простое, а всё исписанное «Манифестом Коммунистической партии». Выстояв очередь, в лупу можно было увидеть иероглифы.

Индийские мастера преподнесли загадочную головоломку — 12 яиц из слоновой кости, помещённые внутри друг друга. Нет, даже не помещенные, а изготовленные так, что их можно было вращать одно в другом, можно было даже заглянуть им внутрь сквозь круглые отверстия, но вынуть никак нельзя.

Внимание привлекал необычный автомобиль, стоящий в центре зала. Оказалось, что автостроители завода им. Сталина подарили ему новую марку лимузина ЗИС-11, а в зале стояла уменьшенная копия в одну шестую настоящей величины. Можно было вообразить уменьшенного генералиссимуса, садящегося в этот мини-лимузин. От такой соблазнительной сценки хотелось отмахнуться.

Полный впечатлений, я возвращался в Ленинград, всю дорогу жуя американскую мягкую резинку.

Война с музыкой

Холодная война выражалась зрительно главным образом в карикатурах. Гротескная манера художника Бродаты была стильна и интересна всегда, независимо от содержания, — по крайней мере его горбоносые империалисты выглядели элегантно. Позднее (и не всегда так остро) ему следовал Сойфертис. Журнал «Кро-

коди!» в библиотеке, газета «Правда», которую выписывал отчим, не обходились без скетчей Кукрыниксов — ежедневных и несмешных сатирических мочалок, пропагандных пропагандой, как хлоркой.

Но верх изобразительной пошлости (или «подлости» в самом точном смысле этого слова, как его понимали сто, да и двести-триста лет назад) выбрызгивали из себя карикатуры Бор. Ефимова: кривоногий палач югославского народа Тито с зазубренным окровавленным топором, английские бульдоги, капающие бесшовой слюной, дядя Сэм с бомбой.

К ним прилагались едкие стишки Владимира Лифшица или политические бурлески Виктора Ардова.

Но странным образом вся эта сверхизобильная ненависть не действовала ни на умы, ни на пристрастья — может быть, именно из-за своей чрезмерности, как слишком большая доза отравы на организм.

Тем временем Толя Кольцов перешел от детекторных приёмников к более сложным, и вскоре на алюминиевом шасси, стоявшем прямо на его столе, зажглись радиолампы и зазвучала английская речь. Бархатный голос Виллиса Коновера представлял прославленные имена джазистов: Дюк Эллингтон, Элла Фицджеральд, Луи Армстронг! Это была музыкальная программа «Голоса Америки». Джаз! ярко лопающиеся звуки, то упрругие, то расхлябанные ритмы, заставляющие тело двигаться всеми суставами, самозабвенные голоса, — эта музыка была если не под запретом, то под сильным подозрением у начальства, и она стала нашей музыкой.

И вдруг брюки стали узкими, волосы длинными, а подошвы — толстыми. Начальственные дураки вели с этим войну.

На танцевальных вечерах в актовом зале, куда приглашались и девочки из соседних школ, мы долго переживали, пока не проиграют все молдавеняски, падеспаши и падепатинеры и не поставят наконец танго или (еще через несколько вальсов) фокстрот. Тогда шли приглашать девочек.

Особенно ожидаемым моментом такого бала становилось «белое танго», когда роли менялись, и девочки приглашали сами. И вот — чудо и удача! — меня выбирает на танец грациозное существо: тёмно-русые кудряшки, совершенная фигура. Отсчитывая в уме четыре такта и стараясь их согласовать со сладким голосом Козина, я завязываю знакомство: Люся Комарова, тоже десятиклассница из той школы, что на Кирочной, да, занимается, имеет первый разряд по художественной гимнастике, нет, мальчика у неё нет, и она готова встречаться.

Знаете ли вы, что такое семнадцатилетняя перворазрядница по столь элитному виду спорта — кандидат в мастера, как подтвердил уважительно на следующий день после бала Гришаев, наш кавалер и гимнаст? Это же балерина! Заря!

Моя розовопёрстая жила на Таврической улице (ну, не судьба ли?) в коммуналке напротив генеральского дома, узкая теснина вела с проезжей части во двор-колодец на её лестницу, где наверху на условный звонок раскрывалась дверь, пропуская меня сквозь ещё одну теснину коридора и проходную комнату пухлой и нелюбопытной родительницы в узкую девичью светёлку с тощей этажеркой, с непрерываемо односпальной койкой и видом на крыши второго двора.

Мы не гуляли по окрестностям, даже, кажется, не ходили вместе в кино — зачем, если все эти походы и прогулки все равно затаивались, только чтоб завершиться уединением. Впрочем, нет, были какие-то выходы вместе, даже складчины по праздникам, с мальчиков по тридцать, с девочек по двадцать пять по дореформенному курсу, был приторный кагор и терпкий вермут, томные танцы под пригашенный свет и под джаз на костях рентгеновских снимков, но это было досадной

данью условностям, отвлечением от единственно восхитительного и всепоглощающего занятия — быть вместе, быть наедине.

Она была в той же самой мере невинна и испорчена, что и я. То есть ни знанием жизни, ни опытом любви поделиться друг с другом мы не могли, но наши фантазии переплетались ещё тесней, чем шёпоты и касания. Совершенны были пяди её тела, а крепкий запрет (или, скорей, разрешение) её родительницы «Всё, только не это» толкал мои пальцы и губы исследовать в ней именно всё, присягая восторгами каждому изгибу.

Спорт, спорт — вот чем можно унять разбушевавшуюся чувственность! Казанджи уговаривал меня пойти в секцию бокса, и, конечно, умение постоять за себя и дать обидчику сдачи особенно привлекало, но его уговоров хватило ровно до первого расквашенного носа. Он сменил вид спорта, увлекшись, по-видимому из-за «научности» названия, академической греблей. Кольцов звал в бассейн — это была единственная возможность поплавать зимой, и я охотно отправился записываться. Тренер в «олимпийском» костюме и с секундомером предложил мне проплыть дорожку.

— Нет, вы ногами бочите, и вообще... — заключил он непререкаемо.

Оставалась гимнастика. Белая майка, синие панталоны, на ногах легкие «чешки», руки перепачканы мелом и потому оттопырены. Брусья, кольца, конь, пыльные маты. Но самым интересным было место, где находился спортзал, — павильон Росси на углу Невского и Театрального проезда. Это совершенное зданище, архитектурная игрушка, прежде манило меня своей загадочностью, и, проходя мимо, я выдумывал в нем фантастическое убранство, и вот, вместо всего этого: «Мах ногами вперед, поворот и соскок!»

Незаметно, но все же довольно скоро я нарастил мускулы, тело стало легко выполнять замысловатые трюки, но совершенство оставалось недостижимым.

Найденная рифма

Школьный срок, казавшийся бесконечным принудительным отбыванием в казенных стенах, шёл к концу, и пора было подумать, как бы его заменить чем-то более весёлым. И в школе, и дома все устремления были направлены вверх — получить высшее образование! Уже это толкало на поиски другого выхода, но его не было. Для нормального юноши, здорового или даже не очень, иной путь вел только через рекрутчину, а ещё три года серошинельного рабства не привлекали. К тому же бывалые люди говорили о солдатчине без прикрас: «Старшина может и не забить, в ученьях могут и не покалечить, даже через пуп могут не употребить, но язва желудка, считай, тебе гарантирована».

А как насчет офицерщины? Казанджи где-то вызнал, что Военно-транспортная академия вдруг решила набрать курсангов прямо со школьной скамьи, и именно туда ему светит — недаром его отец возил когда-то генерала.

Мать, лишь недавно диктовавшая, какой ширины быть моим брюкам, наотрез отказалась давать мне советы: «Ты уже взрослый». Тогда я решился нырнуть в неизвестное, а заодно и проверить родительские чувства: если, мол, «они» мной тяготятся, то тогда охотно отдадут на казенный кошт. И я очертя голову подал документы в открывавшийся тогда гигант военно-промышленного комплекса — Училище вооружения на Московском проспекте. Отчим мою военщину, разуме-

ется, поддержал — хотя бы из-за того, что сам был инженер в погонах, а мать, раз-узнав о мотивах, сказала, чтоб не дурил и что она меня скорей видит врачом.

Но я уже был вызван на предварительный отбор по здоровью, и вот вместе с десятками оголившихся сверстников я перехожу из очереди в очередь к следующему белому халату, причем некоторые из инспекторов — женщины. Одни абитуриенты прикрывают ладонями «срам», другие, озлясь, нет. С той же бесцеремонностью, как животных в стаде, проверяют и призывников в армию (чуть раньше я проходит это в военкомате), но там рекруты стараются выставить врачу свои дефекты, а тот заведомо числит их симулянтами, здесь же все было наоборот. Вот и у меня обнаружили воспалённые гланды... Негоден!

Вздых облегчения... Теперь можно и подождать с решениями. Медали за успехи мне все равно уже не выдать, как... я не знаю чего, — как какого-нибудь Парижа или планеты Марс, остается лишь отбывать обязательные уроки.

Пока отвернулся учитель, кто-то передал мне затрёпанную книгу, и я зачитался. Не то чтобы она меня сразу захватила — наоборот, мне показалось, что автор её — один из тех европейских гуманистов, которыми так играючи пользуются наши хитро-могучие идеологи и толкователи.

Рассказчик, молодой человек, европеец, но не француз, переехал жить в Париж (вот счастливец-то!), но город кажется ему местом бедняков и старух, больниц и богаделен, куда люди приходят умирать. Я уже готов был отложить книгу, но описание причудливого тика — спинных конвульсий какого-то уличного калеки — болезненно заворожило меня. Затем, вместе со взглядом рассказчика, сочувственно созерцающим и познающим, я, удивляясь себе, следил за семейными смертями старинного германского рода, за гибелью средневековых королей, за подробностями опознания после битв их царственных трупов. Неожиданно действие, нет, именно зрение перелетело к эпизодам русской истории, и вот я присутствую при последних минутах Лжедмитрия. Ни у Пушкина в «Борисе», ни в школьной истории этого нет: дикая боль в сломанной ноге, колеблющиеся в своей лояльности Самозванцу стрельцы, отречение матери (или тогда уже «псевдоматери»), казнь и трёхдневный кадавр, выставленный московской толпе на поругание.

Между тем уже другие предметы занимали странного повествователя и — с ним — меня: прохладно-нежные либо совсем отчужденные отношения ребенка с матерью, восхищение и робость подростка перед старшими девушками и, наконец, любовь.

Только иная, к иному и по-иному испытываемая. Поразившее меня предположение любить перед тем, чтобы быть любимым, и потому — отказ евангельского блудного сына от родительской любви, его возвращение и новый уход. И — неожиданно — конец книги. Пока я её читал, мысль то сужалась до крупитчатой четкости, то расширялась надмирно, и эти перемены происходили ритмически. Ритм совпадал с моим пульсом, темы — с моими жизненными, и я настолько разволновался, разогнался в чтении, что даже пролистывал бессознательно пустые страницы в конце, как бы в поиске продолжения книги. И я его нашел!

На последней странице чей-то беспомощный карандаш намарал несколько стихотворных строк, а именно две с половиной, и замер, споткнувшись именно там, где надо было найти первую рифму. Я до сих пор помню эти строчки, но приводить их не буду из-за их полной бесцветности, да и не в них было дело, а в найденной рифме. Она зияла отсутствием.

Я эту рифму тут же придумал, вписал, а заодно нашел и другую, закончив чужое четверостишие. И сразу же сочинил следующую строфу, уже свою, и ещё

одну, и ещё... Содержание их пародировало банальность чужого зачина и потому не было изначально оригинальным, но словесная игра захватила всерьёз и, по существу, навсегда. А поводов для моих игр с насмешливой музыкой было хоть отбавляй: одноклассники в массовом порядке стали влюбляться, и мало кто мог это скрыть — их распирало, — а вели они себя и разговаривали, как сущие остолопы и лопухи, чуть ли не по-оперному воспевая своих несравненных. Вот я и пустился записывать голоса молодых петушков, приспособлявая для них слышанные ранее в театре да и без конца прокручиваемые по радио каватины и эпиграммы, речитативы, серенады и арии, ноктюрны, сарабанды и альбы, пародируя в них эти ветхие формы. В сущности, это тоже было моё «кукареку», — кого же я тогда пародировал?

И, глядя на уже довольно толстую тетрадку моих опусов, я гадал: моё ли это призвание? Эпиграммы на одноклассников — это ли дело, ради которого стоит жить, — ведь я сам же его и высмеиваю... И с большим, большим сожалением, но с чувством значительности момента я решил эту тетрадь уничтожить. Сжечь — но где? Дровяные печи у нас давно уже были снесены, а жечь на газовой плите — напустишь копоти, надымишь... Спустить в уборную — не элегантно, да и забьёшь канализацию... Итак, сев перед мусорным ведром, я стал на мелкие клочки драть то, во что я почти что уверовал. Получилось ведро с горой, и я его собственноручно вытряхнул во дворе на помойку.

Смерть властителя

Бывший Смольный институт, пропилен и безлюдный парк, мимо которых я ходил ежедневно, дорический фасад, за которым угадывалось высшее в городе начальство, завораживали и мертвили округу. Ни столовой, ни парикмахерской, ни кинотеатра — ничего для человеческих нужд не было за много кварталов от этого средоточия власти. А ведь когда-то там располагались благородные девицы, а рядом в воздушном возвышении собора и близлежащем подворье богомольствовали и хозяйничали монахини. О прошлом напоминало название улицы, где стояла наша школа, и соименной площади перед пропилями — Лафонская, по фамилии мадемуазель Ла Фон, первой попечительницы девичьего института.

Но пришел час, и это упущение устранили, заодно исправив и многие другие «космополитические» названия. Имени Пролетарской диктатуры — так стали именоваться улица и площадь. Французская булочка стала городской, утратив половину вкуса и свежести, по выражению моей матери. Почему-то закрыли баню во дворе напротив школы и, конечно же, единственный на весь околоток пивной ларек. А улица начиналась от Невы, шла дугой вдоль таинственного забора и огибала весь Смольный.

— Мальчики, вы идете сегодня на танцы в Шпионскую школу? — однажды спросила нас с Казанджи его сестра Жанна.

Куда-куда? Оказалось, что — туда, за забор. Ну, нет, только шпионов нам не хватало! Газеты писали дикие вещи: «Врачи-отравители», «Убийцы в белых халатах», а бытовая и школьная пропаганда как-то онемела, прислушиваясь, что скажет Кремль, как аукнется Смольный.

От Смольного шли властными лучами проспекты: Суворовский, стремящийся мимо Академии связи с каменным львом на клумбе, все еще вспоминающим блокадную капусту на клумбе, мимо десяти Советских улиц к Московскому вокзалу и уж оттуда прямо в Кремль; улица Воинова, вытянутая, без единого торгового ларька, вдоль боков каких-то муштровальных училищ, к зловещему Большому

Дому, про который говорили, что он на сколько этажей вверх, настолько же и вниз; наконец — Нева, текущая мимо уродливых складов и заводских задов, мимо угрюмой тюрьги с названием Кресты к Финляндскому (а все произносили «Фильянскому») вокзалу, с которого явился на паровичке Ульянов-Ленин, забрался на смертоносную бронированную мигральезу на площади да там и остался в виде конструктивистского памятника...

От Смольного ещё один обходной и малозаметный проспект вел через Охтинский мост и по заречью, по кладбищенским и заводским околицам Охты и Выборгской стороны, по другую сторону от Крестов и — к тому же наезднику броневика, где, огляб его чугунную спину и следуя жесту руки, можно было, вернувшись на левый берег, упереться не куда-нибудь, а в тот же Большой Дом.

Всё пространство было идеологически пронизано, и не только пространство... Получив свой первый паспорт, я увидел в нём записи о месте жительства — город Ленинград Ленинградской области, о месте рождения — город Жданов Сталинской области. Мой бедный Мариуполь был вытеснен даже из прошлого. Только Таврическая улица осталась беспартийным оазисом. Не дома, а в школе, в классе (но тоже не при учителях) шли политические обсуждения примерно на одну и ту же тему: «Знает ли Сталин, что творится его именем?» Романтический ответ был «нет», реалистический — «знает». На вопрос «А что же такое творится?» спорщики замолкали, глядя на вопрошающего как на шпиона.

Какая-то мрачная муть, несомненно, вспухала в огромном политическом котле, уже почти готовая выплеснуться и обварить, ошпарить в первую очередь нас — зеленую поросль человеческих побегов...

Но совершилось иное. С самого раннего утра, вместо бодрых песен и маршей, зазвучали по радио медленные печальные мелодии. Мать, стоя в тревоге, допивала на кухне чашку кофе. Обычно шикарный и бархатный голос диктора на этот раз спотыкался и чуть ли не блеял.

— Сталин умер... Что теперь будет? — бесслезно заплакала мать.

Завыли заводские гудки. Подала голос, кажется, даже водокачка. Совсем вблизи от нас басом прорезался заводик автоприборов, прячущийся за углом на Тверской в старообрядческой церкви. В грубую дуду издали гудела вся Выборгская сторона.

Впоследствии мне не раз попадался все тот же траурный выпуск журнала «Огонек», удивлявший в особенности заграничную публику: искренние слезы рабочих, картины массовой скорби. Как же так — а репрессии, а ГУЛАГ? Не может быть, чтобы ни одна душа об этом не знала. Неужели русские так любят своих тиранов, которые их наказывают и уничтожают? Вопросец, казалось бы, простой, а ответ на него — сложный. Умер властитель, а плачут-то не по нём. Это — напоминание о своей приближающейся участи. Мол, если даже он смертен, то что же говорить обо мне? Да и кому ещё эта власть достанется — не худшему ли тирану? И не страшней ли всего будет, если затянется безвластие? Вот и не спрашивайте, по ком плачут подданные. Они плачут по себе.

Когда по радио зазвучали речи возможных преемников, я вслушивался в их наждачные голоса, но различий между ними было мало: один повыше, другой пониже, а третий со знакомым грузинским акцентом.

— Кого бы ты хотел из них на место Сталина? — неожиданно спросила мать, как бы загадывая на мой выбор.

— Не знаю. Может быть, этого, с акцентом...

— Берию? — ужаснулась она.

Значит, всё-таки «знала». Мог бы «знать» и я, юноша из благополучной семьи, если бы прислушивался к чему-то, кроме своих шатких фантазий и предпочтений. Вот и сейчас, в такой явно решающий момент для страны (да и для меня самого), я думал о том, достаточен ли этот повод, чтобы пропустить классы? Показалось, что да, вполне. Но скоро стало скучно, захотелось пообщаться со сверстниками. Привычным путем, но непривычно поздно я пошел в школу. Улицы были пусты на всем протяжении. Прохладная и меланхолическая музыка лилась из громкоговорителей. Когда я пересекал площадь с пропилеями, тяжело и надрывно зазвучал «Траурный марш» Шопена, на мелодию которого память ёрнически подсказывала слова пародии:

*Умер наш дядя. Не жалко нам его.
Он нам не оставил в наследство ничего ...*

С усилием я открыл дубовую дверь. Как я и рассчитывал, моего опоздания никто не заметил. Изнутри обещающе потянуло табачным дымком. Я на то и надеялся, чтобы под видом скорби в открытую покурить в коридоре и даже в классе. На такую дерзость прежде решался только Боб Захаров, божественная и отчаянная личность. Ровный гул шел из закрытых дверей классных комнат. Учителя скопились в учительской, откуда и исходил запретный табачный дух. Предоставленные себе, ученики томились в ожидании событий, но чего можно было ожидать, никто не ведал. Время от времени в класс врвался кто-нибудь из учителей и в необычно взволнованной манере проводил короткую беседу. Я прикурил у Захарова, незаметно дымившего, оказывающегося, всё это время. Мы вышли с сигаретами и, балуясь своим бесстрашием, прошли по пустым коридорам, в особенности стараясь не миновать гудящей учительской.

— Что вы тут делаете? — высунулся оттуда директор Исаев. — Идите в класс, сейчас вам будет объявлено...

Наконец выстроилась траурная линейка в актовом зале. На подгибающихся каблуках, с распухшим от слёз носом вышла наша завуч:

— Умер великий Сталин. Скорбью переполняются наши сердца...

Выступила старшая пионервожатая, девка с хорошеньким и стержневым лицом, одна на две школы — нашу и соседнюю женскую:

— Клянемся тебе, товарищ Сталин, что будем и впредь хранить...

Выступил бледный семиклассник и стал выкликать что-то твардовско-исаковское, в рифму. Вдруг упал, забился в припадке. Его унесли.

— Траурный митинг окончен. Расходитесь по домам, — заключил директор.

Последняя четверть

Моя бравада была, скорее всего, инфантильным протестом, побегом в детство от надвигающихся проблем взрослой жизни, от страха взглянуть в мурло нашего досточтимого общества. Родители и наставники говорили одно, мурло сообщало другое, а молодой инстинкт неуверенно ободрял — мол, ничего, авось проскочим...

Умер Сталин, и оттаяла прежде всего та дорожка в Таврическом саду, что вела вдоль ограды — там в земле проходила теплоцентраль. На плотном грунте какая-то банда играла в «чмен» — то был новый набор переростков и второгодников из моей бывшей школы, готовых, конечно, и ограбить кого-нибудь при случае. Но сейчас они метали бигу в столбик серебряной мелочи, а затем, сгрудившись,

ловкими ударами о ребро монеты переворачивали ее на орла. Малолетки, теперь они были мне не страшны. Огибая Вячеслав-Ивановский угол башни, я сворачивал на Тверскую, и улица стелила передо мной длинный марш до Смольного. Но я, сворачивая на пешеходные проходы и дворы, выходил неизменно в тот самый двор-колодец, где остановилось блокадное время и где меня должен был поджидать мой мучитель-грабитель. Колодец с мёртвой водой.

Я встал посредине, закинул голову: видно, кухни всех квартир выходили во двор — из-под каждого окна высовывалась в его знобящую прохладу задняя стенка холодильного ящика, а их повторение, превращающееся в ритм, завораживало, уведило мысль вверх, в высокий квадрат весеннего неба. Голубь, шумно хлопая крыльями, сорвался с одного из карнизов и взмыл в голубизну. Только пёрышко, покачиваясь, вдруг остановилось и повисло в воздухе, удерживаемое лишь моим взглядом... Вот качнулось и медленно двинулось вверх. Прощай! До встречи в будущем стихотворении.

Каждый день в школе приносил какие-нибудь молодецкие впечатления. «Оковы тяжкие» школьной дисциплины уже не имели власти, десятиклассники пропускали уроки, хмель весёлой глупости и свободы бухал в крови, а солнце звало наружу:

— Айда в Бобкин сад!

И вот мы играем в футбол в запустении бывшего монастырского сада под сенью дубов, наверняка видевших императрицу, и не одну. Полуразрушенный бельведер отделяет нас от Невы, хилый заборчик — от хозяйства автобусного кольца и плотный глухой забор — от сугубо закрытой территории теперешнего Смольного. Да и Бобкин-то сад закрыт, только с меньшей «сугубостью», к тому же мы знаем, как туда проникнуть (через богадельню), отчего веселимся еще лучше. Игра идет в одни ворота: 10-а против 10-б, я стою в воротах, защищая не интересы какой-либо команды, а лишь свой обет не пропускать мячи. И одноклассники, и противники меня не щадят, из них особенно плотный силач Дубровский.

Через год, сбросив солдатскую гимнастерку, он будет валяться, загорая в такой же денек, на пригорке перед своим радаром в Венгрии. Жёсткая часть испускаемого спектра переоблучит его, сократив жизнь до недель. Силач и здоровяк, он станет первой жертвой среди выпускников.

А сейчас с веселой злостью он раздвигает плечом защитников, и его массивная нога лупит по мячу. Но вратарь — слишком даже — «на месте». Мяч приходится прямо в солнечное сплетение. Боль и обморок, перемежаясь кругами, как на мишени, застилают мне свет. Так, должно быть, и чувствует себя пораженная мишень!

— Прости, Бобышев, я не хотел, — опомнившись, говорит здоровяк.

Но возобновлять игру уже никому не охота. С досады тот же богатырь подбрасывает мяч и изо всей силы поддает его вертикально «свечкой». Вверху раздаётся могучий крик, и дубовая ветвь рушится, перегородив сухими обломками всю площадку. Такого эффекта не ожидал и сам силач.

— Чего бы еще учинить?

Решили в складчину попробовать спиртного. Доброхоты притащили туда же в сад кагору, вермуту и, для сюрприза поначалу припрятав, бутылку-другую водки. Сладкие, горькие, терпкие жидкости, перемешиваясь в уже сражённом желудке, сокрушили меня во второй раз на дно.

Все уже разошлись, когда мы с Кольцовым обнаружили себя на скамейке перед собором. Дурнота, слабость, пульсирующая тяжесть в висках и откуда-то

взявшееся чувство сильнейшей вины побуждали откинуться назад, в забытьё, но в моём друге уже проснулся праведный инстинкт дома:

— Пойдем. Надо возвращаться...

Последующего я описать не в силах. Мамашиной интеллигентной оплеухи оказалось достаточно, чтобы повергнуть меня в новое забытьё. Физические последствия этого опыта над собой (или — надо мной?) чувствовались и на следующее утро, когда я с сильнейшей головной болью вышел на кухню.

— Что, рабочийчек, проспался? — угрюмо-иронически встретила меня Федосья.

За столом восседал её брат Степан, добродушный инвалид с внешностью разбойника. Он понимающе взглянул на меня:

— Плохо? Надо это дело поправить... Лечись! — И он придвинул мне стопку водки. — Давай, давай! Надо.

Я влил в себя отраву, закашлялся, но удержал жидкость в себе, съел тут же сунутый в меня огурец, и, как это ни странно, мне полегчало.

— То-то, брат. Клин клином вышибают! — заключил мой спаситель.

Но этот клин оказался надолго вбит между матерью и мной: она как-то разом внутренне остыла ко мне, да и я не забыл её рукоприкладства. Остаток весны был испорчен, к тому же нарастала нервозность с приближением выпускных экзаменов, а о будущем страшно было даже загадывать.

Наконец миновали выпускные экзамены. Оценки в аттестате оказались предсказуемые: одна, увы, застарелая троечка (спасибо Анатолию Павловичу), три-четыре четвёрки, остальные пятёрки. Прилично, хотя могло быть и лучше. Больших торжеств в семействе по этому поводу не было: мать выдерживала характер, а может быть, и неосознанно стыдилась своего срыва. Просто все собрались за круглым столом, на котором не было ничего спиртного, поскольку мой статус в отношении напитков не был ещё определён, и Василий Константинович протянул мне коробочку. В ней были наручные часы марки «Победа», новинка того времени.

— Носи с честью! — с гордостью произнес отчим.

Сказал бы уж «на здоровье», что ли... А то — «с честью».

— Это что — орден? — спросил я запальчиво. — С такой честью все мои одноклассники давно уже ходят. Это же просто машинка, чтоб не опаздывать!

— Вот и носи её с честью, что ж тут шлохого?

— Не буду!

Я отложил часы и действительно долго бойкотировал их, пока мне всерьёз не понадобилась «машинка, чтоб не опаздывать». Но когда пришла пора принимать решение о своём будущем образовании (предмет, о котором я не имел никакого понятия), мне посоветоваться было не с кем. Из разговоров в школе я вычислил для себя Электротехнический институт имени Ульянова (Ленина). Официозность наименования смущала, но скобки, куда был упрятан Ильич, отдавали фрондой, и я решил поступать именно туда.

А было-то мне всего семнадцать лет.

Чемпионский стиль

Вот и пришло вознаграждение за сумеречные куцые деньки в декабре, за долгие давящие мглой вечера, за сырые январские морозы, сменявшиеся февральскими оттепелями с ледяными наростами на карнизах, да длинными, скользкими

на весь разгон «каткам» на тротуарах, за стужи и слякоти, а главное, за бесконечную учебную суету... И этой наградой оказалась обетованная бумажка под названием «Аттестат зрелости». Очутившись в руках, бумажка удивляла своей легковесностью — вот она есть, и что? Отнюдь не защита от армейского рабства, отнюдь не «путёвка в жизнь» и не талон на блага, она была лишь приложением к другим бумажкам, которые надлежало подать в приёмную комиссию одного из вузов. ЛЭТИ так ЛЭТИ, будь что будет, не одних же отличников туда принимают! Сам себе ученик и ментор, я настраивался для очередного рывка — вступительных экзаменов.

Трудный выбор вернул мне недоверчивое уважение старших, и мы с матерью даже отправились в ателье шить мой первый взрослый костюм. Я бы и сам, наверное, сумел его заказать, но материнский присмотр был скорей не для помощи, а для цензуры: покрой и в особенности ширина брюк имели глубокий идеологический смысл. Широкие брюки с узкими манжетами или вовсе без них были признаками благонадежности, узкие с широкими манжетами бросали обществу вызов.

— Брюки — девятнадцать сантиметров, не шире, — заявил я закройщику.

Мать на мгновение онемела.

— Вообще-то узкие брючки входят в моду, — заюлил мастер, оценив обстановку. — Но я бы рекомендовал двадцать один сантиметрик.

— Двадцать восемь, и не меньше! — потребовала мать. Такой консерватизм не одобрил даже закройщик:

— Для молодых людей это не фасон.

Она снизила свой предел до 25-ти, а дальше — никак. В этом костюме, гордясь и стесняясь, я сдавал выпускные и приемные экзамены, был на самой церемонии выпуска, на балах, вечеринках и гуляниях, открытии и закрытии разводных мостов над Невой, и в конце концов он стал моим «приличным костюмом» в дополнение к полушерстяным брюкам и куртке-«москвичке» с ломкой алюминиевой застёжкой на вороте — по существу, тогда это была общестуденческая униформа, осенью дополняемая китайскими плащами «Дружба», а зимой — утеплителями любых фасонов. На голову я приспособил кепку — американскую, но почему-то без козырька. Мне казалось, что у меня получился собственный стиль.

А ведь всякий хотел одеваться хорошо и, главное, современно — слово «мода» подразумевало оттенок спартанского пренебрежения. Тем не менее словцо «стиляга», изобретённое пропагандистами, так и не стало естественной частью речи, и вся связанная с этим кампания, направленная, по существу, против человеческой природы, стала выдыхаться. Тут стилиаги — то и появились.

Собственно, и до них был замечен уличный стиль в одежде — скорее уловный или в лучшем случае матросский, чем щегольской: брюки клёш, в разрезе ворота полосатая тельняшка, на голову нахлобучена «лондонка» — светлая кепка из толстоузелковой ткани с гибким козырьком. Эта кепка была престижным бандитским признаком и мечтой подростков. Казалось, наденешь её, и перед тобой расступится банда хулиганя.

Мечте было суждено исполниться много, много позже (не в 1997 ли году?) в самом центре торгового Лондона, а именно на улице Пиккадилли в шляпном магазине «Барон». Тамошний житель и давний друг Славинский завёл нас с Галей именно туда, где за 80 лет до этого Николай Гумилев, возвращаясь в Петроград, выбирал, чем прикрыть молодую плешь. Друзья, отпуская остроты по поводу его предстоящей встречи с пролетарской властью, заставили Гумилева купить кепку.

Выбрал кепку и я.

— Откуда вы? — спросил продавец, а с виду некий лорд, подрабатывающий здесь приказчиком.

Я напряг мое среднезападное произношение и с шиком ответил:

— Из-под Шикого.

— О, Чикаго! В этой кепке вы будете там выглядеть как настоящий загородный сквайр, — заверил он меня.

«Стиляги» пятидесятых были прямым порождением газетной кампании против них и, за неимением образцов, строили свою внешность по карикатурам на самих себя: брюки-дудочки, пестрые галстуки, широкоплечие пиджаки, толстые подошвы. Некоторые носили удлиненные волосы под Тарзана, другие — прическу «бродвейка» с косыми висками, девицы импровизировали кто как на ту же яркую тему. Появились портные-самоучки: за пятерку могли в момент сузить любые брюки. В языке появились «чуваки», «чувихи» и много еще чего, Невский проспект лихо именовался «Бродвеем» или даже сокращался как «Брод».

Но это были уловки бедняков.

Всего единожды перед самым окончанием я увидел нашу школьную знаменитость и гордость — шахматного чемпиона мира (правда, тогда лишь в разряде юниоров). Борис Спасский, оказывается, учился классом ниже, но, пока наш выпуск переминался, растерянно уставаясь на новые ворота жизни, этот девятиклассник уже обставил всех на свете! Как хоть он выглядиг-то? Просто сходить к нему в класс и посмотреть нельзя — он после турнира в Болгарии поехал отдохнуть в Пизунду. Потом — в спортлагерь на тренировки перед чемпионатом Европы. Наконец зашел в школу.

— Смотри, это он! — кто-то подтолкнул меня локтем.

Приподнятый над другими загорелый подросток со светло-волнистыми волосами, уложенными в прическу «бродвейка». Широкоплечий пиджак из букле, брюки-дудочки, на ногах каучуковые платформы. «Стиляга», а не назовешь!

Чемпион, находящийся за пределами зависти, он и дальше пользовался привилегиями спортивной элиты, но при этом не по-советски благородно уступил своё уже взрослое чемпионство и жил, не становясь эмигрантом, в Париже. Вряд ли наши пути могли пересечься, а случись такое, о чём бы мы разговаривали — о школе? О шахматных этюдах Набокова? О турбулентных особенностях среднего течения Леты?

Красная футболка и рыжий математик

В жаркий день, натянув красную футболку и взяв пачку учебников и тетрадей, я ехал электричкой до Вырицы, а затем, пересев на «подкидыш», до станции с неблагозвучным названием «4-я платформа». Там Бобышевы уже недели две жили на даче.

Дача оказалась деревянным скрипучим домом с верандами, тонкими, готовыми сами собой разбиться стеклами, запахами краски и фанеры, с бряками и звячками Федосьиной готовки внизу и голосами моих единоутробных. Меня, впрочем, не трогали: «Дима готовится к вступительным экзаменам», но и на цыпочках не ходили. Лучше всего было куда-нибудь деться.

Тихая немощёная улица, почему-то разъезженная до невероятных колдобин и рытвин, вела напрямую мимо штакетника и редких сосен на твердый и пыльный

большак. Мимо синих стен придорожной пивнушки дорога выходила на мост через Оредеж — сильную и полноводную на этом плавном развороте речку. На том берегу я присмотрел себе травянистый бугор с хорошим спуском к воде, и это место стало моим классом для занятий, пляжем, купальней и даже гимнастическим залом. Теоремы и формулы заглывались с аппетитом, уравнения и задачи похрустывали сочленениями, а после разминки и короткого заплыва я вновь, как на добычу, набрасывался на те же абстракции.

Нет, меня, конечно, больше занимали мальки, клюющие на быстрине брошенную корку, отвлекали зелёные сердечки кувшинок в заводи, пыльные грузовики, осторожно идущие по хлипкому мосту. Тело томилось от недополученных поцелуев Людмилы, впрочем, тогда уже ставших довольно пресными, потому что ими наша эротика и ограничивалась, а сознание уже начало её отторгать: она уходила, увы, в профессиональный спорт, и разговаривать нам стало не о чем.

Но — прыжок в освежающий Оредеж, и моя голова вновь готова была напрягаться, вбирать и одолевать глубокомысленные критерии, леммы, гипотезы и силлогизмы. Я даже увлёкся этим занятием — настолько, что не заметил приближения грозы. Когда я вскочил, собирая учебники, было уже поздно возвращаться, но и укрыться было негде.

Толстым чёрным рулоном туча накатывалась на посёлок. Когда я подбежал к мосту, она накрыла дома на том берегу, и, прежде чем разразиться грому, рванул вихрь, заставивший меня остановиться. Всё легкое, фанерно-дощатое и неприкреплённое взмыло в воздух: то были, конечно, кабинки нужников, нёсшиеся в стаях подтирочных бумажек. Небо захохотало над этой незатейливой шуткой, а дальше мне стало совсем не смешно. Второй порыв стал валить и переворачивать сосны, мимо которых я шел сюда утром. Я вступил на мост и был ослеплён третьим порывом, ударившим по мне, по халтурным и уже полусорванным перилам, по вздувшемуся чёрному Оредежу. Устоят ли синие стены пивнушки, куда я устремился, чтобы спастись?

Следующий порыв налетел, когда я добрался до середины моста, и ударил он градом: острые клювы задолбили по моему темени, по рукам и плечам, по ступням, не закрытым сандалиями, ледяные ядерики запрыгали по скользкой поверхности моста, выбивая брызги из уже близких волн реки. Где не было перил, туда меня и подпихивал ветер.

Странное дело, — когда я добрался до конца моста, все это мрачное представление прекратилось. Более того: когда позднее приехали дачные соседи, они были удивлены нашими рассказами о такой небывалой буре, и я наутро, отложив занятия и натянув выстиранную дождем футболку, повел их сына Толю показывать разрушения.

Колдобины разлились в чудовищные лужи, шпакетник местами был поломан упавшими ветками, а ближе к большаку над забором навис ствол поваленной сосны. Через него какие-то подростки неуклюже перебрасывались волейбольным мячом. По виду — местные, лишь осваивающие эту городскую новинку. Толя отпустил (весьма оплошно) несколько иронических замечаний, и мы направились к реке.

К нашему удивлению, подростки бросили игру и, вооружась обломками шпакетника, двинулись за нами. Мы, игнорируя их угрозу, перешли через мост, начисто вымытый вчерашним ненастьем, и подошли к моему излюбленному бугру. Здесь местная шпана, по пути удвоившись, стала меня обступать, полагая, должно быть, что, справившись со мной, они беспрепятственно смогут разделиться с обидчиком. Когда кто-то из них стал заходить за спину, я понял, что меня окружают, и,

возмутившись, швырнул противника вниз, да так, что он оказался в воде. Это произвело эффект, и шпана отступила.

Купаться, однако, нам расхотелось, тем более что мы беспокоились, наблюдая, как банда, перекрыв нам путь через мост, все увеличивается и запасается палками и камнями. Делать нечего, надо идти на них. Едва мы двинулись, как в нас полетели камни. И чем ближе мы подходили, тем больше шансов было в нас попасть. Но ни один камень не задел — это была, скорее всего, задуманная психическая атака.

Мы вступаем на мост, враги берут нас в кольцо, и дальше мы идем в центре вражеской толпы. Наверное, половина поселка видит мою красную футболку в самом центре серой хулиганской мишени, но ни одна душа не спешит на помощь. Где вы, стражи порядка? Мы уже на середине моста. Моя тревога — о сорванных перилах, здесь юным бандитам удобней всего столкнуть нас в реку. Однако ничего пока не происходит, мы сворачиваем с большака и идём вдоль знакомых колдобин.

Наконец их предводитель меня останавливает, и я намеренно становлюсь спиной к гигантской луже. Теперь меня обступает лишь полукрут врагов. Эх, вырвать бы у них палку, я б им задал! Но видно, что это у них продумано: палочные бойцы стоят лишь во втором ряду нападения. Ну, началось! Мы обмениваемся с противником быстрыми ударами, и на мою голову сыпятся градом палочные удары. Я кричу Толе: «Беги!» — и, совершив громадный прыжок через лужу, сам спасаюсь бегством.

Побитая палками голова — не лучший советчик на вступительных экзаменах, а другой помощи ждать неоткуда. Впрочем, перед испытаниями устраивались консультации, но уверенности они не придавали, да и разбираемые там вопросы просто не могли быть теми же, что на экзамене. Приходилось нырять в неизвестное. Результаты были неплохими, но и не впечатляющими. Перед последним экзаменом я уже потерял два балла, и теперь меня могла спасти только пятерка. А экзамен был — математика!

Принимал рыжеватый мужчина, сосредоточенный на какой-то иной, включающей мое существование идее. Обращение, впрочем, вежливое, «на вы». А что там в билете? Теорема, уравнения, задачка — не совсем такие, как в школе, но по виду вполне решаемые. Более того, задачка-то решается даже двумя способами. Этот второй способ может меня избавить от дополнительных вопросов, на которых обычно «срезают».

— Кто готов отвечать?

— Я готов. Теорема, уравнения, задачка. Один способ, а вот, в дополнение, и второй!

— А почему это у вас ответы не сходятся? Разные способы должны дать тот же ответ.

— Как не сходятся? Да, действительно...

Я — в панике. Как можно было этого не заметить? А математик уже ставит мне — о ужас! — двойку.

— Постойте! — произношу я, как приговорённый к казни, последнее слово. — Ведь одно из этих решений — правильное. Поэтому — почему двойка? Поставьте мне хотя бы тройку — к вам в институт я все равно уже не пройду, а в другой меня с этим баллом возьмут.

Убеждение подействовало. Я получил свою тройку и вновь оказался на распутье.

Побитый, но не уничтоженный рыжим математиком, я вернулся на дачу, где все напоминало о моем предыдущем поражении, нанесённом вырицкой шпа-

ной. Унылый отчет об экзаменах, против ожидания, нисколько не расстроил мою мать. Сходил на почту, где был телефон, она объявила мне решительно:

— Отправляйся немедленно в город и носи документы в приёмную комиссию Технологки. С твоими баллами они еще принимают, но скоро ожидают наплыв с лучшими баллами из других институтов. Так что поторопись.

Это действительно разом решало все проблемы.

Технологка

Фасад Технологического института довольно величественной трапезией глядит на площадь и перекресток трёх проспектов. Перед ним возвышается бронзовый оратор, указывающий путь, ниже стоит рабочий со знаменем. Оратор — старый марксист Плеханов, раскритикованный Лениным, и рабочий не торопится следовать его указке, тем более что площадь пересекают, образуя знак интеграла, две трамвайных и две троллейбусных линии, не говоря уже об автобусах, грузовиках, такси и прочих транспортных средствах. Но если не напрямую, а зигзагами перейти и проспекты по светофору, то можно оказаться в подвальчике, куда и указывает перст марксиста. В те времена там располагалась популярная пивная, называемая студентами «Плехановка».

Но этот путь вел прочь от института, а молодежь устремлялась внутрь. Войти туда в первый раз приходилось им не через центральный, а через боковой вход с надписью «Приёмная комиссия». Стены помещения были завешаны списками принятых, и мне пришлось несколько раз, обмирая, просматривать все листки, пока я нашел свою фамилию в группе под номером 434. Первая четвёрка означала факультет (механический), тройка — год поступления (напомню — шёл 1953-й), а вторая четвёрка — именно группу, со студентами которой мне предстояло провести годы и годы вместе. Я просмотрел их фамилии. Какие-то они чудные: Чичкина, Мазгалина, Тожина... Вот совсем забавная: Блох. Интересно, это мальчик или девочка? Ну конечно, мальчик — Владимир! Много нерусских имен: Рубинштейн, Ройгштейн... А вот и вовсе красочно-романтическое, как для актёра или циркового иллюзиониста, и тоже с ними рифмующееся: Евгений Рейн!

Там же выдавались пропуска, и те, кто поступил, попадали неожиданно прямо внутрь, в заполненный молодёжной толпой коридор, ведущий в главное здание и центральный вестибюль с часами, с широкой лестницей, восходящей к деканатам, аудиториям, кафедрам, лабораториям и мастерским.

До начала занятий декан собирал все группы студенческого потока и назначал старост, явно не наугад выискивая фамилии из списка. Как он знает, кого назначать? Вот назвал одного старосту, другого, и я понял, что ему нужны были юноши, чтоб посодней и с русскими фамилиями. Дошел до нашей группы. Выкликнул мою фамилию. Я встал. Он с сомнением поверх пенсне посмотрел на губошлёпа с растерянно-восторженным лицом, снова вернулся к списку: Мазгалина, Чичкина... Нет, не то... Рейн, Ройгштейн, Рубинштейн... Опять не то. И он объявил:

— Старостой будет Бобышев.

Судя по этим назначениям, можно было бы предположить, что Борис Михайлович Дешевой — женоненавистник и антисемит, но я думаю, что он просто очень хорошо знал, что сейчас можно, а чего совсем нельзя, — иначе он бы не был деканом. Даже наоборот, обилие еврейских фамилий в списках означало, что институт при наборе не делал ограничений по пятому пункту, и декан эту политику проводил.

Короткая седина на прямой пробор, пенсне, галстук бабочкой, рост, солидные стати делали его представительной и авторитетной, но всё же не авторитарной фигурой. В сущности, он был добряк, напускающий на себя строгий вид и, как это часто бывает, предоставивший наводить порядок на факультете заместителю, вездельному администратору Павлюченко, а на языке его жертв — «Павлюку», который лишал студентов стипендий и давил из них пот и слезы. Сам же Дешевой читал наизусть и скороговоркой курс по своему учебнику «Детали машин», бранил отстающих, называя их (а именно нас с Блохом) патентованными или махровыми бездельниками, но демократически принимал зачёты у себя дома, в потомственной профессорской квартире, расположенной там же, на территории Техноложки.

Он был закоренелый холостяк (потому, видимо, и не жаловал девушек), а огромную сумрачную квартиру делил с братом-доцентом, который позднее вёл у нас курс начертательной геометрии. Легенды говорили, что существовал и третий брат, опять же профессор, преподававший в Военно-Механическом институте через площадь от нас, и даже, как в матрёшке матрёшка, четвёртый, но это уже относилось к категории непроверенных слухов и смутных легенд.

Назначив старост, декан удалился, предоставив своему эзекутору «Павлюку» непопулярную часть работы, и тот к ней приступил:

— Начало занятий откладывается до... По просьбе Областного комитета нашей партии и с согласия Министерства высшего образования мы обязаны помочь народному хозяйству в уборке корнеплодов. Начало работы — в 8 часов утра. Явка строго обязательна. Группа 431-я направляется в совхоз «Первомайский»... От станции метро... Маршруты автобусов... Группа 432-я... Платформа пригородного сообщения Московской ветки... 433-я... 434-я... Явку обеспечивают старосты групп...

На советской «барщине» 1954 г.

Собравшиеся сдержанно застонали. Городские юноши и девушки пришли сюда получить образование, а вместо этого какие-то корнеплоды! Хотя в газетах было полно заметок о сборе колосков сельскими школьниками, в Ленинграде такого ещё не случилось. А новички из провинции, наоборот, восторжеслись: это было им не впервой. И действительно, на следующее утро они уже не робели, как мы, стоящие у края разбухшего мокрой глиной поля турнепса. В привычной экипировке, при перчатках и резиновых сапогах, наши провинциалочки ловко копошились в грязи, выдёргивая из неё и складывая в кучи бело-фиолетовые ядра турнепса. Втянулись и все остальные. Пошли шуточки про деда и репку, деду и бабу, внуку и Жучку. Блох сыпал незатейливыми анекдотами. Рейн острил элитарно — на его каламбуры отзывались понимающе лишь Галя Рубинштейн да я, другие же

ещё и посмеивались над остряком. Языки развязались, когда чуть приоблатнённый Рыбаков из чемоданчика (было шикарно носить такой вместо портфеля) достал бутылку крепёного и дал приобщиться желающим «из горла». Закусили белоснежными и сочно хрустящими, сладкими ломтями турнепа.

У нас отняли две недели занятий (потом мы сами теряли больше), в грязи мы попортили немало обуви и одежды, раннее вставание угрюмо возмущало желудки, но, когда мы вернулись в аудитории, все оказались знакомыми и даже сдружившимися так, как ни за что и никогда бы — на лекциях.

Наставники и наставляемые

Много хорошего и немало плохого, а ещё больше — просто унылого и ненужного захламляет память об этом институте, но все же, хотя моя стезя и отклонилась значительно от инженерно-научной, не единожды за жизнь Техноложка выручала в трудную пору, и не только тем, чему она научила, но и тем, что в ней когда-то завязалось: отношением, мыслью, сердечной и дружеской связью.

Дальнобойные коридоры на обе стороны матово зияли дверьми в лекционные залы. За ними корпели над конспектами будущие косопузые технари, полунаучная интеллигенция, начинка НИИ и КБ, ГИПРОХИМов и ГИПХов, звучали скрипучие или квакающие голоса лекторов, скрипел или стучал мел по доскам. В перерывах двери распахивались, карточными колодами тасовались, переходя из одной аудитории в другую, юноши и девушки, дичась и любопытствуя друг о друге, — результат раздельного обучения в школе.

Столы были расписаны мудростями и афоризмами на вечную тему непереводивших гормонов: «Любовь как костёр. Не кинешь палку — погаснет». Или: «Здесь, на этом столе, я любил Валю».

По одну сторону окна смотрели внутрь институтской территории, на другие корпуса и переходы дворов, а с противоположной стороны был вид через проспект на Палату мер и весов, башню с самыми точными часами на свете и необычайный памятник в дворике перед зданием. Собственно, весь этот дворик был объёмным памятником, кубом пространства, в котором находились: живое дерево, невысокий постамент из гранита, бронзовая фигура, задумчиво сидящая в кресле, и — на всю боковую стенку — Периодическая таблица элементов, выполненная в мозаике. Это был (и есть) памятник профессору Менделееву — нашему, технологическому...

В год моего приёма институт отмечал какой-то некруглый юбилей — кажется, 125 лет с основания. Я ещё числился старостой, и мне прислали билет на торжественное заседание и концерт. Это звучало и выглядело достаточно официально, чтобы дать повод отказаться, но я решил сходить: билеты всё же получали не все. И в самом деле, хотя бы раз надо было посмотреть на весь синклит. Мать, которая тоже была приглашена как выпускница, наоборот, решила не идти:

— Не могу видеть актовый зал без Александра Евгеньевича.

Академик Порай-Кошиц, бывший её наставником, за несколько лет до этого умер.

Когда я вошёл в зал, академик Качалов занимал место в президиуме: тучная фигура, белоснежная седина, чеканный профиль. Специалист по стеклу, он, казалось, был чист до прозрачного звона.

— А женат он на Тиме, актрисе Александринки, — обязательно добавлял кто-нибудь, расцветивая белизну его учёности каплей художества.

Но я уже знал это и позднее ходил слушать, как Тиме строгим голосом читает со сцены рассказ Мопассана «Пышка». Академик и актриса — шикарно.

А вот наш декан: пенсне, галстук бабочкой, только костюм сменил со светло-серого на темный. А это — профессор Золотов, он читал «Общую химию» сразу для всех потоков. Его о чём-то спросили с места, он ответил: «Не знаю». По амфитеатру прошел ропоток. «Только школьные учителя знают всё!» — воскликнул Золотов и навсегда расположил к себе первокурсников. Про него же рассказывали анекдот: однажды он не явился принимать экзамен. Студенты нашли его дома за дверью квартиры, запертой по случайности его женою на ключ. Что делать? Профессор нашёл выход из положения: «Кто хочет получить тройку, просуньте зачётные книжки под дверь». Таких нашлось немало — экзамен был трудный. Выставив тройки, он объявил: «А теперь просуньте зачётките, кто хочет четверки и пятерки». Ай да профессор! Золотов — удачная фамилия для химика. Можно было бы этот предмет разыграть как комедию: злодей Кадмиев, жених-неудачник Хлоринский, толстуха Водороденко. Валентности — это любовные связи. Кислоты, щёлочи, соли — нет, комедии из них не выйдет, скорей сатира или басня. А вот алкоголята — это смешно: маленькие человечки с веселящими колбами.

Пока я себя развлекал, выступил ректор института Евстропьев. Золотые очки, благообразное лицо, волнистые каштановые волосы. Профессор, депутат, чорт в ступе. Он изрёк:

— По количеству выпущенных специалистов Технологический институт свою задачу выполнил. Теперь наша основная задача — качество!

Да-а-а...

Остаток вечера я провел в занимательных размышлениях о количестве без качества, переходящем в качество без количества. Дialeктика!

Преподавание, впрочем, было на высоте. Какая-нибудь ржавая абстракция казалась порой не менее увлекательной, чем «Шахерезада». Старичок доцент Максимов, к примеру, выклады-вался из последних сил, выкрикивая «Сигма Эс!» почти как «Сезам, откройся!» на своем курсе «Спротивление материалов». Кронштейны, балки, консоли — всё было четко, никакой пригичи во языцех. Даже курсовая работа «Расчет несущей фермы» доставляла подобие удовольствия.

— Сдашь диамат — можешь влюбиться. Сдашь сопромат — можешь жehниться, — цитировал ходячее изречение Блох.

Ни он, ни я настолько ещё не созрели и, затянув с зачётом до зимних каникул, ходили сдавать его на дом к Максиму. Пока мы считали крутящий момент, доцентская жена подавала нам чай. За окном заворачивал мороз, кружились снежинки. Сказочно уютно было видеть эту пару в мягких домашних тапках. «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой. Он преподавал сопромат, она пекла студентам печенье».

Вот бы и мне когда-нибудь, где-нибудь — так!

Роман с математикой

Виртуозом своего дела был доцент математики Гаврила Владимирович Накаренко: серые патлы, бугристое серо-багровое лицо, в одной руке мел, в другой — папираса. Курил он бесперывно даже в аудитории, но зато каждая лекция была спектакль. Крошился мел, доска покрывалась формулами. Дифференциальные уравнения первого порядка выстраивались в боевое каре.

— Дифурперпор! — восклицал «Накар», как бы командуя их отрядам наступать на уравниния второго порядка. — Дифурвтрпор!

Аудитория, неизменно полная, покатывалась от хохота, едва успевая записывать конспекты. Абзац, другой, третий тяжелой абстракции, а затем, опытный лектор, он устраивал для передышки какую-нибудь викторину: можно ли, например, написать слово из трех букв с пятью ошибками? Никто не знает, но все неистово любопытствуют. Тем более что три буквы могут быть и непечатными. Неужели он имеет в виду это? Нет, конечно!

Наконец Накар пишет слово: ЕЩЁ. Как же можно исковеркать его? Он пишет и ответ: ИСЧО. Каждая из четырех букв — неправильная, пятая ошибка — в их количестве.

Иногда этот чудак объявлял конкурсы и выдавал пустячные призы, принимаемые с восторгом, — какой-нибудь стограммовый кулёк карамели. Однажды за решение трудной задачки пообещал прокатить победителя вокруг института на мотоцикле. Профессор на мотоцикле? Трудно поверить. Но я его сам видел верхом на тархтящей двухколеске и в танкистском шлеме.

В сущности, Накар диктовал свои лекции, включая в устную речь знаки препинания и всякие «факториаль», изобретая попутно пародийно-заумный язык и разыгрывая высшую математику в лицах. После школьной, мелочной и сухой, эта математика показалась мне действительно «высшей» — летучей и смелой.

Кроме лекционных спектаклей, у нас были практические занятия, и я охотно выступал на них. Преподавательница Варвара Торопина, молодая, но грубо сколоченная, как сарайная дверь, женщина, стала вызывать меня на каждом занятии: пятерка, пятерка, пятерка. Я стал казаться себе шарлатаном, но она, должно быть, увидела во мне талант. Зазвав на кафедру, Торопина предложила мне выступить в студенческое научное общество СНО, уже одним этим сокращением вызвавшее скуку.

— Вот, прочитайте за каникулы эти книги, сделаете доклад на заседании СНО, — указала она на кипу учебников.

У меня были другие планы на каникулы: отсыпаться и бегать на лыжах.

К следующему семестру мой математический пыл охладел, и это вызвало мстительное раздражение у нашей весталки Варвары. На очередном семинаре она вклеила мне двойку. Я воспринял это как оскорбление и перестал готовиться к занятиям. Двойка, двойка, двойка. Своих прав я не знал, жаловаться не ходил. К весне положение стало критическим: я оказался под угрозой отчисления за неуспеваемость. Мог спасти только экзамен, а принимал его непредсказуемый Накар.

Роман с математикой стремительно шел к концу, мои интересы резко сместились, я стал пропускать лекции и по другим предметам. А ведь я всё еще числился старостой и обязан был отмечать прогульщиков! Но быть придатком администрации не хотелось, идеалом стало свободное расписание, и я «забывал» заходить в деканат за «Журналом посещаемости студентов 434 группы», символом моей власти.

— Ставлю вопрос о его исключении, — проговорил беспощадный Павлюк, приведя меня к декану.

— Махровый бездельник! — притворно сердился Дешевой. — Чтoб это было в последний раз! Назначаю старостою, — тут он заглянул в список и назвал фамилию, соседствующую моей, — Бобылеву.

Неприятельная, погруженная в себя девушка, она действительно старалась и успевала лучше остальных, но платила за это сосредоточенной заботой, застывшей на её сероватом лице. На экзаменах получала неизменно пятёрки, но выходила оттуда вся в мутных слезах. Мы жестковато посмеивались над ней, но кто

знает, какими травмами это было вызвано? Травмы были у каждого: вот Галя — в блокаду сидела одна в холодной квартире, согреваясь лишь тем, что сперва читала книги, а потом их сжигала в печурке. Блох — тоже блокадник, отец убит. И у Рейны отец погиб, зато отчимов было два: один умер, потом появился второй и тоже умер. Одна из моих подруг призналась, почему у нее такие шрамы на причинном месте: во время эвакуации её нашли, потерявшуюся, на полу в вагоне примерзшей к лужице своих испражнений. Другие несли на лицах психологические шрамы от изнасилований, потери близких, сидения в тёмных подвалах, стены которых тряслись от наружного грохота. А об арестах и лагерях молчали намертво. Только удивлялись, узнав, например, что Михалёв просит писать его фамилию как Новокрещёнов. Крестился? Нет, конечно. Отец, оказывается, сотрудничал с немцами, и сын теперь отрекается от полиция. Где-то, стало быть, неслышно для нас прозвучал приговор, раздался выстрел в затылок.

Весна в тот год, чуть задержанная холодами, разыгралась как раз к началу экзаменационной сессии. Стояла одуряющая теплынь, клёны зелёными ворохами стремительно расклеивались в Тавриге. Нежные щётки лиственниц пахли смолой и витаминами, в пруду отражались сиренево-серебряные тона белой ночи. Я занимался в комнате с балконной дверью, открытой в сад, — мельчайшим почерком писал шпаргалки на полосках бумаги, которые потом складывал гармошкой и прятал незаметно по карманам и рукавам. Пользоваться ими на экзамене было рискованно, зато для запоминания и для уверенности в себе это средство действовало великолепно.

Только что ушла Галя, она помогала мне закончить курсовую работу. Вычерчивая на ватмане эвольвенту, она делилась своими тайнами и обидами, знала и мои сердечные увлечения. Среди моих знакомств она числилась «отличным парнем» и десятилетиями оставалась другом, а затем, внезапно похорошев, стала и подругой тоже.

Приходили две девушки, Инна и Нина, обе голубоглазые и русокобые, только рисунком носа отличавшиеся от классического образца (и одна от другой) — кончиком сверху и книзу. Одна, робея, осталась ждать в парке, другая принесла нарциссы. Поставленные в стакан с водой, цветы читались как объяснение — но не в дружбе же только?

— Не сейчас, — отклонилась Инна от объятий.

Ну, а потом цветы уже не читались: надвигался экзамен по математике. Блох предложил мне готовиться вместе — он тоже страшился этого испытания. Я соглашался, но ни у него, ни у меня полных записей лекций не было. Он пообещал достать конспекты у тех, кто сдавал экзамен раньше, и обещание выполнил. Конспекты, однако, оказались китайскими.

С нами учились три красных китайца: Хуан Джичен великолепный, а также его старший и младший завистники, почти неотличимые один от другого, — френчи цвета хаки, светлее нашего «защитного» цвета, непроницаемые лица. Они держались особняком, посещали все лекции, в развлечениях не участвовали. С нами учились также два вьетнамца во френчах еще более светлых, в развлечениях очень даже участвовавшие, румынка, чехи и мадьярка с живым, хотя и бледноватым лицом, прельстившая красивого и яркого Наймана.

Хуан оказался великолепным на физкультуре, когда он снял униформу перед прыжками в высоту, — тонкий стан, узкие бедра, широченные плечи, высокая посадка головы. Разбегался и так легко взмыл над планкой, что наш физрук Иван Викентьевич только головой закрутил:

— Жаль, что это не соревнования. Первый разряд бы схватил.

Но высоко взлететь в Китае ему не позволили. Он не пережил Культурной революции, так же как и старшой из их тройцы, ховивший с сосредоточенным лицом начетчика, постоянно замеряющего жизнь идеологической линейкой. Пережил лишь малой — со щелочками глаз, пухлыми щеками и обиженными губами доносчика.

Заполучив китайские лекции, мы с Блохом расслабились. Добрейшая Полина Абрамовна, которую сын дерзко называл «Поленька», накормила якобы прилежных студентов и ушла, чтоб не мешать. Они вдвоем занимали одну, но большую комнату в дремучей коммуналке. Рассохшийся дубовый паркет квадратами, огромное окно на Чайковскую с видом на остановки 1-го и 14-го автобусов и, чуть поодаль, 11-го троллейбуса. На пианино — фотография военного в рамке: вьющиеся волосы с мыском, заходящим на лоб, как у Вовки, такой же нос «фруппелем», но в глазах что-то иное, потустороннее. Нечего и спрашивать, — это погибший отец.

Впереди было ещё целых три дня подготовки, времени навалом, и Блох, наигрывая на фортепьяно, спел баритоном весь свой репертуар от «Дывлось я на нэбо» до есенинского «Выткался на озере», научил меня брэнчать «трех капуцинов» одним пальцем, продекламировал по-английски из Говарда Фаста «*That is America*», и мы отправились в кино.

На следующий день мы занимались у меня на Тавриге, и занимались всерьёз. Федосья уважительно накормила нас рассольником с почками, налив тарелки вровень с краями, — что ещё она могла сделать? Блох задремал на тахте, я вынес проигрыватель на балкон и поставил Вивальди. Римские виртуозы заиграли сладостнейшую в мире музыку: и кипарисы там, и клены-ясени здесь дышали, росли и шелестели той же любовью. А вот и взлетевшие в розовый воздух над прудом ласточки закружились в том же ритме, и если не через раз, то хотя б через два или три с половиной, но попадая точно во взмах оркестрового такта. Я был изумлен совпадением, как открытием мирового закона: ласточки танцуют Вивальди!

Проснувшийся однокурсник вернул меня к давно наползавшей на нас карверзе. Наши собственные записи взаимно дополняли одна другую, а когда тема была пропущена у обоих, мы обращались к китайским конспектам, удивительно аккуратным и тщательным. Но — о ужас: в самых трудных для понимания местах они переходили, конечно же, на свой родной язык, и чем дальше, тем больше изящные столбики иероглифов испещряли страницы.

Блох каялся в своей промашке, зарекался брататься с иноязычным народом, клялся сейчас же научиться читать по-китайски, но факт состоял в том, что до экзамена оставались только две ночи и один день. Мы решили поменять планы: заниматься всю ночь, чтобы, за вычетом китайщины, закончить к утру весь курс, а затем пойти на консультацию к Накаренко и постараться заполнить пробелы.

Розовый вечер переплыл в белую ночь, все сигареты были выкурены, мы перешли на свои же окурки, затем их остатки вытряхнули в трубку и, передавая её друг другу, вдохнули еще по разу этой невыразимой мерзости. Наконец сон сморил нас, и мы рухнули рядышком на тахту.

Боль в большом пальце правой ноги заставила меня проснуться. Рядом заверещал Блох: Федосья теперь ему выкручивала палец — это было её последнее средство нас разбудить, и оно действовало.

Умывшись и выпив кофе, мы в утренней прострации поехали на 11-м троллейбусе, обогнув Таврический сад, миновав роскошное окно блоховского коммунального жилья на Чайковской, затем, свернув на Литейный, мимо каменной кулебяки дома Мурузи, мимо некрасовского «Парадного подъезда» и букинистов пересекли Невский («Что идет в „Октябре“; что в „Колизее“?» — «Какая-то югослав-

ская дрянь»), покатили по короткому Владимирскому и длинному узкому Загородному проспектам мимо Пяти углов и Витебского вокзала. Вот мелькнула бревенчатая набережная Введенского канала, затем поперечные Рузовская, Можайская, Вейрейская, Подольская, Серпуховская, Бронницкая. «Разве можно верить пустому сердцу балерины?»

Техноложка!

Мимо бронзового Плеханова, мимо толстой охранницы в массивных дверях, промельком показав ей зачётку, и — на второй этаж, к Накаренко. Вместо консультации своенравный математик, оказывается, принимал экзамен у желающих, чтобы разгрузить себе завтрашний день. Желающих было мало: кто ж в здравом уме упустит целые сутки для подготовки? Вот сидит, обливаясь слезами, Бобылева, вот ещё двое-трое...

— Заходите, берите билеты! — заметил нас грозный экзаменатор. — Если сдадите сегодня, балл добавлю к оценке.

«Значит, двойки уже не будет», — смекнули мы оба...

...Через два часа, потрясенные оборотом судьбы, мы молча добрались пёхом до Невского, зашли в «Октябрь», взяли билеты на какую-то югославскую дрянь.

— Блоша, а ведь мы сдали! — заревел я на весь зал посреди сеанса.

В наших зачётках красовались четверки по математике.

Институтские дарования

Все эти фундаментальные знания и общетехнические дисциплины лишь изредка бывали занимательны для ума, и не только моего. Да и впоследствии инженерные премудрости мало мне пригодились. А ходить на занятия было обязательно. Звучал мерный голос лектора. Прилежные студенты строчили конспекты, другие острогами, как умели, шёпотно развлекали девушек. Те либо отмахивались, либо давились от неслышного хохота. Иные играли между собой в морской бой. Или в города. Или, как Блох и Ройтшгейн, в кинофильмы. Или, как мы с Рейном, в «рифму-пифму». Игра заключалась в том, чтобы за время лекции придумать как можно больше свежих рифм на какое-нибудь трудное слово — например, «любовь» или «женщина». В конце академического часа мы были судьями друг друга, безжалостно вычеркивая банальности: «Это уже было у Блоха», или: «Типичный Маяковский», или: «Пастернак тебе кланялся». Отвергались также глагольные и однокоренные рифмы, оставлялись жемчужины, пригодные для того, чтобы украсить шедевр. Заодно начитанный Рейн пополнял мою насыщанность терминами: «ассонанс, консонанс, диссонанс», «каламбурная рифма», «палиндром». Но шедевров пока не появлялось, хотя фантазия бурлила, история чуть не подталкивала под бока, а талантов вокруг было хоть отбавляй.

— Дима, ты не хочешь выступить в нашей самодеятельности? — нежно-пискливо обратилась ко мне хорошенькая Таня Райх.

— Самодеятельность... Но это же так непрофессионально!

— Ну, выступи профессионально. А что ты умеешь делать на сцене?

Таня захотела меня послушать ещё до концерта. Она в каком-то бюро, значит, это отбор или даже цензура? Что ж, пусть проверяет, я даже не знаю, что буду читать: своего ведь ещё не набралось.

Память, накачанная термодинамикой и гидравликой, хранила на полупустых ещё полках много стихов Блоха, его великую поэму и, помимо школьного багажа, почти всего раннего Маяковского. Может быть, выступить с «Послушайте!

Ведь если звезды зажигают...» Это же такая прелесть! Или прямо вот с этого: «Вы думаете, это бредит малярия? Это было...» Гениально, просто гениально!

Глаза Тани расширились и заблестели. Щёки вспыхнули. Должно быть, и по мне ходили отсветы от нашего космического поджигателя, нашего падшего и ломового ангела... Его судьба оправдала всё, даже такая плотницкая поделка, как «Стихи о советском паспорте», оказалась необходимой, чтобы в школьные программы вошло и «Облако», которое я читал сейчас однокурснице.

Но не только ей. И не только однокурсникам, что собрались на концерт в актовом зале, а чему-то гораздо большему — возможно, «векам, истории и мирозданию». И вдруг зал стал помехой, и я, прервавшись на мгновение, увидел многоочитого зверя толпы и споткнулся.

Ужас, ужас! Всё вылетело из головы. Что делать? Обязательно вспомнить. А если и не вспомнить, то самому сочинить, и не хуже! И я из ничего, из пустого провала памяти сочиняю новые, спасительные слова, которые, похоже, совпадают с теми, что сочинил Маяковский.

Зал с облегчением грохнул аплодисментами.

Странное дело: великих технологов и преобразователей науки из наших выпускников так и не получилось, но разного рода гуманитарных талантов оказалось неожиданно много. В том же концерте, например, выступал пианист Виталий Фомин, ставший потом многолетним художественным руководителем городской филармонии, играли настоящие актёры, которым предстояло стать звездами кино, в зале и на сцене вскипало тщеславие будущих (хоть и не обязательно состоявшихся) либреттистов, режиссёров, конференсье, кинокритиков, театральных администраторов, хоккейных вратарей, бытописательниц, футболистов и, конечно, поэтов, в высокую гильдию которых меня поторопила зачислить молва.

Это меня обязывало, но и забавно свидетельствовало о том, что часть публики была убеждена, что поэму «Облако в штанах» написал я сам. Причислив меня к поэтам, молва с удовольствием занялась и сплетнями «из жизни знаменитостей». Говорили, что я раскачивался во время чтения и, следовательно, был пьян, а потому и забыл текст. Говорилось также о том, что Таня из факультетского бюро, влюбившись, выдвинула поэта в таланты. А мы действительно подружились, — сходили на скрипичный концерт Давида Ойстраха, это было моё первое посещение филармонии. Записались на серию лекций в Эрмитажном театре.

Курьёз ли того выступления подтолкнул меня вернуться к брошенному занятию или молва о том, что я поэт, или непрерывно гудящий стихами Рейн, сидящий рядом в аудитории и столовке, у костерка во время похода и на вагонной полке в паровике, везущем весь факультет на очередную «барщину», или просто час этому пробил — но только я снова стал сочинять стихи.

И — получилось, именно про тот вагон, где было тесно и возбужденно-весело. Пусть, мол, неправильно и не так, как надо, и, вместо того чтобы учиться, мы куда-то едем, а нам в куче всё равно хорошо:

“Пусть вы придумали совсем по-европейски: в одном купе уют на четверых, нас было больше... песни... звездные миры... пусть паровозной гарью заперошен...

... И так далее...”

Это ж здорово: «От скорости журчало в волосах». Рейн одобрил, Галя — тоже, а Таня посоветовала подать стихи на институтский конкурс, который как раз в это время и происходил.

Боже, первое же стихотворение — и сразу премия, целых 20 рублей! И — более того: рекомендация для печати в готовящийся сборник молодежной поэзии «Парус».

— Это не гарантия для печати, но я уверен, что нашу рекомендацию должны принять во внимание при отборе материалов в редакции, — заверил меня комсомольский вождь Боб Зеликсон.

Рейн дал понять, что без него я бы не выиграл конкурс, и, хотя его содействие было сомнительно (как оказалось, даже более чем), всё же кого, как не брата по перу, пригласить отметить такое событие? У Пяти углов мы спустились в подвальчик пашлычной. Обжигаяще горячий суп-харчо для основы, по пашлычку и по стакану портвейна, пожалуйста! Потекла беседа, скорей даже монолог. Сколько ж он помнит литературных баек, редких текстов, биографических тайн, убийственных эпиграмм, относящихся к жизни его героев — поэтов двадцатых годов, и как, следя за реакцией хотя бы единственного слушателя, меня, умеет их подать! Кроме того, он знает наперечёт места, где сейчас собираются поэты, читают и обсуждают стихи: при домах культуры (ну, это самодеятельность), при Дворце пионеров (это просто смешно — для детей), при заводах (слишком кондово), при газетах (не советую) и совать: там одни стукачи), а лучше всего — при Горном институте. Но туда трудно попасть, и хорошо бы сперва напечататься.

Он прав: надо поскорей послать мой «шедевр» в печать. Симпатичная девушка, выдавшая рекомендацию, согласилась превратить мою рукопись в машинопись: тюк, тюк, двумя пальчиками... «Пусть вы придумали...» Наконец, готово! В горячке запечатываю конверт, посылаю письмо, с трепетом ожидаю. Ждать пришлось долго.

Но вот и письмо из редакции — сухое, резкое. Подпись, правда, смешноватая — Аптекман. Специалист в поэзии — из фармацевтов? Смысл: просим подобную дрянь не писать и тем более не присылать для печати. И — возвращаемый текст. «Пусть вы придумали...» — перечитываю я в недоумении, ещё и ещё раз пытаюсь увидеть «глазами Аптекмана», в чём же эта дрянь заключается. И вдруг вижу:

Пусть вы придумали совсем по-еврейски:

В одном купе уют на четверых...

— По-европейски, по-европейски надо! Не по-еврейски, а по-европейски-ски!!

Но поздно. В «глазах Аптекмана» это навсегда останется проговоркой антисемита, и, если он запомнит моё имя и притом сохранит должность составителя альманахов, он вечно будет выбрасывать мои рукописи в корзину... Опечатка дуры-секретарши испортила мой литературный дебют! А сам я куда смотрел?

— Спокойно! — останавливаю я себя сегодня. — Прежде всего, стишки эти были так себе, и они могли попросту не понравиться «специалисту». Потом, какова их тема? Студентов отрываю от учёбы и бросаю на колхозную картошку. А что делают сами колхозники? Нет такого вопроса в литературе. Но главное — и хорошо, что не опубликовали, а то что ж? Почувствовал бы на губах мёд успеха, наверняка бы захотелось ещё, стал бы подлаживаться. Получился бы в результате ещё один комсомольский поэт. Кошмар!

Это было в Ленинграде — наверное, в 1954 году. А спустя две-три жизни на встречу 2000 года мы с Галей летели из нашего графства Шампейн: самолетом из Чикаго в Иерусалим с пересадкой во Франкфурте. Считанные часы оставались до конца последнего дня века. В беспощинной лавке в аэропорту я купил единственную оставшуюся бутылку шампанского. Это была знаменитая «Вдова Клико»

— несколько дороговатая бутыленция, но выбора не было. Ею мы встретили новое тысячелетие в пустыне Негев, рядом с Египтом, в израильском городке Беер-Шева: Тania, её муж Гена и мы с Галей — все однокурсники.

Ранний Рейн

Евгений Рейн уже своим ярким, словно искусственно придуманным именем напоминался, как театральная афиша. Называться рекой, к тому же ещё такой знаменитой, бывает в пору только литературным или оперным персонажам. Но Онегина он несколько не напоминал, хотя внешность его была по-своему незаурядна. Огромные черные глаза с длинными ресницами и густыми бровями сообщали ему таинственный вид авгура и заклинателя, хотя и не без легкого намёка на шарлатанство, разумеется... Меня эта странность привлекала как залог будущей пародийности его поведения и общей «несерьёзной серьёзности», а иных она явно бесила. Прямой твердый нос, чуть одутловатые щёки и мешающие четкому выговору губы вместе создавали гротескное, двойственное сочетание: он как бы пугал и смешил одновременно. Чичкина и Мазгалина, например, прыскали невпопад, с чем бы он к ним ни обратился. Он мог вдруг чортом пройтись по столовой, выхватывая чужие пирожки, и все лишь глядели на него завороженно. А первая красавица института Вава, когда я спросил, нравится ли ей Рейн, ответила кратко и с непонятным возмущением:

— Урод!

Злокозненный Гарик Ройтштейн высмеивал в нём всё — и якобы неблагозвучные инициалы, и бочкообразную грудь при общей сутулости юного Евгения Борисовича, и его выходки, делая это, впрочем, с осторожностью: высокий рост и длинные руки с крупными кулаками придавали Рейну внушительный вид — он и в двадцать лет казался уже сорокалетним. Что бы он ни делал, кисти рук, высунутые из рукавов неизменного френчика, всё время были в движении. Он как бы разминал плоскими белыми пальцами воздух, или мял невидимый пластилин, или налаживал прозрачную скрипку, формируя в катыш, возможно, не эстетический принцип, а всего лишь козявку из носу.

Шутки он выкрикивал отрывисто и гулко, стараясь, чтобы звучало чётче, но это не всегда удавалось, а повторять их было негоже по закону жанра. Но когда звук удавалось прокрутить в памяти, то во фразе обнаруживалось необычное слово, стоящее как бы поперек, — в нём и заключалась острота, если и не смешная, то литературно забавная.

Мне нравился этот юмор, а Рейн ссылаясь всё чаще на неизвестный источник. Наконец, пригласив меня домой, он его обнаружил: Ильф и Петров, в то время как бы не существовавший ни в библиотеках, ни в продаже реликт довоенной культуры. Как удалось ему такое достать?

— Я хотел купить эту книгу, но владелец мне её так отдал. — Как? Почему? — Сказал, что она несерьёзна.

Человек без чувства юмора? Впрочем, мой друг, как я не раз убеждался, мог сам заимствовать полюбившуюся книгу «за так». А приключения обаятельного жулика скоро были переизданы, и все шутки Остапа Бендера стали известны наперечёт. Знаатоки и поклонники даже устраивали между собой турниры на знание «священных» текстов. У Рейна для таких поединков было припасено секретное оружие — записные книжки Ильфа, но и они скоро стали общим местом, предметом новых состязаний.

На одной из обязательных лекций ОМЛ «Основы марксизма-ленинизма» мы, уже можно сказать «два друга», затеяли рукописную газетку, пародирующую ту, из «12 стульев», которая в свою очередь пародировала реальный «Гудок».

— Наша будет называться «Блоха», — говорил Рейн, глядя на сидящего впереди Володю Блоха.

Я вырвал разворотный лист из толстой тетради и этим определил формат газеты.

— Блоха прыгает, жалит, это будет её первый укус, — говорил первый главный редактор.

Второй главный редактор выводил в это время шапку газеты, слегка имитируя шрифт «Правды». Вот, как у «Правды» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», у нас появился свой эпиграф: «Ройтштейн, что вы прыгаете, как Блох?» Это была шутка Н. Бурдина, преподавателя начертательной геометрии, жёлчного язвенника и ревматика, отличавшегося отменными афоризмами. Шутку эту он произнес на вчерашнем занятии, и мы с Рейном, не сговариваясь, заплодировали ему, как артисту на сцене.

Ниже заголовка я вывел: «Орган 434-й группы». Рейн уже писал ахинею хронике светской жизни. Я пустился изобретать ребусы и шарады, вместе мы накинулись на отдел объявлений. Вот его шедевр: «Разыскивается профорг». (Наш профорг, добродушный и немного сонный красавец брюнет Мика, отсутствовал на лекции.) «Особые приметы разыскиваемого: на носу бородавка, на щеке другая, профорган неестественно увеличен».

Новорожденная «Блоха» заскакала по столам аудитории. «Блоха, ха-ха-ха-ха-ха!» — мусоргско-шалыпинский хохот неслышно сопровождал её. Выпустив четвёртый, почему-то «юбилейный» номер газетки, мы прекратили это дурачество.

Я наслаждался общением с Рейном и его речениями, в которых находил много неизвестных мне лигатурных фактов (зачастую им же и придуманных), имён и явлений. Мы судили, рядили и гадали — если не обо всём, то о многом. Острил он порой неожиданно и дерзко — бывало, «ради красного словца» не жалея и дружбы.

Вот наша группа в деревне на границе Ленинградской и Вологодской областей — мы на очередной «барщине» убираем колхозный горох, скручивая бэльё со стручками в рулоны. Вечером — тихий отдых в избе. Мика читает Фейхтвангера. Люся Дворкина, чистая душа, наверное Толстого. Скорей всего, «Крейцерову сонату», потому что она вдруг отрывается от книги и спрашивает, недоумевая:

— Ребята, а что такое онанизм?

Ни секунды не помешкав, Рейн выпаливает:

— А об этом лучше спросить у Мики.

Миролюбивый Мика, как сидел за столом, так, взревев, со столом и пошел, поднимая его над головой, на обидчика. Лишь громкая матерщина хозяйки, вбравшей в горнищу с ухватом, остановила возможное другоубийство.

Да, дерзок мой друг бывал чрезвычайно, но и робок тоже не в меру — панически боялся начальства. Тогда же на гороховое поле прислали нам инструктора из райкома, самоуверенного невежду, который двух слов правильно связать не мог. Все сидели на рулонах гороха, слушали его, иронически улыбаясь. Рейн стоял навытяжку, чуть ли не комически трепеща. Может быть, не «чуть ли», а просто «комически». Гарик сказал:

— Колебался с линией партии.

Нет, видно, ещё до института был он если не бит, то крепко пуган и так же крепко об этом молчал. Но иногда ради публики или из-за неловкости шел на демарш. При мне замдекана, тот самый злоущий Павлюк, к которому Рейн обратился: «Хозяин», шипел на него, аж побледнев:

— Вы не на даче, не в деревне, вы в деканате, в конце-то концов!

А как было к нему обращаться — «товарищ»?

Можно ли было дружить с таким человеком — в одном окопе, как говорится, не посидишь, в разведку вместе не пойдешь? Но я и не хотел сидеть в окопе и ходить в разведку. Я хотел читать и писать свежие, неслыханные стихи, хотел знать больше о литературе, до самозабвения хотел слушать и говорить о поэзии, а для этих занятий лучшего компаньона, чем Рейн, право же, не было и до сих пор не найти!

Да он и сам гудел из своей бочкообразной груди стихами — непрерывно и зачастую невпопад обстоятельствам. Вот он в том же колхозе мешком сидит на спине тощего мерина. Вокруг поле мёрзлой грязи, из которой мы выковыриваем картошку. Рейн читает вслух «Улялаевщину» Сельвинского, воспроизводя самые героические и разбойные ритмы поэмы:

*Д'ехали казаки, д'ехали казаки,
д'ехали казаки, чубы по губам.*

Слушают его только двое (не считая мерина): однокурсница да я, не раз возглашавший, будучи по-своему зачарован этим Паганини без скрипки: «Куда смотрят наши девицы?»

Вот одна и смотрит, когда мы плывем по Неве втроём на речном трамвайчике: Петропавловка, Василеостровская стрелка, Острова, барокко, ампир, купы деревьев... Рейн при этом декламирует, конечно, не Пушкина, что было бы тавтологией, не Агнiewiczева и Г. Иванова (которых мы еще не знаем), а почему-то Багрицкого:

Эх, Чёрное море, вор на воре...

Багрицкий — потому что романтика и южная школа, которой оказался отвержен на всю жизнь. На какую бы тему ни были его стихи, всегда в них можно безошибочно определить, почему нынче помидоры на рынке. Конкретность, напор, подъём — вот что ему нравится в книжных сборниках двадцатых годов, которые он попеременно носит с собой в кармане френча и при первой же возможности читает вслух. День проводит с Багрицким, читая мне неслыханный, ошеломляющий и мутный «Февраль», день — с Ангольским, Сельвинским, Луговским... Откуда такая богатая коллекция? Что-то он глухо и неодобрительно говорит о домашнем собрании первого отчима, о книжных развалах в Лавке писателей и у букинистов на Литейном и с восторгом — о барахолке:

— Ты даже не знаешь, где она находится? Едем туда в ближайшее же воскресенье!

Барахолка пятидесятых годов устраивалась по воскресеньям на Лиговке, на пустырях и дворовых площадках, располагаясь вглубь квартала от травянистого склона Обводного канала: пыльное, грязное, даже вонючее, но и яркое, пестрое зрелище. Инвалиды раскладывали на газетку свинчатые медные краны, бабки трясли лапами полупальто, демонстрируя прочность подкладок, другие негоцианты, наоборот, ни за что не показывали товар, ожидая лишь верного покупателя. Это был действительно свободный, хотя и с сильной опаской и воровской оглядкой, рынок! Ради курьеза мы пошли посмотреть ряд искусств и ремесел: крашенные глиняные коты-копилки с выпученными глазами, пронзительные

клеенки с красавицами и лебедями, настенные коврики с прудами и замками в лунном свете...

— И это — искусство? — спросил Рейн риторически крепкую сорокалетнюю тетку, продавщицу этого добра.

Та, не смутясь, отчеканила:

— Настоящее искусство, молодой человек, — которое за километр видать!

А вот и книжники. Сколько крамолы лежит в открытую, это ж невероятно! Воспоминания генерала Деникина, рижские издания эмигрантов. Но — дорого, а денег мало. Наконец я покупаю «Розу и крест» Блока отдельным изданием, Рейн — «Пушторг» Сельвинского.

Найдя во мне, что называется, «благодарного слушателя», Рейн однажды у себя дома буквально зачитал меня стихами. Он читал вперемежку, на выбор из Тихонова и Ангольского и добавлял что-то ещё, звучавшее чуть иначе и ближе. Я понял, что он меня мистифицирует, но вдруг до слёз взволновался строчкой «Этой ночью меня приговорили к бессмертью...» Волосы встали дыбом на голове, сердце запрыгало в такт, и я произнес:

— Женя, это же ты... Это же гениально.

Молодой Найман

Я хотел назвать эту главу «Ранний Найман» по аналогии с предыдущей, но подумал, к какому же периоду «жизни и творчества» отнести его вчерашний звонок из Нью-Йорка? Я накануне оставил на автоответчике в том доме, где он гостит, мою стихотворную реплику на его «Колыбельную внучке».

Видно, верному — медленным быть велено:

сквозь жизнь доехало только сейчас...

Вот и не спрашивайте, по ком колыбельная, —

она ведь — по любому из нас.

Вопрос «По ком колыбельная?» немедленно воскрешает другую: «По ком звонит колокол?», что тут же вызывает имена Джона Донна, Хемингуэя и Бродского, сразу связывая проповедь, роман, большую элегию и заодно — эту колыбельную, а также времена, пространства и наши увлечения воедино. Надо ли говорить, что Анатолий Генрихович все связи мгновенно уловил, тем более что они были намечены в его «Колыбельной», и он поблагодарил меня учтиво и просто. А потом голос его как-то по-давнишнему дрогнул, и он спросил:

— Хочешь, почитаю совсем новое?

Он стал читать стихотворение «Караванная, 22» — это был адрес его детства: в двух шагах от Невского, у Манежа, кинотеатра и цирка. В нём повторялся образ, просто просящийся в заглавие книги, — львы и гимнасты, входящие в цирковой подъезд. Яркие и упругие, золотые и клетчатые, как метафоры Юрия Олеши.

Он кончил читать, возникла секундная пауза, он ждал моей реакции.

— Ну, что ж: я бы сказал «гениально», если бы ты уже не слышал этого раньше, — обронил я заветное слово, тут же его как бы и отозвав.

Мы рассмеялись, оба по-своему счастливые. Кто это был на линии — «поздний Найман». Нет, прежний, тот же. Пусть седьмой десяток, пусть внучка и он, стало быть, дедушка, но в наших отношениях не было бурных конфликтов и переломов, как с Рейном, во многом благодаря уму и такту Наймана, умевшего вовремя

переключиться на «более неотложные дела», да и я избегал выступать с очевидной, но нежелательной крикой, — вот и получилась наша «дружба с первого взгляда» столь протяжённой...

Наблюдать молодую толпу в Техноложке лучше всего под часами в вестибюле, на излюбленном месте встреч, в особенности перед ранним уходом с занятий. Но и не уходя можно было там увлекательно пропустить час-другой обучения в разговорах, покуривании, анекдотах, знакомствах и обсуждении статей, характеров и успехов всех мимо спующих зубрил и хвостистов.

Вот лестничный поворот огибает скромно-яркая Вава Френкель. Она в чём-то сером, подчеркнуто-будничном, а движется, как балерина.

— Здравствуй, Дима!

Исчезла... Тут же возникает Лёша Порай-Кошиц, внук покойного академика, учащийся на другом потоке. Видимо, наблюдал за ней с другой точки.

— Ты знаешь эту девушку? Познакомь меня!

— Видишь ли, Лёша...

Нет, Вава, увы, не «моя» девушка, но дарить её Порай-Кошицу я не собираюсь. Подходит Кира Певзнер — точёная фигурка, манеры жеманные, но с подначкой, глаза «туда-сюда» заставляют не замечать тяжёловатых книзу щёчек. Вот она — вроде бы «моя» девушка, но это только так. То манит, то отталкивает — держит при себе, а сама ищет новых знакомств.

Мелькнула Люба Попова, совершенно дейнековская бое-подруга. Кольнула синей насмешкой из-под легкого жёлтого локона: мол, стоишь, остолоп, ну и стой, всё равно вокруг меня станешь виться, когда поумнееешь.

Достал «беломорину», прикурил от моей сигареты Виктор Колин: хороша стрижка, костюм, белая рубашка, галстук. Скрипуче пошутил, оправдывая свой англичанский вид и фамилию:

— Люблю все добротное...

(Спустя время он читал этим голосом добротные, вероятно, лекции там же, где слушал их теперь. А вот — уже не читает. Нет его.)

Вот проходит Юра Берг, аспирант и артист, — благородный профиль, тихий отчетливый голос, манеры и вид джентльмена, он с нами не останавливается, лишь делает жест издалека — мол, рад бы, ребята, с вами потолковать, да некогда...

А Володю Брагинского, наоборот, разбирает жажда общения: он сегодня тоже поэт. Достает из портфеля, читает: «Половой голод».

— Володя, ты же такой обаяха, чего ж ты тогда полово голодаешь?

И я выгляжу не позорищем рядом с элитой: приехавшая повидаться с сестрой тетя Лида ловко скроила мне куртку из синей простроченной ткани, приспособила к ней на всю полу с распахом молнию, и — носи на здоровье! Я и носил.

Вот по широкому маршу спускается Юра Михельсон: длинная вытянутая фигура, длинное вытянутое лицо, — при виде «избранного общества», собравшегося под часами, глаза его исчезают в улыбке. Пока он подходит, я успеваю услышать с одной стороны: «Сын профессора Михельсона», а с другой: «Сам гениальный композитор, между прочим». Как может музыкальный гений учиться у нас?

— Господа! — обращается он. (Это в 55-м-то году «господа».) — Я надеюсь, среди нас нет стукачей?

Ничего себе — а если есть? Ну и пусть — далее следует «армянское радио», потом «Рабинович в Большом доме»... Композитор? Это мне интересно. Я побывал в михельсоновской большущей вроде бы квартире, в которой видел только Юрину

келью: кушетка, два стула и рояль, на котором стояла картонная цитата из камердинера Монтегкье: «Вставайте, граф, Вас ждут великие дела!»

«Граф» Михельсон сел за рояль спиной к окну, за которым близко-близко плескалась Фонтанка, ударил по клавишам, бурно заиграл что-то свое, «ещё не готовое», бросил. Так же бурно, вздымая руки, заговорил о Шостаковиче — гений, гений! Захотел поставить пластинку, но я эту музыку слышал уже в концерте.

— А вот что ты наверняка не знаешь. Послушай!

И действительно, закрутилась какая-то музыкальная машина с нечеловеческим размахом и энергией, вовлекая мой слух и сознание, а стало быть, и предметы, людей, обстоятельства жизни, связанные со мной, в увлекательный и трагический танец, в головокружительный фортепьянный концерт, который должен сейчас оборваться. Не обрывается, не обрывается, не обрывается... Вот и оборвался. Конец.

— Ну, что это? Кто написал?

— Не знаю... Шостакович не Шостакович, Прокофьев не Прокофьев. Но — гений.

— Это — Галынин! Слышал о таком?

Никогда раньше не слышал. Да и потом — тоже глухо. Спасибо, Юра, тебе за Галынина. Технолога из тебя, как из всех нас, не получилось, композитора — тоже, а вот либреттист Юрий Димитрин вышел отменный.

По лестнице спускается в вестибюль ладный молодой человек в куртке почти как у меня: только моя тёмно-синяя, а у него тёмно-вишневая. Я уже замечал этого юношу в институтской толпе: чёрные брови и чуть удлинённые волосы, бледное лицо, глаза то задумчивы, то сверкают, вид — надменный. При этом, как я узнал о нём, круглый отличник, школьный серебряный медалист. Значит, пойдёт в науку. Жаль, пропадает такое сходство с брюсовским адресатом, воплощением молодого поэта:

Юноша бледный со взором горящим...

Но этот юноша вдруг подходит ко мне, протягивает руку и говорит:

— Я Анатолий Найман. Я знаю, что вы — поэт Дмитрий Бобышев.

— Да, я пишу...

— Я пишу тоже и хотел бы вам почитать.

— Великолепно! В конце часа я должен сдать журнал в деканат, и потом, если вы не против, мы могли бы поговорить где-нибудь вне этих стен.

Он был не против, мы вышли из института, повернули налево по узкому длинному Загородному, мимо всех этих мнемонических улиц «Разве можно верить пустым словам балеринь», пересекли бревенчатую набережную Введенского канала (ныне засыпанную), прошли мимо Витебского вокзала, на ступенях которого задохнулся когда-то Анненский, мимо Пяти углов, вышли на широкий и короткий Владимирский, пересекли Невский, миновали букинистов, затем каменную кулебяку дома Мурузи, не заметили, как миновали Большой Дом и Литейный мост, добрались с переколенцем до Самсоньевского (тогда — Карла Маркса), до дома № 70, где жил Толя, и вышло, что я проводил его до дому. Раз так — мы повернули обратно, перешли вновь Литейный мост, повернули налево по Чайковской, прошли сквозь сад, оказались у моего дома 31/33 по Таврической улице, и уже вышло, что он проводил меня. Тогда, ради полной справедливости, мы вернулись к Неве и посредине Литейного моста наконец расстались.

Всё это время мы говорили только о стихах.

Стихи, стихи, стихи...

Стихи Наймана, прочитанные им на этой прогулке, как и мои стихи, уже не были первыми опытами, но и самостоятельными и состоявшимися их тоже вряд ли можно было назвать. Даже тогда это было нам обоим ясно: неперебродившие гормоны, бледный синтаксис... Но скорая в восемнадцати-девятнадцатилетнем возрасте интуиция угадывала ещё неслучившееся, несочинённое и ненаписанное, летя впереди наших жизней. Взаимные замечания по текстам схватывались на лету и благодарно учитывались на будущее: отсекалась банальность, отбрасывались легкие способы и эффекты. Даже скорей эстетически, чем как бы то ни было иначе, установился барьер презрения к тому, что делало стихи «советскими», проходными для печати. Вкус отвергал всё это раньше, чем срабатывала этика.

Я поверил в талант моего внезапного друга (признаюсь) после второй встречи, он поверил в мой сразу. Когда иссякли собственные тексты, мы стали читать на память излюбленные. Некрасова тут же заткнули портяночной пробкой, горько и высоко зазвучал Лермонтов, но ненадолго, ибо и он оказался весьма пожеван школьной программой, а Баратынский и Тютчев, наоборот, на удивление поражали своей незахвачанностью. И тут воспарил, конечно же, Блок, Блок, Блок.

А слышал ли он нечто совсем другое? Переходя на образцы безусловные, но все равно заветные, я прочитал куски поэзии из «Орды» и «Браги», перекочевавшие в мою память из кармана рейновского френча. Найман был ошеломлен:

— Тихонов? А я думал, это официоз...

— Нет, он поэт, и подлинный. Вот из него ещё:

*Захлебываясь,плыли молча
мамонты,оседая.
И только голосом волчьим
закричала одна,седая...*

Багрицкого он знал, Луговской царапнул его лишь поверхностно. Как мало мы знали тогда, но как уже верно чувствовали! К Пастернаку мы оба лишь подходили, Мандельштам был ещё не прочитан. Впереди лежала неоткрытая, да и не совсем ещё написанная великая поэзия, и где-то в ней мечталось и угадывалось нам угнездиться.

Наша дружба «с первого взгляда» не требовала подтверждений. Продвигаясь стремительно в том, что оба выбрали главным, мы нуждались в частом общении, и скоро он стал заходить ко мне на Таврическую, а я был тепло принят в его семье: доброжелателен был и отец Генрих Копелевич, инженер, техническая косточка, и мать Ася Давидовна, врач и сочувствующий нам гуманитарий, и младший брат Лёка, видом пошедший в отца. Толя был в мать, и она своему первенцу старалась передать кое-что сверх его блестяще воспримчивого интеллекта, быстроты мысли и обаяния: свой европейский опыт, приобретенный в студенческие годы в Париже. Вот откуда появились в его еще ученических стихах эффектные переpleги с русского на французский!

Я, конечно, рассказал о нём Рейну как другу и ментору. Он был скептичен:

— Знаю я стихи этого отличника...

— Но он развивается!

Действительно, всё больше забрасывая науки, развивался он, как и мы, скачками. Вот написал вычурно-отгалкивающие, но забавные «Отродья». «У мужчины родился урод, / человеческий только рот», витринная манекенша заберемене-

нела от магазинного воришки, в результате чего родилась уродка, подходящая подруга для первого. А уж от них, от двух уродов, пошло поколение нормальных людей, то есть, читай, все мы — отродья...

Дерзко, необычно, нелеповато... Найман давал читать это компании «под часами». Знаками были отмечены политические аналогии «Отродий» с партией и комсомолом и библейско-мифологические — с Адамом и Евой. Но скоро новизна стала у него связываться не с изобретательным вымыслом, а с личной неповторимостью, дыханием, сердцебиением, генетическим кодом, и он научился легко её выражать в простейшем:

*Живу в квартире номер семьдесят,
дом семьдесят по Карла Маркса.
Мой дом и здания соседние
похожие имеют маски.*

Рифмы здесь калиброваны. Маски домов могут быть схожи, и всё же точные номера дают не только неповторимый адрес, но и полное совпадение стихов с действительностью, пусть даже в анкетном её проявлении. Реализм? Не совсем, потому что здесь нету примата реальности над искусством. Это, в конце концов, лишь ранний, несколько упрощенный пример великого гётевского принципа «поэзии и правды», притчи о двух сосудах, взаимно наполняющих друг друга.

Нет ничего легче и продуктивней, чем наполнить стихи собой, и если не мешают препоны между языком и авторским переживанием, то индивидуальность текста получается как бы самопроизвольно. Жестикуляция, мимика, тембр голоса отпечатываются чуть ли не дактилоскопически в словах. О чем бы ни писал поэт, он изображает свой портрет: так ранний Найман описал каток, вполне демократическое место зимних забав молодежи. Он — о том, как «в облегающих рейтузах / садятся девушки к парням, / приобретаая позы клоунш», а я вижу его в Эрмигаже на третьем этаже рассматривающим гротески Тулуз-Лотрека. При этом он, приподняв бровь, косит в сторону, интересуясь, замечен ли он именно там, в тех залах, где висят импрессионисты, то есть прочитан ли код, сообщающий о взаимной элитарности обеих сторон.

Эффект «клоунш» признал и Рейн, мы вдвоем стали появляться в литературных компаниях, и я помню, как Толя читал «Каток», стараясь понравиться Лёше Лившицу, тогда студенту журналистики, который слыл авторитетным и взыскательным филологом.

Нет, элитарный код не был им прочитан, стихи Наймана вызвали скепсис, как, впрочем, и мои. Из нас троих Лившиц признал лишь Рейна, да и то с оговорками: интеллект, культурность, книжность не считались ценностями среди университетских поклонников Хлебникова. Это отношение, вместе с авторитарностью, Лившиц усвоил и воспринял от своего ментора Михи Красильникова, тогда исключённого из университета за публичный демарш в духе славянствующего Велимира. Былинно рассказывалось, как Михя со приятели явились на лекцию по советской литературе в посконном, сотворили квасную тюрю и стали хлебать её деревянным ложками. Даже привычкой говорить нараспев эта легендарная личность повлияла на идущих вослед университетов-филологов. Распев, впрочем, восходил к манере бытовой речи Пастернака, которому в стихах жестоко подражал Леша Лившиц, но о своих опытах до поры умалчивал.

Непризнание казалось несправедливым и обидно досаждало Найману, как если бы, к примеру, его футбольная команда продула противнику, а он стоял в голу.

Но, в сущности, оно было правомерным. Своей собственной, даже такой обаятельной, манеры для той поэзии, которую мы ценили, было недостаточно. Оригинальную манеру лихорадочно ищут и не могут найти участники литературных кружков, но для подлинного певца это не более чем умение опереть свой голос на диафрагму. Что и как он запоет — вот в чем всё дело!

И Найман вскоре зазвучал по-новому. Это было стихотворение «Пойма», торжественное и напевное, где библейские архаизмы естественно сочетались с современными метафорами и образами среднерусского пейзажа:

*Всем, что издревле поимела
обильная дарами пойма:
водой солодкой, хлебом белым
я был накормлен и напоен.*

В стихах были истинно красивые тропы, совсем не затронутые какой-либо слащавостью, а ведь для того, чтобы не предать красоту, как это сделало большинство поэтов нашего поколения, требовалось духовное мужество. Но и мастерство тоже:

*Стреноженные кони косо
водили плавными хребтами,
прозрачнокрылые стрекозы,
прицелясь в воздух, трепетали...*

«Аркадий, не говори красиво!» — сказал тургеневский Базаров, заморозив на щеки лицо русской литературы. Впрочем, Бальмонт, Блок и Белый заговорили было о прекрасном возвышенно, но на них пригнул с Триумфальной площади советский Маяковский, и всем стало стыдно. Гении, даже на фотографиях, стали выпячивать свои квадратные подбородки, скошенные лбы, двугорбые, как верблюды, профили. Добавилось с Запада, от изысканно-безобразных кубистов и мовистов до Сальвадора Дали, с явным сожалением, но всё же искажающего красу, и даже до безупречного эстета Матисса, провозгласившего в поддержку своей позиции: «Красивое — уже не красота!»

Начавшийся с ранних уродов и «Отродий» Найман стал писать все более чеканно и отточенно, сканно, серебряно-червлёно, воздушно-барочно и, стало быть, демонстративно и вызывающе — красиво.

(продолжение следует)

Михаил Хазин

БЕРЕГ ЧЕСТИ

Поэт Григорий Поженян, каким он запомнился

В жизни и судьбе Григория Поженяна было много внезапных совпадений, подвигов, дерзких поступков, курьезов. Было много случившегося и не случившегося. Начать с того, что родился он 20 сентября и умер точно в такой же календарный день — 20 сентября, прожив день в день ровно 83 года (1922-2005).

Вместе с группой разведчиков Поженян числился погибшим под Одессой в 1941 году. Его матери была послана похоронка — «погиб смертью храбрых и похоронен в Одессе на Сухом Лимане». (Отец его за колючей проволокой ГУЛАГа о гибели сына вестей, конечно, не мог получать.) Но Григорий Поженян словно воскрес, восстал из мертвых. После ранения вышел из госпиталя, прошел всю войну до победного конца.

Дважды был представлен к званию Героя Советского Союза. И ни разу не получил этой высокой награды. Как другой герой моей документальной повести «Личный враг фюрера» — легендарный подводник Александр Маринеско, который при жизни тоже не удостоился заслуженной награды, так как был слишком своеволен и строитив, не умел ладить с начальством. Хотел воевать, как свободный человек. Есть сведения, что по его поводу Сталин сказал: «Хулиганов не награждаем звездой Героя». Звание Героя России было присвоено Александру Маринеско через много лет после его ухода из жизни. А Гриша Поженян ни при жизни, ни после смерти так и не получил геройского титула.

Храбрость его была легендарна. Адмирал Филипп Октябрьский писал о Поженяне: «Более хулиганистого и рискованного офицера у себя на флоте я не встречал! Форменный бандит! Я его представил к званию Героя Советского Союза! А он потом во время Эльтигенского десанта выбросил за борт политработника!.. Естественно, последовала жалоба в Верховный Совет».

Сам же Гриша откровенно писал о своих страхах и не строил из себя супермена: «Лично мне было всегда страшно на войне: и под Одессой, и под Севастополем, и в десантах в Новороссийск и Эльтиген. В лохуцких снегах, на кестеньгском направлении мне было страшно и холодно. По ночам (если я не ходил в разведку, а ждал очереди: "чет-нечет") я мечтал, просыпаясь, о ранении. Но не в голову или в живот — смертельно, не ниже спины — стыдно, а в левую руку. Сколько раз я её, бедную, запросто отдавая, видел себя живым "навек": то с пустым рукавом, то с

протезом — кисть в черной перчатке... Но это по ночам. Утром я просыпался и вставал для всех непреложным. Храбрость — постоянство усилий, постоянство усилий, пока гремит война...».

Оттого и поэтому
веки были красны...
Становились поэтами,
возвратившись с войны.
Чтоб словами неживыми
день держать в чистоте.
Чтоб, пока ещё живы мы,
живы были и те.
Чтобы не с оговорками,
а, черна добела,
та война была горькою,
раз уж горькой была.

Демобилизовавшись после фронта, Григорий Поженян поступил в Литературный институт имени Горького в Москве. На долгую и трагическую память о войне остались не только шрамы от ранений и ссадины в душе. Гриша хранил пистолет, подаренный ему адмиралом за отвагу в бою. Так сказать, именное оружие. Был он не чужд бравады и не скрывал своей «игрушки» от приятелей-студентов. Нашелся среди них бдительный патриот (между прочим, ставший с годами довольно известным писателем), который сообщил «куда надо» об оружии у его однокурсника. Дело дошло до суда. Причем разрешения на владение оружием у Поженяна не было. У него при обыске нашли «Браунинг». Правда, именной, но на пластинке, прикреплённой к рукоятке пистолета, значилось, что он вручен Военным Советом Черноморского флота не Г.М. Поженяну, а «Угольку». Легко мог он тогда схлопотать срок и загреметь в ГУЛАГ (поближе к отцу), не подоспей вовремя помощь от адмирала Ильи Ильича Азарова.

Вот отрывок из свидетельства адмирала: «Однажды группа разведчиков, в которой были одни моряки, перешедшие с кораблей на сушу, чтобы защищать Одессу, особенно отличились. На заседании Военного Совета нам доложили, что моряки захватили очень важного "языка"... Приехал я в Татарку, где стоял отряд, собрал их в халупе и говорю:

"Спасибо, ребята. Не знаю уж, как вас благодарить! Просите, что хотите!" Ребята совсем молодые, горячие. Что они могут попросить, одному Богу известно. Они и попросили:

"Компоту бы нам! Да по полной кружке!" Думаю, шутят мальчишки. Повторяю свой призыв и прошу отнестись к делу серьезно. Думал, награды попросят или еще чего!.. Нет, настаивают на компоте! В чем дело?! Оказывается, моряки прикреплены к кавалерийской дивизии, там свои нормы, свои порядки. А матросы... привыкли получать компот ежедневно. Моряки обратили моё внимание на то, что исполняющий обязанности командира матрос по прозвищу **Уголёк** — без пистолета. Как это так: командир, а без личного оружия?! Я тут же достал свой собственный пистолет и с радостью вручил его их командиру. От всего сердца сделал это! Не подумав в этот момент, что надо бы написать приказ и прочее. По простоте, по наивности я этого не сделал в тот момент!».

И в последующие годы Поженян и отвага были неразлучны. Нередко он проявлял ее во всем ее прелестном обаянии. Так было в те дни, когда страну сотрясала кампания борьбы с безродными космополитами, антисемитская по своей сути. Студента Гришу Поженяна вызвали к руководству Лигинститута и доверительно сообщили, что в институте готовится ответственное собрание по борьбе с антипатриотами в наших рядах. И ему, защитнику родины, доверено выступить на этом

важном собрании — против поэта Павла Антокольского, допускающего в своей преподавательской работе и в творчестве низкопоклонство перед Западными буржуазными ценностями. Перед растленной иностранщиной...

Представляю, какая боль пронзила Гришино сердце, когда он услышал, какая подлая свистопляска затевается против Павла Антокольского, поэта высокой пробы, превосходного педагога и человека. И чтобы нанести убойный удар намеренной жертве, решили выставить в качестве обличителя — такого смелого и честного студента, как Поженян.

До сих пор удивляюсь, как Гриша не поддался первому же инстинктивному порыву — отказаться от участия в гнусной инсценировке. Наверно, так поступил бы обычный порядочный человек. Да и то, если бы хватило духу. Но не таков Поженян. Выслушав молча приказ начальства и партбюро, он согласился выступить. Похоже, у него мгновенно созрел свой план.

Пришел на расправу в совет нечестивых. И выступил. Да так, что испортил им всю обедню. В тельняшке, в морском кигеле с орденскими колодками, собрав волю в кулак, он выглядел, как воин перед атакой. И все его слова и суждения были абсолютно противоположны тому, что ему заказывали и что от него хотели. Гриша говорил о ярком поэтическом таланте Павла Григорьевича Антокольского, о его несравненной эрудиции и культуре, о его любви к своим студентам, к русской и мировой поэзии. И о том, что на войне погиб его сын. Антокольский излил свою отцовскую боль в потрясающей поэме о сыне. Можно ли такого поэта, такого человека обвинить в антипатриотизме?!

— Я, — сказал Поженян, — нес книгу этого поэта на груди, когда шел в бой. Если бы в меня попала пуля, она прострелила бы и его книгу. На фронте погиб его сын, юноша Антокольский, он не может защитить своего отца. За него это сделаю я. Я не боюсь. Меня тоже убивали на фронте. Вы хотите, чтобы я осудил своего учителя?

Собрание было сорвано. На следующий день Григория Поженяна вызвали к директору института Федору Гладкову, автору классического твердокаменного «Цеменга». Разнос ему устроили классический. Исключили из института. Федор Васильевич Гладков гневно прикрикнул:

— Чтоб ноги вашей не было в институте!

Как же отреагировал Поженян? Он сделал стойку и на руках вышел из кабинета директора института.

Шуточка эта получила известность, ее из уст в уста передавали, о ней рассказывали, как, впрочем, и о других неожиданных, феерических поступках или высказываниях Поженяна.

Если бы я при Грише Поженяне сказал, что он, может быть, и не в первом ряду поэтов России, но все же относится к лучшим поэтам второго ряда (как я думаю на самом деле), он бы наверняка разгневался. И, пожалуй, был бы прав. Поэзия — не хор, где раз навсегда распределено — где первые голоса и где вторые. Творчество Поженяна, воинственно благородное, как, впрочем, и его задиристый нрав, укрепляло мужество в сердцах читателей, помогало стойко и достойно переносить горечь утрат, жестокие травмы, на которые был так щедр XX век, да и нынешний, двадцать первый, тоже вроде не скупились. Надо уметь держать удар! — это был один из девизов Поженяна.

Энергетика его личности почти постоянно была на высоком градусе накала. И переливалась в его стихи. И в образный строй его стихов. И в манеру речи. Передо мной лежит небольшого формата огоньковская книжечка стихов Поженяна «Холмы земли», изданная в 1987 году. Дарственная надпись на титульном листе отрывиста и горяча: *«Мишель! Брат мой, друг мой! Всегда! Григор Поженян»*. Еще до этого я отправил ему из Кишинева в Москву одну из своих книг, о Пушкине в Бессарабии, с дружеским посланием:

Григорий, здравствуй! Мы врозь, но вместе,
И души в поиске (не на бумаге).
Где остров Страсти? Где берег Чести?
Где мыс Достоинства и Пик отваги?

Достаточно было и не очень длительного общения с Григорием Поженяном, чтобы убедиться в том, каким образом в этом человеке ярко сочетается чувство собственного достоинства с кодексом чести морского офицера, задиристость и нежность, мальчишество и умудренность. Подтрунивать над собой он разрешал, кажется, только себе. Иногда для смеха начинал свои истории такими насмешливыми словами: «Когда я был высоким, стройным блондином с голубыми глазами...» На деле все обстояло с точностью до наоборот. Поженян был очень невысок ростом, коренаст и склонен к тучности, смугл и черноглаз. Недаром на фронте, во взводе разведки к нему прилипло прозвище Уголек. Всю жизнь он горел на ветру истории, как тот уголь, пылающий огнем, о котором Пушкин писал в «Пророке». А Юрий Карлович Олеша вообще сказал, что Поженян — «бочонок метафор».

Не скрою, я дорожил дружеским расположением Гриши, общением с ним. Тем более что он был очень разборчив и требователен к людям, с которыми позволял себе сблизиться. Первая наша встреча и знакомство — это Ялта, дом творчества, середина 60-х годов. Случилось так, что на исходе апрельского дня Поженян предложил сгонять партишку в шахматы. Играл он напористо, легкодумно, но в каждом ходе была мысль. После нескольких легких партий, где ему достались не только выигрыши, он как-то внимательно посмотрел на меня:

— Давай сходим на набережную, прогуляемся перед сном, — как-то вечером предложил Поженян. Отказываться не было причин. Мы вышли из Дома творчества. Сквозь открытые окна доносился дробный стук пишущих машинок. Неко-

торые обитатели продолжали работать. Стук пишущих машинок в этом доме был такой постоянной музыкой, что скворцы-пересмешники, сидя на ветке кипариса или лавра, воспроизводили его с такой точностью, что на миг могло показаться: высоко на ветке сидит человек и печатает на машинке.

Мы вышли из двора и по извилистой тропке стали спускаться по склону горы к морю. В окрестных дворах цвела глициния, магнолия; аромат весенних цветов смешивался с доносившимися ветром издалека запахами водорослей, соленых волн. Гора подковой охватывала узкую полосу побережья. Уступами лепились дома к склону, сбегая вниз, к набережной, причалам, увеселительным центрам. На одной из улиц таблички на стенах домов сообщали, что это улица Рузвельта.

— Видно, в память о Ялтинской конференции? — предположил я.

— Пожалуй... Но улицы Черчилля ты здесь не найдешь, — усмехнулся Поженян.

Мы вышли на оживленную, многоцветную набережную близ гостиницы «Ореанда», упомянутой и у Куприна в рассказе «Морская болезнь», и у Чехова в «Даме с собачкой». Под шелест волн, шуршание гальки, звуки эстрадной музыки гуляли курортники всех мастей и возрастов. Особенно много было молодежи в тот апрельский вечер. Попадавшиеся навстречу молодые люди и девушки, успевшие загореть, почтительно здоровались с Поженяном.

— Понимаешь, — пояснил Григорий, — я ведь в этих местах снимал мои фильмы — «Жажда», «Прощай», «Никогда». Много здешней публики участвовало в массовках. Меня на этой набережной знает куча народу...

— Гриша, я понимаю, что сценарии, тем более, на биографическом материале, ты мог писать, как стихи... Как песни... Но ты же не режиссер, во ВГИКе не учился? Как же ты профессионально снимал?

— Какие тут сверхъестественные умения нужны? Давать команду «Мотор!» и спать с актрисами — кому ума не доставало?! — усмехнулся он.

Тем временем мы с Гришей поравнялись с причалом, где был пришвартован сверкающий огнями белый теплоход с пассажирами на всех палубах. По судовой радиотрансляции громко звучало объявление: «Граждане пассажиры! Теплоход «Грузия» через тридцать минут отчаливает из Ялты. Просим пассажиров подняться на борт».

Увидев, что это «Грузия», Поженян радостно встрепенулся и возбужденно сказал мне:

— Если капитан сейчас на борту, у нас на теплоходе будет такая встреча, что ты запомнишь ее на всю жизнь.

Мы подошли к трапу, по которому торопливо поднимались люди, готовясь к отплытию. У трапа дежурил вахтенный матрос.

— Капитан на борту? — осведомился Поженян. Вахтенный подтвердил, что да, он у себя.

— Скажи ему, что Поженян с другом хотят его видеть. — Матрос с неким сомнением на лице поднял грузную телефонную трубку, одетую в массивный защитный чехол на случай шторма, и передал «чифу» Гришины слова. По мере того, как вахтенный слушал ответные слова капитана, сомнение на его лице уступало место приветливой улыбке:

— Капитан просит вас с другом непременно пройти к нему в каюту.

Поднимаясь по трапу вместе с Поженяном и потоком туристов, я молча думал о том, куда я тащусь?.. Ведь через полчаса теплоход уходит... Но Гриша, предвосхищая встречу, уверенно вел меня к чуду.

В капитанской каюте обстановка была непринужденная, хотя, как я потом узнал, сидели там за столом деловые люди — портовый служащий, таможенник и руководитель ялгинской ветеранской организации, фронтовой друг капитана «Грузии». Сам «чиф» Анатолий Гарагуля был в майке, легких летних брюках, на ногах — резиновые вьетнамки-следы. Он встал из-за стола, радостно обнялся с Поженяном, приветливо познакомился со мной и без долгих предисловий сразу пригласил нас присоединиться к застолью. Естественно, с ходу было налито всем по рюмке коньяка — за встречу. «Задохнусь от счастья», — произнес Поженян, чокаясь с капитаном и остальными застольниками.

В то лето «Грузия» регулярно курсировала вдоль черноморского побережья — от Одессы до Батуми, с заходом во все крупные порты (они же — курортные центры). Капитан Гарагуля не замедлил поставить в известность Поженяна, что на следующей неделе «Грузия» задержится в Ялте на целых три дня, будет совершать для отдыхающих короткие прогулочные выходы в море, так что — милости прошу на борт. А узнав, что теперь в доме творчества находятся Булат Окуджава с Ольгой, его женой, Константин Ваншенкин с его женой Инной Гофф, обрадовался и попросил Гришу передать им тоже приглашение на морскую прогулку.

— Скажи Булату, у меня на магнитофоне такая чистая запись его песен, какой даже у него нет, — попросил капитан. В непринужденном разговоре смешивались темы. Капитан делился воспоминаниями о визите «Грузии» на Кубу, о его встречах в Гаване с братьями Кастро, с которыми он успел подружиться. Мельком коснулись личности «Бровеносца», выдвигенца из Кишинева, не так давно сменившего «Кукурузника» в руководстве страны. Поженян кивнул в мою сторону, сказал, что я из Кишинева, видел этого человека...

В это время дверь каюты открылась, вошел первый помощник капитана, спросил шефа:

— Выйдете на мостик? Через несколько минут отходим!

— Передайте по трансляции, — распорядился капитан, — отправление откладывается на час.

Первый помощник удалился. Застолье продолжалось. Признаться, мне стало как-то не по себе. Неужели приход Поженяна со мной повлиял на задержку лайнера? Как бы то ни было, рюмки опять налиты, бутылка опустела. Общение продолжается. Григор (как он сам нередко называет себя, видимо, на армянский манер) по просьбе капитана читает свои новые стихи. Гости внимают. Капитан нажимает кнопку, и в каюте возникает услужливая личность снабженца.

— Еще бутылку того же букета, — распорядился капитан. Снабженец исчез, но через несколько минут снова возник, на этот раз с растерянно виноватым видом, и сообщил:

— У нас кончился армянский коньяк... Другой можно?..

— Иди хорошенько поищи. Ты же видишь, я не могу управлять судном без армянского коньяка!

Понурился, снабженец покорно удалился. Капитан Анатолий Гарагуля, надо полагать, хорошо знал его способности как добытчика. Минут через десять снабженец явился с очередной бутылкой армянского коньяка. Слушатели одобряли, хвалили. Чокались. Беседа текла, время текло. Не успели наговориться, как в каюту опять вошел первый помощник капитана с прежним своим вопросом:

— Капитан, выйдете на мостик? Время поджимает.

Недолго думая, Гарагуля отозвался:

— Передайте по трансляции, отправление откладывается еще на час. — И добавил: — Ничего, в пути наверстаем...

Предсказание Гриши Поженяна, что я этот вечер запомню надолго, оказалось точным. Это было пиршество дружбы еще с фронтовых лет, мужества, жизнелюбия. В тот вечер я вернулся в Дом творчества сам. Поженян остался на теплоходе, рейсом до Одессы и обратно в Ялту. Меня попросил передать, кому надо, чтоб не беспокоились о его отсутствии. Обещал вернуться через три дня.

А когда вернулся, быстро привлек к морской прогулке на «Грузии» Константина Ваншенкина и его жену Инну Гофф, Булата Окуджаву с Ольгой Арцимович.

— Ну, а мы с тобой получили приглашение лично от капитана, — весело напомнил Поженян.

Расскажу еще об одной из памятных встреч с капитаном Анатолием Гарагулей. На этот раз не в Ялте, а в Сочи. Заранее условившись, где и когда провести отпуск на море, мы встретились в Пицунде в благословенное время на Кавказе — в сентябре. Это было незадолго до дня рождения Гриши, и одна из первых новостей, которыми он меня обдал, состояла в том, что именно к этой дате, к двадцатому сентября «Грузия» придет в порт Сочи, и мы с некоторыми другими друзьями именинника, тоже обитавшими в это время в Пицундском доме творчества, отметим на борту теплохода торжественную дату. Такова воля капитана Гарагули.

Когда настал тот торжественный день, мы на такси направились в Сочи. В соответствии с замыслом Гриши, по пути заехали на пицундский базар — купить к застолью всевозможные острые приправы, душистые грузинские травы. Помню, он радостно ухватился за длинное ожерелье горьких красных перчиков, нанизанных на суровую нить, и тут же надел на шею. И уже не снимал перечное ожерелье всю дорогу, пока мы не встретились с капитаном на борту теплохода. На другом такси из Пицунды прибыли Василий Аксенов с женой, Белла Ахмадулина с мужем, художником Борисом Мессерером. Капитан проводил гостей в уединенный кабинет судового ресторана, к щедро накрытому столу. Там уже наготове ждала приветливая официантка и два ее помощника. Капитан сообщил своему персоналу, что теперь на судне главный распорядитель — Григорий Михайлович, и теперь именно его слово имеет силу закона для всех, кто на борту. В том числе и лично для него, капитана. После такого решительного заявления капитан попросил у Гриши разрешения отлучиться по делам ненадолго и ушел.

Смешная деталь: к началу трапезы подавальщица принесла плетеную хлебницу с тонко нарезанными ломтиками батона. Но ни одной горбушки там не видно было, — вероятно, в соответствии с застольной эстетикой тех лет, горбушки не были поданы на стол.

— Где горбушки? — грозно спросил Поженян, входя в роль властного распорядителя. Официантка что-то пыталась робко сказать о красоте, об уважительности... Поженян был неумолим. — А я люблю горбушки!

Официантка ушла и вернулась с другой хлебницей, полной одних горбушек.

— Это мне нравится, — одобрил придирчивый временный диктатор. Вернулся Анатолий Гарагуля, и пир в честь именинника начал разгораться. Не прошло и нескольких минут, как с извинениями подошел помощник капитана и сообщил шефу:

— К вам посланец от Роберта Ивановича Рождественского.

— От кого?! — рявкнул Поженян. Он был в ярости. Роберт Рождественский не принадлежал к числу его любимцев. Совсем наоборот. Однажды в бильярдной на моих глазах случился момент истины. Поженян стоял в стороне и наблюдал за игрой Рождественского с одним из завсегдатаев этого заведения. Игра у Рожде-

стенского не клеилась, Поженян довольно издевательски вслух комментировал его промахи. Роберт вдруг прервал партию, с кием в руке подошел к Поженяну и спросил, взволнованно заикаясь:

— Григорий Михайлович, за что вы меня так не любите?

Ответ последовал мгновенно, грубый, прямой наводкой:

— За то, что ты своими сочными губами так присосался к государственной заднице.

И вдруг перед нашей небольшой компанией на борту «Грузии» с явным намерением нарушить зарождавшийся кайф предстал посланец Рождественского. И кто это был? Это был молодой Кобзон в щеголеватом белоснежном костюме, взмыленный от жары, спешки и усердия.

— Дорогой товарищ капитан, Роберт Иванович от души просит вас оказать честь и посетить наш фестиваль Красная Гвоздика... В ближайшее время будут объявлены победители этого года. Ваше присутствие украсит финал этого важного события.

Напомню, что «Красная гвоздика» — это был международный молодёжный фестиваль политической песни, проводившийся в Сочи. Идеологические инстанции так формулировали важнейшую цель фестиваля — объединить творческие силы народов мира под эгидой коммунистической идеи и советского идеала жизни. Уклониться от такого события? Это могло дорого обойтись. И все же...

Капитан Гарагуля молча развел руками.

Поженян категорически произнес:

— Это невозможно!

— Но вы же хозяин... — решился напомнить Кобзон.

— Правильное замечание! Капитан на борту — полновластный хозяин. Он и советская власть, и милиция, и женить может, и метрику новорожденному выдать. Но вы же сами видите, мы отмечаем день рождения моего фронтowego друга Григория, — с оттенком вины пояснил капитан. — Он теперь первое лицо на судне... Разве он меня отпустит?

— Ни за какие коврижки! — воскликнул Поженян.

Кобзон еще пытался как-то убедить, уговорить. Привел последний довод:

— Роберт Иванович велел мне без вас не возвращаться на фестиваль...

Ничего не могло изменить ситуацию. Кобзон ушел ни с чем. Пиршество снова набирало силу. Снова взвихрилась феерия шуток, воспоминаний, экспромтов. И тут второй раз предстал перед нами Кобзон, еще более взмыленный, чем раньше.

— Дорогой товарищ капитан, Роберт Иванович... Вы не можете представить, как он расстроен... Как он просит вас приехать на фестиваль... Хотя бы на полчаса! На полчаса!

— Ни за какие коврижки! — опять воскликнул Поженян. Но капитан обратился к неумолимому главе застолья с подчеркнuto смиренной просьбой разрешить ему удалиться всего-навсего на полчаса. Поженяну пришлось уступить...

На борту теплохода, в морских скитаниях бок о бок с таким другом, как Анатолий Гарагуля, Григору хорошо писалось. Свежие строки новорожденных стихов он тут же спешил без промедления прочесть Анатолию Гарагуле. Для них обоих это как бы стало обрядом. И даже источником возникновения историй, похожих на легенды, которые бытуют на Черноморском побережье.

Вот одна из них. Я бы озаглавил ее так: «Морская душа или флотский чинуша?»

В теплый летний вечер, когда звезды так набухают яркостью, что некоторые из них срываются с небосвода и падают, как зрелые плоды с дерева, «Грузия» покидала Сочинский порт. Выход из акватории сочинского порта в открытый простор, — это хорошо известно опытным мореходам, — представляет собой довольно узкую горловину, проход через которую считается ответственным маневром. Поэтому при проходе через эти ворота капитан всегда — на мостике, чтобы обеспечить четкий и быстрый проход, не загромождая дорогу другим судам. Как раз в такие минуты, когда капитан Гарагуля с мостика командовал выходом в открытое море, перед ним предстал Поженян с открытым блокнотом в руке и сказал:

— Послушай! Я только что закончил, может быть, лучшее стихотворение в моей жизни.

— Прости, Гриша. Можно чуть-чуть позже?

— То есть как? — взорвался Поженян. — Ты не можешь уделить гениальному стихотворению пять минут?

— Ты же видишь...

— Я тебя не узнаю, Толя! Ты морская душа или чинуша морского ведомства?

В минуту, когда прозвучал этот дерзкий и довольно нелепый вопрос, теплоход «Грузия» как раз проходил горловину. И что еще нелепей — капитан, вопреки запрету останавливать судно на этом сложном участке, скомандовал с мостика: «Стоп машина!». Он остановил теплоход и сказал Поженяну:

— Читай. Я слушаю.

Портовая служба, следившая с берега за выходом «Грузии» в море, не могла взять в толк, что творится? Что происходит с теплоходом? Как мог такой опытный капитан, как Гарагуля, допустить подобное нарушение?

Тем временем Гарагуля выслушал только что написанное, новорожденное стихотворение, после чего благополучно завершил маневр. По служебной линии он получил выговор. Но взыскание это не нанесло никакого ущерба авторитету знаменитого капитана. Напротив, оно приумножило его славу ценителя поэзии, фронтового братства и вообще человечности.

Что еще сказать? Как-то Гриша рассказал: однажды в частном разговоре капитан Гарагуля по-мужски откровенно поделился с ним пикантным признанием. Среди официанток, буфетчиц и другого женского персонала теплохода «Грузия», как стало известно Анатолию Гарагуле, есть одна неизвестная ему сотрудница, которая тайно присматривает за его благонравным поведением «по женской линии» и доносит о его грешках — кому бы вы думали? Докладывает... жене капитана, живущей в Одессе и заботящейся оттуда о муже. В связи с чем Анатолий попросил друга Гришу стать на короткое время детективом и выявить означенную личность. Поженян успешно справился с доверительным заданием, что позитивно отразилось на семейном фронте и настроении капитана.

Фильм «Жажда» я видел еще до знакомства с Гришей. И знал, что в нем он запечатлел эпизод своей фронтовой биографии. В жаркие дни августа 1941 года Одесса изнывала от жажды. В водопроводных кранах не было воды. Стали черпать

ведрами воду из кое-где сохранившихся старых колодцев. Высотка, откуда шла вода в Одессу, уже была в руках противника. Разведывательно-диверсионная группа, в составе которой был Григорий Поженян, сумела отбить у превосходящих сил врага водозаборную станцию в захваченной Беляевке. Разведчики запустили отключенные насосы и подали воду в страдающую от её нехватки Одессу. Почти все моряки-участники той операции погибли. Поженян был ранен, но его посчитали погибшим. Домой послали похоронку. Но там уже было пусто. Гришина мать ушла на фронт, служила военврачом в госпитале. Отец, арестованный в годину большого террора, мотал срок в ГУЛАГе.

После Победы, в Одессе на улице Пастера, 27, на стене здания, в котором располагался диверсионный отряд, была установлена мемориальная доска, на которой среди имён погибших ошибочно значится его имя. На основе этих событий он создал художественный фильм «Жажда».

— Будешь в Одессе, — положил мне Гриша руку на плечо, — непременно сходи на улицу Пастера. Прочти имена на мраморной доске... И я увижу тебя и подмигну тебе с той доски.

Забегая вперед в моем повествовании, признаюсь — я так и сделал. Ведь от Кишинева до Одессы рукой подать. Всего несколько часов езды. А в Одессе поныне живет давний друг Валерий Кузнецов, пианист и фокусник, дрессировщик льва по имени Мальчик в городском зоопарке, а главное — яхтенный капитан. С женой и тремя маленькими детьми Валерий ютился в довольно ветхой и тесной квартире в старом одесском доме. Он хлопотал в горсовете, чтобы ему предоставили пустовавшую в то время кладовку в дворовой пристройке, но чиновничья канитель не предвещала ничего хорошего.

Как раз в ту пору в Одессу приехал в командировку Гриша Поженян от газеты «Известия» — брат ингервью у мэра Одессы-мамы. По этому случаю, Валера устроил выход в море под парусом. После морской прогулки Поженян посетил его жилье, познакомился с Валею, его женой, с детишками, своими глазами увидел их быт. И когда Валентина рассказала гостю, как трудно добиться малейшего улучшения квартирных условий, Поженян, не раздавая обещаний, про себя принял решение — во время встречи с мэром непременно замолвить словечко о жилищной проблеме семейства Валерия Кузнецова. И сдержал слово.

Оказавшись в очередной раз в Одессе, я пошел на улицу Пастера. Здесь, в помещении успешного эвакуироваться института, жили разведчики-моряки. Отсюда они совершали боевые вылазки, отсюда их отправляли на самые отчаянные дела. На сероватой стене выделяется мраморный прямоугольник. Читаю имена, фамилии погибших героев, расположенные в алфавитном порядке: Алексеев Василий, Безбородько Олег, Зуц Арсений, Калина Алексей, Конвиссер Лазарь, Макушева Анна, Нестеренко Леон, **Поженян Григорий**, Рулев Константин, Сурнин Михаил, Твердохлебов Петр, Урбанский Георгий, Гура Иван... Они не вернулись с боевого задания.

И с этой стены Григорий, в бою раненый в голову, но чудом сумевший выжить, лукаво и дерзко подмигнул мне. Подмигнул с белой мраморной доски. Вообще-то Гриша рассказывал много острых, подчас выглядевших невероятными происшествий, которые потом оказывались чистой правдой. Каждый раз его феерические, легендарные истории некоторое время спустя подтверждались достоверными фактами, не оставляя малейшего повода усомниться, что так было на самом деле. Фантастический человек.

Об этой особенности личности Поженяна я как-то разговорился с талантливой писательницей и поэтессой Галиной Демькиной, учившейся в Литературном институте в годы, когда на старших курсах там блистали недавние фронтовики. Сокурсниками Поженяна было только двое пришедших в институт со школьной скамьи — Бенедикт Сарнов и юный, рано умерший поэт Герман Валиков. Все остальные пришли в поэзию с войны. На том же курсе, что и Гриша, учились очень разные люди: Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Евгений Винокуров. Их объединяло фронтовое прошлое, служба в армии. В последующие годы их пути резко разошлись, вплоть до противостояния.

Галя Демькина, чьи родители были биологами, близкие родственники — растениеводами, лесниками, волшебной знала природу, и это чувствовалось в ее душевных стихах, в ее психологически проникновенной прозе со сказовыми инсказаниями. Поженян высоко ценил чистоту ее голоса, любил ее писательскую манеру. Галя ощущала Поженяна близким ее душе певцом мужества. Смеясь, рассказывала Галя, как Гриша Поженян учил смелости ее четырехлетнего сынишку. Он поставил мальчонку на край стола, сам отступил на шаг, раскинул руки и дружески велел:

Прыгай! Я тебя поймаю.

Ребенок растерянно переминался с одной ножки на другую, не решаясь кинуться с высоты стола в объятия дяди Гриши. Но каким-то образом этот веселый и одновременно властный человек сумел убедить малыша — кинуться вперед. Поженян подхватил его в полете, возбужденного, веселого. И что произносит с мальчиком? Он говорит: «Хочу еще!». И, переборов страх, прыгает, летит со стола к Поженяну, который заговорщицки подмигивает ему. Наверно, как подмигивал и мне с мемориальной доски на улице Пастера.

Я рассказал Гале Демькиной, как, оказавшись в Одессе, специально решил навестить дом, где базировался летом 1941-го Гриша Поженян с отважным отрядом разведчиков, давших Одессе, страдавшей от жажды, живую воду. Все выглядело точь-в-точь так, как рассказывал Гриша. И дом, и мраморная доска, и фамилии погибших, включая Поженяна.

Вслушав мои слова, Галя Демькина как-то помрачнела. Совершенно неожиданно для меня прозвучал упрек Гали, вообще-то относившейся ко мне очень дружественно. Она как бы вскользь чуть огорчилась:

— Гриша тебя любит, а ты его расследуешь...

Слова ее остро заделали меня. Какое же это расследование? Разве сам Гриша не подсказал мне подойти к этому дому? К этой мемориальной доске? Но Поженян нередко рассказывал такие ошеломительные, сногшибательные истории, что, честно говоря, при всем доверии к шальному характеру Уголька, порой шевелилось сомнение: а нет ли в его монологах (как бы это выразиться безобидней) примеси воображения? Я пытался объяснить Гале Демькиной, что никакое это не расследование, а вполне нормальное, дружеское восприятие. В ответ она примирительно улыбнулась и махнула рукой:

— Ладно, не бери в голову...

У Григория Поженяна было и такое обаятельное качество — он охотно и щедро знакомил между собой разных своих друзей-приятелей, до его посредничества не знавших друг с друга. Если уж одаривал ближних своей благодатью, то делал это от души, полной мерой. Поженян свел меня с Булатом Окуджавой, Юрием Трифоновым, Владимиром Дудинцевым, Константином Ваншенкиным и его женой Инной Гофф, со многими другими людьми искусства, общение с которыми бурное время перемен не выветривает из памяти.

— Посмотри на Юру, сам подумай... Столько наших «письменников» жалуются на притеснения, нехватку свободы... А Трифонов живет и пишет, как свободный человек. Не робеет перед любой запретной темой. Пишет, что и как считает нужным. Его повести — литература высшего класса.

Узнав, что я из Кишинева, Трифонов завел со мной разговор о молдавских писателях, с которыми он лично знаком или читал их книги. В частности, спросил, знаю ли Иона Друцэ. Я ответил, что мы с ним не только близко знакомы, но я писал о творчестве Друцэ, опубликовал литературный портрет этого писателя, а также перевел на русский ряд его рассказов, пьесу «Каса маре», премьеры которой с успехом прошла в Московском театре Советской Армии. Трифонов видел этот спектакль, вещь эта ему понравилась. Прозу Друцэ он назвал душевной, поэтичной, но отметил явный перевес травников и былинки над жгучими общественными вызовами.

Помню, он одобрительно отозвался об одаренном кишиневском поэте Ефреме Баухе, учившемся в Москве на Высших литературных курсах, где что-то преподавал и Юрий Трифонов. С особой теплотой отзывался о Фридрихе Горенштейне, спрашивал меня, что я читал из сочинений этого очень талантливого автора. Я ответил, что читал только один рассказ — «Дом с башенкой», опубликованный давно-давно в журнале «Юность». Трифонов рассказал, что этого автора у нас очень мало печатают, хотя работает он на износ. Больше того, Горенштейн давал читать Трифонову свои неопубликованные вещи.

В ту пору это была его пьеса «Бердичев».

— О чем? — поинтересовался я. Трифонов на миг задумался и произнес:

— О прозябании в условиях советской жизни. — Формулировка эта запомнилась некоторой необычностью, как мне показалось.

Юрий Трифонов поинтересовался в беседе, каким образом мне в условиях советской цензуры удалось опубликовать в Молдавии документальную повесть о легендарном подводнике Александре Маринеско, представленном к званию Героя Советского Союза, но вместо этого угодившего в ГУЛАГ. Я охотно прояснил ситуацию. Тут сыграло важную роль то обстоятельство, что у Молдавии было очень мало, так сказать, *своих* героев. А фамилия Маринеско самим звучанием говорит о принадлежности румынскому (молдавскому) народу. Добрая слава о подвигах Александра Маринеско стала такой передаваемой из уст в уста, таким фактом общественного сознания, который явно теснил официальный запрет на упоминание его имени в печати. Во всяком случае, видные писатели Молдавии очень поддерживали мою работу по исследованию биографии Маринеско и его подвигам.

Юрий Трифонов по этому поводу заметил, что, видимо, не так уж мало осталось в стране воинов, заслуживших звание Героя и даже официально представленных к нему, но так и не дождавшихся заслуженной ими золотой звездочки. Только перед нашими глазами, вдобавок к Маринеско, — еще два наглядных примера: во-первых, сам Гриша Поженян, а во-вторых, один из его соавторов по ироническому детективу — неприкасаемый, который, говорят, до сих пор остается настольной книгой любого уважающего себя спецназовца. Зовут этого соавтора Овидий Гор-

чаков. Он отважно сражался и на передовой линии фронта, и в партизанском отряде. Ему посчастливилось выйти живым из пекла. После войны Горчаков, будучи новичком в литературе, стал писать обжигающие душу рассказы, повести. Они составили его первый сборник, который долго оставался ненапечатанным.

Василий Гроссман прочел рукопись книги Горчакова и сказал, что это лучшая книга о партизанском движении и вообще одна из лучших книг о войне. К сожалению, опубликовать ее в те годы не удалось. Военная проза Горчакова вышла только в пору перестройки, но даже в тот период смелых изданий — в усеченном виде.

Да, вздохнул Трифонов, немало отчаянных смельчаков, достойных звания героя, не получили его. И вообще на войне была такая ситуация, что когда какой-то подвиг совершался *впервые*, в горячке сражений порой даже не было возможности сразу осознать, осмыслить происшедшее. Лишь когда подобный подвиг кто-то совершал повторно, подвиг легче поддавался описанию и, стало быть, представлению к награде.

Поженян охотно рассказывал, как неожиданно для троих его создателей родился пародийно шпионский роман о карьере агента ЦРУ номер 14 Джина Грина — неприкасаемого. Автором этого произведения обозначен Гривадий Горпожакс. Псевдоним этот составлен из фрагментов трех имен и фамилий — ГРИгорий ПОженян, ВАсилий АКСенов, ОвидИЙ ГОРчаков. Итак, трое коллег одновременно оказались в Коктебеле, в писательском доме творчества. У Горчакова случилась более чем досадная неприятность: споткнулся на лестнице и получил изрядное повреждение позвоночника. Врачи прописали ему постельный режим, по меньшей мере, на ближайšie месяца два. И Поженян, и Аксенов сразу решили не покидать пострадавшего друга. Они продлили свой срок в Коктебеле, сообщая придумали себе занятие — написать остросюжетную книгу, автор которой Гривадий ГОРПОЖАКС, эскавайр. Работали, веселились и веселя лежачего страдальца.

С особым расположением и, я бы сказал, любовью относился Гриша Поженян к своему младшему другу — Василию Аксенову. Не раз слышал я от Поженяна, совсем не склонного к восторгу, очень щедрые отзывы о таланте Аксенова. Но после того как Василий в 1980 году уехал по приглашению в США, а потом решил вообще не возвращаться, отношение Поженяна к нему резко изменилось. Он с болью душевной осуждал расставание Аксенова с родной страной. Нет, он не клеймил его на собраниях, не навешивал ярлык изменника родины. Но все-таки... Как советский человек, как фронтовик не мог примириться с поступком Аксенова. Об этом — и в его стихотворении «Слово».

Мети, мети, моей судьбы метель.
 Стихам не страшно. Мне прикрыться нечем.
 Всё решено. Как не бывает двух смертей,
 так, слава богу, нет и двух Отечеств.

Поженян читал мне целиком небольшую поэму, посвященную Васе, как он его называл. В этой вещи звучали прочувствованные строки об их былой дружбе. Воспоминания о войне и ее уроках.

— Понимаешь, — комментировал Гриша, я не приучен думать, что на войне можно вести себя то так, то этак. Сначала говорить: «Я немного повоюю в этих окопах», а потом заявить: «Теперь хочу повоевать в других окопах, на стороне противника». Это слишком серьезно, чтобы быть игрой.

Поженян читал многим знакомым эту осуждающую поэму. Но не спешил печатать ее. Ни в советской печати, ни в диссидентской или зарубежной. И, насколько

мне известно, до сих пор она остается неопубликованной. А ведь у него были стихи, которые печатались за границей. Вспоминаю такое короткое стихотворение:

И Сталин в землю лёг
И Пастернак.
Поэт и царь
Тиран и Божий дух.
Немой удел
теперь их общий враг.
Земной предел
теперь их общий друг.
Они ушли, не чувствуя вины.
Они теперь равны.
И не равны.
Один избрал — неверный саркофаг,
другой избрал — зелёных три сосны.

В связи с этой «поэмой о Ваське» я сказал Грише, что в случае ее публикации, в высоких кабинетах наверняка будут довольны, но понимающий читатель не может не заметить, — точка зрения автора как-то приближается к вульгарному, казенному подходу: любой, кто покидает советскую страну, — изменник родины.

Поженян вчетверо сложил листки поэмы, которую еще держал в руках, сунул в боковой карман пиджака и проворчал: «Потому и не печатаю». Таким человеком был Григорий Поженян. Разумеется, в его оценках, суждениях случалось много спорного, порой ошибочного.

В этом смысле примечательно его отношение к творчеству Владимира Высоцкого. Высоцкий нравился Поженяну как очень одаренный актер, как яркая многогранная личность. Гриша высоко ценил его песни. Сам Поженян тоже сочинил целый букет стихов к широко известным песням. Многим, наверно, помнятся «Мы с тобой два берега у одной реки». Мне же из песенных текстов Поженяна больше всего пришлись по душе его речитативы, музыку к ним сочинил Таривердиев. В ту пору, когда еще не было кассетных магнитофонов, Гриша подарил мне большую бобину с ленточной записью всех его речитативов. Помню, я слушал эту сердечную музыку на своем громоздком магнитофоне, ставил ее для друзей.

Добавлю еще эпизод. Однажды в Москве Гриша пригласил меня в Цыганский театр на спектакль по «Очарованному страннику» Лескова. Для этой постановки Поженян написал целый ряд ярких песен. Он хотел, чтобы я их послушал. Пела Грушенька, героиня спектакля. Гриша сказал, что, работая над этими песнями, равнялся на цыганские мотивы у Блока. Все это выглядело очень привлекательно. Но, — это надо признать откровенно, — не шло ни в какое сравнение с феерической популярностью песен Высоцкого.

А стихов Высоцкого Поженян, к сожалению, недооценивал. И, опять же к сожалению, не оказал даже малейшей поддержки Владимиру Высоцкому в долгих мытарствах и попытках издать сборник стихов, о чем Владимир дружески просил его. Поженян с какой-то неуместно веселой бравадой пересказывал, что он ответил Высоцкому в ответ на его просьбу подсобрать.

«Воледа, ты легендарная личность! — сказал ему Гриша. — Тебя поет и любит вся страна — от Бреста до Магадана. Когда ты прибыл на гастроли в Набережные Челны и ехал в машине по центральной улице города, из окон всех квартир, всех многоэтажных домов вдоль улицы доносились твои песни, на всех подокон-

никах стояли магнитофоны, поющие твоим голосом. Ты человек-легенда! Зачем тебе еще сборник стихов? Издашь книжечку — и все увидят, что ты бездарен».

Так и не удалось Владимиру Высоцкому в ту славную пору издать хоть небольшой сборник лучших стихов. Другие друзья-поэты тоже не спешили на помощь. Признание пришло к поэзии Высоцкого лишь после его безвременного ухода, когда подоспела перестройка. Тогда (в ответ на ожидания и спрос читающей публики) одна за другой стали выходить в разных издательствах книжечки и книги Высоцкого. Вплоть до полного собрания сочинений. Чего никогда не удавалось ни Пожениан, ни другим именитым поэтам. Гриша не любил разговоров на эту тему и упрямо стоял на своем. Он продолжал издавать солидные книги добротных стихов, честно хранил память о погибших друзьях, верный давнему обету:

Тех, что погибли,
Считаю храбрее...

Но былая популярность шла на убыль. Он еще бодрился, отвечал любимым присловьем «Готов соответствовать!» — на любой брошенный ему вызов. В 2000-м году на поэта напали хулиганы. Он, старый морской пехотинец, краснофлотец, дал им отпор. Получил опасные для жизни травмы. Врачам пришлось сделать ему трепанацию черепа, потом целый год бороться за его жизнь. И еще три года после этого происшествия Пожениан приходил в себя. Когда Гриша умер, в последний путь, говорят, его провожали не толпы поклонников таланта, — всего-навсего человек двадцать близких людей. Прошло почти десятилетие со времени его ухода. За эти годы обидно мало появилось работ о его творчестве, воспоминаний о нем, осмысления его роли в русской поэзии.

А слава Высоцкого стала поистине международной. В память о нем устраивают фестивали, издают стихи в переводах на иностранные языки, открывают мемориальные музеи. По мнению Иосифа Бродского, Владимир Высоцкий — один из лучших поэтов России, звезда первой величины. Увы, Григорий Пожениан в оценке поэзии Высоцкого ошибся.

При одной из встреч Гриша задал мне неожиданный вопрос:

— Ты знаешь такого молдавского поэта — Петря Дариенко?

Еще бы! Как мог живущий в Кишиневе литератор не знать такого крупного босса на ниве местной культуры? Петря Дариенко занимал высокие должности в партийной иерархии, был редактором главной республиканской газеты, председателем Союза журналистов Молдовы, потом министром культуры. На этом поприще Дариенко близко познакомился с Фурцевой, и его карьера резко рванула вверх по служебной лестнице. Его перевели в Москву на должность главного редактора газеты «Советская культура». Кроме того, Дариенко «еще немножко шил». Точнее, писал стихи. На молдавском языке, которым владел далеко от совершенства, так как родом был из села на левом берегу Днестра, где сильно дают о себе знать диалектные различия. (Теперь это территория не признанной, сепаратистской Приднестровской республики). Поэт он был риторический, казенный. На свой лад славил ум, честь и совесть той эпохи.

Гриша рассказал, что познакомился с Дариенко в Москве, на каком-то мероприятии, — кажется, в дни Декады Молдавского искусства в столице. Разговорились, и Дариенко пригласил Пожениана приехать в Молдавию, ознакомиться с ее красотой и успехами, с качеством ее фруктов и вин. Не утаил Дариенко и свой замысел — привлечь Пожениана к переводу молдавской поэзии на «великий и могучий». Разумеется, начиная с его собственных стихов.

Незадолго до их московской встречи Петря Дариенко совершил поездку по странам социалистического лагеря, отразил в стихах впечатления об этом путешествии. К стати, подстрочный перевод этого цикла стихов скоро будет готов и может быть представлен тому маэстро, который займется их литературным переводом. Тут я должен напомнить, что в советские годы широкое распространение получила практика переводов с подстрочника, причем и поэзии, и прозы. Язык оригинала было не обязательно знать. Только бы конечный продукт выглядел благопристойно. Или, как тогда говорили, публикабельно.

Конечно, переводчику-мастеру полезно было знакомство с реалиями, связанными с переводимым текстом. Еще Гете напоминал: кто хочет понять поэта, должен посетить его родной край. Когда Григорий Поженян приехал в Кишинев, Дариенко принял гостя с истинным советско-молдавским радушием. Знакомство с республикой свелось, в основном, к винодельческой отрасли. К поездкам в прославленные центры молдавского виноделия — Криково, Пуркары, Малые Милешты, к посещению предприятий, изготавливающих коньяк, шампанское, херес, кагор и множество сортов сухих вин. При каждом из них имеются нарядно оформленные в народном стиле дегустационные, банкетные залы с хорошо натренированным по части обслуживания персоналом. Совместная поездка Дариенко и Поженяна по всем этим горячительным точкам оставляла мало времени для вразумительного разговора о стихах. Все же Петря Дариенко сумел кое-что рассказать гостю о визите в Болгарию, Венгрию, «не совсем социалистическую» (как он выразился) Югославию и другие братские страны.

На прощание Дариенко проводил гостя в аэропорт и вручил ему пачку листов с подстрочниками своих произведений. Поженян свернул эти листы трубочкой и небрежно сунул в карман куртки. А в качестве сувенира, на посошок, — Петря протянул красивую коробку с бутылкой коньяка многолетней выдержки. Этот подарок Гриша положил в свою небольшую дорожную сумку, висевшую на плече. Договорились, что по мере перевода стихотворений, Поженян сразу вышлет автору первые образцы готовой продукции. На том и попрощались.

Приехав домой из Кишинева и чуть-чуть отдохнув с дороги, Поженян подумал, что надо будет взяться за переводы и стал искать подстрочники. Увы, он вскоре убедился, что потерял их где-то в дорожной суете. Но помнил, что это стихи о посещении дружественных стран. И названия некоторых стран запомнились четко. Исходя из этого знания, Поженян стал «переводить» о Болгарии, Югославии, прекрасно обходясь без подстрочников. Через пару недель выслал автору в Кишинев первую порцию готовых стихов. Ответ Дариенко гласил, что автор в восторге от качества переводов.

Если до этого у Гриши и были кое-какие опасения, как будут восприняты его переводческие труды, после отзыва, полученного из Кишинева, — отлегло. Дальше, рассказывает Поженян, осталось только позвонить и спросить у молдавского автора: в какой еще стране ты был? Уточнив очередное место на глобусе, где побывал Дариенко, Поженян в том же вольном стиле успешно закончил «перевод» всего цикла стихов. Даже без подстрочников как-то удалось обойтись.

Такая практика «дотягивания» сочинений поэтов с национальных окраин в советские годы негласно поощрялась властью (в идеологических целях). Добротная продукция (товар лицом!) призвана была напоказ явить миру пышный расцвет культуры в любой глубинке, в самых отдаленных уголках страны. Расцвет этот, увы, на самом деле там и не ночевал, поныне он там не спешит показаться.

Почти все настоящие поэты, живущие на литературных хлебах, больше или меньше занимались ремеслом перевода. В том числе и такого, какой Поженян сделал для Дариенко. В жаргонной речи профессионалов подобный труд порой фигурировал как перевод на основе донорства. Или на основе вампирства? Безусловно, в стране существовала взискательная, высокая школа художественного переложения. Но параллельно с ней — конвейер, фабриковавший мнимые величины в литературе, «датские стихи», приуроченные к официальным датам и пропагандистским событиям, множились дутые авторитеты обласканных властью творцов.

В Пицунде на пляже, под умиротворяющий шум прибоя мы с Гришей иногда играли в шахматы. Партии у нас были сравнительно легкие, любительские, но все же порой не лишены красивых комбинаций, замысловатых жертв. За количеством набранных очков мы не следили, счет у нас был приблизительно равный. Стоило нам расставить фигуры на доске, как вокруг собирались болельщики — не болельщики, но желающие последить за игрой. В тот раз сели на песок и наблюдали за партией Фазиль Искандер, Кирилл Ковальджи, еще два-три человека.

Поженян оторвал взгляд от позиции на доске и неожиданно сказал с неким нажимом:

— Наши болельщики весело переглянулись. Кто-то осведомился, можно ли делать ставки и участвовать в провозглашенном шахматном тотализаторе? Для меня этот вызов был неожиданным, но ничего не корректного, тем более, обидного я абсолютно не уловил. Ничего такого и в голову не пришло. Сейчас, много лет спустя, размышляю над тем эпизодом. Что двигало Поженяном? Желание позабавить болельщиков? Азарт? Озорство? Возможно. Но не выпендрож. Для самоутверждения у Гриши был богатый арсенал гораздо более влиятельных средств.

Естественно, мне ничего другого не оставалось, как принять неожиданный вызов. И тоже пообещать, что в случае проигрыша — с меня бутылка. И болельщикам, понятное дело, предоставлялась возможность сделать ставку на одного из двух игроков.

Итак, дуэль началась. Дебют мы быстро и без приключений разыграли. Оба рокировались в ту же сторону. На боевой тропе Гриша выглядел явно возбужденным. От него исходили импульсы прямо-таки ощутимой энергетики. Расставив свои атакующие фигуры на сильных полях, он стал бесстрашно надвигать пешки со своей рокировки на резиденцию моего короля. Слово грозовая туча, нависали боевые фигуры противника над моей позицией. Пешечный таран приблизился почти вплотную. Все труднее становилось изыскивать ресурсы защиты. Но как-то удавалось их найти. Ни на миг мне тогда не приходила в голову шальная мысль: а может, поддержать его блажь? Может, как-то деликатно дать ему одержать верх?

Гриша двинул в атаку почти все отмобилизованное войско, которым располагал. Вот-вот поставит мат. Увлечшись нападением и чужую близкую победу, он опасно оголил своего короля. И тут пробил час моей контригры. Нашелся не очевидный ход, мгновенно изменивший ситуацию на доске. Находясь в шаге, — казалось бы, почти ничем не примечательное, рядовое событие. Почему же оно не выветривается из памяти десятки лет? Теперь, когда Гриши Поженяна давно нет в живых, когда я среди прочего вспоминаю ту дуэльную партию, напрашивается другое решение той давней ситуации. Не лучше ли, не правильной было бы дать ему тогда выиграть, дать ему еще раз почувствовать себя победителем?

При всей его избыточной полноте и невысоком росте, оставаясь «бочонком метафор», Поженян всю жизнь чувствовал себя человеком сильным, уверенным в себе, бесстрашным. Совершал дерзкие заплывы в море (рядом с ним и я не раз за-

плывал далеко за линию буйков), в любой конфликтной ситуации с любителями, скажем, содрать с беззащитной головы зимнюю шапку или просто побравировать силой, Григор вполголоса произносил привычное боксерское присловье: «Готов соотвествовать!» и готов был кинуться в поединок со злом.

Внешне он вроде относился вполне удовлетворенно (или, по меньшей мере, примирительно?) к своему устройству. Но мне он рассказывал, что делал попытки похудеть, даже ложился в диетологическую клинику с целью сбавить вес. Там на завтрак давали кусочек вареной свеклы или натертую морковь. К сожалению, сброшенные килограммы после выхода из клиники возвращались с лихвой. Поженян завидовал тем, кто совершал бег трусцой, длинные пешие прогулки. Не раз со вздохом сожалел, что ранения военных лет, подкосившие его «ходовую часть», то и дело напоминают о себе острой болью в ногах.

— На отдых к морю он всегда привозил с собой некое спортивное снаряжение — пружинистый эспандер, розоватые резиновые ленты для растяжки во время зарядки, упругие мячики для сжатия в кулаке. Но этими штучками-дрючками он, кажется, занимался не шибко ревностно. Всегда он также привозил с собой какой-то запас «живой влаги» — добротного коньяка, отборной водки, — Оглядывая натюрморт оставленного вкуснятиной стола, предвкушая блаженство пира с друзьями, Поженян с насмешливой патетикой восклицал:

— У него был набор слов, словечек, которыми он весело жонглировал. Когда кто-то ему нравился, Гриша мог ласково сказать, что этот человек — Сикамбрик. Или Пусик. Знаком высшего расположения Поженяна был особый от него подарок — тельняшка. Не знаю, где он их брал. И, насколько могу судить, он ими не разбрасывался. Сам любил носить тельняшку и подаренной тельняшкой как бы совершал особый обряд — посвящал приятеля в высокий ранг друзей. Должен признаться, подаренную Поженяном тельняшку я надевал не часто и носил бережно. Она у меня жива-здоровая уже больше четвертьвека. Я привез ее с собой в Америку. Помню, он подарил тельняшку и поэту Рудольфу Ольшевскому, Рудику, которого я, кстати сказать, познакомил с Поженяном. Со временем они подружились прочно.

Вернусь к теме застолий. Однажды в Пицунде Гриша сказал мне, что сегодня он не будет обедать, как обычно, в столовой нашего Дома творчества. Дело в том, что его пригласили местные власти в какое-то заведение грузинской национальной кухни. Дают обед в его честь.

— Рано утром следующего дня, встретившись с ним на море, я поинтересовался, как прошел обед с местными властями. Ответ был неожиданным:

— Ну и ну! В моем воображении мгновенно промелькнула картина яростного буйства Гриши... Вот он возмущенно вскакивает, опрокидывает пиршественный стол, по залу разлетается посуда с деликатесами, звенит разбивающийся хрустальный рюмок и фужеров... В первое мгновение я слишком буквально понял Гришину выражение «Я поломал им стол». Нет, стол остался стоять на своем месте, посуда не разлетелась, хрусталь уцелел. Поженян всего-навсего поломал им застолье. И причина к тому, как рассказал Гриша, была вполне основательная.

Когда гости, предвкушая ждущие их кулинарные и питейные радости, а также удовольствие от общения с поэтом и его стихами, уселись за пиршественный стол, тамада поднял свой бокал с благословенным грузинским вином и провозгласил первый тост за самого гениального политика и полководца двадцатого века... Известно, за кого. Все участники пира встали с поднятыми емкостями, готовые приступить с священнодействием. Но Поженян встал и сказал, что такой тост — не для него. Он

никак не может выпить за такого гения, на совести (или точнее, бессовестности) которого миллионы загубленных жизней. В том числе и грузинских жизней.

Гриша не стал вдаваться в подробности о том, сколько лет в Гулаге мотал срок его отец, не стал распространяться о злодеяниях диктатора из Гори, чье место рождения само по себе звучит, как *горе*. Поженян встал и покинул местную компанию номенклатурщиков, безуспешно пытавшихся оказать ему честь. «Задохнусь от счастья!» — в тот раз не получилось. Если группу недалеких грузинских чиновников, отстаивающих «своего», чтящих память о кумире, скинутом с пьедесталов, еще можно как-то понять, то как объяснить популярность Сталина в России XXI века?

В 2008 году на Центральном телевидении страны проходил конкурс «Имя России». Имелось в виду спросить у народа, какая историческая личность в его сознании наиболее полно и достойно может символизировать, олицетворять собой всю страну и ее историю? Результат наметился ошеломительный. Имя Сталина стало лидировать с большим отрывом, оттесняя все другие, более великие и достойные имена. Чтобы несколько пригасить восторг поклонения памяти «отца народов», опрос перенесли на менее всеохватное радио «Эхо Москвы», популярное в более взыскательной, интеллигентной среде. И что же? И тут имя Сталина захватило лидерство. Не так стремительно, но все же... Сталин набрал около 40 процентов. На втором месте оказался Пушкин с 13 процентами. Третью строку занял Ленин, набравший чуть меньше, чем 10 процентов. И всего на один процент отстал от вождя — кто бы вы подумали? Высоцкий! Представляю, как удивили бы и, наверно, не обрадовали бы Поженяна эти результаты, доживи он до их обнаружения.

Пирь с друзьями, которые так обожал Гриша, вспоминались ему с грустью на излете жизни, на грани второго и третьего тысячелетия. В одном из прощальных своих стихотворений Григорий Поженян писал:

Мой холодильник опустел, как дом,
в нём ни колбас, ни сыра и ни пива.
Боюсь, что даже холоду тоскливо
и даже темноте пустынно в нём.
А было время: меж хвостов угрей
в капусте красной чесноки дремали.
В нём, как народы, сосуществовали
плоды земли и лакомства людей.
Презрев сословность, кастовость и род,
не этажу, а передышке рады,
к ветчинам плотно жались карбонады,
царил внизу рыбец — их антипод.
И, не соединённые пока,
с жирами не ведя переговоры,
сушили миротворческие поры
посланцы углевода и белка.
А я — владыка их и господин,
ещё не торопился хлопать дверцей.
Я терпеливо ждал единоверцев,
чтоб насладиться жизнью не один.
И отстучали женщин каблучки,
и голоса друзей угомонились,
и те, кто виноваты, — повинились.
И вновь пусты и сети и сачки.

Но в складках остывающей души
над магмой не смирившегося плена
горчит польноью страсти тень Гогена.
И мы, глядишь, ещё пошебаршим.

В советские годы писательские Дома творчества, подведомственные Литературному фонду, были доступны не одним лишь «инженерам человеческих душ». Когда случался недобор пишущей братии, комнаты Дома творчества предоставлялись шахтерам, авангарду рабочего класса. Они там отдыхали, вытворяли, что могли. А в сезонное время не брезговали таким местом отдыха и весьма ответственные, значительные персоны. Помню, в Малеевке когда-то постояльцы шепотом передавали из уст в уста, что в одном из коттеджей здесь нашел приют «тот самый» Пеньковский, впоследствии, как сообщала магушка печать, приговоренный к расстрелу за шпионаж.

Наряду с легитимными членами СП СССР и членами их семей, скромный доступ в Дома творчества имели также те возделыватели литературной нивы, кто отдавал свои силы, знания, талант редактированию рукописей прозы, стихов, всех жанров словесности, подготовке к печати будущих книг. Обычно это были высококорудированные женщины с творческим складом ума и души, нередко одинокие, со скромной зарплатой, тонко чувствующие вкус, аромат, все оттенки слова.

На моих глазах произошел на пляже разговор писательницы из Монголии с одной такой московской редакторшей. Пикантность этой попытке делового разговора придавало то обстоятельство, что обе дамы были в купальных костюмах. Писательница с национальной подошла к столичной редакторше, сидевшей под пляжным грибком, и стала интересоваться, на какой месяц намечена в издательском плане редаKTура ее романа? Под палящим солнцем москвичка холодно ответила, что сейчас находится в служебном отпуске, и здесь не место и время вести деловые разговоры. Отложим беседу до встречи в кабинете издательства. На том и закончился обмен репликами.

Гриша Поженян хорошо знал несколько этих немолодых, страдающих хронической усталостью женщин. Одна из них ходила, прихрамывая. Он относился к ним сочувственно, с дружеской отзывчивостью. Как-то Гриша поделился со мной мыслью, что надо бы чуть-чуть скрасить их курортное существование. Устроить, что ли, чаепитие, почтить этой горстке тружениц новые, еще не опубликованные стихи. Дружески пообщаться.

Эта идея Поженяна очень пришлась и мне по душе. Я знал, что Гриша отказывался от творческих встреч, которые могли бы послужить росту его популярности или принести какую-то другую пользу, а вот тут без малейшего интересничания или иной выгоды решил человек уделить внимание усталым, немолодым женщинам, преданным труженицам литературы.

На той встрече с шестью редакторшами я был скорей свидетелем, чем действующим лицом в сюжете, но и в моей душе, как показало время, она оставила теплый след. Гриша Поженян вспоминал фронтovou молодость, сражения, ранения, родной Харьков, родителей. С детства не меркнет в его памяти ночь тридцать седьмого года, когда чекисты пришли за отцом. И как сурово, неласково папа (в ту пору один из руководителей Харьковского Тракторного Завода) прощался с сыном, как бы стараясь уберечь его от позорного обряда, получившего распространение в тот трагичный год: дети вынужденно отрекались от своих репрессированных родителей. Этот момент ночного прощания меня так задел за живое, так тронул, что я потом написал стихотворение.

Щенок

Вспоминанья разрывают сердце,
Вспоминаньям этим нет конца.
Мне старший друг рассказывало детстве,
Как давней ночью увели отца.
Был долгий обыск, были слезы женщин
И дворника испуганный кивок.
Что происходит? Этого, конечно,
Тогда и взрослый осознать не мог.
Навет? Неразбериха? Наказанье?
Насилия жестокого разгул?
Чуть улыбнулся папа на прощанье,
Задумчиво свой китель застегнул.
Отец не стал с мальчонкой обниматься,
Лишь боль струилась из-под вспухших век.
— Смотри, щенок, не вздумай отречься!
Отец твой, помни, честный человек.
Картины детства оживают снова.
Предстанут — и подкатывает ком.
Зачем отец прощался так сурово?
За что в ту ночь назвал его щенком?
Предостеречь хотел? А может статься,
Застраховать от подлостей навек?
— Смотри, щенок, не вздумай отречься!
Отец твой, — помни, честный человек.

Запомнилось мне, как на той встрече с редакторшами Гриша рассказывал об отсидках отца еще с дореволюционной поры. Молодой большевик Михаил Поженян был помещен в одиночную камеру, и держали его там довольно долго. Так долго, что успел он там подружиться с... мышью. Подкармливал ее, когда она решалась показаться. Общался с нею, как мог. Больше не с кем было. А когда место Поженяна-старшего в одиночной камере занял другой арестант (им оказался Анастас Микоян), Поженян «подарил» ему мышку, научил, как обращаться с ней.

Одна из слушательниц поинтересовалась у Григория Михайловича, кто по национальности были его родители? Гриша охотно ответил, что отец был из армян, их фамилия была Пашенян. А мама, врач по профессии, — Потом Гриша читал. В основном, новые стихи. Крист — тихо произнесла одна слушательница.

Разговор незаметно коснулся деликатной темы. Национальной.

— Разгоряченный чтением стихов Поженян с не меньшим пылом напомнил, как много у него коллег, русских поэтов с не русской анкетной графой. Булат Окуджава, Фазиль Искандер, Кирилл Ковальджи, Рудольф Ольшевский и многие другие. «Я счастлив, что рожден еврейской матерью!» — Кстати сказать, уже здесь, в Бостоне, в разговоре с Наумом Коржавиным я как-то заговорил с ним о Поженяне, и Коржавин вспомнил, между прочим, что в Харькове довелось ему слышать, как отец Гриши говорил на идише. Бывает. Я тоже не редко встречал людей совершенно не еврейского происхождения (в моем случае это были молдаване), довольно хорошо изъяснявшиеся на идише, так как тесно общались с евреями.

Григорий Поженян не скрывал своих корней. И не кичился ими. Человек не робкого десятка, он мужественно противостоял любому подличанью. От антисемит-

ских проявлений, по его словам, шерсть на нем вставала дыбом. Тем не менее, даже к серьезным вещам (скажем, к национальной самоидентификации) он умел относиться не без юмора. Помню, как смеялся Гриша, когда в легкой пикировке с ним Булат Окуджава иронично пригрозил: «Мы, грузины, покажем вам, армянам!» Булат как бы пародировал издавна известные трения между грузинами и армянами. Шутка в том, что и сам Булат Шалвович — грузин только по отцу, по матери он был армянин.

Оба они проявляли живой интерес и к еврейской культуре, к языку идиш. Я их познакомил с моим кишиневским другом, еврейским прозаиком Ихилом Шрайбманом, и они обстоятельно беседовали с ним о многих аспектах еврейской литературы в Бессарабии, Румынии, Израиле.

Запомнилось и теплое общение Поженяна в Ялтинском доме творчества с Эстер Маркиш, вдовой поэта Переца Маркиша, расстрелянного 12 августа 1952 года вместе с другими писателями, руководителями Еврейского Антифашистского Комитета страны. После наступившего «позднего реабилитанса» и Давиду, а также дочери Ольге, живо интересовалась событиями литературной жизни.

Из ее рассказов в памяти не выветрились трагические подробности, связанные с гибелью Михоэlsa и стихотворением Переца Маркиша, посвященным памяти великого артиста. Хотя при жизни поэта стихотворение не было опубликовано ни в оригинале, ни в русском переводе, на судебном разбирательстве оно фигурировало как смертельно опасная улика. Крамоллой, по мнению обвинения и приговору суда, было признано сближение гибели Михоэlsa (по официальной версии он попал под грузовик в дорожном происшествии) со смертью шести миллионов евреев, уничтоженных фашистами в пекле Холокоста. Попытались подозрительные эксперты обнаружить в стихотворении Маркиша и скрытый намек на то, что Михоэлс — жертва целенаправленного, преднамеренного убийства, а не случайного наезда.

Поженян слушал, но не скорбью единой полилось время общения в Ялте. Были развлечения, отдых, озорные байки, просто шутки. Поженян, играя словами, иногда повторял при Фире: «Фира Маркиш, Мира Фаркиш...». Она посмеивалась.

Жизнь сложилась так, что с годами Поженян очень подружился с сыном Фире, Давидом Маркишем, теперь живущим в Израиле. Давид стал известным писателем, журналистом, автором многих книг, переведенных на целый ряд языков. В каждый свой приезд в Москву, Давид всегда виделся с Гришей, пока он был жив. Последняя их встреча произошла при обстоятельствах довольно печальных. 80-летний Поженян оказался в больнице в результате бандитского нападения на него пятерых грабителей. Там и навестил его Давид Маркиш. Там и в старости, и в болезненном состоянии неукротимый Поженян, чья жизнь уже была почти на излете, сочинил это прощальное посвящение

Экспромт на приход в больницу старинного друга

Да здравствует еврейская звезда печальный шестигранник огорченья.
Да здравствует воинственность свеченья
И страждущие в риске города!
Все знают всех, не зная, кто куда,
Высокомерье Но нужно защищаться, если надо,
И все прикроют всех, когда беда.
Но главное, что Девик среди них Об этом мой оптимистичный стих.
И да сияет всем звезда Давида,
Он брат и друг мне, я готов стать жидом,
И если нужно

Жил Григорий Поженян размашисто. Работал на высоком градусе вдохновения и чести. За правду стоял горой. Отличался заступничеством за преследуемых и гонимых. Помогал множеству тех, кто нуждался в помощи, кто просил о помощи или даже не просил. Он был певцом мужества и благородства, светлой памяти тех, кто жизнь отдал за правое дело. И, несомненно, был он феерически яркой личностью.

А пришли на Переделкинское кладбище попрощаться с Поженяном, как мне позже рассказали, всего-то человек двадцать. Около десятилет прошло с того дня, когда завершилась жизнь Григория Поженяна. К сожалению, в контексте и многоголосии современной русской поэзии все реже удается расслышать звучание его лирики. Правда, песни на его слова поются.

Верится, что и в новых поколениях поэзия Поженяна найдет новых друзей и ценителей. И к их сердцам устремлены сдержанные, щедрые строки поэта:

Один пришёл. Один уйду.
Один спою свой гимн.
А яблоки в моём саду
легко отдам другим.

Фото из интернета — Ред.

Семён Резник

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

АКАДЕМИК УХТОМСКИЙ И ЕГО БИОГРАФ

Документальная сага с мемуарным уклоном

(продолжение. Предыдущие главы см. в №6/2014 и сл.)

Глава двадцать вторая. Судьба книги: Галлер

1.

Поначалу меня удивило, что Василий Лаврентьевич пишет книгу об Альбрехте Галлере: с чего это его потянуло в далекую Швейцарию далекого XVIII века? Подумалось, что он, видно, устал слыть против течения и решил передохнуть в тихой гавани, подальше от всевозможных табу «единственно правильного учения».

Но кто такой Галлер, чем знаменит, что собой представлял? Василий Лаврентьевич мне сообщил:

«Альбрехт Галлер — вундеркинд, писавший стихи в 9 лет на латинском и древнееврейском, прочитавший к тому времени Библию на древнегреческом, и потом он решил стать медиком. Его учитель Бургав рекомендовал 26-летнего Галлера профессором в новый Геттингенский университет коротко и ясно: “Он будет великим медиком Европы”. И он оказался прав!»^[1]

К этому письму, для моего ликбеза, была приложена страничка с краткой, но выразительной биографической справкой:

«Альбрехт ГАЛЛЕР (1708-1777) — универсальный натуралист, историк науки, полиглот и поэт. Учился в Тюбингене, Лейдене, Париже и Базеле.

Как анатом Галлер вскрыл 360 трупов и написал 8 томов анатомических таблиц: кровоснабжение органов и их иннервация.

Как ботаник описал 400 новых видов растений Швейцарии (2 тома) и 3 тома Истории изучения флоры Гельвеции^[2].

Как эмбриолог произвел более 250 опытов над развитием сердца и костей у цыплят и млекопитающих (2 тома о цыплятах, два тома о костях). Кроме этого он описал в 2 томах мемуаров: процесс развития органа зрения у рыб и птиц — заложил основы сравнительной анатомии и эмбриологии органа зрения.

Как физиолог Галлер подчинил все исследования свои и 73-х учеников разработке специфических качеств живой материи — раздражимости и чувствительности. Он произвел 567 экспериментов над разнообразными животными по изучению раздражимости и чувствительности, работы органов дыхания и кровоснабжения, остроумно объясняя анатомо-физиолого-эмбриологические исследования.

Альбрехт фон Галлер

Галлер — отец учения о гемодинамике (капилляры, скорость движения крови, определение емкости сосудов, сопротивления крови). Изучение уродств у животных и человека связаны были с проблемами акушерства и гинекологии. В результате им были опубликованы многие мелкие статьи по физиологии нервной и мышечной систем и 8 томов “Элементы физиологии человеческого тела” (более 4 000 стр. со ссылками на 13 000 работ). Галлер создал новую эпоху в развитии экспериментальной физиологии! А его и не знали многие наши современники!!!

Как необычайно продуктивный историк науки Г. написал и издал два тома “Библиотека Анатомика”, где дал сведения о работах 7138 анатомов, “Библиотека Ботаника” о нескольких тысячах ботаников, “Библиотека Хирурга”, то же и Библиотека медика-практика, 4

тома, даны сведения об 11 000 врачах, писавших о вопросах медицины. Им же были написаны 3 тома: “История изучения флоры Швейцарии”, “Великие реставраторы анатомии Леонардо да Винчи, Микеланджело, А. Дюрер”.

2 тома (более 1100 страниц) — методы изучения медицины Г. Бургава. Он отредактировал и издал 7 томов “Анатомических диспутов”, где поместил свыше 200 диссертаций медиков по разным вопросам науки. Он отредактировал и издал переводы описаний путешествий на море и суше — 11 томов. Его лекции по судебной медицине в 2 томах были изданы после его кончины. Он издал 1004 письма иностранных ученых к нему в 6 томах.

Кроме этого он переписывался с 1080 корреспондентами на разных языках и отправил более 13 000 писем. Редактируя журнал “Геттингенская газета научных событий”, Галлер опубликовал там и в других журналах 9 300 рецензий на книги, учебники и отдельные сочинения о медицине, истории, художественной литературе, философии и т.п. Более 1000 рецензий были посвящены новинкам писателей Англии, Франции, Испании, Италии, Германии и т.п.

Но наиболее важная заслуга Галлера перед наукой — создание и воспитание первой научной школы при Геттингенском университете в 1736-1753 гг., где им были воспитаны 73 медика, выполнившие несколько сот исследований, некоторые из них потом основали собственные направления в анатомии, акушерстве, общей медицине и физиологии.

Но жизнь его не была похожа на безоблачное существование. Ему приходилось вести ожесточенную полемику с Линнеем, Ламетри, Вигтом, Вольфом ван Свитеном, Ван Гаеном — при этом никто из его критиков никогда не видел и не знал его лично. В последние годы своей жизни Галлер, недовольный смыслом философских повестей Вольтера, в порядке полемики написал исторические повести, обосновывая свой идеал гражданина Римской республики Катона, показывая опасность единовластия в образе Узонго — потомка моголов, и героизм Альфреда — короля саксов, отражавшего набеги датчан на Британию» [3].

И это все сотворил один человек?!

Без компьютеров, электронного моделирования и прочих чудес современной техники, орудя грубым тесаком и гусиным пером!

«Одну статью о Галлере как воспитателе первой школы физиологов, анатомов и эмбриологов я напечатал в 4 выпуске “Из истории биологии” (ИИЕиГ, 1973), — сообщил Василий Лаврентьевич. — Теперь я намерен закончить статью: Галлер — сотрудник Энциклопедии Дидро и Даламбера и (2-ой) [слово нерзб.] в 1770-1777 гг. Это станет попыткой реабилитировать посмертно великого натуралиста, коего унижали Ламетри и Деборин» [4].

Так вот почему Меркулов взялся за эту тему! Галлера требовалось *реабилитировать*! Выходит, и тут не тихая заводь, а еще один бурный поток, который требовалось *переоборот*.

2.

В XVIII веке мир науки был куда более тесен, чем в наше время — не мир, а мирок. Коммунальная квартира с общей кухней и общим сортиром, в котором кто-то засиживался слишком долго, а кто-то забывал гасить свет. Хотя никто из оппонентов Галлера не встречался с ним лично, но все были повязаны друг с другом, живя в тесноте и часто в обиде. Знаменитая система растительного мира, с бинарной номенклатурой, созданная Карлом Линнеем, была признана всем миром, но не Альбрехтом Галлером. Галлер критиковал систему Линнея за ее искусственность и пытался создать другую, естественную, в чем, однако, не преуспел. Линней из далекой Швеции писал ему льстивые письма. Смирненно просил воздерживаться от публичной полемики, предлагал свою безграничную дружбу и клялся в преданности, а в печатных трудах обрушивался на швейцарца. Впрочем, это было в порядке вещей.

Столь же непростые отношения сложились у Галлера с Вольтером — слишком по-разному они смотрели на мир.

Но кто травил и терроризировал Галлера, так это блистательный остроумец Жюльен Ламетри (1709-1751). В молодости оба они, но в разное время, учились медицине в Лейдене, у знаменитого голландца Германа Бургаве. Через много лет, уже после смерти учителя, оба издали его сочинения со своими дополнениями и комментариями — один на немецком языке, другой на французском. В комментариях Ламетри Галлер обнаружил заимствования из своих собственных, о чем и заявил публично, то есть обвинил коллегу в плагиате. Справедливо ли было то обвинение или нет, историки науки разбираются до сих пор. Мечь Ламетри была выдающейся по остроумию и изощренному коварству.

Ламетри был врачом, естествоиспытателем, мыслителем, блестящим публицистом и большим забиякой. Он насмехался над церковной догматикой, которая все еще господствовала в большинстве стран Европы — католических и протестантских. Сочинения Ламетри подвергались нападкам и даже пуб-

Жюльен Ламетри

личному сожжению. Из католической Франции, где его грозили привлечь к суду, он бежал в кальвинистскую Голландию. Здесь написал свой самый дерзкий трактат «Человек-машина», прославивший его на века. С большим остроумием Ламетри доказывал, что все в мире материально, человек — это машина, механизм, никакая души у него нет, а то, что мы называем духовной жизнью, всего лишь иллюзия.

Автор хорошо сознавал, какую бурю вызовет его сочинение, и, дабы избежать новых гонений, издал его анонимно. А открывалось оно длинным — на шесть страниц — посвящением... Альбрехту Галлеру. Ему воздавалась неумеренная хвала, говорилось о большой личной дружбе и привязанности к нему автора и утверждалось, что Галлер полностью одобряет его труд.

Это был анонимный донос, к тому же абсолютно ложный.

Защищаясь от клеветы, Галлер послал в ведущий научный журнал Франции «Journal de savants» возмущенное опровержение:

«Так как анонимный автор “Человека-машины” посвятил мне это сочинение, в равной мере опасное и малообоснованное, я считаю своим долгом перед Богом, перед религией и перед самим собой сделать настоящее заявление <...> Я отмежевываюсь от этой книги, полностью противоположной моим взглядам. Я рассматриваю ее посвящение мне как самое жестокое из всех оскорблений, которое анонимный автор нанес всем честным людям, и я прошу уважаемую публику принять мои заверения в том, что никогда не имел с автором “Человека-машины” какой бы то ни было связи — ни знакомства, ни переписки, ни дружбы — и что я счел бы величайшим несчастьем какое бы то ни было согласие его взглядов с моими»^[5].

Анонимность Ламетри сохранялась недолго: ведь птицу легко узнать по полету. Стиль трактата выдал автора с головой, и над его головой нависли нешуточные кары. Если в католической Франции безбожника требовали отдать под суд, то в кальвинистской Голландии — предать смертной казни. Проказник не стал мешкать и рванул в Берлин, под крыло короля Пруссии Фридриха II, который отличался свободомыслием и тщеславным стремлением окружать себя знаменитыми интеллектуалами. Ламетри стал членом Прусской академии наук и личным врачом короля, словом, зажил припеваючи. Он продолжал сочинять новые трактаты и памфлеты. Один из самых шумевших — злой памфлет против Галлера под издевательским названием «Маленький человек с большим хвостом». В нем Ламетри снова изобразил благонамеренного швейцарца своим другом и единомышленником. А также материалистом, атеистом, проповедующим крамолу в обществе проституток.

Богобоязненный христианин, благочестивый кальвинист снова должен был доказывать, что он не верблюд.

Бурная жизнь остроумного пакостника оборвалась внезапно в 1751 году. Он отравился каким-то изысканным паштетом, а затем «лечил» себя модными тогда кровопусканиями и буквально истек кровью в возрасте 42 лет.

За Галлером же, как за главным противником ярого ниспровергателя религиозных догм, потянулся «длинный хвост» уничижительных кличек и ярлыков: ретроград, идеалист, мистик, враг свободомыслия.

Таким он и был представлен в обширном предисловии к советскому изданию трактата Ламетри «Человек-машина», увидевшему свет в 1925 году. Автором предисловия был А.М. Деборин, директор института философии Коммунистической академии, главный редактор ведущего теоретического журнала «Под знаменем марксизма», обладатель других высоких постов.

На «фронте» марксистско-ленинской философии Деборин был таким же главверхом, как В.Ф. Переверзев в марксистско-ленинском литературоведении.

Это он определял, что соответствует диалектическому материализму, а что ему противоречит; кто впадает в идеализм, а кто в механицизм; кто из далеких предков приближал пришествие единственно правильного учения, а кто его отдалал.

Ламетри был причислен Дебориным к предтечам марксизма, что подтверждалось одобрительными высказываниями о нем самих основоположников. Галлера же он отправил на галеры, отведенные для идеалистов и прочих врагов самого передового учения. То, что Галлер умер задолго до того, как основоположники родились на свет, роли не играло.

Абрам Моисеевич Деборин

Прошло всего несколько лет, и сам Деборин попал в идеалисты, да не простые, а *меньше-вистующие!* Это было почти равносильно смертному приговору. Коего и удостоились многие *деборинцы*, получившие пулю в затылок, другие стигнули в ГУЛАГе. Но самого Деборина, по изверженному капризу Сталина, не арестовывали. Его даже сняли не со всех постов. Ему придумали казнь не столь жестокою, зато более изощренною. Его труды были изъяты из библиотек, но не преданы забвению. В философской литературе стало чуть ли не обязательным топтать Деборина. На него сыпались громы и молнии, над ним изгилялись, его взгляды извращались и профанировались, цитаты из его работ подтасовывались и передергивались. Сам он не мог издать и звука возражения или протеста, в глотку ему был вбит здоровенный кляп.

После смерти Сталина можно было перевести дух и, по крайней мере, не ждать еженощно ареста. Деборину даже разрешили выпустить сборник своих старых работ, но не позволили сказать слово в свою защиту. Его воспоминания, написанные в качестве предисловия ко второму сборнику, опубликовать не позволили; они появились через 46 лет после его смерти и через два десятилетия после кончины советской власти^[6]. Они показывают, что закоренелый марксист ничего не забыл и мало чему научился. Но в них есть любопытные подробности.

Деборин с младых ногтей уверовал в самое передовое учение и стал революционером-подпольщиком. Его ранние труды по «диалектическому материализму» выходили с предисловием Плеханова, их конспектировал Ильич. Особой своей доблестью Деборин считал то, что еще задолго до революции громил эмпириокритицизм, эмпириомонизм и эмпиросимволизм, богостроительство Богданова и богоискательство Луначарского, а также кангианство и бердяевщину. При всем том он был беспартийным и, даже став главком философского «фронта», вступать в ряды не спешил. Только в 1928 году, когда Серго Орджоникидзе, встретив Деборина в Большом театре, привел его в ложу Сталина и тот высказал «мнение», что товарищу Деборину давно пора быть в партии, он подал заявление и был принят сразу в члены ВКП(б), минуя кандидатский стаж. Об этом писали газеты, и это тоже стало для него предметом гордости.

О том, что Деборин пользовался особым расположением вождя народов, свидетельствовало и то, что его со скандалом протолкнули в академики по партийному списку, о чем, правда, в воспоминаниях он не упомянул.

А уже через год, на каком-то совещании в Кремле, В.М. Молотов как бы мимоходом заметил, что академик Деборин «воображает себя Энгельсом на советской земле».

Это было непозволительно! Марксом-Энгельсом-Лениным мог быть только один человек. Тотчас раздались боевые кличи, запели медные трубы, забили барабаны, краснознаменные конники с шашками наголо ринулись на штурм философского Перекопа.

Деборин, как оказалось, *не понял*, что марксизм был революцией в философии; он *застрял* на позициях Плеханова; он (самое ужасное!) *проглядел ленинский этап в развитии философии*.

ЦК принял решение об ошибках журнала «Под знаменем марксизма». Редакция была реорганизована, но Деборин иезуитски был сохранен в ее составе. Его имя красовалось на обороте титульного листа всех номеров журнала, в которых его четверговали. Новым главным редактором стал М.Б. Митин. Он тотчас отменил статью «Сталин как философ», четко и ясно объяснив, что следует понимать под *ленинским* этапом.

Митин был учеником Деборина, одним из самых бездарных. Зато *запросы времени* он понял лучше своего учителя.

Деборина разносили тем же боевым языком, каким он еще недавно громил идеалистов, махистов, механицистов и прочих недопонимателей самого передового учения. При этом беззастенчиво присваивали его же характеристики и формулировки. Так, Жюльен Ламетри и Альбрехт Галлер остались на тех же местах, куда их определил Деборин. Наклеенные им ярлыки перекочевывали из статьи в статью, из монографии в монографию, в учебные пособия, справочники, энциклопедии.

Вот чему вздумал противостоять В.Л. Меркулов! Не умел он плыть по течению...

3.

Первые статьи Галлере, написанные им в 1973 году, были лишь подступом к теме. Только 9 июля 1975 года он мне сообщал: «Сейчас я начинаю всерьез изучать материал об Альбрехте Галлере (1708-1777)».

В следующем письме более подробно:

«Усердно вчитываюсь в литературу XVIII века и жажду “реабилитировать посмертно” великого натуралиста, поэта и полиглота Альбрехта Галлера, коего оплевывал Ламетри, Гете, Гегель и даже Деборин-отец. Но идеи и открытия коего широко использовали философы Франции XVIII и физиологи XIX вв.»^[7].

Василий Лаврентьевич свободно владел основными европейскими языками — без этого нельзя было бы и подступиться к такой теме. Перемогая болезни, он работал быстро и продуктивно. Не прошло и года, как он сообщил, что рукопись о Галлере сдана в издательство «Наука», но он еще не имеет сведений о ее утверждении.

Ответственным редактором книги снова стал М.Г. Ярошевский, которого Василий Лаврентьевич по-прежнему считал своим другом.

«Сегодня 16 июня [1976] решается судьба моего Галлера, — писал мне Василий Лаврентьевич. — Я был вынужден снять несколько фраз о том, что эксперименты, учение Галлера о раздражимости и чувствительности

и его концепция о процессе отражения мозгом и органами чувств реальности были восприняты и разработаны Д. Дидро и В.И. Лениным» [8].

Ну конечно! Разве могли быть предшественники у вождя и учителя всего прогрессивного человечества?! Если бы ими были названы *основоположники* самого передового учения, — куда ни шло! Но не какой-то мистик и идеалист XVIII века!

Тем временем вышла в свет книга М.Г. Ярошевского (в соавторстве с С.А. Чесноковой) об Уолтере Кенноне, крупном американском физиологе. В отличие от В.Л. Меркулова М.Г. Ярошевский умел *правильно* выбирать героев своих книг. Уолтер Кеннон был «другом СССР». Пока был жив И.П. Павлов, Кеннон поддерживал с ним тесные научные связи; в 1942 году, когда США и СССР были союзниками в войне против общего врага, Кеннона избрали почетным академиком АН СССР. Словом, тема была беспроигрышная!

Замдиректора ИИЕиГ А.С. Федоров предложил Меркулову написать рецензию на книгу о Кенноне, на что Василий Лаврентьевич с готовностью отозвался. Но писать комплиментарные рецензии было не в его духе. С присущей ему обстоятельностью он «с горечью отметил элементы поспешности, верхоглядства и даже вранья» [9] в рецензируемой книге.

«Телефонный разговор с профессором Ярошевским меня огорчил. А.С. Федоров заказывал мне большую рецензию на книгу Ярошевского и Чесноковой “Уолтер Кеннон” (она уже продается в Москве). Я составил рецензию на 23 стр. И вдруг Федоров вспомнил, что Чеснокова-то его собственная жена, и ему дескать неудобно тискать в журнале рецензию, где дана хвала и едкая критика. Печатать не будем. Далее Ярошевский мне в толковывал, что он убрал из рукописи о Галлеревсе, “что не касается его самого”. А я начал с истории Швейцарии, религиозных войн между католическими и кальвинистскими кантонами, экспорта молодежи в армии королей, феодалов и пап Римских, затем “утечка мозгов” в XVIII веке трех Бернулли и Эйлера в Россию и многих иных. Словом, я протестовал. Он сообщил, что отправляет письмо, где отказывается от своих сокращений» [10].

Еще через пару месяцев Меркулов писал, что на рукопись о Галлере получено четыре положительных отзыва, «но нет [в издательстве] свободных редакторов!» [11]

И — словно замерло все до рассвета...

Пробежало еще два месяца, Меркулов пишет: «Наши дела на стадии замерзания — мелодично позванивают льдинки, купол неба чуть засветился северным сиянием — и тишина — и мы ждем. Рукописи пока без движения! Я написал жалобу Микулинскому и Федорову на здешних работяг “Науки»» [12].

Но проблемы сводились не только к издательской волоките. Не всем пришло по душе реабилитация клейменого Альбрехта Галлера. Это видно из того же письма:

«Вчера в Военно-Мед[ицинском] музее на заседании Об[ществ]а историков медицины прочитал доклад о Галлере (55 минут). Многим понравилось — был у меня подъем и эмоциональный заряд. Портит дело председа[тель] собрания проф. [М.А.] Тикотин (зав. кафедрой истории медицины Л[енинградского] М[едицинского] И[нститута] имени Павлова). Этот бездарный карьерист с замашками “кристально чистого подвижника”, склонного к лозунгу “тащить и не пущать”, — пытался меня пугать и упре-

кать в апологии и т.п. грехах. Хотя сие было мною парировано с пристойной едкостью и насмешкой, он долго брюзжал» [13].

Брюзжание профессора Тикотина оказалось лишь первым легким облачком. Тучи стали сгущаться. М.Г. Ярошевский нашел новый повод к недовольству Меркуловым, хотя этот повод не имел никакого отношения к рукописи о Галлере. Василий Лаврентьевич написал для серии ЖЗЛ внутреннюю рецензию на рукопись А. Брагина о Сеченове. Рукопись была очень слабой, что и было показано в рецензии. Но оказалось, что автору покровительствовал профессор Ярошевский.

«Он наотрез отказался визировать (как ответ[ственный] редактор) переработанную рукопись о Галлере, и уже 5 месяцев нет ей движения. Причины вызывающе демагогически ядовитые. А в письме ехидно (26/4 78) писал, что ведь это более-де ответственно — писать для “Науч[но]-биографической серии” [издательства “Наука”], чем для “Молодой гвардии”. Т.е. “холодная война” перешла в горячую. Не взирая на протесты Альбины] В[икторов]ны, я написал 6 стр. объяснительной записки и “сжег все мосты”» [14].

К особо выдающейся роли Ярошевского в торможении книги о Галлере Меркулов возвращался в своих письмах не раз, особенно подробно в поистине трагическом письме от 28 ноября 1978 года. Извиняясь за задержку с ответом на какую-то мою открытку, он сообщил о целом букете болезней — своих и жены, — которые на них навалились.

«“Корабль течет и мчится на рифы”, как сказал бы бывалый морской волк. Душевная депрессия Альбины <...> сопровождается частыми взрывами — потоком упреков в неустроенности жизни. Отказы в отдельной однокомнатной квартире в нашем же доме в 4-х инстанциях в августе 1977 г. были смягчены потоком лицемерных словес “гуманных администраторов”, смысл которых краток: “не надейся и не жди!”

Альбину очень взволновало и поведение М.Г. Ярошевского — ответ[ственного] редактора моей рукописи “А. Галлер”. Как Вы помните, благодаря Вашему посредничеству [15] я сочинил рецензию на рукопись А.М. Брагина “Сеченов”. По-видимому, это сотрудник Ярошевского. Он мне звонил и настаивал на том, чтобы я признался, что “перегнул палку и загубил ценное произведение”. Я отказался. Но в мае 1976 года Ярошевский предложил мне писать на наях солидную работу на 20 печ[атных] листов: “Школа И.П. Павлова”, и на странных условиях: я сочиняю основную часть, получу гонорар, но книга должна выйти только под фамилией Ярошевского. Мне еще не доводилось быть ландскнехтом у феодалов мира сего! Я отказался и высмеял его.

Он спохватился и стал сулить “золотые горы и реки полные вина”. 1) зачислить меня консультантом в Ин[ститу]т истории естествознания и техники, гонорар и книга пополам и т.п. 2) клясть в любви, уважении и вечной преданности. Но уже протекло 2 года и 4 месяца, никто меня никуда не причислил. <...>

И вот после медлительной работы (8 печ[атных] листов за 3 месяца одолели с редакторшей [издательства] Эткин д-Налбодьян) мы отослали все те изменения, которые сделаны, и дополнения [Ярошевскому], и я просил [его] в письме приехать, чтобы поработать со мною и редактором, и что же? 26 апреля получаю язвительное письмо: “Чувство ответственно-

сти перед рукописью и серией не позволяет мне завизировать Вашу рукопись. Но это не изменило моих добрых отношений к Вам". К сожалению, главред [издательства "Наука"] А.А. Фролов из-за праздников майских отложил свой телефонный разговор с Ярошевским и Соколовской З.К., а, изрядно выпив перед Днем Победы, был сражен смертью! Наступил долгий период междуцарствия, потом решили сделать ксерокопию, и все это так медленно, что полный текст моей рукописи был отправлен в Москву только 10 октября 78 г. Я написал резкое письмо С.Р. Микулинскому — не отвечает, Ярошевский молчит и не отвечает на письма» [16].

3.

Последний раз Меркулову пришлось встретиться с Ярошевским почти за два года до этого письма, в январе 1977-го, в Ленинградском доме ученых, на симпозиуме по теме «Роль научных дискуссий для прогресса науки». Ярошевский председательствовал и выступил с большим докладом, в котором, как писал мне Василий Лаврентьевич, не сказал ничего нового, а только перепевал то, что давно им же было опубликовано. Меркулов, по своему обыкновению, поднял новый пласт материала и — снова поплыл против течения. В своем докладе он проанализировал нападки А.А. Герцена (сына А.И. Герцена), врача и профессора физиологии, работавшего в Швейцарии, потом в Италии, на Сеченова, затем на Введенского, затем на Павлова, на что все трое отвечали экспериментами.

«Я показал, что такие научные дискуссии ведут к прогрессу науки и осмеянию высокомерных субъектов, снисходительно относящихся к ученым рангом повыше них. Науковедствующим философам сие мое выступление не понравилось, ибо велик пиетет к отцу Герцена! Как будто у умных отцов не бывает плохих детей! Естественно, мои тезисы в печать не попали. Но довольно о Ярошевском, рвущимся креслу членкора АН СССР, бог с ним» [17].

А вот и итог хождения по мукам рукописи о Галлере (к счастью, не окончательный):

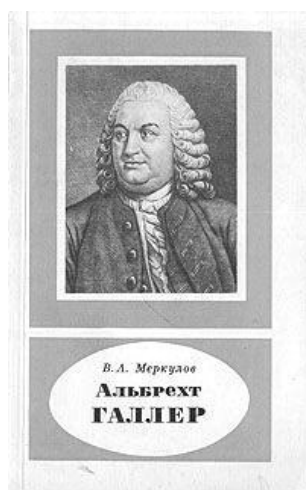
«В рукописи я показал, — писал мне Василий Лаврентьевич, — что если и хвалят Ламетри за книгу "Человек-машина", то ведь он напечатал "Человек-растение" и кучу других поверхностных произведений. А уж насквиль "Маленький человек с большим хвостом", [где он] представил Галлера безбожником, обсуждающим с проститутками содержание книг Бюффона, и т.п. — это позорное сочинение. А у нас всегда смотрят в БСЭ, где написано, что основоположники читли озорного француза — прихлебателя Фридриха II-го. Второе, рассматривая взаимоотношения Вольтера и Галлера, я вновь двинулся против течения. Вольтер в своих философских повестях проповедовал гедонизм [18] в комбинации с критикой язва феодального общества, но он был сторонник просвещенного абсолютизма, а Галлер напечатал три исторические повести: "Фабий и Катон", где выразил свое кредо республиканца, "Альфред — король англосаксов", где попутно похвалил конституционную монархию в Англии, о коей он имел возможность знать, прожив в Англии в 1727 г. два месяца, и "Узонго" — о мудром правителе Ирана, перешедшем в христианство. <...> И третий мой грех, напугавший Ярошевского и его единомышленников, в том, что, анализируя некоторые пункты "Элементов фи-

зиологии тела человека” (8 томов, около 4 000 страниц, со сносками на 13 000 источников), я даю его схему отражения предметов, событий и законов мира в 5 фаз, что представлено за 106 лет до рождения В.И. Ленина, а, следовательно, и до его теории отражения!!! И добавив в конце, как воспринял поэму “О происхождении зла” А. Галлера (1728) Н.И. Новиков^[19], уславивший Н.М. Карамзина за ее перевод (затем Карамзин поехал в Швейцарию и там встречался с друзьями Галлера в 1789 году, с Бонне, Лафатером и другими), я, по мнению пугливых людей, поднимаю на щит масона Н.И. Новикова»^[20].

4.

Книге о Галлере суждено было выйти в свет уже после смерти Василия Лаврентьевича. Как написала мне его вдова, «Вы наверно знаете, что вышла книга Василия Л. о Галлере. К сожалению, ВЛ так и не увидел своего творения»^[21].

Следом я получил от нее и саму книгу, но толком не мог ее даже перелистать: это было перед самым моим отъездом из страны советов. Тогда как раз ввели новые ограничения на вывоз литературы, книга Меркулова, вместе с другими книгами издательства «Наука», попала в число невывозных. Прочитал я ее только сейчас, в ходе работы над этой книгой.

Глава двадцать третья. Судьба книги: снова Ухтомский.

1.

О том, что мне придется оставить редакцию ЖЗЛ, стало очевидно в конце 1969 года, когда вместо удаленного Юрия Николаевича Короткова ее возглавил Сергей Николаевич Семанов.

В одной из своих публикаций постсоветского времени Сергей Семанов привел полный текст письма Михаила Шолохова генсеку Л.И. Брежневу от 14 марта 1976 года. В этом письме Шолохов сигнализировал об «особенно яростных, активных атаках» на русскую культуру со стороны «мирового сионизма, как зарубежного, так и внутреннего». Примером «сионистской атаки» назван кинофильм режиссера А. Мигты «Как царь Петр арапа женил», с Владимиром Высоцким в главной роли. В фильме, доносил автор письма, «открыто унижается достоинство русской нации, оплевываются прогрессивные начинания Петра I, осмеиваются русская история и наш народ».

Раскрыв псевдоним кинорежиссера А. Мигты (Рабинович), Сергей Семанов горделиво сообщал о том, что «патриотическую» акцию Нобелевского лауреата инспирировал он сам: он ездил к Шолохову в станицу Вешенская и убедил советского

классика подписать неумный донос. Думаю, что из этого самопризнания Семанова ясно, на какой путь он стал переводить серию ЖЗЛ, когда ее возглавил.

Разорение «центра либерализма», как Семанов в другом месте назвал доставшуюся ему редакцию ЖЗЛ, поначалу шло медленно, с большим скрипом. После Короткова остался большой задел, портфель редакции был переполнен. Семанов не решался расторгать издательские договора, заключенные при его предшественнике (да и что бы серия издавала!). Рукописи, написанные в духе «либерализма», продолжали поступать, их надо было выпускать.

Зато Семанов широко распахнул двери редакции перед авторами национал-сталинистского толка, которых при Короткове у нас не пускали на порог. Удельный вес таких авторов с каждым годом становился все большим, а «либералов» — меньшим, научный и литературный уровень книг серии стал снижаться. На своем маленьком участке книг об ученых я пытался сдерживать этот напор, но понимал, что хватит меня ненадолго. Последней каплей стало заключение договора с Феликсом Чуевым на книгу об академике Стечкине — специалисте по ракетным двигателям. Это было в конце 1972 или начале 1973 года.

Феликс Чуев был известным поэтом, широко печатался, но прославился не столько стихами, сколько тем, что однажды, 5 марта, в день смерти Сталина, устроил единоличную демонстрацию на Красной площади, с торжественным возложением цветов на могилу «вождя народов». Это была вызывающая акция, но вполне безопасная, ибо после хрущевского *разоблачения культа личности* прошло много лет, над страной веяли иные ветры. Благодаря этой выходке Чуев приобрел вполне определенную репутацию.

Хотя в серии ЖЗЛ я вел раздел книг об ученых, Чуев ко мне не приходил, творческой заявки от него не поступало, пробных глав, которые мы обычно требовали от новых для серии авторов, тоже. И вдруг младший редактор Володя Пекшев (на нем лежало и делопроизводство) приносит мне отпечатанный договор с Феликсом Чуевым на книгу о Стечкине и говорит, что «Сережа» просит его завизировать [22].

Между тем, неделей раньше ко мне приходил другой потенциальный автор с предложением книги об академике Стечкине. Я представил его Семанову, и тот в моем присутствии сказал, что Стечкин — недостаточно крупная фигура для отдельной книги в серии ЖЗЛ (с чем, кстати, я был согласен); но очерк о нем может войти в сборник «Советские инженеры». О том, что у нас планируется такой сборник, я услышал тогда впервые.

— Когда сборник утвердят в плане, мы к Вам обратимся, — сказал Семанов. — Оставьте свои координаты Семену Ефимовичу.

И вдруг оказывается, что никакой сборник не планируется (Семанов это сочинил на ходу, чтобы вежливо отшить нежелательного автора); что Стечкин вполне «тянет» на отдельную книгу, и что о ней договорено с другим автором, а меня, ведущего в серии раздел книг об ученых, ставят перед свершившимся фактом!

Володе Пекшеву я сказал:

Сергей Николаевич Семанов

— Я не видел заявки Чуева, не читал его пробных глав, ни разу с ним не говорил. У меня нет уверенности, что Стечкин тянет на книгу для ЖЗЛ и что Чуев способен ее написать.

— Старичок, не заводись, — стал меня урезонивать Володя. — Зачем тебе его злить (кивок в сторону кабинета Семанова). Ему нужен договор с Чуевым, этого хочет Ганичев ^[23], они там вместе пьют. Помешать ты им все равно не можешь, а свое положение еще сильнее испортишь. У них и так на тебя зуб — ты это знаешь.

Я ответил, что помешать им не в силах, но участвовать в темных делах не буду. Пусть впишут в договор имя другого редактора и обойдутся без меня.

Разговор на эту тему больше не возникал, и я полагал, что они действительно решили обойтись без меня.

Через неделю или две Семанов позвал меня к себе в кабинет и стал участливо расспрашивать о моей работе над книгой о Мечникове. Она была утверждена в плане еще при Короткове, но договора я не имел. Никаких посягательств на нее со стороны Семанова не было, но и интереса к ней он до того момента не проявлял. Я ему ответил, что работа идет к концу, через два-три месяца рукопись будет представлена. Семанова эта новость обрадовала, он стал задавать вопросы и, к моему удивлению, обнаружил знание малоизвестных подробностей биографии Мечникова. (Видимо, к этому разговору он подготовился, подчитал кое-какую литературу). Еще более неожиданным оказалось его весьма позитивное отношение к моему герою, хотя Мечников никак не укладывался в рамки нацпатриотизма: либерал, полувеерей, атеист и полуэмигрант, резко высказывавшийся о российских порядках.

— Работайте спокойно, Семен Ефимович, — сказал мне Семанов. — Я понимаю, что отсутствие договора вас нервирует. Но я вас поддержу. Ганичев почему-то вас недолюбливает, договора заключать не хочет: говорит, что со своими сотрудниками предварительные договора не положены (сам Семанов давно имел договор на книгу об адмирале Макарове и уже брал отсрочку). Но вы не беспокойтесь. Заканчивайте рукопись, мы ее сразу запустим в работу. Никаких осложнений не будет. Я вам обещаю. Мечников — очень интересная фигура...

Мы дружески проговорили минут сорок, и я поднялся с кресла приятно удивленный. Я уже взялся за ручку двери, когда услышал в спину:

— Да, Семен Ефимович, чуть не забыл... Там у Володи договорчик лежит. Завизируйте его, пожалуйста!

Хотя я уже хорошо представлял себе, кто такой Семанов, но такого хода не ожидал даже от него. Он дал мне понять, что от визирования договора с Чуевым зависит судьба моей собственной, уже почти законченной книги, которой было отдано пять лет труда! Ведь без издательского договора, дающего автору минимальные юридические и финансовые гарантии, я был беззащитен.

Вернувшись к себе, я завизировал договор с Чуевым, но для себя решил, что выпускать его книгу о Стечкине, если он ее напишет, буду уже не я: уйду из редакции после выхода «Мечникова».

Рукопись моя была принята, без придинок одобрена, особых каверз не строилось на этапах внутреннего рецензирования и редактирования. Правда, пришлось убрать несколько абзацев о предках Мечникова по материнской (еврейской) линии: на этом настоял редактор книги Андрей Ефимов, «чтобы не дразнить Сережу». Все еще не имея договора, я вынужден был уступить.

Своего намерения уйти («на вольные хлеба») после выхода «Мечникова» я от Ефимова не скрывал, и, видимо, он имел неосторожность сказать об этом Семанову. Тот ухватился за возможность от меня избавиться и ловким маневром отрезал

путь к отступлению — на случай, если бы я передумал. Перед подписанием «Мечникова» в печать он вдруг сказал, что книга задерживается. В издательстве-де идет финансовая проверка, начальство упрекают в том, что издается много штатных сотрудников, Ганичев распорядился книгу в печать не сдавать до окончания ревизии.

По опыту «Вавилова» я знал, чем чреваты такие задержки, и тут же сказал:

— Какой же я штатный сотрудник! Считайте, что я уже ушел из редакции.

— Да?! Вы так решили? Ну, смотрите, смотрите...

«Мечников» был подписан в печать в обмен на мое заявление об уходе. О «ревизии» было забыто.

Желание от меня избавиться было столь велико, что Семанов охотно согласился поставить в план мою новую книгу — о Владимире Ковалевском (пока опять без договора) и заключить соглашение на составление сборника «Земледельцы», для которого я написал биографический очерк о Г.С. Зайцеве — друге и ученике Н.И. Вавилова, основателе научного хлопководства [24].

Одного автора для сборника «Земледельцы» Семанов мне навязал, остальных привлекал я сам. В их числе был Владимир Матвеевич Полынин (сын композитора Блантера).

Обложка книги В.М. Полынина «Мама, папа и я».

Лично Полынина я почти не знал, хотя в цехе научно-художественной литературы наши станки стояли рядом. Полынин написал и издал первую после падения Лысенко популярную книгу о генетике. Она носила игривое название «Папа, мама и я». Потом он выпустил две небольшие биографические книги — о крупном селекционере вавиловской школы В.Е. Писареве и выдающемся генетике Н.К. Кольцове. Обе были написаны живо и темпераментно. Для сборника «Земледельцы» он предложил биографический очерк о В.П. Кузьмине, крупном селекционере, работавшем в Казахстане. Написал он его ярко и публицистично, показав, между прочим, какой урон был нанесен среде обитания и урожайности бездумным освоением целины «ударными» темпами. Я опасался осложнений с цензурой, но они не возникли.

Полынин был высок, худощав, сутуловат и изысканно вежлив, почти застенчив. Таким он мне представлялся при наших первых контактах. Но когда он узнал, что я ушел из редакции ЖЗЛ, его словно подменили. Будучи ответственным секретарем журнала «Природа», он — с места в карьер — предложил мне пойти к нему в штат: у него была свободная вакансия.

Поблагодарив за лестное предложение, я объяснил, что стал свободным художником, и ни в какой редакции больше работать не собираюсь. Но на следующий вечер он мне позвонил и потом звонил чуть ли не каждый вечер. Застенчивости не было и в помине. С большим жаром и напором он доказывал, что я *должен* пойти к нему в редакцию; что этим я облагодетельствую себя, журнал и чуть ли не все человечество. Себя — потому что прожить на одни гонорары, без постоянной зарплаты, я не смогу: он пробовал и знает, что это невозможно. Журнал — потому что у него в штате нет профессиональных журналистов; журнал делается сухо, одно-

образно, без выдумки, материалы, как правило, добротные, но написаны суконным языком, тускло, в них не хватает изюминки. Если в редакцию приду я, ему будет на кого опереться; мы с ним «все перевернем» и тем осчастливим мир. Работа в журнале не помешает моим литературным планам: нагрузка невелика, режим вольный. Отсиживать «от и до» необязательно; можно появляться два раза в неделю на пару часов, а остальное время — работай дома, в библиотеке, занимайся своими делами, никто не контролирует. Меня все это не соблазняло. Но на следующий вечер снова раздавался телефонный звонок, и я час-полтора слушал вариации на ту же тему — с неослабевающим напором и страстью. Красноречие Польшинина было неиссякаемо, он находил новые аргументы или старые подавал в новой аранжировке. Я устал от его напора, с трудом сдерживал раздражение, но послать по-дальше столь расположенного ко мне человека было невозможно. Длилась эта кампания больше года; я все ждал, когда, он, наконец, тоже устанет.

В конце концов, я решил поговорить с ним начистоту. Я сказал, что не понимаю его настойчивости, разве он не видит, что происходит вокруг. Евреев на работу не берут. Тех, кто работает, как-то терпят, а новых не берут, тем более, в такое элитарное заведение, как единственный научно-популярный журнал Академии Наук. Слышал же он анекдот о том, что еврей, работающий в нашем учреждении, это еврей, а желающий к нам поступить — международный сионист.

Я полагал, что эти слова оступят его пыл, но Польшинин понял их по-своему и закричал в трубку с удвоенной энергией:

— Это я беру на себя! Вы только дайте согласие! Пробить будет трудно, но это моя работа. Только дайте согласие!

Я решил преподать ему урок. То, что отдел кадров меня зарубит, у меня сомнений не было, а он, по крайней мере, спустится с небес на землю.

Но Польшинин лучше меня знал ходы и выходы в академическом лабиринте. Административно журнал «Природа» входил в издательство «Наука», в отделе кадров издательства оформляли сотрудников, бухгалтерия издательства платила им зарплату. Но в журнале имела общественная редколлегия — из видных ученых разных областей знаний. Заместителем главного редактора по «кадрам» был упоминавшийся в предыдущей главе кандидат наук А.С. Федоров, по основной работе — замдиректора Института истории естествознания и техники. Как я потом узнал, это был третий политкомиссар от науки; некогда он был приставлен к академику Капице, потом к академику Семенову, в ИИЕиТ состоял при академике Кедрове, а с 1974 года — при Микулинском, сменившим Кедрова на посту директора. К этому политкомиссару и направил меня Польшинин.

Федоров был дороден, добродушен, лысоват и улыбчив. На носу очки в тонкой оправе, золотые коронки посверкивали во рту. Разговор был недолгий и очень любезный: Польшинин с ним заранее поработал. Книги о Вавилове и Мечникове плюс 10 лет работы в серии ЖЗЛ тоже были неплохой рекомендацией. Словом, Федорову я понравился.

Владимир Матвеевич Польшинин

Заручившись его поддержкой, Польшин сделал еще один ход конем. Он поехал с моим заявлением к главному редактору журнала академику А.В. Басову, изобретателю лазеров, нобелевскому лауреату, директору ФИАН — главного физического института Академии Наук. У Басова хватало забот помимо «Природы». Едва взглянув в привезенное Польшинным заявление, он, без лишних слов, наложил резолюцию: «Зачислить!»

С этим Польшин и явился в издательство «Наука».

Академик
Николай Геннадиевич Басов

Увидев резолюцию Басова, начальница отдела кадров задыхнулась от злости и впала в истерику:

— Басов нам не указ! Пусть берет его к себе в институт! У нас свое начальство!

Польшин не спорил:

— Что ж, скажите об этом академику Басову.

У Басова была репутация крутого мужика, который своих решений не меняет и не любит, когда ему перечат. Кадрица об этом хорошо знала. Выпустив пар, она взяла заявление, но на этом не успокоилась. Басову, она, конечно, звонить не решилась. Выждав день-два, она позвонила А.С. Федорову и устроила новую истерику:

— Вот вы нам суете Резника, а знаете, что о нем говорят в «Молодой гвардии»? Это страшный интриган! От него десять лет не могли избавиться, с трудом удалили («по собственному желанию»). А теперь его к нам!?

Федорова разговор встревожил: неужели он, такой опытный политкомиссар, дал маху?..

Положив телефонную трубку, он вспомнил, что когда-то рецензировал рукопись для ЖЗЛ и имел контакты с редакцией. Порывшись в записной книжке, он отыскал номер телефона старшего редактора ЖЗЛ Галины Евгеньевны Померанцевой.

Когда я пришел в редакцию, Галина Евгеньевна уже давно там работала, и осталась работать после моего ухода, там и доработала до пенсии. Мы с ней десять лет просидели в одной комнате, я не раз бывал у нее дома, знал родителей, сестру, она знала мою семью, словом, мы были не просто сослуживцами, а добрыми друзьями.

Когда ей позвонил Федоров и спросил, какие интриги Резник затевал в «Молодой гвардии», она рассмеялась и дала мне самую лучшую аттестацию. Тут уже вышло дело Федорова. Со всей большевистской прямоотой он объяснил кадрице, кто на самом деле плетет интриги, и потребовал немедленно меня зачислить в штат «Природы».

Отступать было некуда — с января 1975 года я стал штатным сотрудником журнала.

История с моим зачислением этим не кончилась.

Редакция «Природы» занимала несколько комнат в старинном двухэтажном особняке недалеко от метро «Октябрьская» (Мароновский пер., 26), там же находится и сейчас. В нем же располагались некоторые другие журналы Академии Наук. А основное здание издательства «Наука» находилось в районе Солянки (не помню адреса, теперь оно на Профсоюзной улице). Из издательства нам два раза в месяц привозили

зарплату, за ней ездил один из сотрудников. Три раза я получил зарплату вместе со всеми, а на четвертый моей фамилии в списке не оказалось. Полагая, что это техническая ошибка, Польшин позвонил в бухгалтерию. Ему сказали, что зарплата мне начислена, но я должен сам приехать в бухгалтерию — получить расчет.

— В чем дело, какой расчет, почему!?! — закричал в трубку Польшин.

— Резник был зачислен временно, на два месяца. Два месяца истекли.

Пришлось бедному Владимиру Матвеевичу ехать в издательство и снова выяснять отношения с начальницей отдела кадров.

Еще через два месяца повторилось то же самое. Был ли на третий раз я зачислен постоянно или опять временно, я не знаю: перед окончанием следующих двух месяцев я ушел из редакции. До сих пор помню, как у Польшина отвис подбородок, и маятником заходили очки в согнутой в локте руке, когда я положил перед ним заявление об уходе. Он был глубоко озадачен, искренне меня не понимал.

В.Л. Меркулову я написал:

«Моя главная новость состоит в том, что я ушел из “Природы”. Там много охали по этому поводу и все допытывались, куда я ухожу, а я, естественно, ушел никуда, т.е. окончательно порвал со штатной должностью. За полгода работы в журнале я нахлебался полной мерой современного российского либерализма и должен Вам сказать, что от этой похлебки меня тошнит еще больше, чем от черносотенного душка моего прежнего обиталища. Там хоть точно знаешь, с кем имеешь дело. Здесь же я узнал, что такое мелкая трусость, кичающаяся своей смелостью, что такое “широта мышления” в понимании узколобых тупиц и что такое подлость людишек, убежденных в своей порядочности. Единственное доброе дело, какое я успел сделать, — это протолкнуть вашего Ухтомского. Уходя, я передал Ваше желание написать о Павлове в 23-м году, и они это напечатают хотя бы потому, что печатать им нечего, но лучше Вам списаться об этом с редакцией предварительно (пишите на имя Игоря Борисовича Шишкина)» [25].

Должен пояснить, что со всеми сотрудниками «Природы» у меня сложились добрые товарищеские отношения. Я тепло вспоминаю и И.Б. Шишкина, и В.В. Крупина, и Н.В. Успенскую, и О.О. Астахову, и других. Думаю, что и они меня не помнили лихом. Нину Владимировну Успенскую, до сих пор работающую в журнале, я через много лет, уже в 1991-м, имел удовольствие принимать у себя в Вашингтоне. Она увезла с собой мою большую статью об истории взаимоотношений Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко. Статья появилась в журнале с ее теплым предисловием [26]. В мой последний приезд в Москву я заходил в редакцию и с радостью пообщался с Оксаной Олеговной Астаховой, тоже продолжающей там работать. Н.В. Успенская, к сожалению, была больна.

С Польшиним иногда возникали разногласия, но я их не обострял. Наши отношения за полгода совместной работы нисколько не омрачились, хотя мне не нравились его слишком шумные фейерверки по пустякам. За деревьями он, похоже, не хотел видеть леса. Полугодом оказалось достаточно, чтобы убедиться, что не только никакого переворота, но и малейших изменений в журнале добиться невозможно.

Беда была вовсе не в том, что сотрудники не были профессиональными и журналистами — все были вполне профессионалы! Беда была в «простынке».

Каждая статья, подготавливаемая к печати, одевалась в «простынку» и направлялась нескольким членам редколлегии. Причем, направлялась только один экземпляр, переходивший из рук в руки. Первое, что читал член редколлегии, по-

лучивший статью, были несколько строк, написанных на простынке предшественником. Так что, еще не заглянув в саму статью, он знал мнение о ней коллеги и соответственно настраивался. К заключению предшественника, как правило, присоединялись, с замечаниями соглашались и добавляли одно-два дополнительных. Замечания, естественно, касались всего мало-мальски спорного, свежего, острого, необычного. Так почти автоматически выхолащивалось все оригинальное, яркое, непривычное, всякое живое слово!

Один из авторов, которых я привлек в «Природу», был доктор философии Арсений Владимирович Гулыга. Я с ним подружился, когда в ЖЗЛ готовил к печати его книгу о Гегеле. Тому я ему предложил «вольную», то есть он мог ее выбрать по собственному усмотрению.

Прекрасный знаток германской философии, истории и культуры, Гулыга, по малодоступным у нас источникам, написал статью об изуверских опытах в гитлеровских лагерях смерти по «изучению» возможностей человеческого организма переносить низкие температуры. Людям клали в ванны с ледяной водой и «изучали» процесс умирания от переохлаждения. О том, что опыты проводились в основном на свреях, в статье не упоминалось: настолько смелым автор не был. Но он пытался объяснить психологию изуверов в белых халатах, опираясь на психоанализ Зигмунда Фрейда.

Никакой ругани в адрес Фрейда в статье не было, в чем я видел ее главное достоинство. Я ее отредактировал и сдал Польшину, полагая, что дело сделано, ее можно ставить в номер. Но Польшин, как полагалось, отправил ее на утверждение членам редколлегии. Через пару недель она вернулась ко мне в «простынке». Члены редколлегии единодушно заключили, что статья важная и интересная, но в ней недостает марксистской критики фрейдизма. Пришлось снова вызывать Гулыгу в редакцию. Не зная, куда прятать глаза от стыда, я показал ему надписи на простынке. Он к ним отнесся спокойно. Вынул из нагрудного кармана авторучку, вписал в нужное место несколько казенных фраз и, не сказав ни слова, ушел. «Реабилитировать» Фрейда не удалось.

Я говорил Польшину, что надо бы нам быть посмелее. На это всякий раз следовал ответ:

— Но мы напечатали Майера!

Был в анналах редакции такой героический подвиг! Издательство «Наука» выпустило в переводе книгу американского биолога Э. Майера, но опустило главу о генетике человека: кто-то из рецензентов усмотрел в ней евгенику и намеки на расизм. Пропущенная глава была напечатана в «Природе», и в нее вцепился академик Н.П. Дубинин, сводивший счеты с академиком Б.Л. Астауровым, который был членом редколлегии «Природы». С тех пор прошло несколько лет, Астауров умер за полгода до моего появления в журнале, а Польшин продолжал упиваться собственным геройством: они напечатали Майера!..

Слишком разные были у нас доминанты.

Арсений Владимирович
Гулыга

2.

Но, как я написал Василию Лаврентьевичу, одно доброе дело в «Природе» я все-таки сделать успел.

Приближалось столетие со дня рождения Ухтомского, это позволяло дать о нем «гвоздевой» материал, чем я и воспользовался. Я позвонил Меркулову и заказал большой биографический очерк, к которому просил приложить неопубликованные архивные материалы. Василий Лаврентьевич с радостью взялся за дело. Некоторые отголоски редакционной работы есть в нашей переписке. Так, он писал мне 13 февраля 1975 года: «Я посылаю Вам четвертую (по счету переделок) статью об А.А. Ухтомском и 11 фотографий» [27].

Через полтора месяца (столько времени ушло на первичное проведение материала через лабиринты редакционных инстанций) я ему отвечал:

«Вчера звонил Вам, но, к сожалению, не застал. Альбина Викторовна записала то, что требуется от Вас по Вашему материалу, но на всякий случай повторю.

1. Нужно [добавить] полстранички точного и ясного текста о значении работ Ухтомского (прежде всего, теории доминанты) для современной науки и о ее значении в наши дни. У моего начальства была мысль попросить сделать это кого-нибудь из московских знаменитостей, но я это отверг, сказав, что Вы сами это сделаете.

2. Две иллюстрации забракованы худ[ожественным] отделом из-за плохого качества [отпечатков]. Если у Вас есть лучшие экземпляры, то пришлите их — тогда они пойдут. Это Ухтомский-кадеты группа с Введенским. Особенно будет жаль, если не пойдет эта последняя [обе фотографии опубликованы в журнале, значит, Меркулов прислал лучшие отпечатки].

3. Начальство очень обеспокоено текстом о Возмездии. [Архивный документ, содержавший размышления Ухтомского по поводу поэмы А. Блока "Возмездие"]. Усматривают христианство, непротивленчество и проч. Я буду бороться, чтобы отстоять, но нужно дать какой-то комментарий. Особенно важно указать дату, когда это было написано. Если сразу после выхода поэмы [1916] — один коленкор, если же в 30-е годы, то хуже. Конечно, этот кусок легче отстоять, если написать в комментарии, что Ухтомский "недопонимал", был под влиянием своего богословского прошлого и проч., но этого я не хочу делать, ибо считаю стыдным» [28].

Материалы Меркулова заняли 18 журнальных страниц. Из них 12 страниц (18-29) — биографический очерк и 6 страниц (30-35) — архивные документы [29]. Я-то задумывал заверстать то и другое как одно целое: две трети каждой страницы — статья Меркулова, а внизу подпирющей лентой тексты из архива Ухтомского. Я считал, что этим мы подчеркнем единство всей публикации: письма и размышления Ухтомского будут переключаться с биографическим очерком. Когда я предложил это Польшину, он крепко задумался, потом сказал:

— Нет, Басову это не понравится.

— Откуда вы знаете? — удивился я. — Может быть, понравится. Давайте спросим его самого.

— Не будем же мы с такой мелочью соваться к Басову!

Польшин хотел «все перевернуть» в журнале, но так, чтобы ничего не менять! Придя к такому выводу, я ушел из журнала.

Для Василия Лаврентьевича внушительная публикация в «Природе» была некоторой моральной и материальной поддержкой — и в том, и в другом он очень нуждался. Публиковался он редко, в малотиражных научных изданиях, плативших символические гонорары. Надежда на то, чтобы получить место консультанта в ИИЕиТ, возродившаяся после того как директором стал щедрый на обещания С.Р. Микулинский, снова стала гаснуть. Микулинский заверял, что поддерживает идею о переиздании под эгидой ИИЕиТ дополненной книги Меркулова об Ухтомском, но и это не двигалось с мертвой точки.

Мне кажется, именно публикация в «Природе» подвигла Василия Лаврентьевича на то, чтобы написать новую книгу об Ухтомском, в которой показать его не только как ученого-физиолога, но и как философа, мыслителя, со своим особым духовным миром, противоречиями, морально-этическими исканиями. Заявку он послал в редакцию серии ЖЗЛ, где после рецензии на рукопись А. Брагина о Сеченове его уже знали.

3.

Уходя из ЖЗЛ, я посчитал своим долгом дать совет С.Н. Семанову, хотя был почти уверен, что он ему не последует. Я сказал примерно следующее.

— Раздел ученых в серии довольно специфичен. Мало кто из писателей-профессионалов тяготеет к этой тематике, а из ученых редко кто умеет писать интересно для широкого читателя. Авторов нужно активно искать и с ними работать, а для этого надо хотя бы в самом общем виде ориентироваться в естественных науках и их истории, знать людей, к которым можно обратиться за помощью. Я вам советую закрепить раздел ученых за одним редактором, как он был закреплен за мной. За кем именно — вы решите сами, но за кем-то одним, чтобы человек чувствовал ответственность за этот раздел. Поначалу он будет плавать в тумане, но со временем наберет опыт, обрстет связями и ему станет легче. Если же раздел этот оставить бесхозным, он зачахнет.

Семанов поблагодарил, сказал, что так и сделает, и сразу же сделал наоборот. В редакцию как раз поступили две плановые рукописи — о Сеченове и о Менделееве: он поручил их двум разным редакторам. По-своему он поступил логично. Он не хотел, чтобы кто-то из сотрудников имел свой сусек, что создавало бы хотя бы призрачное подобие автономии.

Книга о Сеченове досталась Ирине Андроповой — она только что была принята в ЖЗЛ, прямо со студенческой скамьи. Она окончила филфак МГУ, ее учителем был знаменитый В.Н. Турбин — автор нашумевшей книги «Товарищ время и товарищ искусство», считавшейся очень смелой. Понятно, что с трудоустройством у дочери всемогущего шефа КГБ проблем не было. Годом раньше она проходила у нас студенческую практику. Тогда она была Ириной Филипповой. С мужем, актером Театра на Таганке, она разошлась, но еще не оформила развода (когда оформила, снова стала Андроповой). Она была бесконечно далека от круга, к которому принадлежала по родственным связям, чувствовала себя одиноко и сдружилась с молодой частью нашей редакции. Кроме меня это были Андрей Ефимов и Володя Пекшев.

Ирина была молода, красива, с большими, карими, очень выразительными глазами. Она была рафинированно интеллигентна и чрезвычайно застенчива. К нам троим она быстро привыкла, при нас была раскованна и остроумна. Иногда после работы мы заходили в какую-нибудь забегаловку выпить по бокалу легкого вина, от которого она еще больше хорошела и веселела.

Я удивлялся глубине и зрелости ее суждений о литературе, и не только о литературе. Но когда в редакции появлялись авторы или другие малознакомые люди, она становилась замкнутой, молчаливой; если ее пытались вовлечь в разговор, она, беспомощно улыбаясь и сильно покраснев, с трудом выдавливала из себя пару слов.

Если не ошибаюсь, рукопись о Сеченове Александра Брагина была первой, которую ей пришлось редактировать. Она была поражена, насколько слабым и беспомощным оказалось это творение. У нее был безупречный литературный вкус, но, будучи очень мнительной, она не доверяла самой себе. Разрисовав поля рукописи редакторским карандашом, она просила меня посмотреть, справедливы ли ее замечания, не слишком ли она придирается к автору. Поскольку я уже в редакции не работал, она, по секрету от коллег, приезжала с рукописью ко мне домой. Я подтвердил, что все ее замечания справедливы и абсолютно необходимы. Рукопись была возвращена на доработку.

Заполучив в сотрудники дочь председателя КГБ, Семанов, видимо, рассчитывал на какие-то дивиденды, но в атмосфере интриг, какую он создал в ЖЗЛ, она чувствовала себя неудобно и вскоре ушла в журнал «Музыкальная жизнь», где, насколько мне известно, работала до пенсии. После доработки рукопись А. Брагина досталась другому редактору, Юрию Лощицу.

Лощик появился в редакции ЖЗЛ еще при Ю. Короткове. Он пришел с заявкой на книгу о Григории Сковороде — украинском самородке XVIII века: философ, педагог, поэт, моралист. Заявка и пробные главы Короткову понравились, представителей «народов СССР» в серии всегда не хватало, договор с Лощиком был заключен. Книга выходила уже при Семанове^[30], а вскоре Лощик был принят в штат.

Мне помнится, что Лощик стал штатным сотрудником ЖЗЛ еще до моего ухода из редакции, но в Википедии обозначены годы его работы: с 1974 по 1983. Если так, то его приняли через год после моего ухода. Аберрация памяти возможна, так как Лощик часто бывал в редакции, когда велась работа над его «Сковородой», а я бывал после ухода, когда готовились сборник «Земледельцы» и моя книга о В. Ковалевском.

Невысокий, коренастый, с красивой окладистой бородой и выразительными глазами, Лощик чем-то неотразимо к себе располагал. Несуетный, медлительный в движениях, он говорил тихим ровным голосом, а больше молчал, и за этим чувствовалась уверенность человека, знающего себе цену, но не склонного ее завышать. Отношения у нас установились ровные и несколько отстраненные; мы оба чувствовали, что лучше сохранять дистанцию.

От естественных наук Лощик был далек. Книги об ученых ему попадали редко и были для него обузой. Что делать с рукописью А. Брагина, он понятия не имел. Он спросил меня, кому бы послать ее на рецензию, и я назвал В.Л. Меркулова. После разговора с Лощиком я ему написал:

«Редакция заинтересована получить на нее по возможности объективный и обстоятельный отзыв, без излишнего снисхождения, но и без намерения “зарубить” рукопись Вашими руками. В общем, по возможности аргументировано и обстоятельно напишите, что она, по-вашему, стоит. Платят за рецензирование хорошо, тем более, что рукопись большая. Не забудьте перечислить все Ваши титулы и звания, от них нередко зависит ставка гонорара!»^[31]

Василий Лаврентьевич благодарил за посредничество и делился своими впечатлениями:

«Я считаю, что надо основательно переделать рукопись. Например, Брагин упорно доказывает, что И[ван] М[ихайлович] очень любил Мед[ико]-Хир[гическую] академию (1860-1870), а Сеченов в письме Бутлерову из Одессы писал, что “я никогда не любил МХА и питал нежную любовь к университетам”» [32].

Подробная и высокопрофессиональная рецензия Меркулова, та самая, что разозлила М.Г. Ярошевского, похоже, произвела на Лощица сильное впечатление. Он позвонил Василию Лаврентьевичу в Ленинград и, не застав его дома, сказал жене, что рецензией очень доволен и хочет послать ему в подарок только что вышедшую книгу о Петре Первом.

Заявку на книгу об Ухтомском Василий Лаврентьевич послал Лощицу, и тот отнесся к ней положительно. С его подачи положительно отнесся и новый заведующий редакцией Юрий Селезнев, сменивший Семанова, которого сделали главным редактором журнала «Человек и закон». Этот скачек вверх по номенклатурной лестнице мой бывший шеф заслужил своими усилиями по искоренению «сионистского следа». В том, что его преемник будет продолжать ту же линию, сомнений не было.

Юрий Михайлович Лощиц

Я работал над книгой о Ковалевском. Она стояла в плане. Семанов обещал заключить на нее договор сразу после выхода сборника «Земледельцы», но слова не сдержал.

Тем временем Меркулов увлеченно работал над новой книгой об Ухтомском. Мне он писал:

«Пока я накопил и обработал интересный материал из “Памятных книжек Ярославской губернии” и “Ярославский календарь” и выудил оттуда много интересных сведений о семье Ухтомских, ну и мобилизовал накопленные конспекты. Но [телефонный] разговор с Ю.И. Селезевым и Ю.М. Лощицем был какой-то неопределенный: то ли мне можно надежду таить в своей душе, или этот вариант тоже проигранный». В том же письме он просил: «И все же позвоните Лощицу — стоит ли мне энергично сочинять заново и расширенно рукопись о моем учителе???» [33]

Звонить я не стал, а при очередном посещении редакции попытался «проветилировать», какова судьба заявки Меркулова, после чего ему написал:

«Я говорил Лощицу, что Вы ждете ответа на заявку, он ответил, что уже написал Вам, но написал уклончиво, и при этом риторически спросил: “А что еще я мог написать?” От него действительно ничего не зависит на этой стадии. Селезнева я пока знаю мало. Судя по тому, что он заявляет в печати, он озлобленный славянофильствующий юдофоб, но в общении он производит впечатление человека, не держащего камня за пазухой. Деловые его качества пока неясны, да он, кажется, растерян и сам не знает толком своих прав и обязанностей. Мне, кажется, дали, наконец, до-

говор на Ковалевского, но это первый договор за все время (больше полу-года), что Селезнев возглавляет редакцию, — очень уж я на него наседаю. Это после двух лет работы над книгой! Вот и решайте, стоит ли Вам сдаться за книгу для них до получения договора? Риск большой. Ведь при самом добром к Вам отношении они могут просто уйти, и доказывайте потом новому начальству, что тема Вам заказана. С договором же можно работать относительно спокойно. Вон как они возятся с безнадежной рукописью Брагина! Все потому, что договорная!»^[34]

Меркулов отвечал:

«Письмо от Лощица я получил и ему послал 5-го [июля 1976 г.] ответ. Теперь надо собирать письма в адрес [Первого секретаря ЦК ВЛКСМ] Тяжелыникова в защиту моего учителя, желательности появления о нем книги и приличной характеристики моей сумрачной личности!»^[35]

Похоже, что Лощиц симпатизировал Меркулову, но растерянный Селезнев перестраховывался, почему и понадобились «письма в поддержку» на высочайшее комсомольское имя.

Я пытался сориентировать Василия Лаврентьевича, чтобы он знал, с кем имеет дело, и не допустил какого-нибудь промаха:

«Учите, что с Лощицем Вам надо быть осторожным. Я знаю его уже не один год, но до сих пор не могу раскусить. Это весьма своеобразный тип христианствующего антисемита. В Алекс[ее] Алексеевиче его, скорее всего, привлекает то, что он учился в Духовной академии. Что касается естественных наук, то Лощиц в них крайне невежественен и, в духе примитивного мышления поздних славянофилов, считает, что все зло мира — от ученых и от евреев (конечно, для него эти понятия тождественны). Помочь Вам заключить договор он практически не властен, но помешать может очень легко, поэтому в переписке с ним учитите все вышесказанное»^[36].

Меркулов, как уже отмечалось, работал быстро. В новогоднем поздравлении от 25 декабря 1976 года он мне писал, что уже «отпечатал 387 страниц на машинке». Это было так неожиданно, что я сперва не понял, о какой книге идет речь. Только внимательно перечитав письмо, убедился, что речь шла о новой книге об Ухтомском!

Договор с ним был подписан 26 мая 1977 года, и в нем был указан срок представления рукописи — 30 июня того же года, то есть через месяц. Это значит, что договор заключался на практически готовую рукопись. Стало быть, редакция с ней ознакомилась и нашла вполне приемлемой. В противном случае не стала бы заключать договор.

Но представленная рукопись застряла у Лощица.

Прошло больше года, прежде чем Василий Лаврентьевич сообщил мне об этом в каком-то не сохранившемся письме. Наводить справки в редакции я уже не мог, так как полностью порвал отношения с ЖЗЛ. Это было связано с прохождением моей книги «Владимир Ковалевский: трагедия нигилиста». Герой ее — выдающийся палеонтолог, просветитель, близкий к освободительному движению 1860-х годов, поборник женского равноправия, муж (сначала фиктивный) Софьи Ковалевской, трагическая фигура: в 41 год покончил с собой. Мое отношение к герою книги, как к движению шестидесятников вообще, отнюдь не было апологетическим. Я критически оценивал некоторые поступки и взгляды Ковалевского, но книга никак не

укладывалось в *национал-патриотическое* направление, по которому вели ЖЗЛ Семанов, а потом Селезнев.

Редактором книги был Андрей Ефимов. Он пришел в ЖЗЛ при Короткове — сначала младшим редактором. Он был всего на два-три года младше меня, заочно учился в МГУ на факультете журналистики. Мы с ним быстро сдружились, наши взгляды на то, «что такое хорошо и что такое плохо», совпадали. Но после того, как Короткова убрали, и его место занял Семанов, взгляды Андрея стали меняться, а наши отношения — осложняться. Он считал нужным угождать вкусам и прихотям нового шефа, причем не из карьерных соображений, а, так сказать, из принципа: ты начальник, я дурак. После того, как Семанова сменил Селезнев, Андрей стал угождать Селезневу. Это прямо отразилось в его работе над моей рукописью. Замечаний у него было немного. Что-то я уступал, что-то он, но одно место я решил не отдавать. В рукописи приводилось найденное мною в архиве письмо 1881 года Александра Ковалевского (зоолога, профессора Новороссийского университета) брату Владимиру, в котором с возмущением сообщалось о разразившемся в Одессе еврейском погроме и о «дряни, которая все это проделывает». Андрей требовал снять эти два абзаца, я не соглашался. Мое сопротивление его злило, но он сдерживался:

— Мне-то что, мне это до лампочки, но Юрий Иванович [Селезнев] все равно этого не пропустит, зачем его злить?

Я отвечал, что если Селезнев будет покушаться на это место, я буду говорить с ним, а пока книга в твоих руках — не лезь в пекло поперек батьки.

— Будешь с ним спорить из-за двух абзацев? — недоверчиво спросил Андрей.

— А почему бы и нет? Никакого криминала я в них не вижу.

Разговор становился все более напряженным. Наши давние отношения накладывали на него особый отпечаток: главное не говорилось вслух, но было понятно обоим. Андрея уязвляло мое упрямство (из-за двух абзацев ставлю под удар свою книгу), я же давал понять, что презираю его лакейство.

В комнату вошел Лошиц, чье рабочее место было в соседней комнате, и вмешался в разговор, переведя его на «еврейский вопрос» — в том аспекте, как его понимали национал-патриоты.

— Ну, хорошо, Юра, — возразил я по поводу какого-то его замечания о «засилии» евреев в руководстве революцией и советской властью, — допустим, что евреи играли «слишком большую» роль и творили больше безобразий, чем другие головорезы. Но тот период длился недолго. К 27-му году их всех из Политбюро вычистили, ни одного не осталось...

Тут Лошиц, набывчив шею и раскачивая крупной тяжелой головой вправо и влево, сорвался в фальцет:

— А-а Ка-га-но-вич!

В эти пять слогов, подкрепленных пятью качками головы из стороны в сторону, была вложена такая энергия ненависти, какую никак нельзя было ожидать в этом тихом, уравновешенном парне.

Каганович, будучи креатурой Сталина, был введен в Политбюро в 1930-м, о чем я попытался напомнить, но Лошиц быстро поднялся и вышел из комнаты.

Он явно жалел о своей вспышке, столь не свойственной ему при обычной сдержанности.

Повернувшись к Андрею, я сказал, что ни на какие уступки не пойду. Было в моем тоне что-то такое, что тут же заставило его отступить.

— Ну, смотри, я тебя предупредил, — Андрей перевернул страницу.

От него рукопись перешла к Селезневу. За-мечаний у того тоже было немного, в основном незначительные, но «погромное» место было отчеркнуто карандашом как подлежащее удалению. Я спросил, что его смущает.

— Мне кажется, что это место лучше снять.

— Почему?

— Ну... вы же понимаете, — сказал он многозначительным тоном.

— Ничего не понимаю. Это нужно для обрисовки моих героев. Здесь показано их отношение к насилию и произволу.

— Но вы же знаете, как остро сейчас стоит этот вопрос, какие аллюзии это может вызвать.

— Какие аллюзии? — удивился я. — Разве у нас бывают еврейские погромы?

— Нет, конечно, но этот вопрос стоит остро!..

Я молчал, ожидая дальнейших разъяснений. Но сказать ему больше было нечего.

— Коль скоро вы настаиваете, мы можем это оставить, но если в главной редакции будут возражения, я вас не смогу защитить.

Я ответил, что не жду его поддержки в главной редакции. Если там будут вопросы, я сам на них отвечу.

Вопросов не возникло, рукопись ушла в типографию. А пока она набиралась, в редакции произошел «крупный скандал местного значения». Открылось, что Андрей Ефимов, лакейски выслуживавшийся перед Селезневым, завел тайный роман с его женой!

...Неисповедимы причуды женского сердца!

Селезнев был широко известным литературным критиком, печатался в ведущих изданиях, писал книгу о Достоевском, возглавлял прославленную книжную серию, причем было ясно, что долго он на этой должности не задержится: еще год-другой, и он шагнет дальше и выше, как его предшественник Сергей Семанов. Кроме того, Селезнев был красавчиком с обворожительной белозубой улыбкой! Его молодую жену, кажется, его бывшую студентку, я однажды видел в редакции. Смазливая простушка с распахнутыми глазами, она вся светилась, смотрела на него восторженно, на лице ее было написано, как она им горда и счастлива. А, поди ж ты! Променяла на совершенно бесперспективного «чернорабочего умственного труда», замкнутого, угрюмого, малоконтактного!

Когда это открылось, Андрея как ветром выдуло из редакции.

А когда я получил на вычитку корректуру своей книги, «погромных» абзацев в ней не оказалось. Они были сняты за моей спиной — после того как редактор и завредакцией согласились их оставить!

Такой подлости по отношению к авторам ЖЗЛ на моей памяти не было. Мне было ясно, что совершил ее, по старой дружбе, Андрей Ефимов, но в редакции его уже не было, не кому (образно говоря) было бить морду.

Я упрямо вклеил в корректуру пропущенный текст и отнес ее в редакцию с возмущенным письмом на имя Селезнева. Риск был огромен, ибо ему ничего не стоило заслать корректуру на дополнительную рецензию какому-нибудь легко управляемому «патриоту», тот усмотрел бы в ней идеологическую диверсию про-

Юрий Иванович Селезнев

тив России, и тогда уже доказать, что я не верблюд было бы невозможно. Вероятно, именно так поступил бы Семанов. Но простоватый Селезнев до этого не додумался, а, может быть, не до того ему было на фоне семейной драмы. Книга была переверстана, злополучные два абзаца вернулись на свое место. Но в редакции я после этого не появлялся.

4.

Василий Лаврентьевич звонил и писал Лощицу, справляясь о своей рукописи, тот давал успокаивающие ответы, а дело не двигалось. Для Лощица рукопись была недостаточно «патриотична», но прямо своих претензий он автору не высказывал, просто тянул волынку. Впервые он откликнулся на рукопись в конце апреля 1978 года, то есть почти через год после ее представления, просрочив на много месяцев официальный срок одобрения, определенный законом.

Знаю об этом из письма Василия Лаврентьевича:

«Лощиц просмотрел первый вариант и прислал 26 апреля обратно: “совершенно не может считаться пригодным”. Я переделал, добавил интересные воспоминания об А[лексее] А[лексеевиче] и послал, а он увяз с юбилеем Льва Толстого»^[37].

Где коза и где капуста?! Как юбилей Л.Н. Толстого мог помешать редактору работать над рукописью об Ухтомском??

В ноябре Лощиц прислал Василию Лаврентьевичу еще одно письмо, «где убеждал меня, что для успеха моей рукописи необходимо “подключить опытного журналиста, можно столичного, а лучше из Ленинграда”. Я послал ему 11/XI ответ, что от сотрудничества с журналистом отказываюсь, и мои товарищи по ЛГУ согласны, что портить облик А[лексее] А[лексеевич]а дешевой публицистикой в угоду занимательности нет резона!».

Читая это, я не верил собственным глазам!

За десять лет работы в ЖЗЛ через мои руки прошли десятки рукописей об ученых, большинство из них были написаны специалистами, а не писателями, некоторые (многие!) приходилось основательно перелопачивать, так как авторы, хорошо зная предмет, не умели подать его понятно и по-писательски интересно для широкого читателя. Но мне никогда даже в голову не приходило требовать от них взять в соавторы журналиста для внесения в текст дешевого оживляжа. В том и состояла моя работа литературного редактора, чтобы доводить такие рукописи до кондиции. Но не тем занимался Юрий Лощиц!

Вот мой ответ Меркулову:

«То, что Вы пишете о Лощице, меня не удивляет. <...> Лощиц — “борец” за царя и отечество супротив всяких инородцев-иностранцев. По-видимому, в Вашей рукописи он не обнаружил восхвалений в адрес самодержавия-православия-народности, а, может быть, нашел кое-что, что идет против такого восхваления. Поскольку Вы не инородец и не иностранец, то Вы для Лощица масон, а это еще хуже, ибо масоны — это все те, кто “губит Россию на еврейские деньги”. Не исключено, конечно, что он не приоткрылся к Вашей рукописи просто за недосугом, ведь он большой идеолог, спаситель отечества, где же ему выполнять ту самую работу, за которую ему платили зарплату! Надеюсь, что с Померанцевой Вы лучше поладите, хотя в целом в редакции обстановка гнусная и будет таковой, пока не уй-

дет Селезнев. Была надежда, что его возьмут в Инст[итут] Мирво[ой] Литературы, но его там с треском прокатили на конкурсе ^[38]. *Последнее, чем отличилась редакция, была книга о Пуанкаре, написанная какими-то двумя шизофрениками* ^[39]. *Читать ее невозможно, ибо это самая неудобочитаемая книга в серии ЖЗЛ, однако одна мысль проводится в ней с маниакальной настойчивостью. Состоит она в том, что Эйнштейн украл у Пуанкаре и Лоренца теорию относительности, причем утверждает, что ему помогли совершить кражу “не немецкие ученые”, которых оказалось “слишком много в немецкой науке”, и во всем этом “были заинтересованы сионистские круги”. Вот до каких времен мы дожили!»* ^[40]

Имя Галины Померанцевой возникло в этом письме потому, что Лошиц сообщил Меркулову о том, что уходит из редакции и его рукопись передана Галине.

5.

Следующее из сохранившихся у меня писем Меркулова датировано 12 июня 1980 г. С присущей ему пунктуальностью отмечено: «15 ч. 20 м. Дождь осенний».

Василий Лаврентьевич извещал о резком ухудшении своего здоровья. У него обнаружилось или сильно обострилось амилоидное перерождение почек, что вызвало значительное снижение гемоглобина в крови, вялость, сонливость, потерю аппетита... Поскольку беда не приходит одна, то у жены его, пошли «бурные вспышки гипертонии», так что дважды ее увозила в больницу скорая помощь. Они вдвоем отправились на прием к невропатологу в поликлинику ЛГУ. «Она спрашивает, чем объясняется такая частота гипертонии? Альбина ответила: тяжело болен муж, я не имею родных, детей, квартиры отдельной, пенсии и т.п. А что за болезнь у мужа? Амилоидоз почек. И почтенная дама не нашла ничего более благо разумного, как сказать: “Мой брат 50-ти лет погиб от этой болезни. Никакие лекарства не помогли”. Эффект такой справки был печальный, — продолжал Василий Лаврентьевич. — А[льбина] В[икторов]на в 2 часа ночи разбудила меня и стала петь мне отходную! Поставила на обсуждение — какой способ самоубийства наиболее легок и мгновенен?» ^[41]

Перейдя к своим литературным делам, Василий Лаврентьевич привел копию письма, полученного им раньше от Юрия Лошица (оно датировано 31 октября 1979 г.) Вот текст этого письма:

«Глубокоуважаемый Василий Лаврентьевич! Мои личные обстоятельства сложились так, что в июле с.г. мне понадобилось расстаться со своими обязанностями научного редактора ^[42] *серии ЖЗЛ. На 41-м году жизни (может и поздновато?) захотелось попробовать свои силы в собственных литературных занятиях, не совмещаемых с постоянной редакторской работой. Не знаю, получится ли что-нибудь из этого, но три книги я уже написал, так сказать без отрыва от производства и ей-ей как-то подустал. Числящиеся за мной рукописи далеко не сразу были перераспределены в редакции. Недавно узнал, что Ю.И. Селезнев передал ее [рукопись Меркулова] Г.Е. Померанцевой, и на душе у меня стало полегче. Дело в том, что она старейший и опытнейший редактор, умеет обходить самые различные рабочие препятствия, перед многими из которых я, например, терялся и опускал руки. У меня с ней был подробный разговор о теме рукописи, о Вас, и я понял из беседы, что Г.Е. с интересом отнеслась к личности*

Ухтомского и с пониманием к нашим с Вами рабочим трудностям. Кстати, у нас в редакции передача той или иной “трудной” рукописи не редкость. В свое время принял от Г.Е. “Баха”, а затем “Алексея Толстого”, обе книги уже вышли. Иногда ведь и сам редактор неумоვნю преувеличивает предстоящие “трудности”, а другой, окинув их свежим взглядом, видит, что дело гораздо проще. В.Л., за время нашей работы (какой?) [43] и переписки я проникся к Вам искренней симпатией. Буду рад, если Вы не станете помянуть меня лихом. Еще более буду рад, когда увижу Вашу книгу “Ухтомский” вышедшей в свет. Доброго Вам здоровья Ю. Лоциц».

Приведя это письмо, Василий Лаврентьевич продолжал:

«Но этим дело не кончилось. Некто Борис Белоголовый (какой-то приятель Селезнева) стал мне звонить, когда я 5/XII-79 г. вышел из больницы, и предложил такой вариант: “берите меня в соавторы, пишете о согласи заявлении Селезневу, я — киносценарист и уезжаю сейчас в Новосибирск, а в конце февраля охотно буду (50/50%) Вашим помощником в этом деле. Мне давали читать Вашу рукопись (варианты), и я убежден, что без меня у вас ничего не выйдет”. Сей наглец разговаривал со мной в манере укротителя зверей. Я уклонился от такого лестного предложения. Даже не полюбопытствовал, что он собой представлял.

Померанцева писала о нем как о самоуверенном и очень нахрапистом деятеле искусств» [44].

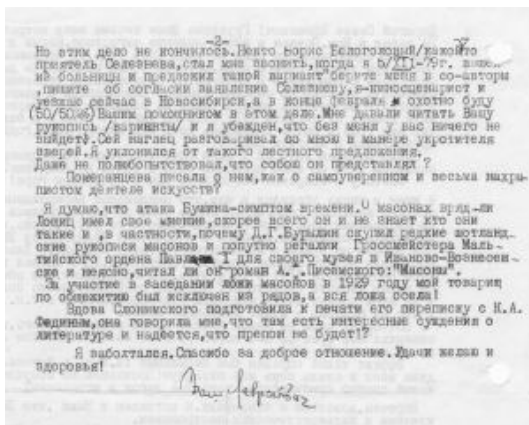
Такого огорошивающего письма за восемь лет нашего общения я от Василия Лаврентьевича не получал!

Прежде всего — еще одна страшная болезнь, по-видимому, застарелая, но раньше он о ней не упоминал!

И реакция его неуравновешенной супруги!

И иезуитское письмо Лоцица! И непрошенный «соавтор»!

Все в одном флаконе!

Заключительный фрагмент последнего письма
В.Л. Меркулова к автору — от 12 июня 1980 г.

6.

Я тоже понятия не имел, кто этот приятель Селезнева, который вдруг обрушился на Василия Лаврентьевича — по наводке редакции. Не знал бы и сегодня, если бы не интернет. Поисковая система Google сразу же привела на личный портал Бориса Георгиевича Белоголового.

Борис Георгиевич
Белоголовый

На заглавной странице — десяток выразительных портретов — живописных и фотографических. С них смотрит худощавое лицо аскета с впалыми щеками — узкие глаза, любовно ухоженная борода, скорбная дума на челе и во всем облике.

Из автобиографической справки можно узнать, что Борис Белоголовый родился в 1937 году (почти мой ровесник); ему выпало тяжелое детство, довольно типичное для поколения, обездоленного войной. Его родители погибли в блокадном Ленинграде; он был усыновлен теткой, но воспитывался в детских домах. Программу школьной семилетки одолевал с натугой, дважды оставался на второй год. Научился обслуживать кинопередвижку, но экзамена на киномеханика сдать не смог. Неясно, когда и как он окончил среднюю школу. Пытался поступить в Литинститут, но на вступительном экзамене получил двойку за сочинение.

На следующий год поступил на филфак МГУ, но учение опять шло с натугой: с третьего курса ушел «по собственному желанию». Однако в 1966 поступил во ВГИК и окончил сценарный факультет — с отличием.

«Первый фильм, учебный — «Использование РЛС при расхождении судов в тумане», 1973 г., Леннаучфильм. Первая публикация — очерк «Лес», журнал «Юный натуралист», №8, 1974 год. Первая книга — «Красный август», Москва, «Кучково поле», 2007 год»^[45].

На сайте помещена обложка книги «Красный август» и краткая аннотация. На обложке полупрофильный портрет Сталина с пышным, почти буденовским усом, черным, как смоль. Аннотация гласит:

«Беспримерная в мировой истории диктатура Сталина с неизбежностью сложилась в общественно-политическом климате смертельно больной России, которая очень хотела жить. Заслуги «ленинской гвардии» по захвату государственной власти бессовестно раздуты: октябрьский переворот 1917-го лишь окончательно довершил обвал России, подготовленный и совершенный Ее элитами, отчасти злонамеренно, а большие из благих намерений. Осенью 1917-го «Единая и Неделимая» распалась, осыпаясь под бойкие копыта этой «гвардии», несомненная заслуга которой — удержание всероссийской власти. Большевизм не идеология, а бесцеремонная тактика, победоносная любой ценой. Ленин и Сталин — воплощение максимы «цель оправдывает средства» — явились разрешителями вождельний сонмища российских исповедников беспредела, порою ярых, а чаще стыдливо робких. И в бесконечных синодиках «жертв культа личности» не так уж много вовсе неповинных в создании, поддержании и характере

культы Ленина–Сталина. Однако устремления Тельца и Стрельца оказались диаметрально различны: первый ратовал за Мировую Революцию, но не успел; последний — за “отдельно взятую страну” и преуспел. Россия получила феномен Красного Августа в пору крайней исторической необходимости, а народ — по заслугам и грехам своим. Нынешним поколениям россиян следует возблагодарить Всевышнего, что Сталин был, а они опоздали в Его крутую эпоху» [46].

Если перевести этот текст с кудреватого-вигиеватого на простой русский язык, то смысл его станет ясен: Слава Великому Сталину, и незачем скулишь о жертвах его «беспримерной диктатуры» — они сами виноваты в том, что попали ему под горячую руку!

Интересно было бы узнать, донес ли Белоголовый свою сверхценную идею до Василия Лаврентьевича, у которого великий вождь и учитель отнял двадцать лучших лет жизни и сделал его калекой.

Но «Красный август» написан через тридцать (без малого) лет после того, как Белоголовый набивался к Меркулову в соавторы, — возможно, тогда его еще не осенила сия великая мысль. С чем же он к нему явился, что имел в своем активе кроме учебного фильма о кораблях в тумане и статейки о лесе в «Юном натуралисте»?

Судя по его собственной автобиографической справке, ничего другого достойного упоминания в его активе не было. Таков был багаж человека, которого Лошиц и Селезнев вознамерились навязать Меркулову в соавторы!

7.

Занятый своими делами, я часто отвечал с большим опозданием, но на это письмо отозвался незамедлительно.

Прежде всего, попытался утешить Василия Лаврентьевича в его незавидном положении:

«Что касается Вашей нынешней болезни и бестактности врача, то это не нужно принимать близко к сердцу. От всякой болезни кто-то умирает, а кто-то вылечивается. Мне рассказывали достоверный случай, как одного мужчину оперировали по поводу рака горла. Вскрыли и увидели, что рак запущенный, полно метастазов; зашили, ничего не сделав, кроме серии снимков: картина была такая классическая, что ее решили показывать студентам. И вот после этого человек живет 13 лет, успел жениться, занять ребенка и проч. Другой случай: женщина, проводник на железной дороге. У нее нашли запущенный рак, лечить или оперировать поздно. Она стала лечиться какими-то травами по совету знахарки, и вот уже двадцать лет как продолжает жить, ездит по железной дороге. Сколько есть всяких кустарных средств от рака, которые научно исследованы и установлено, что они не помогают, а между тем немало гуляет по свету “вылеченных” этими средствами людей. Что это? Ошибки в диагностике? Но запущенный рак слишком легко, насколько я знаю, диагностируется, чтобы все эти случаи отнести на счет ошибок. Очевидно, бывает спонтанное самоизлечение. Да зачем искать случаи с безымянными проводницами, когда вот пример человека всемирно известного: у Солженицына, как Вы знаете, был неоперабельный рак, который дал ему сюжет для романа, а затем бесследно исчез!» [47] *Расскажите обо всем этом Альбине Викторовне и скажите, чтобы не расстраи-*

валась из-за бестактности какой-то врачихи. Кому когда отбыть в мир иной, решается на небесах, и нам заранее о том знать не дано.

После такого неуклюжего утешения я продолжал:

«Приводимое Вами письмо Лоцица прелюбопытно! В каждой строке сладенькое фарисейское лицемерие. Какие там “трудности”? Никто так не знает предмета, как Вы! Если Вы что-то не дотянули в литературном отношении, то тут никаких трудностей для Лоцица нет, а просто есть нежелание поработать. Но после книги “Пуанкаре” я окончательно убедился, что для них уже нет предела литературной недоброкачественности, когда бы они могли сказать: “Ну, это так плохо написано, что мы публиковать не можем!” Они могут, и публикуют то, что хотят. Вспоминаю характерную историю с “Кантом” Гулыги — его редактировал Лоциц. Гулыга мастер, пишет интересно, но интересна ли Лоцицу философия Канта? Я, помню, зашел в редакцию, когда у него на столе лежала рукопись Гулыги и он брюзжал: “С трудом прочитал половину, написано скучно и слабо, придется вернуть на доработку”. Я осторожно недоумевал, говорил, что Гулыга хорошо пишет и его “Гегель” очень интересен. “Гегель” — другое дело, — отвечал Лоциц, хотя по тону было ясно, что он не читал “Гегеля”, — а эта книга ему не удалась”.

Я болел за Гулыгу (с ним еще раньше долго не заключали договор, обманывали, распускали ложные слухи, будто он “в опале”, и проч., он мне часто звонил, и я, зная тогда редакционную кухню, давал ему советы) и сочувствовал ему, что он попал к такому редактору. И вот проходит неделя, я снова в редакции, спрашиваю Лоцица:

— Юра, как “Кант”?

— Все в порядке, мы его сдали в производство.

*Я порадовался за Гулыгу, но причину этой метаморфозы понял через полгода, когда, читая книгу, на стр. 211 (во второй половине!) обнаружил два позорных антисемитских абзаца!! Этого оказалось достаточно, чтобы исчезли все “трудности” и Лоциц закрыл глаза на то, что книга, по его же мнению, “плохая и скучная”! Гулыге я написал резкое письмо, после чего с ним практически раззнакомился. Вывод же из этого такой. Вашу книгу Лоциц по каким-то причинам **не хотел** отправлять в производство и ссылается на “трудности”, которые, как, в сущности, он и признает, он сам и создал. <...>*

Три книги Лоцица, написанные без отрыва от производства, это “Сковорода”, “Гончаров” и “Земля-именинница”. Первую я не читал, вторая вся пропитана ложью и сектантским духом. Гончаров весь извращен. Третья книга — собрание очерков, написанных в разное время. Интересны в некоторых описания природы, однако основная линия та же: вот когда-то, раньше, до железных дорог и рефлексов головного мозга, на Руси жилось хорошо и привольно, и чем дальше вглубь веков, тем лучше. Москва в XV веке жила “под шелест книжных листов” (то есть все читали книги!) — это до книгопечатания, когда даже молитвенники в церквах читали выписанные для этого греки, так как своих грамотеев были считанные единицы!

Весьма любопытно, что они теперь, через 30 месяцев! пытаются Вам навязать своего соавтора, который только испортил бы Вашу книгу беллетристическими соплями и стянул бы за это половину гонорара»^[48].

8.

Это письмо — последнее из нашей переписки, которое у меня сохранилась, хотя переписка продолжалась. Помню, что я убеждал Меркулова отложить все в сторону и взяться за мемуары: он столько видел и пережил, встречал так много разных и интересных людей, что было бы грешно не запечатлеть все это на бумаге. Он отвечал, что не может позволить себе такой роскоши, ибо его мемуаров никто не напечатает, а ему надо подрабатывать: пенсии не хватает на жизнь..

А потом... Потом пришло письмо от Альбины Викторовны...А потом... Потом пришло письмо от Альбины Викторовны...

Глава двадцать четвертая. Альбина Викторовна

1.

Первое ее письмо, от 26 декабря 1980 г., привожу почти целиком:

«Дорогой Семен Ефимович! У меня случилось очень большое горе — умер мой многострадальный друг Василий Л[аврентьевич] 6/XI — 80 г. <...> Последние полтора, а особенно последний год он чувствовал себя очень плохо и не мог выходить из дома. У него была очень сильная анемия почечного происхождения. Умер он от уремии в больнице. Смерть очень мучительная.

Василий Л[аврентьевич] несмотря на плохое состояние много работал, из последних сил старался закончить две свои рукописи, но так и не успел увидеть своих книг. О Галлере, я думаю, выйдет. А вот меня смущает рукопись об А.А. Ухтомском в “Молодой гвардии”. Эта задержка только, я считаю, из-за Лоцица. Столько времени держал рукопись и ничего не делал! Теперь редактор Померанцева Г.Е. — Василий Л[аврентьевич] с ней лично не познакомился, работа была по переписке. Узнав о смерти В.Л., она прислала мне письмо с уверением, что приложит все усилия, чтобы рукопись была издана и увидела свет. Как я надеюсь на это! Очень жаль, что Василий уже не увидит своих книг, если это состоится. Конечно, при жизни В.Л. получил бы полный гонорар, а вдовам платят только 25%^[49]. У меня положение критическое. Я очень больна, своей пенсии я не имею, т.к. у меня очень мало стажа, инвалидность не оформлена (при нашей бюрократии это не просто сделать). А за Василия я пенсию смогу получать только после февр[аля] 1982 г., т.к. мне сейчас нет 55 лет, и по нашим мудрым законам в это время нельзя работать, иначе пенсии не будет и в 82 г. Да я и не могу по состоянию здоровья! Жили мы трудно, последние 8 лет В.Л. был на пенсии и получал на двоих 140 р. Дополнением к бюджету были небольшие статьи, рецензии и авансы за ненапечатанные книги. А о Ционе работа вообще пропала — В.Л. представил Циона как учителя Павлова, а рецензент — как реакционера. Жили мы в “коммуналке”, никакие хлопоты не помогли нам выбраться из нее. Да! Вы совершенно правы, и я считаю это чуть ли не преступлением не написать о своей жизни. Тут большая вина моя, надо было мне записывать, а в моей голове мало что осталось из рассказов В.Л. На первое время мне помогли друзья, а что делать дальше — просто не знаю. Советую продавать книги, но я пока не

могу этим заниматься, да и жаль, Василий Л. так любил и ценил книги. Обещал в этом деле [издании книги об Ухтомском] помочь Крепс Евгений Михайлович. Он написал письмо в “Мол[одую] гвард[ию]” Померанцевой. С искренним уважением Яицких Альбина Викторовна.

Как тяжело было читать это письмо!

Итак, Василия Лаврентьевича не стало.

Отмучился...

А каково было его супруге, нет, теперь уже вдове! До какого отчаяния была она доведена, если ей пришлось обращаться за помощью к человеку, коего она терпеть не могла, а ее муж, вынужденный с ним сотрудничать, в сердцах честил последними словами!

Ей вряд ли было известно письмо Василия Лаврентьевича, в котором он писал мне о двусмысленной роли академика Крепса как главного редактора однотомника Ухтомского в серии «Классики науки», а заодно об их личных взаимоотношениях. Но я-то об этом помнил:

«В мае с/з назначили Крепса главредом и послали ему все документы. Он отмахнулся и не мне передал, а одному универсанту <...>. Тот долго держали опять передал не по назначению. А если 1 июля не будет подписан с нами договор, то мы вылетим из сроков [из издательского плана] и снова надо иметь хлопоты! <...> Что касается Крепса, то он когда-то кормил со мной клопов и вшей на берегу Пасифика и позже клятвенно заверял меня в дружбе и готовности помочь. Но когда Микулинский пытался втиснуть меня консультантом в ИИЕиТ, то тот [Крепс], будучи лидером Отделения физиологии и членом Президиума АН, наотрез отказался хлопотать обо мне^[50]. Дипломат и лицемер сей делец от науки. В 1973 г., в ноябре, он стал просить меня помочь ему написать статью “Физиология в Академии наук за 250 лет”. Я сочинил статью о физиологии в XVIII веке. Он звонил не раз, торопил, просил литературу указать и т.п. Потом прислал шофера за текстом, затем приехал сам, начал болтать, что он видит, как нам трудно жить на 140 р. вдвоем, и готов дать деньги за работу. А[льбина] В[икторов]на у меня кипела и готова была ошпарить его кипятком, я ее выставил в кухню и сказал, что мне достаточно 30 Серебренников. Он дал три червонца и умчался. Но потом на одном заседании в январе 1975 г. подробно рассказывал, какую большую статью по истории физиологических исследований в Академии наук написал, и ни звука обо мне. Моя работа им была оплачена! Каков!. 38 лет назад мы лежали рядом на нарах, вечерами смотрели на дивные закаты над Амурским заливом и давили клопов и вшей. Были и дружеские беседы и т.п. Ну, да дьявол с ними — людьми, утратившими совесть и честь!»^[51]

Академик
Евгений Михайлович Крепс

Зная мнение только одной стороны, я не могу судить, насколько адекватен портрет Е.М. Крепса, прорисовывающийся в этой эпистоле. Не было ли и вины самого Меркулова в том, что академик не раскрывался перед ним лучшей своей сто-

роной, не стал для него Заслуженным Собеседником? Понятно, однако, что испытывал Василий Лаврентьевич при неизбежных контактах с бывшим солагерником, ставшим в научной иерархии козырным тузом!

«Ваша история про Крепса и 30 рублей — это целый роман, — ответил я тогда Меркулову. — Насколько я слышал, он в академических кругах имеет репутацию порядочного человека. Каковы же другие??» [52]

Какие же чувства бушевали в душе несчастной Альбины Викторовны, когда она шла на поклон к маститому академику, которого несколько лет назад готова была *ошпарить* кипятком!

Моего ответа на это ее послание у меня не сохранилось, но есть ее следующее — от 29 марта 1981 года. Она благодарила «за ваше сердечное дружелюбное письмо» и продолжала:

«Чем больше времени проходит после смерти моего бедного много-страдального Василия, тем острее я чувствую эту потерю и одиночество. Я Вам писала, что у меня на всем белом свете нет родных и я очень больна. Недавно я прочитала в журнале “Октябрь” № 1 и 2 “Бобринский Угор” Александра Яшина. Он рано ушел из жизни, а незадолго до смерти перенес большое горе — смерть сына и в связи с этим писал: “Для чужих людей существуют сроки беды — прошел месяц, год... Для близких горе бес-срочно”. Теперь я это хорошо понимаю. Как это горько и страшно».

Часть письма посвящена хлопотам о пенсии, после чего следовало:

«Но главное сейчас для меня заботы о Васиной рукописи об А.А. Ухтомском, которая находится в “Молодой гвардии”, ЖЗЛ. Я боюсь, чтобы этот труд, уже из последних сил, не пропал бесследно, как раньше было с Ционом (но по другой причине). На днях я получила от редактора Галины Евгеньевны Померанцевой письмо, в котором она пишет, что для завершения работы (кот[орую] так торопились не успел сделать В.Л.) нужна литературная обработка. <...> В последнем письме Померанцева писала, что Белоголовый был в редакции по своим делам и опять предлагал свои услуги. Галина Е[вгеньевна] его хвалит, а у меня душа не лежит. Я вместе с академиком Евгением Михайловичем Крепсом (это Васин друг со времен лагеря [!]) обсудили возможные кандидатуры и остановились на Вас. К сожалению, Евгений Мих. лично с Вами не знаком, но я ему так Вас охарактеризовала, что он полностью одобрил мой выбор. Я понимаю, что это большой труд, а Вы человек занятый, но, тем не менее, я очень Вас прошу ради памяти Василия Лаврентьевича взяться за этот труд. В письме Е.М. Крепсу Померанцева написала, что оплата литературного редактора идет за счет авторского гонорара, сколько это — я не знаю. Научным редактором любезно согласился быть Николай Васильевич Голиков. Это ученик Ухтомского, проф. кафедры физиологии ЛГУ. Сейчас он консультант. Но, прежде всего, нужна литературная обработка. С надеждой буду ждать Вашего ответа» [53].

Понятно, что никакого оптимизма по поводу того, что академик Крепс ляжет костыми, чтобы пробить книгу покойного солагерника, у меня не возникло. Мой ответ датирован 6 апреля 1981 г.

«Дорогая Альбина Викторовна! Только что принесли Ваше письмо, и я тороплюсь на него ответить. Очень хорошо понимаю Ваше состояние и сочувствую Вам. Василия Лаврентьевича я очень любил, переписка с ним

(виделись мы, к сожалению, редко) — одно из самых больших удовольствий, какие я имел в последние годы. Как-то всегда чувствовалось его присутствие, мне его очень недостает, так каково же Вам. В.Л. очень хорошо раскрывался в письмах, я Вам писал, что их надо бы собрать и сохранить, Вы ничего об этом не пишете, и я решаюсь напомнить.

Теперь о деле. Еще раз благодарю Вас за доверие и подтверждаю, что охотно возьму на себя литературное редактирование рукописи Василия Лаврентьевича. Даю на это принципиальное согласие заочно, не заглядывая еще в саму рукопись и не представляя объема предстоящей работы, потому что считаю это своим долгом перед памятью Вас[илия] Лавр[ентьевича]. Единственное условие, которое я ставлю, состоит в том, чтобы официальное предложение исходило от редакции и было оформлено соответствующим соглашением. При этом, разумеется, не может быть речи об оплате за счет авторского гонорара. У издательства есть все возможности оплатить внештатное редактирование так, как это предусмотрено законом, не грабя Вас. Вам и так предстоит получить только 25%, и исключительно по вине издательства, которое три года продержало без движения представленную рукопись»^[54].

В ЖЗЛ привлечение внештатных редакторов было редкой, но рутинной практикой, делалось это по разным причинам. Так, для выпуска моей книги о Николае Вавилове Ю.Н. Коротков привлек внештатного редактора — бывшую сотрудницу, перешедшую от нас в изд-во «Наука», Татьяну Иванову. Книга была «идеологически вредной», как ее потом квалифицировал агитпроп. За такую «идеологическую ошибку» штатного редактора вполне могли снять с работы. Коротков привлек внештатного, чтобы никого из сотрудников не подставлять и принять весь удар на себя. С Таней Ивановой было заключено соглашение, по которому и было выплачено вознаграждение, — отнюдь не за счет авторского гонорара.

Но Белоголовый, как он первоначально заявил Василию Лаврентьевичу, претендовал на роль *соавтора*, ну а между соавторами гонорар, естественно, делится: либо поровну, либо согласно взаимной договоренности.

Альбина Викторовна этих тонкостей не различала. Она просто сообщила редакции о моем согласии на литературную обработку рукописи — на правах внештатного редактора, а отнюдь не соавтора. Получив ее письмо, Г.Е. Померанцева позвонила мне и просила это подтвердить. Узнав, что я не читал рукописи, она меня дружески предупредила, что объем работы предстоит большой, скромный гонорар за внештатное редактирование ее не окупит. Я ответил, что у меня не такие были отношения с Василием Лаврентьевичем, чтобы взяться ради него за легкую работу, а от трудной отказаться.

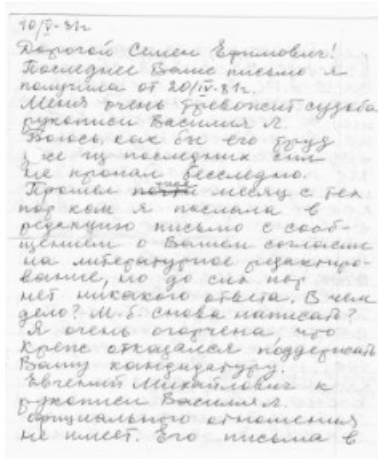
— Для меня это наилучший выход, — сказала Галина.

2.

Следующее письмо от А.В. Яицких датировано 10 мая 1981 г.

«Меня очень тревожит судьба рукописи Василия Л[аврентьевича]. Боюсь, как бы его труд, уже из последних сил, не пропал бесследно. Прошел уже месяц с тех пор, как я послала в редакцию письмо с сообщением о Вашем согласии на литературное редактирование, но до сих пор нет никакого ответа. В чем дело? М.б. снова написать? <...> В апреле я прошла ВТЭК и

мне дали инвалидность 2 гр. Пенсию буду получать досрочно, но она будет нищенская, всего 40% от 140 р., т.е. 56 р. Состояние здоровья у меня сейчас очень неважное. <...> Напишите, что можно сделать для ускорения работы над рукописью Василия Л[аврентьевича]. М.б., Вам что-нибудь сообщили из редакции? Напишите». В это же письмо на отдельном листочке была вложена приписка: «С Галиной Евгеньевной у Вас хорошие отношения, м.б., Вы с ней можете поговорить? Подумайте, как лучше сделать» [55].

Фрагмент одного из писем к автору Альбины-Викторовны Яицких-Меркуловой.

Содержание нового телефонного разговора с Г.Е. Померанцевой изложено в моем следующем письме к несчастной вдове В.Л. Меркулова.

«Дорогая Альбина Викторовна, извините, что поздно Вам отвечаю. Дело в том, что я долго и безуспешно пытался дозвониться до Померанцевой, мне даже стало казаться, что она меня избегает. В конце концов, я дозвонился, и разговор наш произвел на меня тягостное впечатление. Она долго рассказывала о своих взаимоотношениях с Вас[илием] Лавр[ентьевичем], о его взаимоотношениях с Лоцицем, о друге Вас[илия] Лавр[ентьевича] Некрылове, от которого якобы явился Белоголовый, и проч., и проч., но у меня создалось впечатление, что все это говорится, чтобы завуалировать главное. О сути дела было сказано, что новый зав. редакцией настаивает на Белоголовом, что он давно взял Ваш телефон, чтобы поговорить с Вами об этом, и т.д., а почему еще не звонил, она не знает и писать Вам не может. При этом она дала мне понять, что сама умывает руки, то есть она ни слова не скажет в пользу меня и против Белоголового. (Это после того, как сама ко мне обратилась и говорила, что это для нее наилучший выход и что если я не возьмусь, то книга вообще может погибнуть!) На мой прямой вопрос, считает ли она, по крайней мере, что Белоголовый справится с этой работой, она ответила, что не знает, “но наши знают его по другим работам и считают, что он справится”. Поскольку Ю. Селлезнев ушел из редакции, а новый зав., разумеется, в “другие работы” не вникал, то под “нашими” следует понимать Лоцица, [вернувшегося в ре-

дакцию]. Вся интонация разговора была неискренней, я по возможности не перебивал, ибо когда человек говорит много, то выбалтывает правду, даже не желая того (метко подмечено Тан-Богоразом!). И вот Г[алина] Е[вгеньевна], наконец, выболтала, что Белоголовый устраивает “наших” потому, что он доработает рукопись “в нужном направлении”, то есть в направлении идей “православия-самодержавия-народности”, из-за отсутствия коих Лоциц и продержал рукопись 30 месяцев.

Вот, дорогая Альбина Викторовна, результат этого разговора. Вам предстоит решить очень нелегкую задачу. Согласившись на Белоголового, Вы рискуете, что книга будет изуродована до такой степени, что В.Л. никогда бы на это не пошел, но зато это дает Вам шанс, что она все же будет издана. Это принесет Вам деньги (для Вас очень существенные), да и имя Вас[илия] Лавр[ентьевича] на обложке — не последнее дело. Как в этой ситуации поступить — со стороны советовать очень трудно, Вы сами должны на что-то решиться.

Что касается меня, то я тоже поставлен в несколько необычное положение. С одной стороны, я вовсе не хочу, чтобы у кого-либо могло возникнуть впечатление, что я хочу проникнуть в ЖЗЛ с черного хода, тем более, что это будет использовано для сплетен об “еврейских кознях”. С другой стороны, мне дорога память о Василии Лаврентьевиче, жаль его трудов, и бросить Вас одну в этом сложном деле, в котором Вы так неопытны, как-то совестно. Во всяком случае, Вы понимаете, что я не могу проявлять активности, и даже мой единственный звонок, который я сделал только для того, чтобы спросить, почему она Вам не отвечает, был, я полагаю, изжищен. В общем, я не отказываюсь от этого дела, но только при условии, что редакция по собственной инициативе обратится ко мне. Не думаю, что это возможно, ибо Лоциц забрал в ней прежнюю силу, а кроме того, что он не переносит еврейского духа, у него есть еще особые причины не желать иметь дело со мной лично — но об этом, кажется, я Вам уже писал.

Да, еще одно немаловажное обстоятельство! Гал[ина] Евг[еньевна] дала мне понять, что, возможно, и вовсе не будет вести эту книгу, потому что Лоциц вернулся и она благородно предложила ему вернуть любую из рукописей, которые он ей передал перед своим уходом. Да минует Вас чаша сия! Надо надеяться, что Лоциц не позарится на рукопись В[асилия] Л[аврентьевича], ибо с ней нужно всерьез повозиться, а он не из тех редакторов, которые любят работать»^[56].

Альбина Викторовна ответила незамедлительно, ее письмо датировано 10 июня. Она писала, что сама тоже звонила в редакцию. Померанцева сказала ей, что зав редакцией В.В. Володин настаивает на привлечении Белоголового, так как меня он не знает, ибо пришел в редакцию, когда я в ней уже не работал. «Когда я ей сказала, что Вы-то Резника хорошо знаете, она ответила, что все изложила Володину, а решать может только он»^[57].

Письмо завершилось словами:

«От всяких неудач, волнений я очень устала и неважно себя чувствую. Бедный мой Вася! Если бы Вы знали, какая трудная судьба выпала на его долю! Это был замечательный добрый и честный человек. Как я хочу, чтобы труд Василия не пропал даром. Он так старался, торопился уже из последних сил, так хотел увидеть книгу о своем учителе»^[58].

На этом я прекращаю цитировать мою переписку с Альбиной Викторовной, хотя она — не столь интенсивно — продолжалась еще больше года. К тому, о чем рассказано в этой главе, она ничего существенного не добавляет.

Книга В.Л. Меркулова об Ухтомском издана не была.

Вместо эпилога

3 сентября 1982 года я выехал из советского рая на постоянное жительство в капиталистический ад. Вторжение советских войск в Афганистан за три года до этого вызвало резкое ухудшение отношений с Западом; тонкий каменистый ручеек еврейской эмиграции был практически перекрыт. Как я прорывался через плотину, — тема другого повествования.

Для меня началась новая, совсем другая жизнь.

Писать Альбине Викторовне из-за бутра я не решался, не зная, как она это воспримет.

Когда и как она кончила свои дни, мне неизвестно.

2011-2014. Вашингтон

Примечания

- [1] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 31 декабря 1976 г.
- [2] Гельвеция — другое название Швейцарии.
- [3] Архив автора. Приложено к письму В.Л. Меркулова от 31 декабря 1976 г.
- [4] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова. 1 ноября 1973 г.
- [5] См. Ламетри Ж.О. Сочинения /Общ. ред., предисл. и примеч. В. М. Богуславского. — 2-е изд. — М.: Мысль, 1983. — 509 с. Пер. с фр. Э.А. Гроссман и В. Левицкого.
- [6] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 21 августа 1975 г.
- [7] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 16 июня 1976 г.
- [8] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 26 июня 1976 г.
- [9] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 7 июля 1976 г.
- [10] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 12 сентября 1976 г.
- [11] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 17 ноября 1976 г.
- [12] Там же.
- [13] Там же.
- [14] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 13 сентября 1977 г.
- [15] Об этом в следующей главе.
- [16] Архив автора. Письмо Меркулова от 28 ноября 1978 г.
- [17] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 3 января 1979 г.
- [18] Гедонизм (др.-греч. ἡδονή) — «этическое учение, утверждающее, что удовольствие, наслаждение является высшим благом, целью жизни». (Словарь русского языка в четырёх томах, т. I, М., «Русский язык», 1981, С. 303).
- [19] Николай Иванович Новиков — выдающийся просветитель XVIII века, масон, приговоренный при Екатерине II к 15-летнему заключению в Шлиссельбургской крепости. Был освобожден при восшествии на престол Павла I.

- [20] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 3 января 1979 г.
- [21] Архив автора. Письмо А.В. Яицких от 26 июля 1982 г.
- [22] По установленному порядку, в договор вписывалось имя редактора будущей книги; он первым визирует договор, после чего визирует завредакцией, бухгалтерия и т.д. Затем договор шел на подпись директору издательства, после чего вступал в законную силу. Автору вручалась копия договора и выплачивался аванс.
- [23] В.Н. Ганичев — тогда директор изд-ва «Молодая гвардия», добившийся увольнения Короткова и поставивший на его место Семанова. Ныне — глава «нацпатриотического» Союза писателей России.
- [24] Очерк я потом превратил в небольшую книгу, она шесть лет томилась, но все-таки вышла в «Детской литературе»: С. Резник. Завещание Гавриила Зайцева. М., «Детская литература», 1981.
- [25] Архив автора. Копия моего письма от 13 июля 1975 г.
- [26] С. Резник. Снова о Вавилове и Лысенко. «Природа», 1992, № 11, стр. 88-98.
- [27] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 13 февраля 1975 г.
- [28] Архив автора. Копия моего письма В.Л. Меркулову от 5 апреля 1875 г.
- [29] «Природа», 1975, № 9, стр. 18-35
- [30] Лошиц Ю. Григорий Скворода, серия ЖЗЛ, М., «Молодая гвардия», 1972.
- [31] Архив автора. Копия моего письма В.Л. Меркулову, без даты, первые числа 1976 г.
- [32] Архив автора. Письмо Меркулова, 17 января 1976 г.
- [33] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 26 июня 1976 г.
- [34] Архив автора. Копия моего письма от 4 июля 1976 г.
- [35] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 7 июля 1976 г.
- [36] Архив автора. Копия моего письма от 27 июля 1976 г.
- [37] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 28 ноября 1878 г.
- [38] «Патриотические» заслуги Ю. Селезнева были оценены по достоинству, но несколько позже: в 1981 году он стал первым заместителем главного редактора журнала «Наш современник» — флагамена «патриотической» литературы, но на новом месте перестарался и через год был уволен. Как утверждал его друг В. Кожин, эти передрыги так подействовали на него, что стали причиной его преждевременной смерти. Ю.И. Селезнев умер в 1984 году в возрасте 44 лет. В серии ЖЗЛ его сменил некто Владимир Викторович Володин, которого я никогда не видел.
- [39] А. Тяпкин, А. Шибанов. Пуанкаре, М., серия ЖЗЛ, «Молодая гвардия», 1979. (Второе издание — 1982).
- [40] Архив автора. Копия моего письма без даты. Судя по содержанию, написано в первой половине 1980 г.
- [41] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 12 июня 1980 г.
- [42] Лошиц назвал себя так для солидности. *Научных* редакторов в штате редакции ЖЗЛ не было.
- [43] Слово в скобках, очевидно, вписано В.Л. Меркуловым.
- [44] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 12 июня 1980 г.
- [45] <http://www.belogolovy.narod.ru/S3.html>
- [46] Там же.
- [47] Мой друг С.Ю. Бадаш, сидевший вместе с Солженицыным в лагере в Экибастузе (затем в Норильске и на Колыме), а после освобождения и реабилитации ставший врачом, был убежден, что у Солженицына была грыжа, а не рак. Об этом С.Ю. Бадаш упоминал в Открытом письме к А.И. Солженицыну, оставленном без ответа. См. <http://www.vestnik.com/issues/2003/0723/win/badash.htm>;

<http://berkovich-zametki.com/2005/Zametki/No mer12/Reznik1.htm>

С.Ю. Бадаш является также автором очень содержательной книги о своем опыте в ГУЛАГе «Колыма ты, моя Колыма...». http://www.belousenko.com/books/gulag/badash_kolyma.htm

[48] Архив автора. Копия моего письма В.Л. Меркулову, 20 июня 1980 г.

[49] Таковы были grimасы советского законодательства об авторском праве: наследникам умершего автора причиталась четвертая часть гонорара, определенного договором.

[50] Наивный Василий Лаврентьевич! Если бы Микулинский, став директором ИИЕиТ в 1974 году, действительно *хотел всунуть* Меркулова консультантом в свой институт, то помощи Крепса ему бы не требовалось!

[51] Архив автора. Письмо В.Л. Меркулова от 16 июня 1976 г.

[52] Архив автора. Копия моего письма В.Л. Меркулову от 23 июня 1976 г.

[53] Архив автора. Письмо А.В. Яицких от 25 марта 1981 г.

[54] Архив автора. Копия моего письма от 6 апреля 1981 г.

[55] Архив автора. Письмо А.В. Яицких от 10 мая 1981 г.

[56] Архив автора. Копия моего письма от 1 июня 1981 г.

[57] Архив автора. Письмо А.В. Яицких, 10 июня 1981 г.

[58] Там же.

Александр Бабушкин

А МАЛЬЧИК

ПРОГОВАРИВАЛ СЛОВА

Стихи

Вдруг баба с пустым ведром
перейдет дорожку.
С подворотни под ноги
метнется черная кошка.
Без денег ступишь в дерьмо,
и засветятся глазки...
Как хочется верить
в злые и добрые сказки.
С перепоею креститься начнешь
и звать: Боже!
Плевать через левое
и в карман пихать фиги.
А Аннушка разольет масло,
и трамваем по роже,
даже если не знал,
что было в той странной книге.
Кукушка, кукушка, сколько мне?
Не первый с огнем играет.
А жизнь выйдет полная,
когда рак на горе свистнет.
Закрадется мысль подлая.
А вдруг он узнает?! —
спохватишься.
Да поздно.
Он — все твои мысли.

те на тень
и те на тень
тени водят за нос массы
тени веры
тени расы
тень наводят на плетень
лжи на целый Вавилон
год от года
век от века
нет печальней человека
в этом мире
друг Платон
и несет в тартарары
мириады душ
мытарство
и забыто «Государство»
до космической дыры

Умничай, разумничай, переумничай.
Толку-бестолку, теши кол на темени.
Коли бесишься — не такой умный чай.
Пропашее дитя полоумного времени.
Ехало-болело. А гори оно всё огнём!
Всё равно прорываться к свету, раз вышел свет.

А чё это вообще было? То ли всё. То ли видишь сон.
Вдруг входят. Считаешь. Семь бед, а ответа нет.
А без ответа никак. Даже толком и не уйдёшь.
Куда возвратиться, если из ниоткуда упал?
Говорят, раньше был дорожный знак: «Что посеешь, то и найдёшь».
Да главный по знакам куда-то давно пропал.
Искал конец очереди. Все первые. И последних нет.
Зачем стоим? Обещали: узнаем, когда войдём.
И тут тигры. Конец. Длинный коридор. Свет.
Которого мы целую жизнь ждём.

другой
я пошарю в карманах
огниво огонь затынусь
есть штука такая
тоскливо
такая привычная грусть
такое и не возрастное
я мальчиком в звезды глядел
оно и тогда без покоя
и может тогда поседел
не верьте что все это осень
а если и осень
навек
внутри что-то ноет и просит
чего не поймет человек
но знает что спустятся кони
вернуться со звездных лугов
промчатся и может обронят
крупичи неведомых слов

А мальчик проговаривал слова.
Из вязи слов сплеталась паутинка.
И в паутинке этих слов
судьбинкой
жила судьба.
А он все проговаривал слова.
За годом год.
Порою замолкая.
И ничего не ждал.
Так,
словно зная,
они — судьба.
Так,
словно зная,
кроме этих слов
он больше жизни ни зачем не нужен.
Так, словно жизнью
в это вот заужен —
в плетенье снов.
Несчастный ум рефлексией распят.
Он ищет слов,
когда вокруг все спят.
И счастлив лишь тогда,
когда находит.
Он видно спятил,
люди говорят.
А жизнь проходит.

Мой мальчик.
Мой ловец несчастных снов.
Твой век закрылся.
Мой преданный искатель вещей слов.
Ты сбился.

поник
и мыслящий тростник
пошел в растопку диабету
сто лет письмо доходит в лету
иное даже не дошло
а тело грешное ушло
душа уже
одно мгновенье
читает лете донесенье
поник
и мыслящий тростник
задумал зашуметь о главном
и в невозможное проник
язык
и кончился
про это
не так
и только с того света

завернется мозгóй высший замысел
отдается тоской божий промысел
в беготне мирской вижу умысел
гробовой доской вот и тут мы все

али что сказал не услышим мы
может наказал каждого за всех
вот он я вошел и вот он вышел я
родился на грех петухам на смех

а кому звезда а кому крестиком
гностики в молоко туда же мистики
пухнет голова от софистики
не дай бог наш бог вышел мясником

время режет круги мясорубкою
разлетается фарш пыль космичная
все вбирает дыра черной губкою
в петербурге тоска дела обычные

на бескрайних просторах фейсбука
расцветает трава-лабуда
не веселая это наука
а вселенская это беда
не безумное это всезнание
и не в этом задача сетей
им поставлено тайно заданье
собирать одиноких людей
там где сожраны ногти до мяса
где один на один с чернотой
только кажется точат здесь лясы
здесь до смерти воюют с собой
здесь в контакте в оргазменном акте
то ли фио то ник лицедей
мониторы ведут к катаракте
и бинарно сжирают людей
ворожит бодрийярова штука
симулякры планету сосут
сквозь волшебный прибор левенгука
наблюдает нас обзриут
и в сосуде ни дна ни крышки
пустотою затошлен огонь
и мотает на маятник кишки
неуемный введенского конь

Новый год по-питерски

кпд поэта с того света всем привет
зимой хотелось лета
если не декабрь а сопли в плюс
тут зима хреновая тут это
с оттепелью гребаный аншлюс
и лежишь в простуженной дремоте
новый год на питерском болоте
денег шиш и в слезах небеса
птица тройка русская краса
по пушистому несется снегу
на открытке в ту открытку мне бы
и на лысый череп волоса
есть что есть иного шиш с бонжуром
тут не пуля тут погода дура
только с этой дурой жить и жить
в городе замученном культурой
под протяжный стон литературы
чифирить и теплый спирт глушить
кпд поэзии потеха
банкомат сожрал остатки смеха
дай подай на паперти мозги
новый кризис как терпений вежа
а в судьбе не трещина прореха
и на сердце пролежни тоски
от такая вырви душу песня
чистая история болезни
номер шесть палата дуркин дом
тут бы искры свет но хоть ты тресни
тут хандра кромешная кругом

не важно все это
наверно все это не важно
что как-то не внешне
а внутренне как-то живем
не важно как каждый
ты просто проснешься однажды
и больше не спишь
все глядишь и глядишь в окоём
и тянет
не манит
а именно тянет и тянет
уйти за него
оборвать пуповину с землей
и боль первородства
уже не саднит и не ранит
а просто добитого
молча ведет за собой
простите меня
и уже ничему не учите
ученый картошкой печеной
всего не забыть
и в белую дверь
покидает тюрьму заключенная
ей по небу плыть

А. Генису

иван петрович умер*
от бесконечных слов
в компе загнулся кулер
в башке не стало снов
обложки без романов
рассказов и новелл
иван петрович умер
он просто надоел

* Александр Генис «Иван Петрович умер»

На двоих

И утонул, а начинал по капле.
Сначала первый, после нервный срыв.
А сколько раз везли, чего-то капали,
и зашивали мозговой нарыв.
А ты молчала, а ночами плакала.
Ведь горе, как и счастье на двоих.
Да лучше б ты кричала, что-то вякала,
тарелки б била, об пол била их.
И год за годом круг за кругом адовый –
глядеть как бьется лысой головой.
И падали надежды, тихо падали.
— Садись за стол.
(какой ни есть, а мой)
И бился, все летел за блядской музою.
Чего-то там ловил на виражах.
А приземлился одичавшим лузером.
Со всем, чем только можно, на ножах.
Какими мы их видим? Ну какими?
Во что вгоняет нас природный псих?
Мы сами женщин делаем такими,
за что потом так ненавидим их.
И вдребезги сосуд тот Заболоцкого...
И пустота пустая красота.
И бродит по геномам шобла плотская.
А держит лишь святая простота.
И нечем крыть, когда все изувечено.
В колени падать старой головой,
вжимаясь в то, что с дуру покалечено.
И тихо выть: «Спасибо, что живой».
От удали ошметки, и Иудою.
Покуда окаянен, есть вина
откуда ты, не ведая откуда я,
меня взяла и молча увела.

Сеутулишься.
До одури обкуришься.
И до утра чего-то там строчишь.
А за окном седое небо шурится.
И ты за стенкой одиноко спишь.

Что-то грустно и устно и письменно.
Что-то пропадом все пропади.
Не цепляют избытые истины.
Ничего не видеть впереди.

... и ночью приплетусь к своей норе.
А счастье?
На кудыкиной горе.
Сто петухов прокличут аллилуйя.
И жизни смысл висит на фонаре,
где лампочка ждет звездных поцелуев.
Я поднимусь, пыхтя, на свой этаж.
Дружище дом — непропитый вингаж
томами полок, DVD на стенках.
И просто лист.
И просто карандаш.
И соль в коленках.
Наощупь,
наугад,
пинком под зад
по тропке еле чуемых наитий,
ведь доползу до них,
такой вот гад,
до этих удушающих открытий.

ну что мой друг
такие вот дела
такие никакие перспективы
скрипят тела
уже антитела
и строчки запропащие тоскливы
и взад никак
все пропиты мосты
и впереди никто не жаждет встречи
и гложет мозг последнее прости
и вяжет горло поминальной речью
ну что мой друг
из лиры вышел плуг
и бороздой прошел по мятой роже
и лирикой пробитой на испуг
из кожи вон и иглами под кожу
подбить счета и разнести долги
и долгим криком вымолить прощенье
уже не достучаться
помоги
уже не вспоминается крещенье
уже воронка кружится быстрее
и все черно и никаких оттенков
и хочется последнего
налей
и к стенке

раскладывание себя по полочкам
распиливание себя по косточкам
каждый фрагмент в формалин и прошит иголкой
каждый нейрон пронумерован и на досочку
и выдергивание из себя кривой иглой и на ниточку
эвона какой распятый под стеклом
и история болезни ниже свиточком
развернешь и уронишься в пол ничком
выковыривание себя расковыривание
осторожно
идет операции
я
и лежишь перед собой поизвилинно
инвентаризация

А знаешь,
ничего я не могу.
И ничего давно не понимаю.
Я знаю только то, что я бегу.
Что от себя все время убегаю.
И где тот я, что грезил превозмочь,
мечтал и западал от перспективы?
Глухая ночь кругом, глухая ночь.
И гиблые тоскливые мотивы.
Отдал бумаге.
Большого не смог.
И, видит Бог, иного не умею.
А знаешь, я до судорог продрог
в своей постели.
Зашаркаю на кухню.
Пусть кипит.
Сейчас заварим.
Этот лысый чайник
Затянется.
Ведь он всегда дымит.
Печальник.
И знаешь, вот и весь ее секрет,
вся мудрость многокнижного развала
—
семь тысяч бед, и проклятый ответ:
нет разницы жил много или мало.

направо где возгласы bravo
налево где крики ура
по парку про&баной славы
бредут полунет полуда
рассеянно ясный кенжеев
не верящий в бога цветков
рассею уехав посеяв
засеяв шеренгами слов
пронзительно больно и пусто
и с ними никак и без них
и письменно режет и устно
мучительный лосевский стих
и льются хорей и ямбы
осенние слезы в тетрадь
и смерти строчат дифирамбы
и с ужасом лезут в кровать
за веру неверия в веру
взмывают дурные кресты
по серому пишется серой
чтоб к серости все низвести
и бьются и рвутся поэты
про это ему и про то
привет мы давно тут с приве-
том
ах дайте мне зонт и пальто
я в темень сознания юркну
и пропадом все пропади
пойду доживать полудурком
раз нет ничего впереди

А сколько лет Душе твоей?
Вот этот малец — сердцем старец.
А этот старец — сердцем малец,
Иного юноши живей.
Так сколько лет Душе твоей?

мы стучали мы стучали
наши пальчики устали
наши руки словно крюки
клавиаторные штуки
наши лбы во все экраны
а глаза экраноскопы
сетевые тараканы
мы айгишные циклопы
мы жуем себя сживая
изживая повседушно
мы коммуникативраемы
в сети едва проснувшись
мы уже не самодельны
мы давно не самоцельны
мы свистки чужого пара
в симулякрах бодрийра

Мой друг дорогой.
Я хотел написать тебе,
лето
наступит.
Куда ж оно денется.
Боль отойдет.
Мы купим билеты.
Куда?
Мы прочтем на билетах.
И поезд нас или корабль
повезет, понесет.
Куда-то туда,
где иные слова и приметы.
Куда-то туда,
где не так,
всё не так,
всё не то.
Мой друг дорогой.
Попроси опустить тебя Лету
на лето одно.

ну вот и всё
лежишь зажавши рот
и взгляд пустой
на часовую стрелку
река течет
как эта жизнь течёт
и плачься
хоть в жилетку
хоть в тарелку
заразная кенжеевская хмарь
а и своей
на пять земных потоков
и рушится к полуночи словарь
и календарь
арабскими затопав
стучит по перепонкам
по мозгам
долгой стихи
долгой все эти книги
и бродят тени
по ночным стволам
показывая
языки и фиги
ну вот и всё
за чтеньем справлен плот
айда на тот
который в дымке берег
за тем
кто аки по суху идет
и тем
кто на него глядит и верит

На Северном, на Северном*
чичи-гага подстреленный,
чичи-гага порезанный
лежит на лоскуты.
Там выпито немерено.
Там проклято немерено.
Там продано и предано немерено.
Там ты.

На Северном, на Северном
смертями все засеяно
и шлетками**, и всером***.
Опухшая земля.
Зачем-то уцелели мы.
Зачем-то прилетели мы.
И все мы были целыми.
И он.
И ты.
И я.

*Северное кладбище,
Ленинград — Санкт-Петербург
** Плётка — пистолет
*** Всером — автоматной очередью

И опять ноль рублей ноль копеек.
Праздник мая. В окошке народ.
Кто куда: кто-то вниз в бакалею,
кто за водкой, а кто в огород.
Пробки на выезде.
Все из Питера. Питер газетъ
едет импорт и те из России
кому легче с тоски помереть.
Ну а к ночи и грех первородный.
Санкт забыт. Бург разбит. Петер жжот.
Первомайский родной огородный
всенародное пугало ждет.

Тусклый свет горел в окошке.
На помойке рылись кошки.
Брёл по снегу точно в след,
не спуская глаз с окошка.
И еще продрог немножко.
Мне сказали — Бога нет.
Дескать, был тот Взрыв Большой.
Только сплыло все до взрыва.
И стоим мы у обрыва,
на ушах трясем лапшой...
Что, брат Хокинг!
Всех развёл,
нажимая пальцем кнопку?
Сто веков исканий к топке
математикой подвёл?
Как же «весь я не умру»?
А, охранное колечко?
Попадись мне в руки свечка,
белый саван по утру...

Значит просто так умрем?
Нет обещанного ада?
Рая нет, кто ждал награду?
Все на атомы пойдём?
Разнесет по весям пыль —
галактическое просо
и космических вопросов
несложившуюся бль?

Дверь открыл.
Моргает свет.
Скрип суставов по ступеням.
Жидкость вышла из коленей.
Эх, пол-века.
Раз и нет...
Раз ступенька.
Вот вопрос.
Два ступенька.
Нет ответа.
Эх, скорей бы уже лето.
Задолбал сырой мороз.
Здравствуй, дом.
Меня встречай.
Я пришел из ниоткуда.
Господи!
Какое чудо
закурить под крепкий чай.
...
Тусклый свет горел в окошке.
На помойке рылись кошки.
Брёл по снегу точно в след,
не спуская глаз с окошка.
И еще продрог немножко.
Мне сказали — Бога нет.

Кому это нужно? Ему?
Ему это нужно?
Или всё же тебе это нужно?
Ах, да,
ты просто не можешь иначе.
Или нет? Можешь иначе?
Но ведь это уже и не ты,
если можешь.
Уложишь багаж
и отправишься жизнь доживать
пассажиром на поезде лжи?
Или, все-таки, хочешь

кумиром вертеться
в зеркальных своих отраженьях?
Ведь хочешь?
Но всё время боишься признаться себе?
А ночами, как мантру мусолишь
про то, как быть некрасиво
таким знаменитым, каким ты не стал,
но хотел?
И вот так эту жизнь просопел
от обиды на весь это свет?
И не бел и не мил он тебе?
Мой милый стареющий мальчик,
обиженный сукой судьбой.
Какой же ты, право, смешной.

я родился в городе беде
в городе поминок по надеждам
я шатаюсь в городе нигде
проживая состоянье между
и на берегу его реки
в слякоть неба лысой головою
я стихи меняю на грехи
пропитое с этою невою

написать чтоб удивить
написать чтоб удивиться
сколь веревочке ни виться
ариадны эта нить
станет если тать споет
оду праведной природе
происшествие в народе
богу ей произойдет
ну а так что мозг дрочить

Не парадоксов друг.
Не гений.
Так получилось.
Мир растений.
Кто вкривь, кто вкось.
Межзвездный гость.
И сами звезды.
Всё сбилось.
И что ему тогда казалось?
И ведал ли?
Какая жалость...
Нам знать того...
И что он нам?
Когда и мы, и всё — он сам.
Куда забрел уже не знает.
И этим миром пребывает.
От мира есть.
И миром есть.
И миру мировая весть.

дергать фасмерово вымя
любопытные нагими
брались яблока кусить
подглядеть как сам умрешь
вынуть мозг на сковородку
яблоко глазное в нож
и козлиную бородку
пляшут буквы гой еси
капля жизни в волосы
капля жизни капля смерти
бо помилуй мя спаси
седоум и седовлас
из глубин миропровода
явит агнца из уroda
звездоокий центроспас
словоточие мудрил
мозг шалает от укола
по ступеням без перил
под статью без протокола
ну а дальше ты и сам
вечный хам и шах на мате
три шестерки небесам
и одна твоей палате

это только сложность языка
или простота
по главной сути
истина предательски легка
словно нити
стоит потянуть и
вот и узел
из твоих дорог
где одна последняя дорога
это же так просто
за порог
и смертельно сложно
до порога

написанному верить
топором
не вырубить
перо торчит из почки
пустите без билета на паром
до белой точки
как на тарелке черти на башке
в мозг тычут стрелкой
по часовой
а против на песке
сон скачет белкой
в лесу сова
на кой лисе слова
что пню до ибо
и ни кола
а на траве дрова
дефис без либо
чертой меж дат
и этих цифр ряд
где цифр столько
на сколько он
побьется об заклад
и только

а и жил он вопреки
все рукой подать
поляна
от стола и до дивана
акватории реки
нерест слов
идет пугина
сигареты комп рутина
раз в столет на белый свет
выбирался короед
вся кора большого мозга
луноходные борозды
ночью за рекою бдил
кто кому чего мутит
от укола до укола
городились частоколы
фоносём
никто не брал
почему лишь фасмер знал

(день денёшенек денёх
на развалинах союза
дан урок не пить зарок
ни хера себе обуза
ни хера себе тоска
корабельная доска)

так и жил он вопреки
все рукой подать
поляна
от стола и до дивана
акватория реки

*обожрешься собой
захлебнешься словами
пой рефлексия ной
бог привет
между нами
за тобою собой наблюдает оно
дно проекции той
о моё сатанó
человеко за веко
бревно во всю зенку
тем бревном
я пожизненно вмазанный в стенку
припечатан
за лужей большой напечатан
и надежно в ряды запечатанных спрятан
рвется вон из себя охреневшее эго
в микроскопе творец наблюдает как мега
среди прочих микробом корячится мег
задыхается бедный смешной человек*

когда из букв кончились слова
когда самих не стало этих букв
космические струны трын трава
не выдавили поминальных звуков
все ухнуло в кромешную дыру
все провалилось в мóрок коматозный
вселенский пес забился в конуру
и выл на звезды

я повякаю чего-то накалякаю
я состряпаю свой гоголь моголь свой
я кириллицею столбиком заляпаю
лист бумаги паранойей дождевой
серым грифелем на белое и серую
мышью шишелом и мышелом тоска
словно триппер из общаги сээсэровой
гвоздь и тем гвоздем прошитая доска

день космонавтики

он сказал поехали
и махнул рукой
и в семипалатинск я
больше ни ногой
автомат на вытяжку
на длину руки
чтоб металл расплавленный
не на сапоги
белкою и стрелкою
терешковый мед
песней сээсэркою
на нью-йорк уйдет
разнесет на атомы
их и нашу про
поползет над кратерами
чудо дэ два о*
отделите косточки
янки от славян
где ты твистер с тросточкой
где ты холм буян
их взлетели дружно
и
наши из под льдин
стали все ненужными
счет 1:1

*тяжелая вода (D₂O) — компонент
водородной бомбы

*По какому каналу сегодня война?
По какому порталу?
Какая страна?
Это пульт.
Это культ.
Это ульт промеж рас.
Это ультрас как в паз
вставлен нам в телеглаз.*

ей богу бога нет когда трезвей
трезвее трезвого тверёз мороз по коже
в морщинах рожа и кошмарами полей
до горизонта проклято исхожен

как раньше пьяного бросало целовать
стволы осин и распозаться млея
все было богу даже изbleвать
ведь он же блядь не просто а жался

и в дважды два четыре ерунды
и трижды лох семь раз на зуб отрезал
а до креста как до караганды
какой там бог вон кризис как обрезал

шалом славяне мне за косогор
за тот бугор на чёртовы кудыки
слов перебор не ты ли правду спёр
и всех развел могучий и великий

А по «Розе Ветров»*
все ветра на Московском постылые.
Нас в стране дураков
разметало полями чудес.
Я историю вёл,
да история та вся с могилами.
Философию плёл,
да забрел в костенеющий лес.

А по «Розе Ветров»
тот, что с юга — заточкой от южного,
а с востока — по горлу,
а с севера — лучше не знать.
Ветер западных снов
наши жизни вмиг сделал ненужными.
Он пришел, чтобы все,
чтобы все до единой забрать.

После «Розы Ветров»
да на все на четыре
и в сторону.
Тот гимнаст на голдэх
толщиною и в палец и в ствол,
он когда-то давно говорил:
«Хорошо, когда поровну».
Так и вышло: за решку одних,
для других был орёл.

Всё забыть и засыпать.
Просядет, как холмик на Северном.
Память снами заверена так,
что в слезах потолок.
Я историю вёл

и закончил на слове «Немерено».

Это время потерянных,
вечно мотающих срок.

* Бар «Роза Ветров» на Московском пр.

— стрелка бандитского
Ленинграда-Петербурга

прокисло оливье
и колбаса засохла
и через не могу
наполненный стакан
январская тоска
чтоб я да чтоб ты сдохла
не пожелать врагу
и сорванный стоп-кран
два рождества в уме
в два глаза ржут две белки
в душе такая муть
не приведи господь
два новых года где
второй на опохмелку
и жидких мыслей ртуть
в полуживую плоть
над глобусом гремит
наш нерушимый новый
под всем скребет черту
до неба дофига
и доктор айболит
пришьет нам башни снова
чтоб снова в суету
в крысиные бега

Генрих Тумаринсон

СПАСИБО, АИСТ

Хитрый Егорушка

Кот Егорушка упиган —
Ест и спит он, ест и спит он.

Был Егорушка пострелом.
Годы шли, и постарел он.

Слыша, как скребутся мыши,
Кот им грозно шепчет: «Тише...»

И, хотя глаза суровит,
Он давно мышей не ловит.

Почему же этот кот
Припеваючи живёт?

Он с хозяйки глаз не сводит,
Он за нею всюду ходит,

Трётся сорок раз на дню
О хозяйкину ступню.

И на блюде у Егорушки
Горка самой вкусной корюшки.

Грустная история

Это было в Ленинграде, —
Старожилы говорят.
Это было в зоосаде
Много лет тому назад.

Под присмотром бабы Инны
Славно жили бабуины.
Бабу Инну обожали,
Никогда не обижали.

И, при виде бабы Инны,
Сразу к ней неслись гурьбой.
Бабу Инну бабуины
Мамой звали меж собой.

К сожаленью, баба Инна
Очень старенькой была.
Утомилась баба Инна
И на пенсию пошла.

А за ней, понуриив спины,
Обезьяний шёл народ...
Бабу Инну бабуины
Провожали до ворот,
Вот!

Спасательный круг

Спасательный круг,
Спасительный круг —
Летит он на помощь,
Как преданный друг.

Сперва
Его ловко бросают,
Потом он плывет —
И спасает.

И кто-то
С бедой разминётся —
Он снова
На берег вернётся.

И скажет:
— Спасибо, спасательный круг!
Запомнит
Мгновения эти...

А солнце из облака
Выплывет вдруг
И станет теплее
На свете.

Питон

Питон
Хотел залезть в бидон,
Сжимался и крутился,
Но, тем не менее,
Питон
В бидон не поместился.

Потом рассерженный питон
Пытался проглотить бидон...
Питон никак не мог понять,
Что нужно на себя пенять.

И никакой здесь нет вины
Несчастливого бидона,
А это все — из-за длины
И толщины питона.

Кто как может

Собаки лают,
Журавли курлычут,
Гогочут гуси,
Ухает сова,
А маленький Никита
Только хнычет...
Непросто
Выговаривать слова!

Апчи!

Сейчас я для вас
Прочитаю стихи.
А-а-а-пчхи!!
Извините, бывает...
А-а-а-пчхи!!

Чихаю,
Чуть-чуть отдыхаю,
Читаю
И снова чихаю.

Какими-то странными
Вышли стихи.
И всё же
Не будьте суровы,
И, если в стихах
Раздается а-а-а-пчхи,
Скажите мне:
— Будьте здоровы!

Апрель

Мне
Хорошо в апреле —
Солнышко,
Птичьи трели...

Мир,
Как окно, распахнут.
Клёны
Весною пахнут.

Строчку
Как корешок
Я посадил
В горшок.

Выросло
Стихотворение —
Радостное,
Весеннее.

Шепчутся
Слов листочки —
Ветер
Читает строчки...

Городки

Я играю в городки,
Но всё время — вот обида! —
Мимо рюх летает бита...
Может, рюхи коротки?!

Мамонт

Я шёл за грибами
Тропинкой лесной
И мамонт огромный
Погнался за мной.

Ломал он деревья.
Ревел и пыхтел,
Проткнуть меня бивнем
Он очень хотел.

Уже догоняет,
Уже за спиной!
Сейчас этот мамонт
Покончит со мной.

Я мчался, как ветер,
Зверюгу кляня.
Спасите, спасите,
Спасите меня!

Он бивнем
Лопатки коснулся...
Я спас себя сам —
Я проснулся!

Вежливость

Живёт в коробке
Мармелад.
Всегда он
Мне и маме рад.

Я раньше сразу
Лез в коробку,
Теперь
Быть вежливым учусь:

Беру коробку в руки
Робко
И, прежде, чем открыть, —
Стучусь.

Заигралась

Я — кошка,
Жалобно мяукаю.
Я — хрюшка,
Потому что хрюкаю.
Я — птичка,
Весело чирикаю.
Я — скрипка,
Слышите, пиликаю?

Теперь сова —
Уньло ухаю...
Уже жужжу —
Я стала мухою.
Понятно, кто я,
Если тикаю.

А как же снова
Стать мне Викою?!

По кочану

Я — почемучка. Эти «почему»
Осточертели папе моему.

И на очередное «почему»
Он вдруг ответил мне: — По кочану.

Я был находчив. Я не промолчал.
Опять спросил: - А почему кочан?

Мой папа призадумался всерьез:
Искал ответ на каверзный вопрос.

От напряжения лоб у папы взмок,
Никак он успокоиться не мог.

Потом он книги толстые листал,
Он изучать вопрос не перестал.

Был не закончен этот разговор —
Ответ не знает папа до сих пор

И, даже просыпаясь по ночам,
Наверно, шепчет: — Почему кочан?

Прятки

Грузный страус
Сделал все, что мог:
Быстро спрятал голову
В песок.

Думает:
— Меня не видно здесь.
А на самом деле —
Вот он, весь.

Не умеет прятаться,
Чудак.
Ну, не получается
Никак.

И его
Так просто
Находить...
Будет страус
Целый день водить.

Перчатка

Перчатка
Зимою
Для пальцев как дом —
Пять братьев
Уютно
Устроились в нём.

Пускай
В их жилище
Потёмки,
Но каждый
В своей
Комнатёнке.

Морозы лютуют,
Пути замело...
А пальцам в перчатке
И в стужу тепло.

Просьба

Толстяк,
Решивший попытаться
На пони
В парке покататься,
Простых вещей
Не понимал:
Что он — тяжёл,
А пони мал.

Давайте строго
Скажем вместе:
— На пони,
Дяденька, не лезьте...
Под Вами рухнет
Бедный пони.
Для Вас нужны
Другие кони!

Зря петушился

В дураках
Наш петух оказался,
Опрометчиво
Он поступил...
Кукарекать
Петух отказался,
А рассвет
Всё равно наступил.

Пожалейте крокодила

Крокодил
Зарылся в ил,
Белый свет
Ему не мил.

Он лежит,
Совсем больной.
Где же, где же
Врач зубной?!

Вид у хищника
Несчастный,
Зубы ноют, вот беда!..
Крокодил
Зубною пастой
Их не чистил
Никогда.

Трезор оплошал

Покинув будку
На минутку
Трезор
Пошел гулять во двор.
Малыш залез
В собачью будку
И начал лаять
Как Трезор.
Трезор,
Прислушиваясь к лаю,
Подумал:
«Место потеряю...»

Отчество

Мне ведь девять,
Даже с хвостиком...
А зовут, как в детстве,
Костиком.

Мама — Ксения Андревна,
Папа — Федор Валентиныч,
Тетя — Вера Алексевна,
Даже Змей — и тот Горыныч.

Мне же тоже
Слышать хочется
Свое собственное
Отчество!

Фонтан

На площади
Шумел фонтан —
Отменный мастер
По фингам.

Набравшись сил,
Он взвиться смог
И прямо вверх,
И криво — вбок.

Фонтан
Вокруг себя простер
Алмазных капелек
Шатер.

Он тех, кто рядом,
Обдавал,
Он им проходу
Не давал.

И тут, и там,
И так, и сяк
Шумел фонтан.
И вдруг — иссяк.

Закрыли воду
На замок.
Фонтан пофыркал
И замолк.

Он был прекрасен
Летним днем
И отражалось солнце
В нем.

Ужасно грустно
Оттого,
Что больше в небе
Нет его.

Пожалуйста,
Откройте кран!
Зачем
Обидели фонтан?

Выстрел

...И вдруг раздалось
Грозное «пиф-паф».
— Совсем не больно, —
Думал я, упав.

И посмотрел
На маленького мальчика:
А это он
Стрелял в меня
Из пальчика.

Он знал,
Что понарошку
Я упал,
Но радовался очень,
Что попал.

Спасибо, аист

Мне аист принес двух братишек,
Я глянул и крикнул: «Ого!
По-моему, это — излишек,
Хватило бы и одного».

В пути было аисту тяжело.
Он мог надорваться, бедняжка...
Но папа сказал: «Ерунда,
Он к нам долетел без труда».

Им, аистам, не привыкать
Тяжелую ношу таскать».
А мама опять похудела
И прежнее платье надела.

Она не ходила — плыла
И очень довольна была,
Что наш попугайчик Марат
Твердил ей: «Мар-р-руся, я р-рад».

Братишки всё время орали.
Решил я на них накричать:
— Разбойники, спать не пора ли? —
И начал кроватку качать.
Затихли они, наконец,
И папа сказал: «Молодец!»

Потом я в постели крутился,
Не мог почему-то уснуть...
А ночью мне аист приснился,
На папу похожий чуть-чуть.

Владимир Кузьмук

МЕЖДУ ЭРОСОМ И ТАНАТОСОМ

Только с возрастом я окончательно понял, что имел в виду Фрейд. Эрос и Танатос — звучало заманчиво и красиво. Подвалы подсознания, античная премудрость с точки зрения секса казались страшно привлекательными. К тому же откуда-то оттуда из новейшей психологии и психоанализа. Психоанализ был под негласным запретом, и упоминать о нём публично можно было только, поливая грязью.

Подлинный Фрейд был знаком лишь единицам. Право доступа в спецхраны библиотек нужно было обосновать необходимостью научных изысканий. На это решались немногие. Связываться с КГБ вряд ли кому хотелось, и представление о Фрейде у большинства складывалось весьма приблизительное.

Всё запрещённое обладало магической притягательностью. Различий между истинным и запрещённым не делали. Словом, благодатнее почвы для мифа найти было трудно. И Фрейд им стал. Ему приписывали всё. Мнимый психоанализ стал универсальной отмычкой для всех вызовов и загадок бытия. Блаженные времена райского неведения, когда либидо могли обнаружить даже в прогнозах погоды.

Великие знания — великие печали. При коротком знакомстве миф не выдержал испытания. Требования были чересчур завышены. Ожидания не сбылись. На исходе XX века Фрейду уже не светило стать властителем дум. Научность доктрины хромала на обе ноги. Экспериментальная база и безупречность доказательств казались любительщиной, аргументация — натяжкой на уровне кухонной сплетни.

Волна разочарования не накрыла только два островка Эрос и Танатос. Инстинкт воспроизведения и инстинкт смерти и петляющую меж ними короткую нить человеческой жизни — каких-нибудь семьдесят оборотов нашего шарика вокруг звёздочки, затерянной в безбрежном океане галактического веретена. Открытие Фрейда было гениально простым. В дополнительных доводах не нуждалось. Всё было ясным и очевидным как дважды два.

В школе на уроке биологии, когда я впервые заглянул в окуляр микроскопа, увиденное меня потрясло. Вокруг есть ещё и другой мир, о котором я даже не подозревал. У него свои правила и законы, и ему нет никакого дела до нас. Меня долго не отпускала мысль, что и все мы составная какого-то гиганта, который тоже не догадывается о нашем существовании, пока не глянет в микроскоп на крупницу грязи под ногтями. Всё дело в точке зрения. Мир таков, откуда его созерцаешь. С каждой колокольни свой вид. Я наблюдал жизнь из гуши людского муравейника, где пытался найти своё место. Оттуда мир представлялся огромной сценой с суетливой сменой декораций и действующих лиц. Многое из человеческой комедии тех лет забылось навсегда, кануло в вечность, но многое осело в памяти и стало даже ярче и живее, чем было на самом деле.

Место моего появления на свет Киев. Впервые я захватил в лёгкие глоток воздуха и громко заорал на Демиевке в родильном доме. Тогда её называли Сталинкой в честь отца народов. Но жили мы на углу Чкалова и Стретенской. Этот дореволюционный доходный дом я считаю местом своего рождения. Он состоял из двух половинок, сросшихся по воле архитектора. Одна была с претензией на стиль.

При сильном желании в декоре можно было бы отыскать отдалённое сходство с эклектикой историзма. Но вряд ли это входило в намерения проектантов. Вторая демонстрировала свою принадлежность новым временам. Эхо модерна, многократно отражённое, оставило на её фасаде какое-то подобие стремления к столичной моде. Пятиэтажный гигант с ватерклозетами и потолками в четыре с половиной метра был воздвигнут у стен Софии к ужасу поборников старины. Город переживал строительный бум. Сахарные капиталы оседали в карманах наиболее предприимчивых счастливицов и открывали новые европейские перспективы. Широкие на парижский манер улицы с чудом двадцатого века трамваем определили лицо города почти на столетие. Через какие-нибудь тридцать-сорок лет мне эти новшества будут казаться седой стариной, хотя моя мама и бабушка были оттуда. С трудом верилось, что нынешний сквер у министерства чрезвычайных ситуаций в пору бабушкиной молодости был поросшим бурьяном глухим пустырём. Там, где нынче ещё с советских времён на тёмно-красном гранитном пьедестале высится гипсовый Чкалов, выкрашенный бронзовой краской, редкие смельчаки выгуливали собак. Место пользовалось дурной славой. Прибежище разного рода тёмных личностей и бродяг.

Бабушкина принадлежность к старому миру выражалась иногда в словечках, которые уже давно никто не употреблял. Например, она могла сказать «визави» вместо «напротив». Или с трепетным подобострастием в голосе заметить: «Я видела государя». Так величать бывшего самодержца тогда никому не могло прийти в голову. Похожие интонации я слышал потом не раз в устах прощелыг, сделавших карьеру на воспоминаниях о Ленине. Но даже в самых смелых догадках бабушка никогда бы не смогла предположить, что последний Романов, никчёмный человек, грубо говоря, просвистевший империю не за фунт соли, пополнит список отечественных святых страстотерпцев. Поистине неисповедимы закоулки загадочной славянской души. Французам канонизировать Людовика Шестнадцатого не приснилось бы и в страшном сне.

Но особенно мне нравился бабушкин рассказ о Столыпине. Смертельно раненого террористом Багровым реформатора везли из оперы по Большой Подвальной, нынешнему Ярославову Валу. Ближайшая больница была чуть ниже за поворотом на нашей улице. Новый трёхэтажный особняк в стиле модерн с рычащим бетонным львом на воротах все называли почему-то глазной клиникой, хотя была она хирургической. Малейшее сотрясение могло оказаться роковым для раненого, и вся бульжная мостовая была устлана соломенными матами. В моём представлении Столыпин лежал почему-то на телеге навзничь и тоже на соломе. Вдоль улицы стояли дамы в белых широкополых шляпах и кружевными платочками утирали слёзы. Всё, наверно, было иначе. Но видение засело в моей памяти реальнее подлинного.

Со смерти министра в особняке с распластанными сиренами на фронтоне, где он, не приходя в сознание, почил в бозе, и начались злключения нашей улицы. В ней явно просвечивало женское начало. С такой лёгкостью она меняла имена. Решительным перпендикуляром она брала своё начало от Большой Житомирской. Перебежав Стретенскую и Рейтарскую, она с Ярославова Вала, очертя голову, легкомысленно неслась вниз и растворялась в толкучке Евбаза. Девичья фамилия её была Малая Владимирская. В память о трагическом событии решено было её переименовать в Столыпинскую. С приходом большевиков выяснилось, что Столыпин — один из наиболее ярких апологетов капитализма. В школе нам рассказывали ужасы о «стольпинских галстуках», виселицах, на которых болтались на ветру противники его, по словам учителей, глубоко реакционных начинаний. Он был тормозом на пути в светлое будущее. Райские кущи коммунизма, к которым стремилось всё прогрес-

сивное человечество, начиная с грехопадения Адама, уже замаячили судьбоносным миражом на горизонте. И Столыпинская тут же была переименована.

До того как стать улицей Чкалова, она носила ещё несколько названий. Память сохранила имя некоего Гершуни. Этот выброшенный на поверхность революцией персонаж что-то сказал или сделал не то, и был навечно вычеркнут из советских святцев. Впрочем, навечно ли? Кто ещё совсем недавно мог предположить, что Столыпина вновь возведут в ранг великих реформаторов. А раскаявшиеся россияне над его могилой в лавре поставят крест из черного гранита. А независимые украинцы с завидным постоянством будут осквернять его обидными надписями.

Чкалов тоже был невесть что. Военный лётчик, перелетев через океан в Америку без посадки, тут же был увенчан лаврами героя и обеспечил себе место в большевистском пантеоне. В идеологической горячке мифотворчества всё служило наглядным доказательством преимуществ социализма. Экстренным постановлением политбюро увековечило память покорителя небесных просторов, тем более, что через некоторое время он погиб или его убрали за ненадобностью, чтоб не наломал дров. Чкалов, как и подобает героям, был неуправляем и буйного нрава. В каждом захолустном городке стой поры обязательно отыщется улица Чкалова. При теперешнем раскладе больше чем на книгу рекордов Гиннеса герой не тянул бы.

Для меня моя улица навсегда останется улицей Чкалова, как для мамы и бабушки она была Столыпинской. Иначе они её и не называли. Нынче она носит имя Олеса Гончара. Классик не раз бывал у нас в доме. На первом этаже жил его друг историк университетский преподаватель. Фёдор Павлович был женат на красавице еврейке Розе. Восточного типа жгучая брюнетка она была с западной Украины. В те послевоенные годы начались гонения на евреев. Поговаривали, что Феде даже предложили для безупречности статуса и чистоты расы развестись с Розой. Но он выдержал натиск и дождался с женой до самой смерти. Роза дружила с армянами с третьего этажа и изо всех сил изображала армянку. Правда, гены нет да нет, давали о себе знать. Утро в нашем доме было не утро без розиных истерических криков. Во всю мочь молодых лёгких и нерастраченной за ночь энергии она выкликала своих подружек.

— Сата! Сусанна! Жозя! — неслоь над полусонным двором. Стены резонировали — двор был своеобразным колодцем. В общем, получалось, как сказали бы сегодня, нехило.

— О, армянка проснулись — ехидно отмечала Беба, мать моего школьного дружка Сёмки. Это означало, что утро уже наступило, и новый день вступает в свои права.

Помнится, Роза не очень привечала классика. Ей казалось и не без оснований, что тот пробуждает в муже пагубную славянскую склонность к спиртному. Классик к тому времени уже успел получить какую-то там премию, не то сталинскую, не то какую-то там ещё. Магазины тогда щедростью ассортимента не баловали. Истратить значительную сумму практически было не на что. Оставалось пропить. На это требовалось немало сил и здоровья. Того и другого друзьям было не занимать. Да они и не мелочились.

Обычно, когда меня не было дома, бабушка находилась в состоянии тревожного ожидания. Этакий комплекс Пенелопы. Как правило, после десяти вечера нервы у неё сдавали, и она переносила своё бдение наружу. У парадного она дежурила, пока мой виноватый силуэт не появлялся из-за угла. Погрозив мне гневно пальцем, поворчав, она вместе со мной шла к лифту.

Случалось, во время её очередного стояния к парадному подкатывал автомобиль, и полумёртвого Федю извлекали наружу. Классик обычно ещё держался на ногах. Прислонив Федю к стене, он с пьяной вежливостью, едва ворочая языком, просил бабушку присмотреть за другом, галантно прикладываясь к ручке, звонил в дверь, и побыстрее нырнул в машину, опасаясь розинового гнева.

Роза пыталась не раз провести дознание. Но безрезультатно. Бабушка по-малкивала как партизанка на допросе. Вежливость брала своё. Тем более, что у бабушки была ещё и слабость к регалиям. Как-никак — известный литератор! Лауреат! Настоящий небожитель!

Пишущая братия была замкнутым привилегированным сообществом. Роль союза литераторов в основном сводилась к одному — демонстрировать расцвет национальной литературы при социализме. Но главное было максимально облегчить работу КГБ. Меньше хлопот. В случае чего все были под рукой. Их и селили рядышком. После разгрома украинского возрождения в тридцатые остатки национальной интеллектуальной элиты сбежали с немцами на запад. Новобранцы высокой культурой не блистали. Деклассированные «люди от сохи» вряд ли понимали, что такое беллетристика. Зато партии они служили верой и правдой. Единственными настоящими читателями их опусов были редактора. Они-то и придавали более или менее удобоваримую форму текстам. Дальше по технологической цепочке их читали наборщики и корректора. Похоже на этом читательский интерес к нетленным творениям плавно угасал. Огромные тиражи пылились на полках магазинов и библиотек. Невостребованные они через положенное время списывались и шли в макулатуру, превращаясь в рулоны свеженькой бумаги. Круг замыкался — наглядное доказательство истинности вечного возвращения. Механизм работал всю. Казалось, прогресс был налицо. Но это была только видимость. Мираж. Расцвет не приносил плодов.

Памятником литературных достижений той поры служит пара домов на углу нынешней Богдана Хмельницкого и Коцюбинского. Никто из сеятелей разумного, доброго, вечного здесь больше не живёт. Комфортные квартиры давно распроданы новым хозяевам жизни. И только цокольный этаж, множеством мемориальных досок похожий на стену колумбария, напоминает о бренности славы и успеха.

Эклектическим фасадом наш дом выходил на Стретенскую. Это была уютная улочка обсаженная каштанами. Едва оттолкнувшись от Стрелецкой, она через два квартала под острым углом вливалась в Большую Житомирскую. На вызовы времени Стретенская реагировала вяло. Новое название Полины Осипенко, лёгчицы тридцатых, как-то не приживалось. Да, и вид у улицы был совсем старосветский. На противоположном от нашего дома углу наискосок раскинулась настоящая усадьба. Деревянный одноэтажный дом, почерневший от дождей с вечно притворными ставнями и прогнившими ступеньками крыльца. Сад с сиренью за глухим забором был уже не нашей территорией, и лазить туда мы не отваживались. Зато на крыльце сидели без опасений. Ничейная зона была общей. Ближе к Сенному базару стоял завод, одноэтажное деревянное сооружение с зарешечёнными окнами. Позже он сгорел, а вместе с ним погибли и роскошные тенистые каштаны. Из завязи сбитой дождём и ветром мы делали «пиво». Напихивали маленькие зелёные плоды в бутылку с водой и взбивали. По виду пенная золотистая жидкость напоминала драгоценный напиток, которым торговали на базаре на разлив в стеклянных кружках, поддерживая давление в бочке ручным насосом.

Какую продукцию изготавливал завод, никто не знал. Поговаривали, что прицепки. Но это были только предположения. За их достоверность никто не ручался. Всё было тогда засекреченным и лучше было не болтать лишнего. На заводе работали пленные немцы. Каждое утро растрёпанным строем они брели на работу мимо нашего дома. Солдат охраны с опущенным автоматом на плече, пощёлкивая семечки, шёл по тротуару сам по себе. Бежать пленным было некуда. Судя по их равнодушно обречённому виду, о побеге никто и не помышлял. Их появление из-за угла Стрелецкой предвляло своеобразное цоканье, напоминающее чечётку степистов в трофейных фильмах. Мостовая была замощена булыжником, а обуты пленные были в деревянные самодельные ступалки. Жили немцы в бане на Мало-житомирской у самой площади Калинина, нынешнего Майдана. В тёплое время года по вечерам в открытых окнах за решёткой можно было видеть, как они чинят одежду, мастерят обувь, занимаются нехитрым хозяйством. Я старался отыскать в себе ненависть, которую должен был испытывать к врагу каждый советский человек, и не находил. Соседка наша Любовь Яковлевна, величественная дама с седой прядью в модном валике причёски над лбом, похожая на аристократку из «Сладкой жизни» Феллини, уверяла, что когда однажды один из пленных вежливо спросил у неё время, кроме безразличности она ничего не почувствовала. Это дополняло её облик итальянской герцогини, хотя была мадам всего лишь бухгалтершей какой-то захудалой конторы и родилась до революции за чертой оседлости. У нас мальчишек эти люди в потрёпанных шинелях, потерявших цвет, и пилотках с козырьком и двумя алюминиевыми кнопками спереди вызывали какое-то смутное чувство похуже на сострадание.

Немцев, военных преступников, вешали в сорок четвёртом или в сорок пятом в ноябрь. Кто они были, не знаю. Скорей всего мелкие сошки. Главные — скрылись в Аргентине или попали под трибунал в Нюрнберге. Сегодня понятно, что кроме священной мести победителей, публичная казнь должна была припугнуть хохлов-самостийников. Город-герой во время оккупации прославился коллаборационизмом. Во всю работали театры и кинотеатры, даже промышленные предприятия со скрипом что-то производили. Рейх Украина изо всех сил пытался изображать, как и при советах, процветание.

Апокрифическую историю о бомбе, которая попала в оперу во время спектакля и не взорвалась, я слышал от Марфы Назаровны, соседки с четвёртого этажа. Марфа, известная в доме брехуха, смоля папиросу за папиросой, с подробностями вдохновенно врал в лицах, как будто сама видела, как бомба пробила потолок, пришибла пару немцев и, прошив паркет, мирно улеглась в песке подполья. После некоторого замешательства и восстановления должного порядка спектакль был продолжен. Вагнер и немецкая невозмутимость взяли гору.

Марфа была мастером своего дела. Яркие подробности создавали эффект присутствия, но оставляли неприятный привкус. Времена были суровые. Всех, кто жил при немцах, могли подозревать в чём угодно. Настрой аудитории Марфа улавливала безошибочно. Сметнув, что поезд занесло не на те рельсы, она запускала в ход историю, которая ни на минуту не давала усомниться в лояльности рассказчицы и даже смутно намекала на возможные партизанские связи. Перед сдачей немцы велели всем убираться из города. Из-за больных ног Марфа фактически не могла выполнить распоряжения и окопалась на чердаке. Этот рейд на два этажа выше она подавала как акт сопротивления. Заняв круговую оборону в старом хламе, она затаилась в ожидании освободителей. Когда город стали бомбить советские самолёты, она, по её словам, в патриотическом порыве стала орать «ура». Я

живо представлял картину её чердачных подвигов и, не выдержав, прыскал неуместным смехом. Меня тут же выставляли за дверь.

Публичная казнь была событием не из рядовых. Она ломала привычный распорядок. Виселицу соорудили на площади Калинина. Это было совсем не то, к чему приучило кино. Без эшафота она скорее напоминала высокую перекладину на спортплощадке, на которой обычно подвешивались кольца, канат и лестница, только значительно длиннее. Да и разделена она была на несколько секций по две петли в каждой. Толпа в жажде зрелища загрохотала площадь к полудню. Мы, заняв выгодную позицию там, где сейчас почта, мёрзли на груде развалин с утра. Снег в виде отдельных снежинок делал только робкие попытки прорваться. Было холодно и скользко. Уцелевшие коробки зданий дополняли картину всеобщего разрушения. На горе, где сейчас гостиница «Украина», торчал высокий остов дома Гинзбурга со сквозными глазницами окон, а внизу бетонный фонтан напротив виселицы на месте нынешнего купола «Глобуса» напоминал о довоенной жизни. Ребристое бетонное блюдо на колонне и дебелие облупленные спортсмены под ним с ракетками, мячами и другими атрибутами беспечности спортивного бытия. Кроме холода нас ещё донимал вопрос техники проведения казни. Обескураживало, что привычных по фильмам табуреток нигде не было видно. Вскоре всё стало на свои места. Издали в пространстве оцепления виселица казалась очень большой. Но, когда в каждую секцию ввезло по грузовику, стали понятны её масштабы. Машин было штук шесть или семь. Задний борт каждой был открыт. Приговорённые стояли по двое. Им набросили петли на шею, зачитали приговор, потом грузовики отъехали, и люди остались висеть в воздухе. Поначалу они судорожно дёргались, пытаясь найти точку опоры, а после затихли, неподвижно вытянув носки ног. Всё свершилось обыденно прозаично без фанфар, совсем не как в кино. Картинка в сознании запечатлелась чёрно-белой. Только виселица почему-то казалась коричневой. Может быть, ради исключительности события по свеженькой древесине прошлись морилкой. Мы разошлись, молча, и никто никогда не вспоминал о казни ни тогда, ни после. Говорили, что когда было снято оцепление, разъярённая толпа била окоченевшие трупы палками. Этого я не видел. Но кошмар преследует меня до сей поры. В тёмном сумраке холодного вечера по льду скользкой как на катке площади мечутся озверевшие люди с палками, скользя и падая, в сладострастном танце мести.

Смерть внушала животный страх. Но сам ритуал похорон привлекал своей театральностью. Это было целое представление с актёрами и реквизитом. Всякий раз, когда я слышу шопеновскую си-бемоль минорную сонату, у меня перед глазами наша улица, по которой вышагивает траурная процессия иногда длиной с квартал. Всё зависело от важности покойника. Бледный виновник торжества неподвижно возлежал, усыпанный цветами, в катафалке с резными колоннами и балдахином, выкрашенными серебрянкой. Скорбный экипаж тянут две клячи, покрытые по случаю исключительности события белой сеткой с бахромой. Лошадиные головы с облезлыми султанами равномерно кивают в такт движению. На кладбище не торопились.

Открывали шествие венки, символ быстротечности славы и бренности бытия. Их несли соседи и сослуживцы. Душещипательные надписи на лентах оживлённо комментировались зрителями по обеим сторонам улицы. Торжественную поступь процессии определял кладбищенский духовой оркестр со сверкающей на солнце тубой, барабан и похоронный марш Шопена. Без него похороны были не похороны. Особенно удавались всплески, когда барабанщик изо всей мочи ухал по натянутой коже, усиливая впечатление мощным металлическим ударом тарелок.

Фортиссимо доставало до самых печёнок. Безутешные родственники и близкие тащились за катафалком до самого Байкового кладбища. Несколько километров пути давали возможность полностью проникнуться тяжестью утраты. Поминки, желанный свет в конце туннеля, служили наградой за труд. Покойника поминали от души, напивались, что называется, до белых веников, забывая подчас причину тризны. Кто-то всегда порывался затянуть песню, но его тут же одёргивали. Тем не менее, жизнь брала своё. Обычай оправдывал своё назначение. По мере сгущения винных паров улетучивались боль и печаль. Тосты и речи картинно живописали добродетели новопреставленного. Наверное, это служило нелишней рекомендацией для тёпленького местечка где-нибудь там, в потустороннем мире. Никто не пытался оспаривать гипотетические предположения ораторов. Смерть была слишком непостижимой. Даже самые ярые атеисты тушевались перед лицом неизвестности. А вдруг там, откуда не было возврата, и впрямь что-то уж такое есть. Гневить Всевышнего не стоило на всякий случай. Хотя священника приглашать не решались. Это могли расценить как вызов. Попы были менеджерами старого режима.

Смерть в расчётном проекте нового мира не значилась. Ритуал погребения у идеологических органов особого интереса не вызывал и был пущен на самотёк. Хотя церемония и антураж не очень вписывались в настоящее. Ведь закованы были на иных дрожжах. В диалектическом материализме душа считалась плодом большого воображения. Сверхчувственный мир квалифицировался как бред параноика. А метафизика — как заблуждение досужих философов, веками морочивших головы себе и другим. Наш духовный корм был на редкость элементарен. Реальность только то, что можно пощупать и попробовать. Это было понятно и даже нравилось.

В войну игнорировать смерть стало бессмысленно. Тогда-то и утвердилось нечто новое. Подвиг во имя жизни. Жертвенная гибель ради спасения всего стада приобретала героический оттенок. Герои, увековеченные в памятниках и портретах, стали эрзацем христианского бессмертия души. Погребение приобретало идеологический привкус. Заслуженного покойника тащил на пушечном лафете трофейный или американский «виллис», на красных подушечках несли награды, а в финале — обязательный салют, ружейная пальба холостыми патронами и исполнение гимна.

Особенно ценился подвиг своей уникальностью. Тиражированность лишала его магической ауры. Когда пятидесятый претендент на бессмертие закрыл собой вражескую амбразуру, энгузиазма это уже не вызывало. Очередной герой рисковал прослыть в глазах окружающих всего лишь недоумком. Всё-таки мы были не совсем уж азиатами, хотя жизнь отдельной личности у нас ни во что не ставилась.

Культ героя в послевоенные годы расцветал пышным цветом. В нашей школе, да и в других воздвигались настоящие алтари новоявленным святым с цветами и дежурствами по праздникам. Красный галстук и неподвижное стояние по-очерёдно. Отрешённость способствовала медитации. Посмертная биография писалась обычно по канонам житийной литературы. Идеальный образ вызывал благоговение своей недостижимостью. В тишине коридора рвались снаряды, громыхали пушки. Я пытался ставить себя на место героя. Вообразить, чтобы всю сознательную жизнь я готовил себя к тому, чтобы плюхнуться грудью на стреляющий пулемёт или протаранить своим самолётом вражеский, я, как ни старался, не мог. Размышление шло не в пользу мифа. Оно лишало его магии, обесточивало.

Память у меня была лёгкая и цепкая. Я элементарно запоминал целые пассажи, хотя не прилагал к тому никаких усилий. Случилось однажды, что из-за этого я невольно стал причиной падения первого отличника класса Мишки Хитерера по прозвищу Хатхор.

Как-то на уроке географии мы разбирали высокогорную растительность Кавказа. Хатхор блистательно выжал из себя всё, что знал, возможное и невозможное. Но «гусю», географу, этого было мало. Он кроважно жаждал ещё жертвоприношений на алтарь знания. Конгуженный на фронте он славился своей неутомимостью. Его беспощадность мы приписывали конгузии, хотя, что это такое, толком никто не знал. Ранение или чего-то там ещё — с этим всё было ясно. Но конгузия?.. Это внушало уважение и страх. В особенности, когда у гуся от гнева начала дёргаться левая щека.

Постукивая выжидательно указкой по столу, гусь ехидно и загадочно улыбался. Мишка переминался с ноги на ногу. Он выложил даже то, что было набрано в учебнике мелким шрифтом, как необязательное для запоминания. Чего от него ещё требует этот кретин? Тишина повисла тяжёлая и гнетущая как перед грозой. Слышно было, как где-то в другом конце коридора хлопнула дверь.

— Рододендрон, — неожиданно вырвалась у меня подсказка. Память выдала то, что автоматом осело на одном из уроков.

— Правильно, — просиял гусь, — только руку нужно поднимать! — сказал он и вывел в журнале напротив фамилии Хитерер жирную четвёрку.

Мишкины нервы не выдержали, и от обиды и ущемлённого тщеславия он зарыдал.

— Этого же нет в учебнике! — сквозь слёзы и сопли всхлипывал он.

Я чувствовал свою вину и мысленно ругал свою способность всё запоминать. Из-за меня Хатхор получил эту чёртову четвёрку. По истории мы проходили древний Египет. Тогда-то и приклеилось к нему прозвище Хатхор, имя рогатой богини. Полвека спустя случилось мне побывать в Египте. В древнем храме припомнил и Мишка, и вся история с рододендроном. Где он сейчас? Жив ли? Может, давно его нет на свете. А может, он разбогател в эмиграции, и остаток дней в неге и роскоши проводит на пляжах Сан-Диего, там, где героиня Мерилин Монро пыталась подцепить миллионера. Конечно, ничего общего с обликом Хатхор у Мишки не было. Но для нас он был священной коровой, пёкшей пятачки с такой же лёгкостью как самая захудалая пеструха блины на дороге. Авторитет Хатхор с той поры здорово пошатнулся и так и не воссиял в прежнем блеске.

Рододендрон влетел в голову, когда как-то на уроке гусь, вдохновенно слушая себя, живописал картины альпийских лугов и чего-то там ещё. Я, из всех сил изображая внимание, тайком делал уроки на завтра. Напрягать извилины дома не хотелось. Звучность названия сделала своё дело. Этот самый рододендрон, как волшебный сезам Али-Бабы, засел во мне на всю жизнь.

Через много лет я увидел это растение. С рюкзаком туристской тропой тащился я через Клухорский перевал. Проводник, жилистый молодой грузин с французским именем Рауль, мимоходом ткнул ботинком в низкорослый кустарник и произнёс: «Рододендрон. Ядовитый. Не трогать!» Приземистый фикус с мясистыми белыми цветами, похожими на магнолию, совсем не соответствовал магии названия.

К биологии класс относился терпимо. Здесь мы расслаблялись. Ботаничка редко ставила двойки. Никто её не боялся. Да кабинет биологии располагал к отдохновению. На окнах стояли аквариумы и ящики с растениями. Я садился поближе к аксалоту. Так мы называли аксалотля или цератодуса — двоякодышащую рыбу. Странное существо имело лёгкие, и жабры. Время от времени, шевеля лапками-плавниками, несостоявшаяся ящерка поднималась на поверхность плотнуть воздуха. Миллион лет назад предки её на крутом выраже то ли от недостатка энергии, то ли от избытка мудрости сошли с дистанции. Эволюция выкидывала немис-

лимые колени. Накатывали и проносились катаклизмы. Гибли и рождались виды. Это их не касалось. В тёплом уюте тупичка, как в утробе матери они застыли в вечности безвременья.

Загадочное внимание аксалота к моей особе я уловил сразу. Стоило только присесть рядом, как он тут же подруливал поближе ко мне. Уткнувшись носом в стекло, он неподвижно замирал. Агатовые глаза смотрели куда-то вдаль сквозь меня. Взгляд притягивал и погружал в иные измерения. В нём читались ирония и скепсис, и даже снисходительная улыбочка, наверное, усмешка вечности над суетностью мгновения. Журчащий голосок ботанички был из этой минутной мимолётности. Никто не брал его во внимание. Он убаюкивал и подыгрывал отрешённости. Где ему было завоевать стадо, ошалелое от избытка гормонов! Семена дарвинизма, которые она пыталась заронить в невосделанную почву нашего сознания, падали мимо. Никто её не слушал. Все занимались своими делами. Хотя видимость урока всё же сохранялась. Нам вовсе не хотелось, чтобы ботаничка схватила журнал и со всеми своими пожитками в слезах умчалась в учительскую. Такое иногда случалось. Это доставляло массу хлопот. Приходилось отряжать делегацию из отличников и заказных говорунов, убалтывать и уверять её, что ничего подобного никогда не повторится и всё такое прочее. В конце концов, она сдавалась и с видом поруганной добродетели тащила назад. И снова с двойным усердием принималась нести свет в наши души. Мы притворно внимали её трелям. Медовый месяц длился не более трёх дней, а потом всё опять возвращалось на круги своя.

Из-за её спины с укориной взирал на наши бесчинства Мичурин. Его портрет висел над доской. В мягкой шляпе и бородке клинышком он напоминал члена временного правительства из фильма «Октябрь» Эйзенштейна.

«Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё — наша задача!» Транспарант с крылатым высказыванием гения тянулся через всю стенку. С природой тогда не церемонились. Об экологии великий учёный всех времён и народов понятия не имел. Сгоряча обронённая фраза стала знаменем времени. Она развязывала руки экспериментаторам. Для наших преподавателей мы были всего лишь подручным материалом, биомассой, из которой требовалось изваять идеального человека будущего. Навязчивая идея, не дававшая спать всем революционерам ещё с Чернышевского. Она преследовала их как ночной кошмар. И представлялась чем-то вроде американских конкурсов красоты тридцатых, когда полураздетых девиц пытались втиснуть в трафарет совершенства.

Как среднестатистическими единицами на бумаге нами можно было манипулировать, как угодно, складывать в самые замысловатые сочетания. Стройность задуманного становилась ещё прекраснее, приобретала законченность формы. Но при реальной примерке проект трещал по швам. Мы не поддавались унификации. Разброс и разнообразие строительного материала не входили в расчёты классиков марксизма. Это был существенный, можно сказать даже судьбоносный, прокол теории, из-за чего постройка, в конце концов, не выдержала и рухнула при возведении, наподобие вавилонской башни.

К середине урока судьба готовила ботаничке ещё одно испытание. Тут её ораторские способности могли проявиться в полную силу.

— А-а! — зорал вдруг Жан Вишневский, — украли завтрак!

Завтрак Жана поражал воображение всего класса. Это был подлинный соблазн и предмет деления каждого. В чемодане благоухала жареная курица, завёрнутая в газету «Правда», полбатона и ещё куча всяких разносолов. Жан был сы-

ном министра. В то время демократия ещё не шагнула столь далеко, и дети высокопоставленных лиц учились в обычных школах.

Завтраки мы поедали, как правило, на переменках. Неписанный закон требовал делиться с ближним. Не успевал ты и рта открыть, как кто-нибудь подваливал сбоку и, глотая слюнки, просил: «Дай кец!», что означало «дай кусочек!» Процесс предполагал соблюдение определённых правил техники безопасности. В виде ограничителя необходимо было выставлять большой палец. Иначе лишиться всего бутерброда можно было в мгновение ока. Наши пасти были достаточно натренированы. Прodelать подобный кунштюк не составляло особого труда.

Давать откусить, согласно тем же нормам, можно было только один раз. На второй - разрешался отказ. Я уже, мол, давал. Подобно библейским заповедям мы свято блюли свои. Жан был единственный отступник. Он никогда ни с кем не делился и пожирал всё сам на уроке. Изредка что-то перепало соседу, но в целом содержимое заветного чемоданчика благополучно перекочёвывало ему в желудок.

Время от времени Жана наказывали. Как только тот терял бдительность, его сосед по парте Юрка осторожно спускал чемодан на пол и ногой отпихивал назад. На последней парте его опустошали и возвращали на место.

Торжество справедливости было восстановлено. Правопорядок вновь привил миром. Набив рты, с довольной ухмылкой пол класса наслаждалось щедротами министерского завтрака. Кое-что перепало и Жану. Он не без удовольствия жевал вместе со всеми. В какой-то момент его туповатый от перекорма мозг пронзала страшная догадка. Он бросался к чемодану, и зудящую тишину урока разрывал крик раненой влёт птицы.

— Этические нормы цинично растоптаны — трагически начинала свою обвинительную речь ботаничка. Причитания Жана взывали к защите поправных императивов. Случай подсовывал возможность блеснуть красноречием. Пламенный спич в защиту нравственных добродетелей пострадавшего был образцом классического совершенства, но смахивал на пародию. Мы давились от смеха. Особенно, когда она призывала вернуть завтрак законному владельцу. Все согласно кивали, но возврат в прошлое был проблематичен. Сытое урчание в желудках было неопровержимым доказательством.

Завершался ораторский шедевр на высоких нотах. Ботаничка объявляла нас недостойными великих надежд в деле совершенствования человечества на пути в светлое будущее.

И ботаничке, и всем остальным не дано было нас понять. Мы жили в замкнутой герметичности своего мирка. Доступ взрослым был туда заказан. Мы им попросту не доверяли и подвергали ревизии всё, что нам пытались навязать. В большинстве случаев то были пустые слова, за которыми ничего не стояло. Это учило думать самостоятельно.

С раннего детства я терзался вопросами бытия. Бабушка утверждала, что душа бессмертна. Тогда почему я ничего не помню из прошлого своей души и всему нужно учиться вновь с самого начала?

У старика Шапиро, нашего соседа, бывшего раввина, были свои соображения на этот счёт.

— Господь Бог — говорил он мне, — всё предусмотрел. Перед тем, как отпустить душу на землю, он стирает все воспоминания о прежних днях. Душа приходит в мир совершенно чистой.

Он был мудрый и старый, не принимал участия в кухонных склоках, и ему можно было доверять. Только я никак не мог сообразить, как Бог в одиночку мог

управиться с такой массой душ. Рассказ я мысленно дополнял огромным ангаром с высокими сводами, где сонмы ангелов трудятся за столами, школьными резинками оттирая добела души, собравшиеся на землю.

Самые первые записи на чистом листе моей души относятся к трём-четырёх годам. Более ранние навечно стёрты временем.

Весной, если я случайно оказываюсь на Стрелецкой возле своего дома, запах цветущей акации за стеной Софии оказывает на меня магическое действие. Как и более полувека назад он висит над улицей, будто ничего не произошло с той поры. Кажется, что меня снова за руку тянут в детский сад, а я упираюсь изо всех сил и занудно вою. Затея с самого начала была провальной. В группе в знак протеста я всё время истошно орал, и воспитательница, в конце концов, заявила, что я совершенно асоциальный ребёнок и находиться в коллективе никак не могу. Надежды родителей рухнули. Но запах засел во мне на всю жизнь.

В памяти возникает ещё фатоватый старик с курчавой раздвоенной бородкой в пенсне и тростью красного дерева. Ежедневный его променад по Стрелецкой от регулярного повторения приобрёл отточенность хорошо поставленного циркового номера. При каждом шаге он с шиком поднимал трость до горизонтального положения, а затем резко её опускал. Когда мы прогуливались с бабушкой и старик равнялся с нами, спектакль несколько мгновений разворачивался у самого моего носа. Казалось ещё чуть-чуть, и дед достанет меня своей элегантной палкой по голове. Я инстинктивно жался к ногам бабушки. Но погружённый в свои мысли виртуоз проплывал мимо, оставляя тревожное послевкусие страха и стук трости о тротуар. Никого давно нет. Улица пустыня. Нет ни бабушки, ни старого франга. Только густой аромат, как и прежде, висит в весеннем воздухе и те же акации за стеной, что помнили меня ещё в детстве.

Я был балованным ребёнком. Накормить меня требовалось немало усилий. У бабушки и у мамы были свои хитрости. Меня легко было заманить к соседке. Туда же несли и тарелку с манной кашей. У Полины Абрамовны я уплетал еду за обе щёки без всяких уговоров. Главное, чтоб не домашнее.

Или вот ещё. Я несусь за шариком по Чкалова к Житомирской. За мной вдогонку бежит отец. Резко тормозит грузовик. Я останавливаюсь и смотрю по сторонам. Почему такой переполох? Неужели они могли подумать, что я побегу под колёса? Взрослые, оказывается, не так уж и умны. Моё первое критическое суждение о мире.

Временное пространство детства — бесконечная безбрежность. В ней нет ориентиров. Понять, что было раньше, что было позже, невозможно. Воспоминания не выстраиваются в логический ряд. Они возникают по собственной прихоти, как им заблагорассудится. Иногда не там, где следовало.

У нас был шкаф с большим зеркалом. Обязательный предмет мебели тридцатых и мерило благополучия. Городская семья без шкафа ощущала себя ущербной. Одностворчатая коробка с прилепленным сбоку пеналом-шифоньером, последнее слово соцреалистического дизайнера, была самым ходовым товаром магазинов «Мебель». На него нужно было записываться в очередь. Модель проявила себя удивительным долголетием. Я встречал её даже в конце пятидесятых. Но теперь старый знакомец казался уже немодным уродцем, каким он и был на самом деле. Им были затоварены все мебельные магазины. Время его ушло. В очередь уже записывались за импортными гарнитурами социалистических стран со звучными женскими именами. Фавориткой была «Хельга», кавалерка из ГДР.

Но в пору моего детства зеркальный шкаф был пределом мечтаний большинства новых горожан, крестьян бежавших от коллективизации в город. В зер-

кале шкафа я впервые осознал, что мальчик в матроске с редкими зубами и чёлкой это я собственной персоной. Для большей убедительности я поднимал со лба волосы. Так и есть, это был я. Очарование открытия долгое время тяготело надо мной. Как Нарцисс от лужи, я не мог оторваться от зеркала. Корчил рожи, высовывал язык, отворачивался и резко поворачивался, чтобы застать себя врасплох. Меня оттаскивали от шкафа, запрещали к нему подходить, но от этого зеркало становилось ещё желаннее и милее. Однажды бабушка заметила, что если всё время делать гримасы, можно в какой-то момент так и остаться с перекошенным лицом на всю жизнь, как у Пэнской, портнихи и бабушкиной приятельницы. Педагогический ход сработал. Теперь всякий раз, когда я задерживался у зеркала, передо мной вставал мерзкий лик Пэнской с кривобокой ухмылкой, что означало у неё самую умильную улыбочку, высший знак особого расположения.

Помню ещё, как меня водили в кино. Кинотеатр находился в закутке на Сенном базаре, нынешней Львовской площади, а тогда Сенной. В фойе перед сеансами время ожидания скрашивал небольшой оркестр. В памяти сохранились матовые кубы плафонов над эстрадой и певица с экзотической фамилией Ахмат. Курчавая брюнетка в красном концертном платье по шиколотку, сложив ладони замочком одна на другую, старалась изо всех сил перекричать музыкантов. Она драматично ломала пальцы, поднимала их до подбородка, то в отчаянии опускала, то просительно протягивала пред собой. Высокий голос был не в ладах с цыганским репертуаром, но это несколько не снижало напора. Гвоздём программы были «Не вспоминайте меня, цыгане. Прощай, мой табор — пою в последний раз!» В конце она триумфально вскидывала руку к потолку и спускалась с эстрады, нырнув в зашторенную дверь. Публика была довольна, судя по жидким аплодисментам. Обычно не хлопали — программу считали бесплатным приложением к картине, к тому же обязательным. Оркестр настойчиво стучал смычками, и Ахмат ещё раз выходила на поклон. Хотя принять беспорядочные хлопки за овацию было трудно.

Запомнился фильм «Дети капитана Гранта». Мама держала меня на коленях. То ли я устал сидеть, то ли мне надоело, но она спустила меня на пол и разрешила пройти по проходу. По мере того, как я приближался к экрану, фигуры начинали расти, и становились плоскими. Это удивляло и притягивало. Конец фильма я досмотрел в позе ангела Сикстинской мадонны, подложив ладонь под щеку. Герои пели. Я схватывал мелодии на лету. Потом дома легко воспроизводил их.

— Бог мой! — говорила бабушка, — да у ребёнка слух! Его надо учить музыке.

С музыкой роман у меня так и не сложился в отличие от соседских еврейских детей. Там стоило ребёнку только пикнуть нараспев, как мгновенно в его руках появлялась скрипка. Моя мать дальновидностью не отличалась, да и с деньгами было туговато. Скрипку она не любила, а пианино мы не могли себе позволить.

Если с мелодиями я легко справлялся, со словами возникали проблемы. В текстах мне не всегда было понятно, о чём шла речь. Я приспосабливал их к себе, и в результате рождались самые неожиданные созвучные словосочетания. «Выходила на берег Катюша» в моей интерпретации звучало «Выходила, на, бери Катюша». Или «любимый город в синей дымке тает» я пел почему-то «любимый город — синий дым Китая». Самой популярной мелодией тридцатых была танго «Дождь идёт». С утра до вечера несло его из всех окон. Я тоже распевал его, бегая по квартире. Вместо непонятных французских слов я рефреном повторял «раковая шейка». Эта, по терминологии профессионалов, рыба прекрасно ложилась на мелодию. «Раковые шейки» были моими любимыми конфетами.

— До чего талантливый ребёнок! — говорила Полина Абрамовна. Но мои таланты остались без последствий. Началась война. Было не до них.

Из довоенных времён ещё запомнился мрачный апокриф, так или иначе связанный с музыкой. Он ходил по Киеву в различных вариантах. Не знаю, было ли всё правдой, или это был всего лишь плод коллективной фантазии. Во всяком случае, на кухне его обсасывали как реальный факт. Всеобщей любимицей была тогда Оксана Петрусенко. Молодая певица с прозрачным, вибрирующим голосом. «Дрожанием» как говорили у нас в доме. Пела она от сердца. Особенно украинские песни. Да и в опере легко справлялась с самыми сложными партиями. Её история золушки стала легендой и при очередном пересказе обрастала новыми подробностями. Простая девушка из народа, вдруг очутившаяся на вершине олимпа. Её принимали в Кремле. Сам великий вождь вручал ей орден Ленина. Когда однажды отец народов спросил её, почему она не надела награду на приём, Оксана простодушно ответила, что та слишком тяжела для её шифоновой блузки. В атмосфере страха и угодничества живая непосредственность казалась и в самом деле чем-то уникальным. Её любили все — от мала до велика. Неожиданная смерть певицы не то от родов не то от неудачного аборта просто потрясла и не только поклонников. Хорошил её весь город. Площадь перед оперой вся до отказа была запружена народом. В громкоговорителе звучали её записи.

На следующий день по городу поползли странные слухи. Кладбищенский сторож утром чуть не свихнулся. Над разрытой могилой сидела в изрезанном на полоски платье Оксана и в руках держала надпись со словами из своей песни «спать мені не хочеться, і сон мене не бере». Тогда обычно дорогую одежду перед погребением резали ножницами, чтобы не искушать мародёров. Грабители промахнулись. Поживиться не удалось, и они решили подшутить. Это был чёрный юмор в стиле Гоголя. Никто не знал, как быть: плакать или смеяться? Прodelка была злой, глумливой и неоднозначной. Чего-чего, а с юмором на Украине дружили в любых ситуациях, даже если было не до смеха.

Начало войны я помню смутно. В воздухе пахло гарью. В небе кружились кусочки сажи. Жгли какие-то бумаги. И ещё атмосфера нервозности и тревожного ожидания. Вещи то распаковывали, то упаковывали. После очередного решения не ехать, неожиданно пришла машина, и мама с бабушкой, прихватив меня подмышку, в чём стояли, отправились на вокзал. Говорили на два-три месяца. Отец на всякий случай сгрёб в охапку зимние вещи и забросил их в машину. Он оказался прав. Три месяца растянулись на три года.

В бабушкиной комнате осталась моя двоюродная тётка, дочь бабушкиной сестры. Она была на шестом месяце беременности. Муж её, военный лётчик, пропал без вести в первые дни войны. Как оказалось впоследствии погиб. Ей было восемнадцать. События проходили мимо её сознания, ничуть не задевая его. Она была целиком погружена в чудо, вершившееся у неё в организме. В погожий сентябрьский денёк её потянуло на улицу. Утром она встала и долго в зеркале изучала своё лицо, слегка отёкшее за ночь. На неё смотрела совсем незнакомая женщина. Девочки как не бывало. Она нисколько не удивилась этой метаморфозе, сунула ноги в бабушкины тапочки и пошла на кухню разжигать примус. Воды в кране не было, и она наполнила чайник из ведра. Вода была припасена ещё вчера. Соседка сверху посоветовала набрать полную ванну и остальные ёмкости. Во дворе было непривычно тихо. Только где-то вдали слышались глухие раскаты. Время от времени они затихали. Она высунулась наружу. Ну и теплынь! В воздухе была разлита мягкая осенняя благодать. Хорошо бы прогуляться! Этот порыв, как рассказывала

она впоследствии, чуть не стоил ей ребёнок. Она начистила зубным порошком парусиновые туфли и выставила их сушиться на подоконник. Потом бесцельно побродила по пустой квартире, напилась чаю, съела два яблока и спустилась на улицу. Город был уже ничейный. Советы его уже покинули, а немцы ещё не вошли. Она легкомысленно направилась к центру. Тут-то она и попала в переделку. На пустынные улицы, как тараканы из щелей, стали вдруг выползать люди. За какие-нибудь пять минут тротуары заполнила толпа, молчаливая и целеустремлённая. От наплыва лиц у неё закружилась голова, и потемнело в глазах. Её отгнали к стене. Последнее, что она слышала, был звон разбитой витрины. Начались грабежи магазинов.

Она очнулась сидя на асфальте спиной к стене с широко расставленными ногами. Тень оставляла освещёнными на солнце белые носки и парусиновые туфли в грязных отметинах. Она тупо наблюдала, как через неё перешагивали возбуждённые наживой люди, ничего не замечая вокруг. Какая-то девушка помогла ей встать и усадила на скамейку в сквере. Здесь она окончательно пришла в себя.

Немцы вошли в Киев в середине сентября. Если учесть расстояние от польской границы и два с половиной месяца с начала войны, то пеший турист преодолел бы этот маршрут приблизительно за то же время. Сколько-нибудь серьёзного сопротивления, судя по всему, они не встречали. Отступление большевиков скорее смахивало на бегство. Отец в числе последних покинул город с отходящими войсками. Машины пытались остановить, резали шины, висли на подножках. Но они всё же успели проскочить на левый берег. Через пару минут мост взлетел на воздух. Возвращаться советы, видимо, не собирались. Иначе чем объяснить героический и совершенно бессмысленный подвиг киевского подполья — уничтожение Крещатика. Никаких стратегических объектов на главной улице города не было. Немцам особого ущерба взрыв не нанёс. Зато фейерверк получился изрядный. Центр полыхал, по рассказам очевидцев, добрых две недели. Когда всё улеглось, по Крещатику среди руин снова петляла узкая тропка, как в далёкие времена, когда он был Козьим болотом, оврагом поросшим осокой и орешником. На ближайшие пять послевоенных лет работы хватило с головой. Субботники, воскресники, кампании в защиту мира, против атомной бомбы, неоколониализма и поджигателей войны. На разборку битого кирпича и камня поднимали предприятия и трудовые коллективы. Радио и пресса не жалели красок для описания энтузиазма. О том, что увечья городу были нанесены самими энтузиастами, никто даже не заикался. Мы жили в мире иллюзий и юбилеев. Особенно почитаемым было седьмое ноября, годовщина октябрьской революции, торжество из области большевистской мифологии. Для большей достоверности школьные учебники были снабжены якобы документальными фотографиями. Это был плод фантазии Сергея Эйзенштейна, кадры из фильма к десятилетию Октября. Кто знал об этом, постарался тут же забыть. «Октябрь» попал под гриф «для специального показа». Мне лично особенно нравился штурм Зимнего. Когда на дворцовые ворота с двухглавым орлом карабкались революционные солдаты и матросы. Здорово и запомнилось на всю жизнь! На проверку Октябрьская революция оказалась делом рук советского кино, таким же, как покорение Дикого Запада — творением режиссёров и сценаристов Голливуда. Никаких подтверждений шумному судьбоносному событию документальные источники не давали. Это был обычный карманный переворот, правда, с далеко идущими последствиями. Никто его и не заметил. Петроград в тот день семнадцатого года жил обычной рутинной жизнью большого города. Но со временем праздник набирал силу, вобрав по дороге уцелевшие обломки предшественников. Он как бы служил традиционным завершением сельскохозяйственного цикла, глубоко засевающим в генетической памяти земледельцев, что-то вроде нового года до

петровской Руси. Да ещё и магия чисел. Начало нового мира, как и рождение Иисуса, отмечалось тоже седьмого. К очередной годовщине обязательно готовился пуск какого-нибудь агрегата, постройка дома, трамвайной или конвейерной линии. Обойтись без этого было невозможно. Взрыв Успенского собора двенадцатого века, надо полагать, был тоже подарком к славной дате. Позже подпольщики яростно отрицали свою причастность к нему. Но привезти и заложить незаметно пару машин взрывчатки ещё до прихода немцев, кроме тайных служб, было больше никому. Да и почерк выдавал с головой. Методика была отработана ещё в тридцатые на Михайловском златоверхом. Сосед Владимир Яковлевич, бывший диктор на радио, вспоминал, что взрыв случился ночью и схож был с землетрясением. Ему не спалось. Было душно, как перед грозой. Он надел халат, достал шахматы и журнал из шкафа и расставил фигуры, тщательно сверяя с условиями задачи. Потом зевнул и решил лечь снова. И тут неожиданно грохнуло. Фигуры заплясали и плавно поехали с доски. Утром на месте золотых бань собора грудились глыбы плинфы, византийского кирпича, цементированного на века почти тысячу лет назад раствором на куриных яйцах.

Освобождение Киева тоже было приурочено к седьмому ноябрю, хотя, по мнению военных специалистов, это была стратегическая ошибка. Форсирование Днепра у Лютежа стоило тысяч жизней. Жертвоприношение во славу революции, служение которой к тому времени превратилось в культ. Люди были не в счёт. Главное утвердить неизбежность события в день, predetermined историей.

Наверное, взирая с небес на побоище, господь Бог даже и не пытался остановить кровавую мясорубку. Участники бойни поклонялись иным земным идолам. Это было делом их рук. Пусть сами и расхлёбывают! И в отчаянии отвернулся, дабы не видеть бессмысленной гибели своих заблудших овец.

Один молодой учёный, мой знакомый, с оригинальным взглядом на события мировой истории и вовсе считал европейские войны двадцатого века всего лишь прологом самоуничтожения белой расы, предвестником её заката в грядущем тысячелетии.

Ничего похожего никому и в голову тогда не могло прийти. Горизонты были ограничены днём сегодняшним. Все на пределе сил барахтались в трясине войны и ждали с надеждой лишь её окончания.

Возвратились мы в Киев в апреле сорок четвёртого через полгода после освобождения. Все волновались. Как там? Что уцелело? Как наш дом? Поезд тихо без гудков подъезжал к перрону. За окном проплывали и растворялись как в парном молоке силуэты каких-то строений. Город тонул в тумане. Всё казалось таинственным и загадочным. Было влажно и тепло. Я впервые увидел каштаны с набухшими почками. В туманной размытости они выглядели огромными величиной с кулак. Густая мгла гасила все звуки. В тишине раннего утра слышны были только редкие шлепки капель, перезревших от собственной тяжести. Какая-то сладкая истома поднялась во мне и охватила всё тело. Это были чары древней земли, которые она щедро источала тем весенним апрельским утром.

Наша квартира была занята, и нас временно приютила моя двоюродная сестра Варя. Двухэтажный особняк на Тимофеевской, нынешнее румынское посольство, являл собой типичный образчик настоящей вороньей слободки. Дом трещал от перенаселённости. Где только не жили. В маленькой пристройке-кладовке обитал странный старичок Ксаверий Константинович. По утрам к нам забегала почесать язык, как говорила Варя, Лина Казимировна, полная дама с усиками. Оперативную сводку с фронтов кухонных батальи Лина сдабривала жизнеописанием Ксаверия

Константиновича. Она выдавала его порциями, наподобие современных сериалов, и обрывала на самом интересном месте. Продолжения все ждали с нетерпением.

Я понемногу осваивал новое жизненное пространство. С компанией дворовых мальчишек мы случайно наткнулись на люстру. Кто-то зарыл её во дворе до лучших времён. Не помню, была ли там сама люстра, но подвесок мы обнаружили предостаточно. Во всяком случае, колотить их хватило дня на два. При ударе о кирпичную стенку они издавали мелодичный звон и разлетались на сотни сверкающих осколков. Это было острое эстетическое переживание. Наверное, подобное испытывали вандалы при погроме римских дворцов и храмов. После первых беспорядочных попыток элементарного вандализма мы перешли к более изощрённой форме. На стене дома была очерчена окружность с концентрическими кругами и яблочком посередине. С десяти шагов требовалось попасть в цель. Победитель получал право внеочередного удара. Это были забавы военного времени. Эхо, выпущенного на волю инстинкта разрушения, отзывалось в наших играх хрустальным звоном растерзанной люстры. Накал спортивных страстей, между прочим, случайно засёк Ксаверий Константинович. Он как-то виновато улыбнулся, словно ненароком подсмотрел что-то неподобающее, и, опустив голову, ускорил шаг. Никто такого не ожидал. Мы уже ошетинились. Дать отпор старику не составило бы особого труда. Словарный запас позволял с избытком. Но такой поворот обезоруживал. Охота бить стекло в тот день как-то сама по себе пропала. Вот если бы он что-то сказал! Но он прошёл молча. Было в нём что-то нездешнее.

С этого дня интерес к Ксаверию Константиновичу у меня усилился, и я стал прислушиваться к откровениям Лины. В пору своей молодости она занималась балетом. С трудом верилось, что эта туша могла порхать в воздухе как бабочка. Но на пожелтевших фотографиях юная красавица в пышных юбках, вне всякого сомнения, была она. На все случаи жизни Лина реагировала одинаково. «Ну, понятно!» — говорила она басом и всегда попадала в точку, были ли то крестины, именины, свадьбы, разводы или похороны. Однообразие формы искупалась богатством содержания. Как подлинный художник, в интонациях Лина никогда не повторялась. Это лишнее раз подтверждало её талант и творческую одарённость личности.

Сериал о Ксаверии Константиновиче уже переваливал за половину и катил к завершению. Можно было составить определённое представление о старике. Он был внебрачным отпрыском старинного дворянского рода, сыном французенки-гувернантки. Звали его вовсе не Ксаверий, а Ксавье. Хотя после смерти отца знатные родственники его не признали, жили они с матерью в достатке и образование он получил достойное. Революция смела все планы. Родня сбежала во Францию, а они с матерью застряли в Киеве. Должны были укатить через Крым в Стамбул и дальше. Но после болезни старуха утратила способность передвигаться, и жизнь его превратилась в сплошное служение матери. До войны он работал в каком-то журнале не то переводчиком, не то курьером. Даже когда он остался один, двигаться куда-либо дальше было уже поздно. Возраст брал своё. Знание европейских языков открывало ему и при немцах какие-то перспективы. Но сотрудничать с оккупантами он наотрез отказался. Он был дважды патриот. Русский и французский. На жизнь он зарабатывал продажей папирос. Покупал их в пачках на табачной фабрике и торговал поштучно.

Однажды Лина между прочим сообщила, что у Ксаверия полон Париж богатых родственников.

— Вот и взяли бы старика к себе, — сказала бабушка.

— Ну, понятно! — пробасила Лина и конфиденциально шёпотом добавила, — переговоры уже ведутся...

Она многозначительно кивнула и исчезла за дверью.

Это подогрело интерес к следующему выпуску. В очередной программе, прежде чем перейти к сути дела, Лина долго распространялась о своей несчастной судьбе. В юности она влюбилась и пожертвовала всем для любимого. Ей пророчили карьеру звезды. Но видному инженеру плевать было на духовные запросы супруги. Ему нужна была домохозяйка. Ребёнка родить она не смогла. Домработница, подумав только, стерва пятнадцати лет от роду мгновенно всё сообразила и улеглась к нему в койку. Это стало заметно. Член партии должен был замять скандал и тут же повторно женился. У невесты не было даже паспорта, зато живот торчал как утюг. Ежегодно она как кошка приносила ему по ребёнку. К двадцати годам их было уже четверо, но инженер был счастлив. О большем он и не мечтал. А она-то, артистка по призванию, ради этого животного загубила свой талант, рассталась с балетом, мечтой её жизни. И теперь художественная натура вынуждена была зарабатывать на хлеб собственными руками. Лина вязала на спицах и держала жилищку Ньюру Лош. В противоположность хозяйке Ньюра была тощая, как вобла. Она тоже была не без амбиций, но сломанная лодыжка опрокинула тайные замыслы переплонуть Павлову. Утрата квартиры на Крещатике окончательно посадила её на мель. Так Ньюра оказалась в закутке за ширмой у Лины.

— Я беру ведь с неё копейки, — отметила Лина и без всяких переходов переключилась на Ксаверия. Он, оказывается, уже получил несколько писем оттуда. Лина кивнула головой куда-то в сторону и многозначительно сделала глазами. И как это он не боится! Разыскали его через Красный крест.

— Чего старику бояться? Жизнь позади... Огонь, вода и медные трубы тоже! — сказала бабушка.

— А я бы могла его сопровождать, — мечтательно вздохнула Лина.

— И в качестве кого же? — полюбопытствовала ехидно бабушка.

— А если человеку нужна будет помощь в дороге? Хорошая компаньонка никогда никому не вредила! — отрезала Лина и хлопнула дверью.

— Да она бьёт под него клинья, — сказал мама.

— Ну, понятно! — голосом Лины пробасила Варя. И все рассмеялись.

Утром Лина во дворе натягивала влажные платки на пальцы. После стирки из серых они превращались в белые. На квадратных рамах всё смотрелось совсем по-другому. На платках появлялся узор из дырочек, а на кромке фестоны там, где края цеплялись за гвоздики. Торговые операции вела Ньюра и, видимо, небезуспешно. Дамы не бедствовали. Иногда у Лины бывали даже приёмы: обломки кордебалета и ещё какие-то личности в старорежимных шляпках и бангах вместо галстуков. Коллектив, оставив у порога боты и галоши, пил магазинную «казёнку» и закусывал холодцом из свиных ножек и консервами «бычки в томате». Из-за полуоткрытой двери неслись аппетитные запахи и здравицы во славу хлебосольной хозяйки.

— Я могу себе позволить! — говорила Лина на следующий день на кухне, чтобы снять вопросы и комментарии. — Журфиксы у нас в семье всегда были традицией. — Последнее предназначалось для Ксаверия. Но он, как отмечали очевидцы, ни ухом, ни рылом. Картошка его, похоже, занимала больше намёков на благородство лининового происхождения.

С раннего утра актив обшняка отбывал на Евбаз. Базар был местом приложения интеллектуальных и физических усилий, а главное кормил. Купить здесь можно было всё, от иголки до слона. Только надо было предварительно догово-

риться. Рынок находится почти рядом. Два шага до бульвара, а там рукой подать. Скопление людей давало о себе знать, как близость моря, отдалённым гулом. Подобно магнитной горе «Тысяча и одной ночи», торжище притягивало к себе ещё издали. Стоило вырлиться на бульвар, как ваш корабль тут же попадал в поле притяжения. Ноги сами несли вниз, а взгляд тянул к котловине площади. Всё её пространство до самого Воздухофлотского моста было забито рундуками, прилавками, лотками. Среди них бурлила и кипела страстями человеческая магма. В основном перекупщики всех мастей, спекулянты и разного рода тёмные личности. Война выбросила за борт кучу народа, которому нужно было как-то кормиться. В поисках хлеба насущного здесь толкались десятки оборванцев. Базар давал возможность что-то заработать, на худой конец выпросить или украсть. Типичными представителями местной фауны были воры, мошенники, нищие и откровенные грабители. Вся эта компания жила по своим неписанным законам, выработанным ещё в пору, когда Евбаз был всего лишь заурядной барахолкой местного значения. Здесь во второй половине XIX века в районе Галицкой площади было дозволено селиться евреям. Предприимчивый народ не мог не воспользоваться выгодным местоположением. Близость вокзала и перекрёсток торговых путей — о чём ещё можно было мечтать? Базар возник естественно и спонтанно как бурьян при дороге. Бывали у него взлёты и падения. Но законы оставались неизменными. Право волчьей стаи с поправкой на текущий момент. Верховодили криминальные авторитеты с иерархией блатных и шестёрок. Субординация была достаточно жёсткой и беспощадной. Кто выходил из подчинения мог заплатить жизнью. Право сильного зачастую утверждалось кровавой поножовщиной. В общем, настоящее государство в государстве. Разгул необузданной вольницы служил всего лишь видимостью. В сущности всё было схвачено. Сливки криминальной элиты числились в агентурной картотеке КГБ. Воры в законе отработывали право на жизнь в обмен на нужную информацию. При случае ею можно было воспользоваться, если события выходили из-под контроля.

Настоящие золотые деньки для Евбазы наступили после оккупации. Прилавки, захиревшие было на подножном корму оккупационной диеты, вдруг ожили под наплывом трофеев и «американских подарков».

Трофеи с поля боя для всеобщего обозрения были сосредоточены на специальной выставке в Пушкинском парке. Народ валом валил. Грозная техника живьём стояла под деревьями, отгороженная от посетителей только верёвками. Но весь этот металлолом базар не интересовал. Не было спроса. Интерес к нему появился значительно позже, когда время сделало своё дело, и он приобрёл статус раритета. Для мальчишек же трофейная выставка была настоящим праздником. Все эти «пантеры», «тигры», «ягуары» можно было, если внимание зрителей ослабевало, попробовать на зуб, взгромоздиться на башню, а при случае, даже засунуть нос в кабину, и что-нибудь отвинтить, что ещё оставалось не отвинченным.

В специальном павильоне под стеклом экспонировались мундиры, амуниция, знаки отличия, стрелковое оружие. В витринах навалом лежали железные кресты и всякие другие награды. Ещё недавно о них мечтали, жаждали, отдавали жизнь. Сейчас это была лишь груда металла, утратившего какой-либо символический смысл.

Экспонаты являли собой только вывеску, лицевую сторону медали. Понятие трофеев было значительно шире. Всё, что удавалось стащить из Германии, попадало под эту категорию. Тянули всё подряд, но в основном всякий мусор. Любый ширпотреб в стране победившего социализма казался необыкновенным сокровищем. Наша жизнь отличалась хроническим дефицитом самого необходимого. Офи-

циально вещизм считался буржуазным пережитком. Скрамность быта вождей возводилась в норму. Казалось, что по-другому и быть не должно. Отсутствие информации открывало простор для пропагандистских уток об обнищании рабочего люда на Западе и всякого такого.

И вдруг столкновение лицом к лицу с реальной Европой. Это был шок! От обилия предметов непонятного назначения кружилась голова. За послереволюционные годы народ достаточно одичал. Из полоскательниц на ресторанных столиках освободители лакали воду, а фасонные тётки из обоза к ужасу местного населения напяливали на себя в театр трофейные ночные рубашки, принимая их за вечерние платья. Варвары с востока, какими мы были в глазах освобождённых народов Европы, нагоняли страху не меньше цивилизованных партайгеноссе.

Конечно, мародёрству ставили заслоны, но соблазн был уж очень велик. Противостоять искушению было невозможно. Даже сам отец народов не смог удержаться и прихватил под предлогом спасения Пергамский алтарь и Дрезденскую галерею. Правда, после смерти великого учителя всё пришлось вернуть, кроме золота Атридов. Троянский клад Шлимана удалось всё-таки заморочить. Но как говаривали в старину: «Горе побеждённым!» Хватательным рефлексом от других исторических персон вождем не отличался. У него была куча предшественников. Ну, хотя бы Наполеон. Великий полководец тоже имел слабость к чужим картинам. Особенно итальянским.

Из-за чрезмерной любви к искусству погорела вместе с мужем генералом и Лидия Русланова, певица и всеобщая любимица, и угодила в Сибирь. Отец народов был крутой, но справедливый. Так считали на Евбазе. Ранги и звания были ему ни почём. Тем более что супруги явно перебрали. Тянули домой, по слухам, целый вагон антикварного добра.

Если верхи позволяли себе всякие вольности, то, что уж говорить, о низах. На многое рассчитывать не приходилось. Но кое-что перепало. Мой дядька Павел тащил из Восточной Пруссии велосипед, предмет зависти мальчишек нашего двора. Мы жили тогда уже на Чкалова. Местом сбора нашей компании было несколько противотанковых ежей, которые всё ещё торчали на улице против дома. Три рельсы, перехваченные посредине чугунной болванкой, были сиденьем не самым удобным, зато всецело нашим. Садиться на них больше никто не решался. Однажды в разгар бурной дискуссии о судьбе Гитлера после победы к нам подрулил на трофейном сокровище мой дядя, усадил меня на раму, и мы с шиком поехали прокатиться. Совсем недавно он расписался с папиной сестрой в Пруссии. Она была угнана в Германию на принудительные работы. Первым освободителем, кого она увидела в проёме двери фермы, где она раздавала сено коровам, был Павел. Солдат был ладным, чернявым и весёлого нрава. Это была любовь с первого взгляда. Так Павел стал нашим родичем. Молодая кровь бурлила в его жилах, и он гнал велосипед как бешенный. Ветер свистел в ушах, камни мостовой неслись навстречу с сумасшедшей скоростью. От страха я мёртвой хваткой вцепился в руль. Павел доверительно дышал мне в ухо, и я понемногу пришёл в себя. Как выяснилось, напрасно. То были лишь цветочки. Это стало ясно, когда мы очутились на Правительственной площади, нынче Михайловской. Площадь была безлюдной, усыпанной битым стеклом. Окна обкома, теперешнего министерства иностранных дел, равнодушно взирали на нас пустыми глазницами. Тут уж никто не мешал разгуляться, и Павел полностью отпустил удила. Велосипед словно сорвался с катушек и стал выкидывать такие колёнца! От ужаса я не мог даже крикнуть. До сих пор не могу понять, как мы не сломали шеи или не прокололи шин. Куражу подбавили ещё и зри-

тели. На площади появились две девицы и стали громко отпускать замечания в наш адрес. Видимо Павел казался им ковбоем, обезжающим норовистого коня. Они явно с ним заигрывали. Но он, как и подобает виртуозу, и ухом не вёл. Правда, под занавес, сделав круг почёта, благодарно махнул ей рукой на прощанье.

Трофеи рано или поздно через ряд перепродаж оседали на Евбазе и только тут обретали окончательную цену. Самым прибыльным товаром были наручные часы и иголки. Переправить их через границу ничего не стоило. Места они занимали мало, а доход давали приличный, особенно часы. К торговле ими допускались только свои — местные спекулянты со стажем и крышей. Любые попытки нарушить монополию заканчивались плачевно. Залётным дебютантам делать тут было нечего. Товара можно было лишиться в момент, да ещё и получить по шее в придачу. Торговля шла бойко. Опытный продавец с безошибочной точностью распознавал в толпе потенциального клиента. Товар предлагали элементарно просто. Стоило распахнуть полы, и весь ассортимент был налицо. Ещё проще было с иголками. Тут и таиться было нечего. Потребителями были в основном женщины, все без исключения. Особой квалификации торговцу и вовсе не требовалось.

Вместе с трофеями в нашу жизнь ворвалась как вихрь и роскошная «девушка моей мечты» Марика Рёкк. Кинотеатр «Ударник» был под боком. Сейчас здесь театр «Браво». Бить чёткую неугомонная красавица начинала с раннего утра и заканчивала поздно ночью. Последний сеанс был в половине двенадцатого. Заезженная до дыр копия ежеминутно рвалась. Зал нетерпеливо свистел и истошно орал «сапожники!». При склейке механики вырезали целые куски для сбыта ярым поклонникам. Изображение, исполосованное царапинами, беспрестанно дёргалось, но это не снижало удовольствия. Привкус клубнички добавлял фильму дополнительную пикантность. Картина не сходила с экрана месяцами. Это была отдушина, куда можно было на пару часов ускользнуть от реалий жизни.

В то время как тень рыжеволосой красавицы дурманила Евбаз несбыточными грёзами, её реальный прототип, голодная звезда третьего рейха бродила по улицам Зальцбурга в поисках пищи. Солдаты узнавали её и подкармливали нехитрой едой из полевых кухонь. Она и не подозревала, что по популярности могла бы быть на равных с самым великим кормчим и учителем.

Никто из создателей фильма не предполагал, что картина станет столь знаменитой, хитом по обе стороны фронта. Заканчивали съёмки под завывания сирен воздушной тревоги. Режиссёра заботило только одно: поскорее отстрелять сцены с участием жены, до того как станет заметна беременность. Марику всё время потащивало. Но она понимала — расслабляться нельзя, даже когда удержаться от подступающей дурноты было почти невозможно. По каким-то особым признакам партнёр по танцам угадывал её состояние и в критический момент мгновенно отскакивал в сторону. Белый фрак берегли как зеницу ока. Достать ещё один такой тогда уже было нереально.

Финал картины в тёмном зале «Ударника» обычно сопровождался глухим стуком крючков о деревянную обшивку двери. Билетёрша отпирала запоры на выход. Это был самый ответственный момент. В темноте можно было незаметно проскользнуть в зал и спрятаться где-нибудь за шторой или в нише за батареей отопления до следующего сеанса. Официальная мораль считала фильм, чуть ли не порнухой. Для детей до шестнадцати он был под запретом. Это ещё больше подогревало к нему интерес. Для страховки цензура, на всякий случай, обкорнала ленту даже на целую часть. Слишком разухабистым показался канкан, пугавший до смерти парижских блюстителей нравственности ещё в XIX веке. Сегодня «Де-

вушку моей мечты» крутили бы и в дошкольных детских учреждениях. Со стороны нарушения сексуальных табу картина была сама невинность. Звучали последние аккорды. Зажигался свет. Нетерпеливые зрители толчком ноги распахивали дверь, и очарованная толпа вываливалась во двор. К реалиям дня возвращало зловоние мусорного ящика и разбегающиеся во все стороны крысы, напуганные большим количеством людей. Одного или двух человек они обычно во внимание не брали.

На улице, выстроившись в ряд, поджидали седоков извозчики. У стены скулчили со своими ящиками чистильщики и время от времени зывали клиентов, ритмично выстукивая щётками: «Чистим-блистим сапоги! Чистим-блистим сапоги!»

Нищие всех сортов поражали всех своими увечьями. Большинство выдавало себя за инвалидов войны. Хотя молва утверждала, что это немцы рублили руки вора́м.

Окружённые кучкой болельщиков вовсю трудились напёрсточники. Подсадные утки время от времени для вида срывали куш, подначивая простаков. Ставки были небольшими, но игра затягивала, и за считанные минуты можно было легко спустить всё. Причесав очередного лоха, бригада на всякий случай меняла позиции. Импровизированное казино обладало сверхмобильностью. Игорный стол умещался на крышке ящичка, а три стаканчика или три карты составляли весь реквизит. В руках манипулятора-виртуоза они превращались в важнейший инструмент охмурения - дьявольский соблазн лёгкого и доступного выигрыша.

— Красна выиграёт, чёрна проиграёт! Чёрна проиграёт, красна выиграёт! — звучало как заклинание.

В многоголосье выкриков всех покрывали торговцы водой.

— Кому воды холодной?! — слышалось со всех сторон. Воду предлагали из пятилитровых бутылей, закутанных в ватник, чтобы не грелась. Стакан ополаскивали в ведре. С гигиеной особенно не церемонились.

Что говорить, Евбаз был местом ярким и опасным. Мне было запрещено приближаться к нему на расстояние пушечного выстрела. Ноя, понятно, тайком нарушал эти запреты. Самым привлекательным для мальчишек на базаре был цирк. Тогда на площади не было и в помине ни универсама «Украина», ниobelиска Победы, ни здания цирка. На его месте высился огромный шатёр шапито. Бесспорным гвоздём программы был Кио отец. Его аттракцион со сжиганием и распиливанием ассистентки, впервые появившийся в это время, был настоящей сенсацией. Он одинаково привлекал и взрослых и детей. Билеты на представление достать было невозможно.

Разгадка трюков тревожила умы. Мы выдвигали самые невероятные версии. Но ясно было одно: это какой-то хитрый обман. Не мог же иллюзионист, в самом деле, привселюдно сжечь или распилить живую женщину.

Гораздо убедительнее и без дураков работал другой артист со звонким именем Сандро да Деш. Как истинный джентльмен он появлялся на арене в крылатке и цилиндре, садился за столик, лёгким движением ног снимал одну за другой лакированные штилеты и начинал продельвать ногами то, что обычно люди делают руками. Ступни у него были белые и холёные. Он доставал пальцами ног пачку сигарет из кармана, открывал её, закуривал, наливал из графина вино, брал бокал и делал глоток. Дальше всё в том же духе. Это производило сильное впечатление. Но, кроме определённой сноровки, было в этом что-то пугающе неестественное. Артист никогда не показывал рук. Злые языки утверждали, что у него их и вовсе нет, и это ставило его в один ряд с жуткими попрошайками Евбазы.

К лету мы перебрались на Чкалова. Евбаз остался где-то внизу. Лина Казимировна, Нюра Лощ, Ксаверий Константинович и вся воронья слободка ушли из моей жизни навсегда, как потом исчезали из неё тихо и незаметно десятки людей.

Мы постепенно переносили пожигки. В горячке переезда я расколотил зеркало. Это была дурная примета. Ничего хорошего она не сулила, и я очень переживал. Я был страшно суверен, как и большинство моих сверстников. Все мы верили в чёрную кошку, в пустые вёдра и многое другое. Стоило юркому животному перебежать дорогу, как я битый час мог проторчать в ожидании, пока кто-нибудь не пересечёт воображаемую линию кошачьего пути. Завидев священника, я лихорадочно хватался за пуговицу. Даже в старших классах я был твёрдо убеждён, что если споткнуться на левую ногу, то с невыученным уроком пронесёт, и тебя не вызовут. По дороге в школу я изо всех сил симулировал примету. Задрав голову повыше, я пёр как танк на все кочки в округе. Левые подмётки на обуви у меня постоянно были сбиты, и мама всё время удивлялась, что это у меня за походка такая!

Понятно, что история с зеркалом отравила радость переезда надолго. Зеркало было самое ординарное, размером с большую книгу. К деревянной основе оно крепилось плоскими металлическими скобками. Его можно было ставить, где угодно. Сзади его поддерживала подставка. Не могу понять, кому и почему пришлось в голову доверить мне такой хрупкий предмет. Скорее всего, из-за его лёгкости. Варя всё тщательно подготовила: в несколько слоёв завернула зеркало в вафельное полотенце и уложила в авоську. Напутствия и предостережения пролетели мимо ушей и вот, наконец, я на улице. Весеннее утро играло солнечными бликами, шумно суетились воробьи, каштаны в белых свечках соцветий источали накопленный за ночь горьковатый запах. Беспечно размахивая авоськой, я благополучно миновал Тимофеевскую и повернул на Чкалова. Дальше курс лежал по прямой до самого дома. Там, где сейчас висит облицованная белой керамической плиткой брежневская многоэтажка, доживали свой век мещанские развалюхи неизвестного происхождения. В палисадниках буйно цвела сирень. Душистые гроздья нависали над самой головой. И тут меня вдруг осенило. Хорошо бы рядом с зеркалом поставить букет вот такой махровой персидской сирени! Проснувшийся инстинкт художника заявил о себе решительным действием. С размаху я приставил авоську к каменному цоколю. Только успел я протянуть руку к цветам, как распахнулось окно, и оттуда полился поток таких отборных ругательств, как будто там только и ждали того и всю жизнь готовились. Я схватил зеркало и пустился наутёк.

Немного отдышавшись, я вдруг спохватился: бегство сопровождалось каким-то подозрительным звуком, напоминающим скрежет. Нехорошее предчувствие шевельнулось во мне. Резким движением я отдернул полотенце. И о, ужас! Из авоськи на меня смотрела исчерченная трещинами на фрагменты, смещённые как у кубистов, моя перепуганная физиономия...

— Ребёнок не виноват, — сказала бабушка, собирая в мусорное ведро осколки зеркала.

— Ну, такая как у всех! — отразила вызов бабушка.

Но мама в ответ только пожала плечами. Вообще мама была человеком лёгким и отходчивым. О зеркале она через пять минут уже и не вспоминала.

Бабушка была личностью иного склада. Она была идеалисткой и жаждала от мира гармонии и справедливости. Из таких правдоискателей формировался основной контингент колымских концлагерей. Инстинкт самосохранения сужал её деятельность до масштабов коммуналки. Зато в узкой сфере она ощущала себя

настоящим борцом за идею. В сражениях местного значения ей было дано испытать счастье подлинного вдохновения.

— В конце концов, дело не в двадцати копейках! — бросала она самозабвенно в лицо противнику при распределении платы за свет, — вопрос в принципе!

Принципы утверждались регулярно из месяца в месяц, пока у каждой семьи не появился отдельный счётчик. Скандалы сместились в другую плоскость, зато теперь на кухне, в ванной и туалете горело по пять лампочек. В туалете на небольшом пространстве стены над дверью лампочки живо напоминали праздничную первомайскую или ноябрьскую иллюминацию. Забытые, они могли бесплодно освещать унитаз часами. Но стоило кому-то зайти в уборную, воспользоваться даровым освещением, как в комнатах мгновенно начиналось щёлканье выключателей, гирлянда начинала постепенно угасать, а нечестивец рисковал остаться в полной темноте. Справедливость блюлась очень ревностно, по крайней мере, в нашем сортире как, впрочем, и на кухне. Здесь, в ограниченном пространстве, бабушка чувствовала свою причастность к делу утверждения правды и добра на земле. Остальную ойкумену она попросту игнорировала, считая её вне пределов собственной компетенции. Даже случайные попытки высунуть нос за установленные границы категорически пресекались. Однажды мама под впечатлением потока мемуаров о вожде мирового пролетариата выдвинула такую гипотезу: «Мне кажется, — сказала она — что я тоже видела Ленина». На что бабушка, подозрительно оглядываясь по сторонам, прошипела: «Молчи, дура!» Конечно же, это было грубо и бесцеремонно, но, судя по жизненному опыту, благоразумно. Дополнительных комментариев не требовалось. Всё было высказано с предельной ясностью. Мама даже не обиделась. Тема была закрыта.

Той весной мама носила платье с крылышками из синего вязкого шёлка в букетик. Молодой и улыбающейся в солнечных бликах и почему-то у паркета набережной, она осталась у меня в памяти на всю жизнь. В моём детском воображении мир представлялся мне чем-то вроде стопкадра, где всё застыло на своих местах раз и навсегда. Дети, подростки, взрослые и старики — все эти возрастные группы существовали в замкнутом постоянстве, никак не переливаясь друг в друга. Картинка была чем-то сродни стабильной неизменности звёздного неба. Мне и в голову не могло прийти, что извечность небосвода, слайд, который еженощно прокручивает Всевышний в своём ночном планетарии — всего лишь иллюзия. Земные сроки человека слишком коротки, чтоб уловить движение звёзд.

В то время мама уже работала в военном госпитале на Рыльском переулке. После войны в здании с рычащими мордами львов у входа обосновалась ВПШ, высшая партийная школа, а в годы независимости банк «Украина» до того как лопнул, а потом и министерство юстиции.

И госпиталь, и мамино платье прочно были связаны у меня с американскими подарками. Американскую помощь мы получали тогда, как все говорили, по лендлизу. Что это значит, толком никто не мог объяснить. Но позже, когда я заглянул в словарь, это дословно переводилось, как дать взаймы безвозмездно, короче отдать за спасибо. Понимали мы всё верно. Одного только не могли уловить, почему братья по оружию медлят с открытием второго фронта. Разговоров было много, но воз всё время стоял на том же месте. Наверное, для очистки совести, как все полагали, союзники оказывали щедрую материальную помощь. Американское вливание шло по Северному морю через Мурманск. Конвой частью подвергался наскоку немецких субмарин. Что-то доставалось рыбам, но многое благополучно прибывало к месту назначения. В городе появились американские студебеккеры и

виллисы, а на Евбазе стали торговать яичным порошком на стаканы и всякой экзотической всячиной.

В студбеккере боковые борта состояли из зелёных деревянных планок. Две верхние были закреплены наглухо, но остальные держались на щеколдах. Если их повернуть, планки опускались и превращались в откидные скамейки с ножками. Такая метаморфоза жутко нравилось, но в кузов нас старались не пускать. У взрослых вызывала головную боль наша возня со скамейками.

Яичный порошок я с аппетитом поедал столовой ложкой, хотя, если разболтать его с мукой и вылить на сковородку, получался неплохой омлет. Смотреть, как медленно отвердевает и вздувается жидкая масса, было выше всяких сил. Голодный желудок требовал своё. Любое промедление выглядело пыткой и издевательством. Да и сухой порошок был ничуть не хуже, даже вкуснее. Говорили, что его делали из черепаховых яиц. Но какое это имело значение.

Ни яичный порошок, ни все вместе взятые деликатесы не шли ни в какое сравнение со свиной тушёнкой. Благоуханное розовое мясо, пропитанное белым смальцем и пряностями, в золотистых жестяных банках было предметом гастрономических вожделений и мечтой всех без исключения обитателей нашего города. Для подавляющего большинства это была истинная пища богов. Такой казалась она и мне.

Посредине комнаты у нас на четырёх ножках возвышалась буржуйка. Колено трубы выходило в форточку, зашитую металлическим листом. Растопить печурку было не так-то просто. Надо было иметь определённый навык и сноровку. У новичков все попытки зачастую заканчивались полной комнатой дыма, от которого слезились глаза. Ежевечерний ритуал растопки имел свои секреты и последовательность действий. Мы с бабушкой владели ими в совершенстве. Щепки были просушены ещё с вечера. Сложить их на колосники особым способом, чтобы воздух имел свободный доступ, мы наловчились. В общем, растопка никаких затруднений у нас не вызывала. От огня в комнате становилось тепло и уютно. Прислушиваясь к гудению пламени в печной трубе, остаток вечера мы проводили в ожидании мамы. Под буржуйкой к паркету был прибит квадратный лист жести. Искры из поддувала падали и гасли на нём. Тёмный след от листа ещё долго оставался на полу, куда печки уже и в помине не было.

Мама приходила с работы усталая и раскрасневшаяся от холода. В плоском солдатском котелке с крышкой она приносила из госпиталя гороховый суп со свиной тушёнкой. Остатки из котла выгребались и повара раздавали их сёстрам и нянечкам. Котелок водружался на печку, как на алтарь, и мы заморожено созерцали некоторое время завершённость композиции, пока аппетитный запах не выводил нас из этого полумолитвенного состояния. За свою жизнь мне удалось перепробовать много чего. Но с полной ответственностью могу утверждать, что ни до, ни после ничего вкуснее госпитального горохового супа с тушёнкой я никогда не едал. Все попытки впоследствии воспроизвести кулинарный шедевр оканчивались ничем. Мгновенье было единственным и неповторимым как, впрочем, и всё в жизни.

Осенью я пошёл в школу. Существование Третьего Рейха катилось к бесславному концу. Дни его были сочтены. Весной, через каких-то восемь месяцев, война закончилась. А у меня начиналась новая жизнь.

(продолжение следует)

Александр Лозовский

В НЕВЕСОМОСТИ

Повесть

Предисловие Михаила Жванецкого

НЕ ДУМАЛ, ЧТО ПОВЕСТЬ МОЕГО ДАВНЕГО ДРУГА
ПРОИЗВЕДЕТ НА МЕНЯ ТАКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ.

ПРОЧТИТЕ.

ЭТО НАШИ ЛЮДИ В НЕНАШЕЙ ЖИЗНИ.

ЭТО НАШИ ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ, ЧТО РАЗРЫВАЮТ АВТОРОВ.

ЭТО НАШИ СУПРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ, ЧТО РАЗРЫВАЮТ ГЕРОЕВ.

ЭТО НАШ ОПЫТ И НАШ ИНСТИНКТ.

В ОБЩЕМ, ПРАВЫ ТЕ, КТО УЕХАЛ, И ПРАВЫ ТЕ, КТО ОСТАЛСЯ.
СЧАСТЛИВО!

ИЗ ТОГО, ЧТО ОСТАЛОСЬ,
ВАШ ЖВАНЕЦКИЙ

Совпадения имен, отчеств и фамилий
являются случайными.

Все остальные совпадения — не случайны.
Автор

Из зеркала на него в упор, не мигая, смотрел солидный немолодой человек. Для многих скорее пожилой. Лет семидесяти с небольшим хвостиком, с каким — не стоит уточнять. Как говорила равнодушная к нему соседка Циля, он «выглядел на свои годы». Впрочем, если быть самокритичным, возможно, она ему льстила, и на вид было чуть больше. Но ненамного, на два-три года от силы. Лицо интеллигента, научного работника, немного аскетичное, хотя не худое. Вертикальные складки вдоль щек, четкие горизонтальные линии на лбу. Две короткие черточки над переносицей. Стандартная лысина, узенький венчик седых волос. Нос великоват, но здесь, в Израиле, это значения не имело. Правда, без очков лицо становилось немного растерянным и незащищенным. Но если их водрузить (Наум так и поступил), то облик приобретал решительность и основательность. Такого лица можно было не стыдиться. Даже коренные израильтяне, смотревшие на «русских» эмигрантов традиционно свысока и с пренебрежением, говорили с ним довольно вежливо, не только в организациях, но и в транспорте, и в магазине. «Доктор!» — частенько обращались к нему незнакомые аборигены. Это льстило, тем более что он здесь, на исторической родине, действительно считался доктором: именно так, солидно, звучал в Израиле не слишком уважаемый в Союзе статус кандидата наук.

Часть первая
ЖЕРТВА ПЕШКИ

1

Первоисточником всех пертурбаций в их судьбе, безусловно, была жена Наума Светлана. Светочка. За почти тридцать совместно прожитых лет она, по его мнению, не изменилась ни внешне, ни внутренне. Энергии в ней с избытком хватало на двоих — и на себя, и на мужа. И еще оставалась лишняя, которую Светочка в молодые годы расходовала на неожиданные авантюры, под принятым в их семье условным названием «комбинации». Жизненный опыт и годы ее несколько не охлаждали. Половина из этих авантюр с блеском удавалась, половина проваливалась полностью. Но жизненного кредо Светочки это не изменяло, потому что она начисто забывала провалы — таково было свойство ее памяти. Время от времени она меняла работы, квартиры, организовывала неожиданные экскурсии — к примеру, в тундру — и привозила оттуда на продажу панты — рожки молодых оленей, и прочее в этом же роде. До поры до времени это было не только терпимо, но даже интересно. А Наум так и не научился противиться ее инициативам. Просто не успевал. Для этого он был слишком инертным и медлительным.

«Уж если годы над ней не властны, то куда мне, грешному», — оправдывался он перед знакомыми. И перед собой. И это было очень похоже на правду. Она действительно на удивление мало изменялась с возрастом. И по сей день — редкий случай — у нее почти не было седых волос. Трудно поверить, но даже вес ее за эти годы не изменился. Может быть потому, что она с юности имела очень прочный задел. Светочка и тридцать, и сорок лет тому назад была столь же упитанной и столь же крупной девицей. Черноока, черноброва. Типичная Оксана. Свои внешние данные она получила вместе с фамилией Кириченко и национальностью «украинка» в наследство от отца, рубахи-парня и бравого летчика, который куда-то безвозвратно улетел, когда ей еще не было и трех лет. От матери, тихой прибалтийской еврейки и по совместительству преподавателя биологии, она унаследовала только одно качество — отсутствие антисемитизма. Тоже немало. Фамилию Кириченко Света оставляла при любых жизненных обстоятельствах, а национальность меняла по мере необходимости.

Они с Наумом были одного роста, 170 сантиметров, но Светочка выглядела значительно крупнее. Несмотря на довольно солидный вес, она все делала на удивление шустро, что тоже выглядело контрастом по сравнению с немного заторможенной вальяжностью мужа.

«*Единство противоположностей*», — время от времени сообщал Наум, склонный к многозначительному изречению прописных истин и расхожих цитат. В этом пристрастии он не видел ничего плохого — зачем изобретать велосипед, когда на все случаи жизни есть давным-давно проверенные отличные изречения, поговорки и афоризмы.

Стоит остановиться на главном, может быть, отличии в характерах супругов. Светочка была такой, какой казалась. Ей ничего не нужно было изображать или придумывать. В основе ее натуры лежали здравый смысл и любовь к жизни. Этим определялись все ее поступки. Я уже говорил, что неудачи не выбивали ее надолго из колеи. Даже измену первого мужа и последующий развод она восприняла без надрыва. И спустя год захомутила входящего в круг близких знакомых старого холостяка (на десять лет старше ее) Наума, который не слишком сопротив-

лялся этому. Наум по сей день подозревает, что еще до ее развода он был зарезервирован Светочкой как вариант «комбинации» при остывающем на глазах бывшем супруге.

И все-таки это не был голый расчет, как может показаться. И последующие двадцать семь дружных лет (срок немалый) это подтвердили. *«Жили они долго и счастливо»*, — любил под настроение информировать окружающих Наум. Так оно и было... до поры до времени. Одна беда — у них не было общих детей, основы семейной надежности. И не могло быть. Света на излете первого брака сделала аборт. Неудачно. Но Наум знал, на что идет, и решил, что один ребенок на двоих — ее сын Женя — тоже неплохо.

Итак, со Светланой Кириченко, украинкой в Советском Союзе и еврейкой в Израиле, мы разобрались. С Наумом было сложнее. Да и могло ли не быть сложностей в характере человека, который графу ФИО в многочисленных анкетах, сопровождавших нас в те времена на каждом шагу, заполнял так: «Наум Меерович Сипитинер»? И весь облик его вполне соответствовал этому имени, отчеству и фамилии.

У Наума хватало скрытых и явных комплексов. Кроме общееврейских, еще и энное количество своих собственных. К общееврейским комплексам относится (надеюсь, никто не станет с этим спорить) чуть ли не от рождения укоренившееся сознание, что всю жизнь придется преодолевать предубеждение окружающих. Но преодоление далеко не всегда окажется ему по силам, и тогда придется смириться с этой несправедливостью и терпеть. Иногда уклоняться, иногда утираться, но... всегда терпеть. Такова судьба еврея везде, а на бескрайних просторах СССР — в особенности. Не знаю, как насчет поэта в наши смутные времена, но определенно и по сей день «еврей в России больше, чем еврей». И, боюсь, надолго.

В комплексе с непреходящим чувством обиды и для уравновешивания отрицательных эмоций Наум получил в наследство еще один общееврейский комплекс. Я имею в виду очень сомнительное, но популярное убеждение в интеллектуальном превосходстве евреев. Генетически наследуемый «еврейский ум», по убеждению многих, является, с одной стороны, следствием, но одновременно и причиной многовековых гонений. А раз так, то Наум как истинный представитель еврейского народа считал своим долгом отработать этот дар по полной программе и добиться успеха в жизни любой ценой.

Он был добросовестным, трудолюбивым и дисциплинированным, но успехи давались с большим трудом. Да и особыми успехами их не назовешь. Наверно, его предки генетически передали ему не столько таланты, сколько выкованное веками свойство отличаться от остальных. Или не слишком ладить с окружающими, чем евреи нередко грешат, а ведь это в принципе одно и то же. То, что у Светы было естественным, природным — умение легко вписываться в любую обстановку, — ему давалось с трудом. Наум не мог жить в согласии с собой и миром, как ни старался, какие огромные и сознательные усилия к этому ни прилагал.

Родители его были малограмотными евреями — первое поколение, перебравшееся из маленького еврейского местечка, не столь давно еще черты оседлости, в большой город. Мать — громкоголосая, хозяйственная, но не слишком аккуратная, традиционная «идише мама», отец — маленький бессловесный подпольный делец. Артельщик, как это тогда называлось. Судя по доходам семьи, он не напрасно рисковал свободой, кое-что в доме было, включая дачу.

Науму в родительском доме шарм, как вы понимаете, приобрести не удалось. Пришлось выработать его искусственно, самовоспитанием. Он неуклонно старался приобрести привычки солидного, глубоко интеллигентного человека, все-

гда сдержанного, тактичного, умным и добрым взглядом посматривающего сквозь очки на окружающих. Со временем внешне стало получаться, и все-таки... все-таки контакты с людьми ему давались не слишком легко. Особенно с сотрудниками и начальством. Чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, ворчливое недовольство. Может, и зависть, в чем Наум даже самому себе не хотел признаваться. А это успехам не способствовало. Трения могли бы быть компенсированы серьезными и очевидными способностями, но для всех Наум оставался только добросовестным и неглупым работником с не слишком, увы, легким характером. В НИИ пищевой промышленности, где он много лет протрубил не за страх, а за совесть в ранге начальника сектора, на должности чисто символической, его обходили многие, в том числе и евреи. И кандидатскую диссертацию он защитил только в тридцать восемь лет. О ней упоминать Наум не любил, потому что в названии наряду с красивыми научными словами были и «картофельные очистки». Какая организация, такая и диссертация. Завотделом был некто Сиперштейн, лет на десять моложе его и даже не кандидат. Как можно было объяснить все это самому себе? Только одним: в отличие от иных конъюнктурных приспособленцев, его в первую очередь интересует само дело, а не отношения с начальством. Примерно так. Впрочем, Наум в глубине души и сам в этих объяснениях сомневался.

«Принципиальный ты наш», — добродушно посмеивалась над ним Света. Но ничего от него никогда не требовала. Она и не ждала от него трудовых и карьерных подвигов. Впрочем, человек он был неплохой, хотя с точки зрения ее подруг немножко нудный. Зато надежный и внешне довольно-таки симпатичный, если не обращать внимания на некоторую зажатость и закомплексованность. Она и не обращала.

Изменяла ли ему Света? Вряд ли. А если и было что-то когда-то, то все проходило бесследно. Исповеди и раскаяния ждать не приходилось — не тот характер. А Наум — нет, определенно нет. Адюльтер в программу Наума не вписывался.

«Комбинация», которая круто изменила течение их жизни, была затеяна Светой почти двадцать лет тому назад, еще до перестройки. На очередной ее работе появилась возможность получить квартиру. Для этого Света должна была не быть замужем и не иметь жилплощади. Наум и рта не успел раскрыть, а решение уже было найдено и осуществлено. Света развелась с ним из-за «несходства характеров», затем «переехала» на квартиру к подруге, то есть купила ей диван и раскладушку и поставила под ними свои и Женины тапочки. Продолжала жить, разумеется, у себя дома. Все оставалось по-старому, только она не отвечала на телефонные звонки и не открывала двери, если Наума не было дома. Такой вариант был далеко не редкостью при советской власти. Да и на ее работе почти все знали, что развод фиктивный, но общительной и обаятельной Светочке никто не хотел подставлять ножку. Тем более, так сложилось, что в этой квартире на выселках никто особенно не был заинтересован.

— Зачем она нам, у черта на куличках? — спрашивал Наум.

— Много ты понимаешь. Будет у нас дача. Через пару лет там будет чудный дачный район.

Квартиру Света получила. И оказалась права: свои пятьдесят процентов успеха эта «комбинация» отработала. Там действительно через несколько лет вырос элитный дачный район. А пятьдесят процентов провала заключались в том, что в это время их семья уже была в Израиле. Впрочем, формально по-прежнему не семья.

В восемьдесят девятом году началась эпопея повального отъезда евреев, полувреев, на четверть евреев и многих примкнувших к ним в Израиль. Это вполне можно было считать «комбинацией», но слишком массовой и слишком опасной даже для Светы. Ей и в Союзе было комфортно. А в те годы у всех была стопроцентная

уверенность, что не только назад вернуться не удастся, но даже увидиться с теми, кто оставался. Прощаясь, уезжающие и провожающие проливали слезы, как на похоронах. Это было страшно. Авантюра Свету влекла, а Израиль — не очень. У Наума было наоборот. Он по рождению, фамилии, произношению и всему своему облику вынужден был быть еврейским националистом в советском варианте. Но привыкать к новым контактам, другому образу жизни... И он вопросительно смотрел на свой локомотив — Свету. Больше смотреть было не на кого: к этому времени их родители умерли, законопослушно не нарушив границу невысокой среднестатистической производительности жизни в великом и могучем Советском Союзе.

Но Светочка не решалась. Это, безусловно, была авантюра, огромный риск, но не «комбинация». Смысл «комбинаций» был в оригинальности решения и удивлении окружающих. А тут? Выезжали сотни тысяч человек, возникало стадное чувство, прогивиться которому для имеющих возможность уехать становилось все труднее. Сובлазн вырваться из закрытых границ «лагеря», которые вскоре — никто не сомневался — опять станут непроницаемыми, был очень силен, особенно у евреев. Подталкивала и абсолютная пустота в продовольственных, да и всяких других магазинах. Дело шло, казалось, к голоду и полной разрухе, а значит, не исключено, и к возможному погрому. Нужно было принимать решение.

И неутомимая Светочка даже в этом массовом зашпыве нашла свою «комбинацию», а это, как вы понимаете, перевесило все сомнения. Ей удалось выяснить, что все пособия и любая помощь в Израиле на семейную пару не в два, а только в полтора раза больше, чем на одиночку. То есть двое одиночек получают на половину пособия больше, чем пара. Как удачно, что они с Наумом сейчас в разводе! Грешно не воспользоваться таким преимуществом. Лишние полпособия — это серьезное подспорье при неудачном развитии событий. А под старость, которая не так уж далеко, — тем более. Ехать! Ехать в разводе, как чужим людям, благо оба евреи по Галахе. Фамилии разные, кто догадается? Ехать!

2

Манна небесная в Израиле их не ожидала. Прежде всего, «комбинация» с разводом лопнула, доставив попутно массу неприятностей. Приехали они в страну, которая занималась эмигрантами со дня своего рождения и знала все хитрые варианты «еврейских голов». Наум со Светой сняли, разумеется, одну квартиру (денег и на одну не хватало), и первая же внезапная комиссия обнаружила две пары тапочек под одной большой, явно семейной кроватью. Почти год после этого происходила путаница с выплатами, тянулись бесконечные хлопоты и объяснения с бестолковой и ленивой израильской бюрократией. В конце концов, они письменно признались в прелюбодеянии и объявили себя семьей. Постепенно бюрократы отстали и успокоились. Так они и жили в узаконенном всеми заинтересованными организациями гражданском браке. Ехать для оформления нового светского брака за границу не было ни денег, ни желания, а других, нерелигиозных вариантов в единственной демократии на Ближнем Востоке не было.

С работой вначале было еще терпимо. Израиль первый год «большой алии» относился к репатриантам из СНГ с симпатией и искренне пытался помочь им приспособиться к новым условиям. Каждому полагался для изучения иврита трехмесячный бесплатный ульпан, который Науму совершенно не помог.

«Старость — не радость», — объяснил он свои «успехи» на выпускном вечере на чисто русском языке. Все с ним согласилось.

Несмотря на это, доктора Наума Сипитинера (свой человек!) приняли в специально организованную для советских ученых технологическую теплицу, где два года выплачивали минимальную зарплату в надежде, что он что-нибудь изобретет. Света окончила бесплатные торговые курсы и поступила на работу в престижный магазин одежды.

Но продолжалась идиллия недолго, меньше трех лет. Наум уступил свое место другому ученому — очередь поджимала. А Свету просто уволили: было полно репатрианток, более молодых и симпатичных, согласных работать на любых условиях, и нередко во всех смыслах (о русских женщинах поползли самые невероятные и пикантные слухи). Любовь израильтян к «русским» репатриантам неожиданно и резко превратилась в плохо скрываемую антипатию. «Подъемные» пособия закончились, и пришлось нашим героям переходить на подножный корм. Науму удалось устроиться охранником — чигай сторожем, а Света влилась в основной контингент эмигранток старше сорока лет — занялась уборкой в квартирах израильтян и уходом за престарелыми и инвалидами.

К чести Наума и Светланы нужно сказать, что они не впали в отчаяние и не стали посыпать голову пеплом. Старались держаться на плаву, и им это удавалось. Солидный возраст Наума позволял получать небольшое социальное пособие. Вместе с подработками, иногда по-черному, на жизнь хватало. Утешало и то, что, судя по сведениям из Одессы, они не много потеряли. Организации, в которых они там работали, разогнали, их бывшие сослуживцы подались в различные фирмы, в основном торговые. Что там с ними было бы? Один бог знает. Потеря их прежнего статуса в Израиле очевидна, но это явление массовое. *«На миру и смерть красна»*, — втолковывал желающим слушать Наум.

Со Светланой было все ясно. Ее здравый смысл и оптимизм помогал выжить в любой обстановке. А как себя чувствовал бывший ученый, а ныне сторож Наум? Как ни странно, он тоже не испытывал особых страданий от утраты своего статуса кандидата наук. Даже, пожалуй, в глубине души был доволен тем, что избавился наконец от комплексов, дискомфорта, огорчений и обид, связанных с его якобы научной работой. Особенно когда узнал, что в «технологическую теплицу» не приняли его бывшего начальника Сиперштейна, который так и не защитил диссертацию. В сознании Наума постепенно происходили довольно типичные для пожилых эмигрантов изменения. Должность начальника сектора, его роль в бюро и вообще в советской науке со временем и на расстоянии превращалась в нечто значительное и важное. Уважение к себе, как ни странно, возросло, комплексы и обиды улеглись.

А как ему удалось простить Израилю свой новый статус сторожа? Удалось. Простил.

«Я уже немолод, страна маленькая, все время воюет. Зато я впервые в жизни перестал напрягаться при слове «еврей». Это дорогого стоит! Это моя страна, и я ей обязан. И ничего не дал взамен, только беру. Какие тут могут быть обиды?»

Все возмущение и негодование Наум направил против врагов, которые не дают нормально жить новой родине и даже угрожают самому ее существованию. Если бы не они, все, разумеется, было бы иначе. А собственную значимость Наум поднимал за счет того, что уверовал в распространенную в израильском национальном лагере теорию ментальной порочности арабов. «Они понимают только силу! Они от рождения враги цивилизации, враги всего демократического мира», — все эти клише были попытками оправдать в собственных глазах моральную сомнительность такой бескомпромиссной черно-белой позиции. Наум все-таки был по советским меркам интеллигентным человеком, ему тяжело было признаться себе в том, что та-

кая точка зрения, в сущности, сводится к очень простому: они, арабы, от рождения плохие, а мы, евреи, от рождения хорошие. Уж слишком это что-то напоминало...

Тем не менее большинство русскоговорящих израильтян придерживалось таких же взглядов. В число единомышленников входила в полном составе и их более или менее постоянная компания, сколоченная, естественно, Светой. Это были несколько семей из Украины, приехавших примерно в одно время. Мужья поголовно евреи, жены самые разнокалиберные — типичная для «большой алии» ситуация. На совместных пикниках доставалось и палестинцам, и местным арабам, самым мирным из предлагаемых решений было выселить их к чертовой бабушке в другие страны. Вполне возможно, что это был так необходимый им предохранительный клапан, куда сбрасывалось все накопившееся с годами эмиграции недовольство. Ругать Израиль, «лить воду на мельницу антисемитов» никому не хотелось. Это, по существу, значило бы признать эмиграцию ошибкой. Слишком тяжелый вывод. Кстати, вот вам одна из существенных причин, по которой новые репатрианты из СНГ почти поголовно становились ярыми ультрапатриотами.

Жизнь, увы, с каждым годом требовала все большего напряжения. И это было естественно. Они не молодели, Света уже не могла заниматься относительно прилично оплачиваемой уборкой и перешла на малоденежную и морально тяжелую работу — уход за престарелыми. Вскоре Наума уволили, так как сторжам старше шестидесяти пяти лет работать по ночам запрещалось во избежание неожиданной кончины на боевом посту. Наум по пятницам мыл две лестницы в соседнем доме и изо всех сил старался облегчить домашние хлопоты Свете и Жене. А в свободное от этих забот и чтения Ницше время слушал политические передачи на русском языке, на чем свет стоит ругал арабов и порицал евреев за мягкотелость и недостаточную жесткие меры. Он никогда не был особенно чутким к реакции окружающих и совершенно не замечал, что в собственной семье сочувствующих уже давно не было. Зато постепенно появились убежденные противники его ура-патриотических взглядов.

Открытую оппозицию возглавил пасынок Наума Женья.

«Маленькие дети — маленькие хлопоты, большие дети — большие хлопоты», — так не слишком оригинально, но убедительно описывал свои отношения с Женой Наум.

Когда они со Светой поженились, Жене было пять лет. Уже довольно большой мальчик, многое сознавал и многое помнил. И очень любил папу. Папа был веселый, легкий человек. Он не мог ужиться с общественным и семейным темпераментом Светы и поменял ее на мягкую домашнюю жену. В семье у него всегда было легко, уютно и сытно. Ухоженные детишки — брат и сестра, вечно что-то напевающий, довольный собой и всеми вокруг глава семьи. Контраст не в пользу Наума. Это сразу создало сложности между отчимом и пасынком. Наум даже не делал попыток называться папой — это было нереально. На всю жизнь остался Ньюмой. Шансов заслужить любовь и полное доверие Жени у него практически не было. Из людей такого типа как Наум (вы и сами, наверно, уже поняли) хорошие педагоги не получают. А здесь был очень непростой случай. Ребенок был сложный, умный, толковый, но то ли от природы, то ли в силу описанных обстоятельств малоуправляемый.

И все-таки стабилизация отношений произошла. В свое время гордая Света отказалась от алиментов, а поющий папа с легкостью необыкновенной с этим согласился. О своем первенце он вспоминал от случая к случаю, и даже в день его рождения не всегда. В конце концов взрослеющий Женья начал осознавать, кому он нужен, а кому до лампочки. Наум, в сущности, был добросовестным, доброжела-

тельным человеком, он любил Свету и дорожил своей семьей. Постепенно отношения стали ровными, хоть и без особой теплоты.

Так продолжалось до переезда в Израиль. К сожалению, эмиграция обладала способностью, как сказали бы медики, обострять хронические заболевания. Так произошло и в этой семье. Как и большинство детейновых репатриантов, Женя оказался не в восторге от встречи с новой родиной. Основания для этого были: эмигрантов везде встречают не слишком приветливо. А дети страдают от неприязни окружающих больше всего. Но общие трудности на первых порах сплотили семью, тем более что в начале пути, как я уже говорил, стыдиться особо было нечего. Зато когда Наум пошел в сторожа, а Света — в уборщицы, Женя стал ощущать некоторую неловкость. Но основные перемены произошли после того, как в честь шестнадцатилетия ему дали возможность отправиться в гости к отцу. Инициатором этой поездки был большой демократ Наум.

Женин отец, Василий Николаевич Беляев, к этому времени стал в Одессе бизнесменом средней руки. Он держал магазин и что-то там еще по мелочам. Принадлежал ему и небольшой, но уютный особнячок в тихом элитном районе. Словом, контраст был очевиден. Женин отчим Наум Сипитинер (в Израиле даже лишившийся отчества) в своей родной еврейской стране был нищим парией. И если бы только это! Он перестал быть уважаемым членом общества. Самое интересное, что это отношение не слишком зависело от национальности в глазах общественного мнения. Все новые репатрианты чохом зачислялись в графу «русские» и в той или иной степени находились в этой дискомфортной зоне.

После поездки в Одессу Женя понял, как хорошо и приятно не выпадать из общего потока. В Украине он был бы таким, как все. Нормальным человеком. Антисемизм ему не угрожал. Кого могла заинтересовать далекая еврейская бабушка по маминной линии из Литвы? Казалось бы, по аналогии он должен был понять, почему Наум так ценит не слишком церемонившийся с ним Израиль и столь многое ему прощает. Но, к сожалению, так в жизни не бывает, особенно в молодом возрасте. Каждый сам за себя. Другое дело, если бы его по-прежнему поощрял и неунывающий отец в Одессе был евреем, и сам он не Евгением Васильевичем Беляевым с арийской внешностью, а каким-нибудь Сипитинером с соответствующим носом. Если бы ему могли крикнуть: «Жид, езжай в свой Израиль!» — может, что-то в отношениях отчима и пасынка изменилось бы. Нашлась бы почва для взаимопонимания. Но так шансов не было. И Женя незаметно для себя главную причину нелегкой перемены своей судьбы стал видеть в Науме. Как-то постепенно он забыл, что инициатором поездки была мама. Но мама явно проиграла вместе с ним, в эмиграции она оказалась на дне общественной жизни, стала прислугой. Это была еще одна, кровоточащая рана в сердце Евгения. Как Наум мог такое допустить? Какой это глава семьи и мужик, в конце концов? Все свои и мамыны беды и неудачи — а таких в семье эмигранта хватает — он постепенно стал вменять в вину Науму. Их отношения портились, как в сказке, не по дням, а по часам.

Может, если бы Наум почувствовал изменения в настроениях Жени, если бы хоть немного поумерил громогласную и безапелляционную защиту бедного, всеми обижаемого Израйля, раскол происходил бы не столь стремительно. Все-таки вначале в сопротивлении Жени значительную роль играло естественное для подростка чувство противоречия. Да и любого невольное заставил бы возражать менторский тон, который почему-то прорезался последнее время у Наума в «воспитательной работе» с пасынком, явно не испытывающим особой благодарности к приютившей его стране. Почему такое происходит? Может быть, потому, что наша

правда доступна только настоящему еврею, а Женя, как ни крути, еврей лишь на четверть... Об этом — упаси бог — не говорилось вслух, но мысли нередко жалят больнее слов. Наум сам вздвигал водораздел.

Не способствовали дружбе и очевидные ранние успехи Жени у противоположного пола. Он стал высоким, интересным парнем, и начиная с восьмого (!) класса в его комнате стали задерживаться до утра подружки. Наума это, разумеется, шокировало до крайности, но командарм Света объявила его отсталым и несовременным, а под горячую руку и попросту ханжой. Во многих израильских семьях такое поведение молодежи, точнее подростков, было обычным делом.

— Пусть лучше мальчик делает это дома, чем где-нибудь в компаниях с бутылкой водки. Пройдись по нашему парку — увидишь и услышишь такое!.. Ты этого хочешь?

Действительно, из близлежащего довольно запущенного парка по вечерам и допоздна доносились не слишком трезвые мужские и девичьи голоса. Весь район мог бесплатно проходить курс российской неформальной лексики. Что там происходило, ни для кого не было секретом. Но Наума это не убеждало — «ханжеское» воспитание слишком въелось в плоть и кровь. Почему должны быть только крайности? Есть же что-то более приличное? На открытый бунт он не решался, но по утрам встречал «задержавшихся» соученик Жени мрачно и неприветливо.

— Ходит как сыч, — довольно громко резюмировал «мальчик».

Наум изо всех сил старался этих слов не расслышать.

3

Школу Женя окончил с грехом пополам. Способности не слишком помогли. К сожалению, не было у него того, что было в избытке у Наума, — упорства и трудолюбия.

Женя от звонка до звонка отслужил положенные три года в армии. Впрочем, не без скандалов и гауптвахты. Пожалуй, надежды Наума на то, что армия научит «мальчика» уму-разуму, не оправдались. К его удивлению, в лучшей армии Востока оказалось слишком много демократии и мало дисциплины.

Большую часть службы Женя провел на территориях, охраняя поселенцев. После демобилизации стало ясно — в Израиле ему не жигь. Его приговор ситуации «поселенцы — Израиль — палестинцы» был столь же бескомпромиссен, как и взгляды Наума, но со знаком минус. Поселенцы не работают и работать не будут, агрессивны, фанатичны, они не дают никому покоя. Арабы тоже не подарок, но жизнь их ужасна и унизительна по вине Израиля. Конца этому не будет, а будет серьезное кровопролитие. Все это было сказано резко, четко, безо всяких вопросительных и сомневающих интонаций.

— Но почему, почему ты во всем винишь Израиль? Ведь нам не с кем разговаривать. У нас нет партнера по переговорам. Что может Израиль сделать? С кем говорить?

— Дело не в этом. Это все демагогия.

— А в чем? Объясни бестолковому старику.

— Попробую. Там двести пятьдесят тысяч поселенцев. По всей Иудее и Самарии. По всей территории. Я на них посмотрелся. Они оттуда не уйдут, и у Израиля никогда не хватит сил их увести. Пока поселения на территории, там будет армия, иначе их всех вырежут за одну ночь. И ни один араб не вступится. Пока на территориях будут армия и поселения, не может быть там ни порядка, ни прави-

тельства — ничего. И никаких партнеров. Будет все та же оккупация. Таким способом демократию не насаждают.

— А Германия? А Япония? После войны? Оккупация перешла в демократию, ведь так? История нас учит...

Женя его непочтительно перебил:

— Что ты сравниваешь! Там не было поселенцев из Англии и Америки. Никто им колонизаторов не расселял и земли у них не отнимал. А это самое главное.

— И какой выход?

— Только тяжелая война и тяжелое поражение Израиля. Только если кто-то насильно выкурит оттуда поселенцев, мы сможем отделиться от арабов. Другого варианта нет.

Наум задохнулся от ужаса. Это было больше чем святотатство. Даже больше чем антисемитизм.

— А если будет война, разве ты не должен защищать страну, которая тебя приютила?

— Не приютила, а позвала. Пригласила. Но дело не в этом. Я не хочу воевать на неправой стороне. И быть уверенным, что только наше поражение принесет мир. Слишком это глупо выглядит.

Больше говорить было не о чем. Женя уедет, Наум останется. Куда ему ехать, кому он нужен? А Света? Впервые Наум видел ее такой напуганной и потерянной...

Два года после демобилизации Женя болтался без дела. Не мог ни на что решиться. Начинать и бросал какие-то курсы. Работал ровно такой срок, какой был нужен для получения пособия по безработице, ни днем больше. Трудолюбие не было его коньком. Наум пытался вмешаться, но получил довольно грубую отповедь:

— Сидишь на пенсии, ну и сиди тихо у себя в комнате. Своих успехов ты уже добился. Дай попробовать другим.

Наум надулся и больше советов не давал. А Света безропотно взвалила на себя еще две работы, но упреков от нее никто не слышал.

Женя созревал. Он, никому из домашних не говоря ни слова, поступил на подготовительные курсы Техниона. Постепенно осознал, что для отъезда в серьезную страну нужно иметь хоть какое-то образование и специальность. Армия частично оплачивала первые годы дальнейшего обучения, и нужно было этим воспользоваться. Он мобилизовал всю свою — не слишком большую — волю и, опять-таки с грехом пополам, проучился три года в хайфском Технионе (один из них на подготовительных курсах), слегка подрабатывая по вечерам. До получения первой степени осталось меньше двух лет, включая экзамены. Рукой подать. Но не получилось.

— *Человек предполагает, а бог располагает*, — заключил Наум.

За это время в жизни Жени произошли очень важные события. Первое — он выиграл в лотерею (проводится такая в Израиле) гринкарту, прошел собеседование и получил разрешение на переезд в США. И второе — женился на своей соученице Наде, занимавшейся в том же Технионе. Она приехала по программе «Наале» — особой программе для выпускников школ, имеющих право на репатриацию, чьи родители не хотели переезжать в Израиль. Надя была внучкой еврея. Она уже защитила первую степень по химии и грызла гранит науки для получения второй.

Пара получилась очень симпатичная. Высокий, стройный, темноволосяй Евгений и среднего роста, с отличной фигуркой, зеленоглазая блондинка Надя. Крашенная блондинка, но все было в меру и общего впечатления не портило. Оформили бракосочетание на Кипре — в Израиле нет брака для неевреев, свадьбу отпраздновали в ресторане.

А вслед за этим произошло третье, незапланированное, но, видимо, очень тесно связанное со свадьбой событие: по недосмотру родилась у них чудная девочка Верочка. «*Семь раз отмерь, а один отрежь*», — что точно имел в виду Наум, неизвестно, но догадаться можно. Произошло это настолько быстро, что молодые даже не успели снять собственную квартиру.

Итак, родилась еще одна русская на еврейской земле. Тут уже даже Наум осознал, что новой семье Беляевых придется уезжать.

Помогло ему убедиться в этом министерство внутренних дел Израиля.

При оформлении новорожденной у бдительных чиновников неожиданно вызвала подозрение бабушка Светлана Кириченко с вызывающим отчеством Ивановна. Света родилась в Лигве в сорок пятом году незадолго до Победы. Время было горячее, наша страна освобождала одних, расстреливала и сажала других. Дел невпроворот. Отец Светы был солдатом-освободителем, а его фронтовая подруга-жена не смогла следовать дальше за своим госпиталем и осталась рожать в Клайпеде. Может, действительно в те смутные времена свидетельство о рождении было оформлено не слишком идеально, а скорей всего, это было очередное служебное вранье на популярной в Израиле ниве «еврей — нееврей», «настоящий — ненастоящий». Под подозрением оказалось право Жени на возвращение, а его Верочка в таком случае оказывалась правнучкой еврея. Этот статус требовал особого оформления, с какими-то временными правами, сроками и определенными условиями. Никто толком в этих сложностях не разбирался, потому что правнучки евреев, родившиеся в Израиле, еще были редкими исключениями.

С группой подозреваемых обошлись довольно вежливо, еще по-божески, только отобрали у всех документы и месяца три не давали никакого ответа. Три месяца на пороховой бочке оказалось совсем немало. Даже Света похудела на пять килограммов. Но затем документы вернули со словами: все в порядке. МВД связывалось с Литвой и получило соответствующие подтверждения. Разумеется, никаких извинений не было, в израильском МВД это не принято. Объяснили, что, если бы Женя не отслужил в армии, результат мог бы быть другим. Но и такой вариант был достаточно убедителен. Без лишних слов все поняли, что пора паковать вещи.

Пора паковать вещи.

Света выглядела просто-таки оглушенной, она не отходила от Верочки ни на шаг. Все происходящее было для них настоящей трагедией. А что впереди?

Растерянный и испуганный Наум без особой надежды пытался остановить катастрофу. Он мямлил, что это просто отдельный несчастный случай. Женя только пожал плечами.

— Насмотрелся я на эти отдельные случаи, пока сидел в приемных. Неевреи в Израиле не могут быть спокойны, вокруг них все время что-то происходит.

— Но это не может, не может быть правилом, — скорее убеждал себя самого Наум.

Женя с иронией посмотрел на отчима сверху вниз, в прямом смысле сверху вниз — он был на голову выше Наума.

— Ну не правило, так тенденция. Какая главная цель Израиля? Основная? Создание еврейского государства. Государства для евреев.

— Так, — согласился Наум. — Конечно, государство для евреев.

— А раз так, то любой нееврей в стране — лицо в принципе нежелательное. В принципе. Он одним своим присутствием уже мешает главной задаче. Во всяком случае, не помогает — это безусловно. Отсюда и последствия. Страна при такой

основной цели не может быть справедливой. У меня две нееврейки, которые будут рожать неевреев. Что им тут делать, в национально озабоченной стране?

— И религиозно озабоченной, — добавила Света.

Это было демонстрацией поддержки. Она прежде никогда не вмешивалась в разговоры такого рода. И вот нейтралитет был нарушен. Во-первых, она в глубине души хотела, чтобы дети жили там, где нет постоянных войн, — вполне законное желание матери. Но был еще один мотив. Света недавно нанялась к новым хозяевам, ультраортодоксам, пожилой паре примерно такого возраста, как Наум, немного моложе. Хозяин был довольно важным в своей среде человеком, членом одного из религиозных советов, которые в Израиле обязательно состоят при любой, даже самой малосенькой мэрии. Один-два раза в неделю он надевал тщательно отглаженный для такой цели костюм и уходил на пару часов на заседания. Это была его работа. В Израиле эти религиозные чиновники получают немногим меньше депутатов кнессета, так что семья была достаточно обеспеченной. Хозяйка не очень скрывала свою уверенность в том, что нерелигиозные евреи — вообще никакие не евреи. И Светиной золовке нужно пройти гиюр, если она хочет быть не хуже других. Религиозная чета гордилась тем, что у них 95 прямых потомков. То есть детей, внуков и правнуков, без учета их жен и мужей (такое, надо сказать, не редкость в ультраортодоксальных семьях). Согласитесь, был предмет для гордости. Девяносто пять! По восемь — десять детей в семье, ранние браки, пошло четвертое поколение. Все в вере, все служат господу и соблюдают традиции. Мужчины в ешивах, женщины в семье. Семь раввинов. Трое в религиозном совете. Пятнадцать преподавателей ешив.

— А кто работает? — не удержалась однажды Света.

— Служение господу — самое важное для еврея дело. А для чего мы создавали еврейскую страну? Если бы не мы, евреи уже давно в Израиле были бы в меньшинстве.

Определенно, прямое потомство Светы, состоящее всего из двух человек — Жени и Верочки, заведомо проигрывало будущее их потомкам и количественно, и качественно. Высшая математика здесь не требовалась.

Все были наслышаны об этой истории. Света не из тех, кто таит в себе неприязни. Было понятно, кого конкретно она имеет в виду.

— Инкубатор какой-то, — неожиданно даже для себя пробурчал Наум.

Все с удивлением посмотрели на него. Это было явное отступление и намек на перемирие. Наступила сочувственная пауза.

— Ну хорошо, ехать нужно, — продолжил с горечью Наум. — Кто спорит! Но я бы на вашем месте прежде окончил Технион. Трудно, даже, признаю, обидно. Но все налажено, и мы с мамой рядом. Когда еще будет такая возможность вам обоим получить дипломы? И будет ли вообще? Нужно уметь терпеть, в конце концов. *Терпенье и труд все перетрут!*

И нарвался на очередной втык.

— У меня всю жизнь перед глазами пример терпенья и труда. Попробую иначе. Наум опять надулся.

— Ладно, я предпочел бы быть плохим пророком, но боюсь... — и осекся под взглядом Светы. Он никогда не мог остановиться вовремя.

А Надя? Она просто любила Женю и довольно равнодушно относилась к Израилю. Считала страну чем-то вроде промежуточной станции, где дальней ветви евреев создают хорошие условия для получения образования. Во всяком случае, эти условия были лучше, чем для детей репатриантов. Это называлось «большой эмиграционной политикой». Кроме того, англоязычные страны ее не пугали. Надя была во всеоружии, она еще с младших классов решила, что не будет жить в Рос-

сии, и с финансовой помощью всегда и во всем согласных с ней не слишком бедных родителей окончила солидную частную школу английского языка. И училась и сдавала экзамены в Израиле тоже на английском. К сожалению, наши репатрианты такой возможности не имели...

Молодые оформили в Технионе необходимые документы для перевода в другое учебное заведение, и спустя два месяца семья Беляевых отбыла в Сан-Диего, где у Жени жили друзья, сбежавшие из Израиля еще раньше.

Наум со Светой остались вдвоем. Дети оказались очень далеко. Нелегкая, но, увы, обычная ситуация для наших репатриантов.

4

Переход был очень резкий. Несколько последних месяцев в их не слишком большой трехкомнатной квартире было шумно и тесно. Теперь наступила удивительная тишина.

— *То густо, то пусто*, — резюмировал Наум.

— У нас стало безлюдно, — поддержала его Света.

Наум долго обдумывал, обидеться ли ему на это замечание или согласиться с ним. Никакая подходящая цитата не приходила в голову — и он промолчал.

Очень недолго они наслаждались отдыхом и спокойствием. Затем подумали, что тишины могло бы быть поменьше. Затем появилось чувство, в котором они даже самим себе не признавались: их в пустой квартире стало как-то слишком много друг для друга. Общепринято, что, оставшись вдвоем, не слишком молодые родители еще больше сближаются. Возрастает взаимопомощь, поддержка, зависимость друг от друга. Да и потребность в этом, кстати говоря, увеличивается — годы здоровья не добавляют. Но перейти на новые рельсы не так просто, как это может показаться. Многое в отношениях приходится заново перестраивать, снова нужно приспособливаться друг к другу, и чаще всего это не легче, чем в молодые годы. Физическое влечение, секс, который так сглаживал все нестыковки и противоречия в те счастливые времена... чтобы никого не обидеть, сформулирую так: все это уже не играет столь существенной роли. Словом, новая жизненная ситуация требует серьезной перестройки семейных отношений, не уступающей по сложности горбачевской.

Чаша сия не миновала и Наума со Светой. Они никогда так подолгу не были наедине, а главное, в качестве «лиц без определенных занятий». Света отказалась от доброй половины работ — необходимости в этом уже не было. Да и сил тоже. Дел по дому с трудом хватало только на то, чтобы загрузить изнывающего в поисках занятий Наума. Читать ему было трудно, очень быстро ухудшалось зрение, и даже израильская медицина оказалась бессильной. Размышлять было решительно не над чем, приходилось скорее изображать задумчивость. Оздоровительные прогулки отнимали всего полтора, от силы два часа. Телевизионные сериалы он, естественно, не любил, а к политике после всех приключений последнего периода резко остыл и даже чувствовал к ней какую-то органическую антипатию. Оставалось обмозговывать так и не решенную проблему сотворения мира и всего с этим связанного. Время от времени — как лакомство — он позволял себе в малых дозах чтение Ницше, Каббалы и какой-нибудь литературы о паранормальных явлениях. Но все эти вопросы требовали обсуждения. Наум остро нуждался в партнере по разговорам, а точнее, в слушателе. У Светы эти темы отклика не находили, ее вполне устраивали сериалы, любимая мемуарная литература и бестселлеры. Включая ненавидимые Наумом женские романы.

Связь с друзьями стала заметно сокращаться. Вся их компания постепенно тоже перешла на социальное пособие, и, в соответствии с израильскими законами, все остались без машин. Естественным образом прекратились субботние пашльки — общественный транспорт, как известно, в эти дни не работает. Остался телефон, которым усердно пользовалась Света. Науму телефон был противопоказан — слишком несерьезное занятие, мирового значения проблемы по нему не объяснишь, тем более что без жестикуляции истинный еврей Наум мало что мог доказать.

В этой новой ситуации неизбежно было обострение противоречий. Света с удивлением обнаружила, какой он нудный. То есть она и раньше это понимала, но не до такой же степени! Как нелепы его «высокие поиски» или, как Света их про себя, а иногда и вслух называла, «завиральные идеи» на фоне мизерного социального пособия и в съемной квартире! А Наум осознал, что своими разочарованиями и несбывшимися надеждами поделиться не с кем. Вряд ли она, оторвавшись от телевизионного сериала «Дорогая Маша Березина», сможет его ну если не понять, так хотя бы выслушать...

Но отступать было некуда, и в действие вступили защитные силы организма. Они постепенно осознали, что находятся на необитаемом, в крайнем случае, малообитаемом острове. Их двое, и никому до них нет, в сущности, дела. Кто из них цивилизованный Робинзон, кто дикий Пятница — деление чисто условное. Нужно быть реалистом.

И они, каждый по мере сил, начали приспособливаться. Наум стал меньше нести вслух наукообразную ахинею, Света научилась в определенной степени изображать интерес к теориям медитации и реинкарнации. Временами их можно было увидеть сидящими в обнимку на диване и внимательно наблюдающими за перипетиями мексиканского сериала. Объединяли их, естественно, и проблемы семейства Беляевых.

— *Бытие определяет сознание.*

А тут еще Света стала от излишнего спокойствия поправляться, что было совсем ни к чему. Но *не было бы счастья, да несчастье помогло*, — и Наум решительно взял контроль над ее весом в свои руки. С этих пор они в любую погоду дружно совершали довольно длительные совместные прогулки. Это уже было похоже на настоящую семейную идиллию.

В число важнейших развлечений входила бесплатная связь с Сан-Диего. Женя оставил им компьютер с программой Скайп и даже с видеокамерой. Теперь Света теоретически могла вести бесконечные разговоры и даже непосредственно наблюдать, как растет Верочка. Одна беда — взрослые заокеанские участники диалога были людьми слишком занятыми и слишком усталыми, чтобы больше двух-трех минут высидеть возле компьютера. И то далеко не каждый день. Положение усложняла и большая разница во времени — десять часов. Чтобы никого ночами не будить, из Америки можно было звонить только с утра, в первой половине дня или поздно вечером. А утром по будням всем было не до переговоров. Поэтому на практике сеансы связи проходили только в субботу. Но Света надеялась, что, когда Верочка подрастет, она будет ей на расстоянии вслух читать Корнея Чуковского.

Так они и жили.

Не знаю, соответствует ли это теориям Эйнштейна, но ближе к старости время в течение дня тянется бесконечно и уныло, а сама жизнь протекает невероятно быстро и со все возрастающим ускорением. Недели, месяцы, годы — фьюить, фьюить, фьюить... Непонятно, как это сочетается, но факт остается фактом.

5

Пролетели, промчались два года. К счастью, Наум оказался плохим пророком — дела у семейства Беляевых продвигались неплохо. На удивление неплохо. Все-таки приехали они в новую страну, имея на руках только два незаконченных образования и полугодовалого ребенка, но ни копейки — почти буквально — денег. То есть без всякой подстраховки. О финансовых возможностях Наума и Светы вы знаете, о трудолюбии Жени догадываетесь, все вместе они наскребли при отъезде только на билеты в один конец. И тем не менее все складывалось вполне благополучно.казалось, Соединенные Штаты на примере наших молодых и отчаянных решили напомнить сомневающимся, что являются страной неисчерпаемых возможностей.

— *Судьба Евгения хранила*, — удивлялся Наум.

Им действительно во многом везло. Анатолий, Женин друг в Сан-Диего, оказался серьезным и надежным парнем. Он заранее снял им по соседству с собой неплохой «трехбедрумный апартмент», что в переводе на русский означало квартиру из четырех комнат, включая салон. Он же с согласия своей жены Любы, бывшей Жениной одноклассницы, одолжил им небольшую сумму на первое время, хотя они сами отнюдь не купались в роскоши. И даже порекомендовал интеллигентную русскоговорящую няню Беллу, эмигрантку из Черновцов, пятидесяти пяти лет, не нашедшую себе в новой стране другого применения. Она оказалась дамой, приятной во всех отношениях, и при том достаточно чадолюбивой. Белла была одинока и могла работать столько, сколько потребуется, даже при необходимости оставаться на ночь. Постепенно почти добровольно (но за дополнительное вознаграждение) она взяла на себя и солидную часть домашних забот. Остановка была только за оплатой, что, как вы догадываетесь, являлось ахиллесовой пятой новых американцев. Няня стоила очень недешево. У нее оставалась в Украине дочь с двумя детьми и неудачным мужем, этот финансовый насос работал очень эффективно.

А зачем бедным эмигрантам вообще понадобилась няня? Все было обдуманно. Само собой разумеется, что завершить образование одновременно двоим не удастся. Кодекс чести настоящего мужчины требовал, чтобы в первую очередь это сделала Надя. А раз так, то все равно нужно было ребенка на кого-то оставлять. И выгоднее было Наде учиться и одновременно подрабатывать на полноценную солидную няню, чем придумывать различные комбинации. Во всяком случае, так было решено на семейном совете. И, видимо, решено разумно.

Но самое главное — тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, — Женя начал избавляться от своей инфантильности, стал проявлять энергию и растущее на глазах осознание ответственности главы семейства. То есть во всех этих успехах было не только везение. Уже через неделю после приезда он нашел довольно неплохую работу в не слишком большой частной фирме, занимающейся техническим обслуживанием компьютерных систем. Диплом соответствующих шестимесячных израильских курсов, два года обучения в уважаемом даже в Америке хайфском Технионе были только предпосылкой. Женя с блеском выдержал испытательный срок, он действительно был способным человеком и компьютерным фанатом. Правда, работа была нелегкая: чтобы обеспечить необходимые семейные расходы, ему приходилось вкалывать по десять — двенадцать часов в сутки, мотаться по всему городу и даже по пригородам. Зато ему выдали служебную машину, которой он мог пользоваться и в личных целях. Тоже экономия. Можно было обойтись только одной машиной — для Нади. В Америке работающему человеку без машины не обойтись, а Надя тоже лишнего дня без дела сидеть не собиралась.

Оказалось, что Женя женился не только по любви. Очень выгодно женился. Разумеется, не в смысле богатства. Денег у Нади не было. Зато было кое-что другое, не менее важное.

Для Нади четыре года самостоятельной жизни в Израиле не прошли даром, да и от природы она была активной и не робкого десятка. Вскоре по приезде она вполне самостоятельно — а кто ей мог помочь? — поступила для продолжения учебы на химический факультет престижного Калифорнийского университета и еще до начала сессии досадила необходимые по новой программе предметы. Это было совсем не просто с учетом обрушившихся на ее голову забот, связанных с устройством на новом месте. Мало того, она сумела попутно решить очень непростую в Калифорнии проблему трудоустройства. Как-то само собой получилось, что на кафедре буквально все, начиная от секретарши, не говоря уже о мужском педагогическом составе, прониклись сочувствием к симпатичной русско-еврейской блондинке с обаятельной улыбкой, стройной фигуркой и отличным для смешанного населения Сан-Диего английским. О своем тяжелом положении эмигрантки она рассказывала с таким скромным достоинством, что это вовсе не выглядело мольбой о помощи. Ей с непривычной для этой снобистской организации легкостью предложили четыре часа в день на должности лаборантки здесь же, на кафедре. Формально говоря, основания для этого были серьезные — первая степень и отличные оценки в аттестате. Но местных химиков, выпускников этого же университета, примерно с такими же данными было более чем достаточно. Надя доказала, что скромное обаяние при прочих равных условиях играет не последнюю роль. Таким образом, она с самого начала почти зарабатывала на няню. Правда, только «почти», остальное тянул Женя. Это «остальное» со временем только увеличивалось.

Словом, в течение двух лет Света и Наум получали из Америки только хорошие или очень хорошие новости. Правда, вначале была небольшая заминка. Женя по старой израильской привычке как-то попытался продемонстрировать хозяину свое свободомыслие и строптивость. Тут же ему толково объяснили, что если нечто подобное повторится, то он с треском вылетит из фирмы и не получит никаких рекомендаций. Это была нешуточная угроза. «В Америке, — объяснили ему, — демократия на производственные отношения не распространяется. Полное подчинение. Тут вам не папа с мамой. И не ваша армия — мы знаем, какое там панибратство и либерализм». Струхнувший Женя все осознал, и дела пошли на лад.

В дальнейшем все утряслось. Ему регулярно увеличивали зарплату и даже как-то послали на курсы повышения квалификации за счет фирмы. Женя действительно оказался ценным работником. Природа наградила его талантом успешно пользоваться смесью знаний и интуиции, необходимых в этой новой для человека компьютерной системе. Он без видимых усилий быстрее всех выяснял, где, что и почему «не фурычит» (любимое его выражение) и что нужно сделать, чтобы все было о'кей. И в результате со временем был назначен бригадиром. Правда, бригада была небольшая, в нее входили два русских эмигранта и один свежеспеченный американец китайского происхождения. Само собой разумеется, в такой среде повышать уровень английского они не могли. В этом заключалась серьезная проблема, потому что на самостоятельное изучение языка у Жени не оставалось сил. Или не хватало воли. А скорей всего, и того и другого... Время между тем стремительно уходило. Но успехи на работе были налицо, можно было, ничего не приукрашивая, с гордостью рапортовать родителям.

И все-таки самых впечатляющих успехов добивалась Надя. То, что она сдавала все работы и экзамены на отлично, никого не удивляло — так было и в Тех-

нионе. Но вскоре ее официально ввели в штат, затем последовали некоторые льготы, пенсионные отчисления, страхование — довольно необычное явление в престижном заведении по отношению к молодой эмигрантке, пока еще даже не имеющей гражданства. Естественно, она это заслужила своим старанием, но многие не могли избавиться от впечатления, что одного старания явно недостаточно. Где-то, возможно, была группа поддержки. И тем не менее зависти это не вызывало. Симпатии и, я бы сказал, уважение к ней и студентов, и преподавателей со временем только возрастали. Приветливость, хорошие внешние данные, в первую очередь уже упоминавшаяся приятная улыбка, отличная фигура и красивые мягкие волосы, уложенные во вроде бы скромную прическу, нравились мужскому контингенту инстигута и в тоже время не вызывали раздражения у женского. Ничего вызывающе красивого и слишком сексуального, все в меру. Могут только повторить уже сказанное: скромное обаяние уверенного в себе человека. Правда, были и такие, кто считал ее излишне рассудочной и даже расчетливой, но и они относились к этому с пониманием: в наше нелегкое время без доли расчетливости прожить просто невозможно.

Не последнюю роль играли работоспособность и целеустремленность Нади. Она с толком использовала свободу от домашних забот, которую предоставила ей добросовестная Белла. Кроме подготовки, необходимой студентке и начинающему преподавателю, Надя использовала каждую свободную минуту для того, чтобы приобрести интеллектуальный и информационный багаж, которым, по ее мнению, должен обладать интеллигентный американец. Она хотела знать и чувствовать то же, что знает и чувствует каждый из них. Стать такой же. При этом не забывала и свои обязанности. Сначала укладывала спать Верочку — это была ее прерогатива, — а когда появлялся усталый донельзя после многочасовой напряженной работы Женя, кормила его и тоже укладывала спать. Но сама еще пару часиков чигала, смотрела телевизор или рыскала по интернету. Кассета с уроками английского языка высокого уровня и наушники были всегда при ней во время любых перемещений.

— Двужильная, — с одобрением говорила о ней Белла и старалась помочь, чем могла.

Результаты были налицо: ее признали своей в академических кругах солидного университета. Это дорогого стоило.

Может быть, в другом районе Соединенных Штатов добиться столь заметных успехов было бы сложнее, но в Сан-Диего, где у каждого второго речь с каким-нибудь акцентом и физиономия, отличающаяся от британского образца, акклиматизация проходит намного быстрее.

6

Первой опасность почувствовала Света. Наум стал замечать, что победные реляции об успехах Нади ее не воодушевляют. Наоборот, она все чаще впадала в совершенно не свойственную ей задумчивость. Следующим показателем стало то, что в разговорах с Наумом вместо привычного «Надюша» стало все чаще появляться официальное «Надежда». Долго скрывать свои, даже не полностью осознанные, предчувствия Света, разумеется, не могла. И однажды в ответ на вопрос Наума — в чем проблема? — хлынул поток сомнений и опасений.

— Ты обрати внимание, Надежда возвращается в высших академических кругах! — это красивое выражение ей определенно понравилось, и она со вкусом его повторила: — В высших академических кругах!

Наум, с видом человека, отлично знающего эту систему изнутри, иронически ухмыльнулся.

— Не преувеличивай. Всего-навсего преподаватели кафедры. Это не бонд. Склочники и скандалисты. И далеко не богачи. Я-то их навиделся...

— Ну да, навиделся, особенно в Америке. Все меришь по своим НИИ, давно отдавшим богу душу. В Америке все иначе. Там все они снобы. И кто для них Женя? Простой иностранный работяга, в потрепанной служебной машине. С акцентом. И даже твоего Нише не читал. Ты слышал, как он рассказывал о парти, куда его с Надеждой пригласили?

— Нормально рассказывал. Был доволен тем, как там к Надюше относятся. По-моему, гордился.

— Ох, Ньюма, Ньюма. Нет у тебя музыкального слуха, и вообще никакого. Витаешь в своих эмпиреях.

Света была права. Все так и было. На этих корпоративных вечеринках, которых было слишком трудно избежать, Женя чувствовал себя явно не в своей тарелке, человеком с другой планеты. Дикий — с их точки зрения — акцент, неумение легко перебрасываться репликами о вещах, всем хорошо знакомых, и тому подобное. И деликатные Надины сослуживцы с таким сочувствием смотрели на нее, так явно старались протянуть руку помощи, демонстрировали такое равноправие... Все это было тем более обидно для Жени, что у себя на работе, на своем уровне общения он был вполне уважаемым человеком. А о женщинах и говорить нечего — он по-прежнему пользовался у них большим успехом. Совсем недавно на корпоративной вечеринке своей организации он путем тайного шутивного голосования был избран секс-символом фирмы. «Документ», подтверждающий это, с подписями и печатями, он со смехом, но не без удовольствия предъявил Наде. Мол, и мы не лыком шиты.

Надя пыталась как можно мягче приспособливать Женю к новой культуре. Разговаривала с ним по-английски, поправляла неграмотные выражения. Подсовывала журналы: смотри, тут интересная статья, а вот это прочитай непременно; покупала билеты на спектакли. Но встречала все возрастающее сопротивление. Конечно, он очень уставал, но, кроме того, стал чувствовать какое-то унижающее его давление. А Женя, как вы помните, этого не переносил с детства.

Как-то после одного субботнего разговора с родителями они забыли завершить сеанс связи, и в Хайфе услышали раздраженную реплику Жени:

— Ты хочешь поднять меня до своего уровня? Куда уж мне! Не стоит стараться, меня устраивает мой. До Пуделя я все равно не дотянусь.

Наум тут же тактично отключился, Света промолчала и только тяжело вздохнула.

О Пуделе они слышали не первый раз. Так Женя называл профессора Пауделла, куратора Нади. Тот действительно очень напоминал пуделя — черные курчавые волосы, черные глазки, носик пуговкой, невысокого роста. Женя с очевидным злорадным удовольствием переслал в Хайфу по интернету фотографию с одной из парти, на которой Надя держала под руки его и Пуделя. Преимущества высокого и стройного Евгения по сравнению с низкорослым и довольно поношенным Пауделлом были очевидны. Не говоря уже о разнице в возрасте не менее двадцати лет.

Впрочем, у Пуделя была серьезная компенсация этих недостатков. Он был доктором наук, профессором, крупным специалистом в своей области и одним из самых влиятельных людей не только на кафедре, но и в университете. И что не менее существенно, мистер Пауделл был одновременно совладельцем нескольких

химических фирм, которые, фигурально говоря, пожинали плоды его творческих успехов. То есть работали по его патентам. Он был эдаким Гейтсом в миниатюре, хотя определение «в миниатюре» является скорее следствием финансовой масштабности Гейтса, нежели бедности Пауделла. Последний был тоже далеко, далеко не нищим.

По мнению Жени, Пудель слишком опекал Наду.

«Дети» по-прежнему сообщали о себе только хорошие новости, но даже «не имеющему слуха» Науму было ясно, что отношения в семье становятся далеко не безоблачными. Счастливый брак грозил превратиться в мезальянс.

Однажды Наум со Светой сидели, как голубки, на диване и смотрели очередное ток-шоу. Главная героиня, встретив большую любовь, разбила семью, забрала половину детей и ушла к другому. Сейчас она счастлива, бывший муж не очень. А хорошо ли это? И все на полном серьезе... Женщины относились к этой проблеме по-разному, но на вопрос «А вы лично могли бы поступить так же?» все, как одна, отвечали: «Нет, я бы так не смогла». Мужчины были менее категоричны.

Наум вяло реагировал на предмет дискуссии, лично его это не волновало. Поезд уже ушел, время для перемен упущено. Во всяком случае, он так считал. Света скептически пытала и явно соотносила все услышанное с событиями в Сан-Диего.

— Ох, скорей бы уже Надежда окончила свою учебу, и они поменялись местами, — наконец обнародовала она свои мысли. — Как такая смена называется в политике? Рокировка?

— Ротация.

Наум кисло поморщился. Он не любил напоминаний о своей былой привязанности.

— Жене пошел тридцать первый год. Если он сейчас не пойдет учиться, то все. Он и так уже забыл даже то, что знал.

— Я говорил. Нужно было потерпеть здесь всего два года, и было бы у обоих высшее образование. Но Женя терпеть не умеет.

— Ох эти твои «я говорил»! Кому от них легче? Ты только Жене не ляпни, он эти «я говорил» на дух не переносит. Так и ждет, что ты ему это скажешь. Нам только скандала не хватает. Ему и так нелегко.

— Им обоим нелегко.

— Да, конечно, Надежде тоже. Но женщинам нельзя давать слишком большой форы.

Наум заинтересовался.

— Почему женщинам? Надюша любит Женю. И вообще, женщины — ты слышишь, что они там говорят? — больше дорожат семьей, чем мужчины.

Света с иронией посмотрела на экран и на Наума.

— Знаток женщин... Когда такое было? Давно и... почти неправда. Говорят. Говорите тоже — помнишь анекдот? А статистику слышал?

Наум этот момент пропустил. Света постепенно раскалялась.

— Шестьдесят процентов заявлений на развод подают женщины. Нет, не верю я в их самопожертвование. Особенно в Америке, с их самостоятельностью. Они свой шанс не упустят. Не знаешь ты женщин.

— Одну знаю, мне хватает, — миролюбиво закончил Наум.

Света снова скептически хмыкнула. Наум отнес это на счет участников ток-шоу.

Наступило наконец с нетерпением ожидаемое время больших перемен, но, увы, надежды на ротацию не оправдались. Вместо них разразился настоящий кризис. Надя, как и следовало ожидать, с успехом — третьей на курсе — окончила университет, получила диплом и степень бакалавра. Но — к огорчению Жени — этим дело не закончилось. Мистер Пауделл предложил ей не работу, как ожидалось, а продолжение учебы. То есть вакантное место в аспирантуре и по окончании ее, через два года, маячила куда более солидная академическая степень магистра. Это уже был совсем иной уровень, нежели присваиваемое выпускникам не только университетов, но и простых четырехгодичных частных колледжей красиво звучащую степень бакалавра. Но самое главное, была заранее обещана после защиты серьезная и хорошо оплачиваемая должность в одной из его фирм. И это были не голословные обещания — во время обучения Надя должна была проходить стажировку в отделе этой фирмы, заранее готовясь к будущим обязанностям. О такой карьере можно было только мечтать.

Женя был в трансе, Света в полной растерянности. Наум не осмеливался выразить восхищение прекрасными перспективами Надюши, а уж он-то лучше, чем кто-либо другой, знал, как непросто этого добиться. Но сейчас такие восторги были бы неправильно поняты. Тем более, что Наум с трудом сдерживал столь «любимую» Женей фразу: «Я говорил!..» Пришлось просто помалкивать от греха подальше...

Мистер Пауделл вызвал Надю и долго беседовал с ней. Тон беседы — подчеркнуто уважительный и равноправный. Никакого второго плана не было даже в помине. Начал он с того, что откровенно признал: одной из важнейших задач своей университетской деятельности считает комплектование собственных фирм надежными и толковыми специалистами. Это основа успеха. Дальше шли обычные похвалы ее трудолюбию, констатация ее достижений за столь короткое время и т. д. Но особо Пауделл подчеркнул, что ценит ее целеустремленность и умение находить контакт и с боссами, и с подчиненными, сохраняя при этом симпатии и уважение и тех и других. И внутренне сохраняя дистанцию. Последнего качества Надя в себе не замечала, но ему виднее. Весь этот набор очень важен для руководителя и встречается не так часто. Мистер Пауделл надеется, что из Нади получится отличный и грамотный босс. Он так и сказал — босс.

Но как бы ни повернулась ситуация в дальнейшем, степень магистра и стаж практической работы в солидной фирме очень важны и уже сами по себе обеспечивают конкурентоспособность в будущем. Ни для кого не секрет, что прямо с учебной скамьи, без протекции найти работу ох как непросто. Специалистов этого профиля в Калифорнии избыток.

Пауделл умел говорить солидно и убедительно. И в то же время мягко давал понять, что в случае несогласия умывает руки.

Он прозрачно намекнул, что готовит ее к должности начальника отдела, который отвечает за внедрение всех новых разработок, проведенных под его руководством. Это означает ответственность за многомиллионные финансовые объемы, а также контакты на высоком уровне с весьма солидными людьми, серьезное и стабильное положение в сочетании с соответствующей оплатой. Судя по всему, Пауделл действительно верил в природную целеустремленность, надежность и контактность Нади. И в то же время заметил, что для этой важнейшей работы у него должно быть полное взаимопонимание с руководителем. Требование выглядело чисто деловым, но глаза Пауделла при этом затаились едва заметной пово-

локой. А может, все-таки показалось? Подозрительность провинциалки? Или следствие бессмысленной ревности Жени? Она внимательно посмотрела на солидного и делового руководителя и готова была устыдиться своих подозрений. И все-таки... Учигывая привычную для запуганного женским равноправием американского истеблишмента осторожность, все сказанное Пауделлом сомнений в определенных его намерениях и желаниях не вызывало.

Пауделл продолжал:

— Есть и недостаток в моем предложении, — Надя напряглась. — Получать вы будете немного, примерно столько же, сколько и сегодня. Аспирантура за счет фирмы, согласитесь, это уже немало. И потом, я не могу платить вам больше, чем остальным. И уверен, что вы и сами не захотели бы, чтобы я это делал...

Пауделл внимательно посмотрел на Надю. Та энергично замотала головой.

— Нет, конечно, нет. Ни в коем случае.

— Рад, что я в вас не ошибся. Не ошибся? — повторил вопрос Пауделл. И не ожидая ответа, продолжил: — Ну и отлично. Подумайте, посоветуйтесь с близкими. Время до начала следующей сессии у вас есть.

Надя ушла обдумывать предложение. Все оказывалось не слишком просто.

Разговор с Женей тоже был нелегким, а начало его просто обескураживающим.

— Я обо всем подумал — и ни за что не соглашусь, чтобы ты с этим Пуделлом терлась еще два года бок о бок.

— Женя, ты что говоришь? Куда тебя понесло? Терлась...

— Я сказал «бок о бок». Не знаю, о чем ты подумала...

— Только пошлостей нам не хватало.

Мрачная пауза затянулась.

— Женя, давай не будем бодаться. Какой может быть выход?

А выхода не было видно даже на горизонте. Правда заключалась в том, что альтернативы предложению Пауделла у них фактически не было. А если и была, то в высшей степени скверная. Пауделл прав на все сто процентов: слишком много специалистов такого профиля выпускают местные учебные заведения. И особенно сложно трудоустроиться эмигрантам без гражданства. Если Надя откажется от этого предложения, то найти такую работу, чтобы Женя смог продолжить учебу и чтобы платить няне Белле, не удастся. Даже при условии, что Женя останется на полставки в своей фирме, а на это нынешний его хозяин может и не согласиться.

Пауделл, призналась Надя, намекнул: он при отказе умывает руки, что можно понимать по-разному. Влияние его в этой области огромно. Во всяком случае, в Сан-Диего. А переезд из обжитого места в полнейшую неизвестность — что может быть страшнее?

— Теперь ты видишь? Он нас, а точнее тебя, загоняет в угол. Не говори, что ты этого не видишь.

— Женя, не примешивай ко всем неприятностям ревность. Ты мне не доверяешь?

Женя хотел с ходу возразить, но потом махнул рукой.

— Понимай, как хочешь.

— Подумай сам, у него могут быть любые красавицы. Ты сам видел одну такую на прошлой партии. Помнишь, чуть не упал? Зачем ему такая серая мышка, как я?

Женя обиделся за нее, а еще больше за себя.

— Почему серая? И почему мышка? Впрочем, он их покупает, тут много ума не надо.

— Не просто покупает. Женя, это не так. Он чего-то добился, а ты хочешь, чтобы все падало с неба. Чего-то добился — это такое же преимущество, как молодость, рост, красота. И тоже имеет цену. Иногда дороже, чем то, что от бога. Что просто свалилось на тебя. Как твои способности, которыми тебе лень распорядиться.

— Я смотрю, у него появился ярый защитник. Надежда, ты научилась красиво говорить. Впечатляет. Как по писаному. В какой книжке вычитала?

— Тебе не все равно? Ты же ни одной не прочел.

Женя действительно, как и многие нынешние молодые, художественной литературой, мягко говоря, не увлекался. Точнее — вообще не читал.

— Я парился по двенадцать часов в день, чтобы ты могла на этих книгах торчать...

— А я бездельничала? Ну да, поэтому у нас сейчас скандал, что я бездельница, а ты деловой.

Против этого Женя возражений не нашел. Замолчал и отвернулся. Надя поняла, что все прозвучало очень обидно. Перебор. Взяла себя в руки.

— Женя, мы не о том говорим. Мы можем выйти на совсем другой уровень жизни.

— Но это будет твой уровень, а не мой. А я хочу свой, — Женя заметил протестующий жест Нади. — Ну хорошо, наш общий. Мы же договаривались. Сейчас моя очередь стать умным.

— Это правда, Женечка. Ты полностью прав. Я же не спорю. Я просто не знаю, что делать...

— Зато знаю, чего не нужно делать. Если ты согласишься на эту долбаную магистратуру — я уйду. Так и знай.

И после паузы подвел итог:

— Тебе решать.

Надя признавала, что, в сущности, Женя прав. Они на такую двусмысленную ситуацию согласиться не могут. Не могут — пока вместе. В этом была основная сложность проблемы. Перед каждым из них возник соблазн серьезного успеха, качественного изменения жизни. Но, увы, только каждого в отдельности. Вместе не получалось.

Занятая своими проблемами Надя даже не догадывалась, что и с другой стороны — у Жени — тоже есть ящик Пандоры, который вот-вот грозил открыться. Опасность молодой семье грозила с двух сторон.

Женя прекрасно понимал, что для дальнейшего роста в качестве специалиста ему нужен как минимум диплом об окончании колледжа. Без этого никакое реальное продвижение по службе невозможно. Да и дистанция в этом случае между ним и Надей, будущим магистром и солидным боссом, станет непреодолимой. Но уже сейчас он ощущал огромное нежелание снова садиться за книги и сознавал, что еще через два-три года это будет практически невозможно. Зато змеем-искусителем перед ним маячила возможность стать бизнесменом — а в таком случае необходимость официальных регалий отпадала.

Путь для этого был проторенным и старым, как мир. Дочь хозяина Нелли, вполне симпатичная и абсолютно американизированная молодая женщина с трехлетним ребенком от первого пробного брака, не скрывала своих симпатий к молодому израильянину. И не только она. Сам хозяин фирмы благоволил к Жене и поощрял ее увлечение. Молодого парня, который меньше чем за два года стал признанным авторитетом в фирме, навстречу ожидало неплохое будущее, а это с точки зрения матерого бизнесмена дорогого стоило. Со свойственной многим американ-

цам старой закалки бесцеремонной прямолинейностью, он почти не скрывал желания видеть в потенциальном зяте не только партнера по бизнесу, но и в ближайшем будущем своего преемника. Хозяин признавался, что в столь быстро развивающемся деле, связанном с новыми технологиями, он уже не в состоянии угнаться за тенденциями. И просто по-человечески устал. Приходится доверять наемным помощникам, а хотелось бы опереться на родного человека. Кто мог стать этим гипотетическим родным человеком — нетрудно было догадаться. Дополнительным, но немаловажным стимулом было и то, что дед хозяина, основатель династии, помещь грека с евреем, в начале прошлого века эмигрировал в Америку из Одессы, и на этом основании все семейство сентиментально считало Женю земляком и едва ли не родственником.

Основанием для таких настроений было и невесть как проникшее в фирму подозрение, что в его семейной жизни не все обстоит благополучно. Причем эти слухи возникли еще раньше, чем сам Женя это неблагоприятное осознал. Как распространяется такая молва — объяснить невозможно, но каждый из нас знает подобные примеры из личного опыта...

Было бы гораздо легче бороться с соблазнительными перспективами, если бы Наде и Жене приходилось преодолевать неприязнь к новым кандидатам, особенно физическую. В этом случае появилось бы ощущение, что они продают себя за будущие блага. Но ничего похожего не было. Скорее наоборот...

С такой по-настоящему красивой и эффектной молодой женщиной как Нелли Женя и без всяких меркантильных целей с удовольствием завел бы шашни, если бы не опасался вызвать гнев хозяина. А тем более приятно было бы это сделать в отместку за ревнивые мысли и вполне ощутимый комплекс неполноценности, которые у самонадеянного ловеласа появились в последнее время по вине жены.

Условия для этого были как по заказу. Женин босс придерживался так называемого японского подхода к ведению бизнеса. Он старался, чтобы работники фирмы считали ее своим домом. Поэтому там нередко (намного чаще, чем в университете) устраивались корпоративные вечеринки с угощением и неизменными танцами. Атмосфера на этих парти была куда более демократичной, здесь, как уже говорилось, Женя чувствовал себя свободно и раскованно. Его английского вполне хватало для далекого от снобизма смешанного общества.

Демократизм хозяина доходил до того, что на важнейшие семейные торжества он устраивал фуршеты, на которые приглашалась верхушка фирмы, работники со стажем, опора хозяина. Последний год в эту местную элиту вошел и Женя. Ни для кого не являлось секретом, по чьей инициативе молодой эмигрант удостоился такой чести.

Общение с Нелли давалось ему без всякого напряжения, тем более что больше приходилось танцевать, чем разговаривать. Высокие, стройные (Нелли была почти такого же роста, как Женя), они любили и умели танцевать. И когда до них долетали реплики: «Прекрасная пара!», то обоим казалось, что это вполне может относиться не только к танцам. Фотографии молодых и красивых, разгоряченных танцем и эмоциями партнеров, больше напоминающие открытки, Женя хранил на работе, домой они не попадали — зачем гусей дразнить. Но время от времени рассматривая их и сравнивая с уже упомянутой фотографией, на которой был запечатлен низкорослый и потрепанный Пауделл, Женя высокомерно ухмылялся. И напрасно.

Дело было не только в деньгах. Настоящие «ходоки» не слишком часто бывают красавцами, а Пауделл в этом деле знал толк. Немалый опыт, ум и чувство меры делали его в общении что называется приятным во всех отношениях. Он с

успехом использовал не только свои достоинства, но и недостатки. В том числе позволял себе быть иногда немного смешным, иногда немного нелепым, что в женских глазах делало его «милым». Никак не меньше богатства на его имидж покорителя женских сердец работал огромный, да еще обросший легендами «послужной список» — это интриговало, создавало вполне ощутимую ауру. В этом списке, как гласила молва, явных авантюристок было немного, зато по секрету, шепотом назывались имена вполне обеспеченных и знающих себе цену умниц и красавиц. Значит, было в нем что-то такое...

И хотя Надя была немного ханжой — неизбежное следствие «совкового» воспитания, — ей тем не менее льстило уважительное и ненавязчивое внимание Пауделла. Временами ей казалось, что отношения между ними — если бы они возникли — могли бы быть достаточно серьезными. Пауделл в ее присутствии не раз говорил, что ему надоела роль немолодого шлейбоя, что он давно созрел для того, чтобы пойти по стопам Майкла Дугласа и остепениться. Нужно только найти свою Кэтрин Зета-Джонс, но Пауделлу хотелось бы, чтобы его избранница была серьезной, скромной и не столь вызывающе эффектной.

Все это высказывалось в узком кругу, на кафедре и, разумеется, в шуточной форме. Но при этом Пауделл так индифферентно смотрел на собеседников, подчеркнуто никого не выделяя, что на щеках у Нади невольно выступал предательский румянец.

Нет, интрига определено была.

И в одном Женя был абсолютно прав — решать придется Наде. Во всяком случае, в зависимости от ее решения события начнут разворачиваться в ту или иную сторону. Но пока они оба не предпринимали никаких шагов. Надя не рассылала свои резюме, как принято при поисках работы. Она сознавала, что сразу же в университет посыплются запросы, а это бы означало открытую конфронтацию с Пауделлом. Выяснить, почему Женя не подает документы в какой-нибудь колледж, не было смысла, в ответ на одну такую попытку он очень резко ответил:

— Если ты не ищешь работу, значит, тебя не должно интересовать, что я буду делать дальше. Это будет мое и только мое дело.

Больше Надя ни о чем не спрашивала.

— Чего они ждут? На что рассчитывают? — возмущенно хлопала себя по широким бедрам Света в далекой Хайфе. — Это как беременность — само не рассосется.

Наум долго вспоминал историческую Светину острогу.

Так прошел месяц. За ним другой. Через две недели должен был начаться учебный год. Времени уже почти не оставалось. В доме Беляевых стужались тучи. Не только советоваться друг с другом — поддерживать любой нейтральный разговор стоило больших трудов. Фразы повисали в воздухе. Няня Белла, обычно говорливая, на сей раз была тише воды и ниже травы и старалась держаться от хозяев на безопасном расстоянии.

Но таково свойство человеческой природы: чем реальней становилась перспектива разрыва, тем больше оба осознавали, насколько дорога им семья. Как тяжело рвать столь прочные узы. И кроме того, несмотря на молодость, оба в глубине души понимали: если они согласятся на перемены, если разойдутся, то отношение к ним нынешних соискателей может немедленно измениться. Они вполне могут оказаться героями римейка известной картины Репина «Не ждали»... Такое слишком часто случается в жизни.

8

И в Хайфе настроение было хуже некуда. Хотя дети старались не огорчать стариков и ничего кроме «мы пока ничего не решили» им не рассказывали, но Света видела на экране компьютера их лица, ловила взгляды, которыми они обменивались. Она разбиралась в ситуации, пожалуй, не хуже, чем они сами. Что-то вылавливала между строк, о чем-то догадывалась. Например, видя удивительное спокойствие Жени, она давно поняла, что «этот паршивец» нашел запасной выход. «По глазам вижу. Я его знаю как облупленного».

В перерывах между сеансами связи Света с Наумом переваривали увиденное и услышанное. Света как неприкаянная ходила по квартире из угла в угол. Но молчать и таить все в себе она никогда не умела, поэтому свои бесконечные сомнения и размышления обрушивала на единственного слушателя, который всегда был под рукой.

Теперь их прогулки были не только полезны для здоровья, но и насыщены увлекательными разговорами, сопровождаемыми по одесской привычке бурной жестикуляцией. Пожилые пары, прогуливающиеся по оживленному маршруту вдоль моря, как правило, делали это в молчании — обо всем за много лет давно переговорено. И они с завистью оглядывались вслед супругам, которые, судя по всему, не утратили интереса к жизни и друг к другу.

Наконец Света окончательно подвела итоги ситуации в Сан-Диего и на одной из прогулок постаралась донести эти выводы до своего личного мыслителя, разбирающегося в каббале и Ницше, но ничего не понимающего в реальной жизни.

— Слушай, товарищ ученый... извини, сейчас ты господин ученый. Можешь решить простую задачу с несколькими неизвестными? Я обычный человек, с обычным советским институтским дипломом, то есть практически без образования. Я решения не найду. Но ты же кандидат наук, а в Израиле даже доктор.

— *Одна голова хорошо, а две лучше*, — добродушно поддакнул Наум.

— Вот тебе первое неизвестное. Надежда не может не согласиться на это предложение. И главное, на работу в фирме. Такой шанс выпадает один раз в жизни, и то не каждому. У меня рука не поднимается ее осуждать.

— *Не судите, да не судимы будете*, — удачно вставил Наум.

— Погоди ты... Но у Пуделя свои виды. И Надежда это понимает. И я понимаю. Слишком все гладко и шито белыми нитками.

— Да, это не исключено, — вздохнул Наум. — Мистер Пауделл...

— Он должен понять, как дважды два, что тут ему ничего не светит, — и отказаться от своих планов.

— Если они есть.

— А ты сомневаешься?

Наум только пожал плечами. Света безнадежно махнула рукой — что с тебя возьмешь! — и продолжала:

— Но Надежду в фирму он должен принять. Понял? Вот тебе второе неизвестное.

— Почему неизвестное?

— Потому что неизвестно, как это сделать.

— Ну знаешь ли... Понял — не понял, отказался от мыслей — не отказался. Как это определить? Нет четкой информации. И индикации.

— Вот! А должно стать всем ясно. Главное — Жене должно быть ясно. А иначе он из семьи уйдет. Ты его знаешь...

— Знаю, — опять вздохнул Наум. — Кому знать, как не мне...

— Это какое по счету неизвестное? Третье? Но самое главное четвертое — должно хватить денег на учебу Жене, на няню, на квартиру, на жизнь. Еще на два года. Если Женя не получит диплом, а она станет большой шишкой, тогда все, на этой семье можно ставить крест, — Света горестно покачала головой. — Но Надежда, Надежда! Толковая же девица. И так любила Женю. Чего она тянет?.. Неужели решилась...

— Не верю, — решительно возразил Наум. — Ни за что не поверю. Но в одном ты, Светочка, права. Должно быть системное решение. Только системное, одним пунктом не отделаешься. Но самое важное — без образования сейчас дороги нет... А ведь все можно было предвидеть. Я гово... — и Наум осекся. Сейчас это было ох как не вовремя. Впрочем, он всегда любил изрекать что-нибудь не вовремя.

Когда в Хайфе уже перестали надеяться и ждали со дня на день самых огорчительных известий, раздался телефонный звонок. Был будний день, около восьми часов вечера, для связи с Америкой время самое неподходящее. Света взяла трубку — она всегда брала трубку, так как общение Наума с внешним миром постепенно свелось к минимуму.

— Что такое, что-то случилось? — и она тяжело опустилась на стул. Трагические интонации в ее голосе на Наума не произвели большого впечатления. Света всегда очень драматично реагировала на любые новости в любой беседе. Всплескивала руками, удивлялась, ужасалась — почти вне зависимости от содержания разговора. Такой темперамент. Эта ее манера прогрессировала с годами. Сказанная с дрожью в голосе любимая фраза: «Какой ужас!» — могла с равным успехом означать и то, что соседский котенок написал на диван, и то, что сама соседка попала в больницу в тяжелом состоянии. Наученный опытом Наум спокойно слушал краем уха обрывки разговора, а сам разыскивал что-то в интернете.

— Ну, слава богу хоть на этом... Да говори ты толком... Да, здесь, конечно, здесь... Где ему быть... Хорошо, я набралась терпения... Я слушаю...

И дальше наступила долгая пауза, прерываемая только шумными вздохами Светы. Но вот прозвучало излюбленное:

— Какой ужас! Ох какая я дура. При чем тут ужас?.. Прости, это я от неожиданности. Сколько времени?.. Полтора месяца? Это точно?.. А кто об этом знает?.. Всё, слушаю, слушаю...

И опять длинная пауза. Света слушала не прерывая и не вставляя реплик — очень на нее не похоже.

— Да, огорошила ты меня. Это комбинация... всем комбинациям комбинация. Надо еще поговорить. Такое дело... Я завтра позвоню, когда... Ну, ты понимаешь, когда смогу. Примерно в это время... Не все мне понятно... Надо подумать, обсудить. Ну, целую...

Света положила трубку и застыла, глядя куда-то в пространство.

«Комбинация», «целую»... Наум заинтересовался.

— Кто звонил? Что-то случилось?

— Ничего, наши бабские дела. Тебе не интересно.

Весь вечер Света двигалась как сомнамбула, со скоростью в несколько раз меньше обычной. Что-то забывала, что-то роняла. На вопросы отвечала невпопад. То же продолжалось и на следующий день. Наум даже забеспокоился:

— Что с тобой, давление?

— Если бы только давление... Да нет, все в порядке.

Она неожиданно склонилась над сидящим в кресле Наумом и с чувством поцеловала его в лысину. Наум даже просветлел — давненько он не удостаивался такой чести.

— Ох, Ньюма, Ньюма... Так ты говоришь — системный подход? Иначе нельзя? Ну-ну, доктор наук...

Вечером, часам к семи, Света объявила, что на прогулку не пойдет, болит голова. А Наума отправила в магазин за черносливом — уже закончился.

— Из магазина пойдешь на море, а я пораньше лягу.

Наум послушно отправился по маршруту.

По возвращении он застал совершенно необычную картину. На журнальном столе, покрытом праздничной скатертью, был выставлен отличный натюр-морт. В центре стояла бутылка дорогого импортного коньяка, подаренного друзьями к недавней годовщине их свадьбы. Некошерная ветчина. Банка черной икры из особых запасов. Печень трески нерусского происхождения. Овощи, фрукты, неизменный хумус — словом, все то, что в крайне торжественных случаях позволяют себе русские репатрианты. Удивительным было и то, что стол был накрыт в салоне, хотя, как правило, они ели на кухне. Мало того, все это изобилие являлось глазу в девять часов вечера, а согласно строгому семейному режиму позже половины седьмого есть было категорически запрещено.

За столом в праздничном платье восседала причесанная и накрашенная Света. Наум отметил, что глаза у нее были немного красными.

— *Это праздник со слезами на глазах?* — игриво спросил Наум. — Опять я что-то забыл? Кто-то из нас женился, родился, развелся?

— Иди, остряк, прими душ и оденься поприличнее. Не тяни.

— Но кто виновник торжества? Мы ждем кого-то?

— Никого. Мойся, обо всем расскажу...

Когда Наум в чистой футболке и наглаженных шортах подошел к столу, в тарелках была закуска, в рюмках — коньяк, и возле каждой рюмки соблазнительно выглядывал бутерброд с толстым слоем икры. Все это было неспроста, и Наум наконец проявил проницательность.

— Так что мы празднуем? Неужели новости из Америки?

— Да. Из Америки. Но сначала выпьем за здоровье, оно нам очень понадобится...

На это Наум, которого Света обычно ограничивала в выпивке, охотно согласился.

Выпили, чуть закусили, и Света тут же налила по второй.

— *Между первой и второй — промежутки небольшой.* Но новости хоть со знаком плюс?

— Плюс, плюс, успокойся. Системный подход... Давай еще по одной.

— Ну ты даешь... Впрочем, я всегда за. *Ин вино веритас.*

С аппетитом закусывая после второй, Наум нетерпеливо сказал:

— Ну давай рассказывай. Хватит интриговать.

Света не интриговала. Она явно и очень сильно нервничала, и любой, кроме Наума, давно бы это заметил.

— Так, значит, эта беременность все-таки рассосалась? Как, каким образом?

— В том-то и дело, что не рассосалась. Надя ждет ребенка.

Наум выдал немую сцену. Это было настолько смешно, что Света не выдержала и, несмотря на свое с трудом скрываемое волнение, рассмеялась. Правда, в смехе ее звучали слегка истеричные нотки.

Но главное было сказано. Оставалось все по порядку объяснить Науму, который, по его собственному признанию, «пока не врубился».

В изложении Светы это выглядело примерно так.

Надя беременна уже полтора месяца, и этот неожиданный шаг, кажется, действительно помогает решить все проблемы.

Она сейчас может смело подавать документы в магистратуру. У Пауделла нет никаких оснований их не принять. Только через два-три месяца он воочию убедится, что все его планы можно выбросить на свалку, но будет уже поздно. Это — Света отметила с явным удовольствием — первая пара неизвестных в том уравнении, которое она недавно предлагала решить Науму.

И третье неизвестное. У Жени теперь нет никаких оснований противиться ее дальнейшей учебе. Никаких поводов для ревности. И нечем будет оправдывать свои шашни на стороне, в чем Света его не без оснований подозревает. Жена с двумя маленькими детьми — надежный якорь.

Света замолчала и никак не могла набраться решимости закончить объяснение.

Но кандидат технических наук Наум Сипитинер оправдал возложенные на него надежды и догадался сам. Не напрасно он в не слишком далеком прошлом отличался умением четко видеть последовательность в цепи доказательств и без-ошибочно выделять основное звено.

— Постой. Постой. А четвертое неизвестное? Деньги? Раньше их не хватало на одного ребенка, теперь их будет два. И та же няня Белла теперь будет обходиться еще дороже... Как же Женя пойдет учиться?

Ответа не было. Наум внимательно посмотрел на Свету. Она отвернулась, и глаза ее наполнились слезами. Впрочем, это и был ответ.

— Ах, так... — Наум даже не успел испугаться. — Ты поедешь в Америку. Бесплатная няня Света заменит дорогую няню Беллу. Действительно системный подход. Света украдкой вытерла слезы и заторопилась:

— Почему я? Мы оба поедem туда. Надя говорит, что мы оба...

— Надя говорит... На какие шиши? Два старых человек без гроша в кармане, без прав, но с болячками...

Света продолжала сыпать словами. Нет, нет. Не все так безнадежно. Она как одинокая старенькая мама вполне может получить медицинскую страховку, у них это называется иншуренс, — это самое главное. В семье двое детей, и одинокая старенькая мама — она со вкусом повторяла это сентиментальное определение — даже может получить гринкарту. Надя узнавала. А уж на тарелку супа Света всегда заработает. Полдела, таким образом, уже решается... Правда, с Наумом на первых порах хуже, для иммиграционных служб он чужой человек, не член семьи, но гостевую визу...

Наум почти не слушал. Он как-то застыл и внезапно со всей очевидностью осознал масштаб и неизбежность ожидающих его перемен. Это был шок, настоящий шок. Равнодушно и устало он сказал:

— Света, оставь. Мне семьдесят два года. Жить на птичьих правах я уже не могу. И не буду. И ты это прекрасно понимаешь. И содержать меня без статуса и медицинской страховки они не смогут, это ежу понятно. Ты — другое дело. Ты одинокая старенькая мама и незаменимая бабушка. Ты можешь там жить и помогать. А если мы будем жить там за печкой оба, то будем приживалами. И это будет на порядок дороже няни Беллы. Зачем попусту тратить слова... У меня, к примеру, операция простаты на носу, а там это немереные тысячи. Ха! Простата на носу! Здорово сказано! *Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...*

Света продолжала плакать и уже не пыталась это скрывать.

Наум налил рюмку. Поднял. Рука дрожала. Выпил без тоста.

— Ньюма, только два года. Пока Женя окончит учебу, а Надя — аспирантуру. Пока они встанут на ноги, — И неожиданно перешла в наступление: — Если

бы это был твой сын, то ты бы понял, что ломать ему жизнь в самом начале нельзя. Даже ценой двух лет неудобств. Ты же не ребенок и, тьфу-тьфу-тьфу, пока вполне можешь себя обслужить. А если Женя бросит учебу — всё. У них будет совсем другая жизнь. Он нам не простит. И я себе не прощу.

— И мне...

— Да, и тебе тоже, — жестко сказала Света.

Это была угроза. Может быть, первая за всю совместную жизнь. Но Наум в ответ только кисло улыбнулся. Какие угрозы могут быть в таком положении? Чем его теперь можно напугать? И Света это без слов поняла.

То ли коньяк сыграл свою роль, то ли экстремальная ситуация взбодрила, но в Науме проснулись его аналитические способности и, казалось, навсегда почивший в прошлой жизни обиженный, злой сарказм. Он увидел дальнейшее развитие событий на много ходов вперед.

— Всего на два года... Света, мы все знаем — в Израиль не возвращаются. Раньше хоть под старость бывшие израильтяне приезжали умирать на родную землю, а сейчас даже этого нет. Ехать под очередную бомбежку и при смерти не каждый захочет.

— Какой ужас! Ньюма, бойся бога. О чем ты говоришь? Мы столько лет вместе. Дети встанут на ноги, и мы...

— Ладно... Проехали... Как я понял, это Надя одна все решила, без Жени?

— Да, Женя пока не в курсе.

— А как же ребенок появился, если Женя не в курсе?

— Старым способом. Ты уже забыл, как это делается...

Несмотря на трагичность момента, Наум смутился. Он действительно последнее время как-то стал забывать...

— Ладно, не обо мне речь. Ну Надежда, ну железная леди. Все за всех решила. Никому выбора не оставила. Пауделл действительно ее примет, и потом, когда увидит, чем дело кончилось, вынужден будет помалкивать. Женю тоже за шкуру — и назад, в многодетную семью. И тебя, Света. Да, и тебя. Точный расчет. Двух малюток ты бросить на произвол судьбы уже не сможешь, должна будешь поехать, если у тебя есть сердце. И помочь сыну закончить учебу — тоже дело святое. Отличная комбинация с жертвой пешки.

— А что, что было делать? Какой был выход?

— Хоть посоветоваться. Особенно с теми, кто пострадает. Хотя бы... со мной.

Наум замолчал. Больше в этот вечер Свете не удалось выдавить из него ни слова.

Часть вторая

МААЛОТ

1

Самыми тяжелыми для Наума оказались двадцать дней до отъезда Светы. Невыносимыми. Он растерялся, испытывал страх перед будущим, иногда переходящий в панику. Даже образ спокойного, доброжелательного, интеллигентного человека, который он скроил на себя в юности и с которым сжился в течение многих лет, стал расплываться по швам. До громкого скандала дело не доходило, но в его голосе иногда прорывались довольно резкие, даже какие-то визгливые нотки, со-

всем не соответствующие стандарту типичного представителя образованной алии, прибывшей из Советского Союза. Эти давно забытые даже его родителями скандально-местечковые интонации удивляли и его самого, и Свету.

Когда люди много лет живут вместе, не расставаясь ни на день, они обычно перестают видеть друг друга. Скорее, чувствуют и ощущают. Взгляд привычно скользит по бесконечно знакомому лицу, фигуре, почти ничего не различая. Но в этой экстремальной ситуации супруги многое увидели другими глазами.

«Как он постарел, — думала Света. — Почему я этого не замечала? Стал еще больше сутулиться, хотя и раньше за ним это водилось. Но не до такой степени. Немного усох, что ли? Нет, определенно он стал не то чтобы меньше, но как-то помельче. А как он напуган, я таким его еще никогда не видела. Роденький мой. Боже мой, как же я могу его оставить?!»

Она непривычно много хлопотала вокруг Наума, учила готовить, складывала вещи с большими, во весь лист записками-памятками типа «Здесь теплое постельное белье». На холодильник вывесила инструкцию на двух листах.

— Ей-богу, я же не младенец, — сопротивлялся Наум. И тут же скисал — *старэ як малэ*.

Света совершенно не задумывалась о том, что ее ждет в Америке. Даже вещи в дальнюю дорогу стала собирать лишь за день до отъезда. Все мысли были только о Науме. И он не мог не оценить это. Но в то же время не мог не видеть, как изменилась Света за эти короткие двадцать дней, когда в ее жизни возникла необходимость (и возможность) перемен. Это было буквально чудесное превращение. Она на глазах помолодела лет на двадцать. Движения приобрели былую легкость, плечи расправились, все ее крупное тело излучало энергию, словно получило солидную порцию адреналина в крови.

И это вовсе не свидетельствовало о черствости или бездушии — такое превращение происходило помимо ее воли. Она была надежным и верным по своей натуре человеком, она по-настоящему страдала от предстоящей разлуки с Наумом, и глаза ее частенько были на мокром месте. Но эти же самые глаза стали смотреть на мир совершенно иначе. В них загорелась надежда.

Надвигающаяся старость в Израиле, когда можно с полной гарантией предвидеть все до самого конца, была Свете органически противопоказана. Что их ждало? Съемная квартира, постоянное убогое пособие, однообразная жизнь. Зато не было опасности попасть в критическое положение. Минимум, на который они могли рассчитывать, включая медицину, был стабилен. Единственными ожидаемыми изменениями становились новые болячки или очередные более или менее серьезные военные обострения, без которых ни Израиль, ни его соседи уже не могли обойтись. Но ни то ни другое не радовало. Один свет в окошке — возможность время от времени поехать в гости к детям и внукам. Туда и обратно. Короткая вспышка, только освещающая практически неизменное однообразное житье-бытье. Оказалось, что к этому спокойствию и стабильности наши пенсионеры относятся по-разному.

Наум неожиданно для себя обнаружил, что его гражданская жена все еще довольно-таки молодой и энергичный человек, во всяком случае, по сравнению, увы, с ним. Грядущие перемены, поездка в неизвестное, трудности, чужие обычаи и чужой язык ее несколько не пугали. Скорее наоборот, помогали вновь ощутить себя живой. А Наум с ужасом представлял себе, что ему подобное когда-нибудь может угрожать. Нет, на преодоление он уже не был способен. Они со Светой, как выяснилось, довольно давно жили в различных временных измерениях, хотя этого и не осознавали. Вывод не из приятных.

Свету он даже в мыслях не обвинял. Не решался. Он действительно не видел другого выхода из сложившейся ситуации. Ради будущего сына любая мать — думал он — пожертвовала бы всем, а не только двумя годами разлуки со старым мужем. Смущало его, правда, это условное определение — два года. И сама Света все чаще использовала формулировку: «Ты будешь с нами, не волнуйся, я костыми лягу...» «Я вернусь» — не прозвучало ни разу. Но Наум трусливо не решался ставить точки над «ф». «Там видно будет, — говорил он в ответ. — К тому времени *или шах умрет, или шах*». И мрачно про себя добавлял: «Или я...»

Но самыми болезненными были его потаенные мысли: если бы Женя был его сыном, произошло бы все это? И ответ для него был ясен — безусловно, нет. Тогда рассматривались бы любые другие «комбинации», только не эта. Но вслух задавать такой вопрос он не стал бы ни за что. А Свете с ее вполне земным и реалистичным складом ума абстрактные размышления в голову не приходили.

Проводы и поездка в аэропорт были мрачными донельзя. Наум в соответствующем настроении ключе сострил, что это похоже на похороны, но довольно оригинальные — сам покойник является провожающим. Света черного юмора не понимала и не признавала, она посмотрела на Наума с таким неодобрением, что он без слов понял: нужно держать себя в руках.

— Ты права. Не буду. *В хоккее играют настоящие мужчины*, — пообещал он.

Все остальное время до прощальных объятий включительно Наум даже пытался подбодрить совсем расклеившуюся Свету и держался вполне достойно. А по приезде домой добросовестно постарался напиться. Единственным результатом была страшная головная боль на следующее утро, но настроение от этого лучше не стало. Под бдительным присмотром Светы он в последние годы совсем потерял квалификацию — я имею в виду умение напиваться. А впрочем, как и положено интеллигентному еврею, пристрастия к алкоголю никогда не питал.

Назавтра, ближе к вечеру, позвонила Света и сообщила, что долетела благополучно; что дети ее встречали в аэропорту на двух машинах; что домик у них отличный, с ухоженной лужайкой; что у нее отдельная комната с отдельным входом и им (разумеется, вместе с Наумом) там будет прекрасно; что Верочка — это не ребенок, а чудо...

Голос ее вибрировал от избытка впечатлений и эмоций. Под влиянием этого разговора Наум напился с тем же результатом, что и накануне. В полной прострации он провалился еще двое суток на диване, даже не включая телевизор. А на пятый день (был четверг) позвонила лучшая Светина подруга и попросила его куда-нибудь вечером не уходить.

Подруга пришла не одна, вместе с ней ввалилась вся их компания в таком полном составе, в каком они давно не собирались. С продуктами, выпивкой, шутками и прибаутками. Бурное их веселье носило какой-то немного истеричный характер. Быстро общими силами накрыли стол. Наум хотел было сказать, что рановато они пришли, сегодня еще не седьмой день, — имея в виду поминки по еврейской традиции. Хватило соображения сдержаться. Но все друзья, особенно женская половина, смотрели на него с сочувствием, вполне соответствующим этой невысказанной остроте. А любимая Светина подруга подошла к окну и выглянула из него с таким ужасом, как будто хотела проверить — убьется Наум, если в приступе отчаяния выбросится из окна, или, даст бог, останется жив.

Если что-то могло заставить Наума взяться за ум, так именно этот визит. Все-таки он на доисторической родине привык в течение долгих лет бороться со

всеми обстоятельствами и с самим собой за сохранение хотя бы показного самоуважения. Не всегда получалось, последние годы в Израиле он совсем расслабился и махнул на свое реноме рукой. Но закалка-то была! И в тяжелое время Наум призвал на помощь весь свой прошлый многолетний опыт.

2

Как и положено научному работнику, он начал с расчетов. Света от щедрот детей оставила ему две тысячи долларов — на первое время, сказала она. Наум твердо решил жить только на свои. Расчеты показали (впрочем, можно было обойтись и без них), что на социальное пособие одиночки в Израиле прожить нельзя. А в этой квартире и в этом районе, да еще без Светиных подработок, и подавно. Все складывалось одно к одному. Прежде всего, следовало заняться делом — лучшим средством от тоски и депрессии. На прибежище в алкоголе Наум рассчитывать не мог, опыт предыдущих попыток это доказал. Второе — следовало уйти от расслабляющего сочувствия своей компании. В этом желании проявился самолюбивый мазохизм, в значительной степени свойственный ему и раньше. Вывод следовал автоматически: нужно поменять не только квартиру, но и район, и город, то есть переехать куда-нибудь в Тмутаракань — даже в маленьком Израиле есть такие места. Туда, где относительно дешевые квартиры на съем и куда не доберется даже лучшая Светина подруга. Израильская Тмутаракань носит гордое название «города развития».

Почему-то сразу же в его сознании всплыл Маалот — маленький городок, расположенный в лесистой части Верхней Галилеи на высоте 600 метров над уровнем моря. В туристических рекламах он был очень хорош и назывался там «Швейцарией в Галилее». Но Наум побывал в этой местной Швейцарии не так давно проездом, и ему не очень понравилось. Городок действительно симпатичный, хоть и не слишком ухоженный. Зато отдаленный, а богатая для Израиле природа предгорий действовала успокаивающе и умиротворяюще. Выглядевшие вполне естественно лесистые склоны выгодно отличались от синтетических насаждений перенаселенной Хайфы и ее окрестностей. Тем лучше: там можно гордо лелеять свою обиду, ни перед кем не позируя и не пытаясь делать хорошую мину при плохой игре. Правда, Маалот расположен недалеко от границы, что в Израиле всегда вызывает опасения. И к нему примыкает арабская деревня Таршиха. Но последние шесть лет север был самым спокойным районом. Ливан, Сирия и «Хизболла» (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить) не проявляли признаков агрессии, а от буйных палестинцев городок находится по местным меркам относительно далеко. Впрочем, Наума это мало волновало, он с большим успехом уверял себя, что ему нечего опасаться, так как нечем дорожить. Зато там был не такой убийственно влажный климат, как на побережье. Немолодые репатрианты из СНГ, как правило, не могли себе позволить кондиционер и в летнюю жару на побережье испытывали муки днем и ночью, а в горной местности в основном только днем — ночью было полегче. Несомненный плюс, позволивший Науму махнуть рукой на очевидные минусы, и в первую очередь на оторванность от всех за пятнадцать лет хоть как-то налаженных связей. Обида и болезненные амбиции толкали его на полное одиночество. Но именно этого ему сейчас и хотелось.

План, как и следовало ожидать, первое время давал отличные результаты. Наум загрузил себя до такой степени, что на страдания и бессонницу ни сил, ни времени уже не оставалось. Очень много усилий отняли поиски квартиры в другом городе. Телефон в этом ему почти не помог — слишком часто отвечали на иврите. В таких случаях Наум говорил одно из немногих знакомых ему ивритских

слов — «слиха» («извините») — и безропотно отключался от абонента. Приходилось брать ноги в руки и самому отправляться на поиски — труд нелегкий, даже учитывая небольшие, по российским меркам, расстояния. Бесконечные пересадки с автобуса на автобус в период уже начавшихся осенних пыльных и душных хамсинов, осмотр похожих друг на друга запущенных и облезлых квартир, переговоры с посредниками и хозяевами — только человек, прошедший через это горнило, может по-настоящему оценить подвиг нашего уже немолодого героя.

В конце концов он действительно остановил свой выбор на Маалоте.

Он снял невысокую пристройку, прислонившуюся к задней стене солидного, но очень облезлого двухэтажного дома. В Израиле такие пристройки в свое время были распространены, да и сейчас в старых районах они не редкость. Дом с пристройкой были расположены на небольшом, относительно плоском участке, в гордом одиночестве — от остальных зданий он был отрезан дорогой, ведущей в город. По другую сторону, метрах в двадцати от пристройки, начинался крутой спуск в долину, местами почти обрыв. Фасад главного здания снизу вверх смотрел на каскад улиц и домов, ярусами поднимающихся к центру, а из окон пристройки Наума открывался веселенький вид на красные крыши коттеджей и на маленькое искусственное озеро (которое бы на Украине называлось попросту прудом), расположенное довольно далеко внизу, в долине.

Видимо, отдаленность дома не способствовала популярности его среди квартиросъемщиков. А если жильцы и были, то заботы о доме явно не проявляли. К нему уже много лет не прикасалась рука человека, за исключением случаев, когда нужно было что-то ободрать, отбить, исцарапать или испачкать. Но до сих пор было заметно, что в свое время этот дом строился добротнo, для солидной семьи и за солидные деньги. Главное здание, судя по всему, давно и безнадежно дожидалось нового хозяина. А следов жизни в пристройке вообще не было заметно.

Словоохотливый агент из конторы по найму прямо вон из кожи лез, чтобы соблазнить неожиданного кандидата. Но что можно было придумать, глядя на запущенный участок, отслаивающуюся штукатурку и прочие прелести?

— Кладка в два ряда роскошных кирпичей. Как крепостная стена. Их пушками не пробьешь.

— Какой дурак станет пробивать их пушками? — досадливо поморщился Наум. Но он ошибался. Желанющие впоследствии нашлись.

Агент изменил направление агитации на ходу. Такие стены полуметровой — немного преувеличил он — толщины делают помещения теплыми зимой и прохладными летом.

— Без подогрева и без кондиционера? — не удержался от ехидной реплики Наум.

— Именно так, — не смутился, судя по произношению, недавний репатриант из Украины: уж очень ему нужны были деньги. А в доказательство указал на действительно отличные кирпичи, то здесь, то там выглядывавшие из-под облезлой штукатурки. Впрочем, их можно было наблюдать и внутри помещения. Жутковатое зрелище. И до ближайшего продуктового магазина было не близко. Зато одиночество было гарантировано и арендная плата невысока. Вдвое меньше той, которую Наум платил в Хайфе. При такой квартирной плате на пособие можно было прожить — если постараться, конечно.

Пристройка состояла из большой, около сорока квадратных метров комнаты, в которой вполне могли разместиться спальня, гостиная и рабочий кабинет одновременно, и солидной, по израильским меркам, кухни. Между ними размещался туалет и ванная комната, с настоящей большой ванной, что в таких пристройках не часто

встретишь. Все было запущено, но фронт строительных работ, который ожидал Наума, мог стать огромным плюсом в борьбе с не отступающей депрессией.

Договорились, что стоимость материалов для ремонта Наум будет вычитать из и без того низкой арендной платы, зато свой труд он предоставит даром. На том и порешили. Наум перевез свой скарб из Хайфы и, хмыкнув (*не боги горшки обжигают*), принялся за дело.

Он не был мастером на все руки, но трудолюбие, педантичность и добросовестность частенько стоят не меньше, чем квалификация. А торопится ему было некуда.

Прежде всего он перевел к себе из Хайфы телефон и интернет и теперь по-прежнему мог общаться со Светой. Там, в Америке, при энергичном хозяйничанье Светы и еще более энергичном управлении Нади все налаживалось. Няня Белла, поплакав, нашла себе новое место. Женя безропотно поступил в солидный (и не слишком дешевый) колледж. Его босс, разочарованный последним поворотом событий, нехотя оставил бывшему любимцу два-три вечерних часа для подработки — гроши. Надежда (теперь уже Наум стал ее называть Надеждой) начала новый цикл учебы и работы в фирме. Она уже призналась мистеру Пауделлу в содеянном, так что на увеличение обещанной ей заранее очень небольшой зарплаты могла пока не рассчитывать. С деньгами в семье было туго, зато во всем остальном неплохо. Света получила полную медицинскую страховку и даже что-то около трехсот долларов ежемесячно на питание, что в их скудном бюджете было не лишним.

Основной темой разговоров были успехи детей и изумительное поведение Верочки. Наум изо всех сил старался гордиться и радоваться вместе с ней, но полного соучастия не было. И это его расстраивало. Это свидетельствовало о природной злобности его характера, а значит, он вполне заслужил свой безрадостный финал...

К его удивлению, «комбинация», затеянная Наумом, — переезд в Маалот и начало ремонтных работ — шока у Светы не вызвала. Это лучше, сказала она, чем сидеть без дела и есть себя поедом.

— Ну да, *чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*.

— Нюмочка, так оно и есть. А что в этом плохого? Только помни, что по возрасту и по здоровью ты уже давно не дитя, и ни в коем случае не надрывайся. Потихоньку, полегоньку, будь осторожен, и все тогда будет в порядке.

Света всегда смотрела в корень и говорила то, что думала.

Дальше шли неизбежные взаимные вопросы о здоровье, о давлении. О простатите, который проявлял себя все более угрожающе. Отчет Наума о питании всегда вызывал самые большие нарекания.

— Потерпи, родной, — неизменно заканчивала она разговор, — скоро будем вместе.

Когда наступит это скоро и где они будут вместе, она не уточняла. Наум не спрашивал.

3

Наум приступил к трудотерапии. Наш доктор, он же кандидат наук, разумеется, все тщательно продумал. Перечень основных этапов работ выписал на листе бумаги, который вывесил на холодильнике. В основу были заложены два принципа. Первый — непрерывность. У него не должно оставаться свободного времени для того, чтобы задавать себе фатальные вопросы и посыпать голову пеплом. Бессонница должна стать непозволительной роскошью. Но при этом ни в коем случае нельзя перегружаться, нельзя пренебрегать инструкцией Светы — нужно помнить

о возрасте. Части тела Наума и без нагрузки готовы были отказать в любое время, очень важно было не доводить их до греха. На входную дверь Наум приклеил любимое израильянами выражение «ляд-ляд» — потихоньку-потихоньку, но в русской транскрипции. Работа должна быть не слишком интенсивной, но непрерывной. *Торопитесь медленно!*

В Маалоте половину населения составляли русскоговорящие репатрианты, проблема языка, таким образом, перед ним практически не стояла. Наум долго и нудно, что было в его характере, консультировался с продавцами в строительных отделах магазинов. По их совету он познакомился с двумя немолодыми малярами, прекратившими профессиональную деятельность по причине дряхлости. Конкуренцию друг другу эта компания составить уже не могла, и поэтому старички ему выложили все, что знали. Особо их подкупило основательное отношение Наума к делу — получаемые инструкции он тут же четким почерком старательно заносил в толстую тетрадь. Такого в Израиле они не видели! От удивления один из них дал ему на время стремянку, другой — целый набор инструментов, который, судя по их виду, просто не решался выбросить на помойку. Тем не менее для Наума это было серьезной экономией в его хлипком бюджете.

Самым трудоемким делом оказалась доставка материалов из строительных и хозяйственных магазинов. Их потребовалось на удивление много, а денег на оплату транспорта, естественно, не было. Науму пришлось искать выход. Он спрятал гордость в карман, разыскал кем-то выброшенную детскую коляску для близнецов устаревшей конструкции с большими колесами и, насколько хватило умения и фантазии, замаскировал ее под рабочую тележку. Мало кого удалось обмануть. Но что делать? Помогало Науму и расположение дома — с грузом приходилось все время спускаться. Но и это было нелегко; пришлось брать материалы понемногу, а значит, груз перевозить частями.

Регулярные медленные передвижения солидного человека в очках с бывшей детской коляской туда и обратно, туда и обратно не могли остаться незамеченными в маленьком городке. Постепенно Наум стал заметной фигурой — нет, не городским сумасшедшим, для этого он был слишком аккуратен и интеллигентен, но местной достопримечательностью определено. Впрочем, Наум об этом не догадывался. Никаких контактов, даже отдаленно напоминающих дружеские, он в городе не завел. Не было ни времени, ни желания. Впрочем, он и прежде не отличался повышенной общительностью, а теперь тем более. Но чувство юмора у него все-таки не исчезло полностью, и сам себе он иногда казался чем-то вроде одинокого Робинзона Крузо посреди пятнадцатитысячного населения Маалота. Горький юмор. Только Пятницы ему не хватало. Впрочем, кандидат на роль Пятницы уже присматривался к нему из дома напротив. Но об этом чуть позже.

Трудовой день Наума начинался часов в семь-восемь утра, дотемна он работал на улице, а затем ковырялся в доме при электрическом освещении, пока сон буквально не укладывал его насильно в кровать. В основном все шло по заранее обдуманному плану. Трудотерапия помогала. Но были и срывы, особенно ночью. Коварную роль играл развивающийся простатит. Нужно было два-три раза за ночь вставать в туалет — и при этом умудриться не проснуться. Но иногда сон внезапно пропадал, и тогда тоска вместе с обидой мертвой хваткой стискивала горло. Почему так получилось? За что? Человек, защитивший диссертацию и начитавшийся каббалы, неизбежно приходит к выводу, что все имеет свои причины. Какую фатальную ошибку он совершил в начале жизни, где та цепочка событий, которая привела его к столь сокрушительному фиаско в конце ее?

Ни к каким разумным выводам он не приходил. Только к одному — нужно увеличить нагрузку.

Дни шли за днями. Пристройка постепенно приобретала божеский вид, лужайка перед ней, огороженная остатками низкого забора, была очищена от сорняков, сам забор подправлен и выкрашен. Дело двигалось. А хозяин, он же и батрак, постепенно втягивался в одиночество.

В один из пыльных и душных хамсинных дней Наум на лужайке жесточно боролся с остатками упорных, вгрызшихся в почву сорняков. Как обычно, возле двери стоял маленький рассыпающийся столик, возле него — дешевый пластмассовый стул. На столе — бутылка воды, кастрюля с фруктами, прикрытая от пыли крышкой. Привычная картина.

Стоя на коленях, кряхтя и поминутно хватаясь за поясницу, Наум воевал с упрямым корнем, который, казалось, уходил к центру земли. Неожиданно за спиной раздалось довольно громкое покашливание. Наум обернулся и увидел в двух шагах от себя невысокую, полноватую женщину с ярко-рыжими пышными волосами. На вид ей было, пожалуй, лет шестьдесят — шестьдесят пять. Добродушное, немного грубоватое лицо расплылось в кокетливо-виноватой улыбке. Легкое цветастое платье, довольно смелый для такого возраста (по мнению Наума) глубокий вырез, открывающий немалую часть солидного бюста, заметный макияж — визит явно не носил рабочего характера. Доказательством тому служил и поднос в руках посетительницы. На нем были какие-то предметы, укрытые беленькой матерчатой салфеткой.

— Вы меня простите, что я к вам без спроса. Я ваша соседка во-он из того дома.

И она подносом указала на двухэтажное здание, самое близкое к пристройке Наума, примостившееся над довольно высоким обрывом по ту сторону дороги.

— Я давно за вами смотрю. Как вы трудитесь, все один да один, без перерыва. Я думаю, нам, соседям, нужно познакомиться. А то как-то не по-людски.

Наум, изо всех сил стараясь не кряхтеть, поднялся с колен.

— Да-да, конечно, это очень приятно, — и замолчал, не зная, что сказать дальше.

— Меня зовут Циля. А вас?

— Наум. Очень, очень приятно.

— Вы разрешите, я немного похозяйничаю?

Не дожидаясь ответа, она решительно повернулась, подошла к столу. Наум — за ней. Чистым стол нельзя было назвать, даже делая скидку на хамсин. Циля протянула поднос Науму. Тот послушно взял. Затем, с явным вздохом огорчения, она сняла с подноса сияющую белизной салфетку, ловко протерла ею сначала стол, а потом стул. Салфетка стала серой.

Наум взглянул на поднос. Там было пластмассовое блюдо с горкой аппетитных, румяных пирожков, пластмассовая открытая баночка с малосольными — судя по запаху — огурчиками, пластмассовая бутылка с каким-то напитком и несколько вложенных друг в друга стаканчиков, тоже из пластмассы. От этого непривычного изобилия у него потекли слюнки.

— Вот и Пятница появилась! — громко сказал привыкший к беседе вслух с самим собой Наум... и смутился.

— Какая пятница, вы тут уже совсем стали диким. Сегодня йом-ришон. Воскресенье.

Циля опять с огорчением посмотрела на салфетку, искала глазами, куда бы ее пристроить, и ничего подходящего не нашла. Потом бросила ее на ступеньки.

— Пригодится вам на смиргут, — и, увидев непонимание в глазах Наума, перевела: — На тряпки.

Циля говорила с таким ужасающим местечковым еврейским акцентом, что Наум понял: она закоренелый и давний ватик — то есть старожил.

— Давайте сделаем перерыв. Никуда от вас работа не убежит.

Согласия Наума, видимо, не требовалось, потому что Циля продолжала:

— Идите принесите еще стул.

Наум безропотно пошел в дом.

— И не забудьте вымыть руки, — донеслось следом.

Наум выбрал стул покрепче, вытер его и пошел мыть руки.

«Интересно, почему пожилые женщины любят краситься в ярко-рыжий цвет? Это выглядит так искусственно, — размышлял он. — Наверно, они хотят сказать: дело вовсе не в том, что мы хотим скрыть седину. Мы просто любим яркие цвета, любим контрасты».

Наум долго стоял перед холодильником, раздумывая, прилично ли взять с собой початую бутылку вина. Бутылка была соблазнительно холодной. Взял.

Циля встретила появление бутылки как должное.

Через пять минут они сидели за столом напротив друг друга. Пили вино, ели пирожки, закусывая малосольными огурчиками. Беседа была недолгой — минут сорок, но на удивление емкой и информативной. Очень неожиданной для типичного интроверта, каким, без сомнения, был Наум.

Циля начала с рассказа о себе. Она была вдовой с двухлетним стажем, и ее покойный муж (прекрасный был человек, хоть и старше ее на много) в дальнейшем упоминался в любом разговоре с удивительной частотой. Сейчас она на пенсии, живет в своей очень неплохой четырехкомнатной — было подчеркнуто — квартире с тридцатипятилетним сыном, который никак, ну никак не хочет жениться. Приехали они в Израиль из Батуми в конце семидесятых годов. Наум с удивлением узнал, что она до эмиграции окончила педагогический институт, хотя, судя по всему, на ее образованности это не отразилось. Пройдя нелегкую школу эмиграции, включая тяжелую работу на конвейере в какой-то мастерской, она наконец пристроилась в мэрию социальным работником. И в этом нашла свое призвание. Она помогала очень многим, и в гости к Науму пришла, движимая этим же благородным чувством. Тут же, почти без перехода, она сообщила, что человек не может быть один, это противно богу. И она тоже не собирается быть долго одна, все ее подружки в один голос говорят, что она этого не заслужила.

— А почему вы все один да один? — напрямую бесхитростно спросила она. — Вы не похожи, простите меня, — как это слово? — на неухоженного старого холостяка. Они все на вид, извините, как эти старые козлы. А вы — нет. У вас, хасва халила (не дай бог), ничего не случилось?

И она усталилась на Наума своим профессиональным внимательным взглядом человека, привыкшего выслушивать всю подноготную.

«Беспардонная баба, — подумал Наум. — *Нахальство — второе счастье*». Он был шокирован, но странное дело, при всем при этом Циля его не раздражала. То ли польстило, что он до сих пор выглядит ухоженным и не похож на «этих старых козлов», то ли сказался ее богатый опыт социального работника... А может, слишком вкусными были пирожки и кисленький холодный компот в бутылке? Или проще того — потому что Наум устал держать все в себе?

Короче, к своему удивлению, он рассказал не отводившей от него глаз Циле практически все основное о своей жизни. Даже постыдную историю с фиктивным разводом. И с удивлением услышал в рассказе нотки обиды, больше того, робкое осуждение своего семейства. В этих чувствах и в таких крамольных мыслях он даже себе не осмеливался признаться. Но на душе, как ни странно, полегчало...

После этого взаимного потока откровенных излияний было сложно продолжать беседу. Возникла небольшая и неловкая пауза. И тогда Циля проявила неожиданную чуткость, решительно поднялась с места и попрощалась.

— Я к вам зайду на днях. Не скучайте. Человек не должен быть один. Это не по-людски. И противно богу. Было очень приятно.

— И мне было приятно.

Наум долго смотрел вслед невысокой плотной фигурке под копной сверкающих на солнце медных волос.

Так у него появились наконец собеседники на новом месте — правда, пока в единственном числе.

Циля стала приходить регулярно, дня через два, иногда через три. Дома ей было скучно, подруги работали, сын, естественно, тоже. А с Наумом ей было интересно, и потом, он нравился Циле как мужчина. Об этом без тени смущения она объявила в один из первых же визитов, чем вызвала растерянность у объекта симпатии. Когда он начал мямлить что-то вроде «мое положение...», «у меня есть обязанности...», она прекратила эти объяснения своим любимым «Да бросьте вы!» — и перешла к какой-то другой теме.

Наум знал, что «кавказцы» в Израиле пользуются не слишком хорошей славой. К счастью, у Цили было не так много черт, которые им приписывала молва. Правда, она была достаточно бесцеремонна, настырна и в словах и в делах. Временами грубовата, а случалось, даже беспардонна. Словом, излишним и интеллигентскими комплексами не страдала. Но при этом — удивительное сочетание — доброжелательна, неназойлива и по-своему тактична. Во всяком случае, Науму она не только не досаждала, но и помогала, чем могла.

С подносом она больше не приходила. Вместо этого приобрела пластмассовую корзинку, из тех, что применяют во многих супермаркетах. Каждый раз она приносила что-нибудь домашнее, приготовленное своими руками. Пирожки, голубцы, долму, что-то восточное вроде люля-кебаба. Наум вначале очень смущался, но все было настолько вкусно, что, услышав привычное «Да бросьте вы!», он прекращал сопротивление.

Потом привык. Вносил свою долю — уже заранее кулечную бутылку хорошего вина и фрукты. Сосиски и колбасу — свою обычную пищу — предлагать не осмеливался. Не стоило портить впечатление от приятного обеда. Правда, одной другой пластмассовый стаканчик вина немного мешал работе, зато значительно улучшал настроение.

Довольно скоро Циля стала вторгаться на кухню. Мыла посуду, наводила порядок в холодильнике, прибиралась немного на кухонном столе и плите, насколько это было возможно в хаосе строительства. Возражения Наума она не слушала: «Да бросьте вы, идите уже и работайте».

Наум опасался, что необходимость общаться с Цилей не только во время обеда помешает его работе. Нельзя же невежливо бросить человека, так бескорыстно ухаживающего за ним. Напрасно волновался. Циля решила проблему просто. Куда бы ни перемещался Наум, за ним следом с пластмассовым стулом перебиралась его гостья, усаживалась вблизи и неспешно продолжала беседу. То есть говорила она, а Наум время от времени должен был вставлять «да», или «ага», или что-то в этом роде. Совсем необременительно. И содержание бесед тоже не требовало больших умственных усилий. Кроме регулярных упоминаний о муже, который был хорошим человеком, хоть и намного старше ее, обсуждалось ужасное нежелание сына жениться. Перемывались косточки подругам, которых она все-таки любит, несмотря на их многочисленные недостатки. И вслед за этим плавный переход к неизменной теме — мужчина не должен быть один и женщина не должна быть одна. А уж такая симпатичная,

как она, тем более. Все ее подруги так говорят. В качестве иллюстрации часто приводились примеры из сериалов, которых Наум, естественно, не видел.

Цилину беседе Наум слушал вполуха, без малейшего раздражения, — все равно это было лучше, чем время от времени слышать свой надоевший ворчливый голос, в очередной раз выказывающий недовольство. Но конец разговора его обычно расстраивал. В конце Цилия обязательно предпринимала наступление на за океанскую Ньюину семью и делала это изобретательно. От души.

Например, такое:

— Вы, конечно, молодец. Держитесь. Я вообще не понимаю, как можно было бросить такого мужчину на произвол. В таком возрасте.

Наум не выдерживал:

— Цилия, вы извините, никто не бросал. Я же говорил. Любая мать должна помочь ребенку. Вы же тоже...

— Сколько ему лет? Ее сыну?

— Тридцать один.

— А вам?

Наум промолчал. Он так и не научился называть свой возраст. Не из-за кокетства. Произнесенные вслух цифры пугали его самого. Цилия, впрочем, и не ждала ответа.

— Так какому ребенку надо помочь? Вам или ему? Пока не поздно?

Она позволяла себе не церемониться.

Или, рассказывая с искренним сочувствием о том, как взрослые дети безобразно относятся к ее соседке, она тут же добавляла:

— И это родные дети. Чего же вы хотите от вашего неродного? Чему удивляться?

Еще вариант:

— Я не хочу ни на кого намекать, — конечно, верить в людей надо, но не зря в Книге сказано, что, единожды предавши...

Прямо под дых.

Не слишком обращая внимание на реакцию Наума, она продолжала вариации на эту тему. Короткие реплики, не очень агрессивные, но регулярно. А Наум... Наум постепенно перестал остро на это реагировать, а со временем даже стал чувствовать какое-то, по его мнению, явно нездоровое удовольствие оттого, что нашелся наконец человек, который его защищает. Пусть не всегда справедливо, зато искренне. А может, в чем-то и справедливо...

Цилия определенно имела большой опыт общения с обиженными людьми. Знала, где, когда и на какую чувствительную точку надавить...

Впрочем, никаких реальных оснований обижаться на Свету у Наума со дня ее отъезда не добавилось. Скорее наоборот. Она была по-прежнему внимательна, куда более ласкова, чем обычно. В прежние времена у них чрезмерные сантименты и сюсюканье были не в ходу. Не в ее характере. Сейчас через каждые два слова следовало или «миленький», или «роденький». И это были не только слова. Заранее было решено, что Наум приедет к ним в гости на два жарких летних месяца, которые в Сан-Диего тоже, правда, далеко не морозные. Но так как лишних денег в их семье не водилось, и нужно было учесть болезненно-самолюбивую щепетильность обиженного Наума, она стала подрабатывать на будущий его приезд. Когда Надя возвращалась с работы, Света два раза в неделю на три-четыре часа передавала ей Верочку и бразды правления, и уходила убирать офисы по соседству. Ей пришлось выдержать бой с Женей и Надей, которым было неловко перед собой и перед друзьями. Да и непристижно выглядело это даже в трудолюбивой Америке. Но Света настояла на своем, хотя в ее возрасте такие нагрузки даром не давались.

— Родненький, теперь ты летом к нам приедешь на свои кровные. Не будешь дурью маяться, а то я тебя знаю...

— Ты же сама говорила, что нельзя забывать о возрасте.

— Ничего, на мне еще можно воду возить. Мы с тобой выдержим, вытерпим, Нюмочка, а потом заживем как люди. Возле детей.

Вот это и было самое ужасное. Света даже сама не замечала, насколько она внутренне утвердилась в решении в Израиль не возвращаться.

Она уставала, сеансы связи становились все реже. Надя и Женя в них участвовали только эпизодически — все было страшно загружены. Надежда — воистину железная леди — была подчеркнуто внимательна и доброжелательна. А по смущенному Жениному лицу было видно, что он чувствует себя виновным в одиночестве отчима и искренне расстраивается от этого. Не такой уж он эгоистичный, как временами казалось Науму. И не настолько Наум одинок в этом мире...

Женя купил хороший и дорогой цифровой фотоаппарат, и время от времени они посылали ему фотографии дома, лужайки, на которой по субботам готовили шашлыки. Стол ставили под специальным красивым навесом, дающим мягкую решетчатую тень. По воскресеньям молодые обычно выезжали куда-то на рыбалку. Света в воскресенье оставалась дома — слишком она уставала и иногда, признавалась Науму со вздохом, просто нуждалась в тишине и одиночестве.

У детей образовалась более или менее постоянная компания. Естественно, приятель Жени Анатолий с женой, еще одна живущая по соседству семья польского происхождения и, к удивлению Наума, негритянская пара. Негры, или, как говорила поликорректно Света, черные занимали вторую половину их коттеджа. Все молодые люди были примерно одного возраста, все или учились, или уже закончили учебу в колледже, у всех — так говорила Света — было много общего.

Судя по фотографиям, это были довольно симпатичные ребята, и черные лица не выпадали из ансамбля. Тем более, что Наум давно привык к здешним еврейским эфиопам. Впрочем, по словам Светы, по-настоящему черным, с губами и зубами как у Армстронга, был только отец этой пары. Он тоже иногда смутно виделся на фотографиях — его плотный курчавый полуседой ежик кое-где выглядел из-за чьей-нибудь фигуры. Говорят, сплетничала Света, его покойная жена была белая или почти белая, но к этому в Америке давно привыкли.

Наум с удовольствием рассматривал на экране компьютера сочные качественные снимки. Видел довольных собой и раскованных молодых людей, ухоженных и здоровых детей. Нет, думал он, правильно ребята сделали, что уехали в Америку.

Но почему тогда он взял тысячу долларов из денег, оставленных Светой, которые прежде решил не трогать никогда и ни за что? Почему купил на эти деньги ярко-красный волнистый, отнюдь не дешевый специальный материал для крыши и установил возле дома довольно основательный навес? Даже нанял в помощник для его постройки одного недавнего репатрианта за целых сто пятьдесят скелелей (одному это сделать было не под силу). Почему под навесом сделал ровную цементную площадку? Зачем он тратился на временное жилище? Почему купил из тех же денег круглый садовый пластмассовый стол и четыре вставляющихся один в другой удобных пластмассовых стула? Какой все-таки черт сидит в нем? Почему он даже не пытается остановить Цилло, которая находит все более и более изощренные способы, чтобы открыть ему глаза на истинное положение вещей?

Наум объяснял это себе просто: *«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».*

Всему на свете приходит конец.

Намеченные планы были выполнены. За два месяца и двадцать дней.

Наум отошел подалее от дома, подошел почти к краю обрыва, критически осмотрел свою работу и остался доволен увиденным. Больше всего он хотел, чтобы пристройка не выглядела такой унылой, какой ему представлялась его собственная жизнь. Старательности у него хватало, фантазии тоже, но со вкусом были проблемы. Частенько сил и мастерства хватало на обработку в один присест только небольшого участка поверхности, эти участки не слишком стыковались и не всегда получались однотонными. Изобретательный Наум проводил между ними приятную, по его мнению, розовую линию, маскируя дефекты под модерн. Общее впечатление было оригинальным. Зеленые оконные рамы, оранжевая дверь, светло-коричневые ступеньки, жизнерадостная небесно-голубая полоска под крышей, то тут, то там розовые пятна. Красная крыша навеса... Пристройка выглядела как вскочивший на облезлой спине старого здания свеженький веселенький фурункул, переливающийся всеми цветами радуги. Вскоре она тоже стала местной достопримечательностью, жаль только, что из-за массивного облезлого домины эта красота плохо просматривалась из города.

Впрочем, был окончен ремонт, но не работа. Осталась самая страшная ее часть — генеральная уборка. При одной мысли об этом Наум покрывался холодным потом, а волосы на голове не становились дыбом только из-за их отсутствия. Это было пострашнее любого фильма ужасов. Отмыть, стоя на карачках, заляпанный многими слоями пол, отодрать налет на ванне и унитазах, отдраить старую кухонную плиту, промыть и протереть шкафчики, привести в божеский вид заляпанный с головы до ног холодильник, почистить и пропылесосить мебель — этому списку не было ни конца, ни края. А расставить все так, чтобы было похоже на что-то приличное, а не на казарму для бомжей?..

Наум поскреб по сусекам и подсчитал, что двести шекелей на уборщицу он выделить еще способен. Тем более, это действительно был крайний случай — его поясница недвусмысленно советовала не нахальничать и давала понять, что в любой момент готова перестать сгибаться-разгибаться. Может, и навсегда. Но где найти желающих?

Он, естественно, попросил Цилю помочь ему подыскать уборщицу на неплохих условиях — двести шекелей за шесть часов нелегкой работы. Цена нормальная. Просьба была высказана по телефону — они уже давно перезванивались. На том конце провода наступила пауза. Наума это не удивило — он кое-какой опыт в Израиле приобрел и знал, что народ на уборку после ремонта идет очень неохотно.

Но, к его удивлению, Циля сказала, что такой человек у нее есть на примете. Обещала перезвонить.

Вечером она сказала, что женщина будет у него завтра в девять утра.

— Молодая?

— Молодая, молодая.

— Здоровая?

— Здоровая, здоровая.

— Не каждая выдержит.

— Эта выдержит.

Наум рано лег спать, нацепил на бедра пояс из собачьей шерсти, привезенный еще из Одессы. Словом, сделал всевозможное, чтобы встретить завтрашнее

испытание во всеоружии. И подбодрил себя очередной цитатой: «*Это есть наш последний и решительный бой*».

На следующее утро к девяти часам пришла Циля, на этот раз с двумя корзинами. В одной, как обычно, были продукты, а в другой «хомер» — материал по-русски Наум уже знал, что таким емким определением здесь называют различные средства для уборки, стирки, ядохимикаты и многое другое. На голове у нее была косынка, футболка непривычно скрывала все прелести сверху, а спортивные шаровары — снизу.

— Вот вам и работница. Молодая? Здоровая? Выдержит?

Наум растерялся.

— Циля, я не могу принять...

— Вы обещали заплатить, я деньги возьму, все как договорились.

— Но мне неудобно...

— Ох, бросьте вы. Идите уже и начинайте.

Наум еще долго оправдывался, объяснял, что-то виновато бурчал себе под нос, но потом, как это обычно у него заканчивалось в дискуссиях с Цилей, смирился.

Два дня они трудились, не покладая рук, но в результате квартиру было не узнать. И удивительнее всего, что в этом холостяцком доме впервые почувствовалась женская рука. По тому, как была расставлена мебель, как там, где нужно (и только там, где нужно), лежали покрывала, клеенка и салфетки; особенно по ванной, снабженной веселенькой занавеской в разноцветную крапинку и специально купленным по Цилиному совету недорогим зеркальным шкафчиком; по аккуратно размещенным вещам в шкафах и на полках — по всему было видно: здесь живет ухоженный мужчина, а не какой-то там «старый козел».

Этот женский дух был настолько силен, что Наум не удержался и изрек:

— *Без женщин жить нельзя на свете, нет!* Вы, Циля, настоящая волшебница.

После этих слов бесконечно усталая Циля приободрилась и даже почти перестала чувствовать, что у нее тоже отваливается поясница.

— Ну так как? — торжествуя спросила она. — Как я выполнила ваш заказ? Как и договаривались? Работница молодая?

— Молодая, молодая, — в тон ответил Наум.

— Сильная?

— Сильная, сильная.

— Красивая?

Это уже было сверх программы, красоту Наум при заказе не требовал. Но, тем не менее он ответил не задумываясь:

— Безусловно.

Расхрабрившаяся Циля сказала, что в таком ужасном виде идти домой не может и решила обновить ванну. Наум принес ей свое самое красивое полотенце и ушел на кухню.

— Наум, не могли бы вы потереть мне спинку? — неожиданно донесся из ванной игривый голос Цили.

В этот критический момент Наум проявил находчивость и остроумие. Он сделал вид, что не только принял это заявление за удачную шутку, но и высоко оценил ее. Он хохотнул и сказал:

— Ну вы двужильная! У вас еще сил хватает на шуточки...

Нет, это было преувеличение. Сил у них уже не осталось даже на совместный ужин. Циля попрощалась, Наум проводил ее до дороги, и она ушла к себе наверх, изо всех сил стараясь не хромать и не потирать поясницу.

В последующие два дня они с трудом приходили в себя и общались только по телефону.

А за эти дни произошли не менее важные события местного значения.

Оказалось, что Наум закончил ремонт как нельзя вовремя. Прежде он мог стучать и греметь хоть целые сутки, никому не мешая. Но сейчас малина кончилась — у него появились соседи. Все произошло очень быстро. Сначала на несколько часов появились рабочие, сделали косметический ремонт внутренних помещений, обдав из пульверизатора раствором все подряд. Побелка не успела еще толком высохнуть, как пришли две новые репатриантки и кое-как кое-что вымыли (Наум не мог сдерживать любопытство и время от времени заглядывал в соседнюю квартиру). И уже на следующее утро начался заезд новых жильцов — видно, обстоятельства поджимали, скорее всего, их откуда-то срочно попросили. А еще через день они уже праздновали новоселье и вежливо, по-соседски пригласили Наума.

Так Наум познакомился с Геннадием Бяльским, его женой Инной и всеми их чадами и домочадцами. Их было восемь человек, и недорогая пятикомнатная квартира подвернулась, судя по всему, очень кстати.

Номинальный глава семьи Гена был мужичок лет шестидесяти, невысокого роста, поджарый, седоватый, но еще бодрый. Он чуть-чуть косил, и это придавало ему вид пройдохи и хитреца, что совершенно не соответствовало действительности. Гена был человеком покладистым, не обидчивым и, безусловно, компанейским. А уж надуть кого-нибудь ему и в голову не приходило. В сущности, у него было только два недостатка, которые по расхожему стереотипу являются типичными для истинно русского характера: он был ленив и любил выпить. Сам Гена, человек откровенный, свой «русский характер» не скрывал и говорил:

— Я на своем примере доказываю, что еврей бывает всякий, а значит, мы вовсе не какие-то там избранные, как говорят ортодоксы. Люди как люди.

«И за что только нас не любят?» — частенько вопрошал он, поднимая рюмку.

У себя в Витебске он работал на каком-то заводе агентом по снабжению. Главным для него было движение. Шило в зад — говорил о нем Инна. Он и в Израиле органически не мог находиться дома и бродил по городу, знакомясь, беседуя, а заодно предлагая желающим что-то просверлить, что-то починить или, на худой конец, перетащить, если, конечно, вещи не слишком тяжелые. Заработанные им деньги, как правило, до семьи не доходили — по причинам, объясненным чуть выше.

Не главой, зато кормилицей семейства была мамаша Инны, сухонькая боевая старушка лет под девяносто, прошедшая закалку в немецком концлагере: на ее пособие и выплаты из Германии семья в основном и перебивалась.

Инна и две ее дочери тоже вносили посильную лепту в семейный бюджет, время от времени ухаживая за престарелыми. Но ни с бабками, ни с фирмами по найму у них постоянные отношения не складывались. Дочери были удивительно похожи на мать и друг на друга — неторопливые, рыхлые и какие-то шулые. У старшей было двое детей от двух бывших мужей, у младшей только один — на этом их различие и заканчивалось. Глядя на их житье-бытье, Наум понимал, почему Геннадий не стал домоседом.

Таким образом, у Наума появился еще один собеседник — Геннадий стал время от времени посещать не слишком разговорчивого соседа, чтобы посидеть под симпатичным навесом на удобных стульях. Отдохнуть после трудов праведных в городе Маалоте. И не только отдохнуть. Он появлялся с результатом этих праведных трудов — неизменной литровой бутылкой любимой им дешевой водки «Александров» и нейлоновым пакетиком колбасы на закуску. Одинокий сосед ему под-

вернулся очень кстати, так как Геннадий не любил «соображать» в парке на скамейке с алкашами, а в израильских кафе скрытно потрещать принесенную с собой водку не принято. Под навесом одной бутылки хватало на три-четыре раза, Геннадий норму знал и не перебарщивал. Хранились остатки обычно у Наума, «подалше от бабских глаз — начнут пилить...». Вскоре Наум сообразил, что, пока бутылка недопита, Гена ищет в городе не заработка, а только общения. Он был нетребователен и, как уже отмечалось, далеко не трудоголик.

Пить Наума он не заставлял, лишь символически, за компанию, чтобы самому не выглядеть алкашом. Но как-то само собой получалось, что символ с течением времени постепенно увеличивался в количестве. И опять, как в аналогичной ситуации с Циляй, Наум чувствовал себя неловко, каким-то нахлебником. Впрочем, выход нашелся: Гена однажды объявил, что лучшая закуска — это селедка с картошкой. С тех пор в морозилке у Наума всегда хранился запас филе сельди, а приготовить картошку в микроволновке было делом пяти минут. Домой Геннадий никогда в таких случаях не торопился.

Два круга общения в один не слились — может быть, и к лучшему. Контакта не получилось. Первая встреча Циляй и Гены оказалась практически и последней.

Произошла она на следующий день после новоселья у Бяльских. Празднование было крутым, и непривычный к таким дозам Наум с трудом приходил в себя. Около часу дня появилась Циляй (это было ее обычное время), и снова с двумя корзинами. Она объявила, что пора, в конце концов, устроить настоящее новоселье, а то как-то не по-людски. На стол были выгружены такие яства, что Наум понял: она нашла достойное применение двумстам шекелям, заработанным на генеральной уборке. Впрочем, чего-то подобного он и ожидал. И вскоре после начала пира, посреди рассуждений о вреде одиночества и, наоборот, о пользе общения мужчины и женщины, появился Гена со своей бутылкой.

Посыпались искры. Во-первых, Циляй не скрывала, что не желает, чтобы какой-то прохиндей ел то, что она своими руками готовила для нуждающегося в женской опеке Наума. Но еще страшнее была ошибка, допущенная болтливым Генной, — роковая ошибка. Он беззлобно несколько раз подшутил над откровенными матримониальными атаками Циляй. Сказал, что не собирается покушаться на всю эту наживку, — и указал на заставленный яствами стол. И еще что-то в этом же роде. Короче, минут через двадцать Геннадий с позором бежал, унося с собой бутылку и забыв пакет с колбасой.

С тех пор гости Наума старались не встречаться. И это было нетрудно. Циляй приходила обычно около часу дня, к четырем она уходила кормить сына. Геннадий же появлялся около пяти, наговорившийся в городе всласть. С интеллигентным, но не слишком разговорчивым соседом задушевной беседы не получалось. Во всяком случае, в начальный период их знакомства.

5

Изменения накапливались незаметно. После отъезда Светы у Наума, как уже сказано, наступили нелегкие времена. Онто впадал в отчаяние, то самолюбиво пытался бороться со свалившимся на него горьким одиночеством, с незаслуженной, по его мнению, обидой. Вовремя затеянный переезд и трудотерапия помогали отвлечься от тяжелых мыслей, а иногда, наоборот, вычерпывали моральные и физические силы до предела. Но так или иначе это были чувства, нормальные человеческие чувства, хоть иногда и на грани срыва. Казалось, что все самое тяжелое Наум с честью перенес.

И вдруг он стал замечать, что временами не чувствует ничего. Просто ничего. Пустота. Пугающая пустота. Вначале это случалось изредка, было каким-то неприятным отклонением от правил. И самое неприятное — причин для этого, в сущности, не было.

После окончания ремонта жизнь вошла в стандартную колею. Было чем себя занять. Дома всегда находились привычные для Наума дела — убрать, постирать, приготовить. Он и при Свете с охотой этим занимался. Поход в неблизкий супермаркет вполне можно было засчитать за полноценную зарядку плюс марш-бросок с полной выкладкой и даже за альпинистское восхождение средней категории сложности. Вместе с неразлучной детской коляской он старался совершать этот подвиг как можно реже, раза два в неделю. И все-таки оказалось, что этой загрузки недостаточно.

Казалось бы, почему? Соседи его не забывали, во всяком случае, общения с окружающим миром было не меньше, чем в Хайфе. Пожалуй, больше. Кроме посиделок под навесом он стал выходить в свет — Геннадий и Циля иногда приглашали его к себе в гости. А однажды Циля даже познакомила его со своей подругой, тоже вдовой, Зиной. Так что Наум мог бы расширить район поиска... если бы у него был хотя бы проблеск интереса в этом направлении. «Он какой-то холодный», — был приговор подруги. Скорей всего, это был эвфемизм, за которым скрывалось еще худшее подозрение. Правда, спустя некоторое время мнение изменилось. Но об этом чуть позже.

И все-таки большую часть суток он оставался наедине с собой. Беда была не только в том, что в квартире ему не с кем было поболтать. Со Светой они тоже не слишком баловали друг друга разговорами. Но она была рядом, была с ним. И в нем. Они жили как все люди, старились, болели — что делать, нормальный круговорот природы. Как все, так и мы. Эта неожиданная ситуация одиночества была ненормальной, противоестественной. Он чувствовал себя полным идиотом, и что еще хуже — тем самым старым козлом, о котором говорила Циля. Этот козел постепенно становился идеей фикс. И почему так вышло? Никто же не умер, тыфу-тыфу-тыфу, что за мысли дурацкие... Наум три раза сплонул, — станешь тут суеверным.

Время от времени он ловил себя на том, что застывает в каком-то неудобном положении и невидяще смотрит прямо перед собой. Утром все чаще первым чувством было нежелание начинать новый бессмысленный день.

Впрочем, это были только цветочки. Ягодки появились вслед за двумя событиями, случившимися одно за другим.

Первое и, пожалуй, самое главное событие — длительный, дольше часа разговор со Светой. Начался он, как обычно, со взаимных расспросов о здоровье. Затем — дети. Верочка — это чудо... Надя просто героиня... Женя сдал три экзамена...

Она не заканчивала фразы, бросала их где-то на полдороге, а это — Наум знал по своему опыту длиной в четверть века — у Светы всегда было признаком волнения. Что-то ее тревожило.

— Давай не тяни, что там стряслось? Я же слышу, ты вся на нервах.

По словам Светы, ничего не стряслось, новости только хорошие. То есть пока это еще не новости, но мы надеемся, что все утрясется, и вот тогда это будут хорошие новости...

— Ты не перебивай, дослушай все до конца и пойми, мы все хотим только хорошего...

— Та-а-к... — Наум приготовился к неприятностям.

Оказалось, Света зря времени не тратила. Она загрузила свою безропотную любимую подругу в Хайфе, и та для нее собрала справки из «Бигуах леуми» — службы национального страхования и из министерства строительства (ведомства,

выплачивающие пособия), удостоверяющие, что Света с Наумом в Израиле числились семьей. Кроме того, справки о проживании в одной квартире, справки... справки... справки... свидетельства, заверенные нотариусом и без заверения... просьбы... заявления... вырезки статей, авторы которых возмущались отсутствием гражданских браков в Израиле. Любимая Светина подруга уговорила бывшего лечащего врача Наума дать подробную медицинскую справку, где значились и диабет, и давление, и простатит, и еще куча всякой всячины.

— Толстый том получился, страниц на пятьдесят, — с чувством законной гордости сказала Света. — Мы его передали иммиграционной службе.

— Та-а-к...

— Что так, что так? Ты знаешь, сколько сил и нервов это нам стоило?! А Люсе? — это любимая Светина подруга. — Ей памятник нужно поставить!

— И что из этого может получиться? В лучшем случае?

— В лучшем? — к этому вопросу Света была готова. — Разрешение на проживание и иншуренс. Главное — иншуренс. Медицинская страховка. Конечно, не очень полная... и это все не по шучьему велению. Ты должен приехать, они обязательно должны говорить лично, так тут принято. Видеть глаза, они говорят...

Наум был готов подвести итог.

— А жить на что? Ни пенсии, ни пособия?..

— Нюмочка, дети будут хорошо зарабатывать. Неужели мы с тобой не заслужили, чтобы они нам на старости лет...

Наум не отвечал.

Света приступила к более энергичным доводам.

— Нюмочка, дорогой мой! Мы столько лет с тобой прожили. Не заставляй меня делать выбор между тобой и детьми. Дети и внуками. Внучками. Пожалей меня, если себя не жалко. Здесь, с семьей, я человек, нормальная бабушка. Нормальный человек. А там, на отшибе, кто я и что я? Уж ты-то сейчас должен был это на себе почувствовать, — неожиданно проявила она пронизательность.

И беззвучно заплакала. Наум видел на экране, как она по-детски размазывает слезы по все еще гладким и пухлым щекам. У него защемило сердце.

— Светочка, ты же знаешь, это не от меня зависит. Я не смогу, проработав всю жизнь, жить у кого-то за печкой и просить денег на папиросы. Я не выдержу этого.

— Какой ужас! Ты стал курить? — слезы у Светы мгновенно высохли.

— Нет, это я фигурально, — он невольно улыбнулся. — А здесь я такой, как все, — он сделал ударение на слове «я». — Мне платят пособие, а не делают одолжение. Я, Света, представь себе, это ценю. И в ответ плюнуть в лицо...

— Сколько ты будешь, как страус, прятать голову в песок?! Твой Израиль...

— Ага, мой...

— Не придирайся. Он будет тебе только благодарен, если избавится от необходимости платить тебе пособие, тратить на дорогу медицину. Это будет настоящий патриотизм с твоей стороны, а не придуманный. А на сэкономленные деньги они привезут молодых русских ребят по системе «наоле», таких как Надя, чтобы их можно было послать воевать. Защищать завоевания Израиля. Я когда слышу слово «завоевания», мне дурно делается... «Не отдавать завоеванного». Как вы можете привыкнуть произносить это слово — «завоеванное»! Это же какое-то бандитское выражение — завоеванная земля. Какой ужас! Как у вас... ладно, как у нас там все в мозгу перевернулось!

— А у тебя сейчас все встало на свое место?

— Ньюма, отсюда все выглядит иначе. Там какой-то массовый гипноз, как говорит Женя.

— Женя? Понятно...

— Здесь по соседству нет евреев, кроме Анатолия. Ты и представить себе не можешь, какого мнения...

На политику сил у Наума уже не хватило.

— Света, давай о своем. У нас своих проблем хватает.

— Конечно, Ньюмочка, конечно...

— Зачем *делить шкуру убитого медведя*? Давай *переживать неприятности по мере их поступления*, — наконец Наум оказался в своей стихии, народная мудрость успокаивала. — Мне нужно сделать операцию простаты, в таком состоянии я к вам ехать не могу, потом, бог даст, на лето приеду. Посмотрим, поговорим. Зачем так далеко заглядывать. Ты не думай, я очень рад, что ты там стараешься из-за меня. Иногда кажется, что вы там меня забыли...

Света опять стала размазывать слезы по щекам.

— Все, все, успокойся...

Они еще долго говорили на разные, но уже менее опасные темы. Света опять советовала не прятать голову в песок (дался ей этот страус), идти скорей на операцию. Сказала, что к операции она приедет, потом они вместе уедут обратно. Наум открыл было рот, но возразить не успел.

— Не будь идиотом. И слушать не хочу. Приеду.

Это уже была Света — та Света, которую он знал.

Поговорили еще немножко. Наум держался молодцом, и Света закончила разговор почти успокоенная.

Наум остался сидеть у компьютера. Сил подняться не было.

Все тайное рано или поздно становится явным.

Впрочем, ничего тайного и не было. Просто он, как этот навязший за последний час в зубах страус, ничего не хотел видеть.

«Не заставляй меня делать выбор между тобой и детьми». Точнее не скажешь. И ее выбор будет справедливым. Наум не был настолько эгоистичен, чтобы даже попытаться лишить Свету детей. Особенно внуков.

Он не мог считать ее виновной, не мог обижаться. Не хотел разрывать на части. Нет, она не виновата. Тогда кто? Он? Его неконтактный и упрямый характер? Но он действительно физически не мог перейти на иждивение к семье Беляевых. Наум так и подумал о Жене, с которым он прожил вместе двадцать пять лет, — Беляев, семья Беляевых. За каких-нибудь два с половиной года они — Наум это отчетливо понял — стали ему чужими людьми. Господи, что же он за человек такой?..

А вообще-то никто, если разобраться, не виноват. Виновата жизнь, а точнее — эмиграция. И немалую роль сыграл инициатор этой эмиграции — Израиль. Науму очень больно, физически больно было осознавать вину новой родины, но объективный разум ученого вынуждал это сделать. Зачем страна приглашает людей, чтобы потом делить их на настоящих и ненастоящих? Чтобы потом ущемлять ненастоящих при каждом удобном случае? И детей делить на породистых и беспородных? Если бы не это, Женя, быть может, и не уехал бы.

Или все равно бы уехал? Кому нужны вечные войны? Непрерывные малые и периодические большие. И если бы хоть предвиделся конец этому...

Новые репатрианты были, пожалуй, самymi ярыми патриотами Израиля, но большинство — действительно большинство — хотели бы, чтобы их дети перебрались в другое место. И то и другое — искренне; одно другому, как ни странно, не

мешало. Главной причиной были бесконечные и неизбежные войны. А родителям хочется, чтобы дети были живы, все остальное, даже самые благородные порывы, — уже потом, в следующую очередь.

Дети многих знакомых Наума вместе с внуками уже уехали в Америку или Канаду. Совпадение или нет, но большинство из них неевреи по Галахе — наверняка это дополнительный стимул к отъезду. И немаловажный.

Старики, как правило, оставались в Израиле. Не хотели и не могли жить на шее у детей, а иначе их там, в новой эмиграции, не принимали. Здесь, в Израиле, было пособие и медицина. Так и жили отдельно от молодых деда с бабками, пока один из них не покидал сию юдоль печали. Тогда оставшийся на этом свете обычно перебирался к детям. Если успевал, и если у детей было желание объединиться. В сущности, еще живой Наум был просто одной из разновидностей этого варианта.

Нужно признать, Женя неплохо натренировал Свету. И достойный ответ на ее выпад как-то не приходил в голову. Есть в этом доля истины — в том, что она сказала. Победоносные войны вызвали у Израиля желание удержать за собой втрое большую территорию, чем была выделена решением ООН. Слишком легко Наум, вместе с большинством израильтян, бросался словами: «Мы не можем отдать арабам завоеванные в тяжелой борьбе, оплаченные жизнями наших героев земли. И так уже отдали слишком много...» А ведь в принципе не имеет значения, в какой борьбе, тяжелой или легкой, они завоеваны. Главное — завоеваны. Вопреки законам, силой. Так или иначе, само понятие «завоеванная территория» — это что-то из прошлых веков. Дикое понятие. Сейчас могут быть завоеванные права, привилегии, свободы — но не территории. Если есть свежезавоеванная земля — значит, была война и будет война. А то, что наши предки на некоторых захваченных в войнах землях жили две-три тысячи лет тому назад — дело только историков и истории древнего мира. Больше ничего это не касается. К такому выводу Наум, стараясь изо всех сил быть объективным, в конце концов пришел.

Впрочем, сейчас ни к чему абстрактные рассуждения. Ясно одно: Наум будет доживать свой век в Израиле. Он так мысленно и определил — доживать. И разумно будет не тратить нервы и силы на то, чего он ни понять, ни изменить все равно не сможет. Политику, которой Наум уже давно перестал увлекаться, он отныне и на порог не пустит. Нужно постараться выжать максимум из обычных житейских радостей, которые еще могут выпасть на его долю. А достанется ли ему хоть какая-то малость? — вот вопрос. Впрочем, кое-что у него уже есть...

Наум встал, решительно подошел к холодильнику, взял бутылку из запасов Геннадия. Какого черта! На него теперь ничьи запреты и инструкции не распространяются. Недрогнувшей рукой налил себе полчашки водки — и сам испугался своей решительности. Какого черта! Выпил, закусил яблоком. И буквально сразу же ему сделалось лучше. С непривычки. На голодный желудок.

К черту Америку и американцев! К черту политику! Безбожно фальшивя, он запел: «Веселитесь, пока вы молоды!» Подумал — и изменил редакцию этого старого студенческого гимна: «Веселитесь, пока вы живы!»

Наум не догадывался, что через полгода политика сама, без зова придет к нему на порог.

В эту ночь Науму приснился скиф. Как бывает во сне, он точно знал, что это скиф — здоровенный мужик татарской внешности, в мохнатой островерхой шапке, в шальварах, с огромной плеткой, но с пейсами. Скиф требовал у Путина вернуть ему Поволжье, а у Ющенко — всю Украину. Наум проснулся от звуков

собственного смеха и высоко оценил свои подсознательные ассоциации и неугасающее чувство юмора. Отреагировал он на сон очередным изречением:

— *От великого до смешного — один шаг.*

6

Наум осознал, что расставание с прошлым неизбежно. Он сформулировал это, как всегда, «самобытно»: *жребий брошен, Рубикон перейден*. И с этим нужно смириться, чем раньше, тем лучше. А что ждет его по ту сторону Рубикона? За прогнозом дело не стало. Уже через три дня после разговора со Светой он понял, что надежды на светлое будущее просто неуместны.

Наконец в середине декабря в Израиль пришла запоздавшая зима. Как всегда, изменение погоды произошло буквально в течение недели. Пошли дожди, температура довольно резко упала градусов на десять — пятнадцать. В горной местности условия были куда более суровыми, чем те, к которым Наум привык на побережье. Он простыл, и простыл довольно основательно. Кашель, насморк, боль в горле и, наконец, высокая температура. Прихватило крепко. И тогда Наум не теоретически, а на практике почувствовал, что значит быть одному. Он никогда не был ипохондриком, не пугался неизбежных болезней, терпеливо переносил то, что несла с собой старость. Но тогда рядом был живой близкий человек. Это, оказывается, совершенно меняло условия игры.

Наум не хотел никому навязывать свои проблемы и даже к соседям не обратился за помощью. Немного молока у него еще было, он его грел и пил время от времени. Полоскал горло раствором соли с добавлением йода. Но к такому развитию событий он подготовлен не был. Во-первых, в квартире было холодно, несмотря на полуметровые стены, — агент, конечно же, соврал. Маленький калорифер, привезенный им из Хайфы, для этой большой комнаты, ворчал Наум, был *как слону дробина*. И второе: в доме был большой ассортимент лекарств от любых стариковских болячек, но не от простуды. И термометр куда-то подевался. Но и без него Наум чувствовал, как температура то поднималась до небес, и его трясло мелкой дрожью, то все тело покрывалось холодным потом, так что мокрым становился и спортивный костюм, в котором он лежал, и, главное, постельное белье. А менять белье сил не было. Наум попробовал русский народный способ — принял сто грамм с перцем, но чуть не отдал богу душу. *«Что русскому здорово, то еврею смерть»*, — он еще пытался остричь. Но повторять эксперимент больше не решался.

Сутки Наум стоически переносил болезнь, холод и голод, а на следующий день ближе к вечеру позвонила Циля. Он прохрипел в трубку, давясь от кашля, что все хорошо и все в порядке. Короче, уже через час Циля была у него — во всеоружии, с корзиной, наполненной всякими целебными средствами, включая мед, молоко, бутылочки с полосканиями и набор таблеток.

Наум представлял собой жалкое зрелище и отлично это сознавал.

Но Циля не стала тратить времени на соболезнования. Она принялась со свойственной ей решительностью за дело. Подошла к Науму, потрогала лоб.

— Градусник есть?

— Куда-то задевался...

Градусник был вручен больному.

Циля немного откинула одеяло и наглядно продемонстрировала, что означает выражение «покрутить носом». Наум еще раз почувствовал себя тем самым старым козлом с полным комплектом сопутствующих признаков.

Она сняла теплую куртку и осталась в легком домашнем халате, видимо, издавна любимом, но немного тесном для ее нынешних форм.

— Не замерзнете? — посмотрел на нее с испугом Наум. Он дрожал под куцей одеждой и в спортивном костюме.

— Я? У меня горячая восточная кровь. Вы лучше скажите, бойлер включен?

Не дожидаясь ответа, она пошла в ванную комнату, включила там нагреватель. Перенесла calorifer туда же. И все это не обращая на большого внимания. Слез и сочувствия можно было не ожидать. Для нее это было дело житейское. Белье на полках она, если помните, раскладывала сама и наверняка лучше Наума знала, где что лежит. Приготовила комплект постельного белья, чистую футболку и семейные трусы.

Наум не очень ясно различал все вокруг. Сознание иногда заволакивалось, и тогда ему казалось, что это Света бродит по комнате...

Циля забрала градусник.

— Неплохо. Тридцать девять и три.

У Наума с перепуга округлились глаза.

— Какие вы, мужики, трусы. Все, пошли под душ.

Глаза Наума стали квадратными. Он знал, что в израильской медицине душ применяется обязательно при любой температуре тела, в любом состоянии — живом, полуживом и даже свежерезанном. Но совковый инстинкт — температура под сорок! — предупреждал: это опасно. Впереди замаячило воспаление легких и летальный исход. Впрочем, его никто не спрашивал. Циля одним могучим движением вынула его из кровати и потащила в ванную. Ноги у Наума заплетались, голова кружилась, и при движении он невольно то тут, то там сталкивался с различными выступающими мягкими частями тела, которых у нее было на удивление много.

«Ну что ж, — снисходительно подумал он, случайно упершись в одну из грудей, чтобы не упасть, — немолодая женщина, это нормально. — И мстительно продолжил мысль: — Наверно, и Света уже такая, просто я этого не замечал».

Циля перебросила его в ванну и стала стаскивать влажную куртку со словами:

— Раздевайтесь быстрее.

— Циля, — Наум пытался удержать штаны.

— Что Циля? Да бросьте вы, на что там смотреть.

— Это уже обидно, — прохрипел Наум.

Циля быстро и ловко стала ему намывать голову, спину и ниже, не забыв сообщить, что последние годы она мыла мужа, который тоже не мог уже сам...

— И это тоже обидно, — опять прохрипел Наум.

— Нет, я, конечно, не сравниваю, хотя он был очень хороший человек.

Она передала ему мочалку и сказала:

— Остальное мойте сами, чтобы у вас ничего не украли. Ха-ха. Но не возитесь.

Она ушла в комнату, минут пять ее не было, вернулась, как только Наум отключил душ, как раз вовремя. Крепко и быстро вытерла его большим полотенцем — сопротивляться у него уже сил не было. Надела на него новую смену белья. Обратный переход к кровати прошел легче. А там уже было застелено чистое, а главное, пахнущее свежестью белье. И Наум, к своему удивлению, почувствовал, что стало намного легче, и даже температура упала. Время от времени Циля скрывалась в кухне. Вскоре рядом с ним у кровати появилась табуретка, застеленная салфеткой. На ней — стакан теплого молока, маленький термос с кипятком, банка меда, какие-то таблетки. Яблоко. Мятные конфетки для горла. Тарелка с овсяной кашей была вручена лично в руки со словами:

— Хочешь не хочешь, а кушать надо.

Все действительно было сделано быстро и умело, и, конечно же, Циля не могла это не отметить. Промолчать было не в ее характере.

— Ну, какой я молодец?! Мой покойный муж жил за мной как за каменной стеной. Мои подруги говорят: Циля, ты такая заботливая и симпатичная женщина, почему ты должна оставаться одна? Ты чувствуешь, — впервые она перешла с Наумом на «ты», момент был подходящим, — как я могу помочь, какая от меня может быть польза?

— Циля, я чувствую, что меня знобит, — попытался он укрыться за недомоганием.

— Знобит? — весело подхватила Циля. — Сейчас приспособим грелку.

И она упорхнула в ванную. Потом оттуда раздалось пение. Испуганному беззащитному Науму оно показалось чем-то вроде завывания индейцев, вставших на тропу войны. Он не ошибся. Циля выскочила из ванной в цветастой ночной рубашке (припасла заранее!) и полезла к Науму под одеяло.

Обычно в подобные моменты тактичный автор прекращает описание сцены, предоставляя возможность сообразительному читателю представить себе, что было дальше. И только нахальный кинематограф со сладострастием поджидает эту ситуацию, чтобы потом минуту, две, три, десять смаковать различные позы, крупные и мелкие планы. Но это совершенно не тот случай. В нашем варианте даже самому изобретательному режиссеру не удалось бы выжать и крупную эротики.

Уже говорилось, что у Циля кроме плохо контролируемого темперамента был здравый смысл и своеобразное чувство такта, иногда запоздалое. И она не собиралась ничего добиваться от изнуренного Наума. Просто хотела закрепить дружеские отношения, придав им оттенок чего-то интимного, отогреть его и его одинокое сердце. Наум снова почувствовал, как много у нее теплых и мягких частей, и уже готов был выскокить из кровати. На холод, на мороз, на смерть — куда угодно. Циля уловила это.

— Да бросьте вы, — она опять перешла на «вы», — никто вас не укусит. Согреетесь немного, и я пойду домой. Сына нужно кормить. Лежите спокойно.

Она затихла, а потом как-то заурчала, как кошка, судя по всему, немного задремала. Наум старался не двигаться, все это было ужасно.

Через полчаса она встала, не торопясь натянула халатик. Потом снова хлопотала — вынула кусок курицы из морозилки, отварила бульон, что-то где-то немного убрала. При этом пересказывала недавно виденный сериал, где женщина своим телом отогрела умирающего красавца. Наш красавец на эту историю никак не реагировал. Может, Циля и испытывала неловкость, но по ней это не было заметно. А Наум просто страдал, он не мог дождаться, когда визит закончится. Наконец она оделась — «Ах, сын уже вот-вот явится!», поцеловала Наума в щечку (с ней это бывало и раньше), пообещала завтра прийти к обеду и ушла.

Как только за ней закрылась дверь, Наум стал есть себя поедом. И все началось с излюбленной им фразы: «Что ж я за человек такой?» Где естественная благодарность женщине, которая искренне, от души, так помогла ему в тяжелую минуту, вполне возможно, даже спасла его? Как получилось, что эта благодарность наглухо перекрылась чувством сильного, буквально органического неприятия не столько самой Циля, сколько всей ситуации? Домашние хлопоты вокруг него этой полной немолодой женщины, не говоря уже о постельной сцене, вызывали сильнейшее раздражение, а может, даже отвращение. Эти чувства были настолько определенными, что сомневаться в них не имело смысла. Они не зависели ни от обстоятельств, ни от героини. Нет, при любой другой было бы то же самое, в этом Наум был даже больше чем уверен. Дело в нем, он на другую реакцию не способен.

А если отбросить эмоции, то вывод следует простой и суровой, вполне научный и обоснованный: Наум остается в Израиле один. Во всех возможных вариантах один. Он то ли по характеру, то ли из-за возраста, то ли по сумме разнообразных причин — какое это имеет значение? — уже ни с какой женщиной не совместим. Органически не совместим. Не о друзьях и не о гостях идет речь. Гости приходят и уходят. Речь идет о том, что в своей квартире он всегда жить будет один. Как сказал бы более поэтически настроенный персонаж, чем наш сухарь-аналитик Наум, отныне он обречен на одиночество. С этими тяжелыми мыслями он уснул, правда, предварительно съев то, что было оставлено, выпив все лекарства и прополоскав горло в соответствии с инструкциями.

Наум настолько не хотел повторения пройденного, что его организм просто не мог не откликнуться: на следующее утро после посещения Цили у него упала температура, значительно уменьшился кашель. Таким образом, Наум мог позвонить ей и отрапортовать, что благодаря ее заботам он исцелился, сейчас готовит завтрак, все прекрасно, большое, огромное спасибо и приходите в гости. Что в переводе на русский язык означало, что скорая помощь уже не понадобится. Если Цилю и обидел этот «ответ с отказом», то она виду не подала.

7

Итак, в течение недели прозвучал окончательный, без права на обжалование, суровый вердикт, подтвержденный и в Сан-Диего, и в Маалоте: его ждет одинокая и безрадостная старость. Ничего удивительного нет в том, что загнанная было в подполье депрессия обрушилась на него, как лавина. Его бесцельные перемещения по квартире стали напоминать донельзя замедленное броуновское движение. Заторможенность перешла все границы приличия. Неуверенность и сомнения всегда были его ахиллесовой пятой, но он умел с ними бороться. Раньше. Сейчас любая, самая мелкая проблема приводила его в состояние полного душевного разлада. Самолюбивый Наум понимал, что выглядит нелепо, он по-прежнему очень старался не вызывать сочувствия и жалости со стороны, но с каждым днем это становилось все труднее. Он силой заставлял себя ежедневно бриться, принимать душ, как можно чаще менять белье. Пытался сделать не столь мрачным выражение лица. Но! Кроме волевых усилий и старания нужно еще и желание, а его не было. Растаяло без следа. Все держалось только на самолюбии — явно недостаточной и ненадежной опоре.

Все признаки депрессии были налицо. Наум не мог досмотреть ни одну телепередачу до конца — надоедало, уставал. О книгах и говорить нечего. И контакты, разговоры с ним тоже становились нелегким делом. Он мог внезапно замолчать на полуслове или уставиться куда-то за спину собеседнику, так что тот начинал ерзать на месте и оглядываться — что он там углядел за его спиной?

Оказалось, есть только один способ растормошить его хоть на время. И способ этот обнаружил Геннадий. Он же стал применять проверенный тысячелетиями безотказный метод на практике. Наум не сопротивлялся.

Потребляемые Наумом в «беседах» с Геннадием символические дозы, о чем мы уже упоминали раньше, потихоньку превращались в обычные, затем в солидные, и молчаливость его после приема порции на удивление быстро сменялась словоохотливостью. Он становился куда более раскованным и энергичным. Где здесь причина, где следствие — трудно разобрать, но связь очевидна. Прежде Наум никаких сведений о своем семейном положении, тем более подробностей, не сообщал. Никого его заботы не касались, собственно, потому он и уехал в Маалот,

чтобы можно было начинать с чистого листа. Первый прорыв произошел в разговоре с Цилей. Неожиданная исповедь была хорошим уроком и долго терзала его самолюбие. Но постепенный шаг за шагом, а точнее рюмка за рюмкой, бастионы сдержанности пали. Вскоре и Геннадий стал доверенным во всех отношениях лицом. Полностью уяснив ситуацию, в которой оказался Наум, Геннадий однажды выразил сочувствие в такой форме:

— Значит, тебя бросили тяжело раненного на поле боя? А может, лучше было бы пристрелить?

— Гена, не перебарщивай. Я амикошництва не люблю...

— А ты не мог бы говорить по-русски?

— Не могу — не люблю материться.

Но проходил налет опьянения, и Наум еще больше замыкался в себе. Мрачнел, непрерывно растравлял душевные раны и даже получал от этого удовольствие. Считал, загигая пальцы, чего он в этой жизни не сделал. Дом не построил, дерево не посадил, ребенка не родил. Даже картофелными очистками народ в России перестал интересоваться. Он определенно никакого следа на земле не оставил. Тогда зачем было появляться на свет божий?

Облегчение принесли только следующий визит Геннадия. Приходилось применять средство все чаще и чаще. Намечалась цепная реакция...

К удовольствию всех участников посиделок под навесом, зима выдалась мягкая и не очень дождливая. Практически каждый день можно было, чуть потеплей одевшись, сидеть на уютных стульях на свежем воздухе, греться на все еще теплом солнышке и любоваться чудным пейзажем. Природа предгорий Израиля и не собиралась оголяться и отдыхать, как положено зимой. В марте, после праздника Ту би-Шват — нового года деревьев, а еще больше в апреле началось буйство на ярко-зеленом фоне самых разнообразных красок, свежих и сочных. Поистине волшебный край, райский уголок!

Известные вам соседи приходили под навес как к себе домой, без предупреждения. Правда, по уже описанным причинам «беседы» с Геннадием стали происходить чаще, чем совместные обеды с Цилей. Циля постепенно стала сдавать позиции. Она потихоньку убеждалась, что планам ее альянса с Наумом не суждено сбыться.

Но она была не только бывшим социальным работником, но и просто настоящей доброй женщиной, поэтому отдавать Наума без боя этому растлителю Геннадию не собиралась («Ненапрасно он мне так не понравился с самого начала, алкаши всегда такие вроде бы добренькие, но без совести»).

«Ну хорошо, — думала она, — у меня не получилось. Но это не конец света». Как и всякой настоящей женщине, ей было тяжело сознавать, что такой солидный и интеллигентный мужчина «валяется без пользы посреди дороги, и никто его не подберет».

Она проявила чудеса альтруизма и стала знакомить Наума с подругами. Правда, заранее их предупреждала, что он немного бука, зато мужик серьезный и непьющий. Но спустя какое-то время у нее появились обоснованные сомнения и в том, что он бука, и в том, что непьющий.

Науму в его нынешнем состоянии такие мероприятия были как острый нож в сердце. Но не сидеть же камнем дома. Унизительно! Какой выход? Новые знакомства, вежливые развлекательные разговоры, компания одиноких немолодых женщин, удивительно похожих друг на друга, — все это действовало на него угнетающе. Вы можете вообразить, что собой представлял Наум в еще более угнетенном, чем обычно, состоянии? В глазах новых знакомых Наум читал свой приговор — он полный идиот и все тот

же старый козел в придачу. Это было невыносимо. Выход опять-таки нашел бывалый, прошедший огонь и воду (и не только воду) Геннадий.

Все, оказывается, решалось очень просто. Прежде чем отправиться из дому на такой междусобойчик, Наум по его мудрому совету выпивал пару рюмок провальной водки «Александров» — и уже минут через десять, с мятной конфетой во рту для отбития запаха алкоголя, был вполне похож на нормального человека. Запаса хватало часа на два-три. За это время его приглашали к обязательному на таких встречах столу, где он и добавлял вполне приличную для интеллигентного человека дозу — пару рюмок, больше ему и не требовалось. И тогда наш Наум превращался в разговорчивого и даже немного развязного собеседника. Он становился едва ли не душой компании, хотя этой компании слишком многого и не требовалось. Пусть он довольно часто говорил заумные и малопонятные вещи, пусть хихикал первым над своими не слишком смешными остротами, но это был живой человек другого пола, от чего Цилины подружки уже стали отвывать.

— Нет, он у тебя довольно-таки еще ничего, — говорили они Циле. — Смотри, вначале он нам показался каким-то замороженным.

Циля в ответ помалкивала, начиная догадываться об истинных причинах столь странной метаморфозы.

Сам Наум несколько своими успехами не обольщался. Он ситуацию рассматривал трезво, как ни парадоксально это звучит. Ничего хорошего в этом не было — цветник свободных женщин и он посредине. Это означало, во-первых, что значительное число его сверстников уже покинули поле боя, что само по себе наводило на мрачные мысли. А самомуновоявленному любимцу публики приходилось все активнее пользоваться допингом в виде «беленькой», чтобы выглядеть на уровне. Но самое интересное — неизвестно зачем все это Науму нужно: ни с одной из подружек он ни за какие блага в мире не согласился бы повторить спектакль, который они разыграли с Цилей во время его болезни. Да и просто общаться «в мирных условиях» не тянуло, ему и в голову не приходило назначить кому-нибудь из них свидание.

Наум усиленно бравировал тем, что ему теперь и море по колено, и сам черт не брат. Никого теперь его здоровье не волнует, а его — меньше всех. Пьет, не пьет — какая разница? Но ставшие почти ежедневными визиты под красный навес Геннадия со всеми вытекающими из этих визитов последствиями стали его настораживать. Геннадий, к своему огромному удовольствию, нашел прямо под боком отличное место для распития, компаньона и даже собеседника. И он с великим усердием старался закрепить достигнутые успехи. Время от времени он ободрял Наума:

— Мы с тобой докажем, что еврей тоже человек и может пить не хуже какого-то там гоя.

У Наума таких амбиций не было. Как обычный среднестатистический еврей, он боялся пьянства и боялся стать пьяницей. Это действительно реальное генетическое еврейское наследие, в отличие от многих надуманных качеств. И Наум все с большей тревогой сознавал необходимость затормозить. Но что могло быть взамен? Пустота и разочарование.

— Гена, все, я завязываю. Так можно и спиться ненароком. Давай сделаем перерыв на недельку.

— На недельку? Ты с ума сошел! А что мы будем делать всю эту неделю?

Серьезное возражение, ответа на него Наум не знал.

Такой разговор происходил не раз, и не два, и не три. Это уже становилось похоже на классические пьяные обещания начать с понедельника новую жизнь. В Израиле понедельником было воскресенье...

— Не дрейфь. В твоём возрасте уже не спиваются. Закон медицины.

Наум знал, что такого закона нет. Знал на основании жизненного опыта.

В Одессе, еще до эмиграции, в одной парадной с ним, этажом выше, жил доцент Старк. Такая у него была фамилия, иностранная. А в остальном он был человек как человек, солидный и спокойный. Преподавал в педагогическом институте. Жили они вдвоем с женой, которая была моложе его лет на пятнадцать, а то и на все двадцать, женщиной тоже приятной и приветливой. Детей, как принято говорить, им бог не дал. И вот когда ему было лет семьдесят или около того, внезапно умерла жена. За полгода Старк спился. Это стал совсем другой человек, даже нос успел за каких-нибудь полгода покрыться красными склеротическими жилками, как у клоуна. Вечером он, качаясь и хватаясь за перила, поднимался наверх, утром — что было еще ужасней — точно так же качаясь, спускался вниз. От полной деградации и белой горячки его спас огромный грузовик — так надежно задавил, что останки пришлось хоронить в закрытом гробу.

Нет, определенно, спиться можно в любом возрасте, как показывала практика. И эта же практика доказывала, что любви не все возрасты покорны, а только до определенного предела. В этом отношении Пушкин, по мнению Наума, оказался не прав.

Первый (а может, последний) звонок прозвучал для Наума двадцатого марта, когда счастливая Света сообщила, что родилась долгожданная вторая внучка. Опытная американская медицина не ошиблась, когда давным-давно предсказала, что это будет девочка. Ее назвали Ора, что на иврите соответствует имени Света. Это стало предметом особой гордости любящей бабушки. И бабушка Света не уставала повторять, что для полного счастья ей не хватает только присутствия дедушки Наума. То есть у Наума был серьезный повод отметить это событие.

Гена в этот день не появлялся, Циля тоже. Наум вынужден был на радостях «принять на грудь» в одиночестве — исполнил это очень добросовестно. Ночью были неприятности, которые тоже давно назревали. Науму было отлично известно, что простатит и алкоголь — *две вещи несовместные*. Проснувшись от боли, он минут двадцать простоял без толку над унитазом, его заклинило. Он уже испугался, что навсегда. На сей раз пронесло, и в прямом и в переносном смысле. А когда на следующее утро ему неудержимо захотелось опохмелиться, он понял: пора принимать меры.

Нужно было не только решиться наконец на операцию, но и покончить с Гениным допингом.

Пьянству — бой!

Только на силу воли рассчитывать было опасно. Нужно было снова искать громоотвод, какое-нибудь занятие, которое отвлекло бы его от ничегонеделания. Но что-нибудь полегче, чем предыдущая трудотерапия, — на такой подвиг он уже способен не был.

Не объясняя причин, чтобы не обидеть партнера, Наум спросил у знающего всех и вся Геннадия, чем бы интересным можно ему, Науму, заняться в городе Малоте. Гена с энтузиазмом откликнулся.

Курсы изучения иудаизма, курсы оригинальных маршеобразных израильских танцев, фитнес, что на иврите звучит как «хедер кошер» - всё это особого энтузиазма не вызвало. Дальше. Сейчас среди израильских пенсионеров очень модно обучение игре на фортепьяно, но это денег стоит. Проехали. Дальше. Гена видел объявление: «Требуются любители самодеятельности для участия в постановке пьесы Григория Горина «Поминальная молитва».

— У тебя есть талант артиста? По-моему, нет.

Затем, подумав, добавил:

— Есть еще вариант. Но я бы тебе не советовал. Как-то я от безделья сунулся туда. Это секция. Что-то из восточной религии...

— Секта?

— Нет, секция. Занятия. Они там медитацией занимаются и — забыл как называется — транс... какие-то полеты. Межзвездные. Чокнутые, одним словом. Но интересно.

— Трансцендентальные?

— Точно. Ты бы видел этих межпланетников. Есть и старые, и молодые, но сразу видно — все с приветом. Но интересно. А то все надоело... У них все иначе, все задом наперед.

— Почему... Я когда-то интересовался этим. А почему не советуешь?

— Там занятия два раза в неделю. И твердое условие — нельзя пить два дня до занятий и один день после. Иначе психика не выдерживает, мозги сдвигаются. И начинаются глюки. Я на себе проверил: сдвигаются... Это не для нас с тобой, Наум.

Легкомысленный болтун Геннадий не почувствовал, что потерял в эту минуту и место распития, и напарника, и собеседника — все сразу.

Часть третья

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЕ ПОЛЕТЫ

1

Из зеркала на него в упор, не мигая, смотрел солидный немолодой человек. Для многих скорее пожилой. Лет семидесяти с небольшим хвостиком, с каким — не стоит уточнять. Как говорила равнодушная к нему соседка Циля, он «выглядел на свои годы». Впрочем, если быть самокритичным, возможно, она ему льстила, и на вид было чуть больше. Но ненамного, на два-три года от силы. Лицо интеллигента, научного работника, немного аскетичное, хотя не худое. Вертикальные складки вдоль щек, четкие горизонтальные линии на лбу. Две короткие черточка над переносицей. Стандартная лысина, узенький венчик седых волос. Нос великоват, но здесь, в Израиле, это значения не имело. Правда, без очков лицо становилось немного растерянным и беззащитным. Но если их водрузить (Наум так и поступил), то облик приобретал решительность и основательность. Такого лица можно было не стыдиться. Даже коренные израильтяне, смотревшие на «русских» эмигрантов традиционно свысока и с пренебрежением, говорили с ним довольно вежливо, не только в организациях, но и в транспорте, и в магазине. «Доктор!» — частенько обращались к нему незнакомые аборигены. Это льстило, тем более что он здесь, на исторической родине, действительно считался доктором: именно так, солидно, звучал в Израиле не слишком уважаемый в Союзе статус кандидата наук.

Наум немного отошел от большого зеркала и повернулся в профиль. В таком ракурсе дело обстояло не слишком благополучно. И вовсе не потому, что трюмо, доставшееся ему вместе с потертым диваном и растрескавшимся шкафом в этой отремонтированной своими руками съемной квартире, было не слишком четким и расцвеченным всеми цветами радуги. Профиль стал сдавать. Лицо еще и на виде сбоку сохраняло форму, хотя что-то там уже свисает под подбородком, правда совсем немного. Почти не заметно. Но фигура определенно стала выглядеть не «на свои годы».

Происходят какие-то удивительные и не сочетающиеся изменения — он определенно начал усыхать, ручки-ножки стали заметно тоньше. Плечевой пояс тоже выглядит не слишком внушительно, раньше определенно было лучше. Поху-

дел? Весы этого не показывают. Происходит перераспределение массы. Откуда-то появились наплывы на бедрах, спускающиеся за брючный ремень. Животик почему-то увеличился и стал выезжать вперед. Если все время помнить об этом и втягивать... — но где наберешься терпения? Тем более что нужно следить за все увеличивающейся сутулостью и гордо забрасывать голову назад. Не позволять ей склоняться вперед как у понурой лошади. И не забывать расправлять плечи. Шею вытягивать вверх уже нет смысла, шея исчезла куда-то окончательно и бесповоротно.

Наум проделал все потребные манипуляции. Втянул, запрокинул, расправил. Красавцем не стал, но было вполне терпимо, даже моложе, чем «на свои годы». Но кто эту нагрузку выдержит? А главное, чего ради?

«Чего ради?» — услышал он свой голос. И огорченно покачал головой. Говорить вслух Наум стал все чаще — неизбежное следствие одиночества. Он внимательно следил за собой, но слова неожиданно выскакивали не только дома, но и в «присутственных местах», например, магазинах. Было очень неловко. Приходилось прочищать горло будто бы от кашля, или делать вид, что про себя напевает песенку, а пара слов просто вырвалась наружу. Но оправдывать ситуацию было нелегко, потому что слова чаще всего явно были не из песен. Еще один парадокс одиночества. Наум обычно в разговоре не ругался матом. Не любил. Не было у него такой привычки. И даже морщился, когда это делали другие. А тут, поди ж ты, в качестве реакции на бесконечные не слишком веселые мысли время от времени выпрыгивало «ну вас всех на х...!» либо «вот б...!». В основном один из этих двух вариантов, без особого разнообразия. На удивление четко и громко. Тут уж не споешь и не прокашляешься.

Наум перестал напрягаться и сразу же утратил свою молодецкую выправку. Все части тела стали на положенные места. Действительно, чего ради?

Но он лукавил. Отлично знал, зачем проводит регулярно смирнины перед зеркалом. Это не было самолюбованием и не было подготовкой к свиданию. Причиной было самолюбие, если хотите — гонор. Это был контроль, проверка. Наум не хотел выглядеть опустившимся одиноким пожилым мужчиной, брошенным на старости лет в убогую квартиру с потрепанной хозяйской мебелью, в городок, расположенный на задворках Израиля, того самого Израиля, который сам по себе не более чем задворки Европы. Невеселый финал жизни, и Науму очень не хотелось, чтобы его внешний облик соответствовал этому финалу. Не хотелось читать во взглядах сочувствие. Сочувствия и так было больше чем достаточно. Именно для того, чтобы избежать скрытого и явного соболезнования знакомых, Наум переехал из Хайфы в захолустный Маалот.

Хотя формально дело выглядело не настолько печально. Но, пожалуй, оно выглядело так только в глазах Светы, которая упорно считала, что скоро для Наума наступят большие перемены. Он спустя некоторое время присоединится к счастливой семье Беляевых и к бабушке Кириченко в благословенной Америке. Сам дедушка Наум был не настолько оптимистичен и ясно сознавал, что ожидаемые перемены не могут осуществиться по многим причинам, в том числе по самой естественной — ему семьдесят с хвостиком. Снова проходить сквозь мытарства новой эмиграции, чтобы в конце концов осесть на иждивении семьи Жени, — перспектива совершенно нереальная. Нет, не напрасно до сих пор звонят ему их друзья из Хайфы, стараясь поддержать, подбодрить. Раньше он такой популярностью не пользовался.

Наум критически посмотрел на свое хоть и обновленное, но не слишком в бытовом отношении ухоженное — чувствуется отсутствие женских рук — жилище и подумал, что у него тоже появилось желание позвонить самому себе и поддержать... Хм...

Почти год в гордом одиночестве Наум, по его собственному выражению, уже отмотал. Он так и рассматривал свою нынешнюю жизнь как срок заключения, вероятней всего пожизненного.

«И все же человек ко всему привыкает», — так уговаривал он себя, и все силы прилагал к тому, чтобы на примере собственной жизни подтвердить это незатейливое утешение.

Многое ему удалось. А может, кажется, что удалось. Кто знает истину?

Надежда умирает последней. Нравилась Науму эта сентенция, хотя к нему она не имела, увы, никакого отношения. Его надежда умерла, окончательно и бесповоротно. Но это не означало, что он раскиснет и опустится. Нет, он будет сопротивляться до конца. Отстреливаться до последнего патрона.

Наум еще раз внимательно оглядел себя в зеркало. Можно идти. Он готов сделать еще одну попытку в поисках хоть какого-то интереса в жизни. «Трансцендентальные полеты» — звучит заманчиво...

2

Наум спросил у Геннадия, где расположен клуб. Это место он знал — посещал с коляской магазин по соседству во время ремонта. Занятия секции проводятся вечером по воскресеньям и средам, это Геннадий знал точно, а начало... то ли в семь, то ли в восемь часов. Наум пошел к семи.

Первые числа апреля, днем уже было по-летнему тепло, ночью еще немного прохладно. Идеальная погода, идеальная природа, прогулка доставила истинное наслаждение. Из-за изгородей выглядели растения самых невообразимых форм и расцветок. Многие из них не стеснялись расти прямо на улицах, на открытых склонах. Наум уже привык к этому изобилию, а может, не замечал его в силу своего отнюдь не романтического характера. Сейчас он открывал природу Израиля для себя заново.

Наум решил, что это обнадеживающий признак. Признак перемен. Может быть, он наконец найдет занятие, которое его заинтересует? И круг общения, основанный на духовных ценностях? Дай-то бог.

Здание клуба, правда, не вписывалось в оптимистический пейзаж. Оно было достаточно неухоженным, но Наум под влиянием общих эмоций простил ему неказистый вид. Главным было содержание, а оно — будем надеяться — не подведет.

На первом этаже, обнаружил Наум, располагался фитнес-клуб. Его открыли новые репатрианты, это было видно не только по состоянию здания, но и по тренажерам. Они отличались одним общим качеством — выглядели несовременно. Все было подобрано где-то по случаю и недорого... Посетителей было немного — три-четыре человека.

— Мы заканчиваем через час, — предупредил сидевший при входе не то хозяин, не то охранник, почти квадратный крепьш.

Наум спросил, где проводятся занятия «Трансцендентальные полеты».

— Ах, эти... — крепьш выразительно покрутил у виска. — Там, где им и положено быть. Ближе к космосу. Над нами, на втором этаже. Лестница за углом.

Наум поднялся вверх. Дверь была открыта. Он вошел в короткий коридор. У стенки справа стояла скамейка без спинки. Слева было две двери, прямо — одна, за ней слышалось гудение — кажется, работал пылесос. Наум постучал, ответа не было. Он открыл дверь и заглянул вовнутрь.

Это был скорее зал, чем комната. Довольно большой зал, около ста квадратных метров, примерно так. Может быть, раньше это был чердак. Впрочем, скорее

всего что-то вроде мансарды, две стены с окнами, потолок плоский — нет, определенно не чердак. Странной формы светильники на потолке, по углам подвешены четыре аудиокolonки. У одной стены стопка из нескольких вставленных друг в друга пластмассовых стульев. Вот и все оборудование зала.

Но наибольшее внимание привлекало светло-зеленое ковровое покрытие всего пола, красивое, умеренно жесткое — Наум аккуратно попробовал его ногой. Татами? Заходить в обуви не решился.

Женщина у дальней стенки энергично пылесосила покрытие. Судя по всему, она уже заканчивала процедуру. Наум решил не форсировать события и подождать, пока она повернется к нему лицом.

Женщина действительно выключила пылесос, повернулась, увидела Наума и решительными шагами направилась к нему.

Так состоялось первое знакомство Наума с одним из членов загадочной команды путешественников по вселенной. Звали ее Роза.

Она была примерно такого же возраста, как и Светины подружки, безусловно, за шестьдесят, на всем ее облике стояла печать — вдова. Боже, скольких мужей мы уже потеряли! До своей нынешней холостой жизни Наум этого не замечал...

Когда Наум признался, что хочет стать участником их команды, Роза скупой улыбнулась, предложила сесть на скамеечку в коридоре и побеседовать. Тем более, что до начала занятий оставалось более получаса, а она уборку уже закончила.

Они чинно представились друг другу и сели беседовать.

Судя по всему, поговорить Роза любила. Мнение о ней Наум составил быстро — и в главном не ошибся. Лицо смуглое, глаза немного злые, взгляд оценивающий. Даже для такого возраста она была достаточно некрасива, правда, не отталкивающе. О таких говорят — умная женщина, и закрывают этим все остальные вопросы. Она, как впоследствии выяснилось, действительно была неглупой, начитанной. Одна беда — не скрывала этого. Роза считала себя последней настоящей интеллектуалкой в Израиле. Очки и весь облик Наума пробудили в ней надежду найти родственный уровень, но, увы, он испытания не выдержал. Чтение Ницше было неплохой заявкой, но с современной литературой и искусством он знаком не был, а с последними криками в области модерна тем более, это выяснилось почти сразу же. Словом, так, на хилую троечку, хотя для Израиля, по ее мнению, и это неплохо. Немного повысило его рейтинг признание, что он не пишет ничего — ни стихов, ни мемуаров.

— Вот это хорошо. А то у нас сейчас не культурная революция, а литературная революция. Все дружно бросили читать и дружно бросились писать.

Она взглянула на Наума, ожидая реакции. Наум реплику оценил, заулыбался. Нет, определенно Наум очень удачно попался под руку. Что бы она делала полчаса? Занятия начинались в восемь, а дежурный должен был начинать уборку в семь.

— Убирают все по очереди? — это Науму не понравилось.

— Вот именно, что по очереди. И мы все за эту очередь боремся.

Оказывается, убирали не в нагрузку, а за деньги. Они добились ставки уборщицы 250 шекелей в месяц, 30 шекелей в час, больше минимума. И все женщины-олимки борются за эту работу, устанавливают очередность. Потому что платить в мэрию нужно по 80 шекелей в месяц, это для них сумма.

— Аренда такого зала денег стоит. А тут кроме нас никого нет. Но работа легкая — видите, двадцать минут восьмого, а я уже свободна. Единственная неприятность — позже семи приходиться нельзя. Нас все время контролируют наши враги.

— У вас есть враги?

— Еще какие! Из тех, что не дремлют. Ультраортодоксы. Наш местный религиозный совет. Они говорят, что мы секта. И насаждаем буддизм. Один рав, самый активный, заявил, что буддисты — те же язычники. У них много богов. Этот рав год тому назад в конце концов съел нашего гуру Веред.

— Как съел? — решил разрядить ситуацию Наум. — Так, как аборигены съели Кука?

— Примерно, — приняла шутку Роза. — Съел нашего гуру. Ту, что шесть лет тому назад организовала секцию.

— Гуру — женщина?

— Конечно. Веред на иврите — Роза. Мы с ней тезки. Вы и иврита не знаете? Наум решил реабилитировать себя на территории русского языка, и неудачно.

— Тогда, наверное, нужно говорить «наша гура»?

— Ох, Наум. Я от вас этого не ожидала. «Наша гура громко плачет».

— Да, действительно... — Наум смутился.

За полчаса, которые оставались у них до появления членов кружка, Наум успел узнать многое. Роза рассказывала толково и логично. А ее интеллигентному, рафинированному московскому произношению можно было позавидовать, особенно если учесть, что всю свою сознательную жизнь она прожила в Кишиневе. Немного, правда, вводили в сторону попытки экзаменовать Наума, но это уже проявлялся характер, ничего не поделаешь.

— Наум, а знаете ли вы, в чем польза эзотеризма? — и далее в том же духе.

Наум, естественно, каждый раз признавал поражение. Отыгрался только однажды.

— Тут вы, Роза, извините, ошиблись. Трансцендентность и трансцендентальность — далеко не одно и то же. Трансцендентный — это лежащий за пределами опыта, недоступный познанию... — и еще несколько предложений в этом же духе, со ссылкой на философию Канта.

Роза не поняла, но взглянула на Наума с уважением. Нет, в нем определенно что-то есть, не так он прост, как кажется. И она решительно сошла с наукообразной колеи, перейдя к делам простым и понятным.

Суть ее рассказа сводилась к следующему. Шесть лет тому назад Веред, врач-психотерапевт, серьезно увлекающаяся восточными учениями, организовала этот кружок. Веред была авторитетным врачом, эмигранткой из Москвы с 1977 года, человеком далеко не бедным, да и муж ее был солидным бизнесменом. Она потратила немало сил на это свое детище — добилась официального статуса, согласия мэрии на аренду помещения, да и ее личных денег было затрачено изрядно. Она вознамерилась создать свою оригинальную школу, используя известные успехи медитации. Школу трансцендентальных полетов — ни больше ни меньше.

К секции никто вначале серьезно не относился. Ну, побалуются — и бросят. Со дня на день ждали разгрома. Их противником, как уже говорилось, со дня основания стал религиозный совет во главе с неугомонным равом Ядидия. Сила огромная и со стороны не управляемая.

Первые годы были очень нелегкими.

— Нас уже собирались закрывать, да и народ наполовину разбежался. И тут грянули результаты.

— Грянули? — скептически переспросил Наум. — И что же это за результаты, которые грянули?

— После вашего выпада я вам о них не расскажу, сгорайте от любопытства, пока Линда не придет.

— А кто такая Линда, хотя бы об этом я могу узнать?

— Дойдем. Имейте терпение.

Но достигнутые блестящие результаты, о которых обидчивая Роза пока не хотела говорить Науму, не остановили рава Ядидию и его соратников.

Они завалили все инстанции жалобами. Но это полбеды. Тут было все — пикеты, демонстрации, проткнутые шины автомобиля и даже самое действенное оружие религиозного пролетариата — мешочки с, извините, дерьмом, специально заранее заготовленные.

Главные раввины умывали руки, говорили, что это местная инициатива борцов за чистоту еврейского государства, и ни поддерживать, ни мешать они не намерены.

Наконец, у Веред терпение лопнуло («мы, Розы, все самолюбивые»), и она переехала в Тель-Авив. И тогда раввины, поняв, что перегнули палку, и Маалот лишился отличного врача, затихли.

— А мы выбрали Линду своим руководителем. Она, конечно, не гуру, она одна из нас. И что очень важно — врач. Солидный знающий врач.

— Врач? — в вопросе Наума прозвучало сомнение.

— Каким образом к нам затесался врач? Как и мы все. Не от хорошей жизни.

Роза вздохнула и посмотрела на часы. До начала занятий еще оставалось достаточно времени, чтобы коротко рассказать историю Линды.

Семья Линды была примером образцовой абсорбции. Плакатным примером. Они эмигрировали в Израиль из Латвии в начале «большой алии», в 1989 году. Линда легко преодолела все преграды, включая изучение иврита на высоком уровне, прошла соответствующие курсы и стала терапевтом, на прием к которому было непросто попасть. Муж ее тоже без особых приключений довольно быстро стал главным рентгенологом больницы в Твери. Вскоре они купили приличную виллу. Сын окончил хайфский Технион и получил приглашение на престижную работу в Бельгии. Солидная, преуспевающая семья.

Роза замолчала и еще раз печально вздохнула.

«Но трагический мотив начинается, вниманье», — подумал Наум, почувствовав перелом в рассказе.

Однажды — это было пять лет тому назад — Линда после работы поджидала мужа и сына, которые должны были отвезти ее домой. Внезапно она услышала вой сирен. Мимо промчались пожарная машина, скорая помощь...

На повороте недалеко от старой крепости машина с ее мужем и сыном свалилась с обрыва. Что случилось, почему потеряли управление — спросить было не у кого. Разнимали по частям...

— Ужас.

— Ужас.

Прозвучало, как эхо.

— Бедная женщина... А где эта старая крепость?

— На подъеме в город, возле клумбы. Знаете старое заброшенное здание? Его репатрианты часто так называют — старая крепость. Те, кто читали книгу Владимира Беляева. Помните такую?

— Я читал, читал, — успокоил ее Наум. — Но дом не заброшен, а просто запущен. Я там живу.

— Поздравляю.

Наум опять откатился в рейтинге.

— Кстати, и Линда живет где-то недалеко от вас.

Роза еще раз посмотрела на часы.

— Скоро начнут собираться. Ну вот, Наум, так у нас в группе появился еще один врач. А для нас — не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы у нас не было Линды, нас бы прикрыли.

— Не понял связи...

— Руководитель-врач — это был очень сильный довод. То, чем мы занимаемся, небезопасно.

— Травмы на производстве? Вывих колена в позе лотоса?

— Наум, опять выпад? И напрасно. Я не шучу. Это все связано с психикой, а любой эксперимент с ней всегда опасен. Вы знаете, что о таких, как мы, говорят — чокнутые?

Наум вспомнил отзыв Геннадия. Согласно кивнул головой. Роза продолжала:

— И нередко это правда. То, что у нас происходит, это паранормальные явления, — она со вкусом произнесла красивое определение. — И человек часто не может понять: он действительно добился успехов — или просто тронулся, и ему все это только кажется. Сам он отправился в трансцендентальный полет, или туда поехала его крыша.

И Роза опять испытующе посмотрела на Наума — оценит или не оценит? Наум не подкачал.

— Отлично сказано! Звучит как афоризм.

Спустя короткое время он прочувствует не только форму, но и глубокий смысл этого афоризма.

— Жаль, что Линда в августе переезжает в Америку... Выходит замуж. Между прочим, как и положено в еврейской традиции, за младшего брата своего покойного мужа.

— Она религиозна?

— Нет, что вы. Он человек обеспеченный. Линда получит американское гражданство. Я думаю, что это брак по-родственному. Чтобы не оставаться одной. Бывают и такие браки. Но нам от этого не легче. Боюсь, на этом наша песенка будет спета.

Послышались шаги на лестнице.

— О, народ пошел!

3

Народ действительно пошел. Один за другим. Очень вежливо здоровались, потом заходили в комнату по соседству с залом, где оказалась раздевалка, она же складское помещение, в котором хранились немудрящие пожитки членов секции. Спустя пару минут они выходили и направлялись в зал. Форма одежды то ли спортивная, то ли домашняя, мягкие тапочки и у каждого в руках плоская подушечка.

Их оказалось немного — десять человек. Публика на удивление разномастная. Три неизбежные полноватые женщины за шестьдесят, репатриантской внешности, из той категории, которую Наум именовал «Цилины подружки». Включая Розу. Бородатый, жилистый, ярко-рыжий парень лет тридцати по имени Рудик (легко запомнить!). Блондинка Оля, примерно в том же возрасте, судя по виду, страдающая анорексией. Семейная пара давних эмигрантов из Польши, лет под пятьдесят, немного высокомерные и плохо говорящие по-русски. Плотный, с животиком, который он все время стыдливо и безнадежно пытался втянуть, седой вдовец-пенсионер, представившийся Аликом. И несовременный мальчик в очках лет семнадцати, из тех, кто слишком много читает, хотя это давно уже не принято. Пол-

ный разнойбой. Последней пришла Линда. Наум почему-то не сомневался, что это Линда, и поднялся ей навстречу.

— Здравствуйте, я к вам.

Прежде всего, он отметил аккуратную, подтянутую фигурку, что не часто встречается в таком возрасте — ей на вид было лет шестьдесят пять. Впрочем, вероятней всего, меньше — серьезное и немного усталое выражение лица не молодило. «Интересно, это результат тяжелого рабочего дня или депрессии?» — подумал Наум.

Линда, безусловно, была интересной женщиной. Что-то было в ней привлекающее внимание, какая-то породистость, чем часто в нашей прежней жизни отличались прибалтийские женщины от прочих советских. Голова поднята, плечи расправлены — а Наум на личном примере знал, как тяжело это с возрастом дается.

Вполне обычные, без каких-то заметных национальных особенностей, условно европейские черты ее лица тем не менее были типично еврейскими. Наума это заинтриговало: кожа не смуглая, нос ровный, не длинный, глаза без еврейско-восточной печали, серые и широко расставленные (у евреек они часто сидят близко к переносице). Даже скулы чуть выпирают. И зубы как зубы, и губы как губы. А все в сумме — сомнений нет никаких: перед тобой еврейка.

Необычной была прическа. Темно-каштановые, тронутые красиво разбросанными пятнами седины, густые, издали видно, что жесткие, волосы. Чуть волнистые. Спереди они непокорно — или так задумано? — стояли стеной вертикально вверх, были словно продолжением лба, постепенно к затылку укладываясь в нормальную прическу. Это не казалось африканской жесткой копной волос, вероятно, потому, что прическа была аккуратной, старательно постриженной с боков, и никаких излишеств над ушами.

— Здравствуйте, — голос ее, как и предполагал почему-то Наум, был достаточно низкий. Ему нравились низкие голоса. — Зайдемте ко мне.

Линда немного наклонилась, чтобы вставить ключ в первую от входа дверь. Легкая светлая курточка на ней сидела очень хорошо, брюки — еще лучше.

И Наум, к огромному своему удивлению, неожиданно подумал: «Ее бы я из кровати не выгнал». Он даже от неожиданности вздрогнул, почувствовал, что краснеет. И автоматически оглянулся, словно испугался, что кто-то подслушает его пошлые и нелепые мысли. А как можно иначе назвать этот вздор, который пришел в голову старому хрычу при взгляде на солидную и немолодую женщину? Наум себя не щадил и для надежности добавил еще несколько крепких эпитетов в свой адрес.

Линда открыла дверь, зажгла свет.

— Проходите.

Комната была узкая и длинная. При входе возле окна стоял небольшой столик. Стул с той стороны стола и стул по эту сторону. Дальше книжная полка с литературой, большую часть которой составляли ксерокопии. И вешалка. Вот и весь кабинет.

Линда села за стол, предложила сесть Науму. Посмотрела выжидательно.

Наум представился и сказал, что хочет записаться в секцию. Линда надела очки, взяла толстую тетрадь и занесла туда его данные. Очки ей определенно шли. Затем она их сняла. Без очков тоже было неплохо.

— Почему решили прийти к нам?

— Слишком много свободного времени.

— Нет, я имею в виду, почему именно к нам? Интересуетесь медитацией? Восточными учениями?

— Пожалуй, нет. Раньше немного интересовался реинкарнацией. Когда осознал наконец, что умирать все-таки придется... Но потом забросил эту тему.

В лице Линды что-то промелькнуло. Или, может, блеснуло. Наум не понял, что это было.

— Появилась надежда, что умирать не придется?

Она смотрела внимательно, но без насмешки, и Наум неожиданно почувствовал себя раскованно. Он даже поудобней устроился на стуле.

— Да, нет, пожалуй, все-таки придется. Просто я понял, что все эти теории выглядят лишенными логики.

В глазах у Линды появился интерес. Не зажегся. Чуть-чуть обозначился.

— Если я сейчас не знаю, кем был в прошлом, и не буду знать в следующей жизни, что был когда-то мною... понимаете?

Она кивнула — мол, понимает.

— То какая мне разница, что было и что будет? Меня предупредили, что нет и не может быть никакой информации. Ну фараоном был, ну баобабом! Можно придумать все что хочешь. Даже на сказку не похоже.

На усталом и, прямо скажем, не слишком эмоциональном лице Линды опять что-то сверкнуло. На сей раз Наум, кажется, уловил, в чем дело. На мгновение в ее глазах мелькнула улыбка, нижние веки немного поднялись, уголки губ чуть раздвинулись. Науму почудилась улыбка Джоконды. Он пошел дальше: в этот момент ему показалось, что у Линды определенно есть сходство с Джокондой. Кроме прически. Тем более что недавний ярый сионист Наум еще с юности подозревал, что у Джоконды еврейский тип лица. Ладно, оставим это сходство на совести Наума. Скорее всего, в этом случае он был пристрастен.

Но все это продолжалось только мгновение, как вспышка фотоаппарата. Потом ее лицо приобрело обычное выражение.

— А почему трансцендентальные полеты вам не кажутся абсурдом? Или кажутся?

— Конечно, кажутся. Но есть отличие. Есть реинкарнация или нет — для человека практического смысла не имеет, раз он ничего не знал и знать не будет. А полеты, если они возможны, — совсем другое дело.

Линда в дискуссию не вступала. Науму очень захотелось увидеть еще «вспышку Джоконды», поэтому он взял инициативу в свои руки и (как он потом себя упрекал) распушил хвост.

— Я немножко посмотрел в интернете. Что-то в этом есть. Расстояние между мыслью, сознанием и материей все время уменьшается. Уже неизвестно, есть ли вообще эта граница. Где кончается мысль и начинается природа. Похоже, что границы нет. Ведь Бог — или кто бы то ни было — сотворил все из желания. Из замысла. Так объясняют все религии. Из желания!

— Бога!

— Бога, ну и что? Главное, из замысла. В начале было слово. Значит, это в принципе возможно. Ну да бог с ним, с Богом...

Опять мимолетная улыбка.

— Но ведь есть телепатия? На огромных расстояниях близкие люди чувствуют друг друга? Значит, можно и увидеть, и прибыть на новое место, захватив с собой все, кроме тела, чтобы не нарушать законы физики. И то до поры до времени. Уф, устал... Линда, кажется, я вас убедил, что полеты возможны?

«Еще одна улыбка! Ну, Наум, ты сегодня в ударе!»

— А теперь вы убедите меня. Роза говорит, что у вас когда-то «грязнули результаты».

— Да, но это было еще до моего прихода в секцию. Рудик, рыжий такой, наш самый талантливый, он родом из Новосибирска. И должен был лететь туда в отпуск. Он посоветовался с Веред, когда лететь. Было два варианта сроков. Они вдвоем решили проверить, когда лучше вылетать. Оба медитировали одновременно, и вернулись с одинаковым решением — четвертого октября не лететь, там, по их словам, они видели огонь, гром и прочее в этом роде. При этом присутствовало человек пятнадцать учеников.

— Учеников?

— Так Веред нас называла. Она гуру, мы ученики. Рудик взял билет на другой рейс. А с тем рейсом вы знаете, что произошло...

— Тот, что на Украине подбили? Ну и ну!.. Похлеще летающих тарелок!

— Ну хорошо, мне пора, в зале уже заждались. Все остальное расскажу, если придете в следующий раз.

— Я обязательно...

— Всяко бывает. Спортивная форма, тапочки. Восемьдесят шекелей за месяц. Да, еще: действительно нельзя пить спиртное за два дня до занятий и день после. Это не антиалкогольная пропаганда. По этому поводу я вам тоже расскажу правдивую историю, и не одну. Психика — вещь очень хрупкая.

Они перешли в зал, который за это время буквально преобразился.

Сейчас это был живописный табор. Приглушенный чуть голубоватый свет, из колонок доносится слабый, еле слышный шум — прибой? — да, кажется, прибой... Помещение для десяти человек было просторным, расстояние между учениками (будем их называть так, как этого хотела Веред) — метра два-три. Позы свободные и самые непринужденные. Алик сидел, уставясь в угол, мальчик опирался спиной о стенку, Роза раскинулась на подстилке, с подозрением глядя в потолок. Рыжий Рудик сидел на полу в позе лотоса, две «подружки», обе Лены, лежали на боку лицом друг к другу, изредка почти беззвучно перебрасываясь словами. Поляки сидели спина к спине посреди зала. Все создавало обстановку покоя, света сует и всяческая суета остались где-то за порогом. Каждый был сам по себе, но не был один. Наум понял, что имел в виду Геннадий, когда говорил: «Интересно... У них все задом наперед». Впоследствии Наум узнал, что это были их постоянные места и излюбленные позы.

Наума Линда посадила на стул у самой двери и посоветовала думать о чем-нибудь приятном. Наум постарался, но ничего хорошего в голову не приходило. Он бросил это занятие, тем более что было за чем наблюдать в зале.

Линда вышла в центр и немного повысила голос:

— Ну что, пришли в себя? Отдышались? Давайте немножко йоги, но не переусердствуйте.

Шум прибой сменился какой-то тихой мелодичной восточной музыкой. Ученики стали каждый по мере сил изображать нечто вроде асан. У Рудика и Оли получалось неплохо, остальные пытались застыть в несусветных позах. Наум смахнул с лица ехидную улыбку и подумал, что нехорошо смеяться над немолодыми людьми, тем более что он и сам будет выглядеть не лучше. Наверно, он уже начал просветляться.

Линда неслышно ходила между учениками, о чем-то тихо с ними разговаривала. Все на этом этапе Науму нравилось, он очень боялся, что придется стать в круг и что-то дружно выполнять по команде. Такой сугубо индивидуальный способ обучения его вполне устраивал.

Наконец Линда подошла к Науму. Наклонилась над ним и негромким голосом — чтобы не тревожить окружающих — спросила:

— Подумали о хорошем?

— Это не так просто...

— Но тем не менее необходимо. С этого, по учению Веред, все начинается.

Наум отметил про себя, что Линда всегда в вопросах учения ссылается на гуру. Завидная скромность.

— У каждого из нас есть свой, как бы сказать, код, пропуск, с чего мы всегда начинаем погружение в себя. Мы привыкаем к этому, и такой старт облегчает переключение. Мы его на иврите называем «сисма», личный код. У вас перед мысленным взором должно появиться изображение чего-то. Это что-то должно быть обязательно связано с хорошим в вашей жизни, что не приводило к разочарованию. Последнее очень важно. К примеру, если любимое, то без сожаления о потере. Вы понимаете? При мысли об этом не должно возникать ничего, кроме радостной улыбки просветления.

Линда попыталась улыбнуться для демонстрации сказанного. Получилось плохо.

— Это не мои слова, а Веред. Я так говорить не умею. Повторяю почти наизусть. Так вот вам первое задание на дом. Выберите себе «сисму», ваш личный секретный код, и научитесь быстро, а главное, всегда очень четко видеть его в воображении. А сейчас, я думаю, вам лучше пойти домой. Не всем приятно, когда за ним наблюдают со стороны, не все считают себя артистичными.

Линда невольно взглянула в сторону «Цилиных подружек».

— Приходите и будьте одним из нас. Тогда все будет выглядеть иначе.

Наум попрощался с Линдой и незаметно, по-английски удалился.

4

На следующее занятие, в среду, Наум не пришел. И не потому, что не захотел. Впечатление от увиденного у него осталось довольно приятное. И во вторник с утра, после легкого завтрака, он даже взялся за подготовку — стал придумывать себе «сисму». В прошлом было не много предметов, которые бы он вспоминал с радостью. Первый взрослый велосипед, к примеру. Радость была огромная, но его потом украли, и все закончилось морем слез. Отпадает. Родители? Нет, возникало чувство вины перед ними, часто он бывал несправедлив, иной раз явно их стыдил. Члены семьи Кириченко — Беляевых не возникали даже в качестве предложения. Настольная лампа? Компьютер? Откуда тогда может появиться просветленная улыбка?

Наум уже совсем было отчаялся, но тут ему в голову пришла неожиданная мысль: в качестве «сисмы» он выберет портрет Линды. Он так и подумал — «портрет Линды», видимо, подсознательно отождествляя его с портретом Джоконды. А что такого? Код личный, никто о нем никогда не узнает. Впечатление о ней хорошее, а главное, без всякого неприятного послевкусия. Будем надеяться, и дальше так будет.

Наум не осознавал, что этот выбор довольно смел, и вполне возможны далеко идущие последствия. Душа человеческая — дело темное и сложное. Нескольким раз на дню начинать погружение в себя со светлой улыбки при виде симпатичного женского лица — это могло быть чревато... Конечно, такой ход событий не обязателен, но вполне вероятен. Даже со скидкой на возраст.

Но самое сложное, как понял Наум, было впереди. Прототип «сисмы» — Линда особо упирала на четкость и стабильность изображения. А вы попробуйте себе представить самый знакомый предмет. Изображение в лучшем случае получа-

ется как в безнадежно расстроенном телевизоре — серое, расплывчатое, в тумане, сплошное мелькание точек — «снег», говорили в России телевизионщики. Оно не стоит на месте, все время норовит уплыть, смешивается с кучей посторонних ляпов. Забегая вперед, могу сказать, что «сисма», пожалуй, далась Науму тяжелей всех последующих этапов.

«Ну что ж, не зря говорят, — резюмировал Наум, — *лиха беда начало*».

И все было бы хорошо, если бы к пяти часам не явился Геннадий. Наум напрочь забыл, что у соседа сегодня день рождения, хотя ему уже неделю об этом напоминали с намеком на подарок — разумеется, в виде какого-нибудь достойного спиртного.

Отказаться никакой возможности не было, Гена уже с утра был хорош. Наум пошелся, не дожидаясь дискуссии на тему: «Ты меня уважаешь?!»

Совсем не пить было просто неприлично, а в инструкциях Линды пределы были не указаны, только «да» или «нет». В результате Наум с трудом приходил в себя следующие поддны. Среду он пропустит, это сомнений не вызывало, но под вопросом было и воскресенье, потому что позвонила Циля и предложила пойти к одной из их подружек на аналогичное мероприятие в субботу. Конца этому не предвиделось. Неизвестно, что бы ей ответил Наум, если бы в соответствии с восточными чарами перед его мысленным взором не выплыла «сисма» и посмотрела на него сквозь «снег» с укоризной. Наум собрал волю в кулак. *Взялся за гуж — не говори, что не дюж*. И он вежливо, но твердо сказал, что никак не может, что у него очень важное дело.

— Какое дело? — Циля была заинтригована.

— Не телефонный разговор. Объясню при встрече.

После чего Наум решил, что выбрал такую «сисму» не напрасно.

Отправить Геннадия ни с чем восвояси было уже проще. Словом, в воскресенье со спортивным костюмом и тапочками в сумке плюс с восьмьюдесятью шекелями в кармане Наум явился на занятия.

К его удивлению, никто не спросил, почему он не был в среду, включая Линду. Хотя по любопытному и испытующему взгляду Розы он понял, что ей очень хотелось поязвить на эту тему. Наверняка сдерживала ее традиция тактичности, заведенная еще со времен гуру Веред. Хорошая традиция.

Линда снова удостоила его короткой беседы в своем кабинете. Она сказала, что в принципе должна прочесть ему вводную лекцию, но... умеет ли он работать с литературой?

— Умею и люблю! — без ложной скромности сказал Наум. Действительно, это когда-то было сильной стороной его способностей.

— Вот и отлично, я вам дам записи Веред, вот они. Называются «Моя школа», — опять мимолетная улыбка. — Наша Веред немного тщеславна. Но ей это шло. И я подобрала для вас еще кое-какие материалы. А пока коротко.

Линда надела очки, они ей по-прежнему шли. Положила перед собой какие-то записи. Смысл сказанного ею был примерно таков.

В большинстве восточных учений считается, что нужно постепенно осваивать приемы, шаг за шагом поднимаясь все выше. Нельзя перескакивать через этапы, только время потеряешь. Веред, как и некто Ози, не слишком широко известный тибетский монах, которого она считала своим учителем, думали иначе. Жизни не хватит пройти, даже пробежать наследие многочисленных восточных школ, да это и не нужно. Основы, разумеется, необходимы, но их освоение с самого

начала нужно сочетать с главной целью — настойчивым стремлением к освоению трансцендентальных полетов, высшим этапом духовного подъема человека.

Линда говорила, все время поглядывая в записи. Лекции явно не хватало воодушевления.

Еще одним отличием школы Веред было то, что она не навязывала методику, а в основном полагалась на индивидуальность учеников. «Делай так, как тебе удобно, но помни, куда идешь». Это было ее девизом.

— Это мне непонятно...

— Ну, например, я вам сказала, что нужно выбрать «сисму». Выбрали?

— Да, — кажется, Наум покраснел.

— Сказала, что нужно сделать изображение четким и ясным. Я объяснила, как этого добиться?

— Нет.

— И не объясню. Приспосабливайтесь сами. Ищите способ. Так и во всем. Мы ставим цели, а пути должен искать каждый, подходящие для себя. Способный найдет.

— А неспособный?

— Есть люди без музыкального слуха...

— Это я!

— Они музыкантами не будут. И композиторами — тем более. Есть люди, не поддающиеся гипнозу. Есть люди, неспособные к любым паранормальным проявлениям. Их тренируй, советуй, учи... — и она безнадежно махнула рукой.

— Почему вы так уверены? Говорят, *слона можно научить*.

— Не всему. И не каждого. Я по себе знаю.

Наум удивленно уставился на нее.

— Да, я совершенно не способна ко всем этим премудростям. За три года только и смогла научиться сдерживать себя, не впадать в истерику. Сон наладила. И все. Но это просто аутотренинг.

— А как же вы учите их? Если сами не верите в это?

— Я не верю только по отношению к себе самой. И, кроме того, о своих сомнениях никому не рассказываю. Зачем людей тревожить?

Линда на сей раз улыбнулась по-настоящему.

— А почему тогда...

— Вам рассказала? Не знаю. Я скоро уезжаю. И надоело молчать. Надеюсь, это останется между нами? Такие дела, господин Наум. Гуру утверждают, что люди после сильного стресса становятся очень способными. Впрочем, мне и это не помогло... Идемте, нас уже заждались.

По дороге в зал Линда свернула в раздевалку и вынесла для Наума персональную подушечку.

— Позвольте представить новенького. Наум. Прошу любить и жаловать. Ну что, пришли в себя? Отдыхались? Давайте немножко йоги, но не переусердствуйте.

Наум нашел себе подходящее место у стены, на всякий случай, подальше от Розы. Начались занятия, которые станут обычными и привычными для него. Центр тяжести интересов с этого дня переместился в группу «Трансцендентальные полеты».

Занятия проходили по привычной и устоявшейся схеме. Вначале, как уже было сказано, немного йоги. Доктор Линда (Наум стал мысленно так именовать своего руководителя, когда речь шла о здоровье и технике безопасности) ему вообще не рекомендовала увлекаться асанами, при его остеохондрозе это действительно было рискованно. Он делал те упражнения, которые еще в Хайфе рекомендовал физиотерапевт. Потом переходили к медитации, каждый работал по индиви-

дуальному плану. Наум первое время отработывал «сисму», периодически посматривая на Линду и испытывая удовольствие, причем не только от улучшающегося качества картинки. Несколько раз Линда ловила на себе изучающий взгляд Наума и недоуменно поднимала брови. После чего он пытался делать фотографию исподтишка, незаметно. Это выглядело немного по-детски, но зато добавляло интриги, и время пролетало незаметно.

Потом переходили к трансцендентальному погружению — так это у них именовалось.

Музыка прекращалась, звучала запись проповеди — или как там она называлась — учителя Ози. В материалах Веред говорилось, что незнакомый язык, непривычный голос, магическое, проверенное веками звучание слов способствуют погружению, и в то же время человек не отвлекается на попытку понять содержание. Часто безнадежную попытку. Как можно понять такое, к примеру: *«Переживание состояния медитации возможно при спокойствии трех тел: эфирного (физического), астрального и ментального. Когда ловушки отброшены на каждом из них, возникает стабильность, возможность получать проблески состояния медитации без потери осознания происходящего. Настоящая медитация возможна только после преодоления влечения к четвертому телу, но это уже скорее исключение»*. Лучше и не пробовать. Непонятные призывы Ози вполне всех устраивали.

— Так трансцендентальный полет или погружение? — спросил Наум у Линды.

— Это в сущности одно и то же. Нужно почувствовать себя частью всего космоса, мирового эфира, ощутить, как через тебя проходят все токи земли и вселенной, стать бестелесным. Способным переместиться в пространстве только по воле желания. Те, кто этого достиг, говорят о неповторимом ощущении.

Линда наморщила лоб — явно повторяла текст какого-нибудь учения.

— Впрочем, гораздо лучше об этом сказано в материалах, которые я вам дала. Там же и указаны первичные цели, которых следует добиваться. Как? Но тут (она заговорщически понизила голос), вы знаете, я вам не советчик.

Потом все садились в кружок и рассказывали друг другу, каким способом и чего они сегодня добились. При этом глаза у них блестели довольно странно, так скажем. Геннадий бы сделал вполне определенный вывод. Наум вначале скромно помалкивал, потому что у него успехов не было.

Так продолжалось недели три, до нашумевшей истории с пульсом.

5

Дома у Наума стало спокойнее. Геннадий проклинал тот день и час, когда проболтался насчет «секции чокнутых». Теперь он туда же — в чокнутые — зачислял и Наума. Но ходить под красный навес перестал — какой смысл? Правда, иногда, под солидной «нагрузкой», он появлялся, усаживался на стул и жаловался, что теперь, как Райкин «в греческом зале», должен пить в антисанитарных условиях и бог знает с кем. Но не скандалил, поддерживать компанию не заставлял. Он был, как уже известно читателю, не из буйных.

Циля тоже отреагировала довольно спокойно. Она была довольна, что Наум вырвался из сетей этого совратителя Геннадия («не зря он мне сразу не понравился!»). А то, что там, на секции, говорят, не совсем нормальный контингент, «так и вы, Наум, с самого начала тоже были, извините, немного с приветом».

Тем не менее она по-прежнему его навещала, часто прихватывая с собой подругу Зину. Ту самую Зину, которая сказала, что «он какой-то холодный». То ли

Зине нравится «холодный Наум», то ли девушки просто скучали по мужскому обществу. Впрочем, значения это не имело, хозяин встречал их приветливо и даже составлял компанию, пригубив рюмочку сухого вина, — оказывается, это доктор Линда допускала. Рюмочку сухого — но не больше!

А уж посидеть под навесом и полюбоваться на пейзаж было само по себе наслаждением.

Возникло ли у Наума желание взбодриться старым добрым Гениным способом? Не без этого. Ничто бесследно не проходит. Но он не был предрасположен к этой пагубной привычке, да и вовремя остановился. И не следует забывать, что у него появился новый, достаточно сильный интерес. Можно было считать, что на сей раз он миновал серьезную опасность и легко отделался.

Света стала появляться в интернете немного реже — двое детей на руках. Надя пошла работать, Ора не такая спокойная, какой была в ее возрасте Верочка. Света замоталась — уже не двадцать лет. И уборка офисов тоже здоровья не добавляет. Ничего, придет летом Наум — ей сразу станет легче. Наум — золотой мужик, не бездельник, помощник на все руки. Уж кто-кто, а она это знает.

— Когда уже пойдешь на операцию? Не тяни. Учти, с билетами на самолет может быть напряженка. Я должна знать дату хотя бы за две недели до вылета из Лос-Анджелеса.

Наум оттягивал это удовольствие. Все-таки боялся. А может, втайне надеялся на магию?

Основания для этого вроде бы вырисовывались. К концу апреля в этой области наметились серьезные сдвиги. К тому времени Наум добился определенных успехов в стабильности изображения «сисмы», и она определенно стала похожа на Линду. Жаль, что портрет никому нельзя было показать, даже при всем желании.

На одном из занятий доктор Линда, во время очередного обхода, привычным жестом проверила пульс у Наума.

— Пятьдесят. Брадикардия. Результат лечения гипертонии. Наум, попробуйте добиться шестидесяти ударов в минуту.

Наум с трудом удержал вопрос: «Как?» Ответа все равно не будет. И почему-то просто почувствовал — уже шестьдесят. Почувствовал — и все.

Через какое-то время Линда вернулась к нему, измерила пульс.

— Ровно шестьдесят. Что-то делали? Учащенное дыхание, напряжение мускулов?

— Нет, просто подумал — вот уже шестьдесят. И все.

Линда посмотрела на него с интересом, но ничего не сказала.

В конце занятий, при обычном обмене впечатлениями, Линда рассказала о его достижениях. Но на вопрос, как это вышло, у него ответа не было. Подумал — и все.

Это был первый и последний раз, когда он говорил о своих успехах. И не от скромности. Просто потом у него бурно пошли косяком такие результаты, что о них просто нельзя было говорить, чтобы его не признали сумасшедшим. А может, он стал им, сам того не замечая? И Роза права? Эти мысли занимали склонного к самокритике и самоанализу Наума. Правда, утверждения Линды, что у людей, переживших стресс, результаты обычно быстро прогрессируют, кое-что объясняли. Стресс у него был, и не маленький. Но не с такой же скоростью все должно приходиться, и не само по себе?

А может, количество перешло в качество? Но ведь и количества было не так уж много...

После этого знаменательного дня все комплексы заданий он выполнял играючи. При этом не копался в интернете в поисках советов, не занимался аутотренингом более получаса в день. Он запрещал себе увлекаться этим, чтобы действительно не двинуться мозгами, как говорил Гена. Он и без того шел к трансцендентальным полетам семимильными шагами. Очень быстро научился медитировать по системе Магариши. *«Когда вся умственная активность успокаивается полностью, ум испытывает уникальное состояние спокойной пробужденности. Это простейшее состояние сознания, Трансцендентальное Сознание, в котором сознание открыто самому себе»*, — так было написано в ксерокопии. Тантра, визуализация, астральные проекции, эзотерика и т. д. — Наум даже научился интуитивно понимать смысл всей этой абракадабры, вычитанной из самиздатовской литературы, которую ему вручила Сима. А утверждали, что добиться этого очень трудно. К середине июня он чувствовал, что выбился в тайные лидеры группы.

Посмотрев несколько раз на букет цветов, он мог мысленно, закрыв глаза, воспроизвести его до мельчайших подробностей с высокой точностью, а главное — со всех сторон. Научился сидя на расстоянии от стенки настолько активно прикасаться к ней, а затем мысленно стучать по ней, что на костяшках пальцев оставались царапины.

Не было у него раньше таких способностей, даже намека на них.

Ему частенько удавалось на занятиях представить себе совершенно отчетливо, например, цветок, затем совместить его с каким-нибудь человеком, и тогда он понимал, о чем тот думает. В точном соответствии с инструкциями Веред, Линды и Тантры. Только с самой Линдой эти номера не проходили. Она была закрыта для него.

Во внутреннем споре, сдвигается ли он по фазе или действительно совершенствуется в чем-то трансцендентном, «выходящем за рамки», были свои доводы за и против. Главное — он научился чувствовать, что и где у него заболит завтра. Постепенно научился делать так, чтобы оно не болело или почти не болело. На занятиях женщины говорили ему, что он стал хорошо выглядеть, помолодел. Что его прямо не узнать. Может, думал Наум, потому что проснулся интерес к жизни? Это не омоложение, а тонус? Но, с другой стороны, у него действительно пропала одышка, он мог теперь без напряжения гулять по склонам, что и делал регулярно. Спал сном младенца. Давление нормализовалось без таблеток. Видеть он стал лучше, и не так сильно, как раньше, болели глаза после чтения. Все эти признаки были, пожалуй, объективны.

И еще одно изменение было совершенно очевидным: он перестал быть буйкой, стал более раскованным, общительным и доброжелательным. Обаяшкой, разумеется, не стал, но от зажатости и комплексов, похоже, избавлялся. И без всякого Гениного допинга. *Ни в сказке сказать, ни пером описать.*

А «против» был только один фактор, но он ставил под сомнение все остальное: с простатой он ничего не мог поделывать, все больше и больше времени проводил стоя над унитагом. Никакое самовнушение не помогало. Так, может, и все «за» тоже плоды самообмана? И, возможно, не такого уж безобидного. В одном поучении он вычитал: *«Недостаточно подготовленное физическое тело может сыграть злую шутку с желающим быстрых результатов: некоторые нервные болезни часто являются следствием сожженных эфирных каналов, психические отклонения — результат потери контроля над объективностью восприятий, преждевременная смерть, как неосторожное обращение с энергией кундалини и т. д.»*

Физическое тело, разумеется, это он сам, Наум. Если бы еще знать, что такое кундалини... Но и так дело принимало нешуточный оборот.

Была и еще одна грань его нового увлечения, запоздало-романтическая, а потому тоже небезопасная.

Он стал отдавать себе отчет в том, что в компании межпланетников его в основном интересует Линда. И не просто интересуется. Конечно, это не любовь, какая может быть любовь в его возрасте? *«Влечение, род недуга». Горе тумана.*

Но и за это он был бесконечно ей благодарен. Он перестал думать о своей тяжелой доле и бессмысленности существования. Во всяком случае, когда просыпался, то первой уже не была привычная мысль: «Вот и еще один бесполезный день». А прямо противоположная: «Завтра у нас занятия». Это было замаскированное «Завтра я увижу Линду». Ему было неловко за эти «юношеские мечтания» перед своими сединами. Не говоря уже о лысине. Пожилой, официально-неофициально семейный человек. Может, все-таки не стоило выбирать эту «сисму», которая — и он это признавал — главное, что нам *строить и жить помогает?* Успокаивало то, что никаких успехов в отношениях с Линдой пока видно не было. Она была ровна и приветлива со всеми. И с ним в том числе. Его ждало очередное фиаско, на сей раз романтическое, может быть, последнее в этой жизни. Тоже на уровне кундалины...

Наум никак не мог выяснить, он становится паранормальным или просто ненормальным субъектом.

Впрочем, как ни странно, это его не слишком волновало. Привычка ученого, хоть и бывшего, к объективному анализу в данном случае приводила к парадоксальному выводу. Наум решил, что если даже его бурные успехи возникают на базе сдвинутого сознания — это далеко не худший вариант. Лучше быть веселым, жизнелюбивым, находящимся в согласии с собой и окружающими безобидным сумасшедшим, чем в здравом уме и твердой памяти безнадежно и с отвращением доживать последние годы, да еще рискуя привыкнуть к «зеленому змию». Альтернативы он не видел.

Как назвать такой вывод? Разумным? Сами решайте...

6

Депрессия определенно отступала. И одним из серьезных признаков этого стала решительность Наума. Бесконечные сомнения и колебания остались в прошлом. Сказано — сделано. Но была и оборотная сторона его обновленной натуры — он иной раз успевал энергично выполнить то, чего делать по здравом размышлении не стоило бы.

Лес рубят — щепки летят.

С Линдой, как уже говорили, сохранялась официальная дистанция. Наум решил ее сократить не только из-за юношеских романтических порывов. В сущности, главное было в другом. Знакомств, разговоров, самых разнообразных занятий у него сейчас хватало. В чем он ощущал острую нехватку — не было общения с близким по духу и в то же время вообще близким ему человеком. Именно в этом пожилые люди ощущают острую, жизненно важную необходимость. Каждый из них в глубине души отдает себе в этом отчет. Без такого духовно родного человека и без такого общения остается ощущение одиночества в любой самой развешелой компании. Не стоить верить людям (я имею в виду людей в возрасте), которые говорят: мне лучше быть одному, быть независимым и тому подобное.

Наум интуитивно чувствовал, что Линда смогла бы быть таким другом.

Три-четыре реплики в зале по поводу медитации или здоровья — на этом далеко не уедешь. Когда все расходились после занятий, Линда задерживалась у себя в кабинете, что-то там писала, заполняла. И хоть жила она неподалеку от

Наума, ждать ее и навязываться в прожатые было нелепо. Наум это понимал. Тогда он разработал план.

Прежде всего, он навязался в попутчики Розе — она жила в том же направлении, но где-то на полпути до дома Наума. Для него эти прогулки особого значения не имели, поэтому все проходило легко и без напряжения. Разговор поддерживать было нетрудно, да и необходимости в этом не было. Роза любила поговорить, ей нужно было не мешать. От Наума требовалось только подтверждать время от времени, что он высоко ценит ее остроумие и наблюдательность и прекрасно понимает все, что она до него пытается донести.

С ней действительно было не скучно. Наум узнал массу подробностей из жизни участников коллектива, и даже кое-какие городские сплетни.

Он узнал, что передовиками в секции являются рыжий Рудик, Ольга и поляк. Они действительно летают, и делают это регулярно. А иначе откуда бы они время от времени сообщали то, чего еще никто не знает? Хотя кто их разберет... Но сами они твердо верят в свои полеты.

Роза вскоре смилостивилась и рассказала о втором результате, который «грязнул» года три тому назад.

— Ладно. Хотя я помню ваши выпады. Насчет травмы в позе лотоса.

Наум изобразил раскаяние.

Это было три года тому назад. На одном из занятий Ольга неожиданно вскочила и с криком: «Девочка, моя девочка!» — опротясь бросилась на улицу. За ней кинулся Рудик. До дома Ольги было полчаса быстрой ходьбы. Она пролетела это расстояние минут за двадцать. Рудик еле поспевал за ней. Когда они вбежали в гостиную, шестилетняя дочь Олис ужасом смотрела на горящую корзинку с бумагами. Огонь уже начал лизать занавес. А бабушка мирно спала в соседней комнате и ничего не слышала.

— Что тут удивительного? Родители часто на расстоянии чувствуют, когда с ребенком беда.

Роза интригующе взглянула на Наума.

— В том-то и дело... Девочка бросила спичку в корзинку, и огонь вспыхнул только за две-три минуты до их появления. Когда Ольга в клубе закричала, дочка еще спокойно смотрела телевизор и ни о каких спичках даже не помышляла.

— Да?..

— Вот вам и да!

Когда все привыкли, что Наум и Роза вместе ходят домой, Наум перешел к следующему этапу. Он заявил Розе, что нехорошо, когда женщина одна идет в десять часов вечера через весь город. И не очень безопасно.

— Вы это о ком? О царевне Несмеяне? О Линде?

— Почему Несмеяна? — спросил Наум. Почему царевна — ему было понятно.

— Так она никогда даже не улыбнется.

— Улыбается, только не всем это дано увидеть.

Роза с подозрением на него посмотрела.

Наум добавил аргументов, главным из которых был: «в коллективе, основанном на духовной близости и взаимопомощи...»

Однажды они подождали Линду на улице и предложили вместе идти домой: «Нам всем по дороге». Все выглядело так, будто инициатором была Роза. Линда со сдержанной теплотой поблагодарила их. С тех пор и это стало привычным.

Подороги они шли вдвоем, потом еще метров сто спину им сверлил подзорный взгляд свернувшей в свою парадную Розы. Дальнейший путь, минут пятнадцать — двадцать, они проходили наедине. Это было немало.

Наум оказался прав. Они действительно нашли общий язык, и далось это им на удивление легко. Конечно же, не сразу — все-таки два немолодых человека с совершенно различной судьбой, но довольно быстро и без напряжения. Судя по всему, Линда тоже уже намолчалась вдоволь. Близких друзей их семья здесь не завела, да и приехали Линда с мужем в Израиль в возрасте, когда новые крепкие связи возникают очень редко. Вообще их троица была из породы людей очень ориентированных на семью, в семье был для них центр притяжения. И временный круг приятелей из числа в основном сослуживцев оказался непрочным, не выдержал испытаний. Так что пять лет тому назад она оказалась наедине с горем.

Они говорили обо всем. Табу касалось только разговоров о ее муже и сыне. У Наума табу не было. В какой-то из дней она просто, без всякой драматизации рассказала, что в августе у нее закончится срок, необходимый для получения пенсии, — настоящей пенсии, не обидного пособия. И она уедет в Америку. Там живет младший брат ее мужа, их близкий друг и ее единственный родственник. Других нет, так сложилось. А брак нужно оформить, чтобы без хлопот получить гражданство. В ее устах все это звучало просто и естественно.

В ответ Наум в общих чертах рассказал историю своего нынешнего — может, временного? — одиночества. Без жалоб и без подробностей, стараясь никого не обидеть. Рассказал, какой стресс получил, как переехал в Маалот, чтобы убежать от депрессии. Как взялся ремонтировать пристройку к старому замку. Пахал как папа Карло, ездил с самодельной тележкой за материалами.

— Так это вы знаменитый человек с коляской?

— Наверно, я.

— Вы стали легендой Маалота. А почему вы не поехали с женой?

Наум объяснил, почему он не может поехать в Америку на птичьих правах. И все время его не оставляло ощущение: его понимают. Рассказал, что Света не хочет оставить детей и не слишком любит Израиль. На этот ему раз не повезло — Линда была со Светой заодно. Она сказала, что не выносит милитаризм Израиля.

Наум удивился. Милитаризм — так никто даже из левых в Израиле не говорил. Это был моветон.

— А как назвать страну, которая пыталась и пытается у всех соседей откусить территорию? У всех без исключения? Под охраной армии сажает своих поселенцев? Наш национальный консенсус — только силой все можно решить. А неприкрытый культ армии — наша армия самая сильная, самая-самая! Непобедимая и легендарная, в боях познавшая радость побед, трам-там-там. Нет парадов с криками «ура», зато все остальное есть.

Наум не вскипел, не зажегся. Во-первых, перед ним был не кто-нибудь, а Линда, а во-вторых, это уже был не тот Наум, что прежде. Он и сам на многое смотрел со скепсисом. *Хотя дым еще идет иногда.*

Он все-таки пытался возражать:

— Разве арабы не должны быть наказаны за то, что не признавали Израиль, что нападали на нас?

— Арабы наказаны, и крепко наказаны. А Израиль наказан за то, что после победы стал профессиональным оккупантом и вошел во вкус этого безобразия. А еще больше он будет за это наказан в будущем. И я не хочу быть к этому причастна. Стыдно. И причин оставаться нет... Хотя многое мне здесь нравилось. Да и сейчас...

Впрочем, политикой они не слишком увлеклись. Говорили о книгах, об увлечениях. Вспоминали годы в Советском Союзе. И, конечно, о трансцендентальных полетах. Линда относилась к этому с долей сомнения, а Наум ничего не рас-

сказывал о своих паранормальных достижениях — очень уж он дорожил ее мнением. Иногда — не часто — пытался без особого успеха продемонстрировать свои «научные» взгляды. Примерно в такой форме.

— Иммануил Кант придавал термину «трансцендентальность» гносеологическое значение. Понятие трансцендентальности в его философии характеризует множество априорных условий возможного опыта, формальных предпосылок познания, которые организуют научный опыт...

— Наум, пожалейте меня. Я не технарь. А кстати, если нет других проблем, лучше на досуге подумайте, кто современный врач — технарь или гуманитарий?

Наум с удовольствием отступал.

Им было легко и интересно друг с другом. Наум по-настоящему прочувствовал, что означает любимая им фраза из кинофильма «Доживем до понедельника»: *«Счастье — это когда тебя понимают»*.

Иногда они по дороге заходили в маленький магазин-кафе, работающий допоздна, пили кофе с мороженым. И один разговор, состоявшийся в этом кафе, для Наума много значил. Точнее, это был его монолог.

— Знаете, Линда, я наконец у вас тут, в Маалоте, в вашей секции, кажется, понял, в чем моя основная ошибка в жизни. Хотя это звучит слишком красиво. Но зато правда. Я все время старался стать кем-то другим.

— Но, Наум, это нормально. Хорошо, когда человек хочет стать лучше.

— В том-то и дело, я не старался быть лучше, я старался быть кем-то другим, не быть самим собой. Я родился в семье, только приехавшей в Одессу из местечка, был Наумом Мееровичем Сипитинером, а все время старался стать кем-то вроде Степана Петровича Иванова, потомственного русского интеллигента. Я решил, что должен быть гладко выбрит, выдержан и очень интеллигентен. Я решил, что должен стать ученым, неважно в какой области, в той, куда меня как еврея пустят. Наверно, это тоже было не мое. А может быть, если бы я смирился с тем, что я Сипитинер и Меерович, и вообще я такой, какой есть, то не был бы так закомплексован, зажат. Обидчив. Иногда агрессивен.

Наум замолчал. Линда смотрела сочувственно и даже время от времени вздыхала.

— К сожалению, даже дома... Я все время старался быть тем, кем должен быть муж такой Светы, которая везде была своей. Но не самим собой. Пытался выглядеть современным, контактным, общительным. И интернациональным. А результаты были прямо противоположными. Спасибо Свете, она видела, что я стараюсь искренне, и приняла меня таким. А Женья не принял.

Опять тяжелая пауза.

— Это мой пасынок. Сначала, в Союзе, я демонстрировал, что ничем не хуже его отца, Беляева. Это было глупо, потому что все понимали: я не такой, как он, по праву рождения. Мои претензии только усиливали контраст. Впрочем, там это и без моих телодвижений было понятно.

— А здесь стало легче?..

— Когда мы переехали сюда, я поступил еще хуже. Я пытался взять реванш. Из грязи в князи. Пытался доказать ему и себе, что здесь мы, Сипитинеры, главные, что это страна для нас. А остальные, даже наши неевреи, не могут понять и чувствовать то, что чувствуем мы. Им это не дано. Выглядело это так, как будто здесь неевреи тот второй сорт, каким мы были там. Не говоря уже о презренных арабах, те вообще... Я опять поддался тому, что принято большинством, снова пошел наперекор своему рационализму и скептицизму. Снова стал не самим собой. А тем бо-

лее это было глупо в сочетании с моим положением — я работал ночным сторожем при недостроенных зданиях. Что может быть нелепей? И Женя был потерян для меня, его русская жена — само собой. И, кажется, Света...

Последняя фраза далась ему с большим трудом. А пауза была еще дольше предыдущей.

— И знаете, что интересно? Результат всех этих взлетов и падений. Я здесь все потерял, зато мне незачем стараться быть другим. Не нужно ни притворяться, ни заноситься. И я это почувствовал. Я здесь, у вас, нахожусь сейчас в своем собственном трансцендентальном полете.

Ему самому понравилось это сравнение. Линде, судя по всему, тоже.

— Линда, я ничего особенного не хочу в этой жизни — успеха, славы, даже простого благополучия. Это уже невозможно, но я об этом и не жалею. Единственное, чего я хочу — чтобы на земле был такой уголок, где бы я мог быть самим собой, таким, каков я есть. С такой фамилией, таким носом, с таким произношением, с таким лицом, с такими талантами или их отсутствием. И чтобы не нужно было стараться быть другим, это самое главное. Чтобы это всех устраивало. А если именно это будут любить, вместе со мной, — вообще предел мечтаний. Это и есть смысл всего. Не было этого у меня в жизни.

Последние фразы были явно лишними. Наум по-прежнему не мог остановиться вовремя. Они прозвучали — неожиданно даже для него — как объяснение в любви. Он натолкнулся на такой взгляд, который, казалось, состоял из удивления, неловкости и даже, может быть, презрения. Так он его расшифровал.

Ну конечно же, Линда права! Нельзя превращать прекрасные отношения в нелепый любовный фарс пожилых людей. Наподобие советских мелодрам из жизни встретившихся на курорте пенсионеров.

— По-моему, я сейчас медитирую, — пытался он шуткой смягчить смысл сказанного, — иначе почему говорю так красиво? И длинно. Никогда так не умел. Поэтому не все получилось удачно...

— Нет, Наум, все в порядке, — Линда его простила. И поняла. Хорошо, когда тебя понимают.

Подхлестываемые отличным настроением, его успехи на поприще медитации продолжались со сказочной быстротой. При трансцендентальных погружениях Наум время от времени чувствовал, как будто он покачивается на невидимых волнах. Иногда чуть большая волна его приподнимала, затем опускала на место. Удивительное ощущение, неповторимое. А однажды — это было во второй половине июня — он почувствовал, что поднялся над полом и парит в воздухе. Как привидение. Немного левее — пожалуйста, левее, немного правее — извольте, правее. От восторга он едва не задохнулся, чуть с ума не сошел. А может, все-таки сошел?

А еще через занятие он так резко поднялся наверх, что стукнулся головой о потолок. Выйдя из состояния медитации, обнаружил причинную шишку на лбу. На следующее занятие принес с собой серую нитку, под цвет костюма. Уложил ее незаметно для окружающих на грудь, конец на полу. После полетов проверил — нитка лежала на месте. А значит, и тело. Что и требовалось доказать.

Событий хватало, чтобы чувствовать всю полноту жизни. И Наум ею наслаждался. Но как бы для того, чтобы уравновесить все хорошее, простата все серьезней давала о себе знать. Не лишенный суеверности Наум иной раз думал, что все последние месяцы стало слишком хорошо, и судьба имеет полное право потребовать расплаты.

Тянуть было больше нельзя. Он набрался мужества, пошел на прием к урологу и заявил, что созрел для операции. Затем обошел кучу врачей, сдал солидное количество анализов. На некоторые из них была очередь, иногда нужно было ехать в Нагарию и даже в Хайфу. Все это отняло немало времени. Наконец, к огромному облегчению Светы, ему назначили место и время операции: Хайфа, больница Илиша, 20 июля. Света взяла билет на 15 июля, на прямой рейс Лос-Анджелес — Бен-Гурион. А 12 июля началась вторая ливанская война.

7

Война кажется напряженным, захватывающим дух действием только со стороны. Поэтому ничего занимательного в этой главе быть не может. Черная дыра. Для человека, который вынужден сидеть круглые сутки в убежище или, за неимением такового, в своей квартире, который только иногда по ночам выходит гулять (и то с опаской), а днем (очень редко), побуждаемый суровой необходимостью, в первую очередь элементарным голодом, короткими перебежками добирается до магазина и с огромным облегчением оказывается опять у себя под крышей, — для такого человека, уверяю вас, никакого проблеска интереса нет ни в чем. Ничего нет, кроме таящегося в глубине сознания страха и какого-то еле сдерживаемого отчаяния.

Ожидание воя сирены становится основным чувством, непрерывным, не оставляющим ни днем, ни ночью. И этот бесконечно ожидаемый вой оказывается тем не менее всегда внезапным и еще более пугающим, чем последующие взрывы. Человек вздрагивает, вскакивает, как подброшенный пружиной. Взрывы, даже если они прозвучали совсем близко, воспринимаются с облегчением. Хоть на какое-то время игра в русскую рулетку прерывается. Но уже через минуту-другую начинаешь ждать новой сирены. И так изо дня в день. Ужасающее, беспросветное однообразие. Интрига может быть только в одном варианте: человек, взмокший от напряжения, добрался до ближайшего магазина, а тот закрыт, и когда откроется — неизвестно. Вот тут возникает дилемма — бежать к следующему или назад, в укрытие. Но уверяю вас, это никакого приятного разнообразия в жизнь не вносит.

Попробуйте спросить жителя Севера, который провел таким образом месяц и шесть дней, что он может рассказать о своей жизни за этот период? Ничего интересного он вам не сообщит. Рассказа о себе хватит на пять минут максимум. Ну сидел, ждал сирены, ждал, когда это кончится. Постепенно, со дня на день, нарастала внутренняя истерика, которую он с успехом душил. К концу войны внутреннее напряжение стало почти невыносимым. Ракеты обычно шли сериями, если первый взрыв близко — дрожь по помещению и по телу, следующий еще ближе, потом почти рядом — и... затихло. Слава богу, пронесло. Душа возвращалась на место из пяток не сразу, постепенно. Вот, собственно и все.

Интересно было в телевизоре. Там что-то кипело, картинки разрушенного Ливана были впечатляющими, наши доблестные летчики наносили удары, войска то входили, то выходили куда-то и откуда-то. Международная общественность непрерывно вклипала. Но это все было там, по ту сторону экрана, это он бы мог наблюдать из другого, более спокойного места и, наверное, с большим интересом. На его жизнь это не влияло, наоборот, обстрелы все ужесточались. Его мужеством восторгались Ольмерт и Буш, но поменяться местами с ним не хотели. А он бы согласился.

Наум был именно таким человеком, о котором мы говорим. И он был в доме один. Уезжать ему было некуда. Сразу после решения правительства о начале военных действий ему позвонила Света и предложила немедленно вылетать в Сан-

Диего. Он сказал, что без операции вылететь не может, но она пока должна срочно отменить свой вылет. Первые дни его американские родственники не очень на этом настаивали, у многих, особенно за границей, была иллюзия, что «несокрушимая и легендарная» шарахнет пару раз, и «Хизболла» подымет ручки. У Наума иллюзий на этот счет не было. Факты он сопоставлять умел.

Шесть лет тому назад в Ливане мы сидели, зарывшись в бункеры, и только отбивались от наседающих арабов, неся непрерывные потери. Никого шарахнуть не могли. И при этом на нашей стороне были христиане-марониты. Сейчас мы были одни, «Хизболла» стала еще сильнее. И мы сразу же восстановили все население Ливана против себя, разбомбив максимум гражданских объектов, никакого отношения к боевикам не имеющих. Это соответствовало нашей позиции утрашения. Очевидный вывод — никаких оснований для быстрой и решительной победы нет. По мнению Наума, чтобы это понимать, не нужно быть стратегом, надо просто не быть идиотом.

Это снова было ливанское болото, но уже в худшем варианте. Оставалась одна надежда — на вскипевшую международную общественность, которая остановит бесперспективное взаимное избиение мирных жителей.

Там думал Наум. Буш и Ольмерт думали иначе.

Дня через три, когда самолеты и ракеты стали регулярно и все чаще летать туда и обратно, все нормальные люди ситуацию осознали. По телефону Науму сообщили, что назначенная ему операция в связи с военным положением откладывается, сейчас делают операции только в срочных случаях. Ждите извещения. Если будет плохо, звоните по телефону такому-то. Наум поблагодарил...

К вечеру раздался телефонный звонок из Сан-Диего. Света его позвала на срочные переговоры по интернету. У компьютера сидели Света и Женя. Женя выглядел обеспокоенным и очень виноватым. Света... ну, это само собой. В том, что не было Нади (она была на работе), Наум усмотрел своеобразную тактичность с их стороны.

Женя начал разговор. Он просил — именно просил, — чтобы Наум немедленно вылетел в Сан-Диего.

— Ньюма! Подумай о себе! — это Света.

И Женя:

— Ньюма, подумай и о нас. Мы не можем допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Не можем! Найдем денег на операцию. Не в них счастье...

Науму это было приятно. Не чужим оказался Женя. Все же есть в нем...

Наум постепенно спустил на тормозах разговоры о своем отъезде. Давайте посмотрим, что дальше будет, операцию бы хотелось сделать здесь. Рассказал, что его пристройка под прикрытием Гениной старой крепости практически в безопасности. Кстати, так оно и было: большое здание фасадом смотрело на север, в сторону Ливана, а пристройка находилась в его тылу. Так что Наум жил в своей квартире со всеми удобствами как в бомбоубежище. Он решил потерпеть и подождать. Но в Сан-Диего таким решением были огорчены.

А сам Наум больше всего был расстроен тем, что у него нет номера телефона Линды. Что за дурак, как можно было не подумать и под каким-нибудь предлогом не выпросить его. Теперь он не знает, уехала ли она, в Маалоте ли. Позвонил бы в поликлинику, но — трижды дурак — до сих пор не знает ее фамилии. В Израиле при общении фамилии упоминаются только в крайнем случае. Линда и Линда. Максимум — доктор Линда. Он был готов медитировать, чтобы заставить ее сообщить что-нибудь о себе. Но медитация не понадобилась.

Поздним вечером Линда позвонила и сообщила, что до конца войны все занятия отменяются. Это было и так ясно. А вы, как вы? Уезжаете? Нет, она остается,

медицинские работники мобилизованы. Голос у нее был усталый, и теплоты, на которую почему-то рассчитывал Наум, в нем не было. Она звонит всем участникам секции. Но в городе остались только обе Лены, Роза, Наум и Алик. Те, кому бежать некуда. Рудик призван в армию. Остальные уехали.

Наум набрался мужества и попросил ее телефон. Она продиктовала номера домашнего телефона, затем мобильного и добавила:

— Если что-нибудь будет нужно, обязательно звоните.

— А если ничего не будет нужно? — Наум обиделся.

— Тем более звоните, — Наум услышал в ее голосе улыбку. Это уже было куда лучше.

И потянулись бесконечные дни.

Снаружи то выло, то грохотало. Наум то включал телевизор с новостями, то переключал на ненавидимые им сериалы. Продуктов было в обрез. Когда это все кончится? Вопрос риторический.

Он звонил Линде раз в три дня — и не всегда удерживался, чтобы не звонить чаще, не надоедать. Судя по голосу, она очень уставала. Наум подчеркнуто по-деловому спрашивал, как дела, как настроение. Она отвечала приветливо, но желаемой теплоты он в голосе так и не обнаруживал. Обязательно спрашивала, как он себя чувствует, есть ли продукты дома, все ли лекарства. Это Наума немного обижало, и он переводил разговор на ее работу. Но об этом Линда говорила с неохотой. Чувствовалось, что ей там достается. По восемь часов приема и еще поездки по домам к заболевшим старушкам. Словом, душевного разговора не получалось. А через день-два Наум все равно звонил.

Со Светой говорил вначале каждый день, потом — человек ко всему привыкает — через день, иногда даже через два.

Эти разговоры были, в сущности, его единственными непосредственными контактами с окружающим миром.

Сын Циля ушел в армию, а сама Циля уехала к подруге в Тель-Авив. Гена вместе с семьей уехал к родственникам в Ашкелон и просил присматривать за квартирой. Он доверительно сказал Науму, дыша легким перегаром, что смысла здесь оставаться нет, так как нельзя бродить по городу и общаться с народом.

Гена поступил очень предусмотрительно, так как где-то посреди войны ракета попала в стену его дома, но не пробила ее насквозь (молодец агент по продаже, честный человек). По стене и по крыше пошли трещины. А Наум получил солидный шок. Без вызова приехала скорая помощь, его чем-то укололи. У Наума еще неделю звенело в ушах. Но зато на следующий день лично приехала Линда, точнее, в данном случае доктор Линда. Привезла ему продукты, которые были очень кстати. Дала чек из магазина, все было официально. Пробыла у него целых полчаса. Шофер служебной машины, молодой солдатик, ждал ее под защитой стены пристройки.

Линда немного похудела и выглядела утомленной. Не удивительно. Наум тоже не посвежел, хотя позволял себе даже днем сидеть под красным навесом, надеясь на защиту могучих стен. Правда, это было до попадания ракеты в дом.

Сейчас разговор был таким же дружеским, как в мирное время. Линда рассказала ему о ситуации в городе, в котором он жил. Что-то мелькало в русскоязычной телевизионной программе, но чаще речь шла о более солидных городах. Никакой информации о том, что происходит в Маалоте, кроме грохота многочисленных взрывов, у него не было.

По словам Лиды, уехало примерно две трети населения. Остались бедные, старые и больные. Те, у кого не было сил или возможности уехать. Помогают в

основном волонтеры — израильтяне и иностранцы. Государство, как обычно, в самом-самом хвосте. Маалот на почетном третьем месте по числу сброшенных на него ракет, после Кирьят-Шмона и Нагарии. Заводы возле него прекратили работу. У многих кончились деньги. Серьезная проблема — продовольствие. Люди боялись появляться на улице, и для этого были основания: от сирены до взрыва считанные секунды, скрыться не успеешь. Жертвами в основном становились люди на улицах. Вроде бы стали кое-где развозить горячие обеды, но Линде они пока не попадались. О бомбоубежищах и говорить нечего. Ну, это Наум знал. С личным бомбоубежищем ему повезло. А каково было жильцам типичных старых израильских домов на столбах — проржавевших курьих ножках. Их стены рассыпались от неосторожного удара молотком. Спускаться после сирены в имитацию «комнаты безопасности» на первом этаже было бессмысленно — мало кто из оставшихся в городе был настолько шустрым. А сидеть целый день в неподготовленных для этого якобы укрепленных помещениях просто невыносимо.

— Вы ездите по домам?

— Я врач, что делать... И прием в кабинете, и вызовы на дом. Кто не может прийти, а кто просто боится. И две мои сотрудницы, тоже мобилизованные, как и я, почему-то исчезли. У них связи...

Линда торопилась, попросилась... и даже поцеловала Наума в щеку. Наум знал, что в Израиле это ни о чем не говорит, это входит в традицию — поцелуй в щечку при встрече и прощании. *Восток — дело тонкое*. Но все-таки было приятно.

После этого визита Наум звонил ей каждый вечер. Волновался: она каждый день по много часов ездит по городу. С еще большим вниманием прислушивался к взрывам. По сравнению с ее работой беды Наума немного стоили.

Разговор начинался стандартно:

— Вы дома? Ну и отлично.

Иногда он на этом или почти сразу после этого и заканчивался. Линда к нему больше не приезжала. Правда, через неделю забежал знакомый солдатик, ее шофер, и принес очередной сухой паек.

Медитация у Наума полностью вышла из подчинения. Оказывается, нельзя ожидать воя сирен и при этом чувствовать, что *«вся умственная активность успокаивается полностью, ум испытывает уникальное состояние спокойной пробужденности. Это простейшее состояние сознания, Трансцендентальное Сознание...»*

Единственное, что удавалось Науму — вызвать «сисму». И он этим пользовался, ни у кого не спрашивая разрешения...

Разговоры со Светой. Короткие разговоры с Линдой. С отвращением — телевизор. Наум не жил, а переживал. Напряжение накапливалось, и было просто удивительно, насколько безгранично терпение человека. Но ведь когда-то и ему придет конец?

Уже всем было ясно, что все потуги и все жертвы бессмысленны. Но Буш и Ольмерт затягивали решение Совета безопасности о прекращении огня. Надеюсь? На что? Или из бараньего упрямства, что на хозяина Белого дома очень похоже?

Последние два дня перед объявленным наконец ООН прекращением огня были самыми тяжелыми. Израиль ради престижа без всякого смысла гробил своих солдат, «Хизболла» ради престижа осыпала Север дождем ракет. Сирена практически не замолкала.

Наконец 17 августа война так же бесславно закончилась, как и бессмысленно началась. Не было радости. Только опустошение на сердце.

8

Сразу навалилась накопившаяся нервная усталость. Наум неожиданно осознал, что последнее время в основном уставал от волнений за Линду. У него по сравнению с большинством маалотцев действительно были отличные условия — собственная безопасная квартира. Повезло. «Но, в конце концов, человеку, который умеет бороться с неприятностями, должно в чем-то везти. Это справедливо», — подумал он о себе с уважением.

Он позвонил в Сан-Диего, успокоил Свету и пообещал, что немедленно займется назначением даты операции. А пока два дня будет отсыпаться, не ожидая проклятой сирены. Позвонил на мобильный Линде, сказал, что рад за нее и за себя: она перестанет под ракетами мотаться по городу, и он наконец сможет уснуть спокойно. Звучало несколько двусмысленно: он сможет уснуть спокойно, зная, что она в безопасности, или просто сам по себе? Так хитро задумано не было, но Наум уточнить смысл не стал. Сказал, что через пару дней перезвонит.

Он действительно думал, что, не боясь сирен и взрывов, сможет полностью отдохнуть и расслабиться. Но это оказалось не так просто. Любой звук, даже отдаленно напоминающий сирену или отголосок взрыва, заставлял его вздрагивать и просыпаться. Кстати, этот рефлекс сохранился у всех северян надолго, особенно у детей и стариков. От такого не скоро, а в чем-то никогда не избавишься.

И все-таки за двое суток он с грехом пополам пришел в себя и был готов к новым поворотам жизни. Они не заставили себя ждать.

Добиваться новой даты операции ему не пришлось — добросовестная больничная касса «Маккаби» приятным женским голосом на русском языке — само собой, со жмеринским акцентом — сообщила, что операция назначена на 10 сентября, но ему нужно заново собрать все анализы. Наум тут же сообщил это в Сан-Диего. Света пообещала вылететь пятого, если будут билеты. Должны быть.

— Ох эта ваша война! Сколько она мне стоила — вразам не пожелаю. И опять говорят о новой...

— И какой выход?

— Наум, не хочу об этом говорить. Приеду — будем решать вместе. Только вместе.

— Мы уже один раз решали...

— Ньюма, тогда не было выхода. А сейчас все будем решать вместе.

Покончив с обязанностями, он перешел к приятному. Вечером, когда, по его расчетам, Линда должна уже быть дома, он позвонил ей, удобно устроился на стуле и приготовился к долгому и душевному разговору.

После общих вступительных фраз он для затравки спросил:

— Линда, а когда у нас снова начнутся занятия?

— Они не начнутся. Во всяком случае, не со мной.

На обоих концах провода наступила напряженная тишина. Первой ее нарушила Линда:

— У меня полностью набрался стаж, достаточный для оформления пенсии. Я уже подала заявление об увольнении, оформляю документы. Намечаю числа двадцатого сентября улететь в Америку. Меня там уже ждут.

— Ждут...

— А как у вас дела?

Наум почувствовал, что не должен оставаться в долгу.

— Тоже есть новости. Назначили новую дату операции простаты. Помните, я вам рассказывал?

— Наум... Ну конечно же, помню.

— На десятое сентября. Жена прилетает пятого. Буду под присмотром. Потом полетим к детям...

Жена, дети. Он уже давно Свету и Женю так не называл. Но нельзя было ударить лицом в грязь.

— Очень рада, Наум, за вас. Все наладится. И не бойтесь операции, я знаю хирурга лично, отличный врач, все будет хорошо, я больше чем уверена.

— Линда, мы еще увидимся? — голос у него был не слишком бодрый.

— Я надеюсь. Правда, дел невпроворот. Документы, организации. Вещи нужно готовить к отправке. Квартиру пока продавать не хочу, кто его знает...

— *Береженого бог бережет*, — удалось вставить Науму.

— Ну, до свидания, Наум, верю в то, что у вас все будет хорошо.

— До встречи, — без особой надежды сказал Наум.

Разговор был окончен.

Теперь Наум понял, что означает абсолютная космическая пустота.

Дело даже не в любви — слишком уж это слово не соответствует его возрасту и статусу. Дело в том, что последние четыре месяца все мысли и интересы Наума вращались вокруг Линды. Занятия секции, «сисма», совместные прогулки после занятий, кафе, разговоры, взаимное понимание, подобного которому он не знал никогда в жизни. А сильнейший, непрерывный страх за нее во время войны? Если все это отнять, что у него останется?

Но что делать. Нужно принять все как есть. Да и у него нет права голоса — пятого приезжает жена. «Эйн брира» (нет выбора), — говорят израильтяне.

Почти неделю он сдавал анализы, ездил в Нагаро, Тверию и даже Хайфу. Гулял по городу. К его удивлению, в Маалоте было не так много разрушений, как это казалось из убежища. А с телевизионными картинками наших достижений в Ливане вообще никакого сравнения. Да, «несокрушимая и легендарная», безусловно, сильна, ей бы еще голову разумную где-нибудь раздобыть — цены бы ей не было.

Циля и Гена с семьей еще не вернулись. Поговорить было не с кем.

А вечером в субботу, в «моцей шабат», пришел его терпению конец. Он почувствовал, что больше этого выносить не может. Не может — и все!

Он позвонил Линде по телефону. Она была дома. Предложил встретиться сейчас в кафе, в том, в котором они несколько раз бывали.

— Хорошо, часа через полтора.

— Значит, в восемь.

Оба пришли вовремя. Линда посвежела, выглядела хорошо. Мучений от предстоящего расставания с Наумом на ее лице он не заметил. И все равно, он скажет ей то, что думает. *Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей*.

Заказали кофе с мороженым. Разговор начала Линда.

— Я собиралась вам звонить. Завтра, в воскресенье, в наш обычный день, ребята просили провести последнее занятие. Послезавтра я уезжаю в Тель-Авив, есть кое-какие дела. Начнем в обычное время, в восемь часов.

— Многие вернулись в город?

— Все, кроме Рудика. Он ранен. Лежит в хайфской больнице «Рамбам». У него отняли ступню.

— Бедный парень...

— Он знал, что не должен идти на эту войну. Говорил, видел что-то оторванное. Но кто его спрашивал? И, главное, ради чего все это?

Такое начало веселья не добавило. Наум и без того был мрачен. Настолько мрачен, что Линда не выдержала и спросила:

— Наум, у вас что-нибудь случилось?

— Случилось, — подтвердил Наум.

Принесли кофе с мороженым. Наум набычился и продолжал:

— Мне Света, моя жена, часто говорила: какой ты клятый! Клятый — это заядлый по-украински, но клятый лучше, точнее.

— Я понимаю...

— Скажи, что тебя мучит, пожалуйста, легче станет. Я не мог. Язык не поворачивался. А сейчас я хочу пожаловаться, хотя легче не станет. Света прилетает, а вы улетаете. Я жалею. Жа-лу-юсь. Мне очень тяжело. Я не знаю, как буду без вас обходиться.

Линда молчала.

— Вы не должны ничего отвечать, это мои проблемы. Но почему со мной последние годы столько всего происходит? *Жизнь бьет ключом, и все по голове.* Я просто не могу себе представить, что вас не будет. Смешно? На старости лет...

Линда пожала плечами. Лицо ее было совершенно спокойным.

— Наум, я прямо могу сказать, что я думаю. Я думаю, что она не должна сюда прилетать, а я не должна отсюда улетать. Вот что я думаю.

Он не удивился услышанному. Видимо, подсознательно все понимал, но не хотел себе признаваться в этом, чтобы не обострять и без того безвыходную ситуацию.

— Кто лучше меня знает, что она не должна прилетать? Я же не полный идиот, в конце концов. Но мы почти тридцать лет жили одной семьей, и я обязан дать ей возможность исправить то, что было. Она говорит — мы теперь будем решать вместе. Я не могу не дать ей этот шанс.

Линда спокойно молчала.

— А если вас не будет, то мне будет крышка с сознанием исполненного долга, — он не слишком удачно пытался шутить, чтобы избежать патетики. — Линда, я ничуть не преувеличиваю. Я не знаю, что буду делать без вас.

— Это ваше решение, Наум, — сказала Линда, голос ее чуть сорвался, и Наум понял, как ей тяжело. Не легче, чем ему.

Они сидели еще полчаса, молча. Наум расплатился. Встали. Наум проводил ее до виллы.

— Нелегко быть самим собой.

— И не каждому это удается, — признался Наум. — До завтра.

Они крепко обнялись и поцеловались. Так, как будто им было по двадцать лет.

9

Придя домой, Наум подстелил коврик, подложил под голову маленькую подушечку, лег на спину. Вызвал «сисму». И не удивился, что почти сразу поднялся в воздух. Еще бы, после стольких стрессов даже самый тупой станет образцом паранормальности. Он полетал по комнате, впорхнул в кухню. Потянуло, подобно булгаковской Маргарите, пролететь с криком над городом Маалот. С трудом уложился на подстилку. К завтрашнему занятию он был готов.

Довольно поздно позвонила Света, сообщила, что билеты на самолет уже у нее, чтобы Наум не волновался.

— Я не волнуюсь, — буркнул Наум.

Она о чем-то еще весело рассказывала. Ребята всей компанией с детымизавтра на выходной день уезжают в Диснейленд, и у нее полный отдых.

— Ну и отлично.

Наконец Наум добрался до кровати.

И уже в полусне всплыла мысль: зачем он себя обманывает? Света здесь не останется, он в Америку не поедет. Кого на этот раз он пытается изображать? Кем старается стать? Папой римским? Оказалось, что надеяться никогда не поздно. Надеяться нужно всегда. Но дурак обязательно все упустит. И все разрушит.

Встреча в клубе была скорее ностальгической, чем радостной и теплой. Собственно говоря, это был вечер, посвященный закрытию секции, так что поводов для веселья было не много. Не много этих поводов было и в других направлениях. Как уже упоминалось, израильтяне встретили окончание войны с огромным облегчением, но без всякого оптимизма. Прошедшие месяц и шесть дней в разговорах даже не упоминались, потому что большинство со страхом думало: это не конец.

Роза, как обычно, суммировала настроение собравшихся. Разговаривая с Ленами, она неожиданно громко, как говорят на сцене — а парте, в зал, сказала:

— Не знаю, какое будет окончание следующей войны, но скажу точно, каким будет процесс. Нас будут либо обстреливать, либо бомбить.

Она поискала глазами Наума — он-то должен понять. Наум поднял вверх большой палец. А сам подумал, что выдержка, привычка израильтян сохранять спокойствие в военных условиях, которой они так гордятся, больше похожа на безразличие. Это в значительной степени следствие усталости и безнадежности.

Линда пришла последней, ее очень тепло встретили, чем пролили бальзам на душу Наума. Она была собранной, выдержанной, но менее замкнутой, чем обычно. Тоже расстроена расставанием с коллективом. Она сказала пару общих фраз и попросила приступить к йоге — поговорим, мол, в конце занятий.

«Обязательно поговорим, — подумал Наум. — Если она захочет».

Он улегся. Дальше — знакомая «сисма». «Сисма» с ним останется при любых вариантах, ее никто не отнимет.

Наум заранее знал, что будет делать.

Трансцендентальное погружение, как он и ожидал, прошло удачно. Он поднялся в воздух, сделал несколько поворотов, проверяя «возможности управления полетом». Подумал о направлении, в котором расположен Сан-Диего, точнее Света. В точном соответствии с рекомендациями Веред обнаружил Светин телепатический маяк — розовое свечение где-то далеко за окном на горизонте. И решительно отправился в дорогу.

Путь был не близкий, поэтому он не стал развлекаться полетами над городом, а сразу взмыл высоко в небо. На улице уже было темно, только где-то далеко внизу пробегали огни — намного быстрее, чем это видно из самолета. Вскоре стало светать — впереди на западе поднималось солнце. Ну и скорость. Внизу вроде бы проскользнула Англия. Затем бесконечная зеленоватая гладь океана. Он поднялся еще немного выше. Страх не было. Просто он ощущал себя богом.

Розовый маячок и при свете дня был достаточно хорошо виден. Появились внизу группы каких-то островов. Вот и материк, если память Науму не изменяет — контур Флориды. Затем пустыня. Вдали снова появилась синева океана. Тихий

океан. Наум опустился ниже — можно проскочить побережье. Маячок работал безотказно. А вот и Сан-Диего — кто-то отметил в мозгу. Слева остался местный даунгаун с высотными зданиями... и незаметно для себя Наум оказался в дворике, под навесом, знакомым ему по фотографиям, в свое время присланным по электронной почте. Никого во дворе не было, ребята, наверно, уехали, Света отсыпается. Наум оглядел место, где ему придется провести минимум два месяца, а может... Нет, об этом думать не хотелось.

Двухэтажный коттедж выглядел красивым и ухоженным, фотографии не лгали. Наума удивляло, насколько четкими и реалистичными были детали. «Летуны» из их секции рассказывали, что все бывало неотчетливым, зыбким, как во сне.

Два парадных входа. Левая часть дома принадлежала Беляевым, правая — негритянскому семейству. То есть черным. Отдельный вход в комнату Светы должен быть с заднего крыльца, если память Науму не изменяет. Он обошел дом. А вот и это крыльцо, одно по центру дома. Закрытое, довольно широкое крыльцо с парочкой ступенек. Внутри на площадке почти рядом две двери — Наум догадался, что это входы в Светину комнату и, вероятно, в комнату соседа, негра, чей ежик иногда попадался на фотографиях. По словам Светы, с зубами как у Армстронга. Наум его про себя так и называл — Армстронг. То есть не негра, а черного, надо привыкнуть... Хотя на слух Наума черный звучит гораздо хуже, чем негр. «*Да будь я и негром преклонных годов...*» И никто на Маяковского не обижался. Впрочем, негр или черный, но он не таких уж преклонных годов. Хм, дверь в дверь... Ладно...

Наум вошел в комнату. Дверь оказалась незапертой. Непорядок. Впрочем, для Наума сейчас запоров нет. В большой комнате было полутемно, окна прикрыты шторами. Прямо против входа большая двуспальная кровать. Света спит на спине, чуть-чуть похрапывает. Ее крупное тело — Наум уже отвык — едва прикрыто простыней: жарко. Встроенный шкаф, журнальный столик, телевизор, трюмо. Через открытую дверь справа виден уголок ванны. Наум осмотрел это хозяйским взглядом, хотя тут же напомнил себе, что он только гость. В лучшем случае.

Который у них час? Больше десяти. Впрочем, Света всегда была совой, а сам Наум — типичным жаворонком.

Стоит ли ее будить? Да и как сможет разбудить привидение, которым стал Наум? Но эти вопросы оказались лишними. Раздался легкий стук в дверь. Пауза. Света не просыпалась. Дверь приоткрылась, и в проеме показался полуседой ежик, а затем и вся темная физиономия со сверкающими даже в полутьме белыми зубами. *Незванный гость хуже татарина.*

Света неожиданно застонала во сне. Жалобно, громко.

Сосед «Армстронг» — а это определенно был он — торопливо вошел. Мимходом отдернул шторы, сел на кровать. Это был крупный и довольно полный мужчина, кровать жалобно закричала, когда он уселся на край. Очень темное типично негроидное лицо, широко расставленные, чуть навывкате, глаза, боксерский расплюснутый нос с косым шрамом на переносице.

Света продолжала стонать. «Армстронг» встревоженно похлопал ее по предплечью.

— Света, что с вами? Плохой сон? Проснитесь.

И он осторожно продолжал ее тормошить. Наум остолбенело висел посреди комнаты, не зная, как реагировать на происходящее. И удивляясь тому, что он понимает «Армстронга».

Все напоминало просмотр дублированного фильма. Английский текст, проносимый «Армстронгом», был только фоном, на который накладывался русский

перевод. Переводил явно не Наум, он не настолько хорошо знал английский. Да и голос был не его. Воистину трансцендентальные полеты — вершина духовного подъема человека. Правы были Веред и Ози!

Наконец, Света очнулась, увидела «Армстронга» — и, судя по всему, не очень этому удивилась. Во всяком случае, ногу, которая почти целиком выглядывала из-под простыни, она даже не попыталась спрятать.

Наум протянул свое любимое «та-а-ак!». И стал подозревать, что *хуже татарина* на сей раз оказался он сам, собственной персоной.

— Дэвид...

— Что случилось? Приснился кошмар? Вы слишком нервничаете. Успокойтесь, все будет хорошо, я уверен.

И в английском варианте, и в русском переводе чувствовалась забота.

— Мне приснилось, что зашел муж, а за ним сразу же появился ты.

Света говорила медленно, с трудом подбирая английские слова. Переводчик терпеливо ждал.

— Какой ужас, — это было сказано по-русски.

И опять по-английски:

— Дэвид, мы же договорились. Ты обещал. Скоро должен приехать Наум...

— Я только зашел попрощаться. Когда вернусь из рейса, вас уже не будет.

Он пожал широкими плечами и продолжил:

— Хотя не знаю, кому мы делали плохо. Это было так редко. И нам было легче. Мы были не одни...

Вот оно! Даже обмануть себя не удастся. Было редко. Редко. Сэдом. Но было!!! Главное, что это было!

Света еще что-то говорила. Она волнуется из-за операции, боится, что муж здесь не останется, а она туда воевать ни за что не поедет... Переводчик терпеливо ждал конца фразы...

До Наума доходило немного. В голове мугилось. Хотелось завывать, заорать... Но это ему никогда не удавалось. Максимум, на что он оказался способен, это тем скандальным голосом, который у него уже один раз неожиданно прорезался, когда Света согласилась поехать в Америку — помните? — отчетливо сказал:

— Все ясно. У меня к вам больше вопросов нет!

Последнее, что он запомнил, — Света испуганно подняла в голову и уставилась в пустоту.

— Мне показалось... Наум?.. Наум?..

И Наум отключился. Все с огромной скоростью отмоталось обратно. Пустыня, океан... Он почувствовал воду на лице, на шее. Неужели сбился с пути и нырнул в океан?

— Наум, Наум!

Раздался звук пощечины. Он потер заболевшую щеку, открыл глаза. Над ним склонилась бледная Линда.

— Как ты, Наум?

— Айм о'кей, — почему-то по-английски сказал он.

И добавил для верности:

— Айм файн!

Встал, покачиваясь. Разумеется, мероприятие было скомкано. Линда явно разволновалась — очевидно, были признаки того, что с Наумом далеко не все о'кей. Она вызвала такси и отвезла его домой. Дала что-то выпить из лекарств. Наум не очень четко все понимал. Единственным его желанием было остаться одному.

Он с трудом уговорил Линду уехать, поклялся, что позвонит немедленно, если что... С большой неохотой и нескрываемой тревогой Линда ушла.

А Наум попытался взять себя в руки. Постепенно ему это удалось. Ясность и логика мысли к нему вернулись. Конечно, все эти полеты — рассуждал он — все-таки психологические спецэффекты. И если здраво исходить из этого постулата (он определенно приходил в норму), то все виденное им — плод его воображения. Если говорить без обиняков, его извращенное сознание (не стоило себя жалеть!) придумало все это грязное шоу для того, чтобы оправдать уход к Линде. Ничем иным это объяснить нельзя. Наум оказался не прав — не получается быть безобидным счастливым сумасшедшим, который в ладу с собой и со всем миром. Это иллюзии. Сумасшедший — он и есть сумасшедший, и что он выкинет — одному богу известно. Нужно быть нормальным человеком, отвечающим за свои поступки. А счастливым или нет — как получится.

Нужно всю эту мерзость выкинуть из памяти и жить так, как будто ничего ему даже не приснилось. У Наума сил на это хватит. Он уже не раз доказывал, что может многое преодолеть. А теперь нужно уснуть...

Раздался телефонный звонок. Линда?

Это была Света.

— Ньюма, извини, что так поздно. Что-то на сердце неспокойно. Как дернуло что-то изнутри. У тебя там все в порядке?

Черт, когда все стало успокаиваться...

— Все нормально. Ты меня разбудила.

— Ну хорошо, извини. Скоро будем вместе.

— Пока, поговорим завтра, — и он автоматически продолжил: — Все ясно. У меня к вам больше вопросов нет.

Опять прорвались скандальные интонации.

Эффект был основательный. На том конце всхлипнули, ойкнули. Бесвязно забормотали:

— Что ты имеешь в виду? О чем ты? Я не понимаю...

— Света, я хочу спать. Поговорим завтра. Пока.

Он положил трубку.

В бога-душу-мать... Дьявол! Нет покоя на этом свете. Ведь все было ясно. Конечно, и это может быть совпадением, но человек в ответ на невинное замечание не должен так откровенно путаться. Не стоило ей этого делать... Конечно, совпадение, но сколько их должно набраться, чтобы быть хоть в чем-то уверенным?

И Наум с наслаждением выдал вслух весь свой боекомплект ругательств, о котором мы недавно рассказывали. Сна как не бывало.

Тут без пол-литра не разберешься. А кстати, он вспомнил, что в чемодане есть спрятанная от поповзновений Геннадия бутылка того коньяка, который они не допили со Светой накануне ее отъезда. Там еще осталось больше половины содержимого. Конечно, не стоило бы пить после погружения, да еще такого погружения как сегодня. Но *снявши голову, по волосам не плачут*.

Он достал бутылку, налил полчашки. Закусил лимоном. Мысли сразу пошли в другом направлении.

Он знал Свету. Она человек верный, но здравомыслящий. Могла она подумать, что никому не будет хуже, если ей достанется напоследок *муки и радости* (Ирвинг Стоун), срок которым, отпущенный богом, уже заканчивается. А тут еще его грядущая операция... Кому, собственно говоря, был бы вред... если бы он об этом не узнал? Ох это «если бы»...

Да и есть ли у него право на благородное негодование?! Он-то сам не просто изменил, а полюбил другую женщину.

Но он от нее отказался. Отказался...

Словом, все запугивалось еще больше. Стало покалывать сердце.

Наум еще немного добавил коньяка.

Мысли снова изменили направление.

Главное, что все это чушь собачья. Эти полеты были и есть результат больного воображения. И порочного — добавил его внутренний голос. Он узнал дворик, потому что видел его на фотографии. И ежик негра видел там же. А о его зубах рассказала ему Света. Все имеет свои реальные основания. А негра этого нигде толком на фотографии и не видно.

Наум встал, включил компьютер, нашел фотографии, которые ему переслали. Стал их просматривать. Ага, вот он, ежик негра, туманно, за кем-то вдали. Вот его затылок. И почему Наум решил, что он толстый? Никаких оснований для этого не видно. Только кусочки негра иногда попадают, и то где-то на заднем плане. А вот выглядывает кусок лица. Мелко, что тут разберешь.

Наум увеличил изображение, еще увеличил, еще... Вот он, нос. Еще крупнее. А вот и косой шрам на переносице. Точно такой.

На реакцию у Наума сил не оставалось. Из этого ему уже никогда не выбраться.

В голове мелькали обрывки мыслей.

...Жизнь неплохая штука, если уметь к ней приспособиться...

...Тут падали ракеты, а в это время они...

...В таком возрасте на многое можно закрыть глаза...

...Он отправится в Сан-Диего и будет часто встречаться с негром. Простите, с черным... Будет жать ему руку...

Выход был только один. Он немедленно полетит в Сан-Диего и там разберется во всем. По свежим следам.

Покачиваясь, Наум вышел во двор. Постелил подстилку, под голову подушечку. Попрощался с «сисмой». Через минуту он уже мчался в сторону маячка.

Управлять было тяжело. Не стоило столько пить. Но здесь, в свободном полете, стало намного легче. Все земные заботы растворились в бесконечной чистоте и покое вселенной.

Кажется, он сбился с курса. Ничего, здесь так легко дышится. Какое все-таки счастье, что ему, одному из немногих, удалось здесь побывать, в зоне вечности. Вон там вдали какая-то радуга. Какие чистые цвета, небесные цвета! Наум повернул в сторону радуги. Нужно посмотреть, что там, — вернуться никогда не поздно...

Виктория Жукова

ВЕЩИЕ СНЫ

Повесть, написанная от четвертого лица

Часть первая

Меня принес аист. Этим я отличаюсь от тех, кого нашли в капусте. Их видно сразу, и я не люблю с ними общаться. Они пахнут землей и с самого рождения, то есть с первого момента появления в капусте, уже думают, как бы туда вернуться. Они не воспаряют, не врут, не мечтают о чем-то эфемерном. Они думают только о нужных вещах, о них же и мечтают. На все бредни: о духе, бессмертии, переходе — они сощуривают глаза и голосом, звенящим от азарта, требуют доказательств. А поскольку эти категории лежат в области веры, доказательства, естественно, предоставить невозможно. Доказательства, которыми капустный человек удовлетворился бы. О! Какое ликование освещает тогда его лицо, какое удовольствие испытывает он, глядя на поверженного врага!!! Капустная философия победила!

С принесенными аистом общаться тоже не легко. Аистолоды капризные, ветрены, легкомысленны. Они думают обо всем, кроме правильных, жизненно важных вещей. Им трудно сосредоточиться на мысли о квартплате, бюджете, воспитании. С этим вообще полный завал. Аистолоды могут ужиться, и то ненадолго, только с себе подобными, принять в душу капустного человека им сложно, поскольку думать о ком-то долго им не хватает сил, а капустные люди требуют постоянного внимания. С другой стороны, только с капустолоудьми и можно создать долговечную семью. Те намертво стараются соединиться друг с другом, для внутривидового размножения, и сразу после брака начинают высаживать капусту, чтобы побыстрее найти в ней кого-нибудь. Аистолоды же стараются не очень обременять аистов тасканием потомства, но когда неутомимая птица, устало хлопая крыльями, все-таки тащит им тяжеленького младенчика, они, молитвенно вздевая руки, шепчут: «Ну, аист, ну, миленький! Ну, постарайся дотянуть его хотя бы до города, не ехать же нам его искать». Иные и не едут. Тогда младенчика находят капустные люди в самых неподходящих местах, например, в лесу, где обычно собирают для заготовок всякие земные блага.

Они его забирают, не пропадать же добру, а потом всю жизнь мучаются, не решаясь избавиться.

Поскольку я отношу себя к аистолодам, то попробую описать свою жизнь с точки зрения парения над брэнной землей.

Парение началось еще в дородовой период, когда мать летела на старом бомбардировщике, отправленном на переплавку или еще куда и совершающем свой последний рейс. Пролетая над Минском, мама услышала дикий грохот и приготовилась к смерти, но я застучала ногами в живот и призвала аистов. Мама опомнилась, взяла себя в руки, надела парашют, и мы выпрыгнули в образовавшуюся вместо крыла дыру. Все остальные уже кольхались в воздухе, когда мы выбрались, и самолет, гудя и рассыпаясь на ходу, рухнул вниз, на деревню Немировку, оставив от нее 2 дома. До города наш аист не дотянул, пришлось довольствоваться, чем Бог

послал. Только что закончилась война, и утрата поселения вместе с населением ни у кого удивления не вызвала.

Мама служила снайпером, но с пузом лежать на снегу было хлопотно, да и война, как я уже говорила, закончилась, поэтому она не очень возражала, когда ее отправили на родину. Родив меня в догорающем овине, она решила соединиться с убиенными ею и, как я ни протестовала, оставила меня в капусте.

Так и получилось, что, принесенная аистом, я была найдена в капусте. Это перепугало все дальнейшее течение моей непростой жизни, сделав ее непредсказуемой и неудобной. Привязанности к моим благодетелям у меня не было, поэтому я не очень опечалилась, когда они, решив избавиться от найденыша, привезли меня с оказией в Москву, да так и забыли на вокзале вместе с парашютной сумкой, которую почему-то свято хранили.

Тогда все ехали либо в Москву, либо через Москву; видимо, моим благодетелям тоже показалось интересным начать новую жизнь на новом месте. А может, они только посадили меня в поезд, и тот сам привез меня в город-вертеп-Вавилон, который, по странному стечению обстоятельств, должен был быть моим истинным местом рождения. Этот поступок капустолодей, пригrevших меня, я оценила по достоинству, понимая, как сложно было принять столь неординарное решение. Видимо, пеленая и баюкая, они постоянно ощущали растущую ко мне расово-классовую ненависть.

Таким образом, я волей providения очутилась в Москве, где попала в детский Дом им. Василия Чапаева и его друга Петьки. Иначе — в детский Дом для слаборазвитых № К5-1394. И в этом тоже я ощутила руку судьбы, чувствуя генное, глубинное родство со всеми стреляющими и расстреливаемыми. Потом, когда немного подросла, поняла, что перепутала в детстве знак: куда ближе по духу мне оказались гонимые и расстреливаемые.

Мое аистинное сиротство было пронизано постоянным поиском себе подобных. Но только я обретала друга, только мы начинали курлыкать с ним на одном языке, как детский дом тут же расправлялся с некапустными детьми, — они были негабаритны и нарушали стройную картину аккуратной заполненности пространства. Это было все равно, что, тщательно складывая кирпичную стену, положить в ее середину круглое бревно. Идея сохранена, но форма.... Помилуйте, какая комиссия выдержит подобное безобразное зрелище? И какой директор, находясь в здравом уме, посмеет продемонстрировать ей свое бессилие?

Жизнь в Доме была привольная, но голодная. Ели мы один раз в день, остальная еда до нас не доходила. Нас старательно выставляли за ворота, и тогда мы всей гурьбой неслись к ближайшей столовой, где среди скользких от жира столов и недоломанных стульев, затыкая нос от щиплющего специфического запаха, выпрашивали у обедающих корочку хлеба. Давали охотно. Иногда перепадал кусочек сахара, иногда полкотлетки, иногда разрешали допить компот — наваристый, с плавающими жирными пятнами. Нас жалели, но всегда попадался капустный человек, у которого вместо жалости был лист инструкции, засунутый в карман. И тогда нас гнали.

В столовой было много людей с деревянными чемоданчиками, стоящими в ногах. Эти не подавали. Они остановившимися глазами смотрели вдаль, а большую грязную ладонь подставляли под беззубый рот, чтобы не проронить ни самой крошечной крошечки. В них трудно было разглядеть, кто аистчеловек, кто наоборот. Рудники и тюрмы обладали хорошим нивелирующим фактором. Самыми шедрыми были инвалиды — обожженные, безногие и безрукие, они хлынули в Москву

выправлять документы и хлопотать о пенсиях. Им хорошо подавали, и они щедро делились с нами. Их пока еще не загнали на Соловки в резервации на верную смерть, и, гордо выпячивая свои увечья пострадавших за нас, они вызывали стыдливую жалость прохожих. Каждый примерял на себя культю, тележки на шарикоподшипниках, стянутые желтые головешки вместо лиц, с условно намеченным носом и дырками вместо ушей.

Однажды нам подал слепой с празднично висящей за спиной гармошкой. Он стоял на углу нашей улицы. Когда я подошла и спросила, умеет ли он играть, он вздрогнул и замахал руками. Я умела. Умела петь, играть и в свои пять лет была бойким аистенком. Потом я отвела его в столовую и впервые, развалившись на стуле, легально съела свой жалкий обед.

Это был старый покалеченный аист. Свое родство с ним я ощутила как вспышку, как взрыв всех своих внутренних клеточек. Я внезапно поняла, что смогу наконец освободиться от ужасов детдома и впереди у меня светится, переливаясь, широкая дорога.

Началась волшебная, феерическая жизнь. Старый аист расправил плечи, встрепенулся, он тоже теперь был не один, у него появились мои глаза, причем не равнодушные, капустные, а жадные, выискивающие и замечают малейшие хрусталики, необходимые для аистиного существования. Он звал меня Синичка, я его — дядя Дятел. Он жил верой в удачу, и иногда жизнь, за его беззаветную верность, кидала в ответ пригоршню того, что он называл счастьем. Она кинула ему меня. Долгие наши разговоры призваны были скорее разрушать, чем создавать, разрушить барьер, тем самым создавая единство.

Первое, что меня волновало, не на войне ли он потерял зрение, а если на войне, то не встречал ли он мою маму. Она была героиня, летчица, ее даже сам товарищ Сталин однажды вызвал в Кремль и наградил. Вот прямо так и сказал: «Живите, Верочка, у меня в Кремле. Вы самая героическая женщина нашей великой Родины, и я хочу, чтобы вы стали самым главным министром по самолетам». Мама гордо отказалась. Она сказала, что, пока подлый фашист будет топтать нашу святую землю, ее место — на фронте».

Ну конечно, маму он знает. Кто же не знает Верочку-летчицу... Ее весь фронт знает. И как награждали, помнит. Только вот Синичка, наверное, путает, не товарищ Сталин ее награждал, а дедушка Калинин вместе с героем Буденным. А к Сталину ее привели уже с наградой. Это по радио передавали, в сводках информбюро. Левитан еще читал.

Еще он мне рассказывал, как потерял зрение. Оказывается, Дятел был самым главным разведчиком в наших войсках и работал в Германии, но это государственная тайна, и никому, слышишь, никому нельзя ее разглашать. Его послали убить Гитлера, и он почти добрался до фашистского логова, но в самый последний момент, не заметив натянутой веревки (их всегда натягивают, чтобы охрана слышала, кто идет), упал и выругался по-русски. Сколько раз еще в Москве его предупреждали, что ругаться по-русски нельзя, даже специальный курс преподавали, как ругаться по-немецки, но, оказывается, это так глубоко в человеке сидит — совершенно невозможно избавиться... Так вот, Дятла поймали, и сам Гитлер его допрашивал. Но он, Дятел, ни словечка не сказал. А потом он подошел к Гитлеру и плюнул ему на камзол. Камзол дорогой, расшит золотом и самоцветами разными, конечно, ему до кафтана Сталина далеко, тот вообще весь золотой. Тут прибежала охрана, схватила и повела в тюрьму. Его посадили в темную камеру — и он от темноты ослеп. «Тогда, если ты разведчик, ты должен знать, как мамина фамилия. У

нее, наверное, была секретная фамилия, поэтому я ее не знаю. На сумке от парашюта было написано неразборчиво. Специально так написали». — «Кто же из наших не знает фамилию твоей мамы? Она самая знаменитая была в военное время, кому надо было, те знали. Мне-то положено, я знал. Но сейчас не помню. Мне в темноте вместе с глазами и память повредило».

Так они разговаривали вечерами в вагонах электричек, колеся по просторам Подмосковья. Потом пересаживались на паровоз и ехали в тепло, в Крым или в Таджикистан, поесть фруктов. Синичка росла, кочевая жизнь начала надоедать, ей захотелось друзей-ровесников, захотелось ходить в школу, читать книжки. Дятел тоже притомился. Все труднее стало добиваться от него рассказов о его военных подвигах, все чаще он предпочитал, улегшись под кустом, мурлыкать блатные лагерные песни. Видимо, заканчивался и его век. Синичка в такие минуты сидела рядом, не спуская с него глаз, и боялась даже представить, что она останется одна.

Но судьба оказалась благосклонна к сироте. Нашлась добрая душа, или просто баба истосковалась без крепкой мужской руки, нашлась анстixa, пригрела убогого с малюткой. Теперь вымытый Дятел, лежа на чистой постели, командовал, покрикивая, на обретенную жену, а Дятлиха носилась мухой, торопясь исполнить его капризы. Выправили документы на Синичку, назвали ее своей дочкой, но каждый раз, когда Дятел звал ее дочей, он подмигивал, давая понять тайным знаком, что он помнит о Верочке-летчице и не собирается присваивать себе ее продолжение. Дятлиха не была посвящена в их тайну, но, как человек деликатный, тонкий и нежный, только тихонько курлыкала и умильно шурилась, глядя на Синичку. Иногда принималась описывать Дятлу, как выглядит расцветающая Синичка, и тогда, уставясь незрячими глазами в потолок и вытирая уголки глаз, тот начинал вслух мечтать о Синичкином прекрасном будущем. В восстановленной метрике ей записали имя, которое явилось камнем преткновения в получении документов вообще. Это имя они придумали, путешествуя вдоль морского побережья. Синичке очень нравилось имя Аврора. Но в своде правил этого имени не было, и пришлось Дятлу греметь купленными на Тишинке медалями по разным кабинетам, прежде чем оно было вписано. Отныне Синичка стала Авророй и очень сердилась на Дятла, который по-прежнему иногда называл ее Синичкой.

Описание юности Авроры укладывается в несколько строк. От остальных она отличалась тем, что умела за себя постоять. И когда однажды она вынула из кармана фартучка острый нож и пошла, приподняв верхнюю губу в оскале, на обидчицу, все разбежались и больше не старались ее задеть. Аврора была прекрасна жеребьячьей грацией, нежностью улыбки и ярким светом карих глаз. Ей, привыкшей петь в электричках, в шалманах, на ветру и морозе, не составляло труда в коридоре, во время перемены, когда чинные пары ходили опустив головы под неусыпным контролем строгих дежурных, со свистом пройтись колесом, а потом, не отрывая нахальных глаз от лица завуча, припопывавая выкрикнуть:

«А я не папина, а я не мамина

Я на улице росла, меня курочка снесла».

И это было самое приличное в репертуаре Синички.

Приходилось Дятлу опять надевать медали, постукивая для большей убедительности палкой по ногам попадающих в коридоре взрослых, появляться в директорском кабинете с глубоко оскорбленным выражением лица. Директриса терлась при виде горя ветерана, и Аврору восстанавливали.

В пятнадцать лет Аврора начала видеть вещи сны. Первый сон сбылся еще до обеда. А приснился ей овраг в деревне, куда однажды занесла их судьба. В

овраге лежали старые поваленные деревья и пламенели грибы. Утром, проснувшись в поту, Аврора твердо знала, что в четверти по географии ей поставят пару. Дятлиха пыталась ее утешать, она не могла постичь сложную связь между оврагом и двойкой в четверти. «Ну как же, — горячилась Синичка, — как же ты не понимаешь? Это же очевидно. Смотри. Грибы — это учителя, поваленные деревья — конец четверти, а овраг — двойка. А то, что грибы такие яркие, тоже совершенно ясно: училка радуется, она ведь меня терпеть не может». Дятлиха в немом изумлении от разумности Синички только качала головой, но, что интересно, двойка действительно появилась, и посрамленная Дятлиха долго отпаивала мужа валерьянкой.

Следующий сон не заставил себя долго ждать. И опять Дятлиха бегала по комнате, вздымая руки и утешая Дятла. Сон сбылся. На Синичку приемные родители начали посматривать с опаской, справедливо полагая, что подобное качество не очень подходит пятнадцатилетней девочке. Потом был некоторый перерыв, а через полгода, как-то утром, утрюмая Синичка потребовала, чтобы Дятлиха сидела сегодня дома, потому что всю ночь Синичка таскалась по пустыне. А это означает, что у нее весь следующий месяц будет маета по милости Дятлихи. Та поломает ногу, и Синичка не пойдет в столь желанный поход. «Почему? Да потому, что там еще саранча летала, а это точно к перелому», — чуть не плакала девочка. Дятлиха надула губы и, дождавшись, когда Синичка уйдет в школу, отправилась в Царицыно, к сестре на огород.

Уже подходя к станции с мешком картошки за плечами, Дятлиха споткнулась и сломала-таки ногу. Она отползла в сторону и сквозь слезы наблюдала, как сбежавшаяся детвора и люди постарше, не обращая на нее внимания, растаскивали драгоценную картошку.

Когда, несмотря на глубокую ночь, Дятлиха не появилась дома, Дятел забегал в ужасе по комнате, сшибая на пути всякие предметы. Синичка попросила его успокоиться, закрыла голову подушкой и попыталась заснуть. Через полчаса крепкого сна она деловито поднялась, помогла одеться Дятлу и повела его на вокзал, откуда отходили поезда в южном направлении. Как она и предполагала, Дятлиха лежала в крохотной избенке сестры с записанной ногой.

Виновато заглядывая ей в глаза и поглаживая руку, Дятлиха сокрушалась и каялась, что не послушала Синичку, поступила по-своему, и что отныне и навсегда слово Синички будет для нее законом.

Справившись с домашними и завоевав авторитет среди дворовой шпаны, Синичка укрепила тылы и поняла, что теперь дорога в большой мир ей открыта.

Но большой мир не торопился принять Синичку с распростертыми объятиями. Он жил по собственным меркам и правилам, а всякие там с вещими снами его не очень-то и интересовали. Люди жили трудно, и испытывать лишние волнения, возникающие даже от попытки предупредить эти волнения, никому не хотелось. Хотелось радости, покоя в конце концов, пять лет войны не прошли бесследно. Еще дети при слове «папа» оглядывались на дверь, а письмо в почтовом ящике вызывало такое волнение в семье погибших, что потом несколько ночей вдова рыдала в подушку. Тут еще Карибский кризис накатил, и Синичка, поправляя сползающий синий берет с маленьким красным значком, старалась утешить рыдающих подруг. «Ничего не произойдет, никакой войны не будет, мы выживем, мне на днях сон приснился, как будто ...» «Да отстань ты со своими снами, надоела, видишь, что происходит? Ты понимаешь? Мы так и останемся в девицах, так ничего женского и не узнаем. Как бухнет — от нас одна пыль останется, зачем тогда нас рожали? Это ты, дура подзаборная, детдомовка несчастная, небось со всеми переспала, тебе

и помирать не страшно, а нам?» — «Сейчас я тебя раньше бомбы уроку, да и вас всех заодно, и тогда точно вы никогда ничего не узнаете, а потом пойду и поимею всех ваших чистеньких мальчиков. Или нет, оставлю вас в живых, а мальчиков уведу. Посмотрим, что вы запоете, когда ни один урод вас больше не захочет. Так и помрете в старых девах. Это я вам обещаю».

Она ворвалась домой и повисла у Дятла на шею. Сквозь слезы прорывалось: «Дружба, какая эта дружба, я этой дуре по секрету сказала, а она всем-всем... и еще говорит, что я со всеми... убью, гадюку, и в школу больше не пойду». — «Это не выход, ты ведь на медаль идешь, зачем же тебе из-за какой-то курицы себе жизнь-то ломать? Я тебе сто раз говорил, сны — это только для тебя, не пугай людей, не рассказывай, очень ты простодушная у нас выросла. Учись жить в мире взрослых, без бабских дружб этих. Настоящая дружба молчалива, не сентиментальна, суха. Зато вот в такой момент, как сейчас, друзья сплываются, а не пытаются друг друга предать. Вот смотри, мальчики твои дворовые уже несколько раз приходили, посидят, повздыхают и уходят. Волнуются. Иди лучше к ним, хоть и шпана, а среди них больше настоящих людей, чем в этой вашей знаменитой школе». — «Пап, а ты не боишься?» — успокаиваясь, спросила Синичка. «Еще как боюсь. Знаешь, самое страшное — не умереть, это раз — и все, самое тяжелое — жить в разрухе. Ведь что произойдет? Вылезут мародеры, нечего будет есть, пить, негде жить, помнишь, как мы ездили с тобой, что в России делалось? А будет ведь еще хуже, я слышал, это как газовая атака, только дольше длится. Так что да, страшно, но это не повод подличать и убивать... так и запомни. Иди во двор, Юрка твой весь измучился»

Отыскав измученного Юрку, Синичка молча взяла его за руку и повела на чердак. Там, в молчании, все и произошло. А потом они лежали, обнявшись, и Синичка еще больше боялась атомной бомбы, поскольку то, что произошло, не должно было, не имело права вот так просто взять и закончиться.

Динно Буццати

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ПИДЖАК

Перевод с итальянского Моисея Бороды

Я ценю элегантность в одежде, но совершенству в этом плане большого значения не придаю, и уж совсем мало обращаю внимания на то, как скроены те вещи, которые носят люди моего круга. Но вот однажды, будучи на приёме в одном из миланских домов, я обратил внимание на мужчину лет примерно сорока, костюм которого блистал — именно, в самом буквальном смысле блистал — исключительной красотой. Мужчину этого я видел впервые, не знал о нём ничего, и спросить о том, кто это, было, пока шла официальная часть приёма, невозможно. Но когда она закончилась, мы с этим мужчиной каким-то образом оказались близко друг к другу — и разговорились. Он был вежлив, обходителен, любезен — но сквозь эту любезность, эту вежливость проскальзывала какая-то неясная грусть.

Бог не лишил меня дара быстро устанавливать доверительные отношения с людьми, быть естественным в разговоре, и я наговорил моему визави массу комплиментов по поводу того, как элегантно он одет, а под конец отважился и спросил, кто его портной. По лицу мужчины пробежала загадочная усмешка — так, как будто он ожидал моего вопроса. "Его почти никто не знает", — ответил он, — "хотя мастер он первоклассный. Шьёт только для узкого круга".

— Так что мне не стоит надеяться?

— О, попытайтесь, попытайтесь. Его имя Кортичелла, Альфонсо Кортичелла, *via Ferrera 17*.

— Дорог, наверное?

— Могу предположить, что да, но честно говоря, не знаю. Этот костюм он сшил мне три года тому назад, а счёт не прислал до сих пор.

— Вы сказали Кортичелла, *via Ferrera 17*?

— Совершенно верно, — и с этим ответом неизвестный оставил меня и присоединился к другой группе гостей.

На *via Ferrera 17* в доме, похожем на сотни других таких же домов, я отыскал жилище Альфонсо Кортичелла. Открыл мне он сам: старичок с чёрными волосами — наверняка крашеными.

К моему удивлению, всё прошло без каких-либо осложнений. Напротив, он, как мне показалось, очень хотел бы иметь меня своим клиентом. Я объяснил ему, откуда у меня его адрес, похвалил его искусство кройки, и попросил сшить мне костюм. Мы выбрали материал — полушерстяную ткань серого цвета, он снял с меня мерку и предложил принести костюм для примерки ко мне домой. Я спросил его о цене. Он ответил, что с этим никакой спешки нет, о цене можно всегда договориться.

— Какой симпатичный, милый человек, — подумал я в этот момент. Но потом, по дороге домой, ко мне пришло ощущение какого-то беспокойства, старичок показался мне вовсе не таким безобидным и милым, что-то было в нём тревожащее, неприятное — может быть от его медоточивого, слащавого тона, от настойчивого желания иметь меня своим клиентом. Но заказ был уже сделан.

Через двадцать дней костюм был готов. Я примерил его перед зеркалом — сшит он был первоклассно, работа подлинного мастера. Но несмотря на это, носить

этот костюм мне не хотелось — возможно под неприятным впечатлением от старичка портного. Прошла целая неделя, прежде чем я решился его одеть.

Этот апрельский вторник я запомнил навсегда.

На улице шёл дождь. Надев брюки, жилет и пиджак, я с удовольствием отметил, что ни брюки, ни пиджак, ни жилет нигде не жмут, не "тянут", как это обычно бывает с новыми вещами. И вместе с тем это совершенство, то, что всё сидит на мне как влитое, меня беспокоило, я ощущал себя как будто спелёнатым.

Как правило, я оставляю правый карман пиджака свободным, не кладу в него ничего, для документов и прочего мне служит левый карман. Но когда я, уже будучи у себя в бюро, случайно опустил руку в правый карман, я заметил, что там лежит какой-то листок. — Счёт от портного?

Нет, это не был счёт от портного. Это была банкнота в десять тысяч лир.

Я был более чем озадачен. Наверняка положил её туда не я. С другой стороны, было абсурдом предположить, что это подарок моей служанки — единственного, не считая портного, человека, который так или иначе мог приблизиться к моему костюму. Но может быть, банкнота была фальшивой? Я посмотрел через неё на свет, сравнил с другими. Нет — с ней было всё в лучшем виде.

Единственным объяснением была рассеянность Кортичелла. Наверное к нему пришёл клиент, чтобы расплатиться по счёту, под рукой у Кортичелла не оказалось в этот момент его бумажника, так что он, ища, куда положить деньги, чтобы они не лежали где попало, положил их в карман моего висевшего на манекене пиджака. Такие вещи случаются.

Я нажал на звонок, вызывая мою секретаршу. Собирался продиктовать ей письмо портному и вернуть ему не принадлежащие мне деньги. Вдруг, сам не зная, почему, я опустил руку в правый карман пиджака.

Мои пальцы наткнулись на кромку бумажной полоски; за несколько мгновений до этого в кармане не было ничего. Я страшно побледнел. В этот момент в кабинет вошла секретарша.

— Что с Вами, дотторе? Вам плохо?

— Нет, нет. Ничего особенного. Лёгкое головокружение. У меня это время от времени бывает. Может быть, я просто немного устал. Идите к себе, синьорина; мне надо было продиктовать Вам письмо, сделаем это позже.

Когда секретарша вышла, я отважился вынуть из кармана листок, на который наткнулась моя рука. Это была банкнота в десять тысяч лир. Тогда я попробовал в третий раз — и вынул третью такую банкноту.

У меня заколотилось сердце. Я почувствовал себя вовлечённым, по каким-то таинственным причинам, в волшебную сказку — вроде тех, какие рассказывают детям и в которые никто не верит.

Под предлогом, что плохо себя чувствую, я уехал домой. Я чувствовал, что мне сейчас необходимо побыть одному. К моему счастью, женщина, которая мне прислуживала, уже ушла. Я закрыл все двери, опустил жалюзи, и начал быстро-быстро вынимать из кармана, содержимое которого, казалось, не иссякало, банкноту за банкнотой.

Нервы мои были напряжены до предела, каждый миг я боялся, что чудо вот-вот кончится. Я же хотел, чтобы оно продолжалось, я был готов работать весь вечер, всю ночь — пока счёт денег не пойдёт на миллиарды. Но в какой-то миг силы мои начали иссякать.

Передо мной лежала внушительная куча банкнот. Самый важным в этот момент было сделать так, чтобы никто об этом не пронюхал. Я освободил стоящий в дальнем углу старый сундук, в котором лежали скатерти, и уложил туда деньги, считая их по мере укладывания. Оказалось пятьдесят восемь миллионов с лишком.

Меня разбудила утром моя служанка, удивлённая тем, что я лежу на кровати полностью одетым. Я с деланным смешком объяснил ей, что вчера немного выпил, и меня внезапно сковал сон.

У меня появилось новый страх. Служанка предложила почистить мой костюм, хотя бы слегка пройтись по нему щёткой. Я, таким образом, должен был снять костюм и отдать ей.

Я ответил, что должен немедленно уходить и что времени переодеться у меня нет. Выйдя из дома, я поспешил в магазин готового платья, чтобы купить костюм из такой же ткани, как мой. Этот другой я и доверю заботам моей служанки; мой же костюм — костюм одного из самых могущественных людей в мире — я спрячу в надёжном месте.

Всё это время я не знал, живу ли я во сне, счастлив ли я или задыхаюсь под огромным грузом, упавшим на меня по капризу судьбы. Идя по улице, я постоянно ощупывал через плащ магический карман моего пиджака. Ощущая сквозь материю утешительное, ободряющее поскрипывание банкноты, я облегчённо вздыхал.

Случайность охладила моё переходящее в бред ликование. В утренних газетах появилась информация о крупном грабеже, имевшем место за день перед этим. Четверо бандитов напали на принадлежащий одному из банков бронированный инкассаторский автомобиль, вёзший в банк деньги из филиалов. Бандиты, увидев, что к месту ограбления сбегаются люди, начали стрелять, чтобы расчистить себе путь; один из прохожих был убит. Но больше всего поразила меня сумма добычи: пятьдесят восемь миллионов — столько же, сколько было у меня. Мысль, что может существовать какая-то связь между внезапно свалившимся на меня богатством и этим ограблением, показалась мне абсурдной: я не суверен. И тем не менее произошедшее меня сильно смутило.

Чем больше у тебя есть, тем сильнее хочется иметь ещё. По моим скромным запросам я был уже богат. Но меня неудержимо влёт мираж жизни, полной безудержной роскоши. В тот вечер я любовался результатами своей работы, выпаскиванием из кармана банкнот, подсчитыванием их. Но делал я это уже как-то спокойнее, нервы мои были не так напряжены, как в прошлый вечер. К уже имевшимся пятидесяти восьми миллионам прибавились ещё сто тридцать. Они ушли туда же, где лежали пятьдесят восемь.

В эту ночь я не сомкнул глаз. Было ли это от предчувствия опасности или меня мучили угрызения совести, сознание того, что я незаслуженно получаю подарки от таинственной судьбы?

С первыми лучами солнца я вскочил с постели, оделся и вышел из дома с единственным желанием — увидеть утреннюю газету.

Я читал сообщение, боясь дышать. Страшный пожар, вызванный утечкой нефти, практически разрушил дом на Сан Клоро — центральной улице города; среди прочего, пламя пожгло сейфы крупнейшего агентства недвижимости, в которых содержалось более ста тридцати миллионов наличных денег. При тушении пожара погибли двое пожарников.

Должен ли я перечислять мои преступления? Ну да, преступления: сейчас то я понимал, что деньги, которые доставлял мне мой волшебный пиджак, приходили ко мне как результат пролитой крови, чьей-то смерти — приходили из ада. Но в глубине моей души жила коварная мысль отмести от себя обвинения в моей причастности к этому, моей ответственности. Вновь и вновь приходило искушение опустить руку в карман, почувствовать с неизъяснимым наслаждением, как пальцы сжимают кромку очередной банкноты. Деньги, божественные деньги!

Не покидая своей старой квартиры, чтобы никто ничего не заподозрил, я вскоре купил огромную виллу, стал обладателем ценной коллекции картин, раз-

езжал в роскошной машине и, покинув мою фирму "из-за проблем со здоровьем", путешествовал по миру в компании очаровательных спутниц.

Я понимал, что каждый раз, когда я извлекаю деньги из кармана моего пиджака, в мире происходит что-то отвратительное, случается какая-то трагедия. Но сознание этого было неясным, оно не выдерживало проверки логикой. Между тем с каждым новым вытаскиванием денег из кармана моя совесть всё больше сникала, становилась всё трусливее.

Ну а мой портной? Я звонил ему по поводу счёта — к телефону никто не подходил. Всё происходящее, как бы сговорившись, показывало мне, что я, сам того не подозревая, заключил пакт с дьяволом.

Вся эта борьба с совестью продолжалась до тех пор, пока как-то утром в доме, в котором я жил, не была найдена задушенная газом шестидесятилетняя пенсионерка; она была убита из-за трёхсоттысяч лир, которые получила накануне (и эти триста тысяч лир оказались руках у меня, вытасканные из кармана моего заколдованного пиджака).

Всё, конечно! Чтобы окончательно не скатиться в бездну, я должен избавиться от моего пиджака. Но избавиться не таким образом, чтобы отдать его другому, иначе несчастье будет только распространяться дальше — кто в состоянии противостоять соблазну прекрасной иллюзии? Нет — пиджак должен быть уничтожен. Я должен его уничтожить.

Я поехал на машине к скрытой от посторонних взоров долине в Альпах. Оставив машину на поросшей травой поляне, поднялся к расположенному выше лесу. Вокруг не было ни души. Я прошёл через лес к каменоломне. Здесь, между двух огромных скал, я вытащил из рюкзака свой пиджак, облил его бензином и поджёг. В несколько минут от него ничего не осталось, кроме золы.

Но с последним извивом пламени в двух, может быть, трёх метрах от того места, где я стоял, раздался голос: „Слишком поздно! Слишком поздно!“

В ужасе я мгновенно оглянулся, но не увидел никого. Я осмотрел всё вокруг, взбираясь по камням, перепрыгивая с камня на камень, в надежде найти того, кто это сказал. Вокруг не было никого и ничего, кроме камней.

При всём том страхе, который я испытал, я спустился в долину с чувством облегчения, с чувством, что я наконец свободен, а с другой стороны — и богат силой, посланной мне это богатство судьбы.

Но на поросшей травой поляне, там, где я оставил мою машину, её не было. Вернувшись в город, я увидел, что моя роскошная вилла исчезла; на её месте был необработанный луг. В нескольких местах стояли столбы, на которых было прикреплено извещение "Участок под застройку. Коммунальная собственность. Выставлен к продаже". Исчезли деньги с моего счёта в банке — никто мне не объяснил, как. Исчезло всё, что я хранил в моих несгораемых шкафах. В старом чемодане — хранилище моих денег — я не нашёл ничего, кроме пыли.

Я вновь работаю, тяжёлым трудом зарабатываю свой хлеб, тяжело пробираюсь в жизни, и самое странное: никто не удивляется моему неожиданному краху, тому, что я вдруг, внезапно разорился.

Но я знаю, что это ещё не конец. Знаю, что настанет день, когда у моей двери прозвонит звонок, я пойду открывать и увижу перед собой улыбающегося подленьким смешком пришедшего ко мне за окончательным расчётом проклятого портного.

Игорь Ефимов
ЗАКАТ АМЕРИКИ
Саркома благих намерений

Вступление:
КОРАБЛЬ ГОСУДАРСТВА
И ОКЕАН ИСТОРИИ

Настоящих злодеев — таких, которые умеют наслаждаться собственной жестокостью, — на свете совсем немного. Подавляющее большинство людей в своих помыслах и действиях движимы стремлением «чтобы стало как лучше». Конечно, на первое место человек ставит «чтобы стало как лучше МНЕ». Но он понимает, что большие и важные дела можно делать только сообща. Поэтому необходимо удерживать собственный эгоизм и искать взаимопонимания с соплеменниками в стремлении к тому «чтобы стало как лучше ВСЕМ».

Тут-то и всплывает на поверхность главная трудность, глубинный источник взаимонепонимания и вражды между людьми. Оказывается, есть в любом народе меньшинство, которое видит дальше других и готово идти на жертвы «здесь и сейчас» ради того, чтобы лучше стало «там и потом». Большинство же неспособно разглядеть эти «там и потом», оно упирается, готово довольствоваться тем, что «здесь и сейчас», отказывается следовать за прозорливцами, сердится на них, а порой и убивает.

На трудном пути мировой цивилизации выжили только те народы, которые «догадались» выбрать из своей среды каких-то посредников-миротворцев в этом вечном конфликте, назвали их «вожди», «цари», «правительство» и поручили им защищать каждого от злых соплеменников и от иностранных врагов.

Современное государство можно уподобить кораблю посреди океана. У каждого члена команды на нём есть своё дело.

Лоцман сверяется с картами (если они имеются), замеряет глубину воды под килем, пытается оценить силу ветра.

Дозорный на мачте оглядывает горизонт, надеется увидеть цветущий остров, страшится увидеть вражескую эскадру.

В трюмном помещении гребцы налегают на вёсла, кочегары бросают уголь в топку, пушкари чистят пушки, повара готовят обед.

А на мостике стоит капитан, окружённый помощниками, мичманами и боцманами, отдаёт приказы рулевому, выслушивает дозорных, принимает решения, вершит суд над ослушниками и нарушителями дисциплины.

Именно по такой схеме устроены и существуют почти все известные нам государства в течение последних пяти тысяч лет. Роль капитана, то есть верховной власти, выполняет либо наследственный монарх, либо избираемый президент, либо самовластный тиран, либо небольшая группа — римский сенат, флорентийская синьория, французская Директория, советское Политбюро. И в любых бедствиях на

корабле современники и потомки, скорее всего, будут обвинять капитана, то есть верховную власть.

Лоцманам и дозорным (в другой книге я назвал их «хозяевами знаний», выполняющими функцию миропостижения) всегда будет казаться, что капитан недостаточно прислушивается к их рекомендациям, не следует выработанному ими маршруту, который наверняка привёл бы корабль к материкам с молочными реками и кисельными берегами.

Гребцам и кочегарам будет казаться, что их перегружают надрывным трудом, заставляют двигать корабль неведомо куда, когда в трюмах ещё полно запасов еды и пресной воды, львиная доля которых достаётся бездельникам, окружающим капитана или болтающимся в своих комфортабельных смотровых гнездах на мачтах.

И управляющие, и управляемые на корабле государства будут получать отказы на свои просьбы и пожелания из уст капитана, и у тех, и у других будет нарастать глухое раздражение, постепенно вскипающее ненавистью. Ни те, ни другие не в силах разглядеть глубинную суть верховной власти, описанную Томасом Гоббсом в его главном труде «Левиафан»: её главная роль состоит не в том, чтобы господствовать над всеми и вести народ за собой, но в том, чтобы служить арбитром между враждующими группами населения, между дальнозоркими и близорукими, между управляющими и управляемыми.

Когда лоцманы и дозорные приносят капитану разработанные ими маршруты, он не может сразу принять их, но должен инстинктом вслушаться и оценить запасы терпения и выносливости гребцов и кочегаров, понять, хватит ли их на то, чтобы преодолеть намеченное расстояние, не устроив новый «Бунт на Баунти» или «Броненосец Потёмкин». И, с другой стороны, когда в трюмах возникает рокот протеста, капитан не может ограничиться одними уговорами, не может терпеливо объяснять управляемым, что на этот раз высоколюбие хозяева знаний правы, что спасительного берега невозможно достигнуть, если не удвоить силу гребков, если не согласиться довольствоваться кружкой воды и тремя галетами в день. Он должен обладать реальной властью, чтобы его боцманы и надсмотрщики хоть плётками добились нужной скорости корабля.

Спрашивается: если капитана заведомо не любят ни верхи, ни низы, какая же сила сможет защитить его от всеобщего недовольства?

Ответ напрашивается сам собой: только Высшая, Надземная сила.

С бесконечным разнообразием подносит нам Клио это единственно возможное решение проблемы: обожествление египетских фараонов и римских императоров, правление жрецов, священников и халифов, благословение римских пап, даруемое европейским монархам, русские цари как помазанники Божии. Казалось бы, крушение монархий в начале 20-го века должно было прервать эту традицию. Ничуть не бывало: всенародное поклонение Ленину, Сталину, Гитлеру, Муссолини, Мао Цзедуну, Кимирсену, Кастро, Дювалье было окрашено чисто религиозным жаром.

Наци, установившие демократическую форму правления, склонны вообразить, что им удалось спустить постамент верховной власти с небес на землю. Действительно, поношения избранных президентов и премьер-министров выглядят исключительными какими-то формами религиозного поклонения им. Но на самом деле в этих странах священными объявлены традиции, конституция, права человека и прочие абстракции. Главный же идол, которому должны поклоняться все подданные государства, о котором никто не посмеет сказать худого слова, получил имя НАРОД. Употребить в адрес этого идола эпитеты, столь часто употреблявшиеся в непросвещённом прошлом — «тёмный, отсталый, злой, вороватый, дикий,

бессмысленный, раб нужды, забот» — было бы таким же кощунством, как хулить самого Господа Бога. Именно за алтарём этого нового божества капитаны государственных кораблей и укрываются от хронического недовольства сограждан и худобедно справляются со своей главной задачей — служат арбитрами между верхами и низами государственной пирамиды.

Интеллигентная же верхушка, хозяева знаний, оказываются в весьма двусмысленном положении. С одной стороны им нравится роль интерпретаторов загадочных порывов и требований Народа. С другой стороны, они лишаются своего любимого — универсального! — объяснения всех бед в государстве. Возвращаясь к нашей корабельной метафоре, можно вообразить ситуацию, когда успешное плавание в историческом океане от одного цветущего острова к другому так обогатило корабль, что он невероятно разросся в размерах. Теперь у него уже не две и не три, а тысячи мачт разной высоты. И на верхушке каждой, в комфортабельном смотровом гнезде сидит гордый своими заслугами дозорный. Проблема, однако, в том, что теперь он не может разглядеть ни горизонт, ни волны, обтекающие борта, ни пальмы на далёких островах. Он видит вокруг себя только других дозорных и вступает в яростные споры с ними по поводу возникающих на небосводе миражей. Они привыкли достигать единодушия в недовольстве капитаном и требованиях его скорейшей замены. Но нельзя же требовать замены идола, созданного ими самими?

В Америке споры между хозяевами знаний о назревших реформах, о необходимости отмены каких-то старых и принятии новых законов заполняют политическую и интеллектуальную жизнь. Но всё чаще у людей возникает ощущение, что споры эти скользят по поверхности явлений и не проникают в глубь грозных перемен, происходящих в стране. Две противоборствующие партии с разным успехом проводят своих кандидатов на посты законодателей, губернаторов, судей, но очень часто победитель продолжает делать на захваченном посту то же самое, что делал до него его политический соперник.

Недуг человека, поражённого душевным заболеванием, долго остаётся невидим для врачей и близких. Интеллигенция в народе является аналогом мозга в человеческом теле, а мы знаем, что умственное расстройство будет упорно отрицаться прежде всего самим пациентом.

Смутное чувство тревоги проникает в миллионы сердец. На поверхности пока всё спокойно, солнце светит, тёплый ветерок ласкает лица, сверкающие витрины магазинов переполнены товарами. Но ведь рассказывают бывалые моряки, что случаются — налетают без предупреждения — страшные ураганы и смерчи. Или волна высотой в многоэтажный дом вздымается в Океане Истории и переворачивает казалось бы прочный и надёжный государственный корабль. Или мощный выброс подземных газов на дне превращает водную поверхность в миллиарды пузырьков, неспособных удержать судно на плаву.

Автор предлагаемой читателю книги разделяет эту тревогу. У него нет ни тайной карты с указанием пути к острову сокровищ, ни новых идей спасительных реформ — проливов, выводящих в бухту социальной стабильности. Но он убеждён в одном: достичь этой бухты будет невозможно, если наши дозорные не расширят свои горизонты обзора. Ему кажется, что именно способ мышления интеллектуальной элиты, хозяев знаний, привёл общество к опасному рубежу. На множестве примеров он постарается показать, как обожествление главного инструмента интеллектуала-дозорного — *рационального аппарата мышления* — привело к опасному перекосу всей социальной конструкции государственного корабля.

В этом убеждении я вовсе не одинок. Многие американские мыслители и социологи замечали те же симптомы и ярко описали их в своих книгах, которые я собираюсь цитировать не раз. Замечательный философ Томас Суэлли пишет в своей книге «Разваливая Америку»: «Для того, чтобы случился так называемый “совершенный шторм”, много различных сил должны сойтись в один и тот же момент. Эти опасные силы накапливались в Америке по меньшей мере в течение полувека. К 2010 году возрастающее число американцев начало выражать опасения, что они утрачивают страну, в которой росли и которую надеялись передать детям и внукам».^[1]

Перед американскими мыслителями у меня есть одно важное преимущество: в отличие от них, мне довелось сорок лет прожить в стране, в которой на рациональное мышление была возложена невыполнимая задача истолковывать все тайны Бытия, и у меня перед глазами стоят те круги иррационального ада, в который соскальзывает народ, попытавшийся обходиться только дарами, вложенными Творцом в нашу черепную коробку.

В расширенный горизонт обзора обязательно должна быть включена возможность несовпадения устремлений Народа и интеллектуальной элиты. Особое внимание следует уделить иррациональным порывам народной массы подавить и даже уничтожить образованную верхушку, как это проявилось в Сталинской России, Гитлеровской Германии, Маоистском Китае, Кастровской Кубе, Камбодже Пол Пота.

Изучение океана Истории и судеб кораблей-государств, бороздивших его волны, приоткрывает перед нами две главные стихийные силы, находящиеся в вечном противоборстве, которое и предопределяет маршруты и исход плаваний. Силы эти таятся в человеческой душе: *жажда свободы* и *жажда справедливости* то есть *закона*.

Вся история человеческой цивилизации состоит из миллионов схваток и миллионов «мирных договоров» между этими двумя порывами.

Чтобы возникло племя, человек должен был отказаться от свободы грабить и убивать своего соседа, подчинить себя племенным правилам и традициям, то есть начаткам *справедливости*.

Чтобы кочующее племя превратилось в государство тружеников-земледельцев, человек должен был отказаться от свободы брести куда ему вздумается, прочертить на земле границы между «твоим» и «моим», а главное — передоверить священное право самозащиты государственному стражнику, полицейскому, судье.

Наконец, индустриальная эра могла утвердиться лишь там и тогда, где и когда человек решил передоверить создание всех нужных ему вещей, включая пропитание, одежду, жильё, кому-то другому — соплеменнику или даже инородцу, где он согласился каждый день запирать себя на восемь часов в неволе цеха, шахты, конвейера, делового кабинета.

Окидывая взглядом мировую историю, человек не мог не видеть, что подчинение справедливому закону, законам, правилам совместной жизни вносило в жизнь неисчислимые преимущества. Люди получали возможность объединяться в больших и успешных гильдиях, цехах, бригадах, артелях, товариществах, затевать строительство мощных оросительных систем, каналов и акведуков, благосостояние возрастало, периоды мирной жизни удлинялись. Постепенно в больших империях национальное сознание склонялось к убеждению, что ограничивать свободу человека, ставить ей предел справедливыми законами — всегда благо. Ведь разгул свободы очень легко может привести к бунтам, революциям, гражданским войнам. Не лучше ли заранее упрячь непредсказуемую волну подданных в клетку смирения и законопослушности?

Но в океане мировой истории десятки раз разыгрывалась одна и та же драма: огромная богатая империя, слишком преуспевшая в ограничении свобод своих подданных, делалась объектом успешных вторжений небольших, но сплочённых воинственным духом племён. Великий Египет вынужден был покориться гиксосам, ливийцам, эфиопам, многомиллионный Китай терпел гунских, сяньбийских, монгольских, маньчжурских правителей, Персидская империя не могла подчинить скифские племена, а потом покорилась македонцам, тысячелетний Рим захватили сорок тысяч вестготов, арабские племена отвоевали половину территории могучей Византии.

Уже в самом начале истории Америки политическая жизнь страны была окрашена противоборством двух главных устремлений человеческой души: порыва к свободе и порыва к справедливости. Джефферсон, Мэдисон, Монро ставили свободу превыше всего и готовы были даже допускать неизбежность «оздоравливающих» бунтов ради её сохранения; Вашингтон, Адамс, Гамильтон видели в расширении справедливых законодательных ограничений единственное средство сохранения единства страны.

Это противоборство не утихло и в наши дни. Партия республиканцев могла бы написать на своём знамени «Да здравствует Свобода», партия демократов — «Да здравствует Справедливость». Но мало кто способен разглядеть, что под поверхностью их шумного противоборства идёт процесс, которого казалось бы не желают ни те, ни другие. Американская свобода и американская жажда справедливости глхнут и усыхают не под пятой иноземного завоевателя, не под гнётом домощенного тирана, не в застенках тайной полиции, но под цепкой паутиной миллиона лилипутских канатиков — правил, циркуляров, инструкций, сочиняемых каждый день безвестными бюрократами в тишине своих кабинетов.

Тысячестраничные циркуляры, напечатанные мелким шрифтом, рассылаются из государственных контор врачам и рыбакам, пожарникам и пекарям, фермерам и пастухам, учителям и домостроителям, автомобилистам и лётчикам, полицейским и тюремщикам, аптекарям и газетчикам. Миллионная армия американских адвокатов, вооружённая этими постоянно меняющимися циркулярами, рыщет по стране, неустанно отыскивая «нарушителей», которым можно было бы вчинить судебный иск, чреватый жирным штрафом и — соответственно — гонораром. На своих рабочих местах люди перестают думать о том, как бы лучшим образом исполнить своё дело, а заботятся лишь о том, чтобы не нарушить спускаемые сверху правила. Способность к творческой инициативе хиреет под этим неустанным давлением, деловая энергия выглядит подозрительной, рутинная и бездельная начинают казаться единственно возможным спасительным поведением.

В средневековой медицине большой популярностью пользовалось кровопускание. Очень часто, если врач не понимал причины недомогания или не знал нужных лекарств, он на всякий случай взрезал вену больного, потому что иначе его могли бы обвинить в непростительной халатности. Сколько людей были обескровлены до смерти этим популярным методом лечения, никто не считал. Точно так и в сегодняшней Америке при столкновении с усилением какого-то социального недуга, управляющие первым делом ищут, какой бы новый запрет мог ослабить нежелательные процессы.

Ничья злая воля не стоит за этим поветрием. Здесь являет себя тот опасный перекоз национального сознания, который связан с обожествлением рационального мышления, начавшимся двести лет назад. Конечно, невероятные научные и технические достижения последних двух веков, создание всех чудес индустриаль-

ной эпохи оказались возможными лишь потому, что обнаружение причинно-следственных связей между явлениями было освобождено от религиозных запретов и смогло свободно расширять наше представление о Вселенной. Но учёные и инженеры (дозорные на мачтах), заслуженно гордясь своими успехами, подспудно начали распространять свои критерии правильного-неправильного и на те сферы человеческой жизни, где они переставали работать.

Уже Лев Толстой в середине 19-го века заметил, что «естествоиспытатели и их поклонники... подобны штукатурам, которых бы приставили заштукатурить одну сторону церкви... и которые в порыве усердия замазывали бы своей штукатуркою и окна, и образа, и витражи... и радовались бы на то, как с их штукатурной точки зрения всё выходит ровно и гладко». [2] Толстой был поклонником Канга, попытавшегося своей «Критикой чистого разума» внести некую дисциплину в деятельность рационального ума, указать на границы, за которые он не может переходить. Но идолопоклонники рационализма предпочли устремиться за Гегелем, объявившим, что никаких границ не существует, что «всё существующее — разумно».

С точки зрения чистого разума, понять явление означает отыскать его причины. Перед жадной свободы и жадной справедливости он застывает в растерянности, ибо они — явления иррациональные, на вопрос «почему?» не откликаются. Единственный выход для него — объявить их несуществующими, свести всю картину общественной жизни людей к поискам благополучия и безопасности, которые вполне поддаются логичным объяснениям.

С одной стороны, слова «свобода» и «справедливость» имеют сильный положительный заряд, вызывают импульс одобрения. С другой стороны, мы не можем закрывать глаза на то, что предельной реализацией свободы является фигура разбойника, отбросившего все пути Закона (недаром она так часто воспевается поэтами); а предел справедливости — каждому одинаковая одежда, одинаковый топчан, одинаковая миска похлёбки — мы находим в монастыре, в трюме галеры, в лагерьном бараке.

Идолопоклонник разумного сознания жаждет помочь страждущему человечеству единственно понятным ему способом — отысканием и объяснением причин печальных явлений социальной жизни.

«Вы страдаете от разгула преступности в больших городах? Причина этого так очевидна — бедность и необразованность. Улучшите уровень жизни, расширьте сеть школ, откройте двери колледжей — и преступность пойдёт на убыль.

Трещат семейные устои, половина браков кончается разводом, целые поколения вырастают, не зная своих родителей? Это потому что не уделяется достаточного внимания психиатрическому образованию населения, людей не учат науке совместного проживания.

При всех успехах медицины народ продолжает страдать от болезней, пьянства, наркомании, ожирения? Это потому что правительство (проклятый капитан корабля!) не уделяет достаточно средств на улучшение медицинского обслуживания, на строительство больниц и клиник.

Люди совершают по отношению друг к другу миллионы жестоких, несправедливых, опасных поступков? Это потому что не выработаны ясные правила поведения для них, которые исключали бы злобу, корысть, жестокость.»

Полагаться на такие устаревшие, не поддающиеся логическому анализу понятия, как нормы морали, религиозное чувство, доброта, сострадание, да ещё допускать, что в ком-то они могут иметься в избытке, а в ком-то начисто отсутствовать, было бы непростительным отступлением от гегелевских заветов и от священ-

ных догматов равенства. Один американский профессор сформулировал это с трогательным простодушием: «Ведь если у меня всё будет по закону, мне и совесть не нужна». «Ведь если мы отдадим Гитлеру Чехословакию, у него не останется *разумных* поводов начинать войну», — уверял своих сограждан Чемберлен. И миллионы поклонников разума во всём мире соглашались с ним в том, что других поводов-причин человеческого поведения не существует.

Описывая болезненные явления американской жизни, я собираюсь приводить в качестве примеров много бед, которые заделали меня и мою семью. У читателя может возникнуть впечатление, будто нам досталась какая-то уникально несчастная судьба. Должен сразу оговориться: это не так. Где изворотливостью, где упорством, где чистой удачей, а чаще всего — с помощью бескорыстной отзывчивости и доброты американских и русских друзей — нам удалось увернуться от большинства опасностей и прожить в Америке 35 лет, в которых светлых дней было гораздо больше, чем тёмных. На закате жизни мы оказались в чудесном доме, на берегу прелестного озера, посреди волшебных пенсильванских холмов. Дети, внуки, друзья радуют нас своими визитами, телевизор и интернет открывают доступ ко всем событиям культурной жизни и новостям, а также к библиотекам с миллионами томов. Если в моей тревоге за страну и есть какая-то корысть, то это именно бесполое о том, какая судьба достанется детям и внукам.

В предлагаемой читателю книге будет много мрачных пророчеств. Но я первый буду счастлив, если ни одно из них не осуществится.

Будут рекомендации — но я догадываюсь, что им не последуют, а выберут какие-то пути, манёвры и маршруты, какие сегодня невозможно и представить.

Свою главную задачу я вижу другом: взглянуться и описать очередное сражение в вечной войне между жадной свободы и жадной справедливости, которая заполняет историю мировой цивилизации.

Место сражения — Соединённые Штаты Америки.

Время — начало 21-го века.

Исход целиком зависит от мужества, упорства, прозорливости участников битвы. Полной победы не может быть ни у той, ни у другой стороны, и именно это должно рождать надежду. Как в растущем дереве есть силы, нацеленные на сохранение прочности — корни, ствол, кора, и силы, нацеленные на рост, — листочки, свежие побеги, цветы, плоды, так и в каждом народе жажда справедливости сохраняет целостность нации, а жажда свободы движет её вверх по шкале цивилизации.

Мужество, упорство, прозорливость — эти свойства человеческой души неподвластны вопросу «почему?». Их невозможно усиливать внешними законодательными или финансовыми мерами. Зато душигать, подавлять, искоренять их цепкой паутиной миллионностраничных правил и запретов можно весьма успешно и эффективно.

Дерево может рухнуть, если чрезмерный рост превысит способность корней удерживаться в толще земли.

Дерево может засохнуть, если его лишит возможности цвести и плодоносить.

Опасный перекокс духовной жизни сегодняшней Америки в сторону «разумности и справедливости» за счёт свободы и связанного с ней чувства ответственности каждого человека представляется мне причиной многостороннего «усыхания» страны в начале 21-го столетия.

Часть первая

ГДЕ

1. В ШКОЛЕ

О кризисе американского школьного образования написаны тысячи книг и миллионы статей. Фирмы, пытающиеся нанять молодого человека, окончившего восемь — а порой и десять — классов, часто обнаруживают, что он не умеет ни писать, ни читать, ни считать. Реформы учебного процесса предлагаются и проводятся как на штатном, так и на федеральном уровне, миллиарды долларов тратятся на повышение зарплаты учителей, на закупку компьютеров и учебников, но положительные результаты достигнуть не удаётся.

Да и по каким параметрам можно определить качество работы школы, чтобы можно было заняться его повышением?

Большие надежды возлагались на систему общенационального тестирования учеников SAT (Scholastic Aptitude Test). Эти тесты широко используются и сегодня, хотя критики утверждают, что школы научились делать упор не на улучшение грамотности и кругозора учеников, а на умение успешно проходить эти тесты. Нередко всплывали и случаи жульничества, когда вопросы, включённые в тесты, делались заранее известными ученикам. Успешная сдача тестов улучшает репутацию школы, поэтому стимул к мухлеванью остаётся очень сильным.

Другое направление реформ было нацелено на сглаживание имущественного неравенства. Бедным родителям выдавались субсидии (ваучеры), чтобы облегчить их детям поступление в частные платные школы. Конечно, частные школы старались отбирать среди таких субсидированных учеников наиболее способных, поэтому разрыв между качеством платного образования и бесплатного только увеличивался.

Попытка преодолеть расовые барьеры приняла форму обязательной ежедневной транспортировки учеников из чёрных кварталов в белые и наоборот. Эта программа вызвала бурные протесты во всей стране, в Бостоне дошло до открытого бунта родителей. Насильственное перемешивание приводило к тому, что возникновение дружеских связей внутри класса крайне затруднялось. Встречи учеников вне школы, на семейных праздниках, в церкви, на улице оказывались невозможны, а без них взаимное отчуждение только возрастало. Выяснилось, что *отменить* расовую сегрегацию законодательными мерами до какой-то степени возможно, но попытки *принудить* к совместному существованию людей разного цвета кожи оказались практически неосуществимыми. Постепенно эта практика сошла на нет сама собой.

Мощное вливание федеральных средств в школьное образование началось ещё при Линдоне Джонсоне, который в 1965 году подписал соответствующий закон, принятый Конгрессом: Elementary and Secondary Education Act. ^[3] Каждый домовладелец в Америке знает, что примерно 60% от местных налогов он платит в пользу местного школьного округа. Однако там, где есть избыток средств, почему-то возникают толпы желающих воспользоваться этим избытком. Известный автор Джон Дербишир описывает, как он присутствовал на родительском собрании в школе на Лонг-Айленде, где учатся его дети. На сцене в актовом зале заседала целая толпа, состоявшая из администраторов, советников, консультангов, психиатров, деканов — и ни одного учителя. ^[4]

Вливание денег тем временем продолжалось. В 1979 году президент Картер учредил Министерство образования, в 1994 году президент Клинтон расширил сферу его деятельности, в 2001 году президент Буш-Младший начал кампанию «Ни одного отстающего в школах». В 2005 году было проведено обследование общественных

школ на предмет оценки результатов. Город Вашингтон оказался на одном из первых мест по затрате средств на одного ученика в год и на последнем месте по успеваемости. Половина учеников из этнических меньшинств бросала школу не доучившись, оставшаяся половина старшеклассников демонстрировала знания по математике и грамотности на уровне седьмого, восьмого, девятого классов. [5]

Реформирование школ осуществлялось людьми, которыми двигали вполне бескорыстные мотивы. Однако жажда справедливости в их душе была, в соответствии с американской традицией, неотделима от преклонения перед идеей *равенства*. Тот, кто посмел бы вслух заявить, что люди от рождения обладают неравными способностями к овладению знаниями, был бы просто выброшен из системы школьного образования. Нет, отстающим ученикам учитель просто должен уделять больше внимания. Когда среди старшеклассников одной школы в Беркли разрыв в успеваемости по расовому признаку сделался пугающе заметным, директор объявил, что виновата в этом ответственность города, не оказавшая достаточной поддержки афроамериканцам. [6]

Президент Буш-младший, выдвинув в начале 2000-х годов лозунг «Ни одного отстающего!», опирался на твёрдые убеждения многомиллионной армии благонамеренных: «Плохих учеников не бывает! Если кто-то не вылезает из двоек, значит...»

Тут сознание реформатора подходило к опасной западне, и его риторика начинала буксовать и спотыкаться. Ведь если ученик не может быть виноват в своих провалах, значит обвинительный палец, не приведи Господь, вот-вот повернётся в сторону учителя. И в эту брешь может проскользнуть еретическое допущение, что и учителя бывают хорошие и плохие, талантливые и бездарные.

Нет, культ равенства не мог допустить такого попрания своих догматов. Начиная усиленную работу по заделыванию идеологических брешей. На фронте теоретическом писались бесконечные диссертации по педагогике, разворачивались курсы по повышению квалификации, созывались семинары и научные конференции. На фронте практическом профсоюз учителей усиливал давление на законодателей, требуя повышения зарплат, улучшения бенефитов, а главное — гарантированной стабильности рабочих мест преподавателей. И успехи на этом фронте были весьма заметны.

Уволить учителя, достигшего статуса заветного теньюра (*tenure*), практически невозможно. «В штате Иллинойс между 1991 и 1997 годами из 100 тысяч учителей были уволены лишь 44. В Калифорнии за пятилетний период работу потеряли 62 человека из 220 тысяч.» [7] Даже учитель, совершивший уголовное преступление, может подать в суд за увольнение и получить шестизначную компенсацию от учебного округа. В штате Коннектикут заместитель директора школы в городе Хэмден был арестован в тот момент, когда он выходил из порнографического заведения, пьяный и одетый в женский наряд. Чтобы уволить его городу пришлось откупиться компенсацией в 200 тысяч долларов. [8]

Поддержка культа равенства в школьной системе со стороны политиков имеет свои причины: борьба за голоса избирателей и номинантов. На предвыборной конвенции Демократической партии в 1996 году каждый десятый кандидат был членом союза учителей. Труднее объяснить энтузиазм, с которым в том же направлении действует третья ветвь американского правительства — судебная. Она ведёт своё наступление под знаменем *равенства прав* различных индивидуумов. Бездарный или даже преступный педагог должен иметь такое же право на судебное разбирательство своего конфликта с администрацией, как и все остальные. Именно поэтому школьный округ часто предпочтёт откупиться от негодника, чем вступать в многолетнее и непредсказуемое юридическое крючкотворство.

Как ни парадоксально, та же тенденция прогрессирует и в плане *защиты прав ученика*. Сами понятия «лентяй» или «тупица» выброшены из словаря политической корректности. «Ученики рассматриваются как пассивные получатели хорошего или плохого образования... Если кто-то из них после двенадцати лет обучения стоимостью примерно 100 тысяч долларов на человека оканчивает школу полуграмотным и с весьма приблизительным знанием того общества, в котором ему предстоит жить, все дискуссии оставляют в стороне простой вариант, что данный ученик просто использовал школу как место для дурачества, организации уличных банд или даже торговли наркотиками». [9]

Известный философ Алвин Тоффлер в своей книге «Третья волна» справедливо отмечает, что школы индустриальной эпохи, вдобавок к курсам по математике, чтению и географии, в скрытом виде преподавали и ещё один важнейший предмет: дисциплину. Пунктуальность, послушание, готовность во время являться на рабочее место и выполнять рутинные операции — вот в каких тружениках прежде всего нуждались заводы, фабрики и шахты всех направлений. [10] И эта важнейшая скрытая программа находится сегодня в полном забвении.

В одной школе города Коламбуса (штат Огайо) учитель приказал нарушительно дисциплины удалиться из класса. Тот отказался. Учитель вызвал полицию, но хулиган и трое его приятелей оказали физическое сопротивление. Всех четверых на время исключили из школы, однако родители подали иск, и Верховный суд штата отменил исключение, постановив, что без судебного слушания оно считается антиконституционным. [11]

Чувствуя свою безнаказанность, школьники начинают охотно и изобретательно измываться над учителями. Голливудские фильмы про школу любят изображать героев-педагогов, мужественно противостоящих бандитизму подростков. Но и угрозы судебного преследования могут раздаваться из уст сошляков, ещё не умеющих писать. Второклассник в городе Монклер (штат Нью-Джерси), которого учитель попытался удержать от очередной шалости, ухватив его за руку, пригрозил ему позвонить в городской совет по делам семьи и молодежи и пожаловаться на «избиение». [12] Но, конечно, самым опасным и трудно опровержимым будет обвинение учителя в сексуальном домогательстве.

О, тут перед несовершеннолетним «истцом» открываются возможности истине бескрайние! В жаркий день учительница в классе расстегнула верхнюю пуговицу блузки — непристойное самообнажение. Показала фотографию «Давида» Микельанджело — использование порнографии. Учитель музыки поправил положение пальцев ученицы на клавишах — попытка изнасилования. Причём если даже суд откажется принимать вздорное обвинение, оно может безнадежно испортить репутацию преподавателя.

Родители, пытающиеся привить своим отпрыскам начала дисциплины, тоже должны быть готовы к тому, что те пригрозят им судебным преследованием. Тринадцатилетняя дочь наших знакомых недовольная тем, что её не пустили в кино, пригрозила папе и маме написать в штатный отдел защиты детей и описать, как сборища друзей в их квартире разрушают её детство, погружая в атмосферу алкоголя и курения. Добавила при этом, что её одноклассница уже проделала с родителями подобный трюк, и это стоило им большой нервотрёпки.

Школьные программы по истории подвергаются въедливому пересмотру и корректировке каждый год. Главные усилия благонамеренных реформаторов направлены на то, чтобы лишить ореола отцов-основателей Америки, представить их рабовладельцами, действовавшими исключительно в своих корыстных интересах, способ-

ствовавших изгнанию и геноциду индейцев, захвату чужих территорий, безжалостной эксплуатации иммигрантов.

Рядовые учителя не склонны отстаивать от «разоблачений» историков.

Моя дочь в десятом классе спросила меня:

– Папа, нам предложили написать эссе о каком-нибудь событии, связанном с внешней политикой США в 20-ом веке. Посоветуй.

Я рассказал ей о «воздушном мосте» по снабжению Западного Берлина, устроенном союзниками в 1948-1949 годах, когда Сталин попытался перекрыть доставку грузов двумиллионному населению по земле. Дочь увлеклась, нашла в библиотеке нужные книги и статьи, написала отличную работу на двадцать страниц. Учитель истории поставил ей пятёрку, но приписал на полях: «Наташа, ты должна была бы упомянуть, что проблемы Западного Берлина можно было бы избежать, если бы американское командование в своё время отдало приказ о взятии города ещё до того, как к нему подошла Красная армия. Берлин был укреплен очень слабо».

Возможно, учитель был плохо осведомлен и искренне заблуждался. Возможно, в книгах, которые он читал, не упоминалось, что немецкая столица была окружена тремя кольцами оборонительных укреплений, выстроенных с немецкой тщательностью. Что Сталин весной 1945 года потерял на взятии этой крепости больше миллиона солдат. Что Эйзенхауэр самым серьёзным образом обдумывал и обсуждал с советниками вариант марш-броска на последнее прибежище Гитлера и отказался от него, когда подсчёты разведки показали, что это будет стоить союзникам лишних сто тысяч убитых. Однако нет никакого сомнения в том, что истолковать данный эпизод военной истории как очередную промашку американского правительства было учителю по сердцу и соответствовало его леволиберальным убеждениям.

Цензура учебников осуществляется и школьными чиновниками, и самими издателями. Например, издательство «Мак-Гроу Хилл» имеет точные указания для редакторов, какой процент на фотографиях должен включать белых, чёрных, латинос и инвалидов. Другой крупный издатель запретил включить фотографию босоногого ребёнка в африканской деревне, потому что отсутствие обуви «может укрепить стереотипное представление о бедности в Африке». [13]

В отличие от европейских стран, понятие «классическая литература» не пользуется популярностью в Америке. Оно явно таит в себе опасное допущение иерархии, неравенства художественных дарований и свершений. Каждый преподаватель волен сам выбирать писателей и поэтов, которых он порекомендует ученикам для прочтения. Почему вдруг они должны тратить время на устаревших авторов вроде Фенимора Купера, Вашингтона Ирвинга, Германа Мелвилла, Натаниэля Готорна, Марка Твена, Джека Лондона, когда «Нью-Йорк Ревью оф Букс» каждую неделю публикует списки новых бестселлеров? Нелегко представить себе англичанина, не слыжавшего имён Байрона и Диккенса, француза — без Руссо и Бальзака, немца — без Гёте и Шиллера, россиянина — без Пушкина и Толстого. Для американца же единственной книгой, известной всем и каждому, остаётся Библия.

«Американцем можно сделаться за один день», — писал профессор Аллан Блум в своей знаменитой книге «Закрывание американского разума». В этом труде он подробно описывает, как, начиная с 1960-х, менялся характер студентов, приходивших к нему на первый урок после окончания школы. «Я спрашивал их, какие книги произвели на них сильное впечатление. Большинство отвечало молчанием. Вопрос явно вызывал растерянность... Они не представляли себе, что в печатном слове можно искать совета, вдохновения, радости. Не имея привычки читать хорошие книги, они поддаются нашей самой фатальной тенденции — вере в то, что важно только *здесь и сейчас*». [14]

Постепенно реформаторы школьного обучения начинали ощущать, что дорогой их сердцу культ равенства приходит в опасное противоречие с попытками любых улучшений. Ибо невозможно улучшить всех учеников и всех учителей *одновременно*. Вы неизбежно должны выделять, поддерживать, восхвалять *лучших*, чтобы остальным захотелось последовать их примеру. То есть признать и допустить *неравенство*. А в ситуации, когда из страха судебных исков становится невозможным исключить ученика-хулигана или уволить неспособного учителя, все попытки улучшающих реформ обречены на провал.

Учителям приходится тратить сотни часов написание отчётов о том, как и когда они выполняли правила работы, предписанные бюрократами в школьных округах. Апатия и чувство безнадежности постепенно делаются доминирующими в преподавательской среде. «Большинство учителей даже не пытается противодействовать нарушениям дисциплины. “Я знаю, что последует, — сказал один. — Родители наймут адвоката, и я буду выглядеть дурак-дураком.” “Я прихожу в школу каждый день, — говорила другая, — делаю всё, что положено, заполняю часы... Но не могу вкладывать душу в моё дело... В классах полно дремлющих учеников, положивших головы на парты». [15]

Научить читать, писать и считать можно каждого — и с этим американские школы худо-бедно справляются. Но задача воспитывать гражданина и патриота вычеркнута из школьной программы. Сама идея патриотизма явно идёт вразрез с пропагандой мультикультурализма. В одной школе в Калифорнии семиклассников заставили участвовать в трёхнедельной программе «быть мусульманином». Школьники должны были носить традиционную одежду мусульман, принять мусульманские имена, повторять мусульманские молитвы, учить Коран и даже инсценировать «священную войну джихад». [16]

Проповедники мультикультурализма не могут допустить еретическое предположение, будто какие-то страны и народы могут быть лучше, культурнее, свободнее других. Нет, под напором новых прогрессивных идей мы будем утверждать, что все верования и все обряды и все культуры имеют одинаковую ценность. Попытки, которым австралийские аборигены подвергают своих юношей при инициации в статус воина, медные кольца на шее женщин племени падуанг в Бирме, ампутация клитора у мусульманок, бинтование ступней у молодых китайок — всё это нормально. Каждый индивидуум имеет право выбрать себе по вкусу церковь, музыку, одежду, образ жизни.

Запрещается только осуждать другого индивидуума и мешать ему в достижении этих бесценных идеалов — равенства и свободы. Ну, а если он свободно выберет примкнуть к движению, ставящему своей целью уничтожить всех его слишком терпимых сограждан, и отправится воевать в рядах джихадистов в Ираке, Сирии, Йемене, Афганистане? Тогда мы попытаемся объяснить ему ошибочность такого выбора, но ни в коем случае не должны лишать его прав, гарантированных нашей конституцией, и уж конечно — права на суд присяжных.

(продолжение следует)

[1] Thomas Sowell. *Dismantling America* (New York: Basic Books, 2010), p. vii.

[2] Лев Толстой. Война и мир. Второй эпилог (Москва: Кушнерев и К°, 1911), 8-й том, стр. 401.

[3] Buchanan, Patrick J. *Suicide of a Superpower* (New York: St. Martin Press, 2011), p. 215.

Derbyshire, John. *We Are Doomed* (New York: Crown Forum, 2009), p. 102.

- [5] Buchanan, op. cit., p. 215.
- [6] Sowell, Thomas. *Dismantling America* (New York: Basic Books, 2010), p. 213.
- [7] Howard, Philip K. *The Death of Common Sense* (New York: Random House, 1995), p. 140.
- [8] Ibid., p. 163.
- [9] Sowell, op. cit., p. 207.
- [10] Toffler, Alvin. *The Third Wave* (New York: William Morrow & Co., 1980), p. 45.
- [11] Howard, op. cit., p. 112.
- [12] Howard, Philip K. *The Collapse of the Common Good* (New York: Ballantine Books, 2001), p. 97.
- [13] Sowell, Thomas. *Intellectuals and Society* (New York: Basic Books, 2010), p. 121.
- [14] Bloom, Allan. *The Closing of American Mind* (New York: Simon & Schuster, 1987), pp. 62, 64.
- [15] Howard, *Death*, op. cit., p. 81.
- [16] Derbyshire, op. cit., pp. 28-29.

Илья Корман

МОЛНИЯ И НОЖ

*Я призвал тебя, чтобы
ты показал мне нож,
который был у тебя.*
«Мастер и Маргарита»

Восемь и один

Булгаковский роман продолжает жить, жить сейчас, активно и *творяще*. Его читают (пусть не так массово, как хотелось бы), по нему ставят фильмы и спектакли, о нём пишут исследования. И есть ещё одно явление, о котором (и вокруг которого) мы хотим порассуждать. Как во сне Никанора Ивановича от бриллиантового кольца отскакивали разноцветные огни, так от булгаковского текста отскакивают и пускаются в полёт крылатые выражения и фразы.

Это явление зафиксировал «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» Вадима Серова: в нём приведены восемь таких выражений. Вот они, по алфавиту:

1. Аннушка уже разлила масло
2. Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?
3. Никогда и ничего не просите! Сами предложат и сами всё дадут
4. Осетрина второй свежести
5. Подумаешь, бином Ньютона!
6. Правду говорить легко и приятно
7. Рукописи не горят
8. Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!

Пять высказываний принадлежат Воланду, и по одному — буфетчику, Коровьеву и Иешуа. Все высказывания принадлежат героям, нет ни одного высказывания «от автора» (или, если угодно, «от правдивого повествователя»). Первое и третье высказывания сокращены и отредактированы — сравнительно с исходными.

Но самое интересное здесь — это *отсутствие* одного замечательного фрагмента, принадлежащего Мастеру: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в перулке, и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож!».

Этот фрагмент помнят все читатели романа, по своей популярности он достоин присоединиться к вышеприведённым восьми.

Правда, надо признать, что фрагмент сложен для дословного — устного! — воспроизведения — это с одной стороны. С другой — он высказан в форме «от первого лица» («нами», «нас»), то есть как бы *обращён, завёрнут внутрь себя* — в отличие от восьми словарных, обращённых вовне. А с третьей стороны, слишком уж он серьёзен и трагичен. Иешуа свою афористичную фразу произносит всерьёз, и верит тому, что говорит, но сейчас произнести эту фразу нельзя без некоторого иронического контекста. Выражение «Рукописи не горят» можно произносить и

воспринимать безо всякой иронии, но лишь в некотором возвышенно-переносном смысле, ибо «на самом деле» они очень даже горят. Фрагмент Мастера о любви произносится и воспринимается без всякой иронии и без всякого переносного смысла, но ... уж очень он трагичен. И это сравнение любви с убийцей в переулке ... воля ваша, но такой фрагмент стать крылатым — не может, не имеет права.

Что же касается сложности фрагмента, то, казалось бы, что за беда! Взять его и отредактировать (как поступлено с первым и третьим). Но фрагмент, как это ни странно, не поддается редактированию: он теряет выразительность (попробуйте сами!).

Удивительный фрагмент! Он резко отличается от восьми словарных:

1. сложнее их (в частности, содержит сравнение: *как ... так*);
2. от первого лица, т.е. «замкнут на себя», а те — обращены вовне;
3. тревожен и трагичен в своей выразительности — конечно, оттого, что в нём говорится об убийце и ноже.

Как пятый постулат Евклида, резко отличаюсь от прочих постулатов и аксиом, веками привлекал к себе внимание математиков, так и фрагмент, принадлежащий Мастеру, заслуживает обстоятельного разговора. Который мы начнём, выделив во фрагменте две (по отдельности) составляющие — те, что названы в заглавии.

Молния: путь сверху вниз

Кто, собственно, боится Вирджинии Вулф, то есть, простите — молнии? Или, точнее, грозы?

В Ершалаиме — пёс Банга: «радость в глазах пса означала, что кончилась гроза, единственное в мире, чего боялся бесстрашный пёс».

В Москве — пациент психиатрической клиники Иванушка: «Иван тихо плакал, сидя на кровати и глядя на мутную, кипящую в пузырях реку. При каждом ударе грома он жалобно вскрикивал и закрывал лицо руками...».

И это всё.

А ведь как картинно описывается гроза в Ершалаиме! «Лишь только дымное черное варево распарывал огонь, из крошечной тьмы взлетала вверх великая глыба храма со сверкающим чешуйчатым покровом. Но он угасал во мгновение, и храм погружался в темную бездну. Несколько раз он выскакивал из нее и опять проваливался, и каждый раз этот провал сопровождался грохотом катастрофы.

Другие трепетные мерцания вызывали из бездны противостоящий храму на западном холме дворец Ирода Великого, и страшные безглазые статуи взлетали к черному небу, простирая к нему руки. Но опять прятался небесный огонь, и тяжелые удары грома загоняли золотых идолов во тьму».

Очень впечатляюще, красиво, картинно ... но никого по-настоящему не пугает, кроме пса.

Кроме того, слово «молния» встречается в романе ещё и в переносном, «сниженном» смысле: срочная телеграмма. «Сверхмолния», «молниуйте» — кого могут испугать эти термины?

«Граждане! — вдруг рассердилась женщина, — расписывайтесь, а потом уж будете молчать сколько угодно! Я ведь молнии разношу». Когда-то молнии были грозным оружием Верховного Олимпийца, теперь же их разносит обыкновенная женщина — это её работа.

Больше того, в той же главе происходит избиение Варенухи, сопровождаемое молниями, причём происходит — в *уборной*: «... развернувшись, ударил Варенуху по уху так, что кепка слетела с головы администратора и бесследно исчезла в отверстии сиденья.

От удара толстяка вся уборная осветилась на мгновение трепетным светом, и в небе отозвался громовой удар. Потом еще раз сверкнуло, и перед администратором возник второй... Этот второй, будучи, очевидно, левой, съездил администратора по другому уху. В ответ опять-таки грохнуло в небе, и на деревянную крышу уборной обрушился ливень».

Короче говоря, происходит целенаправленное *снижение статуса молнии*. Теперь посмотрим, что происходит с ножом.

Нож: точильщик без работы

Здесь ситуация обратная: *статус ножа целенаправленно повышается*.

Во-первых, слово «нож» употребляется очень скупно и осмотрительно. Первые двенадцать глав вообще без него обходятся. Впервые оно появляется в тринадцатой главе, в рассказе Мастера, и именно в этом ставшем знаменитым фрагменте о любви, поражающей как молния и как нож.

В этой же главе оно появляется ещё раз, но как-то странно: «на уровне моего лица за окномцем обязательно чьи-нибудь грязные сапоги. Точильщик. Ну кому нужен точильщик в нашем доме? Что точить? Какие ножи?».

Что значит — какие? Бывают ножи садовые. Бывают — столовые, ведь готовит же Маргарита завтраки? Почему же Мастер заранее решает — за всех жителей дома! — что точильщик им не нужен?

Потому что статус ножа в романе сознательно, целенаправленно повышается. Если и встречается кухонный нож (например, в квартире Латунского), то используется он не по назначению, а как *орудие мести*: «Она била вазоны с фикусами в той комнате, где был рояль. Не окончив этого, возвращалась в спальню и *кухонным ножом резала простыни*, била застекленные фотографии».

И ещё в тридцатой главе: «— Отравитель, — успел еще крикнуть мастер. Он хотел схватить нож со стола, чтобы ударить Азазелло им, но рука его беспомощно соскользнула со скатерти...». Вот ведь есть же нож в подвальчике, есть! — а Мастер удивляется: какие, мол, ножи?

Во-вторых, все «случайные», несанкционированные посланцами Волада появления ножа — удаляются из московской бытовой сферы (если они там вообще имели место). Ложки и вилки остаются, а нож — удаляется. Вот глава «Было дело в Грибоедове»: «Сидящие за столиками стали приподниматься и всматриваться и увидели, что вместе с огонечком шествует к ресторану белое привидение. Когда оно приблизилось к самому трельяжу, все как заостенели за столиками с кусками стерлядки на *вилках* и вытаращив глаза».

Глава «Нехорошая квартира»: «жутких размеров черный кот со стопкой водки в одной лапе и *вилкой*, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой».

Глава «Коровьевские шутки»: «Никанор Иванович налил лафитничек, выпил, налил второй, выпил, подхватил на *вилку* три куса селедки...».

И чуть дальше: «Супруга побежала в переднюю, а Никанор Иванович разливательной *ложкой* поволок из огнедышащего озера — ее, кость, треснувшую вдоль»...

«На обеденном столе что-то стукнуло (это Никанор Иванович уронил *ложку* на клеенку)».

Глава «Сон Никанора Ивановича»: «Тут зал осветился ярко, и Никанору Ивановичу стало снится, что из всех дверей в него посыпались повара в белых колпаках и с различными *ложками* в руках».

В главе «Полет»: «Обе ссорящиеся повернулись на голос и замерли с *грязными ложками* в руках».

Если же в московских сценах нож всё-таки появляется, то непременно в присутствии посланцев Воланда. Например, в главе «Неудачливые визитеры»: «На его зов в переднюю выбежал маленький, прихрамывающий, обтянутый черным трико, с *ножом*, засунутым за кожаный пояс, рыжий, с желтым клыком, с бельмом на левом глазу».

Или в главе «Последние похождения Коровьева и Бегемота»: «Острейшим *ножом*, очень похожим на *нож*, украденный Левием Матвеем, он снимал с жирной плачущей розовой лососины ее похожую на змеиную с серебристым отливом шкуру». И: «Продавцы за рыбным прилавком как окаменели со своими *ножами* в руках...».

Нож — «острейший», магазин — валютный... Иными словами, речь идёт о ножах экстра-класса, а не о «каких-то» ножах, представляющих интерес для точильщика с «грязными сапогами».

И, наконец, глава «Пора! Пора!», где отравленный мастер пытается «схватить нож со стола, чтобы ударить Азazelло им».

Может показаться, что нож в квартире Латунского выпадает из этого ряда: ведь в квартире нет посланцев Воланда. Однако там есть Маргарита, ставшая ведьмой, будущая хозяйка великого бала у сатаны.

Подведём итог. Слово «нож» впервые появляется в 13-й главе. Его произносит Мастер — сам недавно появившийся в этой же главе. Вскоре, говоря о точильщике «в грязных сапогах», Мастер как бы даёт понять, что в Москве бытового применения ножей — не будет.

Нож в Москве сможет появиться только в присутствии посланцев того света, а также «примкнувшей к ним» Маргариты. Ножи удаляют из текста, «чтобы они не затупились».

Ложки могут себе позволить быть грязными (как в главе «Полет»), а ножи — не могут. Ибо они предназначены для «высокой цели»: *для мести*. Их берегут для однократного решительного применения — *для убийства Иуды*.

Отметим, что ножи экстра-класса в валютном магазине — появляются лишь в 28-й главе; нож, которым умирающий Мастер не сумел ударить Азazelло — и вовсе в 30-й. То есть эти ножи появляются лишь *после* убийства Иуды в 26-й главе (однако всё ещё в присутствии посланцев Воланда).

Применение Маргаритой ножа для мести Латунскому (разгром его квартиры) можно рассматривать, как *репетицию* мести Иуде. Так же, как прощение Маргаритой Фриды есть репетиция прощения Мастером Пилата («Прощение и вечный приют»).

Теперь присмотримся к тому, как ведут себя ножи в ершалаимских главах.

Плащи прокуратора

Первый плащ помнят все читатели романа — знаменитый «белый плащ с кровавым подбоем». Второй плащ — багряного цвета, в него передевается Аффраний после грозы: «Боги! — воскликнул Пилат, — да ведь на вас нет сухой нитки! Каков ураган? А? Прошу вас немедленно пройти ко мне. Переоденьтесь, сделайте мне одолжение».

«Пройти ко мне», – то есть, в отведённые Пилату помещения дворца Ирода. Там, в этих «пилатовских» комнатах, и нашёлся для гостя «сухой багряный военный плащ» – до того бывший, очевидно, собственностью прокуратора. В этом плаще гость и покинул дворец, отправившись «принимать все меры к охране Иуды из Кириафа».

Но перед уходом гость что-то спрятал под плащом, какой-то предмет: «Тут Пилат обернулся, поднял плащ, лежащий на кресле сзади него, вынул из-под него кожаный мешок и протянул его гостю. Тот поклонился, принимая его, и спрятал под плащ».

Мешок с деньгами извлекается из-под одного прокураторского плаща — и тут же скрывается под другим.

Стало быть, второй плащ, багряный, и третий, неизвестного цвета (говоря «второй», «третий» – мы имеем в виду очерёдность их появления в тексте), умеют скрывать, прятать что-то от посторонних глаз. Собственно, это и есть их главная (если не единственная) романная функция. Это, а не защита от капризов погоды, от грозы: в защитной функции им не приходится выступать.

Хорошо. Ну, а главный-то плащ, который на прокураторе — он-то ведь ничего не скрывает?

Ну, как сказать... «Примерно в полночь сон наконец сжалился над игемоном. Судорожно зевнув, прокуратор расстегнул и сбросил плащ, снял опоясывающий рубаху ремень с широким стальным ножом в ножнах, положил его в кресло у ложа...».

Вот оно как!

Это какой же плащ игемон расстегнул и сбросил?

Всего возможны четыре варианта сочетания плаща и ножа:

1. Весь день, с утра и до полуночи, на прокураторе один и тот же плащ (белый с кровавым подбоем), а под плащом всё это время — нож в ножнах.
2. Плащ весь день всё тот же (белый с подбоем), а вот ножа утром не было: прокуратор надел его перед грозой.
3. Плащ с утра — белый с подбоем, потом — какой-то другой; а ножны с ножом весь день неизменно прицеплены к поясу.
4. Плащ с утра — белый с подбоем, потом — какой-то другой; ножа утром не было — появившись, он прячется под другим плащом.

Рассмотрим первый и третий варианты.

Когда ранним утром прокуратор вышел в крытую колоннаду дворца, под его плащом прятался нож. Когда прокуратор допрашивал странного арестанта, когда говорил с Каифой (в частности, угрожал ему: «Побереги себя, первосвященник»), когда отдавал Афранию зашифрованный приказ об убийстве Иуды (употребляя слово *зарезут*), – всё это время под плащом был нож.

Любопытная получается картина «плаща и кинжала!»

Спасибо неправке

Но ещё более любопытную картину мы находим после пробуждения Пилата.

Когда Марк Крысобой приходит будить игемона, он видит на кресле ножны с ножом? — Видимо, да.

А затем входит Афраний — и видит прокуратора в рубахе без пояса (рас-ХРИСТанного!), а на кресле тот самый пояс с ножом? и беседа (кстати, весьма про-

должительная) ведётся «в присутствии ножен и ножа», причём собеседники их как бы не видят? — Похоже, что так.

И Левий Матвей тоже видит расхристанного прокуратора и заманчивые ножны с ножом? — Да, и Левий тоже.

А ведь Левий считает игемона виновником смерти Иешуа. Что, если оборванец изловчится и выхватит нож?

Говорит Пилат: «Я призвал тебя, чтобы ты показал мне нож, который был у тебя». Нет, не для этого призвал Пилат бывшего сборщика податей!

Говорит Левий Матвей: «Чтобы веревки перерезать». Нет, он украл нож не ради верёвок, а чтобы заколоть Иешуа!

Когда речь заходит о ноже, оба собеседника говорят неправду (и сами этого не замечают), оба скрывают свои подлинные намерения.

Проще всего сослаться на то, что вторая часть романа не подверглась авторской правке — отсюда, мол, и этот излишний нож. Да, авторской правки не было. И *благодаря этому* мы видим тайные силовые линии романа, которые авторская правка сумела бы, вероятно, скрыть. И вряд ли будет большой ошибкой сказать, что нож — идея ножа — идея резать Иуду ножом (если уж нельзя добраться до Каифы) — это идея-фикс булгаковского романа.

Мотив убийства Иуды возникает очень рано, уже во второй главе, почти сразу после появления в тексте имени Иуды: « — Добрый человек? — спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах» <...> «Светильники зажгёт... — сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали».

Пилат ещё и сам не знает, что Иуда уже приговорён к смерти, ему об этом сообщает чуткий и бесхитростный арестант: «Я вижу, что совершилась какая-то беда из-за того, что я говорил с этим юношей из Кириафа. У меня, игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне его очень жаль».

Но скоро, очень скоро Пилат всё поймёт; и всё то, что из этого понимания следует — сделает.

И ещё одно замечание. Девятнадцать веков просидел Пилат в каменном кресле на площадке среди гор — пока не пришло прощение. «Человек в белом плаще с кровавым подбоем поднялся с кресла и что-то прокричал хриплым, сорванным голосом... вслед за своим верным стражем по лунной дороге стремительно побежал и он». И что же — девятнадцать веков под плащом скрывался нож?

Формула и её прочтение

Почему убийц, зарезавших Иуду — двое?

Этот тревожный вопрос может показаться странным и неуместным. Ну как почему? — Потому, что этого требует техника убийства... его механика, если угодно. Один спереди, другой сзади... чтобы, значит, никуда ему не деться...

Да, конечно: механика убийства под открытым небом — требует двух исполнителей.

Но есть ещё одна причина, можно её назвать метафизической.

В Москве любовь поразила *двоих*, и поразила *двояко* (как молния и как нож). Это можно записать формулой:

$$1 \rightarrow 2$$

А под Ершалаимом злосчастная любовь Иуды сама становится жертвой поражения. Её поражают *двое*.

Причём их даже можно идентифицировать. У первого, «что был впереди», в руке «что-то блеснуло» — «и тотчас потухло»: *нож*. Этот, «что был впереди» — он не только первый, но и главный. Это он выяснил, сколько денег получил Иуда, он

«выхватил из рук Иуды кошель», и это он нанёс заключительный и смертельный удар — в сердце.

«Зато» удар второго — как удар молнии: «И в тот же миг за спиной у Иуды взлетел нож, *как молния*, и ударил влюбленного под лопатку».

Итак, можно идентифицировать: первый, «что был впереди» — это *нож*; второй, который сзади — *молния*.

Второй-молния ударяет первым. Это соответствует тому, что в рассказе Мастера молния предшествует ножу: «Так поражает молния, так поражает финский нож!»).

Таким образом, в случае с Иудой вышеприведённую формулу следует «читать справа налево»:

1 ← 2

Как видим, у нашего фрагмента богатая корневая система, он питается соками булгаковского романа, он — плоть от плоти его и, казалось бы, ничем не уступает тем восьми (а во многом и превосходит), но не быть ему «крылатым» — каинова печать убийства твёрдо держит его в стороне и не даёт взлететь.

Но зато, «если его пошевелить», за ним откроется целый мир, («новая геометрия» плаща и ножа, например), и потому сравнение его с пятым постулатом — вполне оправданно.

Михаил Давидзон

БЕСЦЕННЫЙ ДАР

Борис Гасс. «Люблю товарищей моих»*

Ценны письма, напоминающие жемчужины, рассыпанные по книжным страницам.

Они составляют сердцевину книги, сохраняя живые голоса великих мастеров — поэтов, прозаиков, художников. Эта поистине уникальная возможность их услышать, предоставленная писателем и переводчиком Борисом Гассом, бывшим заместителем главного редактора республиканского журнала «Литературная Грузия», воспринимается сегодня как бесценный дар для потомков. С таким же благоговением и благодарностью люди слушают пластинки с записями оперных арий Федора Шаляпина, смотрят документальные кинокадры, запечатлевшие выступления Владимира Маяковского, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Соломона Михоэлса, Фаины Раневской, Ираклия Андроникова и других выдающихся представителей своей эпохи.

На обложке книги воспроизведен портрет Бориса Гасса работы Анатолия Зверева

На оборотной стороне обложки фото Беллы Ахмадулиной с дарственной надписью: «Боба, милый мой! Меня не забывай. Ни за что. Белла».

И приведено стихотворение Б. Ахмадулиной:

В грехах неграмотных, не каюсь,
Тем, кто явился мне вчера,
Моё печальное *нахвамдис* —
Сказать и страшно, и пора.
Сгущается темнот чащоба.
Светильник дружества погас.
С поклажей: «Боба, *гамарджоба*», —
В чужбину канул Боба Гасс.

Поэтому и книга «Люблю товарищей моих», переизданная с указанием на то, что это расширенный и переработанный вариант первичного издания «Задуй во мне свечу», «обогащенный» рассказами о встречах с героями первой книги уже на Земле Израиля», напоминает литературный музей, где собрано никому не известное эпистолярное творческое наследие самых именитых российско-грузинских советских писателей и властителей дум второй половины двадцатого века. Настоящая антология уникальных писем, которые могли остаться в забвении, исчезнуть!

* Издательство «Книга-Сефер», Израиль, 2012 г.

Когда-то Борис Гасс признавался читателям: «Обычно воспоминания пишутся на склоне лет, а мне всего лишь пятьдесят. Из них четыре года я жестоко подавлял в себе желание описать встречи с дорогими моему сердцу людьми, считая, что срок не подошел. А вот совсем недавно понял: мы, евреи из России, счастливые люди — Бог одарил нас возможностью прожить две жизни за одну. И эта догадка развязала мне руки». Эти строки были написаны более тридцати лет назад, уже в Израиле, стало быть, в то время их автор впервые ощутил не только настоящую свободу своего слова, но и право на публикацию адресованных ему личных и, откровенных писем, несомненно, представляющих общественный интерес. Судите сами.

«...В Москве началось что-то грузинское и захватывающее — снега нет, солнце сияет, из-под земли все вылезает так трогательно. И я в белом пальто, таком красивом, что чуть не плачу, хожу. Какая странная история происходит со мной. Запахнет свежим воздухом — вспоминаю Грузию, а уж весной я просто в Грузии тону, улыбаюсь и нашептываю ваши дикие и любимые созвучия. Нет без вас житья, слава Богу! Хожу на рынок и умиленно поглядываю за грузином, который чем-то торгует. Он не очень, правда, удачен, но ведь в нем где-то, в его корыстном животе, спят те слова, песни, способы грузинской речи ... Ваша Белла».

Это строки из трогательного письма Беллы Ахмадулиной. Кто про них знает, кроме самого Бориса Гасса?

Белла Ахмадулина и Борис Гасс в Израиле

Ценны переданные автором детали литературной атмосферы Грузии, описанные сюжеты, рожденные экспромтом афоризмы героев воспоминаний, приключения, забавы, дружеские попойки, колоритны характеры. Впечатления личностны не засмны, а потому и неповторимы, и, не побоюсь сравнения, ароматны, как ароматна и сама страна, которой не устает восхищаться Борис Гасс. Читатель, пони-

19 марта 1967

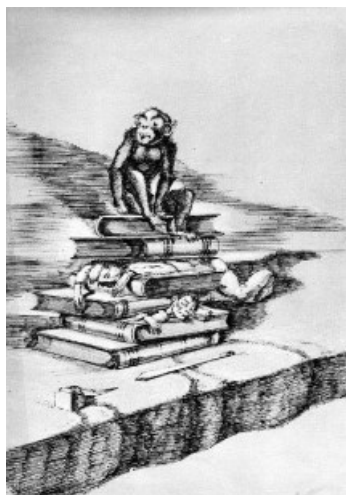
Приветствую, а не знаю, насколько тебе понравится —
все то описанное, но почти забытое ... Писало
и три десятилетия и полагало. Спасибо.
И а благодарю редакцию за объявление
публикации, и отдало г-ву Маргелю —
мне за статью.
Жалею, что в течение много лет
это письмо было в зачатках, если б
в заране нашли меня или Кард-
филсо (редактор жила, которая никак
не могла бы быть),
Мей и Валерия Тарнопольский?
и Мещеряков? В последний момент в
Третье от меня в кино в Израиле,
своими силами с Тарнопольским — моя
красно замечено! ... Очень важно, но забыл
прислать еще и своего мужа и детей.
Точнее и того не помню. Надежда Ахмадулина

Письмо Н.Я. Мандельштам
Борису Гассу

мающий, о ком и о чем идет речь, обязательно не только попадет под обаяние героев его книги, но и ощутит особую интонацию писем и разговоров, по которым можно узнать разных людей, подкупающую искренность любви самого автора к природе и красоте древней Иверии.

Д. Давыдов, Б. Ахмадулина, М. Гасс, Ю. Нагибин, Б. Гасс

Ладо Гудиашвили. Цензура

Ценны заполненные многоточия между именами. Больше всего и с преклонением о Белле Ахмадулиной, о художнике Ладо Гудиашвили (представлены иллюстрации его картин «Амадео Модильяни в «Ротонде», «Маски», портреты Бориса Пастернака), на равных, с чувством дружеского мужского расположения о Евгении Евтушенко, Василии Аксенове, Юрии Нагибине, Павле Ангокольском, Ираклии Абашидзе, Булате Окуджаве, Давиде Маркише, о коллегах по журналу «Литературная Грузия» и грузинских литераторах.

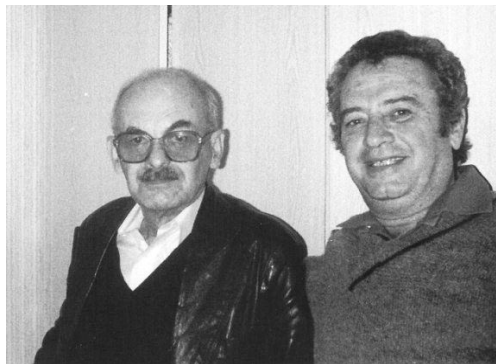
Местная тематика переплетается с рассказами об израильских писателях, которые опекали Бориса Гасса с первых же дней его пребывания в еврейской стране: *«На каждом шагу я ощущал подставленное плечо и локоть Арье Ахарони, Марка Кипниса, Миши Вайнштейна, Цви Офера, Бен-Цви Томера, Саввы Дудакова, Фаины Баазовой, Шломо Эвен-Шошана, Шуламит Шалит и, конечно, семьи Маркиш. А на старости лет и нового товарища Саши Канцедикаса, который уговорил меня засесть за книгу воспоминаний об израильских встречах |с давними друзьями. Земной им всем поклон! Заводская пенсия плюс социальная страховка позволили мне вернуться к любимому занятию. Гуляя вдоль моря, которое нашептывало слова Бориса Пастернака: "Как поэт, отъехал и отдумав, ты забвенья ищешь в ходьбе", я сочинял новую книгу, в душе называя ее завещанием, исповедью».*

Ценны ощущения и мысли друзей Бориса Гасса, которых он принимал у себя уже в качестве израильтянина, в другой стране. Изменилось ли их отношение к своему литературному собрату после того, как он совершил, по его словам, «па-

ломничество к святым местам без обратного билета)? Отказался от благополучной жизни, переломил судьбу, обрел для себя новый путь, связанный с национальной идеей. Как тут не упомянуть, продолжая тему, про еще одну жемчужину из книги «Люблю товарищей моих», которая многое объясняет в жизни всенародно любимого барда, поэта и писателя Булата Окуджавы? Борис Гасс вспоминает, как Оля, жена Булата Окуджавы, после посещения Крестового монастыря в Иерусалиме рассказала, как однажды, роаясь в семейном архиве, Булат обнаружил, что его дед был еврейского происхождения, а женившись, переехал в Тбилиси. Булат, недолго думая, поведал об этом своему приятелю и соседу поэту Юрию Левитанскому. А тот нарочито скорчив гримасу, процедил сквозь зубы: «Ах ты, жидовская морда».

Может, следует пояснить, что и сам Левитанский был иудеем.

Есть книги, которые не нуждаются в рецензировании, если иметь в виду критический к ним подход. Такова и книга Бориса Гасса «Люблю товарищей моих». Она выстроена по движению времени и зову сердца, написана хорошим литературным языком, насыщена интереснейшими подробностями личного общения автора с персонажами его сюжетов, снабжена иллюстрациями подлинных писем, адресованных ему лично.

Б. Окуджава и Б. Гасс

воображения, даже если все взято из расшифровки дневниковых записей. Но именно фантазия и служит доказательством того, что перед нами прекрасная проза. В любом случае читать записки так же увлекательно, как и слушать собеседника, владеющего устным мастерством рассказа. Хочу заметить, что воспоминания о дружеских застольях и хмельных пирушках, которые являются своеобразным орнаментом книги Бориса Гасса «Люблю товарищей моих», лишь украшают страницы его воспоминаний.

Дорогой Булат.
 Это удивительно — получил сразу
 письмо с такими речевками и восторгом!
 Спасибо тебе.
 Внимал твои пожелания, я знаю
 те мечты, твои руки гессовы.
 Хрен с тобой, закройай.
 Этим скажи, что ушел все
 хорошо.
 Будь счастливым.
 Еще раз спасибо тебе
 О. Окуджавы
 Булат

Письмо Б. Окуджавы Б. Гассу

Но если все-таки говорить о ее жанре, то это скорее всего записки. Сколько в них фантазии? Об этом знает только сам Борис Гасс. Понятно, что невозможно запомнить каждый эпизод, сценку, диалог или слово. Это область авторского

Евгений Евтушенко

Письмо Боре Гассу

Когда уехал Боря Гасс в Израиль,
никто не плюнул мстительно вослед,
никто его презреньем не изранил —
ему такой отрохали банкет!

Собою оставайся, Сакартело!
Собою оставайся, Боря Гасс!
Ничья душа еще не помертвела,
пока он сам душою не погас.

Взошло шестидесятников созвездье
над угасающим СССР,
и показалось будущего вестью,
но, к сожаленью, общий фон был сер.

Все радостно спешили начитаться,
но разве изменить все вдруг могли
Булат, и Белла, и Отар Чиладзе —
звездинки над огромностью земли?

И мне сказал Маргвелашвили Гия:
«Власть слова — это будущего власть,
и поколения вырастут другие
не из кого-то — все-таки из вас!»

Антигрузинство или антирусскость
постыдны — в этом будущего нет,
и присоединиться к злобе — трусость,
и тот, кто пал до злобы, — не поэт

Мне страшно в жизни Грузии лишиться.
Я буду помнить до скончанья дней
ее посла — Зураба Абашидзе
на похоронах матери моей.

Тбилиси — рядом, да вот не добраться.
Вчера Котэ приснился мне во сне.
Во мне еще живут Ладо, Думбадзе
и все могилы Грузии во мне.

Все виноваты мы. Нам всем наука.
Лишь человечность и спасет нам честь.
Неужто мы оставим нашим внукам
единственным наследством — только месть?

16 июня 2012

Расширенная версия. Первоначальный вариант статьи опубликован в газете «Вести» (приложение «Окна», 31 января 2013 года.

Журнал «Семь искусств» № 1 (59) /2015 — Ганновер:
Семь искусств. 2015. — 587 с., 42,0 а.л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
Компьютерная верстка: Марина Жукова

Семь искусств
Ганновер 2015

Семь свободных искусств - основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно.

Аристотель. "Политика"

